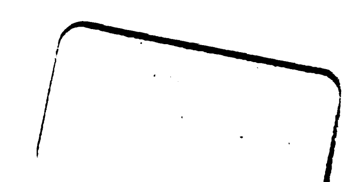
THE SLAVIC COLLECTION



ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ

И

ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

═

КНИГА 15-я.

═

МОСКВА.

1852

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

(Всѣ цѣны означены на серебро.)

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 Частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ Части, кромѣ 1-й, по 40 к., за каждую; за перес. по 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ, *Часть первая,*—16 статей историческаго содерж. М. 1815 г.; Ц. 30 к., пер. за 2 ф.—*Часть вторая,* Памятники древняго Русскаго Права (Русская Правда); Д. Н. *Дубенскаго.* М. 1843 г. Ц. 75 к., пер. за 2 ф. — *Часть третья,* Слово о Плъку Игоревѣ, Д. Н. *Дубенскаго.* М. 1844 г. Цѣна 75 к., пер. за 2 ф.

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРОВА, по древнѣйшему списку мниха Лаврентія, изд. Проф. Р. Ѳ. *Тимковскаго*, прерывающаяся 1019 г. М. 1824 г. Ц. 30 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ Густава Эверса для Россійской Исторіи; пер. съ Нѣм. М. П. *Погодина.* М. 1826 г. Ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА. Сочиненіе Петра *Кёппена;* переводъ *Срѣдняго-Камашева.* М. 1828 г. Цѣна 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ. Соч. *Барона Розенкампфа.* М. 1829 г. Цѣна 1 руб., пересылка за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА, *находящіяся въ Новогородскомъ Софійскомъ Соборѣ.* Описаны и объяснены Ѳ. *Аделунгомъ*, съ Нѣмецкаго перевелъ П. *Артемовъ.* М. 1834 г. Цѣна 1 р. 75 к., пересылка за 3 ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Князя М. А. *Оболенскаго.* М. 1836 г. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. П. *Погодинымъ.* М. 1837 г. Ц. 1 р., перес. 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ. *Редакторъ Профессоръ Погодинъ.* М. 1837—1846 г. 7 Томовъ. Цѣна за каждый Томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, *въ трехъ томахъ,* заключающихъ въ себѣ болѣе 240 печатныхъ листовъ. М. 1838 — 1843 г., соч. Н. С. *Арцыбышева.* Цѣна за 1 и 2-й томы 10 р., за перес. за 8 ф.; за 3-й томъ 3 р., перес. за 5 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, *въ двухъ томахъ,* изданныхъ подъ редакціею: Князя М. А. *Оболенскаго*, И. Н. *Даниловича*, М. П. *Погодина* и Д. Н. *Дубенскаго.* М. 1843 г. Цѣна 2 р., за пер. на 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червоной или ГАЛИЦКОЙ РУСИ (отъ водворенія Христіанства при Князьяхъ поколѣнія Владиміра Великаго до конца XV столѣтія), соч. Дениса *Зубрицкаго;* пер. съ Польскаго *О. Бодянскаго.* М. 1845 г., Цѣна 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, глаголемая БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукописямъ и 2 печат. книгамъ *Г. И. Спасскимъ.* М. 1846 г. Цѣна 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ; историч. изслѣдованіе *И. Д. Бѣляева.* М. 1846 г. Цѣна 50 коп., вѣсов. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. *Строевымъ*; со снимкомъ съ 1-го листа *Правды Русской* (Устава Ярослава), изъ Сборника на пергаменѣ, писанн. въ исходѣ XIV вѣка. М. 1845 г. Цѣна 1 р. 43 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ и ЛЕКЦІИ М. Погодина о Русской Исторіи. М. 1846 г., *томы*: 1, 2 и 3-й. Цѣна 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ или МАЛОЙ РОССІИ, Арх. *Г. Конисскаго.* М. 1846. 3 р. пер. 3 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. *А. Ригельмана*, съ 19 рисунк. М. 1846 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. *А. Ригельмана*, съ 30 рисунк. М. 1847 г. Ц. 3 р., пер. за 4 ф.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, *В. Татищева*, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г. Ц. 2 р., пересылка за 4 фунта.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ

И

ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 27-го дня 1852 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

РУСЬ

ВЪ

ПЕРВЫЯ СТО ЛѢТЪ

ОТЪ ПРИБЫТІЯ

РЮРИКА ВЪ НОВГОРОДЪ.

Древнѣйшій нашъ лѣтописецъ Несторъ говоритъ, что Русскіе Князья братья прибывшіе къ Новгородцамъ, какъ мы уже упоминали, поселились Рюрикъ въ Ладогѣ, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, Труворъ въ Изборскѣ; и потомъ продолжаетъ, что черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли, и Рюрикъ, принявъ всю власть, одинъ владѣлъ Новгородскою страною, и роздалъ своимъ мужамъ города: кому Ростовъ, кому Полоцкъ, кому Бѣлоозеро, кому Муромъ. «По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прія власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницы Варязи; а перьвіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаша Рюрикъ.» [1] Это извѣстіе Нестора прежде всего свидѣтельствуетъ, что непосредственная власть Рюрика и его братьевъ была распространена не на всю Новгородскую область: они владѣли только Ладогою, Ростовомъ, Бѣлымъ озеромъ, Муромомъ, Полоцкомъ и Изборскомъ; Новгородъ же собственно, Псковъ, Старая Руса и другіе города и владѣнія Новгородскія, о которыхъ мы упоминали вы-

[1] Полн. соб. Рус. лѣт. Т. I. стр. 9.

ше, по сему свидѣтельству не входили въ составъ непосредственныхъ владѣній Рюрика и его братьевъ, въ нихъ правленіе оставалось въ рукахъ Новгородскихъ мужей, князья же пользовались только нѣкоторыми доходами предоставленными отъ народа имъ, какъ верховнымъ властителямъ, отъ имени которыхъ производились судъ и разправа по всей Новгородской землѣ. Князья или ихъ мужи для полученія сихъ доходовъ, и для чиненія суда и разправы ѣздили по симъ областямъ въ опредѣленное время; точно также какъ это дѣлалось въ Скандинавіи, о чемъ мы уже говорили выше, и представили тамъ свидѣтельство изъ саги Гейдрека,[2] и чему еще имѣемъ свидѣтельства въ сагѣ Олава Тригвесона, и въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ. Такъ сага Олава, писанная Оддомъ, говоритъ объ Олавовомъ дядѣ Сигурдѣ, что онъ у Владимира Новгородскаго былъ въ столь великой силѣ, что имѣлъ отъ него большія владѣнія и управлялъ обширною областію, и часто назначался для того, чтобы ѣздить по разнымъ областямъ для отправленія княжескаго суда и сбора княжескихъ доходовъ.»[3] Это свидѣтельство ясно говоритъ за одно съ Несторомъ, что не всѣ Новгородскія области были въ непосредственной власти Князя и его мужей; но что въ иныя области только временно посылались княжіе мужи для отправленія суда и разправы, и для сбора княжескихъ доходовъ сопряженныхъ съ судомъ и разправою. Тоже подтверждаютъ и Новгородскія грамоты, въ которыхъ Князьямъ и ихъ мужамъ прямо назначаются извѣстные города. Такъ въ договорной грамотѣ Новгорода съ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 года сказано: «на семъ ти, Княже хрестъ цѣловати; на цѣмъ то цѣловали дѣди и отецъ твой Ярославъ. Держати ти Новгородъ по пошлинѣ, какъ держалъ отецъ твой. Грамотъ ти Княже не посужати; а мужа ти безъ вины волости нелишати; а безъ посадника ти, Княже, волостій не раздавати, ни грамотъ даяти. А волостій ти, Княже. Новгородьскыхъ своими мужи недержати, нъ держати мужи Новгородьскыми; а даръ отъ тѣхъ волостій имати. А се волости Новгородьскые: Волокъ со всѣми волостьми. А держати ти свой тіунъ на половинѣ, а Новгородець на половинѣ въ всей волости Волоцьской; а

[2] Antiq. Russ. стр. 192.

[3] Sigurdus tantum apud regem valebat, et amplas ab eo possessiones magnamque provinciam administramdam acciperet, et constitueretur, qui causas regias dijudicaret, et vectigalia regia ex multis pagis exigeret. (Antiq. Russ. стр. 417.)

въ Торжку, Княже, держати тивунъ на своей части, а Новгородець на своей части. А се волости Новгородьскые: Бежиче, Городець, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости держати мужи Новгородьскыми, а даръ отъ нихъ имати. А на озвадо ти, Княже, ездити лѣтѣ звери гонить, а въ Русу неѣхати; ехати ти въ Русу на третиюю зиму, а въ Ладогу, Княже, ехати на третиое лѣто.... А куды пошло судiи твоему ездити по волости, ехати имъ межень по Петровѣ дни.... А дворяномъ твоимъ, Княже, ходити по пошлинѣ, какъ пошло изперва.... А за волокъ ти своего мужа не слати, слати Новгородца.»[4] Двойное свидѣтетельство Скандинавскихъ сагъ и Новгородскихъ оффицiальныхъ грамотъ прямо и ясно говоритъ, что въ Новгородскомъ краю, хотя власть княжеская признавалась по всѣмъ владѣнiямъ, но непосредственно Князь и его мужи владѣли только нѣкоторыми городами и волостьми, въ другихъ же городахъ и волостяхъ владѣли мужи Новгородскiе, Князь же пользовался съ нихъ только доходами какъ верховный судья, и нѣкоторою условленною данью какъ Государь всей Новгородской земли, которая дань въ грамотѣ даже не названа данью, а даромъ: «а ты волости держати мужи Новгородьскыми, а даръ отъ нихъ имати. Конечно свидѣтельство грамоты относится къ XIII столѣтiю, слѣдовательно ровно четырьмя вѣками позднѣе приглашенiя Рюрика въ Новгородъ; но это нимало немѣшаетъ намъ пользоваться симъ свидѣтельствомъ, ибо оно вполнѣ согласно и съ извѣстiемъ Нестора и съ Скандинавскими сагами; согласiе грамоты съ Несторомъ простирается до того, что въ томъ и другомъ памятникѣ изключался изъ непосредственной Княжеской власти именно одинъ край; Несторъ въ числѣ областей розданныхъ Рюриковымъ мужамъ не упоминаетъ о Волокѣ, (который, какъ мы видѣли выше, уже принадлежалъ тогда Новгороду[5]) и грамота прямо говоритъ: «а за Волокъ ти своего мужа неслати, слати Новгородьца» Несторъ не упоминаетъ въ томъ же числѣ, ни Перьми, ни Югры ни Печеры, (хотя при самомъ началѣ своей лѣтописи называетъ ихъ уже даньниками Рускими[6]) и грамота говоритъ: «а се волости Новгородьскые: Бежиче, Городець, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости дьржати мужи Новгородьскы-

---

[4] Собр. Г. Гр. и Дог. Т. I. № 2. и другiя.
[5] Времен. кп. VIII. отд. I. стр. 89.
[6] Пол. соб. Р. лѣт. Т. I. стр. 5.

ми.» Это полное согласіе грамоты съ Несторовою лѣтописью даже въ частностяхъ даетъ намъ полное право принимать ее свидѣтельство наровнѣ съ Несторовымъ, хотя оно й позднѣе четырмя вѣками. Притомъ же въ грамотѣ прямо сказано, что условія ея небыли какимъ либо нововведеніемъ но шли изъ глубокой старины, грамота говоритъ: «на семъ ти, княже, хрестъ цѣловати; на цѣмъ ти цѣловали дѣди и отецъ твой Ярославъ.» Такимъ образомъ Несторъ объясненный сагами и Новгородскими договорными грамотами, въ своемъ сжатомъ и простомъ разсказѣ является до того вѣренъ излагаемому имъ предмету, до того опредѣлененъ и полонъ въ своихъ выраженіяхъ, что мы къ его разсказу неможемъ прибавить ни одного слова, не имѣемъ права допустить ни одного дополненія. Слѣдовательно Варяги Русь пришедшіе съ Рюрикомъ и его братьями получили отъ Новгородцовъ именно только тѣ города и волости, о которыхъ упоминаетъ Несторъ, и что сіи города и волости получены Рюрикомъ и его братьями именно отъ Новгородцовъ, а небыли завоеваны Варягами; ибо Несторъ нигдѣ неговоритъ, чтобы Рюрикъ и его братья вели войны съ тѣми племенами, города которыхъ Рюрикъ по смерти братьевъ роздалъ своимъ мужамъ. Мы неимѣемъ никакого права предполагать, что бы Несторъ запамятовалъ или неимѣлъ преданій о войнахъ Рюриковыхъ, ежели бы они были на самомъ дѣлѣ; ибо онъ незабылъ же о походѣ Аскольда и Дира Рюриковыхъ современниковъ, до него дошло преданіе объ этомъ походѣ, даже съ достаточными подробностями; а конечно преданіе о Рюриковыхъ войнахъ, какъ болѣе важныхъ, недолжно бы было ускользнуть отъ него; но онъ ни гдѣ недѣлаетъ даже и намековъ на Рюриковы войны, а Варяговъ Русь одинаково называетъ находниками и въ Новгородѣ, и въ Ростовѣ, и въ Полоцкѣ и въ другихъ городахъ; мы же по ясному и прямому свидѣтельству Нестора знаемъ, что Варяги Русь небыли завоевателями въ Новгородѣ, слѣдовательно небыли ими и въ Ростовѣ и въ Муромѣ и въ Полоцкѣ.

Но отношенія Новгородцовъ къ призваннымъ Князьямъ немогли оставаться на долго въ томъ положеніи, въ какомъ они были при началѣ прибытія Рюрика. Двойное народонаселеніе Новгорода, состоящее изъ племени Славянъ Ильменскихъ и изъ племени Руси поселившейся въ Новгородѣ за долго до прибытія Рюрика, ставило приглашенныхъ Князей въ такое положеніе, что они для обезпеченія своей власти необходимо должны были поддерживать Старую Русь, и тѣмъ разпространять свою власть, въ одномъ положеніи имъ нель-

зя было оставаться ни коимъ образомъ; ибо въ противномъ случаѣ перевѣсъ силы въ Славянскомъ племени надъ Рускимъ грозилъ Рюрику и его братьямъ, ежели не изгнаніемъ, то покрайней мѣрѣ крайнимъ ослабленіемъ и стѣсненіемъ ихъ владычества, что ставило бы ихъ въ невозможность поддерживать нарядъ и правду, для чего они именно и были призваны. И въ нѣкоторыхъ спискахъ Несторовой лѣтописи даже древнѣйшихъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство объ успѣхахъ Рюрика въ разпространеніи своей власти надъ Новгородцами, именно Ипатіевскій Хлѣбниковскій Радзивильскій и Троицкій списки Несторовой лѣтописи говорятъ, что по смерти братьевъ Рюрикъ пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, прозва(ша) и Новгородъ, и сѣде ту княжа. [7] Слѣдовательно Рюрикъ изъ Ладоги уже перебрался по Волхову къ Ильменю, гдѣ былъ главный городъ Ильменьскихъ Славянъ Новгородъ, построилъ тамъ надъ Волховомъ городъ или крѣпость, которую также назвалъ Новгородомъ. Это свидѣтельство лѣтописи взятое отдѣльно даетъ поводъ думать, что Новгородъ былъ построенъ Рюрикомъ; но таже лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Новгородъ былъ построенъ Ильменскими Славянами задолго до прибытія Рюрика; ибо Несторъ, разсказывая о разселеніи Славянскихъ племенъ, прямо говоритъ: «Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ.» [8] Слѣдовательно Рюрикъ выдвинувшись отъ Ладоги къ Ильменю, построилъ только крѣпость надъ Волховомъ противъ Славянскаго Новгорода, именно на той сторонѣ, которая въ послѣдствіи называлась Софійскою. Эту мысль вполнѣ подтверждаетъ третья Новгородская лѣтопись, въ которой сказано: «Въ лѣто 6552. Ходи великій Князь Ярославъ Владимировичь па Литву; а на весну заложи Новгородъ, и сдѣла на Софійской сторонѣ каменной городъ.» [9] Что подтверждаетъ и вся послѣдующая исторія Новгородская, въ которой Софійская сторона постоянно является княжескимъ городомъ. Такимъ образомъ Рюрикъ съ своею крѣпостію надъ Волховомъ прямо примкнулся къ Новгороду; чего конечно онъ немогъ бы сдѣлать, ежели бы значительно не усилился противъ того положенія, въ которомъ былъ во время первоначальнаго приглашеніе. А построеніе крѣпости прямо противъ Славянскаго Новгорода доставило Рюри-

---

[7] Пол. Собр. Лѣт. Т. I, стр. 9. Варіант. е.

[8] Пол. Собр. Лѣт. Т. I стр. 3.

[9] Пол. Соб. Лѣт. Т. III стр 211.

ку еще болѣе силы и вліянія надъ Ильменскими Славянами. А посему лѣтопись по Никоновскому списку очень правильно говоритъ подъ 864 годомъ:» Оскорбишася Новгородцы глаголюще; яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. «Или далѣе:» тогоже лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изби Новгородцовъ совѣтникъ его «или еще подъ 867 годомъ:» Избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много Новгородцкихъ мужей. «[10] Всѣ сіи свидѣтельства Никоновской лѣтописи заслуживаютъ полное довѣріе, какъ потому, что они совершенно согласны съ обстоятельствами, въ которыхъ были Рюрикъ и Новгородцы; такъ и потому что Никоновская лѣтопись хотя по послѣдней редакціи или по списку своему относится къ XVII вѣку, но тѣмъ не менѣе мы неможемъ отвергать, что свѣдѣнія свои она черпала изъ древнѣйшихъ источниковъ, которыхъ мы пока еще неотыскали, но на слѣды которыхъ нерѣдко натыкаются тѣ, которые знакомы съ нашими лѣтописями не по однимъ печатнымъ изданіямъ. Такъ мнѣ самому на дняхъ удалось въ одной рукописи XV вѣка встрѣтить отрывки изъ Московскаго лѣтописца, которые по надлежащемъ сличеніи оказались оригиналомъ именно многихъ изъ тѣхъ мѣстъ Никовской лѣтописи, источники которыхъ до сей поры не были извѣстны въ нашей исторической критикѣ. Въ потверждение свидѣтельствъ Никоновской лѣтописи служитъ и послѣдующая исторія Новгорода, гдѣ мы нерѣдко встрѣчаемъ народныя неудовольствія и возстанія.

Такимъ образомъ изъ немногимъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, въ сущности своей согласныхъ и съ Скандинавскими сагами и съ оффицальными Новгородскими грамотами, а также и съ послѣдующею исторіею Новгорода, мы довольно ясно видимъ положеніе какъ Новгородцовъ такъ и Рюрика до 879 года (по нашему лѣтосчисленію), въ которомъ по свидѣтельству Нестора скончался Рюрикъ. Свидѣтельства сіи понимаемыя просто и естественно отстраняютъ всѣ произвольныя предположенія и гаданія. Они прямо говорятъ, что съ прибытіемъ Рюрика Новгородскій край сталъ называться Рускою землею; «отъ тѣхъ (Варягъ) прозвася Руская земля Ноугородьци! [11] Слѣдовательно при Рюрикѣ границы Русской земли невыходили изъ предѣловъ очеркнутыхъ Новгородскими владѣніями; а по сему мы здѣсь видимъ новое доказательство, что и земли Кривичей, Чуди, Мери, Ве-

---

[10] Ник. Т. I. стр. 16-17.

[11] Пол. Соб. рус. Лѣт. Т. I. стр. 9.

си и Муромы принадлежали Новгороду, ибо въ нихъ какъ уже извѣстно по лѣтописямъ сидѣли мужи Рюриковы. Предполагать здѣсь Рюриковы завоеванія мы неимѣемъ никакого права; ибо во первыхъ о завоеваніяхъ сихъ неупоминаютъ лѣтописи. * И во вторыхъ по самому ходу дѣлъ они были невозможны ни для Рюрика ни для его мужей; невозможность сію нельзя опровергать воинственнымъ и безпокойнымъ характеромъ Варяговъ или Норманновъ, какъ думаютъ дѣлать нѣкоторые позднѣйшіе писатели, старающіеся навязать Рюрику небывалыя завоеванія.

Варяги или Норманны точно были воинственны и безпокойны, извѣстіями о ихъ морскихъ набѣгахъ и грабежахъ переполнены всѣ лѣтописи западной Европы; но воинственность и безпокойность ихъ характера условливалась мѣстностію и отношеніями къ сосѣдямъ. На родинѣ, въ Скандинавіи, они не сидѣли дома потому, что этотъ при-

---

* Я здѣсь разумѣю древнія лѣтописи; свидѣтельство Софійскаго временника и Воскресенской лѣтописи, въ которыхъ есть выраженія: «и начаша воевати всюду,» въ настоящемъ случаѣ неможетъ быть доказательствомъ; ибо редакція, въ которой дошли до насъ сіи двѣ лѣтописи, относится къ концу XV и XVII столѣтіямъ. При томъ въ обѣихъ лѣтописяхъ настоящее извѣстіе явно искажено, и подновлено. Вотъ подлинныя слова той и другой лѣтописи. Въ Софійской: «Избрашася отъ Нѣмецъ три браты съ роды своими, и пояша съ собою дружину многу; и пришедъ старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Новѣгородѣ, а Синеусъ, братъ Рюриковъ, на Бѣлѣозерѣ, а Труворъ въ Изборьсцѣ и начаша воевати всюду. А о тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашася Русь, и о тѣхъ словетъ Руськая земля; и суть Новгородстіи людіе и до нынѣшняго дени отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни.» А вотъ и текстъ Воскресенской лѣтописи. «И пріидоша отъ Нѣмецъ три браты съ роды своими. и пояша съ собою дружину многу. и пріидоша старѣйшій Рюрикъ. сѣде въ Новѣградѣ и отъ того нарѣчеся времени великъ городъ. а Синеусъ братъ Рюриковъ на Бѣлоозерѣ а Труворъ въ Изборсцѣ. и начаша воевати всюду. отъ тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашася Русь. и отъ тѣхъ временъ словетъ Русская земля. и суть Новгородстіи людіе. и до нынѣшняго дни, бѣ бо Рюрикъ отъ рода Варяжска. а преже бо бѣша Словѣне до Рюрика нарѣкошася.» Здѣсь постепенное искаженіе и подновленіе древняго текста такъ очевидно, что подобныя свидѣтельства ни коимъ образомъ не могутъ быть доказательствами; самая неопредѣленность выраженія: «и наша воевати всюду,» обличаетъ новаго грамотея нисколько непонимавшаго дѣла; ибо Нестора нигдѣ нельзя укорить въ неопредѣленности.

морскій край въ то время былъ еще бѣденъ и плохо воздѣланъ, и притомъ принадлежалъ многимъ небольшимъ племенамъ враждебнымъ другъ другу; на чужой сторонѣ въ прибрежьяхъ Западной Европы Скандинавы селились не иначе какъ только завоевателями, отнимая силою клочки земли нужныя имъ для пристанища, слѣдовательно самое отношеніе къ многочисленнымъ туземцамъ ставило ихъ въ необходимость быть неукротимыми воителями, ибо въ противномъ случаѣ они немогли бы удержать за собой занятой земли. Сихъ условій во все не было для Рюриковой Руси въ Новгородскомъ краю: земля по свидѣтельству лѣтописи была велика и обильна; Рюрикова Русь пришла къ Новгородцамъ не въ качествѣ завоевателей, а по мирному приглашенію, слѣдовательно мирными средствами должна была и удерживать ту землю, которую получила мирно. Въ Скандинавіи Конунги съ молодыхъ лѣтъ отправлялись въ походы для того, что бы пріобрѣсти извѣстность, дружину и деньги, безъ чего на родинѣ они немогли имѣть власти; въ Новгородскомъ краю этого вовсе ненужно было ни для Рюрика ни для его братьевъ, ибо власть за ними была уже утверждена самимъ народомъ.

Притомъ недолжно упускать изъ виду, что большая часть морскихъ грабежей и набѣговъ, которыми такъ прославились Скандинавы въ IX столѣтіи, по свидѣтельству сагъ принадлежала собственно Скандинавской молодежи и бездомной вольницѣ, изъ нихъ то именно составлялись удалыя дружины отчаянныхъ бойцовъ, каждую весну выходившія грабить и опустошать прибрежья Западно-Европейскихъ морей; самые предводители ихъ, извѣстные подъ именемъ Морскихъ Королей и Викинговъ, были только младшіе члены владѣльческихъ фамилій, или еще неполучившіе на свою долю владѣній въ Скандинавіи, или почему либо утратившіе ихъ. А этаго разбора люди и изъ Рюриковой Руси неоставили своихъ привычекъ; такъ Никоновская лѣтопись подъ 864 годомъ говоритъ, что въ этомъ году былъ убитъ Аскольдовъ сынъ во время набѣга на Болгаръ (вѣроятно на Камскихъ, куда Руская молодежь могла проникнуть изъ Мурома); потомъ таже лѣтопись упоминаетъ подъ 865 годомъ о грабежахъ Аскольда и Дира въ землѣ Полоцкой; и наконецъ по свидѣтельству Лаврентіевской лѣтописи, Аскольдъ и Диръ съ дружиною выпросили себѣ позволеніе идти въ Царьградъ и завоевали Приднѣпровскій городъ Кіевъ.[12] Это прямое свидѣтельство лѣтописей объ

---

[12] Пол. Соб. Л. Т. I. стр. 9.

Аскольдѣ и Дирѣ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что собственно въ Новгородскомъ краю Рюрикова Русь недѣлала завоеваній. Ибо ежелибы для нее было мѣсто завоеваніямъ въ Новгородскомъ краю, то Аскольдъ и Диръ съ товарищи нестали бы проситься въ Константинополь и ратоборствовать въ далекомъ Приднѣпровьѣ, а напротивъ нашли бы мѣсто для своихъ подвиговъ и поближе. Да и самъ Рюрикъ не согласился бы отпустить отъ себя такихъ молодцовъ; ежели бы положеніе его обусловливало завоеванія въ Новгородскомъ краю, ежели бы онъ находилъ сколько нибудь возможнымъ попытать военнаго счастья. Согласіе Рюрика на отпускъ Аскольда съ дружиною ясно показываетъ, что Рюрику много было дѣла и безъ войнъ, что обязанность его водворить нарядъ и судъ въ Новгородской землѣ изключала всѣ военныя предпріятія, что война невходила въ составъ его обязанностей и даже прямо противорѣчила насущнымъ потребностямъ его положенія,—утвердить свою власть въ странѣ, куда пришелъ онъ по добровольному приглашенію. Ему прежде всего нужно было обезпечить прочность своей власти въ народѣ сильномъ и богатомъ, большая и главнѣйшая часть котораго по произхожденію своему была совершенно чужда и ему и его племени; ему нужны были большое умѣнье и осторожность водворить приведенную съ собою Русь въ городахъ уже занятыхъ другими племенами, тамошними старожилами или старѣйшити пришельцами завоевателями, и притомъ водворить тихо и мирно нераздражая старыхъ хозяевъ, опасныхъ для его племени своею силою и многочисленностію; чѣмъ онъ дѣйствительно и занимался въ продолженіи 17 лѣтъ своей Новгородской жизни; ибо по прямому свидѣтельству лѣтописи при немъ Новгородскій край прозвался Рускою землею. И Рюрикъ, какъ мы уже видѣли достигъ этаго невдругъ и не безъ значительныхъ препятствій: такъ изъ Ладоги первоначальнаго своего мѣстопребыванія въ Новгородскомъ краю, онъ передвинулся къ Новгороду только по смерти уже своихъ братьевъ; да и то занялъ не собственно Новгородъ, а только успѣлъ построить крѣпость на берегу Волхова противуположномъ Новгородскому, и это сдѣлалъ не безъ сопротивленія Новгородцовъ; «лѣтопись ясно говоритъ: «оскорбишася Новгородцы, глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его;» и не удовольствіе Новгородцовъ выразилось не въ одной молвѣ и толкахъ народа; а напротивъ составилась партія подъ предводительствомъ Вадима Храбраго, и произвела возстаніе, которое тогда только утихло, когда Рюрикъ одержалъ побѣду

и убилъ Вадима и его совѣтниковъ. Да и эта побѣда Рюрикова небыла еще окончательною; ибо лѣтопись подъ 867 годомъ говоритъ, что много Новгородскихъ мужей бѣжали отъ Рюрика въ Кіевъ; т. е. Новгородская вольница потянулась тудаже, куда впередъ ее вышла вольница Руская; слѣдовательно опять былъ раздоръ и возстаніе хотя неудачное. Принимая все сіе въ соображеніе мы рѣшительно неимѣемъ никакого права произвольно пополнять лѣтописныя извѣстія своими гаданіями и навязывать Рюрику небывалыя завоеванія. Рюрикъ нетолько непредпринималъ завоеваній, но даже, какъ мы видимъ, старался удалять людей безпокойныхъ, которые рвались на войну.

Такимъ образомъ разсмотрѣнное со всѣхъ сторонъ положеніе Рюрика въ Новгородскомъ краю ясно говоритъ, что завоеванія были неумѣстны для Рюрика. Но можетъ быть въ нихъ нуждались Новгородцы; а посему теперь слѣдуетъ разсмотрѣть положеніе сихъ послѣднихъ. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе свидѣтельство Нестора о приглашеніи Рюрика Новгородцами. Это свидѣтельство говоритъ: «рѣша сами въ собѣ Чудь Словѣни и Кривичи поищемъ собѣ князя иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву», или какъ въ другихъ спискахъ: «рядилъ по ряду по праву.» И далѣе «вся земля наша велика и обильна а наряда въ ней нѣтъ, да поидете княжить и володѣти нами.»[13] Здѣсь, какъ для всякаго очевидно, нѣтъ и намека о завоеваніяхъ, Новгородцы и ихъ союзники ищутъ только нарядниковъ, судей правителей для водворенія порядка и спокойствія въ ихъ краю, они даже неговорятъ чтобы приглашаемый князь оборонялъ защищалъ ихъ отъ внѣшнихъ непріятелей, ибо ни въ одномъ спискѣ лѣтописи нѣтъ выраженія: *иже бы боронилъ насъ*; слѣдовательно допустить какой либо здѣсь пропускъ или недомолвку во всѣхъ лѣтописяхъ мы неимѣемъ никакого права; а по сему всякое предположеніе и догадка на щетъ этаго предмета будетъ рѣшительно произвольна, и какъ сей часъ увидимъ неумѣстна и не согласна съ обстоятельствами въ которыхъ находились Новгородцы и ихъ союзники. Ибо передъ приглашеніемъ Рюрика лѣтопись говоритъ: «изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани.» Слѣдовательно Новгородцы умѣли справляться съ своими врагами и безъ посторонней помощи, и во все неимѣли нужды въ постороннихъ защитникахъ. А еще менѣе нуждались въ помощникахъ для завоеваній; ибо еще до приглашенія Рюрика владѣнія Новгородскія были очень обширны, и какъ свидѣтельствуетъ

---

[13] Пол. Соб. Руск. лѣт. Т. I. стр. 8.

сага Орваръ Одда [14], обнимали собою весь сѣверный край нынѣшней России отъ Балтійскаго моря на сѣверъ до Гандвика и сѣвернаго Океана, на востокъ почти до Уральскихъ горъ, и на югъ до впаденія Оки въ Волгу до верховьевъ Днѣпра и до Западной Двины. Сихъ границъ Новгородскія владѣнія почти никогда непереступали въ продолженіе всей исторіи Новгорода; слѣдовательно Новгородцы незаботились о завоеваніяхъ не только при Рюрикѣ но и послѣ его. Конечно по лѣтописямъ мы видимъ, что Новгородцы не отказывались отъ войнъ; но не для разпространенія владѣній, а только для поддержанія своей власти въ тѣхъ краяхъ, которыя уже зависѣли или полузависѣли отъ Новгорода; да и сіи войны почти всегда велись Новгородскими средствами, и Князья въ нихъ участвовали очень рѣдко. Слѣдовательно предполагать что Новгородцы, приглашая Рюрика, имѣли въ виду завоеванія, не дозволяетъ вся Новгородская исторія, которая прямо говоритъ, что Новгородцы постоянно заботились только объ успѣхахъ своей торговли, о средствахъ къ ея разпространенію и объ устраненіи тѣхъ препятствій, которыя бывали отъ сосѣдей. Въ Новгородѣ торговля и обезпеченіе правъ и наличныхъ выгодъ разныхъ классовъ народа были главнымъ двигателемъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, отсюда проистекали и войны, и мирные договоры, и приглашенія князей, и смуты народныя, и бури веча. Это отличительный характеръ всей Новгородской исторіи послѣ Рюрика вплоть до завоеванія Новгорода Іоанномъ III; а по сему мы неимѣемъ никакой возможности отрицать этотъ характеръ и при Рюрикѣ, и тѣмъ болѣе, что лѣтопись прямо говоритъ, что Рюрикъ былъ приглашенъ володѣть, судить и возстановить утраченный нарядъ, а не воевать.

Доказавши, что Рюрикъ по прибытіи въ Новгородскій край не дѣлалъ завоеваній, а только старался о введеніи наряда и о водвореніи приведенной съ собою Руси, теперь слѣдуетъ показать какимъ образомъ онъ достигъ этаго. Лѣтопись нигдѣ неговоритъ прямо какія средства употребилъ Рюрикъ для введенія наряда въ Новгородскомъ краю; но мы знаемъ изъ Скандинавскихъ сагъ, что тамошніе Конунги или сами ѣздили по областямъ для произведенія суда и разправы или съ тою же цѣлію посылали своихъ мужей; Рюрикъ былъ Скандинавъ; слѣдовательно и онъ употреблялъ тѣже средства, т.

---

[14] Antiq. Russ. pag. 103.

е. и самъ ѣздилъ по областямъ и посылалъ своихъ мужей. Мы на это имѣемъ и прямыя доказательства, только не объ Рюрикѣ, такъ Константинъ Багрянородный говоритъ, что Руcкіе Князья съ своею дружиною выходили изъ Кіева при наступленіи Ноября мѣсяца, и отправлялись на полюдье, и проводили зиму въ земляхъ подчиненныхъ имъ Славянскихъ племенъ;[15] а также въ нашихъ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія о поѣздкахъ Князей въ полюдье; сага же Олава Тригвесона, писанная Оддомъ, даже разсказываетъ, что мужи, отправляемые Владиміромъ Новгородскимъ для суда и разправы по областямъ, обыкновенно ѣздили съ большимъ великолѣпіемъ, и въ сопровожденіи многочисленной дружины.[16] Слѣдовательно точно также разъѣзжалъ и Рюрикъ и его мужи по Новгородскимъ областямъ, и въ такихъ поѣздкахъ производя судъ и разправу возстановлялъ нарядъ и правду въ народѣ. Другихъ средствъ предполагать мы не должны, ибо не имѣемъ на это свидѣтельствъ.

Что же касается до водворенія въ Новгородскомъ краю Руси приведенной Рюрикомъ, то по свидѣтельству Нестора, Рюрикъ для этого употребилъ разсылку своихъ мужей по городамъ уступленнымъ ему Новгородцами. Мужи посылаемыя Рюрикомъ вѣроятно отправлялись въ мѣста назначенія, каждый съ отдѣльною Русскою дружиною ведшею съ собою и свои семейства, и такія-то дружины были именно тѣми Рускими колоніями въ Новгородскихъ городахъ и областяхъ, при помощи которыхъ уступленные Рюрику города сдѣлались Рускими а не Новгородскими. По прибытіи къ мѣсту назначенія Рюриковы мужи строили себѣ города или крѣпости, какъ ясно объ этомъ говоритъ лѣтопись: «и раздая мужемъ своимъ волости и городы рубити.»[17] Что подтверждается и существованіемъ крѣпостей или остроговъ, кремлей, отдѣльно отъ посадовъ при всѣхъ городахъ занятыхъ Руссами; при чемъ въ крѣпостяхъ или кремляхъ по всѣмъ древнимъ памятникамъ мы встрѣчаемъ постоянно жилища княжихъ мужей и служилыхъ людей, т. е. ихъ дружины, отроковъ, дѣтскихъ; а въ посадахъ при кремляхъ домы гражданъ, туземцовъ, земщины, градскихъ мужей. Разсылка мужей и разсѣленіе Русской дружины по городамъ сдѣланные Рюрикомъ были такъ хорошо устроены и такія

---

[15] De admin. imper, pag. 61.
[16] Antiq. Russ. pag. 417.
[17] Пол. Соб. лѣт. Т. I, стр. 9.

важныя имѣли послѣдствія, что города уступленные Новгородцами Рюрику болѣе уже не возвращались къ Новугороду никогда, хотя преемники Рюрика въ послѣдствіи переселились въ Кіевъ и не всегда владѣли самымъ Новгородомъ; таковы на примѣръ по свидѣтельству лѣтописей были города: Ростовъ, Бѣлоозеро, Муромъ со всѣми ихъ областями, которые навсегда остались за Рюриковымъ потомствомъ. Какъ случился такой значительный переходъ Новгородскихъ городовъ въ Русскіе, лѣтописецъ необъясняетъ подробно; но этотъ переходъ объясняется самъ собою, когда мы сообразимъ состояніе сихъ городовъ до Рюрика. Города сіи хотя были построены на землѣ не Славянской, (ибо Ростовъ находился въ краю заселенномъ Мерею, Бѣлоозеро Весью, Муромъ Муромою, которые племена по свидѣтельству Нестора были не Славянскаго происхожденія: *«свой языкъ имуще»* [18]) но тѣмъ не менѣе въ продолженіи всей Руской исторіи являются съ народонаселеніемъ по крайней мѣрѣ въ самыхъ городахъ говорящимъ на Славянскомъ языкѣ, и притомъ съ формами общественной жизни Новгородскими. (Такъ подъ 1176 годомъ лѣтописецъ сравниваетъ Ростовцовъ и Суздальцовъ съ Новгородцами и Полочанами: «Новгородци бо изъ начала, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане и вся власти яко же на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ на томъ и пригороди станутъ; а здѣ городъ старый Ростовъ и Суздаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити.» [19]) Слѣдовательно они первоначально были Новгородскими колоніями въ Финскомъ краю, какъ мы уже замѣтили прежде, [20] колоніями вполнѣ зависѣвшими отъ Новгорода и управлявшимися Новгородскими мужами. А посему когда Новгородцы передали ихъ въ кормленье Рюрику и его братьямъ, какъ Новгородскимъ князьямъ, то пользуясь сею передачею они совершенно отпали отъ Новгорода, и соединясь въ водворившеюся у нихъ Рюриковою Русью, сдѣлались независимымъ отъ Новгорода Рускимъ владѣніемъ, какъ отдѣльное достояніе князей Рюрикова дома. Произошло ли это при Рюрикѣ или по смерти его, когда Олегъ перебрался изъ Новгорода въ Кіевъ, за неимѣніемъ извѣстій, мы опредѣлить неможемъ; но во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что переходъ означенныхъ Новгородскихъ коло-

---

[18] Ibid. 5.

[19] Пол. Соб. лѣт. Т. I. стр. 160.

[20] Руск. земля до Рюрика. Стр. 87—92.

ній въ Рускіе города былъ устроенъ и заготовленъ самимъ Рюрикомъ, именно чрезъ водвореніе тамъ Руси; Русь сія хотя не успѣла оскандинавить тамошнихъ Новгородскихъ колонистовъ и старожиловъ Финновъ, и даже сама ославянилась; но тѣмъ неменѣе она успѣла слиться съ ними сама, и такимъ образомъ составить цѣлый Славяно-Финно-Рускій народъ, который непризнавалъ ничьей власти кромѣ Рюрика и его потомковъ.

Водвореніе Рюриковой Руси въ Полоцкѣ имѣло почти такія же послѣдствія какъ и въ Суздальщинѣ. Полоцкъ и вся страна по Западной Двинѣ вплоть до моря передъ прибытіемъ Рюрика зависѣвшая или полузависѣвшая отъ Новгорода, съ водвореніемъ Рюриковой Руси сдѣлалась независимымъ отдѣльнымъ Рускимъ владѣніемъ; но здѣсь и власть Рюриковичей была не постоянна, ибо при Владимирѣ мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстіе, что въ Полоцкѣ и во всей тамошней сторонѣ княжилъ Рогволодъ прибывшій изъ заморя;[21] Слѣдовательно Полоцкъ и весь Полоцкій край хотя на время составляли отдѣльное и самостоятельное владѣніе. Такимъ образомъ первымъ и главнымъ слѣдствіемъ Рюрикова прибытія въ Новгородскую землю и водворенія Руси въ нѣкоторыхъ тамошнихъ городахъ было отпаденіе отъ Новгорода значительныхъ владѣній, и именно странъ Полоцкой, Бѣлозерской, Суздальской и Муромской признавшихъ надъ собою непосредственную власть Рюрика и его потомковъ, и послѣ того уже никогда неподчинявшихся Новгороду.

Вотъ главные результаты собственно Рюрикова княженія въ Новгородской землѣ; чѣмъ они оказались въ послѣдствіи для Руской земли, мы узнаемъ въ свое время; теперь же слѣдуетъ замѣтить, что прибывшая съ Рюрикомъ Русь дѣйствовала и мимо его; но дѣйствія сіи уже были внѣ Новгородской земли, и имѣли со всѣмъ иной характеръ, ихъ производила своевольная и буйная Руская молодежь предводительствуемая Аскольдомъ и Диромъ. Несторова лѣтопись описаніе Аскольдовыхъ подвиговъ начинаетъ такъ: «И бяста у Рюрика два мужа, не племени его но боярина, и та испросистаея ко Царюграду съ родомъ своимъ.» Это увольненіе Аскольда и Дира въ Царь-градъ у Нестора помѣщено по смерти Синеуса и Трувора, а Никоновская лѣтопись за годъ до смерти сихъ князей упоминаетъ, что Аскольдовъ сынъ былъ убитъ при набѣгѣ на Болгаръ. Болгарами Никоновская

---

[21] Пол. Соб. Руск. лѣт. Т. I. стр. 32.

лѣтопись конечно называетъ Болгаръ Камскихъ, ибо слѣдуя Нестору здѣсь нельзя допустить, что бы Аскольдовъ сынъ воевалъ на Дунаѣ, когда отецъ его со всѣмъ своимъ родомъ былъ еще въ Новгородской землѣ при Рюрикѣ или при его братьяхъ. А когда здѣсь дѣло идетъ о Камскихъ Болгарахъ; то стало быть Аскольдъ и Диръ съ своимъ родомъ служили при Синеусѣ, владѣнія котораго въ странѣ Суздальской и Муромской дѣйствительно могли быть въ сосѣдствѣ съ владѣніями Камскихъ Болгаръ. И набѣгъ Аскольдова сына на Болгаръ явно свидѣтельствуетъ, что около Синеуса служила самая неугомонная Руская молодежь, которой несидѣлось на одномъ мѣстѣ, и что предводителями сей молодежи были самые отчаянные бойцы состарившіеся и закалившіеся въ битвахъ братья Аскольдъ и Диръ, которымъ также нежилось безъ набѣговъ. Самое имя Синеусъ въ Норманской формѣ *Синіутъ*, Signiutr или Signiautr, значитъ по Нормански побѣдоподвижникъ, побѣдоносецъ. (Мухамед. нумиз. Савельева стр. CXXX.) А по сему около храбраго неугомоннаго Князя сбиралась и храбрая дружина, слѣдовательно неугомонная Руская молодежь преимущественно была сосредоточена при Синеусѣ Князѣ Бѣлозерскомъ. По смерти Синеуса Рюрикъ, какъ видно, перевелъ эту вольницу въ другой совершенно противоположный край по ближе къ Новгороду; ибо подъ 865 годомъ таже Никоновская лѣтопись говоритъ: «Воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ, и много зла сотвориша.» Но очевидно при Рюрикѣ и почти на глазахъ его (т. е. поближе къ Новгороду) имъ небыло прежней свободы въ грабежахъ и разбояхъ; а посему Аскольдъ и Диръ, какъ предводители буйной вольницы, стали проситься у Рюрика, чтобы онъ отпустилъ ихъ въ Царьградъ, въ этотъ обычный край Варяжскихъ странствованій. Рюрикъ конечно желая избавиться отъ буйной толпы, отпустилъ какъ ихъ самихъ такъ и ихъ дружину, т. е. всю вольницу, которая по его мирному положенію въ Новгородскомъ краю была не только ненужна, но даже опасна при столкновеніи съ Новгородцами.

Аскольдъ и Диръ выпросившись у Рюрика въ Константинополь, пошли съ своею дружиною по Днѣпру внизъ, и достигнувъ земли занятой Полянами, увидали на правомъ берегу Днѣпра городокъ Кіевъ, и по обычаю Варяговъ и всѣхъ поволниковъ того времени (о которомъ обычаѣ мы говорили: уже выше [22]) остановились противъ города, и спросили чій се градокъ; имъ на это былъ данъ отвѣтъ отъ

[22] Руск. Земля до Рюрика. стр. 61—10.

жителей: были трое братьевъ Кій, Щекъ и Хоривъ, которые построили этотъ городокъ, и померли, и мы сидимъ платячи дань Казаромъ.» Аскольдъ и Диръ, продолжаетъ лѣтопись, остаста въ градѣ семъ, и многи Варяги совокуписта, и начаста владѣти Польскою землею.»[23] Этотъ характеристичный разсказъ лѣтописца передаетъ намъ описаніе событія совершенно согласно съ духомъ того времени и съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь въ Аскольдѣ и Дирѣ мы видимъ истыхъ повольниковъ, совершенно одинаковыхъ по своему характеру и въ Новгородѣ и въ Скандинавіи; они идутъ въ дальнюю незнакомую имъ землю единственно по слуху отъ бывальцовъ, большая дорога для нихъ рѣка, которая течетъ въ ту сторону, и о которой они тоже только слыхали, и которой сами незнаютъ; имъ на берегу этой рѣки попадается городокъ, почему либо обратившій ихъ вниманіе: они останавливаются и спрашиваютъ: «чій се градокъ?» точно также какъ спрашиваетъ Новгородскій повольникъ Акундинъ въ Рязани: «а и что то за сторона? а и что за городъ? а и что то за люди?»[24] Узнавши, что жители городка прежде были вольные люди, а теперь платятъ дань Козарамъ, Аскольдъ и Диръ, какъ истые повольники, нераздумывая долго, остаются въ городкѣ, собираютъ около себя толпы другихъ повольниковъ и Скандинавскихъ и Новгородскихъ бѣжавшихъ отъ Рюрика, и захватываютъ всю землю Полянъ; Поляне непротивятся этому, вѣроятно потому, что повольники согласно съ своимъ характеромъ для того и остались въ городѣ, чтобы защищать ихъ отъ Казаръ. Захватить, завладѣть, — это первая и главная мысль повольника; такъ Акундинъ, только что разпросилъ о Рязанской сторонѣ, какъ уже и говоритъ: «а кабы ту широкую сторону Рязань покорить Новугороду.» Вторая также важная мысль для него, это защищеніе слабыхъ и угнетенныхъ; такъ Акундинъ защищаетъ городъ Ростиславль отъ змѣя Тугарина и отражаетъ Татаръ отъ Мурома.[25] Разсказъ лѣтописца, о странствованіи Аскольда и Дира и о занятіи Кіева, есть самое лучшее и ясное свидѣтельство, что Аскольдъ и Диръ были именно предводители повольниковъ, и что Рюрикъ отпустилъ съ ними всю неугомонную Русскую молодежь, которой не сидѣлось мирно въ землѣ Новгородской, и которая своимъ буйствомъ только мѣшала Рю-

---

[23] Пол. соб. Рус. лѣт. Т. I. стр. 9.

[24] Собр. Руск. сказокъ Сахар. стр. 96.

[25] Ibid. стр. 123—124, 139—144.

рику водворить нарядъ, миръ и тишину, для чего онъ былъ призванъ Новгородцами.

Оставшись въ Кіевѣ и собравши около себя дружину разныхъ повольниковъ, Аскольдъ и Диръ, по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи начали воевать съ Древлянами и Уличами.[26] Древнѣйшіе списки Несторовой лѣтописи неупоминаютъ о сихъ войнахъ Аскольда и Дира, но мы неимѣемъ права отвергать свидѣтельства Воскресенской лѣтописи, ибо войны сіи совершенно согласны съ характеромъ повольниковъ,—завоевывать земли и защищать слабыхъ, а въ древнѣйшихъ спискахъ Несторовой лѣтописи есть свидѣтельство, что Поляне по смерти Кія и его братьевъ, быша обидимы Древлями инѣми окольними.»[27] Слѣдовательно предводители повольниковъ оставшись у Полянъ, какъ ихъ защитники имѣли прямой поводъ къ войнамъ съ Уличами и Древлянами, да и при томъ они согласно съ своимъ характеромъ неимѣли большой нужды въ поводахъ, лишь бы гдѣ поживиться добычею, и не сидѣть дома. Попытавшись счастія у Древлянъ и Уличей, и вѣроятно довольно увеличивши свою дружину, Аскольдъ и Диръ въ 866 году снарядили 200 лодокъ и отправились грабить Византійскую имперію, эту завѣтную страну Норманновъ, куда они обыкновенно ходили служить за хорошую плату въ гвардіи Императоровъ. Походъ этотъ начался довольно счастливо, Византійскіе лѣтописцы,[28] а съ ними и нашъ Несторъ свидѣтельствуютъ, что тогдашній Византійскій Императоръ Михаилъ въ то время былъ въ войнѣ съ Арабами, и находился съ своими войками въ Азіи; по этому Кіевскіе повольники явились къ берегамъ имперіи въ самое удобное для себя время; они свободно начали свой обычный грабежъ прибрежныхъ селеній, даже проникли въ Константинопольскій проливъ и обступили съ этой стороны самый Царьградъ. Увѣдомленный объ этомъ нападеніи Императоръ Михаилъ едва успѣлъ пробраться въ свою столицу; но по всему вѣроятію безъ войска. Нашъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что Императоръ вмѣстѣ съ Патріархомъ Фотіемъ отправилися въ Влахернскую церковь Божіей матери, и молилися тамъ всю

---

[26] Воскрес. лѣт. стр. 73.

[27] Полн. собр. Руск. лѣт. Т. I, стр. 7.

[28] О семъ нападеніи Руссовъ на Константинополь упоминаютъ двѣнадцать Византійцовъ, изъ нихъ трое Никита Пафлагонянинъ, Георгій Амартолъ и Патріархъ Фотій, были современниками событія; слѣдовательно свидѣтелями достовѣрнѣйшими.

ночь, а на другой день учредили изъ церкви крестный ходъ и погрузили въ море ризу Бгоматери; море доселѣ спокойное возстало бурею и потопило лодьи Аскольда и Дира, и только немногимъ удалось возвратиться домой.[29] Византійскіе лѣтописцы къ этому извѣстію Нестора прибавляютъ еще, что Аскольдъ и Диръ пораженные чудомъ погубившимъ ихъ флотъ приняли Христіанскую вѣру. Это свидѣтельство лѣтописцевъ подтверждаетъ и окружная грамота Константинопольскаго Патріарха Фотія къ восточнымъ Епископамъ писанная въ 866 году. Въ ней Патріархъ говоритъ: «Россы славные жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ имперіею Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ Епископа и Священниковъ, имѣя живое усердіе къ богослуженію Христіанскому.» Да и Несторова лѣтопись непротиворѣчитъ Византійскимъ извѣстіямъ; ибо Несторъ при Игорѣ упоминаетъ уже о церкви пророка Иліи въ Кіевѣ, и кромѣ того подъ 882 годомъ описывая мѣсто погребенія Аскольда говоритъ, что на могилѣ Аскольда въ Несторово время была выстроена церковь Св. Николая.[30] Слѣдовательно Аскольдъ и въ Кіевѣ въ XII столѣтіи щитался христіаниномъ; ибо на могилѣ язычника не стали бы строить Христіанской церкви; а въ лѣтописи прямо сказано: «на той могилѣ поставилъ Ольма церковь Святаго Николу.»

По свидѣтельству Никоновой лѣтописи Аскольдъ и Диръ возвратившись изъ подъ Царяграда удачно воевали съ Печенѣгами.[31] По свидѣтельству Нестора первое нашествіе Печенѣговъ на Русскую землю относится къ 915 году;[32] да и по другимъ свидѣтельствамъ Византійскимъ и Венгерскимъ при Аскольдѣ и Дирѣ Печенѣги еще не переходили Дона, впереди ихъ были еще Угры и Хазары, слѣдовательно настоящее свидѣтельство Никоновской лѣтописи есть позднѣйшая вставка; и Аскольдъ и Диръ въ 867 году немогли воевать съ Печенѣгами; ибо чтобы добраться до Печенѣговъ, имъ сперва нужно было воевать съ Уграми и Хазарами; а объ этихъ войнахъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

---

[29] Пол. соб. лѣт. Т. I. стр. 9.
[30] Ibid. 10.
[31] Ник. I. стр. 17.
[32] Полн. соб. лѣт. Т. I. стр. 18.

Несторъ называетъ Аскольда и Дира владѣтелями земли принадлежавшей Полянамъ; *«начаста владѣти Польскою землею»* говоритъ онъ. Но здѣсь по всему вѣроятію подъ словами Нестора нельзя разумѣть какого либо правильнаго владѣнія; Аскольдъ и Диръ съ ихъ дружиною не были приглашены Полянами, какъ Рюрикъ Новгородцами, и не завоевывали Полянской земли; они только остановились въ Кіевѣ, потому что городъ съ одной стороны представлялъ удобную стоянку на большей дорогѣ въ Греческую землю, куда имъ хотѣлось пробраться, а съ другой стороны занятіе сего города непредставляло имъ большихъ затрудненій, ибо тамошніе жители платили дань Хазарамъ, слѣдовательно ради были принять къ себѣ какихъ угодно пришлецовъ, которые бы освободили ихъ отъ этой дани, и согласились защищать отъ непріязненныхъ сосѣдей. Оставшись въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ недумали соединяться съ Полянами, они по обычаю повольниковъ немедленно принялись воевать съ сосѣдями Древлянами и Уличами, и потомъ пустились подъ Византію; но во всѣхъ сихъ войнахъ Поляне кажется непринимали участія, повольники — сбродъ Скандинавовъ и Новгородцевъ всюду дѣйствовали одни; ибо Несторъ прямо говоритъ: «многи Варяги совокуписта и начаста владѣти Польскою землею,» и нигдѣ неупоминаетъ что бы Поляне принимали участіе въ походахъ Аскольдовыхъ, а напротивъ постоянно называетъ это племя мирнымъ, кроткимъ и даже обидимымъ, каковымъ оно вѣроятно и было въ первое водвореніе тамъ Руси; позднѣйшій же, извѣстный по лѣтописямъ, характеръ сего племени развился уже послѣ, когда Поляне слились съ пришельцами, когда Кіевъ сдѣлался матеріею городовъ Русскихъ. Предполагать что Кіевъ еще до Аскольда и Дира былъ сборнымъ мѣстомъ Варяговъ и всѣхъ пришлецовъ повольниковъ мы не можемъ; ибо по прямому свидѣтельству Нестора, Аскольдъ и Диръ нашли въ этомъ городѣ однихъ мирныхъ Полянъ, потомковъ Кія, Щека и Хорива, платящихъ дань Хазарамъ; жители Кіева на вопросъ Аскольда и Дира: «чій се градокъ.» Отвѣчаютъ ясно и подробно: «была суть 3 братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ, родъ ихъ, платяче дань Козаромъ.» Сбродные Варяги и повольники, конечно не стали бы называть себя потомками Кія и данниками Хазарамъ. Такимъ образомъ у повольниковъ Аскольдовыхъ и туземцовъ небыло ничего общаго, кромѣ земли и города, гдѣ жили тѣ и другіе; конечно таковая раздѣльная жизнь въ одномъ городѣ, немогла быть продолжительна, повольники и Поляне должны были со-

единиться тѣснѣе другъ съ другомъ и составить одно цѣлое, сдѣлаться настоящимъ владѣніемъ Аскольда и Дира; но для этаго нужно было время, а братья сіи недожили до этого времени, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, они умерли, какъ жили, только предводителями дружины повольниковъ утвердившимися въ Кіевѣ, а ненастоящими владѣльцами Приднѣпровья.

Въ разсказѣ лѣтописей о водвореніи Аскольда и Дира въ Кіевѣ, съ перваго взгляда, замѣчается нѣкоторая неполнота. Всѣ лѣтописи единогласно свидѣтельствуютъ, что Поляне во время прибытія братьевъ подъ Кіевъ платили дань Хазарамъ, а не въ одной лѣтописи нѣтъ извѣстія, чтобы Аскольдъ и Диръ воевали съ Хазарами, тогда какъ этой войны должно бы было ожидать прежде всего. Но по обстоятельствамъ, въ которыхъ тогда находились Хазары, этой войны дѣйствительно не могло быть и не было. Хазары еще съ III-го вѣка по Р. Х. извѣстные въ Арменіи, а потомъ у Византійцевъ, въ VII вѣкѣ были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, не разъ ходили въ Персію, какъ союзники Византійскихъ Императоровъ, покорили себѣ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, и нѣсколько разъ удачно воевали съ Аравійскими Калифами, но въ IX вѣкѣ ихъ могущество стало значительно ослабѣвать; а въ то время, когда Аскольдъ и Диръ заняли Кіевъ, у Хазаръ была жестокая война съ Уграми и Печенѣгами выдвигавшимися изъ Азіи въ Европу черезъ Хазарскія владѣнія. А посему Хазарамъ во все было не до того, чтобы вступаться за Кіевъ, который лежалъ слишкомъ далеко на западъ отъ главныхъ Хазарскихъ владѣній на Дону и Волгѣ; Днѣпровскій путь столь важный для Скандинавовъ и Новгородцовъ, во все неимѣлъ такого значенія для Хазаръ, ибо ихъ главная дорога въ Грецію шла по Дону, да по свидѣтельству восточныхъ писателей Хазары никогда небыли мореходами.[33] При томъ же Аскольдъ и Диръ оставшись въ Кіевѣ во все недумали тревожить другихъ Хазарскихъ владѣній, въ лѣтописяхъ нѣтъ и помину, чтобы сіи предводители повольниковъ переходили на лѣвый берегъ Днѣпра и нападали на Хазарскихъ данниковъ Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, ихъ набѣги ограничивались только правымъ берегомъ Днѣпра, на которомъ кромѣ Кіевлянъ небыло племенъ платившихъ дань Хазарамъ. Мы незнаемъ съ умысломъ

---

[33] Масуди писатель X вѣка прямо говоритъ: «Царь Хазарскій неимѣетъ судовъ, и подданные его въ мореплаваніи неопытны» (Жур. Мин. Нар. Просв. 1835 года № V. стр. 238).

ли Аскольдъ и Диръ непереходили на лѣвый берегъ Днѣпра, или просто безъ умыслу неимѣли еще времени перебраться туда; но во всякомъ случаѣ это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что у нихъ не было войнъ съ Хазарами. И Хазары занятые войною съ Уграми и Печенѣгами, и нетревожимые Аскольдомъ и Диромъ на лѣвомъ берегу Днѣпра очевидно во все не думали вступаться за Кіевъ; и тѣмъ болѣе это предположеніе согласное съ извѣстіями лѣтописи заслуживаетъ довѣрія, что и послѣ при Олегѣ Хазары не вступались за Сѣверянъ, когда Олегъ даже перебрался на лѣвый берегъ Днѣпра.

Преемникомъ Рюрика былъ Олегъ его родственникъ, о которомъ сказано въ лѣтописи: «что Рюрикъ умирая, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми.»[34] Это свидѣтельство лѣтописи для насъ очень важно, и мы здѣсь должны дорожить каждымъ словомъ лѣтописца. Здѣсь во первыхъ лѣтописецъ указываетъ на отношеніе Рюрика къ Новгородцамъ. Рюрикъ не могъ назначить своимъ преемникомъ сына, потому что онъ былъ еще малъ, — «бысть бо дѣтескъ вельми; «слѣдовательно для Новгородцовъ нужно было, чтобы Князь былъ взрослый, который бы могъ самъ наблюдать за порядкомъ и тишиною; Новгородцы непризнавали Княземъ малолѣтнаго; иначе бы Рюрику не зачѣмъ было обходить своего сына и назначать себѣ преемникомъ родственника, сынъ конечно для него былъ ближе всякаго другаго родича. Это прямо показываетъ, что Новгородскій Князь въ то время долженъ былъ быть непремѣнно совершеннолѣтнимъ, который бы самъ управлялъ дѣлами; Новгородцы непризнавали власти только по имени, по ихъ тогдашнимъ понятіямъ права Князя были неразрывно соединены съ личною возможностію исполнять Княжія обязанности; оно такъ и должно быть по тогдашнему состоянію Новгородскаго общества, которое приглашало князя судить и рядить по праву. Во вторыхъ изъ настоящаго же свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Олегъ наслѣдовалъ Рюрику не по тому, что онъ былъ старшій въ родѣ; ибо лѣтопись ясно выставляетъ причину наслѣдованія Олега послѣ Рюрика, — малолѣтство Рюрикова сына Игоря: «вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми.» Слова лѣтописи прямо указываютъ, что ежели бы Игорь небылъ дѣтескъ вельми, то Рюрику наслѣдовалъ бы онъ, Игорь, а не Олегъ. Только мало-

---

[34] Пол. соб. лѣт. Т. I стр. 9.

лѣтство Игоря было причиною, что преемникомъ Рюрика былъ Олегъ, а отнюдь не родовое старшинство Олега; т. е. будь Игорь при смерти Рюрика совершеннолѣтнимъ, или иначе удовлетвори онъ главному условію Новгородскаго Князя, имѣй возможность лично управлять народомъ; тогда Олегъ никогда бы небылъ преемникомъ Рюририка. Свидѣтельства лѣтописи объ этомъ дѣлѣ нельзя иначе и понимать; и утверждать что Олегъ преемствовалъ Рюрику по родовому старѣйшинству, значитъ искажать самый простый и ясный смыслъ лѣтописи. Въ 3-хъ изъ этаго же свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Олегъ преѣмствовалъ Рюрику не какъ опекунъ Игоря, или временный правитель, ибо лѣтопись говоритъ: «предасть княженье свое Ольгови отъ рода ему суща.» Слѣдовательно Олегъ былъ полнымъ преемникомъ Рюрика, такимъ же Княземъ Новгородскимъ, со всѣми правами и обязанностями какія принадлежали и Рюрику; что подтверждаютъ и самыя дѣйствія Олега, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

По смерти Рюрика Олегъ прожилъ въ Новгородскомъ краю около трехъ лѣтъ, и лѣтопись неотмѣтила сихъ годовъ никакимъ событіемъ; по этому и мы съ достаточнымъ вѣроятіемъ можемъ заключать, что въ это время у Олега и небыло никакихъ замѣчательныхъ событій, что онъ жилъ въ Новгородской землѣ совершенно на правахъ Рюрика, судилъ и рядилъ Новгородцевъ, ѣздилъ въ полюдье и посылалъ своихъ мужей по областямъ для суда и сбора доходовъ; Новгородцы и другія племена, умиренные предусмотрительнымъ Рюрикомъ, незатѣвали никакихъ новыхъ возстаній, и были довольны правленіемъ новаго Князя. Но очевидно не совсѣмъ доволенъ былъ Олегъ, ему тѣсно было въ Новгородѣ; и онъ въ 882 году собрался въ походъ на югъ. Лѣтопись говоритъ: «Въ лѣто 6390 поиде Олегъ, поимъ воя многи: Варяги, Чудь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи; и приде къ Смоленску съ Кривичи, и пріа градъ, и посади мужъ свой.» [35] Здѣсь особенно важно для насъ выраженіе лѣтописца: «Поиде Олегъ, поимъ воя многи.» Олегъ собравши много воевъ пошелъ изъ Новгорода, а куда пошелъ не сказано [36]; слѣдовательно лѣтописецъ

---

[35] Пол. соб. л. Т. I. стр. 10.

[36] Въ Софійской и Воскресенской лѣтописи впрочемъ мы имѣемъ варіантъ, что Олегъ изъ Новгорода пошелъ прямо къ Кіеву. «Поиде Олегъ, поимъ Игоря, изъ Новгорода къ Кыеву.» Но этотъ варіантъ весьма важный въ настоящемъ случаѣ опровергается тѣми же лѣтописями; ибо далѣе мы въ нихъ читаемъ: «и оттуду (отъ Смоленска) пріиде внизъ по Днѣпру къ

здѣсь ясно говоритъ, что Олегъ ушелъ изъ Новгорода, чтобы болѣе невозвращаться туда, оставилъ Новгородцовъ, не желая болѣе жить у нихъ, и пошелъ даже самъ не зная куда; по этому настоящій Олеговъ походъ нельзя называть какимъ либо преднамѣреннымъ распоряженіемъ Олега и Новгородцовъ для распространенія Новгородскихъ владѣній; Олегъ пошелъ собственно для себя а не для Новгородцовъ; лѣтопись неуказала мѣста куда пошелъ Олегъ именно потому, что и для него самаго это было еще не совсѣмъ извѣстно. Когда разсказъ идетъ о воинскихъ походахъ съ цѣлію завоеванія или добычи, то лѣтопись постоянно означаетъ страну или племя, куда назначается походъ. Такъ она говоритъ: «поча Олегъ воевати Деревляны, иде Олегъ на Сѣверяне, иде Олегъ на Греки; или: иде Игорь на Древляны, иде Игорь на Греки; или: иде Святославъ на Козары, иде Святославъ на Дунай на Болгары.» Слѣдовательно лѣтописецъ неуказывая куда пошелъ Олегъ изъ Новгорода, самымъ уже выраженіемъ своимъ свидѣтельствуетъ, что Олегъ отправлялся не въ походъ, а просто оставлялъ Новгородъ; забравъ съ собою сколько можно болѣе воиновъ изъ Варяговъ, Чуди, Словенъ, Кривичей и другихъ племенъ живущихъ въ Новгородскомъ краю. Послѣдующія распоряженія Олега вполнѣ подтверждаютъ свидѣтельство лѣтописи, Олегъ болѣе уже невозвращался въ Новгородъ, невозвращались и тѣ воины изъ разныхъ племенъ, которые пошли съ нимъ, они остались при немъ и можетъ быть поселились въ городахъ основанныхъ имъ въ Приднѣпровьѣ; лѣтопись говоритъ: бѣша у него (Олега) Варяги и Словѣни и прочіи прозвашася Русью; се же Олегъ нача городы ставити.»[37]

Такимъ образомъ ежели Олегъ пошелъ изъ Новгорода собственно для себя а не для Новгородцовъ; то рождается вопросъ, — почему же пошли съ нимъ, кромѣ его единоплеменниковъ Варяговъ, Словени, Чудь, Кривичи, Меря и Весь? какимъ образомъ Новгород-

---

горамъ Кіевскимъ; и увидѣвъ Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ.», Слѣдовательно Олегъ подошелъ къ Кіеву нечаянно, не знавъ прежде, что тамъ княжатъ Аскольдъ и Диръ, а не предпринималъ похода на Кіевъ еще будучи въ Новгородѣ, лѣтопись ясно говоритъ: пріиде къ горамъ Кіевскимъ и увидѣвъ, яко Аскольдъ... что совершенно согласно и съ другими лѣтописями.

[37] Пол. соб. лѣт. Т. I. стр. 10.

цы отпустили ихъ? Новгородцы немогли не отпустить ихъ съ Олегомъ; ибо Олегъ былъ Княземъ Новгородскимъ; лѣтопись нигдѣ неупоминаетъ, чтобы Новгородцы отказали ему, и непризнавали его власти. Конечно они могли недавать ему помощи, не собирать воиновъ для похода предпринимаемаго не для нихъ; но Олегъ и неимѣлъ нужды въ сборѣ собственно Новгородскаго войска; ибо очевидно владѣлъ прямо и непосредственно всѣми тѣми городами, которые были уступлены Новгородцами еще Рюрику; мы неимѣемъ никакихъ извѣстій, чтобы города отданные Рюрику были отняты у Олега, напротивъ изъ договоровъ сего послѣдняго съ Греками ясно видимъ, что за нимъ оставались еще Ростовъ и Полотскъ; въ договорѣ сказано: «И заповѣда Олегъ (Грекамъ) даяти уклады на Рускіе городы: первое на Кіевъ, таже на Черниговъ, и на Полтескъ, и на Ростовъ.»[38] Слѣдовательно Полотскъ, Ростовъ и другіе города Новгородскаго края уступленные Рюрику постоянно оставались и за Олегомъ; и изъ этихъ-то городовъ и ихъ областей Олегъ могъ набрать и Словенъ, и Чудь, и Мерю, и Весь, и Кривичей, даже не сносясь съ Новгородцами; и Новгородцы не имѣли права вступаться въ этотъ наборъ, какъ вовсе до нихъ неотносящійся; собственно же Новгородскихъ воиновъ лѣтопись неназываетъ въ числѣ отправившихся съ Олегомъ; слѣдовательно ихъ и небыло съ нимъ.

Выходя изъ Новгородской земли Олегъ очевидно устрѣмился на югъ къ Днѣпру; ибо по свидѣтельству лѣтописи онъ прежде другихъ городовъ подошелъ къ Смоленску и занялъ его при помощи сопровождавшихъ его Кривичей единоплеменниковъ Смолнянамъ. Занятіе Смоленска по всему вѣроятію было мирное; разсказъ лѣтописи сильно намѣкаетъ на это: «прииде къ Смоленску съ Кривичи и прія градъ.» Слово *прія* незначитъ *захватилъ*, *завоевалъ*, а принялъ то, что ему отдали добровольно; на добровольное, мирное занятіе Смоленска указываетъ и то, что Олегъ подошелъ къ нему съ Кривичами, единоплеменниками Смольнянамъ: «пріиде къ Смоленску съ Кривичи.» Мирно присоединивши Смоленскъ къ своимъ владѣніямъ, и оставивши тамъ намѣстниковъ, вѣроятно съ дружиною, Олегъ отправился въ низь по Днѣпру и взялъ Любечь. Здѣсь кажется уже было завоеваніе а не мирное занятіе; ибо лѣтопись говоритъ: «Оттуда (изъ Смоленска) поиде внизъ и взя Любечь и посади мужъ свой.» Глаголъ

[38] Ibid. 13.

взя выражаетъ со всемъ не то что *прія*, *взя* значитъ взять силою, захватить, завоевать. По завоеваніи Любеча Олегъ пустился внизъ по Днѣпру и подошелъ къ горамъ Кіевскимъ, и тутъ только узналъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ. Лѣтописецъ именно говоритъ: «Пріидоста къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣ Олегъ яко Аскольдъ и Диръ княжита.» [39] Такъ слово въ слово сказано во всѣхъ спискахъ Несторовой лѣтописи, которыми пользовалась при изданіи Археографическая Коммиссія; таже мысль, хотя въ другихъ словахъ выражена въ Воскресенской лѣтописи: «Пріиде въ низъ по Днѣпру къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣвъ Олегъ яко Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ.» [40] Почти въ тѣхъ же словахъ и въ Никоновской лѣтописи: «Пойде внизъ по Днѣпру, и приде къ горамъ Кіевскимъ; и увѣде Олегъ, яко Оскольдъ и Диръ княжита въ Кіевѣ.» [41] Въ Рускомъ лѣтописцѣ изданномъ Львовымъ также сказано: «поиде къ горамъ Кіевскимъ и увидавъ, яко Оскольдъ и Диръ въ Кіевѣ князьями.» [42] Только такъ называемый Архангелогородскій лѣтописецъ разногласитъ противъ настоящаго показанія; въ немъ сказано; «Слыша (Олегъ), яко Аскольдъ и Диръ княжита въ Поляпѣхъ, и пойде изъ Новгорода воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку.... и приде къ горамъ Кіевскимъ, и узрѣста городъ Кіевъ, и вопросиста у нѣкоего человѣка: кто въ семъ городкѣ княжитъ? Онъ же оказа имъ: Аскольдъ и Диръ княжита въ Кіевѣ.» [43] Но здѣсь очевидна позднѣйшая передѣлка въ семъ лѣтописцѣ; [44] а по сему настоящее его свидѣтельство неимѣетъ

---

[39] Ibid. 10.

[40] Воскрес. стр. 75.

[41] Ник. Т. I, стр. 24.

[42] Львов. лѣт. Т. I, стр. 20.

[43] Архангел. изд. второе, стр. 7.

[44] Вотъ для доказательства полный разсказъ сего лѣтописца. «Въ лѣто 6389, Ольгово княженіе. Слыша яко Аскольдъ и Диръ княжита въ Полянѣхъ, и пойде изъ Новагорода воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку и пріидоста подъ Смоленескъ, и сташа выше города, и шатры изставиша многи различны цвѣты. Увѣдавше же Смольняне, и изыдоша старѣйшины ихъ къ шатромъ, и спросиша единаго человѣка: Кто сей пріиде? Царь ли, или князь въ велицей славѣ? И изыде изъ шатра Олегъ, имый на рукахъ у себя Игоря, и рече Смолняномъ: сей есть Игорь Князь Рюриковичь Руской. И нарекоша его Смолняне государемъ; и вдася весь градъ за Игоря. И посади въ немъ намѣстники своя, а самъ пойде по Днѣпру внизъ,

на столько силы, чтобы имъ опровергать единогласное свидѣтельство всѣхъ другихъ лѣтописей и старыхъ и новыхъ. Такимъ образомъ по единогласному свидѣтельству почти всѣхъ лѣтописей должно принять, что Олегъ при своемъ отправленіи изъ Новгорода во все не слыхалъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ, и узналъ объ этомъ только тогда, когда уже подошелъ къ горамъ Кіевскимъ. Это извѣстіе имѣетъ на своей сторонѣ полный авторитетъ, какъ по единогласію въ немъ лѣтописцовъ, такъ и потому что оно согласно и съ предшествующимъ извѣстіемъ лѣтописи о томъ, что Олегъ, удаляясь изъ Новгородскаго края, и самъ путемъ незналъ куда пойдетъ. А по сему историкъ неимѣетъ никакого права, въ противность почти всѣмъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, допустить, чтобы Олегъ еще въ Новгородѣ сбирался на Аскольда и Дира, съ цѣлію присоединить Кіевъ къ Новгородскимъ владѣніямъ и такимъ образомъ забрать въ свои руки большую дорогу изъ Варягъ въ Греки. Большая дорога сія точно лежала именно по Днѣпру, гдѣ шелъ Олегъ, и конечно хотя по слухамъ она была ненеизвѣстна Олегу, онъ можетъ быть ежегодно видалъ Новгородскихъ и Варяжскихъ купцовъ отправлявшихся по этой дорогѣ въ Грецію и по ней же возвращавшихся домой съ дорогими товарами; но ни откуда невидно, чтобы онъ именно шелъ для занятія этой дороги, приведенное же выше свидѣтельство о томъ, что ему неизвѣстно было о занятіи Кіева Аскольдомъ и Диромъ, и потомъ хитрость употребленная имъ противъ нихъ ясно говорятъ, что онъ отправляясь изъ Новгородскаго края вовсе не разчитывалъ на завладѣніе всею дорогою по Днѣпру и даже неготовился къ сему; а шелъ изъ Новгорода просто чтобы нежить тамъ, и захватить себѣ какой либо другой край, какой только удастся, незагадывая впередъ ничего.

Узнавши, что Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ, Олегъ по разсказу лѣтописца: «похорони вои въ лодьяхъ, и другія назади оставы, а самъ приде нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское похоронивъ вои своя, и присла ко Аскольду и Дирови глаголя: яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря княжича; да пріидета къ намъ къ родомъ своимъ.» По этому приглашенію Аскольдъ

и приде къ горамъ Кіевскимъ, и узрѣста градъ Кіевъ, и вопросиста у нѣкоего человѣка: Кто въ семъ городѣ княжитъ? Онъ же сказа имъ: Аскольдъ и Диръ княжита въ Кіевѣ.»

и Диръ пришлй къ Олегу въ лодью и были убиты воинами скрытыми въ лодьѣ. Послѣ чего Олегъ занялъ Кіевъ и началъ тамъ княжить. Разсказъ лѣтописи о дѣйствіяхъ Олега прямо говоритъ, что онъ съ своими силами нерѣшился вступить въ открытую борьбу съ Аскольдомъ и Диромъ, слѣдовательно небылъ увѣренъ въ побѣдѣ и и нещиталъ своихъ силъ довольно достаточными для битвы съ такими отчаянными храбрецами, каковы были Аскольдъ и Диръ съ ихъ дружиною повольниковъ; въ противномъ случаѣ онъ не сталъ бы хитрить, а подошелъ бы прямо къ Кіеву съ своею дружиною, точно также какъ и къ Любечу. Хитрость Олегова разсказанная лѣтописцемъ имѣетъ важное значеніе для историка: она во 1-хъ, свидѣтельствуетъ, что Олегъ, такъ сказать, наткнулся на Аскольда и Дира нечаянно вовсе не готовый къ открытой борьбѣ; во 2-хъ, она указываетъ, что Новгородскіе и Варяжскіе гости часто спускались по Днѣпру къ Константинополю, что эта дорога была обычнымъ торговымъ путемъ Новгородцовъ, что Новгородъ въ это время велъ довольно дѣятельную торговлю съ Греками; и что сами Князья принимали въ ней участіе; ибо Олегъ прямо извѣщаетъ Аскольда и Дира: «яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря Княжича.» А естественно что въ настоящемъ случаѣ для приглашенія Аскольда и Дира ему нужно было придумать самый обыкновенный предлогъ, чтобы неподать имъ какого либо подозрѣнія нащетъ себя; въ 3-хъ, наконецъ эта же хитрость показываетъ, что Аскольдъ и Диръ, засѣвши въ Кіевѣ непрерывали тѣснаго знакомства съ Варягами и Новгородцами, неопускали случаевъ видаться и разговаривать съ проѣзжающими Новгородскими и Варяжскими купцами; что они держались въ Кіевѣ собственно только наплывомъ къ нимъ Новгородскихъ и Варяжскихъ пришельцовъ повольниковъ, которые по тогдашнему обычаю могли пріѣзжать вмѣстѣ съ купцами; слѣдовательно небыли полными владѣльцами Кіевскаго приднѣпровья и неимѣли крѣпкихъ связей съ туземнымъ народонаселеніемъ. Въ противномъ случаѣ Олегъ назвавши себя Новгородскимъ гостемъ идущимъ въ Грецію, нерѣшился бы приглашать ихъ въ такихъ словахъ: «да пріидете къ намъ родомъ своимъ.» Да и Аскольдъ и Диръ не пошли бы на такое приглашеніе, а скорѣе бы пригласили пріѣзжаго гостя къ себѣ

Самая легкость занятія Кіева по убіеніи Аскольда и Дира свидѣтельствуетъ, что сіи предводители повольниковъ, оставались таковыми и въ Кіевѣ, и неимѣли крѣпкихъ связей съ тамошнимъ народонаселеніемъ. Въ лѣтописи сказано: «Аскольдъ и Диръ пріидоста; вы-

скакавъ же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ Аскольду и Дирови: «вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь рода княжа, вынесоша Игоря, и се есть сынъ Рюриковъ. И убиша Аскольда и Дира, и несоша на гору, и погрѣбоша ѝ на горѣ, иже ся нынѣ зоветъ Угорьское... Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ.»[45] Здѣсь нѣтъ и помину о сопротивленіи Кіевлянъ или дружины Аскольдовой; ясно что Кіевляне непринимали никакого участія въ дѣлахъ Аскольда и его повольниковъ; а повольники лишившись своихъ предводителей вовсе неимѣли нужды въ сопротивленіи Олегу, ибо собственно они ничего нетеряли отъ занятія Кіева Олегомъ, оставшись рѣшительно притомъ же при чемъ были у Аскольда и Дира, могли жить по прежнему въ Кіевѣ, могли и уйдти куда угодно. Олегъ даже былъ радъ присоединить къ своей дружинѣ эту неугомонную вольницу; ибо недумая возвращаться въ Новгородъ онъ нуждался въ увеличеніи своихъ силъ, чтобы быть дѣйствительнымъ и полнымъ владѣльцомъ въ Приднѣпровьѣ; здѣсь буйству повольниковъ онъ могъ дать надлежащее направленіе въ войнахъ съ сосѣдями, что онъ и сдѣлалъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Здѣсь онъ былъ совсѣмъ не въ тѣхъ отношеніяхъ въ какихъ Рюрикъ въ Новгородѣ: Рюрикъ, опасаясь непріятныхъ встрѣчь молодой вольницы съ сильною старою общиною его пригласившею для тишины и наряда, по неволѣ долженъ былъ сдерживать или удалять отъ себя повольниковъ; у Олега же этой необходимости небыло, Приднѣпровскіе старожилы его неприглашали, онъ завладѣлъ ими самъ, обидимые, тихіе Поляне для него были неопасны, онъ небоялся ихъ столкновеній съ повольниками. Да и притомъ, судя по всѣмъ дѣламъ, нельзя непризнать, что Олегъ имѣлъ со всѣмъ не такой характеръ, какой былъ у Рюрика: онъ непрожилъ въ Новгородѣ и трехъ лѣтъ, тогда какъ Рюрикъ жилъ тамъ семнадцать лѣтъ; и утвердившись въ Приднѣпровьѣ онъ неперествалъ дѣлать нападенія во всѣ стороны. Все это показываетъ, что и личному характеру Олега повольники немогли найти себѣ лучшаго предводителя, а для него ненужно было лучшей дружины, какъ повольники Аскольдовы закаленные въ битвахъ и нелюбившіе сидѣть дома. А посему естественно можно предположить, что Аскольдова дружина вся признала своимъ предводителемъ Олега, и осталась при немъ; этому непротиворѣчатъ и лѣтописи, которыя нигдѣ даже не намѣка-

[45] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 10.

ютъ, чтобы дружинники Аскольдовы вышли изъ Кіева при занятіи его Олегомъ; а напротивъ послѣдующія дѣйствія Олеговы прямо указываютъ, что Олегъ усилилъ себя Аскольдовою дружиною; ибо до убіенія Аскольда и Дира онъ нерѣшался даже вступить въ открытую борьбу съ ними, а по смерти ихъ вдругъ объявилъ Кіевъ матерію городовъ Рускихъ, поселился въ немъ и началъ дѣлать походы во всѣ стороны.

Смерть Аскольда и Дира, занятіе Кіева и присоединеніе Аскольдовыхъ повольниковъ къ дружинѣ Олеговой совершенно измѣнили отношенія Олега къ Новугороду. Лѣтопись говоритъ: «Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: «се буди мати градомъ Рускимъ.» Бѣша у него Варяги и Словѣни, и прочи прозвашася Русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ.»[46] Такимъ образомъ изъ настоящаго свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Олегъ по занятіи Кіева изъ Скандинавскаго Конунга, какимъ онъ былъ, по примѣру Рюрика, въ Новгородѣ, сдѣлался самостоятельнымъ владѣтелемъ покореннаго имъ Приднѣпровья, и Приднѣпровскій Кіевъ объявилъ своимъ стольнымъ городомъ, и назвалъ матерію городовъ Русскихъ, причемъ имя Руси отъ Новгорода перенеслось на на Приднѣпровскій край. Новгородцамъ послѣ этаго нечего уже было ждать его возвращенія въ Новгородъ; имъ оставалось одно изъ двухъ: искать новаго Князя или вступить въ новыя отношенія къ Олегу; они какъ должно полагать по ходу дѣлъ рѣшились на послѣднее. И сіи новыя отношенія для Олега были весьма важны, сдѣлавшись самостоятельнымъ владѣтелемъ Приднѣпровья онъ пересталъ уже зависѣть отъ Новгородской общины, а между тѣмъ по прежнему остался непосредственнымъ владѣтелемъ всѣхъ тѣхъ земель, которыя были уступлены Новгородцами Рюрику, не потерялъ Рюриковыхъ правъ на самый Новгородъ, и даже кажется увеличилъ ихъ обязавши Новгородцовъ каждогодно платить Варягамъ по 300 гривенъ мира дѣля, т. е. за то, что Варяги Олеговы не будутъ тревожить и тѣснить Днѣпровскую торговлю Новгородцовъ; чего конечно они неплатили Рюрику, ибо онъ не владѣлъ Днѣпромъ и немогъ тѣснить ихъ торговли на этомъ пути. Это послѣднее разпоряженіе Олега показываетъ, что Новгородъ и при новыхъ отношеніяхъ къ

---

[46] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 10.

Князю остался по прежнему самостоятельнымъ и независимымъ владѣніемъ, и признавалъ надъ собою власть Олега, непотому что сей владѣлъ Кіевомъ, по потому что онъ согласился быть Княземъ Новгородскимъ. Конечно ежели бы Новгородцы поступили въ одинакія съ Кіевлянами отношенія къ Олегу; то сей послѣдній неимѣлъ бы повода брать съ нихъ особую дань за право торговли по Днѣпру, ибо онъ не облагалъ же за это данью Кіевлянъ. Словъ же лѣтописи: «устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля.» Нельзя иначе объяснить, какъ данью за безпрепятственную торговлю по Днѣпру, который теперь принадлежалъ Варягамъ Олеговымъ; о торговлѣ же Новгородцовъ по Днѣпру до Константинополя мы имѣемъ прямое свидѣтельство Константина Багрянороднаго, (писавшаго во время Игоря) который говоритъ, что Руссы ѣздя водою въ Царьградъ изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода приходили въ Кіевъ.[47] Ибо ежели принять здѣсь толкованіе, что Олегъ уставилъ давать 300 гривенъ Варягамъ оставленнымъ въ Новѣгородѣ; то этому противорѣчитъ прямое свидѣтельство лѣтописи, что Князья Новгородскіе своимъ дружинникамъ въ Новѣгородѣ выдавали особую плату; такъ Несторъ говоритъ о Ярославѣ и другихъ Новгородскихъ посадникахъ: «Ярославу же сущу Новѣгородѣ, и урокомъ дающу Кіеву двѣ тысячи гривнѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху: а тако даяху посадницы Новъгородстіи.»[48] Слѣдовательно 300 гривенъ назначенныя Олегомъ въ выдачу Варягамъ отъ Новгорода, относятся не къ тѣмъ Варягамъ, которые оставались тамъ; при томъ мы неимѣемъ никакихъ извѣстій оставлялъ ли Олегъ Варяговъ въ Новгородѣ, а по ходу дѣлъ скорѣе должно допустить, что неоставлялъ; ибо это не нужно было ни для него ни для Новгородцовъ, Г. Погодинъ въ своихъ лекціяхъ это доказалъ убѣдительно и ясно. Нельзя также согласиться, чтобы 300 гривенъ назначались вмѣсто дани Варягамъ заморскимъ; ибо по прямому свидѣтельству лѣтописи, платежъ 300 гривенъ былъ назначенъ Олегомъ: «и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля.» А Олегъ не не владѣлъ заморскими Варягами, слѣдовательно немогъ приказать, чтобы они жили мирно съ Новгородцами; а по сему неимѣлъ никакого права назначать имъ дань за соблюденіе мира; ежели бы Новгородцамъ нужно было покупать миръ у заморскихъ Варяговъ, то они

---

[47] Bandur. T. I, de admin. Imp. Const. Porph. pag. 59.
[48] Полн. Собр. лѣт. Т. I, стр. 10.

объ этомъ толковали бы съ самими Варягами, а не съ Олегомъ, которому до заморскихъ Варяговъ во все небыло дѣла, и который живучи далеко на югѣ не могъ имѣть на нихъ никакого вліянія. Притомъ лѣтопись говоря о Ярославѣ прямо свидѣтельствуетъ, что онъ по условію платилъ 2000 гривенъ Кіеву, а прежде въ той же лѣтописи сказано, что дань, назначенная Олегомъ Варягамъ, платилась Новгородцами до смерти Ярославовой; слѣдовательно при снесеніи сихъ двухъ свидѣтельствъ оказывается яснымъ, что 300 гривенъ назначенныя Олегомъ платились именно Варягамъ Кіевскимъ, а не другимъ какимъ, урокомъ дающе Кіеву, по словамъ лѣтописи. [49]

Оставшись въ Кіевѣ и назвавъ его матерью городовъ Рускихъ, Олегъ занялся устройствомъ своего новаго владѣнія въ Приднѣпровьѣ. По свидѣтельству лѣтописей онъ началъ строить здѣсь города. «Се же Олегъ нача городы ставити.» Мы незнаемъ по лѣтописямъ какіе города построилъ Олегъ; но нѣтъ сомнѣнія, что города сіи были, собственно въ Кіевской области въ странѣ Полянъ; т. е. на правомъ берегу Днѣпра, можетъ быть на пространствѣ между устьевъ Припети и Роси и на западѣ до верховьевъ Тетерева и Ирши; ибо Олегъ съ начала владѣлъ только этимъ краемъ, далѣе на западъ и востокъ онъ проникъ послѣ. Постройка городовъ въ Приднѣпровьѣ прямо показываетъ, что Олегъ хотѣлъ быть настоящимъ владѣтелемъ страны, и старался соединить интересы туземцовъ съ интересами своей дружины, его цѣль состояла въ томъ, чтобы сдѣлать Приднѣпровье настоящею Русью не по одному названію, но и по составу народонаселенія; въ чемъ онъ и успѣлъ совершенно. Его дружинники по всему вѣроятію большею частію безсемейные, поселясь въ новопостроенныхъ городахъ приднѣпровья, естественно вступили въ семейныя связи съ Полянами, и такимъ образомъ составили новое Русское племя, въ которое отъ Полянъ перешли Славянскій языкъ и можетъ быть мягкость нравовъ прославляемая лѣтописцемъ. Кромѣ этаго наслѣдія Полянской крови, новое племя сдѣлалось совершенно инымъ, прежде обидимое и мирное, оно теперь стало воинственнымъ и предпріимчивымъ, и вскорѣ господствующимъ на востокъ и западъ отъ Днѣпра; въ немъ сѣверное упорство, неутомимость въ трудахъ, и какая-то страсть къ борьбѣ съ препятствіями соединились съ южнымъ пыломъ страстей, воспріимчивостію, хитростію и энергіею, то скрывающеюся за лѣнью и безпечностію, то выступающею наружу съ не-

---

[49] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 56.

укротимымъ бѣшенствомъ. Плоды таковаго соединенія незамедлили выказаться даже въ поколѣніи современномъ Олегу: Днѣпръ — эта большая дорога сѣверныхъ торговцевъ въ Грецію, еще при Олегѣ покрылся доселѣ неизвѣстными ладьями Приднѣпровской Руси; Кіевляне приняли дѣятельное участіе въ торговлѣ Греческой и, какъ вскорѣ увидимъ изъ договоровъ Олега съ Греками, купцы Кіевскіе сдѣлались обычными посетителями Константинополя; племена сосѣднія доселѣ обижавшія Полянъ скоро сами подверглись нападеніямъ Олега и его Приднѣпровской Руси. Конечно во всемъ этомъ при Олегѣ еще сильно участвовала Русь приведенная съ Сѣвера, она такъ сказать была во главѣ тогдашней дѣятельности приднѣпровскаго края; но нельзя отвергать и участія собственно Полянъ, ибо воспріимчивость и энергія южнаго Славянина получивъ толчокъ, и видя образцы дѣятельности въ своихъ новыхъ соотечественникахъ, немогли оставаться въ усыпленіи.

На другой годъ по занятіи Кіева Олегъ отправился на западъ отъ Днѣпра противъ Древлянъ, можетъ быть къ берегамъ Случи или Упи. Эта страна по свидѣтельству лѣтописца тогда была покрыта лѣсомъ, и племя жившее тамъ было уже извѣстно своею воинственностію и нападеніями на Полянъ. Лѣсная мѣстность и воинственность Древлянъ представили Олегу сильныя препятствія въ этомъ походѣ. По словамъ лѣтописи Олегъ долженъ былъ примучить Древлянъ, т. е. выбивать ихъ изъ засѣкъ и другихъ лѣсныхъ укрѣпленій; но для неукротимыхъ дружинниковъ Кіевскаго Князя такія препятствія немогли служить преградою неодолимою; Древляне наконецъ измучились и согласились платить дань по черной кунѣ отъ дыма или жилья.[50] Въ слѣдующемъ году Олегъ переправился на лѣвый берегъ Днѣпра и вступилъ въ землю Сѣверянъ, которые тогда были еще данниками Хазаръ. Это племя довольно сильное, богатое, и какъ мы уже видѣли, находившееся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Камскою Болгаріею, Хазарами и Греками [51], старалось также дать отпоръ Олегу, но было побѣждено и обложено данью; только Олегъ, на это племя по словамъ лѣтописи наложилъ дань легкую, и запретилъ Сѣверянамъ платить дань въ Хазарію; онъ сказалъ: «я противникъ Хазарамъ, а вамъ до нихъ нѣтъ дѣла.» Покоривъ Сѣверянъ Олегъ послалъ за данью къ Радимичамъ полудикимъ жителямъ рѣки Сожи,

---

[50] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 10.

[51] Русск. зем. до Рюрик. стр. 15—28.

также Хазарскимъ данникамъ. Радимичи непротивились, и дали ту самую дань, которую платили Хазарамъ; въ лѣтописи сказано: «и вдаша Ольгови по щлягу, яко же Козаромъ даяху.» Мы не знаемъ что именно называлось щлягомъ, по всему вѣроятію это было мѣстное названіе какой либо звѣриной шкуры, полудикимъ бѣднымъ Радимичамъ жившимъ въ лѣсахъ нечѣмъ было платить дань, какъ только звѣриными шкурами. Самое слово Szelag Польское и образовалось изъ Старонѣмецкаго Schin, кожа; Радимичи по свидѣтельству Нестора были старыми пришельцами изъ Польши, слѣдовательно очень легко могли удержать въ своемъ нарѣчіи Польское слово Szelag въ его первоначальномъ значеніи звѣриной шкуры, а не монеты, которую оно стало означать послѣ.

Обложивъ данью Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, Олегъ вступилъ въ упорную борьбу съ другими Славянскими племенами жившими на западъ и югозападъ отъ Днѣпра; и во первыхъ пошелъ на Уличей и Тиверцовъ, которыхъ города были разсыпаны на всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до Дуная.[52] Сіи два племени невдругъ подчинились Олегу; лѣтопись подъ 885 годомъ говоритъ: «а съ Уличи и Тѣверцы имяше рать;» но нѣтъ сомнѣнія, что Кіевскій Князь въ послѣдствіи здѣсь имѣлъ какой-либо успѣхъ, по крайней мѣрѣ у Тиверцовъ, ибо лѣтопись подъ 907 годомъ изчисляя племена участвовавшіе съ Олегомъ въ походѣ на Грековъ, упоминаетъ между прочими и Тиверцовъ. Кромѣ того въ продолженіи 22 лѣтъ протекшихъ отъ покоренія Радимичей до похода на Грецію, Олегъ вѣроятно побѣдилъ еще Хорватовъ прилегавшихъ къ Карпатскимъ горамъ, можетъ быть по Сану и Вислоку, а также Дулѣбовъ или Бужанъ жителей Волыни; ибо въ изчисленіи племенъ участвовавшихъ въ Греческомъ походѣ упоминаются и Хорваты и Дулѣбы. Такимъ образомъ двадцать пять лѣтъ, отъ занятія Кіева до похода на Грековъ, Олегъ провелъ почти въ безпрестанныхъ войнахъ съ Славянскими племенами, преимущественно живщими на западъ отъ Днѣпра. Конечно прямой видимой пользы для Государства и для преемниковъ Олеговыхъ въ этихъ войнахъ почти небыло, большая часть племенъ, воевавшихъ съ Олегомъ надолго еще остались независимыми; съ Кіевскимъ владѣніемъ соединились только Кривичи, Сѣверяне, и можетъ быть другія ближайшія племена; но тѣмъ неменѣе все это время было раздольемъ для повольниковъ и всѣхъ дружинниковъ Олеговыхъ.

---

[52] Полн. собр. лѣт. Т. I, стр. 5.

Всѣ непосѣды, вся удаль стекалась къ Князю не хотевшему знать покоя, его дружины съ каждымъ новымъ походомъ росли болѣе и болѣе, необходимая убыль въ битвахъ всегда съ излишкомъ пополнялась новыми пришельцами, ибо каждый удалецъ, каждый бездомникъ спѣшилъ присоединиться къ дружинамъ идущимъ почти за вѣрною добычею; а бездомниковъ и удальцовъ тогда было много и въ Скандинавіи, у Кривичей и въ Новгородскомъ краю, и знакомый Днѣпръ ихъ прямо велъ къ Олегу; а также Полянская и Сѣверянская молодежъ возбуждаемая успѣхами и привлекательною жизнію пришельцовъ вѣроятно не сидѣла дома. Кромѣ того каждый походъ обогащая дружины добычею увеличивалъ въ то же время народонаселеніе Приднѣпровскаго края приводомъ плѣнниковъ, не всѣхъ же ихъ отводили на продажу, значительная часть вѣроятно оставалась въ Приднѣпровьи, какъ рабы или какъ необходимые поселенцы въ городахъ и селахъ. Относительно обычая поселять плѣнниковъ въ Приднѣпровскихъ городахъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописи; такъ Ярополкъ въ 1116 году выстроилъ въ своей Переяславской области городъ Желди для плѣнныхъ034учанъ;[53] ежели это дѣлали въ XII столѣтіи, то въ IX и X столѣтіяхъ этотъ обычай необходимо былъ еще сильнѣе по самымъ потребностямъ Приднѣпровскаго края. Народонаселеніе Полянскаго Приднѣпровья очевидно росло съ изумительною быстротою, а это-то и нужно было для Олега; государства въ собственномъ смыслѣ тогда еще небыло, оно лишь зараждалось; и посему пріобрѣтеніе огромныхъ и отдаленныхъ земель, было почти безполезно для Олега и его вновь созданной Руси, ему нужно было преимущественно народонаселеніе, усиленіе и перерожденіе обидимыхъ Полянъ переименованныхъ въ Приднѣпровскую Русь. И походы Олега на сосѣднія Славянскія племена очевидно въ полнѣ удовлетворяли этой настоятельной потребности; ибо дѣйствительно вскорѣ Полянское Приднѣпровье дѣлается цвѣтущимъ и многолюднымъ, а Кіевъ богатымъ и сильнымъ, и даже соперникомъ Константинополю, по крайней мѣрѣ по далекой молвѣ.[54]

Подъ 898 годомъ лѣтопись упоминаетъ, что въ этотъ годъ Угры или Венгры прошли мимо Кіева. Это движеніе новаго незнакомаго

---

[53] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 7.

[54] Дитмаръ. Chronic. «in hac magna civitate (т. е. Кіевѣ), quae istius regni caput est, plusquam quadringinta habentur ecclesiae et mercatus VIII. Адамъ Бремен. Hist. eccles. L. II. cap. 13. «Ostragard Russiae, cujus metropolis civitãs est Chive aemula sceptri Constantinopolitani.

еще Приднѣпровью народа очевидно неимѣло никакого влiянiя на владѣнiя Олега. Лѣтописецъ говоритъ: «прошли Угры мимо Кiева берегомъ, и перешедши Днѣпръ стояли вежами на горѣ (подъ Кiевомъ), которая съ того времени получила прозванiе Угорскаго. Они очень походили на Половцовъ, и пришли съ востока, и потомъ устрѣмились черезъ великiя горы, въ послѣдствiи назвавшiяся Угорскими, и стали воевать съ живущими тамъ Волохами и Словѣнами.»[55] Нѣтъ сомнѣнiя, что Угры дѣйствительно мирно прошли Приднѣпровьемъ; ибо преданiе вѣрно очеркнувшее внѣшнiй видъ ихъ, и даже не забывшее урочища, гдѣ стояли Угорскiя вежи подъ Кiевомъ, конечно немогло бы не знать о нападенiи Угровъ и борьбѣ съ ними Олега, ежели бы на самомъ дѣлѣ было что нибудь подобное. Движенiе же Угровъ на западъ именно было около этаго времени и по свидѣтельству другихъ источниковъ Византiйскихъ и западныхъ.

По всему вѣроятiю къ этому времени можно отнести знакомство Приднѣпровскихъ Руссовъ съ Славянскою грамотою изобрѣтенною Кирилломъ и Меѳодiемъ; ибо Несторъ, упомянувши о движенiи Венгровъ на западъ мимо Кiева, тутъ же разсказываетъ, что Моравскiе Князья Ростиславъ, Святополкъ и Коцелъ отправили посольство къ Греческому Императору Михаилу просить учителей для преложенiя священныхъ книгъ на Славянскiй языкъ; и что по сей просьбѣ были присланы императоромъ ученые уроженцы Селуня братья Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ) и Меѳодiй, которые и составили Славянскую азбуку и перевели на Славянскiй языкъ Апостолъ, Евангелiе и другiя священныя книги. И притомъ замѣчаетъ, что грамота, изобрѣтенная Кирилломъ и Меѳодiемъ для Моравлянъ, есть именно та самая, которая употребляется на Руси и у Дунайскихъ Болгаръ. «Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словеньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.»[56] Но по другимъ источникамъ извѣстно, что посольство Моравскихъ князей въ Константинополь было отправлено въ 862 году, а въ 898 году не только небыло въ живыхъ Кирилла (который умеръ въ 868 году), но и Меѳодiй уже скончался за 13 лѣтъ до этаго года.[57] Слѣдовательно можно предполагать, что Несторъ не почему другому упомянулъ подъ 898 годомъ объ изобрѣтенiи Славянской грамоты,

---

[55] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 10.
[56] Ibid. 11.
[57] Чтен. Общ. Истор. 1846 г. № 4. Стат. Епископа Филарета.

какъ потому, что она около этаго времени сдѣлалась извѣстною на Руси; это же подтверждается и тѣмъ, что около этаго времени Христіанство стало дѣлать нѣкоторые успѣхи между Приднѣпровскими Руссами, такъ мы знаемъ, что уже Аскольдъ и Диръ были Христіанами, а при Олегѣ Греки полагали въ Россіи особую епархію въ числѣ подвѣдомыхъ Константинопольскому Патріарху.[58] Греки же конечно учили Русскихъ Христіанской вѣрѣ по Славянскимъ книгамъ переведеннымъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. Какъ бы то нибыло почти нѣтъ сомнѣнія, что Славянская грамота вмѣстѣ съ Христіанствомъ проникла въ Приднѣпровье при Олегѣ; этому самымъ яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ служатъ договоры Олега и Игоря съ Греками писанные по Славянски; ежели бы грамота изобрѣтенная Кирилломъ и Меѳодіемъ не была знакома Приднѣпровцамъ, то конечно не зачѣмъ было и писать договоровъ по Славянски.

Въ 907 году Олегъ пустился въ Грецію, въ этотъ любимый край удалыхъ Варяговъ, гдѣ они всегда надѣялись достать себѣ много золота и другихъ драгоцѣнностей. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ отправляясь въ этотъ походъ оставилъ Игоря въ Кіевѣ, и взялъ съ собою множество Варяговъ, Словѣнъ, Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцовъ, и конныхъ и пѣшихъ, конные шли берегомъ, а пѣшіе въ корабляхъ или лодіяхъ, которыхъ по его щету было 2000, по сороку человѣкъ въ каждой. Мы незнаемъ точно ли столько было рати съ Олегомъ, ибо кромѣ свидѣтельства представляемаго нашимъ лѣтописцемъ въ настоящее время у насъ нѣтъ никакихъ другихъ извѣстій объ Олеговомъ походѣ; но мы почти не можемъ сомнѣваться, что лѣтописецъ писалъ о немъ не по одному преданію но и по Греческимъ источникамъ, теперь еще неотысканнымъ; ибо въ разсказѣ его племена Славянскія сопровождавшія Олега, вообще называются Скиѳскими («си вси звахуться великая Скуѳь»), и въ самомъ Олегѣ Греки видятъ Св. Димитрія, посланнаго на нихъ Богомъ. («И ркоша Грецѣ: нѣсть се Олегъ, но Св. Дмитрій, посланъ на ны отъ Бога.») А названіе Скиѳи и представленіе Олега Св. Димитріемъ рѣшительно невозможны въ древнемъ языческомъ преданіи Приднѣпровскихъ Руссовъ, для которыхъ собирательнымъ общимъ именемъ Славянскихъ

---

[58] Codini de offic. mag. eccl. Paris. 1648. T. I. стр. 379. И *Εκθεσις νεα Ανδρανικου Βασιλεως ὅς τις τὰς τοῦ Κωνςαντινουπόλεως μητροπόλεις*. (Bandurij imperium orientale T. I. pag. 233).

племенъ была живая Русь, а не мертвая сохранившаяся только въ книгахъ Греческихъ Хронографовъ Скиѳъ, и Олегъ по Русски назывался вѣщимъ, а не Св. Димитріемъ, котораго Приднѣпровцы во все незнали. Въ одномъ хронографѣ XVI вѣка есть даже извѣстіе, что разсказъ объ Олеговомъ походѣ на Грековъ взятъ именно изъ Греческаго лѣтописца.[59] Сообразя такимъ образомъ источники лѣтописнаго разсказа, мы со всею вѣроятностію можемъ допустить, что число рати Олеговой слишкомъ увеличено, какъ это обыкновенно дѣлалось Византійскими лѣтописцами при изчисленіи варварскихъ войскъ нападавшихъ на Византійскія владѣнія.

Далѣе лѣтописецъ прямо разсказываетъ о высадкѣ Олеговой рати предъ Константинополемъ, о жестокостяхъ произведенныхъ Руссами въ окрестностяхъ Греческой столицы и объ ужасѣ Грековъ. «Олегъ по его словамъ подошелъ къ Царюгороду, и Греки замкнули проливъ, а городъ затворили. И вышелъ Олегъ на берегъ и приказалъ воемъ вытаскивать корабли, воины начали воевать около города, избивать Грековъ, грабить и разорять загородныя дворцы Греческихъ вельможъ, жечь церкви, поподавшихся плѣнниковъ мучить разными муками, кого посѣкать мечами, кого разстрѣливать, кого бросать въ море, какъ обыкновенно дѣлаютъ ратные люди. Потомъ Олегъ приказалъ воинамъ сдѣлать колеса и поставить на нихъ корабли, и когда вѣтеръ потянувшій съ моря надулъ паруса, корабли сами пошли къ городу. Греки увидавши это въ ужасѣ выслали сказать Олегу: «не губи города, мы готовы платить тебѣ дань, сколько хочешь.» Олегъ остановилъ рать, и изъ города вынесли къ нему вино и пищу, но онъ непринялъ ничего подозрѣвая отраву. Это подозрѣніе смутило Грековъ и они сказали: «это не Олегъ а Св. Димитрій, котораго послалъ на насъ Богъ.» Олегъ же потребовалъ дани на 2000 кораблей по 12 гривенъ на человѣка, а въ каждомъ кораблѣ было по 40 человѣкъ. Греки дали обѣщаніе платить требуемую дань, и начали просить о прекращеніи войны. Олегъ отошелъ нѣсколько отъ города и вступилъ въ переговоры съ Греческими Царями Львомъ и Александромъ, послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемида съ требованіемъ дани. Греки сказали сколько же хотите? Олегъ въ отвѣтъ на это, потребовалъ выдать воинамъ на 2000 кораблей по 12 гривенъ на ключъ, и кромѣ того назначилъ уклады на Русскіе города: во первыхъ на Кіевъ,

---

[59] Библ. Погод. Хроногр. № 4.

потомъ на Черниговъ, на Переяславль, на Полоцкъ, на Ростовъ, на Любечь и на другіе города; въ которыхъ сидѣли Князья подчиненные Олегу; притомъ назначилъ, чтобы Руссы приходящіе въ Грецію получали хлѣбъ сколько хотятъ, а ежели придутъ гости, то имъ выдавалась бы мѣсячина на шесть мѣсяцевъ и хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыба, и овощи, и неостанавливали бы ихъ мыться въ баняхъ сколько пожелаютъ; а когда пойдутъ назадъ въ Русь, то снабжать ихъ изъ царской казны съѣстными припасами на дорогу, якорями, парусами и канатами сколько понадобится. Цари и бояре Греческіе согласились; но съ условіемъ, чтобы нетребовали мѣсячины тѣ изъ Руссовъ, которые придутъ не для купли, чтобы Князь запрѣтилъ приходящихъ Руссамъ грабить села въ странѣ Греческой, — чтобы Руссы останавливались у Св. Мамы,[60] куда будутъ приходить къ нимъ царскіе чиновники для переписи именъ пришельцовъ и для выдачи мѣсячины сперва Кіевлянамъ, потомъ Черниговцамъ, Переяславцамъ и другимъ, чтобы Руссы входили въ Константинополь только одними воротами, съ царскимъ приставомъ, безъ оружія и небольше 50 человѣкъ въ одинъ разъ, въ городѣ имъ дозволяется производить куплю, какая понадобится, и неплатить мытныхъ пошлинъ. Олегъ согласился на условія, и Цари Греческіе заключили миръ и въ исправномъ платежѣ дани и исполненіи всѣхъ условій договора дали клятву и цѣловали крестъ; Олегъ же и его мужи въ утвержденіе мира клялись по Русскому закону оружіемъ, и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотьимъ богомъ. Послѣ чего Олегъ приказалъ спить паруса Руссамъ изъ паволокъ, а Словѣнамъ кропійныя, и когда это было приготовлено, то отправился домой, повѣсивши въ знакъ побѣды Русскіе щиты на вратахъ Константинопольскихъ. Тѣмъ и кончился походъ, Олегъ воротился въ Кіевъ неся золото, паволоки, овощи,

---

60. Подъ именемъ Св. Мамы здѣсь конечно должно разумѣть церковь и предмѣстіе Св. Мамонта находившееся по ту сторону залива. Неизвѣстный описатель мѣстностей Константинопольскихъ, отысканный Бандуріемъ, въ числѣ монастырей и церквей лежавшихъ за заливомъ отъ Константинополя именно помѣщаетъ церковь Св. Мамонта и не далеко отъ нея дворецъ Льва Мацеласа и иподромъ, а также мостъ о 12 аркахъ, равный величиною Халкидонскому (Imper. Orient. T. I, parc. III, pag. 57—58.) Петръ Гиллій собираетъ всѣ свидѣтельства о мѣстности Св. Мамонта, изъ которыхъ также видно, что церковь сія была въ предмѣстіи Константинополя (ibid. 416).

вина и всякія узорочья; и народъ прозвалъ его *вѣщимъ*,[61] т. е. Волхвомъ, вѣдуномъ.

Разсказъ первоначальнаго лѣтописца о походѣ Олеговомъ подъ Константинополь представляетъ много данныхъ, которыя довольно хорошо характеризуютъ состояніе Приднѣпровской Руси при Олегѣ; а по сему здѣсь нелишнимъ будетъ нѣсколько подробный разборъ этого разсказа. Лѣтописецъ начинаетъ тѣмъ, что Олегъ отправляясь въ походъ оставилъ Игоря въ Кіевѣ, это извѣстіе намекаетъ, что Олегъ и прибывшая съ нимъ Русь находились въ шаткихъ отношеніяхъ къ Приднѣпровью, что Русь держалась тамъ только силою, и неуспѣла еще слиться съ Славянскими племенами тамошняго края, хотя большею частію и подчинила ихъ, въ противномъ случаѣ Олегу слѣдовало бы взять Игоря съ собою въ походъ, ибо Игорю въ это время было никакъ неменѣе 29 лѣтъ, слѣдовательно онъ былъ бы необходимымъ помощникомъ въ походѣ, какъ главный предводитель войска послѣ Олега. А посему ежели Олегъ невзялъ его въ походъ, то значитъ, что Игорь былъ необходимъ въ Кіевѣ для удержанія Приднѣпровья въ покорности. Это объясненіе лѣтописнаго извѣстія вполнѣ подтверждается всѣми тогдашними обстоятельствами: Русь прибывшая съ Олегомъ жила еще очень недавно въ Приднѣпровьѣ и немогла слить своихъ интересовъ съ интересами туземцовъ, она долго еще отличалась отъ нихъ даже языкомъ (какъ свидѣтельствуютъ Русскія и Славянскія названія Днѣпровскихъ пороговъ записанныя у Константина Порфиророднаго, писавшаго между 949—952 годами); и по сему конечно щиталась пришлымъ а неродственнымъ племенемъ; притомъ же Поляне принявшіе Олега безъ сопротивленія и слѣдовательно болѣе сроднившіеся съ Русью поселившеюся между ними, были очень незначительны и слабы въ сравненіи съ сосѣдними племенами и сами нуждались въ защитѣ; а новые поселенцы изъ разныхъ племенъ посаженные Олегомъ въ построенныхъ имъ городахъ, конечно не совсѣмъ дружелюбно смотрѣли и на Полянъ, и могли удерживаться въ повиновеніи только силою. Самое изчисленіе племенъ участвовавшихъ въ Олеговомъ походѣ, представленное лѣтописцемъ, показываетъ, что племена сіи еще не составляли одного цѣлаго, что между ними небыло внутренней жизненной связи, и что они участвовали въ походѣ только по принужденію, по требованію внѣшней силы еще не-

---

[61] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 12—13.

давно доказавшей имъ свое превосходство. Лѣтописецъ вѣрный преданію не употребляетъ здѣсь общаго названія Руси, которое было сообщено всему Приднѣпровью еще съ занятія Кіева Олегомъ; а на противъ изчисляетъ всѣ племена поименно, и даже Русь, приведенную Олегомъ съ Сѣвера, называетъ Варягами а не Русью. Значитъ имя Руси тогда еще не сроднилось съ Славянскими племенами Приднѣпровскаго и Заднѣпровскаго края, такъ что народное преданіе неохотно вспоминаетъ о немъ, а скорѣе обращается къ частнымъ названіямъ каждаго племени; Приднѣпровскому преданію было какъ то дико и непривычно изчюжепринесеннымъ именемъ покрывать родные изстаринныя названія племенъ, ему еще не столько понятно и памятно названіе Руси, сколько названія Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулебовъ и Тиверцовъ; даже самую Русь пришедшую съ Олегомъ оно охотнѣе называетъ Варягами именемъ занесеннымъ въ Приднѣпровье Скандинавскими дружинами, издавна странствовавшими по Днѣпру въ Константинополь. Все это показываетъ, что Русь Олегова была еще не совсѣмъ крѣпка въ Приднѣпровьѣ, и что самый походъ въ Грецію былъ предпринятъ Олегомъ сколько для поживы богатою почти вѣрною добычею, которая ему была нужна для привлеченія дружинниковъ (обыкновенно охотнѣе вступавшихъ въ службу къ Князю богатому и предпріимчивому), столько и для того, чтобы въ общемъ предпріятіи объобщить интересы покоренныхъ имъ Славянскихъ племенъ, и тѣмъ соединить ихъ ближе другъ съ другомъ и съ Русью имъ приведенною.

Далѣе лѣтописецъ, изчисливши племена участвовавшія въ походѣ, прямо переноситъ Олега и его рать къ стѣнамъ Константинополя, неупомянувши ни слова ни о страшныхъ затрудненіяхъ, которыя неминуемо должны были встрѣтить Олеговы ратники въ порогахъ Днѣпровскихъ, ни о путешествіи по морю; это умолчаніе для историка должно быть краснорѣчивѣе самыхъ пространныхъ и живыхъ описаній; оно прямо указываетъ, что и бурное море и страшные пороги Днѣпра, такъ интересовавшіе Византійскаго Императора Константина Перфиророднаго, были нипочемъ для Приднѣпровцовъ, что тамошніе люди часто ходившіе по этому пути для торговли и другихъ цѣлей такъ уже привыкли ко всѣмъ таковымъ трудностямъ, что они сдѣлались для нихъ дѣлами заобычными, даже во все неинтересовавшими народнаго преданія, изъ котораго лѣтописецъ черпалъ свои извѣстія; въ противномъ случаѣ преданіе незабыло бы ни о Днѣпровскихъ порогахъ ни о Черномъ или Русскомъ морѣ, и раз-

сказало бы объ нихъ даже съ диковинными прикрасами, какъ оно разсказало же о необычныхъ успѣхахъ Олега подъ Константинополемъ, заставивши его лодьи идти на парусахъ по сушѣ.

Еще далѣе, при изчисленіи Русскихъ городовъ, на которые Олегъ требовалъ уклады или дани отъ Грековъ, лѣтописецъ неупоминаетъ о Новгородѣ, тогда какъ перечисляетъ и Кіевъ, и Переяславль, и Черниговъ, и Полоцкъ, и Ростовъ и Любечь; это умолчаніе о Новгородѣ ясно свидѣтельствуетъ, что Новгородъ при Олегѣ уже непринадлежалъ къ Русскимъ городамъ. Здѣсь никакъ нельзя согласиться, чтобы лѣтописецъ подразумѣвалъ Новгородъ подъ прочими городами; ибо ни съ чѣмъ несогласно, чтобы преданіе, наименовавши и Ростовъ и Любечь города вовсе не такъ значительные, не наименовало Новгорода первоначально пригласившаго Русь и вообще знаменитаго въ то время.

Наконецъ въ настоящемъ разсказѣ лѣтописецъ упоминаетъ о Князьяхъ подчиненныхъ Олегу и сидящихъ по городамъ, на которые Олегъ требовалъ уклады; а изъ прежнихъ разсказовъ лѣтописца мы видѣли, что Рюрикъ и Олегъ сажали по занятымъ ими городамъ своихъ мужей а не Князей; слѣдовательно здѣсь упоминается о племенныхъ князьяхъ, которыхъ по сему Олегъ неистреблялъ въ покоренныхъ имъ племенахъ, но оставлялъ ихъ по прежнему владѣть своими племенами, только съ обязанностію быть въ подчиненіи и зависимости отъ Русскаго Князя, какъ отъ верховнаго Государя всѣхъ покоренныхъ племенъ; ясное указаніе на племенныхъ князей оставленныхъ Олегомъ мы въ послѣдствіи увидимъ въ договорахъ заключенныхъ Олегомъ и Игоремъ съ Греками.

Въ разсказѣ лѣтописца объ Олеговомъ походѣ подъ Царьградъ встрѣчаются два мѣста, которыя съ перваго взгляда кажутся невѣрными или по крайней мѣрѣ темными: во первыхъ лѣтописецъ говоря объ отправленіи Олега въ походъ упоминаетъ о конной рати; «и съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ,» но далѣе нигдѣ не говоритъ о ней: у него Олегъ, два раза требуетъ отъ Грековъ дани на одни только корабли. Это извѣстіе лѣтописца кажется можно объяснить тѣмъ, что конная рать недоходила до Константинополя, а проводивши корабли до моря возвратилась домой. Ежели это предположеніе вѣрно; а въ вѣрности его нѣтъ нужды сомнѣваться, ибо иначе нельзя будетъ объяснить почему Олегъ нетребовалъ дани на конную рать; то слѣдовательно въ низовьяхъ Днѣпра по степямъ жили еще племена враждебныя Олегу, отъ нападенія ко-

торыхъ онъ долженъ былъ защищать свои корабли конною ратью; а конная рать конечно болѣе пригодна противъ конниковъ; слѣдовательно степи прилегавшія къ низовьямъ Днѣпра были заняты уже племенами кочевыми наѣздническими не Славянскаго происхожденія, вѣроятно Торками Берендеями и иными извѣстными въ послѣдствіи подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ; а можетъ быть частію и Печенѣгами, которые въ это время выдвигали уже свои кочевья къ западу отъ Дона и Волги.

Вторымъ невѣрнымъ или темнымъ мѣстомъ въ лѣтописномъ разсказѣ представляется требованіе Олегомъ дани. Сперва лѣтописецъ говоритъ: «и заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблій по 12 гривнѣ на человѣка, а въ корабли по 40 мужъ.» А далѣе повторяетъ: «И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблей, по 12 гривнѣ на ключь.» Это видимое противорѣчіе заставило нѣкоторыхъ изслѣдователей подозрѣвать въ лѣтописномъ текстѣ какія-то вставки, и давать предпочтеніе одной вставкѣ передъ другою; но на самомъ дѣлѣ разсказъ лѣтописи представляетъ стройное цѣлое, и видимыя противорѣчія разсказа объясняются очень просто и естественно: Олегъ сперва запросилъ съ Грековъ по 12 гривенъ на каждаго своего воина; но потомъ когда вступилъ въ обстоятельные переговоры съ Греками, то измѣнилъ первое требованіе, и запросилъ по 12 гривенъ на лодейный ключь [62] и сверхъ того уклады на Русскіе города; слѣдовательно въ сущности здѣсь нѣтъ противорѣчій, а только естественное измѣненіе требованій со стороны Олега. [63]

Четыре года, по возвращеніи Олега изъ подъ Константинополя, въ лѣтописи неотмѣчены никакими событіями; но въ концѣ 911 года по свидѣтельству лѣтописи, Олегъ отправилъ посольство къ Греческимъ Царямъ, для того чтобы заключить съ Греками новый мирный договоръ на основаніи прежняго, только съ болѣе опредѣлен-

---

[62] Ключемъ въ лѣтописи очевидно названа уключина въ лодкѣ, къ которой прикрѣплялось весло; ибо въ одномъ житіи Бориса и Глѣба отмѣченномъ Востоковымъ въ каталогѣ Румянцовскаго музеума подъ № CLII, прямо сказано: «Посланные на убіеніе Глѣба *имше корабль ключи и привлекоша къ себѣ,*» т. е. ухвативши за уключины. Для точнѣйшаго опредѣленія дани требованной Олегомъ, слѣдовало бы показать сколько ключей или уключинъ обыкновенно употреблялось въ древнихъ Русскихъ лодкахъ; но наша Археологія объ этомъ предметѣ еще не имѣетъ никакихъ извѣстій.

[63] Что разсказъ о походѣ Олега на Византію дѣйствительно составленъ частію по Греческимъ источникамъ, свидѣтельство этому я на дняхъ нашелъ въ

ными условіями для отстраненія столкновеній и недоумѣній въ сношеніяхъ Руси съ Греками. Для заключенія этого договора были отправлены Олеговы мужи: Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, или по другимъ спискамъ Велмудръ [64] Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, или по другимъ спискамъ Руаръ,[65] Руалъ,[66] Риаръ,[67] Актеву, Труанъ, и Трианъ, или Труатъ,[68] Лидуль Фостъ и Стемидъ или Стемиръ и заключили слѣдующій мирный договоръ. [69]

одномъ Хронографѣ (рукопись XVI вѣка). Гдѣ о семъ разсказѣ сказано: «Сіе пишетъ о немъ въ Греческомъ лѣтописцы.» (Погодинск. библіотека.)

[64] Воскрес. лѣт. Т. I, стр. 82.

[65] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I. стр. 13.

[66] Радзив. стр. 27.

[67] Ник. I, стр. 31.

[68] Ibid. и Воскрес. I, стр. 82.

[69] Имена сіи имѣютъ большое значеніе для историка, они показываютъ кѣмъ былъ окруженъ Олегъ, изъ какого народа преимуществснно состояла его дружина особенно старшая, приближеннѣйшіе къ нему мужи. Въ приведенныхъ именахъ звучатъ по Славянски только Стемидъ или Стемиръ, и Карнъ, остальные всѣ чисто Скандинавскія, такъ что почти каждое изъ нихъ мы найдемъ въ Исландскихъ сагахъ, иныя безъ измѣненія звуковъ, а иныя съ небольшимъ измѣненіемъ. Такъ лѣтописному имени *Карлы* Сага Олава святаго представляетъ двойника *Karli*, уроженца изъ Галогіи, вмѣстѣ съ Тореромъ и Гуннстейномъ ограбившаго храмъ Юмалы Біармійскаго (Antiq. Russ. T. I, стр. 333, 453); лѣтописному *Инегельду* соотвѣтствуетъ въ Сагахъ Ingjaldr, упоминаемый въ сагѣ Орвародда (ibid. 93) въ параллель съ *Веремудомъ* и даже *Велмудомъ* въ сагахъ встрѣчается *Veremundr* мудрый, дальній предокъ Сигурда Ринга (ibid. 220), и *Vilmundr* упоминаемый въ мифологическо-исторической поемѣ Oddrúnargrátr (ibid. 33). *Рулаву* соотвѣтствуетъ Hrólfr нерѣдко упоминаемый въ Скандинавскихъ сагахъ; *Гуды* имѣетъ себѣ подобнаго въ числѣ богатырей сопровождавшихъ Сигурда Ринга въ Бравальскомъ бою, Guði tollus (ibid. 80). *Руалду* отвѣчаетъ также Ринговъ богатырь Hróalde (ibid. 82); *Фрелаву* отецъ Одина Frjálafr, или по другимъ чтеніямъ Freáláf, и Frelaf (ibid. 46). *Руару* или *Риару* можетъ быть Hrejðarr въ сагѣ Орвародда (ibid. 93); *Актеву* можетъ быть Agdi (ibid. 217). *Труану* или *Тріану* можетъ быть Þorri (ibid. 215) и Þorrir (ibid. 334.) Фарлофу по свидѣтельству Скандинавскихъ надписей снятыхъ Вереліемъ, является двойникъ Фарулфъ. *Лидуль* можетъ быть Скандинавское Loftl, (сынъ Гальфдана древняго.) *Фастъ* или *Фостъ* также Скандинавское имя. Такимъ образомъ изъ четыр-

Мы отъ рода Русскаго (далѣе слѣдуютъ вышеприведенныя имена) иже послани отъ Олга Великаго Князя Русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ, къ вамъ, Львови и Александру и Константину, великымъ о Бозѣ самодержьцемъ, царемъ Грецкымъ, на удержаніе и на извѣщеніе отъ многыхъ лѣтъ межю Христіяны и Русью бывшюю любовь, похотѣньемъ нашихъ Князь и по повелѣнію (свѣтлаго Князя нашего), и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси. Наша свѣтлость, болѣе инѣхъ хотящи (Соф.) еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшюю межю Христіаны и Русью многажды, право судихомъ, но точью просто словесемъ, и писаніемъ и клятвою твердою, кленшеся оружьемъ своимъ, такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему.

Мы Русскіе, которыхъ прислалъ Олегъ Великій Князь Русскій и всѣ свѣтлые бояре его подручники, къ вамъ Льву, Александру и Константину, великимъ по благословенію божію самодержцамъ и Царямъ Греческимъ, на удержаніе и извѣщеніе любви между Христіанами и Русью бывшей издавна, по желанію нашихъ Князей и повелѣнію свѣтлаго Князя нашего и всей Руси, которая ему подвластна. Наша свѣтлость желая болѣе иныхъ удержать и извѣстить по Божіей волѣ любовь много разъ заключаемую между Христіанами и Русью но только на словахъ, разсудили за правильнѣйшее утвердить и извѣстить таковую любовь писаніемъ и твердою клятвою, поклявшись своимъ оружіемъ по вѣрѣ и по закону нашему.[70]

надцати именъ только два Стемидъ или Стемиръ и Карнъ звучатъ по Славянски или корнями своими примыкаютъ къ Славянскому языку. Стемиръ можетъ быть сокращенное Станимиръ, *Карнъ* имѣетъ подобное себѣ въ словѣ о полку Игоревѣ, *Карну*, отъ слова *Кърнъ* обрѣзанный, оттуда же *Карнать* обрывать, *корнаухій* съ обрѣзанными ушами, и такъ *Карнъ* можетъ быть рѣзаный. Слѣдовательно главными дѣятелями на Руси въ Олегово время были Скандинавы, Варяги, Славяне же Приднѣпровскіе еще слабо участвовали въ общественныхъ дѣлахъ, или по крайней мѣрѣ были позади Варяговъ, и только немногіе изъ нихъ пробивались въ передъ судя по именамъ Олеговыхъ пословъ двое на двѣнадцать.

[70] Представляемый здѣсь переводъ кажется не совсѣмъ близкимъ къ подлиннику; но въ сущности подлинникъ перевести ближе нѣтъ никакой возможности: ибо сохраняя порядокъ словъ подлинника, какъ бы его не пе-

За вступленіемъ слѣдуетъ переходъ къ статьямъ договора:

«Суть, яко понеже мы ся имали по Божіи вѣрѣ, о любви главы таковы.»

Вотъ главы о любви, которыя мы взялись исполнять по Божіей вѣрѣ.

реводили всегда будетъ переводъ теменъ и неправиленъ, всегда останется нѣсколько словъ какъ бы неотносящихся къ дѣлу или лишнихъ; но на самомъ дѣлѣ составитель подлинника не сказалъ ни одного лишняго слова, а только по неопытности неумѣлъ совладѣть съ кучею связанныхъ предложеній, находившихся можетъ быть въ Греческомъ оригиналѣ договора, и разставилъ имъ безъ связи и тѣмъ затемнилъ свое изложеніе до крайности, такъ что держась его порядка словъ при переводѣ приходилось бы выпускать цѣлыя предложенія. Въ словосочиненіи въ соединеніи и разстановкѣ предложеній составитель, привыкшій выражаться изустно краткими предложиніями, рѣшительно разтерялся, когда ему пришлось излагать мысли на письмѣ, гдѣ понадобилось связывать и располагать нѣсколько предложеній зависящихъ одно отъ другаго, и взаимно другъ друга опредѣляющихъ и дополняющихъ, особенно при переводѣ съ Греческаго языка, который былъ ему извѣстенъ по изустнымъ разговорамъ съ Греками, не простиравшимся далѣе простыхъ и отрывочныхъ выраженій необходимыхъ при торговыхъ и житейскихъ сношеніяхъ. А посему онъ и на письмѣ неизмѣнилъ своему изустному образу изложенія, каждое предложеніе понималъ и переводилъ отдѣльно и ставилъ въ томъ порядкѣ въ какомъ находилъ его въ Греческомъ подлинникѣ, не заботясь о томъ у мѣста ли оно, и можетъ ли дополнять и опредѣлять другое предложеніе съ которымъ оно находится въ неразрывной связи по смыслу. Отъ этаго у него и вышли многія неправильности. Такъ онъ зналъ что можно сказать: *извѣстить удержать любовь*; при томъ же видѣлъ что по Гречески ἀγάπη стояло въ винительномъ падежѣ, ибо зависѣло отъ неопредѣленнаго наклоненія съ членомъ; и по неопытности нерѣшился или просто недогадался измѣнить винительный падежъ *любовь* въ родительный, когда вмѣсто неопредѣленнаго *извѣстить* и *удержать* ему понадобилось поставить управляющимъ словомъ имена *извѣщеніе удержаніе*. Слѣдующее за симъ выраженіе: «похотеньемъ нашихъ князь, и по повелѣнью и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси.» вѣроятно составителемъ было написано правильно, и искажено только позднѣйшимъ перепещикомъ, который пропустилъ слова: «свѣтлаго Князя нашего,» составителемъ было написано: «похотеньемъ нашихъ князь и по повелѣнью свѣтлаго князя нашего, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его

Первая статья или глава договора:

«По первому убо слову да умиримся съ вами Греки, да любимъ другъ друга отъ всея душа и из-

Согласно первому нашему слову да умиримся съ вами Греки, да любимъ другъ друга отъ всей

сущихъ Руси.» Наше предположеніе въ таковомъ пропускѣ переписчика оправдывается параллельнымъ выраженіемъ того же договора поставленнымъ ниже. «Тако же и вы Греци да храните таку же любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускымъ, и къ всѣмъ иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего,» т. е. составитель подъ словами: «*свѣтлаго князя нашего*» разумѣлъ Олега, какъ верховнаго князя на Руси, а подъ словами: «*нашихъ князь*,» князей надъ Славянскими племенами подчиненными Олегу. Но сцѣпленіе нѣсколькихъ предложеній, которыми оканчивается приведенное нами первое отдѣленіе договора, очевидно есть подлинное неизкаженное произведееіе древняго составителя или переводчика договора, оно явно обличаетъ человѣка только что начинающаго излагать свои мысли на письмѣ; здѣсь мы не видимъ ни недостатка ни не точности въ выраженіяхъ и словахъ, здѣсь каждому понятію даны именно тѣ слова которыя выражаютъ его ясно и опредѣленно, все указываетъ на языкъ богатый выраженіями и слѣдовательно на народъ, который уже много пережилъ на своемъ (некороткомъ) вѣку, много видѣлъ, много узналъ и о многомъ передумалъ, но за неимѣніемъ грамоты еще неучился передавать свои думы и свои знанія на письмѣ, въ связномъ изложеніи. А отсюда выходитъ то, что каждое предложеніе взятое отдѣльно является правильнымъ и яснымъ, почти такимъ, какимъ бы оно явилось въ языкѣ совершенно развитомъ и получившемъ опредѣленныя правильныя грамматическія формы. Вотъ три предложенія составляющія окончаніе перваго отдѣленія. 1-е. «Наша свѣтлость право судихомъ и писаньемъ и клятвою твердою такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему. 2-е. «Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь бывшую межю Христіаны и Русью многажды, но точію просто словесемъ. И 3-е. «Кленшеся оружіемъ своимъ.» Каждое изъ сихъ предложеній взятое отдѣльно, какъ всякій долженъ сознаться неимѣетъ недостатка въ правильности и опредѣленности грамматической; а посему темнота и сбивчивость цѣлой статьи очевидно зависитъ только отъ неправильной ихъ разстановки, и именно отъ того, что составитель или переводчикъ сказуемое перваго главнаго предложенія: «право судихомъ,» поставилъ между первымъ и вторымъ сказуемымъ прибавочнаго предло-

воленья; и невдадимъ, елико наше изволеніе, бытн отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ никакому же соблазну или винѣ; но потщимся, елико по силѣ, на храненіе прочихъ и всегда лѣтъ съ вами Грекы, исповѣданіемъ и написаніемъ съ клятвою извѣщаемую, любовь не превратну и непостыжну. Тако же и вы, Греци, да храните таку же любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Русскимъ и къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго Князя нашего, не съблазнену и непреложну всегда и въ вся лѣта.»

Вторая статья договора.

«А о головахъ, иже ся ключитъ проказа, урядимся сице: Да елико яве будетъ показаніи явлеными, да имѣютъ вѣрное о тацѣхъ явленіи; а ему же начнуть неяти вѣры, да кленеться часть та, иже ищетъ неятью вѣры, да егда клянется по вѣрѣ своей, будетъ казнь, якоже явиться съгрѣшеніе о семъ.»

Третья статья договора.

«Аще кто убьетъ Крестьяна Русинъ, или Крестьянъ Русина, да

души и изволенья; и согласно нашему изволенью недопустимъ быть какому либо соблазну или винѣ отъ людей подвластныхъ нашимъ свѣтлымъ Князьямъ; но потщимся, сколько можемъ, на сохраненіе, на всѣ будущіе годы, непревратной и непоступной съ вами Греки любви, которую теперь съ клятвою извѣщаемъ и на словахъ и писменно. Также и вы Греки да сохраните на всегда во вся лѣта несблазненно и непреложно такую же любовь къ нашимъ свѣтлымъ Князьямъ Русскимъ, и ко всѣмъ подвластнымъ нашему свѣтлому Князю.

А о головахъ, ежели случится какое нещастіе, узаконимъ такъ:

Ежели что явно будетъ по уликамъ представленнымъ на лицо, то должно вѣрить таковымъ уликамъ; но ежели чему не будутъ вѣрить, то пусть клянется та сторона, которая требуетъ, чтобы невѣрили, и ежели послѣ клятвы данной по своей вѣрѣ окажется по розыску, что клятва дана была ложно, то клявшійся да пріиметъ казнь.

Убьетъ ли Русинъ Христіанина, или Христіанинъ Русина, да

женія: «любовь бывшюю многажды, но точію просто словесемъ,» и такимъ образомъ разорвалъ два предложенія, изъ которыхъ втораго предложенія, какъ опредѣляющаго подлежащее перваго предложенія, разрывать не слѣдовало.

умрѣть, идеже аще створить убійство. Аще ли убѣжить створивый убійство, аще есть имовить, да часть его, сирѣчь иже его будеть по закону, да возметь ближній убіенаго, а и жена убившаго да имѣеть то лицѣмъ же прибудеть (правильнѣе *еже ее будетъ*) по закону; аще ли есть неимовить створивый убойство и убѣжавъ, да держится тяжи, доньдеже обрящется, яко да умреть.»

умреть тамъже, гдѣ учинить убійство. Ежели же убѣжить учинившій убійство, и ежели онъ имѣеть достатокъ, то часть его, т. е. что ему принадлежить по закону, да возметь ближній убіеннаго, но и жена убившаго да удержить то лицемъ, что ей принадлежить по закону; ежели же убійца убѣжавъ не оставить имѣнія, то искъ непрекращается до тѣхъ поръ, пока его не отыщуть, и не казнять смертію.

Четвертая статья договора.

«Аще ли ударить мечемъ или бьеть кацѣмъ любо съсудомъ, за то удиренье или бьенье да вдасть литръ пять сребра по закону Русскому; аще ли будеть неимовить тако сътворивый, да вдасть елико можеть и да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходить, а о прочѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никако же иному помощи ему, да пребываеть тяжа оттолѣ невзыскаема о семъ.»

Ежели кто ударить кого мечемъ, или прибьеть какимъ либо орудіемъ, то за сіе удареные или побои по закону Русскому да заплатить пять литръ серебра; ежели же учинившій сіе не будеть имѣть достатка, да отдасть столько, сколько можеть, да сниметь съ себя и ту самую одежду, въ которой ходить, а въ остальномъ да клянется по своей вѣрѣ, что у него некому помочь въ платежѣ; послѣ чего искъ прекращается.

Пятая статья договора.

«Аще украдеть Русинъ что любо у Крестьянина, или пакы Христьянинъ у Русина, и ятъ будеть въ томъ часѣ тать, егда татьбу творить, отъ погубившаго что любо. Аще приготовится татьбу творяй, и убіенъ будеть, да невзыщеться смерть его ни отъ Христьянъ ни отъ Руси, но паче убо да възметь свое, иже будеть по-

Ежели Русинъ украдеть что либо Христіанина, или также Христіанинъ у Русина, и при поимкѣ хозяиномъ во время кражи ежели воръ станеть сопротивляться, и присопротивленіи будеть убить, то смерть его да невзыщется ни отъ Христіанъ ни отъ Руси; хозяинъ же возметь только свое, что покрадено. Но ежели воръ про-

губимъ. Аще въдасть руцѣ украдый, да ять будетъ тѣмъ же, у него же будетъ украдено, и связанъ будетъ, и отдасть то, еже смѣ створить, и створитъ трижды о семъ. Аще ли кто, или Русинъ Хрестьяну, или Хрестьянъ Русину, мученія образомъ искусъ творити (будетъ) и насилье явѣ, или въэметъ что любо дружне, да въспятитъ троичь.»

тянетъ руки, чтобы его взялъ тотъ, у кого онъ укралъ, и будетъ связанъ; то долженъ отдать и то что укралъ, и сверхъ того заплатить тройную цѣну украденнаго. Но ежели кто, Русинъ ли у Христіанина или Христіанинъ у Русина, будетъ дѣлать обыскъ съ притѣсненіемъ и явнымъ насиліемъ, или возметъ что либо у другаго, да возвратитъ втрое.

Шестая статья договора.

«Аще выверження будетъ лодья вѣтромъ великомъ на землю чюжю, и обрящються тамо иже отъ насъ Руси, да еще кто идеть, снабдети лодью съ рухломъ своимъ и отсылати пакы на землю Крестьянску, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже придеть въ безстрашно мѣсто. Аще ли таковая лодья, ли отъ буря, ли бороненія земнаго боронима, не можетъ възборонитися въ своя си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоя лодья мы Русь и да провадимъ съ куплею ихъ по здорову, ти аще ключиться близъ земли Грецкы; аще ли ключиться тако же проказа лодьи (близъ земли) Рустѣй, да проводимъ ю

Ежели большимъ вѣтромъ выкинетъ лодью на чужую землю, и тамъ случится кто нибудь изъ насъ Руси, ежели кто идетъ (въ Грецію), тому охранять лодью съ ея товаромъ, и отвести въ землю Христіанскую; да проводимъ ее сквозь всякое опасное мѣсто, пока она непридетъ въ мѣсто безопасное. А ежели таковая лодья отъ бури или сѣвши на мель[71] не можетъ добраться до своего мѣста; то мы Русь да поможемъ гребцамъ той лодьи, и проводимъ ихъ и съ товаромъ по здорову, ежели это будетъ близъ Греческой земли; а ежели таковое нещастіе случится близъ Руской земли, то проводимъ лодью въ Рус-

[71] Здѣсь слово *бороненье* земное я перевелъ словомъ мель, потому что и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руси отмели и пороги называются переборами (Област. Слов. стр. 155) а въ XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ слова *забрало* и *обронь* въ значеніи насыпи. Такъ въ словѣ о полку Игоревѣ: «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ,» а въ лѣтописи одно укрѣпленіе называется «Обронь княжъ.»

въ Русскую землю, и да продаютъ рухло тоя лодья, и аще что можетъ продати отъ лодья, воволочимъ имъ мы Русь, да егда ходимъ въ Грекы или съ куплею, или въ сольбу къ Цареви вашешему, да пустимъ я съ честью проданное рухло лодья ихъ. Аще ли ключиться кому отъ тоя лодья, въ ней убіену быти, или бьену быти отъ насъ Руси, или взяти что любо, да повинни будутъ то створшіи преждерѣченною епитемьею.»

скую землю и товаръ сей лодьи да продаютъ, и ежели что можно будетъ продать, то мы Русь выгрузимъ имъ, и когда пойдемъ въ Грецію съ куплею или съ посольствомъ къ вашему Царю, отпустимъ ихъ и проданный товаръ лодьи съ честію. Но ежели случится, что кто нибудь съ той лодьи будетъ убитъ или прибитъ кѣмъ либо изъ насъ Руси, или что либо будетъ похищено, то учинившіе сіе подвергнутся наказанію, о которомъ сказано выше.

Седьмая статья договора.

«Аще полоняникъ, обою страну держимъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ону страну, оже обрящеться или Русинъ или Гречинъ, да искупять и възвратять искупленное лице въ свою страну, и възмуть цѣну его купящіи, или мниться въ куплю на день челядиная цѣна. Тако же аще отъ рати ятъ будеть, отъ тѣхъ Грекъ, тако же да взвратится въ свою страну, и отдана будеть цѣна его, яко же рѣчено есть, яко же есть купля.»

Ежели въ той или въ другой сторонѣ у Руси или у Грековъ будетъ находиться плѣнникъ проданный въ ту сторону, и ежели откроется, что онъ или Русинъ или Гречинъ; то да выкупятъ его, и выкупивши возвратятъ лицомъ въ свою сторону, а купившіе возмутъ за него или выкупную цѣну, или торговую цѣну невольника въ тотъ день. Также и взятый на войнѣ Греками, да возвратится въ свою сторону, и за него, какъ сказано, будетъ выдана торговая цѣна.

Осьмая статья договора.

«Егда же требуетъ на войну ити, егда же требу творите, и си хотятъ почестити Царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ придетъ и хотятъ остати у Царя вашего, своею волею да будутъ.»

Когда же нужно будетъ на войну идти, и вы будете набирать воиновъ, а сіи захотятъ почтить вашего Царя, и сколько бы ихъ непришло, ежели захотятъ остаться у вашего царя; то имъ это предоставляется на волю.

Девятая статья договора.

«О Руси о полоненьи, многажды отъ коея убо страны пришедшимъ въ Русь и продаваемымъ въ Христіяны, еще же и о Крестьянѣхъ полонныхъ многажды отъ коея любо страны приходящимъ въ Русь, се продаеми бываютъ по 20 золота и да придутъ въ Грекы.»

О Русскомъ полонѣ. Всѣмъ плѣнникамъ изъ какой бы страны они ни пришли въ Русь, какъ это часто бываетъ; ежели они продаются въ землю Христіанскую, то имъ чистъ путь въ Грецію и одна цѣна по 20 златницъ; та же цѣна и также чистъ путь и плѣннымъ Христіанамъ, изъ какой бы страны они ни пришли въ Русь, какъ это часто бываетъ.

Десятая статья договора.

«О томъ аще украденъ будетъ челядинъ Рускый, или ускочитъ, или по нужи проданъ будетъ, и жаловати начнутъ Русь, да покажеться таковое отъ челядина, да имутъ й въ Русь; но и гостье погубиша челядинъ, и жалуютъ, да ищютъ й, обрѣтаемое да имутъ ѐ. Аще ли кто искушенія сего недасть творити, мѣстникъ да погубитъ правду свою.»

Ежели невольникъ принадлежащій Русину будетъ украденъ, или проданъ насильно, или самъ уйдетъ, и ежели Русинъ начнетъ на это жаловаться; то жалобу долженъ подтвердить самъ невольникъ, и тогда дозволяется взять его въ Русь. Точно также и гости потерявши невольника должны жаловаться и искать его, и ежели сыщутъ взять къ себѣ. Но ежели хозяинъ дома недопуститъ дѣлать обыскъ; то тѣмъ самымъ уже лишается права на невольника.

Одиннадцатая статья договора.

«О работающихъ въ Грецѣхъ Руси у Крестьянскаго царя, аще кто умретъ не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ неимать, да възвратитъ имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь; аще ли створитъ обряженіе, таковый иметъ уря-

О Руссахъ состоящихъ на службѣ въ Греціи у Христіанскаго Царя. Ежели кто изъ нихъ умретъ не разпорядившись своимъ имѣніемъ, или не будетъ имѣть при себѣ своихъ, то имѣніе его да отошлютъ къ его ближнимъ въ Русь.

ное его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдитъ е.»

Но ежели онъ по своему имѣнію сдѣлаетъ разпоряженіе, то тотъ, кого онъ напишетъ наслѣдникомъ имѣнія, да возметъ назначенное ему да наслѣдитъ имѣніе.

Двѣнадцатая статья договора.

«Отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ въ Грекы и удолжающихъ аще злодѣй, възвратится въ Русь, да жалуютъ Русь Хрестьянскому царству, и ятъ будетъ таковый и възвращенъ будетъ нехотяй въ Русь. Си же вся да творять Русь Грекомъ, идѣже аще ключится таково.»

Между торгующими Руссами и разными приходящими въ Грецію и проживающими тамо, ежели будетъ преступникъ и долженъ быть возвращенъ въ Русь, то Русь должна объ этомъ жаловаться Христіанскому царю, и тогда возмутъ и возвратятъ его въ Русь противъ воли. Тоже должны сдѣлать и Руссы для Грековъ, ежели случится что подобное.[72]

---

[72] Статью сію нѣкоторые переводчики и толкователи начинаютъ словами: «Аще злодѣй възвратится въ Русь.» Предшествующія же слова: «отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ въ Грекы и удолжающихъ» относятъ къ концу одиннадцатой статьи. Но таковая перестановка словъ изъ одной статьи въ другую вредитъ той и другой статьѣ; ибо слова сіи въ одиннадцатой статьѣ являются ненужнымъ дополненіемъ, измѣняющимъ и затѣмняющимъ смыслъ; тамъ уже сказано, что имѣніе остающееся послѣ Русина безъ завѣщанія возвращается на Русь къ сродникамъ умершаго; наслѣдникъ же по завѣщанію самъ беретъ завѣщанное, и конечно долженъ брать его изъ квартиры умершаго, а не отъ пріѣзжихъ Рускихъ купцовъ, или вообще отъ проживающихъ въ Греціи Руссовъ: ибо странно и ни съ чѣмъ несообразно предполагать, чтобы хозяинъ держалъ свое имѣніе не у себя, а отдавалъ постороннимъ лицамъ, и при томъ такимъ, которые временно приходятъ въ Грецію по своимъ дѣламъ. Мы неможемъ предполагать, что здѣсь должно разумѣть, будто бы хозяинъ отдавалъ свой капиталъ пріѣзжающимъ Русскимъ купцамъ для торговли, для того чтобы его капиталъ въ торговыхъ оборотахъ пріобрѣлъ приращеніе; ибо въ статьѣ сказано не объ одникъ купцахъ, но и о различныхъ ходящихъ въ Грекы, отъ которыхъ по смыслу толкователей наслѣдникъ будто бы долженъ былъ требовать завѣщанное имѣніе;

Заключеніе договора.

«На утвержденіе же и неподвиженіе быти межи вами Хрестьяны и Русью бывиній миръ сътворихомъ Ивановомъ написаніемъ на двою харотью, царя вашего и своею рукою; (и царь) предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею, еди-

Чтобы миръ бывшій между вами Христіаны и Русью былъ твердъ и неподвиженъ, мы написали его на двухъ хартіяхъ Ивановымъ письмомъ за руками нашими и вашего царя; и царь передъ честнымъ крестомъ и Святою единосущною Троицею еди-

---

слѣдовательно о приращеніи капитала чрезъ отдачу его въ торгъ, здѣсь нѣтъ и намеку. Такимъ образомъ слова: «отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ въ Греки и удолжающихъ.» вовсе неотносятся къ 11-й статьѣ договора. И на оборотъ 12 статья безъ сихъ словъ теряетъ свой смыслъ; ибо безъ нихъ дѣлается непонятнымъ: о какомъ злодѣѣ говоритъ статья о Русскомъ или о Греческомъ; да и самый глаголъ *възвратится* въ Русь, оказывается не нужнымъ, ибо чрезъ два предложенія въ статьѣ слѣдуетъ глаголъ: *«взвращенъ будетъ.»* Отъ чего и переводчики принимавшіе такое неправильное дѣленіе сихъ двухъ статей должны были прибѣгать къ явнымъ натяжкамъ искаженіямъ смысла. Такъ Эверсъ слова «аще злодѣй възвратится,» переводитъ: «Ежели кто злодѣйски будетъ ратовать.» (Древн. Рус. Прав. стр. 190.) А одинъ изъ послѣдователей Эверса слово *взвратится* переводитъ словомъ: *убѣжитъ*; «Ежели преступникъ убѣжитъ изъ Руси.» (Исторія Россіи Т. I, стр. 109.) Нѣтъ сомнѣнія, что начало 12 статьи и съ присоединеніемъ словъ: «отъ взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ въ Греки и удолжающихъ,» еще остается не совсѣмъ яснымъ; но эта не ясность изчезаетъ, ежели вставить глаголъ, *будетъ* или *обрящется*, который вѣроятно пропущенъ перепищикомъ, но очевидно былъ употребленъ составителемъ статьи; «Отъ взимающыхъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ въ Греки и удолжающихъ аще злодѣй обрящется, возвратится въ Русь.» Ибо мы въ договорѣ же Олега видимъ подобное выраженіе съ глаголомъ *обрящуться: «и обрящються тамо, иже отъ насъ Руси»* (статья шестая); и таковая вставка или дополненіе пропущеннаго перепищикомъ слова нимало непротиворѣчитъ языку договора; ею неусомнился воспользоваться нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ, глубокій знатокъ Русскаго слова, и отступать отъ его указанія мы неимѣемъ никакого права. . . .

наго истиньнаго Бога нашего извѣсти и дасть нашимъ словомъ; мы же кляхомся къ царю вашешему, иже отъ Бога суще яко Божіе зданіе, по закону и по покону языка нашего, непереступати ни намъ ни иному отъ страны нашея отъ уставленныхъ главъ мира и любве. И таково написаніе дахомъ царства вашего на утверженіе обоему пребывати таковому свѣщанію на утвержденіе и извѣщеніе межи нами бывающаго мира мѣсяца Себтября въ 2, а въ недѣлю 15, въ лѣто созданія міру 6420.»

наго истиннаго Бога нашего далъ клятву по нашему слову, а мы клялись вашему царю по нашему закону и исконному обычаю нашего языка, не преступати ни намъ ни другому кому съ нашей стороны отъ уставленныхъ главъ мира и любви, какъ произшедшихъ отъ Бога и отъ устроенія Божія. И чтобы съ обѣихъ сторонъ неуклонно соблюдался настоящій договоръ, на утвержденіе и извѣщеніе состоявшагося между нами мира, мы дали сіе написаніе мѣсяца Сентября въ 2, а въ недѣлю 15, въ лѣто отъ созданія міру 6420.

Договоръ сей сохраненный лѣтописцомъ въ подлинникѣ представляетъ собою важный историческій инстересъ, какъ по языку своему такъ и по содержанію. По языку онъ является первымъ литературнымъ памятникомъ на Руси [73] мы изъ этаго договора видимъ, ка-

---

[73] Называя Олеговъ договоръ первымъ литературнымъ памятникомъ Приднѣпровской Руси, я здѣсь щитаю себѣ обязанностію доказать что языкъ договора непередѣланъ Лѣтописцемъ, и что договоръ не былъ писанъ Болгариномъ, которыхъ нерѣдко встрѣчаемъ въ Византійской службѣ. Впрочемъ подозрѣніе на щетъ передѣлки языка лѣтописцомъ здѣсь рѣшительно невозможно; языкъ лѣтописи и языкъ договоровъ сильно разнятся другъ съ другомъ: у лѣтописца вездѣ рѣчь ясная и правильная обличающая писателя образованнаго и опытнаго; въ договорѣ же рѣчь темная сбивчивая, нестройная и неправильная, въ которой очень замѣтно, что тогдашній языкъ только что въ первые укладывался въ письмена, и еще плохо подчинялся правиламъ связной и продолжительной рѣчи; притомъ же точность, которую, какъ мы уже видѣли, нашъ лѣтописецъ большею частію соблюлъ въ передачѣ чуждыхъ для него Скандинавскихъ именъ Олеговыхъ посланниковъ, отстраняетъ даже самый поводъ къ подозрѣнію, что бы онъ непозаботился сохранить въ точности родной и уже конечно любопытный для него старый языкъ договоровъ. Слѣдовательно предполо-

кимъ языкомъ говорили Олеговы современники въ Приднѣпровьѣ, какъ выражали свои понятія тогдашніе Руские люди, и слѣдовательно какъ

женіе о передѣлкѣ языка лѣтописцемъ неимѣетъ для себя никакой поддержки. Но не таково предположеніе о составленіи или переводѣ (съ Греческаго) договоровъ Болгариномъ; за него стоятъ во первыхъ извѣстія Греческихъ Лѣтописцевъ, что Болгары служивали при Византійскомъ дворѣ, слѣдовательно Греческое правительство скорѣе всего могло поручить переводъ договоровъ на Славянскій языкъ своему чиновнику изъ Болгаровъ; во 2-хъ при современникѣ Олеговомъ Болгарскомъ царѣ Симеонѣ книголюбцѣ много уже книгъ переводилось Болгарами съ Греческаго языка на Славянскій, слѣдовательно Болгары въ это время были лучшими и обычными переводчиками и писателями на Славянскомъ языкѣ, каковыми вовсе небыли въ то время Славяне Приднѣпровскіе; и въ 3-хъ наконецъ позднѣйшіе ученые изслѣдователи, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, находятъ въ языкѣ Олегова договора частые Болгаризмы, и прямо приписываютъ Болгарину переводъ Олегова договора съ Греческаго языка на Славянскій. Всѣ сіи доказательства въ пользу перевода договора Болгариномъ съ перваго взгляда очень сильны; но тѣмъ неменѣе предположеніе о Болгарскомъ переводчикѣ или составителѣ договора при внимательномъ изслѣдованіи дѣла неможетъ быть принято нетолько за истинное но даже и за правдоподобное. Во 1-хъ ежели Греки охотнѣе могли поручить переводъ, или составленіе договора на Славянскомъ языкѣ, Болгарамъ состоящимъ въ ихъ службѣ, то конечно Руские менѣе могли довѣрять Греческимъ чиновникамъ въ этомъ дѣлѣ, и скорѣе должны были поручить его своимъ, тѣмъ болѣе что между самыми послами были Славяне, какъ можно заключить по именамъ нѣкоторыхъ пословъ; а переводъ договоровъ или составленіе ихъ на Славянскомъ языкѣ нужны были не для Грековъ, а для Руссовъ; слѣдовательно, кому поручить это дѣло, рѣшительно принадлежало Рускимъ а не Грекамъ. Притомъ по прямому свидѣтельству нашего лѣтописца, самая мысль составить договоры принадлежитъ не Грекамъ а Олегу; ибо лѣтопись говоритъ: «посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью.» (Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I. стр. 13.) слѣдовательно Руские здѣсь были главными хозяевами дѣла. Вопросъ о томъ, могли ли Руские переводить съ Греческаго языка, знали ли они по Гречески? кажется разрѣшается самъ собою, и самыми договорами Олега; по свидѣтельству договоровъ, Руские часто ѣздили въ Константинополь, дѣятельно торговали съ Греками, и жили между ними по долгу, даже находились иные въ службѣ у Константинопольскихъ Императоровъ, слѣдовательно необходимо должны бы-

понимали, насколько были развиты въ умственныхъ способностяхъ и въ общественной жизни; ибо извѣстно, что языкъ есть лучшее выраженіе жизни народа; богатство сила и стройность языка показываетъ, что народъ много видѣлъ, много испыталъ и о многомъ передумалъ; и наоборотъ ежели языкъ слабъ, невѣренъ, тяжелъ, и нестроенъ въ выраженіяхъ предметовъ общественной жизни, то и самое общество, которое говоритъ такимъ языкомъ, нестройно, неразвито, оно еще путемъ несложилось.

По содержанію своему Олеговъ договоръ разрѣшаетъ много историческихъ и юридическихъ вопросовъ относящихся къ Олегову времени на Руси. Такъ во 1-хъ въ договорѣ мы находимъ ясное свидѣтельство, что Руските дорожили миромъ съ Греками; ибо послы Олеговы прямо пишутъ, что они посланы по желанію Рускихъ Князей, по повелѣнью Великаго Князя и всей Руси подвласной ему. Конечно Рускіе небоялись Грековъ, ибо Греки недавно были побѣждены Рускими, и никогда ненападали и немогли нападать на Рускія владѣнія; слѣдовательно искать желать мира съ Греками заставляла не боязнь

ли знать по Гречески, иначе имъ неудобно бы было и торговать и служить въ Греціи. Во 2-хъ ежели Болгары въ Олегово время были хорошими переводчиками и писателями на Славянскомъ языкѣ; то безъ сомнѣнія они писали по Славянски стройно и правильно, какъ на самомъ дѣлѣ это и было, чему мы имѣемъ очевидныя и неподлежащія спору доказательства въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ и переводахъ Болгарскихъ писателей X вѣка, каковы Іоаннъ Экзархъ, Константинъ, и Григорій переводчикъ или составитель сборника для Симеона Царя Болгарскаго. Договоры же Олега писаны языкомъ нестройнымъ, тяжелымъ и неправильнымъ; слѣдовательно ясно, что ихъ писали не Болгары опытныя въ дѣлѣ писанія, а придиѣпровскіе Руссы новички въ этомъ дѣлѣ. Въ 3-хъ наконецъ чтобы правильно судить о составителѣ или переводчикѣ договоровъ по самому языку договоровъ, для этаго нужно сличить договоры относительно языка съ памятниками Болгарской литтературы одного времени съ договорами; на примѣръ съ твореніями Іоанна Экзарха Болгарскаго. Но мы это оставляемъ для другой статьи, здѣсь же довольно указать на нѣсколько чисто Рускихъ словъ встрѣчающихся въ договорѣ, которыхъ мы ненаходимъ у Болгаръ: на примѣръ *си рѣчь*, *тяжа*, *неимовить*, *порты*, *соимать*, *лодья*, *съсудъ* въ значеніи орудія, *рухло*, *поздорову* и подобн.

а другія побужденія, и именно торговля, какъ доказываетъ содержаніе договора. И такъ мы здѣсь видимъ, что торговля для Олеговыхъ Руссовъ была однимъ изъ главныхъ занятій жизни, они понимали важность торговли и дорожили ею, — искали болѣе вѣрныхъ средствъ для ее обезпеченія; и заботились объ этомъ кажется частныя лица и можетъ быть частныя торговыя общества, какъ свидѣтельствуютъ сами Олеговы послы, говоря «наша свѣтлость болѣе другихъ желая удержать любовь между Христіанами и Русью, многократно заключаемую только на словахъ, разсудили за лучшее утвердить ее писаніемъ и клятвою.» Сіи слова пословъ ясно говорятъ, что искали мира преимущественно извѣстныя частныя лица, именно тѣ которые правили посольство къ Византійскимъ Императорамъ; а между посланниками мы видимъ и Скандинавовъ и Славянъ, какъ свидѣтельствуютъ ихъ имена; слѣдовательно и Скандинавы и Славяне вели торговлю съ Византіею и дорожили ею. Такимъ образомъ въ Олеговыхъ послахъ мы видимъ дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ торговцевъ нарочно ѣздившихъ въ Византію, чтобы заключить договоръ съ Греками по преимуществу торговый, въ которомъ главная забота состоитъ въ обезпеченіи и опредѣленіи правъ Греко-Руской торговли. Въ договорѣ нѣтъ ни слова ни о дани, ни объ укладахъ ни о какихъ либо преимуществахъ Руссовъ пріѣзжающихъ въ Грецію. Статьи договора преимущественно говорятъ объ опредѣленіи мирныхъ безъобидныхъ отношеній между Греками и пріѣзжающими къ нимъ Руссами, объ устраненіи поводовъ къ ссорамъ, и именно къ такимъ ссорамъ, которыя бываютъ между людьми находящимися въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, объ охраненіи имуществъ, о взаимномъ вспомоществованіи мореходцовъ Греческихъ и Рускихъ и о свободной продажѣ привозимыхъ товаровъ. Все это указываетъ на частыя сношенія Руссовъ съ Греками, и притомъ на такія сношенія, которыми Руссы дорожили, и для поддержанія которыхъ нетребовали себѣ никакихъ преимуществъ, искали только правды и безъобидности, какъ бы опасаясь, что бы Греки въ противномъ случаѣ неотказались отъ сношеній съ Руссами, перестали ѣздить къ нимъ и пускать ихъ къ себѣ.

Для историка особенно драгоцѣнны тѣ статьи договора, которыми обезпечиваются взаимныя безобидныя юридическія отношеня Грековъ къ Руссамъ, относящіяся собственно къ частному праву; въ нихъ онъ находитъ прямое и ясное свидѣтельство о внутреннемъ устройствѣ Русскаго Общества въ то время; ибо естественно что сіи статьи договора заимствованы и изъ Рускаго и изъ Византійскаго

устройства. Руссы непонимали искуственныхъ законовъ Римскаго права, и потому немогли вполнѣ подчиниться имъ, простое же естественное право Руси могло быть понятно для Византійцовъ; а посему со стороны Византійцовъ немогло встрѣтиться большихъ препятствій въ принятіи Русскаго права для сношеній съ Русскими, и Византійцы немогли не допустить Русскихъ законовъ, только съ дополненіями изъ своего права, дополненія сіи ясны, какъ увидимъ изъ самыхъ статей.

Въ числѣ статей, обезпечивающихъ взаимныя сношенія Византійцовъ съ Русскими, первое мѣсто занимаетъ статья о судѣ. Она выражена въ договорѣ такъ: «А о головахъ, ежели что явно будетъ по уликамъ представленнымъ на лицо, то должно вѣрить таковымъ уликамъ; но ежели имъ небудутъ вѣрить, то пусть клянется та сторона, которая требуетъ, чтобы невѣрили; и ежели послѣ клятвы, данной по своей вѣрѣ, окажется по розыску, что клятва была дана ложно, то клявшійся да пріиметъ казнь.» Здѣсь первое и самое важное доказательство на судѣ улика, поличное, чисто Руській законъ, непотерявшій своей силы и въ настоящее время. Тогда какъ по Римскому праву недостаточно было уликъ, а требовалось, чтобы обвиненіе было подкрѣплено законными свидѣтелями, или построено на самыхъ несомнѣнныхъ доводахъ, или снабжено для доказательства несомнѣнности признаками, которыя были бы яснѣе свѣта.»[74] А въ дѣлахъ уголовныхъ по Римскому праву то только убійство признавалось злодѣяніемъ, достойнымъ казни, которое дѣлалось съ умысломъ. Законъ Римскій говорилъ: «eum, qui hominem occiderit, si non occidendi animo hoc admiserit, absolvi posse, et qui hominem non occiderit, sed vulneraverit, ut occidat, pro homicida damnandum.[75] Въ договорѣ же о такихъ разграниченіяхъ о различіи намѣреній нѣтъ и помину, и требуется только одинъ уликъ представленныя на лицо; здѣсь законъ неспрашиваетъ съ какимъ намѣреніемъ совершено убійство, и судитъ только на томъ основаніи, что совершено убійство. Ясно что это не Византійскій а Русскій законъ,

[74] Codex IV. XIX. 25 Sciant cuncti accusatores, eam se rem deferre in publicam notionem debere, quae munita sit idoneis testibus, vel instructa apertissimis documentis, vel indiciis ad probationem indubitatis et luce clarioribus expedita.»

[75] Digest. XLVIII. I. u VIII. XIV. Divus Adrianus in haec verba rescripsit: «*In maleficijs voluntas spectatur, non exitus.*»

довольствующійся фактомъ и неспрашивающій о намѣреніи. Но вторая половина статьи явно принадлежитъ Византійцамъ, которые по своимъ понятіямъ о правѣ немогли довольствоваться *однимъ поличнымъ*; и по сему включили возможность допускать споръ и противъ поличнаго, но съ тѣмъ чтобы свидѣтельствующій противъ поличнаго, прежде всего далъ клятву въ справедливости своего свидѣтельства, и въ случаѣ ложности клятвы подвергался наказанію. Всѣ сіи предосторожности и формы при допущеніи свидѣтельствъ противъ поличнаго, явно принадлежатъ Римскому праву, гдѣ читаемъ: «Iurisjurandi religione testes prius, quam perhibeant testimonium, jamdudum arctari praecepimus, et ut honestioribus potius testibus fides adhibeatur.[76] Тамъ же находимъ и наказаніе за ложную клятву, какъ и въ статьѣ договора: «Ежели кто будетъ свидѣтельствовать ложно, то вопервыхъ судится какъ клятвопреступникъ, и потомъ какъ ложный свидѣтель; а ежели ложность свидѣтельства будетъ замѣчена въ самое время свидѣтельствованія, то подвергается пыткѣ. Тотъ же кто отъ ложнаго свидѣтельства потерпитъ вредъ, ежели захочетъ вести дѣло противъ ложнаго свидѣтеля, то весь убытокъ имъ потерпенный переводится на свидѣтеля, который сверхъ того подвергается наказанію опредѣленному законами.«[77] Такимъ образомъ изъ разбора сей статьи мы видимъ, что въ Олегово время на Руси дѣйствовала не одна личная месть, какъ это бываетъ въ обществахъ первобытныхъ, но допускался и судъ въ которомъ поличное щиталось главнымъ и единственнымъ доказательствомъ; что явно свидѣтельствуетъ о степени развитія Русскаго общества при Олегѣ.

Слѣдующая статья договора говоритъ о казни убійцы. «Убьетъ ли Русинъ Христьянина, или Христіанинъ Русина, да умретъ тамъ же, гдѣ учинилъ убійство. Ежели же убѣжитъ учинившій убійство, и ежели онъ имѣетъ достатокъ, со часть его, т. е. что ему принадлежитъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго; но и жена убившаго да удержитъ то лицемъ, что ей принадлежитъ по закону. Еже-

---

[76] Corpus juris. Sectio II. pag. 134.

[77] Ibid. «Ὁ τὰ ψευδῆ μαρτυρήσας πρότερον μὲν ἐπιορκεῖ, δεύτερον δὲ ὡς πλαστογράφος ἐνάγεται, καὶ ἐν αὐτῷ δὲ τῷ καιρῷ τῆς μαρτυρίας ὑπο νοηθεις ψεύδασθαι βασάνοις ὑπό κειται. Εἰ δὲ βουληθῆ ὁ ἐκ τῆς ψεύδους μαρτοριάς καταδικασθεὶς πολιτικῶς κινῆσαι κατὰ τοῦ ψευδομαρτυρήσαντος, λήψεται παῤ αὐτοῦ πᾶσαν, ἣν ὑπέστη, ζημίαν, πρὸς τῷ καὶ τὴν ἀπο τῶν νόμων ὡρισμένην τιμωρίαν ὑφίστασθαι. (Cod. Lib. IV. Tit. XX, num XXIII.)

ли же убійца убѣжавъ неоставитъ имѣнія, то искъ непрекращается до тѣхъ поръ, пока не отыщутъ убійцы и не казнятъ смертію.» Эта статья носитъ на себѣ слѣды Русскаго а не Византійскаго закона; ибо по Римскому праву здѣсь основнымъ закономъ щитался законъ Корнелія требовавшій ссылки убійцы на островъ и лишенія имѣнія; въ послѣдствіи хотя и была въ обыкновеніи смертная казнь, но съ разными ограниченіями, [78] о которыхъ нѣтъ и помину въ статьѣ договора, и при томъ ссылка на острова никогда неотмѣнялась. Что же касается до закона замѣненія смертной казни отдачею имущества убійцы ближнимъ убіеннаго; то о таковомъ законѣ нѣтъ и намеку въ Римскомъ правѣ. Тогда какъ въ древнемъ Русскомъ правѣ онъ сильно развитъ и засвидѣтельствованъ лѣтописями и другими памятниками. Такимъ образомъ статья сія принадлежитъ Русскому а не Римскому праву. Предполагать здѣсь, что выкупъ или отдача имущества убійцы ближнимъ убитаго представляетъ собою уступку Руссовъ Грекамъ, чтобы месть за убитаго непростиралась на родственниковъ убійцы, мы не можемъ; ибо неимѣемъ на это никакихъ указаній; тогда какъ у насъ есть прямыя свидѣтельства Русской правды, какъ о законномъ платежѣ за убитаго, такъ и о томъ, что месть за убійство падала только на убійцу и непростиралась на его родственниковъ. Русская правда прямо говоритъ: «убьетъ мужъ мужа, то мстить брату брата, или сынови отца.» И далѣе: Аще не будетъ кто мьстя; то 40 гривенъ за голову.» Все что мы можемъ здѣсь подозрѣвать объ уступкѣ Византійскому праву со стороны Руссовъ, состояло развѣ въ томъ, что женнино имѣніе не поступало вмѣстѣ съ мужнинымъ въ отдачу ближнимъ убитаго; ибо по Римскимъ законамъ могло быть отдѣльное имѣніе мужа и отдѣльное имѣніе жены. Но и здѣсь нельзя совершенно утвердить, чтобы эта часть статьи прямо принадлежала Римскому праву; ибо и по Скандинавскимъ и по Славянскимъ обычаямъ жена также могла имѣть свое отдѣльное имѣніе. Такъ по свидѣтельству Нестора мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ у Полянъ было обыкновеніе при отдачѣ дѣвицы въ замужство давать за нею приданое: «нехожаше зять по невѣсту, но приводяху

[78] Legis Corneliae de sicarjis et veneficis paena insulae deportatio est, et omnium bonorum ademtio. Sed solent hodie capite puniri, nisi honestiore loco positi fuerint, quam ut paenam legis sustineant; humiliores enim solent vel bestijs subjici, altiores vero deportantur in insulam». (corpus juris Sec. I. pag. 720.)

вечерь, а завтра приношаху по ней что вдадуче.»[79] Слѣдовательно жена могла имѣть свое имущество. Въ древнѣйшихъ же Исландскихъ законахъ извѣстныхъ подъ именемъ Grágás мы имѣемъ прямыя свидѣтельства, что у супруговъ тогда только имѣніе признавалось по закону общимъ и даже переходило въ этомъ видѣ къ наслѣдникамъ, когда супруги утверждали эту общность особымъ актомъ.[80] Или тамъ же: ежели между супругами общность имѣнія небыла утверждена особымъ актомъ; то въ случаѣ денежнаго взысканія на одномъ изъ нихъ виновный платилъ только изъ своего имѣнія, некасаясь имѣнія принадлежащаго другой половинѣ, т. е. именно такъ, какъ поставлено и въ Олеговомъ договорѣ. Въ Русской правдѣ мы также имѣемъ прямое указаніе, что у жены могло быть имѣніе отдѣльное отъ мужнина имѣнія.[82] Слѣдовательно и эта видимая уступка Римскому праву по всему вѣроятію помѣщена въ договорѣ, какъ чисто Русскій законъ.

Статья о взысканіи за побои прямо говоритъ, что она почерпнута изъ Русскаго закона, а не изъ Римскаго права: «Ежели кто ударитъ кого мечемъ или прибьетъ другимъ какимъ орудіемъ, то за сіе удареніе или побои по закону Русскому да заплатитъ пять литръ серебра.» Слѣдовательно о происхожденіи этой статьи не можетъ быть и спору; она же въ подтвержденіе своего происхожденія повторяется и въ Русской правдѣ: «Аще ли кто кого ударитъ батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію; то 12 гривенъ.[83]

Пятая статья договора, въ которой говорится, что воръ пойманный во время кражи, безънаказанно могъ быть убитъ, ежели онъ

---

[79] Полн. Соб. лѣт. Рус. Т. I, стр. 16.

[80] Grágás pars I-ma Sectio VI. Cap. XXII. «Duo conjuges, si voluerint, et aequa adfuerit conditio bonorum, instituant communionem, quae etiam inter haeredes eorum valeat.»

[81] Gragas. Pars. I. Sec. VI cap. XXIII. «Si (communione inter conjuges non-existente) paena pecuniaria alteri eorum irrogata fuerit, delicti reus bonis proprijs hoc expiat.»

[82] Русск. Правда въ статьѣ о задницѣ боярстѣй и о дружиннѣ: «Аще жена сядетъ по мужѣ, то у своихъ дѣтей взять часть, а что на ню мужъ взложитъ, тъ тому госпожа есть, а задница ей мужня ненадобѣ. Будутъ ли дѣти, то что пьрвои жены, тъ то възмутъ дѣти матери своей.»

[83] Руск. прав. стат. V.

сопротивляяся, на столько же принадлежитъ Римскому праву на сколько и древнимъ Русскимъ закономъ; ибо и по Римскому праву не щиталось преступленіемъ убить вора, ежели онъ защищался оружіемъ.»[84] И въ Русской правдѣ: «Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣба; то той убитъ. Аще ли до свѣта держатъ, то вести его на княжъ дворъ: а ожели убьютъ, а люди будутъ видѣли связанъ; то платити въ немъ.» Это свидѣтельство въ отношеніи первой половины статьи, т. е. когда воръ при поимкѣ будетъ сопротивляться.

Вторая половина статьи, гдѣ сказано: «что ежели воръ пойманный на дѣлѣ, не сопротивляясь отдастся хозяину, и будетъ связанъ, то долженъ отдать и то что укралъ и сверхъ того заплатить тройную цѣну украденнаго,» по содержанію своему не противорѣчитъ и Русской правдѣ и Римскимъ законамъ. По Римскому праву открытое воровство наказывалось въ четверо;[85] т. е. возвращалась покраденная вещь, или цѣна ея, и сверхъ того въ наказаніе тройная цѣна вещи.[86] И по Русской правдѣ, воръ кромѣ цѣны, чего стоила украденная вещь, платилъ еще за поступокъ. Въ статьѣ XXIX сказано: «А еже лодью украдетъ: то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ; а въ голубѣ и въ куряти 9 кунъ; а въ уткѣ, и въ гусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди, 30 рѣзанъ: а продажи 60 рѣзанъ.» Такимъ образомъ вторая половина статьи, по совершенному сходству съ институтами Юстиніана, явно заимствована изъ Римскаго права, но въ то же время по сличенію съ XXIX статьею Русской правды оказывается, что она непротиворѣчитъ и Русскимъ законамъ.

Окончаніе статьи: «Но ежели кто Русинъ ли у Христіанина, или Христіанинъ у Русина будетъ дѣлать обыскъ съ притѣсненіемъ, и явнымъ насиліемъ, или возметъ что либо у другаго, да возвратитъ втрое.» Эта часть статьи имѣетъ отношеніе къ статьѣ Русской правды о сводѣ; на нее же есть указанія и въ Римскомъ правѣ. А въ древнихъ Исландскихъ законахъ извѣстныхъ подъ именемъ Grâgâs

---

[84] Furem interdiu deprehensum non aliter occidere lex duodecim tabularum permisit, quam si telo se defendat; teli autem appellatione et ferrum et fustis, et lapis, et denique omne, quod nocendi causa habetur, significatur. (Digest. Lib. XLII. Tit. II. de furtis. LVI).

[85] Insit. Lib. IV. Tit. I. «Poena manifesti furti quadrupli est.»

[86] Ibid. Tit. II. «In quadruplo inest rej persecutio, ut paena tripli sit.»

этотъ законъ выраженъ близко къ статьѣ договора, тамъ сказано: «Si inquirentes violenter et nullo jure et aliter, quam hic praescribitur sese gesserint, proscriptionis tenentur, modo nihil ibi intus invenerint, nec herus furti convincatur, sin minus, impune fiat.» (Gràgàs sestio VIII. Tit. C. X. VIII).

Въ девятой статьѣ сказано, что плѣнники, приводимые въ Русь на продажу, продаются по 20 златницъ и свободно отпускаются въ Грецію. Эта статья очевидно составлена подъ вліяніемъ Римскаго права, по которому законная цѣна невольника полагалась въ 20 солидовъ, [87] что почти тоже значило, что и двадцать златницъ, ибо и та и другая монета была золотая, и заключала въ себѣ 25 денаріевъ.

Десятая статья договора также составлена подъ вліяніемъ Римскаго права. Въ ней сказано: «Ежели невольникъ принадлежащій Русину будетъ украденъ, или проданъ насильно, или самъ уйдетъ, и ежели Русинъ начнетъ на это жаловаться; то справедливость жалобы долженъ подтвердить самъ невольникъ, и тогда дозволяется взять его въ Русь.» Это требованіе, чтобы невольникъ самъ объявилъ, принадлежитъ ли онъ исцу, по всему вѣроятію основано на извѣстныхъ статьяхъ Римскаго права, именно требующихъ, что бы бѣглые невольники спрашивались: кому они принадлежатъ, [88] и почему въ бѣгахъ живутъ у того хозяина, у котораго оказались по сыску. [89] Впрочемъ и въ Руской правдѣ есть указанія, что невольники въ случаѣ предъявленія на нихъ иска также спрашивались, отъ кого и какъ они перешли къ хозяину, у котораго оспориваетъ ихъ истецъ; именно въ статьѣ о челядинѣ сказано: «Аще кто познаетъ челядинъ свой украденъ, а поиметъ и, то оному вести по кунамъ и до третьяго

---

[87] Cod. L. VI. Tit. I. «Qvicunque tugitivum seruum in domum vel in agrum inscio domino ejus suscepit, eum cum alio pari vel viginti solidis reddat.»

[88] Cod. L. VI. Tit. I. § VI. «Cum servum quispiam repetit fugitiuum, et alius evitandae legis gratia, quae in occultantes mancipia certam paenam statuit, proprietatem apponit; vel in vocem libertatis eum animadvertit, illico nequissimus verbera, super quo ambigitur, tormentis subijciatur, ut aperta veritate disceptationis terminus fiat.»

[89] Ibid. § IV. «Sane mancipium torqueri oportet, ut manifestetur, utrum propter lucrum capiendum callide a domino ad domum vel ad agrum ejus, qui eum suscepit, missus fit, an non.»

свода; пояти же челядинъ въ челядина мѣсто, а оному дати лице, ать идеть до конечнаго свода, а то есть ни скотъ, нельзѣ рече, не ведѣ у кого есть купилъ, нъ по языку ити до конца.» Такимъ образомъ эта статья хотя и составлена подъ влiяніемъ Римскаго права, тѣмъ неменѣе не противорѣчитъ и Руской правдѣ; и слѣдовательно принята обѣими договаривающимися сторонами, Греками и Руссами, какъ законъ согласный съ правами того и другаго народа. Но за то право предоставленное этою статьею гостямъ, — брать невольниковъ, по сыску, безъ подвержденія иска самимъ невольникомъ, кажется собственно принадлежитъ Руссамъ, ибо въ Римскомъ правѣ подобныхъ привиллегій не имѣется; и Греки согласились на подобную привиллегію вѣроятно по высокому значенію гостей въ Русскомъ обществѣ. Окончаніе статьи: «ежели хозяинъ дома недопуститъ дѣлать обыскъ; то тѣмъ самымъ уже лишается права на невольника.» явно принадлежитъ Римскому праву, по которому домохозяинъ, недозволяющій дѣлать законнаго обыска, подвергался суду какъ воръ, что и называлось *actio prohibiti furti.*[90] Подобнаго узаконенія ни въ Руской правдѣ ни въ древнихъ Исландскихъ законахъ мы не встрѣчаемъ, слѣдовательно оно принадлежало чисто Римскому праву.

Одинадцатая статья договора состоитъ въ узаконеніяхъ относительно наслѣдованія имущества остающагося послѣ Руссовъ состоящихъ на службѣ у Византійскаго Императора; она требуетъ, чтобы имѣніе остающееся послѣ Русса умершаго безъ завѣщанія отсылалось на Русь къ его ближнимъ; а ежели покойный оставлялъ завѣщаніе то имѣніе его отдавалось тому, кто написанъ въ завѣщаніи. Это узаконеніе явно принадлежитъ Руссамъ; ибо въ статьѣ говорится только объ однихъ Руссахъ и объ ихъ имуществахъ, слѣдовательно до Византійцовъ это вовсе некасалось, и имъ незачѣмъ было тутъ вмѣшиваться съ Римскимъ правомъ; Руссы въ своихъ дѣлахъ естественно должны были вѣдаться своими законами.

Двѣнадцатая статья также явно принадлежитъ Рускому праву; въ ней не Греки а Руссы требуютъ, чтобы преступники бѣжавшіе въ Грецію насильно были возвращаемы въ Русь; и только какъ вознагражденіе предоставляется Грекамъ право на такоеже требованіе, ежели Греческіе преступники убѣгутъ въ Русь.

---

90 Instit. L. IV. Tit. 1. «Est etiam prohibiti furti actio aduersus eum, qui furtum quaerere testibus praesentibus volentem prohibuerit.»

Такимъ образомъ, разсмотрѣвши статьи договора относящіяся къ обезпеченію взаимныхъ юридическихъ отношеній между Греками и Руссами, и отыскавши какія части статей принадлежатъ Рускому и какія Римскому праву, мы теперь отъ части можемъ видѣть внутреннее устройство Рускаго общества при Олегѣ. И находимъ 1-е, что въ тогдашнемъ Рускомъ обществѣ былъ въ обычаѣ судъ надъ преступниками, на которомъ главнымъ и, судя по договору, единственнымъ доказательствомъ признавалось поличное; слѣдовательно въ обществѣ уже недопускалось самоуправства. Хотя личная месть за убійство родственника, принимаемая Рускою правдою, повидимому указываетъ скорѣе на самоуправство, а не на судъ; но въ сущности между статьею договора и Рускою правдою нѣтъ противорѣчія; ибо Руская правда ограничиваетъ месть извѣстными ближайшими степенями родства, и неоставляетъ убійцы безъ наказанія хотябы и небыло мстителей; слѣдовательно также требуетъ суда и недопускаетъ самоуправства. 2-е убійца въ Рускомъ обществѣ по закону подвергался смерти, и даже именно на мѣстѣ преступленія: «да умретъ, идеже аще створитъ убійство;» но въ то же время законъ допускалъ вознагражденіе ближнихъ убитаго имѣніемъ убійцы, ежели убійца скрывался; при чемъ ближніе убитаго получали только то имѣніе, которое по закону принадлежало лично убійцѣ, и немогли брать имѣнія принадлежащаго его женѣ. Это ограниченіе указываетъ, что кромѣ судебнаго разбирательства по преступленіямъ на Руси тогда было уже судебное разбирательство по имѣніямъ, т. е. чисто гражданскій судъ опредѣляющій законность правъ на имущества. Статья договора именно говоритъ: «аще есть имовитъ (убійца) да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго.» 3-е Личныя обиды именно побои и раны, въ тогдашнемъ Рускомъ обществѣ также подчинялись суду, и обиженный получалъ опредѣленное закономъ денежное вознагражденіе, именно по четвертой статьѣ договора 5 литръ серебра, а по Руской правдѣ 12 гривенъ; слѣдовательно и тутъ недопускалось самоуправства, а требовался судъ, какъ по Олегову договору такъ и по Руской правдѣ. 4-е. При преслѣдованіи ночнаго вора хотя и допускалось нѣкоторое самоуправство, но только въ крайности когда воръ былъ вооруженъ и оказывалъ сопротивленіе; въ такой крайности самоуправство допускалось и современнымъ Римскимъ правомъ. Но въ противномъ случаѣ, т. е. когда воръ несопротивлялся и дозволялъ себя связать, законы Олеговыхъ Руссовъ равно какъ и Руская правда

строго запрещали и наказывали всякое самоуправство, и требовали, что бы воръ былъ представленъ въ судъ и подвергся наказанію опредѣленному закономъ, по Олегову договору въ такой же мѣрѣ, какая опредѣлялась и Римскимъ правомъ. Здѣсь самоуправство до того преслѣдовалось закономъ, что подвергалось наказанію такомуже какъ и воровство, даже тогда, когда оно являлось въ видѣ законнаго обыска. 5-е. Преслѣдованіе преступниковъ, по Рускому праву современному Олегу, не прекращалось и за предѣлами Руской земли, законъ требовалъ ихъ возвращенія даже тогда, когда они успѣвали скрыться за границу, какъ прямо говоритъ 12 статья договора: «между торгующими Руссами и разными приходящими въ Грецію и проживающими тамъ ежели будетъ преступникъ, и долженъ быть возвращенъ въ Русь; то Русь должна объ этомъ жаловаться христіанскому царю, и тогда возмутъ таковаго и возвратятъ въ Русь насильно.» Это настойчивое преслѣдованіе преступниковъ даже за предѣлами Руской земли служитъ яснымъ свидѣтельствомъ о могуществѣ власти и закона въ тогдашнемъ Рускомъ обществѣ, и слѣдовательно о твердости общественнаго устройства, основаннаго на разумныхъ началахъ, а не на случайныхъ отношеніяхъ.

Указавши на основаніи Олегова договора на тѣ законныя мѣры, которыя тогдашнее Руское общество употребляло противъ нарушенія правъ признанныхъ закономъ, теперь слѣдуетъ указать на тѣ права, которыя Руское общество предоставляло своимъ членамъ (сколько это можно видѣть изъ того же Олегова договора съ Греками). Относительно этаго предмета мы уже замѣтили при разборѣ третьей статьи договора, что владѣніе имуществомъ по тогдашнему устройству общества тогда только почиталось правильнымъ и заслуживающимъ общественную защиту и законное покровительство, когда имущество признано за владѣльцомъ по закону; «да часть его, сирѣчь, иже его будетъ по закону,» какъ прямо сказано въ договорѣ; въ той же статьѣ мы видѣли, что мужъ и жена могли имѣть отдѣльныя имущества; такъ что въ случаѣ взысканія за преступленіе изъ отдѣльныхъ имуществъ мужа и жены, поступало въ удовлетвореніе по закону только то имѣніе, которое принадлежало виновному; тамъ же мы видѣли что таковыя отношенія имуществъ мужа и жены на столько же принадлежали Римскому на сколько и древнему Рускому праву, равно какъ и Скандинавскимъ законамъ. Далѣе въ одинадцатой статьѣ договора мы встрѣчаемъ довольно ясное опредѣленіе правъ на имущества, признававшихся законными въ тогдашномъ Рускомъ обще-

ствѣ. Такъ въ этой статьѣ мы находимъ свидѣтельство, что имущество составляло собственность лица а не рода; что владѣлецъ или хозяинъ имущества не только могъ свободно разпоряжаться имъ при жизни, но даже имѣлъ право писать завѣщаніе съ назначеніемъ наслѣдника имуществу на случай своей смерти; и законъ признавалъ таковое завѣщаніе обязательнымъ. Въ этой же статьѣ есть указаніе и на права личныя вытекающія изъ отношеній лицъ другъ къ другу, здѣсь именно указывается на родственныя отношенія, которыми также условливались права на имущество; статья говоритъ о правѣ наслѣдованія родственниками, въ случаѣ ежели хозяинъ имущества умеръ не назначивъ наслѣдника завѣщаніемъ. Слѣдовательно въ тогдашнемъ Рускомъ обществѣ тѣ или другія отношенія лицъ другъ къ другу имѣли обязательную силу, и влекли за собою извѣстныя права на имущество, и права сіи были подъ охраненіемъ закона.

Теперь обратимся къ тѣмъ статьямъ договора, въ которыхъ есть указаніе на права лицъ вытекающія изъ отношеній къ самому обществу. Здѣсь самыя важныя указанія мы встрѣчаемъ въ вступленіи и первой статьѣ договора; именно вступленіе указываетъ намъ на верховнаго властителя Руси, Великаго Князя, на князей его подручниковъ, вѣроятно княжившихъ надъ равными племенами подчиненными Олегу, на свѣтлыхъ бояръ и на всю Русь подвластную Великому Князю; первая статья также говоритъ о князьяхъ, которыхъ называетъ свѣтлыми и властителями народа; и далѣе десятая статья упоминаетъ о гостяхъ, и о рабахъ. Такимъ образомъ изъ сихъ упоминаній мы видимъ, что по отношенію къ обществу были особыя права верховнаго властителя Руси, Великаго Князя, потомъ особыя права властителей надъ племенами подчиненными Великому Князю, особыя права бояръ, высшаго класса подданныхъ, носившихъ названіе свѣтлыхъ бояръ, особыя права гостей, и наконецъ особыя права вообще всѣхъ свободныхъ людей принадлежащихъ къ Рускому обществу, и права невольниковъ или рабовъ. Въ договорѣ Олеговомъ конечно мы ненаходимъ полнаго опредѣленія правъ того или другаго класса членовъ тогдашняго Рускаго общества; но уже самое различіе наименованій присвоенныхъ каждому классу намекаетъ на различіе правъ, ибо ежели въ языкѣ образовались различныя наименованія, то это уже есть явный признакъ различія въ значеніи и правахъ; безъ идеи безъ предмета въ языкѣ неможетъ образоваться словъ или выраженій, которые всегда являются только какъ послѣдствія какъ изображенія идей напередъ уже составленныхъ умомъ и вытекшихъ изъ жизни. Впрочемъ

договоръ представляетъ нѣсколько данныхъ и для опредѣленія правъ того или другаго класса; такъ Олегъ Великій Князь Рускій называется властителемъ всей Руси, ему подчинены и свѣтлые бояре и другіе князья; въ договорѣ сказано. «Мы отъ рода Рускаго, иже послани отъ Ольга великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ, похотеньемъ нашихъ князь, и по повелѣнью Великаго Князя нашего, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси.» здѣсь даже видимъ, что въ сношеніяхъ съ чужеземнымъ народомъ распоряжался не одинъ Великій Князь, но также имѣли голосъ и другіе князья подвластные Великому Князю, и бояре и вся Русь. Далѣе первая статья договора называетъ властителями владѣющими надъ народомъ и низшихъ князей подчиненныхъ Олегу; статья говоритъ;» не вдадимъ, елико наша изволенье, быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ никакому же соблазну или винѣ. «Но бояръ договоръ нигдѣ неназываетъ властителями, и оставляетъ за ними только право свѣтлости, т. е. благородства, особаго почета въ народѣ, отсюда мы можемъ заключать, что бояре небыли властителями и непринадлежали къ состоянію князей. Десятая статья договора представляетъ намъ данныя для нѣкотораго опредѣленія правъ присвоенныхъ тогдашнимъ Рускимъ обществомъ состоянію гостей; она говоритъ: «аще украденъ будетъ челядинъ Рускый, и жаловати начнутъ Русь, да покажется таковое отъ челядина, да имутъ и въ Русь; но и гостье погубиша челядинъ; и жалуютъ, да ищутъ и, обрѣтаемое да имутъ е.» Здѣсь, какъ мы видимъ, гости противопологаются вообще другимъ Руссамъ пріѣзжающимъ въ Грецію, слѣдовательно признаются особымъ отдѣльнымъ состояніямъ, особымъ классомъ съ своими правами. И тутъ же находимъ и нѣкоторое преимущество правъ гостя передъ другими Руссами приходящими въ Грецію; ибо для Руси вообще, что бы возвратить пропавшаго челядина, нужно было, чтобы самъ челядинъ признавалъ ищущаго своимъ хозяиномъ, «да покажется таковое отъ челядина» тогда какъ для гостей небыло нужно показанія челядина, а требовалось только, чтобы гость подалъ жалобу и указалъ или отыскалъ челядина. А Игоревъ договоръ ставитъ гостей послѣ пословъ, и указываетъ на нихъ какъ на торговцовъ отправляющихся съ товарами въ чужія земли: «А Великій Князь Русскый и бояре его да посылаютъ въ Греки къ великимъ царемъ Гречесимъ корабли елико хотятъ со слы и гостьми, ношаху сли печати злати, а гостье сребрени.» Такимъ образомъ, по снесенію Олегова договора съ Игоревымъ, мы находимъ, что гости въ

въ тогдашнемъ Рускомъ обществѣ составляли высшій торговый классъ отправляющій свои товары въ чужія земли, и имѣющій нѣкоторыя преимущества въ правахъ, именно почти въ такомъ значеніи въ какомъ мы видимъ гостей во многихъ оффиціальныхъ и лѣтописныхъ памятникахъ Московскаго періода. Наконецъ девятая и десятая статьи договора даютъ нѣкоторыя указанія для опредѣленія состоянія невольниковъ, рабовъ, называвшихся тогда челядью. Такъ девятая статья говоритъ, что невольниками были плѣнники, что они продавались какъ товаръ, и проданные отсылались въ разныя земли; а въ десятой статьѣ указывается на невольника, какъ на вещь, на которую права хозяина были неприкосновенны и охранялись закономъ, хозяинъ могъ требовать своего невольника, гдѣ бы его неотыскалъ.

Наконецъ договоръ Олега представляетъ нѣсколько данныхъ для опредѣленія отношеній Олеговыхъ Руссовъ къ Грекамъ. Здѣсь вопервыхъ мы видимъ, что цѣлію договора были миръ и любовь съ Греками; въ договорѣ послѣ вступленія прямо сказано: «Вотъ главы о любви, которыя мы взялись исполнять по Божіей вѣрѣ; слѣдовательно отношенія Руссовъ къ Грекамъ были чисто мирныя, какъ равныхъ съ равными, а не какъ побѣдителей съ побѣжденными, что подтверждаетъ и весь договоръ, непредставляя даже намековъ на какія либо преимущества и насильственныя требованія съ которой либо изъ договаривающихся сторонъ. Далѣе шестая статья договора свидѣтельствуетъ о дѣятельной торговлѣ между Руссами и Греками; мы въ ней видимъ что и Греки ходили съ торговлею въ Рускую землю, и Руссы въ Греческую, и производили торговлю именно воднымъ путемъ. Статья говоритъ: «ежели большимъ вѣтромъ выкинетъ лодью на чужую землю, и тамъ случится кто нибудь изъ насъ Руси идущій въ Греческую землю, тотъ долженъ охранять лодью съ ея товаромъ, и отвести въ землю Христіанскую. Но ежели случится таковое нещастіе близь Руской земли, то Руссы обязываются проводить лодью въ Рускую землю, и по разпродажѣ товара проводить въ Грецію торговцовъ, когда Руссы пойдутъ къ Греческому царю съ посольствомъ или съ торговлею.» Здѣсь мы видимъ указаніе, что Руссы часто ходили въ Грецію и въ качествѣ пословъ и въ качествѣ торговцовъ; слѣдовательно были въ дѣятельныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ Греками, и для поддержанія сихъ сношеній принимали на себя обязанность помогать Греческимъ торговцамъ въ случаѣ морской бури или другихъ нещастій на пути; эта готовность помогать Греческимъ торговцамъ на пути показываетъ, что Руссы

были очень хорошо знакомы съ морскимъ путемъ въ Грецію, и щитались обычными посѣтителями странъ лежащихъ въ сосѣдствѣ съ симъ путемъ. Седмая статья договора указываетъ, что между предметами торговли Грековъ съ Руссами были невольники или плѣнники, которыхъ скупали и въ Греціи и на Руси изъ разныхъ сторонъ; и Греки и Руссы чтобы подержать взаимныя дружественныя отношенія взаимно обязывались выкупать плѣнниковъ той и другой стороны и отсылать на родину. А девятая статья говоритъ что невольниковъ приводили много и часто и опредѣляетъ на основаніи Римскаго права торговую цѣну невольниковъ по 20 златницъ или солидовъ. Это опредѣленіе цѣны невольниковъ показываетъ, что невольники составляли въ то время одну изъ важныхъ статей торговли, такъ что для нее даже потребовалось опредѣленіе цѣны, тогда какъ на прочіе товары цѣна неопредѣлялась закономъ.

Осмая, одинадцатая и двѣнадцатая статьи договора свидѣтельствуютъ, что Руссы кромѣ торговыхъ сношеній имѣли и другія сношенія съ Греками, многіе изъ Руссовъ приходили въ Константинополь для найма въ военную службу у тамошнихъ Императоровъ, что по договору безъ препятственно дозволялось отъ Великаго Князя Русскаго, какъ прямо говоритъ осьмая статья договора. «Егда же требуетъ на войну ити, егдаже требу творите, и си хотятъ почестити Царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ придетъ, и хотятъ остати у царя вашего, своею волею да будутъ.» Одинадцатая же статья договора указываетъ, что Руссы поступая на службу у Византійскихъ Императоровъ тѣмъ самымъ необращалась въ Византійскихъ гражданъ или подданныхъ, но по прежнему оставались членами Русскаго общества; ибо статья требуетъ, чтобы имѣніе остающееся по смерти Руссовъ служащихъ въ Греціи отсылалось на Русь къ родственникамъ. А двѣнадцатая статья упоминаетъ о Руссахъ торговцахъ, и приходящихъ въ Грецію по разнымъ другимъ дѣламъ, и о проживающихъ въ Греціи, или какъ выражено въ статьѣ удолжающихъ; и такимъ образомъ представляетъ прямое свидѣтельство, что сношенія Руссовъ съ Греками были часты и разнообразны [91].

---

[91] Я разбиралъ договоръ Олега во всѣхъ подробностяхъ, какъ актъ несомненный и подлинный, и непредставилъ никакихъ съ своей стороны доказательствъ въ пользу подлинности договора потому, что послѣ трудовъ, Круга, Карамзина, Эверса, и Погодина подлинность договоровъ Олега и Игоря уже неимѣетъ нужды въ новыхъ доказательствахъ.

Разсмотрѣвши Олеговъ договоръ по всѣмъ отношеніямъ, теперь слѣдуетъ перейти къ послѣдующимъ событіямъ Олегова времени. Лѣтописецъ говоритъ, что Византійскій Императоръ Левъ почтилъ Рускихъ пословъ дарами: золотомъ, драгоцѣнными тканями и одеждами, приставилъ своихъ чиновниковъ показать имъ церковныя украшенія, золотыя палаты и хранящіяся въ нихъ богатства множество золота, дорогія ткани, драгоцѣнные камни, страсти господни, (т. е. вѣнецъ терновый, гвозди и багряную хламиду), а также мощи святыхъ, желая такимъ образомъ научить пословъ своей вѣрѣ; и потомъ съ великою честію отпустилъ ихъ домой. Послы возвратившись къ Олегу разсказали ему всѣ разговоры свои съ Императоромъ Византійскимъ, и какъ заключили миръ, какія утвердили условія между Рускою и Греческою землею, и какъ обѣ договаривающіяся стороны клялись ненарушать договора.

Осенью 912 года Олегъ скончался ужаленный зміею на могилѣ любимаго коня. Вотъ преданіе объ Олеговой кончинѣ сохраненное лѣтописцемъ. «И жилъ Олегъ въ мирѣ со всѣми странами, княжа въ Кіевѣ. И настала осень, и вспомнилъ Олегъ про своего коня, котораго поставилъ кормить, и на которомъ давно уже неѣздилъ. Потому что прежде когда то онъ спросилъ у волхвовъ и кудесниковъ отъ чего мнѣ умереть? и одинъ кудесникъ сказалъ ему: «князь! тебѣ умереть отъ коня на которомъ ты ѣдишь и котораго любишь.» Олегъ подумалъ объ этомъ и сказалъ: «никогдаже несяду на этаго коня и неувижу его болѣе, и приказалъ кормить его и не подводить къ себѣ. И такъ прошло нѣсколько лѣтъ, конь оставался безъ дѣла, Олегъ сходилъ уже въ Грецію, воротился въ Кіевъ, прожилъ еще четыре года, а на пятомъ вспомнилъ о конѣ, отъ котораго волхвы обрекли умереть ему, и призвавъ старѣйшину конюховъ, спросилъ: гдѣ конь, котораго я поставилъ на кормъ и приказалъ беречь? старѣйшина отвѣчалъ: «конь умеръ.» Олегъ засмѣялся и въ укоризну кудеснику сказалъ; «что ни говорятъ эти волхвы, все пустяки и ложь; конь умеръ, а я живъ.» И приказалъ осѣдлать себѣ коня, и пріѣхавъ на мѣсто гдѣ лежали голые конскіе кости и черепъ, слезъ съ коня, и ступивши ногою на черепъ, съ насмѣшкою сказалъ: «отъ сего ли лба умереть мнѣ?» въ это время змія выползла изъ конскаго черепа и укусила Олега въ ногу. Отъ этаго Олегъ разболѣлся и умеръ.» Далѣе лѣтописецъ продолжаетъ. «И плакали всѣ люди великимъ плачемъ по Олегѣ, и понесли его, и похоронили на горѣ, что на-

зывается Щековица; и до сего дни цѣла еще его могила, и слыветъ Ольгова могила.»

Преданіе о кончинѣ Олега съ одной стороны напоминаетъ намъ о Норманскомъ характерѣ и произхожденіи тогдашней приднѣпровской Руси; ибо подобное преданіе мы встрѣчаемъ въ сагѣ Орваръ-Одда, знаменитаго Скандинавскаго витязя, которому одна вѣдунья Гейда также предрекла умереть отъ зміи выползшей изъ черепа его любимаго коня Факсія, и который въ послѣдствіи дѣйствительно умеръ ужаленый на могилѣ своего коня зміею выползшей изъ конскаго черепа. [92] Съ другой стороны тоже преданіе свидѣтельствуетъ что Олегъ своими подвигами заслужилъ особенное уваженіе у своихъ современниковъ и потомковъ, что онъ былъ истиннымъ героемъ тогдашней Руси, и героемъ именно въ народномъ духѣ; ибо вездѣ народное преданіе вмѣшательство высшей силы въ судьбахъ человѣка, предсказанія, и все чудесное соединяетъ только съ памятію о герояхъ, снискавшихъ своими подвигами особенную любовь народа.

По смерти Олега Русскимъ Княземъ въ Приднѣпровьѣ сдѣлался Игорь сынъ Рюриковъ. Этому Князю тогда было 35 лѣтъ отъ роду. Судя по преданію сохраненному лѣтописцемъ, Игорь думалъ также мирно начать свое княженіе, какъ мирно кончилъ свое Олегъ. Но что, по тогдашнимъ обстоятельствамъ Приднѣпровской Руси, было возможно при концѣ жизни для стараго грознаго Князя посѣдевшаго въ битвахъ, то оказалось не совсѣмъ удобнымъ для Князя молодаго, только что начавшаго властвовать и еще неознаменовавшаго себя ни какими подвигами. Олегу въ послѣдніе годы жизни можно было жить мирно: одно грозное имя его приводило въ трепетъ всѣхъ сосѣдей дальнихъ и ближнихъ; а буйные дружинники, эта вольница нетерпѣвшая покоя, такъ привыкли къ старому вождю, столько лѣтъ водившему ихъ на вѣрную побѣду и добычу, что безъ его приказу не смѣли и думать о какихъ либо военныхъ предпріятіяхъ. Но не стало стараго Князя, и все пошло иначе; на первомъ же году Игорева княженія заратились Древляне и Уличи, а въ слѣдъ за ними и буйные повольники пустились сами, мимо Князя, искать войны и добычи.

По свидѣтельству Масуди восточнаго историка X вѣка въ 913 году пятьсотъ Русскихъ лодій явились въ устьѣ Дона, и подплывъ

---

[92] Antiq. Russ. T. I. p. 107.

къ Хазарской заставѣ, послали просить къ Хазарскому Государю, чтобы онъ пропустилъ ихъ чрезъ свою землю на Волгу и въ Хазарское море, обѣщая за то половину добычи, какую возмутъ въ Прикаспійскомъ краѣ. Каганъ согласился пропустить ихъ; и Руссы поплыли въ верхъ по Дону, потомъ перетащили свои лодьи на Волгу, и отъ Итиля внизъ по Волгѣ вышедъ въ Каспійское море, начали опустошать приморскія берега въ областяхъ Джилѣ, (Гилянь) Дейлемѣ, Табарестанѣ, Абисекунѣ и Нефтяной землѣ вплоть до Адербайджана. Тамошніе народы съ незапамятныхъ временъ невидавшіе врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцовъ и рыболововъ, незнали какъ защититься; Руссы всюду являлись нечаянно: били мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили богатство, и опустошивши одно мѣсто, удалялись на острова, и потомъ снова нечаянно являлись въ другомъ мѣстѣ, также дѣлали нападенія, разбивали противниковъ, грабили, опустошали и опять удалялись. Наконецъ тамошніе жители собрались съ силами и на лодкахъ и купеческихъ судахъ дружно пустились къ островамъ занятымъ Руссами, но были разбиты. И Руссы проживъ нѣсколько мѣсяцовъ на морѣ, и награбивъ множество добычи и плѣнницъ, отправились обратно къ устью Волги, и отсюда послали къ Хазарскому Государю условленную часть награбленнаго. Но музульманская гвардія (Аларесія) Кагана и другіе музульмане, жившіе въ Хазарской землѣ, стали просить Кагана, чтобы дозволилъ раздѣлаться съ грабителями, которые опустошили землю ихъ братьевъ музульманъ и поплѣнили ихъ женъ и дѣтей. Каганъ не могъ противиться такому требованію, и только извѣстилъ Руссовъ, что на нихъ приготовляется нападеніе. Музульмане отправились въ походъ вмѣстѣ со многими Христіанами, жителями Итиля, ихъ всего собралось 15,000 человѣкъ. Руссы оставя лодки, вышли къ нимъ на встрѣчу, и бились съ ними три дня сряду: наконецъ музульмане побѣдили; изъ Руссовъ одни пали въ битвѣ, другіе потонули, а часть истреблена Буртасами (Мордвою) и Волжскими Болгарами. [93]

У нашего лѣтописца нѣтъ и помину объ этомъ дальнемъ набѣгѣ Руссовъ; но это и немогло быть иначе; набѣгъ сей былъ не больше какъ предпріятіе повольниковъ ходившихъ за добычею безъ вѣдома

---

[93] Жур. Мин. Нар. Пр. 1835 г., ч. II, статья Григорьева о древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ, 236—239.

Князя, и притомъ предпріятіе очень обыкновенное въ тогдашнее время и въ добавокъ неимѣвшее послѣдствій; слѣдовательно лѣтописецъ могъ и незнать объ немъ, или зная могъ неупоминать въ своей лѣтописи, какъ о дѣлѣ обычномъ и нимало не интересномъ для современниковъ. Для насъ же настоящее чужеземное извѣстіе о набѣгѣ Руссовъ на берега Каспійскаго моря преимущественно важно потому, что оно служитъ яснымъ свидѣтельствомъ, какъ сильно было развито повольничество въ первый вѣкъ Рускаго Государства, и какъ въ то время храбрые воины предпріимчиваго Князя легко превращались въ удалыхъ повольниковъ грабителей при Князѣ менѣе предпріимчивомъ, при которомъ не находили занятія согласнаго съ ихъ характеромъ. Подробности настоящаго набѣга Игоревыхъ Руссовъ, живо напоминающія подобные подвиги Новгородскихъ ушкуйниковъ и повольниковъ XIII и XIV столѣтій, [94] ясно говорятъ намъ,

---

[94] Вотъ для сравненія нѣсколько лѣтописныхъ извѣстій о походахъ ушкуйниковъ, по характеру своему совершенно одинаковыхъ съ вышеописаннымъ набѣгомъ Руссовъ на берега Каспійскаго моря. «Лѣта 6874 ходиша изъ Новгорода люди молодыи на Влъгу безъ Новгородскаго слова; а воеводою Осипъ Вареоломѣевичь, Василій Ѳедоровичь, Александръ Обоконовичь; того же лѣта пріидоша вси здрави въ Новгородъ.» (Новг. I, стр. 88.) Или: «Тогожъ лѣта пріидоша изъ Новгорода великого Новгородцы разбойницы, и бысть ихъ 200 укшуевъ; и поидоша внизъ Волгою рѣкою, и избиша Татаръ и Арменъ въ Новгородѣ (Нижнемъ) множество, гостей сущихъ Татарскихъ тако же и Новгородскихъ, и жены и дѣти ихъ убиша, и товаръ ихъ безчисленно пограбиша, и суды ихъ вся изсѣкоша, и все огню предаша, а сами отъидоша въ Каму; и тако Камою ходяще Болгары воююще и многихъ избиша.» (Ник. IV, стр. 12.) Или: «Лѣта 6883 изъ Новгорода Великаго идоша разбойницы въ 70 ушкуевъ, а воевода бѣ у нихъ Прокофей, а другій Смольянинъ; бѣ же ихъ всѣхъ 2000 и поидоша на рѣку на Волгу рѣкою Костромою, и сташа ополчившась на брань подъ градомъ Костромою. Гражане жъ изыдоша противу ихъ изъ града собравшеся на бой. И видѣвше множество Костромичь разбойницы, и раздѣлишася на двое, и послаша половину лѣсомъ втай; они жъ обшедше удариша въ тылъ на Костромичи, а другая половина въ лице. Воевода жъ Костромскій Плещѣевъ подавъ плещи побѣжа, и вси Костромичи убоявшесь побѣгоша, а иныхъ живыхъ поимаша, и вшедши во градъ вся пограбиша; и стояша недѣлю во градѣ цѣлую, и всяко сокровище потаенное изобрѣтоша и елико возмогоша взяша, а елико не возмогоша та

что Руссы нападавшіе на берега Каспійскаго моря были именно повольники, ушкуйники и Новгородскіе и Приднѣпровскіе и Скандинавскіе, скопившіеся въ Кіевѣ при Олегѣ для того, чтобы участвовать въ его походахъ, и по смерти стараго Князя воителя не находя себѣ дѣла при новомъ, сами собою пустившіеся искать добычи и славы въ дальнихъ набѣгахъ. Появленіе ихъ, при настоящемъ набѣгѣ, прежде всего въ устьѣ Дона, прямо показываетъ, что они пришли изъ Кіева а не изъ другой какой либо стороны, что они именно принадлежали къ той неугомонной вольницѣ, которая по смерти Олега не находя себѣ дѣла при Игорѣ, сама принялась промышлять о себѣ, и спустившись внизъ по Днѣпру, по Черному и Азовскому морю проникла до устьевъ Дона. Тоже подтверждаетъ и отступленіе ихъ по Волгѣ до земли Буртасовъ и Болгаръ; ежели бы они были жителями прибрежій Черноморскихъ, то потерпѣвши пораженіе имъ слѣдовало бы пробираться къ Дону, чтобы потомъ спуститься въ море; пробираясь же такъ далеко вверхъ по Волгѣ до земли Буртасовъ и Булгаръ, они явно обличаютъ себя повольниками Кіевскими, воинами стараго Олега, состоявшими изъ сброда Новгородцовъ, Кривичей и Варяговъ, которымъ было все равно идти ли Дономъ, Чернымъ моремъ и Днѣпромъ на Кіевъ, или въ верхъ Волгою на Новгородъ.

Въ то время, какъ Олеговы воины, оставившіе Игоря, въ качествѣ повольниковъ, промышляли по свидѣтельству восточныхъ писателей на берегахъ Каспійскаго моря, самъ Игорь, по свидѣтельству Рускаго лѣтописца, отправился на заратившихся Древлянъ, а

вся пожгоша, а иное въ рѣку въ Волгу пометаша, и многихъ Христіанъ въ полонъ повѣдоша съ женами и дѣтьми. То же отъ Костромы поидоша къ Новгороду къ Нижнему и градъ зажгоша, и люди убиша, а иныхъ въ полонъ повѣдоша; и поидоша Волгою на низъ въ Каму повернуша и много пограбиша на ней; и возвратившесь пріидоша въ Болгары иже есть въ Казань, и тамо полонъ весь попродаша. И оттуда поидоша внизъ къ Сараю гости Христіанскіе грабяще и біюще; и пріидоша въ Асторокань, и тамо полонъ попродаша. Князь же Асторокаинскій Салчей начатъ ухищряти ихъ лѣстію, и многу честь и кормы даяше имъ; они жъ начаша упиватись, и быша пьяни, аки мертвы; Асторохаицы жъ всѣхъ избиша, ни единаго ихъ жива оставиша, и имѣніе взяша. Такову кончину пріяша воевода Прокофей и другій воевода Смольянинъ со всею дружиною ихъ.» (Ник. IV, стр. 45.)

противъ Уличей послалъ своего воеводу Свенельда, предоставивъ ему дань, которую сберетъ съ этаго народа. Съ Древлянами Игорь скоро управился, побѣдилъ ихъ и наложилъ дань больше Олеговой, и возвратился въ Кіевъ; но многочисленные Уличи, имѣвшіе много городовъ по Днѣстру почти до моря, оказали сильное сопротивленіе Свѣнельду, что бы примучить ихъ и добиться дани, онъ три года осаждалъ главный городъ ихъ Пересѣченъ и едва успѣлъ взять. [95]

На слѣдующій годъ послѣ Древлянскаго похода появился на границахъ Приднѣпровской Руси новый незнакомый народъ Печенѣги; но они, подобно Files Униграмъ при Олегѣ, на первый разъ встрѣтились мирно съ Руссами, и по словамъ лѣтописи, створивше миръ съ Игоремъ удалились къ Дунаю. Впрочемъ это прошла только передовая Печенѣжская орда, а за нею, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго современника Игорева, шли еще семь ордъ одна другой сильнѣе и неукротимѣе; первая заключивъ миръ съ Игоремъ дѣйствительно продвинулась до Дуная и вступила въ союзъ съ Греками противъ Болгаръ; но остальныя семь ордъ, идя одна послѣ другой, естественно должны были садиться одна другой восточнѣе и сѣвернѣе, слѣдовательно напирать на границы тогдашней Руси. Они мало по малу захватили всѣ степи по Дону, Донцу, Днѣпру, Днѣстру и Бугу до Дуная на западъ, и до Чернаго моря на югъ; такъ что поставили свои кочевья по Семи, Сулѣ, Супою и Роси тогдашнимъ юговосточнымъ границамъ Приднѣпровской Руси. Константинъ именно говоритъ, что четыре Печенежскіе орды перебравшіяся на западъ отъ Днѣпра, разсѣлились такъ: 1-я Гіазихопомъ сѣла у границъ Болгарскихъ при Дунаѣ; 2-я Хавуксингила заняла пространство отъ моря до земли Угорской; двѣ остальныя Харовои и Явдіертимъ поселились въ сосѣдствѣ съ Русью и разными Славянскими племенами, подчиненными Руссамъ, Уличами, Древлянами и прочими. А другія четыре Орды непереходившія за Днѣпръ; Куарци-Цуръ; Сируколпей, Вороталматъ и Булатъ-Зопонъ заняли всѣ степи отъ Волги до Днѣпра и моря. На Сѣверовостокѣ ихъ кочевья у Волги и Дона сосѣдили съ землями Узовъ и Хазаръ, на востокѣ ихъ сосѣдями были Алане, и Херсонъ съ тамошними округами; такъ что отъ Узіи и Хазаріи кочевья Печенѣговъ отстояли на пять дней пути, отъ Аланіи на шесть, отъ Мордіи (Мордовы) на десять, отъ Руси на одинъ, отъ

---

[95] Ник. Лѣт. Т. I. стр. 41. и Соф. I-я Лѣт. стр. 97.

Угровъ на четыре, отъ Дунайскихъ Болгаръ на половину дня, а съ землями Херсонскими и Боспорскими сходились.[96] Таковое близкое сосѣдство сильныхъ и безпокойныхъ кочевниковъ естественно немогло обойтися безъ столкновеній, и лѣтопись дѣйствительно, подъ 920 годомъ, замѣтила что Игорь ходилъ на Печенѣговъ. Чѣмъ именно кончился этотъ Игоревъ походъ въ преданіи несохранилось, мы незнаемъ даже и того гдѣ столкнулся Игорь съ Печенѣгами; но соображая характеръ послѣдующихъ войнъ съ Печенѣгами и потомъ съ Половцами можно навѣрное сказать, что здѣсь дѣло шло не озавоеваніи и не о добычѣ, а единственно о томъ, что бы отогнать какую либо орду близко подвинувшуюся къ Рускимъ предѣламъ; и всего вѣроятнѣе, что война была съ которою нибудь изъ западныхъ ордъ, которые шли впереди и можетъ быть въ это время придвинулись къ Рускимъ границамъ. И нѣтъ сомнѣнія что успѣхъ войны былъ на сторонѣ Игоря; ибо во первыхъ такъ можно заключать изъ словъ преданія: «Игорь же воеваше на Печенѣгы;» а во вторыхъ потому что Печенѣги новые пришельцы въ этой сторонѣ, не успѣвши еще оглядѣться и имѣя въ виду просторные степи, не напирали очень сильно на Рускія владѣнія и особенно встрѣтивши какой нинаесть отпоръ со стороны Игоря. А отпоръ конечно былъ неслабый; ибо дружина Игорева по крайней мѣрѣ на половину состояла изъ воиновъ Олеговыхъ опытныхъ бойцовъ, здѣсь Европейскій воинъ отстаивалъ свою землю противъ Азіатскаго кочевника.

Послѣ похода на Печенѣговъ лѣтопись цѣлые двадцать лѣтъ Игорева княженія неотмѣтила никакимъ событіемъ на Руси; и вѣроятно во все это время небыло замѣчательныхъ событій, ибо въ противномъ случаѣ преданіе народное навѣрное запомнило бы что нибудь, и передало лѣтописцу. Но исторія едва ли должна приписывать таковое видимое бездѣйствіе нерадѣнію и слабости Игоря; послѣдующіе его походы на Константинополь уже въ старости ясно говорятъ, что въ Игорѣ еще довольно было предпріимчивости, что неспокойный характеръ Норманскій еще замѣтенъ былъ и въ этомъ Князѣ, хотя конечно не такъ предпріимчивомъ и отважномъ какъ Олегъ. Но чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе и характеръ Игоря, исторія должна вникнуть въ обстоятельства его княженія, должна осмотрѣть въ такомъ ли положеніи находилась тогда Русь,

---

[96] Constant. Porph. Lib. de admin imp. Pag. 106.

въ какомъ была при Олегѣ. Олегъ съ Норманскою дружиною и съ повольниками набранными въ Новгородскомъ краю спустился внизъ по Днѣпру и занялъ всѣ тамошніе Славянскіе города, именно въ такое время, когда ему не было сильнаго противника, когда разрозненные Славянскіе племена Приднѣпровья большею частію сами отдавались ему, или ежели и сопротивлялись, то въ одиночку а не соединенными силами, со стороны же онъ невидалъ ни какой грозы: Угры прошли при немъ мирно неостанавливаясь по сосѣдству съ Рускими владѣніями; Хазары занятые дѣлами на востокѣ въ предѣлахъ Волги и Дона недумали даже защищать тѣхъ своихъ данниковъ, которыхъ отнималъ у нихъ Олегъ; въ дальнихъ и ближнихъ степяхъ на востокъ и на югъ по Днѣпру хотя и виднѣлись кочевья Торковъ, Берендѣевъ и иныхъ кочевниковъ, но ихъ не чего было опасаться, они были немногочисленны. Но совсѣмъ нетаково было положеніе Игоря: на третій же годъ его княженія явились въ предѣлахъ Руской земли Печенѣги, и хотя первая орда прошла мирно, но за нею еще шли орда за ордой, одна другой сильнѣе и воинственнѣе, всѣ степи на востокъ и на югъ отъ Рускихъ владѣній покрылись Печенѣжскими кочевьями, степнымъ войнамъ небыло конца, прежніе кочевые сосѣди Руссовъ Торки и Берендеи незнали куда деваться отъ новыхъ пришельцовъ; Печенѣги время отъ времени надвигались на самыя предѣлы Рускихъ владѣній, и конечно по обычаю кочевниковъ дѣло не обходилось безъ грабежей и опустошеній. При такой страшной грозѣ и при томъ совершенно новой и доселѣ невѣдомой, слѣдовательно тѣмъ болѣе ужасной, очевидно Игорю вовсе небыло возможности предпринимать какіе либо походы на сосѣдей, конечно уже неблизкихъ по причинѣ довольнаго распространенія Рускихъ владѣній при Олегѣ; онъ волей не волей долженъ былъ неоставлять Кіева и сторожить его отъ Печенѣговъ; насущная обязанность Игоря, наложенная на него обстоятельствами, состояла именно въ томъ, чтобы охранять Рускую землю, еще путемъ неокрѣпшую и только что недавно соединившуюся въ одно цѣлое; и онъ свято исполнилъ эту обязанность, онъ непотерялъ ни одного изъ пріобрѣтеній сдѣланныхъ Олегомъ. И ежели народное преданіе почтило память Олега за его завоеванія и подвиги исполненныя удивительной находчивости и отваги; то исторія, разсматривающая лица и событія не съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ какъ преданіе, должна оцѣнить и невидкую, небросающуюся въ глаза, дѣятельность Игоря; тогдашняя Приднѣпровская Русь ему обязана сохраненіемъ своихъ

владѣній, такъ какъ Олегу ихъ пріобрѣтеніемъ; а нельзя незамѣтить, что въ то время при сильномъ движеніи Печенѣговъ сохраненіе старыхъ владѣній на Руси было ничѣмъ не легче пріобрѣтенія новыхъ. Естественно воинственному безпокойному народонаселенію тогдашней Руси сильно ненравилось, что Князь сидитъ дома и неводитъ полковъ на побѣды и добычи, дружинникамъ скучно было только поглядывать въ степи и время отъ времени отбиваться отъ Печенѣжскихъ наѣздниковъ; а по сему Игорь немогъ заслужить особой любви въ народномъ преданіи, и оно говоритъ объ немъ довольно холодно. Самъ Игорь кажется тяготился своимъ положеніемъ нисколько несогласнымъ съ характеромъ безпокойнаго Нормана; и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что еще въ 921 году, т. е. на другой годъ послѣ похода на Печенѣговъ, собралъ было много войска и кораблей;[97] но походъ несостоялся; лѣтопись не говоритъ почему, но очевидно не по доброй волѣ Игоря, а по какой-либо новой необходимости остаться дома. И эта необходимость по всему вѣроятію состояла въ появленіи новой орды Печенѣговъ, которые въ это время постоянно напирали къ Русскимъ предѣламъ. Игорь, отогнавши Печенѣговъ въ 920 году, думалъ что освободился отъ безпокойныхъ сосѣдей, и потому собрался было въ какой-то походъ; но на дѣлѣ вышло не такъ, на мѣсто отогнанной Орды явились новыя толпы многочисленнѣйшія прежнихъ; и онъ волей неволей долженъ былъ отложить походъ и остаться дома до болѣе удобнаго времени; а это удобное время неявлялось въ продолженіи почти двадцати лѣтъ. И Игорь во всѣ эти 20 лѣтъ долженъ былъ сидѣть дома и сторожить Русскую землю отъ незваныхъ гостей, однимъ появленіемъ своимъ наводившихъ ужасъ на всѣхъ сосѣдей ждать пока гости сіи усядутся по мѣстамъ, и вступятъ въ болѣе мирныя отношенія къ Руси. Современникъ Игоревъ Константинъ Порфирородный Императоръ Византійскій именно говоритъ: «что Руссы не могутъ вести войны съ чужеземными народами, неимѣя мира съ Пацинаками (такъ онъ называетъ Печенѣговъ); ибо какъ скоро Руссы выйдутъ въ походъ, то Печенѣги могутъ вторгнуться въ ихъ землю и опустошить ее.»[98] Игорь же долго немогъ имѣть необходимаго для походовъ мира съ Печенѣгами; ибо въ его время Печенѣги только что надвигались орда за

---

[97] Соф. Т. I, стр. 97.

[98] De adm. imp. pag. 56.

ордой; а посему заключивъ миръ съ одною ордою, нельзя было по надѣявшись на этотъ миръ отправляться куда нибудь въ походъ, ибо въ отсутствіе могла надвинуться новая орда, о которой небыло и слуху при заключеніи мира съ первою ордою. Игорь кажется имянно испыталъ подобную встрѣчу въ 921 году, когда, раздѣлавшись съ одною Печенѣжскою ордою въ 920 году, задумалъ собраться въ какой то походъ въ 921 году; онъ очевидно отложилъ походъ по случаю появленія новой Печенѣжной орды.

Наконецъ долго тяготѣвшее надъ Приднѣпровскую Русью, томительное ожиданіе, когда перестанутъ подходить новыя толпы Печенѣговъ, кончилось; всѣ орды Печенѣговъ заняли свои мѣста, новыхъ полчищь болѣе неявлялось. И князь Рускій, (можетъ быть договорами и при помощи заложниковъ обезпечивши свои владѣнія отъ Печенѣжскихъ набѣговъ,) на старости лѣтъ, (ему тогда было около 64 лѣтъ отъ роду) въ 941 году отправился въ походъ на Византію. Но этотъ походъ неудался, старикъ Игорь воротился домой потерпѣвъ пораженіе. Руское преданіе дошедшее до лѣтописца говоритъ, что Болгары предувѣдомили Грековъ, и тѣ успѣли приготовиться, и пожгли Рускія лодьи огнемъ подобнымъ небесной молніи; [99] Руссы воротившіеся домой разсказывали своимъ: «Греки съ своихъ лодій жгли насъ, пуская какой то огонь, аки молонью что на небесахъ, и потому мы неодолѣли ихъ.» Подробностей похода преданіе непомнитъ, что и естественно, ибо на пораженія у народа плоха память; Руссамъ воротившимся домой съ пустыми руками нечего было расказывать о своихъ подвигахъ, имъ рядъ было только защищаться отъ упрековъ товарищей остававшихся дома и складывать вину на Греческій огонь подобный молніи. Лѣтописецъ недовольный краткостію преданія выписываетъ подробности похода кажется изъ Георгія Амартола, сверхъ того объ этомъ походѣ мы имѣемъ еще шесть Византійскихъ писателей, [100] кромѣ того одного писателя Франкскаго [101]

---

[99] Замѣчательно въ этомъ преданіи названіе Русскихъ лодокъ Скедіями: «посълаша Болгаре вѣсть ко Царю, яко идутъ Русь на Царьградъ скедій 10 тысящь.» Это названіе чисто Скандинавское; такъ меньшія суда, вмѣщавшія въ себѣ отъ 20 до 40 человѣкъ, назывались снекарами, скуторами, скейдами. (Олав. Далинъ, часть I. Кн. I, стр. 113.)

[100] Левъ Граматикъ, продолжатель Константина Порфиродн аго, Георгій Кедринъ, Зонара, Симеонъ Логоѳетъ и Георгій монахъ.

[101] Liutprand. Histor. Lib. V, cap. 6.

одного Арабскаго [102] и одного Датскаго [103]. Всѣ они въ частностяхъ нѣсколько разногласятъ между собою; но въ цѣломъ говорятъ одно, что Руссы въ 941 году дѣйствительно подходили къ Константинополю, пробыли тамъ три мѣсяца съ Іюня по Сентябрь, производили разныя опустошенія грабежи и убійства, были разбиты императорскими полководцами сперва на морѣ, потомъ на сушѣ, и наконецъ опять на морѣ, при помощи Греческаго огня, послѣ чего бѣжали домой. Одни изъ писателей говорятъ, что Руссовъ было 1000 судовъ, другіе 10,000 судовъ и даже 15,000 и 30,000.

По свидѣтельству преданія Игорь воротившись съ неудачнаго Греческаго похода, началъ снова собирать множество воиновъ и послалъ къ Варягамъ за море, приглашая ихъ идти на Грековъ; збирался два года и на третій отправился во вторичный походъ. Преданіе о приготовленіи Игоря ко вторичному походу представляетъ два замѣчательныя указанія: одно намекаетъ на то, какъ тогда собирались воины на Руси; преданіе говоритъ: «нача совокупляти вои многи.» Здѣсь мы видимъ не поголовное ополченіе, не принужденіе идти на войну; а собственно кличъ къ охотникамъ къ повольникамъ, кто пожелаетъ участвовать въ походѣ, кого разбираетъ охота промыслить славы и добычи въ далекой землѣ славной своими богатствами; сборъ продолжается цѣлыхъ два года, дружина скопляется невдругъ, охотники идутъ по мѣрѣ распространенія вѣсти о походѣ, одни подзываютъ другихъ, одни строятъ лодьи, другіе снаряжаются пѣшіе, надѣясь на лодьи Княжескіе, и готовятъ необходимыя запасы на дорогу. Князь недовольствуется своими охотниками, посылаетъ въ Скандинавію, приглашаетъ тамошнихъ удальцовъ принять участіе въ замышляемомъ походѣ: «посла по Варяги многи за море, вабя é на Греки.» Это обращеніе къ Варягамъ заморскимъ представляетъ намъ другое важное указаніе о продолжавшихся еще тѣсныхъ связяхъ Приднѣпровской Руси съ Скандинавіею; мы здѣсь видимъ, что сынъ Рюриковъ еще хорошо помнитъ связи своего племени съ Варягами, знаетъ тамошніе обычаи, и надѣется что тамошніе викинги пойдутъ на знакомый призывъ его, и примутъ участіе въ Греческомъ походѣ. Онъ не нанимаетъ Варяговъ въ Греческій походъ, какъ на-

---

102 Эльмакинъ Historia Saracenica, стр. 213. (Лейденъ 1625 г.)

103 Annales Danicj Bartholiniani, An. 777—1200, гдѣ подъ 941 годомъ сказано: Inger rex Normannorum Bysantium obfidet. (Langeb. T. I, pag. 336.)

нимаетъ Печенѣговъ, (о которыхъ въ лѣтописи сказано прямо: «и Печенѣги наяя, и тали у нихъ поя») а только приглашаетъ: «вабя на Греки» какъ съзывалъ бы ихъ живучи въ Скандинавіи, и какъ совокуплялъ воевъ на Руси. Съзываніе или совокупленіе воевъ Игоремъ въ настоящій походъ даже не походитъ на сборъ войска Олегомъ въ его Греческій походъ въ 911 году; объ Олегѣ лѣтопись говоритъ: «иде Олегъ на Грекы, поя же множество Варягъ, Словенъ и Чуди и пр.» Здѣсь нѣтъ и намеку о приглашеніи о совокупленіи, Олегъ просто взялъ съ собою Варяговъ, Словенъ, Чудь и пр. Слѣдовательно съ нимъ шли только тѣ, которые уже были при немъ въ прежнихъ походахъ, или которыхъ онъ побралъ силою у побѣжденныхъ племенъ. Объ Игорѣ же преданіе помнитъ, что онъ совокуплялъ съзывалъ воиновъ; слѣдовательно это съзываніе, этотъ кличь, — кто хочетъ идти на Грековъ, былъ очень памятенъ для народа, такъ что память о немъ сохранилась въ преданіи, какъ особое замѣчательное событіе.

Созвавши множество воиновъ на Руси и въ Скандинавіи и нанявши еще Печенѣговъ, Игорь въ 944 году отправился во второй разъ въ Грецію, спустившись внизъ по Днѣпру, по этой большой Греческой дорогѣ. Записанное у лѣтописца преданіе такъ разсказываетъ объ этомъ походѣ. «Игорь же совокупивъ вои многи; Варяги, Русь, Поляны, Словѣны, Кривичи и Тиверцы, и нанявъ Печенѣговъ и побравъ у нихъ заложниковъ, пошелъ на Грековъ, въ лодьяхъ и на коняхъ, желая отомстить за себя. Корсунцы узнавши объ этомъ, послали сказать Царю Роману: идутъ Русь, кораблямъ ихъ нѣсть числа, покрыли море кораблями; А также и Болгары послали вѣсть: идутъ Русь и наняли Печенѣговъ. Царь услышавши объ этомъ послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ моля и прося; не ходи но возми дань, какую имѣлъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани; также послалъ и къ Печенѣгамъ множество дорогихъ тканей и золота. Игорь дошедъ до Дуная созвалъ дружину и на думѣ сказалъ рѣчь Цареву. И отвѣчала дружина Игорева: «коли Царь говоритъ такъ, чего жъ намъ еще, не бившись взять золото, серебро и дорогія ткани? почемъ знать, кто одолѣетъ, мы ли, они ли? или кто съ моремъ совѣтенъ, мы теперь идемъ не по землѣ а по глубинѣ морской, здѣсь общая смерть всѣмъ.» Послушалъ Игорь дружины, и повелѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю, а самъ взявши отъ Грековъ золото и дорогіе ткани на себя и на всѣхъ воевъ, возвратился назадъ и пришелъ домой въ Кіевъ.»

Это чисто Руское преданіе, неимѣющее никакой книжной примѣси; изъ сего мы видимъ, что лѣтописецъ неотыскалъ у Византійцовъ извѣстій о семъ походѣ, иначе бы онъ не опустилъ случая позаимствоваться тамошними подробностями, какъ сдѣлалъ при описаніи перваго похода. Мы также неимѣемъ извѣстій объ этомъ походѣ у Византійскихъ писателей; слѣдовательно почти можемъ сказать, что никто изъ Византійцевъ и неупоминалъ о немъ, да и на самомъ дѣлѣ Византійцу здѣсь не о чемъ было упоминать, ибо собственно до Византійскихъ владѣній на этотъ разъ Игорь и недоходилъ, и поворотилъ домой отъ Дуная, т. е. отъ границъ Болгарскихъ; дѣло все кончилось незначительнымъ посольствомъ Императорскимъ и подарками, важными для Игоря и его дружины, но обыкновенными для Византійскаго двора, т. е. нѣсколькими мѣшками золотыхъ солидовъ и нѣсколькими партіями шелковыхъ тканей дорогихъ и блѣстящихъ для Игоревой дружины, но по Византійски очень обыкновенныхъ, таковые или подобные подарки Византійскіе Императоры ежегодно посылали къ инымъ сосѣднимъ варварамъ, какъ напримѣръ Константинъ Порфирородный говоритъ, въ своей книгѣ объ управленіи Имперіею, о Печенѣгахъ. И заносить въ хроники всѣ таковыя траты двора Византійскіе Хронисты неимѣли ни возможности ни надобности, ибо иначе имъ пришлось бы въ свои хроники переписывать каждогодно чуть не цѣликомъ расходныя книги Императорскаго казначея. Слѣдовательно молчаніе Византійскихъ писателей о второмъ Игоревомъ походѣ нисколько не наводитъ сомнѣнія на достовѣрность народнаго преданія записаннаго нашимъ лѣтописцомъ. Преданіе же сіе представляетъ намъ нѣсколько замѣчательныхъ данныхъ о внутреннемъ состояніи тогдашней Приднѣпровской Руси, которые невольно обращаютъ на себя вниманіе историка.

Преданіе говоритъ, что Игорь совокупилъ вои многи Варяговъ, Русь, Полянъ, Словѣнъ, Кривичей и Тиверцовъ. Подъ Варягами, конечно, здѣсь разумѣются Варяги заморскіе жившіе въ Скандинавіи, къ которымъ, какъ выше сказано, посылалъ Игорь за море вабя е на Греки; въ Скандинавіи Игорь не владѣлъ, тамъ были другіе Государи; слѣдовательно могъ приглашать только желающихъ участвовать въ Греческомъ походѣ, какъ это обыкновенно дѣлали Конунги Скандинавскіе; а въ преданіи употребленъ одинъ глаголъ, *совокупивъ*, и для сбора Варяговъ и для сбора Полянъ, Кривичей и другихъ; слѣдовательно и на дѣлѣ была одинакая форма набора и для Варяговъ

и для Кривичей и проч. т. е. Игорь только сзывалъ, скликалъ, — кто хочетъ идти на Грековъ, точно также какъ это дѣлали Конунги въ Скандинавіи, объявляя, что они хотятъ идти въ восточное или западное море. Это показываетъ, что Игорь въ настоящемъ походѣ былъ неболыше какъ Великій Конунгъ Скандинавскій, предводитель вольной дружины вышедшей на добычу. Далѣе въ преданіи рядомъ стоятъ: Варяги, Русь, Поляне, Словяне, Кривичи и Тиверцы. О Варягахъ мы знаемъ, что это были заморскіе пришельцы, повольники по одному приглашенію добровольно вызвавшіеся участвовать въ походѣ; слѣдовательно и Русь и Поляне, и Славяне, и Кривичи, и Тиверцы здѣсь являются не какъ племена, а какъ ватаги повольниковъ изъ означенныхъ племенъ. Здѣсь мы видимъ: 1-е, что Русь приведенная Олегомъ изъ Новгородскаго края еще не совсѣмъ слилась съ Приднѣпровскимъ народонаселеніемъ, такъ что преданіе еще отличало ее отъ Полянъ; и 2-е, что повольничество занесенное при Олегѣ изъ Новгородскаго края сильно развилось при Игорѣ по всему Приднѣпровью; такъ что по Игореву призыву сошлись ватаги повольниковъ не только изъ Скандинавіи и Новгородскаго края, т. е. отъ Словенъ, но даже отъ Тиверцовъ, и отъ Полянъ и отъ Кривичей. Но отъ Древлянъ, Уличей, Сѣверянъ, Радимичей, Хорватовъ и Дулебовъ небыло участниковъ въ Игоревомъ походѣ, объ нихъ преданіе неупоминаетъ; а Древляне и Уличи, покоренныя и обложенные тяжкою данью Игоремъ и Свенельдомъ, всего скорѣе должны были прислать своихъ воиновъ, ежели бы Игорь набиралъ войско силою приказаніемъ, а не приглашеніемъ добровольно участвовать въ походѣ; слѣдовательно здѣсь мы находимъ новое доказательство, что въ настоящемъ походѣ всѣ Игоревы вои были именно повольники, и что повольничество у лѣсныхъ Древлянъ, и удаленныхъ отъ Приднѣпровья Уличей, Хорватовъ и Дулебовъ еще не успѣло распространиться на столько, на сколько оно распространилось въ Приднѣпровьѣ.

О Печенѣгахъ преданіе говоритъ, что Игорь нанялъ ихъ для Греческаго похода, и взялъ у нихъ заложниковъ. Здѣсь прежде всего рождается вопросъ; какимъ образомъ Печенѣги страшные въ началѣ Игорева Княженія, и такъ долго заставлявшіе Игоря сидѣть дома и сторожить Русскую землю, вдругъ дѣлаются наемниками самаго же Игоря? На этотъ вопросъ одинъ прямой отвѣтъ: Печенѣги были страшны только въ своемъ движеніи, когда Руссы не знали конца

ихъ переселѣніемъ, когда Орды Печенѣжскія одна за другой надвигались къ Русскимъ предѣламъ; усѣвшись же помѣстамъ Печенѣги необходимо должны были утратить большую часть того ужаса, который они навели было на сосѣдей. Приднѣпровскіе Руссы скоро разгадали, что этотъ народъ, столь ужасный своею дикою храбростію, несоставлялъ одного цѣлаго, что каждая орда дѣлилась еще на нѣсколько мѣлкихъ улусовъ, изъ которыхъ каждый, имѣя своего князя, дѣйствовалъ отдѣльно и очень слабо соединялся съ главною ордою, къ которой принадлежалъ по своему происхожденію. [104] Слѣдовательно нѣтъ ничего мудренаго, что Игорь нѣкоторые изъ Печенѣжскихъ улусовъ, можетъ быть ближайшіе къ Русскимъ границамъ, нанялъ въ походъ противъ Грековъ, и взялъ у нихъ заложниковъ. Извѣстіе о взятіи золожниковъ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ въ достовѣрности преданія; ибо въ X вѣкѣ точно также Византійцы обыкновенно нанимали Печенѣговъ и брали у нихъ заложниковъ. Константинъ Порфирородный, современникъ Игоревъ, описываетъ совсѣми подробностями этотъ наемъ и принятіе заложниковъ, [105] Выраженіе лѣтописи: «Печенѣги ная и тали у нихъ поя.» свидѣтельствуетъ, что преданіе хорошо знало различіе между наймомъ воиновъ, и призывомъ. О Печенѣгахъ оно сказало *ная*, а о Варягахъ Словенахъ и Кривичахъ *совокупивъ*; слѣдовательно Варяги и Славяне участвовали въ походѣ одинаково, именно по призыву, по добровольному приглашенію, а не по набору не по приказу; въ противномъ случаѣ преданіе иначе бы выразилось о Варягахъ, и инымъ образомъ о Славянахъ, такъ какъ оно выразилось же иначе о Печенѣгахъ. А что извѣстіе о наймѣ Печенѣговъ справедливо, въ этомъ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный, который прямо говоритъ, что Руссы обыкновенно стараются привлечь Печенѣговъ къ соучастію въ войнѣ, чтобы такимъ образомъ уклоняться отъ ихъ нападеній, и пользоваться ихъ пособіемъ. [106]

---

[104] Константинъ Порфирородный, въ своей книгѣ объ управленіи Имперіей, именно говоритъ: «Вся Пацинакія дѣлится на 8 ордъ, и имѣетъ столько же главныхъ Князей. Сіи 8 ордъ раздѣляются на 40 улусовъ, изъ коихъ въ каждомъ находится Князь низшей степени.» (L. de adm. im. Cap. XXXVIII.)

[105] Въ той же книгѣ главы: 1, 4, 5, 7, 8.

[106] De adm. Im. cap. II.

Преданіе говоритъ, что о походѣ Игоревомъ послали вѣсти въ Константинополь сперва Корсунцы, а потомъ Болгары, и что Игорь дошелъ до Дуная. Стало-быть Игорь шелъ мимо Корсунскихъ и Болгарскихъ владѣній. Этотъ дорожникъ Игорева похода служитъ новымъ доказательствомъ достовѣрности преданія. Константинъ Порфирородный именно говоритъ, что Руссы по этой дорогѣ ходили въ Константинополь. По его словамъ Руссы изъ Кіева спускаются внизъ по Днѣпру на Витичевъ, потомъ пройдя пороги идутъ чрезъ Крарійскую переправу, гдѣ Корсунцы переправляются изъ Руси и Печенѣги въ Корсунь; далѣе отъ Крарійской переправы идутъ Днѣпромъ до устья сей рѣки, гдѣ дня на два или на три останавливаются для отдыха на островѣ Св. Ѳеерія, и наконецъ отъ этаго острова придерживаясь берега проходятъ къ устью Дуная.»[107] Ежели бы преданіе было не вѣрно, ежели бы это мѣсто лѣтописи было позднѣйшею вставкою переписчиковъ; то необходимо описанная въ преданіи дорога Игоревыхъ лодій не совпадала бы такъ отчетливо съ обычнымъ путемъ Руссовъ (въ X вѣкѣ), замѣченнымъ у Константина Порфиророднаго. Въ преданіи жъ напротивъ отчетливость простирается до того, что даже незабыта остановка Игоря на островѣ Ѳеерія, гдѣ обыкновенно по свидѣтельству Константина Руссы останавливались для отдыха дня на два или на три; ибо по преданію Императорскіе послы были у Игоря еще до приходу его къ устью Дуная, слѣдовательно нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, какъ на островѣ Ѳеерія, гдѣ Руссы останавливались отдыхать.

Съ перваго взгляда намъ кажутся неправильными не согласными съ ходомъ дѣла слова преданія: «Царь посла къ Игорю лучшіе бояре, моля и глаголя: «не ходи, но возми дань, южеималъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани.» Мы готовы сдѣлать вопросъ не уже ли Императоръ славной и гордой Византіи молилъ варварскаго, по ихъ понятію, Князя Игоря, неужели признавалъ себя данникомъ другаго такого же Князя Олега? Но это кажется неестественнымъ и непонятнымъ по нашимъ теперешнимъ понятіямъ о дѣлахъ и политикѣ Византійской; въ глазахъ же Приднѣпровскихъ Руссовъ современниковъ Игоревыхъ это дѣйствительно было такъ, какъ отмѣчено въ преданіи. Византійскіе послы встрѣтили Игоря на дорогѣ, пока еще онъ недошелъ до Греческихъ владѣній, и обѣщали дать деньги и разные дары,

---

107 De adm. Imp. cap. IX.

только бы онъ неходилъ далѣе и возвратился домой, и можетъ быть при переговорахъ довольно поторговались и погрозили Игорю, даже особо успѣли передать подарки и Печенѣгамъ, какъ прямо сказано въ преданіи. Но дружина сложившая преданіе, немогла знать всѣхъ подробностей переговоровъ ни формы въ какой они были ведены Византійцами; она только видѣла, что Византійскіе Императорскіе послы пришли къ Игорю, и узнала также, что Царь черезъ пословъ обѣщаетъ дать деньги и шелковыя ткани, только бы Игорь неходилъ подъ Константинополь; и этого для дружины было довольно, чтобы сказать: Царь поклонился нашему Князю, и обѣщалъ дань больше той, которую далъ Олегу. Да и на самомъ дѣлѣ можетъ быть Игорь взялъ отъ Императора больше чѣмъ Олегъ; ибо для Византійцовъ, по ихъ тогдашнему положенію, было гораздо выгоднѣе прикинуть къ подаркамъ нѣсколько лишнихъ мешковъ золота и нѣсколько партій шелковыхъ матерій, чѣмъ допустить чтобы Руссы пожгли и пограбили приморскіе города и села Имперіи. Вѣдь посылали же они въ это время ежегодно подарки Печенѣгамъ, чтобы тѣ были съ ними въ мирѣ, какъ пишетъ самъ Константинъ Порфирородный;[108] то почему же Византійцамъ, нельзя было однажды поплатиться Игорю, чтобы онъ отложилъ походъ въ ихъ владѣнія. У Константина даже есть прямое указаніе, что Византійцы обыкновенно поплачивались Руссамъ, чтобы тѣ не нападали на Византійскія владѣнія; такъ въ своихъ наставленіяхъ сыну онъ прямо говоритъ: «Ежели Римскій Императоръ будетъ имѣть миръ съ Печенѣгами, то ни Руссы, ни Турки не могутъ нападать на Римскую Имперію, и боясь Императора опирающагося на помощь и могущество Печенѣговъ не будутъ требовать у Римлянъ огромныхъ суммъ на искупленіе мира.»[109] Здѣсь нельзя принимать въ разчетъ того, что Византійцы два года назадъ разбили наголову Игоря; ибо они хорошо понимали, что эта побѣда имъ обошлась дороже настоящей дани и не отъучила Руссовъ отъ набѣговъ на владѣнія Имперіи. Императоръ Византійскій конечно и недумалъ называть себя данникомъ Олеговымъ, послы Императорскіе только сказали Игорю: Царь дастъ тебѣ больше нежели сколько далъ Олегу; а дружина Игорева сложила, что Царь обѣщалъ придать и къ той дани кото-

---

108 De admin. Imp. cap. I.

109 Ibid. cap. IV.

рую заплатилъ Олегу; ибо дружина въ военное время все то называла данію, что ей давали, и чего она неотнимала сама грабежомъ насиліемъ.

Наконецъ для насъ много говорятъ слова преданія: Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, повѣда имъ рѣчь Цареву. Рѣша же дружина Игорева:» да аще сице глаголетъ Царь, то что хочемъ болѣ того, небившеся имати злато и сребро и паволоки» Здѣсь мы видимъ думу, совѣтъ Князя съ дружиною, и думу не о какихъ либо предстоящихъ опасностяхъ, гдѣ вождь можетъ еще спросить воиновъ, рѣшатся ли они идти на сіи опасности, а думу о томъ продолжать ли походъ или взявъ предлагаемыя деньги воротиться домой. Конечно подобная дума немогла имѣть мѣста, ежели бы Игорь велъ съ собою воиновъ собранныхъ по его приказу, волей неволей; ибо съ такими воинами ему незачѣмъ было разсуждать о мирныхъ предложеніяхъ Византійцовъ, онъ самъ могъ разчесть выгодно ли для него продолжать походъ, или взявъ деньги воротиться назадъ; до того же ему вовсе небыло бы нужды выгодно ли это для воиновъ. А слѣдовательно, ежели Игорь разсуждалъ съ дружиною, разсказывалъ ей о предложеніяхъ Византійцовъ, спрашивалъ что для нее лучше: взять ли деньги и воротиться назадъ, или продолжать походъ? то это значитъ, что дружина Игорева состояла изъ повольниковъ, которые шли не по приказу а по произволу, и шли именно разчитывая на добычю; а по сему Игорь безъ согласія безъ думы дружины и немогъ рѣшить продолжать ли походъ; но дружина разсчла, что ей выгоднѣе небившись, взять деньги и ткани предлагаемые Византійцами; и Игорь пошелъ обратно въ Кіевъ. Здѣсь Игорь является истиннымъ Скандинавскимъ Конунгомъ, который водилъ дружины для своей и ихъ добычи. И дружина Игорева по духу своему была истинная Скандинавская дружина, которая неробѣла не передъ какою опасностію не передъ какимъ трудомъ; но въ тоже время щитала не безславнымъ воспользоваться добычею безъ труда; ибо по тогдашнимъ понятіямъ слава состояла преимущественно въ богатствѣ добычи; т. е. что бы воротившись изъ похода подивить сосѣдей богатствами такъ или иначе пріобрѣтенными; и чѣмъ кто скорѣе приходилъ изъ похода съ богатою добычею, тотъ тѣмъ болѣе пріобрѣталъ почету и славы. Здѣсь замѣчательно также и то, что Игорь взялъ отъ Грековъ золото и ткани только на себя и на дружину: «а самъ вземъ у Грекъ злато и паволоки и на вся воя възвратися въ опять» отсюда вытекаетъ новое доказательство, что настоящій походъ былъ предпринимаемъ Игоремъ въ качествѣ Скандинавскаго Конунга, пред-

водителя добровольно по призыву собравшейся дружины; ибо здѣсь нѣтъ и помину объ укладахъ на Руские города, о которыхъ упоминалъ Олегъ при заключеніи мира съ Греками. Слѣдовательно Руская земля, Руские города неучаствовали въ этомъ походѣ, замышленномъ отъ одного Игоря, и совершенномъ при содѣйствіи однихъ повольниковъ, приглашенныхъ Игоремъ.

Вскорѣ послѣ втораго Игорева похода, по свидѣтельству лѣтописи Византійскіе Императоры Романъ, Константинъ и Стефанъ отправили къ Игорю посольство устроить прежде заключенный миръ. Игорь поговоривъ съ послами о мирѣ послалъ своихъ мужей къ Роману, которые передъ Романомъ и его сановниками и написали мирный договоръ, на основаніи прежняго договора бывшаго при тѣхъ же царяхъ Романѣ Константинѣ и Стефанѣ. Въ этомъ извѣстіи лѣтописи мы въ 1-хъ видимъ, что настоящій договоръ былъ написанъ по замышленію Византійцовъ. Лѣтопись прямо говоритъ: «присла Романъ слы къ Игореви,» тогда какъ Олеговъ договоръ былъ писанъ по замышленью Олега и его мужей» посла Олегъ мужи свои построити мира.» И во 2-хъ находимъ указаніе, что настоящій договоръ написанъ на основаніи прежняго договора и именно Игорева же а не Олегова; ибо въ лѣтописи прямо сказано: «равно другаго свѣщанія, бывшаго при Цари Романѣ, и Костянтинѣ и Стефанѣ.» Олеговъ же договоръ, какъ извѣстно, былъ заключенъ при царяхъ Львѣ, Александрѣ и Константинѣ. Слѣдовательно у Игоря былъ еще другой мирный договоръ съ Греками, который до насъ недошелъ. Эту мысль подтверждаютъ и нѣкоторыя статьи настоящаго договора; такъ въ 1-й статьѣ сказано: что прежде Руские послы по договору должны были носить печати золотые, а гости серебряныя; а по настоящему договору послы и гости Руские должны приносить грамоты отъ великаго князя, съ прописаніемъ сколько съ ними послано кораблей; въ Олеговомъ же договорѣ нѣтъ и помину и золотыхъ и серебряныхъ печатяхъ; ясно что настоящая статья ссылается не на извѣстный Олеговъ договоръ, а на другой договоръ Игоревъ до насъ недошедшій. Въ 3-хъ въ настоящемъ извѣстіи мы даже находимъ какимъ порядкомъ писался договоръ у Рускихъ съ Византійцами. Лѣтопись говоритъ: «Посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляра и сановники. Приведоша Рускія слы, и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ; слѣдовательно переговаривались въ присутствіи Императора и его сановниковъ, и писалось въ одно время со словъ и по Гречески и по Руски. Это показываетъ, что Игоревы посланники свободно уже

объяснялись съ Греками, такъ что со словъ могли писать договоръ по Руски, тогда какъ объ Олеговыхъ послахъ этаго несказано; слѣдовательно Руссы посланные Олегомъ не такъ еще свободно объяснялись съ Греками, для нихъ договоръ сперва былъ написанъ по Гречески, потомъ уже они съ писаннаго переводили по Руски. Это подтверждается и самымъ языкомъ того и другаго договора: языкъ Олегова договора сильно отзывается переводомъ съ Греческаго, и удерживаетъ Греческое построеніе выраженій, отъ чего представляется въ иныхъ мѣстахъ темнымъ и затруднительнымъ, тогда какъ языкъ Игорева договора свободенъ и ясенъ.

Въ слѣдъ за извѣстіемъ объ отправленіи Игоревыхъ мужей въ Константинополь и о написаніи мирнаго договора, лѣтописецъ помѣщаетъ подлинникомъ и самый договоръ, который, какъ по языку своему, такъ и содержанію, представляетъ столько замѣчательныхъ для историка данныхъ, что мы для большаго уразумѣнія договора, и для того чтобы показать, какъ писали Руссы при Игорѣ, предлагаемъ здѣсь договоръ и въ подлинникѣ и въ переводѣ.

Договоръ начинается такъ:

«Мы отъ рода Рускаго съли и гостье: Иворъ солъ Игоревъ, великаго Князя Рускаго, и обчіи сли: Вуефастъ Святославль, сынъ Игоревъ, Искусеви Ольги княгини, Слуды Игоревъ, нети Игоревъ, Улѣбъ Володиславль, Каницаръ Предлавинъ, Шихъбернъ Сфанъдръ жены Улѣблѣ, Прасьтѣнъ Турдуви, Либіаръ Фастовъ, Гримъ Сфирьковъ, Прастѣнъ Акунъ, нети Игоревъ, Кары Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егрієвлисковъ, Воиковъ, Истръ Аминодовъ, Прастѣнъ Берновъ, Ятвягъ Гунаревъ, Шибридъ Алдань, Колъклековъ, Стеггиетоновъ, Сфирка Алвадъ Гудовъ, Фудри Туадовъ, Мутуръ Утинъ; (отъ) купець: Адунь, Адулѣбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ,

Мы Рускіе послы и гости: *Иворъ* посолъ Игоревъ, Великаго Князя Русскаго и обчіе послы: *Вуефастъ* Святославовъ, сына Игорева, *Искусеви* Ольги Княгини, *Слуды* отъ Игоря, сынъ Игоревой сестры, *Улѣбъ* Володиславовъ, *Каницаръ* Предславинъ, *Шихъ бернъ* Сфандринъ Улѣбовой жены, *Прасьтѣнъ* Турдовъ, *Либіаръ* Фастовъ, *Гримъ* Свирьковъ, *Прастѣнъ* Якуновъ сына Игоревой сестры, *Кары* отъ Тудка, Карши, Турда, Егриевлиска и Воика, *Истръ* Аминодовъ, *Прастѣнъ* Берновъ, *Ятвягъ* Гунаревъ, *Шибридъ* отъ Алдана, Колклека и Стеггіетона, *Сфирка* Алвадовъ и Гудовъ, *Фудри* Туадовъ, *Мутуръ* Утинъ; купцы: *Адунь*, *Адулѣбъ*, *Иггивладъ*, *Олѣбъ*, *Фрутанъ*, *Го-*

Фурьстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игельдъ, Турьберкъ, Моны, Руалдъ, Свѣнъ, Стиръ, Алданъ, Тилена, Тубьксарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь, посланіи отъ Игоря великаго Князя Рускаго и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Рускія земля. И отъ тѣхъ заповѣдано обновити вѣтхій миръ, ненавидящаго добра и враждолюбца дьявола разорити отъ могъ лѣтъ, и утвердити любовь межю Греки и Русью. И Великій Князь нашъ Игорь, и боляре его и людье вси Рустіи послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ Царемъ Гречьскимъ, створити любовь съ самѣми Цари, со всѣмъ боярствомъ и со всѣми людьми Гречьскими на вся лѣта, дондеже съяетъ солнце и весь міръ стоитъ.

молъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурьстпънъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастпънъ, Ингельдъ, Турбернъ, Моны, Руалдъ, Свпнъ, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьксарь, Вузлпвъ, Синко, Боричь посланные отъ Игоря Великаго Князя Рускаго и отъ всѣхъ князей и отъ всѣхъ людей Руской земли. Отъ нихъ намъ заповѣдано: обновить древній миръ и посрамить враждолюбца дьявола ненавидящаго добра, и утвердить давнишную любовь между Греками и Русью. Нашъ великій Князь Игорь и бояре его и всѣ Рускіе люди послали насъ къ Роману, Константину и Стефану къ великимъ Царямъ Греческимъ сотворить любовь съ самими Царями со всѣмъ боярствомъ и со всѣми Греческими людьми, на всѣ годы, дондеже сіяетъ солнце и весь міръ стоитъ.»

Статья первая:

Иже помыслить отъ страны Рускія разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть, да пріимутъ месть отъ Бога вседержителя, осуженья на погибель въ весь вѣкъ будущій; и елико ихъ есть нехрещено, да неимуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да неущитятся щиты своими,

Ежели кто изъ Рускихъ помыслитъ разрушить такую любовь; то тѣ изъ нихъ, которые приняли крещеніе, да пріимутъ месть отъ Бога вседержителя, да осудятся на погибель въ весь будущій вѣкъ, а которые некрещены, да не будутъ имѣть помощи отъ Бога, и отъ неба, [109] да незащи-

[109] Я здѣсь выраженіе подлинника «*ни отъ Перуна*,» перевожу словомъ и отъ неба; потому что въ древнихъ памятникахъ Перунъ встрѣчается въ значеніи неба; такъ въ одной рукописи XV вѣка написано: (вопр.) Колико есть небесъ (отв.) Перунъ есть многъ.

и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ въ будущій.

тятъ ихъ щиты ихъ, да посѣчены будутъ своими мечами, стрѣлами и инымъ оружіемъ, да будутъ рабы въ весь будущій вѣкъ.

Статья вторая:

«А Великій Князь Рускій и боляре его да посылаютъ въ Греки къ великимъ Царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотятъ, со слы и съ гостьми; яко же имъ уставлено есть; ношаху сли печати злати, а гостье сребрени. Нынѣ же увѣдѣлъ есть Князь вашъ посылати грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селько; и отъ тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ; аще ли безъ грамоты придутъ и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже возвѣстимъ Князю вашему; аще ли руку не дадятъ и противятся, да убіени будутъ, да неизищется смерть ихъ отъ Князя вашего; аще ли убѣжавше, въ Русь придутъ, мы напишемъ къ Князю вашему, яко имъ любо, тако створятъ.

Великій Князь Русскій и его бояре имѣютъ право посылать въ Грецію къ великимъ Царямъ Греческимъ корабли сколько хотятъ съ послами и съ гостями; какъ уставлено, чтобы послы носили золотыя печати, а гости серебряные. Нынѣ же Князь вашъ разсудилъ посылать грамоты, въ которыхъ бы прописывалось, послано кораблей столько-то; чтобы такимъ образомъ мы знали съ миромъ ли приходятъ корабли. Ежели же придутъ безъ грамоты; то мы имѣемъ право взять ихъ и держать подъ стражею до тѣхъ поръ, пока извѣстимъ князю вашему; ежели же неотдадутся въ руки и будутъ противиться, да будутъ убиты, и вашъ Князь да не взыскиваетъ за ихъ смерть. Ежели же, убѣжавши, придутъ въ Русь; то мы напишемъ къ вашему Князю, чтобы онъ поступилъ съ ними, какъ ему любо.

Статья третія.

«Аще придутъ Русь безъ купли, да невзимаютъ мѣсячина. Да запретитъ Князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси здѣ, да не творятъ безчинья въ селѣхъ ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ,

Ежели придутъ Русь не для купли, то неимѣютъ права на мѣсячину. Да запретитъ Князь своимъ посламъ и приходящимъ сюда Руси, да нетворятъ безчинія въ селахъ и въ странѣ нашей. И ког-

да витають у святаго Мамы; да послеть царство наше, да испишеть имена ваша, тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки изъ Чернигова и Переяславля. Да входять въ городъ однѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья мужъ 50, и да творять куплю якоже имъ надобѣ, паки да исходять; и мужъ царства нашего да хранить я, да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ створи криво, да оправляеть то. Входяще Русь въ градъ, да неимѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ; и отъ тѣхъ паволокъ аще кто кранеть, да показываеть цареву мужю, и то е запечатаеть и дасть имъ. И отходящеи Руси отсюда взимають отъ насъ еже надобѣ брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть преже, и да возвращаются съ спасеніемъ въ страну свою, да неимѣють власти зимовати у Святаго Мамы.»

да придуть, то должны останавливаться у Св. Мамы, и наше величество пошлеть, чтобы переписали имяна пришедшихъ; и тогда возтуть свое мѣсячное, послы посольское, а гости мѣсячное, сперва Кіевляне, потомъ Черниговцы и Переяславцы. Пришедшіе должны входить въ городъ одними воротами съ царевымъ мужемъ безъ оружія неболѣе 50 человѣкъ вдругъ; и да творять куплю, какъ имъ нужно, и потомъ опять выходять; и Царскій мужъ да охраняеть ихъ; и ежели кто изъ Русовъ или Грековъ сдѣлаетъ несправедливо, то онъ долженъ разсудить ихъ. Русы входя въ городъ неимѣютъ права покупать шелковыя ткани цѣною выше 50 золотниковъ; и сіи купившій долженъ показать цареву мужу, который наложивъ клеймо возвратить имъ. Русь отходя отсюда да берутъ отъ насъ съѣстные припасы сколько нужно на дорогу и все что нужно для лодій, какъ уставлено прежде. И да возвращаются благополучно въ свою страну, и неимѣютъ права зимовать у Св. Мамы.

Статья четвертая.

«Аще ускочить челядинъ отъ Руси, понеже придуть въ страну царствія нашего, и отъ Святаго Мамы, аще будеть да поимуть и; аще ли необрящется да на роту идуть наши крестьяная Русь по вѣрѣ ихъ, а не хрестеяніи по за-

Ежели невольникъ уйдетъ отъ Русина, и ежели за нимъ придутъ отъ Св. Мамы на сторону нашего царства; то нашедши имѣютъ право взять его; а ежели неотыщутъ, то наши и крещеная Русь должны поклястся по своей вѣрѣ, а не

кону своему; ти тогда возмають отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть преже, двѣ паволоцѣ за челядинъ. Аще ли кто отъ людій царства нашего, ли отъ города нашего, или отъ инѣхъ городъ ускочитъ челядинъ нашь къ вамъ, и принесетъ что, да въспятять и опять; а еже что принеслъ, будетъ все цѣло, и да возьметъ отъ него золотника два (имѣчнаго).»

Статья пятая.

«Аще ли кто покусится отъ Руси взяти что отъ людій царства нашего, иже то створитъ, показжненъ будетъ вельми; ащели взялъ будетъ, да заплатитъ сугубо. И аще створитъ Гречинъ Русину, да пріиметъ туже казнь, якоже пріялъ есть и онъ. Аще ключиться украсти Русину отъ Грекъ что, или Гречину отъ Руси, достойно есть да възворотити неточію едино, но и цѣну его; аще украденое обрящется продано, да вдасть и цѣну его сугубо, и то показненъ будетъ по закону Греческому, по устау и по закону Рускому.»

Статья шестая.

«Елико Хрестьянъ отъ власти нашея плѣнена приведутъ Русь, ту аще будетъ унеша, или дѣвица добра, да вдадять златникъ 10 и поимуть и; ащели есть средовичь, да вдасть златникъ 8 и поимуть и; ащели будетъ старъ или дѣ-

крещеные по своему закону; и тогда возмутъ отъ насъ цѣну свою, какъ уставлено прежде, по двѣ шелковыхъ ткани за невольника. Ежели уйдетъ къ вамъ нашъ невольникъ, принадлежащій нашимъ людямъ или сему городу или иному какому городу, и что нибудь снесетъ; то должно его возвратить; и ежели унесенное имъ все будетъ цѣло, то возвратившій получитъ за это два золотника.

Ежели кто либо изъ Русовъ покусится отнять что силою у нашихъ людей, и ежели успѣетъ въ этомъ, то будетъ жестоко наказанъ, а что взялъ за то заплатитъ вдвое; а такъ же и Грекъ приметъ туже самую казнь, ежели тоже сдѣлаетъ съ Русиномъ. Ежели случится, что Русинъ украдетъ что либо у Грека, или Гречинъ у Русина, то долженъ возвратить нетолько украденное но и его цѣну; ежели же украденное будетъ продано, то должно отдать двойную цѣну; таковое наказаніе требуется и по Греческому и по Рускому закону и по договору.

Ежели Русь приведутъ къ намъ плѣнныхъ христіанъ нашей Имперіи; то за юношу или добрую дѣвицу будетъ выдаваться имъ по десяти золотыхъ, за среднихъ по 8 золотыхъ, за стариковъ и дѣтей по пяти золотыхъ. Ежели

тищь, да вдасть златникъ 5-ть. Ащели обрящются Русь работающе у Грекъ, ащели суть плѣньницы, да искупаюють ѐ Русь по 10 златникъ; ащели купилъ будеть Гречинъ. подъ хрестомъ достоить ему, да возметь цѣну свою, елико же далъ будеть на немъ.

найдутся въ услуженіи у Грековъ плѣнные Руссы, то за нихъ Русь должна платить выкупу по десяти золотыхъ. Ежели же Руссъ будетъ купленный, то Грекъ долженъ будетъ подъ крестомъ взять цѣну свою, сколько за него заплатилъ.

Статья седмая:

А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ на той части, да неимать волости Князь Руский, да воюеть на тѣхъ странахъ. А кая[110] страна не покоряется вамъ; тогда еже просить вой у насъ Князь Руский да воюеть, дамы ему, елико ему будеть требѣ.

А о Корсунской сторонѣ, сколько ни есть городовъ въ томъ краю, Князь Руский неимѣетъ власти воевать тамъ. А ежели которая страна не покаряется вамъ, и ежели Руский Князь попроситъ у насъ войска, чтобы воевать; то мы дадимъ ему сколько будетъ нужно.

Статья осмая:

И о томъ аще обрящють Русь кубару Гречьскую вьвержену на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидять ея; аще ли отъ нея возметь кто что, ли человѣка поработить, или убьеть, да будеть повиненъ закону Руску и Гречьску.

И о томъ ежели Руские найдутъ Греческую кубару выкинутую на какомъ нибудь мѣстѣ; то да не преобидятъ ее. Ежели же кто возметъ что нибудь изъ нея, или человѣка поработитъ, или убьетъ; повиненъ казни по Русскому и Греческому закону.

Статья девятая:

Аще обрящеть въ вустьѣ Днѣпрьскомъ Русь Корсуняны рыбы ловяща, да нетворять имъ зла ни какоже. И да неимѣють власти Русь зимовати въ вустьи Днѣпра, Бѣлъбережьи, ни у святаго Ельферья; но егда придеть осень, да идуть въ домы своя въ Русь.

Ежели Русь встрѣтятъ въ Днѣпровскомъ устьѣ Корсунянъ ловящихъ рыбу; да не творятъ имъ никакого зла. Русь неимѣетъ власти зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ, ни у Св. Ельферія; но когда придетъ осень должны идти домой въ Русь.

---

110 Радзив. стр. 42.

Статья десятая:

А о сихъ, оже то приходять Черніи Болгаре, воюють въ странѣ Корсунстѣй, и велимъ Князю Рускому, да ихъ непущаеть пакостить странѣ той.

А когда Черные Болгары пойдуть воевать въ Корсунской странѣ; то мы повелѣваемъ, чтобы Рускій Князь непускалъ ихъ вредить той странѣ.

Статья одиннадцатая:

Ци аще ключиться проказа никака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да неимать власти казнити я; но повелѣньемъ царства пашего да пріиметь, якоже будеть створилъ.

Ежели Грекъ принадлежащій нашей имперіи учинитъ вамъ какой нибудь врѣдъ; то вы неимѣете власти казнить его, но по нашему повелѣнію получитъ казнь, какую заслужилъ.

Статья двѣнадцатая.

Аще убьеть Хрестьянинъ Русина, или Русинъ Хрестьянина, и да держимъ будеть створивый убійство отъ ближнихъ убіеннаго, да убьють ѝ. Аще ли ускочить, створивый убой, и убѣжить, аще будеть имовитъ, да возмуть имѣнье его ближніи убіеннаго; аще ли есть неимовитъ, и ускочить же, да ищуть его, дондеже обрящется; аще ли обрящется, да убіенъ будеть.

Ежели Христіанинъ убьетъ Русина или Русинъ Христіанина, то убійцу пусть возмутъ ближніе убитаго, и убьютъ его. Ежели же убійца уйдетъ и скроется, и ежели будетъ имѣть достатокъ; то ближніе убитаго да возмутъ его имѣніе; ежели же у убійцы небудетъ достатка, и онъ убѣжитъ, то да ищутъ его до тѣхъ поръ пока найдется; и ежели отыщется, то его убить.

Статья тринадцатая.

Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ Русинъ Грьчина, или Грьчинъ Русина, да того дѣля грѣха, заплатить сребра литръ 5, по закону Рускому. Аще ли есть неимовитъ, да како можеть въ толькоже проданъ будеть, яко да и порты, въ нихъ же ходять, да и то съ него сняти, а опроцѣ да

Ежели же Русинъ Грека, или Грекъ Русина ударитъ мечемъ, или копьемъ, или другимъ какимъ орудіемъ; то за это преступленіе заплатить пять литръ серебра по закону Рускому. Ежели же небудетъ имѣть достатка; то отдасть въ пеню сколько можетъ, снять съ него даже и то платье въ которомъ ходитъ; а въ ос—

на роту ходить по своей вѣрѣ, яко же неимѣя ничтоже, ти тако пущенъ будетъ.

тальномъ да клянется по своей вѣрѣ, что у него больше нѣтъ ничего; и тогда его отпустить.

Статья четырнадцатая:

Аще ли хотети начнетъ наше царство отъ васъ вои на сопротивляющіяся намъ, да пишуть къ Великому Князю вашему, и послѣтъ къ намъ, елико же хочемъ: и оттолѣ увѣдять ины страны, каку любовь имѣють Грьцы съ Русью.

Ежели наше Величество пожелаетъ имѣть отъ васъ воиновъ противъ нашихъ враговъ; то напишемъ къ Великому Князю вашему, и пошлетъ къ намъ сколько потребуемъ; и по сему иныя страны узнаютъ, какую любовь имѣютъ Греки съ Русью.

Заключеніе:

Мы же съвѣщаньемъ все написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у Царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой сли ваши и гостье ваши. А отходяче со сломъ царства нашего, да допроводять къ Великому Князю Рускому Игореви и къ людемъ его; и ти пріимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, написахомъ харатью сію, на ней же суть имяна наша написана. Мы же елико насъ хрестилися есмы, кляхомся церковію Святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все еже есть писано на ней; не приступити отъ него ничто же; а иже преступить се отъ страны нашея, ли князь, ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ да неимуть по-

Мы же по совѣщанью написали все на двухъ хартіяхъ; и одна хартія остается у нашего величества, на ней же крестъ и имяна наши написаны, а на другой ваши послы и ваши гости. И когда они съ посломъ нашего величества пойдуть домой, то да отнесуть ее къ великому Князю Рускому Игорю и къ его людямъ; и тѣ принимая хартію да клянутся хранить правду, какъ мы по совѣщанью написали сію хартію, на ней же и имяна наши написаны. Мы же сколько насъ есть крещеныхъ клялись церковію Святаго Иліи, въ соборной церкви, и предлежащимъ честнымъ крестомъ и на сей хартіи, хранить все что написано въ ней, и ни въ чемъ отъ нея неотступать, а кто отступитъ отъ нее съ нашей стороны, Князь ли или другой кто, крещеный или некре-

мощи отъ Бога, и да будетъ рабъ въ сій вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружьемъ. А некрещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочая оружья, да клянуться во всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ бояръ и отъ всѣхъ людій отъ страны Рускія, въ прочая лѣта и воину. Ащели же кто отъ Князь или отъ людій Рускихъ, ли хрестьянъ или не хрестьянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву. Да аще будетъ добрѣ, Игорь великій Князь да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьетъ и весь міръ стоить, въ нынѣшнія вѣки и въ будущая.

щеный; да неимѣетъ помощи отъ Бога, и да будетъ рабомъ въ сей вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ. А некрещеная Русь полагаютъ щиты свои, имечи свои наги, и обручи свои и прочее оружіе, и да клянутся во всемъ, что писано на сей хартіи, что все это въ будущіе годы и всегда будетъ сохранено Игоремъ, всѣми его боярами и всѣми людьми Руской стороны. Ежели же кто изъ князей или изъ Рускихъ людей, христіанинъ или нехристіанинъ отступитъ отъ того, что написано на сей хартіи; то за клятвопреступленіе достоинъ умереть отъ своего оружія, и будетъ проклятъ отъ Бога и отъ неба. Ежели это одобритъ Великій Князь Игорь, то да хранитъ сію правую любовь, да ненарушится она, пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ въ нынѣшніе вѣки и въ будущіе.

Игоревъ договоръ начинается въ той же формѣ какъ и договоръ Олеговъ. «Мы отъ рода Рускаго.» Но послѣ первыхъ же словъ открывается большая разница между тѣмъ и другимъ договоромъ. Въ Олеговомъ договорѣ посланники пишутъ: «Мы отъ рода Рускаго. Карлы Инегельдъ «въ Игоревомъ же передъ посольскими именами стоитъ выраженіе:» сли и гостье «и притомъ ясно обозначены особые послы отъ самаго Игоря, отъ его сына Святослава, отъ жены Ольги, отъ племяника и отъ другихъ лицъ поименно, и отдѣльно посланники отъ купцовъ, гости, о чемъ въ Олеговомъ договорѣ вовсе неупоминается. Эта важная разница указываетъ, что послы Олеговы хотя отправлялись въ Константинополь и по согласію Князя, его бояръ и всей Руси; но небыли собственно посланниками Княжескими, каковыми и неназваны въ договорѣ, а скорѣе были сами зачинщиками и искателями отправленія въ Константинополь по своимъ видамъ непротив-

нымъ ни Олегу ни всей Руси; что свидѣтельствуютъ сами послы говоря, «наша свѣтлость болѣе другихъ желая удержать любовь между христіанами и Русью.» Это особенное желаніе мира, ясно говоритъ, что Олегово посольство въ Грецію было устроено по настоянію самихъ же пословъ, которые по всему вѣроятію были въ Олегово время важными и сильными людьми на Руси, на что нѣкоторымъ образомъ намекаетъ договоръ Игоря, гдѣ между прочими посланниками упоминаются послы отъ Гуды и Фаста: «*Либіаръ Фастовъ, Алвадъ Гудовъ*» вѣроятно отъ тѣхъ мужей, которые въ Олеговомъ договорѣ написаны въ числѣ посланниковъ, *Гуды, Фастъ*. Такимъ образомъ первая разница между Олеговымъ и Игоревымъ договоромъ состоитъ въ томъ, что Олеговъ договоръ былъ замышленъ и совершенъ по настоянію частныхъ лицъ и только съ согласія Князя и преимущественно для обезпеченія торговли, Игоревъ же договоръ началомъ своимъ обязанъ Византійцамъ и совершенъ посланниками отправленными отъ Игоря.

Вторая разница между обѣими договорами состоитъ въ именахъ пословъ, въ Олеговомъ договорѣ имена посланниковъ всѣ Скандинавскія за исключеніемъ двухъ Славянскихъ Карна и Стемира; въ Игоревомъ же изъ сорока пяти посольскихъ именъ только двадцать два имѣютъ себѣ двойниковъ между Скандинавскими именами; [110] остальн-

---

[110] Вотъ посольскіе имена Игорева договора имѣющія двойниковъ въ Скандинавскихъ сказаніяхъ. Иворъ, *Ivarr* Конунгъ Шведскій; Улѣбъ *Utfr* мудрый; Шихъбернъ Styrbjörn, Шведскій Конунгъ; Гримъ, *Grimr* косматый; Кары, *Cari* боецъ Гаральда Гилдитана; Шибридъ, *Sigtryggr*, такъ назывался одинъ восточный Государь убитый Галфданомъ древнимъ; Сфирка, *Sverkir*; Фудри, *Fròða* правнукъ Одина; Мутуръ; *Mejtir* морской король сынъ Гора, Адунь *Auðun*, Иггивладь *Jngjaldr* сынъ Онунда; Игелъдъ, Jngeld, одинъ изъ Королей Даніи (Lang. T. I. pag. 15). Моны можетъ быть Эмунъ, (ibid. 18) и даже Монъ (38); Фрутанъ, Frothi или Frotho (ibid. 19) Емигъ, Emmihg (ibid. 19) Колклековъ, *Gorm Lëke*, и *Hughlek*, *Vèklek*. (21—22); Олѣбъ *Olaf*, даже Olef, въ числѣ королей Даніи (Langeb. 19); Гомоль *Humli* отецъ Свавы жены Гейдрековой; Турбидъ *Þorbergr* одинъ изъ спутниковъ Олава Тригвесона; Бруны *Bruni* одинъ изъ вождей Гаралда Гилдитана; Руалдъ *Hròaldr* боецъ Сигурда Ринга; Гунастръ *Gunnfastr* также богатырь Ринговъ; Игельдъ *Jigjaldr*, Свенъ *Svejnn*, Стиръ *Styrr* также бойцы Ринговы; Алданъ Hálfdan, также извѣстное Скандинавское имя.

ныя же или невстрѣчаются въ Скандинавскихъ сказаніяхъ: таковы: Вуефастъ, Либіаръ, Адулбъ, Фрутанъ, Фурстѣнъ, Фрастѣнъ, Турбернъ, хотя и звучатъ по Скандинавски; или явно Славянскіе, напр. Искусеви, Слуды, Каницаръ, Прастѣнъ, Истръ, Ятвягъ, Куцы, Тилена, Пубьксарь, Вузлевъ, Синка, Боричь. Даже между посылавшими уже встрѣчаемъ нѣсколько Славянскихъ именъ, таковы: Святославъ, Володиславъ, Предслава, Тудко, Воикъ; конечно здѣсь еще больше именъ Скандинавскихъ, каковы Турдъ Þorðr, Фастъ, Сфирко *Sverkir*, Акунъ *Hakon*, Бернъ *Biorn*, и даже Гунаръ одинъ Швед. Король называется *Gunnar*, Алданъ *Halfdan* и *Haldon*, Алвъ *Alfr*, Гуды *Gudi*, и другія. Но тѣмъ неменѣе изъ Игорева договора уже замѣтно сильное вліяніе Славянскаго племени въ Приднѣпровьѣ; мы даже видимъ Славянскія имена между посланниками отъ купцовъ, таковы: Куци, Тилена, Пубьскарь, Вузлевъ, Синко, Боричь; слѣдовательно Славяне вмѣстѣ съ Руссами принимали участіе и въ Византійской торговлѣ, и при томъ не какъ работники или прикащики Руссовъ, но какъ самостоятельные купцы, отправлявшіеся послами отъ купечества.

Изъ посольскихъ же именъ договора мы видимъ, что миръ съ Греками былъ важенъ нетолько для Великаго Князя и его бояръ, но и для купечества, для народа вообще; ибо въ числѣ 45 именъ въ договорѣ помѣщено 26 именъ посланическихъ отъ купцовъ какъ весьма правильно замѣтилъ Г. Погодинъ, [112] именно начиная съ словъ: «Купецъ Адунь» здѣсь по всему вѣроятію въ подлинникѣ было написано: *отъ купецъ*, т. е. отъ купцовъ послы такіе то, переписчиками же предлогъ *отъ* утраченъ. Это участіе купцовъ въ договорѣ показываетъ, что въ Олегово и Игорево время торговля приднѣпровскихъ Руссовъ была очень дѣятельна и сильно занимала народъ, и что купцы имѣли въ обществѣ большое значеніе.

Первая статья договора написана въ томъ же смыслѣ какъ таковая же статья и въ Олеговомъ договорѣ, т. е. чтобы Руссы и Греки жили въ мирѣ, и чтобъ никто не нарушалъ мира ни съ той ни съ другой стороны. Здѣсь противъ Олегова договора замѣчательно только то, что между Руссами является уже довольно христіанъ, чего незамѣтно въ договорѣ Олеговомъ, гдѣ Русинъ прямо противупоставлялся христіанину т. е. Греку; здѣсь же Русину вездѣ противу-

---

112 Лекціи Т. I. стр. 134.

поставляется Грекъ, Гречинъ; и даже прямо говорится: «иже помыслитъ отъ страны Рускія разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье пріяши суть; да пріимутъ месть отъ Бога Вседержителя; и елико ихъ есть некрещено, да неимутъ помощи отъ Бога ни отъ Перуна.»

Вторая статья есть совершенно новая, о которой нѣтъ и помину въ Олеговомъ договорѣ, и прямо показываетъ, что она составлена Византійцами. Она требуетъ, чтобы послы и гости, пріѣзжая въ Константинополь, предъявляли отъ Князя грамоту, сколько съ ними отправлено кораблей, и грозитъ, что всѣ пріѣзжающіе безъ княжей грамоты будутъ задержаны, а въ случаѣ сопротивленія подвергаются опасности быть убитыми. Эта предосторожность со стороны Византійцовъ ясно показываетъ, что Руссы подъ видомъ торговли нерѣдко пріѣзжали грабить и разорять Византійскія селенія; въ договорѣ прямо сказано: по Княжей грамотѣ «да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ.» Въ этой же статьѣ мы находимъ свидѣтельство, что у Византійцовъ былъ еще другой, предшествовавшій этому, договоръ съ Игоремъ, въ которомъ также они хотели предостеречь себя отъ Рускихъ грабителей, и для сего требовали, что бы Рускіе послы имѣли при себѣ золотыя печати, а гости серебряныя; но вѣроятно эта предосторожность оказалась недостаточною; и по сему въ настоящемъ договорѣ Византійцы установили, чтобы Рускіе послы и гости предъявляли княжую грамоту, сколько съ ними отправлено кораблей съ Грецію, съ правомъ задерживать тѣ корабли, которые придутъ безъ грамотъ, и сноситься о ихъ приходѣ съ самимъ Княземъ. Условіе сноситься Грекамъ съ Рускимъ Княземъ о корабляхъ непредъявляющихъ княжихъ грамотъ показываетъ, что сношеніе Грековъ съ Руссами были довольно часты и дѣятельны, и непредставляли большихъ затрудненій, въ противномъ случаѣ Греки не приняли бы на себя такой обязанности.

Третья статья договора повторяетъ тоже, что было сказано въ договорѣ Олега съ Греками предъ вратами Константинополя въ 907 году; т. е. что бы Руссы приходящіе не для торговли нетребовали мѣсячины, чтобы послы и вообще всѣ Руссы приходя въ Грецію неделали бесчинія, что бы останавливались у Св. Мамы, куда будетъ приходить императорскій чиновникъ переписывать имена пришедшихъ и назначать мѣсячины, что бы входили въ городъ съ царскимъ приставомъ одними воротами и неболѣе 50 человѣкъ въ одинъ разъ; въ этой статьѣ только три новости не встрѣчающіяся въ Олеговыхъ

договорахъ: 1-е Императорскій приставъ разбираетъ спорныя дѣла между (приходящими въ Византію) Руссами и Греками; 2-е Руссы неимѣютъ права покупать шелковыхъ тканей цѣною выше 50 золотниковъ; и 3-е Руссы не имѣютъ права зимовать у Св. Мамы. Первая изъ сихъ новостей, учрежденіе особеннаго Императорскаго пристава для разбора споровъ между Руссами и Греками, указываетъ на постоянное усиленіе сношеній Руссовъ съ Греками, которое потребовало особаго судью для разбора тяжбъ; и отнюдь неможетъ служить свидѣтельствомъ, чтобъ этою статьею Руссы подчинялись безъ-условно Римскому праву въ своихъ спорахъ съ Греками; ибо последующія статьи Игорева договора свидѣтельствуютъ явно, что Рускій законъ одинаково дѣйствовалъ и при Олегѣ и при Игорѣ. Ограниченіе Руссовъ покупать шелковыя ткани недороже какъ по 50 златницъ, было общее для всѣхъ народовъ торговавшихъ съ Византіею; такъ современникъ Игоревъ Кремонскій Епископъ Ліутпрандъ, два раза бывшій посломъ въ Константинополѣ, говоритъ что предъ отъѣздомъ и онъ долженъ былъ показать императорскому чиновнику купленныя имъ дорогія ткани, и тѣ изъ нихъ, которыхъ вывозъ былъ запрещенъ, у него остановили и выдали за нихъ торговую цѣну, а на незапрещенныхъ къ вывозу наложили клейма. Недозволеніе Руссамъ зимовать у Св. Мамы указываетъ на туже предосторожность Грековъ, какую мы уже замѣтили выше въ требованіи предъявлять княжія грамоты объ отпускѣ Рускихъ кораблей въ Грецію. Византійцы опасались, что бы Рускіе корабли зазимавшіе у Св. Мамы на весну несоединились съ другими кораблями имѣющими придти изъ Руси, и несдѣлали нечаяннаго нападенія. Эта предосторожность показываетъ, что подобные случаи вѣрно уже бывали съ Руссами.

Четвертая статья договора говоритъ о побѣгѣ невольниковъ, статья сія упоминается и въ Олеговомъ договорѣ, тамъ мы уже видѣли, что она составлена подъ вліяніемъ Римскаго права; но здѣсь это вліяніе менѣе замѣтно: именно настоящая статья не требуетъ, чтобы невольникъ самъ объявлялъ, что онъ принадлежитъ истцу, какъ это постановлено въ VI книгѣ кодекса, (Tit. I. § VI) а напротивъ по настоящей статьѣ достаточно только отыскать невольника, что бы имѣть право возвратить его. И даже въ томъ случаѣ, ежели невольникъ неотыскивался, Руссы имѣли право получить отъ Грековъ установленную цѣну невольника,—двѣ шелковыхъ ткани, они только обязывались потвердить свой искъ клятвою. Это было уже новая уступ-

ка въ пользу Руссовъ, неизвѣстная въ Олеговомъ договорѣ, и конечно вытребованная Руссами по прежнему до насъ недошедшему договору Игоря; ибо въ статьѣ прямо сказано: «взимаютъ отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть прежде, двѣ паволоцѣ за челядинъ.» Вторая половина этой статьи, относящаяся собственно къ Греческимъ невольникамъ бѣжавшимъ къ Руссамъ прiѣзжающимъ въ Константинополь, назначаетъ даже вознагражденiе Руссамъ за возвращенiе невольниковъ, полагая по два солида за каждаго въ такомъ случаѣ, ежели Руссъ возвращая невольника съ тѣмъ вмѣстѣ приносилъ въ цѣлости и то, что невольникъ унесъ у своего господина. Это была новая уступка въ пользу Руссовъ неизвѣстная въ Олеговомъ договорѣ; которая явно свидѣтельствуетъ объ усилившихся сношенiяхъ Руссовъ съ Греками. Здѣсь мы неможемъ подозрѣвать какой нибудь передѣлки или измѣненiя статьи лѣтописцемъ; ибо начало этой половины статьи явно составлено по Римскому праву, здѣсь говорится о невольникахъ принадлежащихъ нетолько частнымъ лицамъ но и городамъ: «городскихъ или публичныхъ, казенныхъ рабовъ въ то время на Руси вовсе незнали; отсюда очевидно, что это раздѣленiе рабовъ на частныхъ и публичныхъ принадлежитъ Римскому праву, которое даже налагало особую пеню за отчужденiе публичныхъ или городскихъ рабовъ; [114] и Руссъ немогъ ни коимъ образомъ составить подобной статьи, ему публичные рабы были неизвѣстны, что замѣтно даже въ самой статьѣ; ибо Греки для Руссовъ принуждены были отмѣнить то рѣзкое различiе, какое по Римскому праву полагалось между публичнымъ и частнымъ рабомъ, и положить одинаковое вознагражденiе по два солида, какъ за частнаго, такъ и за публичнаго раба.

Пятая статья говоритъ о грабежѣ и кражѣ. Здѣсь на основанiи Римскаго права отличается грабежъ, отнятiе силою (rapina), отъ кражи, взятiя тайкомъ (furtum); таковаго раздѣленiя въ Олеговомъ договорѣ незамѣчено, тамъ только говорится объ одной кражѣ (furtum). Статья отличая грабежъ отъ кражи назначаетъ и различныя наказа-

---

[114] Cod. L. VI. Tit. I. § V. Mancipia diversis artibus praedita, qvae ad rempublicam pertinent, in jisdem civitatibus placet permanere, ita ut si quis tale mancipium sollicitaverit vel avocandum crediderit, cum servo altero sollicitatum restituat, duodecim solidorum summa inferenda rejpublicae illius civitatis, cujus mancipjum adduxerit.»

нія, именно за грабежъ назначаетъ жестокое наказаніе,—«покажненъ будетъ вельми.» и двойную цѣну отнятаго; за кражу требуетъ только возвращенія покраденной вещи и сверхъ того цѣну чего стоитъ вещь. Такимъ образомъ настоящая статья совершенно отмѣняетъ подобную статью Олегова договора, по которой за кражу взыскивалось въ четверо, и тѣмъ доказываетъ, что Римское qvadrupli на практикѣ оказалось не совсѣмъ удобнымъ въ отношеніи къ Руссамъ пріѣзжавшимъ въ Константинополь, такъ что Византійцы нашли нужнымъ по этому случаю войти въ новое условіе съ Руссами, и принять мѣры болѣе сообразныя съ состояніемъ дѣлъ. А требованіе статьи казнить грабителя, хотя въ договорѣ отмѣчено общимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ: «покажненъ будетъ вельми.» но тѣмъ неменѣе показываетъ, что это новое требованіе въ договорѣ составлено по взаимному согласію обѣихъ договаривавшихся сторонъ, ибо статья одинаковое наказаніе назначаетъ и для Русса для Грека: «Аще створитъ Гречинъ Русину, да пріиметь туже казнь.» И при томъ въ статьѣ прямо сказано, что таковое наказаніе требуется и по Греческому и по Рускому закону, и по договору: «И то покажненъ будетъ по закону Греческому, по уставу и по закону Рускому.»[114] Слѣдовательно статья недаетъ никакого преимущества Грекамъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые толкователи, и составлена по взаимному договору и согласно съ настоятельными нуждами той и другой стороны. А посему въ настоящей статьѣ мы находимъ новое доказательство того, что Греки и Руссы дорожили своими мирными отношеніями, и въ договорахъ своихъ постоянно старались отстранять и улаживать все то, что затрудняло бы мирныя отношенія.

Шестая статья настаящаго договора опредѣляетъ цѣну плѣнныхъ Грековъ приводимыхъ Руссами на продажу; именно по 10 солидовъ за юношу или дѣвицу, по 8 солидовъ за средовича, и 5 за-

---

[114] Одинъ изъ новѣйшихъ толкователей говоритъ: «Я здѣсь непринимаю чтенія Лаврентіевскаго списка: «По уставу и по закону Рускому, ибо въ Рускомъ законѣ нѣтъ наказанія вору.» и тѣмъ какъ бы думаетъ доказать, что здѣсь Греки даютъ силу своему закону требующему наказанія вору. Но слово *покажненъ* относится не къ вору, а къ грабителю разбойнику, а на разбойника есть особая казнь и въ Руской правдѣ. «Оже станетъ безъ вины на разбои, то за разбойника людіе не платятъ, нъ выдадятъ и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе.»

стариковъ и за дѣтей. Это статья сильно противорѣчитъ таковой же статьѣ Олегова договора, въ которой назначалась одинакая цѣна за каждаго плѣнника по 20 солидовъ, именно за въ которую цѣнился бѣглый рабъ по Римскому праву;[115] какая была причина, къ такому измѣненію цѣны мы не знаемъ; но конечно это клонилось не къ пользѣ Руссовъ, которымъ по настоящему договору приходилось продавать плѣнниковъ дешевлѣ нежели прежде, выкупать Рускихъ плѣнниковъ у Грековъ дороже; ибо по настоящей статьѣ не только всѣ Рускіе плѣнники поставлены въ одной цѣнѣ, по 10 солидовъ за каждаго, но даже въ случаѣ, ежели Грекъ пріобрѣталъ Рускаго плѣнника покупкою, то Руссы при выкупѣ должны были платить именно ту цѣну, по какой Грекъ самъ пріобрѣлъ плѣнника. А при такомъ условіи естественно Руссамъ едва ли когда удавалось выкупать своихъ плѣнниковъ изъ первыхъ рукъ; ибо Греки конечно спѣшили перепродавать ихъ другъ другу по высокой цѣнѣ, чтобы взять эту цѣну при выкупѣ.

Седмая статья составлена собственно въ пользу Корсунскаго края, который состоялъ подъ покровительствомъ Византійцовъ, и находясь неподалеку отъ Рускихъ владѣній легко могъ подвергаться нападеніямъ Руссовъ. Статья именно говоритъ: «на Корсунской сторонѣ, сколько есть городовъ въ томъ краю, Князь Рускій неимѣетъ власти воевать тамъ.» И такимъ образомъ прямо показываетъ, что безпокойные Руссы въ Игорево время сильно тревожили Корсунцовъ, что подтверждается и свидѣтельствомъ Константина Порфиророднаго, который въ своихъ наставленіяхъ сыну между другими причинами къ соблюденію постояннаго союза Византійскихъ Императоровъ съ Печенѣгами полагаетъ и то, чтобы они недозволяли Руссамъ нападать на Греческія владѣнія, слѣдовательно и на Корсунь.[116] Въ вознагражденіе за такую уступку со стороны Руссовъ, Византійцы обязываются помогать Рускому Князю своими войсками, когда эта помощь ему понадобится въ войнахъ съ другими народами. Конечно это обязательство никогда неприводилось въ исполненіе, ибо Рускіе не прибѣгали къ пособію Византійцовъ, но оно важно для исторіи тѣмъ, что указываетъ на нѣкоторое равенство отношеній между Руссами и Византійцами, здѣсь Греки неприказываютъ Руссамъ, а тре-

---

[115] Cod. L. VI. Tit. IV.

[116] De adm. imp. cap. IV.

буя какихъ либо уступокъ или услугъ съ Руской стороны, также и сами какъ бы въ вознагражденіе предлагаютъ услуги съ своей стороны, чего конечно они бы не сдѣлали, ежели бы трактовали съ Игоремъ, какъ побѣдители съ побѣжденнымъ.

Осьмая статья настоящаго договора представляетъ повтореніе шестой статьи Олегова договора, только здѣсь Руссы необязываются провожать Греческихъ судовъ, въ случаѣ какого либо нещастія, ни въ Греческую ни въ Русскую землю, какъ они обязывались къ этому по Олегову договору. Настоящая статья только требуетъ, чтобы Руссы необижали Греческихъ судовъ подвергшихся несчастію, и въ случаѣ нарушенія этого обязательства грозитъ преслѣдованіемъ закона Рускаго и Греческаго.

Девятая и десятая статьи составлены опять въ пользу Корсунцовъ: въ девятой Руссы обязываются недѣлать зла Корсунянамъ, когда они ловятъ рыбу въ Днѣпровскомъ устьѣ, а также запрещается Руссамъ зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьи и у острова Св. Ельферія. Это запрещеніе указываетъ, что Руссы разъѣзжая на своихъ лодьяхъ по Черному морю, имѣли обычай останавливаться на зиму въ показанныхъ мѣстахъ, т. е. между устьями Днѣпра и Днѣстра; ибо подъ островомъ Ефферія у Константина Порфиророднаго, а съ нимъ въ мѣстѣ и у Нестора должно разумѣть небольшой островокъ между Днѣпровскимъ и Днѣстровскимъ устьемъ, Бѣлобережьемъ же по всему вѣроятію въ договорѣ названъ Днѣстровскій лиманъ: ибо въ этомъ мѣстѣ у Константина полагается бѣлая рѣка, ἄσπρος πόταμος и Βελεγράδας. По его словамъ Руссы отъ острова Св. Ефферія, ежели еще время благопріятствуетъ, отправляются къ Бѣлой рѣкѣ, и оттуда отдохнувши идутъ къ рѣкѣ Селинѣ, которую они называютъ дорогою въ Дунай.[117] Десятою статьею Рускій Князь обязывается непускать Черныхъ Болгаръ нападать на Корсунскія владѣнія. Эта статья указываетъ намъ на многое относительно тогдашнихъ Рускихъ владѣній на сѣверо-востокѣ. Черными Болгарами конечно здѣсь названы не Дунайскія а Волжскіе Болгары. Ибо Константинъ Порфирородный два раза упоминая о Черной Болгаріи, указываетъ на Волжскую, а не на Дунайскую Болгарію; такъ въ первый разъ разсматривая враговъ Хазарамъ указываетъ на Узовъ,

---

[117] De adm. imp. cap. IX.

Аланъ и Черныхъ Болгаръ; и разсуждаетъ что ежели Римскій Императоръ будетъ въ союзѣ съ сими тремя народами, или съ однимъ изъ нихъ, то Хазарамъ нельзя будетъ тревожить Херсонскихъ владѣній.[118] Ясно что подъ Черными Болгарами здѣсь нельзя разумѣть Дунайскихъ; ибо Дунайскіе отдѣленные всѣми кочевьями Печенѣговъ немогли нападать на Хазаръ, тогда какъ Волгскіе Болгары на Волгѣ прямо могли нападать на Хазарію. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что на Сѣверъ отъ Меотійскаго болота лежитъ рѣка Днѣпръ, откуда Руссы ходятъ въ Черную Булгарію, Хозарію и Сирію.[119] Здѣсь Императоръ Византійскій кажется указываетъ на путь Руссовъ по Окѣ и Волгѣ въ Волжскую Болгарію и Хазарію и даже Ширвань изъ Суздальской стороны. Слѣдовательно въ X вѣкѣ уже и въ Константинополѣ знали, что Рускія владѣнія простирались далеко на востокъ по Волгѣ почти до предѣловъ Болгаріи, и что Руссы могли нападать на Волжскихъ Болгаръ.

Статья одиннадцатая требуетъ, чтобы Руссы сами не казнили провинившихся предъ ними Грековъ, а отдавали ихъ Грекамъ, которые будутъ казнить ихъ по Императорскому повелѣнію. Эта статья невстрѣчается въ Олеговомъ договорѣ, и очевидно относится только къ Руссамъ пребывающимъ въ Константинополѣ, и показываетъ на усиленіе сношеній Руссовъ съ Византійцами, какъ справедливо замѣтилъ Эверсъ въ своей книгѣ древнѣйшее Руское право въ историческомъ его раскрытіи. (Стр. 208—210.)

Статья двѣнадцатая и тринадцатая представляютъ почти повтореніе третьей и четвертой статей Олегова договора; въ томъ и другомъ договорѣ убійца долженъ быть убитъ ближнимъ убіеннаго, а ежели убѣжитъ, то ближніе убіеннаго берутъ имѣніе убійцы; также за удареніе мечемъ или другимъ какимъ орудіемъ по тому и другому договору назначается пеня въ 5 литръ серебра. Вся разница сихъ статей по тому и по другому договору состоитъ въ томъ, что въ Олеговомъ договорѣ въ статьѣ объ убійцахъ сказано, что ближніе убитаго могутъ взять только то имѣніе, которое принадлежитъ убійцѣ по закону, и неимѣютъ права на имѣніе его жены. А въ статьѣ объ удареніи мечемъ или другимъ орудіемъ, ударившій, ежели немогъ запла-

[118] Ibid. cap. X, XI, XII.

[119] Ibid. cap. XLII.

тить пяти литръ серебра, то по Олегову договору долженъ отдать сколько можетъ, въ Игоревомъ же договорѣ сказано: «да како можетъ, въ только же проданъ будетъ.» Но это измѣненіе только въ выраженіяхъ а не въ самомъ смыслѣ статей. Въ Игоревомъ договорѣ неупомянуто объ исключеніи имѣнія жены, въ случаѣ взысканія съ мужа, очевидно потому, что таковое упоминаніе оказалось излишнимъ; ибо Греки и Руссы, короче познакомившись другъ съ другомъ, увѣрились, что по законамъ того и другаго народа имѣніе жены признавалось отдѣльнымъ отъ имѣнія мужа. Во второй же статьѣ выраженіе: «да како можетъ, въ только же проданъ будетъ» есть небольше какъ юридическій терминъ употреблявшійся у Руссовъ, и не разъ встрѣчающійся въ Руской правдѣ: (напр.» Аже кто ударитъ мечемъ, не вынезъ его, или рукоятью, то 12 гривне продажи за обиду?) терминъ сей собственно выражаетъ туже мысль, которая значится и въ Олеговомъ договорѣ: «да вдасть елико можетъ.» Настоящія двѣ статьи свидѣтельствуютъ, что управа въ важнѣйшихъ обидахъ между Греками и Руссами по Игореву договору нисколько неизмѣнилась противъ управы назначенной въ Олеговомъ договорѣ; и слѣдовательно одинадцатая статья Игорева договора, требующая что бы Руссы самовольно ненаказывали провинившихся передъ ними Грековъ, относится къ инымъ проступкамъ со стороны Грековъ, о которыхъ въ Олеговомъ договорѣ даже неупоминается, вѣроятно къ проступкамъ относящимся собственно къ гражданскому праву, къ обманамъ къ утайкамъ въ торговлѣ и въ другихъ житейскихъ сношеніяхъ, которыя по Римскому праву разбирались civiliter а не criminaliter.[120] и на которыя по всему вѣроятію Руссы смотрѣли не съ такой стороны, какъ Греки, и можетъ быть предоставляли самоуправству самихъ обиженныхъ; ибо и въ Руской правдѣ мы невстрѣчаемъ узаконеній, которыя бы относились къ подобнымъ проступкамъ. Въ Олеговомъ же договорѣ по новости сношеній Грековъ съ Руссами они были вовсе упущены изъ виду.

Четырнадцатая статья говоритъ, что князь Руской по требованію Византійскаго Императора будетъ посылать свои войска въ помощь Грекамъ, сколько потребуется. Этой статьи въ Олеговомъ договорѣ не встрѣчается; но тамъ за то есть статья, по которой Руссы пріѣзжающіе въ Константинополь въ случаѣ набора войскъ Греками без-

---

[120] Digest. Lib. XLVII. Tit. II. § XCVI.

препятственно могутъ вступать въ Греческую службу. Сіи двѣ статьи находятся въ тѣсномъ отношеніи другъ къ другу, или одна другую замѣняютъ. По Олегову договору Руссы безпрепятственно могли ходить въ Константинополь какъ съ торговлею такъ и безъ торговли; слѣдовательно, при такой свободѣ, Руссовъ очень много приходило въ Константинополь, такъ что Греческое правительство безъ особыхъ требованій отъ Рускаго Князя легко могло набирать цѣлые отряды Руссовъ въ самомъ Константинополѣ. Но въ послѣдствіи Византійцы увидали, что Руссы приходящіе въ Константинополь безъ торговли дѣлали большіе безпорядки и вообще становились въ тягость Грекамъ; по сему еще въ первомъ договорѣ съ Игоремъ было постановлено, (въ предупрежденіе излишняго скопленія Руской вольницы) что бы послы приходили съ золотыми печатьми а гости съ серебряными, а въ настоящемъ договорѣ эта мѣра замѣнена строжайшею, по которой Греки принимали къ себѣ и допускали жить въ Греціи только тѣхъ Руссовъ, которые приходили съ Княжими грамотами, въ которыхъ именно прописывалось сколько торговыхъ кораблей отправляетъ князь, всѣхъ же приходящихъ безъ грамотъ задерживали и въ случаѣ сопротивленія имѣли право убивать. Эта новая мѣра исключала всякую возможность скопленія буйной Руской вольницы въ Константинополѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлала невозможнымъ набирать въ самомъ Константинополѣ Руские отряды въ Греческую службу. Слѣдовательно съ принятіемъ этой мѣры необходимо должна была явиться и новая статья въ договорѣ, по которой бы Императоръ могъ требовать войскъ у Рускаго князя. Но изъ этой статьи нельзя заключать, чтобы Рускій князь безъвозмездно обязывался посылать свои войска въ помощь Грекамъ; эта статья только обезпечивала Императора въ томъ, что онъ за извѣстную плату можетъ ожидать требуемое количество войскъ отъ Рускаго князя. Подобныя условія Византійцы заключали и съ Печенѣгами и съ другими народами, отъ которыхъ надѣялись получать нужныя войска въ случаѣ войны. Настоящая статья со стороны Руссовъ была и исполнена при Святославѣ, но именно такъ, какъ мы здѣсь замѣчаемъ, т. е. Святославъ за извѣстную плату отъ Византійскаго императора явился въ 967 году съ своими войсками въ Дунайской Болгаріи. Самое выраженіе настоящей статьи: «и пошлетъ къ намъ, елико же хочемъ» указываетъ на то, что здѣсь дѣло идетъ о наймѣ войскъ, а не приглашеніи союзниковъ. Ежели Византійцы самый миръ покупали у Руссовъ за большую или меньшую плату, какъ ясно говоритъ Константинъ Пор-

фироредный,[121] то естественно пособіе отъ Руссовъ войсками они не иначе могли получать, какъ за извѣстную плату.

Заключеніе настоящаго договора имѣетъ нѣкоторую разницу противъ заключенія Олегова договора, но эта разница неуничтожаетъ ни достовѣрности ни самостоятельности и полноты договора, а только указываетъ на особыя обстоятельства. Начало заключенія въ обѣихъ договорахъ въ сущности одинаково, хотя въ Игоревомъ договорѣ оно нѣсколько подробнѣе и пространнѣе нежели въ Олеговомъ, но смыслъ его въ обѣихъ договорахъ одинъ, и состоитъ въ томъ, что договоръ писанъ на двухъ хартіяхъ, что подписанъ обѣими сторонами, и что обѣ стороны клялись въ сохраненіи договора. Но далѣе Игоревъ договоръ представляетъ сильную разницу; въ Олеговомъ договорѣ послѣ описанія взаимныхъ клятвъ обѣихъ сторонъ слѣдуетъ прямо *datum* договора: «на утвержденіе и извѣщаніе состоявшагося между нами мира мы дали сіе написаніе мѣсяца Сентября и проч.» а въ Игоревомъ договорѣ *datum* не написано, а вмѣсто его стоитъ: «А некрещеная Русь полагаютъ щиты свои, и мечи свои наги, и обручи свои и прочее оружіе, и да клянутся во всемъ, что писано на сей хартіи, что все это во всѣ будущіе годы и всегда будетъ сохранено Игоремъ, всѣми его боярами [и всѣми людьми Руской стороны.» Но разница сія очевидно происходятъ отъ того, что Олеговы послы по характеру своему были зачинщиками и учредителями тогдашняго мира, какъ уже о томъ было сказано выше, и посему имѣли отъ Олега полномочіе заключить и утвердить миръ, а отъ этого грамота ими привезенная должна была имѣть характеръ акта совершенно уже законченнаго. Игорь же уполномочилъ своихъ пословъ только составить договоръ съ Греками, утвердить же его предоставилъ себѣ; слѣдовательно и мирная грамота привезенная его послами должна была имѣть характеръ проэкта утвержденнаго только съ Греческой стороны, но еще незаконченнаго утвержденіемъ съ Руской, а потому и *datum* не имѣлъ въ ней мѣста. Что грамота привезенная Игоревыми послами была небольше какъ проэктъ мирнаго договора, въ этомъ лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ слѣдующее выраженіе самой грамоты: «Ежели это одобритъ Князь Игорь, то да хранитъ сію правую любовь, да не нарушится она пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ въ нынѣшніе вѣки и въ будущіе.» Это

---

[121] De adm. imp cap. IV.

же подтверждаетъ и послѣдующій разсказъ лѣтописца, изъ котораго видно, что послы возвратились къ Игорю съ Греческими послами, которые прямо говорили Игорю, что они посланы царемъ для окончательнаго утвержденія мирнаго договора, и для приведенія Игоря и его мужей къ клятвѣ, точно также какъ Игоревы послы въ Константинополѣ водили къ клятвѣ Греческихъ императоровъ. О каковомъ обрядѣ нѣтъ и помину при разказѣ объ Олеговомъ договорѣ.

Въ заключеніи для насъ замѣчательны два обстоятельства: 1-е между Игоревыми послами было уже нѣсколько христіанъ, о которыхъ прямо сказано въ договорѣ, что они въ утвержденіе мирныхъ статей клялись въ Константинопольской церкви св. Иліи, которая въ грамотѣ названа соборною. И мы дѣйствительно находимъ въ древнемъ Константинополѣ храмъ св. Иліи, о которомъ неизвѣстный описатель Константинопольскихъ древностей помѣщенный у Бандурія говоритъ: «Храмъ св. Иліи стоитъ на мѣстѣ называемомъ Петріонъ, онъ построенъ великолѣпно полками и легіонами Зенона при возвращеніи его изъ Персіи, ибо св. Илія, являлся воинамъ во время похода. [122] Второе обстоятельство заслуживающее вниманіе историка это обрядъ клятвы Руссовъ язычниковъ, объ нихъ въ договорной грамотѣ сказано: «А некрещеная Русь полагаютъ щиты своя, и мечѣ своѣ наги, и обручѣ своѣ и прочее оружье, да клянутся во всемъ, яко же суть писана на харатьи сей.» Изъ этого описанія мы видимъ, что Руссы язычники клялись своимъ оружіемъ; и оружіе ихъ составляли между прочимъ щиты, мечи и обручи, или особаго рода брони, въ родѣ тѣхъ, которыя мы видимъ въ изображеніяхъ древнихъ Норманскихъ вооруженій.

Эверсъ много занимавшійся договорами Олега и Игоря находитъ, что Игоревъ договоръ служитъ только дополненіемъ къ Олегову договору и не составляетъ отдѣльнаго самостоятельнаго трактата, онъ указываетъ въ немъ на опущеніе многихъ важныхъ статей, необходимыхъ по его мнѣнію, и даже на безпорядокъ въ изложеніи, и замѣчаетъ что въ немъ противъ формы обыкновеннаго договора, вводятся говорящими и предлагающими условія одни только Греки и всѣ статьи исключительно относятся только къ пользѣ Грековъ. [123]

---

[122] Imperium Orient. T. I. par. III. pag. 35.

[123] Евер. Древн. право Руси стр. 136 — 139.

Но мы уже видѣли при подробномъ разборѣ каждой статьи отдѣльно; что всѣ они составлены для взаимныхъ выгодъ той и другой стороны, а не для исключительной пользы Грековъ; что же касается до замѣчанія о томъ, что въ Игоревомъ договорѣ говорятъ и предлагаютъ условія одни только Греки, то это произошло отъ того, что до насъ дошелъ только проэктъ этаго договора составленный Греками по согласію съ Игоревыми послами, слѣдовательно естественно въ Греческомъ проэктѣ говорить и предлагать условія Грекамъ а не Руссамъ. Наконецъ видимый безпорядокъ въ размѣщеніи статей и даже опущеніе многихъ существенныхъ статей произошло отъ того, что основная мысль Игорева договора имѣетъ совсемъ не тотъ характеръ, который замѣчаемъ въ Олеговомъ договорѣ. Она состоитъ въ томъ, что бы сколько возможно пріостановить сильный наплывъ Руской вольницы въ Константинополь, какъ это ясно выражено во второй статьѣ, которою Греки обязываются свободно пропускать въ Константинополь только тѣхъ Руссовъ, которые придутъ съ Княжими грамотами удостовѣряющими, что они посланы Княземъ или его мужами для торговли или въ качествѣ пословъ; съ принятіемъ этой основной мысли естественно должны были отмѣнится осьмая одинадцатая и двѣнадцатая статьи Олегова договора, какъ проистекающія отъ свободнаго допущенія въ Константинополь всѣхъ Руссовъ безъ различія, отмѣненнаго второю статьею настоящаго договора; слѣдовательно собственно опущенія статей въ Игоревомъ договорѣ не было, а было только измѣненіе или отмѣненіе статей несогласныхъ съ основною мыслію договора. А посему мы не имѣемъ права называть Игоревъ договоръ несамостоятельнымъ и только дополненіемъ къ Олегову довогору.

По сказанію Нестора: Рускіе послы возвратились къ Игорю вмѣстѣ съ послами Греческими, и разсказали все что говорилъ Царь Романъ; Игорь позвалъ къ себѣ Греческихъ пословъ, и сказалъ имъ: объявите; что вамъ наказалъ Царь? Царскіе послы отвѣчали: Царь насъ послалъ сказать, что онъ радъ миру и хочетъ жить въ мирѣ и любви съ Княземъ Рускимъ; твои послы водили нашихъ царей къ клятвѣ; и мы присланы привести къ клятвѣ тебя и твоихъ мужей. Игорь обѣщалъ исполнить требованіе, и на другой день призвавъ пословъ пошелъ съ своими мужами на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ, и поклавъ свое уружіе, щиты и золото передъ Перуномъ далъ клятву вмѣстѣ съ некрещеною Русью; крещеную же Русь, которыхъ было много между Варягами, водили къ клятвѣ въ церкви св. Иліи, что

надъ ручьемъ конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ, (т. е. въ углу гдѣ сходились Пасынча и Хазарская слободы) эта церковь тогда была соборною. Игорь утвердивъ миръ съ Греками, отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, невольниками и воскомъ.

Этотъ разсказъ Нестора свидѣтельствуетъ, что главнымъ Богомъ Руссовъ язычниковъ былъ Перунъ небо, что его кумиръ стоялъ на одномъ Кіевскомъ холму, и что Руссы язычники во время клятвы клали передъ кумиромъ свое оружіе щиты и золото. Въ этомъ же разсказѣ находимъ прямое свидѣтельство, что въ Кіевѣ между Варягами при Игорѣ было уже много Христіанъ,[124] и что у нихъ былъ уже свой Христіанскій храмъ Пророка Иліи, который стоялъ въ углу образуемомъ улицами Пасынчей и Хазарской. Это свидѣтельство о мѣстности храма Пророка Иліи указываетъ намъ на Кіевскія улицы: гдѣ именно находились сіи улицы мы незнаемъ; но для насъ важно самое наименованіе ихъ, оно показываетъ намъ, что Кіевъ, равно какъ и другіе города древней Руси, небылъ огороженнымъ селомъ занятымъ однимъ какимъ либо родомъ или племенемъ, но представлялъ собою именно городъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, гдѣ жители различные по своему произхожденію или по своимъ занятіямъ селились особыми слободами или улицами. Такъ въ настоящемъ свидѣтельствѣ лѣтописи мы видимъ въ Кіевѣ особую улицу

---

[124] И конечно Греческаго исповѣданія, это свидѣтельствуютъ съ одной стороны Византійцы, которые считали Русь въ числѣ митрополій подвѣдомственныхъ Константинопольскому Патріарху еще при Олегѣ, (Corp. Hist. Byz. tom. XXIII pag. 326.) а съ другой нашъ лѣтописецъ у котораго В. К. Владиміръ говоритъ Латинянамъ убѣждавшимъ его принять ихъ вѣру, «идѣте опять, яко отцы наши сего непріяли суть.» (Полн. Соб. Руск. лѣт. стр. 35.) Кромѣ того и у Латинянъ мы находимъ ясное свисвидѣтельство, что между Кіевскими Руссами около этого времени были Христіане Греческаго а не Латинскаго исповѣданія. Римскій Папа Іоаннъ въ 967 году въ буллѣ своей къ Чешскому Князю Болеславу, пишетъ, что Чешская Латинская церьковь должна остерегаться отъ сообщенія съ Болгарскою и Рускою церковію. (Non secundum ritus, aut sectam Bulgariae gentis, vel Russiae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta Apostolica, unum potiorem totius Ecclesiae ad placitum eligas in hoc (на Архіепископскую каѳедру) clericum, Latinis apprimae litteris eruditum.» (Chronicon Cosm. Pragens. pag. 14).

или слободу Хазарскую и особую Пасынчю, точно также какъ въ Новгородѣ знаемъ улицы Варяжскую, Прускую и другія, или въ Москвѣ слободы Мѣщанскія, Стрѣлецкія, Нѣмецкія, Татарскія и проч. Подъ именемъ бесѣды мы осмѣливаемся разумѣть именно слободу или улицу; ибо и по словопроизводству бесѣда, происходитъ отъ *сидѣть селиться*, да и въ древнихъ нашихъ памятникахъ не рѣдко встрѣчаются селенія и слободы съ именемъ бесѣдъ. Подъ именемъ Хазарской бесѣды ясно представляется улица или слобода заселенная Хазарами, прежними повелителями Кіева; но что значитъ Пасынча улица или бесѣда, объ этомъ утвердительно и прямо сказать нельзя; впрочемъ принимая въ соображеніе, что въ лѣтописяхъ нерѣдко подъ именемъ Пасыковъ, отроковъ и дѣтскихъ, разумѣли младшую дружину, низшій разрядъ воиновъ, можно предположить, что Пасынчей бесѣдой называлась слобода занятая младшей дружиною, простыми воинами, и при Игорѣ конечно Варягами, что совершенно согласно и съ помѣщеніемъ Христіанскаго храма въ концѣ улицы населенной Пасынками простыми воинами, состоящими изъ Варяговъ; ибо лѣтописецъ между ними преимущественно и находитъ Христіанъ: «мнози бо бѣша Варязи Хрестіанѣ,» чему конечно непротиворѣчитъ и Хазарская улица сходившаяся съ Пасынчей у Храма Иліи, ибо и между Хазарами, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, не мало было Христіанъ. Слѣдовательно Христіанскому храму въ Игоревомъ Кіевѣ и нужно было стоять именно въ концѣ сихъ двухъ улицъ населенныхъ Христіанами.

По отпускѣ Греческихъ пословъ, когда наступила осень, Игорь сталъ думать о походѣ на Древлянъ, замышляя взять съ нихъ большую дань. Это извѣстіе лѣтописца совершенно согласно съ характеромъ того времени. По свидѣтельству Константина Порфиророднаго, Князья Руские обыкновенно при наступленіи Ноября мѣсяца со всею Русью выходятъ изъ Кіева и отправляются или въ полюдье, по Гречески γῦρα (объѣздъ, чиновника по своему вѣдомству), или въ Славянскія земли Древлянъ, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ и другихъ Славянъ платящихъ дань Руси. Они тамъ проводятъ цѣлую зиму, и по вскрытіи льда на Днѣпрѣ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ возвращаются въ Кіевъ; [125]. Но кажется состарившійся Игорь давно уже неслѣдовалъ сему обычаю, и для суда и сбора дани вмѣсто себя по-

---

[125] Bandur. T. I De administr. Imper. pag. 61.

сылалъ воеводу Свенельда, который имѣлъ свою дружину. Ибо, по свидѣтельству лѣтописца, Игорева дружина, требуя чтобы князь пошелъ съ нею въ дань, прямо говорила: «отроки Свенельдовы обогатились оружіемъ и одеждою, а мы наги, князь, пойди съ нами въ дань, да и ты добудешь и мы.» Въ этомъ требованіи дружины Игорь опять является истымъ Конунгомъ Скандинавскимъ, предводителемъ дружинниковъ; онъ несмотря на свою старость и нежеланіе идти въ походъ, уступаетъ требованію дружинниковъ и отправляется на Древлянъ, какъ на ближайшихъ сосѣдей къ Кіеву. Вступивъ въ землю Древлянскую, онъ, какъ и его спутники, началъ дѣлать насилія, и собравъ дань больше прежней отправился уже въ обратный путь къ Кіеву; но на дорогѣ передумалъ, и отпустивъ большую часть дружины домой, и съ немногими оставшимися при немъ опять воротился къ Древлянамъ, думая еще походить по ихъ землѣ и обогатиться новымъ поборомъ. Древляне услыхавши, что Игорь идетъ къ нимъ опять, разсудили съ своимъ Княземъ Маломъ, что какъ волкъ повадившись къ овцамъ потаскаетъ все стадо, ежели его не убьютъ, такъ точно и сей ежели его не убьемъ, всѣхъ насъ погубитъ; и послали сказать Игорю: ты побралъ всю дань, за чемъ же идешь опять? Но Игорь ихъ непослушалъ; и Древляне вышедши изъ своего города Коростеня, убили его и дружину, и похоронили подъ Коростенемъ, гдѣ его могила была извѣстна еще во время лѣтописца. Извѣстіе о смерти Игоря даже дошло до Констянтинополя, Левъ Діаконъ современникъ Игоревъ и Святославовъ пишетъ, что Древляне, которыхъ онъ называетъ Германцами, взявши въ плѣнъ Игоря, привязали его къ двумъ нагнутымъ деревьямъ и разорвали надвое. Это извѣстіе Византійца о событіи чисто Рускомъ, нисколько неотносящемся до Византіи, показываетъ что Руссы въ X вѣкѣ были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Греками; такъ что Византійцы знали такія подробности тогдашнихъ Рускихъ событій, которыя даже несохранились въ преданіи, и небыли извѣстны. Рускому лѣтописцу жившему послѣ Игоря черезъ 150 лѣтъ.

Разсказъ нашего лѣтописца о послѣднемъ Игоревомъ походѣ на Древлянъ, и извѣстіе Константина Порфиророднаго объ обычаѣ Рускихъ князей отправляться на зиму въ полюдье, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя замѣчательныя указанія на отношеніе тогдашнихъ горогородовъ и Славянскихъ племенъ къ Кіевскимъ Рускимъ Князьямъ. У нашего лѣтописца Игорева дружина ясно говоритъ князю: «пойди съ нами въ дань, да и ты добудешь, и мы» слѣдовательно ходить въ

дань, по тогдашнему порядку значило ходить только для грабежа на князя и на дружину, и ходить неиначе какъ съ достаточною дружиною, чтобы силою можно было взять столько, сколько вздумается. (совершенно въ Скандинавскомъ духѣ, такъ вѣроятно Варяги брали дань съ Словенъ Чюди, Мери и Кривичей въ 859 году.) Здѣсь нѣтъ и помину о какихъ либо правительственныхъ отношеніяхъ между плательщиками и сборщиками дани; сборщики и недумали о судѣ и разправѣ, о какомъ нибудь порядкѣ, они заботились только объ увеличеніи добычи; да и думать объ управѣ и судѣ имъ небыло нужды, ибо у плательщиковъ былъ свой судъ своя управа, напримѣръ Древляне имѣли своего князя Мала, который управлялъ ими, судилъ и рядилъ ихъ. Но невся тогдашняя Руская земля состояла изъ однихъ плательщиковъ дани Кіевскому Князю и его дружинѣ, Константинъ Порфирородный указываетъ и на другія отношеніе городовъ и племенъ къ Кіевскому Князю; по его словамъ Князья отправлялись съ осени или въ полюдье по Гречески γῦρα или въ Славянскія земли платящія дань Руси; здѣсь ясное различіе между землями, куда князь ѣздилъ въ полюдье и землями платящими дань; слѣдовательно иное было отношеніе Князей къ землямъ, куда они ѣздили въ полюдье, иное къ землямъ платящимъ данѣ. Въ чемъ состояло отношеніе Князя къ симъ послѣднимъ, мы уже видѣли изъ разсказа лѣтописца о походѣ Игоря за данью къ Древлянамъ. Теперь разсмотримъ отношеніе Рускаго князя къ землямъ, куда онъ ѣздилъ въ полюдье. Константинъ порфирородный Руское полюдье перевелъ Греческимъ словомъ γῦρα, т. е. объѣздъ чиновника по мѣстамъ своего вѣдомства собственно по дѣламъ службы, такъ напримѣръ объѣздъ провинціальнаго начальника по городамъ своей провинціи. Этотъ Греческій переводъ полюдья прямо показываетъ, что отношенія Рускаго Князя къ землямъ, куда онъ ѣздилъ въ полюдье, состояли въ управленіи сими землями, въ доставленіи имъ наряда, суда и управы, на что, какъ мы уже видѣли, указываютъ и Скандинавскія саги. Слѣдовательно Рускій Князь здѣсь былъ полнымъ Государемъ, правителемъ нарядникомъ, а не собирателемъ произвольныхъ даней съ племенъ непринадлежащихъ къ его владѣніямъ, управлявшихся сами собою, и только уступавшихъ его силѣ. Такимъ образомъ въ извѣстіи Константина мы открываемъ, что Русская земля въ Игорево время по своимъ отношеніямъ къ Кіевскому или Рускому Князю раздѣлялась на двѣ половины. Въ одной половинѣ Рускій Князь по выраженію лѣтописи володѣлъ, судилъ по праву, и рядилъ по ряду, здѣсь онъ былъ полнымъ Госу-

даремъ въ значеніи Скандинавскаго Конунга; и эта половина составляла собственно Руское Государство, главную опору силы и могущества Князей. Земли же относящіяся къ другой половинѣ управлялись сами собою, имѣли своихъ племенныхъ Князей, и Рускій Князь бралъ съ нихъ только дань и неучаствовалъ въ ихъ внутреннемъ управленіи. Сюда относились племена покоренныя Олегомъ и Игоремъ, признававшіе не власть а только силу Рускаго Князя, таковы по изчисленію Константина были Древляне, Дреговичи, Кривичи, Сѣверяне и другіе, они и по свидѣтельству нашего лѣтописца частію значатся только покоренными, платящими дань. Это согласіе Константина съ нашимъ лѣтописцомъ даетъ полную силу его свидѣтельству, и показываетъ, что Константинъ имѣлъ вѣрные и отчетливые свѣдѣнія объ устройствѣ Руской земли при Игорѣ. А посему мы неимѣемъ основанія отвергать, что замѣченное Константиномъ различіе отношеній Рускаго Князя къ городамъ, куда онъ ѣздилъ въ полюдье и къ землямъ платящимъ дань, дѣйствительно существовало на Руси въ Игорево время.

Къ Игореву же кажется времени должно отнести намекъ нашей лѣтописи на установленіе виръ съ тою цѣлію, чтобы ни собирались въ казну Князя на оружье и на коней для дружины. Этотъ намекъ встрѣчается у Нестора подъ 996 годомъ, гдѣ сказано, что когда Владиміръ отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ, то старцы и епископы сказали ему: «рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди.» И рече Володимеръ: «такъ буди.» И живяше Володимеръ по устроенью отню и дѣдню.«[126] Здѣсь Несторъ довольно ясно говоритъ, что Владиміръ принявши виры сталъ жить по устроенью отню и дѣдню, дѣдомъ же Владиміра былъ Игорь; слѣдовательно небудетъ невѣроятнымъ предположеніемъ, что Игорь былъ дѣйствительно учредителемъ того порядка, чтобы виры сбирались въ казну Князя на содержаніе оружія и коней для дружины. А когда это такъ, то здѣсь не лишнимъ будетъ разсмотрѣть значеніе виры при Владимірѣ и слѣдовательно при Игорѣ, такъ какъ Владиміръ жилъ по устроенью отню и дѣдню. Изъ текста лѣтописи видно, что Владиміръ принявши христіанскую вѣру пересталъ казнить разбойниковъ, а бралъ съ нихъ виры; потомъ когда разбойники умножились, то по совѣту епископовъ онъ началъ казнить ихъ, но отвергнулъ виры, тогда старцы и епископы сказали: рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди; на что Владиміръ и согласил-

---

[126] Полн. Соб. Рус. лѣт. Т. I, стр. 54.

ся; т. е. по случаю многихъ войнъ возстановилъ виру на содержаніе оружія и коней. Отсюда мы видимъ, что вирою при Владимирѣ и при Игорѣ называлась пеня, взимаемая съ разбойниковъ въ пользу Князя, какъ судіи и блюстителя общественнаго порядка и безопасности. Въ Руской правдѣ *вира* имѣетъ двоякое значеніе; 1-е, вирой назывался платежъ за убійство, и 2-е, вирой же называлась община обязанная давать вирный платежъ, ежели членъ ея будетъ уличенъ въ убійствѣ, или когда убитый будетъ найденъ на землѣ принадлежащей сей общинѣ, а убійцу неотыщютъ. «А иже убьютъ огнищанина в разбои, или убійца неищутъ: то вирное платити въ ней же вири голова начнетъ лежати.»[127] Или: «Аже кто не вложится въ дикую виру, тому людіе непомогаютъ, нъ самъ платить.»[128] Въ Руской правдѣ мы также видимъ, что вира, какъ платежъ, поступала Князю. Напр. «Аще утнетъ руку, и отпадетъ рука, или усъхнетъ, тъ полвиры, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ,» т. е. полвиры 20 гривенъ Князю, а обиженному за увѣчье 10 гривенъ. Въ Руской же правдѣ мы встрѣчаемъ другой платежъ называвшійся продажею, и поступавшій тоже въ пользу Князя. Напр. «познаетъ ли на долзѣ у кого купивъ (краденое), то свои куны възметъ, и сему платити, что у него погыбло, а Князю продажю.» Или: «а кдѣ будетъ конечный тать, то опять воротить челядина, а свой поиметъ, и проторъ тому же платити, а Князю продаже 12 гривнѣ въ челядинѣ или украдше.»[129] Здѣсь какъ мы видимъ продажею назывался платежъ за татьбу; но это различіе въ названіи платежа смотря по преступленіямъ вѣроятно явилось позднѣе, т. е. собственно во времена Руской правды, прежде же т. е. при Игорѣ, таковаго различія въ названіяхъ не было, и вирою назывался всякій платежъ безъ различія рода преступленій. Такимъ образомъ сообразивши указаніе Нестора, и значеніе виръ, мы должны признать Игоря первымъ законодателемъ въ Приднѣпровской Руси, первымъ учредителемъ внутренняго устройства въ городахъ признававшихъ власть Рускаго Князя. Конечно утвердить это мнѣніе, признать его за истину историческую несомнѣнную мы неможемъ; ибо кромѣ вышеприведеннаго упоминанія Нестора, высказаннаго вскользь и при случаѣ, у насъ пока нѣтъ другихъ свидѣтельствъ ясныхъ и опредѣленныхъ; но впрочемъ мы

---

127 Эвер. древ. право Руси, стр. 359.
128 Ibid. 375.
129 Ibid. 382, 383.

неимѣемъ и никакихъ прямыхъ данныхъ, которыя бы указывали на несостоятельность этого мнѣнія.

Указавши, сколько дозволяли памятники, на внутреннее устройство Приднѣпровской Руси въ Игорево время, намъ теперь слѣдуетъ представить изображеніе обычной каждогодной жизни Приднѣпровскихъ Руссовъ того времени, для сего мы обратимся къ извѣстіямъ Константина Порфиророднаго. Онъ говоритъ, (какъ мы уже видѣли) Русскіе Князья съ своими дружинами проводили зиму то въ сборѣ дани въ земляхъ Древлянъ, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ и другихъ племенъ платившихъ дань, то чинили судъ и разправу по городамъ, куда ѣздили въ полюдье. Весною же Руссы на своихъ лодьяхъ сходились въ Кіевъ изъ Новгорода, гдѣ жилъ Игоревъ сынъ Святославъ, изъ Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода, сюда же приходили и Кривичи, Ленчанѣ и другіе Славяне платившіе дань, и приводили съ собою новыя лодьи, которыя они успѣли сдѣлать въ своихъ лѣсахъ въ продолженіе зимы. Руссы покупали у нихъ сіи лодьи, и обдѣлывали по своему, придѣлывали къ нимъ уключины, весла и другія снасти, необходимыя для предполагаемаго плаванія. Устроивши лодьи какъ слѣдуетъ Руссы въ Іюнѣ мѣсяцѣ отправлялись внизъ по Днѣпру и шли въ Витичевъ, гдѣ останавливались дня на два или на три, пока соберутся всѣ лодьи. Изъ Витичева они спокойно плывутъ внизъ по Днѣпру до перваго порога *Нести* (ἐσσουπῆ). Недоходя до этаго порога Руссы выходятъ изъ лодей и голыми ногами ищутъ брода, чтобы не наткнуться на подводный камень, и отыскавши бродъ тащутъ по немъ лодьи съ большею осторожностію. Прошедши такимъ образомъ первый порогъ, они опять садятся въ лодьи, идутъ до другаго порога называвшагося островнымъ Οστροβουνίπραχ по Славянски, и Οὐλβορσί по Русски, и проводятъ лодьи въ такомъ же порядкѣ какъ и въ первомъ порогѣ, такимъ же образомъ проходятъ и третій порогъ, который нынѣ называется Звенецъ, а у Константина названъ Γελανδρί, что по его переводу то же значитъ звѣнящій. Подходя къ четвертому порогу Неясытецкому (у Константина по Русски Αειφάρ, а по Славянски Νεασήτ (Русссы тавятъ стражей опасаясь нападенія Печенѣговъ, и вытаскиваютъ лодьи на берегъ, выбираютъ изъ нихъ поклажу и такимъ образомъ несутъ ихъ на плечахъ на пространствѣ 6000 шаговъ. Миновавши порогъ они спускаютъ лодьи въ воду, нагружаютъ ихъ и садятся сами, и такимъ образомъ плывутъ до пятаго порога, который называется Волнымъ (у Константина по Русски Βαρουφόρος, а по Славянски

Βουλνηπράχ), чрезъ этотъ порогъ они переправляются такимъ же порядкомъ, какъ черезъ первый и второй порогъ, также проходятъ шестой и седьмой пороги, изъ коихъ одинъ назывался Варницкимъ, (у Константина по Русски Λεάντι, а по Славянски Βερούτζη или Βερόνζη) а другой Набрежнымъ (у Константина по Русски Στρουβουν, а по Славянски Ναπρεζή). Отъ седмаго порога Руссы идутъ къ Крарійской переправѣ, гдѣ Херсонцы перевозятся въ Русь, а Печенѣги въ Херсонъ. Это мѣсто довольно узко и здѣсь рѣка имѣетъ высокіе берега, почему сюда приходятъ Печенѣги и вступаютъ въ битву съ Руссами. Миновавъ это мѣсто Руссы пристаютъ къ острову Святаго Григорія (вѣроятно Хортицкому), тутъ подъ огромнымъ дубомъ они совершаютъ свои жертвоприношенія, по своему обычаю дѣлаютъ кругъ изъ воткнутыхъ въ землю стрѣлъ, иные закалаютъ живыхъ птицъ, другіе приносятъ хлѣбъ, мяса или что другое; здѣсь также они бросаютъ жеребей на птицъ, которую убить или пустить живую. Отъ этаго острова Руссы въ продолженіи четырехъ дней плывутъ до болота составляющаго устье Днѣпра. Отсюда уже виденъ островъ Св. Еѳферія. Подплывши къ этому острову, они отдыхаютъ на немъ дня два или три, и изправивши лодьи идутъ въ Днѣстръ и тамъ опять отдыхаютъ. Отсюда сдѣлавши высадку, ежели время благопріятствуетъ, идутъ сухимъ путемъ до Бѣлыхъ водъ; здѣсь снова отдохнувши, опять идутъ сухимъ же путемъ до рѣки Селины, (такъ назывался одинъ изъ сѣверныхъ рукавовъ Дуная) которою вступаютъ въ Дунай; сіи переходы у нихъ называются перекладами переволоками (у Константина Παραχλάδιον). Пока они идутъ Селиною, то со стороны ихъ сопровождаютъ Печенѣги, чтобы сдѣлать нападеніе, ежели которую лодью выкинетъ на берегъ, въ такомъ случаѣ Руссы всѣ высаживаются на землю и общими силами отгоняютъ Печенѣговъ. Прошедши Селину Руссы уже никого неопасаются, и отъ устья Дуная идутъ къ Конопѣ, потомъ въ Констанцію и до рѣки Варнаса, далѣе къ рѣкѣ Дитчинѣ, и наконецъ пристаютъ къ берегу въ Месемвріи, и такимъ образомъ завершаютъ плаваніе исполненное трудностей и ужасовъ. [180]

Константинъ Порфирородный описываетъ только плаваніе Руссовъ по Днѣпру и около сѣверозападныхъ береговъ Чернаго моря до Константинополя; ибо это особенно интересовало его, и объ этомъ онъ преимущественно разпрашивалъ у Руссовъ приходившихъ въ Кон-

---

[180] De adm. imder. Bandur. T. I. p. 59—61.

стантинополь; но вѣроятно Руссы въ продолженіи лѣта дѣлали также походы и въ другіе страны и по Волгѣ и по Дону и по Сѣверо-восточному берегу Чернаго моря и по берегамъ морей Балтійскаго и Каспійскаго. Относительно походовъ къ Каспійскому морю мы уже упоминали въ первые годы Игорева княженія и сверхъ того еще имѣемъ извѣстіе относящееся къ 944 году, т. е. ко времени втораго похода Игорева на Грековъ. По свидѣтельству восточныхъ писателей Якути, Абульфеды, Абульфараджа и Ибнъ-эль-Эсира Джезири Руссы въ этомъ году опять появились въ Хазарскомъ (Каспійскомъ) морѣ, и поднявшись въ верхъ по рѣкѣ Куру проникли до Берды столицы Аррана нынѣшняго Карабага, и нѣсколько времени владѣли симъ городомъ. Ибнъ-эль-Эсиръ описывающій этотъ набѣгъ съ большими подробностями, неупоминаетъ о числѣ Руссовъ; онъ говоритъ, что Руссы изъ Хазарскаго моря поднялись вверхъ по Куру, и сухимъ путемъ достигли Берды, отстоящей отъ Кура на 20 верстъ; немедленно разбили высланные противъ нихъ войска и заняли городъ. Мусульмане собрались было противъ нихъ, но опять были разбиты и обратились въ бѣгство; потомъ правитель Адербайджана собралъ противъ Руссовъ 30,000 войска, но также былъ разбитъ; и Руссы довольно долго владѣли Бердою, и оттуда одинъ разъ сдѣлали набѣгъ почти до Тебриза. Но излишнее употребленіе плодовъ произвело между ними заразительную болѣзнь, отъ которой много ихъ погибло. Правитель Адербайджана пользуясь этимъ, снова напалъ на Руссовъ, и послѣ жестокой битвы принудилъ ихъ запереться въ Бердайской цитадели. Здѣсь болѣзни еще болѣе ихъ ослабили; и они забравъ лучшее имущество удалились, и ихъ никто не смѣлъ преслѣдовать.[121] Этотъ набѣгъ по всему вѣроятію былъ учиненъ вольницею сопровождавшею Игоря въ его второмъ походѣ на Грековъ. Такъ какъ Греческій походъ несостоялся, и Игорь дошедъ только до Дуная, заключивъ миръ съ Греками поворотилъ домой; то повольники его сопровождавшіе, нежелая чтобы ихъ приготовленія къ походу пропадали даромъ, и разчитывая что отъ Дуная имъ легче пробраться въ какой нибудь богатый край, нежели снова снаряжаться и начинать походъ изъ Кіева или Новгорода, рѣшились, невозвращаясь домой, прямо отъ Дуная или отъ устьевъ Днѣпра идти знакомымъ уже путемъ по Дону и Волгѣ въ Каспійское море. А по сему

[121] D'Оссонъ: Les peuples du Caucase, ou voyage d'Abou-el-Cassim.

и этотъ походъ, какъ предпріятіе повольниковъ, подобно прежнему таковому же походу (бывшему въ 913 году) остался незамѣченнымъ въ нашей лѣтописи; но мы неможемъ сомнѣваться въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ и именно въ то самое время, къ которому относятъ его восточные писатели. Это подтверждаетъ знаменитый восточный путешественникъ Ибнъ-Хаукалъ посѣщавшій Берду черезъ четыре года по выходѣ оттуда Руссовъ; онъ говоритъ: «Теперь этотъ городъ уже нетакъ цвѣтущъ, однако въ немъ все еще много рынковъ, караванъ-сераевъ и публичныхъ бань, не смотря на всѣ бѣдствія претерпѣнныя имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ въ рукахъ у Руссовъ.»[132] О тогдашнихъ походахъ Руссовъ на востокъ намекаетъ даже и Константинъ Порфирородный, до котораго вѣроятно доходили объ этомъ темные слухи; онъ говоритъ: «Руссы отъ Днѣпра ходятъ въ Черную Булгарію, Хазарію и Сирію.»[133] Сиріей онъ здѣсь называютъ Ширванъ и вообще югозападные берега Каспійскаго моря, какъ это доказано у Шафарика. (въ его Ueber die Abkunft der Slawen.) Кромѣ того мы имѣемъ и другія свидѣтельства о знакомствѣ Игоревыхъ Руссовъ съ низовьями Волги и съ обитавшими тамъ народами. Такъ напримѣръ посолъ Халифа Муктадера Ибнъ-Фоцланъ, бывшій въ Булгарѣ въ 921 и 922 годахъ, говоритъ что въ Хазарской столицѣ Итилѣ, на восточномъ берегу Волги была особая торговая слобода Хозеранъ, гдѣ жили купцы — Мусульмане, Жиды, Христіане, Славяне и Руссы, и гдѣ находились ихъ анбары съ товарами. Тотъ же Ибнъ-Фоцланъ самъ видѣлъ Руссовъ и въ Булгарѣ; и разсказываетъ объ нихъ, что тамъ на берегу рѣки они строили себѣ большіе деревянные сараи, въ которыхъ жили во все время торговли по десяти и по двадцати человѣкъ вмѣстѣ съ женами, наложницами и невольницами привезенными для продажи, складывая тутъ же и всѣ свои товары. Онъ оставилъ намъ довольно подробное описаніе о вѣрованіяхъ Руссовъ и ихъ похоронныхъ обрядахъ, о которомъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, гдѣ и доказали, что подъ Руссами Ибнъ-Фоцланъ разумѣетъ не прежнихъ Скандинавскихъ Руссовъ, но Руссовъ Приднѣпровскихъ Игоревыхъ подданныхъ, т. е. всѣ Славянскія и другія племена, носившіе уже тогда общее названіе Руси, или жителей Руской земли.[134]

---

132 D'Obsson, les peuples du Caucase, p. 109.

133 De administrand. imper. Bandur. T. I, p. 113.

134 Врекен. Кн. VIII, стр. 15—27.

Такимъ образомъ, изъ снесенія всѣхъ свидѣтельствъ и Рускихъ и Византійскихъ и восточныхъ, мы ясно видимъ, что Руссы въ Игорево время плотно уже слились съ нѣкоторыми Славянскими племенами, и составляли одно цѣлое; такъ что и Русы и Славяне дѣйствовали вмѣстѣ; и дома и у сосѣдей были уже извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ Руси, и что этой Скандинаво-Славянской Руси были подчинены и платили дань другія Славянскія племена, и что эта новая Русь, равно какъ и нѣкоторыя подчиненныя ей Славянскія племена вели постоянную и дѣятельную торговлю даже съ отдаленными странами; такъ для этой цѣли Руссы и Славяне пріѣзжали съ своими товарами и въ Константинополь, и въ Хазарскій Итиль, и въ Волжскую Булгарію.

Въ то время, какъ Древляне убили Игоря, сынъ его Святославъ былъ еще малолѣтнымъ, и находился, по свидѣтельству лѣтописи, въ Кіевѣ, при матери своей Ольгѣ, которая по сему и стала управлять Русью вмѣсто убитаго Игоря. Она воспитаніе Святослава поручила Асмуду, а воеводой, т. е. предводителемъ Княжеской дружины, назначила Свенельда, который воеводствовалъ еще при Игорѣ.

Объ Ольгѣ мы имѣемъ много свидѣтельствъ и Рускихъ и Скандинавскихъ, и Византійскихъ и Западныхъ. По сказанію Нестора Ольга была родомъ изъ Пскова, и вступила въ бракъ съ Игоремъ при жизни Олега въ 903 году; сочинитель степенной книги приписываетъ ей Варяжское происхожденіе, но къ этому свидѣтельству, слишкомъ позднему трудно имѣть какое либо довѣріе, оно страдаетъ анахронизмомъ. Такъ въ степенной книгѣ сказано, что Ольга отъ языка Варяжска, изъ простаго рода, изъ страны Плесковской, изъ веси Выбутской близъ предѣловъ власти Нѣмецкой; но мы знаемъ, что Нѣмецкихъ владѣній въ то время еще небыло въ тамошнемъ краю, Нѣмцы сдѣлались сосѣдями Псковичей нераньше XIII столѣтія. А далѣе сочинитель приплетаетъ къ своему извѣстію явную сказку, что будто бы Ольга въ лодкѣ перевозила Игоря черезъ какую-то рѣку въ Псковской области во время охоты, разговаривала съ нимъ о скромности; и такъ понравилась ему и лицомъ и умомъ, что онъ когда вздумалъ жениться, то вспомнилъ про Ольгу и приказалъ Олегу привезти ее въ Кіевъ.[155] Даже самъ сочинитель опасается вѣрить этой сказкѣ, и говоритъ: «яко же нѣцыи повѣдаша дивное сказаніе.»

---

155 Степен. I, стр. 6—8.

Другихъ свидѣтельствъ въ пользу Варяжскаго происхожденія Ольги мы неимѣемъ, кромѣ заимствованныхъ въ послѣдствіи изъ степенной же книги. Несторъ же прямо говоритъ, что Ольга была родомъ изъ Пскова, а Псковъ былъ Славянскій городъ, пригородъ Новгорода; слѣдовательно и Ольга урожденка Пскова была Славянскаго рода, въ противномъ случаѣ Несторъ неупустилъ бы замѣтить, что она бѣ отъ Варягъ; такъ онъ, говоря о супругѣ Владимировой Полоцкой Княжнѣ Рогнедѣ, ясно описалъ, что отецъ ея Рогволодъ пришелъ изъ-за моря, и такимъ образомъ опредѣлилъ, что Рогнеда хотя родомъ и изъ Полоцка но не Славянскаго происхожденія. Притомъ мы неимѣемъ достаточныхъ поводовъ отвергать Славянское происхожденіе Ольги; ибо между Рускими Князьями не было непреложнаго обычая постоянно брать себѣ женъ изъ Скандинавіи, напротивъ въ послѣдствіи мы не разъ увидимъ, что Князья Кіевскіе брали женъ для своихъ сыновей изъ Новгорода. И конечно Олегу даже было не безполезно взять жену для Игоря изъ Новгородской земли, чтобы тѣмъ болѣе привязать къ себѣ Новгородъ. Признать Ольгу простолюдинкою незнатного происхожденія, какъ того хочетъ степенная книга, мы также неможемъ; ибо и въ тогдашнее время благородство, или знатность произхожденія женъ, въ брачныхъ союзахъ имѣло важное значеніе; такъ по Скандинавскимъ сагамъ между тамошними Конунгами жены низкаго происхожденія почти непризнавались женами; да и по нашимъ лѣтописямъ мать Владимира Малуша по своему низкому произхожденіи не признавалась женою Святослава и оставалась ключницей у Ольги. Ольга же еще при жизни Игоря пользовалась большимъ уваженіемъ и имѣла силу и значеніе въ правленіи, какъ Великая Княгиня, что служитъ прямымъ указаніемъ ея значительнаго происхожденія; и ежели мы неимѣемъ доказательствъ признать ее внукою Гостомысла, но тѣмъ неменѣе не можемъ не признать того, что она происходила отъ какой нибудь богатой и знамѣнитой Псковской, или Новгородской фамиліи, ибо и во Псковѣ, какъ Новгородскомъ пригородѣ, жили Новгородцы же.

О большомъ значеніи и силѣ Ольги еще при жизни Игоря мы имѣемъ прямыя свидѣтельства какъ въ Рускихъ такъ и въ Скандинавскихъ памятникахъ. Такъ изъ договора Игоря съ Греками мы видимъ, что отъ Ольги посылались особые послы вмѣстѣ съ послами Игоревыми. Договоръ начинается словами: «Мы отъ рода Рускаго съли и гостье, Иваръ, посолъ Игоревъ великого Князя Рускаго, и ибьчіи сли: Вуефастъ Святъславль, сынъ Игоревъ, Искусеви Ольги

Княгини.» А сага Олава сына Тригвіева, называя Ольгу Адлогіей и супругою Владимира, говорить, что она была умнѣйшею изъ всѣхъ женъ, и по обычаю сильнѣйшихъ Конунговъ того времени у ней неменѣе было гридей, какъ и у самаго Конунга, которыхъ она содержала на своемъ иждивеніи, и получала на то казну и все что было нужно. [136] «Объ отдѣльной казнѣ Ольги и особыхъ ея доходахъ мы имѣемъ свидѣтельство и въ нашей лѣтописи; въ которой сказано, что третья часть Древлянской дани шла Ольгѣ въ Вышгородъ, ибо Вышгородъ былъ Ольгинъ градъ». [137]

Древляне убивши Игоря порѣшили на своемъ вѣчѣ такъ: вотъ «мы убили Рускаго князя, возмемъ жену его за своего Князя Мала, а съ Святославомъ поступимъ такъ, какъ намъ хочется.» Принявши такое рѣшеніе, они отъправили къ Ольгѣ 20 человѣкъ лучшихъ мужей, которые пришли къ Кіевъ водою въ лодьи и пристали подъ Боричевымъ. Здѣсь лѣтописецъ съ довольною подробностію описываетъ мѣстность тогдашняго Кіева. По его славамъ вода въ то время текла въ здолѣ Кіевской горы, и на подолѣ небыло еще жилыхъ строеній, Кіевляне жили на горѣ, и городъ Кіевъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ дворъ Воротиславль и Чудинъ, а перевѣсище было внѣ града, внѣ же града былъ другой дворъ княжескій теремный, надъ горою за Св. Богородицею, гдѣ нынѣ дворъ Доместиковъ, тамъ былъ и теремъ каменный. Это описаніе показываетъ, что городъ Кіевъ въ Игорево время былъ еще очень малъ въ сравненіи съ Кіевомъ XI столѣтія и занималъ только одну гору надъ Боричевымъ перевозомъ и что было два двора княжесмихъ, одинъ въ городѣ, а другой каменный внѣ города позади того мѣста, гдѣ при Владимирѣ была построена десятинная церьковь. И кажется Князья въ это время преимущественно жили въ этомъ загородномъ дворѣ, по крайней мѣрѣ Ольга тутъ принимала Древлянскихъ пословъ; на преимущественное пребываніе въ этомъ дворѣ Князей указываетъ то, что онъ былъ каменный, слѣдовательно болѣе безопасный и укрѣпленный, что было необходимо для тогдашнихъ Князей.

Ольга узнавши о приходѣ Древлянскихъ пословъ позвала ихъ къ себѣ, и спросила: добрые гости скажите чего ради пришли сюда. Древляне отвѣчали: послала насъ Деревская земля, а приказано сказать: му-

---

[136] Руск. Ист. Сбор. Т. IV. стр. 53.

[137] Лавр. 25.

жа твоего убили мы, потому что онъ грабилъ и разхищалъ какъ волкъ; а наши князи добры, распасли Деревскую землю, пойди за нашего князя Мала. Въ отвѣтъ на это Ольга сказала, мнѣ нравится ваша рѣчь, мнѣ невоскреситъ уже своего мужа; на завтра хочу васъ почтить передъ своими людьми, теперь же идите въ вашу лодью, и ложитесь тамъ величающеся; когда же поутру пришлю за вами, то вы скажите: нейдемъ на конѣхъ, ни пѣши нейдемъ, несите насъ въ лодьи, и съ тѣмъ отпустила ихъ. А сама приказала вырыть на теремномъ дворѣ большую и глубокую яму; и поутру сидя въ теремѣ послала за Древлянами. Древляне по Ольгину наученію приказали нести себя въ лодьи; и Кіевляне, сказавши: «намъ неволя, князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ за вашего князя» понесли ихъ въ лодьѣ. Они же сидѣли въ лодьѣ съ гордостію перегибаясь и надувшись [138]. Когда же при

---

[188] Я такъ осмѣливаюсь перевести слова лѣтописи: «сѣдяху въ перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся.» словъ *перегъбы* и *сустуги* мы невстрѣчаемъ ни въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, ни въ иныхъ древнихъ памятникахъ, ни въ современномъ намъ языкѣ; слѣдовательно у насъ нѣтъ параллельныхъ мѣстъ для опредѣленія значенія сихъ словъ. По составу же своему *перегъбы* кажется есть тоже что *перегыбы* или *перегибы*; ибо перегибать также писалось *перегыбать*, такъ въ Остромировомъ Евангеліи прѣгыблюще колѣна; (л. 188) буква *ы* въ древнемъ языкѣ иногда замѣнялась буквою ъ такъ въ Остромировомъ евангеліи вмѣсто *рыбы* (71) встрѣчается *ръбы*; перемѣну буквы *и* или *ы* въ ъ мы встрѣчаемъ еще въ словѣ *разгънути*, *разгынати*, такъ въ Остр. Еванг. 211 л. *разгънувъ кънигы* «слѣдовательно въ *перегъбѣхъ*, есть тоже что въ *перегибѣхъ*. Сидѣть въ перегибахъ, мы теперь неупотребляемъ, а говоримъ о человѣкѣ, желающемъ выказать глупое чванство, онъ сидитъ ломаясь перегибаясь; но въ древности вѣроятно было въ употребленіи, сидѣть въ перегибахъ; ибо въ древнихъ памятникахъ нерѣдко встрѣчаемъ имена существительныя съ предлогами вмѣсто причастій. напр. у Нестора: «ови бо бяху постницы крѣпцы, ови же на бдѣнье, ови на кланянье колѣнное» (стр. 81) или тамъ же: «разболѣвшю же ся и конецъ пріяти лежащю ему въ немощи.» Слово *сустугъ* имѣетъ нынѣ подобныя *натугъ натужиться*, такъ говорятъ: онъ съ натугу надсадился, или стоитъ понатужиться «*надуться*; въ древности же предлогъ *съ су* и *сусъ* не рѣдко замѣнялъ предлогъ *на*, такъ у Нестора:» повелѣ *съсути могилу* велику и *соспоша* «(стр. 24) т. е. приказала насыпать большую могилу, и насыпали; а посему сидѣть въ великихъ сустугахъ, кажется будетъ значить *надуться надмиться въ гордости*, тако-

несли ихъ на дворъ къ Ольгѣ, то бросили въ яму и съ лодьею. Ольга же, посмѣявшись надъ ними, спрашивая хороша ли вамъ честь, приказала засыпать ихъ живыхъ. Къ Древлянамъ же послала сказать; ежели вы въ самомъ дѣлѣ зовете меня; то пришлите нарочитыхъ мужей, что бы мнѣ идти за вашего Князя въ великой чести, не то Кіевскіе люди меня неотпустятъ. Услыхавши сіе Древляне избрали лучшихъ мужей, которые держатъ ихъ землю, и послали за Ольгою. Когда сіи новые посланники пришли въ Кіевъ, то Ольга велѣла приготовить имъ баню, говоря вымыйтеся и приходите ко мнѣ; когда же послы стали мыться въ приготовленной банѣ, то ихъ заперли тамъ, и по приказанію Ольги зажгли баню отъ дверей, и такимъ образомъ сожгли пословъ. Потомъ Ольга послала къ Древлянамъ сказать: се уже иду къ вамъ, приготовьте побольше медовъ въ томъ градѣ, гдѣ убили мужа моего, что бы мнѣ поплакать на его гробѣ и отправить тризну. Древляне слышавши это навезли и наварили множество медовъ. Ольга же взявши съ собой немного дружины налегкѣ пришла къ гробу Игореву, начала плакать, и приказала своимъ людямъ насыпать большую могилу, когда же насыпали, то велѣла отправить тризну. Древляне сѣли пить, Ольга же повелѣла своимъ отрокамъ служить передъ ними, Древляне спрашивали ее, гдѣ же дружина, которую мы послали за тобою, она отвѣчала идутъ назади съ дружиною моего мужа. Когда Древляне понапились, она приказала своимъ отрокамъ пить за ихъ здоровье, а сама отошла въ сторону, наказавши изрубить пировавшихъ Древлянъ, и по этому приказу ихъ перерѣзали тутъ пять тысячь. Ольга же возвратилась въ Кіевъ приготовляться къ войнѣ на остальныхъ Древлянъ.

Сохраненное лѣтописцемъ и представленное здѣсь преданіе объ Ольгиной мести Древлянамъ имѣетъ для насъ большое значеніе, оно живо и осязательно изображаетъ хорактеръ того времени, отношеніе Древлянъ къ Кіевскому князю и ихъ общественный бытъ, а также характеръ самой Ольги. Здѣсь мы видимъ, что Древляне именно были въ тѣмъ отношеніяхъ къ Кіевскому Рускому Князю, на которыя мы указали выше, т. е. они непризнавали надъ собою власти Рускаго Князя, и только уступая его силѣ платили дань. Убивши Игоря они думали, что съ его смертію рушилась сила Руская, что Кіевъ долженъ подчиниться Древлянской землѣ; и согласно съ этою мыслію

вое значеніе кажется совершенно сходно съ мыслію преданія, выразить грубую надменность Древлянскихъ пословъ.

предложили Ольгѣ выйдти за Древлянскаго Князя Мала. Мысль эта естественно могла родиться у Древлянъ, ибо они были еще довольно сильны и хорошо помнили то время, когда до Олега Поляне трепетали отъ ихъ набѣговъ. Относительно общественнаго быта изъ настоящаго преданія мы также видимъ, что у Древлянъ въ этомъ отношеніи небыло и намековъ, на зависимость отъ Кіевскаго Князя, преданіе неговоритъ, чтобы въ Древлянскихъ городахъ жили мужи Игоревы, а напротивъ прямо свидѣтельствуетъ, что тамъ были свои Князья, свое вѣче и свои мужи держащіи Древлянскую землю. И притомъ указываетъ, что хотя племя Древлянъ имѣло нѣсколько городовъ, но города сіи были въ достаточной связи другъ съ другомъ, признавали родственность цѣлаго племени и можетъ быть подчиненность младшихъ городовъ старшимъ, и въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовали общими силами и заодно. Такъ преданіе свидѣтельствуетъ что послы Древлянскіе пришли къ Ольгѣ не отъ одного Коростеня, но отъ всей Древлянской земли, они прямо говорятъ Ольгѣ: «посла ны Деревская земля.» *

Форма мести, которую преданіе приписываетъ Ольгѣ, ясно говоритъ о Славянскомъ именно Новгородскомъ происхожденіе этой знаменитой княгини а отнюдь не о Норманскомъ. Ольга во всемъ разсказѣ является по большой части дѣйствующею черезъ другихъ, она только разпоряжается, только придумываетъ разныя хитрости, приводятъ же ихъ въ исполненія другіе. Тоже самое мы видимъ въ сказачной матерой вдовѣ Амелоѣ Тимоѳеевнѣ матери Васьки Буслаева, та помнитъ, что оставшись вдовою она обязана смотрѣть за порядкомъ въ домѣ и вести дѣла своего мужа, пока выростетъ сынъ, и исполняетъ свою обязанность какъ слѣдуетъ: учитъ своего сына и сберегаетъ мужнее богатсво; но когда доходитъ дѣло участвовать лично въ дѣлахъ, то ежели можно она уклоняется, отговариваясь вдовствомъ. Такъ когда Новгородцы стали звать ее на почестной пиръ, она отвѣчаетъ: «немое дѣло по пирамъ ходить; было время свѣтлое, погуляла я и натѣшилась, какъ жилъ былъ мое солнышко осударь Буслай. Подите вы къ моему дѣтищю, Василью Буслаевичю: онъ почтитъ вашъ пиръ своею молодостью.» Но гдѣ ея участіе необходимо, тамъ она дѣйствуетъ лично. Такъ услыхавши, что сынъ ея въ хмѣльной похвальбѣ вооружилъ противъ себя Новгородцовъ, она беретъ золото блюдо насыпаетъ на него каменья самоцвѣтныя, идетъ къ мужикамъ посацкіимъ, и во слезахъ молвитъ рѣчи умильныя: нельзя стоять дѣтищю малому противъ всей силы Новгородской.» Преданіе такой же поря-

докъ дѣйствій приписываетъ Ольгѣ, она то по женской скромности уклоняется отъ личнаго участія, то гдѣ нужно дѣйствуетъ отъ своего лица; такъ сама разговариваетъ съ Древлянскими послами, сама идетъ плакать надъ могилою мужа, ведетъ рѣчь съ Древлянами при началѣ тризны; но удаляется когда гости упились и когда дано уже было приказаніе ихъ рѣзать. Женская скромность ей недозволяетъ присутствовать въ шумной бесѣдѣ пьяныхъ, и смотрѣть на кровавую рѣзню. Это чисто Славянская именно Новгородская женщина, Норманки дѣйствуютъ не такъ. Вспомнимъ Рогнеду, она сама беретъ мечь, чтобы отомстить Владиміру за смерть отца и братьевъ. А дочь Гейдрека Гервара, защищая права своего брата Ангантира противъ другаго брата Глёда, сама предводительствуетъ войсками, и какъ левъ бросается въ сѣчю, рубитъ на право и на лѣво, и встрѣтясь съ Глёдомъ, кричитъ ему, выходи со мной на поединокъ, Глёдъ, сжели въ груди твоей безстрашный духъ мужа, и продолжая поражать противниковъ наконецъ израненная падаетъ съ коня и умираетъ изрыгая клубы крови.[139] А другая Гервара мать Гейдрекова начала поприще своей жизни морскими грабежами и въ мужскомъ платьѣ подъ именемъ Гюрварда предводительствовала толпою разбойниковъ.[140] И такія женщины въ Скандинавіи не были выродками изъ своего пола, Олавъ Далинъ говоритъ, что Скандинавскія женщины нерѣдко предпринимали военные походы въ самыя отдаленнѣйшія мѣста и предводительствовали множествомъ народа и обыкновенно назывались Скелдмерами, т. е. щитоносными дѣвами.[141] Конечно никто ненайдетъ шималѣйшаго сходства въ образѣ дѣйствій Ольги съ дѣйствіями двухъ Герваръ или щитоносныхъ дѣвъ; Ольга постоянно является женщиною, и хитрости ея, и скромность чисто женскія; Норманки же представляются неукротимыми мужчинами, въ нихъ мы невидимъ ничего женственнаго.

Изъ обычаевъ характеризующихъ то время въ настоящемъ преданіи мы находимъ: обычай готовить бани для пріѣзжихъ гостей въ знакъ особаго почета и уваженія; обычай варить меда и поминать ими усопшихъ, обычай насыпать надъ покойниками большія могилы и править тризну, и наконецъ обычай пить за чье либо здоровье.

---

[139] Antiq. Russ. T. I, стр. 200.
[140] Ibid. 152.
[141] Олав. Далин. Т. I. Кн. I, стр. 368.

Обычаи сіи чисто Славянскія и большею частію древніе еще замѣченыя Греками у Славянъ Придунайскихъ, они част.ю сохраняются еще и теперь въ Рускомъ народѣ; такъ и теперь въ деревняхъ топятъ бани для пріѣзжихъ гостей, и теперь вареный медъ и пиво щитаются необходимыми принадлежностями поминокъ по усопшемъ.

На другой годъ по смерти Игоря Ольга, какъ говоритъ преданіе, собрала многихъ и храбрыхъ воевъ, и вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Святославомъ пошла въ Древлянскую землю. Древляне узнавши объ этомъ также собрались всею землею и выступили противъ Ольги; когда обѣ рати сошлись вмѣстѣ, то малолѣтный Святославъ уже сидѣвшій на конѣ, первый бросилъ въ непріятелей копье, которое пролетѣвъ межъ ушей коня упало подъ ноги; въ слѣдъ за тѣмъ Асмудъ и Свенельдъ крикнули воинамъ: «Князь уже началъ, дружина послѣдуйте Князю.» Дружина на зовъ вождей отвѣчала сильнымъ натискомъ, и битва кончилась въ пользу Кіевской Княгини, разбитые Древляне побѣжали и затворились по своимъ городамъ. Ольга же съ сыномъ своимъ осадила Коростень (жители котораго убили Игоря); Коростенцы, зная свою вину и не ожидая себѣ пощады отъ жены Игоревой, оборонялись упорно цѣлое лѣто. Ольга, видя невозможность взять городъ силою, послала сказать Коростенцамъ: «до чего вы хотите досидѣть, всѣ ваши города уже сдались и обязались платить дань и спокойно воздѣлываютъ свои нивы и земли, а вы хотите измереть голодомъ.» Ради бы мы сдаться, отвѣчали Коростенцы, но ты хочешъ мстить за смерть своего мужа. «Я уже мстила обиду своего мужа,» сказала Ольга: два раза въ Кіевѣ, когда приходили ваши послы, и въ третій разъ на могилѣ мужа, когда справляла тризну; теперь же я не ищю мести, а хочю только обложить васъ небольшею данью, и помирившись пойду домой.» Древляне отвѣчали: чего ты желаешь отъ насъ, мы съ радостію даемъ тебѣ и медомъ и мѣхами. «Нынѣ у васъ нѣтъ ни меду ни мѣховъ, я прошу у васъ немногаго,» сказала Ольга: «дайте мнѣ по три голубя и по три воробья отъ двора, я нехочю отягощать васъ большою данью, какъ дѣлалъ мой мужъ, мнѣ жалко васъ, вы изнурились отъ осады.» Коростенцы обрадованные снисходительностію и ласкою Княгини, немедленно собрали съ двора по три голубя и по три воробья, и отправили съ поклономъ къ Ольгѣ. Ольга принимая дань сказала: «вы теперь покорились уже мнѣ и моему дитяти, ступайте въ свой городъ, а я завтра отступлю и пойду въ Кіевъ.» Посланные съ радостію возвратились и разсказали своимъ рѣчи Ольгины, и тѣмъ успокоили городъ. Ольга же

дала голубей и воробьевъ своимъ воинамъ, и приказала, чтобы они привязавши къ птицамъ зажженный трутъ въ тряпкахъ, выпустили ихъ въ сумерки. Выпущенные голуби и воробьи полѣтели въ свои гнѣзда, голуби въ голубятни, а воробьи подъ застрѣхи, и такимъ образомъ зажгли и голубятни, и клѣти, и вѣжи и одрины, и небыло двора, который бы не горѣлъ; и Коростенцы, неимѣя возможности потушить пожаръ, бросились вонъ изъ города. Ольга же приказала воинамъ хватать ихъ; и такимъ образомъ покорила и сожгла городъ, старѣйшинъ же градскихъ взяла себѣ, а прочихъ людей иныхъ избила, другихъ отдала въ рабство своимъ мужамъ, а остальныхъ обложила данью, и назначила дань тяжкую, двѣ части этой дани приказала сбирать на Кіевъ и одну часть на Вышгородъ самой Ольгѣ, ибо Вышгородъ былъ Ольгинъ градъ. Потомъ Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по Древлянской землѣ уставляя вездѣ уставы и уроки; и обошедши Древлянскую землю возвратилась въ Кіевъ.

Дѣйствительно ли Коростень былъ взятъ при помощи воробьевъ и голубей мы неимѣемъ другихъ извѣстій объ этомъ предметѣ, кромѣ сохраненнаго лѣтописцемъ преданія, но что Коростень и вся Древлянская земля окончательно покорены Ольгою, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; ибо послѣ Ольгина похода, въ лѣтописи неупоминается о войнахъ Кіевскихъ Князей съ Древлянами, а напротивъ Святославъ отправляясь во второй Болгарскій походъ уже отдаетъ Древлянскую землю своему второму сыну Олегу. Преданіе о воробьяхъ и голубяхъ и вообще объ Ольгиной мести Древлянамъ конечно отзывается вымысломъ; но вымыслъ этотъ нисколько непротиворѣчитъ характеру того времени и степени общественнаго развитія; слѣдовательно имѣетъ свою долю правды, которою недолжна пренебрегать исторія, ежели въ свою очередь нехочетъ сдѣлаться мудрованіемъ основаннымъ на однихъ соображеніяхъ позднѣйшихъ изслѣдователей. По нашимъ современнымъ понятіямъ по нашему развитію, многое въ древнихъ сказаніяхъ намъ можетъ казаться сказочнымъ и неестественнымъ; но кажущееся намъ неестественнымъ не всегда было таковымъ на самомъ дѣлѣ. Чтобы судить объ этомъ правильно мы прежде всего должны отрѣшиться отъ нашихъ современныхъ взглядовъ на жизнь, и перенестись въ древность безъ заднихъ мыслей; тогда нерѣдко мы принуждены будемъ признаться, что многія наши соображенія составленныя по нынѣшнимъ понятіямъ, въ древности оказались бы чистыми вымыслами, нисколько несогласными съ дѣйствительностію, и просто невозможными на дѣлѣ. При разборѣ

древнихъ преданій изслѣдователь, чтобы выдергивая плевелы не выдернуть вмѣстѣ и пшеницы, долженъ положить себѣ за правило тѣ только изъ преданій, освященныхъ древностію, признавать вымыслами фантазіи, которые противорѣчатъ природѣ, которые несогласны съ духомъ того времени, къ которому ихъ относятъ, которыхъ невѣрность обнаруживается предшествующими или послѣдующими обстоятельствами, и наконецъ которыя отрицаются другими свидѣтельствами ясными и достовѣрными; видимая же или воображаемая нами несообразность преданій съ понятіями усвоенными намъ степенью нашей развитости отнюдь недолжна быть принимаема за основаніе отрицанія. Въ преданіяхъ объ Ольгиной мести Древлянамъ и о взятіи Коростеня изслѣдователь ничего ненайдетъ, что было бы противно природѣ, что несогласовалось бы съ обстоятельствами, и что отрицалось бы иными свидѣтельствами ясными и достовѣрными; а напротивъ почти на каждой строкѣ мы встрѣчаемъ данныя превосходно характеризующія тогдашнее время и тогдашнее общество, подтверждаемыя другими свидѣтельствами, и вполнѣ согласныя съ предшествующими и послѣдующими обстоятельствами засвидѣтельствованными лѣтописью. Слѣдовательно мы неимѣемъ права отвергать сіи преданія и называть ихъ вымыслами и сказками, единственно потому что они по нашимъ современнымъ понятіямъ кажутся странными. Эта кажущаяся намъ странность есть лучшее свидѣтельство ихъ достовѣрности, это настоящій, драгоцѣнный для историка, отголосокъ тогдашней жизни, и невключать его въ исторію значитъ отнимать у исторіи всю ея живость и естественность, сглаживать слѣды древности и описывать старую жизнь не такою, какою она была на самомъ дѣлѣ, а по своимъ вымысламъ.

Древніе дошедшіе до насъ Русскіе законы и другія свидѣтельства, относящіяся ко времени до и послѣ Ольги, ясно говорятъ, что месть за убитаго была законною обязанностію лежавшею на его родственникахъ; слѣдовательно преданіе приписывая Игоревой женѣ месть противъ Древлянъ убившихъ Игоря, приписываетъ ей то, что тогда составляло главнѣйшую ее обязанность, чего конечно требовало и чувство вдовы оскорбленной насильственною смертію мужа. Преданіе приписываетъ Ольгѣ многія хитрости, которыя она будто бы употребляла для того, чтобы отомстить Древлянамъ. Но Ольга была женщина, и притомъ женщина воспитанная по Славянски, слѣдовательно дѣйствовать открытою силою съ мечемъ въ рукахъ и на конѣ было несогласно съ ея воспитаніемъ и образомъ жиз-

ни Славянской женщины, а посему ей необходимо было прибѣгнуть къ хитростямъ, это было совершенно въ ея характерѣ, какъ женщины воспитанной не для войны. Хитрости приписываемыя ей преданіемъ были очень грубы, но онѣ совершенно согласны съ тѣмъ временемъ, въ которое она жила, и для Древлянъ жителей лѣсовъ казались не проницаемыми, она дѣйствовала совершенно въ духѣ своихъ современниковъ, употребляла средства, которыя вполнѣ прикрывали ее замыслы: научая первыхъ Древлянскихъ пословъ, чтобы они велѣли нести себя въ лодьѣ, она очень удачно льстила ихъ грубому чванству; приглашая вторыхъ пословъ въ баню, она показывала имъ самое естественное радушіе, исполняла по тогдашнему долгъ хорошей хозяйки, желающей почтить гостей; требуя, чтобы Древляне наварили медовъ для отправленія тризны по Игорѣ, она исполняла только долгъ жены, которая должна же помянуть покойнаго мужа; обѣщая выйдти за мужъ за Древлянскаго Князя Мала, она только видимо исполняла желаніе Древлянъ; конечно лѣта Ольги въ годъ смерти Игоря были уже немолодые, ей было никакъ неменьше 52 лѣтъ отъ роду;[142] но по всему вѣроятію она въ то время еще была свѣжа и здорова, ибо по смерти мужа она жила еще двадцать четыре года; слѣдовательно обѣщая вступить въ новый бракъ она нисколько не казалась, что будто дѣлаетъ невозможное; притомъ мы незнаемъ лѣтъ Древлянскаго Князя Мала, можетъ быть онъ былъ ей ровесникъ и даже старше ее, слѣдовательно совершенная для нее пара. Сверхъ того хитрости Ольги несмотря на свою видимую простоту и грубость вовсе небыли ребяческими хитростями; Ольга желала не одного кровопролитія, но мстя за смерть мужа въ тоже время пролагала себѣ дорогу къ покоренію Древлянской земли, требовала и истребляла лучшихъ Древлянъ держащихъ землю, и такимъ образомъ не начиная еще похода отнимала важнѣйшихъ предводителей у противниковъ.

Воробьи и голуби употребленные Ольгою для зажженія Коростеня дѣйствительно представляютъ разсказъ страннымъ и сказочнымъ

---

[142] Я щитаю Ольгѣ 52 года отъ рожденія въ годъ Игоревой кончины на томъ основаніи, что въ одномъ рукописномъ лѣтописцѣ прямо сказано, что Ольгѣ въ 903 году, т. е. въ годъ ея замужства было десять лѣтъ отъ роду, вотъ слова лѣтописи: «Приведе Олегъ Игорю жену отъ Плескова именемъ Ольгу десяти лѣтъ сущу отъ рожденія.»

и нисколько несогласнымъ съ нашими понятіями о взятіи городовъ; но въ этомъ конечно виновато не преданіе, а самое время о которомъ разсказано въ преданіи, которое рѣшительно непоходило на наше время; такъ что ежели бы насъ вдругъ перенести въ среду тогдашней жизни на Руси, то мы съ нашими понятіями съ нашимъ развитіемъ съ перваго раза разтерялись бы и нескоро собрались съ мыслями. Неестественнаго же не возможнаго разсказъ о зазженіи Коростеня при помощи голубей и воробьевъ рѣшительно непредставляетъ ничего, такимъ образомъ можно зажечь любую деревню и теперь. Конечно подобная мысль въ настоящее время невдругъ можетъ войти въ голову, ибо жизнь наша на столько уже далека отъ простой жизни въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ окружающею природою, что можетъ быть не каждый изъ насъ знаетъ привычки воробьевъ и голубей возвращаться на ночь въ свои гнѣзда; но для Ольги таковая мысль была очень проста и естественна, она жила въ такой средѣ, въ которой люди были въ близкихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ природою, и настолько были знакомы съ привычками домашнихъ и дикихъ животныхъ, что соображаясь съ ними имѣли у себя примѣты о разныхъ явленіяхъ природы, и по нимъ нерѣдко располагали свои полевыя занятія, какъ то дѣлаютъ и теперь наши крестьяне; такъ напримѣръ говорятъ: «спѣши убираться съ поля, вороны разкаркались, бытѣ непогодѣ,» и подобн. Потребовать въ дань по три голубя и по три воробья съ двора, въ то время также было очень возможно, неподозрительно и нестранно; ибо дань тогда вообще обиралась натурою, сами Древляне предлагали медъ и мѣха; при томъ требованія побѣдителей тогда на столько зависѣли отъ прихоти, что любая странность въ этомъ дѣлѣ немогла почесться странностію. Собрать по три голубя и по три воробья съ двора, также небыло невозможнымъ; въ Москвѣ въ Петербургѣ конечно этаго сдѣлать нельзя; но въ Ольгиномъ Коростенѣ это можно было сдѣлать очень легко; ибо постройкой своей онъ вѣроятно неотличался отъ многихъ нынѣшнихъ деревень, въ которыхъ голубиныхъ и воробьиныхъ гнѣздъ на каждомъ дворѣ въ волю.

Я неспорю, что стараніе мое защитить преданіе, сохраненное лѣтописцомъ и пережившее почти тысячю лѣтъ, для иныхъ покажется страннымъ; мнѣ скажутъ, что въ нынѣшнее время нужно очищать исторію отъ хлама и сказокъ, а невозстановлять ихъ. Но я на это отвѣчаю, что въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго дѣйствительно существовало подобное повѣріе въ наукѣ

исторіи, но это повѣтріе прошло; опытъ доказалъ. что очищая исторію отъ мнимыхъ сказокъ иногда ее зачищали до костей, т. е. изъ живаго и своеобразнаго разсказа о древней жизни оставляли одинъ безобразной скелетъ, или перечень событій равно приложимый или неприложимый къ любому времени и къ любому народу; ближайшее знакомство съ памятниками древности теперь научило, что не все то было сказкою и вымысломъ въ древности, что намъ кажется сказкою, что преданіе есть одинъ изъ лучшихъ источниковъ исторіи, представляющій древнюю жизнь въ ея истинныхъ своеобразныхъ формахъ. И слѣдовательно исторію должно очищать только отъ тѣхъ разсказовъ, которые явно сочинены и внесены въ лѣтописные сборники въ позднѣйшее время, и прямо противорѣчатъ естественному соотношенію и развитію обстоятельствъ, или нисколько несогласны съ характеромъ древности; а не лишать ее всѣхъ преданій вообще, которыя по нашимъ понятіямъ кажутся странными, и повидимому не согласными съ достоинствомъ тѣхъ лицъ, которымъ ихъ приписываютъ.

Въ разсказѣ преданія о взятіи Коростеня упоминаются голубники, стрѣхи, (или застрѣхи) клѣти, вежи, одрины и дворы: «голуби же и воробьевѣ полѣтеша въ гнѣзда своя, ови же въ голубники, врабьевѣ же подъ стрѣхи; и тако взгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора идѣже негоряше.» Такимъ образомъ Древлянской городской дворъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ строеній, и иногда изъ четырехъ, т. е. вежи, клѣти, одрины и голубника. Вежа и теперь еще употребляется въ Архангельской губерніи, тамъ симъ именемъ называютъ шелаши устроенные изъ жердей и покрытые хворостомъ и дерномъ, которые строятъ себѣ для житья Лопари (Слов. Областн. Великорус. стр. 22), по лѣтописямъ вежами назывались жилища кочевниковъ; напр. «Угри идоша мимо Кіевъ и сташа вежами; бѣша бо ходяще аки Половци.» (Лавр. 10.) Слѣдовательно и въ настоящемъ разсказѣ вежею названо собственно жилище Древлянскаго домохозяина, изба, горница, какъ говорится въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Рядомъ съ вежею или избою на Древлянскомъ дворѣ была клѣть; такъ теперь въ простонародьи обыкновенно называется строенье для складки обмолоченнаго хлѣба, имѣющееся при каждомъ крестьянскомъ дворѣ; по лѣтописямъ также подъ клѣтью должно разумѣть строенье для разной домашней поклажи, тотъ же смыслъ и по Руской правдѣ: напр. «аще убьетъ татя на своемъ дворѣ: любо у клѣти и у хлѣва; то той убитъ.» Здѣсь клѣть

именно означаетъ надворное строенье для поклажи; вѣроятно въ этомъ же значеніи должно принимать и клѣть на Древлянскомъ дворѣ. Одрина, въ настоящее время въ Осташковскомъ уѣздѣ какъ называютъ большой хлѣвъ, гдѣ собственно помѣщаютъ петелей; (Областн. Слов. стр. 138) по производству отъ слова *одръ*, кровать, постель, одрина можетъ значить покой для спанья, *повалуша*, какъ встрѣчается въ памятникахъ XVI и XVII столѣтій; кромѣ того въ Каширскомъ и Боровскомъ уѣздахъ употребляется въ особомъ значеніи слово *кровать*, вѣроятно замѣнившее старинный *одръ*, и можетъ быть *одрину*, кроватью теперь тамъ называютъ строеніе изъ плетня, которое всегда ставится на дворѣ неподалеку отъ избы, оно строится для поклажи собственно бабьяго разнаго имущества, платья зимняго и лѣтняго, холстовъ, льну, снарядовъ для тканья и пряжи и проч. Которое изъ сихъ значеній имѣла Древлянская одрина, мы опредѣлить неможемъ, по неимѣнію прямыхъ указаній; но кажется къ Древлянской одринѣ ближе всего подходитъ Каширская и Боровская кровать. Голубниками голубницами очевидно назывались особыя строенья для голубей, ибо въ лѣтописи прямо сказано, что голуби полѣтели въ голубники. Это показываетъ что голуби у Древлянъ были въ числѣ дворовыхъ птицъ, для которыхъ на дворахъ строили особыя жилья; это подтверждаетъ и Руская правда, гдѣ голубя также находимъ въ числѣ дворовыхъ птицъ: «а въ голуби (ежели украдутъ) и въ куряти 2 кунъ, а въ утки, и въ гусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30 рѣзанъ; а продажи 60 рѣзанъ.»

Далѣе въ разсказѣ, Ольга говоритъ Коростенцамъ: «вси гради ваши дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя,» и Коростенцы предлагаютъ Ольгѣ дань мѣхами и медомъ: «ради даемъ медомъ и скорою.» Сіи слова преданія служатъ для насъ прямымъ свидѣтельствомъ, что Древляне въ Ольгино время уже занимались земледѣліемъ, слѣдовательно были уже не дикарями, но племенемъ оседлымъ и устроеннымъ; они кромѣ земледѣлія еще занимались звѣроловствомъ и пчеловодствомъ, конечно борѣнымъ, ибо въ лѣсныхъ странахъ и теперь пчеловодство бываетъ только бортное. Вѣроятно у нихъ были и другіе промыслы и между прочимъ торговля но конечно не значительная, и можетъ быть не простиравшаяся далѣе Кіева, куда вѣроятно Древляне сплавляли на продажу лодки, которыя они дѣлали въ продолженіи зимняго времени, какъ можно догадываться изъ словъ Константина Порфироднаго, который говоритъ, что Кривичи и прочіе Славяне, надѣланныя ими въ продолженіе зимы лодки весною отводятъ въ болота и сплав—

лавютъ Днѣпромъ въ Кіевъ для продажи Руссамъ; на эту же торговлю также намекаетъ и построеніе Древлянскихъ городовъ при рѣкахъ ведущихъ въ Днѣпръ; такъ напр. Коростень стоялъ на рѣкѣ Ушѣ впадающей чрезъ Припеть въ Днѣпръ, а Овручь на одномъ изъ притоковъ Уши. О незначительности Древлянской торговли мы можемъ заключить изъ того, что Константинъ Порфирородный, изчисляя Славянскія племена на Руси торговавшія съ Константинополемъ неупоминаетъ между ними Древлянъ, тогда какъ не позабылъ ни Новгородцовъ, ни Смолянъ ни Черниговцовъ. [143]

Взявши Коростень и истребивши часть его жителей, а часть отдавши въ рабство своимъ мужамъ, Ольга по словамъ преданія, на остальныхъ наложила тяжкую дань, двѣ части которой шли къ Кіеву, а двѣ къ Вышгороду собственно Ольгѣ, ибо Вышгородъ принадлежалъ собственно ей. Это наложеніе тяжкой дани, какъ по прямому свидѣтельству преданія такъ и по обстоятельствамъ самаго дѣла, относилось собственно къ Коростеню, а не ко всей Древлянской землѣ. Къ Древлянамъ вообще Ольга вступила въ другія отношенія, какъ мы увидимъ послѣ; на Коростенцовъ же она наложила тяжкую дань въ наказаніе за смерть Игоря, и для того, чтобы этотъ вѣроятно сильнѣйшій и знаменитѣйшій Древлянскій городъ совершенно ослабить, и такимъ образомъ отнять у Древлянъ охоту къ возстаніямъ на будущее время, въ чемъ вполнѣ и успѣла, Коростень болѣе не возставалъ отъ своето паденія, и лѣтописи уже нигдѣ неупоминаютъ объ немъ въ послѣдующее время. Образецъ подобнаго наложенія особой дани на возмущавшіеся города мы находимъ въ грамотѣ Мстислава на Берестьянъ 1289 года: «Се язъ Князь Мстиславъ сынъ Королевъ внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны въ вѣкы и въ вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятнадцати десятковъ льну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цобровъ овса, а по пяти цобровъ ржи, а по 20 куровъ; а по толку со всякаго ста, а на горожанъ четыре гривны кунъ.» [144] Слѣдовательно этотъ поступокъ Ольги съ Коростенцами былъ не безпримѣрный и не единственный въ нашей исторіи, и вытекалъ какъ изъ характера Княжеской власти на Руси, такъ и изъ обстоятельствъ дѣла.

Новыя отношенія, въ которыя Ольга вступила съ Древлянскою землею по занятіи Коростеня, лѣтописецъ выражаетъ такъ: «И иде

---

[143] De adm. Imp. pag. 59.

[144] Ипат. 225.

Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и дружиною, уставляющи уставы и уроки, суть становища ея и ловища.» И Олегъ и Игорь ходили въ Древлянскую землю; но они только воевали тамъ, примучивали Древлянъ и сбирали съ нихъ дань, и Олегъ однажды даже взялъ у Древлянъ воиновъ въ походъ на Константинополь; но тѣмъ только и ограничивались отношенія Рускихъ князей къ Древлянамъ, до устройства Древлянской земли они некасались, нетрогали ни тамошнихъ князей ни тамошней управы; Древляне продолжали жить, какъ жили до первой встрѣчи съ Русью и только по временамъ платили дань сперва Олегу потомъ Игорю, да и то не безъ сопротивленія. Ольга напротивъ неограничилась однимъ примучиваньемъ и сборомъ дани; но пошла по Древлянской землѣ точно также, какъ Рускіе князья ходили по землѣ Полянъ, Сѣверянъ, Кривичей, т. е, мирно для суда и управы; ея побѣда надъ Древлянами такъ была сильна и рѣшительна, что Древлянамъ ничего неоставалось болѣе, какъ вполнѣ признать власть Руской Княгини, отказаться отъ своей независимости, и принять ту управу какую имъ устроитъ Ольга. Мы незнаемъ куда дѣвался Древлянскій князь Малъ, названный женихъ Ольгинъ, палъ ли въ битвѣ или бѣжалъ; но свидѣтельство лѣтописи ясно и опредѣленно, что Ольга по взятіи Коростеня пошла по Древлянской землѣ уставлять уставы и уроки, т. е. учреждать такой же порядокъ въ Древлянской землѣ, какой уже существовалъ въ другихъ земляхъ вполнѣ признавшихъ власть Кіевскихъ Князей, куда по свидѣтельству Константина Порфиророднаго Князья ходили въ полюдье т. е. для суда и управы а не для сбора дани. Вмѣсто дани, т. е. неопредѣленныхъ поборовъ силою Ольга назначила уроки, уреченные опредѣленныя платежи на извѣстные сроки, и въ слѣдствіе тѣхъ или другихъ извѣстныхъ дѣйствій, которые какъ бы влекли за собою тотъ или другой опредѣленный платежъ; таковы напримѣръ уроки вирные, т. е. платежи въ слѣдствіе извѣстныхъ противузаконныхъ дѣйствій подлежащихъ вирѣ, или уроки судные платежи по суднымъ дѣламъ князю или его тіунамъ и другимъ чиновникамъ. Я перевожу слово урокъ назначеннымъ опредѣленнымъ платежемъ. потому что урокъ въ этомъ значеніи принимается Рускою правдою, гдѣ сказано:» Оже за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривну, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ. . . . то, ти уроци смьрдомъ, оже платятъ князю продажу. «Или:» А се уроци городнику; закладаюче городня, куна взяти, а кончивше ногата «или;» а се мостьнику уроци: помостивше мостъ взяти отъ 10 локотъ по нагатѣ

«или еще въ Руской же правдѣ встрѣчаемъ урокъ отъ ролейной земли, т. е. плату за пользованіе ролейною землею; а въ другихъ оффиціальныхъ памятникахъ находимъ оброки или уроки за пользованіе рыбными ловлями, бортными ухожаями и другими угодьями.

Лѣтописецъ, говоря о путешествіи Ольги по Древлянской землѣ, замѣчаетъ, что еще въ его время въ тамошнемъ краю хорошо были извѣстны и памятны тѣ мѣста, гдѣ Ольга останавливалась или охотилась, *становища* и *ловища* по словамъ лѣтописи. Это съ одной стороны показываетъ, что путешествіе Ольги по Древлянской землѣ было мирное; ибо въ военномъ походѣ, нѣтъ мѣста для охоты и ловли звѣрей; а съ другой стороны мы здѣсь находимъ свидѣтельство, что мирное путешествіе сіе въ сопровожденіи воинской дружины для Древлянъ было зрѣлищемъ вовсе необыкновеннымъ и новымъ, такъ что народное преданіе немогло забыть о немъ черезъ 150 лѣтъ, и еще во время Нестора указывало мѣста, гдѣ останавливалась и охотилась княгиня. Остановки сіи по всему вѣроятію были не въ городахъ и селеніяхъ а въ чистомъ полѣ подъ шатрами, какъ описывается въ нашихъ сказкахъ, и какъ можно заключить изъ свидѣтельства лѣтописи о Святославѣ, о которомъ она, желая отличить его отъ другихъ князей, говоритъ: «ходя возъ по себѣ невозяше, ни котла, ни шатра имяше.» [145] Слѣдовательно другіе Князья ходили въ обозами и шатрами.

Устроивъ Древлянскую землю, Ольга возвратилась въ Кіевъ, и по свидѣтельству лѣтописи прожила тамъ лѣто, а на другой годъ (т. е. въ 947 г.) «отправилась въ Новгородскій край и учредила по Мстѣ погосты и дани, и по Лугѣ оброки и дани.» Это путешествіе также какъ и Древлянское на долго осталось памятнымъ въ народѣ, и лѣтописецъ продолжаетъ: «ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и погосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дня, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ.» Извѣстіе о настоящемъ путешествіи лѣтописецъ выдаетъ за совершенно справедливое и несомнѣнное, и въ доказательство несомнѣнности ссылается на оставленные Ольгою памятники и на то, что объ немъ помнили еще въ его время: «и сани ее стоятъ въ Плесковѣ досего дня.» Слѣдовательно мы неимѣемъ никакого права сомнѣваться въ этомъ извѣстіи, и должны принимать его именно въ томъ ви-

---

145 Полн. Соб. Лѣт. Т. I. стр. 27.

дѣ, какъ оно передано Несторомъ, ничего не убавляя и не прибавляя. Несторъ говоритъ, что Ольга въ Новгородскомъ краю сдѣлала разныя учрежденія только по Мстѣ и по Лугѣ, и именно по Мстѣ погосты и дани, а по Лугѣ оброки и дани. Слѣдовательно упоминаемыя Несторомъ Ольгины разпоряженія относились не ко всему Новгородскому краю, а только къ мѣстностямъ лежащимъ по теченію Мсты и Луги, другихъ же мѣстъ Новгородскаго края Ольга некасалась своими разпоряженіями, хотя и посѣщала ихъ; такъ извѣстно, что она пріѣзжала въ свою родину Псковъ, но о разпоряженіяхъ ея въ этомъ городѣ нѣтъ и намеку, лѣтопись говоритъ только: «и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне.» Это исключительное указаніе лѣтописи на Мсту и Лугу съ одной стороны ясно говоритъ, что только сіи мѣста въ Новгородскомъ краю были подчинены непосредственнымъ разпоряженіямъ Князя относительно устройства, во всѣхъ же другихъ Новгородцы разпоряжались сами, и Князь даже неимѣлъ права вступаться въ ихъ разпоряженія, какъ именно въ послѣдствіи мы находимъ въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ: «а волостій ти, княже, Новгородскихъ своими мужи недержати, нъ держати мужи Новгородьскыми.»[146] А съ другой стороны въ этомъ же указаніи виденъ хотя неясный намекъ, что Мста и Луга были уступлены Новгородцами по новому договору съ Ольгою, въ противномъ случаѣ конечно оброки и дани небыли бы упущены Ольгиными предшественниками Олегомъ и Игоремъ. Да и притомъ самая форма лѣтописнаго разсказа объ этомъ дѣлѣ совершенно одинакая съ описаніемъ путешествія Ольги по Древлянской землѣ показываетъ, что какъ у Древлянъ такъ и у Новгородцовъ она устроивала и облагала оброками и данью земли пріобрѣтенныя ею вновь; слѣдовательно будетъ не безъ основанія допустить, что Мста и Луга уступлены были Новгородцами именно Ольгѣ по новому договору съ нею. Предполагать же, что Мста и Луга вновь пріобрѣтены самими Новгородцами, что Новгородъ не владѣлъ берегами сихъ рѣкъ до Ольги, мы неможемъ; ибо рѣки сіи текутъ почти въ центрѣ Новгородскихъ владѣній. Ежели Новгороду уже принадлежали Псковъ, Ладога, Руса и Бѣлоозеро; то ни коимъ образомъ нельзя согласиться, что Мста и Луга еще несоставляли Новгородскихъ владѣній, когда Луга начинается не подалеку отъ Новгорода, а Мста впадаетъ въ Ильмень между Новго-

[146] Собр. Г. Г. и Д. Т. I. № 2 и друг.

родомъ и Русою; верховья Мсты также немогли не принадлежать Новгороду, когда ему уже принадлежало Бѣлоозеро; тоже должно сказать и объ низовьяхъ Луги, ибо Новгородъ уже владѣлъ восточнымъ берегомъ Балтійскаго моря, именно тамъ гдѣ впадаетъ Луга.

Относительно самыхъ учрежденій сдѣланныхъ Ольгою въ Новгородскомъ краю лѣтопись указываетъ на замѣчательное различіе; она говоритъ, что по Мстѣ Ольга учредила погосты и дани, а по Лугѣ оброки и дани. Это показываетъ, что Ольгѣ были уступлены иныя права на владѣніе по Мстѣ и иныя по Лугѣ; по Мстѣ Ольга не имѣла оброковъ, а по Лугѣ неучреждала погостовъ. Чтобы объяснить это различіе, должно опредѣлить значеніе оброковъ и погостовъ.

На основаніи Руской правды и другихъ оффиціальныхъ памятниковъ мы уже видѣли, что оброками уроками назывались опредѣленные, уреченные, назначенные въ извѣстные сроки, платежи за пользованіе пахотною землею, рыбными ловлями, лугами, бортными ухожаями и другими угодьями. А по сему ежели Ольга учреждала по Лугѣ оброки; то значитъ, что въ этомъ краю Новгородцами ей были уступлены разныя земли и угодья, которыя она, ненаходя удобнымъ а можетъ быть и неимѣя права содержать своими людьми, отдавала въ оброчное содержаніе тамошнимъ жителямъ за извѣстную плату или оброкъ. Въ подтвержденіе того, что у Новгородцовъ дѣйствительно существовалъ обычай поступаться князьямъ пахотными землями и другими угодьями, мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ; такъ напримѣръ въ договорной грамотѣ Новгорода съ В. К. Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ писанной въ 1327 году сказано: «А пожни, княже, что твои и твоихъ мужъ, то твое что пошло.» [147] А также есть свидѣтельство и тому, что князья неимѣли права уступленныхъ земель въ Новгородскомъ краю держать своими людьми, и ставить тамъ селы, объ этомъ упоминается даже въ договорной грамотѣ съ В. К. Иваномъ Васильевичемъ III-мъ въ 1471 году послѣ Новгородскаго разгрома; въ ней сказано: «а пожни, великіе Князи, ваши и вашихъ мужей, то ваши и вашихъ мужей; а што пожни Новгородскіе а то къ Новугороду какъ пошло. А слободъ и селъ Князи Великіе съступилися великому Новгороду; на Новгородской земли селъ неставити.» [148]

---

[147] Собр. Г. Г. и Д. Т. I. № 15.
[148] Ibid. № 20.

Въ этой же грамотѣ мы находимъ важное свидѣтельство, что часть теченія Луги изстарины уступалась князьямъ, но съ правомъ только посылать туда за зборомъ оброковъ; грамота говоритъ: «А въ Вотьцкую землю слати княземъ великимъ ежегодь по старинѣ.» А извѣстно что Вотъ и Ижора жили по Лугѣ. Все это вполнѣ обьясняетъ свидѣтельство лѣтописи, что Ольгѣ были уступлены земли по теченію Луги именно для пользованія съ нихъ оброками, въ томъ значеніи, въ какомъ слово оброкъ урокъ является въ Руской правдѣ и въ другихъ оффиціальныхъ памятникахъ.

Теперь обратимся къ значенію слова погостъ. По свидѣтельству писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, погостами въ Новгородскомъ краю назывались опредѣленныя административныя единицы дѣленія Новгородскихъ земель состоящіе изъ нѣсколькихъ селъ, деревень, слободъ, и рядковъ, имѣвшихъ одну центральную управу относительно разкладки и сбора общественныхъ податей; т. е. погостами въ Новгородѣ называлось именно то, что въ другихъ краяхъ Руси носило названіе волостей или становъ. Это значеніе Новгородскихъ погостовъ показываетъ, что учреждать назначать погосты, т. е. дѣлить землю на опредѣленныя извѣстныя единицы для удобнѣйшей и правильной разкладки податей, съ назначеніемъ центровъ для управы, имѣлъ право только тотъ, у кого область была въ непосредственномъ разпоряженіи, кто держалъ ее своими людьми, т. е. управлялъ ею чрезъ своихъ повѣренныхъ, но не паселялъ своими поселенцами. А посему теперь понятно свидѣтельство лѣтописи, что Ольга по Мстѣ учредила погосты, но неназначала оброковъ. Этотъ край Новгородцы отдади въ непосредственное управленіе Ольги чрезъ ея мужей, они поступились Ольгѣ держать Мсту своими мужами а не Новгородскими; но недали ей въ томъ краю земель, которыя бы она могла отдавать въ оброчное содержаніе. Мы даже имѣемъ прямое свидѣтельство Новгородскихъ договорныхъ грамотъ, что и въ позднѣйшее время Новгородцы часть волостей отдавали Князю, чтобы онъ держалъ ихъ своими мужи; въ остальныхъ же волостяхъ ему недозволяли держать своихъ мужей а Новгородскихъ; такъ въ грамотѣ 1327 года сказано: «что волости Новогородьскыхъ, тѣхъ ти волостій, Княже, тобѣ своими мужи недержати, държати мужи Новгородьскыми; а даръ тобѣ, Княже имати отъ тѣхъ волостій.»[149] И въ той же граматѣ есть указаніе,

[149] Соб. Г. Г. и Д. Т. I. № 15.

что именно часть волостей по Мстѣ уступалась Новгородцами Князю, чтобы онъ держалъ тамъ своихъ тіуновъ; такъ грамота говоритъ: «А что ти, Княже, пошло на Торжку и на Волоцѣ тіунъ свой держати на своей части, а Новгородца на своей части.» Или въ грамотѣ 1307 года: «А дьржати ти свой тіунъ на половинѣ, а Новгородьць на половинѣ въ всей волости Волочкой; а на Търъжку ти, Княже, дьржати свой тіунъ на своей части, а Новгородьць на своей части.» [150] Посему и значеніе слова погостъ, въ Новгородскомъ краю, даетъ намъ ясное понятіе, почему лѣтопись сказала, что Ольга по Мстѣ устроила только погосты, но неназначала оброковъ.

Наконецъ теперь остается опредѣлить слово дань, какое значеніе оно имѣло въ Новгородскомъ краю. Дань получаемая Рускими Князьями съ Новгородскаго края очевидно имѣла не то значеніе, въ какомъ она принималась у Древлянъ, когда ходили къ нимъ за данью Олегъ и Игорь. У Древлянъ при Олегѣ и Игорѣ данью назывался неопредѣленный поборъ, взимаемой силою, чрезъ посредство Княжой дружины, которая приходила грабить Древлянъ, чтобы и самой нажиться и Князю доставить выгоды; но мы неимѣемъ свидѣтельствъ, чтобы Княжая дружина посылалась въ Новгородъ для сбора дани; слѣдовательно дань Новгородская имѣла свое особое значеніе, но какое именно тогдашнія лѣтописи объ этомъ неговорятъ; а посему мы опять обратимся къ позднѣйшимъ Новгородскимъ грамотамъ, гдѣ находимъ весьма важное для насъ свидѣтельство. Въ грамотѣ 1307 года сказано: «А за Волокъ ти, Княже, своего мужа непслати, продаяти ти дань своя Новгородьцю.» [151] По прямому смыслу сей грамоты, Князь нетолько немогъ посылать своей дружины для сбора дани въ Новгородскомъ краю, но даже обязывался не посылать туда и сборщика, а отдавать дань на откупъ Новгородцу; а на откупъ можно отдавать только то, что уже опредѣлено, что извѣстно хотя приблизительно; слѣдовательно по смыслу грамоты въ Новгородѣ Княжею данью назывался опредѣленный поборъ: по чемъ съ двора или съ сохи, или съ другой какой опредѣленной единицы. Слѣдовательно Ольга, учреждая дани по Мстѣ и Лугѣ, собственно опредѣляла по скольку ей должно идти дохода съ извѣстныхъ единицъ, въ краяхъ прилежащихъ ко Мстѣ и Лугѣ. А такъ какъ по прямому свидѣтель-

---

[150] Ibid. № 10.

[151] Ibid. № 10.

ству лѣтописи Ольга установила дани только по Мстѣ и Лугѣ; слѣдовательно Кіевскій или Рускій Князь получалъ дани не со всей Новгородской земли, а только съ извѣстныхъ данныхъ ему областей; съ прочихъ же Новгородскихъ владѣній пользовался только доходами отъ суда, т. е. вирами, который доходъ оставался за Князьями до позднѣйшаго времени, какъ сопряженный съ главною обязанностію Княжеской власти, — съ судомъ, росправою, нарядомъ, для чего именно приглашены были Князья въ Новгородъ; объ этомъ главномъ доходѣ собираемомъ со всей Новгородской земли мы имѣемъ свидѣтельство въ граматѣ 1471 года, гдѣ сказано: «А виры имати Княземъ великимъ по старинѣ, а Новогородцамъ не таити.»[152] Кромѣ того конечно при Ольгѣ еще собиралась съ Новгорода дань Варягамъ мира дѣля, ибо по свидѣтельству лѣтописи ее платили до самаго Ярослава всѣ посадники Новгородскіе.

Такимъ образомъ отыскавши настоящее Новгородское значеніе оброка, погоста и дани, и объяснивши ихъ учрежденіе по граматамъ и по другимъ памятникамъ, мы видимъ, что по свидѣтельству лѣтописи Ольга въ 947 году получила отъ Новгородцевъ земли по Мстѣ и Лугѣ съ различными правами на владѣніе; именно относительно земель по Мстѣ Новгородъ поступился Ольгѣ позволеніемъ держать ихъ своими мужами а не Новгородскими, почему она и учредила тамъ погосты для разкладки податей въ свою пользу, какъ непосредственной управительницѣ уступленнаго края; по Лугѣ же Новгородцы дали Ольгѣ разныя угодья и земли, но безъ права держать тотъ край своими мужами, почему она и отдала уступленныя земли на оброкъ; и кромѣ того Ольга пріобрѣла отъ Новгородцовъ право пользоваться данью съ того и другаго изъ уступленныхъ краевъ. Всѣ сіи пріобрѣтеніе очевидно получены Ольгою въ добавокъ къ тому, что уже было уступлено Новгородцами прежнимъ Князьямъ. Для Ольги это можно было сдѣлать удобнѣе нежели для кого другаго изъ Князей, ей здѣсь даже ненужно было никакого насилія, ибо она, какъ Псковитянка по произхожденію, и притомъ, какъ кажется, изъ значительнаго и богатаго рода, по всему вѣроятію имѣла въ свою пользу сильную партію между Новгородцами; а дѣйствіе и вліяніе партій имѣли важное значеніе въ Новгородѣ, чему свидѣтельствомъ служитъ вся Новгородская исторія.

---

[152] Соб. Г. Г. и Д. Т. I, № 20.

Устроивши дѣла въ Новгородскомъ краю, Ольга, по словамъ лѣтописца, возвратилась къ сыну своему Святославу въ Кіевъ, и прожила тамъ восемь лѣтъ, потомъ въ 955 году отправилась въ Грецію. Преданіе записанное у Нестора такъ разсказываетъ объ этомъ путешествіи такъ: «Пришла Ольга въ Царьградъ, гдѣ тогда былъ царемъ Цимискій, который увидавши ее и поговоривши съ нею, удивился ея красотѣ и разуму, и сказалъ ты достойна того, чтобы царствовать съ нами въ Царьградѣ. Ольга понявши рѣчи Царя, отвѣчала: я язычница, ежели хочешь, то крести меня самъ, а ежели небудешь самъ крестить меня, то я не крещуся; Царь согласился и съ Патріархомъ окрестилъ ее. И пригласивши послѣ крещенія къ себѣ, сказалъ: я хочу жениться на тебѣ. На что Ольга сказала ему: какъ же ты хочешь жениться на мнѣ; а крестилъ меня самъ и назвалъ дочерью? а ты самъ знаешь, что у Христіанъ нѣтъ закона жениться на дочеряхъ. И Царь молвилъ: перехитрила меня Ольга, и далъ ей дары многи: золото, серебро, драгоцѣнныя ткани, и различные сосуды, и отпуская назвалъ ее своею дочерью. Потомъ Ольга получивъ отъ Патріарха благословеніе на дорогу, отправилась съ миромъ въ свою землю и пришла въ Кіевъ.»

Далѣе продолжаетъ преданіе: когда Ольга возвратилась въ Кіевъ; то Царь Греческій прислалъ къ ней сказать: «много дарилъ я тебя, и ты говорила: когда возвращусь въ Русь пришлю тебѣ большіе дары челядью, воскомъ и мѣхами и войско въ помощь.» Ольга на это отвѣчала посламъ: «скажите Царю, ежели онъ также постоитъ у меня въ Почайнѣ, какъ я стояла у него въ Суду, то я пришлю къ нему, чего онъ хочетъ; и съ тѣмъ отпустила пословъ.

Преданіе сіе въ главномъ основаніи своемъ вѣрно дѣйствительности: Ольга дѣйствительно была въ Константинополѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный; нѣтъ сомнѣнія, что она приняла тамъ и Св. крещеніе, какъ свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ Несторомъ Византійскіе историки Кедринъ и Іоаннъ Скилита Куропалатъ и Франкскій писатель X вѣка, безъименный продолжатель Аббата Регинонскаго.[153] Но подробности переданныя преданіемъ явно вы-

---

[153] У Кедрина: Elga Russorum principis uxor, qui classem in Romanos duxerat, marito defuncto, Constantinopolin venit; et baptisata, cum magnum verae pietatis studium demonstrasset, dignis suo instituto honoribus effecta domum redijt.» У Скилиты: «Et ea, quae fuerat uxor ducis Rhos, qui

мышлены; ибо преданіе говоритъ, что Ольга пріѣзжала въ Константинополь, когда тамъ былъ Царемъ Цимискій; но Іоаннъ Цимискій вступилъ на престолъ въ 970 году, т. е. когда Ольги не было въ живыхъ; слѣдовательно вымыслъ здѣсь очевиденъ, и показываетъ самъ собою, что преданіе о путешествіи Ольги въ Константинополь сложилось въ той формѣ, какъ дошло до насъ, нераньше княженія Ярополка или Владимира, когда Цимискій своею счастливою войною съ Святославомъ сдѣлался очень извѣстенъ въ Кіевѣ и вообще на Руси. Здѣсь мы видимъ, что Святославовы дружинники оплакивая погибель любимаго Князя, крайне злились на его побѣдителя Цимискія, и желая хотя чѣмъ нибудь выместить свою злость на немъ, сложили про него сказку, что Ольга ѣздивши въ Константинополь перехитрила того, кто въ послѣдствіи перехитрилъ ея сына Святослава. Такимъ образомъ разсказъ преданія о путешествіи Ольги въ Константинополь имѣетъ тѣсную связь съ разсказомъ о послѣднемъ походѣ Святослава въ Болгарію. Слѣдовательно и любезности Цимискія съ 65-лѣтнею красавицею Ольгою, и ловкій отказъ сей послѣдней, и богатые дары Царя въ надеждѣ получить большія дары отъ Руской Княгини, и отвѣтъ Царскимъ посламъ сдѣланный Ольгою въ Кіевѣ, — «ежели Царь постоитъ у меня въ Почайнѣ также, какъ я стояла у него въ суду,» явно суть насмѣшки Руссовъ надъ ненавистнымъ побѣдителемъ любимагò народомъ Святослава. Это настоящій истинный смыслъ всего разсказа, и въ исторіи онъ долженъ остаться только какъ выраженіе безсильной злобы тогдашнихъ Руссовъ на Цимискія. Для объясненія же самаго путешествія Ольги въ Константинополь должно обратиться къ другимъ источникамъ, и такъ какъ другихъ источниковъ Рускихъ мы неимѣемъ, то къ Византійскимъ, въ которыхъ по счастію пребываніе Ольги въ Константинополѣ сохранено съ нѣкоторыми подробностями.

По подробностямъ здѣсь лучшимъ свидѣтелемъ служитъ Императоръ Константинъ Порфиродный, который самъ принималъ Ольгу въ

---

contra Romanos classem adduxerat, Olga moniue, mortuo ipsius viro, ad Constantinopolin se coutulit, et baptizata, cum sincerae fidej cultum se suscipere institujsse ostendisset, pro suj propositi dignitate ornata domum rediit.» У продолжателя Аббата Регинонскаго: «Legati Helenae, reginae Rugorum, quae sub Romano Imperatore Constantinopolitano Constantinopoli baptisata est.» (Шлёцеровъ Нестор. Т. III, стр. 416.)

своемъ дворцѣ. Онъ, въ обрядникѣ Византійскаго двора во второй книгѣ, по изданію Рейскѣ, въ главѣ XV, такъ описываетъ пріемъ Ольги. «Мѣсяца Сентября въ 9 день, въ среду, былъ пріемъ по случаю прибытія Елги Архонтиссы или Княгини Русской. Княгиня шла во дворецъ сама въ сопровожденіи своихъ родственницъ, женщинъ княжескаго происхожденія и достоинства, и почетнѣйшихъ прислужницъ. Въ передп свиты шла сама Княгиня, а за ней слѣдовали по порядку одна за другой ея спутницы. Ольга остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно Логофетъ отъ имени Императора спрашиваетъ пословъ, которымъ дозволенъ доступъ ко двору. Позади ее вступили повѣренные (апокрисіаріи) Рускихъ князей и негоціанты (по Руски, конечно, гости). Они остановились внизу у Велы (τὰ Βῆλα, отъ βῆλὸς порогъ, вѣроятно перегородка, или завѣса, какъ можно заключать изъ того, что велы вѣшались, такъ на стр. 339 сказано: «въ золотой залѣ были повѣшены золотыя велы, которыя обыкновенно вѣшаютъ въ праздникъ пасхи,») Остальное происходило точно такимъ же порядкомъ, какъ и въ прежде расказанныхъ пріемахъ. [164]

---

164 А въ прежнихъ пріемахъ былъ слѣдующій порядокъ. «Посолъ, вступивши за перегородку, тотъ часъ падаетъ на землю, и воздаетъ почтеніе Императорамъ; и въ это же время играютъ на трубахъ. Когда же посолъ встанетъ и пойдетъ далѣе, и останавится на нѣкоторомъ разстояніи отъ Императорскаго трона, то снова ударяютъ въ (органы ударятельные) литавры. (Вѣроятно Ольга вступивши за перегородку непадала на землю, ибо объ ней сказано: καὶ ἔστη ἐν ᾧ τόπῳ (остановилась на томъ мѣстѣ). Когда такимъ образомъ другъ, т. е. посолъ подходитъ къ Императору, то за нимъ вступаютъ почетнѣйшіе изъ его спутниковъ, и изъявивши почтеніе Императору, останавливаются ниже около входной перегородки или между двухъ перегородокъ. Когда же Логофетъ дѣлаетъ послу обычные вопросы, то начинаютъ рычать золотые львы, и гармонически пѣть золотые птицы, сидящія какъ на священномъ тронѣ такъ и по золотымъ деревьямъ разставленнымъ вокругъ. Звѣри же видимые у трона приподнимаются изъ своихъ логовищъ и становятся на ноги. Между тѣмъ пока это дѣлается, Протонотарій рысталища вноситъ короба или дары посольскіе, которые посолъ отъ имени своего владыки представляетъ Императору. Немного спустя опять ударяютъ въ литавры, и львы перестаютъ рычать, птицы умолкаютъ, и звѣри опускаются въ логовища.»

По разсмотрѣніи короба съ дарами, посланникъ объявляется Логофетомъ, и воздавъ почтеніе Императору удаляется. При его выходѣ играютъ на

Вышедши отъ Императора, Княгиня прошла черезъ комнатный садъ, черезъ залу Кандидатовъ, черезъ залу гдѣ находится камелавкіонъ, и гдѣ жалуютъ въ Магистры, потомъ далѣе чрезъ *Оіоподъ* вступила въ залу золотой руки или въ портикъ *Августеона*, гдѣ она нѣсколько времени сидѣла.

Когда Императоръ обычнымъ порядкомъ возвратился въ палаты, то былъ другой пріемъ слѣдующимъ образомъ. Въ залѣ Юстиніана было поставлено возвышеніе покрытое пурпуровыми коврами. Надъ нимъ стоялъ большой тронъ Императора Өеофила, и съ боку золотое Императорское сѣдалище. Ниже между двумя велами стояли два серебряные органа, а за велами стояли духовые органы. На тронѣ сидѣла Императрица; Княгиня приглашенная къ ней шла чрезъ Аспидъ и Иподромъ и чрезъ внутренніе портики Августеона и остановилась въ Скилахъ. Между тѣмъ Препозитъ и Остіаріи (при дверники) предъ Императрицей сѣдящей на тронѣ устроили велы, на боковомъ стулѣ сидѣла Императрицына невѣска, а всѣ придворныя женщины стояли между поставленными велами; у первой Зосты, у второй магистриссы или супруги магистровъ, у третьей жены патриціевъ, у четвертой должностныя протоспафаріи, у пятой прочія протоспафаріи, у шестой спафарокандидатиссы, у седьмой спаөаріи, страториссы и кандидатиссы. Когда они всѣ сошлись, наконецъ вступила Руская Княгиня введенная Препозитомъ и Остаріями. Она шла впереди, сопровождаемая, какъ сказано, прочею свитою женщинъ ее родственницъ и избранныхъ прислужницъ. Тогда Препозитъ отъ имени Императрицы сказалъ что-то на ухо Княгинѣ,

---

духовыхъ инструментахъ, а львы и птицы издаютъ свои звуки, и звѣри встаютъ изъ своихъ логовищь. Когда же посолъ выйдетъ за перегородку, то бьютъ въ литавры, и птицы перестаютъ пѣть и звѣри возвращаются въ свои логовища.

По выходѣ пословъ препозитъ громко произноситъ κελεύσατε (ежели вамъ угодно), и магистры, патриціи и сенаторы удаляются повторяя многолѣтіе. По выходѣ ихъ препозитъ опять возглашаетъ κελεύσατε и также удаляются хризотиклины и кубикуляріи. Когда всѣ выйдутъ Императоры встаютъ съ трона, и сложивши шапки, и туники, надѣваютъ шитые золотомъ верхнія платья и тайно тѣмъ же путемъ, которымъ пришли, въ сопровожденіи кубикуляріевъ удаляются чрезъ Өеофилактову залу; когда Государь входитъ въ золотую палату, то кубикуляріи останавливаются, и прощаясь желаютъ многолѣтія.» (328—329)

она опять удалилась, и сѣла въ *Скилахъ*. Императрица же вставши съ трона прошла чрезъ *Лавсіакъ* [156] и *Трипетонъ* въ *Кенургію*, и оттуда въ свою Кетону. Послѣ этаго Княгиня чрезъ Юстиніанову залу, Лавсіакъ и Трипетонъ также вступила въ Кенургію и тамъ нѣсколько времени отдыхала. Между тѣмъ Императоръ пришелъ въ Кетону Императрицы и сѣлъ тамъ вмѣстѣ съ Августою и съ своими дѣтьми порфирородными; потомъ туда приглашена была Княгиня сидѣвшая въ Кенургіи, и занявши указанное сѣдалище разговаривала съ Императоромъ о чемъ ей было угодно.

Въ этотъ же день былъ Клеторій или Императорскій обѣдъ въ Юстиніановой залѣ. Тамъ Императрица возсѣдала на помянутомъ выше тронѣ, и подлѣ нее сидѣла невѣстка. Княгиня сперва стояла въ сторонѣ, пока другіе женщины княжеской крови, введенныя магистромъ стола, воздавали почтеніе Императрицѣ, потомъ сама Княгиня, небольшимъ наклоненіемъ головы засвидѣтельствовавъ свое почтеніе, сѣла, по обряду вмѣстѣ съ Зостами, [158] къ столу который былъ

---

[156] Лавсіакъ одинъ изъ 12 дворцовъ Константина великаго, украшенный во время Императора Аркадія Патриціемъ Лавсіемъ. (Bandur. T. I, antiq. Constant. Lib. I, pag. 12.)

[158] Зостами были самыя почетнѣйшія изъ женщинъ Византійскаго императорскаго двора, изъ всѣхъ придворныхъ женщинъ они одни возводились въ свой санъ съ особыми обрядами, которые я щитаю нелишнимъ выписать здѣсь изъ обрядника Константинова, что бы хотя приблизительно видѣть высокое значеніе Зостъ при Византійскомъ дворѣ. При пожалованіи въ Зосты наблюдались слѣдующіе обряды.

Государи перемѣнивши диветезіи и хламиды и безъ коронъ останавливаются спиною къ востоку въ воротахъ Фара, смотря въ средній притворъ. По данному отъ нихъ знаку препозитъ ведетъ для церковной процессіи патриціевъ и труппы консуловъ и силенціаріевъ, которые войдя съ двухъ сторонъ составляютъ въ храмѣ консисторію. Потомъ препозитъ по мановенію Государей выходитъ въ Паранартикъ, и изъ Кустодіи, гдѣ входъ устроенъ съ рѣшетками, подводитъ жалуемую къ среднимъ вратамъ, которая тотчасъ падаетъ на колѣни, и какъ только она поднимется, ставитъ ее предъ Государей, которымъ она падаетъ въ ноги, и потомъ опять встаетъ, протягиваетъ руки, и получаетъ отъ Государей далматикъ, нагрудникъ и бѣлый анафоръ и цѣлуетъ ихъ руки. Послѣ чего препозитъ отводитъ ее въ кустодію, откуда она пришла, и надѣваетъ на нее далматикъ и бѣлый анофоръ, и опять приводитъ въ церковь Фара, гдѣ стоятъ

поставленъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ Императорскаго. При этомъ обѣдѣ были два хора пѣвчихъ, отъ церкви Апостоловъ и отъ Св.

Государи и сенаторы. Потомъ поцѣловавщи ноги у Государей и по благодаривши ихъ, она идетъ къ пантеону, и послѣ небольшаго промежутка времени препозитъ, по знаку данному Императоромъ, возглашаетъ: *повелите.* Сенатъ выходитъ изъ церкви и идетъ въ трипетонъ, гдѣ Магистръ церемоніи располагаетъ велы изъ патриціевъ и прочихъ сенаторовъ. Зоста же патриціанка, когда подойдетъ къ Пантеону надѣваетъ поверхъ далматика нагрудникъ, и держитъ лору (венерипъ поясъ) и прополому.

Потомъ государи украшенные коронами садятся на тронъ, и даютъ знакъ препозиту, который съ придверниками несущими верги (прутья, особыя трости) выступивши приглашаетъ первую велу магистровъ, вторую велу патриціевъ, и третію синклитиковъ, консуловъ, комитовъ, кандидатовъ, доместиковъ, экспрефектовъ, стратилатовъ, и въ это же время съ обѣихъ сторонъ вступаютъ за Сенатомъ силенціаріи. Когда велы наполнятся, и устроится цѣлый тайный совѣтъ, то Государи даютъ знакъ препозиту и онъ чрезъ все собраніе идетъ къ пантеону, гдѣ стоитъ жалуемая Зоста патриція, ведетъ ее поддерживая за плеча, и проведя чрезъ собраніе патриціевъ ставитъ ее съ лорою и прополомою въ рукахъ, въ срединѣ тайнаго собранія патриціевъ. Зоста, удерживаемая лорою немогши пасть, нѣсколько наклоняется, и прошедши еще нѣсколько шаговъ опять наклоняется, и далѣе подведенная къ колѣнамъ Государей, немогши пасть въ ноги, цѣлуетъ колѣна старшаго и младшаго государя. Потомъ протянувши руки принимаетъ тайныя табулы съ кодициллами, цѣлуя руки у Государей, и нѣсколько помедливъ отступаетъ поддерживаемая препозитомъ; тогда всѣ поддерживаемые силенціаріями отъ магистровъ до стратилатовъ вводятся и благодарятъ за вновь пожалованную. Послѣ чего препозитъ опять подводитъ ее къ колѣнамъ Государей и она сама благодаритъ Императоровъ. Императоръ же давши знакъ препозиту поставленному возлѣ трона, а не тому который поддерживаетъ Зосту, возглашаетъ повелите.

Сенатъ возсылая мольбы о благополучіи выходитъ и вмѣстѣ съ нимъ выходитъ Зоста, у которой силентіарій беретъ табулы, и она идетъ въ въ Лавсіакъ въ сопровожденіи силентіаріевъ и кувикуларіевъ одѣтыхъ въ бѣлыя туники, и удаляется въ отдѣленіе Лавсіака, но не въ то, гдѣ процессія, а которая обращена къ Эроту, къ сторонѣ Мануавры, и къ портику Кандидатовъ и стражамъ, и идетъ чрезъ схолы, гдѣ труппы принимаютъ ее, такъ же какъ и патриціевъ, она беретъ отъ трибуновъ табелларій, и труппы возклицаютъ ей по обычаю. Послѣ того она уда-

Софіи, которые пѣли гимны въ честь Императорской фамиліи, и тутъ же разыгрывались разныя театральныя представленія. [157]

ляется чрезъ Хиту въ Халкисъ къ святому кладезю, вступаетъ въ храмъ въ святые врата, гдѣ положенъ антиминсіонъ; и патріархъ выходитъ изъ алтаря беретъ у неѣ табулы, кладетъ ихъ на антиминсіонѣ, и читаетъ надъ ней молитвы, какъ надъ патриціями. Ее сопровождаютъ въ церковь вельможи и другіе почетныя лица, и по совершеніи молитвъ патріархомъ кубикуларіи и силентіаріи отводятъ ее въ метаторій называемый Томаитисъ, и проходя портиками останавливаются внутри. Вельможи и прочіе также выходятъ изъ церкви, а патриціанки магистриссы принимая Зосту составляютъ консисторію въ триклиніи Мануавры. Когда Зоста приходитъ туда, то ее ставятъ впереди между патриціанками, которыя выходя одна за другою кланяются ей и получаютъ каждая отъ нее по коробочкѣ съ шестью монетами. Таковоеже почтеніе воздаютъ ей стратегиссы, и желаютъ счастія Государямъ и ей. Потомъ удаляются патриціанки, и ее принимаютъ кубикулярія и силентіаріи, несутъ чрезъ Эротъ и портикъ сорока святыхъ во дворецъ; оттуда она проходя чрезъ Иліаконъ (белведеръ) Хризотриклинія вступаетъ въ Фаръ, и пожелавъ счастія государямъ, кладетъ на антиминсіонъ коробочку съ 12 монетами, и съ зажженными восковыми свѣчами уходитъ въ свои покои.

[157] Обрядъ обѣда въ Юстиніановой залѣ Константинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ. «Когда назначенъ Декснмъ, ставится большой столъ, называемый Клеторіонъ, въ великолѣпной залѣ Юстиніана; и когда Государи возлягутъ къ этому столу, то совершается торжественный обрядъ стола: триклинаріи выходятъ и приводятъ тѣхъ, которые должны плясать въ Саксимѣ, т. е. доместика схолъ и нумеровъ (актеровъ и танцовщиковъ), демарха Венетовъ съ ихъ трупами трибунами и викаріями. Они вступивши за велу желаютъ Государямъ долголѣтія, Доместикъ актеровъ держитъ въ правой рукѣ ливелларіонъ (вѣроятно программу піесъ или афишу) къ нему подходитъ префектъ стола, беретъ ливелларіонъ и подаетъ Нипсистіарію. Между тѣмъ труппы поютъ на первый тонъ апелятиконъ: «нынѣ давши власть въ руки твои, Богъ поставилъ тебя Самодержцемъ и Владыкою, великій Архистратихъ сошедъ съ неба, отверзъ предъ лицомъ твоимъ врата царства. Міръ поверженный подъ скипетръ десницы твоей благодаритъ Господа благоизволившаго о тебѣ. Государь, онъ чтитъ тебя благочестиваго Императора, владыку и правителя.» Префектъ же стола возвратившись подаетъ знакъ то разпуская пальцы правой руки на подобіе лучей, то сжимая ихъ какъ виноградъ, и до-

Въ это же время въ золотой залѣ былъ другой столъ, гдѣ угощали всѣхъ повѣренныхъ отъ Рускихъ Князей и всѣхъ родственниковъ Княгини и Рускихъ негоціантовъ (гостей). Послѣ стола они получили подарки: тридцать милліарезій племянникъ Княгини, а восмеро близкихъ ея друзей каждый по 20 милліарезій, двадцать ея повѣренныхъ по 12 милліарезій; сорокъ три негоціанта (гостя) также по 12

местикъ схолъ и мумсровъ (актеровъ и танцовщиковъ) вмѣстѣ съ демархомъ, трибунами, викаріями и рядовыми въ труппахъ начинаютъ плясать, и трижды обходятъ вокругъ стола. Причемъ трибуны и викаріи одѣты въ золотыя ожерелья искусно вычеканенныя, въ одежды съ бѣлыми короткими Венетскими рукавами, въ красножолтыя сапоги и съ фенгіями (изображеніе луны) въ рукахъ.

Послѣ троекратной пляски, всѣ удаляются, и изъ уваженія къ Государямъ останавливаются у нижней части стола. Тогда пѣвцы поютъ: «Господи утверди царство сіе,» за ними прочіе трижды: Господи утверди царство сіе.» Далѣе пѣвцы: «жизнь Государей ради нашей жизни,» тоже прочіе трижды. Тогда префектъ стола отступаетъ съ апоконвіемъ (не подносъ ли?), который несетъ триклинарій, и передаетъ его доместику, въ это время пѣвцы поютъ: «многая, многая, многая,» и прочіе: «многая лѣта, многая лѣта.» За тѣмъ поется гимнъ приличный пляскѣ: «сіяютъ Государи, веселится міръ! сіяютъ Августы (государыни) веселится міръ! сіяютъ порфирородныя веселится міръ! торжествуетъ сигклитъ и вся палата: веселится міръ! торжествуетъ городъ и вся Романія, веселится міръ. Августы наше богатство и наша радость! Господи пошли имъ долгія лѣта.» Далѣе пѣвцы поютъ «Императорамъ,» прочіе: «многія лѣта.» Пѣвцы: «счастливыя годы Императорамъ,» прочіе: Господи пошли имъ многія и счастливые годы! Пѣвцы: «и августамъ.» Прочіе: «многая лѣта.» Пѣвцы: «счастливые годы,» прочіе: «Даждь имъ Господи многіе и счастливые годы.» Пѣвцы: «дѣтямъ ихъ порфиророднымъ.» Прочіе: «многая лѣта.» Пѣвцы: «счастливые имъ годы.» Прочіе: «подай имъ Господи многіе и счастливые годы!» Наконецъ всѣ молятъ о долговѣчной жизни. Далѣе слѣдуетъ вторый Саксимъ. Труппа зеленыхъ по прежнему порядку вступаетъ съ доместикомъ стражей, префектомъ стѣнъ, съ демархомъ такъ же съ трибунами, викаріями и людьми этой труппы. Далѣе этотъ саксимъ исполняется съ тѣми же обрядами, о которыхъ уже упомянуто выше; только трибуны и викаріи къ золотымъ чеканенымъ ожерельямъ надѣваютъ зеленое и красное платье съ короткими рукавами. Тотъ же обрядъ наблюдается въ клеторіи Августы.» (Lib. I, de Cerem. pag. 171—172.)

миліарезій, папасъ Григорій восемь, двое переводчиковъ двѣнадцать. люди Святослава по пяти, шесть служителей повѣреннымъ по три, переводчикъ княгини получилъ пятнадцать миліарезій.

Когда Императоръ всталъ изъ за стола, то начался десертъ на небольшомъ золотомъ столикѣ, въ осыпанныхъ драгоцѣнными камнями тарелкахъ, который обыкновенно поставляется въ *пентапиргіи.*[158] Тамъ сидѣли Императоръ Константинъ и Императоръ Романъ порфирородный, и дѣти обоихъ порфирородные, и невѣстка Императорская и Руская Княгиня. Ей поданы въ подарокъ на золотомъ осыпанномъ драгоцѣнными камнями блюдѣ 500 миліарезій, шести ея приближеннымъ по 20 миліарезій и осмнадцати прислужницамъ по осми.

Осмнадцатаго октября въ воскресенье былъ второй клеторій, которымъ Императоръ угощалъ Руссовъ, и опять другой клеторій въ *Пентакубиклеи* Св. Павла, въ которомъ участвовали Императрица съ своими порфирородными дѣтьми съ своею невѣсткою, и Руская Княгиня. Въ это время Княгиня получила въ даръ 200 миліарезій, ея племянникъ 20-ть, папасъ Григорій восемь, шестнадцать приближенныхъ по двѣнадцати, осмнадцать прислужницъ по шести, двадцать два повѣренныхъ по 12, сорокъ четыре негоціанта по шести, двое переводчиковъ, каждый по шести.»

Изъ Константинова разсказа о пріемѣ Ольги при Византійскомъ дворѣ мы узнаемъ во первыхъ, что Ольга была въ Константинополѣ именно въ то время когда царствовали Константинъ Порфирородный и сынъ его Романъ; и была тамъ не въ 995 году, какъ замѣчено въ преданіи сохраненномъ у Нестора, а въ 958 году сентябрскомъ; ибо у Константина сказано, что пріемы Ольги при Византійскомъ дворѣ были: первый 9-го сентября въ среду, а вторый 18-го Октября въ воскресенье, которыя приходились въ означенныя дни въ 958 или въ 947 годахъ, а въ 955 году 9-го сентября было въ субботу, а 18-го октября въ среду. И конечно относительно хронологіи мы бо-

---

[158] Пентапиргіей, т. е. пятью башнями, кажется назывался особаго рода шатеръ поставляемый въ залахъ. Какъ это можно заключить изъ той же XV главы II книги о церемоніяхъ, гдѣ на 335 страницѣ сказано: «Золотая зала (*Χρυσοτρίκλινος*) были украшена такимъ же образомъ, какъ обыкновенно украшается въ праздникъ пасхи; то есть въ ней поставлены были пентапиргіонъ, императорскія троны или сѣдалища, ложи, золотой столъ» и проч.

лѣе должны вѣрить Константину, современнику Ольги, нежели Нестору, писавшему по преданію черезъ 150 лѣтъ.

Во 2-хъ изъ разсказа мы видимъ, что Ольгу сопровождала многочисленная свита; ибо въ Императорскомъ дворцѣ были съ нею болѣе ста человѣкъ, а конечно кромѣ Руссовъ сопровождавшихъ Ольгу во дворецъ, было съ нею еще много спутниковъ небывшихъ во дворцѣ. Это свидѣтельство о многочисленной свитѣ сопровождавшей Ольгу, въ которой Константинъ нащитываетъ болѣе 20 человѣкъ апокрисіаріевъ, или повѣренныхъ, т. е. посланниковъ, для насъ имѣетъ большое значеніе, оно подтверждаетъ, что многолюдность посольскихъ свитъ тогда была въ обычаѣ у Рускихъ. Здѣсь мы видимъ новое доказательство подлинности Олеговыхъ и Игоревыхъ договоровъ, въ которыхъ также находимъ многочисленныхъ пословъ. Самый составъ посольства одинаковъ и въ Ольгиной свитѣ и въ договорахъ Олега и Игоря: объ Ольгиной свитѣ Константинъ говоритъ, что въ слѣдъ за Ольгою шли во дворцѣ повѣренные Рускихъ Князей; и въ Олеговомъ договорѣ послы пишутъ что они посланы по хотенью своихъ Князей, тоже и въ Игоревомъ: посланіи отъ Игоря В. К. Руси отъ всякоя княжья. Слѣдовательно и здѣсь заключается новое несомненное доказательство подлинности договоровъ; ибо и Олеговы и Игоревы и Ольгины послы посылались не отъ одного В. Князя но отъ всѣхъ Рускихъ Князей.

Въ 3-хъ сей же разсказъ Константина свидѣтельствуетъ, что Ольга была принимаема при Византійскомъ дворѣ, не какъ владѣтельница народа дружественнаго Грекамъ; но какъ одно изъ главныхъ лицъ правящихъ посольство отъ Рускаго Государя, высшее ея спутниковъ, апокрисіаріевъ отъ Рускихъ Князей. Ольга по этому пріѣзжала въ Константинополь на основаніи послѣдняго Игорева договора съ Греками, по которому Князь Рускій и его бояре могутъ посылать пословъ къ Греческимъ Императорамъ. Согласно съ договоромъ она должна была явиться съ грамотою отъ Князя, удостовѣряющею, что она и ея спутники пріѣхали съ мирною цѣлію: «да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ,» какъ сказано въ договорѣ. Но Ольга не представила подобной грамоты, не считая ее нужною для засвидѣтельствованія своей личности, какъ Княгини, какъ владѣтельница Руской земли; на это непредставленіе Ольгою грамоты указываютъ слова преданія записаннаго Несторомъ, гдѣ Ольга говоритъ Греческимъ посламъ пришедшимъ въ Кіевъ: «ежели Царь постоитъ у меня въ Почайнѣ также, какъ я стояла у него въ Су—

ду.» Очевидно что Греки, строго придерживаясь всѣхъ формъ послѣдняго договора, требовали чтобы Ольга представила грамоту отъ Рускаго Князя, и не получая этой грамоты долго непускали ее въ Константинополь. Самый пріемъ Ольги во дворцѣ во многомъ сходный съ описаннымъ у Константина пріемомъ пословъ Тарсійскаго Эмира, даже подарки деньгами по 500 милліарезій и двумъ главнымъ посламъ Тарсійскимъ и Ольгѣ показываютъ, что Ольгу принимали въ качествѣ главнаго посла отъ Рускаго Государя. Какъ женщина Ольга была принята и Императрицею, и даже бесѣдовала съ Императоромъ и со всѣмъ Императорскимъ семействомъ въ Императрицыныхъ комнатахъ; но и въ этомъ пріемѣ она должна была дожидаться пока ее позовутъ изъ одной комнаты въ другую и пока укажутъ мѣсто, гдѣ сѣсть. Изо всего этого видно, что хотя Ольга держала себя какъ Государыня: не падала ницъ предъ трономъ Императорскимъ, не кланялась въ ноги Императрицѣ, и въ послѣдній пріемъ даже кажется обѣдала за однимъ столомъ съ Императрицей; но тѣмъ неменѣе всѣ церемоніи, съ которыми ее принимали при дворѣ, были чисто посольскія.

Въ 4-хъ, изъ Константинова же разсказа мы можемъ догадываться, что Ольга жила въ Константинополѣ чють не цѣлое лѣто; ибо между двумя пріемами при дворѣ прошло болѣе мѣсяца отъ 9-го сентября до 18 октября; но конечно въ Костантиновомъ обрядникѣ записана только малая доля времени, которое Ольга прожила въ Константинополѣ. По всему вѣроятію Ольга должна была пріѣхать въ Константинополь въ обычное извѣстное время, въ которое каждогодно пріѣзжали туда Руссы, т. е. по свидѣтельству Константина, въ Іюнѣ или въ началѣ Іюля мѣсяца;[159] слѣдовательно Ольга прожила тамъ никакъ неменьше трехъ мѣсяцевъ. Эта продолжительность пребыванія показываетъ и на цѣль Ольгиной поѣздки въ Царьградъ. Ольга пріѣзжала туда и жила тамъ такъ долго для того, чтобы учиться Христіанской вѣрѣ и принять Св. крещеніе. Нашъ великій Карамзинъ очень вѣрно замѣтилъ: что Ольга, еще въ Кіевѣ плененная лучемъ новаго свѣта, (Христіанства) захотѣла быть Христіанкою, и сама отправилась въ столицу имперіи и вѣры Греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ.»[160] Дѣйствительно Ольга по желанію и по убѣжденію могла уже быть Христіанкою въ

---

[159] Bandur. T. I, pag. 59.

[160] Ист. Г. Рос. Т. I, стр. 166—167.

Кіевѣ, но самое крещеніе могла отложить до поѣздки въ Константинополь, дабы почерпнуть Христіанство въ самомъ источникѣ. Это желаніе поѣздки могли возбудить въ ней сами Кіевскіе проповѣдники Христіанства. Они въ бесѣдахъ съ Княгинею естественно должны были разсказывать ей о великихъ святыняхъ Константинопольскихъ; и разсказы сіи немогли неподѣйствовать на женщину съ сильнымъ характеромъ, и уже убѣжденную въ святости Христіанства; а посему она и рѣшилась сама отправиться въ Константинополь, чтобы лицезрѣть тамошнія святыни и въ средѣ ихъ сподобиться принять благодать Св. Крещенія. Ежели уже люди рожденные въ Христіанствѣ, и особенно женщины преклонныхъ лѣтъ, нерѣдко предпринимаютъ дальнія и трудныя путешествія къ святымъ мѣстамъ ознаменованнымъ особенными явленіями божественной благодати; то кольми паче естестественно таковое желаніе въ язычницѣ уже убѣжденной въ Христіанствѣ, но еще не принявшей крещенія, въ ней еще живѣе должно быть желаніе посѣтить мѣста ознаменованныя святынею прославленною и засвидѣтельствованною, язычница убѣжденная въ Христіанствѣ конечно болѣе нуждается въ видимыхъ знаменіяхъ благодати, чѣмъ Христіанка рожденная и выросшая въ недрахъ церкви. Конечно Константинъ не упоминаетъ о томъ, что Ольга крестилась въ Константинополѣ, и даже изъ его разсказа можно заключить, что она пріѣхала туда крещеная, ибо по разсказу ее сопровождалъ во дворецъ священникъ (παπᾶς) Григорій. Но Константинъ неупоминаетъ о крещеніи Ольги потому, что крещеніе ея неотносилось къ придворнымъ обрядамъ, а въ его сочиненіи описаны только сіи обряды, и конечно Ольга приходила во дворецъ Императорскій уже крещеная, ибо дѣлаемые ей придворные пріемы были въ послѣдній мѣсяцъ ея пребыванія въ Константинополѣ, креститься же она имѣла довольно времени въ продолженіи первыхъ двухъ мѣсяцовъ. Слѣдовательно несмотря на молчаніе Константина, мы должны признать, что Ольга ѣздила въ Константинополь именно для того, чтобы тамъ креститься и дѣйствительно крестилась въ Константинополѣ, какъ сказано въ нашей лѣтописи, и гдѣ даже есть намекъ и на самую цѣль поѣздки: «Се же бысть, якоже при Соломонѣ приде царица Еѳіопская къ Соломону, слышати хотящи мудрости Соломони, и многу мудрость видѣ и знаменья: тако же и си блаженная Ольга искаше добрѣ мудрости Божьи; но она человѣчески, а си Божья.»[161] Кромѣ сего

---

[161] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 26.

мы хотя бы даже вздумали отвергать показаніе лѣтописи, то неможемъ придумать иныхъ причинъ поѣздки, сколько нибудь сообразныхъ съ лѣтами Ольги и съ обстоятельствами тогдашней Руси. Ольгѣ въ годъ путешествія въ Константинополь было никакъ неменьше шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду, слѣдовательно нельзя предполагать, чтобы въ такіе лѣта она вздумала посѣтить Константинополь только для того чтобы посмотрѣть большой и богатый городъ; ибо какъ бы невелика была тогдашняя слава столицы Греческой имперіи; но для женщины въ 65 лѣтъ предпринимать трудное путешествіе только изъ одного любопытства, какъ-то неестественно и несогласно съ лѣтами. Въ нашей жизни всему свое время, и въ 65 лѣтъ женщинѣ съ неиспорченнымъ умомъ и сердцемъ свойственнѣе думать о смерти и загробной жизни, нежели предпринимать поѣздки съ цѣлію только посмотрѣть на заморскія диковинки, чтобы послѣ разсказывать объ нихъ домосѣдамъ. Разсматривая обстоятельства тогдашней Руси мы также неможемъ отыскать причинъ, которыя бы заставили Ольгу путешествовать въ Византію; ибо послѣ послѣдняго Игорева договора во все правленіе Ольги ни Русь ни Греки неизмѣняли своихъ взаимныхъ мирныхъ отношеній; даже въ самомъ вступленіи Ольги въ Константинополь, какъ мы уже видѣли, Греки строго держались условій послѣдняго Игорева договора. И такъ по всѣмъ соображеніямъ показаніе лѣтописи, что Ольга ѣздила въ Константинополь съ единственною цѣлію, научиться Христіанству и принять крещеніе, остается не сомнѣннымъ и достовѣрнымъ, всѣ же другія причины поѣздки придумываемыя новѣйшими изслѣдователями, оказываются выдумками.

По прибытіи въ Кіевъ, какъ свидѣтельствуетъ наша лѣтопись, Ольга старалась обратить къ христіанству и сына своего Святослава; но этотъ молодой Князь, рожденный для битвъ и подвиговъ воинскихъ, не былъ расположенъ къ принятію вѣры проповѣдующей смиреніе и миролюбіе. И всѣ старанія Ольги просвѣтить сына остались безъуспѣшными; Святославъ любившій только дружину, по словамъ лѣтописи: «небрежаше того ни во уши пріймати; но аще кто хотяше креститися, небраняху но ругахуся тому.» Онъ на всѣ увѣщанія матери постоянно давалъ одинъ отвѣтъ: «какъ я приму другой законъ? дружина будетъ смѣяться.» Это упорство Святослава, которому тогда по всему вѣроятію было лѣтъ 18 отъ роду, показываетъ, что около молодаго князя уже собиралась воинственная дружина буйной молодежи, которая скучала миролюбивымъ правленіемъ старѣющейся Ольги, и въ самомъ Князѣ возбужда неудоволь-

ствіе къ матери, и всѣми силами старалась отвлечь его отъ послушанія материнскимъ убѣжденіямъ; такъ что лѣтописъ прямо говоритъ о Святославѣ: «сеже къ тому гнѣвашеся на матерь.» [162] Но опытная и умная Ольга не смотря на преклонность лѣтъ недумала еще выпускать власти изъ своихъ рукъ, и столько имѣла силы и привязанности къ себѣ старшихъ въ дружинѣ и въ народѣ; что не смотря на неудовольствія Святослава и его молодыхъ дружинниковъ еще около пяти лѣтъ продолжала управлять народомъ и не отдавала власти Святославу. И такимъ образомъ послѣдніе годы перваго столѣтія Руской земли прошли мирно и покойно подъ мудрымъ правленіемъ престарѣлой Ольги, которая, по словамъ лѣтописца, не смотря на непослушаніе Святослава, продолжала любить его, и молясь денно и нощно за сына и за Рускую землю, говорила: «воля Божія да будетъ; аще Богъ хощетъ помиловати рода моего и земли Рускіѣ, да възложитъ имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова.» [163].

Въ дополненіе къ обзору жизни приднѣпровскихъ Руссовъ за первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ не лишнимъ будетъ привести извѣстія о службѣ Руссовъ въ Византіи. Здѣсь Константинъ Порфирородный для насъ опять служитъ лучшимъ современнымъ свидѣтелемъ, могущимъ представить всѣ нужныя подробности. Онъ во второй книгѣ своего обрядника въ 44 главѣ говоритъ, что при Императорѣ Львѣ мудромъ въ 902 году во время похода на Критъ подъ предводительствомъ Патриція и Логофета Гимерія императорскій флотъ состоялъ изъ 60 дромонъ, въ каждой по 230 человѣкъ гребцовъ, и по 70 воиновъ, всего 18 тысячъ человѣкъ; кромѣ того во флотѣ находилось 40 судовъ изъ Памфиліи, изъ коихъ въ 20 по 160 человѣкъ и въ 20 по 130 человѣкъ въ каждомъ, и тутъ же было 700 человѣкъ Руссовъ, а всего двадцать три тысячи и два человѣка. Далѣе онъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ походѣ Руссы получали жалованья больше нежели всѣ другія войска, не только провинціальныя но даже и Императорскія; ибо по его свидѣтельству собственно Императорское войско состоявшее изъ 12,502 человѣкъ получало жалованья 15 центенаріевъ 90 литръ и 10 нумизматовъ или солидовъ золотомъ, а 700 человѣкъ Руссовъ получали одинъ центенарій; т. е. въ собственно императорскомъ войскѣ приходилось на человѣка

---

[162] Полн. Соб. Лѣт. Т. I. стр. 27.

[163] Пол. Соб. Лѣт. Т. I. стр. 27.

по 9 золотыхъ нумизматовъ съ долями, Руссамъ же по 10 нумизматовъ съ долями на человѣка, тогда какъ провинціальныя войска въ этомъ же походѣ получали по 8 по 3 и по 2 нумизмата на человѣка. [164] Подъ 936 годомъ Константинъ опять упоминаетъ объ участія Руссовъ въ походѣ на Ломбардію, по его словамъ: «Флотъ бывшій подъ предводительствомъ Патриція Козмы состоялъ изъ 11 хеландій и изъ осми каравій, на которыхъ было 415 человѣкъ Руссовъ. [165] А въ Критскомъ походѣ бывшемъ въ 949 году въ Императорскомъ флотѣ находилось девять узій или карабій Руссовъ, на которыхъ щиталось 584 человѣка воиновъ; при чемъ на постройку только парусовъ для Рускихъ карабій было отпущено изъ казны 1154 золотыхъ нумизмата, ибо, какъ сказано, Руссамъ паруса были выданы съ изобиліемъ сверхъ опредѣленнаго числа. [166] Кромѣ походовъ Руссы по свидѣтельству Константина участвовали иногда и въ придворныхъ церемоніяхъ; такъ при описаніи встрѣчи Тарсійскихъ пословъ Константинъ упоминаетъ: что около рѣшетки Халкисъ или мѣдныхъ вратъ стояло собраніе войскъ разнаго оружія, погречески Πάχωμα, частію по дорогѣ къ нумѐрамъ, и частію къ сводамъ Миліа; тутъ были и Пловмы и Талмацы, которые немогли умѣститься по своимъ постамъ, а также крещеные Руссы держащіе въ рукахъ длинные щиты и сѣкиры съ фламуллами. [167] Сношенія Византійскихъ Императоровъ съ Рускими Князьями такъ были обычны, что въ Костантиновомъ обрядникѣ даже отмѣчена форма, какъ писать грамоты отъ Императоровъ къ Рускому Князю; по словамъ Константина: къ Рускому Князю посылалась булла съ золотою печатью въ два солида съ слѣдующимъ титуломъ: «Грамота Константина и Романа христолюбивыхъ Императоровъ Римскихъ къ владѣтелю Руси.» [168] Эта форма грамоты и печать, кажется были одни изъ низшихъ по этикету Византійскаго двора, съ такими же печатьми и титулами Императоры посылали свои грамоты къ князьямъ Турецкимъ, Печенѣжскимъ, Хорватскимъ, Сербскимъ, Моравскимъ и другимъ; тогда какъ къ высшимъ владѣтелямъ (по Византійскому

---

[164] De ceremonjis liber. II. стр. 44 pag. 377—378.
[165] Ibid. pag. 381.
[166] Ibid. 384, и 386.
[167] Ibid cap. XVI., pag. 335.
[168] Ibid. cap. XLVIII. pag. 399.

разчету) Императоры посылали грамоты съ другими печатьми и титулами. Такъ напримѣръ къ Эмиру Египетскому грамота посылалась съ печатью въ 4 солида; и титулъ писался; «нашему возлюбленному другу и благороднѣйшему Эмиру Египта,» или къ Африканскому Эмиру: «къ славнѣйшему и благороднѣйшему изъ Мусульманскихъ владѣтелей,» или къ Булгарскому царю: «возлюбленнѣйшему въ духѣ нашему сыну, царю Булгаріи,» или къ Хазарскому Хану: съ печатью въ три солида.» Благороднѣйшему и знамѣнитѣйшему Хагану Хазарскому.»[169] Или къ Французскому королю: «Возлюбленному и дражайшему въ духѣ нашему брату, благороднѣйшему и знамѣнитѣйшему Государю Франціи.»[170]

Приведенныя здѣсь свидѣтельства Императора Константина Порфиророднаго для насъ весьма важны и особенно послѣднее, они не только ясно и прямо говорятъ о постоянныхъ сношеніяхъ Приднѣпровскихъ Руссовъ съ Византійцами, но и указываютъ какое значеніе имѣли Руссы и ихъ Князья при тогдашнемъ Византійскомъ дворѣ въ сравненіи съ другими народами и Государями того времени. Мы здѣсь съ одной стороны ясно видимъ, что въ X столѣтіи Руссы были лучшими моряками, ибо по всѣмъ дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ мы ихъ не встрѣчаемъ ни въ пѣшей ни въ конной службѣ у Византійцевъ а только въ морской, за которую они получали жалованье дороже всѣхъ другихъ служившихъ въ Византійскомъ флотѣ; съ другой же стороны послѣднее Константиново свидѣтельство показываетъ, что Приднѣпровскіе Руссы и ихъ Князья въ первые сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ еще непочитались могущественными между современными владѣльцами и народами, и при Византійскомъ дворѣ имѣли одно значеніе съ Печенѣгами, Сербами, Хорватами и Турками, и щитались ниже Булгаръ, Хазаръ, Арабовъ и Франковъ.

Д. Членъ Общ. И. Д. Бѣляевъ.

---

169 De ceremon. Lib. II, pag. 398.
170 Ibid. pag. 399.

МАТЕРІАЛЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нынѣшней книгѣ Временника въ отдѣлѣ матеріаловъ помѣщены: 1-е Переписная книга домовой казны Патріарха Никона, составленная по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича въ 7166 году окольничимъ Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ и дьякомъ Александромъ Дуровымъ; и 2-е Записка о ходу въ Персицкое царство и изъ Персиды въ Турецкую землю и въ Индію и въ Урмузъ, гдѣ корабли приходятъ, писанная въ 7132 году.

Первый изъ сихъ памятниковъ имѣетъ неотъемлемое достоинство, и какъ превосходный матеріалъ для жизнеописанія Патріарха Никона, и какъ вѣрное указаніе на многія замѣчательныя данныя относительно церковной администраціи на Руси въ XVII столѣтіи. Описаніе церковной и домашней утвари принадлежавшей Патріарху Никону съ одной стороны даётъ вѣрныя свѣдѣнія о томъ; богатъ или бѣденъ былъ Патріархъ Никонъ, чего имѣлъ больше и чего меньше, или иначе о пріобрѣтеніи чего онъ больше заботился по своему характеру; тутъ 1-е читатель увидитъ, что при описи имущества Патріарха Никона денежная казна его состояла на лицо изъ 844 золотыхъ,

3402 ефимковъ и 17615 тогдашнихъ рублей; а книгъ описано болѣе тысячи томовъ, въ томъ числѣ много Греческихъ и Латинскихъ и печатныхъ и письменныхъ, и на бумагѣ и на пергаминѣ; тутъ особенно отмѣчены книги выписанные Никономъ въ бытность его Митрополитомъ Новгородскимъ, преимущественно Греко-Латинскіе, и особенно книги пріобрѣтенныя чрезъ Арсенія Грека, почти одни Греческія, и печатныя и письменныя. Въ числѣ Греческихъ книгъ, кромѣ Твореній Отцовъ церкви, здѣсь упоминаются и Гомеръ, и Софоклъ, и Гезіодъ и Демосфенъ, и Геродотъ и Фукидидъ и другіе древніе писатели Греціи; изъ Славянскихъ книгъ встрѣчается письменная Библія 7066 года. Впрочемъ въ предисловіи нѣтъ надобности перечислять всѣ книги, довольно указать на составъ библіотеки, реэстръ которой конечно не будетъ не занимателенъ для библіографовъ, они изъ него увидятъ какія книги были у Патріарха Никона, и справятся какія уцѣлѣли теперь въ библіотекахъ Патріаршей, Синодальной Типографской и Воскресенскаго монастыря; ибо книги Никона по ходу дѣлъ и даже по указанію издаваемой здѣсь описи должны были перейти въ упомянутыя книго-хранилища. 2-е Описаніе различныхъ оффиціальныхъ грамотъ и книгъ представитъ для изслѣдователя множество данныхъ о тогдашней церковной администраціи, и особенно объ управленіи церковными имѣніями; здѣсь между прочимъ изслѣдователь встрѣтитъ нѣсколько ясныхъ указаній, что частные люди и даже нѣкоторыя общественныя учрежденія отдавали свои капиталы на храненіе въ Патріаршую казну. 3-е Опись различнаго движимаго имущества, одеждъ, посуды и другихъ вещей не обходимыхъ для домашняго и церковнаго обихода послужитъ для археологовъ богатымъ запасомъ матеріаловъ для Руской археологіи XVII вѣка;

тутъ также попадается нѣсколько указаній о домашнемъ хозяйствѣ того времени, и между прочимъ есть свидѣтельство о ловлѣ жемчугу въ рѣкѣ Варзугѣ, гдѣ онъ попадается еще и теперь; въ описи сказано: «жемчугу всякого двадцать восмь зеренъ крупнаго и мѣлкаго не алмазного, Варзуского; збору 163 и 164 и 165 годовъ, вѣсу въ томъ жемчугу золотникъ.» Собиратели автографовъ здѣсь найдутъ ясное и прямое указаніе, что Патріаршіе подписи на ставленныхъ грамотахъ печатались, а не писались самими Патріархами; въ описи сказано: «станокъ, что печатывалъ ставленые грамоты, вмѣсто подписи Патріарховы руки.»

—

Вторый памятникъ, издаваемый въ нынѣшней книгѣ Временника, содержащій описаніе путешествія Московскаго купчины, гостя Ѳедота Аѳанасьева Котова, въ Персію въ 1623 и 1624 годахъ, никогда еще не былъ изданъ, и даже едва ли извѣстенъ знатокамъ нашей старинной литтературы, онъ найденъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ знаменитаго книгохранилища М. П. Погодина; сборникъ по черку и по статьямъ принадлежитъ къ первой половинѣ XVII вѣка. Путешествіе Котова въ Персію подобно путешествію Аѳанасья Никитина въ Индію представляетъ много любопытныхъ и замѣчательныхъ извѣстій о посѣщенныхъ Котовымъ земляхъ. Путешественникъ съ товарищами и товарами сѣлъ на суда въ Москвѣ, и Москвою рѣкою, Окою и Волгою прибылъ въ Астрахань, тамъ перегрузилъ товары на морскія суда или Бусы и пустился Каспійскимъ моремъ въ Персидскую землю. Собственно

подробности путешествія начинаются съ перегрузки товаровъ на Бусы. Здѣсь Котовъ прежде всего указываетъ на разные пути въ Персію и моремъ и степью, отмѣчаетъ разныя пристанища по морскому берегу, указываетъ которое изъ нихъ чѣмъ опасно и которое безопасно, и по какимъ примѣтамъ узнать какое пристанище издали; такъ описывая Низовое въ Ширванской области онъ говоритъ: «а пристанище мѣсто пусто и ниско, двѣ рѣчки невелики, а устья пескомъ занесло, а съ моря узнать, три дерева стоятъ, издали видятся высоки, а иные лѣсы есть да мелки и низки, а берегъ мягкой, каменья нѣтъ, пристань добра.» Закавказскій и частію прикавказскій край описанъ Котовымъ съ подробностями относящимися прямо къ практическимъ цѣлямъ тогдашней Руской торговли. Путешественникъ описываетъ подробно всѣ переѣзды отъ одного города до другаго, замѣчаетъ тамошніе торги и дороги, указываетъ которая изъ нихъ какія представляетъ затрудненія и опасности; изъ описанія Закавказскаго края мы видимъ, что въ XVII вѣкѣ тамъ уже торговали Рускіе купцы; такъ при описаніи Шамахи путешественникъ говоритъ: «а въ Шамахѣ семь гостиныхъ дворовъ, всѣ каменные, и воды на всѣхъ, а текутъ съ столбовъ каменныхъ, привожены изъ горъ по подземелью; а стоятъ гостиные дворы промежъ рядами: Тезичей, Арменьской, на томъ Рускіе люди торгуютъ, Лязгинской, Гилянской и иные дворы.

Имѣя въ виду преимущественно выгоды Руской торговли Котовъ указываетъ и на товары, которые можно получать изъ того или другаго мѣста. Такъ при описаніи

Шамахи говоритъ: „а товары въ Шамахѣ всякіе и шелковъ много крашеного и сырцу, а шолкъ красятъ въ Шамахѣ, а сырой шолкъ родится по деревнямъ около Шамахи; а въ Шамаху товары приходятъ изъ Турскіе земли, и путь изъ Шамахи есть въ Турскую землю, и про тотъ путь писано ниже.“

Интересуясь торговлею Котовъ въ то же время не оставлялъ безъ вниманія обычаевъ и другихъ замѣчательностей въ пройденныхъ имъ странахъ; такъ онъ подробно описалъ четыре главные Мусульманскіе праздники въ тогдашней Персіи, разсказалъ о торжественной встрѣчѣ Шаха Аббаса, когда онъ возвращался въ Испагань по взятіи Багдада. Даже не оставилъ безъ описанія Персидскихъ нарядовъ мужскихъ и женскихъ: „А платье Персы носятъ кафтаны озямные киндячные и дорогильные и купьняные, и поясы вокругъ себя носятъ великія кушаки, а поверхъ кушаковъ шали вишневые, а на головахъ челмы, на ногахъ чулки и башмаки. А жонки ходятъ закрывшеся въ тонкіе миткали, лицъ и глазъ не видать, а на ногахъ тѣ же чулки суконные и башмаки, а у иныхъ бархатные чулки; а у тѣхъ жонокъ и дѣвокъ штаны; а косы плетутъ долги до пояса и до пятъ, а плетутъ косы у иной двѣ и три и четыре, и вплетаютъ въ косы чужое волосье, тѣмъ ся красятъ; а въ ноздряхъ кольца золотые съ каменіемъ и съ жемчуги; а исподнее платье, — кафтаны узки и пелки наги; а по грудямъ и около шеи и по тѣлу низанъ жемчугъ на нитяхъ.“

Такимъ же образомъ описаны наряды другихъ народовъ жившихъ тогда въ Персіи.

Замѣчательно, что Котовъ встрѣтилъ въ Испагани Рускаго часоваго мастера. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ. „А съ конца майдану ворота высоки въ тынчакъ; а надъ тѣми вороты высоко стоятъ часы, а гдѣ часы стоятъ, то мѣсто выписано золотомъ и сдѣлано стройно, а у часовъ мастеръ Руской; а тѣми вороты ходятъ въ тынчакъ, тутъ у нихъ большой рядъ, великъ, кабы у насъ Суровской."

Вообще разсказъ Котова очень занимателенъ и удачно характеризуетъ взглядъ тогдашнихъ Москвичей на чужіе страны, читатель изъ путешествія Котова узнаетъ не одну Персію съ Закавказьемъ, но частію и самаго Котова и его Московскихъ современниковъ.

Секрет. Общ. И. Бѣляевъ.

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ДОМОВОЙ КАЗНЫ

ПАТРІАРХА НИКОНА

Лѣта ҂зрѯѕ Іюля въ 31 день Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, указалъ боярину Князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, да окольничему Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу, да дьяку Александру Дурову переписать домовую Пречистые Богородицы казну и книги въ казенномъ приказѣ, и въ Патріаршихъ кельяхъ домовую жъ и Патріаршу казну послѣ великаго господина бывшаго Патріарха Никона; и по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, бояринъ Князь Алексѣй Никитичь Трубецкой да окольничей Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ да дьякъ Александръ Дуровъ в Патріаршѣ казенномъ приказѣ и кельяхъ Патріаршу домовую и келейную казну и книги досматривали и переписали на лицо; а что какіе казны и книгъ на лицо и то писано в сихъ книгахъ именно по статьямъ.

Въ казенномъ приказѣ образовъ.

Образъ Спасовъ Нерукотворенного, образа цата чеканная, вѣнецъ и поля басемные, в цатѣ три камени, в верху Архангелы, по полямъ святые.

Образъ Пречистые Богородицы, стоящіе в моленіи Ростовскіе Чюдотворцы, вѣнцы сканные с ѳиниѳтомъ, на поляхъ окладъ басемной.

Образъ Софеи премудрости Божіи в кіотѣ, окладъ басемной, на кіотныхъ притворѣхъ окладъ басемной.

Образъ преподобнаго Варлама Ѳутынского чюдотворца, у Спасова образа и у преподобнаго Варлама вѣнцы рѣзные, окладъ на поляхъ басемной.

Образъ преподобнаго Варлама жъ Ѳутынскаго чюдотворца, у Спасова образа и у чудотворца вѣнцы сканные, окладъ по полямъ басемной, ветхъ.

Образъ Покрова Пресвятыя Богородицы въ окладѣ, басенной, ветхъ.

Образъ Пречистые Богородицы Казанскіе, обложенъ серебромъ, вѣнецъ с коруною и цата рѣзные, окладъ басемной, а сказалъ казначей старецъ Тихонъ Обанинъ взята та икона из собору для спору.

Да въ казенной палатѣ.

Образы:

Образъ Пречистые Богородицы Умиленіе, с приписьми, старая икона, окладъ басемной, три креста раковинныхъ, около вѣнцовъ обнизано жемчюгомъ въ одну нить.

Семь иконъ, окладъ чеканной, вѣнцы рѣзные.

Сорокъ иконъ, окладъ басемной, вѣнцы рѣзные.

Одинадцать иконъ, окладъ и вѣнцы басемные, пятилистовые, и в томъ числѣ три иконы штилистовые.

Шестнадцать иконъ окладныхъ гладкихъ.

Складни неокладные в серебрѣ, подложены бархатомъ червчатымъ, сорочка отласъ золотной земля лазоревая.

Складни тройня в мѣди, вѣнцы и окладъ рѣзные.

Складни четверня, верхи кіотные в мѣди жъ, окладъ рѣзной, безвѣнцовъ.

Тридцать четыре иконы гладкихъ, окладъ басемной, вѣнцы рѣзные.

Дѣисусъ в кіотѣ, писанъ на краскахъ, три иконы.

Образъ Пречистыя Богородицы Успенія, в кіотѣ писмо, Греческое.

Складни деревянные в мѣди.

Кресты золотые и серебряные.

Крестъ большой золотъ с чернью с мощми, два камени лазоревые яхонты, да два лалы, около креста и около главы обнизано жемчюгомъ Гурмышскимъ, у главы на закрѣпкахъ два зерна Гурмышскіе.

Крестъ золотъ с мощми обнизанъ жемчюгомъ Кафимскимъ, на немъ три камени лазоревые яхонты, вверху камень лалъ, подъ главою на закрѣпкахъ два зерна Гурмыцкихъ.

Крестъ золотъ съ мощми, дѣланъ сканью, обнизанъ жемчюгомъ кафимскимъ, на немъ пять хонтовъ лазоревыхъ, у креста на закрѣпкахъ десять зеренъ болшихъ Кафимскихъ.

Крестъ золотъ с мощми, обнизанъ жемчюгомъ Кафимскимъ, на немъ двѣ коры яхонтовыя червчатыя да изумрудъ, два камени серовика, около главы на закрѣпкахъ четыре зерна Гурмышкихъ.

Крестъ золотъ с финиетомъ, на обѣ стороны по сторонамъ два камени яхонты лазоревые, вверху камень лалъ, на закрѣпахъ четыре зерна Гурмышкихъ.

Кресть золоть с оннетомъ, в немъ семь лаловъ, взять той кресть золотые палаты у мастеровъ.

Кресть серебрянъ позолоченъ, обнизанъ жемчюгомъ Кафимскимъ, на немъ два камени лазоревые да два камени коры лаловые, около главы четыре зерна Гурмышкіе.

Кресть серебрянъ золоченъ с мощми, обнизанъ жемчюгомъ Кафимскимъ, на немъ два камени коры лаловые, около главы на закрѣпкахъ четыре зерна Гурмышкіе, на немъ же два камени зеленые взмазни.

Кресть благословящій серебрянъ золоченъ литой, с трубкою серебряною золоченою.

Четыре креста серебряные позолочены, обнизаны жемчюгомъ Кафимскимъ, у всѣхъ по четыре камени червчатыхъ и зеленыхъ взмазни, на закрѣпкахъ около главы у одново креста четыре зерна Гурмышскихъ, и у трехъ по четыре зерна Кафимскихъ.

И на всѣхъ крестахъ золотыхъ и посеребряныхъ распятія литые.

Два креста серебряные золочены, распятія рѣзныя, что бываютъ в коретѣ.

Кресть Греческой рѣзной.

Девять крестовъ в серебрѣ.

Три креста аспидные в серебрѣ.

Кресть в ковчегѣ оловянномъ, рѣзанъ на оловехъ.

Два креста церковныхъ желѣзныхъ, и в томъ числѣ одинъ луженъ.

Ковчеги:

Два ковчега х крестамъ, дѣланы в соборную церковь, обиты бархатомъ червчатымъ, внутри бархаты той петли и крюки серебряны золочены.

Ковчегъ желѣзо бѣлое, а в немъ кіотъ деревяной, а в кіотѣ икона Срѣтеніе Господне, окладъ серебряной чеканной, обнизанъ кругомъ жемчюгомъ Кафимскимъ, шесть яхонтовъ лазоревыхъ, седмой каменъ лазоревой простой, да бечета, да в цатѣ берюза, да два изумруда в репьяхъ, восмь зеренъ Гурмышскихъ на спняхъ, на томъ же образѣ на золотой цепочкѣ четыре креста золоченыхъ рѣзныхъ тощихъ, около крестовъ обнизано жемчюгомъ Кафимскимъ, на той же цепочкѣ пять золотыхъ одинакихъ, да золотой полуторной, пелена низана жемчюгомъ по червчатому отласу, у ней пять кистей шолковыхъ з золотомъ, на нихъ пять варворокъ низаныхъ; притворы, а на нихъ писаны Архангелы, обложены сереброиъ сканью, около Архангеловъ и около вѣнцовъ обнизано жемчюгомъ мѣлкимъ, а кіотъ обологенъ бархатомъ вишневымъ, наугольники и петли серебряные.

В томъ же ковчегѣ крестъ серебрянъ золоченъ тощой рѣзной с мощии.

В томъ же ковчегѣ ковчежецъ серебряной золоченъ с мощии Григорія Богослова, на немъ Григорій Богословъ чеканной, на томъ ковчежцѣ три жемчюга по угламъ; а принесъ тотъ ковчегъ с образомъ из собору ключарь Кондратъ.

А по сказкѣ дьяка Парфенья Иванова, моленіе та икона Михаила Милославского.

Панагѣи.

Панагѣя серебреная походная, на чемъ вынимаютъ хлѣбъ Богородиченъ.

Панагѣя путная серебряная позолочена, на ней литое Христово Вознесеніе,

Панагѣя перелевтная в золотѣ, во главѣ лаликъ четвероугольной, и на перелевти вырѣзанъ Архангелъ Гавріилъ, кругомъ восмь камышковъ обнизаны жемчюгомъ, цѣпь серебряная.

Кора изумрудная, на ней врѣзанъ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы.

Двѣ панагѣи маленкіе.

Сосуды церковные и каменье, что взяты золотыя полаты у мастеровъ.

Потиръ золотъ с поддономъ и съ яблокомъ, блюдо споддономъ же и звѣздою золотые, и з досталнымъ золотомъ вѣсу в нихъ двадцать шесть фунтовъ семнадцать золотниковъ.

Потиръ серебряной, яблоко золоченое.

Цѣпь золотая.

Щурупъ малой золотой со вставкою изумрудною.

Четыре камени изумрудныхъ болшихъ, да четыре малыхъ изумрудныхъ вставокъ не в гнѣздахъ, четыре яхонта лазоревыхъ, да четыре изумруда в гнѣздахъ золотыхъ.

Тринадцать искоръ изумрудныхъ да семь яхонтовыхъ и лаловыхъ.

Сосуды жъ церковные оловяные.

Шестнадцать потировъ оловяныхъ.

Семнадцать лжицъ оловяныхъ.

Четыре потиры ветхихъ.

Пятьдесятъ одно блюдечко оловяные, дискосные.

Четыре копѣйца.

Да звѣзда мѣдная.

Пелены.

Пелена шитъ на ней образъ Пречистыя Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, шито золотомъ пряденымъ, по полямъ кругъ всее пелены слова обнизаны жемчугомъ, а вѣнецъ и ниже вѣнца слова и по рясѣ что былъ жемчюгъ споротъ.

Пелена участокъ золотной, около ее опушка, а на ней крестъ тафтяной алой, подложена крашениною красною.

Пелена отласъ золотой по зеленой землѣ, опушка около камка червчатая, подложена киндякомъ лозоревымъ.

Пелена бархатъ золотной по червчатой землѣ ветха, опушена тафтою осиновой цвѣтъ, подложена крашениной лазоревою.

Пелена небольшая, атласъ травчатый осиновый цвѣтъ, опушка тафтяная алой цвѣтъ, подложена киндякомъ.

Пелена большая, обьерь цвѣтная по лозоревой землѣ, опушка камка зеленая, подложена киндякомъ лазоревымъ с кистми.

Двѣ пелены маленькіе: одна в срединѣ участокъ серебряной съ золотомъ, опушка дорогилиная зеленая, другая пелена выбойчатая, обѣ ветхи.

Пелена средина камка дымчатая, опушка камка лазоревая, по ней низано мелкимъ жемчужкомъ.

Пелена средина камка бывала лазоревая, опушка киндякъ темнозеленъ, подложенъ киндякомъ лимоннымъ, ветха.

Пелена бархатъ золотистой, опушена камкою червчатою, ветха.

Покровъ новой, атласъ травчатой алой, по концамъ шито золотомъ и серебромъ, бываетъ на образѣ.

Опушка покрова, шитъ тропарь да кондакъ по таусинной камкѣ, слова серебро, Іонѣ митрополиту,

Возглавіе от иконы, да двѣ ворворки, да три мѣста малыхъ обнизаны жемчюгомъ.

Ризы и стихари и патрахели и поручи:

Ризы камка бѣлая, оплечье бархатъ золотной с розными шолки, подкладка дорогилная двоелишная.

Ризы отласъ травчатой осиновой цвѣтъ, оплечье атласъ золотной по червчатой землѣ.

Ризы полотняные, оплечье камка сѣиное.

Стихарь дорогилной двоелишной, оплечье камка зеленая, травы червчатые, подкладка бѣлая полотняная.

Два стихаря бѣлые полотняные набиваны на нихъ травы, у одново оплечье камчатое травы по лазоревой землѣ, у другово оплечье киндякъ красный набиваны на немъ травы.

Стихарь бѣлой камчатой, гораздо ветхъ.

Стихарь подризникъ, киндяшной, лазоревой крестъ и опушка красново киндяка.

Стихарь подьяческой, камка мелкотравная бѣлая, оплечье отласъ золотной подложенъ крашениною лазоревою.

Стихарь дьяконской камчатой, камка двоелишная, оплечье бархатъ Турецкой по червчатой землѣ золото.

Стихарь, камка Индѣйская бѣлая, оплечье и зарукавье отласъ золотной по червчатой землѣ, опушка камка алая Индѣйская жъ, подпушка киндякъ зеленой подложенъ крашениной лазоревой.

Стихарь бѣлой, камка травчатая, оплечье и зарукавье отласъ золотной по чешуйчатой землѣ, шелкъ червчатъ да лазоревъ, опушка дороги полосатые, подпушка киндякъ зеленой подложенъ крашениною лазоревою.

Стихарь дороги бѣлые, оплечье и зарукавье бархатъ рытой по бѣлой землѣ травы красные, опушка дороги жъ полосатые, подложенъ холстиною.

Стихарь черной, оплечье кутня зеленая, ветхъ.

Стихарь полотняной ветхъ, оплечье бархатное, три оплечья сризь-участковые ветхи.

Патрахель ветчаная, бархатъ бывалъ золотной, подкладка камчатая червчатая.

Патрахель камчатая, по лазоревой землѣ травы бѣлые, на ней тринадцать пуговицъ серебряныхъ.

Патрахель, бархатъ по красной землѣ травы зеленые.

Патрахель бархатътѣлная цвѣтная, пуговицы оловянные.

Патрахель малая, бывала обьерь по бѣлой землѣ золото, опушка тесма золотая по зеленой землѣ, Iорданъ камка красная, семнадцать пуговицъ серебряныхъ розныхъ дѣломъ.

Двое поручи бархатные.

Поручи, бывали отласъ золотной по лазоревой землѣ.

Поручи, бархатъ рытой зеленой, по краямъ опушка камкою цвѣтною, подложены крашениною, у нихъ двѣнадцать пуговицъ серебряныхъ гладкихъ.

Поручи бархатъ алой, опушонъ отласомъ вишневымъ, подложены крашениною, у нихъ двѣнадцать пуговицъ серебряныхъ.

Зарукавье, отлесъ золотной по лазоревой землѣ, опушка камка зелена, а подпушка таетою жолтою, а подложена лазоревою.

Поясъ Церковной, шолкъ красной золотной,

Два пояса церковные нитяные.

Вѣнцы и цаты и оклады серебреные и дробницы:

Вѣнцовъ и цатъ серебряныхъ рѣзныхъ и чеканныхъ и сканныхъ в двадцати в дву мѣстѣхъ, вѣсу полтора фунта девять золотниковъ.

Окладъ серебряной образной басемной, на немъ восмь праздниковъ чеканныхъ, в четырехъ мѣстѣхъ вѣсу шестдесятъ два золотника.

Окладовъ и вѣнцовъ пятнадцать образныхъ серебряныхъ басемныхъ золоченыхъ ветчаныхъ, вѣсу в нихъ фунтъ восмь золотниковъ.

Окладовъ серебряныхъ образныхъ басемныхъ и вѣнцовъ и Евангелистовъ и обресковъ окладныхъ полшеста фунта сорокъ одинъ золотникъ.

Семь дробницъ серебряныхъ золоченыхъ, на нихъ вырѣзаны святые, да вокругъ на нихъ вырѣзаны слова.

Восмь дробницъ золотыхъ четвероугольныхъ, пять круглыхъ съ чернью, вѣсу въ нихъ четыре золотника съ четью.

Дробницъ же надгробныхъ басемныхъ серебряныхъ золоченыхъ, вѣсу тридцать пять золотниковъ.

Цаты серебряные бѣлые и золоченые чеканные и сканные, и трубокъ и спней, вѣсу в нихъ полфунта двадцать четыре золотника.

Пять мѣстъ Евангелистовъ серебряныхъ недодѣланныхъ бѣлыхъ, вѣсу в нихъ фунтъ двадцать три золотника.

Крестовъ серебряныхъ мелкихъ бѣлыхъ, вѣсу в нихъ двадцать шесть золотниковъ.

В крестахъ и цатахъ серебряныхъ вѣсу двадцать четыре золотника безъ полузолотника.

Оклады и Евангелисты серебряные, что взяты у мастеровъ у старца Іоны с товарищи:

Пять Евангелистовъ чеканныхъ серебряныхъ золочены, а по сказкѣ казначея старца Тихона, тѣ Евангелисты серебрениковы а неказенные.

Окладовъ и серебра восмь фунтовъ двадцать три золотника, а по сказкѣ казначеевѣ жъ то серебро келейное.

Окладовъ же серебряныхъ выковано недодѣланныхъ два фунта пятнадцать золотниковъ, по сказкѣ Азерскіе пустыни.

Пятнадцать ваіи болшихъ середнихъ и малыхъ, и в томъ числѣ у одной наконешникъ обложенъ серебромъ.

Книги печатные и писмяные.

Книга тріодь цвѣтная, печатная в десть.

Книга печатная в десть правилная.

Книга писмяная в десть, правило закону, Греческимъ языкомъ номоканонъ.

Книга писмяная в десть трефолой, четыре мѣсяца съ Сентября.

Книга печатная в десть, Минея мѣсяцъ Сентябрь.

Книга Апостолъ печатной в десть.

Книга Трефолой печатной в десть, мѣсяцы Мартъ, Апрѣль, Май.

Книга псалтирь съ слѣдованіемъ, писмяная в десть.

Книга писмяная пророчество Осѣево, писана на Александрейской бумагѣ.

Книга писменая в десть Апостолъ и Евангеліе, писана на Александрейской бумагѣ.

Книга писменая в полдесть, житіе Соловецкихъ Чюдотворцевъ.

Книга писмяная в полдесть, бытія небеси земли.

Книга писанная в полдесть, Апоколепсисъ.

Книга писмяная в полдесть, Варламъ и Оасафъ Царевичь.

Книга писмяная в полдесть, служба и житье Никиты столпника Переславскаго Чудотворца.

Двадцать одна книга псалтырей печатныхъ в полдесть.

Книга писмяная в полдесть, Симеона Дивногорца.

Книга печатная в десть, Минѣя мѣсяцъ Іюль.

Книга печатная в полдесть, служебникъ.

Книга писмяная в полдесть в кожѣ, канонникъ.

Двѣ книги служебники писмяные в полдесть.

Книга Апостолъ писмяная в полдесть.

Книга писмяная в полдесть, вопросы и отвѣты о церковныхъ чинѣхъ.

Книга писмяная в полдесть, Даніила Пророка о Евлогіи каменносѣчцѣ.

Книга писмяная в полдесть, ветха, псалтырь съ слѣдованіемъ.

Книга писмяная в десть, трефолои, мѣсяцы Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь и Генварь.

Книга писмяная, минѣя мѣсяцъ Октябрь.

Книга служебникъ писмяной, въ полдесть, ветхъ.

Книга Апостолъ писмяной въ полдесть, писмо мелкое.

Книга Ивана Дамаскина, въ полдесть, писмяная.

Книга писмяная въ десть, Апостолъ.

Книга въ полдесть, писмяная, минѣя мѣсяцъ Май.
Книга писмяная в полдесть, Минѣя мѣсяцъ Ноябрь.
Книга писмяная в полдесть, Мѣрило праведное.
Книга писмяная в полдесть, Минѣя мѣсяцъ Февраль.
Книга писмяная в полдесть, Минѣя мѣсяцъ Мартъ.
Книга писмяная в полдесть, Сборникъ Святыхъ Отецъ.
Книга писмяная в полдесть, Охтай пятаго гласу.
Книга, другой Охтай писмяной, в десть.
Книга писмяная в полдесть, Минѣя мѣсяцъ Мартъ.
Книга писмяная в полдесть, Триодь постная.
Книга писмяная в полдесть, правило Василія Великаго.
Книга писмяная в полдесть, Соборникъ во весь годъ.
Двѣ книги в полдесть, письмо Греческое.
Книга писмяная в полдесть, Канонникъ.
Книга Трефелои печатной в десть, мѣсяцы Май да Іюль.
Книга писмяная, Минѣя, мѣсяцъ Май, в полдесть.
Книга писмяная в полдесть, трефолой мѣсяцъ Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь.
Книга писмяная в десть, Минѣя мѣсяцъ Сентябрь.
Книга печатная в полдесть, поученіе Іосифа Патріарха.
Книга писмяная в десть, правило Никонское.
Книга писмяная в десть, Евангеліе второе Марка, Матвѣя толковое.
Книга печатная в полдесть, крещеніе и вѣнчаніе человѣкомъ.
Книга писмяная в десть, Евангеліе воскресное.
Книга писмяная, в десть, Евангеліе толковое два Евангелиста Матвѣй и Марко.
Книга писмяная в десть, прологъ съ Сентября мѣсяца.
Книга писмяная в десть, Исакъ Сиринъ.
Книга печатная в десть, Евангеліе толковое воскресное, печать Литовская.
Книга в полдесть, писмяная Соборникъ.
Книга писмяная в полдесть, Трефолой.
Двѣ книги писмяные в полдесть, Минѣя мѣсяцъ Іюль.
Книга писмяная в десть, Минѣя мѣсяцъ Сентябрь Октябрь.
Книга писмяная в полдесть, Минѣя мѣсяцъ Апрѣль.
Книга писмяная в полдесть, Минѣя мѣсяцъ Августъ.
Книга писмяная в полдесть, житіе Савы Сербского.
Книга печать Литовская, Евангеліе толковое Воскресное.
Книга писмяная в десть, Псалтырь толковая.

Книга писяяная в полдесть, Іисусъ Наввинъ и Іисусъ Сираховъ и Четырехъ царствъ.

Книга писмяная в полдесть, поученіе яко подобаетъ чести святыя книги и святыхъ повѣсти различные.

Книга писменая в полдесть, минея мѣсяцъ Февраль.

Книга писменая в полдесть, скитцскихъ инокъ и святыхъ отецъ.

Книга писменая в полдесть, собрана списана много божественныхъ различныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта.

Книга писменая в полдесть, соборникъ святыхъ отецъ.

Книга писменая в полдесть, четья с мытаря и Фарисеа по Святую недѣлю.

Книга писменая в десть, пѣснь Соломонова.

Книга писменая в десть, минѣя Апрѣль мѣсяцъ.

Книга писменая в полдесть, посланіе владычне.

Служебникъ на харатьѣ свиткомъ.

Книга писмяная в полдесть, стоглавъ.

Книга писмяная в четверть, кононникъ.

Книга в четверть, писмо греческое.

Печатныхъ книгъ в тетратехъ в десть, книга охтаи с пятаго гласу, два часолова, восмь потребниковъ иноческихъ печатныхъ въ тетратехъ, тридцать пять потребниковъ иноческихъ, потребникъ иноческой в тетратехъ измѣшенъ и изъѣденъ.

Охтай перваго гласу да минея мѣсяцъ Сентябрь, обѣ писмяные полдесть, ветхи без досокъ и без кожи.

Семь книгъ Ефрема Сирина печатныхъ в тетратехъ.

Пять книгъ в тетратехъ печатныхъ в десть, Евангеліевъ толковыхъ повсядневныхъ.

Восмь Апостоловъ печатныхъ въ тетратехъ в десть.

Пять книгъ служебниковъ печатныхъ в полдесть в тетратехъ.

Восьмедесятъ девять книгъ псалтырей Кіевскихъ мелкой печати в тетратехъ въ четверть.

Тойжъ печати девяносто книгъ Канунниковъ в тетратехъ въ четверть.

Сорокъ двѣ книги тоежъ печати, полуставъ в тетратехъ, в четверть.

Служба и житіе Александра Каргаполскаго новаго чюдотворца в тетратехъ, писана уставомъ в полдесть.

Канунникъ, а в немъ канунъ ризѣ Господни да Филипу Митрополиту, канонъ Іисусу да всѣмъ святымъ, канонъ Троицѣ да Успенію

Пречистой Богородицы, канонъ Ангеломъ да тремъ Святителемъ Московскимъ, писаны уставомъ в тетратехъ переплетены въ полдесть.

Два Евангелія напрестолные печатны, в тетратехъ в десть.

Одиннадцать книгъ граммотикъ печатныхъ, в тетратехъ в полдесть.

Книга псалтырь съ слѣдованьемъ, печатна, в десть в переплетѣ.

Книга печатная в десть, Ефрема Сирина, в переплетѣ.

Книга Апостолъ печатной, в десть, в переплетѣ.

Книга пол-уставье, печать Кіевская в десть.

Двѣ псалтыри печатные, в переплетѣ въ полдесть.

Два служебника печатные, в переплетѣ въ полдесть.

Книга часовникъ печатной, в переплетѣ в чертверть.

Книга Мефодія Патръскаго, в доскахъ в полдесть.

Двѣ книги Іоанна списателя Лѣствицы, писаны в десть.

Книга Савы Сербского, в полдесть в доскахъ писмяная.

Книга псалтырь толковая писмяная, в полдесть в доскахъ.

Книга Григорія Амириского, писмяная в полдесть в доскахъ.

Книга о шести дняхъ, писмяная в полдесть в доскахъ.

Книга канонникъ, писмяной в полдесть.

Книга Лѣствица, писмяная, в полдесть в доскахъ.

Книга минѣя мѣсяцъ Апрѣль, писмяная в полдесть в доскахъ.

Книга соборникъ, писмяная в десть в доскахъ.

Книга Апостолъ, писмяная в полдесть, оболочена камкою Лазоревою.

Книга Апостолъ, печатной, в десть в доскахъ.

Псалтырь, печать болшая, ветха, в десть в доскахъ.

Книга Семиона Новаго Богослова, писмяная, в полдесть.

Псалтырь толковая, писмяная в десть в доскахъ.

Книга канонникъ, писмяная, в полдесть.

Книга минѣя мѣсяцъ Августъ, писменая в полдесть.

Книга минѣя мѣсяцъ Іюль, писмяная, в полдесть.

Книга минѣя мѣсяцъ Январь, в полдесть.

Книга минѣя мѣсечная, разбита, в полдесть.

Книга минѣя, мѣсяцъ Іюнь, писмяная, в полдесть.

Книга служебникъ, в четверть, писмяная, оболочена бархатъ зеленъ ветчанъ, застешки серебреные.

Книга четья, Григорія Богослова, писмяная, в десть.

Книга пророчество да наказаніе Илариона Великого ко отрекшимся мира, писмяная, в полдесть.

Книга о священіи мира, писмяная, в полдесть.
Книга мѣсяцъ Февраль, писмяная, в полдесть.
Книга Евангеліе тетръ, писмяная, в полдесть.
Книга соборникъ, в полдесть, в началѣ житіе Стефана Перского.
Три книги в полдесть печатные, житіе Николы Чюдотворца.
Книга прологъ, писмяной, в десть, съ Марта мѣсяца.
Книга в полдесть, Августъ мѣсяцъ без начала.
Книга служебникъ, писмяной, в полдесть.
Книга соборникъ, писмяной, въ полдесть.
Книга, в полдесть, писмяная, антиминсъ.
Книга писмяная в полдесть, мѣсяцъ Іюнь.
Книга писмяная в полдесть, Ісака Сирина.
Книга служебникъ, писмяной слова болшія, в полдесть болшіе бумаги, застешки серебряные.
Книга минѣя, мѣсяцъ Генварь, писмяная в полдесть.
Книга прологъ, писмяной в десть, с Сентября мѣсяца по Мартъ.
Книга, писмяной гранографъ, в десть.
Книга минѣя, мѣсяцъ Октябрь, писмяная в полдесть.
Книга Трефолой, писмяная, в десть, Декабрь Генварь Февраль.
Книга писменая в десть, Трефолой с Сентября мѣсяца по недѣлю по Рожествѣ Христовѣ.
Книга писменая, минѣя мѣсяцъ Ноябрь, в полдесть.
Книга минѣя, мѣсяцъ Іюнь, писменая в полдесть.
Книга Григорія Синаита, писменая в полдесть.
Книга писменая в полдесть, Апрѣль мѣсяцъ.
Книга, скорописная в полдесть, Савы Крынидцкого.
Книга писмяная в полдесть, о мытарствѣ.
Книга соборникъ, смѣшана, писана в полдесть.
Книга Апостолъ толковой, писанъ на Александрейской бумагѣ, в десть.
Книга печатная в десть, Василія Кесарійского.
Триодь цвѣтная, писана в десть.
Книга Григорія Богослова, писмяная в десть.
Книга Богородиченъ, писмяная в десть.
Книга печатная в полдесть, житіе Николы Чюдотворца.
Книга писмяная в десть, Никонская.
Книга триодь постная, писаная в десть, ветхая.
Книга Селивестра и преподобнаго Антонія истолкованія.
Книга писмяная в десть Евангелія тетръ, оболочена трипомъ.

Книга Симеона Столпника, писмяная в десть.

Книга писмяная в полдесть, Григорія Селунскаго.

Книга в полдесть, мѣсяцъ Іюль, писмяная.

Книга минѣя четья, мѣсяцъ Октябрь, писмяная в десть.

Книга писмяная в полдесть, в началѣ житіе Стефана Сурожского.

Книга минѣя, мѣсяцъ Августъ, писана в полдесть.

Книга писмяная в полдесть, о Божественныхъ Тайнахъ и о пяти дняхъ.

Книга писмяная в полдесть, пророчество Святыхъ пророкъ.

Книга Максима Исповѣдника кормчая, писана в полдесть.

Книга писменая в полдесть, соборникъ, в началѣ посланіе Архиепискипа Новгородскаго Василія ко владыкѣ Тверскому Феодору.

Книга писмяная в полдесть, канонникъ новымъ Чудотворцемъ.

Книга писмяная в десть, Луки Евангелиста толковои.

Книга печатная в десть, Евангеліе на престолное, застешки серебреные.

Книга Маргаритъ, писмяная в десть.

Книга трефолой, писмяная в десть, изъ села Сабурова.

Книга Палея, писмяная в десть.

Книга минѣя мѣсяцъ Ноябрь, писмяная в полдесть.

Книга правило Святыхъ отецъ, писана скорописью в десть.

Книга минѣя мѣсяцъ Декабрь, писана в полдесть.

Книга писмяная в полдесть, Ефросина Псковского.

Книга писмяная в полдесть, а в ней двадцать восмь главъ.

Двѣ книги печатные в десть, трефолой съ Сентября Мѣсяца по Декабрь.

Книга печатная в десть, Кирила Іерусалимского.

Книга, печать́ Киевская, дѣяніе Апостолское толковое.

Книга печатная в десть, Генварь мѣсяцъ.

Книга печатная в десть, мѣсяцъ Мартъ.

Книга печатная в десть, трефолой мѣсяцы Декабрь Генварь Февраль.

Двѣ книги печатные в десть, Декабря мѣсяца.

Книга печатная в десть, мѣсяцъ Февраль.

Книга печатная в десть, триодь постная.

Книга писмяная в десть, Сентябрь мѣсяцъ.

Книга писмяная в полдесть, Кирила Іерусалимского.

Пять книжицъ печатные в полдесть, какъ приводятъ в соборной церкви къ Евангелской заповѣди.

Псалтырь, в полдесть печатная, горѣлая.

Книга печатная в десть, мѣсяцъ Апрѣль.

Книга печатная в десть, мѣсяцъ Мартъ.

Книга писмяная в десть, уставъ малой.

Книга уставъ, писмяная в десть по телятинѣ.

Книга кононникъ, в полдесть писмяной, в началѣ писанъ канунъ благовѣрному Великому Князю Всеволоду.

Книга писана в десть, правило Софеиское старое, писана по телятинѣ.

Книга шестодневъ, печатная в десть.

Книга минѣя общая малая, печатная в десть.

Книга триодь цвѣтная, печатная в десть.

Книга писанная в десть, Іоанна Златоустаго с Мытаря и Фарисея.

Книга потребникъ, печать Литовская в десть, обрѣзъ золоченъ.

Псалтырь учебная печатная в десть, по обрѣзу золочено.

Книга служебникъ, печатной, в полдесть.

Книга писмяная в полдесть, житие Зосима Соловецкаго Чюдотворца.

Книга, писмяная в полдесть, Аввы Дорофея.

Книга, скорописная в полдесть, тропникъ.

Книга капонникъ, печатная в полдесть.

Книга капонникъ, писмяная в полдесть.

В тетратехъ житіе преподобнаго Корнилія Вологодскаго Чюдотворца, писана в полдесть.

Азбука печатная, в доскахъ ветха.

Кононникъ ветхъ.

В тетратехъ писана скорописью, дневныхъ чиновъ.

Канонникъ в четверть, канонъ Генадію Чюдотворцу.

Часовникъ печатной, в четверть, ветхъ.

Три свяски листовъ, что даютца ставлеником, печатныя в десть.

Три свяски листовъ надгробныхъ молитвахъ.

Книга Греческая в бархатѣ червчатомъ, печать болшая красной воскъ около бѣлой, а та книга в жестяномъ ковчегѣ.

Двѣ книги в полдесть, писмо Греческое.

Тринадцать грамотъ Греческимъ и Полскимъ писмомъ в киндяку лимонномъ, завертка алая да бѣлые таѳтяные.

Книга степенная, писмяная в лицахъ в тетради в десть.

Книга писмяная в десть, лѣтописецъ.

Книга писмяная в полдесть, в кожѣ, помянникъ родителской.

Книга уложенная.

Евангеліе напрестолное, писмяное в полдесть, Евангилисты ветхи мѣдные.

Часовникъ писмяной, да тутъ же писмяные каноны.

Книга печатная в полдесть, служба ризѣ Господней.

Двадцать три тетрати каноновъ и житей и служебъ писмяныхъ, трои тетрати чинъ и поставленіе Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца на Царство и на Великое Княжество всеа великія Росіи.

Книга Вселенскихъ Патріарховъ за руками и за печатми Греческимъ писмомъ, что на Московскомъ Государствѣ впредь быти Патріархомъ.

Грамота какъ поставлятися Патріархомъ въ Великомъ Царствующемъ градѣ Москвѣ, за рукою Иеремія Патріарха Царяградцкаго и Іева Патріарха Московского и за иными многими руками и печатми ҂ӡ году.

Ладонъ, Воскъ и Свѣчи:

Ладону росного з деревомъ два пуда десеть гривенокъ.

В рогожномъ мѣшку сѣрого мелкого ладону, вѣсомъ и с мѣшкомъ шесть пудъ.

Ладону жъ в рогожномъ мешкѣ, вѣсомъ и с рогожею пядь пудъ без четверти.

Кадь, в ней половина меншая ладону, вѣсомъ с кадью четыре пуда.

Ладону жъ в кадкѣ поболши половины, вѣсомъ и скадью шесть пудъ без четверти.

Ладону жъ в рогожномъ мешкѣ, вѣсомъ и с мѣшкомъ четыре пуда без четверти.

Ладону два пуда одинадцать гривенокъ.

Ладону росного три гривенки.

В о с к ъ.

Воску одинадцать пудовъ двадцать девять гривенокъ.

Воску жъ изъ ломпадъ пятнадцать гривенокъ.

Свѣча восковая витая выносная.

Три свѣчи восковыхъ, бывали поставные, с красками, ломаные.

Свѣча поставная деревяная писана скрасками.

Лампады серебряные.

Лоипада серебреная рѣзная на серебряныхъ чепяхъ, вѣсу полпята фунта полтора золотника, втулка и кольцо мѣдное.

Лоипада серебреная, вѣсу полфунта двадцать семь золотниковъ съ полу золотникомъ.

Лампада серебреная бѣлая, в вѣнцѣ слова под словами травы, вѣсу фунтъ двадцать шесть золотниковъ.

Лампада ложчатая, вѣнецъ и черезъ лошки золочено, вѣсу в ней полтора фунта тридцать золотниковъ.

Лампада серебреная чешуйчетая, вѣсу фунтъ тридцать золотниковъ.

Кадила и поликадила.

Кадило недодѣлано золотое, вѣсу в немъ в трехъ мѣстахъ три фунта двадцать девять золотниковъ съ полу золотникомъ.

Кадило мѣдное на цепяхъ.

Поликадило мѣдное с перьемъ о дву ярусахъ.

Поликадилцо мѣдное о четырехъ перахъ.

Двадцать шесть яблокъ с кисти нитяными разныхъ цвѣтовъ.

Семнадцать яблоковъ без кистей.

Два яйца строфокомиловыхъ паликадилные обложены мѣдью.

Посохи.

Посохъ болшой блаженныя памяти Великого Государя Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Росіи, дерево чинаровое, рога и подъ рогами первое поле съ яблоки золоты чеканные с каменьемъ с лалами и з бирюзами в гнездахъ, семи каменей нѣтъ, по концамъ у роговъ два яхонты лазоревые в гнездахъ, наконешникъ серебрянъ золоченъ, во влагалищѣ.

Посохъ блаженныя жъ памяти Великаго Государя Святѣйшаго Филарета Никитича Московскаго и всеа Росіи, рога и яблока и дерево обложены серебромъ чеканнымъ золочены, поверхъ роговъ камень болшой лалъ, в верху и в низу у камени два зерна Гурмышскіе, поконецъ роговъ в гнездахъ по камени яхонту лозоревыхъ, около трехъ яблокъ сверху и снизу обнизано женчюгомъ, по среди яблоковъ пояски с камешки разными, подковъ мѣдной, во влагалищѣ.

Посохъ финиковой, на немъ вмѣсто роговъ яблоко серебреное чеканное, да на немъ же четыре яблока серебреныхъ бѣлые чеканные, наконешникъ серебреной бѣлой рѣзной.

Посохъ раковинной весь, три яблока раковенныхъ же, по верху рога обоймицы золоты с финифтью, по верху рога яхонтъ лазоревъ на немъ зерно Гурмыжское, по конецъ рогъ наконешники золотые же с финифтью, на конецъ роговъ два изумруда, около ихъ камешки яхонтики червчеты в гнездахъ, по конецъ посоха трубочка и подковъ серебряно золочено во влагалищѣ.

Посохъ деревяной оболоченъ бархотомъ чернымъ, рога и подъ рогами трубка и пять яблокъ и на низу трубка серебреные золочены прорѣзные, на рогахъ и на яблокахъ каменье бирюзы, подковъ мѣдной во влагалищѣ.

Посохъ раковинной, рога рыбя кость, со обѣ стороны кресты, оправа серебряная, три яблока костяныхъ, трубка серебряная.

Посохъ раковинной Греческой, рога и яблоки костяные, а в нихъ каменье изумруды и лалы, во влагалищѣ.

Посохъ покрытъ зеленымъ бархатомъ, рога и яблоки серебреные с финифтью.

Посохъ костянной рѣзной, вверху на рыбеи кости вырѣзаны образъ Спасовъ да распятіе Господне, яблоки прорѣзные.

Посохъ деревянной черной, рога и яблоки золочены.

Посохъ, оправа серебреная золочена с финифтью, десять мѣстъ серебра, яблоко рѣзное.

Посохъ черной древо угловатое, четыре яблока да наконешникъ чеканные рѣзные, рога нѣтъ.

Посохъ угловатое древо, рога да три яблока серебреные, да на концѣ звенцо чеканное безъ наконешника.

Посохъ чюдотворца Алексѣя сандалной, рога да шесть яблокъ да наконешникъ серебреные золочены рѣзные, одно яблоко прорѣзное.

Посохъ рыбья кость гладкой, рога змейками.

Посохъ раковинной Греческой, рога слоновые, три яблока да наконешникъ серебряной золочены.

Съ посоха оправы серебряные золочены, три яблока чеканныхъ, да семь трубокъ, вѣсу тридцать пять золотниковъ съ полузолотникомъ; трубка съ посоха серебрена золочена; рогъ серебрянъ золоченъ чеканной, снятъ съ деревяннаго посоха, вѣсу въ немъ пятьдесятъ золотниковъ. Въ трехъ мѣстѣхъ серебра съ посоховъ, вѣсу полфунта восмь золотниковъ.

Клабуки.

Клабукъ новой на Греческое дѣло, камчатой бѣлой чешуйчатой, въ главѣ деисусы шиты золотомъ пряденымъ, около вѣнцовъ и ризъ обнизаны жемчюгомъ Кафимскимъ и Гурмышскими зернами, а въ вѣнцахъ десять камней малыхъ въ гнѣздахъ яхонтовыхъ и изумрудныхъ, по сторонамъ по четыре иконы, шиты ризы золотомъ пряденымъ и обнизаны жемчюгомъ мелкимъ и слова; по сторонамъ и на срединахъ промежъ святыхъ двадцать два изумруда, да двадцать четыре лала; шестнадцать запонъ золотыхъ, а въ нихъ по восьми искоръ яхонтовыхъ червчатыхъ, да восмь алмазовъ обнизаны жемчюгомъ крупнымъ, а по концамъ у сторонъ одиннадцать яхонтовъ лазоревыхъ, а въ нихъ восмь граненыхъ, девять лаловъ, яхонты и лалы на спняхъ золотыхъ; на закрѣпкахъ зерна Гурмышскіе.

Клабукъ старой вязеной шелковой бѣлой: на немъ херувимъ низанъ жемчюгомъ, на верху плащь золотой съ черныю въ репьѣ низанномъ, да въ репьѣ жъ четыре яхонта лазоревыхъ, да четыре лалы; по сторонамъ и назади девять плащей золотыхъ, а на нихъ писаны черныю святые обнизаны жемчюгомъ середнимъ, а промежъ святыхъ двѣнадцать яхонтовъ лазоревыхъ, девять яхонтовъ лазоревыхъ, шесть лаловъ, на закрѣпкахъ зерна Гурмышскіе.

Клабукъ старой, камка бѣлая.

Клабукъ бѣлой мелкотравной комчатой.

Клабукъ новой, комчатой бѣлой мелкотравной, недодѣланъ.

Три клобука комчатыхъ бѣлыхъ, на одномъ клабукѣ херувимъ низанъ жемчюгомъ, четвертой клобукъ бѣлой же шелковой вязаной, всѣ Патріаршескіе.

Тринадцать клобуковъ шолковыхъ вязаныхъ ветхи, и въ томъ числѣ на одномъ херувимы шиты золотомъ.

Два клобука бѣлыхъ камчатыхъ.

Спорокъ сака, отласъ цвѣтной, что бывалъ Царя Ивана Васильевича, на немъ тканы Спасовы образы.

Два херувима, не нашиты ни на чемъ, обнизаны жемчюгомъ съ канителью.

Анфоръ, камка бѣлая, безъ крестовъ, ветхъ.

Мантіи.

Мантія бархатъ рытой по червчатой землѣ, травы черные съ источники, подпушена дорогами зелеными.

Мантія бархатъ черной съ источники, подпушка дороги зеленые.

Мантія ласточники, отласъ свѣтлой вишневъ, ветчана, подпушка дороги зеленые.

Мантія съ источники, отласъ лазоревой, ветха, подпушка бывали дороги двоеличные.

Мантія безъ источниковъ, бархатъ рытой багровой, подпушка камка лазорева.

Мантія камка вишнева съ источники, ветха, подпушка дороги двоелишные.

Мантія камка вишнева съ источники, подпушка дороги двоелишные.

Мантія обьяринная лазорева съ источники, ветха, подпушка тафта зелена.

Мантія камка черная съ источники, ветха гораздо, подпушка камка вишнева мелкотравная.

Мантія обьяри вишневы съ источники, гораздо ветха, подпушка дороги двоелишные.

Манатьишко обьяринная ветха.

Мантія вишнева обьяринная съ источники, ветха добре.

Мантія отласная черная съ источники, ветха.

Лоскутье монатейное отласное черное мелкотравчатое.

Рясы и спорки съ рясъ:

Ряса бархатъ рытой красновишневой, подложена тафтою зеленою, нашивка длинная.

Ряса куѳтерная, зеленая камка, подложена дорогами, нашивка длинная.

Ряса свѣтлозеленая камка мелкотравная, подложена дорогами двоелишными, пуговицы втышные.

Ряса камчатая лазоревая мелкотравная, нашивка долгая, подложена дорогами двоеличными, ветха.

Спорки съ рясъ:

Спорокъ зеленой тафтяной, спорокъ атласной свѣтловишневой ветчаной, спорокъ камка красновишневая нашивка длинная, спорокъ съ рясы вишневой отласной, спорокъ съ рясы камка свѣтлозеленая куѳтерная, нашивка зеленая долгая, спорокъ съ рясы обьеринный красновишневой.

Спорокъ съ рясы камчатой лимонной, спорокъ съ рясы обьяринной травчатой зеленой ветхъ, спорокъ съ рясы обьяринной зеленой, на-

шапка длинная; спорокъ съ рясы, бархатъ зеленой гладкой, безъ пашивки; спорокъ съ рясы бархатъ рытой, по чертвертой землѣ травы черные; спорокъ съ рясы, бархатъ зеленъ рытой, нашивка зеленая; спорокъ, отласъ дымчатой, безъ рукавовъ и безъ полъ; спорокъ, камка черная мелкотравная, безъ рукавовъ вѣтхъ; два рукова камки черной мелкотравной; спорокъ, камка брусничной цвѣтъ.

Подушки:

Подушка бархатъ золотной, травы шолкъ розныхъ цвѣтовъ, два аршина безъ дву вершковъ.

Подушка бархатъ золотной, травы золотые съ сереброиъ, два аршина безъ вершка.

Подушка бархатъ по червчетой землѣ, кубы съ стравы золото съ среброиъ, два аршина безъ дву вершковъ.

Двѣ подушки шиты золотомъ по таусинному отласу, подложены отласомъ рудожелтымъ, у нихъ же кисти шолкъ червчетъ съ ворворки.

Подушка шита по червчатому и по бѣлому отласу золотомъ срозными шолки, подложена кутнею.

Три подушки, отласъ золотной по червчатой землѣ, золото съ серебромъ и съ шолки Турскими, мѣрою въ длину по аршину по десяти вершковъ, поперекъ по аршину безъ четверти. И по сказкѣ казначея старца Тихона Обанина, тѣ де подушки взяты у гостя у Семена Левашова въ цѣну, а денегъ за тѣ подушки ему Семену неплачено.

Подушка маленькая, оболожена объярью вишневою.

Спорокъ съ подушки, съ обѣ стороны бархатъ гладкой черной.

Спорокъ съ подушки, отласъ таусинской.

Шляпы и шапки и камилавки.

Шляпа Патріарша старая подложена камкою лазоревою, у ней кисть шолкъ лазоревъ съ золотомъ.

Двѣ шляпы Архіерейскіе, накрестьникъ, на нихъ бархатъ червчатъ, подложены тафтою вишневою, ветхи.

Шляпа пуховая не подложена, моль изъѣла.

Двѣ шапки пупчетые собольи, съ пухами под вишневыми камками, одна поновѣе.

Три шапки холодные камчатые, вышневыя съ пухами.

Камилавка греческая пуховая.

Треухъ лисей черевей съ пухомъ, подъ бѣлымъ бархатомъ.

Треухъ соболей под вишневыми обьярми, задново лоскута нѣтъ. Спорокъ съ треуха бархатъ зеленой.

Шубы:

Шуба кунья, подъ камкою кувтерною лазоревою, нашивка долгая тое жъ камки, ожерелье соболье съ пухомъ.

Шуба кунья подъ вишневою чешуйчетою камкою, ожерелье с пухомъ, нашивка тоежъ камки

Шуба камка красновишневая на горнастаяхъ, ожерелье соболье съ пухомъ, нашивка тоежъ камки.

Шуба темнозеленая, камка мелкотравная, на горнастаяхъ, ожерелье соболье кругомъ пухъ, нашивка тое жъ камки.

Шуба горнастайная под камкою свѣтлозеленою мелкотравною, ожерелье соболье, кругомъ пухъ.

Шуба нагольная бѣлая, кругомъ пухъ широкой, съ нашивкою ременною.

Шубенко ветчаное лисье черевье, покрыто таетишкою двоелишною, изорвано.

Цка лисьихъ лапъ въ длину два аршина без четверти, въ ширину съ четью.

Врозни каменья и запоны и вставки:

Изумрудъ болшой, на золотомъ спнѣ.

Яхонтъ лазоревой болшей въ себреномъ гнездѣ, лалъ болшой алмаженой, кора изумрудная болшая граненая, два лала алмаженыхъ середнихъ, лаликъ алмаженой не большой, лаликъ небольшой не алмаженой, половина яхонта лазоревого, семь бирюзъ, шесть каменей зеленыхъ смазней, хрусталь болшой не алмаженой, тридцать четыре бирюзъ и взмазней въ гнездахъ серебреныхъ.

Четыре запоны золотые, а въ нихъ шесть алмазныхъ искоръ, да четыре зерна жемчюжныхъ.

Запана золотая, а въ ней лалъ да девять искоръ алмазныхъ.

Вставки:

Двадцать три вставки бирюзы и виницы мелкихъ, восмь веставокъ лаловыхъ, четыре искорки, четыре вставки изумрудныхъ, да искорка яхонтъ лазоревой, въ гнѣздѣ золотомъ.

Жемчюгъ и серги:

Жемчюгу середнего семь золотниковъ съ четью, да мелково жемчюгу два золотника.

Полсема золотника жемчюгу зеремъ и половинокъ.

Пять золотниковъ жемчюгу меншого зеренъ Гурмыжскихъ и половинокъ.

Жемчюгу мелкого полпята золотника, новаго и старого.

Девять золотниковъ жемчюгу крупнова старого половинчатаго.

Шестдесятъ сетыре зерна жемчюгу, да болши тѣхъ осмнадцать зеренъ, да тѣхъ болши четырнадцать зеренъ, вѣсу въ нихъ три золотника съ четью.

Половина зерна раковиннаго болшаго.

Десять зеренъ Гурмыжскихъ не алмаженыхъ да три половинки вѣсу полъ золотника.

Жемчюгу мелкого осыпнаго съ церковной одежды, тридцать четыре золотника.

Жемчюгу среднего семь золотниковъ.

Двѣнадцать зеренъ жемчюгу.

Жемчюгу мелкаго золотникъ безъ чети.

Два зерна Гурмышскіе.

Серги одинцы на золотѣ яхонты лазоревые да четыре зерна на нихъ Кафимскіе; а по сказкѣ патріаршего казначея старца Тихона присланы тѣ серги изъ Пскова, отъ Псковскаго владыки въ соборную церковь къ Владимирской Богородицы.

Золотые:

Восмь золотыхъ, на нихъ образъ Царя Костянтина и матери его Елены, сто тридцать одинъ золотой червонныхъ и Арабскихъ.

Двадцать четыре золотыхъ прикладныхъ червонныхъ, два золотыхъ пятерныхъ, да золотой четверной, двадцать семь золотыхъ двойныхъ, четыре золотыхъ полуторныхъ, а въ нихъ вѣсу полъ пята золотника, девятнадцать золотыхъ одинакихъ, золота прожиганова полъ четверта золотника, семдесятъ четыре золотыхъ червонныхъ, четыре золотыхъ червонныхъ, золота полъ сема золотника, ломанаго золота четыре фунта пятнадцать золотниковъ.

Вѣнецъ Турецкой золотой съ жемчюги и съ каменьемъ, а въ немъ двадцать четыре звена, а въ нихъ нѣтъ трехъ камней, да въ пяти мѣстахъ жемчюговъ нѣтъ.

Золота сусальнаго листоваго осмнадцать связокъ, а въ связкѣ по шти тетратей, а по сказкѣ подъячего Якова Филипова въ связкѣ триста листовъ.

Золота жъ листоваго тридцать связокъ, а въ нихъ по шти тетратей, а въ тетради по триста листовъ, да три тетради не полны.

Серебра листоваго двадцать семь тетратей, а въ нихъ по его жъ Яковлевѣ сказкѣ по пятидесяти листовъ.

Въ казнѣ на лицо денегъ и ефимковъ за счетомъ и за печатми подъячихъ:

Елизарьева прiиму Өедорова въ сундукѣ:

Мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ пятьдесятъ семь мѣшковъ, а по скаскѣ подъячего Елизарья въ тѣхъ мѣшкахъ пять тысячь восемь сотъ рублевъ, а счетъ де у тѣхъ денегъ и печать старца Сергiя, а онъ де Елизаръ тѣ деньги прiималъ у него старца вѣря ему Сергiю.

Тысяча восмь сотъ тридцать пять ефимковъ съ полуефимкомъ Любскихъ, вѣсу въ нихъ три пуда восмь фунтовъ пятьдесятъ четыре золотника.

Четыреста девяносто шесть золотыхъ червонныхъ.

Ему жъ Елизару дано къ расходу ево Елизарова прiиму мелкихъ денегъ двѣсти сорокъ восмь рублевь тридцать два алтына, двадцать одинъ ефимокъ печатныхъ, да полшеста ефимка непечатныхъ.

Подъячаго Яковлева прiиму Өилипова: въ сундучкѣ восмь сотъ сорокъ шесть рублевъ тридцать алтынъ три деньги мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ, и въ томъ числѣ старыхъ копѣекъ сорокъ шесть рублевъ тридцать алтынъ три деньги, сто тридцать восмь рублевъ восмь алтынъ двѣ деньги, да пятьдесятъ ефимковъ Любскихъ.

Да у Якова жъ Өилипова въ мѣшкѣ денегъ за печатью подьяка Федки, прозвище Разбойника, а сколько въ томъ мѣшкѣ денегъ по счету того невѣдомо; а по скаскѣ Якова Өилипова поставлены де тѣ деньги у него на сбереженья, вѣсу въ тѣхъ деньгахъ и съ мѣшкомъ полъ пята фунта тринадцать золотниковъ.

У Якова жъ въ казенномъ коробѣ въ мѣшкѣ по счету тысяча триста пятьдесятъ четыре ефимка, ефимковъ же полуефимковъ же крестовыхъ въ розни вѣсу въ нихъ двадцать девять фунтовъ безъ золотника, шестьдесятъ три ефимка Любскихъ.

Володимирова прiиму Гурьева, мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ шесть сотъ пятнадцать рублевъ двѣнадцать алтынъ четыре деньги, счетъ и печать и ерлыки ево Володимерова.

Въ судовомъ сундукѣ сто рублевъ прiиму подъячаго Елизарья Өедорова.

Въ пяти мѣстахъ денегъ сто восмьдесять пять рублевъ двадцать шесть алтынъ, прiиму разныхъ подъячихъ и въ томъ числѣ печат-

ныхъ пошлинныхъ денегъ и на пѣвчихъ дьяковъ ставлениковъ шестдесятъ пять рублевъ тридцать два алтына четыре деньги, да за служебники отдать на печатаной дворъ шестьдесятъ рублевъ, да печатныхъ и вѣнечныхъ и съ перехожихъ и за дьяконники двадцать девять рублевъ двадцать шесть алтынъ четыре деньги; а досталные деньги печатные жъ и вѣнечные тридцать рублевъ, въ казнѣ жъ. Въ ларцѣ кованомъ мелкихъ серебряныхъ денегъ тысяча двѣсти рублевъ, а по сказкѣ казначея старца Тихона, что тѣ деньги отъ Николы съ Перервы; а Никольского монастыря старца казначея Михаила по скаскѣ, что тѣ деньги монастырскіе казенные, а въ патріаршѣ казнѣ поставлены они на сбереженья.

Въ мѣшкѣ денегъ серебряныхъ мѣлкихъ тридцать рублевъ, а по скаскѣ дьяка Дениса Дятловскаго присланы де тѣ деньги из Нижево патріарша домоваго Благовѣщенскаго монастыря, платить стрѣлецкіе и ямскіе деньги.

У него Дениса мелкихъ серебреныхъ денегъ триста восьмдесятъ три рубли шестнадцать алтынъ четыре деньги, счетъ и печать ево Денисова.

Въ кулганѣ взято изъ патріарша разряду, а въ немъ за печатью по ерлыку тысяча четыреста восьмдесятъ три рубли, а тѣ деньги изъ Брянска Свинскаго монастыря.

Пріемъ дворцоваго приказу подьячего Зота Иванова: въ коробкѣ оброчныхъ денегъ тысяча семь сотъ тридцать пять рублевъ двадцать четыре алтына.

Въ другой коробкѣ ево жъ Зотова приемъ: восьмь сотъ семдесятъ три рубли двадцать одинъ алтынъ четыре деньги.

Въ третьей коробкѣ ево жъ Зотова приемъ: четыреста три рубля двадцать шесть алтынъ четыре деньги.

Въ четвертой коробкѣ ево жъ Зотова приемъ: пятьсотъ двадцать восемь рублевъ двадцать одинъ алтынъ полторы деньги.

За даточныхъ слугъ денегъ розныхъ патриаршихъ монастырей триста шестдесятъ рублевъ двадцать два алтына.

Въ коробѣ восемь сотъ шестдесятъ рублевъ, а тѣ деньги по ерлыку Ипатцкого Монаттыря за хлѣбъ.

Въ мѣху пятдесять пять рублевъ двадцать девять алтынъ четыре деньги, да худыхъ и мѣдныхъ два рубли девять алтынъ четыре деньги, на ерлыкѣ написано тѣ деньги съ Новицкого Монастыря, что осталось вотъчинной дачи.

Въ патріаршу казну поставлено денегъ пріемъ патріарша разряду подьячего Данила Прикаскина.

Сто шестнадцать рублевъ взяты съ суднаго дѣла столника Князь Александра Лобанова Ростовскаго.

Восмь рублей взяты съ суднаго дѣла стрѣлецкаго приказа подьячего Тимоѳея Протопопова.

Десять рублевъ взято съ Бараша съ Ондрюшки Ефремова съ заумороныхъ лавокъ.

Пять рублевъ взято съ суднаго дѣла Осипа Сокурова.

Два рубли взято съ вотчиного дѣла, Князь Микитина вотчины Мещерского.

Двадцать пять алтынъ взято съ духовной вдовы Татьяны Петровы жены Измайлова.

Рубль двадцать алтынъ взято съ Князя Васильева жены Горчакова.

Шестнадцать алтынъ четыре деньги взяты у сторожа Алешки въ платежъ.

Въ патріаршу казну поставленъ сундукъ пріиму Патріарша подьячего Тимоѳея Трифонова, а въ сундукъ:

Лѣтникъ камчатой желтъ, во швы атласъ золотной, а по скаскѣ подъячего Тимоѳея Трифонова тотъ лѣтникъ толмача Емельяна Янкурова въ спорѣ съ Кириловскою попадьею.

Духовная, и съ нее списокъ, Ивана Гаврилова сына Хлопова.

Книги, а въ нихъ записывано, что послано въ Смоленскъ съ монастырей отписныхъ запасовъ.

Въ дву мѣшкахъ по ерлыкамъ двѣсти рублевъ пошлинные, взяты у Князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго.

Въ мѣшечкѣ тридцать пять рублевъ пошлинные.

Въ платкѣ шесть рублевъ.

Въ мѣшечкѣ крашенинномъ восмь рублевъ съ полтиною.

Въ мѣшечкѣ семнадцать ефимковъ, непечатныхъ, да мелкихъ три рубли десять алтынъ двѣ деньги пошлинныхъ.

Въ мѣшечкѣ четырнадцать рублевъ двадцать восмь алтынъ четыре деньги, достальные умершаго боярина Князя Ивана Андрѣевича Голицы.

Въ мѣшечкѣ пятдесять пять рублевъ ефимковъ, взяты на Троицкомъ стряпчемъ на Маркѣ Шешковѣ, за безчестье Патріарша сына боярскаго Кузмы Заворотькова.

Въ мѣшечкѣ, Петра Пушкина, двадцать четыре рубли пошлинные.

Въ мѣшечкѣ двадцать четыре рубли пошлинные.

Въ мѣшечкѣ тринадцать ефимковъ печатныхъ, да пять четвертинъ, да денегъ мелкихъ два рубля десять алтынъ.

Въ мѣшечкѣ двадцать рублей достальные, Князя Василья Темрюкова.

Въ мѣшечкѣ двадцать пять рублевъ пошлинные.

Въ бумажкѣ три рубля пошлинные.

Въ дву узелкахъ въ платкѣ три рубля шесть алтынъ четыре деньги пошлинные.

Въ патріарту жъ казну поставлено денегъ и рухляди пріему Патріорша разряда подьячего Матвѣя Халезева:

Сорокъ ширинокъ таѳтяныхъ, шиты золотомъ и сереброиъ съ шолкомъ, накищены все золотомъ; а по скаскѣ подьячаго Матвѣя Халезева присланы тѣ ширинки отъ Патріарха, велѣно ихъ продать.

Семеры дороги Гилянскихъ розныхъ цвѣтовъ; а по скаскѣ дьяка Ивана Калитина взятыя тѣ дороги изъ ряду у торговыхъ людей изъ лавокъ на подкладки, а деньги за нихъ неплачены.

Бархату гладкаго лазореваго шесть аршинъ безъ дву вершковъ; а по скаскѣ дьяка Ивана Калитина взятъ тотъ бархатъ изъ казеннаго приказа.

Круживо серебро съ золотомъ кованое, шириною въ полвершка, вѣсу фунтъ двѣнадцать золотниковъ.

Въ ящикѣ тридцать четыре тетратки золота сусальнаго.

Кружева золотнаго кованаго, ширина въ полвершка, вѣсу два фунта двадцать четыре золотника.

Да Патріаршихъ келейныхъ и пошлинныхъ денегъ у него жъ Матвѣя въ мѣшкѣ семдесятъ пять рублей, въ другомъ мѣшкѣ шестьдесятъ одинъ рубль, въ третьемъ сто рублевъ.

И изъ тѣхъ денегъ заплатить въ додачю Смирному Свиньину за вотчину Рязанскаго уѣзда, за половину села Ряденокъ, да за пустошъ сто рублевъ; да съ тѣхъ же денегъ заплатить садовнику Семену Леснику, за тѣмъ что взято у него въ цѣну въ Воскресенской монастырь девяносто рублевъ; да садовнику жъ Моисею Калинину сыну Леснику заплатить за сколы и за драњ, что взято въ Воскресенской же монастырь сорокъ пять рублевъ; да желѣзнаго ряду торговому человѣку Андрею Андрѣеву сыну за топоры тринадцать рублевъ; да товарищу его за заступы два рубли съ четвертью, а топоры и заступы взяты въ Воскресенской монастырь; да садовнику Аверкію за сукна.

Да пошлинныхъ денегъ, что взяты у Князь Матвѣя Горгакова съ вотчины, пять рублевъ.

Да пошлинныхъ же денегъ, съ Родіона Уварова съ вотчины, пять рублевъ.

Да пошлинныхъ денегъ Патріарша боярина и дьяковъ и подьячихъ двѣсти рублей.

Да взято денегъ на Оникіѣ Чистомъ по духовной гостя Ивана Стоянова Новгородца по челобитью сына ево Иванова Микиты, двѣсти рублевъ.

Денегъ же пятьсотъ девять рублей шесть алтынъ четыре деньги, что взяты по духовной умершего Семена Волынского, за вотчины ево на платежъ долговъ ево и на поминъ души ево и родителемъ ево.

Да келейныхъ же Патриаршихъ денегъ въ мѣшкѣ оточтены за покупки пятнадцать рублевъ, да четырнадцать ефимковъ съ признаки, да въ бумагѣ денегъ десять рублевъ, по скаскѣ подъячаго Матвѣя Халезова тѣ десять рублевъ присіалъ на покупку изъ Возкресенскаго Монастыря Ѳедоръ Тороповъ.

Да въ мѣшкѣ жъ девяносто полтора ефимка непечатныхъ, а по вѣсу въ нихъ полсема фунта, да двѣнадцать золотыхъ мѣлкихъ, серебреныхъ четыре рубли шесть алатынъ двѣ деньги; а по скаскѣ подьячаго Матвѣя Халезова и по ярлыку на мѣшкѣ тѣ деньги ефимки и золотые и мелкіе деньги взяты изъ Чудова Монастыря вмѣсто образныхъ окладовъ, что на образъ Алексѣя чудотворца, взяты тѣ оклады изъ Патріаршей келейные казны.

Да въ бумашкѣ угарнова келейнова серебра тридцать четыре золотника; и по скаскѣ подьячего Матвѣя Халезова то серебро взято у серебреныхъ мастеровъ.

Въ Патріаршу казну поставлено дворцоваго Приказу денегъ:

Пріиму подьячего Изота Иванова въ мешечкѣ шестьдесятъ пять рублевъ двадцать восмь алтынъ двѣ деньги.

Пріему подьячего Ивана Дурасова, шестдесятъ три рубли шестнадцать алтынъ четыре деньги, взяты за церковные мѣста Троицкой Неглименской слободы попа Алексѣя.

Пріему подьячего Ларіона Ермолаева, ломанова серебра, что взято послѣ умершаго Новинского Монастыря стряпчаго Леонтья, вѣсу фунтъ шесть золотниковъ, да въ мѣшечкѣ денегъ пятдесятъ рублевъ съ полтиною.

Села Бѣлова колодезя Успенского попа Михаила девятнадцать рублевъ.

Въ мѣху десять рублевъ попа Поликарпа за ево счетомъ и за печатью.

Въ мѣшечкѣ же пятнадцать рублевъ съ полтиною и съ четвертьми, да шесть ефимковъ.

Ковшъ, да двѣ чарки, да четыре лошки серебреные, вѣсу два фунта безъ тридцати четырехъ золотниковъ; и по сказкѣ подьячаго Зота Иванова взято у полковника Юрья Рингрися.

Вѣнецъ Богородицынъ низанъ на червчатомъ отласѣ мелкимъ жемчюгомъ, недонизано на полвершка, взятъ по челобитью Фроловскаго попа Петра.

Жемчюгу всякаго двадцать восмь зеренъ крупнаго и мелкого не алмазнаго, Варзуского, збору 163 и 164 и 165 годовъ, вѣсу въ томъ жемчюгу золотникъ.

Кубки серебреные:

Кубокъ чеканной ложчатой съ кровлею золоченъ на оба лица, лошки болшіе, вѣсу въ немъ съ кровлею полпята фунта девятнадцать золотниковъ.

Кубокъ лощатъ чеканной съ кровлею, на кровлѣ травка, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ и съ кровлею пять фунтовъ двадцать семь золотниковъ.

Кубокъ съ кровлею, на кровлѣ травка, золоченъ на оба лица, лощатъ, ложки болшія, вѣсу въ немъ и съ кровлею два фунта сорокъ золотниковъ.

Кубокъ чеканной съ кровлею, на кровлѣ человѣкъ крылатъ съ лукомъ, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ и съ кровлею три фунта двѣнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчетой съ кровлею, на кровлѣ травка, ложки большіе, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ и съ кровлею два фунта девять золотниковъ.

Кубокъ ложчатой съ кровлею, на кровлѣ травка, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ и съ кровлею полтора фунта двѣнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой съ кровлею, на кровлѣ травка, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ и съ кровлею полтора фунта тридцать шесть золотниковъ.

Кубокъ орѣхъ Индѣйской съ кровлею, на кровлѣ человѣкъ въ орехѣ и кругомъ его обложено серебромъ рѣзнымъ золоченымъ, вѣсу въ немъ и съ орѣхомъ и съ кровлею полъ четверта фунта девять золотниковъ.

Кубокъ съ кровлею ложчатой, на кровлѣ травки нѣтъ, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ и съ кровлею полтора фунта двадцать два золотника.

Кубокъ съ кровлею чешуйчатъ, на кровлѣ травка, коробованъ, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ и съ кровлею полфунта тридцать шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой съ кровлею, золоченъ на оба лица, ложки мелкіе на кривомъ деревѣ, вѣсу четыре фунта двадцать три золотника.

Кубокъ ложчатой съ кровлею, золоченъ на оба лица, вѣсу три фунта тридцать шесть золотниковъ.

Кубокъ съ кровлею ложчатой, ложки мелкіе, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ два фунта сорокъ семь золотниковъ.

Кубокъ съ кровлею, золоченъ на оба лица, чеканной на достоканное дѣло, на кровлѣ городокъ, вѣсу полтретья фунта двадцать семь золотниковъ.

Кубокъ съ кровлею ложчатой, крупные ложки, на кровлѣ травка, золоченъ, вѣсу два фунта.

Кубокъ чеканной съ кровлею, на кровлѣ человѣкъ съ щитомъ, золоченъ, около травка серебреная, вѣсу три фунта.

Кубокъ чеканной ложчатой съ кровлею, золоченъ, вѣсу два фунта двадцать три золотника, на достаканное дѣло.

Кубокъ двойной ложчатой, ложки мелкіе и крупные съ репейками, вѣсу три фунта тридцать девять золотниковъ.

Кубокъ двойной чеканной, золоченъ на оба лица, вѣсу семь фунтовъ двѣнадцать золотниковъ.

Кубокъ орѣхъ Индѣйской, кровля и поддонъ и обоймицы серебреные золочены, на кровлѣ человѣкъ съ щитомъ да съ протазаномъ, вѣсу полтора фунта и съ орѣхомъ.

Кубокъ двойной чеканной, золоченъ, вѣсу фунтъ одиннадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой съ кровлею, на кровлѣ травки нѣтъ, золоченъ, вѣсу фунтъ два золотника.

Кубокъ рѣзной съ кровлею, золоченъ на оба лица, навоженъ красками, вѣсу фунтъ четыре золотника.

Кубокъ серебряной рѣзной съ кровлею, золоченъ на оба лица, навоженъ красками, вѣсу фунтъ три золотника.

Кубокъ серебряной съ кровлею ложчатой, золоченъ на оба лица, на кровлѣ травка, вѣсомъ фунтъ полчетверта золотника.

Кубокъ съ долами, поддонъ решетчетъ, золоченъ на оба лица, вѣсомъ шестьдесятъ золотниковъ.

Кубокъ серебрянъ ложчатой съ кровлею золоченъ, на кровлѣ травка, вѣсу фунтъ шестьнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой, ложки большіе безъ кровли, золоченъ, вѣсу фунтъ сорокъ одинъ золотникъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу фунтъ безъ осми золотниковъ.

Кубокъ ложчатой ложки мѣлкіе безъ кровли, на поддонѣ мужикъ, вѣсу фунтъ шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу полфунта тридцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, на срединѣ травы серебряные, вѣсу фунтъ семь золотниковъ.

Кубокъ гладкой золоченъ безъ кровли, вѣсу фунтъ безъ шти золотниковъ.

Кубокъ ложчатой золоченъ безъ кровли, вѣсу полфунта семнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу полфунта тринадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу полфунта шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу полфунта девять золотниковъ.

Кубокъ гладкой безъ кровли золоченъ на тыковное дѣло, вѣсу полфунта девять золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, ложки мѣлкіе, вѣсу полфунта безъ четырехъ золотниковъ.

Кубокъ ложчатой, ложки мѣлкіе безъ кровли, вѣсу полфунта двадцать золотниковъ.

Кубокъ чеканной на тыковное дѣло безъ кровли золоченъ, вѣсу полфунта двадцать четыре золотника.

Кубокъ ложчатой, ложки мелкіе, вѣсу полфунта десять золотниковъ.

Кубокъ половинчатой чеканной безъ кровли, вѣсу полфунта девятнадцать золотниковъ.

Кубокъ без кровли съ лѣсницею да съ мелевкою, вѣсу полфунта три золотника.

Кубокъ безъ кровли на достаканное дѣло, вѣсу полфунта пятьнадцать золотниковъ.

Кубокъ безъ кровли, подъ купкомъ долгіе ложки на достоканное дѣло, вѣсу полфунта безъ трехъ золотниковъ.

Кубокъ безъ поддону и безъ кровли с нѣткою, вѣсу тридцать два золотника.

Кубокъ безъ кровли на достаканное дѣло чеканной, съ ложками долгими, золоченъ на одно лицо, вѣсу полфунта двадцать семь золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу двадцать семь золотниковъ.

Кубокъ рѣзной на достаканное дѣло, вѣсу тридцать два золотника.

Кубокъ ложчатой половинчатой безъ кровли, вѣсу полфунта пятнадцать золотниковъ.

Кубокъ рѣзной золоченъ безъ кровли, вѣсу полфунта девять золотниковъ.

Кубокъ гладкой золоченъ, на поддонѣ мужикъ, безъ кровли, вѣсу полфунта шестнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, вѣсу полфунта безъ пяти золотниковъ.

Кубокъ гладкой съ рѣзью безъ кровли, вѣсу полфунта три золотника.

Кубокъ рѣзной безъ кровли, вѣсу полфунта семнадцать золотниковъ.

Кубокъ рѣзной безъ кровли, вѣсу полфунта шестнадцать золотниковъ.

Кубокъ рѣзной безъ кровли, вѣсу полфунта тридцать четыре золотника.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, вѣсу полфунта десять золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, вѣсу полфунта шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой половинчатой безъ кровли, вѣсу полфунта четырнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, вѣсу полфунта безъ семи золотниковъ.

Кубокъ чеканной безъ кровли, вѣсу тридцать четыре золотника.

Кубокъ чеканной безъ кровли, вѣсу полфунта два золотника.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, вѣсу тридцать одинъ золотникъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, переломленъ, вѣсу полфунта безъ четырехъ золотниковъ.

Кубокъ чеканной безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полтора фунта шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу фунтъ тридцать шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу фунтъ осмнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта тридцать одинъ золотникъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу фунтъ безъ шти золотниковъ.

Кубокъ ложчатой, мелкіе ложки, безъ кровли, золоченъ на оба лица, на поддонѣ человѣкъ съ топоромъ, вѣсу фунтъ безъ осми золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта двадцать четыре золотника.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта двадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта четырнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта пятнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой мелкіе ложки, безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта шестнадцать золотниковъ.

Кубокъ чеканной безъ кровли на тыковное дѣло, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта десять золотниковъ.

Кубокъ ложчатой чеканой, ложки долгіе, безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу нолфунта четыре золотника.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, мѣлкіе ложки, на поддонѣ человѣкъ съ топоромъ, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта двѣнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли чеканпой, ложки долгіе, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта безъ шти золотниковъ.

Кубокъ рѣзной безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта безъ золотника.

Кубокъ половинчатой, ложчатой, безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта двадцать золотниковъ.

Кубокъ половинчатой ложчатой чеканной безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта десять золотниковъ.

Кубокъ половинчатой ложчатой, безъ кровли, чеканной, золоченъ на оба лица, вѣсу полфунта.

Кубокъ ложчатой, безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу тридцать пять золотниковъ.

Кубокъ испорченъ гладкой на достоканное дѣло, золоченъ на оба лица, безъ кровли, вѣсу полфунта.

Двадцать семь кровель кубковыхъ золоченыхъ большихъ и малыхъ ложчатыхъ и рѣзныхъ, пять кровель братинныхъ рѣзныхъ и чеканныхъ золоченыхъ и бѣлыхъ, вѣсу въ нихъ во всѣхъ восмь фунтовъ безъ золотника.

Мужикъ съ копьемъ да съ щитомъ серебряной позолоченъ, вѣсу фунтъ два золотника.

Мужикъ серебряной золоченъ съ купковой кровли, вѣсу осмадцать золотниковъ.

Четыре поддона купковые серебряные чеканные позолочены, три съ трубками, а четвертой испорченъ, вѣсу три фунта двадцать четыре золотника.

Братины:

Братина золотая гладкая рѣзная, съ черныо, въ вѣнцѣ два яхонта лазоревые, два изумруда, кровля на ней золотая жъ чеканная съ финифтью, вѣсу въ ней и съ кровлею фунтъ девятнадцать золотниковъ съ полузолотникомъ.

Братины жъ серебряные:

Братина серебряная ложчатая рѣзная, безъ кровли, вѣсу фунтъ девять золотниковъ.

Братина серебряная, вѣнецъ и мишени золочены мѣсты, вѣсу фунтъ тридцать девять золотниковъ.

Братина серебряная гладкая, вѣнецъ и спуски рѣзные, вѣсу фунтъ три золотника.

Братина серебряная чеканная пупчатая съ кровлею, вѣнецъ и черезъ пупокъ золочены, вѣсу фунтъ шестдесятъ золотниковъ, а на подписи написано фунтъ шестдесятъ четыре золотника.

Братина серебряная чеканная съ кровлею золочена съ лица, вѣсу фунтъ семдесятъ одинъ золотникъ.

Братина серебряная чеканная съ кровлею, вѣнецъ и мишени и поддонъ золочены, вѣсу фунтъ сорокъ золотниковъ.

Братина гладкая серебряная, вѣнецъ и спуски золочены, вѣсу полфунта двѣнадцать золотниковъ.

Братина серебряная чеканная, вѣнецъ рѣзной золоченъ съ черныо, вѣсу фунтъ двадцать семь золотниковъ.

Братина серебряная чеканная, вѣнецъ и мишени и вся золочена, съ лица конфарена, травы бѣлые чаканены на обрѣзъ, вѣсу фунтъ двадцать восмь золотниковъ.

Братина чеканная серебряная на обрѣзъ, съ лица и мишень золочена, вѣнецъ золоченъ съ чернью, земля канфарена, вѣсу фунтъ двадцать семь золотниковъ.

Братина серебряная съ кровлею ложчатая рѣзная бѣлая, вѣсу фунтъ два золотника.

Братина серебряная чеканная, Нѣмецкое дѣло, золочена на оба лица, безъ поддона, вѣсу двадцать одинъ золотникъ.

Братина серебряная, вѣнецъ золоченъ рѣзной, вѣсу сорокъ пять золотниковъ.

Братина серебряная чеканная, зололочена на оба лица, вѣсу тридцать пять золотниковъ.

Братина серебреная гладкая, вѣнецъ золоченъ, подписана Троецкого Сергіева Монастыря, вѣсу фунтъ четыре золотника безъ кровли.

Братина серебреная, безъ кровли, чеканная, с лица и въ ней мишень золочено, на вѣнцѣ подпись рѣзная, вѣсу фунтъ тридцать одинъ золотникъ.

Братина орѣховая, оправлена серебромъ золоченымъ, съ кровлею.

Братина серебряная чеканная съ кровлею, травы на ней и на кровлѣ и въ ней мишень золочены, вѣсу фунтъ три золотника.

Братина серебряная, вѣнецъ и мишень золочены, вѣсу четыре фунта пятнадцать золотниковъ.

Братина серебреная, вѣнецъ и мишень золочены, вѣсу три фунта восмь золотниковъ.

Братина серебреная чеканная, съ кровлею, золочена, вѣсу полтора фунта пятнадцать золотниковъ.

Братина серебряная, вѣнецъ и мишень золоченые, вѣсу два фунта безъ двѣнадцати золотниковъ.

Братина серебряная чеканная на оба лица на левикахъ, вѣсу фунтъ двадцать восмь золотниковъ.

Братина серебряная чешуйчатая золочена, въ вѣнцѣ слова рѣзные, вѣсу полфунта тридцать три золотника.

Братина серебряная чеканная безъ поддона, вѣсу полфунта двадцать одинъ золотникъ.

Яндовки серебряные:

Яндова серебряная ложчатая, вѣнецъ рѣзной золоченый, мишень чеканная золочена жъ, вѣсу по подписи фунтъ двадцать пять золотниковъ.

Яндова серебряная чеканная, лошки косые, вѣнецъ и лошки черезъ мѣсто чеканные золочены, вѣсу три фунта два золотника.

Стоканы серебряные:

Стоканъ серебряной гладкой, поясъ да вѣнецъ золочены, вѣсу пятдесятъ семь золотниковъ.

Шесть стоканновъ серебряныхъ бѣлыхъ гладкихъ, вѣсу полтретья фунта пятнадцать золотниковъ.

Стоканъ серебряной гладкой, вѣнецъ спуски рѣзной, вѣсу сорокъ четыре золотника.

Стоканъ серебряной гладкой, въ кругахъ подпись, вѣсу сорокъ два золотника.

Стоканъ серебряной гладкой, въ кругахъ подпись, вѣсу сорокъ шесть золотниковъ съ ползолотникомъ.

Стоканъ серебряной гладкой, въ кругахъ подпись, вѣсу тридцать восмь золотниковъ.

Стоканъ серебряной гладкой, въ кругахъ подпись, вѣсу сорокъ золотниковъ.

Стоканъ серебряной гладкой, въ кругахъ подпись, вѣсу тридцать девять золотниковъ съ полузолотникомъ.

Стоканъ серебряной гладкой, въ кругахъ подпись, вѣсу тридцать восмь золотниковъ съ полузолотникомъ.

Стоканъ серебряной гладкой, въ кругахъ подпись, вѣсу тридцать восмь золотниковъ.

Стоканъ серебряной гладкой, въ кругахъ подпись, вѣсу тридцать девять золотниковъ.

Стоканъ серебряной гладкой, въ кругахъ подпись, вѣсу тридцать шесть золотниковъ.

Стоканъ серебряной гладкой, въ кругахъ подпись, вѣсу тридцать восмь золотниковъ.

Стоканъ серебряной гладкой, вѣнецъ золоченъ, вѣсу тридцать девять золотниковъ.

Два стокана серебряныхъ конфаренныхъ, съ лица золочены, вѣсу шестьдесятъ восмь золотниковъ.

Стоканъ серебряной, травы рѣзные, вѣсу въ немъ полтора фунта безо шти золотниковъ.

Стоканъ серебряной, травы рѣзные, вѣсу но подписи семдесятъ три золотника.

Стоканъ серебряной, травы рѣзные, вѣсу по подписи шестьдесятъ два золотника.

Девять стокановъ серебряныхъ, вѣнцы у всѣхъ рѣзные золочены, поддоны чеканные золочены жъ, вѣсу шесть фунтовъ одиннадцать золотниковъ.

Стоканъ съ поддономъ золоченъ въ пяти мѣстахъ, поддонъ ложчатой, вѣсу полтора фунта тринадцать золотниковъ.

Шесть стокановъ серебряныхъ канфаренныхъ, вѣнцы и въ нихъ золочено, вѣсу два фунта безъ двунадцати золотниковъ.

Шесть стокановъ канфаренныхъ, вѣнцы рѣзные золочены, вѣсу два фунта три золотника.

Шесть стокановъ серебряныхъ гладкихъ, вѣнцы рѣзные золочены, вѣсу два фунта шесть золотниковъ.

Шесть стокановъ серебряныхъ гладкихъ, вѣнцы рѣзные золочены, вѣсу два фунта десять золотниковъ.

Кровля серебряная золоченая отъ достакановъ дюжинныхъ, вѣсу двадцать четыре золотника.

Ковши:

Пять ковшей серебряныхъ гладкихъ, мишени и пелюски чеканные, подписи и спуски рѣзные, вѣсу во всѣхъ три фунта безъ двух золотниковъ.

Ковшъ серебряной ложчатой, вѣнецъ и съ лица и пелюска рѣзные золочены, мишень чеканная золочена жъ, вѣсу полфунта шесть золотниковъ.

Корецъ серебряной съ кольцомъ, вѣнецъ и спуски и поддоны золочены, мишень чеканная золочена, на мишени камень въ гнѣздѣ простой, вѣсу полфунта девять золотниковъ.

Ковшъ серебряной гладкой бѣлой, пелюска и вѣнецъ и спуски рѣзные, вѣсу сорокъ четыре золотника.

Ковшъ серебряной басеиной ложчатой, пелюстка и черезъ лошку золочено, вѣсу двадцать три золотника.

Ковшъ серебряной бѣлой, пелюстка чеканная позолочена, вѣсу сорокъ пять золотниковъ.

Ковшъ серебряной мѣстами золоченъ съ финифтью, вѣсу въ немъ фунтъ безъ получетверта золотника.

Ковшъ серебрянъ, подпись по немъ и вѣнецъ золочены съ финифтомъ, вѣсу фунтъ безъ пяти золотниковъ.

Ковшъ серебряной, подпись золочена, вѣсу по подписи фунтъ безъ золотника.

Ковшъ серебреной, подпись золочена, вѣсу по подписи фунтъ безъ золотника.

Ковшъ серебреной, въ четырехъ мѣстѣхъ рѣзана подпись, вѣсу въ немъ по подписи фунтъ двадцать девять золотниковъ.

Ковшъ серебряной, въ четырехъ мѣстѣхъ рѣзана подпись, вѣсу по подписи фунтъ сорокъ пять золотниковъ.

Ковшъ серебрянъ, въ четырехъ мѣстѣхъ рѣзана подпись, вѣсу по подписи фунтъ двадцать четыре золотника.

Ковшъ серебрянъ гладкой, вѣсу по подписи фунтъ безъ трехнадцати золотниковъ.

Ковшъ серебрянъ гладкой, вѣсу по подписи фунтъ безъ четырехъ золотниковъ.

Ковшъ серебрянъ, подпись на немъ, въ четырехъ мѣстѣхъ золочено, вѣсу полутора фунта безъ полутора золотника.

Ковшъ серебреной, подпись на немъ въ четырехъ мѣстѣхъ, вѣсу полфунта двадцать восемь золотниковъ.

Два ковша репчатые оправлены серебромъ, одинъ канфаренъ, другой рѣзной, оба золочены.

Ковшъ серебряной о дву стебляхъ, вѣнецъ рѣзной, поддонъ чеканной, вѣнецъ и поддонъ золочены, вѣсу фунтъ двадцать семь золотниковъ.

Чаши:

Чаша золотая гладкая, четыре мѣста рѣзаны съ чернью, въ ней яхонтъ лазоревой, вѣнецъ четвероуголной, вѣсу въ ней фунтъ безъ двѣнадцати золотниковъ.

Чаши серебряные:

Чаша серебряная ложчатая, вѣнецъ и мишень и подложки золочены, вѣсу фунтъ безъ дву золотниковъ.

Чаша серебряная съ корцомъ, вѣнецъ и мишень и спуски золочены, вѣсу полфунта одиннадцать золотниковъ.

Чаша серебряная чеканная, на мишенѣ олень, вѣсу тридцать золотниковъ.

Чашка серебряная чеканная, мишень съ финифтомъ, вѣсу двадцать восмь золотниковъ.

Чашка серебряная бѣлая канфареная, вѣсу тридцать одинъ золотникъ.

Чашка чеканная серебряная внутри позолочена, на мишени левъ, вѣсомъ двадцать семь золотниковъ съ полузолотникомъ.

Чаша серебряная ложки косые, вѣнецъ и внутри мишень золочены, вѣсу полтора фунта двадцать пять золотниковъ.

Восмь чашекъ рѣзныхъ серебряныхъ, да три корца бѣлыхъ, вѣсу полтора фунта безъ золотника.

Чарки:

Шесть чарокъ серебряныхъ гладкихъ медвеныхъ, пелюски и вѣнцы рѣзные, вѣсу два фунта двадцать четыре золотника.

Шесть чарокъ серебряныхъ гладкихъ, вѣнцы рѣзные, пелюстки чеканныя, вѣсу во всѣхъ два фунта шесть золотниковъ.

Чарка серебряная чеканная, золочена мѣстами, вѣсу тридцать пять золотниковъ.

Чарка раковинная, вѣнецъ у ней и поддонъ оправа серебряная позолочена, въ вѣнцѣ подписано Томила Луговскаго, пелюстка у ней серебряная жъ чеканная золочена, въ пелюсткѣ камень яхонтъ лазоревъ.

Три чарки серебряные: въ одной чаркѣ вѣсу по подписи двадцать шесть золотниковъ, въ другой чаркѣ двадцать семь золотниковъ съ ползолотникомъ, въ третьей чаркѣ тридцать три золотника съ ползолотникомъ.

Крушки серебряные:

Крушка серебряная съ кровлею, на верху человѣкъ съ копьемъ да щитомъ, съ лица черезъ мѣсто золочена, вѣсу полчетверта фунта осмнадцать золотниковъ.

Крушка ложчатая съ кровлею чеканная, на верху травка золочена, вѣсу три фунта два золотника.

Крушка ложчатая съ кровлею золочена, вѣсу полтора фунта девять золотниковъ.

Крушка съ кровлею серебряная бѣлая, вѣсу полфунта осмнадцать золотниковъ.

Крушка серебряная рѣзная, поддонъ чеканной, на кровлѣ человѣкъ на конѣ золоченъ, вѣсу въ ней полчетверта фунта безъ дву золотниковъ и съ кровлею.

Крушка серебряная, золочена на оба лица съ носкомъ, вѣсу въ ней два фунта и съ кровлею.

Крушка канфареная серебряная, въ ней золочено, вѣсу въ ней и съ кровлею фунтъ тридцать четыре золотника.

Стопа серебряная на чеканное дѣло съ кровлею, золочена на оба лица, на кровлѣ человѣкъ съ конемъ, вѣсу въ ней два фунта семнадцать золотниковъ.

Кувшины серебряные:

Кувшинъ серебряной съ кровлею золоченъ рѣзной, вѣсу три фунта безъ шти золотниковъ.

Кувшинъ съ кровлею, золоченъ рѣзной, вѣсу четыре фунта.

Ѳляши и четвертины:

Ѳляша серебряная осмероугольная съ кольцомъ, золочена на оба лица, вѣсу полтретья фунта два золотника.

Ѳляша серебряная граненая съ кольцомъ, золочена на оба лица, вѣсу полтретья фунта двѣнадцать золотниковъ.

Ѳляша серебряная бѣлая съ кольцомъ да съ ключемъ граненая, вѣсу три фунта безъ двѣнадцати золотниковъ.

Четвертина серебряная съ ѳтулкою, золочена по угламъ, вѣсу въ ней пять фунтовъ безъ семи золотниковъ.

Четвертина серебряная безъ кровли, вѣсу пять фунтовъ сорокъ три золотника.

Росолники:

Росолникъ серебряной ложчатой, золоченъ на оба лица, вѣсу фунтъ безъ четырехъ золотниковъ.

Росолникъ серебряной, золоченъ на оба лица, рѣзной, вѣсу полфунта двадцать два золотника.

Росолникъ серебряной, золоченъ на оба лица, чеканной, вѣсу полфунта два золотника.

Росолникъ серебрянъ съ поддономъ, Нѣмецкое дѣло, чеканной, золоченъ на оба лица, вѣсу фунтъ тридцать шесть золотниковъ.

Росолникъ серебряной чеканной съ поддономъ, Нѣмецкое дѣло, золоченъ съ лица, вѣсу фунтъ двадцать четыре золотника.

Росолникъ серебряной безъ поддона ложчатой, мишень золочена, вѣсу полфунта десять золотниковъ.

Росолникъ серебряной ложчатой безъ поддона, мишень чеканная золочена, вѣсу полфунта одинъ золотникъ.

Росолникъ серебряной, безъ поддона, горощетой; мишень золочена, вѣсу тридцать одинъ золотникъ.

Росолникъ серебряной ложчатой, мишень чеканная золочена, вѣсу полфунта тридцать два золотника.

Росолникъ серебрянной ложчатой, мишень чеканная, черезъ мѣсто золочено, вѣсу тридцать одинъ золотникъ.

Росолникъ серебряной, золоченъ мѣсты, вѣсу фунтъ безъ двѣнадцати золотниковъ.

Росолникъ серебряной ложчатой о дву пелюсткахъ, золоченъ и съ кровлею на оба лица, вѣсу въ немъ три фунта безъ шти золотниковъ.

Судки серебряные чешуйчатые, золочены мѣсты, вѣсу въ нихъ три фунта.

Кубокъ съ долами, поддонъ решетчеть, золоченъ на оба лица, вѣсомъ шестьдесятъ золотниковъ.

Кубокъ серебрянъ ложчатой съ кровлею золоченъ, на кровлѣ травка, вѣсу фунтъ шестьнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой, ложки большіе безъ кровли, золоченъ, вѣсу фунтъ сорокъ одинъ золотникъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу фунтъ безъ осми золотниковъ.

Кубокъ ложчатой ложки мѣлкіе безъ кровли, на поддонѣ мужикъ, вѣсу фунтъ шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу полфунта тридцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, на срединѣ травы серебряные, вѣсу фунтъ семь золотниковъ.

Кубокъ гладкой золоченъ безъ кровли, вѣсу фунтъ безъ шти золотниковъ.

Кубокъ ложчатой золоченъ безъ кровли, вѣсу полфунта семнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу полфунта тринадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу полфунта шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу полфунта девять золотниковъ.

Кубокъ гладкой безъ кровли золоченъ на тыковное дѣло, вѣсу полфунта девять золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, ложки мѣлкіе, вѣсу полфунта безъ четырехъ золотниковъ.

Кубокъ ложчатой, ложки мѣлкіе безъ кровли, вѣсу полфунта двадцать золотниковъ.

Кубокъ чеканной на тыковное дѣло безъ кровли золоченъ, вѣсу полфунта двадцать четыре золотника.

Кубокъ ложчатой, ложки мелкіе, вѣсу полфунта десять золотниковъ.

Кубокъ половинчатой чеканной безъ кровли, вѣсу полфунта девятнадцать золотниковъ.

Кубокъ без кровли съ лѣсницею да съ меленкою, вѣсу полфунта три золотника.

Кубокъ безъ кровли на достаканное дѣло, вѣсу полфунта пятнадцать золотниковъ.

Кубокъ безъ кровли, подъ купкомъ долгіе ложки на достоканное дѣло, вѣсу полфунта безъ трехъ золотниковъ.

Кубокъ безъ поддону и безъ кровли с нѣткою, вѣсу тридцать два золотника.

Кубокъ безъ кровли на достаканное дѣло чеканной, съ ложками долгими, золоченъ на одно лицо, вѣсу полфунта двадцать семь золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли золоченъ, вѣсу двадцать семь золотниковъ.

Кубокъ рѣзной на достаканное дѣло, вѣсу тридцать два золотника.

Кубокъ ложчатой половинчатой безъ кровли, вѣсу полфунта пятнадцать золотниковъ.

Кубокъ рѣзной золоченъ безъ кровли, вѣсу полфунта девять золотниковъ.

Кубокъ гладкой золоченъ, на поддонѣ мужикъ, безъ кровли, вѣсу полфунта шестнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, вѣсу полфунта безъ пяти золотниковъ.

Кубокъ гладкой съ рѣзью безъ кровли, вѣсу полфунта три золотника.

Кубокъ рѣзной безъ кровли, вѣсу полфунта семнадцать золотниковъ.

Кубокъ рѣзной безъ кровли, вѣсу полфунта шестнадцать золотниковъ.

Кубокъ рѣзной безъ кровли, вѣсу полфунта тридцать четыре золотника.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, вѣсу полфунта десять золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, вѣсу полфунта шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой половинчатой безъ кровли, вѣсу полфунта четырнадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, вѣсу полфунта безъ семи золотниковъ.

Кубокъ чеканной безъ кровли, вѣсу тридцать четыре золотника.

Кубокъ чеканной безъ кровли, вѣсу полфунта два золотника.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, вѣсу тридцать одинъ золотникъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, переломленъ, вѣсу полфунта безъ четырехъ золотниковъ.

Кубокъ чеканной безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу полтора фунта шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу фунтъ тридцать шесть золотниковъ.

Сковородка серебряная, по краямъ мѣстами и стебель золочены, вѣсу по подписи полтара фунта двѣнадцать золотниковъ.

Сковородка серебряная, по краямъ мѣстами и стебель золочены, вѣсу въ ней по подписи фунтъ девять золотниковъ съ полу золотникомъ.

Сковородка серебряная бѣлая, вѣсу по подписи два фунта одинъ золотникъ.

Сковородка серебряная, вѣсу въ ней по подписи полтора фунта тридцать пять золотниковъ.

Сковородка серебряная, вѣсу по подписи полтора фунта девятнадцать золотниковъ.

Сковородка серебряная, вѣсу въ ней по подписи два фунта восмь золотниковъ.

Котелъ серебряной бѣлой съ душкою серебряною, вѣсу въ немъ полтора фунта двадцать три золотника.

Лошки серебряные:

Двѣ лошки серебряные золоченые, вѣсу въ нихъ сорокъ два золотника.

Ложечка маленькая серебряная, внутри вырѣзанъ лебедекъ золоченъ, вѣсу въ ней четыре золотника.

Одиннадцать ложечекъ серебряныхъ, разныхъ дѣлъ, а въ нихъ семь ложекъ золочены мѣстами, вѣсу въ нихъ два фунта девятнадцать золотниковъ.

Лжица серебряная вызолочена, вѣсомъ пять золотниковъ.

Шанданы серебряные:

Шанданъ серебряной, дно и мѣстами золоченъ, вѣсу въ немъ полтора фунта пять золотниковъ.

Шанданъ серебряной бѣлой, дно лошки длинные, вѣсу по подписи полтретья фунта пятнадцать золотниковъ.

Два шандана хрустальныхъ, оправлены серебромъ позолочены; а по скаскѣ дьяка Ивана Кокошилова, взяты тѣ шанданы съ казеннаго двора для образца.

Шанданъ серебряной гладкой стенной, вѣсу фунтъ два золотника.

Лахани и рукомойники серебряные:

Лахань золочена на оба лица, да рукомойникъ золоченъ съ лица, вѣсу въ лохани и въ рукомойникѣ двѣнадцать фунтовъ пятьдесятъ одинъ золотникъ.

Лахань съ рукомойникомъ гладкіе, мѣстами золочены, на верху у рукомойника лошадь стоитъ на заднихъ ногахъ, вѣсу въ лахани и въ рукомойникѣ три фунта двадцать восмь золотникоаъ.

Лахань серебряная чеканная, золочена на оба лица, въ ней мишень бѣлая серебряная, къ ней рукомойникъ серебрянъ рѣзной, кровля и поддонъ чеканные съ лица, тотъ рукомойникъ и кровля золочены, вѣсу въ лохани и въ рукомойникѣ пять фунтовъ сорокъ семь золотниковъ.

Рукомойникъ серебряной гладкой, на кровлѣ мишень и поясы золочены, вѣсу полтора фунта.

Ковчежецъ серебряной гладкой съ кровлею, въ чемъ печати быть жалованной грамоты Иверскаго монастыря, вѣсу восмьдесятъ три золотника.

Лукошечко серебряное рѣзное, съ лица золочено, вѣсу двадцать три золотника.

Горшечикъ серебряной съ кровлею, внутри вызолоченъ, вѣсу фунтъ безъ пятнадцати золотниковъ.

Суды серебряные погребные:

Кубокъ серебрянъ безъ кровли на прорѣзномъ поддонѣ, вѣнецъ и поддонъ золочены, вѣсу въ немъ шестдесятъ девять золотниковъ.

Кубокъ серебрянъ ложчатой безъ кровли, золоченъ на оба лица, вѣсу шестдесятъ одинъ золотникъ.

Кубокъ серебрянъ рѣзной съ лошками, золоченъ на оба лица, безъ кровли, вѣсу пятдесятъ три золотника.

Кубокъ серебрянъ золоченъ на оба лица, ложчатой безъ кровли, вѣсу тридцать пять золотниковъ.

Кубокъ серебрянъ гладкой, подъ нимъ чеканено, поддонъ рѣзной золоченъ на оба лица, вѣсу пятдесятъ золотниковъ съ полу золотникомъ.

Кубокъ серебрянъ золоченъ безъ кровли гладкой, подъ нимъ чеканено, поддонъ рѣзной, вѣсу сорокъ три золотника.

Кубокъ серебряной гладкой, золоченъ на оба лица безъ кровли, вѣсу сорокъ три золотника.

Кубокъ серебрянъ чеканной не золоченъ, вѣсу сорокъ шесть золотниковъ.

Братины:

Братина серебряная чешуйчатая безъ кровли, вѣнецъ рѣзной, мишень чеканная, съ лица позолочена, вѣсу фунтъ двадцать пять золотниковъ.

Братина серебряная чеканная безъ кровли, золочена на оба лица, вѣсу пятдесятъ девять золотниковъ.

Братина серебреная чеканная, золочена на оба лица, вѣсу полфунта двадцать четыре золотника.

Братина серебряная чеканная, съ лица позолочена, вѣсу пятдесять семь золотниковъ.

Стопы:

Стопа серебряная бѣлая чеканная съ кровлею ложчатая, мѣстами рѣзана, вѣсу четыре фунта десять золотниковъ.

Стопа серебряная гладкая съ кровлею, вѣсу два фунта тридцать золотниковъ.

Стаканы:

Стаканъ серебрянъ на левикахъ, вѣнецъ да въ трехъ мѣстѣхъ въ кругахъ рѣзаны слова и поддонъ позолочены, вѣсу фунтъ съ золотникомъ.

Стаканъ серебряной рѣзной, кровля чеканная, съ лица и кровли позолочено, вѣсу фунтъ пятдесятъ четыре золотника.

Стаканъ серебряной гладкой бѣлой, вѣнецъ позолоченъ, двѣ мишени рѣзаны, вѣсу въ немъ шестьдесять одинъ золотникъ.

Шесть стакановъ серебряныхъ гладкихъ, вѣнцы рѣзные позолочены, вѣсу въ нихъ два фунта девятнадцать золотниковъ.

Ковши и чарки:

Три ковша медвяныхъ серебряныхъ, пелюски чеканные и по краямъ золочены, вѣсу во всѣхъ фунтъ семдесятъ золотниковъ.

Десять ковшей серебряныхъ бѣлыхъ, и на шти ковшахъ рѣзаны мишени, вѣсу во всѣхъ семь фунтовъ шестдесять пять золотниковъ.

Восмь чарокъ серебряныхъ гладкихъ, пелюски чеканные, подписи рѣзные, вѣсу во всѣхъ полтретья фунта тридцать два золотника.

Ситка серебряная съ рукоядкую гладкая бѣлая, вѣсу сорокъ шесть золотниковъ.

Суды серебряные, что взяты у серебрениковъ у старца Іоны съ товарыщи.

Братина серебреная бѣла рѣзная, вѣсу въ ней полфунта двадцать одинъ золотникъ съ полузолотникомъ, въ новой Ерусалимъ.

Крушка съ кровлею серебряная золочена, по ней вырѣзары люди и травы, вѣсу въ ней полтора фунта традцать золотниковъ, въ новой же Ерусалимъ.

Крушка съ кровлею чеканная, золочена на оба лица, вѣсу въ ней фунтъ пятнадцать золотниковъ, въ Воскресенской Монастырь.

Кувшинецъ съ кровлею серебрянъ, золоченъ и рѣзанъ мѣстами, въ Иверской монастырь.

Солонка серебряная складная прорѣзная, поддонъ и средина золочены, вѣсу полфунта двадцать золотниковъ съ полузолотникомъ.

Росолникъ безъ поддона серебряной ложчатой, вѣсу въ немъ полфунта одинъ золотникъ, по подписи въ Крестной монастырь.

Чашокъ полпята колоколца, вѣсу въ нихъ одиннадцать золотниковъ съ четвертью.

Серебро врозни:

Копѣекъ серебряныхъ золоченыхъ, были у образовъ, вѣсу въ нихъ фунтъ съ четью.

Два яблока рѣзныхъ серебряныхъ.

Одиннадцать пугвицъ серебряныхъ золоченые, да цепочка серебряная плетеная, вѣсу тридцать семь золотниковъ.

Абасы и копѣйки старые и ефимки, вѣсу въ нихъ фунтъ осмнадцать золотниковъ.

Одинадцать ефимковъ.

Десять полу ефимковъ.

Цепь серебряная позолочена, вѣсу въ ней пятнадцать золотниковъ.

Серебра кованова въ полицахъ, тридцать одинъ фунтъ тридцать два золотника.

Серебра жъ ломанова и обрезковъ, пятнадцать фунтовъ восмьдесятъ два золотника.

Бархаты золотные:

Бархатъ золотной по червчатой землѣ, круги зеленой шолкъ съ золотомъ, мѣрою восмь аршинъ семь вершковъ.

Бархатъ золотной по червчатой землѣ, репьи шелкъ зеленой съ золотомъ, мѣрою десять аршинъ два вершка.

Бархатъ золотной по червчатой землѣ, въ репьяхъ шелкъ зеленой, мѣрою десять аршинъ.

Бархатъ золотной съ серебромъ, по червчатой землѣ репьи, мѣрою десять аршинъ безъ четверти.

Бархатъ золотной съ серебромъ по таусинной землѣ, мѣрою одиннадцать аршинъ съ четвертью.

Бархатъ золотной, по червчатой землѣ въ кругахъ шолкъ зеленъ, мѣрою девять аршинъ десять вершковъ.

Бархатъ золотной по таусинной землѣ, кубы и травы золото съ сереброиъ, мѣрою восмь аршинъ шесть вершковъ.

Бархатъ золотной по червчатой землѣ, рѣпьи золото съ зеленымъ шолкомъ, мѣрою десять аршинъ безъ вершка.

Бархатъ золотной по червчатой землѣ, рѣпьи золото съ зеленымъ шолкомъ, мѣрою десять аршинъ съ вершкомъ.

Бархатъ золотной по червчатой землѣ, рѣпьи золото съ зеленымъ шолкомъ, мѣрою десять аршинъ два вершка.

Бархатъ золотной по таусинной землѣ, кубы и травы золото съ серебромъ, мѣрою десять аршинъ безъ четверти.

Остатки бархатовъ золотныхъ:

Остатокъ бархата золотнаго, по червчатой землѣ кубы золоты, ветчанъ, мѣрою четыре аршина десять вершковъ.

Остатокъ бархату золотного, по червачатой землѣ травы золоты, два аршина три вершка, ветчанъ.

Остатокъ бархату золотного по таусинной землѣ, два аршина семь вершковъ.

Остатокъ бархату золотного, по червчатой землѣ травы золоты съ серебромъ, аршинъ шесть вершковъ.

Остатокъ бархату золотнаго по червчатой землѣ ветчанаго, аршинъ пять вершковъ, съ одного конца вырѣзано полшеста вершка съ дирцомъ.

Остатокъ бархату золотного, по червчатой землѣ травы золото съ серебромъ, полчетверта вершка.

Остатокъ ризъ унияцкихъ ксензъ ветчанъ, шито по бѣлому бархату оксамичено.

Остатокъ бархату золотнаго по червчатой землѣ, два вершка.

Остатокъ бархату золотнаго по червчатой землѣ, полтора аршина.

Остатокъ бархату золотного по червчатой землѣ, два вершка.

Остатокъ бархату по червчатой землѣ, рѣпьи золото съ зеленымъ шолкомъ, изъ середки вырѣзано кругомъ, да съ угла вырѣзано ускиремъ, мѣрою въ доль по одной кромкѣ три чети, по другой сторонѣ пять вершковъ.

Остатокъ бархату Виницейского, по золотой землѣ травы шолкъ красной да бѣлой, мѣрою два аршина два вершка.

Остатокъ бархату травчетого мѣрою поперегъ полчетверта вершка, вдоль одиннадцать вершковъ.

Двѣ каймы бархату золотного.

Лоскутъ бархату золотнаго съ ожерелья.

Бархаты гладкіе.

Бархатъ гвоздишной гладкой, восмь аршинъ десять вершковъ.

Бархатъ гладкой полосатый Кизилбаской, девять аршинъ съ четью.

Бархатъ зеленой гладкой, осмь аршинъ два вершка.

Бархатъ лимонной гладкой, восмь аршинъ семь вершковъ.

Бархатъ червчатой гладкой, девять аршинъ безъ пяти вершковъ.

Бархатъ Таусинной гладкой, десять аршинъ безъ дву вершковъ.

Бархатъ черной, семь аршинъ семь вершковъ.

Бархатъ Кизилбашской полосатой, пять аршинъ шесть вершковъ.

Бархатъ червчатой гладкой, девять аршинъ пять вершковъ.

Бархатъ красной вишневой гладкой, десять аршинъ безъ дву вершковъ.

Бархатъ алой, десять аршинъ.

Бархатъ лозоревой Таусинной, одиннадцать аршинъ съ полуаршиномъ сшиты.

Бархатъ червчатой Веницейской, десять аршинъ безъ трехъ вершковъ.

Бархатъ вишневой, десять аршинъ безъ вершка.

Бархатъ вишневъ, восмь аршинъ два вершка.

Бархатъ полосатой Кизылбашской, девять аршинъ съ четью.

Бархатъ лазоревой, полпята аршина.

Бархатъ вишневой, мѣрою десять аршинъ два вершка.

Бархатъ таусинной, въ мѣрѣ двадцать семь аршинъ безъ дву вершковъ.

Бархаты рытые:

Бархатъ рытой по червчатой землѣ, травы черной шелкъ, мѣрою десять аршинъ безъ вершка.

Бархату червчатаго рытаго два аршина девять вершковъ.

Бархатъ рытой по червчатой землѣ, травы шелкъ черной, девять аршинъ девять вершковъ.

Бархатъ рытой Веницейской по серебряной землѣ, травы шелкъ бѣлой, мѣрою двѣнадцать аршинъ.

Бархатъ черной рытой, семь аршинъ.

Бархатъ красной вишневой рытой, восмь аршинъ безъ двухъ вершковъ, одна кромка отрѣзана вся.

Бархатъ рытой по червчатой землѣ, травы шелкъ зеленый, восмь аршинъ девять вершковъ.

Бархатъ рытой по багровой землѣ, травы черной шелкъ, восмь аршинъ десять вершковъ.

Бархатъ рытой, по бѣлой землѣ травы червчаты, въ мѣрѣ двадцать восмь аршинъ съ четью.

Бархату рытаго, по червчатой землѣ травы черные, семь аршинъ съ четью.

Два лоскута бархату зеленаго рытаго невелики.

Остатки бархату гладкаго:

Остатокъ бархату зеленаго гладкаго, два аршина два вершка.

Остатокъ бархату зеленаго гладкаго, три аршина три вершка.

Остатокъ бархату лазореваго гладкаго, два аршина семь вершковъ.

Остатокъ бархату гвоздичнаго гладкаго, три аршина безъ двухъ вершковъ.

Остатокъ бархату лазореваго гладкаго, аршинъ шесть вершковъ.

Остатокъ бархату зеленаго, два аршина десять вершковъ.

Въ трехъ лоскутахъ бархату чернаго, два аршина два вершка.

Остатокъ бархату червчатаго Веницейского, аршинъ два вершка.

Остатокъ бархату таусиннаго, три аршина безъ вершка, да въ немъ два лоскута того же бархату съ клинцами.

Остатокъ бархату рытаго, по червчатой землѣ травы зеленые, три аршина шесть вершковъ.

Лоскутъ бархату, по червчатой землѣ травы зеленые.

Остатокъ бархату вишневаго, два аршина одиннадцать вершковъ.

Остатокъ бархату зеленаго, аршинъ.

Остатокъ трипу дымчатого, три аршина пять вершковъ.

Бархату три лоскута сшиты.

Атласы золотные и серебряные.

Атласъ золотной по червчатой землѣ, въ двухъ лоскутахъ четыре аршина съ четью, травы розныхъ цвѣтовъ.

Атласъ золотной, по зеленой землѣ травы золотыя, въ мѣрѣ девять аршинъ безъ четверти.

Атласъ, по серебряной землѣ травы золоты съ шелкомъ съ зеленымъ и съ краснымъ, въ мѣрѣ восмь аршинъ шесть вершковъ.

Атласъ, по вишневой землѣ травы золотые съ шелкомъ, шелкъ зеленый да червчатый, въ мѣрѣ десять аршинъ безъ вершка.

Атласу, по червчатой землѣ травы золотые съ серебромъ, въ четырехъ лоскутахъ, семь аршинъ безъ дву вершковъ.

Лоскутъ атласу золотнаго по червчатой землѣ, травы золотые съ серебромъ, въ длину аршинъ два вершка, поперегъ полъ аршина неуступно.

Того жъ атласу три клинчика.

Атласу аршинъ съ вершкомъ по лазоревой землѣ травы золотые.

Остатокъ атласу по вишневой землѣ травы золотые, въ мѣрѣ аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Остатокъ завѣсу Турецкаго атласа, золотного по червчатой землѣ кушатчатого полосатого, съ разными шолками, въ длину три аршина съ четью, по перегъ два аршина безъ двухъ вершковъ; той же завѣсы кайма, въ длину пять аршинъ безо шти вершковъ, ширина полъ аршина слишкомъ, тоежъ каймы два остатка въ длину по два аршина, въ ширину по полтора вершка.

Атласы гладкіе и остатки:

Остатокъ атласу вишневаго, въ длину по одной кромкѣ шесть аршинъ, а по другой кромкѣ полъ шеста аршина.

Атласъ гвоздичной цвѣтъ, по мѣрѣ девять аршинъ съ четью.

Атласъ вишневой цвѣтъ, по мѣрѣ четырнадцать аршинъ.

Атласъ вишневой цвѣтъ, по мѣрѣ девять аршинъ семь вершковъ.

Остатокъ атласу цвѣтнаго по лазоревой землѣ разныхъ шелковъ, по мѣрѣ два аршина.

Атласъ таусинной цвѣтъ, по мѣрѣ десять аршинъ.

Атласу алаго, полъ сема аршина.

Атласъ вишневой цвѣтъ, по мѣрѣ десять аршинъ.

Атласу свѣтло-лазореваго, по мѣрѣ два аршина два вершка.

Атласу дымчатаго, девять аршинъ.

Атласу таусиннаго, семь аршинъ два вершка.

Остатокъ атласу брусничнаго цвѣту, два аршина десять вершковъ.

Остатокъ атласу лазореваго, по мѣрѣ девять вершковъ.

Остатокъ атласу зеленаго, пять аршинъ три вершка.

Атласу свѣтло-лазореваго, восмь аршинъ.

Атласу вишневаго, десять аршинъ.

Атласу лазореваго травчатаго, десять аршинъ.

Атласу лазореваго жъ, десять аршинъ.

Атласу алаго, шесть аршинъ шесть вершковъ.

Атласу дымчатаго, девять аршинъ съ вершкомъ.

Атласу чернаго, десять аршинъ два вершка.

Атласу вишеваго, десять аршинъ.

Атласу вишневаго, десять аршинъ.

Атласу лазореваго, пять аршинъ съ четью.

Атласу вишневаго, десять аршинъ.

Остатокъ атласу свѣтло-зеленаго, аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Атласу дымчатаго, восмь аршинъ.

Атласу лазореваго, десять аршинъ.

Атласу лазореваго, восмь аршинъ.

Остатокъ атласу вишневаго, аршинъ пять вершковъ.

Атласу лазореваго, десять аршинъ безъ вершка.

Атласу лазореваго, семь аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Атласу лазореваго, десять аршинъ.

Атласу лазореваго, десять аршинъ.

Атласу красновато-вишневаго, четыре аршина.

Атласу лазореваго, аршинъ пять вершковъ.

Атласу бѣлаго чешуйчатаго, аршинъ.

Атласу бѣлаго, въ длину шесть аршинъ, въ ширину полъ аршина.

Остатокъ атласу бѣлаго безъ кромокъ, одиннадцать вершковъ, скудно.

Остатокъ атласу бѣлаго жъ, полтора аршина безъ вершка.

Да того жъ атласу, въ длину два аршина шесть вершковъ, поперегъ въ четь аршина.

Остатокъ атласу вишневаго, мѣрою аршинъ девять вершковъ.

Подпушки съ подплатья въ двухъ мѣстѣхъ, атласъ вишневой, въ длину пятьнадцать аршинъ, поперегъ полъ трети аршина, ветхъ.

Байберекъ широкой черной, мѣрою двадцать шесть аршинъ.

Обьяри широкіе и узкіе.

Обьярь лимонная, широкая, мѣрою пять аршинъ.

Обьярь лимонная, широкая, четыре аршина семь вершковъ.

Обьярь вишневая, широкая, десять аршинъ девять вершковъ.

Обьяри узкіе.

Обьярь узкая таусинная, двѣнадцать аршинъ безъ трехъ вершковъ.

Обьярь узкая таусинная, десять аршинъ.

Обьярь узкая гвоздичная, десять аршинъ.

Обьярь гвоздичная узкая, девять аршинъ безъ чети.

Обьярь таусинная узкая, двѣнадцать аршинъ.

Обьярь гвоздичная узкая, десять аршинъ.

Обьярь гвоздичная узкая, двѣнадцать аршинъ.

Обьярь гвоздичная узкая, десять аршинъ.

Обьярь гвоздичпая узкая, десять аршинъ.

Обьярь двоелишная узкая, тринадцать аршинъ семь вершковъ.

Обьярь гвоздичная узкая, десять аршинъ.

Обьярь по вишневой землѣ, травы бѣлые, шестнадцать аршинъ.

Обьярь гвоздичная узкая, восмь аршинъ семь вершковъ.

Обярь вишневая узкая, десять аршинъ.

Обьярь гвоздичная узкая, двѣнадцать аршинъ.

Обьярь гвоздичная узкая, десять аршинъ.

Обьярь гвоздичная узкая, десять аршинъ.

Обьярь вишневая узкая, десять аршинъ безъ четверти.

Обьярь черная узкая, десять аршинъ безъ двухъ вершковъ, по краямъ горѣлая.

Обьярь таусинная ускал, десять аршинъ безъ вершка.

Обьярь лазоревая узская, десять аршинъ.

Обьярь зеленая узская, восмь аршинъ десять вершковъ.

Остатки обяри:

Остатокъ обьяри таусинной, мѣрою полъ третья аршина.

Остатокъ обьяри по лазоревой землѣ, травы бѣлые, мѣрою олъ третья аршина.

Остатокъ обьяри широкой, лазоревой, въ двухъ мѣстѣхъ по аршину, да три лоскута, и въ томъ числѣ два лоскута клиномъ въ длину по аршину, третей по кромкѣ семь вершковъ, поперегъ полъ одиннадцата вершка.

Остатокъ обьяри зеленой широкой, мѣрою два аршина и съ лоскутомъ.

Остатокъ обьяри двоеличной, шолкъ зеленый да вишневый, мѣрою аршинъ.

Обьяри таусинной, горѣлой, въ длину четыре, а въ ширину поперегъ полъ аршина.

Лоскутъ обьяри, по серебряной землѣ травы золотые, съ разнымъ шолкомъ, мѣрою три чети.

Камки.

Камка Кизилбашская, полосатая, полосы въ длину, разные шолки съ золотомъ и серебромъ, мѣрою пять аршинъ безъ вершка.

Камка Кизилбашская, по серебряной землѣ травы золотые, мѣрою четь аршина.

Камка Кизилбашская, по ней травы шелкъ зеленый, мѣрою семь аршинъ.

Камка брусничной цвѣтъ, мѣрою пятнадцать аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Камка Астраданская, алая, мѣрою три аршина безъ двухъ вершковъ.

Камка полосатая, травы шолки разныхъ цвѣтовъ, мѣрою тринадцать аршинъ семь вершковъ.

Камка зеленого кувтерю, мѣрою три аршина десять вершковъ.

Камка бѣлая, мѣрою двадцать четыре аршина.

Камка бѣлая чешуйачтая, мѣрою двадцать восмь аршинъ съ четью.

Камка бѣлая Индѣйская, мѣрою двѣнадцать аршинъ шесть вершковъ.

Камка дымчатая, мѣрою двадцать пять аршинъ съ полуаршиномъ.

Камка лазоревая, травчатая, полъ третья аршина съ двѣмя вершками.

Остатокъ камки куфтерю желтаго, аршинъ съ четью.

Камка зеленая травчатая, два аршина безъ вершка.

Лоскутъ камки бѣлой, десять вершковъ.

Остатокъ камки темнозеленой мѣлкотравной, мѣрою аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Лоскутъ камки вишневой, мѣрою аршинъ два вершка.

Остатокъ камки полосатой, мѣрою два аршина пять вершковъ.

Остатокъ камки вишневой, аршинъ два вершка.

Камки бѣлой Евской, въ мѣрѣ три аршина безъ трехъ вершковъ.

Камки бѣлой мѣлкотравной, въ мѣрѣ три аршина.

Остатокъ камки бѣлой, съ каймами, мѣрою два аршина семь вершковъ.

Лоскутъ черной горѣлой камки, въ длину три аршина, изрѣзано на немъ клинцами.

Камки лазоревой мелкотравной, въ мѣрѣ четыре аршина съ вершкомъ.

Камки вишневой шахматной, мѣрою семь аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Камки бѣлой травчатой мѣрою девятнадцать аршинъ семь вершковъ.

Камки Адамашки красной багровой мѣрою девять аршинъ.

Камки багровой мѣрою шесть аршинъ.

Камки куфтерю лазоревой, мѣрою десять аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Камки куфтерю черной, въ мѣрѣ девять аршинъ безъ чети.

Камки лазоревой куфтерю, въ мѣрѣ десять аршинъ безъ вершка.

Камки лазоревой кувтерю, въ мѣрѣ три аршина безъ чети.

Камки бѣлой, Индѣйской, два аршина.

Камки червчатой куфтерю, широкаго мѣста подъ четверта аршина, тое жъ камки узкого мѣста три аршина съ четью.

Камки Кизилбашской, по лазоревой землѣ звѣздки золотые, въ мѣрѣ семь аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Камка полосатая разныхъ цвѣтовъ, мѣрою двадцать аршинъ съ четью.

Три клина камки двоеличной.

Тафты:

Тафты алой узкой въ мѣрѣ двадцать пять аршинъ десять вершковъ.

Тафты лазоревой широкой въ мѣрѣ пятнадцать аршинъ безъ трехъ вершковъ.

Тафты широкой, осиновой цвѣтъ, въ мѣрѣ девять аршинъ три вершка.

Тафты широкой, двоеличной шелкъ зеленый да лазоревый, въ мѣрѣ пять аршинъ.

Тафты алой, широкой, мѣрою восемь аршинъ безъ вершка.

Тафты червчатой, широкой, мѣрою два аршина.

Лоскутъ тафты двоеличной, вдоль три аршина въ ширину полосма вершка.

Тафты дымчатой, широкой, два аршина съ четью.

Той же тафты, широкой, два аршина пять вершковъ.

Той же тафты, широкой подъ третья аршина.

Остаточикъ тафтишки лазоревой, пять вершковъ.

Лоскутъ тафты черной, вдоль аршинъ, поперегъ аршинъ полчетверта вершка.

Завѣсъ тафтяной двоеличной, въ шесть полотнищъ широкой тафты, подложенъ киндякомъ лазоревымъ, снурокъ шелковый лазоревый.

Дороги:

Дороги бѣлые цѣлые съшитые.

Дороги бѣлые жъ.

Дороговъ желтыхъ, кармазинныхъ широкихъ, три аршина безъ вершка.

Лоскутъ дороговъ бѣлыхъ, въ мѣрѣ полтора аршина.

Киндяки широкіе и узкіе.

Четыреста девяносто два киндяка, разныхъ цвѣтовъ широкихъ.

Сорокъ киндяковъ узкихъ.

Три киндяка широкихъ Арабскихъ.

Остатокъ киндяку лазореваго узкаго, аршинъ съ пять.

Киндяку лазореваго широкаго въ мѣрѣ четыре аршина два вершка.

Киндяку широкаго вишневаго шесть аршинъ безъ вершка.

Киндяку краснаго широкаго полъ четверта аршина.

Киндяку осиноваго цвѣту ускаго пять аршинъ.

Четыре киндяка разныхъ цвѣтовъ цѣлыхъ.

Бархатель с поталью, въ трехъ мѣстѣхъ, тридцать пять аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Сатыни, по бѣлой землѣ травы золотые съ разными шелками, въ мѣрѣ шестнадцать аршинъ безъ вершка.

Кутни полосатой, полосы бѣлые да червчатые, въ мѣрѣ девять аршинъ безъ вершка.

Камкасѣи шесть аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Зуѳи черной полъ четверта аршина.

Осмнадцатеры миткали узкіе.

Сорокъ девятеры, миткали широкіе.

Да остатокъ миткалей, широкихъ невеликихъ, полъ шеста аршина.

Пять аршинъ миткалей.

Выбойки ускои, въ разныхъ мѣстѣхъ, пятдесятъ три аршина безъ чети.

Ѳаты:

Три ѳаты бумажныхъ полосатыхъ.

Ѳата двойная бумажная пестрединная.

Ѳатица малая бумажная.

Ѳатишка пестрая бумажная.

Ѳатишка черная.

Соболи:

Сорокъ соболей съ хвосты, цѣна по ерлыку триста рублевъ, и въ томъ числѣ пары нѣтъ.

Сорокъ соболей съ хвосты, по ерлыку цѣна сто восемдесятъ рублей.

Сорокъ соболей съ хвосты, по ерлыку цѣна сто рублевъ, и въ томъ сорокѣ пары нѣтъ.

Сорокъ соболей безъ хвостовъ, цѣна по ердыку осмнадцать рублевъ.

Сорокъ соболей безъ хвостовъ, цѣна по ердыку семнадцать рублевъ.

Сорокъ соболей безъ хвостовъ, цѣна по ердыку семнадцать же рублевъ.

Сорокъ соболей безъ хвостовъ, по ердыку цѣна пятнадцать рублевъ.

Сорокъ соболей безъ хвостовъ, цѣна по ердыку четырнадцать рублевъ.

Сорокъ соболей безъ хвостовъ, цѣна по ердыку тринадцать рублевъ.

Девять паръ соболей, разныхъ сороковъ, сорокъ былъ въ тридцать рублевъ и менши, иные съ хвосты, и безъ хвостовъ.

Настилка Потріарша санная соболья пластинчатая, покрыто сукномъ темновишневымъ, въ длину три аршина безъ чети, въ ширину полтора аршина.

Хвосты собольи сшиты, что кладутъ въ санехъ вмѣсто медвѣдна, въ длину три аршина семь вершковъ, въ ширину съ одного конца вершокъ, а съ другова конца въ четь аршина.

Хвосты такіе жъ въ длину четыре аршина съ четью, по перегъ по широкому концу аршинъ, а по другому въ четь аршина.

Лоскутъ соболей, восмь пластинъ, ветхъ.

Восмь куницъ, дѣланыхъ съ лапы безъ хвостовъ.

Рукавицы Патріарши теплые куньи, и покрыты бархатомъ вишневымъ, опушены соболемъ.

Одѣяло горностайное, покрыто камкою Кизилбашскою цвѣтною, загривокъ отласъ золотной, по зеленой землѣ шолкъ красной съ бѣлымъ.

Сукна:

Сукно чорное доброе, мѣрою двадцать одинъ аршинъ, въ сорочкѣ красной тафтяной.

Сукна малиноваго добраго мѣрою девять аршинъ съ вершкомъ съ покромки.

Половинка сукна зеленаго, мѣрою двадцать семь аршинъ съ четью съ покромки, въ сорочкѣ зенденинной красной.

Сукна краснаго добраго мѣрою четыре аршина съ четью безъ покромки.

Сукна свѣтловишневаго мѣрою тридцать аршинъ два вершка съ покроми.

Сукна зеленаго мѣрою четыре аршина съ четю безъ покромей.

Сукна зеленаго пять аршинъ съ вершкомъ безъ покромей.

Сукна зеленаго мѣрою пять аршинъ безъ покромей.

Сукна краснаго мѣрою пять аршинъ безъ покромей.

Сукна зеленаго мѣрою восмь аршинъ девять вершковъ безъ покромей.

Сукна вишневаго мѣрою тринадцать аршинъ безъ покромей.

Сукна вишневаго четыре аршина безъ покромей.

Сукна вишневаго добраго мѣрою семь аршинъ безъ покромей.

Остатокъ сукна вишневаго, аршинъ пять вершковъ безъ покромей.

Остатокъ сукна краснаго добраго, мѣрою полтретья аршина, изъ него жъ вырѣзанъ вершокъ шапошной.

Половинка сукна лазореваго простого, мѣрою осмнадцать аршинъ безъ чети.

Сукна краснаго четыре аршина безъ трехъ вершковъ, изъ того жъ сукна вырѣзано вдоль десять вершковъ съ полувершкомъ, по поперегъ аршинъ, съ одной стороны съ покромью.

Половинка сукна черного простого, мѣрою двадцать аршинъ съ полъ аршиномъ безъ покромей.

Половинка сукна лазореваго простого, мѣрою двадцать аршинъ съ покроми.

Сукна черного добраго мѣрою шесть аршинъ безъ покромей.

Остатокъ сукна краснаго, аршинъ съ вершкомъ безъ покромей.

Остатокъ сукна вишневаго, поларшина.

Сукна вишневаго середняго мѣрою двѣнадцать аршинъ безъ чети съ покромки.

Сукна краснаго середняго мѣрою полпята аршина съ покромки.

Сукна вишневаго середнего мѣрою тринадцать аршинъ съ четю съ покромки.

Сукна вишневаго середняго мѣрою осмнадцать аршинъ съ четью съ покромки.

Сукна вишневаго середняго мѣрою восмь аршинъ шесть вершковъ съ покромки,

Сукна вишневаго аршинъ три вершка безъ покромей.

Сукна вишневаго мѣрою полчетверта аршина, съ одной стороны покромка.

Сукна вишневаго мѣрою два аршина безъ чети съ покромки.

Сукна черного простого пять аршинъ.

Сукна вишневаго мѣрою тридцать одинъ аршинъ съ покромки.

Сукна зеленаго летчины въ двѣ мѣстѣхъ, мѣрою двадцать два аршина три чети.

Сукна зеленаго летчины девять аршинъ безъ чети.
Сукнишка черного полтора аршина.
Сукнишка зеленаго летчины девять аршинъ безъ чети.
Сукнишка черного полтора аршина.
Остатокъ сукна вишневаго плохова три чети.
Сукна красного обышнаго, мѣрою полъ третья аршина.
Сукна красного байки, мѣрою два аршина.
Остатокъ сукна вишневаго.
Сукна черного добраго два вершка шапошныхъ.
Четыре лоскутишка зеленаго обышнаго сукна клиньями.
Покромей суконнихъ разныхъ цвѣтовъ мѣрою 524 аршина.

Ковры.

Коверъ Турской золотной подложенъ атласомъ желтымъ, а по краямъ червчетымъ, да по краямъ же кисти золотные, мѣрою въ длину три аршина съ четью, ширина два аршина безъ чети.

Коверъ Кизыльбашской золотной съ разными шолки, кисти шолкъ лазоревъ въ длину три аршина.

Коверъ Турской, средина малиновый цвѣтъ, каймы разныхъ цвѣтовъ, кисти зеленые, въ длину два аршина одиннадцать вершковъ, поперегъ два аршина безъ чети.

Коверъ Турецкой, средина малиновый цвѣтъ, каймы разныхъ цвѣтовъ, кисти зеленые, длина три аршина безъ чети, поперегъ два аршина безъ чети.

Коверъ Кизылбашскій, средина и каймы разныхъ цвѣтовъ, кисти зеленыя, длина полъ третья аршина безъ чети.

Коверъ Кизылбашскій, средина и каймы разныхъ цвѣтовъ, безъ кистей, длина три аршина безъ двухъ вершковъ, поперегъ два аршина безъ вершка.

Коверъ Кизылбашской, середина малиновой цвѣтъ, каймы розныхъ цвѣтовъ, кисти зеленые, въ длину полтретья аршина, по перегъ полтора аршина.

Коверъ Кизылбашской ветхъ, средина и каймы разныхъ цвѣтовъ, безъ кистей, длина и поперегъ по три аршина.

Коверъ Кизылбашской ветхъ, середина и каймы изъ разныхъ цвѣтовъ, безъ кистей, длина полъ шеста аршина, по перегъ полъ третья аршина.

Коверъ золотной Турской, бархатной, около кисти шолковые, длина два аршина пять вершковъ, ширина два аршина безъ чети.

Коверъ золотной бархатной, золото съ серебромъ и съ разными шолки, кисти шолкъ лазоревый, мѣрою въ длину три аршина, безъ двухъ вершковъ, поперегъ два аршина безъ вершка.

Коверъ Кизылбашской, средина разныхъ цвѣтовъ, кисти червчатые, въ длину полъ третья аршина, поперегъ полтора аршина.

Коверъ Турской, средина малиновая, кисти зеленые, въ длину три аршина безъ чети, поперегъ два аршина безъ чети.

Коверъ Нѣмецкой, дѣланы городы и звѣри разными цвѣтами, поперегъ полъ четверта аршина, въ длину четыре аршина.

Коверъ Кизылбашской, средина по малиновой землѣ репейки, и каймы разныхъ цвѣтовъ, кисти зеленые, въ длину три аршина безъ чети, поперегъ два аршина безъ чети.

Коверъ Кизылбашской, средина и каймы разныхъ цвѣтовъ, кисти бѣлые, въ длину четыре аршина, поперегъ полъ третья аршина.

Коверъ Кизылбашской, средина и каймы разныхъ цвѣтовъ, кисти бѣлые, въ длину полъ шеста аршина, поперегъ два аршина съ четью.

Полсти:

Полсть Кизылбашская, на срединѣ круги, мѣрою въ длину полъ шеста аршина, по перегъ три аршина безъ вершка, по середкѣ тое полсти мышъ проѣла.

Полсть Кизылбашская, на срединѣ круги, въ длину четыре аршина, поперегъ два аршина.

Полсть сукно лазоревое, подложено крашениною лазоревою.

Полавошники и попоны:

Полавошникъ бархатъ рытой, по зеленой землѣ травы чорные, мѣрою въ длину двѣнадцать аршинъ съ четью, поперегъ аршинъ съ четью, подложены крашениною лазоревою.

Полавошникъ бархатъ рытой, по красной землѣ травы чорные, въ длину двадцать аршинъ съ полуаршиномъ, поперегъ аршинъ съ четью, подложенъ крашениною лазоревою.

Полавошникъ покромной, разныхъ цвѣтовъ.

Пять полазовъ полосатыхъ, разныхъ цвѣтовъ.

Пять попонъ лошадиныхъ, покромныхъ, разныхъ цвѣтовъ, въ длину по полъ третья аршина, поперегъ по два аршина безъ дву вершковъ, подложено крашениною лазоревою.

Три попонишки ветчаныхъ полосатыхъ, разныхъ цвѣтовъ.

Двѣ попоны полосатыхъ, разныхъ цвѣтовъ.

Кружива золотные и серебряные и тесмы:

Круживо золотное шириною въ полъ вершка, вѣсу полфунта тридцать золотниковъ.

Круживца золотнаго узкаго десять аршинъ съ четью.

Круживо золото съ серебромъ, шириною въ полъ вершка, вѣсу тридцать золотниковъ.

Круживо Литовское, по черной землѣ золото съ серебромъ, мѣрою два аршина десять вершковъ.

Кружива тонкаго, серебро съ шолки, два аршина съ четью.

Тесмы:

Тесма золотая съ серебромъ волоченымъ, мѣрою два аршина безо шти вершковъ.

Тесма старая, золото съ серебромъ, мѣрою два аршина съ четью.

Золото и серебро волоченое и пряденое и канитель.

Золота волоченова фунтъ четырнадцать золотниковъ.

Тринадцать цѣвокъ золота пряденаго.

Золота да серебра волоченаго шесть золотниковъ.

Серебра волоченаго двадцать два золотника.

Двѣ цѣвки серебра пряденаго.

Серебра жъ пряденаго семнадцать аршинъ.

Канители гладкой девять золотниковъ.

Шолкъ:

Шолку краснаго и бѣлаго и чернаго фунтъ осмнадцать золотник.

Шолку краснаго двадцать золотниковъ.

Шолку Бурскаго полъ шеста фунта безъ девяти золотниковъ.

Шолку рудожелтаго двадцать одинъ золотникъ.

Шолку сырцу фунтъ тридцать восмь золотниковъ.

Ширинки:

Ширинка миткалинная, шитая золотомъ и серебромъ и шолки накищена, шолкъ вишневый съ золотомъ.

Двѣ ширинки тафтяныхъ, около ихъ круживо съ женчугомъ, накищено золотомъ.

Ширинка ветха гораздо, кругомъ ея шиты слова золотомъ, слова накищены, шолкъ вишневый съ золотомъ.

Четыре ширинки ветхихъ, добрыхъ, накищены золотомъ, одна въ нихъ съ серебромъ, въ нихъ же на одной слова шиты.

Шесть ширинокъ добрыхъ, накищены золотомъ.

Семь ширинокъ среднихъ, накищены золотомъ же.

Три ширинки, накищены шолкъ червчатый да черный съ золотомъ, одна въ нихъ ветха, которая съ чернымъ шолкомъ.

Кафтаны:

Два кафтана, одинъ атласной красной, другой зеленой камчатной мелкотравной, подложены крашениною, у обѣихъ нашивки обшиты золотомъ, поношены.

Кафтанъ пупчатой соболей, подъ камкою вишневою, пуговицы втышные шолковые.

Кафтанъ сукно малиновое, на соболяхъ, нашивка длинная серебряная, ожерелье у него собольи хвосты.

Кафтанъ кумачной красной, испоть бараней, пуговицы шелковые обшивочные.

Кафтанишко киндяшной зеленый, подкладка крашенинная, пуговицы шолковые обшивочные.

Кафтанъ возничей таусинной бархатъ, на немъ нашивка серебряная, подложены полы камка желтая, а подъ нимъ киндякъ лазоревый.

Кафтанишко суконный красно-вишневый.

Два кафтана возничьи, бархатные на оба лица, съ лица бархатъ червчатый, а съ другаго лица шелкъ зеленый съ бѣлымъ, у нихъ же по тринадцати пуговицъ серебряныхъ гладкихъ позолоченыхъ.

Кафтанишко возничей, полы лисьи, хребетъ бараней, покрытъ сукномъ малиновымъ, съ ожерельемъ бобровымъ, ветхъ.

Кафтанишко кунье, подъ малиновымъ сукномъ.

Кафтанишко боранье, подъ кунакомъ краснымъ, ветхъ.

Доломанъ возничей красно-вишневой ветчанъ, на немъ тридцать пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ гладкіе.

Однорядки и ѳерязи:

Однорядка вишневая, ветчана, на ней тридцать пуговицъ золочены.

Однорядка вишневая, на ней семнадцать пуговицъ серебряныхъ золочены.

Однорядка вишневая, ношена, на ней осмнадцать пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ.

Однорядка вишневая, на ней тринадцать пуговицъ серебряныхъ позолочены, да на прорѣхѣ одна пуговица корольковая.

Двѣ однорядки поповскіе, что даются къ поставленію ставленикомъ.

Двѣ однорядки больничныхъ старцовъ, ветхи.

Четыре однорядки ветхихъ малыхъ, бывали съ подьяковъ.

Два рукава однорядочныхъ, красно-вишневаго сукна.

Двѣ куртки суконные, красные снурки, шелкъ съ золотомъ.

Ѳерези дорогильные, двоеличные, бывали съ подьяка.

Шапки мужскіе:

Шапка мужская, бархатъ червчатый съ соболемъ, поношена.

Шапка мужская, бархатъ лимонный цвѣтъ съ соболемъ, поношена.

Шапка мужская, бархатъ зеленой, съ соболемъ.

Шапка бархатъ зеленой же, съ соболемъ, мужская, ветха.

Шапенка худенькая съ соболемъ.

Шапенка алая бархатная, съ соболемъ, ветха.

Суды мѣдные и оловянные:

Шесть братинъ мѣдныхъ луженыхъ, гладкихъ и чешуйчатыхъ.

Пять укрупниковъ мѣдныхъ, маленькихъ.

Пятнадцать чарокъ мѣдныхъ луженыхъ съ лепестки.

Пять гривенокъ мѣди красной листовой, два пуда двадцать три гривенки мѣди шкилевой.

Мѣдныхъ всякихъ судовъ вѣсу десять пудъ шестнадцать гривенокъ.

И въ томъ числѣ.

Четырнадцать сковородокъ большихъ съ трубками.

Двадцат семь сковородокъ середнихъ съ трубками.

Десять сковородокъ меньши тѣхъ съ трубками.

Двадцать пять сковородокъ середнихъ и меньшихъ луженыхъ съ лепестьми.

Девять чашъ водоосвященныхъ мѣдныхъ же луженыхъ съ поддонами и съ кольцами.

Семь чашъ ломпадныхъ луженыхъ.

Пять котловъ мѣдныхъ.

Двадцать сковородокъ большихъ и середнихъ и малыхъ, въ нихъ лужено, съ руковедми.

Ставъ большой мѣдной луженой на оба лица.

Двѣ лохани мѣдныхъ большихъ.

Лохань малая.

Вѣко съ руковедми мѣдное.

Шесть сковородокъ нелуженыхъ безъ руковедей.

Ендова большая.

Ендова середняя.

Чаша мѣдная, бывала надъ паникадиломъ.

Два кунгана мѣдныхъ, вѣсу четырнадцать гривенокъ.

Три трубы мѣдныхъ водоливныхъ, вѣсу осмнадцать гривенокъ.

Сковорода мѣдная, вѣсомъ девять гривенокъ.

Сковородка да братина мѣдные полужены, вѣсомъ полъ третьи гривенки.

Иготь съ толкачекомъ мѣдные.

Ломаной и горѣлой и всякой мѣди и вѣтоши, въ разныхъ мѣстѣхъ, вѣсу шесть пудовъ двадцать восмь гривенокъ.

Судовъ всякихъ оловянныхъ вѣсу четыре пуда двадцать пять гривенокъ. И въ томъ числѣ: шесть мисъ большихъ, восмь блюдъ большой статьи, три блюда середней статьи, пятнадцать блюдъ на серебряное дѣло, три блюда меньшой статьи, шестнадцать блюдечекъ тарѣлокъ, два блюдечка маленькіе икряные, три бруска оловянные, пять кадь оловянныхъ, кружечка маленькая оловянная, два воронка оловянныхъ, стопочка съ кровлею на поддонѣ, одиннадцать уксусницъ съ носками и съ поддонками, семь перешницъ оловянныхъ, четверы судки брусковые, два станка судковые столовые, уксусникъ съ носкомъ и съ поддонкомъ, семнадцать солонокъ брусковыхъ маленькихъ оловянныхъ, двѣ солонки брусковые жъ съ пе-

ришницами, шестьдесятъ семь солонокъ оловянныхъ середнихъ и малыхъ на поддонахъ.

Солонка оловянная на ношкахъ; двадцать два стакана оловянныхъ новыхъ и ветхихъ; двѣ стопки съ поддонами оловянныхъ; два росолника ложчатые, по краямъ золочено поталею; оловянникъ маленькой, да шандалъ, да два уксусника маленькіе оловянные, вѣсу десять гривенокъ.

Ломанаго олова, и ветошей блюдъ, и тарѣлокъ, и солонокъ, вѣсу четыре пуда тридцать три гривенки.

Судки четверные костяные слоновые.

Суды деревянные.

Четырнадцать братинъ деревянныхъ съ кровлями и безъ кровель.

Двѣ мисы деревянные.

Ставикъ.

Восмдесятъ пять блюдъ деревянныхъ сковородчатыхъ.

Девять блюдъ деревянныхъ.

Десять блюдъ Троецкихъ.

Двѣ тарѣлки деревянныхъ.

Шестдесятъ восмь ложекъ рѣпчатыхъ.

И въ томъ числѣ четырнадцать ложекъ съ кости, да у пятнадцатой ложки на концѣ оправа серебряная.

Стеклянныхъ судовъ.

Пять кубковъ съ кровлею и въ томъ числѣ одинъ безъ кровли.

Два кувшинца съ носками.

Тридцать стопъ и рюмокъ.

Миса да рукомойникъ серепетинные.

Шанданы мѣдные.

Шанданъ мѣдной, что наливаютъ масломъ.

Шанданъ о четырехъ трубкахъ на винтахъ мѣдные.

Два шандана тройные.

Шанданъ тройной.

Шанданецъ о двухъ трубкахъ.

Четыре шандана мѣдныхъ большихъ одинокихъ на поддонахъ.

Четырнадцать шандановъ середней статьи одинакихъ на поддонахъ.
Тринадцать шандановъ меншой статьи на поддонахъ.
Подсвѣчникъ оловянной о трехъ яблокахъ на поддонѣ.

Скатерти:

Три скатерти шитые.
Скатерть Нѣмецкаго полотна, въ мѣрѣ три аршина съ четью.
Скатерть бранная, въ мѣрѣ одиннадцать аршинъ съ полуаршиномъ.

Сахаръ головной и леденецъ, и пряные зелія и ягоды, и орѣхи Грецкіе.

Пятдесятъ шесть головъ сахару, и въ томъ числѣ семь головъ двойныхъ.
Ларчикъ въ полъ аршина окованъ съ сахаромъ леденцомъ.
Пудъ одиннадцать золотниковъ перцу тертаго.
Шесть гривенокъ съ четью шафрану.
Тридцать пять гривенокъ гвоздики въ деревѣ.
Гривенка инбирю.
Въ двухъ бочкахъ ягодъ винныхъ, вѣсу и съ деревомъ три пуда четырнадцать гривенокъ.
Ягодъ изюму въ деревянной кадкѣ, вѣсу и съ деревомъ шесть пудовъ безъ четырехъ гривенокъ.
Орѣховъ Грецкихъ вѣсу съ мѣшкомъ три пуда безъ чети.

Ножи:

Ставъ съ ножами оболоченъ бархатомъ червчатымъ, по немъ въ длину кладенъ голунъ серебряной, а въ немъ восмь ножей Нѣмецкаго дѣла, черенье обложены серебромъ, цѣлые, да два ножа изломанныхъ того жъ дѣла.
Ставъ съ ножами, а въ немъ семь ножей Нѣмецкаго дѣла, черенье костяные, и въ томъ числѣ два ножа изломлены.
Три ножа Кириловскіе въ ножнахъ.
Девять ножей черенье рыбьи.
Связни ножны оправлены серебромъ.
Ножъ, черенъ хрустальной обоймицы серебряные.
Ножъ большой съ ножнами.

Ножъ подсаадашной съ ножнами.

Двое ножны порожіе, одни по атласу золотному, другіе по бархату черному, справлены серебромъ съ чернью.

Шестеры ножны черные безъ ножей.

Фонари:

Фонарь большой слюденой.

Фонарь походной о сеии верхахъ.

Фонарь слюденой въ столпцахъ деревянныхъ, съ одной стороны закрышки нѣтъ.

Фонарь слюденой въ деревянныхъ столпцахъ.

Фонарь слюденой въ жести.

Фонарь ломаной.

Часы:

Часы боевые, въ черномъ въ деревянномъ стану, мѣдные съ перечасьемъ.

Часы въ серебрѣ боевые маленькіе, золочены, съ одной стороны рука благословенная, а съ другой стороны на рѣшоткѣ орелъ двоеглавый.

Часы маленькіе жъ боевые въ мѣди золоченые.

Трои часы боевые столовые мѣдные, сдѣланы башенками четвероугольные, всѣ золочены въ лагалищахъ.

Часы боевые затворы испорчены.

Часы порченые въ ящикѣ.

Маетникъ.

Сѣдлы и узды:

Сѣдло съ приступомъ и узда обита чернымъ бархатомъ, что бываютъ на осляти.

Арчакъ Турской покрытъ сукномъ вишневымъ, шито мѣстами волоченымъ золотомъ.

Чендаръ шитъ мѣстами пряденымъ золотомъ по вишневому бархату.

Тебенки строченые по черному бархату на зеленомъ ходу.

Сѣдло безъ снастей черноческое, покрыто сафьяномъ чернымъ.

Сѣдлишко черноческое жъ, ветхое покрыто телятиною.

Подпруги да тебенки седѣльные.

Узда ветха, бывала обшита бархатомъ чернымъ, удила желѣзные, пряжки мѣдные.

Четыре образцовые вынетки, шиты бѣлью и золотомъ по черному бархату.

Платокъ паласатой шолковый.

Сто три гвоздя коретныхъ мѣдныхъ середнихъ.

Девять яблокъ коретныхъ же мѣдныхъ.

Четыре лагалища, съ лица облолочены кожею нисаной навожено поталью.

Пуховичишко узской, оболоченъ крашениною лазоревою.

Лоскутъ лисій счуски неведикъ, въ длину аршинъ без четн, въ ширину четь.

Лоскутья полстишки лазоревые крашеные.

Два чехла, что бываютъ на осляти, одинъ миткалевой, другой полотняной.

Ряски два клина, да два рукава, атласные лазоревые ветхи.

Чемоданецъ зеленой байберековой.

Лоскутъ бывалъ бархатъ золотной по вишневой землѣ.

Шесть ложечниковъ вязеныхъ безъ ложекъ.

Ложечникъ бархатъ черной, гайтанъ золотной, у него жъ четыре ворворки обнизаны жемчюгомъ, двѣ кисти золотные.

Два ложечника одинъ вязаной, золото съ серебромъ и съ шолкомъ, другой обьяринной, снурки и кисть золотные, четыре ворворки низаные, другой снурки и кисть шолкъ червчатой съ золотомъ.

Два ложечника вишневыхъ бархатныхъ, у нихъ снуры шелкъ лазоревый съ серебромъ, пять завязокъ съ кистьми шолкъ таусинной съ золотомъ, девять ворворокъ обнизаны мелкимъ жемчюгомъ.

Въ трехъ мѣстѣхъ лоскутья бѣлья хрептоваго четверть мѣха.

Пластинка чернаго песца.

Три остатна бобровыхъ, да пуху портища съ два.

Подрученникъ, тафта лазоревая, подкладка дорогилная зеленая.

Сарафанъ халдейской красной ветхъ, оплечье шумиха.

Штанишка суконные красные.

Пятнадцать гривенокъ костей обтирковъ и цѣлыхъ малыхъ.

Рысь недѣлана.

Пороху въ бочкѣ вѣсомъ и съ бочкою пятнадцать гривенокъ.

Восмьдесятъ восмь стоцъ бумаги пищей.

Пять сотъ пятнадцать аршинъ холстовъ розныхъ.

Тринадцать аршинъ холстовъ мешковыхъ.

Простыня полотняная.

Сапоги, башмаки и чюлки.

Сапоги лазоревые.

Башмаки вишневые.

Сапоги желтые.

Двое чюлковъ лазоревые камчатные, одни куфтерныя, другіе мелкотравные вѣтхи.

Чюлки камчатные вѣтхи.

Чюлки вязеные зеленые.

Чевтеро чюлковъ комчатные стеганные на бумагѣ, ветчаные.

Рознь всякая.

Два кіота образные бѣлаго желѣза.

Три налоя кожаныхъ съ желѣзными подпорками.

Бархатѣли, по красной землѣ травы бѣлыя, отъ налоя.

Лагалище книжное телятинное, подложено летчиною зеленою.

Два безмѣна ременные наконешники и трубки мѣдные.

Двѣ снималки денежныхъ мѣдныхъ.

Двѣ басмы бѣдныхъ, вѣсу въ нихъ десять гривенокъ.

Кожа сыромятная.

Шесть мѣшковъ большихъ холщевыхъ.

Столъ складной въ четверомъ писанъ, красками. Блюдо ценинное.

Тридцать два аршина съ полуаршиномъ крашенины толстой.

Носилки обложены атласомъ червчатымъ.

Двѣ окончины большихъ.

Восмь окончинъ слюдныхъ.

Четыре ремнія съ пряжками сшитые, длинные возковые.

Положишко вётчаное полотенное.

Тридцать паръ жбанчиковъ.

Кошелекъ вязеной шелковой, алой, поцепки шелкъ лазоревый, кисти шолкъ лазоревый же съ золотомъ.

Шесть полотенецъ полотняныхъ тонкихъ.

Коробъ с мѣлкимъ со всякимъ лоскутьемъ.

Да въ той же коробкѣ десять лоскутовъ бархатныхъ разныхъ цвѣтовъ.

Семь лоскутовъ атласныхъ разныхъ же цвѣтовъ.

Восмь лоскутовъ тафтяныхъ и дорогилныхъ.

Четыре лоскута камчатыхъ разныхъ цвѣтовъ.

Лоскутъ дымчатой тафтяной, отъ спорка, съ аршинъ.

Четыре образцовые выметки, шиты бѣлью и золотомъ по черному бархату.

Платокъ паласатой шолковый.

Сто три гвоздя коретныхъ мѣдныхъ середнихъ.

Девять яблокъ коретныхъ же мѣдныхъ.

Четыре лагалища, съ лица обволочены кожею писаной навожено поталью.

Пуховичишко узской, оболоченъ крашениною лазоревою.

Лоскутъ лисій счуски невеликъ, въ длину аршинъ без чети, въ ширину четь.

Лоскутья полстишки лазоревые крашеные.

Два чехла, что бываютъ на осляти, одинъ миткалевой, другой полотняной.

Ряски два клина, да два рукава, атласные лазоревые ветхи.

Чемоданецъ зеленой байбереқовой.

Лоскутъ бывалъ бархатъ золотной по вишневой землѣ.

Шесть ложечниковъ вязеныхъ безъ ложекъ.

Ложечникъ бархатъ черной, гайтанъ золотной, у него жъ четыре ворворки обнизаны жемчюгомъ, двѣ кисти золотные.

Два ложечника одинъ вязаной, золото съ серебромъ и съ шолкомъ, другой обьяринной, снурки и кисть золотные, четыре ворворки низаные, другой снурки и кисть шолкъ червчатой съ золотомъ.

Два ложечника вишневыхъ бархатныхъ, у нихъ снуры шелкъ лазоревый съ серебромъ, пять завязокъ съ кистьми шолкъ таусинной съ золотомъ, девять ворворокъ обнизаны мелкимъ жемчюгомъ.

Въ трехъ мѣстѣхъ лоскутья бѣлья хрептоваго четверть мѣха.

Пластинка чернаго песца.

Три остатна бобровыхъ, да пуху портища съ два.

Подрученникъ, тафта лазоревая, подкладка дорогилная зеленая.

Сарафанъ халдейской красной ветхъ, оплечье шумиха.

Штанишка суконные красные.

Пятнадцать гривенокъ костей обтирковъ и цѣлыхъ малыхъ.

Рысь недѣлана.

Пороху въ бочкѣ вѣсомъ и съ бочкою пятнадцать гривенокъ.

Восмьдесятъ восмь стоцъ бумаги пищей.

Пять сотъ пятнадцать аршинъ холстовъ розныхъ.

Тринадцать аршинъ холстовъ мешковыхъ.

Простыня полотняная.

Полатки:

Полатка полотняная бѣлая, несшита.

Двѣ полы отъ полатокъ суконныхъ разныхъ цвѣтовъ, ветхи.

Семдесятъ семь листовъ желѣза Нѣмецкаго двойнаго.

Три пуда одиннадцать гривенокъ желѣза листоваго.

Сорокъ одинъ листъ желѣза Нѣмецкаго двойнаго бѣлаго.

Семдесятъ семь сошниковъ цѣлыхъ отрѣзовъ.

Вѣкша желѣзная, что воду черпаютъ.

Чепь желѣзная съ крюкомъ.

Желѣза ломанаго всякаго десять пудовъ

Двадцать паръ топоровъ.

Четыре скобели.

Восмь лисицъ красныхъ съ хвостами.

Тридцать песцовъ.

Восмь наволокъ оленьихъ пестрыхъ, четверы канги; а по скаскѣ казначея старца Тихона Обанина да дьяка Парфенья Иванова, тѣ лисицы и песцы и наволоки и канги Патриарша сына боярскаго Петра Суркина, взяты у него за вину.

Жалованные и послушные и правые грамоты и межевые выписи и всякіе крѣпости:

Грамота жалованная 176 году, на Остараханской учугъ Комызякъ, а данъ той учугъ вмѣсто домоваго учуга Бузана в вѣкъ неподвижно, да к томужъ учугу Комызяку данъ учугъ Чеганъ и Чота на оброкъ безъ перекупки; печать у грамоты золотая, и та грамота въ ящикѣ бархатномъ червчетомъ.

Грамота жалованная 164 году въ Московскомъ уѣздѣ на село Черкизово, да на деревню Шемякино, да на половину сельца Никольскаго со всѣми угодьи, и съ пустошми; а в то мѣсто взято во дворецъ село Степановское.

Грамота жалованная 162 году, на рыбные ловли что в Костромскомъ уѣздѣ на Волгѣ рѣкѣ.

Грамота жалованная 165 году, въ Казанскомъ уѣздѣ на Закамскіе порозжіе земли по обѣ стороны Майны и Утки рѣкъ по Урень.

Грамота жалованная за красною печатью 162 году, въ Московскомъ уѣздѣ на село Озерецкое да на село Бѣлой растъ з дерев-

нями и с пустошми, а в то мѣсто взято во дворецъ в Каширскомъ уѣздѣ Патріаршее селцо Селня.

Грамота жалованная 156 году на Самарской Преображенской монастырь с вотчинами и со всякими къ нему угодьи.

Грамота 147 году, Богоявленскаго монастыря, что на Москвѣ за вѣтошнымъ рядомъ, въ Московскомъ уѣздѣ на село Вельяминово з деревнями и с пустошми и со всѣми угодьи.

Грамота жалованная Царя Феодора Ивановича всеа Русіи 103 году, на Ржевскую десятину со всѣми угодьи и з доходы.

Грамота жалованная Царя Феодора Ивановича всеа Русіи 93 году, на Карашскую волость.

Грамота жалованная Великаго Князя Владиміра Ондрѣевича 75 году, на Дмитровскіе да на Звѣнигородскіе вотчины, безъ печати.

Грамота Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, что Офонасья Митрополита з домовыхъ товаровъ ни какихъ пошлинъ имать не велѣно 72 году.

Грамота жалованная Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича всеа Русіи, что Іева Патріарха домовыхъ людей судить не велѣно 107 году, печать попорчена.

Грамота жалованная Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи на Переславскую слободку Борисоглѣбскаго монастыря 73 году.

Грамота жалованная блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи на Ржевскую десятину 128 году.

Грамота жалованная Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, что дано льготы Макарія Митрополита всѣхъ вотчинъ крестьянамъ во всякихъ Государевыхъ доходѣхъ, 59 году безъ печати.

Грамота жалованная блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи на село Дмитровское 139 году.

Списокъ съ жалованной и с тарханной грамоты Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи 93 году.

Грамота блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи на Астраханскіе рыбные ловли, 139 года, за глухою печатью.

Грамота правая на Рожневскіе воды Благовѣщенскаго монастыря да изъ Суздаля Спасскаго монастыря съ архимандритомъ съ братіею да Покровскаго монастыря игуменьей и съ сестрами 135 году.

Грамота жалованная блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи Нижегородскаго уѣзду на село Плотиньское съ деревнями, 151 году.

Грамота послушная Московскаго уѣзда на село Аминево да на пустошь Вороново, 154 году.

Грамота правая 152 году на Осташковскіе воды с суднаго дѣла, что было съ бояриномъ со Княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ.

Грамота послушная Московскаго уѣзда на село Кузяево, что взято вмѣсто домовой вотчины села Черкизова 165 году.

Грамота послушная на село Черкизово, велѣно слушать Кретскаго монастыря строителя съ братіею, 165 году.

Грамота послушная блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи Московскаго уѣзду на приселокъ Степановское з деревнями, 153 году.

Грамота откazная въ Костромскомъ уѣздѣ на Великосольскіе рыбные ловли, за глухою печатью, 161 году.

Грамота жалованная, какова дана Нижнева Новгорода Спаскому протопопу въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ Закуденскомъ стану на пустошь Лаврову, 128 году.

Грамота Великаго Государя Святѣйшаго Филарета Никитича Патріарха Московскаго и всеа Русіи Новинскаго монастыря на землю.

Грамота жалованная Новинскому монастырю на землю, что дана имъ съ конюшеннаго приказа 154 году.

Грамота Новинскаго жъ монастыря на пустошь Бѣленицыно.

Грамота послушная на село Бродницы 158 году.

Грамота послушная Звенигородскаго уѣзду на пустошь Темиху да на пустошь Береску да на пустошь Вертлино, 160 году.

Грамота послушная блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи Володимерскаго уѣзду на село Полянки, 148 году.

Грамота послушная на вотчину Наволокъ, 156 году.

Грамота жалованная, что Патріарши вотчины деревни Селны крестьяномъ всякіе подати платить на Москвѣ.

Грамота жалованная 128 года, что дано въ домъ Пречистые Богородицы въ Двинской землѣ на двѣ трети волости Варзуги, что осталось за дачею Спаскаго монастыря, что на новомъ, со всѣми угодьи.

Грамота жалованная 129 году, дана въ домъ Пречистые Богородицы въ Московскомъ уѣздѣ изъ дворцоваго села Озерецкаго рыболовскіе деревни съ деревнями жъ и со всѣми угодьи.

Грамота жалованная 129 году, что пожаловано въ домъ Пречистые Богородицы въ Коширскомъ уѣздѣ въ Лишинской волости на сельцо Селню со всѣми угодьи.

Грамота жалованная 130 году, что пожаловано въ домъ Пречистые Богородицы въ Переяславлѣ Залѣскомъ на Переславскомъ озерѣ на подледную ловлю.

Грамота жалованная 127 году, что пожаловано въ домъ Пречистые Богородицы въ Астрахани учугъ Бузанъ со всѣмъ учюжнымъ строеніемъ безъпошлинно.

Грамота жалованная 129 году, что пожаловано въ домъ Пресвятые Богородицы въ Муромскомъ уѣздѣ въ Стародубѣ Вотцкомъ на село Ярымово да на сельцо Мартово съ деревнями и съ пустошми и со всѣми угодіи.

Жалованная грамота Макарія Митрополита изъ Суздаля Патріарша домового Дмитріевскаго монастыря игумену Пафнутію съ братіею на монастырскую вотчину, на деревню Мжары, ветха; и та грамота переписана на патріарше Іосафово имя во 159 году.

Великаго Государя царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца жалованная грамота 162 году за ево Государевою красною вислою печатью Никону Патріарху на вотчину ево Курмышскаго уѣзду на село Онтоново да на деревню Юрьевку въ особь не въ домовые Патріарши земли, что то село Онтоново и деревня Юрьевка были въ помѣстьѣ и вотчинѣ за Степаномъ Исленьевымъ да за Васильемъ Чевкинымъ, у печати мутовозъ золото съ серебромъ на червчатомъ атласѣ.

Грамота жалованная Костромскіе Никольскіе слободки попа Павла на ту жъ Никольскую слободку, 132 году.

Грамота жалованная Нижегородскому протопопу Савѣ на вѣнешные пошлины, 141 году.

Грамота, что съ Костромы Никольскіе слободки крестьянъ на Кострому въ посадъ и въ иные ни въ какіе службы имать не велѣно, 158 году, за глухою печатью.

Грамота на Коломну, что въ Патріарши вотчины въѣзжать не велѣно, 99 году.

Грамота правая о крестьянинѣ, что былъ споръ со Ржовскими съ посадскими людьми, 147 году.

Двѣ грамоты Греческимъ писмомъ: у одной печать серебряная золочена, а у другой свинцовая, въ лагалищѣ въ отласномъ въ красномъ, шито золотомъ.

Грамота послушная 161 году, въ Московскомъ уѣздѣ на село Вельяминово.

Грамота жалованная 134 году, пожаловано въ домъ Пречистыя Богородицы на Москвѣ за каменнымъ городомъ за Никитскими воротами на порозжее мѣсто, да к тому порозжему мѣсту огородное мѣсто, что было жильца Петра Гурьева.

Грамота жалованная 135 году, что пожаловано Благовѣщенскаго монастыря, что въ Нижнемъ, архимадриту Діонисію съ братіею въ Сурскихъ водъ мѣсто рыбные ловли на Самарѣ рѣкѣ да въ Волгѣ рѣкѣ.

Грамота жалованная 133 году, что велѣно поповъ и дьяконовъ и всего церковнаго причету причетниковъ судомъ вѣдать на патріаршемъ дворѣ.

Духовная Іева Патріарха, за рукою отца ево Духовнаго священно-инока Ѳеодосія.

Грамота правая 151 году, что дана Благовѣщенскаго монастыря, что въ Нижнемъ, архимандриту и съ братіею на село Ватрасъ.

Настольная грамота блаженныя памяти Великаго Государя Святѣйшаго Ѳиларета Никитича Патріарха Московскаго и всеа Русіи за руками и за печатьми.

Грамота жалованная 132 года, Благовѣщенскаго монастыря на Сомарскіе воды.

Грамота правая 129 году, что дана въ домовой Благовѣщенской монастырь на Спаское сѣлище и на бортные ухожья.

Грамота настольная Іоасафа Патріарха за руками и за печатми.

Грамота настольная Никона Патріарха безъ печати.

Двѣ грамоты жалованные 123 году и 124 году, что даны думному дворянину Кузмѣ Минину на Нижегородскую вотчину на село Богородицкое съ деревнями и съ пустошми.

Грамота жалованная безъ печати 162 году, какова была дана Никону Патріарху въ Новгородскомъ уѣздѣ на село Валдаи.

Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца жалованая грамота 162 году, за ево Государевою красною вислою печатью, Никону Патріарху на вотчину Курмышскаго уѣзда, на село Онтоново да на деревни Юрьевку въ особь, а не въ домовые Патріарши земли,

что то село Онтоново и деревня Юрьевка были въ помѣстьѣ и въ вотчинѣ за Степаномъ Истленьевымъ да за Васильемъ Чевкинымъ.

Жалованная грамота Макарія Митрополита 147 году, изъ Суздаля Патріарша домоваго Дмитровскаго монастыря Игумену Пафнутію съ братіею на монастырскую вотчину на деревню Мжары, ветха, и та грамота переписана на Патріарше Іосифово имя во 159 году.

Грамота Патріарха Іоасафа 145 году, что дана Новицкаго монастыря Игумену Варсунофью съ братьею въ Володимерскомъ уѣздѣ въ Юрьевской приписи на домовую вотчину на Нафанаиловскую пустыню.

Грамота Іева Патріарха 110 году, что дана Володимерскаго уѣзду Царяконстантиновскаго монастыря архимандриту Рафаилу съ братіею, что по ихъ монастырскихъ крестьянъ имать зазывные грамоты челобитчикомъ на одинъ срокъ въ году не въ дѣловую пору.

Грамота Іоасафа Патріарха 144 году, что дана Костромичемъ посацкимъ людемъ старостѣ Емельяну Исакову съ товарищи, чтобъ ихъ судить въ духовныхъ дѣлѣхъ на указные сроки.

Грамота правая 133 году, что дано Нижегородскаго уѣзду Благовѣщенскаго монастыря Архимандриту Деонисію съ братіею на вотчину на стрѣлицу села Митина.

Грамота правая 136 году, что дано Нижегородскаго уѣзду Благовѣщенскаго монастыря архимандриту Деонисію съ братіею на село Столбищи.

Грамота правая 152 году, что дана Патріарху Іосифу Нижегородскаго уѣзду на Рожьневскіе воды.

Судъ Митрополичья намѣстника Володимерскаго Юрьи Мануилова 7027 году, что судилъ келаря Никона съ Новитскаго монастыря съ Яковомъ Михайловымъ сыномъ Внуковымъ въ вотчинной пожни, а тотъ судъ за ево Юрьевою печатью.

Судъ Володимерского дворского Романа Колзакова 7012 году, что судилъ съ Новицкаго монастыря келаря Никона Рожественскаго монастыря съ строителемъ Малахѣемъ и съ иными старцы о Вязовецкой дубровѣ, а тотъ судъ за ево Романовою печатью.

Списокъ з даной 6907 году, что далъ Сава Сюзевъ в домъ Пречистые Богородицы Спасова монастыря и Благовѣщенскаго Архимандриту Малафею съ братіею на Спаское селище.

Выпись Московскаго уѣзда на село Бѣлой растъ съ деревнями и съ пустошми и со всякими угодіи, 162 году.

Выпись съ Переславскихъ доновыхъ книгъ Борисоглѣбскаго монастыря.

Выпись межевая съ Троецкимъ монастыремъ села Гулятина.

Выпись, что Патріарши вотчины отъ вотчины жъ боярина Лукьяна Степановича Стрешнева отмежевать.

Выпись Московскаго уѣзду Горетова стану на село Степановское.

Выпись Патріарши вотчины Московскаго уѣзду съ Ивановою вотчиною Северова 159 году.

Запись полюбовная и межевая села Порецкова съ Васильевскимъ монастыремъ, что въ Суздалѣ.

Запись мировая съ бояриномъ со Княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ.

Запись мѣновная на село Вельяминово съ Богоявленскимъ монастыремъ.

Патріарша мѣновная 165 году, что промѣнилъ въ домъ Пречистые Богородицы сельцо Новое съ деревнями на деревню Посникову въ Московскомъ уѣздѣ.

Мѣновная противная на деревню Посникову того жъ году.

Мѣновная Курмыжского уѣзду на село Онтоново съ деревнями.

Мѣновная Патріарша на село Черкизово, что промѣнено на село Кузяево въ Иверской монастырь, а то село Кузяево куплено на келейные деньги.

Мѣновная запись съ бояриномъ съ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ пустоши Хохловой.

Мѣновная боярина Князя Василья Григорьевича Ромодановскаго на пустошь Копытову съ пустошми.

Мѣновая запись Весилья Потапова да Ивана Кокошилова на закладную ихъ вотчину въ Московскомъ уѣздѣ въ Боховѣ стану на деревню Березники съ пустошми, 159 году.

Мѣновая запись боярина Князя Дмитрія Петровича Львова на пустошь съ пустошми.

Мѣновая, что промѣнилъ въ домъ Пречистые Бодородицы Звѣнигородской протопопъ пустошь Бедрино съ пустошьми во 154 году.

Запись мѣновная Звенигородскаго протопопа Ивана съ братіею, что промѣнилъ въ домъ Пречистыя Богородицы Іосифу Патріарху въ Звѣнигородскомъ уѣздѣ пустошь Бедрино съ пустошми, а вымѣнилъ въ томъ же уѣздѣ полпустоши Ковторова Николы узкого конца съ пустошми.

Мѣновая, что промѣнилъ Иванъ Юрьевъ сынъ Владычкинъ Іосифу Патріарху въ Серпуховскомъ уѣздѣ въ окологородномъ стану въ

отчинной пустоши Вертлинной жеребьи съ пашнею и сѣнными покосы и съ лѣсы и со всѣми угодьи, а вымѣнилъ въ томъ же стану церковную землю пустошь, что бывалъ погостъ Здвиженской..

Мѣновная запись Троицкаго монастыря архимандрита Деонисія съ братіею 136 году, что они промѣнили дьяку Микифору Шипулину въ Московскомъ уѣздѣ деревню Вантѣеву съ деревнями и съ пустошьми.

Запись межевая 153 году Патріаршу селу Пушкину съ Троецкою землею села Звягина.

Купчая Третьяка Яковлева 7085 году, что откупилъ у вдовы Марьи Ширяевой дочери Симонова вотчину въ Московскомъ уѣздѣ деревню Вантѣеву съ пустошми.

Мѣновая запись вдовы Овдотьи Микифоровскіе жены Шипулина, что она промѣнила въ домъ Пречистыя Богородицы Патріарху Іосифу вотчину мужа своево въ Московскомъ уѣздѣ, что вымѣнилъ мужъ ея Троицы Сергіева монастыря у властей селцо Вантѣево, а она Овдотья вымѣнила доковые вотчины въ Володимерскомъ уѣздѣ пустошь, что было село Корякино, и съ иными пустошми.

Мѣновая запись Думнаго дьяка Назарья Чистова, что онъ промѣнилъ вотчину свою въ Московскомъ уѣздѣ пустошь Вершково, а вымѣнилъ въ Московскомъ же уѣздѣ церковную землю въ Горетовѣ стану на рѣкѣ на Клязмѣ 155 году.

Закладная Семена Коробина, что онъ во 154 году заложилъ дьяку Василью Соболеву въ Юрьевскомъ уѣздѣ Польсково сельцо Бродницы и просрочилъ.

Закладная Князя Петра княжъ Ондреева сына Хилкова, что онъ заложилъ и просрочилъ вотчину свою деревню Березники.

Данная на загородцкой дворъ, что за Мясницкими вороты.

Запись мѣновная Василья Өедорова сына Янова, что онъ промѣнилъ Юсифу Патріарху вотчины свои, въ Костромскомъ уѣздѣ въ Нерехотцкомъ стану села Есиповскаго на рѣкѣ на Солоницѣ сѣнныхъ покосовъ изъ наволочка заводного, а противъ того вымѣнилъ онъ Василей у Іосифа Патріарха на той же рѣкѣ Солоницѣ церковной земли покосовъ Ильи Пророка на волочкѣ столко жъ мѣрою, 156 году.

Мѣновая запись окольничева Князя Дмитрея Петровича Львова, что онъ промѣнилъ въ домъ Пречистой Богородицы Іосифу Патріарху купленые вотчины пустоши въ Московскомъ уѣздѣ въ Болховѣ стану, пустошь Кадникова да пустошь Болотово, а противъ тѣхъ

своихъ пустошей выменилъ онъ у Іосифа Патріарха въ Московскомъ уѣздѣ церковную землю пустошь Ильинское 160 году.

Мѣновная запись 154 году, что промѣнилъ бояринъ Борисъ Ивановичь Морозовъ Іосифу Патріарху купленую свою вотчину въ Московскомъ уѣздѣ въ Сетунскомъ стану село Аминево и пустошь Вороново со крестьяны и со всѣми угодьи на Патріаршу домовую вотчину въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ городскомъ стану, на сельцо Юрьево съ деревнями и съ пустошми; подъ тою записью три кабалы на Офонку да на Карпушку Ивановыхъ дѣтей Кузминыхъ 147 году.

Выпись межевая, дьяка Ѳедора Торопова да Троицкаго старца Инокентія Ларіонова, Троицкой пустоши Климовской Черепково тожъ да пустоши Савинской, 155 году.

Купчая Василья Иванова сына Шереметева, что онъ продалъ въ домъ Пречистыя Богородицы Іосифу Патріарху въ Звѣнигородскомъ уѣздѣ вотчины своей отхожіе земли и сѣнныхъ покосовъ деревни Уборы въ Гущицахъ середи луговъ, 156 году.

Купчая 162 году, что Ортемей Ивановъ сынъ Агибаловъ продалъ Никону Патріарху вотчину свою въ Курмышскомъ уѣздѣ въ подгородномъ стану сельцо Симоново Обыковко тожъ съ препущеною пустошью Шепыренкою со крестьяны и со всѣми угодьи.

Закладная запись Микиты Воинова сына Пушкина, что онъ занялъ у Іосифа Патріарха сто рублевъ денегъ, а въ тѣхъ деньгахъ заложилъ онъ въ домъ Пречистыя Богородицы Іосифу Патріарху купленую свою вотчину пустошь Красную въ Московскомъ уѣздѣ въ Сетунскомъ стану на рѣчкѣ на Новишкѣ 155 году.

Запись Перфилья Оверкіева, что ему Перфилью о вотчинѣ своей Костромскаго уѣзда о погостѣ Никольскомъ о поворотѣ не бить челомъ, 158 году.

Закладная боярина Князя Никиты Ивановича Одоевскаго, что онъ заложилъ Патріарху Іосифу вотчину свою въ Московскомъ уѣздѣ деревню Посникову.

Книги межовые Борисоглѣбскаго монастыря, что въ Переяславлѣ.

Три ссудные съ отпускными на Кириловскихъ людей Супонева.

Кабала, что занялъ Ѳедоръ Ворфоломѣевъ сынъ Тороповъ у Патріарха Іосифа денегъ триста рублевъ, а въ тѣхъ деньгахъ заложилъ въ домъ Пречистые Богородицы вотчинные пустоши въ Московскомъ уѣздѣ: пустошь, что была деревня Лыгина, да пустошь, что была деревня Ноузова со всѣми угодьи, 156 году.

Купчая на Степановское съ пустошми, 152 году.

Запись на Ивана Урусова съ сыномъ. что ему мимо Патріарха пустоши Новинокъ непродавать, 152 году.

Пять купчихъ Звенигородскаго уѣзду городскаго стану на вотчину, на деревню Берески.

Отпись Рождественскаго монастыря, что изъ Великаго Новагорода, въ трехъ сотъ рублехъ.

Купчая, что продалъ Володимеръ Снохсаревъ хоромы.

Отпись, что во 147 году плачены деньги за даточные люди.

Данная на Астараханской дворъ 144 году.

Купчая изъ приказу большаго дворца 139 году, за приписью дьяка Герасима Мартемьянова, на сѣнные покосы въ Звенигородскомъ уѣздѣ на лугъ Быково да на лугъ Глушицы, что на Москвѣ рѣкѣ и на Истрѣ; продали тѣ луги изъ государевыхъ дворцовыхъ земель околничей Князь Алексѣй Михайловъ да дьяки Герасимъ Мартемьяновъ да Максимъ Чирковъ въ домъ Пречистые Богородицы Великому Государю Святѣйшему Патріарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Русіи.

Роспись межевая розводная Великаго Господина Святѣйшаго Іосипа Патріарха Московскаго и всеа Русіи съ Троицкими властьми села Троицкаго, на пустошь Литвиново села Тушина съ пустошью Кореевымъ 154 году.

Выпись съ книгъ писцовъ Ондрея Молвянинова да подъячаго Антипы Федорова Московскаго уѣзду Іосифа Патріарха домовой вотчины Манатейна и Быковой, и Коровина стану села Троицкаго дьяка съ Ивановою вотчиною Северова сельца Шолохова 159 году, за приписью подъячего Антипы Федорова.

Отписка къ Іосифу Патріарху съ Костромы отъ Ивана Никитина да подъ нею поручные записи Никольской слободы по крестьянехъ, что имъ быть по прежнему за Патріархомъ.

Столпикъ, а въ немъ челобитье Іосифова монастыря игумена Зосимы съ Патріарши крестьяны, 165 и 166 годовъ.

Столпикъ о Никольской слободѣ, что на Костромѣ, о крестьянехъ блаженные памяти при Великомъ Государѣ Филаретѣ Никитичѣ Патріархѣ Московскомъ и всеа Русіи.

Книга въ полдесть записная, а въ ней списываны съ вотчинныхъ съ домовыхъ крѣпостей списки.

Книга въ полдесть описная домовой казны Іосифа Патріарха 151 году.

Книга въ полдесть изъ Нижняго Новагорода домоваго Благовѣщенскаго монастыря вотчинная.

Книга переписная Самарскаго Преображенскаго монастыря и на вотчины.

Книга въ полдесть описная домовой казны, что переписывалъ Князь Ондрей Васильевичь Хилковъ блаженныя памяти при Великомъ государѣ Святѣйшемъ Ѳиларетѣ Никитичѣ Патріархѣ Московскомъ и всеа Русіи, 140 году.

Книга переписная въ полдесть, что переписывалъ Патріаршъ бояринъ Василей Яновъ 151 году.

Книга скорописная въ полдесть въ тетратѣхъ, переписи Патріарши домовой казны 151 году Патріарша боярина Василья Янова да дьяка Ѳедора Торопова, за его Ѳедоровою рукою.

Тетрать въ кожахъ перепись Патріарши домовой казны 149 году околничаго Князя Семена Васильевича Прозоровскаго да дьяка Артемья Хватова послѣ Патріарха Іосифа, писаны въ полдесть и съ тѣхъ книгъ списокъ.

Списокъ съ переписныхъ книгъ домовой казны, переписи боярина Князя Ѳедора Семеновича Куракина съ товарищи, что они переписывали послѣ Іосифа Патріарха 161 году.

Книги и письма за печатью Патріарха Никона о Иванѣ Нероновѣ.

Книга дозорная Льва Ермолова Темниковскіе, Верхнего города Ломова и Нижняго города Ломова жъ, Атемарскіе, Керенскіе Инсарскіе, Корсунскіе, Синбирскіе 161 году, за ево Львовою рукою.

Книги, писма и дозору Тихона Танеева, Балахонскіе Кинешенскіе 161 и 162 годовъ, за ево Тихоновою рукою.

Списокъ съ переписныхъ книгъ, каковъ присланъ исъ помѣстнаго приказу за приписью дьяка Ивана Хрипкова, о пустыхъ церковныхъ земляхъ Володимерского города и уѣзду.

Книги 160 году.

Книга приходная за приписью дьяка Ивана Кокошилова.

Тетрать записная домовой казны за приписью дьяка Ивана Кокошилова.

Книга приходная, въ ней же и расходъ писанъ.

Книга оброчная за приписью дьяка Ивана Кокошилова.

Книга расходная за приписью дьяка Ивана Кокошилова.

Книги 161 году.

Книга вѣнечная, дьячьи руки по листомъ нѣтъ.

Книга свѣчная, дьячьи приписи нѣтъ.

Книга переписная церковная Арзамаскаго уѣзду, переписи Якова Соловцова, за ево Яковлѣвою рукою.

Книга писцовая Борисовскіе десятины, писма и дозора Михаила Павлова.

Книга писцовая Нижегородской десятины, писма и дозору Ивана Ратисловскаго.

Книга писцовая Брянскіе десятины, писма и дозору Ондрея Измаилова.

Книга писцовая Вяцкіе десятины, письма и дозору Тимофея Караулова.

Книга расходная, за приписью дьяка Ивана Кокошилова.

Книга оброчная пустымъ церковнымъ землямъ.

Книга приходная въ тетратѣхъ, за приписью дьяка Ивана Кокошилова.

Книга писцовая Бѣлоградской десятины, письма и дозору Григорья Бѣлкина.

Книга писцовая Путивлицской десятины, письма и дозору Тимоѳея Владычкина.

Книга писцовая Курскіе десятины, писма Клементія Рыжова.

Книга писцовая Бѣлозерскіе десятины, писма и дозору Офонасья Дашкова.

Книга писцовая Переславльскіе десятины, писма и дозору Семена Хлопова.

Книги расходныя воску и свѣчамъ и ѳимьяну.

Книги 162 году.

Книга приходная за приписью дьяка Ивана Кокошилова.

Книга оброчная пустымъ церковнымъ землямъ, дьячей приписи нѣтъ.

Книга записная печатнымъ пошлинамъ, дьячьей приписи нѣтъ.

Книга писцовая Костромскіе десятины, писма и дозору Дорофея Елчанинова.

Книга Плескіе десятины, письма и дозору Алексѣя Копнина.

Книга писцовая Волоцкіе, Можайскіе, Мосальскіе десятины, писма и дозору Якова Львова.

Книга расходная, за приписью дьяка Ивана Кокошилова.

Книга приходная восковая, дьячьей приписи нѣтъ.

Книга писцовая Юрьева Полскова, письма и дозору Артемья Лачинова.

Книги 163 году:

Книга вѣнечная, дьячьей приписи нѣтъ.

Книга приходная, дьячьей приписи нѣтъ.

Книга расходная за приписью дьяка Парфенья Иванова.

Книга оброчная пустымъ церковнымъ землямъ, дьячей приписи нѣтъ.

Книга Тиунскіе избы явочная, обѣденнымъ пошлинамъ, дьячьи приписи нѣтъ.

Книга записная воску и свѣчамъ.

Книга записная ставленникомъ, что ставилъ въ попы Сербской Митрополитъ.

Книги 164 году:

Книга приходная за приписью дьяка Парфенья Иванова.

Книга оброчная пустымъ церковнымъ землямъ, дьячьи приписи нѣтъ.

Книга расходная за приписью дьяка Парфенья Иванова.

Книга свѣчная расходная, другая такая жъ.

Книга, что записываютъ печатные пошлины, дьячьей приписи нѣтъ.

Книга записная новоставленнымъ попамъ и дьякономъ.

Книги 165 году:

Книга приходная, дьячьей приписи нѣтъ.

Книга расходная за приписью дьяка Парфенья Иванова.

Книга оброчная пустымъ церковнымъ землямъ, дьячьей приписи нѣтъ.

Книга вѣнечная въ новой тетрати.

Книга записная печатнымъ пошлинамъ, дьячьей приписи нѣтъ.

Книга записная новоставленнымъ попамъ и дьякономъ.

Книги 166 году:

Книга вѣнечная, дьячьей руки нѣтъ.

Книга печатная пошлинная, дьячьей руки нѣтъ.

Книга оброчная пустымъ церковнымъ землямъ, дьячьей приписи нѣтъ.

Въ Патріаршемъ же въ казенномъ приказѣ росписокъ и кабалъ и заемныхъ памятей у подъячихъ, которые люди имали изъ Патріарши казны въ займы денегъ.

У подьячего у Володимера Гурьева.

Во 160 году дьякъ Иванъ Кокошиловъ взялъ въ займы изъ Патріарши казны денегъ двѣсти девяносто рублевъ, росписка въ трехъ

заемныхъ деньгахъ ево Иванова рука, а въ томъ году онъ Иванъ сидѣлъ въ томъ же казенномъ приказѣ.

Во 162 году дьяку жъ Ивану Кокошилову дано въ займы изъ Патріарши казны три рубли двадцать четыре алтына двѣ деньги, росписка въ тѣхъ заемныхъ деньгахъ ево Иванова рука.

Во 164 году дьяку Ивану Калитину дано въ займы изъ Патріарши казны денегъ сорокъ восмь рублевъ, росписка въ тѣхъ заемныхъ деньгахъ ево Иванова рука.

Кабалы разныхъ годовъ отданы подъячему Якову Филипову.

Кабала Звенигородскаго уѣзду Патріарша Дворцоваго села Дмитровскаго на крестьянина на Филку Кирилова въ дву рубл., 148 году.

Кабала на Ивана Володимирова сына Тонкова Государева стремяннаго конюха въ казенныхъ деньгахъ въ четырехъ рубляхъ, 147 году.

Кабала на Патріарша крестьянина на Васку Савинова въ двухъ рубляхъ Володимирскаго уѣзду села Спаскаго, 143 году.

Кабала на Патріарша крестьянина подъмосковнаго села Никольскаго въ дву рублехъ, 155 году.

Кабала Патріарша дворцоваго села Дмитровскаго на Климка Өедотова въ двухъ рубляхъ 183 году.

Кабала на Патріарша крестьянина Московскаго уѣзду села Озерецъ деревни Рыболовскаго, Агафонова тожъ, на Понкратка Власова въ дву рублехъ съ полтиною, 144 году.

Кабала на Патріаршихъ крестьянъ Звенигородскаго уѣзду села Дмитровскаго Трофимка, прозвище Смирки Кондратова, да Савки Михайлова съ товарыщи восмь человѣкъ въ четырехъ рубляхъ съ полтиною, 144 году.

Кабала на Патріарша крестьянина Коломенского уѣзду села Бисерова Илюшки Петрова сына Трухина въ десяти рублехъ, 147 году.

Кабала на архимандрита Герасима, что былъ на Резани въ Спаскомъ монастырѣ въ пяти рублехъ, 148 году.

Кабала на Григорья Ефимова сына Нижнева, Москотильнаго ряду торговаго человѣка, да Өедора Григорьева сына, Ирошного ряду торговаго человѣка, Патріарховыхъ крестьянъ съ товарыщи въ пятнадцати рубляхъ, 146 году.

Кабала на Ивана Степанова сына Шевелева Патріархова сына боярского въ пяти рублехъ, 147 году.

Кабала на Патріархова крестьянина Емелки Григорьева сына Мочаленка Московскало уѣзду села Озерецкого деревни старой Рыболовой въ дву рублехъ, 150 году.

Кабала на Оску Емельянова сына, прозвище Пятунки, да на Ивашка Григорьева сына, прозвище Малота села Пушкина въ дву рублехъ, 152 году.

Кабала на Иевка Захаріева сына Патріарша крестьянина села Дмитровскаго въ дву рублехъ, 152 году.

Кабала на Патріарховыхъ крестьянъ села Троицкаго деревни Матвѣевской Ивашка Офонасьева въ дву рублехъ, 152 году.

Кабала на вдову Агафицу Тимофееву дочь Степановскую жену Кубина села Пушкина на крестьянку въ дву рублехъ, 152 году.

Кабала на Патріархова крестьянина Костромскаго уѣзда села Никольскаго на Якушка Ананьина въ дву рублехъ, 152 году.

Кабала на Патріарша крестьянина села Троицкого на Иевка Иванова сына въ дву рублехъ, 152 году.

Кабала на Патріархова крестьянина того жъ села Троицкого Дмитрія Петрова въ дву рублехъ, 152 году.

Кабала на Патріархова жъ крестьянина оного жъ села Троицкого на Олферка Ермолаева въ дву рублехъ, 152 году.

Кабала на Патріархова крестьянина того жъ села Троицкаго на крестьянина на Офоньку Иванова въ дву рублехъ, 152 году.

Кабала на Ивана Михайлова сына Соболева въ трехъ рублехъ, 150 году.

Кабала на Патріарша крестьянина села Троицкаго деревни Гладышева Өедку Пантелеева въ дву рублехъ, 150 году.

Кабала на Патріархова крестьянина Ростовскаго уѣзду Карашскіе волости деревни Борушки на Петрушку Иванова въ дву рублехъ, 150 году.

Кабала на Ондрея Ефремова сына, Переславского уѣзда Онтоньевы пустыни Покровскаго монастыря, въ дву рублехъ, 146 году.

Кабала на Ивана Иванова сына Владыкина въ пяти рублехъ, 164 году.

Кабала на Патріарша сына боярского Матвѣя Алексѣева сына Рагозина въ пяти рублехъ, 146 году.

Память заемная на Дмитрея Чюровскаго въ пяти рублехъ, 146 году.

Кабала на Патріарша крестьянина Козья болота Өедки Михайлова сына Менка въ пяти рублехъ, 146 году.

Кабала на Григорья Гаврилова сына Разбойнаго приказу подья-

чего, да на Семена Григорьева сына Мурзина Патріарша сына боярского въ пяти рублехъ, 144 году.

Кабала на Семена Микитина сына Рагозина въ четырехъ рублехъ, 148 году.

Кабала на Патріарша крестьянина Володимерскаго уѣзду Варланова починка да на Патріарша сына боярскаго Микифора Иванова сына Бѣляева въ дву рублехъ, 147 году.

Кабала на Онтонка Степанова сына плотника, да на Фролка, да на Кузешку Даниловыхъ дѣтей Яблочюковъ, да на Микишку Иванова сына плотника Патріархова крестьянина, да на посадскаго человѣка Дмитровскіе сотни тяглеца на Сеику Сафонова плотника, въ пятнадцати рублехъ, 146 году.

Кабала на Патріарша крестьянина на Ивашка Дорофеева, прозвище Кобылкина, Московскаго уѣзду села Ильинскаго, въ четырехъ рублехъ, 145 году.

Кабала на Князя Богдана князь Өедорова сына Мещерскаго въ рублѣ, 145 году.

Кабала на Князя Андрея князь Семенова сына Шелешпанскаго въ десяти рублехъ, 143 году.

Кабала на Пятого Васильева сына Всеволоцкаго въ десяти рублехъ, 146 году.

Кабала на Патріархова сына боярского на Алексѣя Махова въ пяти рублехъ, 143 году.

Кабала, на Патріархова крестьянина Коломенскаго уѣзду села Бисерова на Серешку Яковлева да на Проику Мартынова, въ десяти рублехъ, 146 году.

Кабала на Дмитрейка Филипова сына Квасника, да на Кузешку, да на Фадѣйка Ивановыхъ дѣтей медоваго нижняго ряду торговыхъ людей въ трехъ рублехъ, 152 году.

Кабала на Патріархова крестьянина села Дмитровскаго Звенигородскаго уѣзду на Петрушку Максимова въ дву рублехъ, 143 году.

Кабала на Патріархова крестьянина на Филку Овдокимова села Озерецкаго старой деревни Рыболовой въ дву рублехъ, 150 году.

Кабала на Патріархова крестьянина села Пушкина Степки Ларионова въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Оверкейка Григорьева Патріархова крестьянина села Покровскаго въ дву рубляхъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина Дворцоваго села Пушкина на Ивашка Емельянова въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина села Троицкаго на Мишка Иванова въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина на Евсевейка на Ермолаева, прозвищемъ Овсянника, съ товарищи Володимирского уѣзду въ дву рублехъ, 148 году.

Кабала на Патріархова крестьянина Володимерскаго уѣзда села Парецкаго на Алешку Өедорова сына Уварова въ дву рублехъ, 148 году.

Кабала на [illegible] на Алексѣя Андрѣева въ пяти рублехъ, 150 году.

Кабала на Патріарховыхъ крестьянъ на Микитку Васильева сына Шапошникова, да на Ярославцовъ посадскихъ людей на Алешку Алексѣева сына охотнорядошника съ товарищи въ двадцати въ пяти рублехъ, 145 году.

Кабала Патріархова дворцоваго приказу на сторожа на Янку Иванова въ дву рублехъ, 146 году.

Кабала на Петра Богданова сына Сурмина въ десяти рублевъ, 146 году.

Память земная на боярина на князя Ивана Никитича Хованскаго въ пятидесяти рублехъ, 146 году.

Кабала на Патріарховыхъ крестьянъ Юрьевского уѣзду Польского села Өндрѣевского на Назарка Осанасьева съ товарищи въ дву рублехъ, 155 году.

Кабала того жъ села Андрѣевскаго на Данилка Иванова сына Жукова, да на Безсонка Васильева въ дву рублехъ, 155 году.

Кабала на Патріархова крестьянина на Данилка Кипріянова села Троицкаго деревни Матвѣевской въ дву рублехъ, 150 году.

Кабала Звѣнигородскаго уѣзду на крестьянина на Лукашку Кондратьева въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина деревни Селны на старосту на Гришку Дмитріева съ товарыщи въ осмнадцати рублехъ, 155 году.

Кабала на Патріархову крестьянку на Соломониду Иванову Звѣнигородского уѣзду села Дмитровскаго деревни Тимошкина въ дву рублехъ, 154 году.

Заемная кабала, что занелъ дьякъ Иванъ Кокошиловъ, въ пятидесяти рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріарша крестьянина села Хлябова на Ивашка Өедосѣева въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина села Никольскаго на Офонку Тарасова въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина села Покровскаго на Якунку Иванова въ дву рубляхъ съ полтиною, 154 году.

Кабала на Патріаршихъ дѣтей боярскихъ на Семена Өедорова сына Соболева съ товарыщи во сто рублехъ, что они тѣ деньги заняли въ Бѣлѣгородѣ у боярина у Князя Никиты Ивановича Адоевскаго, 154 году.

Кабала на вдову Анну Степанову дочь Игнатьевскую жену Семенова Патріарша крестьянина въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина Володимерскаго уѣзду села Булуслова на Гаврилка Алексѣева въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина села Троицкаго деревни Гладышевы на Ларку Иванова въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина села Пушкина на Данилка Дмитріева въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина того жъ села на Иванка Ефимова въ рублѣ, 154 году.

Кабала на кузнецовъ села Троецкаго на Алешку Исаева съ товарыщи въ пяти рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина села Пушкина слободки новой на Сенку Иванова сына Малютенка въ дву рублехъ, 154 году.

Кабала на Патріархова крестьянина села Никольскаго на Якунку Тарасова въ дву рублехъ, 146 году.

Кабала на Матвѣя Корякинскаго съ товарыщи въ дву рублехъ, 147 году.

Память заемная на Кузму Андрѣева сына Суримина въ пяти рублехъ, 146 году.

Кабала на Өедора Кирилова сына Бояшева въ дву рублехъ, 148 году.

Кабала на Патріарша крестьянина съ Козья болота Данилка Дѣева въ пяти рублехъ, 144 году.

Память на Князя Романа Мещерскаго въ пятнадцати рублехъ, 147 году.

Кабала на Патріарша крестьянина села Игнатовскаго на Онкудинка Васильева въ рублѣ, 146 году.

Кабала Володимерскаго уѣзду села Игнатовскаго на крестьянина на Васку Өедорова въ дву рублехъ, 150 году.

Кабала Переславскаго уѣзду села Романовскаго на крестьянина на Мишку Микитина въ двy рублехъ, 150 году.

Кабала Московскаго уѣзду села Пушкина на крестьянина на Иванка Григорьева сына Яносова въ двy рублехъ, 148 году.

Кабала на Елизарія Петрова сына Вѣчюева въ рублѣ, 152 году.

Кабала на Ивана Гаврилова сына Бѣляева въ пяти рублехъ, 146 году.

Кабала на Патріарша крестьянина села Троецкаго на Якушку Купріянова да на Ивашка Офонасьева въ двy рублехъ, 146 году.

Кабала Юрьевскаго уѣзду Повольского села Ондрѣевского на крестьянина на Матюшку Ѳедорова въ двy рублехъ, 155 году.

Кабала Патріарша дворцоваго села Троецкаго на крестьянина на Володимерка Семенова въ двy рублехъ, 150 году.

Кабала села Озерецкаго на крестьянина на Игнатку Власьева въ двy рублехъ, 152 году.

Кабала на Марка Герасимова да на Петрушку Максимова въ четырехъ рублехъ, 152 году.

Кабала Суздальскаго уѣзду Дмитровскаго монастыря на старцовъ на Іону да на Киприана да на Аврамія съ братьею въ тридцати рублехъ, 145 году.

Кабала Патріарша дворцоваго села Глѣбова на крестьянина на Васку Ѳедосѣева въ двy рублехъ, 146 году.

Кабала на Ортенья, прозвище Меншого, Иванова сына съ товарищи въ четырехъ рублехъ, 147 году.

Память изъ нижняго Новагорода Духова монастыря на игумена на Володимера въ полуторѣ рублѣ, 147 году.

Кабала Московскаго уѣзда села Троицкого на попа Терентья Микитина въ двy рублехъ, 148 году.

Кабала съ Козья болота на крестьянина на Гришку Кондратьева сына плотника въ тридцати пяти рублехъ, 143 году.

У подъячего жъ у Ивана Зерцалова книги разныхъ годовъ.

Книга съ 164 года по 167 годъ перехожимъ памятемъ записная, книга это съ какихъ съ чего указано пошлинъ имать Великаго Государя Патріарха Ѳиларета Никитича Московскаго и всеа Русіи.

Кабалы жъ и иные крѣпости были у подъячего Ивана Зерцалова у переписки, отданы подъячему Якову жъ Ѳилипову.

Кабала на Патріарша сына боярскаго на Степана Бѣляева въ рублѣ, 147 году.

Кабала на Патріарша крестьянина Михайла Герасимова 147 году въ двухъ рублехъ.

Кабала на Патрекея Корякина въ двухъ рублехъ, 147 году.

Память на боярина на Василья Петровича Шереметева въ пятидесяти рублехъ, 147 году.

Кабала Петра Богданова сына Сурина въ двухъ рублехъ, 144 году.

Кабала на Власа Григорьева въ пяти рублехъ, 144 году.

Кабала Федора Лызлова въ трехъ рублехъ, 144 году.

Кабала Власа Григорьева въ пяти рублехъ, 144 году.

Кабала на Патріарша сына боярина на Сергія Григорова въ пяти рублехъ, 147 году.

Кабала Патріаршія слободы съ Козья болота на крестьянина на Микитку Яковлева съ товарищи во шти рублехъ, 145 году.

Кабала Патріарша казеннаго приказу на сторожа на Степанку Нарфентьева 148 году, въ трехъ рублехъ.

Кабала на Патріарша сына Боярского на Сергія Григорьева въ десяти рублехъ, 147 году.

Кабала боярина Ивана Никитича Романова на крестьянина Леонтья Бѣлоусова въ трехъ рублехъ, 157 году.

Кабала на Юрья Матвѣева сына Сурина въ рублѣ, 147 году.

Кабала на Патріарша крестьянина на Василья Наумова съ товарищи въ десяти рублехъ, 148 году.

Кабала на Патріарша крестьянина Гавриловскіе слободы на Дмитрея Осипова съ товарищи въ девяти рублехъ, 148 году.

Кабала Переславскаго уѣзда Залѣсскаго Антоньевы пустыни на крестьянина на Васку Наумова въ пяти рублехъ, 145 году.

Кабала на Патріаршихъ крестьянъ на Никитку Тукачева съ товарищи въ пятидесяти рублехъ, 145 году.

Кабала на Патріаршихъ крестьянъ Гавриловскіе слободы на Митрея Осипова мясника съ товарищи въ девяти рублехъ, 148 году.

Поступная записная Федора Лызлова, что онъ поступился Патріарху Іоасафу крестьянина своего Микитку Васильева съ женою и дѣтьми, 144 году.

Кабала на Патріаршихъ крестьянъ Козья болота на Никиту Иванова съ товарищи въ пяти рублехъ, 148 году.

Заемная память на Никиту Иванова сына Уварова въ десяти рублехъ, 146 году.

Кабала Патріарша казеннаго приказа на подьячего на Семена Степанова въ двадцати рублехъ, 144 году.

Кабала на Патріаршихъ крестьянъ Козья болота на Кузьку да на Фролка Даниловыхъ въ десяти рублевъ, 145 году.

Кабала на Патріаршихъ крестьянъ Караскіе волости на Богдашка Александрова въ девяти рублехъ, 147 году.

Кабала на Өедора Иванова сына Силина въ пятнадцати рублехъ, 146 году.

Кабала на Семена да на Афонасья Андрѣевыхъ дѣтей Өилиповыхъ въ дву рублехъ, 147 году.

Кабала на Князя Богдана Мещерскаго въ пяти рублехъ, 145 году.

Кабала на Патріаршихъ крестьянъ Коломенского уѣзду Дворцоваго села Бисерова на Гришку Иванова съ товарищи въ четырехъ рублехъ, 146 году.

Кабала на Патріаршаго крестьянина Козья болота на портнаго мастера на Васку Игнатова съ товарищи въ семи рублехъ, 147 году.

Кабала на Богдана Семенова сына Борина въ двухъ рублехъ, 146 году.

Кабала на Патріарша крестьянина села Никольскаго на Кузьку Ермолина въ двухъ рублехъ, 145 году.

Кабала на Патріарша крестьянина, Дмитровскато уѣзда села Игнатовскаго, на Стеньку Васильева въ рублѣ, 147 году.

Кабала на Патріарша крестьянина Козья болота на Кирилка Григорьева въ двадцати рублехъ, 148 году.

Кабала на Патріарша крестьянина Козья болота на Ондрѣя Тимофѣева сына Зелейщика съ товарищи въ пяти рублехъ, 147 году.

Кабала на вдову Соломаниду Ивановскую жену Ржевскаго съ дѣтми въ десяти рублехъ, 148 году.

Память Неведенихта Ларіонова сына Бутримова въ пяти рублехъ, 146 году.

Поручная запись по Патріаршѣ крестьянинѣ Козья болота по Григорьѣ Ефимьевѣ въ пятнадцати рублехъ, 149 году.

Кабала на Патріарша сына боярского на Никиту Степанова сына Шамшева въ пяти рублехъ, 148 году.

Кабала на Леонтья Михайлова сына Соболева в десяти рублехъ, 146 году.

Кабала на патріарша крестьянина Московскаго уѣзду села Озерецкаго на Пронку Пименова деревни Старые в дву рублехъ, 148 году.

Кабала на патріарша крестьянина Коширскаго уѣзду домовой Дворцовой вотчины деревни Сельной на крестьянина на Куску Фатѣева в дву рублехъ, 155 году.

Кабала на патріарша крестьянина отъ Троицы и с Селецъ на Кузенка Микитина в двү рублехъ, 148 годү.

Поручная запись попа Григорья, по крестьянинѣ по Ивашкѣ Митрофановѣ в семи рублехъ с полтиною, 149 годү.

Кабала на Свіяженина на посадскаго человѣка на Бориска Матвѣева сына Хластохина во ста рублехъ, а занелъ тѣ деньги ис Самары у преображенского Игүмена Федорита 147 годү.

Кабала на патріарша крестьянина села Пушкина на Ромашку Степанова в двү рублехъ, 155 годү.

Кабала Верейского үѣздү села Дмитровскаго деревни Тимошкина на крестьянина Гришкү Степанова двү рублехъ, 155 годү.

Кабала на патриарша крестьянина Коломенского үѣздү сѣла Бисерова на Илюшку Петрова в двү рублехъ 155 годү.

Кабала села Селецъ Троецкихъ на Ганькү Семенова с товарищи в двү рублехъ, 146 годү.

Кабала Володимерскаго үѣздү Спаскаго села на патріарша крестьянина на Никиткү Прокофьева в двү рублехъ, 153 годү.

Кабала Московскаго үѣздү патріарша Дворцоваго села Пушкина на крестьянина на Ивана Дмитріева в двү рублехъ, 153 годү.

Кабала на патріарша крестьянина Московскаго үѣздү села Степановскаго на Нестера Семенова в двү рублехъ, 153 годү.

Кабала на патріарша крестьянина села Покровскаго, что на Пехоркѣ, на Офонкү Андрѣева в двү рублехъ, 152 годү.

Кабала на Ивана Лазарева сына Муравья иконописца во шести рублехъ, 151 годү.

Память заемная на Иналѣя бѣлова в десяти рублехъ, 154 годү.

Кабала Ивана Степанова да Леонтья Обросимова с товарыщи села Троицкого на крестьянъ в двү рублехъ, 157 годү.

Кабала на Матвѣя Борисова сына Загарина да на Ондрея Родіонова сына Репьева Самарянъ дѣтей боярскихъ с товарищи в тридцати рублехъ, 157 годү.

Кабала на патріаршихъ крестьянъ села Пушкина на Ивашка Григорьева сына Януса с товарыщи на шти человѣкъ в осмнадцать рублехъ.

Кабала на Семеновыхъ крестьянъ Лукъянова сына Грибоѣдова Володимерского үѣздү Корочаловскіе волости деревни Назарова на Павелка Семенова сына Борокина да на Петрункү Иванова сына Анцыфорова в тридцати рублехъ, 160 годү.

Запись Нижнево Новагорода Матвѣя Лаврентьева Клепалницына о бѣглыхъ ево крестьянехъ объ Онтипкѣ, да Офонкѣ, да об Никиткѣ Ер-

моковыхъ дѣтехъ и объ ихъ женахъ и дѣтехъ и о сносныхъ животахъ о пятидесяти рубляхъ, что онъ Матвѣй Клепалницынъ тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьяхъ с женами и з дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы поступился в домъ Пречистые Богородицы и Великому Господину Іосифу Патріарху Московскому и всеа Русіи 160 году.

Опись изъ приказу болшаго Дворца, что взяты по Крымскимъ вѣстямъ для Государевы службы ратнымъ людемъ на жалованье с Самары съ Преображенского монастыря за даточные пѣшіе люди в дву сотъ во шти рублехъ за приписью дьяка Максима Чиркова, 147 году.

Кабала на Ивана Степанова сына Шевелева в рублѣ, 155 году.

Кабала на Князь Володимера Мещерского, да на Ивана Шевелева, да на Ивана Головкова въ трехъ рублехъ 155 году, что они тѣ деньги занели на Государевѣ службѣ у Савина Потапова.

Кабала Савина Тимофѣева сына Потапова на Осипа Семенова сына Тяпкина в рублѣ, 155 году.

Кабала ево жъ Савина на Ивана Федорова сына Косаговскаго, да Андрѣя Федорова сына Косаговского в дву рублехъ.

Кабала ево жъ Савина на Дмитрея да на Никиту Всеволоцкихъ в дву рублехъ.

Кабала ево жъ Савинова на Ивана да на Василья Всеволодскихъ во дву рублехъ, 155 году.

Кабала ево жъ Савинова на Семена да на Петра Микитиныхъ дѣтей Рагозиныхъ в дву рубляхъ.

Память ево жъ Савинова на Александра Рагозина в рублѣ, 154 году.

Кабала ево жъ Савинова на Марка Ѳедорова сына Лопухина в рублѣ, 155 году.

Память ево жъ Савинова на Илью Иванова сына Онучина в рублѣ, 154 году.

Кабала старца казначея Перфилья, да дьяка Григорья Одинцова на патріарша крестьянина на Сергѣйка Никитина с товарищи въ дву рублехъ, 150 году.

Кабала старца Ларіона Сковитина да дьяка Афанасья Максимова на патріарша сына боярского на Леонтья Овдокимова в трехъ рублехъ, 146 году.

Кабала старца казначея Ларіона да дьяка Офонасья Максимова на двову Меланью Ивановскую жену Завороткова с сыномъ ее Андреемъ в пяти рублехъ, 147 году.

Кабала казначея старца Якима Молотина да дьяка Григорья Один-

цова на патріарша крестьянина на Ивашка Сергѣева в дву рублехъ, 153 году.

Кабала казначея старца Якима да дьяка Григорья Одинцова на патріаршихъ крестьянъ на Мишку Семенова въ дву рублехъ, 153 году.

Кабала казначея старца Якима да дьяка Григорья Одинцова на патріарша крестьянина на Богдашка Шунина въ дву рублехъ, 153 году.

Память дьяка Савина Тимофѣева сына Потапова на Князь Дмитрія княжъ Иванова сына Мещерского въ трехъ рублехъ, 155 году.

Кабала Савина жъ Потапова на Матвѣя Елизарьева сына Коракинъскаго въ дву рублехъ, 155 году.

Кабала ево жъ Савина на Ивана Кузмина сына Рогозина въ дву рублехъ, 155 году.

Кабала ево жъ Савинова на Володимера Третьякова сына Григорова въ рублѣ, 155 году.

Кабала ево жъ Савинова на Петра Ѳилипова сына Григорова, да на Ивана Петрова сына Григорова въ дву рублехъ, 155 году.

Заемная память ево жъ Савинова на Матвѣя Елизарьева сына Коракиньского въ рублѣ, 154 году.

Память ево жъ Савинова на Василья Иванова сына Бѣляева в рублѣ, 154 году.

Кабала ево жъ Савинова на Петра Понкратьева сына Лазарева въ дву рублехъ, 155 году.

Кабала ево жъ Савинова на Ондрѣя Иванова сына Григорово въ рублѣ 155 году.

Кабала ево жъ Савинова на Степана Гаврилова сына Бѣляева въ рублѣ, 155 году.

Память ево жъ Савинова на Михаила Григорьева сына Всеволожского въ рублѣ, 155 году.

Память ево жъ Савинова на Семена, да на Ивана Соболевыхъ въ дву рублехъ, 155 году.

Кабала ево жъ Савинова на Ларіона Всеволожьскаго въ рублѣ, 155 году.

Кабала ево жъ Савинова на Семена Андрѣева сына Филипова да на Кондратья Афонасьева сына Филипова въ дву рубляхъ, 155 году.

Память ево жъ Савинова на Данила да на Никифора Всеволодскихъ въ рублѣ, 155 году.

Память ево жъ Савинова на Леонтья Михайлова сына Соболева въ рублѣ, 155 году.

Кабала его жъ Савинова на Степана Корякинского, да на Семена Рагозина въ рублѣ, 155 году.

Заемная память на Ларіона Агаркова въ патріаршихъ в келейныхъ в заемныхъ деньгахъ въ десяти рублехъ, 147 году, его Ларионова рука.

Заемная память на Ивана Михайлова сына Мананахова 146 году, въ патріашихъ келейныхъ деньгахъ въ пяти рубляхъ.

Заемная кабала на Ивана Афанасьева сына Кокошилова 148 году, въ заемныхъ келейныхъ деньгахъ въ десяти рубляхъ.

Заемная память на Ларіона Агаркова, да на Ивана Уварова въ келейныхъ же въ заемныхъ деньгахъ въ пяти рублехъ, 148 году.

Заемная кабала на Якова Афанасьева сына Жемайлова въ келейныхъ же зъ заемныхъ деньгахъ въ пяти рублехъ, 148 году.

Заемная кабала на денежнаго мастера на Никифора Иванова сына Ключарева, въ заемныхъ деньгахъ Андрѣя Осипова сына Жемайлова въ четырехъ рублехъ, и въ тѣхъ деньгахъ Микифоръ заложилъ дворъ свой 146 году.

Заемная кабала Андрея жъ Жемайлова на того жъ Микифорка въ четырехъ рубляхъ 146 году; а въ тѣхъ деньгахъ заложилъ дворъ свой.

Заемная память 145 году, на Ивана Максимова сына Строгонова, и на сына его Данила въ патріаршихъ въ заемныхъ деньгахъ во стѣ во шти десяти въ одномъ рублѣ.

Заемная память на Григорья Иванова сына Кафтырева въ патріаршихъ деньгахъ въ десяти рублехъ, 147 году.

Заемная память на Ларіона Софонова на Агаркова въ патріаршихъ въ заемныхъ деньгахъ въ пяти рублехъ, 147 году.

Заемная кабала на Ивана Васильева сына Кафтырева и на сына его Григорья въ патріаршихъ въ заемныхъ денгахъ въ тритцати рублехъ, 147 году.

Заемная кабала на Ивана Максимова сына Строгонова и на сына ево Данила въ патріаршихъ въ келейныхъ въ деньгахъ трѣхъ стахъ въ пятидесяти рублехъ, 145 году.

Заемная память на Стефана Семенова сына Микитина Іоасафа патріарха въ келейныхъ въ заемныхъ деньгахъ въ дву рублехъ, 147 году.

Запись Бѣлозерца Романа Дмитріева сына Внукова, съ стрѣмяннымъ конюхомъ съ Иваномъ Тонково 144 году, о роздѣлѣ Ростовского помѣстья сельца Богородицского.

Запись на гостя на Михайла Гурьева сына Назарьева, в откупныхъ

учюжныхъ деньгахъ учюга Бузана со 154 году по 161 годъ, посемисотъ по пятидесятъ рублевъ на годъ, и в розныхъ запасехъ и въ заемныхъ деньгахъ въ тысячи рублехъ.

Мѣновная запись 154 году, что промѣнилъ бояринъ Борисъ Ивановичь Морозовъ Іосифу патріарху купленую свою вотчину въ Московскомъ уѣздѣ въ Сетунскомъ стану село Аминево, и пустошь Вороново со крестьяны и со всѣми угодьи, на патріаршу домовую вотчину въ Звенигородскомъ уѣздѣ, на сельцо Юрьево съ деревнями и съ пустошми, подъ тою записью три кабалы на Офонку, да на Карпушку Иваковыхъ дѣтей Козмина 147 году.

Купчая 162 году, что Артемей Ивановъ сынъ Агибаловъ продалъ Никону Патріарху вотчину свою въ Курмыжскомъ уѣздѣ въ подгородномъ стану сельцо Симоново, а Быковка тожъ, с припущеною пустошью Шевыренкою и со всѣми угодьи и со крестьяны.

Дѣла подьячаго Елизарья Өедорова.

Коробья, а въ ней из городовъ книги приходные окладнымъ и не окладнымъ денежнымъ доходомъ 156 и 166 годовъ.

Черные записные расходные тетради и расходной столпъ 165 и 166 годовъ.

Два столпа учюжныхъ Астараханскіе о всякихъ дѣлахъ 165 и 166 годовъ.

Коробейка, а въ ней учюжные дѣла, что въ коробкѣ учюжныхъ дѣлъ и книгъ.

Двѣ книжицы въ переплетѣ.

Семь столпиковъ отпускомъ.

Переносные.

Дѣло вотчинное раздѣльное перенесено изъ Патріарша розряду дьяка Ивановы жены Кокошилова Марьи з братьями ее съ Михайломъ Карамышевымъ з братьею, вершено и дьячьею рукою закрѣплено.

Судное дѣло перенесено ис патріарша разряду гостиные сотни Алексѣевы жены Остафьева Ульяны Дмитревны дочери з гостемъ съ Степаномъ Горбовымъ въ приданомъ по ряднымъ записямъ, вершено и дьячьею рукою закрѣплено, подлинная рядная запись Өедора Горбова съ Олексѣемъ Остафьевымъ.

Дѣло перенесено изъ Патріарша Дворцоваго приказа с Вологды Галахтіоновы пустыни старца Акима Церкви Воскресенія Христова что в Кадашевѣ со вдовымъ попомъ Өедоромъ Ивановымъ, да с садовникомъ Өедоромъ Онтоновымъ, да с Кадашевцомъ с Федоромъ Викуль-

евымъ в зауморныхъ животахъ в тысечѣ рублевъ и в сукнахъ, и то дѣло невершено и дьячьею рукою незакреплено 166 году.

Очная ставка Ивана Горбова съ Олексѣемъ Остафьевымъ в приданомъ по рядной записи о спорѣ на прежнее вершеное судное дѣло, невершено и дьячьею рукою незакрѣплено.

Обыски и распросные рѣчи и очныя ставки Темниковского протопопа Данила съ попомъ Нестеромъ о церковныхъ дѣлахъ и сына ево Макарка с пушкарскимъ сыномъ в недобромъ посмѣхѣ, вершено а дьячьею рукою незакрѣплено.

Обыски Спаса Новаго Монастыря про Архимандрита Іосифа въ ево безсчинствѣ за руками 166 году.

Купчая дворовая, что купленъ дворъ изъ Посольскаго приказа Нѣмчина Ісака Гохмана Галанскіе земли, а купленъ тотъ дворъ в домъ Пречистые Богородицы на поганомъ прудѣ.

Дѣла подьячего Ивана Варахпѣева 166 году.

Очная ставка сытного дворца стряпчаго Захара Красникова с Соловляниномъ с сыномъ боярскимъ с Лукою Давыдовымъ о церковной землѣ въ Соловскомъ уѣздѣ, дѣло невершено и незакрѣплено.

Отписка изъ Галича Нехерошева Всеволодцкаго, под отпискою обыски, что в Троецкомъ монастырѣ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы если ли.

Челобитье и обыски Болшихъ Лужниковъ тяглеца Мишки Офонасьева о хлѣбѣ брата ево Московскаго уѣзду церкви Николы Чюдотворца попа Ивана Офанасьева, невершено и дьячьею рукою незакрѣплено.

Книги отдѣльные и межевые Костромскіе десятины церкви Николы Чюдотворца, что на Кордомѣ, церковной землѣ и всякимъ угодьямъ.

Дѣла подьячего Ивана Дудина 166 году.

Очная ставка помѣстного приказа подьячего Ивана Губина, что онъ билъ челомъ на брата своего двоюродного патріарша разряду на подьячево на Степана Родіонова въ блудномъ насильствѣ жены своей, невершено и незакрѣплено.

В мѣшкѣ пошлинныхъ денегъ десять рублевъ два алтына, приему подьячего Гаврила Павлова; и тѣ деньги отданы подьячему Гаврилу жъ Павлову.

Въ Казенномъ же Приказѣ:

Сундукъ кипарисной, а по скаскѣ казначея старца Тихона тотъ сундукъ умершего архидьякона Тихона; а в немъ:

Образъ Спасовъ, шитъ по червчатому отласу золотомъ и серебромъ, низано мелкимъ жемчюгомъ.

Крестъ деревянной, рѣзанъ на оба лица.

Окладъ с креста, подъ главою на закрепкахъ два зерна жемчюжные.

Панагея рѣзана на кипарисѣ золочена.

Муштокъ да наперстъ ременная, оправа серебреная золоченая узкая.

Кубокъ орѣхъ Инденской, поддонъ и вѣнецъ и обоимицы серебреные золоченые рѣзные, кровля серебреная золочена гладкая.

Кубокъ серебреной чеканной бѣлой, вѣнчикъ и поддонъ золоченъ, кровля серебряная.

Пятдесятъ пять ефимковъ с полъефимкомъ Любскихъ.

Денегъ въ мешкѣ по ерлыку двадцать рублевъ тридцать два алтына двѣ деньги.

Куколь шитъ по червчатому отласу золотомъ и серебромъ, деисусъ около вѣнчиковъ обнизано мелкимъ жемчюгомъ,

Серги одинаки на серебрѣ, каменья лазоревы з жемчюги.

Пуговка камень лазоревъ на серебрѣ.

Пятнадцать пуговицъ серебреныхъ золоченыхъ и бѣлыхъ, розныхъ дѣломъ.

Десять зеренъ жемчюжныхъ крупныхъ и середнихъ, четыре камышка простыхъ.

Половины книги триоди постной печатной в десть, первые половины.

Псалтырь налойная печатная в полдесть.

Печатка серебряная двойная, другая одинакая.

Заемная память на Корнилія Митрополита Казанского за ево рукою въ трехъ сотъ рублехъ 146 году.

Заемная память на Іосифа Архіепископа Астараханского за ево рукою 146 году, въ дву сотъ рублехъ.

Рукавецы арсамачьи.

Въ крестовой домовое:

Пять иконъ окладныхъ,

Двои дѣйсусы писаны на краскахъ.

Паникадило с часами, и щыпецъ серебряной мѣстами золоченъ, ключь часовой.

Четыре паникадила мѣдные.

Ряса ветчаная изорвана, бывалъ байберекъ.

На патріаршѣ мѣстѣ подушка, покрыта бархатъ золотой по червчатой землѣ, подъ подушкою коверъ, подножіе обшито бархатомъ таусиннымъ.

На передней лавкѣ полавочникъ сукно зеленое во всю крестовую.

На коникѣ полавошникъ ветчанъ, сукна разныхъ цвѣтовъ.

Отъ патріарша мѣста до дверей попона пестрая.

На другой лавкѣ до окошка полавошникъ вѣтчаной травами разныхъ цвѣтовъ.

В дву окошкахъ сукна лазоревые.

Въ крестовой семь окончинъ болшихъ стекольныхъ.

На столѣ сукно зеленое лѣтчина, три аршина.

Скатерть бѣлая.

Тюшакъ.

Крашенины шестнадцать аршинъ съ полуаршиномъ.

Въ малой крестовой.

Два образа оклады басемные.

Икона Спасовъ образъ нерукотворенной, обложена серебромъ басменымъ золоченымъ, вѣнецъ и оплечки и подпись чеканные с черныо.

Образъ Пречистые Богородицы Хиландарскіе, писанъ на золотѣ.

Три иконы, а на нихъ писаны образъ Спаса нерукотвореннаго образа, обложены серебромъ золоченымъ басемнымъ.

Четыре иконы аршинныхъ, а на нихъ писаны четыре Евангелиста; да двѣ иконы, а на нихъ писаны Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, да сѣнь, а на ней писанъ Ангелъ; да четыре иконы которымъ было быть на столпцахъ, а на нихъ писаны: образъ Спасовъ, да Пречистые Богородицы, да Василій Великій, да Иванъ Златоустъ, къ царскимъ дверемъ на краскахъ.

Семь иконъ дейсусныхъ розпыхъ поясовъ, писаны на краскахъ.

Образъ Пречистые Богородицы за престолная, обложена серебромъ золоченымъ басемнымъ.

Образъ Іелисѣя пророка, писанъ на краскахъ.

Двѣ иконы, одна Алексѣя Митрополита, а другая Антона Римлянина на золотѣ, а другая на краскахъ.

Двѣри царскіе и столбцы и сѣнь, обложены серебромъ чеканнымъ, старые взяты съ собору.

Двѣрь сѣверная, а на ней писанъ благоразумный разбойникъ на краскахъ.

Двѣри царскіе и сѣнь и столпцы рѣзные, не писаны.

Сорокъ мѣстъ обойныхъ старого амбону, изъ болшаго Собору.

Двѣнадцать мѣстъ амбонныхъ же, Архангельскаго собору.

Три креста неписаны.

Двѣ цки, одна кипарисная, а другая простая, обѣ неписаны.

Столбецъ кіотной, покрытъ сусалнымъ золотомъ и сереброиъ.

Шесть мѣстъ золочены сусальнымъ золотомъ.

Станокъ, что печатывалъ ставленые грамоты виѣсто подписи патріархови руки.

Ящикъ обложенъ кожею, а въ немъ мощи святыхъ, а взяты отъ Благовѣщенія, послать было Выверской манастырь.

Пудъ восмь гривенокъ свѣчь восковыхъ витыхъ.

Два ковра болшіе, которые постилаютъ въ крестовой полатѣ.

На коникѣ коверъ, да на лавкѣ палавошникъ суконой пестрой.

Ѳонарь большой

Сундукъ болшой кипарисной съ ящики.

Братина подписана золотомъ, коренчатая.

Двѣ доски мѣди красныя.

Тридцать четыре блюда деревяныхъ болшихъ и малыхъ, да тарель деревянная жъ.

Въ верхнихъ полатѣхъ и въ деревянныхъ верхнихъ хоромѣхъ домовое.

Три иконы: образъ живоначальные Троицы, окладъ басемной на чеканное дѣло, вѣнцы рѣзные.

Образъ Пречистые Богородицы съ превѣчнымъ младенцемъ, окладъ и вѣнцы басемные золочены.

Образъ Зосимы и Саватѣя Соловецкихъ, окладъ басемной на чеканное дѣло, вѣнцы рѣзные золочены.

Образъ Ивана Богослова на мѣди.

Паникадило мѣдное.

Въ казенномъ сундукѣ желѣзномъ Нѣмецкомъ болшомъ зъ замкомъ.

А въ немъ домовыхъ книгъ:

Библея писменая 7066 году, болшая,

Евангеліе писменое.

Сорокъ пять книгъ печатныхъ грамматикъ.

Служебникъ печатной, вѣтхъ.
Евангеліе толковое, Кіевская печать.
Бесѣды Апостольскіе писменые.
Стихирарь Солотчинского монастыря писаной, вѣтхъ.
Книга келейной казны записная 139 году.
Служебникъ печатной.
Псалтырь толковая писменая, вѣтха.
Треодь посная печатная, вѣтха.
Два мѣсяца Августа минеи писменой, одна харатейная.
Евангеліе толковое не въ переплетѣ, печать Кіевская.
Обиходникъ Троицкого монастыря писменой.
Минея мѣсяцъ Декабрь, писмяная въ полдесть.
Книга Симіона Богослова, писменая въ полдесть.
Книга о написаніи откровенія, писменая въ четверть.
Псалтырь писменая харатейная въ полдесть, ветха безъ начала.
Ермолой, писменой харатейной ветхъ.
Книга Апостолъ, писменая въ полдесть.
Служебникъ печатной въ полдесть, вѣтхъ.
Книга Ермолой въ четверть.
Минея мѣсяцъ Декабрь, печатной въ полдесть.
Минея общая, печатная въ десть, ветха.
Поученіе Іосифа патріарха, печатная въ полдесть, нова.
Псалтырь, писменая въ полдесть, вѣтчаная неполна.
Минея писменая въ полдесть, вѣтчаная неполна.
Книга молебная на рать идущимъ.
Книга писменая перепиcная Великого Новагорода соборной церкви.
Псалтырь писменая меншая въ четь.
Чинъ и уставъ о патріаршѣ поставленіи 96 году.
Обиходникъ писменой, въ четь.
Часовникъ печатной новъ.
Часословъ Іеросалимскихъ обителей, печатной, въ четь, новъ.
Книга писмяная въ четь Святаго праведнаго Артемія Верколскаго.
Книга чинъ и уставъ, како достоитъ пріимати приходящихъ отъ Латинъ, писменая.
Служба и житіе Великого Князя Игнатія Вологодского, въ четь.
Книга писменая в полдесть, уставъ како достоитъ избирати Епископа.
Прологъ писменой по телятинѣ, съ мѣсяца Марта.
Четыре граматики печатные на Греческомъ языкѣ, въ бѣлыхъ кожахъ, всѣ въ четь.

Книга Греческая жъ, часословъ въ четь.

Книга Греческая жъ печать, Кирила Александрійскаго вопросы и отвѣты на людей, въ полдесть.

Книга положеніе имянъ Латинскимъ и Немѣцкимъ языкомъ, четь.

Книги которые бываютъ въ службѣ въ крестовой полатѣ.

Книга мѣсяцъ Іюнь да Іюль да Августъ.

Евангеліе безъ Евангелистъ.

Апостолъ, охтай пятаго гласу, в десть печатные.

Книга святцы печатные, въ полдесть.

Каноникъ писмяной, въ полдесть.

Часословъ печатной въ четверть, часовникъ петатной новъ.

Канонникъ печатной въ четверть.

Часословъ печатной, въ полдесть горѣлой, печать Кіевская.

Книга въ полдесть въ красномъ переплетѣ, печатная Греческая, часлословъ; двѣ патрахѣли что бываютъ въ службѣ въ крестовой палатѣ, одна бархатъ золотной, пугвицы серебреные, а другая бархатъ простой рытой зеленой, пугвицы оловянные.

Въ казенной же домовое:

Сундукъ желѣзной, а въ немъ книгъ:

Четыре трефолои печатные въ десть.

Книга Варлама и Іосафа, печать Кіевская.

Двадцат книгъ полуставныхъ въ тетратѣхъ.

Двѣ книги Григорія Нисского, писмо Греческое.

Книга Іевъ писменая.

Книга главизны, писменая безъ досокъ.

Книга птича подражаніе.

Четыре тетрати писмяные въ десть, толковые псалтыри.

Книга служебникъ, въ четь писменая.

Книги бесѣды на Евангеліе, въ тетратѣхъ на харатьѣ.

Книги Ноябрь да Декабрь Греческіе, въ тетратѣхъ на харатьѣ.

Книга въ полдесть о Печерскомъ монастырѣ и о избавленіи града Пскова, писмяная, отъ плѣненія Полского и Литовского короля Обатура.

Книга Апостолъ печатной въ десть, печать Московская, ветхъ.

Книга чинъ патріарха Офанасія Антіохійскаго.

Книга въ полдесть, писмяная, уставъ, въ которомъ числѣ вечерни благовѣстити въ которой колоколъ, и на которые праздники служити власти.

Книга писмяная чинъ литургіи Цареградского патріарха, скорописная.

Тетратки преніе ключаря Ивана Насѣтки съ королевичемъ съ Валдемаромъ.

Книга расходная Новгородского Митрополита Никона 160 году.

Книга писмяная въ полдесть въ доскахъ, а въ ней писана роспись о кресномъ цѣлованіи по 148 годъ.

Книга переписная боярина Василья Васильевича Бутурлина съ товарыщи послѣ Іосифа патріарха домовой казны 160 году.

Книга переписная боярина Князя Ѳедора Семеновича Куракина съ товарыщи домовой пречистые Богородицы и патріарши казны, за приписью дьяка Ѳедора Торопова 160 году.

Книга въ четь въ доскахъ, обиходникъ Антоньева монастыря.

Книга переписная Великаго Новаграда Соборной церкви, переписи дьяка Исака Кудрина да дьякона Сергія, за перепищиковыми руками.

Двѣ книги писменные Вологодской службы, старца Іосифа приходъ и росходъ 125, и 126 и 127 годовъ.

Книга переписная Печерскаго монастыря писменая, переписи Степана Лазарева съ товарищи 129 году.

Книга списокъ съ переписныхъ книгъ боярина князь Андрѣя Васильевича Хилкова, да дьяка Гаврила Леонтьева, Великаго Государя Святѣйшаго патріарха Ѳиларета Никитича Масковскаго и всея Россіи домовой келейной казнѣ.

Книга списокъ с уложенные и утвержденные грамоты Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи 121 году, скорописная.

Подушка ветхая, бывала бархатная, половина ее драна.

Двѣ подушки: одна бархатная вишневая, а другая отласная полосатая.

Въ казенной же палатѣ въ коробкѣ шесть колецъ воротныхъ мѣдныхъ болшихъ съ шурупами и съ личинами Нѣмецкое дѣло.

Въ верхнихъ сѣняхъ: въ ящикѣ два яблока хлабазы Нѣмецкіе.

Въ верху у келей въ полатѣ домовое жъ.

Красной мѣди дощатой полъ третья пуда шесть гривенокъ.

Паликадило разобраное мѣдное, вѣсу въ немъ девять пудъ.

Красные мѣди ламаные всякія двадцать пудъ.

А по скаскѣ дьяка Ивана Кокошилова то поликадило и ломаная мѣдь взята изъ Володимера из соборной церкви, что были покрыты главы.

Въ деревяныхъ кельяхъ и въ сѣняхъ домовые.

Образы и кресты:

Образъ пречистые Богородицы, обложенъ серебромъ басемнымъ, вѣнецъ рѣзной.

Образъ Благовѣщеніе Пресвятые Богородицы, окладъ и вѣнецъ рѣзные, на вѣнцѣ три камышка з жемчюги.

Образъ Успѣніе Пресвятые Богородицы, окладъ рѣзной, въ вѣнцѣ три жемчюга.

Образъ Вознесеніе Господа, окладъ и вѣнецъ рѣзные.

Образъ Спасовъ со Ангелы, окладъ басемной, вѣнцы рѣзные.

Образъ Чюдотворца Николы, окладъ рѣзной вѣнецъ и цата чеканные съ каменьи.

Образъ Пречистые Богородицы ризъ положенія, окладъ чеканной.

Образъ Пречистые Богородицы Знаменія съ евангелисты золотъ, на немъ четырнадцать камышковъ розныхъ, въ ящикѣ деревяномъ.

Образъ Живоначальные Троицы да Знаменіе, кругомъ восмь каменей, въ вѣнцахъ онизано жемчюгомъ кругомъ, на закрѣпкахъ два зерна Гурмышскихъ, у ней цепочка серебреная золочена.

Образъ Пречистые Богородицы рѣзанъ на серебрѣ, по сторонамъ Чюдотворецъ Никола на другой Илья Пророкъ; приложилъ тое икону къ иконѣ Пречистой Богородицы Колоцкой игуменъ Митрофанъ; на ней семь каменей въ гнѣздахъ, восмь копѣекъ золоченыхъ.

Образъ отечество, обложенъ серебромъ рѣзнымъ съ черныю, по полямъ Святые.

Образъ Чюдо Архистратига Михаила, писанъ на золотѣ.

Дѣйсусъ три иконы, обложены серебромъ басемнымъ с трубами, вѣнцы чеканные.

Образъ Пречистые Богородицы Одигитріе, окладъ и вѣнцы и цата серебреные рѣзные.

Образъ Богородицы Владимерскіе, окладъ басемной, вѣнецъ рѣзной.

Образъ Спасовъ Нерукотвореннаго образа, окладъ и вѣнецъ рѣзные, взятъ отъ Государя съ верху.

Образъ Святые Великомученицы Татьяны, окладъ чеканной, трубы гладкіе, оплечье рѣзные, взятъ съ верху.

Образъ Ерославскихъ Чюдотворцевъ, окладъ и вѣнцы четыре рѣзные.

Образъ Алексѣя Митрополита, окладъ басемной, вѣнецъ рѣзной.

Образъ трехъ Святителей Петра Алексѣя и Іоны, окладъ басемной, вѣнцы рѣзные.

Образъ Никиты Переславскова, окладъ басемной, вѣнецъ рѣзной, въ немъ двѣ бирюзы да виниса.

Два образа писаны праздники на пяти листовыхъ цкахъ, оклады басемные.

Образъ Пречистые Богородицы похвалы, окладъ басемной.

Два образа: одинъ Леонтія Ростовскаго, другой без подписи преподобнаго, оклады басемные ветхи,

Образъ пречистые Богородицы Владимерскіе на празелени.

Кресты.

Крестъ золотъ с мощми, а въ немъ риза Спасова с иными мощми, гайтанъ шолковой красной короткой.

Крестъ с мощми серебреной позолоченъ, на немъ десять зеренъ Кафимскихъ, снурокъ шолкъ зеленой.

Крестъ серебреной золоченой, на немъ распятіе литое, на немъ два яхонта да двѣ берюзы.

Крестъ серебряной порозжей, что были въ немъ мощи Сергія Чюдотворца.

Крестъ воздвизалной, серебряной золоченъ, роспятіе литое, на немъ девять каменей в гнездахъ.

Крестъ начитъ мелкимъ жемчюгомъ.

Походнаго деревянного креста дерево обложено серебромъ, на немъ три яблока да наконечникъ чеканные золочены.

Крестъ деревянной рѣзной, а на немъ рѣзаны праздники на обѣ стороны.

Панагеи и Ковчеги:

Панагея золотая, а въ ней образъ Пречистые Богородицы Знаменія, рѣзанъ на королкѣ бѣломъ, тридцать двѣ искры яхонтовые червчеты, пол осма жемчюга, гайтанъ золотной, ворворка жемчюжная, кисть золотная.

Панагея золотая, во главѣ образъ Спасовъ, на другой сторонѣ образъ Иванна Предтечи, въ немъ камень круглой переловть, в серединѣ образъ Живоначальные Троицы, Знаменіе, кругомъ восмь каменей въ гнѣздахъ, обнизано жемчюгомъ кругомъ, на закрепкахъ два зерна Гурмышскихъ, у ней цепочка серебрена позолочена.

Панагея золотая, на ней образъ Пречистые Богородицы Знаменіе, въ главѣ образъ Спасовъ, на закрепкахъ четыре зерна Гурмышскихъ, назади цка серебреная золочена, гайтанъ снурокъ золоченъ.

Панагея серебреная золочена, а въ ней рѣзанъ на яшмѣ образъ Никиты Христова Мученика, кругомъ девять каменей въ гнездахъ берюзы.

Панагея серебреная, на ней Роспятіе литое.

Панагея хрусталь, с обѣ стороны въ серебрѣ, цѣпочка мѣдная, сорочка бархатъ золотной Кизылбашской.

Панагея серебряная въ серебрѣ, образъ Івана Богослова, на ней семь каменій въ гнѣздахъ.

Ковчеги:

Ковчегъ серебряной обнизанъ жемчюгомъ, гдѣ былъ жеребей Святѣйшаго Іосифа патріарха, на закрепкахъ четыре зерна гурмышскихъ.

Ковчегъ серебрянъ порозжей, средины золочены съ черныо, гойтанъ серебреной.

Дароносицы:

Двѣ дароносицы с ковчегы, серебрены позолочены, полны.

Шесть дароносицъ, серебрены и позолочены с ковчеги, полны.

Дороносица серебреная позолочена совсѣмъ, гойтанъ шолкъ золотъ, сорочка камчатая лазорева, крестъ шитъ золотомъ.

Семь мѣстъ серебреныхъ дробницъ.

Срачицы.

Срачица бархатная черная, на ней крестъ нанизанъ мелкимъ жемчюгомъ.

Срачица низана жемчюгомъ мелкимъ, крестъ и слова и около словъ и креста, складни двойные въ мѣди, на нихъ писано Троица да Софія Премудрость Божія.

Двѣ сорочки; одна бархатъ червчетъ, другая суконная зеленая.

Ящикъ съ мощми за печатью боярина Князя Алексѣя Никитича Трубецкаго.

Лампада серебреная малая чешуйчатая, вѣнецъ съ подписью золоченъ чешуйчетъ черезъ полосу золочены.

Книги:

Книга писменая уставъ в полдесть въ доскахъ, о составленіи мνра.

Книга писменая уставъ.

Книга печатная о вѣрѣ въ десть.

Книга потребникъ печатной, в полдесть.

Азбука печатная въ доскахъ.

Цата сканная съ финифтомъ, вѣсу, въ ней осмьнадцать золотниковъ.

Посохъ Великаго Государя Святѣйшаго патріарха Филарета Никитича, рога и трубки серебряные позолоченые, чеканные.

Посохъ серебреной сканой съ финифтью, яблока угловатые съ камени.

Посохъ раковинной.

Клобуки:

Два клобука бѣлые, на одномъ три херувима жемчюжные с трунцаломъ, на другомъ другой херувимъ жемчюжной же.

Клобукъ бѣлой поношеной безъ херувимовъ.

Клобукъ бѣлой, на немъ три херувима, низаны жемчюгомъ.

Два клобука бѣлыхъ безъ херувимовъ.

Мантѣи:

Мантія обьяринная таусинная ветха, подложена тафтою двоелишною.

Мантія маленкая, камка зеленая.

Ряска обьяринная зеленая мелкотравная, подложена тафтою двоелишною.

Ряска обьярь таусинная, подъложена дороги зелеными.

Ряска отласъ черной ветха, подкладка тафты дымчатой. цвѣтъ.

Ряса бархатъ зеленой, подложена тафтою двоелишною, подпушка отласъ вишневъ.

Кафтанъ отласъ зеленой, подкладка миткалинная, подпушка тафта лазорева.

Кафтанъ бѣлей черевей, покрытъ камкою зеленою, ветхъ.

Шуба песцовая, покрыта камкою черною, по подолу по полусоболю.

Чотки:

Чотки хрустальные, въ промѣшкахъ шесть аранатниковъ въ золотѣ, двѣ ворворки жемчюжные, кисть золото съ шолкомъ зеленымъ.

Чотки королковые, промежъ ихъ три лала, да въ концехъ яхонтъ лазоревой, ворворка жемчюжная, кисть золотная.

Чотки шадровые, въ нихъ семь королковъ красныхъ, двѣ ворворки жемчюжные, кисть золото съ зеленымъ шолкомъ.

Ширинки:

Ширинка тафтяная бѣлая, накищена золотомъ, решетчета, жемчюгомъ пронизано.

Ширинка тафтяная, накищена золотомъ, съ круживомъ плетенымъ, въ круживѣ гнѣзды жемчюжные.

Посуда серебреная домовая:

Двѣ стопы серебряные позолочены, одна мѣсты, вѣсу въ ней шесть фунтовъ, другая побольши вышиною, а вѣсомъ полехчи.

Блюдо серебряное позолочено, вѣсу въ немъ.

Солонка серебрена золочена, вѣсу.

Солонка серебряная, а въ ней ящикъ.

Лошка серебряная с вилками золочена.

Лошка репчетая.

Поддонъ хрусталной оправленъ золотомъ, зерно обнизано жемчюгомъ.

Чепь золотая с финифтомъ без трубокъ, вѣсомъ осминадцать золотниковъ.

Поддонецъ серебряной позолоченъ.

Трубка шандалная серебряная.

Раковина, на ней голова человѣческая, на головѣ два алмаза, лагалище подложено бархатомъ зеленымъ.

Лоскутъ серебра, вѣсу въ немъ полшеста золотника.

Обручь серебреной позолоченъ съ Святительской шапки.

Три мѣста отсѣчено от звѣзды, серебрены позолочены.

Посуда мѣдная:

Два кунгана полужены.

Кунганъ мѣдной полуженъ.

Сковородка черная мѣдная.

Пять шендаловъ мѣдныхъ.

Лахань да рукомойникъ мѣдные.

Шкатулка деревянная съ ящики, писана по золоту травы.

Стаканъ мѣдной осмероугольной.

Два стола писаны, одинъ съ ящики.

Столъ дубовой раздвижной съ ящикомъ на точеныхъ ногахъ.

Стулы:

Кресла оболочены бархатомъ таусиннымъ, на немъ шито.

Стулъ обитъ сукномъ зеленымъ.

Стулъ круглой деревянной.

Подушки:

Подушка бархатъ золотной.

Подушка бархатъ черной.

Подушка пуховая, покрыта отласомъ таусиннымъ.

Тюшакъ бумажной.
Тюшакъ кожаной.
Очки въ лагалищѣ раковомъ.
Четверы очки въ серебреныхъ лагалищахъ золочены.
Пятые очки въ лагалищѣ серебреномъ.
Шестые очки въ кожаномъ лагалищѣ.
Хрусталь, длина в вершокъ.
Гребень роговой.
Зеркало стѣнное Нѣмецкое з затворы.
Зеркало стѣнное небольшое.
Ѳата пестрединная.
Кисть отъ шляпы золотная.
Ножъ черенъ костяной бѣлой.
Ножъ черенъ рыбей.
Подволока Немѣцкихъ кожъ.
Коврикъ неболшой.
Часы боевые мѣдные, гири свинцовые.
Въ сѣняхъ деревяныхъ на лавкѣ и на коникѣ полавошники суконные зеленые.
Въ кельѣ передней деревяной кругомъ по лавкамъ полавошники суконные зеленые.

Въ верху въ каменныхъ полатахъ домовое.

Икона ветха, Трехъ Святителей Вселенскихъ, рѣзная, съмостичена вся, а написана.
Часословъ, печать Московская въ четверть.
Книга въ полдесть латынскаго языка.
Шесть списковъ литоргейные службы Ивана Злотоустаго.
Семь книгъ въ бѣлыхъ кожахъ, болшіе печатные на Латынскомъ языку, и въ томъ числѣ по сказкѣ Старца Арсенія Грека, книга описаніе всеа земли, книга описаніе жъ всѣхъ частей поморскіе земли, двѣ книги козмографіи третье части, одна съ прибавкою, книга вторая часть земли козмографіе жъ, двѣ книги четвертой части той же козмографіи.
Уставъ писменой, въ десть, ветхъ, въ доскахъ.
Книга писмяная Греческое писмо Григорія Анзианского.
Грамота, какова послана къ Великому Чюдотворцу Ѳилипу отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца.

Грамота къ Великому Чюдотворцу Филипу жъ отъ Іосифа патріарха.

Духовная Савина Потапова за ево рукою, что прислана из Астарахани ко женѣ ево Савиновѣ и къ дѣтямъ, отдана та духовная казначею Старцу Тихону Обакину.

Сукна краснаго аршина з два.

Двадцать четыре мѣста досокъ и бруековъ кипарисныхъ болшихъ и малыхъ, да девять досокъ кипарисныхъ же малыхъ,

Коробья съ писмами учюжными.

Въ деревянныхъ кельяхъ и въ сѣняхъ келеиново.

Образы и кресты:

Образъ Всемилостиваго Спаса на краскахъ, писмо Греческое, шти листовой.

Образъ Спасовъ Нерукотвореного образа, рѣзанъ на кости, обложенъ сереброиъ сканнымъ.

Образъ Николы Чюдотворца на камени, обложенъ серебромъ канфаренымъ.

Складни не болшіе, образъ пречистые Богородицы Знаменія да Николы Чюдотворца да Страстотерпца, а кого во имя того незнаемо, писмо ветхо, обложено сканнымъ серебромъ.

Складни о пяти цкахъ на краскахъ, обложены мѣдью.

Понагеи:

Понагея рѣзная, обложена серебромъ сканнымъ.

Понагея деревянная рѣзная.

Кресты:

Девять крестовъ Греческихъ деревянныхъ, рѣзныхъ, благословенныхъ.

Крестъ кипарисной складной, обложенъ с наличья и по краямъ серебромъ въ гладь, Спасовъ Образъ рѣзанъ на серебрѣ.

Крестъ деревянной благословящей.

Другой крестъ маленкой рѣзной деревянной.

Кіотъ неболшой деревянной, обложенъ басемнымъ окладомъ, золоченъ.

Келейные казны:

Шапка, носятъ подъ клабукомъ, бархатная, шитъ на ней золотомъ Спасовъ образъ да Архангелы и Херувими и Серафими.

Книги:

Псалтырь с каноны, печать Виленская, въ четверть.
Восмь тетратей в полдесть, писмо Греческое.
Часовникъ печатной.
Книга о Святомъ Дусѣ, Максима Грека, въ полдесть.
Книга служебникъ писяной въ четверть.
Книга тропникъ да чинъ церковной, писяная въ четверть.
Сулокъ святительской таотяной красной, снорокъ безъ низанья.
Въ глиняномъ сосудѣ манна.
Четвертина оловянная с куромъ.
Печать, дѣлана с руки Никона Патріарха, ставленнымъ грамотамъ.

Чотки:

Двои четки большіе черные: у однихъ кисть жемчюжная на четырехъниткахъ мелкова жемчюгу, у другихъ кисть шелковая.

Чотки бѣлыя, кость рыбья, съ кистью, кисть зеленъ шелкъ с золотомъ, ворворка обнизана жемчюгомъ.

Чотки бѣлыя королковыя, въ нихъ восмь прокладинъ золотыхъ съ яхонтовыми искры, у нихъ же кисти золоченые, три ворворки низаны жемчюгомъ.

Чотки деревянные, кисть у нихъ зеленъ шолкъ с золотомъ, прокладины въ нихъ ентарные.

Чотки сердолишные, кисть лазоревъ шолкъ с золотомъ, ворворка низана жемчюгомъ.

Чотки яшмовые бѣлыя, кисть у нихъ зеленъ шолкъ с золотомъ, ворворка низана жемчюгомъ с канителью.

Чотки рыбьи бѣлые, въ нихъ шесть прокладинъ королковыхъ красныхъ, кисть у нихъ зеленъ шолкъ с золотомъ.

Трои чотки болшіе рыбьи, у однихъ кисть шолкъ таусинной с золотомъ, ворворка пронизывана жемчюгомъ межъ канители, у другихъ кисть зеленъ шолкъ съ золотомъ, ворворка золото волоченное съ серебромъ, у третихъ четокъ кисти и ворворки нѣтъ.

Чотки хрустальные, въ нихъ пять прокладинъ королковыхъ красныхъ, у нихъ кисть зеленъ шолкъ с золотомъ, ворворка серебреная позолочена, другая обшита золотомъ.

Чотки ентарные, въ нихъ четыре прокладины бѣлыхъ хрустальныхъ, кисть у нихъ зеленъ шолкъ с золотомъ, двѣ ворворки низаны жемчюгомъ.

Четверы чотки зеленые шолковые Греческіе, прокладины у нихъ обшиваны золотомъ, у однихъ кисть зеленъ шолкъ з золотомъ, у другихъ шолкъ червчетъ съ серебромъ, а двои без кистей.

Двои чотки лазоревые шолковые, прокладины у нихъ обшиваны золотомъ.

Чотки шолкъ таусинной, прокладины у нихъ обшиваны золотомъ.

Двои чотки, однѣ шолкъ червчетой, а другіе вишневъ, прокладины у нихъ обшиваны золотомъ.

Двои чотки шолковые ветчаные: шолкъ у однихъ красной, у другихъ вишневъ, прокладины обшиваны золотомъ.

Десетеры чотки Греческіе деревяные мелкіе.

Трои чотки Греческіе жъ деревянные, по болши тѣхъ, у всѣхъ кистей и ворворокъ нѣтъ.

Чотки шолковые ветчаные, шолкъ лазоревъ, прокладины обшиваны серебромъ.

Чотки шолковые зеленые, прокладины обшиваны золотомъ.

Чотки шолкъ вишневъ, прокладины обшиваны золотомъ.

Чотки бѣлые королковые, прокладины ентарные да королковые красные, двѣ кисти у нихъ золотные, три ворворки низаны жемчюгомъ.

Чотки мѣденые чорные.

Лѣствица ременная болшая.

Въ мѣху денегъ семдесять рублевъ: на ердыкѣ написано: проданы лавки Борисовскіе, и тѣ деньги отдать вкладъ за старицу, которая пострижена на Тифинѣ въ дѣвичьѣ Монастырѣ.

22 алтына 2 деньги старыхъ копѣекъ серебряныхъ

Сукна Греческаго восмь аршинъ безо шти вершковъ.

Зубочиска да уховерка серебряные.

Очки въ серебрѣ, ободки золочены, лагалище деревяное оболочено кожею.

Пара пистолей маленкихъ, оправлены серебромъ, безъ ольстровъ.

Гребни:

Гребень тоненькой Греческой усовой.

Одиннадцать гребней болшихъ и середнихъ частыхъ усовыхъ Греческихъ.

Два гребни слоновыхъ, одинъ малой, другой болшой.

Два гребни слоновыхъ бѣлыхъ.

Щотка обшита мѣдью.

Столы:

Доска столовая каменная, въ длину сажени въ полторы.
Столъ каменной.
Въ девяти бунашкахъ безую.
Семь кистей птичихъ отъ запаны.
Пила.
Восмь столбиковъ да верхъ золоченой от часовъ, маятникъ яшмовой.
Орехъ тощой.
Ящикъ деревяной, а въ немъ вѣски.
Три мѣста серепетинныхъ.
Трубка малая.
Торелочка хрустальная.
Чертежъ, часть Еуропія.
Ящикъ съ лекарствомъ, запечатью окольничего Родіона Матвѣевича Стрешнева.
Шкатуна, а въ ней двѣнадцать ящиковъ, оболочено кожею.

Полотенцы:

Одиннадцать полотенецъ косматыхъ полотняныхъ.
Три полотенца полотняные.
Пять полотенецъ кисейныхъ бѣлыхъ.
Два полотенца черныхъ кисейныхъ.
Полотенечко Турское ветчаное кисейное, двоелишное, кругомъ снурокъ золотной.
Пятдесятъ бѣлыхъ полотенецъ и платковъ.
Пять полотенецъ, шиты золото съ шолкомъ.
Десять полотенецъ, шиты однимъ золотомъ.

Платки:

Платокъ кисейной, обрубленъ кругомъ снуркомъ золото съ шолкомъ.
Два платочка кисейныхъ.
Два платочка, шиты шолкомъ.
Ножикъ Немѣцкой, выломанъ черенъ, обложенъ серебромъ, серебро взмято.
Связни, ложка да ножикъ.
Ложка серебряная, на ней подпись отдана вкладу Пречистые Богородицы въ Иверской монастырь.
Ложка раковинная.
Каменья розные, и бирюзы и хрустали.

Сто чатырнадцать каменей хрусталей.

Сто пятдесятъ шесть каменей на нитяхъ перелевти.

Двѣсти пятдесятъ семь бирюзъ болшихъ и середнихъ и малыхъ.

Семнадцать бирюзъ въ красной бумашкѣ.

Девяносто семь винисы болшихъ и середнихъ и малыхъ.

Двадцать одинъ камень зеленыхъ достакановъ.

Восмь каменей зеленыхъ взмазни, да одинъ красной.

Серебра в розни фунтъ сорокъ два золотника.

Ковшъ серебряной ложчатой, подписано на немъ: тотъ ковшъ Чюдовскаго Архимандрита Левекѣя, а далъ его въ монастырь.

Посуда жъ розная:

Судки каменные бѣлые въ троемъ, ветхи, оправлены мѣдью.

Кувшинъ цѣнинной.

Братина коренчатая Троецкая.

Рукомойникъ оловянной.

Четвертина оловянная невелика.

Ѳатица бѣлая.

И что писано въ деревяныхъ кельяхъ келейного; и то все по указу великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца отдано дьяку Ивану Кокошилову, а ему велѣно послать въ Воскресенской Монастырь къ великому господину къ бывшему Никону патріарху.

Патріарша жъ келейные образы и рухлядь, которая по указу великаго Государя послана въ Воскресенской Монастырь къ великому господину къ Никону патріарху съ патріаршимъ стряпчимъ съ Симономъ Грязнымъ.

Патріаршіе келейные образы:

Три иконы Рожество Пречистые Богородицы, да Алексѣя Митрополита, да Сергіево видѣніе, всѣ обложены серебромъ чеканнымъ, золочены, вѣнцы чеканные жъ золочены.

Образъ Ивана Прѐдтечи, серебро весь и позолоченъ, длина въ три четверти, а въ немъ каменье бирюзы и винисы.

Образъ Живоначальные Троицы Сергіево видѣніе, окладъ чеканной золоченъ, вѣнцы рѣзные.

Образъ Софіи премудрости Божіи, окладъ чеканной, вѣнецъ рѣзной.

Образъ Вознесенія Христова, окладъ серебряной золоченъ.

Образъ Пречистые Богородицы, окладъ басемной на чеканное дѣло, вѣнецъ рѣзной.

Образъ Николы Чюдотворца, писанъ на празеленѣ, вѣнецъ чеканной серебреной.

Образъ Ивана Богослова, окладъ серебрянъ чеканенъ.

Образъ Филипа Митрополита, писанъ на золотѣ.

Икона малая, а на ней вырѣзанъ образъ Живоначальныя Троицы.

Образъ Спасовъ, на золотѣ.

Образъ Спасовъ, недописанъ.

Икона Спасова, писана на харатьѣ.

Образъ Пречистые Богородицы, въ кіотѣ, рѣзной, писанъ на золотѣ.

Двѣ иконы Пречистыя Богородицы, писмо Греческое, въ кіотахъ.

Кресты:

Крестъ складной рѣзной, на немъ писаны праздники двунадесятые.

Два креста большихъ самыхъ кипарисныхъ неписаны.

Двѣ иконы большихъ, которые писаны къ большому кипарисному кресту, на одной цкѣ Царь Константинъ, да Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, да Великій Господинъ Святѣйшій Никонъ Патріархъ, а на другой дцкѣ мать Царя Константина Царица Елена да Государыня Царица и Великая Княгиня Марья Ильинична да благовѣрный Государь Царевичь и Великій Князь Алексѣй Алексѣевичь.

Двѣ цки кипарисные, а на нихъ назнаменѣнъ: на одной цкѣ блаженные памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичь всеа Русіи, а на другой цкѣ Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, поясные.

Ларчикъ дубовой, а въ немъ мощи святыхъ, полонъ, да въ томъ же ларчикѣ обогнутъ хрусталь большой въ серебрѣ, да въ томъ же ларчикѣ лукошечко, а въ немъ мощи святыхъ же, поставлены въ бѣлой коробкѣ.

Пелена, а на ней шитъ образъ Пречистые Богородицы, обнизанъ жемчюгомъ мѣлкимъ.

Четыре пелены образные шитые.

Митра старая, да съ другія митры спорокъ, а на нихъ утвари никакіе нѣтъ.

Панагея серебреная золочена, а въ ней рѣзанъ на яшмѣ образъ Никиты Христова Мученика, кругомъ девять каменей въ гнездахъ берюзы.

Панагея серебреная, на ней Роспятіе литое.

Панагея хрусталь, с обѣ стороны въ серебрѣ, цѣпочка мѣдная, сорочка бархатъ золотной Кизылбашской.

Панагея серебряная въ серебрѣ, образъ Івана Богослова, на ней семь каменій въ гнѣздахъ.

Ковчеги:

Ковчегъ серебряной обнизанъ жемчюгомъ, гдѣ былъ жеребей Святѣйшаго Іосифа патріарха, на закрепкахъ четыре зерна гурмышскихъ.

Ковчегъ серебрянъ порозжей, средины золочены съ чернью, гойтанъ серебреной.

Дароносицы:

Двѣ дароносицы с ковчегы, серебрены позолочены, полны.

Шесть дароносицъ, серебрены и позолочены с ковчеги, полны.

Дороносица серебреная позолочена совсѣмъ, гойтанъ шолкъ золотъ, сорочка камчатая лазорева, крестъ шитъ золотомъ.

Семь мѣстъ серебреныхъ дробницъ.

Срачицы.

Срачица бархатная черная, на ней крестъ нанизанъ мелкимъ жемчюгомъ.

Срачица низана жемчюгомъ мелкимъ, крестъ и слова и около словъ и креста, складни двойные въ мѣди, на нихъ писано Троица да Софія Премудрость Божія.

Двѣ сорочки; одна бархатъ червчетъ, другая суконная зеленая.

Ящикъ съ мощми за печатью боярина Князя Алексѣя Никитича Трубецкаго.

Лампада серебреная малая чешуйчатая, вѣнецъ съ подписью золоченъ чешуйчетъ черезъ полосу золочены.

Книги:

Книга писменая уставъ в полдесть въ доскахъ, о составленіи мvра.

Книга писменая уставъ.

Книга печатная о вѣрѣ въ десть.

Книга потребникъ печатной, в полдесть.

Азбука печатная въ доскахъ.

Цата сканная съ финифтомъ, вѣсу, въ ней осьмнадцать золотниковъ.

Посохъ Великаго Государя Святѣйшаго патріарха Филарета Никитича, рога и трубки серебряные позолоченые, чеканные.

Посохъ серебреной сканой съ финифтью, яблока угловатые съ камени.

Посохъ раковинной.

Клобуки:

Два клобука бѣлые, на одномъ три херувима жемчюжние с трунцаломъ, на другомъ другой херувимъ жемчюжной же.

Клобукъ бѣлой поношеной безъ херувимовъ.

Клобукъ бѣлой, на немъ три херувима, низаны жемчюгомъ.

Два клобука бѣлыхъ безъ херувимовъ.

Мантѣи:

Мантія обьеринная таусинная ветха, подложена тафтою двоелишною.

Мантія маленкая, камка зеленая.

Ряска обьеринная зеленая мелкотравная, подложена тафтою двоелишною.

Ряска обьярь таусинная, подъложена дороги зелеными.

Ряска отласъ черной ветха, подкладка тафты дымчатой. цвѣтъ.

Ряса бархатъ зеленой, подложена тафтою двоелишною, подпушка отласъ вишневъ.

Кафтанъ отласъ зеленой, подкладка миткалинная, подпушка тафта лазорева.

Кафтанъ бѣлей черевей, покрытъ камкою зеленою, ветхъ.

Шуба песцовая, покрыта камкою черною, по подолу по полусоболю.

Чотки:

Чотки хрустальные, въ промѣжкахъ шесть араматниковъ въ золотѣ, двѣ ворворки жемчюжные, кисть золото съ шолкомъ зеленымъ.

Чотки королковые, промежъ ихъ три лала, да въ концехъ яхонтъ лазоревой, ворворка жемчюжная, кисть золотная.

Чотки шадровые, въ нихъ семь королковъ красныхъ, двѣ ворворки жемчюжные, кисть золото съ зеленымъ шолкомъ.

Ширинки:

Ширинка тафтяная бѣлая, накищена золотомъ, решетчета, жемчюгомъ пронизано.

Ширинка тафтяная, накищена золотомъ, съ круживомъ плетенымъ, въ круживѣ гнѣзды жемчюжные.

Посуда серебреная домовая:

Двѣ стопы серебряные позолочены, одна мѣсты, вѣсу въ ней шесть фунтовъ, другая поболши вышиною, а вѣсомъ полехчи.

Блюдо серебряное позолочено, вѣсу въ немъ.

Солонка серебрена золочена, вѣсу.

Солонка серебряная, а въ ней ящикъ.

Лошка серебряная с вилками золочена.

Лошка репчетая.

Поддонъ хрусталной оправленъ золотомъ, зерно обнизано жемчюгомъ.

Чепь золотая с финифтомъ без трубокъ, вѣсомъ осинадцать золотниковъ.

Поддонецъ серебряной позолоченъ.

Трубка шандалная серебряная.

Раковина, на ней голова человѣческая, на головѣ два алмаза, лагалище подложено бархатомъ зеленымъ.

Лоскутъ серебра, вѣсу въ немъ полшеста золотника.

Обручь серебреной позолоченъ съ Святительской шапки.

Три мѣста отсѣчено от звѣзды, серебрены позолочены.

Посуда мѣдная:

Два кунгана полужены.

Кунганъ мѣдной полуженъ.

Сковородка черная мѣдная.

Пять шендаловъ мѣдныхъ.

Лаханъ да рукомойникъ мѣдные.

Шкатулка деревянная съ ящики, писана по золоту травы.

Стаканъ мѣдной осмероугольной.

Два стола писаны, одинъ съ ящики.

Столъ дубовой раздвижной съ ящикомъ на точеныхъ ногахъ.

Стулы:

Кресла оболочены бархатомъ таусиннымъ, на немъ шито.

Стулъ обитъ сукномъ зеленымъ.

Стулъ круглой деревянной.

Подушки:

Подушка бархатъ золотной.

Подушка бархатъ черной.

Подушка пуховая, покрыта отласомъ таусиннымъ.

Тюшакъ бумажной.

Тюшакъ кожаной.

Очки въ лагалищѣ раковомъ.

Четверы очки въ серебреныхъ лагалищахъ золочены.

Пятые очки въ лагалищѣ серебреномъ.

Шестые очки въ коженомъ лагалищѣ.

Хрусталь, длина въ вершокъ.

Гребень роговой.

Зеркало стѣнное Нѣмецкое з затворы.

Зеркало стѣнное небольшое.

Фата пестрединная.

Кисть отъ шляпы золотная.

Ножъ черенъ костяной бѣлой.

Ножъ черенъ рыбей.

Подволока Немѣцкихъ кожъ.

Коврикъ неболшой.

Часы боевые мѣдные, гири свинцовые.

Въ сѣняхъ деревяныхъ на лавкѣ и на коникѣ полавошники суконные зеленые.

Въ кельѣ передней, деревянной кругомъ по лавкамъ полавошники суконные зеленые.

Въ верху въ каменныхъ полатахъ домовое.

Икона ветха, Трехъ Святителей Вселенскихъ, рѣзная, съмостичена вся, а неписана.

Часословъ, печать Московская въ четверть.

Книга въ полдесть латынскаго языка.

Шесть списковъ литоргейные службы Ивана Злотоустаго.

Семь книгъ въ бѣлыхъ кожахъ, болшіе печатные на Латынскомъ языку, и въ томъ числѣ по сказкѣ Старца Арсенія Грека, книга описаніе всеа земли, книга описаніе жъ всѣхъ частей поморскіе земли, двѣ книги козмографіи третье части, одна съ прибавкою, книга вторая часть земли козмографіе жъ, двѣ книги четвертой части той же козмографіи.

Уставъ писменой, въ десть, ветхъ, въ доскахъ.

Книга писмяная Греческое писмо Григорія Анзианского.

Грамота, какова послана къ Великому Чюдотворцу Филипу отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца.

Посуда серебреная домовая:

Двѣ стопы серебряные позолочены, одна мѣсты, вѣсу въ ней шесть фунтовъ, другая поболши вышиною, а вѣсомъ полехчи.

Блюдо серебряное позолочено, вѣсу въ немъ.

Солонка серебрена золочена, вѣсу.

Солонка серебряная, а въ ней ящикъ.

Лошка серебряная с вилками золочена.

Лошка репчетая.

Поддонъ хрусталной оправленъ золотомъ, зерно обнизано жемчюгомъ.

Чепь золотая с финифтомъ без трубокъ, вѣсомъ осмнадцать золотниковъ.

Поддонецъ серебряной позолоченъ.

Трубка шандалная серебряная.

Раковина, на ней голова человѣческая, на головѣ два алмаза, лагалище подложено бархатомъ зеленымъ.

Лоскутъ серебра, вѣсу въ немъ полшеста золотника.

Обручь серебреной позолоченъ съ Святительской шапки.

Три мѣста отсѣчено от звѣзды, серебрены позолочены.

Посуда мѣдная:

Два кунгана полужены.

Кунганъ мѣдной полуженъ.

Сковородка черная мѣдная.

Пять шендаловъ мѣдныхъ.

Лаханъ да рукомойникъ мѣдные.

Шкатулка деревянная съ ящики, писана по золоту травы.

Стаканъ мѣдной осмероугольной.

Два стола писаны, одинъ съ ящики.

Столъ дубовой раздвижной съ ящикомъ на точеныхъ ногахъ.

С т у л ы:

Кресла оболочены бархатомъ таусиннымъ, на немъ шито.

Стулъ обитъ сукномъ зеленымъ.

Стулъ круглой деревянной.

П о д у ш к и:

Подушка бархатъ золотной.

Подушка бархатъ черной.

Подушка пуховая, покрыта отласомъ таусиннымъ.

Тюшакъ бумажной.

Тюшакъ кожаной.

Очки въ лагалищѣ раковомъ.

Четверы очки въ серебреныхъ лагалищахъ золочены.

Пятые очки въ лагалищѣ серебреномъ.

Шестые очки въ коженомъ лагалищѣ.

Хрусталь, длина в вершокъ.

Гребень роговой.

Зеркало стѣнное Нѣмецкое з затворы.

Зеркало стѣнное небольшое.

Ѳата пестрединная.

Кисть отъ шляпы золотная.

Ножъ черенъ костяной бѣлой.

Ножъ черенъ рыбей.

Подволока Немѣцкихъ кожъ.

Коврикъ неболшой.

Часы боевые мѣдные, гири свинцовые.

Въ сѣняхъ деревяныхъ на лавкѣ и на коникѣ полавошники суконные зеленые.

Въ кельѣ передней деревяндой кругомъ по лавкамъ полавошники суконные зеленые.

Въ верху въ каменныхъ полатахъ домовое.

Икона ветха, Трехъ Святителей Вселенскихъ, рѣзная, съмостичена вся, а неписана.

Часословъ, печать Московская въ четверть.

Книга въ полдесть латынскаго языка.

Шесть списковъ литоргейные службы Ивана Златоустаго.

Семь книгъ въ бѣлыхъ кожахъ, болшіе печатные на Латынскомъ языку, и въ томъ числѣ по сказкѣ Старца Арсенія Грека, книга описаніе всеа земли, книга описаніе жъ всѣхъ частей поморскіе земли, двѣ книги козмографіи третье части, одна съ прибавкою, книга вторая часть земли козмографіе жъ, двѣ книги четвертой части той же козмографіи.

Уставъ писмяной, въ десть, ветхъ, въ доскахъ.

Книга писмяная Греческое писмо Григорія Анзианского.

Грамота, какова послана къ Великому Чюдотворцу Филипу отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца.

Книга Прологъ, въ десть.
Книга Евсевія Панфилинскаго, въ десть.
Книга Богословная, разное собраніе.
Книга Козмы Манунскаго, въ десть.
Книга Ѳокидита, въ десть.
Книга Дѣяніе Апостольское, въ десть.
Книга Феодорита о боголюбезной повѣсти, въ десть.
Книга Іоанна Лѣствичника, въ десть.
Книга мѣсяцъ Сентябрь, въ десть.
Книга мѣсяцъ Декабрь, въ десть.
Книга Соборникъ, въ десть.
Книга Ѳеодорита, въ десть.
Книга Исаия Сирина, въ полъ десть.
Книга мѣсяцъ Генварь, въ полъ десть.
Книга отца Мелетія, въ десть.
Книга мѣсяцъ Ноябрь, въ десть.
Книга Григорія Богослова, въ десть.
Книга Иванна Златоустаго толкованіе, въ десть.
Книга толкованіе Луки Евангелиста, въ десть.
Книга Устина Философа, въ десть.
Книга мѣсяцъ Генварь, четья, въ полъ десть.
Книга Григорія Богослова, въ десть.
Книга Евангелиста Иванна, въ десть.
Книга Философская лоика, въ десть.
Книга Иванна Златоустаго, въ десть.
Книга Иванна Златоустаго, толкованіе на Псалтырь, въ десть.
Книга житіе Семіона иже въ Манрѣ, въ десть.
Книга предисловіе Григорія Богослова, въ десть.
Книга Иванна Златоустаго толкованіе на бытія, въ десть.
Книга Козмы и Домiана, въ десть.
Книга мученіе святыхъ мученикъ Акиндина и Герасима и прочихъ, въ десть.
Книга лечебникъ, въ полъ десть.

Книга Философа Фоклѣя Еллина, въ десть.

Книга Ипполита Папы Римскаго о рукоположеніи священниковъ и прочихъ церковниковъ, въ полъ десть.

Книга нарицаемая Софоклѣя Философа, въ полъ десть.

Книга толковая на 150 псалмовъ, въ четь.

Книга посланіе Фомы Патріарха Іерусалимскаго на обличеніе Арменскіе ереси, въ десть.

Книга Григорія Богослова толковая на Святую Пасху и въ пентикостіе, въ полъ десть.

Книга Аристотелева, въ полъ десть.

Книга толкованіе на правило святыхъ Апостолъ и семи Вселенскихъ Соборовъ и помѣстныхъ Соборовъ, въ полъ десть.

Книга Григорія Богослова на Святую Пасху, въ полъ десть.

Книга Микифора монаха введеніе сокращеніе, въ десть.

Книга Евангеліе толковое на Матеея Евангелиста, въ полъ десть.

Книга Іоанна Златоустаго учительная къ оклеветающимъ, въ десть.

Книга Минея мѣсяцъ Декабрь, въ началѣ канонъ святѣй Богородицѣ, въ полъ десть.

Книга Минея мѣсяцъ Декабрь, въ полъ десть.

Книга Өеофана Епископа Никейскаго похвальные слова преевятей Богородицѣ въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго, въ Пятдесятной псаломъ толкованіе, въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго и на уклеветающія священства, въ десть.

Книга сочиненна всѣхъ винъ по стихамъ, въ десть.

Книга Собраніе Церковныхъ правилъ въ пятидесятныхъ титловъ раздѣляемая, въ четверть.

Книга толкованіе на Дѣяніе Луки Евангелиста, въ полъ десть.

Книга мѣсяцъ Февраль Четія, въ десть.

Книга толкованіе правилъ Святыхъ Апостолъ Святыхъ Отецъ и седми и помѣстныхъ соборовъ, въ десть.

Книга Греческаго Царя Ивана Катокузина о существѣ и дѣйствѣ, въ десть.

Книга Преподобнаго Отца Нифонта различные главизны, въ полъ десть.

Книга Семиона Новаго, въ полъ десть.

Книга Василія Великаго ко многимъ псалмамъ Давыдовымъ и иные богословные вещи, въ десть.

Книга Катуна Римскаго Философа, въ полъ десть.

Книга о постничествѣ Василія Великаго, въ полъ десть.

Книга Евстафія Епископа Селунскаго толкованіе на Аммрову книгу, въ десть.

Книга Апостолъ толковой, въ десть.

Книга Толкованіе о Псалтырѣ, въ десть.

Книга о планитѣхъ, въ десть.

Книга житія Иоасафа царевича, въ полъ десть.

Книга Іоанна Златоустаго толковая на Матвѣя Евангелиста, въ десть.

Книга Афонасія Патріархя, въ полдесть.

Книга Правило Церковное Святыхъ Апостолъ, въ четверть.

Книга Іоанна Златоустаго о семи тайнахъ свитокъ, въ десть.

Книга Григорія Нискогó, въ полъ десть.

Книга Соборникъ учительной отъ Апостолъ и Евангелія, въ полъ десть.

Книга Іоанна Златоуста бесѣда на Евангеліе толковое, въ десть.

Книга пѣсни Троическіе съ молитвами, въ полъ десть.

Книга житіе Григорія Синаицкаго, въ полъ десть.

Книга житіе Василія Новаго, въ полъ десть.

Книга Іоанна монаха Зонаря, въ четь.

Книга повѣстная начало ей: дóбро есть тайня царева хранить, а заповѣдь Божію проповѣдать, въ четь.

Книга Часословъ, въ полъ десть.

Книга притчи Соломона, въ полъ десть.

Книга Кондаки всего лѣта, въ полъ десть.

Книга иноческаго малаго и великаго обряда о постриженіи, въ четь.

Книга Іоанна Златоустаго къ Исаію пророку толкованіе, въ десть.

Кнега Іоанна Златоустаго, толкованіе на посланіе Павла Апостола къ Тимофею, въ десть.

Книга Максима Исповѣдника богословная, въ полъ десть.

Книга Судебная, въ полъ десть.

Книга Фотія Патріарха Цареградскаго, како разрѣши соблазнъ дву церквей ветхаго и новаго Рима, въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго толковая въходъ великаго поста, въ десть.

Книга на господскіе праздники святыхъ нарочитыхъ паремьи, въ десть.

Книга Лексиконъ Греко-Латинскій, въ десть.

Книга Аристотелева преестественная съ толкованіемъ, въ десть.

Книга Максима Епископа Кипрскаго о животныхъ морскихъ, въ десть.

Книга о именехъ полиелеохъ, въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго учительная, въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго толкованіе на Псалтырь, въ полъ десть.

Книга Аристида Философа, въ полъ десть.

Книга Макарія Египетскаго, въ полъ десть.

Книга выбрана изъ Библіи о преселеніи Авраамова, въ десть.

Книга молитвы вечернія и прочія, въ полъ десть.

Книга на ересь Варлаама бывшаго собора при Царѣ Одроникѣ, въ полъ десть.

Книга Евстафія книгохранителя въ полъ десть.

Книга толкованіе на посланіе Апостола Павла, въ десть.

Книга на Варламія Кизгина, въ десть.

Книга Цвѣтникъ, въ полъ десть.

Книга Философская Галина, въ десть.

Книга правильная Святыхъ Апостолъ и семи Соборовъ, въ полъ десть.

Книга Евангеліе, въ четь.

Книга толковая и посланіе Апостола Павла, въ десть.

Книга разныхъ Святыхъ отецъ повѣсти, въ десть.

Книга Толковая Максима Мниха, въ полъ десть.

Книга Василія Великаго о постничествѣ, въ десть.

Книга Кирила Александрійскаго толкованіе на бытіе, въ десть.

Книга Лѣствица, въ полъ десть.

Книга Библея, въ десть.

Книга Минея, мѣсяцъ Мартъ, въ полъ десть.

Книга Пиндаря Философа, въ полъ десть.

Книга Іоанна Златоустаго глаголемая Цвѣты, въ десть.

Книга Василія Великаго о постничествѣ, въ десть.

Книга Феодора Студитскаго оглашеніе ко ученикамъ его, въ полъ десть.

Книга Діонисія Ареопагита, въ полъ десть.

Книга Іоанна Златоустаго святые четыредесятницы, въ десть.

Книга житіе Епифанія Кипрскаго, въ полъ десть.

Книга посланіе различныхъ творцовъ, въ четь.

Книга Литорика Философа, въ полъ десть.

Книга Өикаря монаха пѣсни и молитвы, въ полъ десть.

Книга Григорія Нійского толкованіе въ написаніе псалмовъ, въ полъ десть.

Книга толкованіе на дѣяніе Апостольская Евангелиста Луки, въ полъ десть.

Книга поученіе во святый великій постъ различныхъ святыхъ, въ полъ десть.

Книга чинъ о панагіи, въ полъ десть.

Книга соборникъ, въ началѣ Іоанна Дамаскина слово на Рожество Богородицы, въ десть.

Книга Григорія Богослова къ брату его Василію Неокесарійскому, въ десть.

Книга Стравона Өилософа въ землемѣріи, въ десть.

Книга Кирила Александрійскаго ко Святѣй Троицѣ, въ полъ десть.

Книга Толковая Іоанна Златоустаго бесѣда 46, въ десть.

Книга Маргаритъ, въ десть.

Книга Минея четья съ Сентября мѣсяца во весь годъ, въ десть.

Книга Григорія Богослова поученіе на Святую Пасху, въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго толкованіе на бесѣды на Евангеліе, въ десть.

Книга Маргаритъ, въ десть.

Книга Соборникъ, въ десть.

Книга Лѣствица, въ полъ десть.

Книга Аристофана Философа, въ десть съ толкованіемъ.

Книга посланіе толковое къ Коринөомъ, въ полъ десть.

Книга Іоанна Златоустаго съ толкованіемъ къ Іоанну Богослову, въ десть.

Книга Діонисія Археопагита, въ десть.

Книга посланіе Іоанна монаха .... Манюмского, въ четь.

Книга Евангеліе великаго дня Пасхи толковое въ десть.

Книга Ефрема Сирина, въ десть.

Книга повѣсти разныхъ святыхъ, въ полдесть на бумагѣ.

Книга Өеодорита Картаготева, въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго толковая, посланіе Апостола Павла, въ десть, харатейная.

Книга Іоанна Златоустаго во входъ четыредесятницы, въ десть, харатейная.

Книга Діонисия Ареопагита, въ десть, харатейная.

Книга Василія Великаго бесѣды на псалтырь съ толкованіемъ, въ десть, харатейная.

Книга Патерикъ отверзеніе и иныхъ святыхъ, въ десть, харатейная.

Книга Феоклита философа, въ полъ десть.

Книга тропари Пресвятые Богородицы твореніе Мануила и Ранана, въ полъ десть, харатейная.

Книга Исіода философа учительная.

Книга Омира философа, въ полъ десть, харатейная.

Книга молитвы Господа нашего Іисуса Христа Мануила, въ четь.

Книга Исіода философа безъ толкованія, въ полъ десть, харатейная.

Книга Льва Саврянина обличеніе Божественнаго писанія, писано на бумагѣ.

Книга Триодь цвѣтная начинается отъ недѣли Ѳомины, въ полъ десть, харатейная.

Книга грамотика творца Георгія, въ полъ десть, на бумагѣ.

Книга Ефрема Сирина Іоанну монаху о терпѣніи, въ десть, харатейная.

Книга Ескіонъ Греческій Аттической языкъ, въ полъ десть.

Книга Максима Епископа Тифирскаго, въ десть, на бумагѣ.

Книга Олривасія къ сыну своему Евстафію, въ десть, на бумагѣ.

Книга Феофилакта толкованіе на четыре Евангелисты, въ десть на бумагѣ.

Книга Іоанна Златоустаго на Мытаря и Фарисѣя, въ десть, харатейная.

Книга Минѣя мѣсяцъ Февраль, въ полъ десть, на харатьѣ.

Книга Евангеліе толковое, въ полъ десть, на харатьѣ.

Книга Василія Великаго шестодневъ, въ десть, харатейная.

Книга Михайла Псела Философа, въ полъ десть, на бумагѣ.

Книга Минѣя Августъ мѣсяцъ, харатейная, въ полъ десть.

Книга Афонасія Афонскаго житіе, харатейная, въ полъ десть.

Книга Ѳеодорита Епископа Тфирского, въ четь, харатейная.

Книга Аристотелева, нравоученіе Великихъ, въ десть, на бумагѣ.

Книга посланіе Антиоха, харатейная, въ полъ десть.

Книга въ винахъ въ притчахъ, въ полъ десть, харатейная.

Книга Плутарха Философа, въ полъ десть, харатейная.

Книга Евфимія монаха, въ десть, харатейная.

Книга Іоанна Златоустаго толкованіе на Евангеліе Матфѣя Евангелиста, въ десть, харатейная.

Книга Аристотелева о житіи и животныхъ, печать Греческая, на бумагѣ, въ десть.

Книга лѣствичникъ съ толкованіемъ, въ полъ десть, на харатьѣ.

Книга канонникъ Пресвятѣй Богородицы съ молитвы, въ четь харатейная.

Книга правилная Калриста Соломвила, въ полъ десть, на харатьѣ.

Книга Іоанна Златоустаго ко Святому Іоанну Евангелисту.

Книга Іоасафа царевича.

Книга Филофія Патріарха торжественная, въ десть, харатейная.

Книга Максима Епископа Цыфирского, въ десть, харатейная.

Книга о Божествѣ, въ полъ десть, харатейная.

Книга Василія Великаго толкованіе на Исаино Пророчество, въ десть, харатейная.

Книга Іоанна Игумена Ранеицкаго къ Іоанну Лѣствичнику.

Книги вирши Святыхъ Отецъ разныхъ, а половина церковныхъ пѣсней, въ полъ десть, харатейная.

Книга Богословная и о Святѣй Троицѣ, а чье твореніе того непаписано, въ десть, на бумагѣ.

Книга Григорія Богослова печатная, въ десть, на бумагѣ.

Книга Святаго Авы Дорофея, въ полъ десть, на харатьѣ.

Книга Петра Дамаскина и иныхъ различныхъ Святыхъ Отецъ избранныхъ, въ полъ десть, на бумагѣ.

Книга посланіе Аввы Іоанна Ранеского къ Святому Іоанну Синайскіе горы, въ полъ десть, на харатьѣ.

Книга житіе Феодоры Александрійскіе, въ десть, харатейная.

Книга Евангелистъ Матвѣй толковой, въ десть харатейная.

Книга Арсенія Архіепископа Монамвасійскаго ко Льву Папѣ Римскому, въ десть, на харатьѣ.

Книга Григорія Богослова о бѣгствѣ по морю, въ десть, харатейная.

Книга лечебникъ, въ полъ десть, харатейная.

Книга Патерикъ разныхъ святыхъ, въ полъ десть, харатейная.

Книга Греческая торжественникъ, святымъ мученикомъ похвала, въ десть, на харатьѣ.

Книга Царя Ираклѣя, въ полъ десть.

Книга Максима Исповѣдника о воплощеніи Божіи Богословіе, въ полъ десть.

Книга уставъ обители Преподобнаго Отца Савы, въ полъ десть.

Книга Еллинская Философа Плутарха, въ полъ десть.

Книга мѣсяца Марта Минея, въ полъ десть.

Книга псалтырь толковая въ ней же житіе святыхъ, въ полъ десть.

Книга Философа Максима Костянтина и бореніе грарографъ, въ полъ десть.

Книга Афонасія Великаго о исхоженіи словъ Аригеновыхъ, въ десть, на харатьѣ.

Книга лѣствичникъ, въ десть, на харатьѣ.

Книга Іоанна Златоустаго маргаритъ, въ десть.

Книга Дѣяніе Апостольское, толкованіе Евангелиста Луки, слово о Воскресеніи и на Вознесеніе, харатейная, въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго бесѣда первая въ ходъ святыя четыредесятницы, на харатьѣ, въ десть.

Книга правильная о церковномъ чинѣ и о заповѣдѣхъ отческихъ, въ десть.

Книга Евангеліе четыре Евангелиста безъ толкованія, въ полъ десть, на харатьѣ.

Книга Іоанна Дамаскина въ полъ десть, на харатьѣ полудестевая, о божествѣ.

Книга Іевъ, толковая, въ четь.

Книга Леванида Антіохійскаго, въ полъ десть, на харатьѣ.

Книга Максима монаха, вопросъ и отвѣтъ, на харатьѣ.

Книга Григорія Чудотворца о вѣрѣ изложеніе, въ десть на харатьѣ.

Книга Макарія Египетскаго, въ полъ десть, на харатьѣ.

Книга иноческого новоначальномъ погребеньмъ, въ полъ десть.

Книга Петра Дамаскина монаха, въ полъ десть, на бумагѣ.

Книга Александра Македонскаго списано отъ Ипократа Философа въ полъ десть.

Книга мѣсяцъ Декабрь житія святыхъ мученикъ Ѳирса и Левкія и прочихъ, въ десть.

Книга другая того жъ Аристофана Философа безъ толкованія, въ полъ десть, на харатьѣ, въ кожѣ тонкой.

Книга Евангеліе Іоанна Златоустаго толковые бесѣды, въ десть, на харатьѣ.

Книга житія разныхъ святыхъ въ десть.

Книга Грамматика Михайла къ монахи Синайскому въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго во Святую недѣлю Пасхи слово о пьянствѣ, въ десть.

Книга о чювствахъ сладчихъ, въ полъ десть.

Книга Демостена на Исхина Филосовская, въ десть.

Книга Василія Великаго бесѣда въ началѣ толкованіе на пятдесятной псаломъ Давыдовъ, въ десть.

Книга слово похвальное Егорія Епископа Никомидійскаго и прочихъ святыхъ, въ полдесть, на харатьѣ.

Книга конатворца Евангелія Іоанна Богослова преложеніе, въ полъ десть.

Книга Григорія Богослова о разныхъ словесехъ, въ десть, на харатьѣ.

Книга Варсонофія святаго, въ полъ десть.

Книга толковая Іоанна Златоустаго посланіе къ Коринфяномъ, въ десть.

Книга толковая Григорія Богослова вопросы и отвѣты, въ полдесть, на харатьѣ, егда удержалъ во Царѣградѣ ученики.

Книга Архіепископа Григорія Богослова входъ во Святая Святыхъ святые Богородицы, въ полъ десть.

Книга Греческая Пантелеймона великія церкви дьякона похвальное слово ко Архангелу Михаилу, въ десть.

Книга толковое Евангельскихъ притчей сорока трехъ, зачало Іоанна Златоустаго, въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго толковая къ Іоанну Богослову, въ десть, на харатьѣ.

Книга Антіоха монаха посланіе въ харатьѣ ко Аввѣ Савѣ, въ десть.

Книга Газна о раздѣленіи годимыхъ, въ полъ десть.

Книга Іоанна Златоустаго учительная, когда былъ священникомъ, тогда ее училъ, въ десть.

Книга третья Іоанна Лѣствичника, въ десть.

Книга Іоанна Дамаскина о посланіи къ Космѣ Манюмскому, въ десть.

Книга о покаяніи, харатейная, въ десть.

Книга Патерикъ, различныхъ Святыхъ повѣсти, въ полъ десть.

Книга Ѳеодорова Грамматика, въ десть.

Книга о собраніи Отца Павла Монаха, въ полъ десть.

Книга толковая же Іоанна Златоустаго на посланіе къ Ефесяномъ, въ десть, на харатьѣ.

Книга Василія Великаго на Македонія иконоборца, въ десть.
Книга Өеодорита Епископа о промыслѣ Божіи, въ полъ десть.
Книга Іоанна Златоустаго бесѣды на Евангелиста Луку, въ десть, на харатьѣ.
Книга Космы Манюмскаго къ Іоанну Дамаскину, въ десть.
Книга Іоанна Златоустаго къ Іоанну Богослову похальная, въ десть.
Книга Іоанна Златоустаго толковая, начало ей: и пріятъ Өара Авраама Иваӧра сына своего, въ десть.
Книга Архіепископа Григорія Селунскаго о мирѣ другъ другу и прочихъ Святыхъ, въ полъ десть.
Книга Евстратія Маістра толкованіе о мирѣ, въ десть.
Книга Патерикъ на харатьѣ, въ десть.
Книга Іевлева съ толкованіемъ, въ десть.
Книга мѣсяцъ Ноябрь, въ десть, на харатьѣ.
Книга торжественная, въ полъ десть.

Книги писмяные и печатные на Греческомъ языкѣ, а покупалъ тѣ книги на Государевы деньги и на соболи старецъ Арсеній Сухановъ, а были тѣ книги подъ церковію Трехъ Святителей Петра и Алексѣя Іоны Московскихъ Чюдотворцевъ съ тѣми жъ книгами, которые посланы къ Великому Господину къ бывшему Никону Патріарху; а по Указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца выбиралъ тѣ книги печатного двора дьякъ Иванъ Щепоткинъ да справщицъ старецъ Арсеній Грекъ; а по Указу Великаго Государя отданы тѣ книги Ивану Щепоткину да старцу Арсенію Греку.

Книга Святаго Епифанія Кипрьского о ересѣхъ.
Книга Царя Мануила Греческаго къ сыну своему Царю Ивану Палеологу, въ полъ десть.
Книга Священномонаха Матвѣя на Іудѣевъ, въ полъ десть.
Книга потребникъ, въ полдесть.
Книга учительная, въ десть.
Книга о Римскихъ и о Греческихъ властеляхъ, въ десть.
Книга Царя Мануила.
Книга Григорія Богослова четверострочіе съ толкованіемъ, въ полъ десть.
Книга Пиянна творца Философа о Греческихъ вещехъ, въ полдесть.

Книга Судебная.

Книга Предзрѣніе Святые Лѣствицы, въ полъ десть.

Книга Василія Великаго посланіе ко Святому Амфилофію Епископу Иконискому, въ полъ десть.

Книга Іоанна Зьонаря.

Книга уставъ Греческой, въ десть.

Книга грамматика Михаила къ монаху Іоанну Синайскому, въ десть.

Книга о вѣрѣ Григорья Чюдотворца и прочихъ Святыхъ, въ полъ десть.

Книга Іоанна Златоустаго бесѣда глаголеная во Антіохію, въ десть.

Книга лѣствичникъ съ толкованіемъ, въ десть.

Книга лексиконъ Кирилла Александрѣйскаго.

Книга притчи Соломона.

Книга библѣя толковая разныхъ толковниковъ, въ десть.

Книга уставъ Святаго Савы, въ полъ десть.

Книга Өеодорита Епископа Тирскаго, въ четь.

Книга Василія Великаго, о добродѣтели и злобѣ, въ десть.

Книга толковая Ефрема Сирина, посланіе къ Іоанну монаху, въ десть.

Книга Евфимія нѣкоего, семнадцать главъ о богословіи, въ десть.

Книга Іоанна Лѣствичника, въ полъ десть.

Книга изложеніе въ кратцѣ о православной христіанской вѣрѣ, въ полъ десть.

Книга правило Матвѣево, въ полъ десть.

Книга уставъ церковнаго пѣнія, въ полъ десть.

Книга правильная Костянтина Армилопула, въ полъ десть.

Книга Библея, въ десть.

Книга Афонасія Александрійскаго на Еллины, въ десть.

Книга Лексиконъ, въ полъ десть.

Книга Синоксарь Сентября, въ десть.

Книга Лѣтописная царства Греческаго до царства Мануила Коннина, въ полъ десть.

Книга Алексиконъ, въ полъ десть, Греческой.

Книга закона различныя о санѣхъ, въ полъ десть.

Книга уставъ преподобнаго Савы, въ полъ десть.

Книга Лексиконъ Греческой, въ полъ десть.

Книга правильная Іоанна постника, въ четь.

Книга Ефрема Сирина, въ десть.

Книга како подобаетъ быти Царю, въ десть.
Книга Хронографъ, въ полъ десть.
Книга Григорія Нискаго къ Григорію Архіепископу Кесарійскому, въ десть.
Книга судебная Архіерейская, въ полъ десть.
Книга царя Алексѣя Комнина, въ полъ десть.
Книга Евангеліе толковое недѣльное Калиста, въ десть.

Книги писменные и печатные на Греческомъ языкѣ, которые были у справщика у старца Арсенія Грека, а тѣ книги куплены Великаго Господина бывшаго Никона Патріарха, на его Патріаршіе келейные деньги въ великомъ Новѣгородѣ; а по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, тѣ книги отданы Патріаршу боярину Борису Нелединскому да дьякомъ Ивану Кокошилову, да Ивану Калитину; а по указу Великаго Государя, тѣ книги велѣно Борису Нелединскому съ товарищи послать въ Воскресенскій монастырь къ Великому Господину къ бывшему къ Никону Патріарху.

Книги Кирила Александрійскаго Патріарха, седмь печатные Греко-*Латинскіе*, въ десть.
Книга Кирила Іерусалимскаго, печатано Греко-*Латински*, въ десть.
Двѣ книги Феофилакта, печатаны Греко-*Латински*.
11 Книгъ Іоанна Златоустаго печатаны Греко-*Латински*.
Двѣ книги Григорія Богослова, печатаны Греко-*Латински*.
Книга Іустина Философа и мученика, печатано Греко-*Латински*.
Книга Святаго Исидора, печатано Греко-*Латински*.
Книга Климента Александрійскаго, печатано Греко-Латински.
Двѣ книги Никифора Калиста, печатаны Греко-Латински.
Книги Великаго Василія три, печатаны Греко-Латински.
Двѣ книги Афонасія Великаго, печатаны Греко-*Латински*.
Двѣ книги Ікуменія, печатаны Греко-*Латински*.
Книга Кипріяна, печатана *Латинская*.
Книга Флорентійскаго Собора осьмаго, печатана *Латинская* и Греческая часть.
Книги *Латинскіе* три, Травники врачебные.
Пять книгъ, печатаны Греко-*Латински*, седмь Соборовъ Вселенскихъ.
Четыре книги печатаны Греко-*Латински*, помѣстныхъ Соборовъ.

Книги три Святаго Григорія Нисійскаго, печатаны Греко-Латински.

Книга Святаго Григорія Чюдотворца и Макарія Египетскаго и иная правила, печатано Греко-Латински.

Книга Діонисія Ареопагита, печатано Греко-Латински.

Книга Халепинъ, сирѣчь Лексиконъ, печатана Греко-Латински.

Книга Лѣтописанія краткая, печатано Латински.

Книги Грамматики, печать Московская, въ полъ десть, осьмнадесять.

Двѣ книги Евсевія Епископа Кесарійскаго, печатаны Греко-Латински.

Двѣ книги Плутарха Ѳилосоѳа, печатаны Греко-Латински.

Книга Димостена Ѳилосоѳа, печатано Греко-Латински.

Книга вторая Халепинъ, сирѣчь Лексиконъ, печатано Греко-Латински.

Книга Лексиконъ, печатана Греко-Латински.

Книга Іродота Ѳилосоѳа, печатана Греко-Латински.

Книга Стобѣя Ѳилосоѳа въ полъ десть, печатана Греко-Латински.

Книга Іродіяна Ѳилосоѳа, въ четверть, печатана Греко-Латински.

Четыре книги Аристотеля Ѳилосоѳа, печатаны Греко-Латински.

Книга осьмаго Собора Флорентійскаго, писана Гречески.

Книги три Григорія Богослова, харатейныя, писаны Гречески.

Книги уставы церковные, въ полъ десть, три писаны, Гречески.

Книга Іоанна Зонаря, печатана Греко-Латински.

Служебники въ свиткахъ харатейныхъ, девять, писаны Гречески.

Книга Іоанна Лѣствичника, печатана Греко-Латински.

Книга Номоканонъ съ толкованіемъ Святыхъ Соборовъ и Святыхъ Апостолъ и Великаго Василія и иныхъ Святыхъ отецъ, въ полъ десть, харатейная, писана Гречески.

Въ свѣчной палатѣ.

Девяносто образовъ штилистовыхъ, да семьдесятъ образовъ пяти листовыхъ Пречистыя Богородицы Владимірскіе, неокладные.

Сорокъ четыре пуда пятнадцать гривенокъ воску.

Гнилова шесть пудовъ воску.

Три пуда двадцать восемь гривенокъ ладану.

Восемь бочекъ Нѣмецкаго бѣлаго двойнаго желѣза цѣлыхъ.

Двойново жъ бѣлаго желѣза двѣсти двадцать одинъ листъ.

Да меньшіе статьи сто пятьдесятъ листовъ.

Пять пудъ клею корлуку.

Клею жъ корлуку въ мѣшкѣ четыре пуда безъ чети.

Клею жъ корлуку сомовья худаго пять пудъ двадцать пять гривенокъ.

Мѣдныхъ старыхъ судовъ три пуда тридцать пять гривенокъ.

Вѣко вѣсу семнадцать гривенокъ, а въ немъ воску въ крохахъ полпуда.

Котелъ мѣдной вѣсомъ тридцать гривенокъ.

Желѣза Свицковаго пятьдесятъ двѣ доски.

Оловянникъ и ломанаго олова вѣсу во всемъ шестнадцать гривенокъ.

Девять засовъ желѣзныхъ.

Четыре шлеи пристяжные.

Да въ другой кладовой палатѣ.

Образъ Спасовъ настоящій, что взять Спаскаго монастыря изъ-за Иконнаго ряду, окладъ басенной, вѣнецъ и цата рѣзные, въ ставкахъ, винисы и бирюзы.

Образъ Пречистые Богородицы напрестольная.

Дѣйсусъ триконный Спасовъ, да Богородицынъ и Предтечинъ, обложены серебромъ басеннымъ, вѣнцы басенные жъ.

Да во всю церковь праздники и пророки и праотцы, гладкіе, ветхи.

Царскіе двери, гладкіе жъ ветхи.

А тѣ иконы взяты изъ Спаского монастыря, что за Иконнымъ рядомъ.

Лазори въ бочки четыре пуда.

Вохры желтые плохіе къ стѣнному письму, въ двухъ куляхъ полъ третья пуда три гривенки.

Черлени Псковскіе въ двухъ куляхъ, вѣсу четыре пуда четырнадцать гривенокъ.

Въ двухъ куляхъ черлени плохіе Нѣмецкіе мѣлкіе три пуда тридцать три гривенки.

Въ четырехъ куляхъ празелени съ брусочки мѣлкіе, вѣсу семь пудъ двѣнадцать гривенокъ.

Въ кулѣ вохры темные пудъ осмнадцать гривенокъ.

Въ пяти куляхъ вохры слизухи брузчатой, вѣсу десять пудъ двадцать шесть гривенокъ.

Въ бочкѣ бѣлилъ Нѣмецкихъ, вѣсу двадцать три гривенки.

Голубцу пять гривенокъ.

Сурику шесть гривенокъ.

Клею корлуку сановья, вѣсомъ шесть пудъ тридцать три гривенки.

Десять овчинъ новыхъ дѣланныхъ.

Тринадцать шубъ новыхъ.

Четыре кафтана шубныхъ новыхъ.

Семь кафтановъ шубныхъ ветхи.

Тридцать четыре войлока коровитинныхъ большихъ.

Двадцать шесть войлоковъ малыхъ.

Восмь сотъ сорокъ прутовъ укладу.

Сто семь аршинъ холстовъ тонкихъ.

Двѣсти сорокъ четыре аршина холстовъ толстыхъ нѣмковыхъ.

Мѣди листовой, большихъ листовъ и малыхъ, шесть пудовъ двадцать гривенокъ.

Двѣ доски кипарисные неправленные, да заболопокъ у портные полаты въ чюланѣ, да большіе доски оттирокъ дироватые съ гнилью по менши аршина.

Сто топоровъ новыхъ.

О ХОДУ

ВЪ ПЕРСИДСКОЕ ЦАРСТВО

и изъ Персиды въ Турскую землю и въ Индію и въ Урмузъ, гдѣ корабли приходятъ.

Лѣта 7131 по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи и Великаго Государя Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи указу купчина Московской гость Федотъ Афанасьевъ сынъ Котовъ, а съ нимъ въ товарыщехъ 8 человѣкъ, ходилъ за море въ Персицкую землю въ купчинахъ зъ Государевою казною. Изъ Москвы пошли Москвою рѣкою маія въ 5 день, на память Святаго и Праведнаго Іова многостртдалнаго. А изъ Астарахани на устьѣ Государеву казну поклали на двѣ бусы Августа въ 8 день, на память иже во Святыхъ Отца нашего Емеліана Епископа Кизичьскаго. А ходъ за морѣ въ Кизылбаши итти прямо на полдень сѣверомъ и западомъ, а на правой рукѣ Терекъ и Тарки и Дербень; а и сухой путь за море есть же отъ Терка, и про тотъ путь писано ниже после Шаврани. А пошедъ отъ устья съ пристани на лѣво итти Шелоникомъ на полъночь, тамъ ходятъ на Акраганьское пристанище, а ходятъ мимо Яицкое устье и въ Бухары. И за море пришли зъ Государевою казною въ Персицкую землю въ Шахову область, а пристали къ Ширваньской земли Августа въ 14 день, на предьпразднество Успенія Пресвятѣй Богородицы и Святаго Пророка Михѣя, на пристанище низовую; а пристанище мѣсто пусто и низко, двѣ рѣчки невелики, а устья пескомъ занесло, а съ моря узнать, три древа стоятъ, издали видятся высоки, а иные лѣсы есть да мелки и низки, а берегъ мягкой каменья нѣтъ, пристань добра. А отъ той пристани въ низъ подлѣ море есть иные пристани противъ городовъ и противъ пустыхъ мѣстъ, и возлѣ море пошли все каменые горы высоки въ Шаховы земли и до Фарабата. А съ пристани отъ низовой съ версту деревня велика

Дербеньской присудъ, тутъ сидитъ приказной человѣкъ, а надъ деревнею горы высоки и съ нихъ снѣгъ и лѣтомъ несходитъ. А въ деревнѣ сады: яблока, изюмъ, и орѣхи грѣцкіе, черносливъ, миндаль, дыни, арбузы; а хлѣбнаго: пшеница, пшено, ячмень, а много хлѣба нѣтъ; а дворы въ деревнѣ глиняные, а въ садехъ и сквозѣ дворы рѣки копаные текучіе, и привожены изъ горъ; а скота всякого много, а дѣлаютъ и молотятъ и землю орютъ и всякой запасъ возятъ на волахъ. А отъ низовой ходъ въ Шамаху по горамъ высоко и нужно, а ходятъ на конѣхъ и на верблюдахъ и на быкахъ и на ослятахъ на вьюкахъ, а телѣжного пути нѣтъ.

Отъ низовой ходу до Шаврани 20 верстъ, а итить полями и мокрымъ мѣстомъ, а Ширвань городъ былъ одна стѣна да башня каменной, да разбитъ, и посады каменные; а тотъ Ширвань и Шамаха и Дербень со всѣми уѣзды и самыми городы и съ пригородки изстари были Шарваньская земля, а были тѣ всѣ городы подъ Турьскимъ, да взялъ тое Ширваньскую землю у Турсково Перской Шахъ по се число мало болши двадцати лѣтъ. А овощовъ тутъ всякихъ много и птицъ и скота.

Здѣ же возвратимся на постепной путь отъ Астарахани до Терка и Шаврани; отъ Астрахани отъ города ходятъ на Рускихъ бусахъ и на стругахъ болшихъ моремъ подлѣ Черни, толко далече, и ходу моремъ погодою двое сутки, а не будетъ вѣтровъ своихъ, ино струги въ тихое время переходятъ недѣлею.

А на Терки, городъ деревяной не великъ толко хорошъ, а стоитъ на нискомъ мѣстѣ надъ рѣкою надъ Тюменьскою, а ряды и храмы и дворы въ городѣ, а за городомъ одинъ монастырь; а противъ города за рѣкою слободы велики: Черкаская слобода да Окоцкая, да Новокрещеныхъ Черкасъ слобода, а черезъ рѣку Тюменъку мостъ древяной на козлахъ высоко, под него проѣздъ въ лодкахъ, а въ Тюменку пала рѣка Терекъ въ болшую воду, а коли вода не велика и то мѣсто пресыхаетъ, и того лѣта въ Тюменькѣ вода застаивается и бываетъ недобра. А болшой проходъ рѣки Терька, вышла въ Быструю рѣку ниже Терька 60 верстъ, а тотъ Терекъ рѣка пала изъ горъ изъ гребеней, а въ гребеняхъ живутъ казаки острожками; а тутъ де промежъ горъ и гребеней и Черкасъ пошли къ Азову Кабарды; а Быстрая рѣка пала въ морѣ, а та рѣка Быстрая пала из горъ. А городъ Терекъ стоитъ отъ моря верстъ с пять и тою Тюменькою въѣздъ въ море не однѣмъ устьемъ, и около все камышъ. А около Терька садовъ много и въ садѣхъ всякихъ овощевъ много. А противъ

Терка островъ Чечень стоитъ въ мори, ходу до него парусомъ полдни, и тотъ островъ великъ и рыбъ много. И на томъ островѣ Терскіе люди и Тарковьскіе Кумачаня и Горскіе Черкасы ловятъ рыбу.

И отъ Астрахани до Терка и отъ Терка до Астрахани сухой путь есть же, ходятъ степію въ станицахъ; а отъ Терка до Быстрое рѣки день ходу на вьюкахъ, а мѣсто итти тиновато, а чрезъ рѣку бродъ и перевозъ стругами, а по обѣ стороны Быстрой рѣки лѣтомъ лежатъ казаки по перевозамъ для немирныхъ и Крымскихъ Татаръ; а отъ Быстрой рѣки день ходу до рѣки Суньши, а чрезъ Суньшу рѣку бродъ, отъ Суньши рѣки день ходу до меньшова Аксая; а меньшой Аксай рѣчка невелика и нужна тиновата, а чрезъ ея бродъ, идтить степью да камышемъ; отъ меньшаго Аксая до большаго Аксая полдня ходу, а большой Аксай рѣчка невелика, чрезъ ея бродъ; отъ большаго Аксая до Койсы рѣки день ходу или полтора, а оттуда отъ Койсы рѣки ходъ на телѣгахъ; а Койса рѣка широка, идетъ изъ горъ и тутъ на усть рѣки перевозъ въ стругахъ и въ поромахъ, а перевозятъ Кумычаня или сами, а хто ѣдетъ, а струги и поромы стоятъ безъ пристани; отъ Койсы день ходу до Тарковъ, а ходъ берегомъ возлѣ моря на телѣгахъ. А въ Таркахъ посадъ невеликъ и острожекъ деревянной стоящей, и тутъ сѣдитъ Ильдарханъ шуринъ Шаховъ, того зовутъ Крымъ-Шахомъ, а люди живутъ въ Таркахъ Кумычаня, а послушны шаху; а Илдырханъ родомъ Кумычанинъ Салтамамуту Горскому Князю братъ; а Тарки стоятъ подъ горами отъ моря съ версту. А отъ Тарковъ въ горы живутъ Кумычане, и Князь у нихъ свой и ни кому непослушны, живутъ въ горахъ. Отъ Тарковъ три дни ходу до Дербеня Шахова города, а ходятъ на вьюкахъ промежъ горъ и моря ровнымъ мѣстомъ. А промежъ Тарками и Дербенемъ живутъ Лязгинцы, Князь у нихъ свой, а слыветъ Усминской, и городъ у нихъ каменной, а сами живутъ въ горахъ далече, никому непослушны, и воровство отъ нихъ, на дорогѣ торговыхъ людей грабятъ и иныхъ запродаваютъ; а коли и смирно бывало, инъ имали у торговыхъ людей со вьюка по три киндяка, и тѣ мѣста ходятъ съ провожатыми, а воруетъ Усминской Князь да Кайдатцкой съ своими людми. А Дербень городъ каменной бѣлой, бывалъ крѣпокъ, толко не люденъ, а стоитъ концемъ на горы, а другимъ концемъ въ морѣ, а длиною въ горы больши трехъ верстъ, а поперегъ города сажень съ триста, и поперегъ городъ перегороженъ каменными стѣнами въ дву мѣстахъ, ино станетъ три городы; и сказываютъ что еще того города море взяло башень съ тридцать,

а тепере башня въ водѣ велика и крѣпка, и отъ того города Дербеня стѣна была каменная черезъ горы въ Черное море въ Турскую землю, а посады всѣ въ городѣ, а за городомъ башни отводные каменные. И отъ того города Дербеня подле морѣ въ верхъ огорожено стоячими плитами каменными и тутъ лежатъ 40 человѣкъ, а Бусурманя сказываютъ и Арменья, что тѣ Русскіе 40 мученикъ святые; и Русскіе люди, кто ни ѣздитъ мимо, ходятъ къ нимъ прощатся, а иные и молебны поютъ 40 мученикомъ, а лежатъ по своимъ гробницамъ, и на нихъ по великому камню бѣлому, а рѣзана подпись, а никто тое подписи прочесть не умѣютъ ни Бусурманы, ни Арменья, ни Турки, а подпись рѣзь велика, и тутъ надъ ними выросло три деревца. Да къ той же оградѣ пригорожено такъ же каменемъ Бусурманское кладбище, и тутъ два сторожи Бусурманскіе, а около того великіе кладбища старые, и на нихъ гробницы и подписи; а сказываютъ, что дѣ подпись Греческая.

Отъ Дербеня 3 дня ходу до Шаврани степью промежъ горъ и моря на вьюкахъ. И отъ Астрахани ходятъ въ Кизилбаши и въ мѣлкихъ стругахъ подле Черни до Терька и отъ Терка до Тарковъ, и отъ Тарковъ до Дербеня и до низовой торговые люди, и отъ низовой ходятъ на Шаврань на вьюкахъ; а ходъ въ малыхъ судахъ нуженъ тѣмъ,—гдѣ погодою прибьетъ къ берегу стругъ, ино емлютъ съ нихъ торговыхъ людей въ Дербени и въ Таркахъ великіе пошлины, а къ пустому мѣсту прибьетъ, ино отъ Усминскова да Кайдатцково Князей торговыхъ людей побиваютъ и животы емлютъ, воровство великое берегомъ.

Путь отъ Шаврани на Шамаху, а идти все горами высоко и нужно и безводно, а ходу три дни на вьюкахъ и на верблюдахъ и наконѣхъ; а по дорогѣ отъ Шаврани да Шамахи стоятъ три гостинные дворы, каменные крѣпки и добры съ анбары и съ конюшнями и съ вороты, и стоятъ пусты, ставлены изстари для проѣзжихъ людей наслѣгу отъ разбоя, а нынѣ смирно. А Шамаха стоитъ промежъ высокими горами въ услонѣ, городъ каменной и посады каменные, а городъ невеликъ и не высокъ, а кругомъ города ровъ и ворота желѣзомъ обиты, а посадъ и ряды и гостиные дворы стоятъ за городомъ. А въ Шамахѣ семь гостиныхъ дворовъ, всѣ каменные, и воды на всѣхъ, а текутъ съ столбовъ каменныхъ, привожены изъ горъ по подъземелью; а стоятъ гостиные дворы промежъ рядами: Тезичей, Арменьской, на томъ Русскіе люди торгуютъ, Лязгинской Гилянской и иные дворы и мѣстомъ великъ. А была Шамаха за

Туръскимъ, да Шахъ взялъ въ тоже время, какъ Шаврань взялъ, и старой городъ въ Шамахи разбилъ, что былъ около всего посаду, и Туръскіе мечети, да свой поставилъ; а товары въ Шамахѣ всякіе и шелковъ много крашеного и сырцу, а шолкъ красятъ въ Шамахѣ, а сырой шелкъ родится около Шамахи по деревнямъ. Да отъ Шамахи же версты съ полъ третьи на полъночь стоятъ два сада: Шаховъ садъ да Шамахинскаго хана, а въ нихъ всякіе овощи и всякіе цвѣты, и полаты въ нихъ каменные, и воды въ каменныхъ ерданѣхъ; а противъ тѣхъ садовъ высоко на горѣ городъ каменной, пустъ разпался, а называютъ тотъ городъ Александровъ; а въ Шамаху товары приходятъ изъ Турскіе земли, и путь изъ Шамахи есть въ Турскую землю, и про тотъ путь писано ниже, а здѣ писанъ ходъ къ Перскому Царю, выписанъ.

Отъ Шамахи ходу до Ардевиля 10 дней: отъ города отъ Шамахи полдни ходу черезъ городокъ высоко добрѣ, а какъ горы прешедъ итти 2 дни степью до рѣки Куры, а Кура рѣка съ Москву рѣку, а у рѣки деревня велика и торжишко, а черезъ рѣку мостъ на сандалѣхъ, да цѣпь желѣзная по мосту протянута з берегу на берегъ, Рахматы емлютъ съ верблюда по двѣ абасы, а тое рѣки болши нѣтъ во всей Шаховой области, тутъ гране была въ старину отъ Туръского. Отъ Куры рѣки ити 5 дней степью, ни городовъ ни посадовъ ни деревень ни гостинныхъ дворовъ нѣтъ, а на той степи живутъ Муганы въ кочевныхъ избахъ, и кочюютъ гдѣ зиму гдѣ лѣто, и то слове́тъ Муганская степь, и на той степи никакого хлѣбнаго ни овощовъ ни лѣсовъ нѣтъ, толко норы змѣиные и мышьи; а къ Ардевилю итьти 3 дни горами, ту деревни есть и гостиные дворы. А Ардевиль посадъ, города нѣтъ, а рядами и гостиными дворы и посадомъ всѣмъ болши Шамахи и лутше, а все каменное, и лавокъ много, а гостиныхъ дворовъ много, и товаровъ всякихъ много, и овощовъ и рыбы привозятъ отъ моря изъ Гиляни и отъ Куры рѣки съ устья, что быть Русская семга красна, и таковъ же укусъ тотъ же. А въ Ардевилѣ Солтанъ да Дорога. И по конецъ майдану въ Ардевилѣ что бысть Руской монастырь строенъ и мечеть велика, а называютъ Шахъ-Софѣя, а строитъ самъ Шахъ, тутъ у него отецъ лежитъ и дѣдъ да сынъ его Диви-Мурза; а стѣны у монастыря и мечеть все каменное мурамленое, а тутъ живутъ Бусурманы съ Тезики, тѣ жъ люди не черницы; а у монастырской ограды многіе ворота, а у воротъ цѣпи желѣзные; и кто кого убьетъ или разбой сотворитъ, или долгу для, или отъ какихъ великихъ бѣдъ и отъ смерти и холопи отъ хозяевъ, то

тѣ люди всѣ тутъ убѣгаютъ, и за цѣпь ухватится руками и поцѣлуетъ и въ монастырь тотъ уйдетъ, тотъ человѣкъ никого не боится, и самъ Шахъ того ни казнитъ; а кормятъ ихъ вообще какъ въ Русскихъ монастыряхъ изъ одново котла изъ монастырскихъ доходовъ; изъ того монастыря выпускъ бываетъ, даютъ виноватыхъ на выкупъ, кому они надобны, только по томъ человѣкѣ вѣру емлютъ, что ихъ ни чемъ невредитъ и ни казнитъ. А къ монастырю придѣлана ограда каменная, и въ той оградѣ ряды стоятъ со всякимъ харчемъ и товаромъ, и воды текучіе приводные, а текутъ изъ трубъ мѣдныхъ, и стоятъ въ ерданяхъ каменныхъ. А большой у нихъ въ монастырѣ поставленъ отъ Шаха Тезикъ Бусурманъ, а зовутъ Матавелей, тотъ монастыремъ и монастырскимъ обиходомъ и казною и монастырскими людми владѣетъ, а называютъ его владыкою, и его приходящіи Бусурманы и туточные въ ногу цѣлуютъ. А у ограды надъ большими вороты бьютъ по литаврамъ и въ суренки играютъ по утру да къ обѣду да въ вечерѣ. А надъ Ардевилью посадомъ стоитъ гора добрѣ высока, а зовутъ Салаванъ, и на той горѣ снѣгъ лежитъ, и лѣтомъ несходитъ, а зима въ Ардевилѣ студена, и лѣтомъ студенѣе иныхъ мѣстъ.

И отъ Ардевиля въ Турьскую землю ходятъ же черезъ Тевризъ. Отъ Ардевиля до Халкала ходу 3 дни горами и ручьями нужно; а Халкалъ деревня велика, тутъ Ардевильскіе подводы перемѣняютъ, отъ Халкала день ходу до большіе горы, а гора добрѣ велика и высока каменная; и промежъ тое гору течетъ рѣка невелика порожиста, но ней ѣхать нельзя, а черезъ тое рѣку мостъ каменной великъ и высокъ отъ воды, а имя тое рѣки называютъ.... и того ходу черезъ рѣку по мосту съ горы на гору день ходу, а итить на коняхъ и на ослятахъ; а верблюжа ходу нѣтъ для безмѣрные высоты; и черезъ тое рѣку есть другая дорога ниже гора, и по той дорогѣ ходятъ и верблюды с нужею; и перешедъ тое рѣку ходу день до Зенга горами же исполога и ровнымъ мѣстомъ. А въ Зенгѣ городъ былъ великъ каменной да роспался, одна подошва знать, а нынѣ города нѣтъ, посадъ невеликъ, разореное мѣсто, и ряды есть, и гостиные дворы, а все каменное.

Отъ Зенга день ходу до Салтанѣй, а все итьти полями ровнымъ мѣстомъ между горъ; а Салтанѣя было царство древнее, и городъ былъ каменной добрѣ великъ, и въ томъ большомъ городѣ нутреняй городъ; а скажутъ, что въ томъ нутреномъ городѣ было болша 20 тысячь дворовъ, опричь болшаго города и посадовъ; нынѣ тотъ бол-

шой городъ разоренъ до основанія, а у нутренняго города толко одна стѣна да двѣ башни и ровъ, да врослъ; а теперь посадишко да ряды и гостиные дворы, а все каменное, и Царскова двора ворота и столбы каменные добрѣ высоки. Да в нутреннемъ же городѣ стоитъ мечеть каменная велика о многихъ верхахъ, а въ ней 4 притвора велики, однѣ стѣны сажень по 15 и больше, и въ одномъ притворѣ лежитъ Царь съ своимъ сыномъ того Царства Салтанунитъ; а сказываютъ, что то давное Царство было, да Шахъ его взялъ Соѳей, нынѣшнему шаху дѣдъ, лѣтъ не много болши ста; а у двухъ притворовъ, гдѣ Царь лежитъ съ своимъ сыномъ въ каменыхъ гробницахъ, рѣшетки мѣдные дѣланы яблоками болшими по мечю, и тѣ яблока золочены, и на нихъ рѣзаны травы и серебромъ навожены, и видѣти добрѣ хорошо, а высотою рѣшетки сажень по 10, а широки по 5 саженъ, а на рѣшеткахъ дверцы тоеже рѣшетки, а яблока въ дверцахъ поменьше; а сказываютъ, что тотъ Царь дань имѣлъ на Индѣйской земли, и тѣ рѣшетки взялъ за дань на Индѣйской земли за 7 лѣтъ; а ту мечеть строилъ тотъ Царь. А другая мечеть въ другомъ городѣ велика толко не высока, а в ней 51 столповъ каменныхъ. И про тѣ мечети писано ни въ похвалу ни въ славу, а знать, что бывало великое Царство, толко разорено, и иныхъ мечетей много; а стоитъ то Царство промежъ высокихъ горъ на ровномъ мѣстѣ, и рѣчка невелика течетъ, а то все воды копаны и вожены из горъ верстъ по 20 и больши, а вожены по подъземелью.

Отъ Салтанѣи подъ 3 дня ходу до Авгаря, итьти ровнымъ мѣстомъ промежъ горъ, и на дорогѣ течетъ рѣчька невелика коня въ бродъ по черево. А въ Авгарѣ посадъ, города нѣтъ, ряды и гостиные дворы, стройно мѣсто толко не велико, а все каменное, а харчю и овощевъ всякихъ много, и товары есть, округъ всего посаду сады. Отъ Авгаря два дни хода до Казбиня, а Казбинь посадъ болшой и славной и великъ, а города нѣтъ, и Шамахи и Ардевиля посадомъ и ряды и гостиными дворы и всѣмъ много больши, а въ Казбинѣ дворы Шаховы стройны, стоятъ болшими вороты на майданъ. А Майданъ въ Казбинѣ невеликъ и ровенъ весь, а около майдану рѣшетки древяные, и кругъ всего майдану ровъ, а въ немъ вода; на майдану всякіе томаши борцы борются, и куклы играютъ, и живые змѣи выпущаютъ, и в рукахъ носятъ, и по книгамъ волхвуютъ, и всякаго харчу и овощовъ на майданѣ продаютъ, и дѣтей учатъ грамотѣ на майданѣ. А рядовъ и гостиныхъ дворовъ много и всякихъ товаровъ и садовъ и лѣсъ саженый держать во дворѣхъ, то у нихъ честно, и тутъ въ

Казбинѣ кормятъ Шаховы звѣри слоны и бабры, а о бабрѣ писано ниже, каковъ бѣ.

А изъ Казбина ходъ есть же въ Турскую землю на Богдатъ. Отъ Казбина 5 дней ходу до Савы, все итить ровнымъ мѣстомъ промежъ горъ; а въ Савѣ посадъ не великъ, города нѣтъ, ряды и гостиные дворы всѣ каменные, а овощовъ всякихъ много. Отъ Савы до Кума 2 дни ходу ровнымъ мѣстомъ промежъ горъ; а въ Кумѣ городъ, толко худъ, здѣланъ изъ глины, что садовой заметъ, да башни, а съ приѣзду отъ Савы Шаховъ дворъ и гостиной Шаховъ дворъ, мѣсто стройно и ряды и гостиные дворы и товары есть, а овощовъ всякихъ много, и тутъ дѣлаютъ добрые сабли и латы и колчюги и всякое булатное дѣло, тутъ хлѣбъ добръ и вода студена. А изъ Кума ходятъ въ Индѣйское Царство на вьюкахъ и на верблюдахъ, и про тотъ ходъ писано ниже.

Здѣже писанъ ходъ въ Перское Царство въ Испаганъ. Отъ Кума ходу 2 дни до Кашани ровнымъ мѣстомъ промежъ горъ; а въ Кашанѣ городъ, толко худъ, а с приѣзду отъ Кума въ Кашанѣ Шаховъ майданъ и дворы Шаховы, а стоятъ вороты на майданъ, мѣсто велико и гостинныхъ дворовъ и товаровъ много, тутъ дѣлаютъ дороги Кашаньскіе и бархаты и Кизылбашскіе камочки, и овощовъ всякихъ много, а рыбъ ни какихъ нѣтъ. Отъ Кашани 2 дни ходу до Нетеньзя, а итить ровнымъ мѣстомъ промежъ горъ, и стоитъ на ровномъ же мѣстѣ; а на дорогѣ отъ Кашана до Нетензя середь степи стоитъ гора невысока кругла, с одну сторону песочна и съ другую каменна, и кругъ ее ходъ, а по верхнюю сторону подъ нею озеро солоное, и на ту гору сказываютъ никто несъходитъ, и тамъ незнаютъ, что есть на той горѣ; и сказываютъ Бусурманы, что многожды на тою гору ходили, да никто съ нее несойдетъ, тамъ дѣ на горѣ погибаютъ; а гора не велика и не высока, толко под нея ѣхати ужасно, а изъдали видится за два дни и болши с обоихъ сторонъ, и тое гору зовутъ невъсходимая. А въ Нетензѣ города нѣтъ, посадъ стоитъ въ буграхъ не великъ, и ряды плохи, а на дорогѣ противъ посаду гостинъ дворъ новой, а овощовъ всякихъ много; а надъ посадомъ гора добрѣ высока взошла, Шехо имянемъ, и на той горѣ стоитъ на верху мечеть каменная; а сказываютъ: что былъ Шахъ въ Нетеньзѣ и стоялъ на полѣ тѣшился, и на тое гору залетѣлъ у него кречатъ и убился, и Шахъ для того велѣлъ поставить мечеть надъ кречатомъ на славу себѣ; и всходу на ту гору мало, высока добрѣ, а стоитъ мечеть пуста. Отъ Нетензя три дни ходу до Испа-

гани все ровнымъ мѣстомъ межъ горъ, толко каменисто. И въ Испагань пришли 132 году Іюня въ 20 день; а Испагань стоитъ что въ рукавѣ промежъ высокихъ горъ на ровномъ мѣстѣ, а Испагань Царство Персицкое, настолной городъ, велико и стройно, толко городъ худъ, что заметъ кругъ садовъ, глиняной. А Царьскіе дворы стоятъ вороты на болшой майданъ, а ворота высоки и надъ вороты полаты писаны золотомъ, а полата стоитъ на полатѣ высоко въ три статьи, а все выписано золотомъ, а въ тѣ полаты приходятъ всякіе послы и купчины; а Шаховы полаты, въ коихъ самъ живетъ, отъ воротъ далече стоятъ въ садѣхъниски; а гдѣ Шаховы жены живутъ и того двора болшіе ворота на майданъ же, а тѣ ворота не высоки, а полаты въ коихъ живутъ, и тѣ полаты въ садѣхъ же отъ воротъ далече; а у обоихъ воротъ стоятъ беки да тюѳянчеи, а по Рускому дѣти боярскіе да стрѣльцы. А середи города и посадовъ майданъ великъ и широкъ, и около майдану ровъ покладенъ каменемъ, и въ рову кругъ всего майдану вода, а по обѣимъ концамъ майдану стоятъ по два столпа каменные высотою человѣка въ два. А на майданѣ противъ Шаховыхъ воротъ лѣжатъ пушки мѣдные и желѣзные, а пушки есть и болшіе, и лежатъ нестройно безъ станковъ и безъ колодъ, а иные пескомъ и землею изнабиты. А майданъ весь гладокъ и ровенъ, нарядной великъ добрѣ и широкъ; а около майдану ряды и каѳы и гостиные дворы и мечети, все каменное, а гостиныхъ дворовъ сказываютъ болши ста, а всѣ каменные, а у нихъ передъ анбары и въ анбарѣхъ писано разными красками всякіе травы и золотомъ; а торгуютъ на нихъ всякіе люди: Тезики, Индѣйцы, Турки, Арапы Ариянья, Аврамляне Жиды, Лязгинцы и всякіе люди. А съ конца майдану ворота высоки въ тынъчакъ, а надъ тѣми вороты высоко стоятъ часы; а гдѣ часы стоятъ, и то мѣсто выписано золотомъ и здѣлано стройно, а у часовъ мастеръ Руской, а тѣми вороты ходятъ въ тынчакъ; тутъ у нихъ болшой рядъ, великъ кабы у насъ суровской рядъ; и тутъ у нихъ всякими товары торгуютъ, и въ той тынчи и деньги дѣлаютъ; а въ ряду лавки каменные съ верхнеми анбары, и своды каменные, покрыты стройно, а передъ лавками и въ лавкахъ писано разными красками и золотомъ. У тынчи по обѣимъ концамъ ворота великіе и цѣпи желѣзные для конныхъ; а въ тынчи лавокъ опричь верхнихъ анбаровъ много, есть съ двѣсти; а посторонь рядъ, а въ томъ ряду дѣлаютъ всякое мѣдное дѣло, да въ томъ же ряду киндяки дѣлаютъ красятъ, а миткали привозятъ изъ Индѣи и изъ Арапъ; а рядъ каменной с верхними анбары и своды каменные, а лавокъ въ томъ ряду есть до четырехъ сотъ.

А исъ тынчи вытти на правой рукѣ мимо Шаховы ворота, и въ томъ ряду товары торгуютъ и бошмаки продаютъ, и сабли и шатры дѣлаютъ у Шаховыхъ воротъ; а рядъ и своды каменные и съ верхними анбары, а въ томъ ряду опричь верхнихъ анбаровъ есть до двою сотъ лавокъ; а промежъ тѣми ряды есть иной рядъ; а на другой сторонѣ майдану противъ тынчи рядъ каменной и своды каменные, а въ томъ ряду дѣлаютъ дѣ сундуки и всякое древяное дѣло рѣшетки, и книги пишутъ, и чернила и чернильницы продаютъ. А посередь того ряду строитъ шахъ болшую мечеть въ нову велику, а дѣлаютъ по 136 годъ, а величествомъ мечеть отъ болшихъ дверей длиною сажень съ восмъдесятъ, а поперегъ съ придѣлы того много болши, а камень дѣланъ рѣзной, и дѣломъ и каменемъ стройно, и воды въ ней, а не покрыта, уряжена что скверная невѣста, а ещё нездѣлана; а передъ мечетью надъ вороты и въ мечети выписано золотомъ, и тутъ передъ мечетью сѣдитъ ихъ болшой попъ, и судитъ мужей со женами, и распущаетъ ихъ, и грамоты распускные даетъ. Да того же ряду по другую сторону тое мечети рядъ, тутъ дѣлаютъ сѣдла, а лавокъ въ томъ ряду, опричь верхнихъ анбаровъ, есть съ девяносто. А по лѣвую сторону у тынчи противъ Шаховыхъ воротъ на другой сторонѣ майдану рядъ, и въ немъ торгуютъ всячиною и шолковое дѣло дѣлаютъ и бумагу бьютъ, а посереди того ряду противъ Шаховыхъ воротъ мечеть велика каменная, въ томъ ряду лавокъ есть съ двѣсте, а тѣ ряды около майдану. И позади тѣхъ рядовъ и посторонь иные ряды есть же и по кресцамъ, а всѣ каменные. А подле майданъ отъ тынчи отъ лѣвой руки и отъ правой по обѣ стороны подѣланы палаты каменные, а зовутъ каѳы, и выписаны красками съ золотомъ, а съ дву сторонъ каѳъ рѣшетки деревяные, куды Кизылбаши смотрятъ на игру но и денегъ недаютъ. А верхи у всѣхъ каѳъ выписаны красками съ золотомъ и во всѣхъ каѳахъ выше человѣка протянуто желѣзо волоченое и уплетено, и то сѣть или шахматная доска, и во всякой клѣткѣ поставлено по стопкѣ складной, а въ нихъ налито щербачья масла съ неѳтею, и тѣ склянки зажигаютъ съ масломъ по вечерамъ. Да въ каѳахъ же здѣланы ердани каменные с водою, и кругъ тѣхъ ерданей робята пляшутъ съ Индѣйскими звонцами, а иные бьютъ по бубнамъ и въ суреньки играютъ и въ сопѣлки, ребята всѣ молодые и хорошіе, а платы на нихъ и челмы и кушаки съ позолотомъ, а по поясу около гузна что боръ что хупавье. А на майданѣ торгуютъ всякими товары и мелочью и ветошью и всякіе овощи продаютъ: яблока, арбузы, дыни, груши,

огурцы, пары, нарыньжи, шапталу, лимоны свѣжіе, изюмъ, винные, кишмишь и всякой виноградъ, орѣхи грецкіе, ядра миндалные, и иные всякіе овощи; а хлѣбное: пшеницу, пшено, муку, просо, дрова и солому пшеничную, а сѣна нѣтъ во всѣй Шаховѣ земли, толко трава въ трубкахъ верчена, все продаютъ въ вѣсъ въ батманы дрова и траву и муку и пшеницу и мыло и всякіе овощи. Да тутъ же на майданѣ всякіе тамаши дѣлаютъ и костью играютъ въ братыняхъ, и землею и камышки разводятъ, и играютъ, и по книгамъ волхвуютъ, и абдалы разказываютъ, какъ ихъ клятые жили, и вѣру свою утверждаютъ, о нихъ же абдалѣхъ писано ниже. И по конецъ того же майдану у тыньчи на верхнихъ же анбарехъ выдѣлано, что великіе сараи и покрыты, а со всѣ стороны мало тутъ бьютъ Перъстіе люди по набатомъ, и по литаврамъ, и въ болшіе трубы, а трубятъ что коровы ревутъ, и въ суренки играютъ, то на правой рукѣ у тыньчи; а на лѣвой рукѣ тыньчи такой же сдѣланъ сарай, тутъ бьютъ въ 20 набатовъ и въ трубы трубятъ и въ суренъки играютъ Туръскіе люди, что взялъ шахъ въ Богдатѣ. А с мойдану еже вечеровъ людей со всѣми товары и съ харчемъ ссылаютъ, и майданъ чистятъ и равняютъ мелкимъ каменіемъ хрящемъ, и водою поливаютъ для лѣтного конскаго праху. И тутъ на майданъ Шахъ самъ выѣзжаетъ тѣшится мало не еже дней и въ каеы; а тѣши у него: пляшутъ предъ нимъ робята ис кабъ, а иные противъ его стоятъ на майданѣ со свѣчами восковыми, а свѣчи горятъ, и около всего майдану чираки горятъ съ нефтію, и тутъ тѣшится долго вечера, и стрѣляютъ порохомъ съ селитрою изъ писчей бумаги, а лѣтаютъ по майдану что змѣи; а Шахъ охочь и днемъ гуляти по майдану и по рядомъ не во многихъ людехъ, только предъ нимъ ходятъ скороходы съ батожьки, а иное безъ скороходовъ. А отъ болшого майдану отъ тынчи на лѣвую руку итить версты полторы, а итти все рядами каменными до старого майдану, а на старомъ майданѣ всякое хлѣбное и овощи и дрова продаютъ, а все въ вѣсъ, и всякіе тамаши дѣлаютъ, змѣи живые болшіе выпущаютъ, и волхвуютъ, и людей виноватыхъ казнятъ, брюхо порютъ, и кожи съ живыхъ здираютъ, и на уды мечютъ.

И 132 году Іюня въ 26 день Аббасъ шахъ шелъ отъ Турскаго города изъ под Богдата, городъ взявъ, и въ томъ же городѣ Исъпагани встрѣчали Шаха промежъ садовъ и Арменскихъ, и Жидовскихъ, и Авраамскихъ, и Тевризскихъ слободъ, а встрѣчали Шаха послы и купчины, да на встрѣчу же вышли изъ града всѣ люди съ женами и съ дѣтьми, весь народъ по статьямъ: Кизылбаши, Перси, Арменья

своимъ полкомъ съ женами и съ дѣтьми, Индѣйцы своимъ полкомъ, Жидовя своимъ полкомъ съ женами и съ дѣтьми, Аврамляне своимъ полкомъ, Кюрты своимъ полкомъ, а всѣ пѣши, блядьки своимъ полкомъ, вси на конехъ, а ѣздятъ баско и щапливо скороходы и зъ барсы, а платье носятъ чисто съ золотомъ, и кони держатъ быстрые, а ѣздятъ предъ самимъ Шахомъ, да перед нимъ же идучи пляшутъ робята каеинскіе, и въ ладони плещутъ, а пляшутъ съ звонцами Индѣйскими. А встрѣча была Шаху отъ болшаго майдану за пять верстъ, а дорога ѣхать промежъ сады, Жидовскіе и Арменскіе и Аврамскіе и Тевризскіе слободы, а сады Шаховы стройны, а тѣ сады до тѣхъ мѣстъ дошли, гдѣ самъ Шахъ живетъ; а у тѣхъ садовъ замѣты каменные, и ворота всѣ досчатыи по обѣ стороны садовъ, а ворота выписаны золотомъ, а на воротѣхъ полаты, и предъ полатами крыльца и всѣ выписаны золотомъ. И версты за двѣ отъ майдану промежъ тѣхъ же садовъ сдѣлана болшая ердань каменная, стоитъ полна воды, а середь ердани поставлена труба мѣдная стоячая, и изъ той трубы вода бываетъ въ верхъ изъ подъ земли выше человѣка. И пріѣхали на мостъ въ тѣхъ же садѣхъ, а тотъ мостъ чередъ рѣку Испаганку, а та рѣка невелика и мелка, человѣку и коню вбродъ, а прошла сквозь сады и слободы, а течетъ изъ горъ, а рыбы въ ней, что Русскіе подъязки, только укусъ свой, да и тѣхъ мало добрѣ, и опричь тое рыбы никакіе нѣтъ. А до того мосту недоѣхавъ, тутъ пошли промежъ сады отъ улицы концами въ поля. Слободы, а по ихъ жулфы: Арменская, Аврамьская, Жидовская, Тевризская, велики и людны, и у нихъ по своимъ вѣрамъ ставленые мечети. А черезъ рѣку мостъ каменной великъ и высокъ, а по обѣ стороны того мосту что городовая стѣна высока и толста, и на верхъ стѣнъ лѣствицы каменные, а сквозѣ стѣны ходъ, люди ходятъ, и отъ туду лѣствицы внизъ къ водѣ; а шириною тотъ мостъ широкъ саженъ съ сорокъ. И тутъ на стѣнахъ того мосту по обѣ стороны сидѣли жонъки и дѣвки ряда въ два или въ три въ то время, какъ Шахъ шелъ изъ подъ Багдата, и кричатъ всѣ, какъ мога, во весь голосъ, и руками бьютъ себя по губамъ, голосы раздваиваютъ; да тутъ же на верхъ мосту въ большіе трубы трубятъ и въ сурепьки играютъ и по литаврамъ и по набатамъ бьютъ, и всѣ люди и жонки и дѣвки и робята кричатъ да пляшутъ, какъ Шахъ шолъ; и тотъ крикъ страшно слышати, и не можно слова другъ съ другомъ премолвити, и тѣснота великая ѣхать и пѣшимъ иттить, другъ друга подавляютъ, и платье обдираютъ, и стремена отрываютъ, и пѣшихъ

топчютъ. А заповѣдь въ царствѣ такова: кто пойдетъ Шаха встрѣчать отъ семи лѣтъ да по осмьдесятъ лѣтъ мужскаго пола и женскаго, того казнятъ смертною казнею, брюхо порютъ. А отъ мосту ѣхать промежъ сады жъ дорога улицею широка, а въ сады ворота такъ же часты, и золотомъ писаны, и надъ вороты полаты и крыльца золотомъ же писаны, и поѣхали. По обѣимъ сторонамъ улицы стоятъ двѣ мечети каменные, а въ нихъ писано красками, а отъ правой руки изъ мечети вышли навстрѣчу ихъ мулны и кешиши, а по нашему попы, и вынесли что кіотъ, а въ ней кумиръ ихъ написанъ; и тутъ Шахъ прикладывался, а мулны и кешиши стоятъ и поютъ, а свѣчи у нихъ горятъ въ рукахъ высокіе, велики въ аршинъ и въ полтора, а одинъ конецъ у свѣчь тонокъ а другой толстъ, и всякими красками крашены красною, и зеленою, и лазоревою, и желтою, и бѣлою, а зажигаютъ ихъ съ тонкого конца. И противъ тое мечети на лѣвой рукѣ сада другая мечеть тоже каменная и красками выписана, а въ ней стоятъ на стѣнѣ 4 образа Русскіе: Рождество Христово да входъ во Іерусалимъ, а на другой сторонѣ стоятъ Преображеніе Господне да Богоявленіе, и подпись Русская, а писаны на краскахъ, а образы пядница, а стоятъ выше человѣка, какъ рукою досягнути, а сказываютъ что принесены отъ Грузинскіе земли; да въ той же мечети написанъ на дскѣ ихъ болванъ мужичей образъ, и тутъ лежатъ въ мечети шесты с прапоры, неприлѣняя къ тому, чтобы наши хоругви, коли о праздникахъ съ образы носятъ, и у нихъ тѣ шесты носятъ на ихъ праздники и передъ мертвыми, а шесты долги и тонки виноградные, длиною сажень есть по десяти, а какъ ихъ подымутъ такъ шесты изгибаются, а у нихъ у верху привязана тесьмица узка и тонка сажень съ пять до полушеста виситъ, а на верху шестовъ что ложицы, или что журавей носъ, железные, а на иныхъ шестахъ крыжи решетчатые и кумилы. А въ тѣхъ мечетяхъ живутъ и берегутъ Абдалы, и тѣ мечети стоятъ полы и ничего въ нихъ нѣтъ, только паникадила мѣдные, а дѣланы на свое дѣло, и головы змѣиные литы изъ мѣди. И тѣ Абдалы ходятъ по майдану, и по улицамъ, и по рядамъ, и разсказываютъ про житіе клятыхъ своихъ, какъ жили и скончалися; а ходятъ наги и босы, только закрываютъ у себя срамъ овчиною, и черезъ плечо носятъ овчину же шерстью въ верхъ, а на головѣ носятъ колпаки дурны, а въ рукахъ носятъ палицы и копья и топоры, а въ ушахъ каменье хрустали большіе, а образомъ страшны, что бешеные и дурны; днемъ ходятъ по майдану и по улицамъ, и мало ѣдятъ и пьютъ, а ночью

и чихирь пьють, и блудъ творять. И сія повѣсти конецъ, понеже бо не все исписати, что видѣли своима очама, то и написали.

Здѣ писано о праздникахъ бусурманскихъ въ Персицкой землѣ.

Первой у нихъ праздникъ годъ починаютъ мѣсяца Марта, какъ въ небе увидять младъ мѣсяцъ, и тотъ у нихъ праздникъ зовутъ байрамъ носурусъ, а по нашему новый годъ. А празднуютъ какъ новый мѣсяцъ увидять, и ту ночь всю не спять играютъ и въ трубы трубять и въ суреньки и по литаврамъ безпристани, а съ вечера во всѣхъ рядѣхъ лавки украсять, выбѣлять и выкрасять красками, и всякими цвѣты украсять, и на утро во всѣхъ лавкахъ и по домамъ свѣчи и свѣщники и съчираки исзасвѣтять, сколько кто можетъ, по 10 или по 20 и больши во всякой лавкѣ, и того свѣтять часа три, и свѣчи погасятся, и лавки и ряды запрутъ, и по домамъ разойдутся и не торгуютъ ни чемъ, токмо на майданѣ всякіе игры и тамаши дѣлаютъ, и красными яйцы бьются и въ рукахъ носять, и другъ у друга руки цѣлуютъ. А въ домѣхъ у себя въ полатѣхъ и въ садѣхъ выстелютъ коврами, и что у нихъ есть какова живота и платья, и то разстелютъ на ковры и по всему по тому валяются, и деньгами себя обсыпаютъ; а у кого невеликіе деньги, и онъ ихъ въ ханьянѣ пересыпаетъ безъпрестани, а говорять то, чтобъ де у насъ въ новой годъ на всякой день прибывало. А то попразднуютъ по три дни и въ трубы трубять, и въ суренъки играютъ, и по литаврамъ и по набатомъ бьютъ; тѣмъ они свои празднуютъ праздники играми, а въ мечетѣхъ никакого пѣнія нѣтъ, только взлѣзутъ на мечеть ихъ муллы да уши свои заложитъ пальцы, и голову закиня на небо, да кричатъ молитву по своей вѣрѣ, и того трое днемъ кричатъ съ утра да въ половину дня да въ вечерѣ.

А другой у нихъ праздникъ Іюнь мѣсяцъ, постятся всѣ, а постъ у нихъ таковъ: въ день не пьютъ и неѣдятъ, а какъ солнце зайдетъ, и они пьютъ и ѣдятъ мясо и всякой скоромъ, отъ мяса и отъ молока посту нѣтъ, а въ каѳахъ и на майданѣ играютъ и пляшутъ и всякіе томаши дѣлаютъ во всю ночь со свѣчи и свѣщники и счираки и съ женами; а и тотъ у нихъ постъ волной, кто хочетъ тотъ постится, а кто не хочетъ тотъ не поститься, а служивые люди непостятся; а постъ у нихъ толко одинъ во весь годъ. И какъ тотъ мѣсяцъ по небному пройдетъ, и усмотрять на небеси новой мѣсяцъ Августъ, и то у нихъ праздникъ байрамъ ромазанъ, и въ тотъ

праздникъ разговѣются, станутъ въ день ѣсти и пити; а противъ праздника во всю ночь не спятъ, станутъ с вечера въ трубы трубить и въ суреньки играть, и по литаврамъ и по набатомъ бьютъ, да тоже свѣчи въ рядахъ и въ лавкахъ и въ кавахъ и свѣщники и чираки исъзасвѣтятъ, и на майданѣ пляшутъ и въ ладони плещутъ, и всякіе тамаши дѣлаютъ, и яйца красные продаютъ, и въ рукахъ носятъ, и другъ у друга руки емлютъ да цѣлуютъ въ руки, и ничемъ неторгуютъ и ряды исъзапрутъ; а празднуютъ по три дни, тоже въ сурны и въ трубы трубятъ и въ набаты и по литаврамъ бьютъ.

Да того же Августа мѣсяца въ 15 день была у Шаха тамаша, а не праздникъ: собралися весь народъ на майданъ противъ шаховыхъ большихъ воротъ, а всѣ съ кувшины, и съ пѣялы, и съ чарки, и съ чаши; а самъ Шахъ на крыльцѣ, что надъ большими вороты, и съ нимъ послы и купчины; а передъ самыми вороты трубятъ въ большіе трубы, что волы ревутъ, и въ суренъки играютъ, и бьютъ по литаврамъ и по набатомъ; а люди на майданѣ всѣ пляшутъ и въ ладони плещутъ, и въ верхъ скачутъ. И какъ Шахъ отъ себя съ крыльца улилъ воды на землю и на людей; такъ всѣ люди почали передъ вороты и по всему майдану литися водою и въ воду другъ друга тоскати и грязью мазаться, чей кто ни есть, и ближнихъ шаховыхъ и всѣхъ грязью мазали, а Шахъ велитъ на ту тѣшъ всѣмъ людямъ быти въ лучшемъ платьѣ. И тою водою льются и грязью мажутся всѣхъ чиновъ люди часа съ два; а самъ Шахъ съ крыльца ту тѣшъ смотритъ, и то у него тѣшъ а не праздникъ.

А третій у нихъ праздникъ станутъ праздновати Сентября съ 1 числа по небесному, какъ новъ мѣсяцъ увидятъ, и празднуютъ 9 дней и въ 10 день новаго мѣсяца, а въ ту 10 дней водятъ верблюда, а тотъ у нихъ праздникъ байрамъ курбанъ. Выходятъ изъ царства на поле, а того верблюда въ ту 10 дней водятъ по майдану и по рядамъ и по всѣмъ улицамъ, а одѣтъ верблюдъ коврами да всякими цвѣты украшенъ, а предъ верблюдомъ ходятъ да въ суренъки играютъ да въ бубны бьютъ, а сторонніе люди и жонки и робята съ того верблюда шерсть щиплютъ на спасеніе себѣ. И какъ пріидетъ 10 число мѣсяца, и того верблюда поведутъ изъ города на поле, а предъ нимъ понесутъ копье и топоръ нарядные; да передъ верблюдомъ же, какъ его ведутъ на жертву, идетъ великой полкъ Испаганцевъ и всѣ съ вязьемъ и вопятъ всяко и во весь голосъ, что бѣшеные, а послѣ того полку идетъ другой полкъ съ вязьемъ же Тевризцы, и вопятъ тоже что бѣшеные

во весь голосъ, и всѣ люди идучи передъ верблюдомъ вопятъ, и тотъ людской крикъ и конское смѣшеніе страшно видѣти и слышати. И какъ того верблюда выведутъ на поле, а тамъ на полѣ мѣсто учинено, что гумно разчищено, и водою полито; и какъ поѣдетъ самъ Шахъ и съ нимъ всѣ ханы и султаны и ближніе шаховы люди, и всѣ служивые и послы и купчины, и всѣ люди съ женами и дѣтьми; и выѣдетъ Дорога, а по нашему городовой бояринъ, въ Испагани всякіе дѣла вѣдаетъ и суды судитъ и виноватыхъ казнитъ, тотъ былъ Грузинской царевичь; а за нимъ принесутъ на ратовищи на одномъ концѣ рогатина а на другомъ копье нарядное съ золотымъ яблокомъ, да топоръ нарядной; и того верблюда повалятъ на томъ уряженомъ мѣстѣ, и ноги у верблюда свяжутъ, а на ноги и на голову верблюду изсядутъ мясники съ ножи человѣкъ съ 30. А самъ Шахъ и вси люди къ верблюду съѣдутся и послы и купчины иныхъ государствъ, и самъ Шахъ сѣдя на конѣ станетъ говорить оату, а по нашему молитву, по своей вѣрѣ, и какъ молитву проговоритъ и рукою махнетъ Дорогѣ; и Дорога пріѣдетъ на конѣ къ верблюду и возметъ у носящаго копье и ударитъ верблюда копіемъ съ коня промежъ ребръ, а самъ прочь поѣдетъ, а копье въ немъ оставитъ; а Шахъ и всѣ его ближніе, послы и купчины и всѣ люди съ того мѣста скоро поѣдутъ и пѣшіе побѣжатъ, а тѣ мясники тотчасъ голову у верблюда отрѣжутъ, а его разсѣкутъ на жеребьи и понесутъ къ шахову двору. И какъ Шахъ поѣдетъ и всѣ люди, а ѣхать улицею межъ сады и мостомъ, что прежа сего писанъ; и тѣми улицы и мостомъ едва можно проѣхать отъ людскаго и отъ коньскаго утѣсненія; а на мосту на верху все сидятъ жонки во весь мостъ не въ одинъ рядъ, и вопятъ во весь голосъ, а руками бьютъ сами себя по губамъ, голосъ раздваиваютъ, и отъ того крику страшно слышати. И какъ пріѣхалъ Шахъ въ средніе сады и взошолъ на крыльцо надъ вороты, что въ саду, и съ нимъ ближніе его люди и послы и купчины; и голову верблюжью тутъ же привезли на лошади, и тое верблюжью голову предъ крыльцемъ предъ Шаховымъ на каменномъ мосту подняли мужики на рукахъ высоко, голову верблюжью, да о землю опустятъ, а сами мужики завопятъ, и того вздымали да опущали до пятья, и послѣ того подняли на плеча мужика и съ плечь на руки выше головъ своихъ, и держали его великое время; а Шахъ стоялъ въ крыльцѣ и молитву говорилъ по своей вѣрѣ, какъ мужика держали на рукахъ, и опустили его на землю. А голову верблюжью понесутъ на большой майданъ и ноги и мясо, и тамъ всѣ люди собе-

рутся на майданѣ, и тѣ полки станутъ съ вязьемъ по своимъ полкамъ, и станутъ битися о верблюжью голову Тевризцы съ Испаганцами и бьются великимъ боемъ на коняхъ и пѣшіе, до смерти убиваются, и который полкъ осилитъ и побьетъ, и тотъ полкъ и верблюжью голову возметъ, да и Шаху отнесутъ, и тотъ полкъ Шахъ пожалуетъ. А кто на тотъ бой нейдетъ, и про тѣхъ людей сказываютъ Дорогѣ, и тѣмъ людемъ Дорога чинитъ поученіе и заповѣди правитъ; или котораго мужа жена нейдетъ противъ Шаха навстрѣчу, и тѣмъ мужемъ поученіе дѣлаютъ и пѣню правятъ; а въ другіе непойдетъ мужъ или жена, и тѣхъ Дорога казнитъ. А того празднуютъ по три дни, ни дѣлаютъ ничего и не торгуютъ, и въ набаты бьютъ, и въ трубы трубятъ, и въ суренъки играютъ, и красные яйца продаютъ, и другъ у друга за руки емлютъ и цѣлуютъ, другъ у друга руки емлютъ. А тому празднику какъ пройдетъ недѣля, такъ во всю нощь въ набаты и по литаврамъ бьютъ, и въ суренъки играютъ, и въ трубы трубятъ до 5 часа дни; а въ мечетяхъ ничего не поютъ, и непразднуютъ никакъ опричь игоръ.

А четвертый у нихъ праздникъ байрамъ ошуръ, Ноября по небесному 1 числа да того же мѣсяца по 10 число: ходятъ по два мужика вмѣстѣ на многіе статьи, а сами ходятъ наги и босы, только в однихъ штанахъ, а вымазаны всѣ черною нефтью, и черны всѣ что Арапы, только однѣ зубы знать, а держатъ у себя по каменю въ рукахъ; а ходятъ по майдану и по улицамъ и по рядамъ и по дворамъ, и въ камешки бьютъ, а говорятъ *ксень ксень таусень*, а говорятъ то безъпрестани, и ходятъ до самого своего праздника 10 дней. А въ самый праздникъ ходятъ по майдану и по улицамъ, а носятъ гробы изукрашены мѣдью паздерою, и оловомъ, и стеклы; а предъ тѣми гробы на верблюдахъ ѣздятъ робята наги, и сидятъ головою къ хвосту, а вопятъ тоже *ксень*; да предъ гробами же носятъ долгіе шесты, что про нихъ выше сего писано; да предъ гробами же водятъ кони осѣдланы со всею збруею, и шеломъ и латы сагадакъ и сабля и копье носятъ; да два маненькихъ ѣздятъ на коняхъ наги, а тѣло у нихъ и голова и лицо все кровію вымазано, а на иной лошади ѣздитъ мужикъ нагъ, бораньею кожею сырою обволоченъ шерстью къ тѣлу а сырымъ вверхъ, да стрѣла продѣта сквозѣ кожу на хрѣптѣ; да предъ тѣми же гробами возятъ на ишакѣ наряднаго мужика сдѣланъ мѣхомъ, да набитъ соломой, и сагадакъ и стрѣлы сдѣланы изъ лучины, а на головѣ колпакъ съ кистью, а со сторонъ поддерживаютъ, чтобы не упалъ, и ему ругаются и плюютъ на него, а все

то на майданѣ, и всѣ люди съ женами и съ дѣтьми, а жонки плачють, а мужики и робята головы у себя кроютъ бритвами и на рукахъ и по подмышкамъ, и ходятъ кровавы, и на рукахъ и на грудѣхъ прорѣзываютъ, и мажутся кровью лицо и голову и руки; а того соломяннаго мужика вывезутъ на полѣ за городъ, и вынесутъ соломы и неѳти и неѳтію польютъ и сожгутъ, а сами вязьемъ бьются. А то они празднуютъ клятымъ своимъ, въ то время ихъ побили и Максемя; а что робята кровавы, то его дѣти, а что соломяной мужикъ, тотъ дѣ ихъ побилъ.

И всего въ Персидской землѣ 4 праздника, а что про ихъ писано; и то имъ не на славу, но на укоризну и поносъ и на пагубу имъ.

А во всякой недѣли празднуютъ день пятницу, въ тотъ день не торгуютъ и въ рядѣхъ не сидятъ, а сами противъ пятницы съ женами спятъ, а передъ свѣтомъ въ баняхъ моются, и на свѣту по утру въ пятницу ходятъ на кладбище, гдѣ мертвыя ихъ лежатъ, и тутъ надъ ними плачютъ; то у нихъ праздникъ, и имъ на укоризну а не въ похвалу.

А сказываютъ, что въ пятницу Бахметъ родился, того для и празднуютъ еженедѣльно, ему на вѣчный огнь и на безконечную муку и на поносъ и на укоризну.

А зима въ Персицкой землѣ невелика, орутъ землю и сѣютъ пшеницу и ячмень о Рождествѣ и о Крещеніи Христовѣ и о великомъ заговѣйнѣ; и послѣ того великимъ постомъ учнутъ снѣги перепадывать, ночью падетъ, а днемъ стаетъ, а на горахъ снѣгъ больши подетъ, а по полямъ нѣтъ, и того по Благовѣщеньевъ день; а земля немерзнетъ, а всякой скотъ овцы и коровы, и кони, и ишаки, и катары и буйволы всѣ на полѣ сыты бываютъ, сѣнъ неставятъ; а хлѣбъ поспѣваетъ, жнутъ на Георгіевъ день, а овощи преже того.

А другой хлѣбъ въ Испагани сѣютъ и поспѣваетъ на Успѣньевъ день; а не по всей земли хлѣбъ родится ровно: въ иномъ городѣ хлѣбъ жнутъ, а въ иномъ сѣютъ въ то время.

А въ Гилянской землѣ подле моря тутъ теплѣе иныхъ городовъ, цвѣты всякіе на великое заговѣйно поспѣваютъ, а хлѣбъ въ Гилянской земли въ Арабатѣ и въ Ишараѳѣ поспѣваетъ скорѣе, только нуженъ, люди съ него бѣсятся, и мѣсто нездорово; а лѣсовъ въ Гиляни подлѣ моря много, и рыба севрюжина и осетрина и бѣлужина. А опричь Гиляни во всей Шаховой землѣ никакихъ лѣсовъ нѣтъ, только горы, а водъ и рѣкъ никакихъ нѣтъ же, воды всѣ приводные изъ горъ, и по полямъ воды разводятъ, и тѣмъ напояютъ нивы; а дождей опричь Гилянской земли и Шамахи нѣтъ.

А платье Персы и Кизылбаши носятъ каэтаны озяиные киндячные и дорогильные и кутняные, а поясы кругъ себя носятъ великіе кушаки, а по верхъ кушаковъ шалы вишневы, а на головахъ челмы, на ногахъ чюлки да башмаки.

А жонки ходятъ закрывшеся въ тонкіе миткали, лицъ и глазъ невидать, а на ногахъ тѣже чюлки суконные и башмаки, а у иныхъ бархатные чюлки, а у тѣхъ жонокъ и у дѣвокъ штаны, а косы плетутъ долги до пояса и до пятъ, а плетутъ косы у иной двѣ и три и четыре, и вплетаютъ въ косы чужое волосье, тѣмъ ся красятъ, а въ ноздряхъ кольца золотые с каменіемъ и съ жемчюги, а исподнее платье каэтаны уски и пелки наги, а по грудямъ и около шеи и по тѣлу низанъ жемчюгъ на нитяхъ. А Персы и Кизылбаши зовутъ ся бусурманы; а женъ держать по двѣ и по три и по пяти и по семи, сколко кто хочетъ и сможетъ.

А что Аврамляне были у Шаха на встрѣчѣ, и тѣ Аврамляне образомъ смирны, бороды у всѣхъ велики, а волосомъ черны, а платье на себѣ носятъ широко, а цвѣтомъ кирпичнымъ на всѣхъ, а дѣлано изъ верблюжья волоса, а на головахъ носятъ челмы, а ноги босы, штаны носятъ всего до колѣна; а на женахъ платье желто, дѣлано изъ тое же верблюжьи шерсти. А сказываютъ что они вѣруютъ во Авраама, и зовутся Аврамляне; а кто у нихъ умретъ, и того мертвеца поставятъ у своей мечети и подопрутъ его вилами подъ горло, чтобъ не упалъ, и стоитъ по та мѣста, какъ прилѣтитъ птица и выклюнетъ глазъ; и буде выклюнетъ правой, тотъ у нихъ угодилъ тому, въ кого вѣруютъ, а лѣвой выклюнетъ тотъ неугодилъ; и ихъ хоронятъ въ землю.

А что въ Испагани Мултанѣи, а по нашему языку Индѣйцы, и у нихъ разные вѣры, иные держутъ бусурманскую, а иные вѣруютъ въ солнце; какъ солнце станетъ восходить такъ они солнцу молятся.

А у иныхъ Индѣйцевъ со лбу переносье у носа мажутъ желтою краскою; и тѣхъ Индѣйцевъ кто умретъ, и того вывозятъ за городъ и за посады на полѣ, и сожгутъ его на дровахъ, и пепелъ развѣютъ; а говорятъ тотъ де пошолъ на небо, а называются тѣ Индѣйцы христіанами. А платье всѣ Индѣйцы носятъ миткали бѣлые и челмы на головахъ бѣлые жъ, а родомъ не дородны, и лицемъ блѣдны и сухи и черноваты. А Жидовя платье носятъ вишнево на всѣхъ мужики и жонки, а по подолу кругомъ обложено, а на головахъ у иныхъ челмы, а у иныхъ шапки, что клобуки, а у женокъ на головахъ желтые большіе платы, а лицъ незакрываютъ; а родомъ плоски, бороды велики и ли-

цомъ чисты, то имъ на пагубу и на безконечную муку; а и въ Персицкомъ царствѣ ихъ не любятъ, побиваютъ ихъ и озлобляютъ, и называютъ ихъ Чюхутами, а иные Жугутами.

А что въ Казбинѣ звѣрь бабръ, и тотъ бабръ больши льва, шерстію глиннастъ, а шерсть низка, а по немъ полосы черны поперегъ, а губа что у кота, и прыскъ котовой, а самъ черевистъ, ноги коротки, а длиною дологъ, а голосомъ великъ и страшенъ, ногти что у льва.

И сія повѣсти до здѣ; здѣ же пишетъ о ходу изъ Шамахи въ Турскую землю.

Изъ Шамахи ходъ въ Турскую землю промежъ полдень и западъ, а ходятъ на верблюдахъ и на коняхъ и на ослятахъ на вьюкахъ; а итить отъ Шамаши три дни до Ряши ровнымъ мѣстомъ, а Ряшъ посадъ города нѣтъ; отъ Ряши день ходу до Геньжи ровнымъ мѣстомъ между горъ, а въ Геньжѣ города нѣтъ же посадъ, а близъ Геньжи подошла рѣка Кура; отъ Геньжи 6 дней ходу до Равана горами, а въ Раванѣ городъ каменной, стоитъ на ровномъ мѣстѣ надъ рѣкою надъ Зетичею, а широка рѣка человѣку каменемъ бросить. А отъ города Равана полдни ходу, тутъ стоятъ три церкви Арменскіе велики, и бывали стройны, и то мѣсто и Раванъ бывало Арменское царство, тотъ настолной городъ былъ, а церквами для того называемъ, что на нихъ кресты, а двѣ церкви стоятъ пусты, а въ третьей поютъ Арменья, а въ церкви образовъ никакихъ нѣтъ, только крестъ да образъ Пречистые Богородицы, и колоколъ есть невеликой, а звонятъ временемъ бояся Бусурманъ. Да надъ тѣмъ же городомъ Раванію на полдень стоитъ гора добрѣ высока и велика, а верхъ взошелъ что колпакъ, а Рускихъ верстъ до ней ходу отъ города Равана больши 10, а около тое горы сказываютъ ходу 5 дней, и на той горѣ лежитъ вѣковой снѣгъ зимою и лѣтомъ; а на ту гору восходу нѣтъ никому, а на той горѣ стоитъ Ноевъ ковчегъ, а Персы и Турки тое гору называютъ Султана—агры Тогорѣзовъ по ихъ, да они же зовутъ Башь — дакеми, а по нашему по Руски на верху горы ковчегъ, а у насъ тое гору зовутъ Араратъ.

Да отъ Генжи же на полъночь 2 дни ходу тамъ пошла Грузинская земля и посадъ Зегги; а въ Грузинской землѣ лѣсовъ много. Отъ Равана до Малазгирта 2 дни ходу, а итить ровнымъ мѣстомъ промѣжъ горъ, а Малазгиртъ стоитъ надъ рѣкою над Карсомъ, тутъ грань Шаховы земли отъ Турсково; а тѣ всѣ городы были Турскіе да Шахъ ихъ побралъ, коли Шамаху взялъ. И отъ тое грани отъ Ма-

лазгирта пошла Турская земля и до Турсково города до Изрюма 8 дней ходу, отъ Изрюма до Изрыяна 4 дни ходу, отъ Изрыяна до Карасара 2 дни ходу, отъ Карасара до Войлагора полъ дни ходу, отъ Войлагора до Токата 3 дни ходу, отъ Токата до Туркала день ходу, отъ Туркала до Амаса 3 дни ходу, отъ Амаса до самаго Царяграда 15 дней ходу. Сеже отъ Шамахи путь въ Царьградъ. А изъ Ардевиля изъ Шахова города ходятъ въ Турскую землю черезъ Тевризъ, а изъ Казвина изъ Шахова города ходятъ Турскую землю на Багдатъ и на Бясиръ.

А Богдатъ сказываютъ великое мѣсто и городъ каменной великъ, а подъ нимъ рѣка болши Москвы рѣки, а дворовъ жилыхъ и людей много, а иные дворы въ Богдатѣ были и до взятья Шахова пусты. А сказываютъ, что въ тотъ Богдатъ преселеніе было изъ перваго Вовилона; и тотъ нынѣ Богдатъ называютъ Вавилономъ Кизылбаши и Арменья. А предъ взятіемъ Богдату отъ Шаха во 131 году песокъ съ неба шолъ на хлѣбъ, и хлѣбъ пескомъ съ неба засыпало, а того песку пало въ половину колѣна. А отъ Богдата до Бясиря 6 дней ходу, а тотъ Бясирь Турской же городъ былъ, да взялъ его Карчегаханъ послѣ Багдатского взятія, и с ту сторону тотъ городъ Бясирь стала грань отъ Турского. А отъ Багдата и отъ Бясиря пошла Арапская земля кочевная, тамъ ихъ Бахметъ лежитъ въ Арапской землѣ, всего отъ Бясиря 3 дни ходу, тутъ его пропасть въ пустой мечети. А отъ Бясиря ходятъ въ Турскую землю въ Царьгородъ. А тѣ Арапы не черны, черны Арапы подъ Индѣею.

Здѣ писанъ ходъ изъ Перскіе земли въ Индѣю:

Изъ Шахова города изъ Кума ходъ въ Индѣйское царство, а ходятъ на вьюкахъ на верблюдахъ: отъ Кума 2 дни ходу до Ваирамѣя, отъ Ваирамѣя до Тайрани день ходу, отъ Тайрани до Ѳарабата 8 дней ходу, отъ Ѳарабата до Мешети 15 дней ходу, отъ Мешети да Кандагара 40 дней ходу. Тутъ была грань Индѣйская отъ Шаха, а тотъ городъ Кандагаръ взялъ Шахъ во 130 году, и тотъ городъ сталъ Шаховъ, а грань отъ Индѣи, а отъ того города Кандагари все итьтить на восходъ солнца.

А отъ Испагани ходъ во Индѣю на Кашанъ и на Кумъ, а и съ Кума на Ваиромея и писано про то по выше въ статьи. Да отъ Испагани же ходъ гдѣ корабли приходятъ бѣлымъ моремъ Немѣцкіе люди для торгу, а ходъ отъ Испагани на Ѳарабатъ: отъ Ѳарабата 15 дней ходу до Мешети, до Кандагари 40 дней ходу, а отъ Кандагари

ходу скажутъ дней съ сорокъ же до Бѣлаго моря правѣе восходу солнца. А на томъ Бѣломъ морѣ стоитъ городъ Урмузъ, и къ тому городу пристань корабельная, приходятъ Нѣмецкіе люди Аглинскіе и Ѳрянцовскіе, изъ того города Урмуза приходятъ на вьюкахъ на верблюдахъ чрезъ тѣ города, что про нихъ писано въ сей статьи; пріѣзжаютъ въ Испагань въ Персицкое царство Нѣмецкіе люди съ товары и съ ефимки для сырого шелку.

А былъ тотъ городъ Урмузъ Индѣйской, да взяли его Шахъ и Нѣмцы вмѣстѣ; а нынѣ сказываютъ, что тотъ городъ Урмузъ весь за Шахомъ.

А въ Персицкой землѣ пишутся грамоты по своимъ городамъ, отъ Шаха пишутъ золотомъ Божія милость, подъ тѣмъ оставя строки три и четыре, пишутъ титлу Государьская милость Абъбасъ Шахово величество то дѣло надъ Государи Государь, а потомъ пишутъ городъ, на которой посылаютъ въ Шамаху или въ Ардевиль или на иной городъ, Ардевильскому Султану Свирли или которому Хану вѣдалъ бы де, что въ ту пору посолъ или купчина Великаго Государя Владимірскаго, что надъ Государи Государь праведенъ и милостивъ, отъ Царьской милости да къ Царьской же милости билъ челомъ, тамъ дѣло пишутъ.

А всякіе письма и грамоты пишутъ противъ нашего писма въ лѣвую руку.

Взято изъ рукописи 1-й половины XVII вѣка.

Сообщ. Д. Ч. М. П. Погодинымъ.

СМѢСЬ.

СОСТАВЪ ЧИНОВЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ 1772 ГОДУ.

Находящимся при Университетѣ профессорамъ, докторамъ, магистрамъ, информаторамъ и студентамъ, также Надворному Совѣтнику, Ассесорамъ, канцелярскимъ и прочимъ служителямъ, и у порученныхъ разныхъ должностей изъ оставныхъ отъ воинской службы унтеръ офицерамъ и въ сторожамъ капраламъ и солдатамъ, въ силу полученнаго отъ Господина Тайнаго Совѣтника и Куратора Ивана Ивановича Мелиссино Апрѣля отъ 13 числа 1772 года ордера, для праздника Св. Пасхи на исправленіе ихъ нуждъ, и паче на заготовленіе, въ разсужденіи опасности наступающаго тогда теплаго времени по бывшимъ обстоятельствамъ, всякихъ необходимо потребныхъ въ содержаніи вещей и припасовъ, за Генварскую 1772 года треть Ея Императорскаго Величества денежное жалованье, по имянному блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елизаветъ Петровны Генваря 12 1755 и Правительствующаго Сената того жъ Генваря 17, и 1767 Сентября 3 чиселъ указамъ, по аппробованному проэкту и штату и по именнымъ же Ея Императорскаго Величества и Правительствующаго Сената Указомъ, и по ордерамъ Господъ Кураторовъ и кавалеровъ; Генерала Порутчика Шувалова, Тайнаго Совѣтника и Сенатора Адодурова, и бывшаго Тайнаго Совѣтника Веселовскаго и Тайнаго Совѣтника Мелиссино, и по заключеннымъ контрактамъ, изъ положенныхъ годовыхъ окладовъ, въ силу аппробованнаго о Университетѣ проэкта 2 пункта безъ вычету на гофшпиталь.

А именно Профессорамъ:

Филиппу Дилтею обоихъ правъ доктору, въ силу Имяннаго Ея Императорскаго Величества Марта отъ 9 числа 1766 года указа, по заключенному съ нимъ контракту и по ордеру выше объявленнаго Куратора Господина Адодурова 1768 Іюня отъ 19 дня, изъ семи сотъ, двѣсти тридцать три рубли тридцать три копѣйки съ четвертью.

Антону Барсову краснорѣчія Россійскаго языка, по штату и по ордеру бывшаго Куратора Тайнаго Совѣтника и кавалера Господина Веселовскаго 1761 года Генваря 21-го дня, изъ пяти сотъ, сто шестьдесятъ шесть рублей шестьдесятъ шесть коп. съ половиною

Профессору жъ математики Коллежскому Совѣтнику Юлію Росту, по ордеру онаго жъ Куратора Господина Веселовскаго 1761 года Іюня отъ

6-го числа, изъ пяти сотъ рублей, да за Аглинской классъ, вмѣсто котораго нынѣ обучаетъ эксперилинтальной физикѣ, изо ста рублей, и по ордеру Куратора Господина Адодурова 1766 года Августа отъ 23-го въ сходственность Имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго Повелѣнія, объявленнаго въ указѣ Правительствующаго Сената 1763 года Сентября отъ 23-го числа, къ онымъ производимымъ изъ двухъ сотъ, и того изъ осьмисотъ, двѣсти шесдесятъ шесть руб. шестьдесятъ шесть коп. съ половиною.

Іоганну Рейхилю Исторіи и Библіотекарю, по ордерамъ Господина Куратора Адодурова и по заключенному въ 1768 г. Марта 26-го, въ силу Правительствующаго Сената отъ 26-го Февраля 1767 года Указа, контракту, профессорскаго изъ пяти сотъ, и за должность при надзираніи Университетской Библіотеки изо ста, да по объявленному въ предложеніи Господина Статскаго Совѣтника и Директора, Марта 22-го дня 1771 года, Господина Куратора Мелиссинб опредѣленію, за должность Секретаря при Конференціи изо ста, и того изъ семи сотъ, двѣсти тридцать три руб. тритцать три копѣйки съ четвертью.

Профессору жъ и обѣихъ Гимназій Ректору и свободныхъ наукъ доктору Шадену, по ордерамъ Господина Куратора Адодурова, 1764 Іюля отъ 12-го и Августа отъ 4-го чиселъ, изъ семи сотъ, да за употребляемой въ споможеніи Профессору Аничкову въ испекторской должности трудъ, въ положенной по штату за инспекторскую должность окладъ изо ста руб. изъ половины пятидесяти руб., и того изъ семи сотъ пятидесяти, двѣсти пятьдесятъ рублей.

Карлу Генриху Лангеру профессору правъ, по ордеру онаго жъ Куратора Господина Адодурова, Ноября отъ 20-го дня 1868 года, изъ пяти сотъ пятидесяти, сто восемдесятъ три рубли тридцать три копѣйки съ съ четвертью.

Професоорамъ же и докторамъ медицины, по ордерамъ онагожъ Куратора Господина Адодурова:

Семену Зибелину, Февраля отъ 26-го 1769, изъ пяти сотъ рублей, да Ноября отъ 4-го числа 1770 года, за пользованіе Университетскихъ учениковъ и всѣхъ находящихся при ономъ чиновъ и служителей изъ ста руб., и того изъ шести сотъ, двѣсти рублей.

Петру Веніаминову, по оному жъ Февраля отъ 26-го числа ордеру, изъ пяти сотъ, сто шестьдесятъ шесть рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ съ половиною.

Профессорамъ же экстраординарнымъ и докторамъ юриспруденціи по ордерамъ онаго жъ Куратора Господина Адодурова, Іюля отъ 23-го и Августа 30-го 1767 и Августа отъ 31-го чиселъ 1769 годовъ.

Семену Десницкому и *Ивану Третьякову*: каждому изъ четырехъ сотъ двадцати, по сту по сороку, а обоимъ двѣсти восемьдесятъ рублей; да изъ нихъ же Десницкому, по выше означенному Господина Куратора Мелиссино опредѣленію, за обученіе Англійскаго языка изо ста, тридцать три рубли тридцать три копѣйки съ четвертью.

Исторіи Натуральной и земледѣлія Матвею Афонину, по ордеру онаго жъ Куратора 1769 года Декабря отъ 3-го числа, изъ четырехъ сотъ, сто тридцать три рубля тридцать три коп. съ четвертью.

Дмитрію Аничкову Философіи и свободныхъ наукъ, по Указу Правительствующаго Сената 1767, Сентября отъ 3-го и по ордеру онаго жъ Господина Куратора Адодурова того жъ Сентября отъ 10-го, изъ четырехъ сотъ, да за исправленіе подъ руководствомъ вышеобъявленнаго профессора Шадена инспекторской должности, изъ положеннаго по штату за ту должность оклада, изо ста рублей, за опредѣленіемъ оному Шадену пятидесяти рублей, изъ остальной половины изъ пятидесяти жъ, и того изъ четырехъ сотъ пятидесяти, сто пятьдесятъ рублей.

Магистру Голтергофу, за обученіе въ высшемъ Нѣмецкомъ классѣ стилю, по ордеру онаго жъ Куратора Адодурова 1769 года Февраля отъ 23-го и по заключенному того жъ года въ Мартѣ мѣсяцѣ контракту, изъ трехъ сотъ пятидесяти, сто шестнадцать рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ съ половиною.

Лектору Французскаго языка Десентъ Никола, изъ того жъ оклада, что производилось и бывшему лектору Делавіи по ордерамъ Г-на Куратора Адодурова Марта 2-го 1765 и Іюня 17-го чиселъ 1768 годовъ, изъ трехъ сотъ пятидесяти, сто шестнадцать рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ съ половиною.

Медицины Кандидату Ивану Сибирскому, по вышеобъявленному Г. Куратора Мелиссино опредѣленію, за преподованіе имъ Сибирскимъ лекцій студентамъ медицинскаго факультета изъ дву сотъ, шестьдесятъ шесть руб. шестьдесятъ шесть копѣекъ съ половиною.

Магистрамъ:

Іогану Урбинскому за высшней Латинскій классъ и за надзираніе за казенными студентами и учениками въ репетиціи, по заключенному Кураторомъ Адодуровымъ Декабря 8-го числа 1764 года контракту, изъ дву сотъ пятидесяти, восемдесятъ три руб. тридцать три копѣйки съ четвертью.

Іосифу Котти, по извѣстію Университетской Конференціи 1765 года Генваря отъ 10-го и по ордеру Г. Куратора Адодурова 1766 г. Августа отъ 23-го и по заключенному съ нимъ Сентября съ 1-го контракту, за обученіе Фран-

цузскаго синтактическаго класса до обѣда, да вышняго Италіанскаго языка стиля послѣ обѣда, за каждый классъ по двѣсти по пятидетяти рублей, и того изъ пяти сотъ, сто шестьдесятъ шесть рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ съ половиною.

Информаторамъ:

Пфундгеллеру, за синтактической Нѣмецкой классъ по Указу Правительствующаго Сената 1763 года Августа отъ 9-го, изъ двухъ сотъ рублей, да по ордеру Куратора Г. Адодурова 1770 года, Іюня отъ 21-го числа, къ онымъ двумъ стамъ изъ пятидесяти, и того изъ двухъ сотъ пятидесяти, восемдесятъ три рубля тридцать три копѣйки съ четвертью.

По оному жъ Августа отъ 9 числа указу *Климу Яновскому* за музыкальный классъ, изъ шестидесяти, двадцать рублей.

Іогану Вегнеру за низшій Нѣмецкій классъ изъ семидесяти, да по ордеру Куратора Г. Адодурова 1765 г. Сентября отъ 29-го числа въ прибавокъ къ онымъ изъ тридцати, и того изо ста десяти, тридцать шесть рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ съ половиною.

Вуколу Федотову за обученіе Россійскаго грамматическаго класса, по опредѣленію Г. Куратора Мелиссино, кое объявлено въ предложеніи Статскаго Совѣтника и онаго Университета Директора Августа 25-го числа 1771 г. изо ста шестидесяти пяти, пятьдесятъ пять рублей.

Іогану Рехту за обученіе въ обоихъ гимназіяхъ чистому письму Нѣмецкому и Латинскому, по ордеру Г. Куратора Адодурова 1765 Ноября 28-го, изъ двухъ сотъ пятидесяти, да по опредѣленію Г. Куратора Мелиссино, кое объявлено въ предложеніи онаго жъ Статскаго Совѣтника и Директора Апрѣля отъ 30-го дня 1771 г. за обученіе имъ Рехтомъ чистому Французскому письму, чему обучалъ бывшій учитель Баналь и производилось ему и за обученіе французскому языку, по ордеру Куратора Г. Адодурова 1788 г. Іюля отъ 9-го въ годъ по двѣсти по пятидесяти, изъ пятидесяти, и того изъ трехъ сотъ, сто рублей.

Графу Пинжету за Французскій грамматическій классъ по ордеру Куратора Г. Мелиссино 1771 года Апрѣля 28-го, изъ двухъ сотъ пятидесяти, восемдесятъ три три рубли тридцать три копѣйки съ четвертью.

Якову Колоколову за нижней Латинской классъ, по ордеру Г. Куратора Адодурова 1765 г. Сентября отъ 29-го числа, что получалъ и бывшей того класса учитель Андрей Протопоповъ, изо ста двадцати, сорокъ рублей.

Михаилу Некрасову за нижней рисовальной классъ, по ордеру Г. Куратора Шувалова 1758 Іюня отъ 29-го, изо ста пятидесяти, дятьдесятъ руб.

Ивану Фрязину за Латинской граматической классъ, по ордеру Куратора Господина Адодурова Сентября отъ 39-го 1765, изо ста тридцати пяти,

ф по опредѣленію Г. Куратора Мелиссино, объявленному въ предложеніи Статскаго Совѣтника и Университета Директора Августа отъ 25-го 1771 г. за его прилежное и порядочное обученіе онаго класса, изъ шестидесяти пяти, и того изъ двухъ сотъ, шестьдесятъ шесть руб. шестьдесятъ шесть коп. съ половиною.

Ильѣ Грачевскому за Латинской синтактической классъ и Греческой этимолотической по ордеру онагожъ Куратора Г. Адодурова 1770 г. Іюня отъ 21-го числа, изъ двухъ сотъ, шестьдесятъ шесть рублей шесдесятъ шесть копѣекъ съ половиною.

Ивану Дроссарту за поправленіе, чищеніе и пріуготовленіе физическихъ, математическихъ и прочихъ инструментовъ, и за содержаніе оныхъ въ чистотѣ, по заключенному въ силу ордеровъ Г. Куратора Адодурова въ 1767 Ноября 1-го контракту, изо ста, да по ордеру Куратора Г. Мелиссино 1771 г. Іюля 26-го числа за обученіе, такъ какъ и у машиниста Демулина было, двухъ учениковъ, и за завоженіе и починку казенныхъ стѣнныхъ четырехъ часовъ, изъ прибавочныхъ къ онымъ за сію излишнюю должность изо ста, и того изъ двухъ сотъ, шестьдесятъ шесть руб. шестьдесятъ шесть копѣекъ съ половиною.

Лаборанту Іогану Адольфу Андреасу, по указу Правительствующаго Сената 1763 г. Августа отъ 18-го числа, что получалъ и прежній Лаборантъ Шлиттеръ, изъ двухъ сотъ десяти, семдесятъ рублей.

Прозектору Франциску Керестурію, по заключенному въ силу ордера Г. Куратора Адодурова 1768 Февраля отъ 12-го въ томъ же Февралѣ 25-го числъ контракту, изъ двухъ сотъ пятидесяти, восемдесятъ три рубля тридцать три коп. съ четвертью.

Фехтмейстеру Григорью Постьникову, по ордеру Куратора Г. Шувалова Декабря отъ 27-го числа 1761 года, изъ шестидесяти, двадцать рублей.

Григорью Заварицкому, за обученіе нижняго Французскаго класса, по ордеру Г. Куратора Адодурова 1765 г. Сентября отъ 29-го, что получалъ и Информаторъ Орловъ, и по заключенному съ нимъ Заварицкимъ въ 1767 г. Ноября 17-го числа контракту, изо ста двадцати, сорокъ рублей.

Харитону Чеботареву, за обученіе исторіи и географіи, по ордерамъ Г. Куратора Адодурова 1765 г. Сентября отъ 29-го и 1767 год. Апрѣля отъ 3-го числа, изо ста тридцати пяти, да въ силу протокола, подписаннаго имъ же Г. Кураторомъ въ Университетской Конференціи Генваря 14-го дня 1766 года, за должность при библіотекѣ изъ двадцати пяти, и того изо ста шестидесяти, пятьдесятъ три рубли тридцать три копѣйки съ четвертью.

Алексѣю Некрасову, за ариѳметическій классъ, по ордерамъ онаго жъ Г. Куратора Адодурова 1765 Сентября отъ 29-го и 1769 годовъ Декабря отъ 7-го чиселъ, изо ста сорока, сорокъ шесть рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ съ половиною.

Сергѣю Иванову, за нижней Латинской разночинской классъ, въ силу объявленнаго изъ Университетской Конференціи въ сообщеніи подписанномъ при притутствіи Г. Куратора Мелиссино Генваря 7-го дня 1772 года опредѣленію, изо ста тридцати, сорокъ три рубли тридцать три копѣйки съ четвертью.

Ивану Гаврилову, за Нѣмецкій грамматическій классъ, въ силу ордеровъ Г. Куратора Ададурова 1766 Генваря отъ 21-го и 1769 годовъ Декабря отъ 7-го чиселъ, изо ста тридцати, что получалъ за тотъ классъ и показанной учитель Сергей Ивановъ, съ опредѣленія ево Гаврилова въ Университетской Конференціи въ оной классъ учителемъ, Генваря съ 7-го числа, и того за три мѣсяца и за двадцать за пять дней, сорокъ одинъ рубль двадцать одна коп. три четверти.

Андрею Рогову, за вышней математической, да *Ильѣ Илимову* за фортификаціонной классы и за обученіе Россійскому языку, по ордерамъ онаго жъ Г. Куратора Адодурова Сентября отъ 20-го 1767 г. изо ста тридцати пяти, да Сентября отъ 14-го 1768 и Декабря отъ 7-го числа 1768 годовъ изъ тридцати, и того каждому изо ста шестидесяти пяти, по пятидесяти по пяти рублей, да по опредѣленію Куратора Г. Мелиссино, объявленному въ предложеніи Статскаго Совѣтника и Директора 1771 г. Августа отъ 25-го числа, за прилежное ими обученіе показанныхъ классовъ къ оному окладу прибавочныхъ въ годъ каждому изъ тридцати пяти, и того изъ двухъ сотъ, каждому по шестидесяти по шести рублей по шестидесяти по шести копѣекъ съ половиною, а обоимъ сто тридцать три рубли тридцать три копѣйки.

Семену Игнатьеву, за вышней рисовальной классъ, по ордеру Г. Куратора Адодурова 1770 года Апрѣля отъ 23-го числа, что получалъ и прежній учитель Шуговъ, изо ста двадцати, сорокъ рублей.

Живописцу Ивану Герасимову, по ордеру Г. Куратора Мелиссино Іюля отъ 4-го числа 1771 г., за обученіе учениковъ рисованью, изъ пятидесяти, шестнадцать рублей шестьдесятъ шесть коп. съ половиною.

Алексѣю Мартову, изъ прежняго его студентскаго по штату оклада изъ сорока рублей, да изъ прибавочныхъ къ тому за обученіе класса гражданской ариѳметики, по опредѣленію Г. Куратора Мелиссино объявленному въ предложеніи Статскаго Совѣтника и Университета Директора 1771 г. Марта 25-го чис. изъ тридцати, и того изъ семидесяти рублей, Марта по 14-е число четырнадцать рублей десять копѣекъ съ четвертью, да съ опредѣленія его въ оной ариѳметическій классъ информаторомъ того Марта съ 14-го, въ силу ордера Куратора Мелиссино Апрѣля 1-го дня, изъ того жъ оклада, что и преждебывшему до него учителю Федотову производилось по ордеру Куратора Адодурова 1765 г. Сентября отъ 29-го, изо ста тридцати руб. семнадцать рублей восемь коп. три четверти, и того тридцать одинъ руб. девятнадцать копѣекъ.

Да по опредѣленію онаго жъ Г. Куратора Мелиссино, объявленному въ предложеніи Статскаго Совѣтника и онаго Университета Директора 1771 года Авгута 25-го числа.

Студентамъ:

Леонтью Переплетчикову, за вспоможеніе учителю Алексѣю Некрасову въ обученіи нижняго ариѳметическаго класса, сверхъ пансіонерскаго содержанія изъ тридцати, десять рублей.

Стахію Винчевскому, студентскаго изъ сорока тринадцать руб. тридцать три копѣйки съ четвертью, да за исправленіе имъ въ Университетской Конференціи письменной должности изъ двадцати пяти руб., что получалъ и Студентъ Борзовъ, съ опредѣленія его Винчевскаго въ оной Конференціи при присутствіи Г. Куратора Мелиссино Марта съ 7-го числа 1772 года, за мѣсяцъ и за двадцать пять дней три рубля семдесятъ шесть копѣекъ, и того семнадцать рублей девять копѣекъ съ четвертью.

Студентамъ жъ:

По штату и по ордерамъ Гг. Кураторовъ, изъ ординарнаго въ годъ сорока рублей оклада, по тринадцати рублей по тридцати но три копѣйки съ четвертью каждому: Евгенію Сырейщикову, Алексѣю Попову, Александръ Немятову, Тимоѳею Захарьину, Андрею Костровскому, Якову Нарцискину, Михайлу Ливанову, Василью Юдинскому, Григорью Галичю, Семену Безпалову, Ивану Черепанову, Матвѣю Соколову, Дмитрію Иванову, Василью Ключареву, Григорью Казарцеву, Петру Анитову, Ивану Орлову, Дмитрію Филипову, Ивану Михайлову, Павлу Брыкину, Никифору Озерову. Да включеннымъ въ штатное число въ тридцать человѣкъ Марта съ 14-го 1772 г. изъ сорока жъ руб. каждому, на мѣсяцъ и на осмнадцать дней, по пяти рублей по шестнадцати копѣекъ: Василью Некрасову, Алексѣю Сапожникову, Федору Сапожникову, Максиму Сапожникову, Павлу Дембовскому, Никитѣ Рожешникову и Степану Еремьеву.

Надворному Совѣтнику Антону Тейльсу, по ордерамъ Г. Кураторовъ и кавалеровъ бывшаго Генералъ-Маіора Веселовскаго 1761 Марта 29-го изъ трехъ сотъ рублей, Тайнаго Совѣтника и Сенатора Адодурова 1764 г. сен 13-го числа въ силу конфирмованныхъ Ея Императорскаго Величества въ 1763 г. Декабря 15-го дня присутственнымъ мѣстамъ вновь штатовъ, по Московскому Асессорскому окладу, въ прибавокъ къ онымъ тремъ стамъ изъ семидесяти пяти, и того изъ трехъ сотъ семидесяти пяти, сто двадцать пять рублей.

Коллежскимъ Ассесорамъ:

Семену Жегулину, по имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему указу, объявленному въ указѣ жъ Правительствующаго Сената Іюня отъ 20-го д. 1763 г. изъ шести сотъ, сто шесдесятъ шесть рублей шестьдесятъ шесть коп. съ половиною.

Фонъ Граку, по Указу Правительствующаго Сената Декабря 21-го д. 1764 г. изъ положеннаго по вышеупомянутымъ же конфирмованнымъ Декабря 15-го 1763 г. штатамъ, изъ трехъ сотъ семидесяти пяти, сто двацать пять руб.

Секундъ Маіору Федору Лобкову, въ силу ордера Г. Куратора Мелиссино 1771 г. Апрѣля 25-го дня, изъ двухъ сотъ, шестьдесятъ шесть рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ съ половиною.

Да по ордерамъ вышеобъявленнаго Г. Куратора и кавалера Адодурова въ силу упомянутыхъ же конфирмованныхъ штатовъ, Коллежскимъ же Ассесорамъ Апрѣля отъ 3-го 1768 года, изъ трехъ сотъ семидесяти пяти, по сту по двадцати по пяти руб. каждому *Герману Гинцелю*, *Ивану Татаринову*.

Въ секретарской должности Титулярному Совѣтнику *Алексѣю Лихареву*, 1764 г. Декабря отъ 13-го, изъ трехъ сотъ семидесяти пяти, сто двадцать пять рублей.

Провинціальному Секретарю Василью Малѣеву, по ордеру онаго жъ Г. Куратора Адодурова 1768 г. Марта отъ 20-го дня, изъ двухъ сотъ двадцати пяти, семдесятъ пять рублей

Коллежскому Регистратору Михаилу Замятнину, по опредѣленію канцеляріи Университета Маія 1-го числа 1771 года, въ силу ордера Г. Куратора Мелиссино Декабря отъ 24-го 1771 г. изо ста пятидесяти, пятьдесятъ руб.

Канцеляристу Михаилу Жегулину, въ силу Ордеровъ означеннаго жъ Г. Куратора Адодурова 1768 года Іюня отъ 19 и Іюня отъ 31-го чиселъ, изо ста пятидесяти, пятьдесятъ рублей.

Подканцеляристу Григорью Лазареву, въ силу ордера онаго жъ Г. Куратора Адодурова 1768 Декабря отъ 1-го и по опредѣленіямъ канцеляріи Университета по 1-му Сентября 4-го 1769 по 2-му 1771 Августа 19 чиселъ, изъ семидесяти пяти, двадцать пять рублей.

Копіисту Ивану Перелывкину, по опредѣленію канцеляріи Университета учиненному по предложенію Статскаго Совѣтника и Университета Директора, и по сообщенію изъ Конференціи Университетской, бывшей въ присутствіи Г. Тайнаго Совѣтника и Куратора Мелиссино Февраля 1-го числа 1772 года, изъ шестидесяти, пятнадцать рублей.

Казначею Провинціальному Секретарю Ивану Перелывкину по ордерамъ онаго жъ Господина Куратора Адодурова 1764 Декабря отъ 13-го и 1770 годовъ Февраля отъ 4-го чиселъ, изъ двухъ сотъ двадцати пяти, семдесятъ пять руб.

Штабъ Лекарю Андреяну Татаринову, по указу Правительствующаго Сената конторы Іюля отъ 17-го числа 1763 года, по назначенному въ медицинскомъ планѣ Штабъ лекарямъ нижнему окладу, изъ четырехъ сотъ, сто тридцать три руб. тридцать три коп. съ четвертью.

Находящимся при дежурствѣ и у смотрѣнія въ классахъ надъ учениками.

Титулярному Совѣтнику Александръ Перепечину, по Указу Правительствующаго Сената 1764 года Іюля 2-го, по прежнему его подпоруческому окладу, изо ста рублей, да по ордеру Г. Куратора Мелиссино Августа отъ 13-го числа 1771 года, изъ прибавочныхъ къ онымъ пятидесяти рублей, и того изо-ста пятидесяти, пятьдесятъ рублей.

Подпоручику Козьмѣ Прыткову, по ордерамъ Г. Кураторовъ Шувалова 1759 и вышеписсанаго Мелиссино 1771 года Августа отъ 13 числа, изо ста пятидесяти, пятьдесятъ руб.

Педѣлю Сергею Петрову, по приказаніямъ Гг. Кураторовъ Адодурова и Мелиссино, записаннымъ въ опредѣленіяхъ Университетской канцеляріи 1764 г. Октября 10, изъ сорока рублей, 1771 г. Маія 1-го, изъ прибавачныхъ къ онымъ двадцати руб. итого изъ шестидесяти, двадцать руб.

Цырульнику Сергею Сандунову по ордерамъ бывшаго Куратора и кавалера Г. Веселовскаго Генваря 21-го дня 1761 года и Г. Куратора жъ Мелиссино Маія отъ 13-го 1771 г. изъ сорока осми, шестнадцать руб.

Находящемуся при столахъ Университетскихъ пансіонеровъ Тафельдекарю Петру Архарову, по ордеру Г. Тайного Совѣтника, Сенатора Куратора и кавалера Василья Евдокимовича Адодурова Декабря отъ 28-го 1766 г. изъ шестидесяти рублей, да изъ прибавочныхъ въ силу ордера вышупомянутаго Г. Куратора Мелиссино 1771 г. Марта отъ 26 числа, за излишней ево Архарова въ пріемѣ и употребленіи въ кушаньѣ пансіонерамъ Университетскимъ столовыхъ припасовъ трудъ, изъ сорока, итого изо ста, тридцать три рубля тридцать три копѣйки съ четвертью.

Выдача отъ 6-го Маія 1772 года.

Господину Тайному Совѣтнику и Императорскаго Московскаго Университета Куратору, и Господину Статскому Совѣтнику, онаго жъ Университета Директору, за Генварскую 1772 года треть заслуженнаго Ея Императорскаго Величества жалованья, изъ положенныхъ по имянным Ея Императорскаго Величества 1771 Генваря отъ 10-го и Апрѣля отъ 20-го чиселъ высочайшимъ указамъ годовыхъ окладовъ изъ особопринятой изъ Московской Рентереи суммы, въ силу Университетскаго проэкта 2 пункта безъ вычету на Гофшпиталь.

А именно:

Тайному Совѣтнику и куратору Ивану Ивановичю Мелиссино, по штатамъ президентскаго изъ тысячи осмисотъ семидесяти пяти, шестьсотъ двадцать пять рублей.

Статскому Совѣтнику и Директору Михайлѣ Васильевичу Приклонскому недостающее противъ положеннаго въ Университетѣ по штату Директорскаго оклада въ число тысячи рублей, изъ пятисотъ, стошестдесятъ шесть рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ съ половиною, да изъ Университетской суммы изъ положенныхъ по штату Директору пятисотъ, сто шестьдесятъ шесть рублей шестдесятъ шесть копѣекъ съ половиною, и того триста тридцать три рубли тридцать три копѣйки.

Находящемуся при Университетѣ Катехизатору, Архангельскаго собора протопопу Петру Алексѣеву, удержанное выдачею до разсмотрѣнія отпечатанной въ Университетской Типографіи подъ корректурою ево на четырехъ языкахъ, съ сочиненными имъ ремарками, подъ титуломъ православное исповѣданіе вѣры, книгѣ, заслуженное имъ Алексѣвымъ за прошлыя 1770, 1771 и 1772 года за Генварскую треть жалованье, положенное по ордерамъ Господина Генерала Поручика Куратора и Кавалера Шувалова 1759 Маія отъ 3-го и 1760 годовъ Октебря 2 чиселъ, по сту по пятидесяти рублей на годъ, и того на счетъ оныхъ годовъ триста пятдесятъ рублей.

Находящимся при Г. Тайномъ Совѣтникѣ, Сенаторѣ, Кураторѣ и кавалерѣ Адодуровѣ для исправленія по Университету письменныхъ дѣлъ Городовымъ Секретаремъ Федоромъ Древасомъ на Генварскую 1772 года треть жалованье изъ положеннаго ему, въ силу онаго Г. Куратора и кавалера Февраля отъ 14 числа 1771 года ордера, и учиненнаго въ канцѣляріи Университета опредѣленія, по Университетскому штату при Кураторахъ Секретарямъ годоваго оклада, изъ двухъ сотъ пятидесяти рублей, для переводу къ нему Древасому книгопродавцу Вѣверу на вексель восемдесятъ три рубли тридцать три копѣйки съ четвертью.

=

ПРИХОДЪ ЧЮДОТВОРНАГО НИКОЛИНА ОБРАЗЪ ЗАРАЙСКАГО ИЖЕ БЕ ИЗ КОРСУНЯ ГРАДА В ПРЕДѢЛЫ РЕЗАНСКІЕ КО КНЯЗЮ ѲЕДОРУ ЮРЬЕВИЧЮ РЕЗАНСКОМУ ВО ѲТОРОЕ. ЛѢТО ПО КАЛСКОМЪ ПОБОИЩѢ.

В лѣто ҂ѕѱлг при Великомъ Князѣ Георіи Всеволодича Владимерскаго и при Великомъ Князѣ Ярославѣ Всеволодичѣ Наугородскомъ и сынѣ его Александрѣ Невскомъ и при Резанскомъ Великомъ Князѣ Юрьѣ Ингоревичѣ, принесенъ бысть чюдотворный Николинъ образъ Зараской, изъ преименитого града Корсуня, в предѣлы Резанскіе, во область Князя Федора Юрьевича Резанского, а стоялъ чудотворны Николинъ образъ во градѣ Херсони посреди града, гдѣ стоитъ церковь Апостола Іякова брата Богословля, а у сего Апостола Іякова крестися Великій Князь Владимеръ Святославичь всеа Руси Самодержецъ, а полата была красная болшая у чюдотворцова храма сзади алтаря и гдѣ же Цари Гречестіи веселяшася Василей и Костянтинъ, сіи бо цари даша сестру свою Анну царевну за Великаго Князя Владимера Святославича Кіевскаго и прислаша ю во градъ Корсунь. Благовѣрная жъ царевна Анна не сотщася брака со Владимеромъ Святославичемъ, и умоли его быти Християнина. Великій же Князь Владимиръ Святославичь послуша совѣта православной царицы невѣсты своеа, и призва Епископа Анастасіа Корсунскаго, и веля собѣ просвятить ствятымъ крещеніемъ; и по Божію строенію в се время разболися Владимеръ очима и не видяше ни чтоже; Епископъ же Анастасій с попы царицыны крести Владимера и погрузиша его во святей купели, и абіе прозрѣ; и видѣ Владимеръ яко вскорѣ изцѣле и прославиша Бога, рече воистинну Велій Богъ Хрестьянскій и чюдна вѣра ся, нетокмо очима прозрѣ но и душевныма очима прозрѣ, позна Творца своего. Тогда бысть радость веліа во градѣ Корсунѣ о крещеніи Великого Князя Владимера Святославича.

В лѣто ҂ѕѱлв явился святый Великіи Чюдотворецъ Николае Корсунскій и Зараискій в преименитомъ градѣ Херсонѣ служителю своему Еустаѳью именемъ в привидѣніи, рече ему Великіи святитель: Еустаѳье возми образъ мой чюдотворный Корсунскій и супругу свою Феодосію и сына своего Остаѳія и гряди в землю Резанскую, тамо хощю быти и чюдеса творити и мѣсто прославити. Еустаѳей же убуждися от такова видѣнія и нача узашатися; и во вторую нощь чюдотворецъ такоже ся ему яви. Еустаѳіе же в болшій страхъ винде, и начаша помышляти о Великій Чюдотворецъ Николае! камо велиши итти, азъ рабъ твой и земли Резанскіе неслышахъ, ни на сердце мое невзыде, невѣмъ бо та земля яко на востокъ или на западъ, или на югъ или на сиверъ, в себѣ помышляше, а в третю нощь чюдотворецъ явися Еустаѳью и утыкая в ребра веля немедленно ити яко на востокъ, и поручаясь его допровади-

ти до Резанскіе земли. Еустаѳей же нача трепетенъ быти отъ таковаго видѣнія, и помышляше во сердцы своемъ, како остати предивнаго града Корсуня; и бысть во скорби и во унынiѣ и мало позамедли, и абіе нападе нань болѣзнь главная, и от толикія болѣзни абіе ослѣпе, и нападоша на очію его яко чешуя, и Еустаѳій же нача по малѣ умъ свой собирати и каятися о нихъ же содѣяхъ, и прелѣжно припадѣ к чюдотворному Николину образу Корсунскому и Зараскому, и нача плакатися и каятися яже согрѣши, и нача веліемъ гласомъ и рыданіемъ молити, о Великій Чюдотворче Николае возвеличеный отъ Господа на небесехъ и прославленый на земли в чюдесехъ, сохрѣшихъ предъ тобою владыко, непослушахъ твоего повелѣнія, прости мя грѣшнаго раба твоего, буди воля твоя якоже изволи; и абіе прозрѣ на чюдотворный образъ и бысть глава его без болѣзни и очи его без мозоля якоже прежъ. Еустаѳей же возрадовася яко изцѣленъ бысть, и нача молити всемилостиваго Бога и пречистую Его Матерь и великого Чюдотворца Николу Корсунского, что бы ему по Чудотворцову изволенію получити желаніе свое доити уреченнаго мѣста Резанскіе земли. И мысляше идти на востокъ вверхъ по Днѣру и мысляше идти за Днѣпръ к Резанской землѣ, нѣнціи же знаеми сказаша Еустаѳею, яко за Днѣпромъ жилище поганыхъ Половецъ. Еустаѳей же уповая на всемилостиваго Бога и пречистую его Матерь и на великаго Чюдотворца Николу Корсунскаго и хотяй итти чрезъ землю поганыхъ Половецъ на востокъ к Резанскои землѣ, и мышляше яко можетъ его Богъ сохранити и Великій Чюдотворецъ Николае от поганыхъ Половецъ и несбыся мысль его. Великій Чюдотворецъ Николае явися Еустаѳью: неполезно ти есть чрезъ землю поганыхъ Половецъ ити, подобаетъ ти ити во устье Днѣпровское, ити Понецкимъ моремъ в море Варяжское ити и в Нѣмецкіе области, оттуду итти сухимъ путемъ до великого Новогорода итти до Резанскіе земли невозбранно. Еустаѳей жъ вземъ Чюдотворный образъ Николинъ Корсунской и жену свою Ѳеодосію и сына своего Еустаѳея и единаго от крыликъ предстатель своихъ, и забы преименитого града Херсоня и отрекся всего своего имѣнія, и поиде в путь яко Чудотворецъ изволи, Богу его соблюдающю, а Чюдотворецъ ему путь правяще и доиде до устья Днѣпрскаго Понетскаго моря, сеже словетъ море Рускоє, и сяде в корабль и поиде Понескимъ моремъ в море Варяжское и Варяжскимъ моремъ доиде до Нѣмецкіе области, и приде во градъ нарецаемый Кесь и пребысть ту мало дней, и поиде путемъ сухимъ чрезъ Нѣмецъкіе области. Чюдотворецъ Николае нача путемъ великія чюдеса творити, яко немощно съчести или писанію предати, и пріиде в великіи Новгородъ и пребысть ту многа дни, чудеса мнози же от чюдотворнаго образа болма умножишася. Жена же Еустаѳьева Ѳедосья возлюби великіи Новыйградъ и нехотя итти во слѣдъ чюдотворнаго образа, устрѣлена бранью вражью, и скрыся от мужа своего на мало время, и абіе разслабився уды тѣлеси ея и быша яко мертва

и недвижима и едино дыханіе в персехъ ея бяше, и нѣціи сказаша Еустаеею, яко жена его при кончинѣ живота ея. Еустаеей же услыша яко жена его при смерти, и припаде к чюдотворному Николину образу и нача молитися со слезами: Великій чудотворецъ Николае прости рабу свою яже ти согрѣши, яко едина от безумныхъ женъ, и в томъ часѣ изцѣлена бысть; и Еустаеей вскоре вземъ чюдотворный образъ иде в путь свой, хотя доити желаемаго, и паки многими деньми доиде до Резанскіе земли. И нача в собе помышляти, о великіи чюдотворецъ Николае се земля Резанская камо хощю итти и покой обрести. И Еустаеіе согрѣшивъ в мысли своей забы прежнего чюдотворцова видѣния и чюдесе его. Великій же чюдотворецъ Николае явися Благовѣрному Князю Өедору Юрьевичу Инъгоревича Рязанскому и повѣда ему приходъ из Корсуня чудотворнаго своего образа и рекъ: Княже гряди во стрѣтеніе чюдотворнаго моего образа Корсунскаго, хощу бо здѣ быти и чюдеса творити и мѣсто прославити, да умолю о тобѣ Всемилостиваго Бога и человѣколюбива да подаруетъ ти вѣнецъ царствіа небеснаго и женѣ твоей и сыну твоему. Благовѣрный же Князь Өедоръ Юрьевичь Резанскій возбну от сна своего и устрашися от таковаго видѣнія, и нача помышляти в таинемъ храмѣ сердца своего, яко страхомъ обьятъ бывъ и ни повѣда ни ко единому страшнаго виденіа. И нача помышляти како Великіи Чюдотворецъ Николае умолиши милостиваго и человѣколюбиваго Бога да сподобитъ мя вѣнца царствіа небеснаго и женѣ моей и сынови моему, азъ бо ни брака сочтася ни плода чрева имехъ; и вскоре поиде во стрѣтеніе чюдотворнаго образа, и увидя издалечя от чюдотворнаго образа яко свѣтъ неизреченный блистаяся, и припаде любезно пред чюдотворнымъ образомъ сокрушеннымъ сердцемъ изпущая слезы яко струя, и прія любезно чюдотворный образъ и принесе во область свою, и вскоре повелѣ вѣсти ко отцу своему Князю Юрью Ингоревичю Резанскому и велича ему повѣдати приходъ ис Корсуня чудотворнаго образа Николина. Великій Князь Юрьи Ингоревичь слыша приходъ чюдотворнаго образа Николина из Коруня и возблагодаривъ Бога и угодника его Великаго Чудотворца Николу, яко посетивъ люди своихъ и незабы дѣла руку своею; и поиде во область вборзе къ сыну своему ко Князю Өедору Юрьевичю Резанскому, а з собою взя Епискона Ефросина Святогорца, и пріиде видя от Чюдотворца великіа и преславные чюдеса и радости наполнишась о преславныхъ чюдехъ, и вскорѣ создаша храмъ во имя Чюдотворца Николы Корсунскаго и святи и Епископъ, и торжествова свѣтло и отыде в свои градъ. И не по мнозихъ же лѣтехъ Князь Өедоръ Юрьевичь сочтася браку и поя супругу от царска рода именемъ Еупраксію и помале сына роди именемъ Іоанна постника, Богу нашему слава.

Лѣта ҂ѕѱме году, убіенъ бысть благовѣрный Князь Өеодоръ Юрьевичь Резанской от безбожнаго царя Батыя на рѣцѣ на Воронажѣ, и услыша благовѣрная Княгиня Еупраксея царевна о убіеньи своего господина Князя Өедора

Юрьевича Резанского, и абіе ринуся из превысокаго храма своего и со Княземъ Иваномъ на среду земли, и заразися до смерти и с сыномъ Княземъ Иваномъ, и принесоша тѣло блаженнаго Князя Ѳеодора Юрьевича во область къ великому Чудотворцу Николѣ Корсунскому и положиша его и его благовѣрную Княгиню Еупраксію и сына ихъ Князя Ивана Ѳедоровича во единомъ мѣстѣ, и поставиша над ними три кресты камены; и от сея вины зовется Великіи Чудотворецъ Николае Зараски, яко Благовѣрная Княгини Еупраксія и с сыномъ со княземъ Иваномъ сами собя заразиша.

Въ лѣто ѕѱме во второе надесять лѣто по принесеніи из Корсуня чюдотворнаго Николина образа, попущающу Богу за грѣхи наша иногда гладъ бысть велій, а иногда трусъ и градове велицы, и овогда пожаръ и нашествіе поганыхъ и межеусобна брань. За наше прегрѣшеніе пріиде безбожныи царь Батыи на Рускую землю со множествомъ вои Татарскими, и ста на рѣкѣ на Вороняжѣ, и посла на Резань къ великому Князю Юрью Иньгоревичю Резанскому послы бездѣлны, просяще десятины во всѣхъ во князѣхъ и въ людехъ и в конехъ. И услыша Великіи Князь Юріи Иньгоревичь приходъ безбожнаго царя Батыя, и вскоре посла по братью свою по Князя Олга Иньгоревича Красного и по Князя Давида Ингоревича Муромского и по сына своего по Князя Ѳеодора Юрьевича и по Пронского Князя Всеволода и по прочіи Князи мѣстныа и бояре и воеводы. И начаша совѣщевати яко нетчива подобастъ утоляти дары, посла сына своего Князя Ѳеодора Юрьевича и иныхъ Князей к безбожному царю Батыю з дары и молены великими, что бы не воевалъ Резанскіе земли. Князь Ѳедоръ Юрьевичь вскоре пріиде к царю Батыю и моли его утоляя дары, чтобы невоевалъ Резанскіе земли; безбожный же царь Батый, лстивъ бо есть и немилосердъ, пріа дары лестію и охабись воевати Резанскіе земли, и начаша Князей Резанскихъ потѣхою тѣшити, и начаша у нихъ просити сестры или дщери на ложе на блудъ. И нѣкій от велможъ Резанскихъ наученъ бѣсомъ, и сказа безбожному царю Батыю, яко благовѣрный Князь Ѳедоръ Юрьевичь Резанскій имѣетъ у собя Княгиню от царска рода, а тѣломъ и лепотою красна бѣ зѣло, безбожный царь Батый лукавъ бо есть и немилостивъ в невѣріи с воемъ, пореваемъ в похоти плоти своеа, и рече Князю Ѳедору Юрьевичу даждь ми Князь видѣти жены своее красоты. Благовѣрный же Князь Ѳедоръ Юрьевичь посмѣяся и рече царю: неполезна бо есть намъ крестьяномъ тебѣ нечестивому царю и безбожну водити жены своя на блудъ, аще насъ преодолѣешь то и женами нашими владѣти начнеши. Безбожный же царь Батый возярися зѣло и горчися, и повѣле вскоре убити благовѣрнаго Князя Ѳедора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи звѣремъ и птицамъ на растерзаніе, и иныхъ Князей нарочитыхъ побилъ, и единъ от пѣстунъ Князя Ѳедора Юрьевича именемъ Апонинца, зря на блаженное тѣло честнаго своего Государя горько плачющися, и видя его никимъ брегома, и

взя тѣло возлюбленнаго своего Государя и тайно сохрани его на мало время, и ускори к благовѣрной Княгинѣ Еупраксіи, каза ей яко нечестивый царь Батый убилъ блаженнаго Князя Ѳедора Юрьевича. Блаженная же Княгини Еупраксеа царевна, стоя в превысоцемъ храмѣ своемъ и держа любезное чадо свое Князя Ивана Ѳедоровича постника, услыша таковы смертоносныа глаголы и горести исполнены, и абие ринувся с превысокаго храма своего на среду земли и з сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ, и заразися до смерти. И услыша Князь Великій Юрьи Ингоревичь убіеніе возлюбленнаго сына своего Князя Ѳедора Юрьевича, и иныхъ Князей нарочитыхъ и людей много побилъ безбожный царь Батый, и нача велми плакатися и с великою Княгинею и с братіею, и плакашася весь градъ Резанскій на многъ часъ дни едва отдохнуша отъ великаго плача и рыданіа, и посла вскоре во градъ Владимеръ к великому Князю Юрью ко Всеволодовичю Владимерскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыа, или бы самъ пошолъ. А самъ Князь Великій с братьею взборе начаша совокупляти войско свое и укрѣпляти. Князь Великій Юрій Всеволодичь Владимерской самъ неидяше, непослуша совѣта Резанскаго, хотя сотворити о себе брань з Батыемъ, но противу гнѣву Божию хто постоитъ, страха и трепету сия вся наиде грѣхъ ради нашихъ. Князь Великій Юрій Ингоревичь Резанской и з братіею, услыша яко несть ему помощи ото Князя Юрья Всеволодича Владимерского, и воздѣ руцы на небо со слезами рече: изими насъ от врагъ нашихъ Боже и от востающихъ на ны избави насъ, и покры насъ отъ сонма лукавнующихъ на ны, избави насъ отъ творящихъ беззаконіа, буди путь ихъ тма иползокъ, непопусти Господи сему окоянному владѣти Рускою землею и намъ рабомъ твоимъ недай в волѣ его быти. Князь Великіи Юрьи рече братіи своей и всѣмъ сродникомъ: о господія моя братія, аще от руки Господня благая пріяхомъ, то злая ли нестерпимъ, лутши намъ смертью живота собѣ купити, за святыя Божіи церкви и за вѣру крестьянскую смерти вкусити, а неже в сего окаянного царя воли быти, изъпіемъ чашу смертную за вѣру крестьянскую и за отчину отца нашего Великаго князя Игоря Святославича. И поидоша в соборную и Апостольскую церковь и плакашеся пред образомъ милостива Вседержителя и пречистой Его Матери Одигитріе, юже принесе Епископъ Ефросинъ изъ за святыа горы, и моля великаго Чюдотворца Николу и сродникъ своихъ Бориса и Глѣба, и прощаяся у гроба отца своего Великаго Князя Игоря Святославича, и дая послѣднее цѣлованіа великіи Княгини и прочимъ княгинямъ сродникъ своихъ, и пріимъ благословеніе от епископа и пріимъ прощеніе от всего мира; и поидоша противу нечестиваго царя Батыя, и срѣтоша его близъ предѣлъ Резанскихъ и нападоша на нь, и начаша битися крѣпко и бысть сѣча зла и ужастна, много бо бьяшася на многъ часъ, и многіа сильные полки Батыевы падоша. Царь Батый видя что господство Резанское крѣпко и мужественно бьяшась и воз-

бояся вельми. Противу гнѣву Божию кто постоитъ, Батыевѣ бо силѣ велицеи тяжце, единъ бьяшеся с тысящьми а два со тмами; и видя Князь Великіи Юрьи Игоревичь убеіна брата своего Князя Давыда Игоревича и инѣхъ князей и сродникъ своихъ, и воскреча в горести душа своея: братіа моя милая, и дружина ласкова, узорочье и воспитаніе Резанское мужайтеся и крѣпитеся; братъ нашъ Давыдъ прежъ насъ чашу испилъ и мы ли ее непьемъ; удальцы же и резвецы Резанскіа тако бьяшеся крѣпко и нещадно яко и земли постонати. Батыевы полки сильные вси смятошася. Князь Великіи Егоргіи Ингоревичь з братіею тако мужественно и крѣпко бьяшеся, многіе полки силныя проѣзжая храбро бьяшеся, яко всѣмъ полкомъ Татарскимъ подивитися крѣпости и мужеству Резанскому господству, и едва одолѣша ихъ силные полки Татарскіа. И ту убіенъ бысть благовѣрный Князь Великіи Георгіи Ингоревичь и братъ его Князь Давыдъ Ингоревичь и братъ его Князь Глѣбъ Ингоревичь и Всеволодъ Пронской и многіа Князи мѣстные, и воеводы крѣпкіа, и удалцы, и рѣзвецы и узорочье и воспитаніе Резанское, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша, ни единъ от нихъ возвратися вспять, вси вкупе мертвіи лежаша. Сея бо наведе Богъ грѣхъ нашихъ ради и Олга Ингоревича яша еле жива, царь Баты ведѣ Олга велми красна и храбра и хотя его изврачевати от великихъ ранъ и на свою прелесть возвратити; князь Олегъ Игоревичь укори царя и нарече его безбожна и врага крестьянска. Окаянный же Батый дохну огнемъ от мерского сердца своего и повелѣ Олга ножи на части разлабити, сій бо есть мученикъ Христовъ, пріа вѣнецъ своего изповѣданіа и мученіа со сродникомъ своимъ блаженнымъ Княземъ Ѳеодоромъ Юрьевичемъ, и пріяша вѣнца нетленная от всемилостиваго Бога. Царь Батый нача восвати Резанскую землю и веля бити и сѣчи и жещи без милости, и градъ Пронескъ, и градъ Белъ, и Ижеславецъ разори до основанія, и вся люди побиша мужа и жены и чада ихъ; течаше бо кровь крестьянская яко рѣка грѣхъ нашихъ ради; и оттолѣ поидоша къ граду Резани, и обступиша градъ Резань, и начаша битися прилежно, и бишася у града пять дней неотступно, Батыево войско премѣняшеся а граженя непремѣнно бьяхуся, и многихъ гражанъ побиша, а инѣхъ язвиша, а иніи от великихъ трудовъ изнемогоша: а в шестый день рано пріидоша поганіи ко граду, овіи со огни и нпіи с пороки со тмочисленными лѣствицами; и взятъ бысть градъ Резань Мѣсяца Декабря въ 21 день, и пожегоша весь градъ и Княгиню великую со снохами и с прочими Княгинями во церкви соборней, мечи изсѣкоша, іереи и черноризцовъ до останка изсѣкоша, и все зорочье нарочитое богатство Черниговское и Кіевское поимаша, и храмы Божіа разориша, и во святыхъ олтарехъ многи крови прольяша, и инѣхъ многихъ в водѣ потопиша, и ини мнози в полонъ поведени и биша, и неоста въ живыхъ ни единъ во градѣ, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша, нѣсть убо стонюща ни отцу ни матери

о чадѣхъ, ни чадомъ о отцѣхъ и о матерѣхъ, ни брату о братѣ, ни ближнему роду; но вси вкупе мертвіи лежаша, сія вся наведе Богъ грѣхъ ради нашихъ. А безбожны царь Батый видя веліе пролитіе крови хрестьянскія и возярися зѣло и огорчиста, и поиде на градъ Суздаль и Владимиръ, хотя Рускую землю поплѣнити и вѣру крестьянскую изкоренити и церкви Божіа до останка разорити.

И нѣкій от велможъ Резанскихъ именемъ Еупатій Коловратъ, и в тѣ поры былъ в Черниговѣ емля подать своего Государя Великаго Князя Ингоревича Резанского, услыша приходъ безбожнаго царя Батыя, что идетъ со многими силами на Рускую землю; и иде из Чернигова вборзе малою дружиною, и вскорѣ пригна в землю Резанскую, и видя ея опустѣвшу, грады разорены и церкви позжены и люди побиты, и пригна ко граду Резани, и виде градъ разоренъ, Государи побиты, множества же народа лежаше, овіи побіени и посѣчены, и ины позжени, а ини в рѣци истоплены, и воскричавъ в горести душа своеа и разпалаясь во сердцы своемъ, и собра мало дружины тысящу и семьсотъ человѣкъ, которыхъ Богъ соблюде, быша внѣ града; и погна в слѣдъ безбожнаго царя Батыа, хотяше пити смертную чашу съ своими государьми равно, и едва угнаша его. И внезапу на станы безбожнаго царя Батыа нападоша и нача сѣчи без милости и сметоша вси полки Татарскіи; Татарове же стояше яко пьяніи или неистове, и Еупатии же тако сѣчаше ихъ, яко и мечи претупишася, и емляше мечи Татарскіа, полки проѣзжая и бьяша ихъ нещадно, и ѣздя по полкомъ храбро и мужественно яко и самому царю возбояшуся. И едва поймаша от полку Еупатьева пять человѣкъ воинскихъ изнемогшихъ отъ великихъ ранъ, и приведоша ко царю Батыю, и царь Батый нача ихъ спрашивати коея вѣры естя и коея земля и что мнѣ много зла сотворили еста; онѣ же рѣша вѣры хрестьянскіе всѣ, а раби Великаго Княза Георгіа Ингоревича от полку Еупатья Коловрата посланіи всѣ от Князя Ингоря Ингоревича Резанского тебе силна царя почтити и честно проводити и честь тобѣ воздати, да неподиви царю неуспевати наливати чашъ на велику силу Татарскую. Царь же подивися отвѣту ихъ мудрому, посла шурина своего Таврула на Еупатіа и с нимъ силные полки Татарскіа; Таврулъ же похвалился предъ царемъ, и хотя Еупатіа жива предъ царя привести: и сступишася многіе полки Татарскіе и хотя Еупатіа жива взяти; Таврулъ же съѣхася съ Еупатіемъ, и Еупатеи же, изполинъ силою, наѣхавъ на Таврула и разсѣче его на полы до сѣдла, и начаша сѣчи рать Татарскую, овыхъ на полы пресѣкая, а инѣхъ до коня разсѣкоша, и многихъ нарочитыхъ ту побиша. Татарови же возбояшася видя Еупатіа крѣпка исполина, и наводиша на Еупатіа множество саней с нарядомъ и едва одолѣша, и понесоша его предъ царя мертва. Царь Батый посла по мырзы и по князи Ординскіа и по санчакбѣи

паше, и начаша с ними дивитися храбрости и крѣпости и мужеству; они же рекоша царю: со многими царствами, во многихъ земляхъ, на многихъ браняхъ бывали есма, а такихъ удалцовъ и резвецовъ не видано, ни отцы наши возвѣстиша намъ, сіи бо люди крыласты и безсмертны, тако крѣпко и мужественно бьяшеся единъ с тысячцею, а два со тмою, ни единъ оныхъ не можетъ съѣхати живъ с побоища. Царь Батый зря на тѣло Еупатьево и рече:» яко брате Еупатіе, гораздо еси меня потчивалъ с малою своею дружиною да многихъ нарочитыхъ богатырей силныя орды побилъ еси, и многіа от тебе падоша, аще ли бы у меня царя таковы служилъ, держахъ бы его противъ своего сердца. «Царь Батый повелѣ дати тѣло Еупатьево останной его дружинѣ, которые поиманы на побоищѣ еле живы суща, и повелѣ ихъ и з тѣломъ отпустити и ничемъ врѣдити.

Князь Ингварь Ингоревичь в то время былъ у брата своего у Князя Михаила Всеволодича Черниговскаго в Черниговѣ Богомъ соблюденъ, и вскорѣ преиде во градъ Резань, видя брата своя побіенны от нечестиваго царя Батыа и снохи своя и сродники своя и множество много мертвыхъ лежаща, и градъ разоренъ, земля пуста, церкви позжены, святыхъ образы ободраны и переколаты, и все узорочье взято Резанское и Черниговское, и жалошно кричаше яко труба рати гласъ пущающи, и от великаго кричанія лежаше на земли яко мертвъ, и едва отліяше его, и носяше по вѣтру едва отдохну душа его в немъ. Кто бо не возплачется такіе погибели, или кто не возрыдаетъ о селице народа людій, или кто непожелитъ множество Государей и храбрыхъ воеводъ и нарочитыхъ людей напрасно нужною смертью скончашася, или кто непостонетъ сицеваго плѣненія. Князь Ингаврь Ингоревичь похраняше снохи своя и сродники своя, и призва Епископа и начаша соберати попы и дьяконы, которыи Богомъ соблюдены, и похраниша трупіе мертвыхъ, и очисти мѣсто и освяти, и собраша людіе даша имъ мало утѣшенія, поминая братію свою и родство свое и все узорочье Резанское, вскоре погибе. Сіа вся наиде грѣхъ ради нашихъ; ибо градъ и земля Резанская изменися доброта ея, и отыде слава ея, и не бе что в ней благо вѣдати токмо дымъ и земля и пепелъ; а церкви вси погорѣша, а сама соборная церковь внутри погорѣ и почерне, не единъ бо сій градъ плѣненъ бысть, но ини мнози, и не бѣ бо во градѣ пѣніа ни звона, в радости мѣсто плачь всегда творяще и рыданіи.

Плачи Князя Ингаваря Ингоревича о братіи побіенныхъ отъ нечестиваго царя Батыя.

Прииде Князь Ингварь Ингоревичь гдѣ побіени быша братья его от Батыя: Великии Князь Юрьи Ингоревичь Рязанскіи, и братъ его Князь Олегъ

Ингоревичь Красной, и братъ его Князь Давыдъ Игоревичь Муромской, и братъ его Князь Давыдъ Ингоричевъ Коломенской, и Всеволодъ Пронскій и ини Князи мѣстныа воеводы и крѣпкіа и многіе удалцы и резвецы воспитаніе и узорочье Резанское лежаше на земли пусти, на травѣ ковылѣ не кимъ брегомы, и от звѣрей тѣлеса ихъ снедаемо и от множества птицъ разтерзаемо, вси бо купно умроша и едину чашу смертную пиша. Видя же то Князь Ингварь Ингоревичь и возопи горкимъ гласомъ, велми ревыи, слезы от очію изпущающи яко струю силну, утробою разполяющи, в перси рукама бьющи и гласомъ же яко труба рати повѣдающимъ, яко органь сладко вѣщающе. И рече сице: о милая моя Государья братья, како успе животе мой драгій, мене единаго сира остависта в толицѣ погибели суща, почто азъ прежъ васъ неумрохъ, како заиде свѣте очію моею, гдѣ отшли есте сокровище живота моего, почто не промолвыте ко мнѣ цвѣте мои, и прекраснии виногради мои многоплоднии уже не подасте сладость души моея, чему государи невозрите ко мнѣ и непромолвите со мною, ужли забыли естя брата вашего единого отца рожденного Великаго Князя Ингоря Святославича и единымъ сосцомъ воздоеннымъ честнаго плода и святые утробы матери нашеа Великіа Княгини Агрипѣны Розстиславны, многоплоднаго винограда уже неподасте сладости души моей, кому приказываете мя, солнце мое драгое рано заходящіа, мѣсяцѣ мой красной скоропогибшіи, звѣзды восточны почто рано зашлиц есте, гдѣ честь и слава ваша, многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на земли пусти никимъ брегомы, ни чти приемлемо, измѣни бо ся ваша слава, и зракъ лица вашего премѣнися во истлѣніа. Милая моя братья дружина ласкова уже неповеселюся с вами свѣте мой свѣтлыи, чему помрачилися есте, немного бо порадовахся с вами, юность бо не отыде от насъ, а старость непостиже насъ. Аще услышитъ Богъ молитву вашу, то помолитеся о мнѣ братѣ вашемъ, да вкупе умру с вами, за веселье плачь и слезы приидоша ми, а за утѣху и радость сѣтованіе и скорбь явися ми, про что язъ прежъ васъ неумрохъ, дабы невидѣлъ смерти вашіе а своеа погибели, не слышате ли господіе бѣдныхъ моихъ словесъ жалосно вѣщающе. О земля, земля, о дубравы поплачите со мною, како нарѣку день той или воспишу его, в онже погибе толико Государей и многое узорочье Резанское храбрыхъ удалцовъ, ни единъ же от нихъ невозвратися вспять; но вси равно умроша и едину чашу смертную испиша, се бо в горести душа моея языкъ мой связаетца, уста загражаютца, гортань премолкаетъ, смыслъ измѣняетца, зракъ отпусмеваетъ, крѣпость изнемогаетъ.

Бысть убо тогда многи туги скорби и слези и воздыханіе и страха и трепета и всѣхъ злыхъ находящихъ на нь грѣхъ ради нашихъ. Князь Великій Ингварь Ингоревичь воздѣ руцы на небо со слезами глаголаша:

Господи Боже мой, на тя уповахъ, спаси мя и отъ всѣхъ гонящихъ мя избави мя, Пречистая Владычица Богородица Мати Христа Бога нашего не остави мене во время печали моея, о Великіа Страстотрпцы и сродники наши Борисъ и Глѣбъ будите мнѣ грѣшному помощники в бранехъ на супостаты наша, о братіе мои Государи помогайте ми во святыхъ своихъ молитвахъ на Агаряни внуцы Измалитескаго рода.

Князь Ингаварь Ингоревичь веемъ тѣло брата своего Великого Князя Георгія Ингоревича и брата своего Князя Глѣба Ингоревича и Всеволода Пронского и иныхъ Князей и сродникъ своихъ и многихъ бояръ и воеводъ и многихъ удалцовъ и резвецовъ узорочье Резанское, и принесе ихъ во градъ Резань и похраняше ихъ честно, а иныхъ многихъ ту на пустѣ мѣстѣ собираше и похраняше ихъ, пѣвъ над ними надгробное. Поиде Князь Ингаварь Ингоревичь х Пронску, гдѣ убіенъ бысть Князь Олегъ Ингоревичь Красный, и собра трупье его и несяше во градъ Резань, а честную его главу самъ Великій Князь Ингаварь Ингоревичь до града понесе, и цѣлова ю любезно, и положиша его с Великимъ Князем Георгіемъ Ингоревичемъ во единой рацѣ, а братію свою Князя Давыда да Князя Глѣба Ингоревичей положиша у ногъ ихъ близъ гроба ихъ во единой рацѣ. Поиде же Князь Великій Инговарь Ингоревичь на Воронажъ, гдѣ убьенъ бысть сынъ Великаго Князя Георгіа, блаженный Князь Өедоръ Юрьевичь Резанскій, взя тѣло его и плакася над нимъ на долгъ часъ, и приносяше честное его и святое тѣло во область его к великому Чюдотворцу Николѣ Корсунскому, и положиша его и его благовѣрную Княгиню Еупраксію и сына ихъ Ивана постника у великого Чюдотворца Корсунскаго, и поставиша над ними кресты три камены, и от сеа вины да зоветца Великии Чюдотворецъ Резанскии (конечно Заразскій)', яко Благовѣрная Княгини Еупраксія царевна и з сыномъ своимъ со Князем Иваномъ сама собе зарази.

Тіи бо Государи рода Владимира Святославича, сродника Борису и Глѣбу, внучата Великяго Князя Святослава Олговича Черниговского, бяше бо родомъ Христолюбивыи и братолюбивыи, лицемъ красныи и очима свѣтли, взоромъ грозны, паче мѣры храбры, сердцемъ легки, к бояромъ ласковы, къ пріѣзжимъ привѣтливы, и на пированиии тчтивыи, церквамъ прилежны, до Государскихъ потѣхъ отчіи, ратному дѣлу велми искусны, на недруги велми храбры, Половцомъ грозны, к братіи к своей и къ ихъ посланникомъ величавыи, мужественно умъ имуща, в правдѣ же и истиннѣ пребываста, чистоту душевную и тѣлесную без порока соблюдаста, Святаго корени отросли и Богомъ насажденнаго сада цвѣти прекрасная, воспитании быста во благочестіи, милостивы, со всяцемъ наказанием духовнымъ от самехъ пеленъ Боговозлюблены, о церквахъ Божіихъ велми печашеся, пустош-

ныхъ бесѣдъ нетворяща, сромныхъ глаголъ нелюбяща, злонравныхъ человѣкъ отвращашеся, а со благими всегда бесѣдоваша, Божественныхъ писаній всегда во умиленіи послушааше, ратнымъ же во бранехъ страшни являшеся и мнози враги востающи на нь побѣдиша, и во всѣхъ странахъ славно имя имяща, къ Греческимъ царямъ велику любовь имуща .и дары от нихъ многія взимаша, и по брацѣ цѣломудренно живяста смотряюща своего спасенія въ чистои совѣсти и крѣпости, и разумно держа земное царьство, а небесному приближаяся, плотиугодія нетворящи, соблюдающи тѣло свое по брацѣ чисто и грѣха не причастна, Государьскій бо санъ держаща, а посту и молитвѣ прележаща, и честь от всего мира пріимаста, а крестъ Христовъ на рамо своемъ ношаста, а святыа дни святаго поста чисто храняста, а по вся святыа посты причастастася святыхъ пречистыхъ таинъ, и многи труды и побѣды по правои вѣрѣ показаша, с погаными Половцы часто бьяшася за Святыа церькви и за православную вѣру, а отчину свою от супостатъ без лености храняща, а милостину неоскудно даяще, и ласкою своею многихъ от невѣрныхъ царей дѣтей ихъ и братію к собѣ приимаста и на вѣру истинную обращаста.

Благовѣрный Великій Князь Ингаварь Ингоревичь наречины во Святомъ крещеніи Козма приде во градъ Резань, сяде на столѣ отца своего Великаго Князя Ингоря Святославича, и обнови землю Резанскую, и церькви постави, и монастыри сограды, и пришелцы утеши, и люди многи собра, и бысть радость крестьяномъ, ихъ же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожныхъ Татаръ. Князь Великій Ингеварь Ингоревичь отпусти Киръ Михаила на отца его отчину, на Пронескъ, Всеволода Пронскаго.

Родъ Поповскій Николы Чюдотворца Зараского на Резани.

Первый служитель Еустаѳей, что прииде с чюдотворнымъ образомъ Николинымъ из Корсуня. Вторый служитель сынъ его Еустаѳей же. Третій служитель Прокопей сынъ втораго Еустаѳеа. Четвертый служитель сынъ Прокопіевъ Никита. Пятой служитель сынъ Никитинъ Василискъ. Шестой служитель сынъ Василисковъ Захарей Подкинъ. Седмой служитель сынъ его Ѳеодосей з братьею. Осмый служитель Ѳеодосіевъ сынъ Матвѣй протопопъ з братьею. Девятой служитель протопопъ Иванъ з братьею протопоповъ сынъ Матвѣевъ. А всѣхъ лѣтъ служили триста и полчетверта десятъ лѣтъ непремѣнно родъ ихъ. Се написа Еустаѳеи вторыи Еустаѳьевъ сынъ Корсунска, на паметь послѣднему роду своему.

Взято изъ рукописнаго сборника XVI столѣтія.

═

ВЪ ЧИНОВНОЙ КНИГѢ 198 ДОДУ НАПИСАНО:

Марта въ 17 день, в понедѣльникъ, на память Святаго и праведнаго Алексѣя человѣка Божія, преставися Великій Господинъ Святѣйшій Киръ Іоакимъ, Московскій и всеа Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархъ, въ 11 часу дня, въ 1 чети, преставися в вѣчный покой.

И в то время в болшой и в Успенской колокола былъ благовѣстъ по трижды.

И Марта противъ 18 числа в третьемъ часу нощи вынесено ис кельи тѣло Святѣйшаго Патріарха в церковь двунадесять Апостоловъ, что на дворѣ Патріаршѣ на вратѣхъ; а на выносѣ были въ облаченіи Преосвященные Митрополиты: Адріанъ Казанскій и Свіяжскій, Евфимій Сарскій и Подонскій, Аврамій Рязанскій и Муромскій, Гавріилъ Архіепископъ Вологодскій и Бѣлоозерскій, Питиримъ Епископъ Танбовскій и Архимандриты и Ігумены и всѣхъ соборовъ Протопопы и Свещенницы по чину.

Марта въ 18 день во вторникъ на третьей недѣли великаго поста въ 1 часу дни приходили в церковь 12 Апостолъ всякихъ чиновъ люди к тѣлу Святѣйшаго Патріарха для прощенія и цѣловали руку; и въ 4 часу дни въ 1 чети былъ благовѣстъ, перемѣняяся во вся колокола изрѣдка, к выносу тѣла Святѣйшаго Патріарха, и въ 7 часу дни, Великіе Государи Цари и Великія Князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцы, съ своимъ Государскимъ сигклитомъ, по красному крыльцу изволили пріитти въ крестовую Патріаршу палату, и к тѣлу Святѣйшаго Патріарха, в церковь 12 Апостоловъ, пришествіе ихъ Государское и прощеніе по чину было жъ. И послѣ того по Указу Великихъ Государей тѣло Святѣйшаго Патріарха во гробѣ во Архіерейскихъ одеждахъ и в митрѣ из церкви 12 Апостолъ несли на одрѣ Архимандриты и Ігумены въ облаченіяхъ крестовою полатою в соборную Апостольскую церковь болшею лѣсницею; а передъ тѣломъ Святѣйшаго Патріарха шли протопопы и священники и дьяконы во облаченіи со святыми иконами и с честными крестами и съ рипидами, а подьяконы и пѣвчіе и подьяки во облаченіяхъ же с лампадами и со свѣщами, и пѣли трисвятое надгробное пѣніе по чину, а посохъ передъ тѣломъ Святѣйшаго Патріарха несли Петра Митрополита Московскаго и всеа Росіи Чюдотворца, а за тѣломъ Святѣйшаго Патаіарха шли Великіе Государи с своимъ Государскимъ Сигклитомъ по чину жъ; и в то время былъ звонъ во всѣ колокола, и какъ тѣло Святѣйшаго Патріарха внесено в

соборную церковь и поставлено в олтарѣ, и в то время в соборной церкви было вечернее пѣніе и Божественная преждеосвященная литоргія, а Великіи Государи вечерняго пѣнія и литоргіи в соборной церкви слушали жъ, и послѣ литоргія было надгробное пѣніе и погребеніе тѣлу Святѣйшаго Патріарха по чину. А положено тѣло Святѣйшаго Патріарха во гробницу на западной странѣ подлѣ гробницы Святѣйшаго Питирима Патріарха. А в дѣйствѣ властей было, Митрополиты: Адріанъ Казанскій и Свіяжскій, Евфимій Сарскій и Подонскій, Авраміи Рязанскій и Муромскій, Гавріилъ Архіепископъ Вологодскій и Бѣлоозерскій, Питиримъ Епископъ Танбовскій и Архимандриты и Ігумены, Протопопы и Священницы и дьяконы и весь освященный соборъ. И погребши тѣло Святѣйшаго Патріарха Великіе Государи; пошли из соборной церкви в свои Государскіе хоромы по красному жъ крылцу по чину.

МИРОВАЯ ЗАПИСЬ.

Се язъ, Преосвященнаго Сергія Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, казначей старецъ Іона Селицкой, да дьяки Герасимъ Парферьевъ, да Федотъ Миньчановъ, в нынѣшнемъ во сто девяносто осмомъ году Февраля в восмый день дали мы на себя сію запись Трофиму да Ивану Кириловымъ, дѣтямъ Лобковымъ въ томъ, что в нынѣшнемъ во сто девяносто осмомъ году Ноября противъ вторагонадесять числа, Преосвященнаго Сергія Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго домовые ево вотчины села Старого Погосту крестьянѣ Степанъ Баженовъ с товарищи повозили с вотчинной ихъ Трофима и Ивана пустоши Бережку сѣна, і в томъ повозномъ сѣнѣ они Трофимъ и Іванъ приставили на Москвѣ к стряпчему к Воину Ворошнику по цѣнѣ в дву стахъ рублехъ; и нынѣ мы я казначей и дьяки поговоря с ними с Трофимомъ и Іваномъ в томъ свозномъ сѣнѣ договорились, что то сѣно имъ крестьяномъ Преосвященнаго Архіепископа свезть к нимъ Трофиму и Івану в усадбу в селцо Литвинцово в цѣлости, и о проестяхъ и волокитахъ Великимъ Государемъ небить челомъ; и тою пустошью Бережкомъ домовымъ крестьяномъ впредь невладѣть, и принесть намъ за руками велѣть стряпчему с ними Трофимомъ и Іваномъ челобитная в приказъ болшого дворца на сротъ нынѣшняго сто девяносто осмаго году, Февраля въ пятыйнадесять день, а отдать приветчи на срокъ Февраля в десятый день. А будетъ мы я казначей и дьяки противъ сей записи хотя в маломъ чемъ неустоимъ, что писано выше сего в сей записи; и намъ дать денегъ пятдесятъ рублевъ. А на то послуси Петръ

Сергѣевъ, а запись писалъ Тверскіе площади подьячей Алешка Белавинской, лѣта 7198 года Февраля въ 8 день.

Назади: «къ сей записи Преосвященнаго Сергія Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго дьякъ Гарасимъ Парфеньевъ и вмѣсто казначея старца Іоны Селицкаго руку приложилъ.

Къ сей записи Преосвященнаго Сергія Арх. Тв. и Кашин. Дьякъ Федотъ Миньчановъ руку приложилъ. Послухъ Петрушка руку приложилъ.»

=

СПИСОКЪ СЪ ПОДЛИННОЙ РЯДНОЙ.

Се азъ Юря Агафонниковичь Татищевъ зговорилъ есми дочь свою дѣвицу Феклу Юрьевну замужъ за Василья Карповича Чернъцова. Благословляю зятя своего Василія Карповича: образъ Спасовъ обложенъ серебромъ, да образъ Пречистые Богородицы обложенъ серебромъ. Да приданаго даю за дочерью своею: чепочка серебряная позолочена, на ней крестъ золотъ, два креста серебряные позолочены, ожерелье низаное с пугвицы, серги яхонты на золотѣ, другія серги, запанка, шапка женская вершокъ отласъ басной круживо низаное, лѣтникъ желтъ камчатной вошвы шиты по черному бархату, шуба кастоловая суконная червчатая; шуба отласная червчатая на пупкахъ собольихъ, кружево кованое серебреное, пугвицы серебреные позолочены; шуба камка желтая подъ нею исподъ бѣлей хрептовой, круживо кованое серебряное пугвицы серебряные позолочены; тѣлогрѣя обьяринная желтая холодная, кружево серебреное, пугвицы серебреные позолочены; тѣлогрея отласная червчатая холодная, кружево серебреное, пугвицы серебреныя позолочены; тѣлогрея обьяринная бѣлая холодная, кружево золотное кованое, пугвицы серебреные позолочены; тѣлогрея обьяринная червчатая холодная, кружево серебреное, пугвицы серебреные позолочены; шуба тафтяная желтая на бѣлкахъ, пугвицы серебреные позолочены; тѣлогрея двоелишная холодная, пугвицы серебряные позолочены; постеля червчатая дорогильная сызголовьемъ; одѣяло камчатое желтое исподъ бѣлей хрептовой; два волосника: волосникъ золотной с ошивкою, другой волосникъ золотной с серебромъ ошивка, волоченое золото на оба лица; пятнадцать сорочекъ, восмь простынь, рукомойникъ мѣдной, пять тазовъ, да дѣвка к ларцу Натальица Ѳедорова дочь. Да за нею жъ дочерью своею Ѳеклою Юрьевною даю я Юря вотчину свою в Перемышлскомъ уѣздѣ полдеревни Мецневой, три двора крестьянъ: во дворѣ Ваня Степановъ сынъ, во дворѣ Алешка Трофимовъ сынъ, во дворѣ Тимошка Степановъ сынъ, а тѣ крестьяне з женами и з дѣтми и со внучаты, которые с ними

живутъ в той полу деревни Мацневой, а четвертная пашня и всякое угодье по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ, я на тое вотчину принесть мнѣ Юрью за рукою челобитную в помѣстной приказъ о запискѣ, а на дѣвку Натальицу дать данную. И всего приданаго на двѣсте на пятдесять рублевъ кромѣ вотчины; А у сей записи сидѣли бояринъ Князь Никита Ивановичь Одоевской да столникъ Михайло Юрьевичь Татищевъ, да Андрей Юрьевичь Татищевъ; а рядную запись писалъ Ивановскіе площади подьячей Ивашко Бузинъ, лѣта 7109 году, Февраля въ 1 день.

А на зади у подлинной рядной пишетъ: к сей рядной записи Князь Никита Одоевской руку приложилъ.

К сей рядной записи Михайло Татищевъ руку приложилъ.

К сей рядной записи вмѣсто отца своево Юрья Агафопниковича Татищева Андрей Татищевъ по ево велѣнію и в свое мѣсто руку приложилъ.

(Списокъ этотъ вѣроятно остался у Татищева, ибо назади его по склѣйкамъ на писано: «Къ сему списку Василей Черцовъ руку приложилъ.»)

═

ПОДЛИННАЯ РЯДНАЯ ЗАПИСЬ.

Се азъ Иванъ Яковлевичь Бибиковъ въ нынѣшнемъ двѣстѣ пятомъ году Октября въ первый день зговорилъ я Иванъ дочь свою дѣвицу Дарью Ивановну замужъ за Василья Афанасьевича Талутина. А благословляю я Иванъ ево зятя своего Василья Афанасьевича и дочь свою Дарью Ивановну Божіимъ милосердіемъ: образъ Пречистые Богородицы умиленіе, окладъ серебреной позолоченъ; да образъ Сергіева видѣнія, окладъ серебряной золоченъ; да образъ Варвары мученицы, окладъ серебреной золоченъ; образъ чюдотворца Николая, окладъ серебреной золоченъ. Да приданаго чепь серебреная золочена на ней два креста серебряныхъ золочены, десять персней серебряныхъ с каменьемъ позолочены, ожерельице низанное жемчюжное, зарукавье низаное жемчюжное, треухъ соболей верхъ бархатной; три кокошника: кокошникъ низаной жемчюжной, другой обьяринной, третій отласной с кружевами золотыми; серги Турецкаго дѣла орлики з жемчюги, другіе серги двойчатки з жемчюги; шуба отласная цвѣтная, мѣхъ черевей бѣлей, кружево серебреное, пугвицы серебреные золочены; шуба тафтяная желтая, мѣхъ бѣлей черевей, пугвицы серебреные золочены; шуба киндяшная осиновой цвѣтъ, мѣхъ заечей; тѣлогрея тафтяная красная, пугвицы серебреные золочены; тѣлогрея киндяшная, тѣлогрея кумачная, перина сызголовьемъ и с подушками и с одѣяломъ, двѣ простыни шитые болшіе на перину; да з фѣльемъ сундукъ: двадцать рубахъ

женскихъ, тридцать полотенецъ. И всего того вышеписанаго приданого кузни и платья на пятдесятъ рублевъ, да семья людей: крѣпостной человѣкъ Андрюшко Констянтиновъ з женою да з дѣтми, сыновьями с Мишкою да с Борькою, да з дочерьми дѣвками с Настюткою да з Дашкою да с Машкою, и на того вышеписаннаго человѣка и на жену ево и на дѣтей дать мнѣ Ивану ему зятю своему Василью Афанасьевичу крѣпость с подлиною очисткою в нынѣшнемъ же двѣстѣ пятомъ году Генваря в десятый день. Да яжъ Иванъ даю в приданые за дочерью своею ему зятю своему Василью Афанасьевичю в Клинскомъ уѣздѣ в Новинской волости помѣстную свою пустошъ Щепино, а въ ней четвертная пашня и сѣнные покосы и всякіе угодья по писцовой книгѣ; и дать мнѣ Ивану ему зятю своему Василью Афанасьевичу о справкѣ той пустоши Щепиной челобитная за рукою, и к допросу в помѣстной приказъ мнѣ Ивану стать на срокъ в нынѣшнемъ же двѣстѣ пятомъ году Декабря в двадесятый день, и к допросу рука приложить, и у допросу ничемъ неспорить, и выдать мнѣ Івану дочь свою дѣвицу Дарью Ивановну за него Василья Афанасьевича за мужъ на срокъ в нынѣшнемъ же двѣстѣ пятомъ году Генваря в десятый день. А будетъ я Иванъ Бибиковъ дочь свою дѣвицу Дарью Ивановну за него Василья Афанасьевича на тотъ вышеписанной срокъ замужъ не выдамъ, или на того своего вышеписаннаго человѣка Андрюшку Констянтинова и на жену ево и на дѣтей крѣпости с подлиною очисткою недамъ, или на помѣстную свою пустошь Щепино о справкѣ за рукою челобитной недамъ, или к допросу в помѣстной приказъ нестану на тѣ сроки, которые писаны в сей записи выше сего, или противъ сей записи хотя в маломъ в чемъ неустою; и на мнѣ Іванѣ взять ему Василью Афанасьевичу Талутину по сей записи за всякую неустойку по сту рублевъ. А у сей рядной записи сидѣли Александра Яковлевичь Бибиковъ, да Преосвященнѣйшаго Сергія Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго сынъ боярской Максимъ Семеновичь Ногинъ; а рядную запись писалъ Тверскіе приказные избы площадной подьячей Петрушка Александровъ, лѣта 7205 года Октября въ 1-й день.

А назади слѣдующія подписи. «Къ сей рядной записи Иванъ Бибиковъ руку приложилъ. Александръ Бибиковъ сидѣлъ и руку приложилъ.

Сидѣлецъ Максимъ Ногинъ руку приложилъ.

=

Роспись,

что взял Иван Никитевич Баборыкин ружья и платья и всякой рухляди своей на Терек с окольничим Княз Михайлом Андреевичем Волконским.

Образ Николая Чюдотворца окладной с венцом и гривенкою золочеными.

Одни Святцы малые.

Одна пара пистолетов с отворочными травами, и сорочки ольстры шиты золотом и серебром по черному сафьяну.

Одна гамолейка шита золотом по черному бархату, с тесьмою шолковою и с ворворкою и с узелками серебреными.

Одна насыпка костеная с тесмою шолковою и с ворворкою серебреною.

Одна сабля краснова железа с ножами Турецкими и с поесом шелковым.

Один обух сталной с подобушником шитым, поцепка медная вызолочена.

Одна узда серебреная с пахвями, местами вызолочена.

Седельная снасть с стременами Черкескими, войлок подложен крашенинною выбойчетою с кровлею яловошною.

Платья.

Кафтан суконой зеленой с нацветом, снурок золотой с сербром на клинехъ, снурок золотной, полы и кондары подбиты отласом цветным, пуговица серебреная с финифтью вызолочена.

Кафтан василковой суконной, снурок золотной, круг воротника плетеною золотой с серебром, по концам ворворки обнизаны жемчюгом, на хребтовом новом лисьем меху.

Кафтан суконой гвоздишной с снурком с перевитым, на старом лисьем черевьем меху, пуговица серебреная.

Два меха белых хрептовых, серых белок.

Кафтан суконной василковой холодной, снурок перевитной, пуговица серебреная.

Кафтан камчатной зимней, стеган на бумаге, пуговица с финифтью вызолочена.

Кафтан камчатной белой, стеган на бумаге, пуговица серебреная.

Кафтан тафтяной желтой, стеган на бумаге, пуговицы конительные з зернышками.

Кафтан армяшной, пуговица серебреная вызолочена.

Кафтанъ китайчетой лазоревой, стеганъ на бумагѣ, пуговица серебреная вызолочена.

Штаны суконные желтые. Штаны тиковые. Штаны черные суконные.

Шапка суконная сѣра с бобромъ, занизана жемчюгомъ.

Шапка суконная василковая с подчерненымъ соболемъ.

Шапка каришная суконная с лисицею, шапка вилкова с овчиною черною.

Колпакъ отласной, стеганъ на титивахъ, а шитъ золототъ с серебромъ.

Кружево шапошное муское, низано жемчюгомъ со изумруды, а изумрудовъ щетомъ малыхъ и болшихъ 60.

Трои сапоги сафьяные, двои сапоги яловошные.

Одни черики сафьяные, другіе яловошные.

Одни чулки гарусные гвоздишные, другіе гарусные лимонные Нѣмецкіе, двѣ подвязки.

Одни руковицы волчьи теплые, одни руковицы перчетые оленьи.

7 Сорочекъ полотняныхъ Нѣмецкіе, 6 полотенецъ лишныхъ, 12 платковъ шапошныхъ, 4 полотенца рушныхъ.

Одинъ холстъ мѣрою 20 аршинъ. Двѣ подкладки крашенинныхъ, одна подкладка бѣлая.

Одинъ пуховикъ изголовье болшее, подушка средняя, наволока тиковая, одна простыня по сѣткамъ шита.

Одинъ кушакъ армяшкой бѣлой, одинъ кушакъ черной стаметной.

Два перстня серебряныхъ, вставки сердоликовыя.

Три Ганздука разны цвѣты.

Одна полсть бѣлая.

Одинъ протевень мѣдной, одна лахань мѣдная лощщетая, два кунгана мѣдныхъ кругомъ лужены, одна ендова мѣдная.

Два молотка, кутки утински, сверло, три пилки, пила в станку, фурма, одни ножницы.

Книшка бумажна Нѣмецкая записная, одно зеркало, двѣ гребенки, одна пара ножей Нѣмецкихъ, 1 поцѣпка к ножу, тесма шелковая зеленая, пять напряжниковъ серебреныхъ вызолоченыхъ, пряшка серебреная вызолочена жъ.

═

Списокъ съ рядной записи слово въ слово.

Се азъ Романъ Михайловъ сынъ Даниловъ в нынѣшнемъ во 197 Генваря въ 13 день зговорилъ я Романъ сестру свою дѣвицу Овдотью Михаиловну за мужъ за стольника за Федора Ивановича Окулова. А благословляю я Романъ сестру свою Авдотью и зятя своего Федора образомъ Пречистые Богородицы Одигитрея, обложенъ серебромъ, да образъ Воскресенія Христова, обложенъ серебромъ, образъ живоначальныя Троицы обложенъ серебромъ, образъ Николая Чюдотворца обложенъ серебромъ. Да приданого платья: шуба отласная, мѣхъ лисей лапчатой, кружево серебреное, пуговицы серебряны; шуба тафтяная двоелишна, мѣхъ бѣлей, путвицы серебряныя; охабенекъ камчатной рудожелтой холодной, пугвицы серебряные; охабенекъ тафтяной двоелишной холодной, путвицы серебреные; охабенекъ тафтяной рудожелтой струйчатой, пугвицы серебряные; шуба киндяшная зеленая, мѣхъ заечей хрѣптовой, путвицы серебряные; шуба китайчатая лазоревая, мѣхъ зайчиной хрѣптовой; охабнекъ китайчатой лазоревой холодной; да шапка вершокъ шитой с перепелы, перепелы серебреные позолочены; шапка Полская бархотная, круживо серебреное по швамъ; треухъ объяринной на соболяхъ, опушенъ огонки, ошивка ценковая; сѣтка золотная; цепочка серебряная вызолочена со кресты; десять перстней; постеля съ изголовьемъ и с одѣяломъ; одѣяло заечинное хрѣптовое покрыто выбойкою. И всего кузни и платья на сто рублевъ. Да ей же даю сестрѣ своей къ ларцу дѣвку Огашку Алексѣеву дочь; да вдову Аленку Иванову дочь Оксину жену съ дочерью ее Душкою. Да еще жъ зятю своему за сестрою своею даю ис помѣстья своего в Бѣжецкомъ уѣздѣ в Верховскомъ стану деревню Офимцово, а в ней три дворы крестьянскихъ: во дворѣ Пининко Семеновъ з женою и дѣтми, во дворѣ Сенько Самойловъ з женою и з дѣтми; да в той же деревнѣ Офимцовѣ написалъ в переписныхъ душахъ, во дворѣ крестьянина Игнашки Григорьева дѣти, Васка да Ѳедка, и вмѣсто тѣхъ крестьянъ Ѳетьки и Васки Игнатьевыхъ и женъ ихъ даю изъ помѣстной своей деревни Кишкина крестьянина Еуфимка Еремѣеива з женою и дѣтми и со всѣми ихъ крестьянскими животы, с пашнею и с лѣсомъ и с сѣнными покосы и со всѣми угодьи, по писцовой книгѣ и по дачамъ. И о томъ помѣстьѣ, что далъ я Романъ за сестрою своею Овдотьею деревню Офимцово, о справкѣ того помѣстья челобитную за рукою дать, и къ допросу мнѣ Роману в помѣстномъ приказѣ стать, и къ допросу рука приложить, и у допросу ничемъ неспорить, и на дѣвку Огашку и на вдову Оленку с дочерью ее дѣвкою Душкою данную дать. А выдать мнѣ Роману сестру свою дѣвицу Овдотью замужъ за нево Ѳедора Ивановича на срокъ за недѣлю сырные недѣли нынѣшняго жъ 196 году. А буде я Романъ Даниловъ сестры своей дѣ-

вицы Овдотьи Михайловны за мужъ за нево столника Өедора Івановича Окулова на тотъ вышеписанной срокъ невыдамъ, или къ допросу в помѣстномъ приказѣ о справкѣ того помѣстья не стану, или къ допросу руки неприложу, или на ту дѣвку Огашку и на вдову Оленку з дочерью ее Дункою данныхъ на тотъ же вышеписанной срокъ недамъ, или в тѣхъ моихъ крестьянъ учнетъ кто вступатца; и мнѣ Роману очищать и ево Федора в томъ убытка ни какова недовесть. А буде тѣхъ крестьянъ очищать не стану или какой убытокъ в тѣхъ крестьянѣхъ учиню; и на мнѣ Романѣ взять ему Өедору Окулову по сей зговорной рядной записи триста рублевъ денегъ, а ся запись и впредь в запись. А у сей зговорной и рядной записи послуси Бѣжецкого Верха площадные подьячіе Степанъ Степановъ, Агей Тимофѣевъ; а зговорную запись писалъ Бѣжецкого жъ Верха площадной подьячей Левка Июдинъ лѣта 7196 году Генваря въ 11-й день, а назади у подлинной записи рука Романа Данилова.

Сообщ. П. А. Бартеневымъ.

ПО ЧЕМЪ ПУДЪ МѢДИ ВЪ 7177 ГОДУ.

Лѣта 7177 года, Сентября въ 1 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, и по приказу столника и воеводы Князя Константина Осиповича Щербатова, цѣновщики Брянскіе пушкари: Сергѣй Можаевъ, Иванъ Козанцовъ, посадскіе люди Семенъ Мокѣевъ, Тимофѣй Неуструевъ, Иванъ Наумовъ, Дворцовыхъ посолныхъ слободъ крестьянѣ: Иванъ Шлыковъ, Өонасей Мокѣевъ, Иванъ Ишуминъ цѣнили во Брянскѣ на кружечномъ дворѣ хоромное строенье и суды мѣдные и деревянные и всякой кружечнаго двора заводъ, а что чего на кружечномъ дворѣ оцѣнено и то писано подъ сею цѣновною порознь.

На кружечномъ дворѣ свѣшано: в первомъ вѣсу мѣди вѣтоши девять пудъ двѣ четверти; цѣною пудъ по три рубли.

Въ другомъ вѣсу мѣди свѣшано въ дѣлѣ шесть пудъ, цѣною по четыре рубли.

Въ четвертомъ вѣсу мѣди въ дѣлѣ, четыре пуда двѣ четверти, цѣною по четыре рубли.

Да въ томъ же вѣсу вѣтоши два пуда одна четверть, цѣною пудъ по три рубли.

О ПРОДАЖНОЙ ЦѢНѢ ВИНА ВЪ 7175 ГОДУ.

Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, холопъ твой Васка Уваровъ челомъ бьетъ; въ нынѣшнемъ Росударь во 175 году Августа въ 6 день, прислана твоя Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца грамота из розряду за приписью діяка Василья Семенова на Воронежъ ко мнѣ холопу твоему; а в твоей Великаго Государя грамотѣ написано, по твоему Великаго Государя указу велѣно быть на твоей Великаго Государя службѣ в Царѣгородѣ посломъ стольнику Афонасью Нестерову, да дьяку Ивану Вохромѣеву, и ты Великій Государь для той службы, пожаловалъ ево Афонасья велѣлъ ему дать на Воронежѣ с кружечнаго двора вина двѣстѣ ведръ, добраго и пѣннаго безденежно в твое Государево заорлѣное ведро с роспиською, и в томъ винѣ откупщику Лазарьку Елизарьеву дать отпись за своею рукою для зачету откупныхъ денегъ. А почему Государь то вино у откупщика в покупкѣ ведро ставилось, по чему въ продажѣ и каково ведро мѣрою; и мнѣ бъ холопу твоему о томъ к тебѣ Великому Государю отписать, и по Твоему Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца указу я холопъ твой с Воропежскаго кабака у откупщика Лазарки Елизарьева двѣстѣ ведръ вина взялъ в твое Государево заорленое ведро, и то Государь вино отдалъ я холопъ твой столнику Афонасью Нестерову. А по скаскѣ Государь Лазарки Елизарьева то вино у него в покупкѣ ведро по шестьнадести алтынъ по четыре деньги, а в продажѣ ведро по двадцати по пяти алтынъ по четыре деньги, а мѣрою Государь ведро с верхнева краю внутрь черезъ дно до нижнево краю осьми вершковъ.

═

О ПРОДАЖНОЙ ЦѢНѢ ВИНА ВЪ 7185 ГОДУ.

Лѣта 7185, Декабря въ 12 день по Государеву Цареву и Великаго Князя Ѳедора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца указу, память Самарскаго кружечнаго двора головѣ Якову Дьякову съ товарищи. Въ нынѣшнемъ во 185 году Сентября въ 1-й день по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и по памяти столника и воеводы Андрея Никитича Самарина велѣно тебѣ на Самарскомъ кружечномъ дворѣ продавать ви-

но въ ведра и полуведра и четь ведра, по два рубли, а въ кружки и чарки по три рубли ведро; и Декабря съ 13 числа нынѣшняго году по указу Великаго Государя продавать бы вамъ на Самарскомъ кружечномъ дворѣ вино въ ведра и полуведра и въ четь ведра, по рублю ведро, а въ кружки и въ чарки, по полтора рубли ведро; и во всякой питейной продажѣ искать Великому Государю прибыли, что передъ откупнымъ сборомъ недоберете, и тотъ недоборъ доправленъ будетъ на васъ и на выборныхъ людяхъ; и за питейную продажу деньги приносить на Самару въ приказную избу помѣсячно. Къ сей памяти стольникъ и воевода Андрей Никитинъ Самаринъ печать свою приложилъ.

Сообщ. Д. Ч. И. Д. Бѣляевымъ.

═

СЫСКНОЕ ДѢЛО 7196 ГОДА.

Въ нынѣшнемъ во 196 году Генваря въ 19-й день великому господину Святѣйшему Патріарху, Стольникъ Андрей Самаринъ подалъ челобитную, а въ челобитной пишетъ: въ нынѣшнемъ де во 196-мъ году Генваря противъ 19 числа въ ночи покрали у него животы ево на Кириловскомъ подворьѣ въ погребѣ отъ запертыхъ дверей, замки сундукъ разломали, а замки у того погреба цѣлы, а кражею де взяли изъ того его сундука 1500 рублевъ денегъ, да ожерелье снизаное большое съ пуговицы золотыми цѣна 300 рублевъ, да шапку бархатную съ пѣтлями большими съ душкою цѣна 150 рублевъ; и чтобъ Святѣйшій Патріархъ по челобитью его велѣлъ того подворья сушилнаго старца въ той покражѣ распросить и про тое кражу имъ розыскать; потому что де того погреба всѣхъ дверей ключи замошные живутъ у него и опричь ево въ тотъ погребъ никто не ходилъ, а замки де всѣ цѣлы и мимо де многихъ сундуковъ одинъ тотъ ево сундукъ изломанъ. И того жъ числа по помѣтѣ на той челобитной Кириловскаго подворья сушилной старецъ Корнилей въ Патріаршѣ розрядѣ сысканъ и противъ челобитной Самарина роспрашиванъ.

А въ роспросѣ сказалъ: поставленные де животы подъ церковью Афонасьевскою въ погребъ, что въ томъ погребѣ поставлены и въ иныхъ службахъ, которые вѣдалъ прежней сушильной старецъ Лаврентей, онъ старецъ Корнилей принялъ осмотря замковъ и печатей въ цѣлости, а переписки де у него ничему съ прежними сушилными небыло, а Андрея Самарина онъ Корнилей по се время не зналъ. А въ нынѣшнемъ де году въ Филиповъ постъ за недѣлю до Николина дни приходили на ихъ монастырское подворье дѣти ево Андреевы два сына съ людьми своими для поставленныхъ отца своего животовъ; и онъ де Корнилій взявъ съ собою того жъ подворья двух черныхъ

поповъ Гелясія да Игнатія досмотрить въ погребѣ у поставленныхъ животовъ ярлыковъ и на ярлыкахъ ево Андреева имяни, для того что онъ грамотѣ неумѣетъ, и у сундуковъ де ярлыки объявились ево Андреева имянемъ и печати въ цѣлости, и въ одинъ де сундукъ дѣти ево Андреевы ходили и вынимали платье и ящикъ, и вдругорядь де приходили предъ Рождествомъ Христовымъ дѣти жъ ево Андреевы и въ сундукъ ходили и поставили ящикъ, и съ писмами ль или съ чѣмъ инымъ того онъ не знаетъ, а онъ де старецъ Корнилей съ дѣтьми ево Андреевыми въ погребѣ былъ же. А послѣ де послѣдняго пріѣзду дѣтей ево Андреевыхъ пріѣзжалъ на ихъ монастырское подворье и ходилъ въ тотъ же кладовой погребъ съ нимъ же старцемъ Корниліемъ Григорей Ивановъ сынъ Вохромѣеевъ для животовъ своихъ, а про животы де ево Григорьевы, что поставлены въ сундукахъ, указывалъ ему Корнилію прежней сушилной старецъ Лаврентей; и онъ де Корнилей потому съ нимъ въ тотъ погребъ хodилъ и послѣ де того онъ Корнилей въ тотъ кладовой погребъ одинъ и ни съ кѣмъ не хаживал, и у того погреба замки и печати по прошлую ночь были цѣлы. И вчерашняго де числа въ вечеру въ отдачу дневныхъ часовъ тотъ погребъ онъ Корнилей печаталъ, и въ то де время было все цѣло, и сего де числа въ отдачу ночныхъ часовъ на разсвѣтѣ пошелъ онъ Корнилей въ питейной погребъ, и идучи у того погреба казеннаго осмотрѣлъ, что печать сорвана и замокъ вислой збитъ, а дверь затворена; и онъ де Корнилій отворя тое дверь осмотрѣлъ, что другіе двери того жъ погреба, которые были замкнуты желѣзнымъ же замкомъ, отворены, а замокъ вислой збитъ и виситъ на пробоѣ; и онъ де, неходя къ другимъ дверямъ и въ кладовой погребъ известилъ строителю старцу Дороѳею, что у кладоваго погреба замки сбиты и печати сорваны; и строитель де Дороѳей съ нимъ старцомъ Корниліемъ и съ стряпчимъ ходили въ тотъ кладовой погребъ досматривать, и по досмотру де въ томъ кладовомъ погребѣ изъ поставленныхъ сундуковъ Ондрея Самарина, у одного сундука кровля выломлена и прислонена къ стѣнѣ, и изъ того де сундука вынято оберчено въ полотно и положено на другомъ сундукѣ; а что де какихъ ево Андреевыхъ животовъ было положено и нынѣ что въ остаткахъ того онъ старецъ Корнилей невѣдаетъ; а кто де у того погреба замки ломалъ и животы ево Андреевы изъ того погреба кралъ, того де онъ невѣдаетъ же, а прошлые де ночи противъ 19 числа на монастырскомъ ихъ подворьѣ хто имяны сторожей былъ, того онъ не вѣдаетъ.

И послѣ роспросу старецъ Корнилей отосланъ на Кириловское подворье и отданъ строителю Іеромонаху Дороѳею съ роспискою до указу Святѣйшаго Патріарха.

Того жъ числа по указу Святѣйшаго Патріарха посыланъ на Кириловское подворье Дьякъ Иванъ Калитинъ противъ челобитья Самарина для досмотру

на томъ подворьѣ покраденныхъ Андреевыхъ животовъ и погреба, въ которомъ тѣ ево животы поставлены были, и сундуковъ изъ которыхъ тѣ животы покрадены; и того подворья строителю Іеромонаху Дороѳею указъ Святѣйшаго Патріарха сказалъ, чтобъ онъ про пропажу тѣхъ животовъ у себя на Кириловскомъ подворьѣ розыскалъ, а буде онъ тѣхъ покраденныхъ животовъ не сыщетъ, и за тѣ животы противъ ево Андреева челобитья доправлено будетъ изъ Кирилова монастыря.

Да Генваря въ 24 числѣ въ указѣ Великихъ Государей въ Патріаршъ розрядъ изъ Земского приказу за приписью Дьяка Емельяна Кирилова написано:

Велѣно доложа Великого Господина Патріарха, противъ челобитья Самарина, Кирилова монастыря строителя старца Дороѳея Казанскаго допросить: Генваря де противъ 19 числа, нынѣшняго 196 году, на ихъ монастырскомъ подворьѣ в ночи сторожей кто имяны были и сколько человѣкъ, и сушилному старцу Корнилію въ товарыщи много ль человѣкъ монастырскихъ служекъ дано и кто имяны, и въ томъ вышеписанномъ числѣ въ которомъ погребѣ поставленной сундукъ Андреевъ съ животами кто разломалъ, и деньги 1500 рублевъ, ожерелье жемчужное и шапку бархатную кражею взялъ; и служикъ Трошку Тимоѳѣева да Епиѳанка, которые присланы для сторожи на Кириловское подворье, въ монастырскіе вотчины отпущены ль и сколь давно, и кто ихъ отпустилъ и въ которую вотчину, и Митку Бабкина; и Генваря въ 18 день на тюремной дворъ къ служкамъ къ Васкѣ Карпову съ товарыщи съ квасомъ онъ строитель Дороѳей посылалъ ли, и Митка на тюремномъ дворѣ ночевалъ ли или нѣтъ; да тѣ ево допросные рѣчи за дьячьею приписью и за ево строителевою рукою прислать въ Земской приказъ.

И Генваря въ 25 день по указу Святѣйшаго Патріарха Кириловскаго подворья строитель старецъ Дороѳей допрашиванъ.

Въ допросѣ сказалъ: нынѣшняго де 196 году Генваря противъ 19 числа на монастырскомъ ихъ Московскомъ подворьѣ въ ночи сторожи были монастырскіе служебники Кондрашка Андреевъ, да Митка Бабкинъ, а кромѣ жъ ихъ тое ночи иныхъ сторожей не было, и сушилному де ихъ старцу Корнилію въ послужкѣ данъ одинъ монастырской служебникъ Савка Евстаѳѣевъ; и въ погребѣ въ кладовомъ, въ которомъ поставленъ сундукъ Андрея Самарина съ животами, кто разломалъ, и денги 1500 рублевъ и ожерелье жемчужное женское и шапку бархатную кражею кто взялъ того онъ невѣдаетъ; а какъ де тѣ ево Андреевы сундуки на ихъ монастырскомъ подворьѣ въ кладовой погребъ поставлены, и что въ нихъ положено, и въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ, и того онъ строитель Дороѳей невѣдаетъ, а увѣдалъ де онъ Дороѳей про тѣ ево Андреевы поставленные сундуки потому, что въ нынѣш-

немъ во 196 году въ Филиповъ постъ пріѣзжали на ихъ монастырское подворье и кладили въ кладовой погребъ дважды съ вѣдома ево строителя Дорофея съ сушиленымъ старцомъ Корниліемъ дѣти ево Андреевы съ людьми своими, а кто имяны того онъ незнаетъ, и будучи въ томъ погребѣ что въ сундуки свои клали или что вынимали, того онъ строитель Дорофей невѣдаетъ; и монастырского де служку Прошку Тимофѣева съ Московского подворья отпустилъ въ Кириловъ монастырь до него Дорофея прежней строитель Макарей, а служку жъ Епифанку, который присланъ для сторожи, послалъ онъ строитель Дорофей въ монастырскіе вотчины Московскаго уѣзду въ село Петровское Генваря въ 18 числѣ нынѣшняго 196 году съ монастырскими лошадьми, а нынѣ де онъ Епифанка на монастырскомъ ихъ подворьѣ, а въ которомъ числѣ къ Москвѣ пріѣхалъ того онъ Дорофей подлинно невѣдаетъ; и Генваря жъ въ 18 день монастырского сторожа Митку Бабкина на тюремный дворъ къ служкамъ къ Васкѣ Карпову съ товарыщи съ квасомъ и ни съ чѣмъ онъ строитель Дорофей не посылывалъ, и на тюремномъ дворѣ или гдѣ индѣ онъ Митка ночевалъ ли того онъ Дорофей невѣдаетъ, а будетъ де гдѣ онъ Митка того числа ночевалъ, про то онъ самъ скажетъ.

И противъ вышеписаннаго Великихъ Государей указу и допросныхъ рѣчей строителя Іеромонаха Дорофея въ Земской приказъ отписано.

Да Генваря въ 25 день, билъ челомъ Святѣйшему Патріарху столникъ Андрей Квашнинъ-Самаринъ, чтобъ Святѣйшій Патріархъ пожаловалъ ево велѣлъ о ставленныхъ животахъ выписать изъ указу Великихъ Государей и уложенья, и въ покраденныхъ ево животахъ противъ ево прежняго челобитья и сушиленного старца Корнилія въ ихъ распросныхъ рѣчехъ указъ учинить.

И противъ того челобитья по помѣтѣ челобитной изъ указу Великихъ Государей выписано:

Въ указѣ Великихъ Государей и въ соборномъ уложеньѣ въ 10-й главѣ во 195 статьѣ напечатано:

Будетъ кто у кого положитъ свои животы на сбереженіе за своею печатью и за замкомъ, и тотъ, у кого поставлены тѣ чужіе животы отомкнетъ и распечатаетъ и пересмотритъ безъ того чьи тѣ животы, и тотъ чьи тѣ животы учнетъ на него бити челомъ и что изъ тѣхъ ево животовъ что пропадо, а сыщется про то до пряма, что тѣ ево животы и отомкнуты и роспечатаны и пересматриваны безъ него, и по сыску то поклажее чего противъ исцева челобитья въ лицахъ не будетъ, доправити на немъ у кого они поставлены были за замкомъ и за печатью; а будетъ межъ ими въ тѣхъ животахъ какой споръ учинится, и имъ въ томъ учинити вѣру крестное цѣлованіе.

Да Марта жъ 6-й день, въ Патріаршъ разрядъ въ указѣ Великихъ Государей изъ Земского приказу за приписью Дьяка Ивана Волкова написано: ве-

лѣно въ Патріаршѣ разрядѣ выписавъ изъ списка Кирилова монастыря, что съ Бѣлаозера, сушилнаго старца, какъ онъ допрашиванъ противъ челобитья столника Андрея Квашнина Самарина про разломанной эво сундукъ и покраденные животы, что онъ сушилной старецъ у прежняго сушилного старца Андреевы сундуки Квашнина Самарина за замкомъ и за эво Андреевою печатью въ цѣлости принялъ, отписать въ Земской приказъ.

Противъ того Великихъ Государей указу въ Патріаршѣ разрядѣ изъ вышеписанной Кириловскаго подворья сушиленнаго старца Корнилія изъ сказки выписано и въ Земской приказъ отписано, что онъ сундуки Андрея Самарина осмотря замковъ и печатей принялъ въ цѣлости.

Да Іюня въ 24 день билъ челомъ Святѣйшему Патріарху столникъ Андрей Квашнинъ-Самаринъ: по эво де челобитью въ Патріаршѣ розрядѣ Кириловскаго подворья сушиленной старецъ Корнилій въ кражѣ животовъ эво расспрашиванъ; а въ роспросѣ сказалъ, что онъ Андреевы сундуки у прежняго сушилного старца, осмотря замковъ и печатей и ярлыковъ, того жъ монастырского ихъ подворья съ черными попами принялъ въ цѣлости, а кто де имяны черныхъ поповъ съ нимъ сущилнымъ старцомъ у сундуковъ эво ярлыковъ и печатей и замковъ досматривали, и то въ тѣхъ эво старцовыхъ расспросныхъ рѣчахъ написано имянно. А въ указѣ Великихъ Государей и въ соборномъ уложеньѣ въ 10-й главѣ во 195 статьѣ напечатано: кто у кого поставилъ какіе свои животы на збереженіе за своею печатью и замкомъ, а тотъ у кого тѣ животы поставлены будутъ безъ него пойдетъ за его печать и за замокъ; а тотъ чьи тѣ животы станетъ на него бить челомъ, что у него поставленные эво животы изъ-за эво печати и изъ-за замка пропали; и на томъ у кого тѣ животы поставлеоы были велѣно править. А онъ де сушилной старецъ и самъ сказалъ, что принялъ сундуки эво Андреевы осмотря замковъ и печатей въ цѣлости. Да въ той же де главѣ въ 275 статьѣ напечатано: изъ-за чьей сторожи у кого поставленные животы пропадутъ; и то велѣно править на тѣхъ, изъ-за чьей сторожи тѣ животы пропали. Да и по тому де явися ихъ старцовъ неправда, что въ томъ же ихъ казенномъ погребѣ иные сундуки съ животами многихъ эво братей стояли ближе эво сундуковъ къ дверямъ; и тѣ всѣ въ цѣлости; а если буде приходили посторонніе воры, и они бы ближніе сундуки взломали, а не одинъ эво Андреевъ сундукъ, и какъ бы де замокъ стали вбивать у желѣзныхъ дверей и въ кельяхъ желѣзной стукъ былъ слышанъ, потому что келья у самыхъ тѣхъ дверей того сушилного старца и иные кельи близко тѣхъ дверей того ихъ казеннаго погреба. Да и по тому явися ихъ неправда, что въ тѣ казенные погребы и въ день они съ огнемъ ходятъ нетокмо ночью; а постороннему бъ де вору съ огнемъ приттить въ такіе крѣпкіе мѣста чрезъ каменную ограду и у желѣзныхъ дверей замокъ

збивать никонии дѣлы невозможно. И въ нынѣшнемъ де во 196 году Іюня въ 15 день изъ Сыскного приказу того его челобитья о тѣхъ животахъ Великіе Государи съ бояры слушавъ въ походѣ въ селѣ Измайловѣ указали и бояря приговорили: въ тѣхъ животахъ ему на тѣхъ Кириловскихъ старцовъ бить челомъ Святѣйшему Патріарху и на дѣлѣ де о томъ помѣчено; и Святѣйшій Патріархъ пожаловалъ бы еще велѣлъ въ тѣхъ ево животахъ съ Кириловскими властьми указъ учинить по своему разсмотрѣнію и по соборному уложенію, по тѣмъ вышеписаннымъ статьямъ и по роспросныиъ рѣчамъ сушилного старца, что онъ и самъ сказалъ, что принялъ тѣ ево животы въ цѣлости.

Да Августа въ 25 день въ Патріаршъ розрядъ въ указѣ Великихъ Государей изъ приказу сыскныхъ дѣлъ за приписью Дьяка Косиы Пантелѣева написано:

Лѣта 7196, Августа въ 25 день, по указу Великихъ Государей думному дворянину и Патріаршу боярину Михаилу Ивановичу Глѣбову съ товарыщи въ: нынѣшнемъ во 196 году Августа въ 17 день билъ челомъ Великимъ Государемъ стольникъ Андрей Никитинъ сынъ Квашнинъ-Самаринъ, а въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ думному дворянину Викулѣ Өедоровичу Изволскому съ товарыщи подалъ челобитную. А въ челобитной ево написано: билъ челомъ Великимъ Государемъ онъ Андрей въ покраденныхъ своихъ животахъ Кирилова монастыря на старцовъ и на служекъ; и то де дѣло въ сыскномъ приказѣ, и по указу Великихъ Государей, на томъ ево дѣлѣ помѣчено, что ему Андрею о тѣхъ своихъ животахъ на Кириловскихъ старцевъ бить челомъ Святѣйшему Патріарху; и Великіе Государи пожаловали бъ ево велѣли съ тое помѣты изъ сыскного приказу въ Патріаршъ разрядъ послать для вѣдома память, потому что въ Патріаршѣ розрядѣ о той помѣтѣ вѣдомости нѣтъ. На той челобитной помѣта думнаго дьяка Патапья Микифорова: 196 года Августа въ 14 день Великіе Государи пожаловали велѣли о томъ указъ учинить Думному дворянину Викулѣ Өедоровичу Изволскому съ товарищи, каковъ указъ учинить по докладной выписки и послать въ Патріаршъ розрядъ память. И въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ въ указѣ Великихъ Государей Іюня 15 числа нынѣшняго 196 году написано: Великіе Государи .... слушавъ съ дѣла докладные выписки въ своемъ Государскомъ походѣ въ селѣ Измайловѣ указали и Бояре приговорили: Кирилова монастыря служекъ Оску Михайлова, Митку Бабкина, Савку Евтифѣева, Коненку Андреева свободить, отдать стряпчему съ росписскою; а Андрею Никитину сыну Квашнину-Самарину въ животахъ своихъ будетъ дѣло, и на старцовъ бити челомъ ему Святѣйшему Патріарху; тотъ Великихъ Государей указъ закрѣпилъ думной дьякъ Данило Полянской, такова память за приписью Дьяка Данилы Полянскова. 197 Сентября въ 5-й день Святѣйшій Патріархъ указалъ Андрею Никитину сыну Квашнину-Самарину постав-

ленныхъ ево и покраденыхъ животовъ съ Кириловскаго подворья Московскаго Кирилова монастыря на властехъ искать судомъ.

197-го Сентября въ 21 день въ Патріаршѣ розрядѣ приставы Афонасей Желѣзниковъ, Иванъ Шумовъ, Семенъ Ерофѣевъ сказали: ходили де они по сыскной памяти Кирилова монастыря по стряпчего Ивана Васильева въ иску столника Андрея Никитина сына Квашнина-Самарина въ пропалыхъ ево Андреевыхъ съ того Кириловскаго подворья животахъ, и про него де сказывали имъ монастырскіе работники, что де онъ въ походѣ, а взять монастырскихъ работниковъ и подьячихъ съ того подворья нельзя потому, что ворота ихъ монастырского подворья заперты.

197-го Сентября въ 22 день въ Патріаршѣ разрядѣ съ Бѣлаозера Кирилова монастыря стряпчей Иванъ Бурнашовъ сказалъ: въ прошломъ де во 196-м году въ Февралѣ мѣсяцѣ по приказу Кирилова монастыря архимандрита Іосифа съ братьею присланъ онъ Иванъ къ Москвѣ ходить за монастырскими дѣлами на перемѣну прежнему стряпчему Ивану Помордову; и пріѣхавъ де онъ къ Москвѣ съ нимъ Иваномъ Померцовымъ въ всякихъ монастырскихъ дѣлахъ росписалоя, и Иванъ де Помордовъ съѣхалъ въ Кириловъ Монастырь, а изъ Монастыря посланъ на приказъ въ село Наволокъ отъ Кирилова монастыря въ двадцати верстахъ, а нынѣ де онъ Иванъ въ томъ ли селѣ на приказѣ или куда посланъ въ далную посылку, того онъ невѣдаетъ, потому что де изъ Кирилова монастыря ѣздоковъ къ Москвѣ небывало многое время.

197-го Сентября въ 24 день по указу Великого Господина Святѣйшаго Патріарха и по приказу думною дворянина . . . . дана выписка приставомъ Афонасью Желѣзникову да Михаилу Щитинову: велѣно имъ собрать поручную запись съ Бѣлаозера Кирилова монастыря по стряпчемъ Иванѣ Васильевѣ сынѣ Бурнашева въ томъ, что ему Кирилова монастыря за архимандрита Іосифа съ братьею отвѣчать въ Патріаршѣ разрядѣ въ сыску столника Андрея Никитина сына Квашнина Самарина въ пропалыхъ ево Андреевыхъ съ Кириловскаго Московскаго подворья въ поставленныхъ и въ подкраденныхъ животахъ, въ деньгахъ въ тысячи пяти стахъ рубляхъ, да въ ожерельѣ низанномъ болшомъ съ пуговицы золотыми по цѣнѣ въ трехъ стахъ рублехъ, да въ шапкѣ бархатной съ петлями большими съ душкою по цѣнѣ во стѣ въ пятидесяти рублехъ, и что ему Ивану поставити въ Патріаршѣ разрядѣ прежнево Кирилова монастыря стряпчего Иванова сына Помордова Октября къ 31-му числу нынѣшнего 197 году; а буде онъ Иванъ на тотъ срокъ Кирилова Монастыря за властей противъ ево Андреева челобитья въ иску ево отвѣчать не станетъ; и прежнего стряпчего Ивана По-

морцова на тотъ вышеписанной срокъ въ Патріаршѣ розрядѣ не поставитъ, и въ томъ ево Андреева........ *

Великому Господину Святѣйшему Киръ Іоакиму и всеа Россіи и всѣхъ Сѣверныхъ странъ Патріарху бьетъ челомъ Андрюшка Квашнинъ Самаринъ: въ прошломъ Государь во 195-мъ году поставлены были на сбереженье сундучишки мои съ животами за моею печатью и за замкомъ Кирилова Монастыря Бѣлозерского на Московскомъ ихъ подворьѣ въ Кремлѣ городѣ въ казенномъ ихъ монастырскомъ погребѣ при бывшемъ ихъ строителѣ Макарьѣ въ цѣлости; а въ прошломъ Государь во 196-м году Генваря въ 19 день при бывшемъ другомъ ихъ монастырскомъ строителѣ Дороѳеѣ въ казенномъ ихъ погребѣ сундукъ мой розломанъ и животы мои выбраны, и взято Государь денегъ тысяча рублевъ да ожерелье женсю жемчужное съ пуговицами золотыми цѣна триста рублевъ да шапка бархатная съ душкою и съ пѣтлями болшими жемчужными цѣна сто пятьдесятъ рублевъ. А тотъ Государь казенный ихъ погребъ, въ которомъ тѣ мои животы покрали, за ихъ монастырскою печатью и за замкомъ и за сторожемъ. А какъ Государь по моему челобитью въ тѣхъ моихъ покраженныхъ животахъ монастырской ихъ сушилной старецъ Корнилей роспрашиванъ, а въ роспросѣ онъ сказалъ, что тѣ мои сундуки у прежнева ихъ монастырскаго сушилнаго старца, осмотря тогожъ монастыря съ черными съ священники Геласіемъ да съ Игнатіемъ, принялъ въ цѣлости осмотря ерлыковъ и печатей; а нынѣ Государь тотъ черный священникъ Геласій на томъ же ихъ монастырскомъ подворьѣ въ строителяхъ. А и во всѣхъ Государь монастырехъ и у нихъ въ Кириловѣ монастырѣ выбираютъ и присылаютъ къ Москвѣ на подворье свое вѣрочи строителей и сушилныхъ старцовъ со всего монастырского собору, а не собою власть имѣютъ на подворьяхъ строители и сушилные старцы; а тѣ Государь вышеписанные строители и сушилные старцы, которые приняли у меня животы мои въ цѣлости и при которыхъ покрали тѣ мои животы, и тѣ всѣ присланы были, и нынѣ которые на Москвѣ на подворьѣ, со всего ихъ монастырскаго собору живутъ, а не собою. А въ томъ же Государь казенномъ ихъ монастырскомъ погребѣ стояли многіе нашей братіи въ то время сундуки ближе къ дверемъ моихъ сундуковъ и тѣ всѣ въ цѣлости; а въ тѣ Государь погребы и сами того подворья власти и въ день съ огнемъ ходятъ нетокмо ночью, естьли бы Государь посторонніе воры красть приходили кромѣ того ихъ Монастырского подворья, и они бы разломали ближніе сундуки а не далные; и потому Государь стала явная ихъ монастырская вина. А въ нынѣшнемъ Государь во 197-м году Ноября въ 1-й день указалъ ты Великій Господинъ дать мнѣ очную ставку того Кирилова монастыря съ сушилнымъ старцомъ Корнилїемъ, но тѣ того монастыря власти сушилного старца и по се

---

* Здѣсь нѣсколько листовъ утрачено.

число къ очной ставкѣ неставливали и тѣхъ моихъ вышеписанныхъ покраденныхъ животовъ неплачивали. Милостивый великій Господинъ Святѣйшій Киръ Іоакимъ Московскій и всея Руссіи и всѣхъ сѣверныхъ странѣ Патріархъ пожалуй меня, вели Государь въ тѣхъ моихъ покраденныхъ животахъ съ Кириловымъ монастыремъ свой святительской милостивой указъ учинить по уложенію десятые главы 195 статьи.

Отвѣтчикъ Кириловскаго подворья Московскіе службы сушиленной старецъ Корнилей выслушавъ исковую челобитную отвѣчалъ, а въ отвѣтѣ сказалъ: въ прошломъ де во 195 году на Кириловскомъ подворьѣ сундуки съ животами стольника Андрея Квашнина Самарина поставлены были съ животами, а при которомъ де строителѣ про то онъ Корнилей невѣдаетъ, и какъ де въ томъ же году взялъ ево на Кириловское подворье въ сушильные бывшей строитель Дороѳей изъ Дмитровскаго уѣзду изъ села Куликова; и онъ де Коронилей казенной погребъ съ поставленными животами всякихъ чиновъ людей и съ ево исцовыми животами за замкомъ и за печатью принялъ въ цѣлости у прежняго сушилнаго старца Лаврентья, и чья де у того исцова сундука печать была приложена и ерлыкъ, и при которомъ строителѣ тотъ сундукъ былъ поставленъ, того онъ невѣдаетъ. И въ прошломъ де во 196-и году Генваря въ 19-и числѣ при бывшемъ ихъ строителѣ старцѣ Дороѳеѣ тотъ исцовъ сундукъ въ казенномъ ихъ монастырскомъ погребѣ по досмотру строителя старца Дороѳея и стряпчаго Ивана Поворцова тогожъ подворья съ черными священники съ Геласіемъ, что нынѣ на томъ же Кириловскомъ подворьѣ въ строителяхъ, да съ чернымъ попомъ Игнатьемъ, сундукъ ево исцовъ въ казенномъ погребѣ розломанъ, и что де изъ того сундука животовъ ево исцовыхъ выкрадено и на столко де противъ исковой челобитной животовъ ево исцовыхъ въ томъ сундукѣ разломанномъ было ль про то онъ невѣдаетъ; а тотъ де монастырской казенной ихъ погребъ былъ за замкомъ монастырскимъ Кириловскаго подворья, а печать де у того погреба была ево сушилнаго старца Корнилея, а сторожи де были на томъ подворьѣ у тѣхъ погребовъ кто имяны, и про то де вѣдалъ строитель Дороѳей, а онъ де Корнилей про тѣхъ монастырскихъ сторожей невѣдалъ. И какъ де онъ отвѣчикъ по челобитью ево Андрееву въ тѣхъ покраденныхъ животахъ въ Патріаршѣ розрядѣ роспрашиванъ, а въ роспросѣ онъ Корнилей въ то время говорилъ, что де онъ ево Андреевы сундуки у прежняго монастырского ихъ сушиленного старца Лаврентія осмотря ярлыковъ и печатей принялъ въ цѣлости, а въ то де время у досмотру тогожъ монастыря черные священники Геласей да Игнатей и у пріему тѣхъ сундуковъ съ нимъ Корниліемъ небыли, и въ прежнемъ де своемъ роспросѣ такихъ рѣчей, что тѣ черные священники будто у пріему и у досмотра того ево Андреева сундука, какъ онъ принималъ у бывшаго сушилнаго старца Лаврентія, съ нимъ были, неговаривалъ; аималъ де онъ

тѣхъ священниковъ для досмотру у того сундука ярлыковъ и печатей послѣ того за недѣлю до Николаева дни, какъ пріѣзжали на Кириловсюое подворьѣ дѣти ево исцовы, а имянъ де ихъ сказать незнаетъ; и тѣ де черные священники у сундуковъ ярлыковъ досматривали и ему Коренилію у досмотру говорили, что де тѣ сундуки ево Андрея Квашнина Самарина, а печати у тѣхъ сундуковъ и замки въ то время по досмотру ихъ черныхъ священниковъ въ цѣлости въ то время были и про то де ему ничего не сказывали; и въ тожъ де время дѣти ево Андреевы въ тѣ сундуки и ходили и вынимали платье, а какое платье про то онъ невѣдаетъ, потому что онъ стоялъ за ево исцовыми людьми поодаль, и тѣ де сундуки ево исцовы дѣти запечаталиль или нѣтъ, того онъ невидалъ; и вышелъ де изъ погреба съ ними вмѣстѣ; и послѣ де того тогожъ дня тѣхъ сундуковъ, что они запечатали ль онъ неосматривалъ. А тотъ де черный священникъ Геласій, съ которымъ онъ Корнилей осматривалъ ево исцовыхъ сундуковъ и у тѣхъ сундуковъ ярлыковъ и печатей, нынѣ на Кириловскомъ Московскомъ подворьѣ въ строителяхъ, а присланъ изъ Кирилова монастыря за повелѣніемъ архимандрита со всего собору на Кириловское подворье въ строители. А онъ де отвѣтчикъ посланъ былъ въ прошлыхъ годахъ въ ихъ монастырскую вотчину въ Дмитровской уѣздъ въ село Куликово со всего монастырского ихъ собору при бывшемъ архимандритѣ Тимофеѣ, а изъ села де Куликова взялъ ево на Кириловское подворье къ Москвѣ бывшей строитель Дороѳей въ сушилные старцы собою . . . . съ вѣдома ль де архимандрита или нѣтъ, про то онъ невѣдаетъ, а вѣдалъ де про то онъ строитель Дороѳей. А въ томъ де погребу и иныхъ разныхъ чиновъ людей животы въ сундукахъ поставлены были, и ближе ево исцевыхъ сундуковъ стояли животы къ дверемъ Григорья Вахромѣева и иныхъ того монастыря вкладчиковъ многихъ людей, и были тѣ всѣ въ цѣлости; а въ тѣ де погребы кому доведется идти для какова дѣла и въ нихъ де ходятъ и днемъ съ огнемъ.

За тѣмъ истецъ съ отвѣтчикомъ имались за вѣру, отвѣтчикъ въ томъ иску вѣру взялъ себѣ на душу, сверхъ вѣры истецъ на неправой ево отвѣтчиковъ отвѣтъ подалъ письменные улики, а въ нихъ пишетъ:

Уличаю Государь ево старца Корнилія, евожъ распросными рѣчьми: какъ онъ по моему челобитью въ прошломъ во 196 году въ Патріаршѣ разрядѣ распрашиванъ въ тѣхъ моихъ животахъ, и онъ самъ въ роспросѣ своемъ сказалъ что принялъ тѣ мои сундуки въ казенномъ погребѣ осмотря ерлыковъ и печатей съ черными священники съ Гелазіемъ да съ Игнатіемъ в цѣлости, а нынѣ тотъ священникъ Геласій на томъ Кириловскомъ подворьѣ въ строителяхъ присланъ съ собору изъ Кирилова монастыря. Тѣми Государи ево жъ распросными рѣчми и уличаю.

Сверхъ, Государь, того уличаю ево жъ старца Корнилія указомъ Святѣйшаго Патріарха, каковъ указъ сказанъ въ томъ же въ прошломъ во 196 году

того Кириловского подворья строителю старцу Дороѳею, чтобъ они тѣ мои животы у себя на подворьѣ сыскивали, а буде не сыщутъ, и тѣ мои животы противъ челобитья моево доправлены будутъ на Кириловѣ монастырѣ; и тотъ указъ ево Святѣйшева Патріарха въ томъ дѣлѣ записанъ, а сказывалъ ему строителю тотъ ево Святѣйшего Патріарха указъ ево Святительскова розряду Дьякъ Иванъ Калитинъ, и они строитель съ братіею ево Святительскова указу учинились ослушны, и по се время тѣхъ моихъ животовъ не отдаютъ. Тѣмъ Святѣйшева Патріарха указомъ ихъ уличаю.

Сверхъ Государь того уличаю ево старца Корнилія челобитьемъ того ихъ Кирилова монастыря архимандрита Іосифа съ братьею, какъ они били челомъ Великимъ Государемъ изъ Сыскнова приказу съ подлиннова дѣла о памети, и по ихъ челобитью въ Патріаршъ розрядъ прислана паметь; и въ томъ ихъ челобитьѣ и сами они архимандритъ съ братьею написали, что мнѣ дѣло въ тѣхъ моихъ животахъ до бывшего строителя до старца Дороѳея, а онъ строитель отъ него архимандрита присланъ со всего собору изъ Кирилова монастыря. Тѣмъ Государь ево архимандритовымъ челобитьемъ и уличаю.

Сверхъ Государь того уличаю его старца Корнилія указомъ Великихъ Государей и соборнымъ уложеніемъ: напечатано въ девятой главѣ, во 195 статьѣ, кто у кого поставитъ животы на сбереженье за своею печатью и за замкомъ; а тотъ, у кого тѣ животы будутъ, безъ него пойдетъ за ево печать и за замокъ; а тотъ чьи тѣ животы поставлены были, станетъ на него бить челомъ, что у него тѣ поставленные животы изъ-за ево печати и изъ-за замка пропали; и на томъ у кого тѣ животы поставлены были, велѣно доправить. А они де Государь и сами сказали, что осмотря ерлыковъ и печатей онъ старецъ Корнилей съ нынѣшнимъ строителемъ старцомъ Геласіемъ приняли въ цѣлости, а строители Государь всегда во всѣхъ монастырехъ бываютъ съ собору и пишутъ ихъ властьми, а приняли они осмотря печатей въ цѣлости тѣ мои животишки, и по се Государь время не отдадутъ. Тѣмъ Государь указомъ Великихъ Государей и соборнымъ уложеньемъ ихъ и уличаю.

Отвѣтчикъ выслушавъ первую письменную улику сказалъ: въ прошломъ де во 196 году, какъ онъ Корнилей по челобитью ево исцову въ Патріаршѣ розрядѣ роспрашиванъ въ животахъ ево Андреевыхъ, и въ то де время въ распросѣ онъ Корнилей говорилъ ли, что де онъ сундуки ево исцовы въ казенномъ погребѣ осмотря ярлыковъ и печатей принялъ у прежняго сушилнаго старца Лаврентія въ цѣлости, а черные де священники Галасій и Игнатій въ то время у пріему небыли; и въ прежнемъ де своемъ роспросѣ говорилъ онъ, что де тѣ черные священники были въ то время, какъ де пріѣзжали ево исцовы дѣти для животовъ своихъ на Кириловское подворьѣ за недѣлю до Николаева дни осеннего. А другую улику выслушавъ сказалъ: какъ де въ прошломъ во 196 году по указу Святѣйшаго Патріарха посыланъ былъ на Кири-

ловское подворье дьякъ Иванъ Калитинъ сказывать указъ Святѣйшаго Патріарха строителю Іеромонаху Дорофею, о сыску тѣхъ ево исцовыхъ животовъ; и онъ де Корнилей про тотъ указъ невѣдалъ, а вѣдалъ ли де или нѣтъ про то строитель Дорофей. А третею улику выслушавъ сказалъ: Кирилова де монастыря архимандритъ Іосифъ съ братьею, какъ били челомъ Великимъ Государемъ въ сыскномъ приказѣ о памяти съ подлиннаго дѣла и въ томъ де ихъ челобитьѣ написано ли что ему исцу въ тѣхъ ево животахъ дѣло до бывшаго строителя Дорофея, и онъ де про то ихъ челобитье невѣдаетъ, а строитель де Дорофей изъ Кирилова монастыря присланъ былъ къ Москвѣ на Кириловское подворье съ собору ль того монастыря властей или нѣтъ, про то онъ невѣдаетъ; потому, что де онъ въ то время былъ въ монастырской подмосковной вотчинѣ въ селѣ Куликовѣ для монастырской пашни. А четвертую улику выслушавъ сказалъ: па Государевъ де указъ десятые главы на сто девяносто пятую статью слатца и неслатца не смѣетъ; а на Кириловскомъ де подворьѣ у казеннаго погреба осмотрѣлъ онъ старецъ Корнилей замковъ одинъ, что поломанъ, на завтрее праздника на Кириловскомъ ихъ подворьѣ Афонасія и Кирила; а онъ де старецъ Корнилей самъ ево исцовыхъ животовъ не крадывалъ и никово воровскихъ людей для кражи тѣхъ ево исцовыхъ животовъ не подваживалъ.

Истецъ сказалъ, что де онъ отвѣтчикъ въ сей очной ставкѣ въ иску ево исцовѣ забывъ въ себѣ страхъ Божій и безъ указу Святѣйшаго Патріарха, взялъ вѣру себѣ на душу неприлично; знатно что убоялся того Кирилова монастыря властей и знатно что по наученью ихъ говорилъ, или вѣдая въ тѣхъ ево исцовыхъ животахъ за собою или того монастыря ково въ томъ воровствѣ, потому и вѣру взялъ себѣ на душу, чтобъ чѣмъ отбыть отъ того ево исцова иску и отлучить бы своимъ бездушествомъ того Кирилова монастыря властей отъ иску ево исцова; а естьли бы де онъ отвѣтчикъ не укрывалъ того монастыря властей и не убоясь бы ихъ то говорилъ, или не по наученью бъ ихъ вѣру взялъ себѣ на душу; и ему де было отвѣтчику въ тѣхъ ево исцовыхъ животахъ вѣру брать безъ указу Святѣйшаго Патріарха себѣ на душу недовелось. Да и по словамъ ево отвѣтчиковымъ отвѣряся очная ставка отличилась; потому что онъ отвѣтчикъ и самъ в сей очной ставкѣ сказалъ о томъ имянно, что сундукъ ево исцовъ въ казенномъ ихъ монастырскомъ погребѣ принялъ онъ отвѣтчикъ осмотря ярлыковъ въ цѣлости. И чтобъ Святѣйшій Патріархъ ево исца пожаловалъ, указалъ тѣ ево исцовы животы отдать ему исцу изъ Кирилова монастыря противъ ево исцовой исковой челобитной по пріему и по осмотру ихъ монастырскому въ цѣлости жъ; и потому ся очная ставка по словамъ ево отвѣтчиковымъ къ вѣрѣ ни исцу ни отвѣтчичу ни мало ничѣмъ не прилична, а вѣру всегда въ искѣхъ берутъ тѣ люди себѣ, кто въ чемъ запретца; а онъ де отвѣтчикъ и самъ сказалъ, что

тѣ сундуки ево исцовы осмотря ерлыковъ и печатей принялъ въ цѣлости, потому и вѣрѣ неприличилось: да и самъ де онъ отвѣтчикъ сказалъ, что тѣхъ сундуковъ осматривалъ онъ съ нынѣшнимъ строителемъ Іеромонахомъ Геласіемъ, а въ то де время онъ Геласій былъ на Кириловскомъ подворьѣ чернымъ священникомъ рядовымъ; и какъ де приняли и осматривали въ цѣлости, такъ же бы и нынѣ отдали по указу Святѣйшаго Патріарха, каковъ имъ сказалъ указъ Дьякъ Иванъ Калитинъ на Кириловскомъ подворьѣ, отдали бъ въ цѣлости жъ. Да и прежде того онъ отвѣтчикъ былъ у нихъ монастырского дѣла со всего ихъ монастырскаго собора въ посельскихъ старцахъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ селѣ Куликовѣ; и они де ему всемъ монастырскимъ соборомъ во всемъ ему вѣрили, а что де онъ отвѣчикъ въ сей очной ставкѣ сказалъ про умершаго строителя Дороѳея, чтобъ не чемъ было противъ слову ево отвѣтить . . . .

. . новыхъ свидѣтельствовать, будто ево отвѣчика бывшей строитель Дороѳей взялъ изъ села Куликова къ Москвѣ собою въ сушильные старцы, будто невѣдомо по какому указу; и ему было строителю естьли бы не по совѣту всего монастырскаго собору брать было. ево отвѣчика изъ села Куликова собою несмѣть, потому что онъ отвѣтчикъ въ то село присланъ со всего монастырского собору, такъ же къ Москвѣ взять для казенной службы въ сушилные старцы съ собору жъ а не собою, онъ строитель ево отвѣчика изъ того села на Кириловское подворье взялъ. А въ покражехъ или въ какомъ воровствѣ и за дворниковъ и за людей своихъ хозяева, чьи тѣ люди или кто у кого живетъ на дворничествѣ, и за нихъ иски исцамъ платятъ; а онъ де отвѣтчикъ въ томъ монастырѣ въ сушиленныхъ старцахъ былъ не собою со всего ихъ собору; и они бы того монастыря власти ему Корнилію въ такомъ великомъ дѣлѣ и во всѣхъ службахъ казенныхъ бы ключей ему и не дали; а что де онъ отвѣтчикъ в сей очной ставкѣ приличилъ себя к тому иску укрывая Кирилона монастыря властей, чтобъ чѣмъ отлучить и къ себѣ приличить, чтобъ ему исцу того своего иску отбыть напрасно; и чтобъ Святѣйшій Патріархъ пожаловалъ ево исца, указалъ въ тѣхъ ево исцовыхъ взятыхъ животахъ указъ учинить по сей очной ставкѣ Кирилова монастыря со властьми, потому что они власти ему отвѣтчику вѣрили и приняли сундуки съ животами ево исцовыми въ цѣлости, а строители бываютъ на подворьяхъ и сушиленные старцы со всего собору и во всемъ имъ власти вѣрятъ; а нынѣ де и по се число тѣхъ ево исцовыхъ животовъ ему исцу не отдаютъ хотя ими завладѣть напрасно; и что бъ по сей очной ставкѣ указалъ Святѣйшій Патріархъ по уликамъ и по словамъ ево исцовымъ и по уложенью десятой главы сто девяносто пятой статьи и по своему Святѣйшаго Патріарха указу вышеписанному, каковъ имъ сказалъ указъ Дьякъ Иванъ Калитинъ, указъ учинить въ томъ, что чринялъ ево исцовы животы на Кириловское подворье въ

цѣлости, а отдають сундуки выбравъ его исцовы животы, и чтобъ Святѣйшій Патріархъ пожаловалъ ево исца, указалъ тѣ взятые ево исцовы животы взять на Кириловѣ монастырѣ на властяхъ.

И думной дворянинъ и Патріаршъ бояринъ Михаило Ивановичъ Глѣбовъ да Духовныхъ дѣлъ приказной Іеромонахъ Іосифъ Долгоруковъ да дьяки Иванъ Арбеневъ Иванъ Тугариновъ велѣли по исцѣ столникѣ Андреѣ Квашнинѣ Самаринѣ съ очной ставки . . . . и по отвѣтчикѣ бывшемъ сушиленномъ старцѣ Корниліѣ собрать поручные записи.

И приставъ Афанасей желѣзниковъ по исцѣ столникѣ Андреѣ Квашнинѣ Самаринѣ подалъ къ дѣлу поручную запись, а въ записи пишетъ:

Отвѣтчикъ старецъ Корнилей сказалъ, что де онъ грамотѣ неумѣетъ и въ его мѣсто въ очной ставкѣ руки нихто не прикладываютъ и къ той де очной ставкѣ въ статьѣ по немъ нихто неручается.

И по указу Святѣйшаго Патріарха черная записка очной ставкѣ закрѣплена по склѣйкамъ дьяка Ивановою рукою Арбенева, а старецъ Корнилей отданъ на Кириловское подворье архимандриту Іосифу да строителю Іеромонаху Геласію съ роспискою, а въ роспискѣ пишетъ:

197 года Іюня во 2-й день по указу великого Господина. . . . . . . Кирилова монастыря Московскіе службы сушиленной старецъ Корнилей. которой былъ въ судѣ въ иску столника Андрея Никитина сына Квашнина Самарина въ пропалыхъ ево съ того подворья поставленныхъ въ казенный погребъ животахъ: въ деньгахъ въ тытячи пяти стахъ рубляхъ, да въ ожерельѣ женскомъ болшомъ низаномъ съ пуговицы золотными по цѣнѣ въ триста рублевъ, да въ шапкѣ бархатной съ душкой съ пѣтлями болшими жемчужными по цѣнѣ во ста пятьдесятъ рублевъ, отданъ съ суда во статьѣ вмѣсто поруки и съ того иску въ пошлинахъ того монастыря архимандриту Іосифу да строителю Іеромонаху Галасію. А какъ того старца Корнилія впредь по указу Святѣйшаго Патріарха въ Патріаршъ розрядъ спросятъ; и имъ архимандриту и строителю того старца Корнилія поставить въ Патріаршѣ розрядѣ.

По сей запискѣ по приказу архимандрита Іосифа да строителя Іеромонаха Геласія въ пріемѣ того старца росписался стряпчей Иванъ Поморцовъ.

Помѣта. 197-го Іюля въ 1-й день Великій Господинъ Святѣйшій Патріархъ, слушавъ сего дѣла, указалъ исцу столнику Андрею Квашнину Самарину Кирилова монастыря Московскаго подворья сушилнаго старца Корнилія, что онъ Андрей искалъ на немъ поставленныхъ своихъ и покраденныхъ животовъ на тысячу на девять сотъ на пятьдесятъ рублевъ, снявъ съ него Корнилія черное платье, отдать ему исцу Андрею въ заживъ головою. А Кири-

лова Монастыря на властяхъ того его Андреева иску править недовелось; потому: въ прошломъ во 196-м году Генваря въ 19 числѣ билъ челомъ онъ Андрей Святѣйшему Патріарху въ тѣхъ своихъ покраденныхъ животахъ на того сушилного старца Корнилія о роспросѣ и о розыску; а Іюня въ 24-м числѣ онъ Андрей билъ челомъ въ тѣхъ же своихъ покраденныхъ животахъ Кирилова монастыря на властей о указѣ . . . . въ прошломъ во 196-м году и въ нынѣшнемъ въ 197-м году въ указѣ Великихъ Государей. . . . . написано Великіе Государи . . . . слушавъ докладные выписки указали и бояра приговорили: Кириловскаго Монастыря служекъ Оску Михайлова съ товарыщи четырехъ человѣкъ, которые. . . . . животахъ въ Сыскномъ приказѣ и пытаны на крѣпко; а съ пытокъ въ тѣхъ ево Андреевыхъ животахъ ни въ чемъ не винились, свободя отдать того монастыря стряпчему съ роспискою; а ему Андрею буде дѣло вѣдатца съ прежнимъ строителемъ Дорофѣемъ да съ сушилнымъ старцомъ Корниліемъ и о томъ быть челомъ Святѣйшему Патріарху, а до монастыря и до властей и до стряпчего ихъ дѣло недошло, а по указу Святѣйшаго Патріарха велѣно ему Андрею въ тѣхъ поставленныхъ животахъ дать очную ставку съ сушилнымъ старцомъ Корниліемъ, а прежней Кириловскаго подворья строитель старецъ Дорофей . . . . прежде того святѣйшаго Патріарха указу, Андрей Самаринъ тѣхъ своихъ покраденныхъ животовъ на сушилномъ старцѣ Корнилiѣ искалъ судомъ; а въ судѣ старецъ Корнилей сказалъ изъ Киринова де монастыря присланъ онъ былъ въ ихъ монастырскую вотчину въ Дмитровской уѣздъ въ село Куликово, и изъ того де села взялъ ево на Кириловское подворье строитель Дорофей въ сушилные, на мѣсто прежняго сушилнаго старца Лаврентья, и онъ де Корнилей у него Лаврентья казенной погребъ съ поставленными животами за замкомъ и печатью несмотря ерлыковъ принялъ въ цѣлости, а переписки де у него ничему съ тѣмъ старцомъ Лаврентіемъ не было; и Андрей Самаринъ въ пріемѣ тѣхъ своихъ поставленныхъ животовъ Кирилова Монастыря властей писма въ судъ никакова не положилъ; и потому знатно, что тѣ ево Андреевы животы на Кириловское подворье поставлены были безъ вѣдома того монастыря властей; потому что Кириловъ Монастырь отъ Москвы въ далнемъ разстояніи, а того Монастыря власти къ Москвѣ бываютъ временемъ.

Подлинный указъ за приписью Дьяка: Иванъ Тугариновъ.

ПУТЬ ОТЪ МОСКВЫ КЪ СМОЛЕНЬСКУ, А ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО РИМА.

До Вязмы 30 верстъ, а отъ Вязмы до Полги 40 верстъ, а отъ Полги до Можайска 30 верстъ, а отъ Можайска до Ворѣска 30 верстъ, отъ Ворѣска до Брагина холму 30 верстъ, а отъ Брагина холму до Казлова 40 верстъ, отъ Казлова до Вязмы 30 верстъ, отъ Вязмы до Корей 40, отъ Корей до Мстиславца 20, отъ Мстиславца до Дорогобужа водою 35, а землею 30, отъ отъ Дорогобужа до Котычина водою 10, отъ Котычина до Егорья Святаго до шаровитаго села 10, отъ Егорья Святаго до Толвы 10, отъ Толвы до Сиги 10, отъ Сиги до Химины пристани 10, отъ Химины до Великіе рѣки 10, отъ Великіе рѣки до Пречистые монастыря Вышняго 10, отъ Пречистые до перевоза 10, отъ перевоза до Спаскаго озера 10, отъ Спаскаго озера до Ратчина 10, отъ Ратчина до Набережницы 10, отъ рѣчки отъ Набережницы до Хмости 10, отъ Хмости до волости 10, отъ волости до Копца 10, отъ Копца до Березонца рѣки до Высока 10, отъ Высока 10 верстѣ до Смоленска. А землею отъ Дорогобужа до Сверковыхъ лукъ 10 верстъ, а отъ Сверковыхъ лукъ до Смоленска 50 верстъ, а отъ Смоленска по Днѣпру внизъ воды до Орши 120 верстъ, а отъ Орши водою по Днѣпру 70 верстъ до Могилева, а отъ Могилева землею до Березни рѣки 20 миль, а отъ Березыни рѣки до Меньска 20 миль, а отъ Меньска до Вилны 30 миль; а иною дорогою не-ѣздятъ къ Вилнѣ. Отъ Меньска до Новогородца 20 миль, отъ Новагородца до Слонима 14 миль, а отъ Слонима до Озерника 3 мили, отъ Озерника до Волковыйска 4 мили, а отъ Волковыйска до Мстиборовца 3 мили, отъ Мстиборовца до Нарвы 8 миль, отъ Нарвы до Бѣлска 4 мили, отъ Бѣлска до до Ботки 2 мили, отъ Ботки до Дорожчина 5 миль, отъ Дорожчина до Лосицъ 5 миль, отъ Лосицъ до Лукова 7 миль, всего отъ Менска до Лукова 72 мили, отъ Лукова до Стяжицъ, отъ Стяжицъ до Вислы до перевоза, отъ Вислы до Сонца, отъ сонца до Опатова до Шидлова, отъ Шидлова до Вислицы, отъ Вислицы до Прешевицъ, отъ Прешевицъ до Кракова 4 мили. И всего отъ Меньска до Лукова 72 мили, отъ Лукова до Кракова 30 миль безъ дву, а отъ Кракова до рубежа Слезитскаго по Польской земли до Свенчина 9 миль, а отъ Свѣнчина по Слезитской земли и по Муравъской до Оломонцы до Скопля города в Чесьской землѣ 21 миля, а отъ Оломонцы до Виенны, или до Кромирисъ, до Австрійскаго столнаго города 24 мили, а иные зовутъ 30 миль, а отъ Виенны 46 миль до Виллака, а отъ Виллака до Италійскіе границы до Понтафеля полсемы мили, а Понталейской земли отъ Понтафеля до Венецейскаго пристанища до Португруера 18 миль, а отъ Португруера

водою по малымъ заливамъ морскимъ и по рѣкамъ 16 миль до Венецѣи; а къ другому пристанищу Венецейскому къ Падуѣ граду, отъ Понтафеля же отъ границы Оустрійскіе до Падуи 28 миль, а отъ Падуи до Венецѣи великою рѣкою 4 мили, а заливомъ морскимъ отъ Борди Венецейскіе 1 миля. Ино къ Падуе лутши ѣхати на конѣхъ, кто хочетъ и въ Виницѣи быти, и онъ кони оставитъ въ Падуѣ да любо опять въ Падую къ конемъ пригребется, или ис Падуи кони велитъ перевести Коозу городокъ на островъ землею 4 мили, а моремъ в баркѣ миля, да самъ из Венецѣи препловетъ в баркѣ до Коозы 5 миль, а отъ Коозы до матерого берега с коньми перевезется чрезъ воду с треть мили; и отътолѣ ему къ Риму 3 дороги различные: едина отъ Коозы къ Ферраріи и къ Бононіи и къ Флорентіи и к Сѣнѣ граду и по инымъ городомъ до Рима, а другая подлѣ моря до Пезара града, а отъ Пезара землею и до Рима по городомъ, а третья дорога подле моря до Анкона и отъ Анкона до Лорета и отъ Лорета землею и до Рима по городомъ, а всего отъ Виницѣи до Рима иное моремъ, а иное землею полъосмадесятъ миль, а отъ отъ Падуи землею столко же до Рима.

(*Изъ рукописей первой половины XVII вѣка.*)

Сообщ. Д. Ч. И. Д. Бѣляевымъ.

═

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II. МАТЕРІАЛЫ.

III. СМѢСЬ.

ПРОТОКОЛЪ
ЗАСѢДАНІЯ ОБЩЕСТВА.
1851 года, Марта 29-го дня.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ подъ предсѣдательствомъ Его Превосходительства Александра Димитріевича Черткова и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: М. П. Погодина, А. С. Хомякова, Г. И. Спасскаго, Д. Н. Дубенскаго, Н. В. Колачева, В. М. Ундольскаго, П. В. Хавскаго и Секретаря И. Д. Бѣляева, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ происходило слѣдующее.

ЧИТАНЫ ОТНОШЕНІЯ:

1. Императорской Академіи Наукъ II-го Отдѣленія, при коемъ препровождаетъ экземпляръ своего отчета за 1850 годъ для Библіотеки Общества. Опредѣлено: экземпляръ Академическаго отчета сдать въ Библіотеку Общества.

2. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, коимъ увѣдомляетъ, что Конторою дозволено отсрочить пользованіе рукописью Синодальной Патріаршей библіотеки, называемою родословецъ, еще на мѣсяцъ. Опредѣлено: Отношеніе принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ Почетнаго Члена Общества, Графа Димитрія Николаевича Блудова присланъ экземпляръ I-го Тома Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Опредѣлено: Книгу здать въ библіотеку Общества.

4. Отъ Дѣйствительнаго Члена Іеромонаха Макарія присланы: 1-е Списокъ съ жалованной проѣзжей грамоты Лжедимитрія, Лже-Патріарху Игнатію; 2-е записка о бывшихъ привилегіяхъ Нижегородскаго Спасо-Преображенскаго монастыря; 3-е собраніе нѣсколькихъ ци-

семъ къ Нижегородскимъ Архіереямъ, и 4-е списокъ съ письма Графа Сперанскаго къ Г. Соловцову, 1813 года. Опредѣлено: Рукописи сдать въ Библіотеку Общества и по разсмотрѣніи нѣкоторыя напечатать во Временникѣ.

5. Отъ Профессора М. Д. Академіи С. К. Смирнова списокъ съ рукописи: «Алфавитъ Иларіона инока заточеннаго, или подписаніе епистоліямъ. Опредѣлено: Рукопись напечатать во Временникѣ издаваемомъ Обществомъ.

6. Отъ Профессора С.-Петербургской Семинаріи Савваитова, присланы изданныя имъ книги: 1-е Грамматика Зырянскаго языка, 2-е Зыряно-Русскій Словарь; 3-е описаніе монастырей Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго, Архангельскаго Велико-Устюжскаго, и Спасо-Сумарина Тотемскаго; 4-е разборъ первыхъ двухъ сочиненій составленный Академикомъ Шегреномъ, и 5-е кыль віnаjцом, вісjталöм Патыр Павси лунö. Пітер. 1848. Опредѣлено: Книги сдать въ Библіотеку Общества.

7. Отъ Гг. Дольника и Второва прислана первая книжка Воронежскихъ актовъ. Опредѣлено: Книгу здать въ Библіотеку Общества.

8. Отъ Г. Томилина, его сочиненіе, Велико-Новгородская Святительская каѳедра. Опредѣлено: Книгу сдать въ Библіотеку Общества.

9. Д. Ч. М. П. Погодинымъ представленъ списокъ съ одного древняго хронографа для напечатанія во Временникѣ Общества. Опредѣлено: Списокъ представленный Дѣйствительнымъ Членомъ М. П. Погодинымъ напечатать во Временникѣ издаваемомъ отъ Общества, и для сего препроводить его въ Цензурный Комитетъ.

10. Секретаремъ Общества И. Д. Бѣляевымъ предложены для принятія въ составъ Общества: Профессоръ Моск. Дух. Академіи Г. Смирновъ, и Профессоръ С.-Петербургской Семинаріи Г. Савваитовъ и Гг. Дольникъ и Второвъ издатели Воронежскихъ актовъ. И по учиненной балотировкѣ избраны большинствомъ избирательныхъ шаровъ Профессоръ Смирновъ въ Дѣйствительные Члены во уваженіе дѣятельнаго участія принимаемаго имъ въ изданіяхъ Общества; а Профессоръ Савваитовъ, и издатели Воронежскихъ актовъ Дольникъ и Второвъ въ соревнователи Общества, и при семъ Опредѣлено: Изготовить для нихъ дипломы и препроводить по принадлежности.

11. Для разсмотрѣнія статей слѣдующихъ къ печатанію въ 10-й книжкѣ Временника составленъ Комитетъ, состоящій изъ Дѣйствительныхъ Членовъ М. П. Погодина, С. П. Шевырева и Секретаря И. Д. Бѣляева.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.
М. ВЪ УНИВ. ТИП. 1846—1848.

ГОДЪ 2-Й; ЗАСѢДАНІЙ:

№ 1-й— 1	Іюня.......	1846 года	....	ц. 1	р. 10	к.
— 2-й—28	Сентября	— —	....	— 1	— 10	—
— 3-й—26	Октября	— —	*съ 2 рисунками*......	— 1	— —	—
— 4-й—30	Ноября	— —	*съ 19 рисунками*.....	— 1	— 50	—
— 5-й—28	Декабря	— —	....	— 1	— —	—
— 6-й—25	Января..	1847 года	....	— 1	— —	—
— 7-й—28	Февраля	— —	....	— 1	— —	—
— 8-й—29	Марта	— —	....	— 1	— —	—
— 9-й—26	Апрѣля	— —	*съ 30 рисунками*.....	— 2	— —	—

ГОДЪ 3-Й; ЗАСѢДАНІЙ:

№ 1-й—31	Мая......	1847 года	....	ц. 1	р. —	—
— 2-й 27	Сентября	— —	съ 5 *рисунками*.....	— 1	— —	—
— 3-й—25	Октября	— —	— 5 ————	— 1	— —	—
— 4-й—29	Ноября	— —	— 2 ————	— 1	— 30	к.
— 5-й 27	Декабря	— —	— 1 ————	— 1	— —	—
— 6-й 31	Января	1848 года,	съ 2 ————	— 1	— —	—
— 7-й—28	Февраля	— —	— 2 ————	— 1	— —	—
— 8-й—27	Марта....	— —	— 1 ————	— 1	— —	—
— 9-й—24	Апрѣля	— —	— 1 ————	— 2	— —	—

ГОДЪ 4-Й. № 1-й, засѣданія 28 Іюня 1848 г., ц. 1 р. 10 к.

За пересылку каждой книжки **ОТДѢЛЬНО** за 3 ф. (кромѣ 9-й, обоихъ годовъ, за котор. по 4 фун.), **А ВМѢСТѢ**, т. е. *двухъ* и болѣе, *по 2 ф. на кажд.*

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ. М. ВЪ УНИВ. ТИП. 1849—1852 г.

Книга 1-я	съ 3-мя *литогр. снимк*...................	1 р.	50	к.
— 2-я	— —	1 —	—	—
— 3-я	— — *съ литогр. рисунк*.............	1 —	50	—
— 4-я	....	1 —	—	—
— 5-я	....	1 —	10	—
— 6-я	....	1 —	10	—
— 7-я	.... *съ литогр. рисунк.*	1 —	—	—
— 8-я	....	1 —	50	—
— 9-я	.... *съ литогр. рис.*	1 —	50	—
— 10-я	.... съ 8 *литогр. рисунк.*	1 —	50	—
— 11-я	....	2 —	—	—
— 12-я	....	1 —	—	—
— 13-я	.... *съ 2 литогр. рисунк.*	2 —	—	—
— 14-я	.... *съ литограф. снимкомъ*..	1 —	50	—
— 15-я	....	1 —	—	—

За пересылку каждой книжки **ОТДѢЛЬНО**—за 3 фунта (а за 11 и 13 по 4 ф.), **А ВМѢСТѢ**, *т. е. двухъ* и *болѣе, по 2 фун. на каждую.*

Подробный Аналитическій РЕЭСТРЪ *изданіямъ Общества* — БЕЗДЕНЕЖНО.

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получать: 1) у Г. *Актуаріуса* Общества, *Ив. Алексѣев. Дмитріева*, на Срѣтенкѣ, въ Послѣднемъ (или Масномъ) переулкѣ, въ домѣ Дмитріевой; 2) у Коммиссіонера Университета, *Ив. Вас. Базунова*, на Страстномъ бульварѣ, въ Университетской книжной лавкѣ; 3) въ Конторѣ «Москвитянина», на Большой Дмитровкѣ; 4) у *Ч. А. Ратькова*, на Тверской; 5) у *П. О. Хрусталева*, на Театральной площади, въ домѣ Матрикѣевыхъ, и 6-е) у *Ѳ. О. Сѣньшикова*, на Никольской улицѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Его Превосходительство Александръ Дмитріевичь Чертковъ,

На Мясницкой, *въ собственномъ домѣ.*

СЕКРЕТАРЬ,

Иванъ Дмитріевичь Бѣляевъ,

Близъ Смоленскаго рынка, въ Проточномъ переулкѣ, въ домѣ Бѣляевой.

БИБЛІОТЕКАРЬ,

Вуколъ Михайловичь Ундольскій,

За Москвой рѣкой, на Пятницкой улицѣ, въ домѣ Давыдова.

КАЗНАЧЕЙ,

Николай Никифоровичь Басалаевъ,

На Моховой, въ зданіи Императорскаго Московскаго Университета.

АКТУАРІУСЪ,

Иванъ Алексѣевичь Дмитріевъ,

На срѣтенкѣ, въ Послѣднемъ переулкѣ, въ домѣ Дмитріевой.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ

и

ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

КНИГА 16-я.

МОСКВА.
1853.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

(Всѣ цѣны означены на серебро.)

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 Частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ Части, кромѣ 1-й, по 40 к., за каждую; за перес. по 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ, *Часть первая,*—16 статей историческаго содерж. М. 1815 г.; Ц. 30 к., пер. за 2 ф.—*Часть вторая,* Памятники древняго Русскаго Права (Русская Правда); Д. Н. *Дубенскаго.* М. 1843 г. Ц. 75 к., пер. за 2 ф. — *Часть третья,* Слово о Плъку Игоревѣ, Д. Н. *Дубенскаго.* М. 1844 г. Цѣна 75 к., пер. за 2 ф.

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРОВА, по древнѣйшему списку мниха Лаврентія, изд. Проф. Р. Ѳ. *Тимковскаго*, прерывающаяся 1019 г. М. 1824 г. Ц. 30 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ Густава Эверса для Россійской Исторіи; пер. съ Нѣм. М. П. *Погодина.* М. 1826 г. Ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА. Сочиненіе Петра *Кёппена;* переводъ *Средняго-Камашева.* М. 1828 г. Цѣна 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ. Соч. *Барона Розенкампфа.* М. 1829 г. Цѣна 1 руб., пересылка за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА, *находящіяся въ Новогородскомъ Софійскомъ Соборѣ.* Описаны и объяснены Ѳ. *Аделунгомъ*, съ Нѣмецкаго перевелъ П. *Артемовъ.* М. 1834 г. Цѣна 1 р. 75 к., пересылка за 3 ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Князя М. А. *Оболенскаго.* М. 1836 г. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. П. *Погодинымъ.* М. 1837 г. Ц. 1 р., перес. 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ. *Редакторъ Профессоръ Погодинъ.* М. 1837—1846 г. 7 Томовъ. Цѣна за каждый Томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, *въ трехъ томахъ,* заключающихъ въ себѣ болѣе 240 печатныхъ листовъ. М. 1838 — 1843 г., соч. Н. С. *Арцыбышева.* Цѣна за 1 и 2-й томы 10 р., за перес. за 8 ф.; за 3-й томъ 3 р., перес. за 5 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, *въ двухъ томахъ*, изданныхъ подъ редакціею: Князя М. А. *Оболенскаго*, И. Н. *Даниловича*, М. П. *Погодина* и Д. Н. *Дубенскаго.* М. 1843 г. Цѣна 2 р., за пер. на 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червоной или ГАЛИЦКОЙ РУСИ (отъ водворенія Христіанства при Князьяхъ поколѣнія Владиміра Великаго до конца XV столѣтія), соч. Дениса *Зубрицкаго;* пер. съ Польскаго *О. Бодянскаго.* М. 1845 г., Цѣна 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, глаголемая БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукописямъ и 2 печат. книгамъ *Г. И. Спасскимъ.* М. 1846 г. Цѣна 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ; историч. изслѣдованіе *И. Д. Бѣляева.* М. 1846 г. Цѣна 50 коп., вѣсов. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. *Строевымъ*; со снимкомъ съ 1-го листа *Правды Русской* (Устава Ярослава), изъ Сборника на пергаменѣ, писанн. въ исходѣ XIV вѣка. М. 1845 г. Цѣна 1 р. 43 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ и ЛЕКЦІИ М. Погодина о Русской Исторіи. М. 1846 г., *томы*: 1, 2 и 3-й. Цѣна 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ или МАЛОЙ РОССІИ, Арх. *Г. Конисскаго.* М. 1846. 3 р пер. 3 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч *А. Ригельмана,* съ 19 рисунк. М. 1846 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. *А. Ригельмана,* съ 30 рисунк. М. 1847 г. Ц. 3 р., пер. за 4 ф.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, *В. Татищева*, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г. Ц. 2 р., пересылка за 4 фунта.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ

И

ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Iюня 17-го дня 1853 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ПЕЛАЗГО-ѲРАКІЙСКІЯ ПЛЕМЕНА,

НАСЕЛИВШІЯ ИТАЛІЮ,

И ОТТУДА ПЕРЕШЕДШІЯ ВЪ РЕТІЮ, ВЕНДЕЛИКІЮ И ДАЛѢЕ НА СѢВЕРЪ, ДО РѢКИ МАЙНА.

=

I. Собственно Пелазги.

Повторимъ здѣсь сказанное нами, при описаніи Пелазговъ, обитавшихъ въ малой Азіи. «Пелазги были древнѣйшіе жители этой страны, ея туземцы, autochtones, aborigenes. Они тамъ занимали не только всѣ острова и берега, но и самую внутренность страны. Пелазги прибыли въ малую Азію не моремъ, а пришли туда изъ южной Азіи (Strab. XII, 7), общей колыбели рода человѣческаго. Изъ Малой Азіи, они перешли въ Европу и здѣсь ихъ племена заселили Ѳракію, Эпиръ, Иллирію, Македонію, Грецію, Морею, всѣ острова Эгейскаго моря, даже Италію и Сицилію. Въ глубокой древности Пелазги населяли всю Грецію, въ особенности земли Еоловъ, сосѣдей Ѳессаліи; весь Морейскій полуостровъ именовался Pelasgia. (Strab. V, 3). Пелазги жили въ Аркадіи и на Критѣ. Часть Греціи, между р. Пѣною, горами Пинда и Термопилами, называлась Argos Пелазгическій, потому что всею этою страною владѣли Пелазги (Strab. V, 4). Юпитера Додонскаго Омиръ называетъ Пелазгійскимъ, а народъ обитавшій въ Эпирѣ, также Пелазгами; ибо весь Эпиръ имъ принадлежалъ. Иродотъ положительно свидѣтельствуетъ, что Аѳиняне были Пелазги (происходили отъ нихъ), и что потомки

этихъ Пелазговъ всегда неизмѣнно населяли Аттику и Аѳины (Herod. I, 56). Патеркулъ тоже пишетъ, что вся Атика была занята Пелазгами (Vel. Paterculi, hist. Rom. I, 3.) Вся Ѳессалія называлась Pelasgia. Lesbos былъ островъ Пелазгійскій. Эсхилъ населяетъ Пелазгами Argos, близь Микина; т. е. часть Лаконіи. Только при владычествѣ Даная, въ Аргосѣ, стали называть потомковъ Пелазговъ, — Данаями (т. е. Греками), по словамъ Еврипида (Strab. V, 4). Эсхилъ заставляетъ говорить (въ Данаидахъ) Пелазга, въ Аргосѣ: «отецъ мой былъ сынъ Земли, и я Пелазгъ господствую, съ родомъ моимъ, Пелазгами, надъ всею страною.» Пелазги занимали всю Лаконію. (Servius ad. Virgil. Aeneid. VIII, vers. 600, и примѣч. Стравонова перев. къ кн. V, главѣ 4). Остатки всѣхъ вѣковыхъ зданій воздвигнутыхъ Пелазгами, на пространствѣ всей Греціи, Мореи и Италіи существуютъ и теперь, подъ именемъ Пелазгическихъ или Циклопскихъ, т. е. Ѳракійскихъ; ибо Циклопы обитали во Ѳракіи, по свидѣтельству схоліаста Еврипидова (Примѣч. Dutheil, къ VIII кн. Стравона). Самое имя «Пелазги,» данное этому народу Греками, не есть народное названіе, а происходитъ, по свидѣтельству Стравона и Діонисія Галикарнасскаго, отъ Pelargòs, слова, означавшаго у Еллинъ, аиста, потому, что «подобно этой птицѣ, Пелазги часто перемѣняли свое мѣстожительство,» (Strab. V, 4, Dion. Halycarn. I). Стравонъ прибавляетъ, что такъ именно (Pelargi) называли Аѳиняне Пелазговъ, жившихъ въ Аттикѣ и въ самыхъ Аѳинахъ.» Мы также показали, въ нашей статьѣ (Врем. XIII, 103—126) и самый переходъ каждаго изъ Пелазгическихъ племенъ; ибо «Пелазги» было общее, собирательное имя, подъ которымъ Греки разумѣли всѣхъ жителей малой Азіи, въ до-историческія времена; но всѣ Пелазго-Ѳракійскія племена, извѣстныя, первоначально, въ Азіи, являются потомъ во Ѳракіи, Греціи, Мореѣ и Италіи, подъ тѣми же именами, которыми они назывались въ ихъ отечествѣ. Такъ Пелазговъ, Ѳраковъ, Мизовъ, Бреговъ, Лелеговъ, Дарданъ, Долянъ, Бобричей, Витянъ, Пановъ, Попелей, Галичанъ, Даковъ (Dahi), Македонъ мы находимъ во Ѳракіи, Греціи и Мореѣ; а Лидовъ, Enètes (Venedes), Тиренъ, Лелеговъ, и опять Пелазговъ, подъ разными именами, въ Италіи. Ближайшая къ Италіи страна, изъ всѣхъ заселенныхъ Пелазгами, была, конечно Греція. Отсюда они и перешли въ незапамятныя времена въ Италію. (D. Halycarn. I).

Древнѣйшихъ жителей Италіи Діонисій Галикарнаскій называетъ просто «туземцами, Aborigenes,» но во многихъ мѣстахъ своего со-

чиненія положительно свидѣтельствуетъ, что они были потомки тѣхъ Пелазговъ, которые изъ Мореи переселились въ Италію, подъ начальствомъ Энотра и даже называетъ Лелегами. (Dion. Halykarn. 1, 10, 11; II, 2 и 9). Катонъ и Семпроній писали о прибытіи этихъ Aborigenes, въ Италію, изъ Ахаіи. «По мнѣнію моему.» продолжаетъ Діонисій, «они вышли изъ Аркадіи, потому что первые Пелазги, населившіе Италію, прибыли сюда изъ Аркадіи.» Но въ сущности это одно и тоже, ибо какъ Ахаія, такъ и Аркадія были части полуострова Морейскаго. Что касается до самаго имени «Aborigenes ,» то ихъ назвали такъ потому только, что отъ нихъ произошли всѣ позднѣйшіе жители Италіи (ab origine); или потому что Aborigenes часто перемѣняли свое мѣстожительство (aberrare). Dion. Halykarn. L. I и II; или наконецъ отъ Греческихъ словъ: ἀπ' ορεων γένος, т. е. горцы, народъ, живущій на горахъ. Послѣднее мнѣніе раздѣляетъ самъ Діонисій и противополагаетъ этихъ горцевъ, — жителямъ долинъ, Полянамъ, какъ увидимъ ниже. D. Halyk. I. Первое переселеніе Пелазговъ, изъ Мореи въ Италію, засвидѣтельствованное исторіею, произошло за пять столѣтій, до Троянской войны, подъ начальствомъ Енотра и брата его Пѣвчиста (Pevcestios). Оба были внуки Пелазга, перваго извѣстнаго старшины Морейскихъ Пелазговъ и сына Зевса и Небы; слѣдовательно одного изъ первоначально поселившихся людей въ Аркадіи (Pausan. VIII, 2 и 3; Dion. Halykarn. I). Племя Пелазговъ, прибывшее съ Енотромъ, заняло всѣ земли, неимѣвшія, до тѣхъ поръ, жителей, отъ моря Тиренскаго до противоположнаго Адріатическаго, въ ширину, и отъ южной оконечности Италіи до Этруріи, въ длину (Strab. V, 1; Dion. Halyk. I). Вся эта страна была извѣстна также подъ именами Авзоніи, Италіи и въ послѣдствіи Тиреніи (Strab. VI, 2); а Oenotria, называлась область отъ пролива Мессинскаго, до Пестума и Таренто (Strab. V, I). Пелазговъ, со времени ихъ поселенія въ Италіи, стали называть Oenotrii (Dion. Halyk. I.) Пѣвчистъ, братъ Енотра, съ другою частію Аркадскихъ Пелазговъ, водворился на берегахъ Іонійскаго моря (Адріатики), у мыса Япига (Iapygia); эти переселенцы извѣстны были подъ именемъ Peucetii, (Strab. VI. Skylax Karyand) Слѣдовательно, древнѣйшіе жители средней и южной Италіи были тѣже Пелазги, которыхъ мы первоначально узнали въ Малой Азіи и потомъ видѣли въ Греціи и Мореѣ, откуда они и перешли въ Италію. Кромѣ Пелазговъ— Aborigenes, Өукидидъ, Стравонъ, Діонисій и другіе упоминаютъ еще о Сикулахъ, въ древнѣйшія времена обитавшихъ въ Италіи. Но эти

Сикулы были также племя Пелазгическое, отдѣлившееся, отъ Пелазговъ — Энотровъ, подъ начальствомъ Сикула, сына Итала, царствовавшаго надъ Энотрами (Dion. Halykarn. I). Сикулы занимали среднюю Италію, окрестности Kaere, Пизы, Faleria и обитали въ другихъ частяхъ нынѣшней Тосканы. Они также жили по теченію Тибра, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи былъ построенъ Римъ. Dion. Halycarn, I; а Плутархъ тутъ назначаетъ древнѣйшее пребываніе Пелазговъ (Plutar. in Romul. I). Слѣдовательно Сикулы Діонисіевы суть Пелазги Плутарховы. Когда Aborigenes вытѣснили Сикулъ съ береговъ Тибра, то они спустились въ южную Италію и заняли страну отъ мыса Скулака (Skylake) до пролива, отдѣляющаго Сицилію отъ Италіи (Strab. VI, 2). Aborigenes, овладѣвъ всею страною, отъ Тибра на югъ, до рѣки Lires (нынѣ Garigliano), составили тотъ народъ, который намъ извѣстенъ, до Троянской войны, подъ именемъ Aborigenes-Oenotrii; потомъ назывался Латинами и наконецъ Римлянами (D. Halyk. I). Римляне были потомки Пелазговъ, въ такомъ же отношеніи какъ и Еллины: вотъ отчего и сходство древле Латинскаго языка съ Греческимъ.

Пелазги Aborigenes построили города: Saturnia Palation, (въ 25 стад. отъ Reata); Tribola, Vesbola, Maruva, Bata, Svana, Lista, Kutila, Kursula (близъ горы Koritas), Antemna, Tellina, Ficula, Tibur, Mephyla, Matiora, гдѣ находилось прорицалище, неуступавшее въ значительности Додонскому. Всѣ эти города почти несуществовали при Діонисіѣ, равно какъ и Orvina, величайшій и славнѣйшій изъ всѣхъ (1). При императорѣ Августѣ, видны были только развалины и огромныя основанія городскихъ стѣнъ Орвины; сохранились также великолѣпныя гробницы древнѣйшей Пелазгической постройки. Окружность некрополя составляли высокія и длинныя насыпи, на верху которыхъ первобытные жители ставили надгробные памятники (Dion. Halykarn. I и II). Такимъ образомъ Пелазги, до Троянской войны, уже прочно заселили Италію, начиная отъ юго-восточной части нынѣшняго Неаполитанскаго королевства, до впаденія По, въ Адріатику; и по морю Тиренскому, отъ р. Garigliano, до нынѣшней Тосканы. Къ этимъ Аркадскимъ Пелазгамъ присоединились, въ послѣдствіи, Пелазги, жившіе въ окрестностяхъ Додоны. Они вышли на берегъ Италіи, у впаденія Падьвы (Padvus, нынѣ По) въ Адріатическое море, и основали тутъ цвѣтущій и богатый городъ, названный ими Спиною (2). Часть этихъ Пелазговъ отправилась далѣе внутрь страны, заняла Обрію и дошла до Кутилы, города принадлежавшаго

племени Aborigenes. Здѣсь Пелазги Додонскіе соединились съ послѣдними, ибо оба племени происходили отъ однихъ и тѣхъ же Пелазговъ, первоначально переселившихся, изъ Азіи, въ сѣверную Грецію и Морею. Aborigenes и вновь прибывшіе Пелазги напали на Сикуловъ, и принудили ихъ удалиться въ Сицилію (Thucyd. VI, D. Halyk. I, Strab. VI). Тогда Пелазги заняли область, извѣстную въ послѣдствіи, подъ именемъ Campania и построили тутъ городъ, назвавъ его въ честь нѣсколькихъ Лариссъ, существовавшихъ у Пелазговъ Азійскихъ, и Лариссы Морейской, откуда они прибыли въ Италію, (3). Новая Кампанская Ларисса находилась близь урочища, называвшагося «торгъ Попилія» (Попеля). Dion. Halicar. 1. Эти Пелазги завладѣли почти всею южною Италію, ибо Herculanum и Помпея, были основаны Пелазгами (Strab. V, и D. Halykarn. 1), а Sinuessa называлась прежде Синопою (T. Livii, X, 21, Plin. III, 9), именемъ Пелазгическаго города въ Виѳиніи, (4). Могущество и благосостояніе Пелазгическихъ племенемъ, въ Италіи, засвидѣтельствовано исторіею болѣе нежели за 200 лѣтъ до Троянской войны, (D. Halikarn. 1). Это цвѣтушее положеніе продолжалось до прибытія, въ Этрурію, Лидовъ и водворенія, на противоположномъ берегу, другихъ Пелазговъ, прибывшихъ съ острова Крита, подъ именемъ Япиговъ-Месаповъ. (Iapigi Messapii). Вскорѣ, за этими двумя племенами, прибылъ, въ Италію Эвандръ, также съ Пелазгами, изъ Аркадіи. Всѣ эти переселенцы сильно ослабили могущество прежнихъ Пелазговъ Италіанскихъ; а Лиды заняли всѣ города въ Этруріи и южной Италіи, прежде принадлежавшіе древнѣйшимъ Пелазгамъ. (Dion. Halyk. 1).

Изъ разказа, переданнаго намъ Плутархомъ открывается, что на томъ мѣстѣ, гдѣ въ вослѣдствіи построенъ Римъ, обитали первоначально также Пелазги. Потомъ вся эта страна принадлежала Тиренамъ, прибывшимъ въ Италію изъ Лидіи, и сю наконецъ овладѣли Латины (Plutar. in Romul, 1). Да и самый Римъ, былъ населенъ, при Ромулѣ, Этрусками, Брегами и Пелазгами, прибывшими изъ Мореи (Aen. Flori, epit. rer. Rom. L. 1, c. 1). Къ этимъ Діонисій Галикарнасскій прибавляетъ Лигуръ, Иверъ (Испанскихъ), Кельтовъ или Галловъ, Троянъ, и также людей изъ племенъ, жившихъ въ Италіи: Марсовъ (Marubii), Самнитъ, Брутовъ, Ombrici, Opici, (Dion. Halicarn. 1, 22). Послѣднія племена были Пелазги; ибо древнѣйшіе Aborigenes, происходили отъ Oenotrii, а эти ничто другое какъ Пелазги Аркадскіе, (Ibid. 11 и 1). Слѣдовательно первоначальное населеніе Рима состояло изъ сброда людей разныхъ на-

родовъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ. «Въ мое время» прибавляетъ Діонисій Галикарнасскій, жили еще до пятидесяти семействъ, въ Римѣ, происходившигъ отъ Троянъ, (Dion. Halycarn. 1). Плутархъ такъ же упоминаетъ о Римскихъ патриціяхъ знатнаго происхожденія, украшавшихъ свою обувь изображеніемъ маленькой луны. Это значило, что они происходили отъ Эвандра и его спутниковъ, которыхъ Римляне почитали рожденными прежде луны. Plutar. Quaest· Rom. 76. (5). Изъ этой смѣси Пелазговъ, Кельтовъ, Лигуръ, Иверъ, выработался, въ послѣдствіи, языкъ Латинскій, и именно по этой причинѣ скоро отдалился отъ чистыхъ Пелазгическихъ нарѣчій Италіи, особенно отъ Этруръ. Вотъ почему надписи Этрускія, Оскія, Самнитскія и другихъ племенъ, не могутъ быть объяснены съ помощью одного Латинскаго языка, не взирая на 300 лѣтнія добросовѣстныя труды Итальянскихъ ученыхъ (Lanzi Saggio di lingua Etrusca. Inghirami, Monum. Etruschi; etc.) Жители древней Албы состояли изъ Пелазговъ Аркадскихъ, Троянъ, прибывшихъ съ Энеемъ, и Epiі изъ Элиды, (Dion. Halicarn. II, 1). Послѣдніе конечно также Пелазги Элидскіе.

Въ послѣдствіи къ Пелазгамъ и Тиренамъ, уже прочно водворившимся въ Этруріи, до взятія Трои,— прибыла новая колонія Пелазговъ изъ Мореи. Евандръ, сынъ Меркурія и Лады отправился, изъ Аркадіи, съ переселенцами, искать новаго отечества. Они прибыли въ Италію, основались на берегахъ Тибра, и тутъ назвали Palation «первоесвое поселеніе, потому что большая часть колонистовъ, состояла изъ уроженцевъ Palantion, города Аркадскаго. Въ воспоминаніе этаго произшествія, императоръ Антонинъ освободилъ жителей послѣдняго города, отъ всѣхъ платимыхъ ими податей. Pausan. VIII, 43. «Евандръ», пишетъ Діонъ Кассій, «отправился изъ Palation, съ переселенцами и основалъ, на Тибрѣ, другой Palantion, который теперь вошелъ въ составъ обширнаго Рима» (Dion. Cass. Fragm. L. I—XXXVI). И Аврелій Викторъ свидѣтельствуетъ, что Евандръ прибылъ изъ Аркадіи, съ матерью своею Никостратою и поселился на горѣ Palation. Здѣсь онъ построилъ храмъ Пану, верховному божеству Аркадскихъ Пелазговъ и первый научилъ туземцевъ читать и писать, на своемъ природномъ языкѣ (Пелазгическомъ). Aur. Victoris, origo gentis Romanae, с. 5 и 6. Тоже подтверждаетъ Діонъ Галикарнасскій, прибавляя, что Евандръ прибылъ въ Италію, изъ Аркадіи, за 60 лѣтъ до взятія Трои. Онъ построилъ, на берегу Тибра, храмъ Пану и былъ принятъ дружелюбно жившими тутъ Пелазгами

(Dion. Halycarn. 1), потому, что они были одного съ нимъ происхожденія. Plin. IV, 6. Pausan. VIII, 3.

Послѣ взятія Греками Иліона, множество жителей, не только Брегіи, гдѣ наиболѣе тогда свирѣпствовали Еллины, но и другія Пелазгическія племена (Енеты, Пафлагоны, и пр.) принуждены были, оставя родину, искать спасенія и новаго отечества въ другихъ странахъ. Антенорь и Эней, старшины Троянскіе, предводительствовали этими переселенцами. Антенорь, съ Энетами, водворился въ углу Адріатики, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ; а Эней, долго странствовавъ вдоль береговъ Ѳракіи, Македоніи, Эпира, Сициліи, наконецъ прибылъ, съ Троянами, въ устье Тибра и здѣсь окончательно поселился. Трояне причалили къ берегу при впаденіи Тибра въ море (Plutar. in Rom.) Мѣсто, гдѣ Эней вышелъ на берегъ (у Laurentium), называлось, при Ливіи, Troia. Тутъ жили Aborigenes, съ ихъ предводителемъ Latinus (T. Livii, I, I; D. Cass. Fragm. 1 книги). Послѣ разгрома Иліона, Трояне разсѣялись по разнымъ странамъ; они основали города во Ѳракіи и Македоніи, поселились у Додоны, на берегахъ Сициліи и въ Италіи, между соплеменными имъ Пелазгами (Dion. Halykar. 1, 10). О переселеніи Энея, съ родомъ его и Троянами, свидѣтельствуютъ всѣ Римскіе историки, географы и поэты. Изъ Греческихъ упоминаютъ объ этомъ происшествіи Стравонъ (V, 7.), Діонисій Галикарнасскій (L. I, и II) Діонъ Кассій, Софоклъ, Менекратъ и другіе; но Омиръ пишетъ, что Эней и родъ его царствовали надъ Троянами, и послѣ взятія Иліона:

«Будетъ отнынѣ Эней надъ Троянами царствоватъ мощно,
Онъ, и сыны отъ сыновъ, имущіе поздно родиться.»

(Иліад. XX, 307—308.)

На это Діонисій отвѣчаетъ, что Эней и потомство его, могли царствовать надъ Троянами и въ Италіи, куда они переселились послѣ разгрома Троянскаго, (Dion. Halycarn. I). Какъ бы то нибыло, вопросъ о поселеніи Энея на Тибрѣ, столь важный для Римлянъ, не имѣетъ большаго значенія, для нашего предмета. Трояне были Бреги; слѣдовательно племя Пелазгическое. Нѣсколькими Пелазгами болѣе, или менѣе, въ Италіи, уже совершенно заселенной этимъ народомъ, — рѣшительно немогли имѣть особеннаго вліянія на просвѣщеніе, языкъ и вообще бытъ всего народонаселенія.

Если бы мы незнали положительно, что всѣ племена населившія Италію были одного Пелазгическаго происхожденія, то самыя названія городовъ, рѣкъ и другихъ урочищъ, въ занятой ими странѣ,

намъ могутъ служить тому доказательствомъ. Тибръ, въ древнѣйшія времена назывался Albula, (Alba, Лаба) и отдѣлялъ Тиреінъ отъ Латинъ, Обричей и Сабинъ (Plin. III, 9), а устье его, Стравонъ называетъ ostia, въ то отдаленное время, когда Еней еще не прибылъ въ Италію и когда тутъ не существовало города Ostia (Strab. V, 7; T. Livii, 1, 3, Plin. III, 9). Діонисій Галикарнасскій пишетъ: «царь Анкъ Марцій построилъ городъ, который назвалъ Ostia, именно потому, что онъ находился при самомъ впаденіи Тибра въ море.» D. Halykarn. III. «Ostia Tiberina,» у Латинъ, устье Тибра. Видимо «Ostia,» на языкѣ Пелазговъ, называлось устье Тибра, впаденіе рѣки въ морѣ; отсюда, въ послѣдствіи, названіе, данное городу, построенному при царѣ Анкѣ Марціѣ (D. Halykarn. I, T. Livii, I, 33, и Strab. V. 7). Корай, комментаторъ Стравона, замѣчаетъ: «Strabon écrit toujours le nom d'Ostia au pluriel neutre, comme signifiant *les» bouches ou embouchures.»* Слѣдовательно Ostia и «устье» одно слово, по выговору и значенію (6). Въ Albula впадали рѣки Nar (Нара), Timia (Тимъ) и Klanis (Клёнъ). Plin. III, 9. (7), Три, изъ холмовъ, на которыхъ былъ построенъ Римъ, назывались: Palation (палаты, паланка), Velia (велій) и холмъ Килы (Κελιον), Strab. V, 7. Холмъ Janiculum, въ древнѣйшія времена, именовался Antopolis (поле Анта). Plin. III, 9. (8).

Лаціумъ, или страна Латинъ, начиналась у самаго впаденія Тибра въ морѣ (ostia) и простиралась на югъ до области, занятой Самнитами и Peligni (Strab. V, 4). На этомъ пространствѣ находились города: Kalatia, Veskiá (на рѣкѣ Klanis), Treba, Kora (построенная Дарданомъ, Plin. III, 9); Sena, Sitia, Boullia, Boles, Politorium, Medula, Mocra, Mana, Kaenina, Taurana, и другіе. Plin. III, 9 и 17; Plutar. in Coriol. 27. Strab. V, 7. T. Livii, I, 33—38). Когда Эней прибылъ въ Лаціумъ, то тамъ существовали уже Пеласгическіе города: Ardea, Tibur, Klustumeria, Antemna и Atina. Virg. Aeneid. VII, 630—631. Виргилій упоминаетъ, въ этой же странѣ о городѣ Matusca «oliviferaeque Matuscae». (Aeneid. 711). (9) Плиній насчитываетъ, въ одномъ Лаціумѣ, до пятидесяти трехъ племенъ совершенно уничтоженныхъ Римскимъ мечемъ. Въ этомъ числѣ онъ называетъ: Bolani (главный городъ Bola); Велины (глав. городъ Велій, Velia); Venetulani (глав. городъ Venetala: Венетане, Венды); и прибавляетъ: ita ex antiquo Latio LIII popoli interiere tine vestigiis, (III, 19).

Имена большой части Пелазгическихъ племенъ, жившихъ въ Италіи, оканчиваются на слогъ *ci*: Ombrici, Opici, Volsci, Hernici, Aurun-

ci, Tusci, Aequi или Aeci, Rhoeci, Argyrusci, Labici, Falisci, и другіе. Strab. V, 4, 7; D. Halyk. I, 4; Plin. III, 9. T. Livii, II, 22—30. Слогъ ci, произносятъ Италіанцы, потомки Пелазговъ, какъ мы выговариваемъ нашъ «чи». Слѣдовательно всѣ имена этихъ племенъ мы можемъ написать нашими буквами: Обричи, Опичи (Вопичи), Волчи (Вильцы), Горничи, Рѣчи (Рѣчане), Вагрорѣчи, Хвалисчи, Любичи, и проч. Намъ также очень знакомы имена и другихъ племенъ, жившихъ въ Итатіи: Моравы (Marubii), Лучане (Lucani), Поляне (Peligni, Campani), Давніе т. е. старожилы (Davni), Попели (Apuli), Хорутане (Karentini), Иллиры. Самниты могли получить свое имя отъ родоначальника Само; Савины, отъ жительства по берегамъ рѣки Савы. Сѣдакане, Калены, суть также названія намъ не чуждыя. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ племенъ

Hernici жили близъ Lavinium, Alba, Aricia, Antium (Strab. V, 7). т. е. во всѣхъ гористыхъ окрестностяхъ нынѣшняго Рима, гдѣ теперь находятся мѣстечки Альбано, Riccia, Anzo и др. Они были ближайшіе сосѣди Римской равнины, на которой былъ построенъ городъ и окружали Римъ съ восточно-южной стороны. Тамъ, гдѣ они жили именно начинались горы. D. Halyk. VIII. И Виргилій это свидѣтельствуетъ: et roscida rivis Hernica saxa colunt. (Aen. VII, 683—684). Это горцы, Гораки, Горнаки, Γέρνικοι, Hernici, какъ доказываетъ имя, подъ которымъ они извѣстны Стравону, Титу Ливію, Д. Галикарнасскому и самая мѣстность, на которой они обитали. Ихъ храмъ, общій съ Римлянами и другими Латинами, былъ построенъ на высочайшей горѣ, господствовавшей надъ Альбою (D. Halykarn. IV). Діонисій производитъ даже слово Aborigenes отъ ἀπ' ὀρέων γένος, именно Горнаки и противополагаетъ этихъ горцевъ жителямъ долинъ: Campani, Поляне. Слѣдовательно Итальянскіе Γέρνικοι, Горнаки, тоже, что Бреги въ Азіи; а Campani, Поляне, ни-что другое какъ Dolences, Doloncas, Доляне, Долы, жители равнины, поля, (campus). Karventum былъ городъ, въ странѣ Hernicos. Онъ упоминается въ V вѣкѣ, до Р. Х. (T. Livii, IV, 53). Діонисій Галикарнасскій называетъ его Korventa (Хорвата?). D. Halykarn. V, 13. У того же племени Hernici, недалеко отъ Praenesta, извѣстенъ городъ Ὄρυς или Ὀρωια (по двумъ разнымъ рукописямъ Діонисія). Можетъ быть это тотъ самый, который Плиній называетъ Hortana (III, 17). Какъ бы то нибыло но Ора, Гортана указываютъ на Гору, Горотану, въ странѣ Горняковъ, Herniki, (10).

Aequi, Aeci, у Strab. V. 7; Aequicoli у Т. Ливія; Aecani, Aequicolani, у другихъ Римскихъ историковъ, жили между Hernici, Сабинъ и Марсовъ, гдѣ нынѣ находятся мѣстечки Subiaco, Trevi, Poli, Civita-Carentia и др. (Cluver. Ital. ant. II, 16). Volani принадлежали къ племени Aequi и граничили съ Labici; Вола (Bola) назывался главный городъ Воланъ, между Praenesta и Lavica. Т. Livii, IV, 49; и VI, 2. D. Halykar. VIII. Diod. XIV, 117. Отъ Aequicoli, древняго племени, Нума заимствовалъ многое для учрежденій Рима. Т. Livii, I, 32. Въ 407 году, до Р. X. Римляне пошли противъ Aeci и Volsci, на Korventum и взяли этотъ городъ. Т. Livii, IV, 57.

Volsci, Вилци, Волчи, Волки занимали страну вдоль Тиренскаго моря, нынѣ покрытую Понтійскими болотами. Они управлялись общимъ вѣчемъ всѣхъ малыхъ племенъ, составлявшихъ, въ совокупности, ихъ федеративное общество. Plutar. in Camil 26. Ихъ города назывались: Apula, Priverna, Antium, близь Ostia; Velitra, Koriole; Poluska (а жители Poluskani), Verruga, Artana, Anxur, (Terracina, при Ливіи, IV, 59); Fabraterna. (Т. Livii, II. 33, 39, 63; IV, 58, 59, 61; VIII, 19. D. Halykarn. IV, VI. Strab. V, 7. Plutar. in Coriol. 6, 25; in Camil. 56). Въ странѣ Hernici, Aequi и Volsci, въ Latium, города: Kereatae, далѣе Praenesta (близъ нын. Anagni, въ горахъ, гдѣ жили Горнаки. Strab. V, 7). Volsci были почти уничтожены, въ 460 году, до Р. X. Римлянами. Т. Livii, III, 8. (11).

Племена Raeci и Argyrusci причисляетъ Стравонъ къ общему названію Латинъ. Они были покорены Римомъ и жили въ Лаціумѣ (Strab. V, 7). Raeci, вѣроятно Рѣчане, какъ тѣ Ринхины, которые жили близъ Солуня, по теченію Ρήχιος (рѣки), орошавшей ихъ страну (Времен. X, 103). Argyrusci, можетъ быть Вагрырѣчи. Далѣе, въ Тиреніи, мы увидимъ особое племя Ruselli.

Rutuli жили въ окрестностяхъ Ardea, ихъ главнаго города. Strab. V, 7. Т. Livii, 1, 57 (12). Turnus, повѣлитель Ардеи, въ то время когда Эней прибылъ въ Италію, — происходилъ отъ Инаха, князя Микинъ (въ Мореѣ). Virg. Aen. VII, 371 и 372.

Labici, Любичи, было племя жившее въ 120 стадіяхъ отъ Рима. Ихъ главный городъ назывался Laviçum. Strab. V, 7. Т. Livii, II, 39. Virgil. Aen. VII, 796 (13). Впрочемъ всѣ Пелазгическія племена, извѣстныя подъ именами: Aborigenes-Oenotrii, Aequi (Aeci), Volsci, Hernici, Rhaeci, Argyrusci, Rutuli, Labici, Preferni, и проч. принадлежали къ народу, носившему общее названіе «Латинъ.» Страна ихъ Latium про-

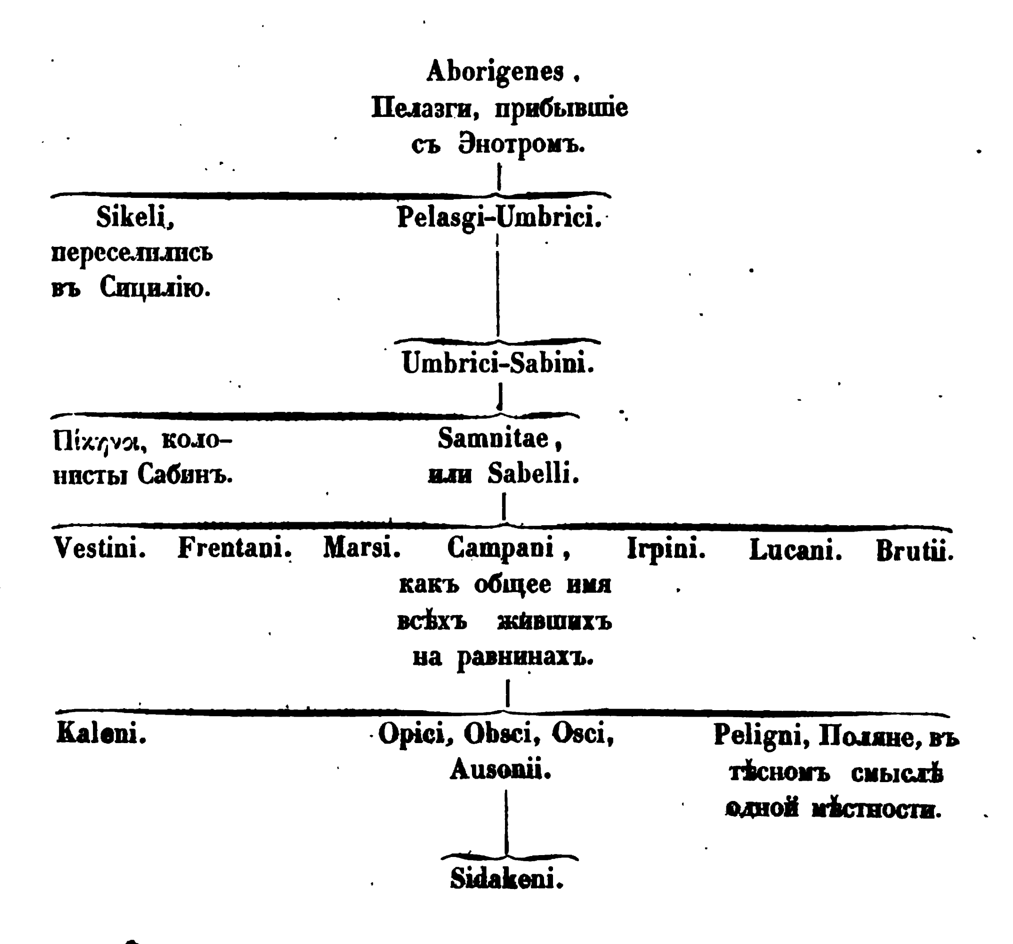
стиралась до мѣстожительства Peligni и Samnitae (Strab. V. 7), т. е. въ послѣдствіи заключала и часть Campania. Всѣ эти племена жили не въ дальнемъ разстояніи отъ Рима и составляли, каждое, отдѣльно управлявшееся самостоятельное общество, до присоединенія ихъ къ Римской республикѣ.

Обричи (Ombrici, Strab. V, 4) были одно изъ древнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ племенъ, обитавшихъ въ Италіи, до прибытія Лидовъ. Обричи жили прежде по рѣкѣ Обрѣ (Ombra), въ самой Тиреніи и занимали нынѣшнее герцогство Сполето; отсюда простирались до Равены и рѣки Падьвы (Padvus), страны причисляемой Стравономъ также къ Этруріи. Тотъ же Стравонъ свидѣтельствуетъ, что Тибръ отдѣлялъ Этрусковъ отъ Обричей и они владѣли всемъ пространствомъ земли отъ Тибра до Адріатики. Strab. V, 4. D. Halykar. 1, и 11. «Обричи жили въ Тиреніи,» пишетъ Плиній; «ихъ покорили Лиды» (Plin. III, 8 и 19); т. е. Обричи вошли въ составъ союза Тиренъ, составившагося, первоначально, изъ двѣнадцати отдѣльныхъ обществъ и потомъ умножившагося; ибо Плутархъ (in Camil. 17) насчитываетъ уже, въ союзѣ Этрусскoвъ, восемнадцать богатыхъ и большихъ городовъ. «Въ Обріи,» продолжаетъ Плиній,» жили, въ древнѣйшія времена, Сикулы и Либурны (Иллиры, съ противолежащаго берега Адріатики) и занимали окрестности Adria. Ихъ отсюда вытѣснили Обричи, а этихъ покорили Тирены: потомъ окончательно, всѣ племена, обитавшіе въ Тиреніи, были порабощены Галлами. Всѣ триста городковъ (trecenta oppida), населенныхъ Обричами, покорились Тиренамъ», (вошли въ составъ Этруріи); Plin. III, 19. Обричи, какъ видимъ, жили въ нынѣшнихъ Римскихъ областяхъ: Сполето, Анкона, Урбино и частію Романья, до самаго Тибра, (14). Слѣдовательно эти области нѣкогда составляли части древней Тиреніи, которая, въ цвѣтущую эпоху своего существованія, простиралась, отъ Тибра до ущелій Альпійскихъ, а при нашествіи Галловъ Тирены перешли и далѣе за кряжъ этихъ горъ, какъ увидимъ ниже. По этой причинѣ Плиній причисляетъ къ Этруріи многіе изъ тѣхъ городовъ Италіи, которые показаны, у другихъ географовъ, принадлежащими племенамъ Абориrенъ, Пелазговъ, Энотровъ, Обричей, Сабинъ и проч. Стравонъ и Плиній называютъ, у Обричей, города: Ravena, на Водосѣ (Bodesos); Sarsina; Arimina, на Прусѣ (Prusa); Sena, до нашествія Галловъ, потомъ Senogallia, когда они поселились въ этомъ городѣ; Tuder; Adria; Narna, на Нарѣ; Otrikol, на Тибрѣ; Spoleto; Arna; Esina; Dola; Patala; Svasa; Svila;

Trebia; Ostra; Arina; Solina; Kurias; Krinovola; Vitala; Vindena; Turokola; Butrina; Nara; Mutina; Padina; Matora; Veleia; Urbana. Всѣ эти города, въ послѣдствіи, были порабощены Галлами (Strab. V, 5; Plin. III, 19, 20). Въ числѣ племенъ укажемъ на Vindenates, упоминаемомъ вмѣстѣ съ городами: Adria, Dola, Ostra, Vindena, (Plin. III, 19). Соединеніе всѣхъ этихъ названій, несомнѣнно указываетъ на Вендовъ, Енетовъ, Venetes, жившихъ такъ же въ Италіи, но сѣвернѣе Обричей. О Ravena, Стравонъ именно пишетъ, что этотъ городъ основанъ Ѳессалійскими Пелазгами, и что онъ есть древнѣйшее поселеніе Обричей, потомковъ этихъ Пелазговъ. Обричи жили въ Равенѣ и въ первомъ вѣкѣ, по Р. Х. (Strab. V, 1 и 2). Adria передала свое имя всему морю Адріатическому. Strab. V, 2. Оно прежде называлось Іонійскимъ. Spoleto получилъ названіе отъ Polis, предводителя Пелазговъ (15).

Сабины были тѣже Обричи, ибо Діонисій Галикарнасскій положительно свидѣтельствуетъ, что «Обричи, бывъ выгнаны, изъ окрестностей Reate, другими Пелазгами, заняли страну, въ которой теперь живутъ (при Діонисіѣ) и здѣсь, съ перемѣною мѣста, измѣнилось и прежнее имя. Ихъ теперь называютъ уже не Обричами, а Сабинами.» (Dion. Halykarn. II, XI). Въ царствованіе Ромула они жили въ Kures, Amiterna, Kotyna, Kaenina. Послѣдній городъ, равно какъ и Antemna, были основаны Сикулами, у которыхъ ихъ отняли Aborigenes, а эти ничто другое какъ Пелазги, прибывшіе въ Италію подъ начальствомъ Энотра (Dion. Halykarn. 11). Sabini отдѣлялись отъ Этрусковъ теченіемъ Тибра и жили на югъ отъ тѣхъ Обричей, которые остались въ своей странѣ и неизмѣнились въ имени, (Strab. V, 4). Плиній (III, 17) называетъ ихъ также Savini, и указываетъ ихъ жительство вокругъ озеръ, называвшихся Веліи, Veliae, (16). «Савины» не происходитъ ли отъ рѣки Савы, по теченію которой они могли, первоначально, поселиться? (см. ниже при описаніи Campania). Далѣе Стравонъ (V, 6 и 10) свидѣтельствуетъ, что отъ Сабинъ произошли племена Picentini и Samnitae; а отъ Самнитовъ, — Lucani и Bretii (Plin. III, 10 и 18). Плиній Самнитовъ называетъ также Sabelli, и Sauniti, (Plin, III, 17). Вотъ доказательства на сколько частей, первоначально родовъ, дѣлилось каждое изъ племенъ, обитавшихъ въ Италіи. Представимъ это въ поколѣнной росписи, изъ которой такъ же будетъ видно, что не только средняя Италія была заселена Пелазгами, но и южная ея часть, именно Кампанія, Brutium, Lucania и т. д. имѣли жителей Пелазгическаго про-

исхожденія. Plin. III, 9. «Вся Кампанія была населена Пелазгами,» пишетъ Діонисій (D. Halykarn. I, 3)



Близъ Обричей, и между Ariminium и Анконою жили Пекины, Πίκηνοί, Picentini: они происходили отъ Сабинъ. Strab. V, 8. «Ancona a Siculis condita,» пишетъ Плиній (III, 19); т. е. основана Пелазгами Сикулами, древними жителями Италіи, а не Сицилійцами, при царѣ Діонисіи, какъ ошибочно полагаютъ нѣкоторые историки. Объ Анконѣ упоминаетъ уже Skylax; слѣдовательно городъ основанъ прежде Діонисія. Въ одной рукописи Солина находится даже извѣстіе, что Анкона была первоначально заложена Дулѣбами (Dolopes). Raoul — Rochette, hist. des col. Grecq. II, 344. Извѣстіе весь-

ма правдоподобное, ибо Дулѣбы были также Пелазги, жившіе въ Эпирѣ, не-далеко отъ Додоны, а мы видѣли, что Пелазги Додонскіе заселили берега Италіи, вдоль Адріатическаго моря. Близъ города Firmum — Pikinon находился храмъ богини Κυπρα, построенный Тиренами; такъ называлась, будто бы, Юнона у Этрусковъ. Далѣе городъ Adria; потомъ Matra, рѣка и гавань. Strab. V, 8. Другіе города въ Picenum назывались: Treia, Klvana, Cupra. Plin. III, 18. (17). На берегу залива Посидонскаго (близъ Пестума) жили Pikentes, переселенные сюда Римомъ, съ береговъ Адріатики, отъ народа Picentini. Strab. V, 8. Самнитъ, Т. Ливій называетъ «.... gentem opibus armisque validam» (VII, 29). Они побѣдили Сидаканъ (Sidakeni) и заняли всю Кампанію. Прибытіе колоній Греческихъ есть происшествіе позднѣйшее, засвидѣтельствованное исторіею. Греки заняли берега южной Италіи, отчего она и получила названіе Magna Grecia; т. е. они отняли прибрежные города у туземцевъ, какъ въ Азіи, Ѳракіи и вездѣ, гдѣ селились: но внутренность страны всегда была населена Самнитами, Осками, Луканами, Брутами и другими Пелазгическими племенами. Около Рождества Христова, сохранились только три Греческія колоніи, именно Тарентъ, Regium и Neapolis; послѣдняя была на половину населена туземцами, что доказывается спискомъ ея посадниковъ, въ которомъ сперва помѣщены одни имена Греческія, а потомъ Греческія и Кампанскія. Аѳиняне и другіе Греки поселились въ Неаполѣ не прежде 345 года, до Р. X. (Примѣч. къ Strab. V, 8.) Все остальное народонаселеніе состояло изъ Кампанъ и другихъ туземцевъ. Strab. VI, 1. Даже на Caprea (нынѣшній островъ Capri, противъ Неаполя) жили Тѣлебои, переселившіеся сюда изъ Акарнаніи. Они заняли, въ послѣдствіи, и часть южной Италіи, именно, страну, которую орошала рѣка Sarnus. (Virg. Aeneid. VII, 735). Кума была древнѣйшая изъ всѣхъ колоній, основанныхъ Греками въ Сициліи и Италіи. Strab. V, 10. Патеркулъ полагаетъ водвореніе этихъ Еллинъ въ Кумѣ, во второмъ вѣкѣ послѣ взятія Трои.(Vel. Patercul. 1, 4,). Кампаны отняли Куму у Грековъ и поселили въ ней своихъ переселенцовъ. Strab. V, 8. Тоже пишетъ и Ливій и это случилось въ 417 г. до Р. X. (T. Livii, IV, 34); а по Діодору въ 420 до Р. X. (Diod. XII, 76), (18).

Marsi, Marucini, Vestini, Frentani и Peligni, были племена народа Самнитъ. Strab. V, 9. Marsi назывались также Marubii и по преданію вели свое происхожденіе отъ Брега Marsyas, а Плиній производитъ Марсовъ, отъ родоначальника Marsyas, duce Lydorum

(III, 17.) Ихъ главный городъ назывался Marubium (прим. Корая, къ V кн. 9 главѣ Страбон. геогр.). Марсовъ, Виргилій иначе не называетъ какъ Marubii, и страну ихъ Marubia (Моравы и Моравія). Aeneid. VII, 750. Это было древнѣйшее имя этихъ Пелазговъ, измѣненное, въ послѣдствіи, Римлянами, въ Marsi, Marucini etc. (Морочане, Мораване). Ихъ прежній главный городъ теперь называется Morеva (прим. Виргиліева перевод.)— Marubii, или Marsi были ближайшіе сосѣди Полянъ (Peligni). T. Livii, VIII, 6; IX, 19 и 41. У Vestini города: Cutina, Cingala: они жили близъ Марсовъ, Peligni и другихъ племенъ Самнитскихъ. T. Livii, VIII, 29, (19).

Лукане, Brutii и Самниты, говорили однимъ нарѣчіемъ и нравы ихъ были одинаковы. Между этими племенами не существовало даже границъ и всѣ жили совокупно. Strab. VI, 1. Города Самнитъ назывались: Aesernia, Boiana, Telesa, Παυνα (Пана); Venusia (Венетіа), Duronia. (Strab. V, 7, 10; T. Livii, X, 39) (20). Herculanum и Pompaea принадлежали первоначально Оскамъ, потомъ Тиренамъ, у которыхъ эти города отняли Самниты; и наконецъ Риму, занявшему всю южную Италію въ 272 году, до Р. X. Strab. V, 8. Въ странѣ Луканъ замѣтимъ города: Petelia, основанный Пелазгами Өессалійскими, прибывшими сюда изъ Melibaea; Krimisa, Velia, Kalasarna, Vertinae (21); рѣку Лай (Strab. VI, 1; Plin. III, 10). Въ Луканіи жили первоначально Oenotrii и Пелазги-Chaones, (Strab. VI, 1.) Послѣдніе суть переселенцы того племени Chaones, которое обитало въ Епирѣ, близь Dodona, а Лукане переселенцы Самнитъ. Одинъ ихъ предводитель назывался Amisco (Мико, Нико). Strab. VI, 1, и Plin. III, 10. У Брутовъ города: Temese, Pandosia, Medma. Въ Pandosia, при владычествѣ Энотровъ, жили предводители Пелазгическихъ племенъ (Strab. VI, 1); ибо та часть южной Италіи, гдѣ обитали Chaones и Brutii, именно называлась, въ древнѣйшія времена, Oenotria, потомъ Italia и наконецъ Chaonia. (D. Halykarn. 1, 12; Strab. VI, 1.) Тутъ извѣстна рѣка Halex и лѣсъ Силы, простиравшійся на 700 стадій (Strab. VI, 2; и Plin. III, 10); онъ и теперь такъ называется, (Прим. Корая къ VI кн. 2 главѣ Страб. географіи). Apulia была населена племенами Peuketii и Apuli; послѣдніе назывались также Davni (давніе, старожилы). (Strab. V, 9.) Davni, Apuli и Peucetii говорили однимъ и тѣмъ же нарѣчіемъ (Strab. VI, 5), т. е. Пелазгическимъ, ибо Peucetii были Пелазги, прибывшіе въ Италію съ Пѣвчистомъ, изъ Мореи (выше, стр. 3). Замѣтимъ еще, что на оконечности Италіи, близь Skyleon, или Skyla, Страбонъ указываетъ на мысъ Коenys (V, 1).

Италіанцы теперь его называютъ: punta del Cavallo. Не переводъ ли слова «конь,» Koenys? Тутъ течетъ рѣка Kratai, прибавляетъ Плиній (Plin. III, 10).

Aurunci обитали въ Кампаніи (D. Halykarn. VI). Ихъ главный городъ назывался Кора (T. Livii, II, 16 17) (22). Въ послѣдствіи древней городъ Suessa стали называть Aurunca, съ тѣхъ поръ какъ Aurunci, избѣгая нападеній племени Sidaceni, принуждены были уступить свой прежній городъ и переселиться въ Suessa (T. Livii, VIII, 15).

Въ Япигіи, или Messapia, жили Salentini, и Kalabri. Япиги происходили отъ Japyx, старшины тѣхъ Критскихъ Пелазговъ, которые переселились сюда съ острова, послѣ убійства Миноса. Salentini также переселенцы Критскіе (Herod. VII, 170. Strab. VI, 5). Города южной Италіи были: Aulonia, Krotona, Bar, Veretia, Rhoda, Lppa, Salepa, Sila, Buka, Brentesium (прежде Temese); Atra, Atina, Borka, Kolatia, Apula, Larina, Sturna, Sagra, Strabela. Venusia былъ городъ принадлежавшій племени Davni (23). Въ южной Италіи замѣтимъ также рѣку: Teuthras (Strab. VI, 2; Plin. III, 15 16). Teuthras былъ старшина или князь Мизовъ Азійскихъ (Strab. XII, 7).

Opici, назывались также Ausonii, и принадлежали къ многолюдному и древнему племени Campani (Strab. V, 7). Они жили, въ древнѣйшія времена, въ странѣ извѣстной, у Римскихъ писателей подъ именемъ Campania; т. е. на долѣ, «въ поляхъ,» ибо по словопроизводству древнихъ географовъ, Campania, Campani, происходятъ отъ campus, — долъ, степь, равнина, поле. Главный городъ Кампаніи, Capua, ab campo dicta, (Plin. III, 9) или по Титу Ливію, a campestri agro (VI, 37). Энотры и Опичи выгнали Сикулъ изъ южной Италіи (Dion. Halykar. 1), а Опичей вытѣснили отсюда Тирены, основавшіе, въ Campania, двѣнадцать своихъ городовъ. Kolatia, Atina и Kalenum были города Кампанскіе (T. Livii, IX, 28; и X, 20). Osci есть сокращеніе отъ Opsci, Obsci, Opici. Это одинъ и тотъ же народъ. Оскамъ принадлежали Herkulanum и Pompeia; потомъ этими городами завладѣли Тирены и наконецъ Самниты. Отъ Осковъ отдѣлилось особое племя: Sidakeni. Ausonia, Minturna и Veskia (24), принадлежали Авзонамъ. Римляне, за 312 лѣтъ, до Р. Х. уничтожили, жившихъ тутъ Авзонъ. (T. Livii, VIII, 16). Замѣчательно, что изъ всѣхъ Пелазгическихъ нарѣчій Италіи, одно только, которымъ говорили Оски, сохранилось неизмѣнно до временъ Страбона (до половины перваго вѣ-

ка по Р. Х.). Оно всегда употреблялось при особыхъ драматическихъ представленіяхъ, въ самомъ Римѣ, и его очень хорошо разумѣли Римляне, даже при императорахъ. (Strab. V, 7, 10. Coray, Eclaircis. XXXIII). У Тита Ливія: «fabellis Atelanis, actores Atellanarum (T. Livii, VII, 2). Самниты, Лукане, Бруты, Apuli, говорили однимъ языкомъ съ Осками (Lanzi, Sag. di lin. Etrus. II, 505). Вся Кампанія, была нѣкогда населена Осками и Авзонами, которыхъ покорили Тирены. Послѣдніе тутъ владѣли двѣнадцатью большими городами (около 800 лѣтъ до Р. Х.), въ числѣ коихъ Капуя была главнымъ, и тогда назывался Volturna. T. Livii, IV, 37. Strab. V, 10. Capua основана за полвѣка до построенія Рима. Vellej. Pat. I, 7. Lanzi, Sag. di lin. Etrus. II, 499, (25). Этруски (Tusci), занявъ почти всю южную Италію, напали на жителей Кумы, которые не могли противиться врагамъ и просили помощи у Гіерона, царя Сиракузскаго, около 474 года, до Р. Х. Гіеронъ послалъ имъ войско и корабли (Diod. XI, 51); но послѣдствія этой войны неизвѣстны. Потомъ Самниты, нападая часто на Этрусковъ, очень ихъ ослабили, и окончательно заняли всю Кампанію. Strab. V, 10. Что касается до главнаго города Volturna или Capua, то Самниты напали ночью на его гражданъ Этруръ и всѣхъ ихъ умертвили, въ 420 году, до Р. Х. (T. Livii, IV, 37). Въ Campania обитали Kaleni (Strab. V, 7), а область ихъ называлась «ager Calenus»; они принадлежали къ племени Авзонъ. T. Livii, VIII, 16; IX, 25; X, 20. Тамъ извѣстна рѣка Сава и городъ Кога, заложенный Дарданомъ. Plin. III, 9.

Иллиры-Либурны жили въ Италіи (въ Picenum), по берегамъ Адріатическаго моря, начиная отъ Анконы до Adria. Они тутъ занимали обширную страну, въ окрестностяхъ Palma, Adria и Praetutia. Въ послѣдствіи ихъ покорили Обричи; этихъ завоевали Этруски, а послѣднихъ Галлы. Во второмъ вѣкѣ, по Р. Х. Иллирамъ, отдѣльно, принадлежалъ только одинъ городъ Трвентъ (Trventum, cum amne. Plin. III, 18). Независимо отъ этихъ Либурновъ, близъ Brundusio, въ южной Италіи, обитали еще тринадцать Иллирскихъ племенъ. Ихъ города назывались: Rudiae, Egnatia, Barium и др. Plin. III, 16, (26).

Одно изъ племенъ Пелазгическихъ, жившее также въ южной Италіи, называлось Karentini. Они обитали въ нынѣшней Abruzzo, странѣ, какъ извѣстно, весьма гористой. Отсюда, вѣроятно, Carentini т. е. Хорутане, Горотане. Они раздѣлялись на Karentini Supernates

и Karentini infernates. Plin. III, 17. Civita Carentia и теперь известна, близъ Poli и Trevi.

Племя Peligni занимало также часть Campania (Strab. V, 7; T. Livii, VIII, 6) и на этомъ основаніи, его имя, можно, необинуясь, написать нашими буквами: «Поляне;» ибо они жили, дѣйствительно, «въ поляхъ,» именно тамъ, гдѣ нынѣ находятся городки Sulmona, Pentima и Popolo, близъ большаго озера Fucina, (нынѣ Celano), на долинахъ, орошаемыхъ рѣкою Pescara, и на равнинѣ, до Capua. Тутъ мѣстечки: Palena, Furca di Poleno и Gesso Polena, напоминаютъ еще и теперь древнихъ Полянъ, а Popolo, можетъ быть Попелей. Тутъ былъ и торгъ Попилія (Foro Popilii). (См. карту Стилера, Неаполитанскаго королевства; T. Livii, VIII, 6 и прим. Корая къ V кн. 7 главѣ, Страбона). Часть этихъ Полянъ переселилась, въ Италію, изъ Иллиріи. Peligni, ex Illyrico orti; inde enim profecti ductu Volsimi regis, etc. Festi, de signif. verbor. XIV.

Скажемъ нѣсколько словъ о нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіи, вообще о внутреннемъ бытѣ Пелазговъ. Извѣстій, по всѣмъ этимъ предметамъ, намъ передано весьма мало. Воспользуемся чѣмъ можемъ.

Верьховное божество Пелазговъ было Солнце, по свидѣтельству Платона (in Kratilo), (27). Они перенесли съ собою поклоненіе дневному свѣтилу, изъ Азіи, въ Италію. Эмблемою Солнца, на землѣ, служилъ огонь: отсюда поклоненіе ему, въ древнѣйшія времена, у племенъ жившихъ въ Лаціумѣ. Вѣчный огонь, храмъ для него и особыя жрицы, суть учрежденія до-Римскія и чисто Пелазгическія; ибо весталки упоминаются въ Албѣ (Лабѣ), и Silvia Rhea, мать Ромула была уже одною изъ жрицъ Солнца. Plutar. in Romul. 28. Бога Солнце всегда возили на колесницѣ, запряженной бѣлыми конями: эта верховная почесть была исключительно назначена, у Пелазговъ, только Солнцу и Зевсу (T. Livii, V, 23). Такъ точно, по свидѣтельству Гельмолда, Свѣтовида всегда изображали на бѣломъ конѣ и всѣ бѣлыя лошади были ему посвящаемы. Для него, въ особой конюшнѣ, при его храмѣ, всегда содержали бѣлыхъ коней. Свѣтовидъ есть олицетворенное Солнце, т. е. видъ, образъ свѣтящій. Зничь, вѣчный огонь, извѣстенъ у Литовцевъ. (Naruszew. I, 451). Первый храмъ, воздвигнутый Евандромъ въ Palation, на мѣстѣ нынѣшняго Рима, былъ посвященъ Пану; а Панъ, Солнце, Вакхъ и Atys одно и тоже (Macrob. 1, 16, 18 и 22; Socrat. Hist. III, 23). Вакхъ было имя олицетвореннаго Солнца, а Панъ и Atys ничто

другое какъ «господинъ, владыко, отецъ, батько, батя». Такъ точно называетъ дневное свѣтило сочинитель слова о полку Игоревѣ:» свѣтлое и тресвѣтлое Слънце. . . . чему Господине, «и проч. Виргилій упоминаетъ о Салійскихъ жрецахъ, учрежденныхъ, у Пелазговъ, жившихъ по Тибру, для богослуженія Пану, до прибытія Энея въ Италію. У горы Палатинской была уже тогда пещера, посвященная Пану Ликійскому (Lupercal), устроенная Пелазгами, прибывшими изъ Аркадіи (Aeneid. VIII, 285 и 343—344.) Цирцея, дочь Солнца (т. е. Вакха, Пана), имѣла свои великолѣпные чертоги на нынѣшнемъ Monte Circello, не въ дальнемъ разстояніи отъ Рима, гдѣ теперь болота Понтійскія (Aeneid. VII, 10 и 11). По соединеніи Римлянъ съ Сабинами, Ромулъ и Татій, въ числѣ другихъ зданій, для украшенія Рима, построили также храмъ Солнцу (D. Halykarn. 11, 12). Т. Ливій свидѣтельствуетъ, что пѣсни и пляска, въ честь Пана, учреждены Эвандромъ. T. Livii, I, 5; (28).

Нума, родомъ Сабинъ, изъ Kures (Plutar. in Num. 5), немедленно послѣ смерти Ромула, учредилъ двѣнадцать жрецовъ Салійскихъ, въ честь Марса Градова (Salios duodecim Marti Gradivo legit). Нума, въ этотъ санъ, назначилъ 12 молодыхъ патриціевъ (D. Halykar II,) и вмѣнилъ имъ въ обязанность, при торжественныхъ шествіяхъ, ходить по улицамъ Рима, пѣть пѣсни и плясать бойко, живо, подпрыгивая и топая ногами, (. . . canentes carmina, cum tripudiis soleniique saltatu). T. Livii, I, 20. Это ничто другое, какъ наша пляска въ присядку, съ подпѣваніемъ хора пѣсельниковъ. Обыкновенно одинъ изъ числа дѣйствующихъ, пляшетъ въ присядку, подвигаясь медленно впередъ; другіе за нимъ слѣдуютъ, разпѣвая приличныя пѣсни. Такъ точно описано шествіе нашихъ войскъ въ Италіанскіе города, въ продолженіи кампаніи 1799 года. «Передъ полками шли пѣсельники, и въ нѣсколькихъ шагахъ впереди отъ нихъ, бойкой и молодой воинъ плясалъ въ присядку, а пѣсельники пѣли похвалу Фельдмаршалу Князю Суворову.» (29). Тоже самое могло быть исполнено жрецами въ Римѣ, съ тою разницею, что вмѣсто пѣсни, сочиненной въ похвалу Кн. Суворова, Салійцы пѣли гимны въ честь Марса Градова, т. е. «защитника града,» (30). И теперь, во всѣхъ экспедиціяхъ на Кавказѣ, наши воины, съ заряженными ружьями, въ виду горцевъ, поютъ пѣсни, а «приплясывающіе запѣвалы,» прославляютъ славныя дѣла своихъ предводителей и товарищей. (Кавказъ. 1852. № 34.) Самое названіе Салійскихъ жрецовъ, происходитъ «a saliendo,» т. е. прыгуны, плясуны, скакуны; ибо salire значитъ скакать, прыгать, вдругъ.

показываться, подниматься (съ низу), a tripudare, плясать, подпрыгивая и топая ногами (Лекс. Кронеберга). Слѣдовательно то, что именно мы называемъ «въ присядку.» Виргилій о нихъ пишетъ: Hinc exsultantes Salios, nudosque Lupercos, etc. (Aeneid. VIII, 663). «Эти Салійскіе жрецы суть ничто другое какъ Kuretes Пелазгійскихъ племенъ, жившихъ въ Греціи,» прибавляетъ Діонисій. «Они обязаны плясать на всѣхъ улицахъ и площадяхъ Рима, до Капитолія, и пѣть пѣсни, на своемъ нарѣчіи. Названіе Salitores происходитъ отъ Salire.» (D. Halyk. II.) Ихъ шапки назывались Kurbasia; a Suidas объясняетъ это слово: «голова, или гребень пѣтушій.» Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же Діонисій говоритъ, что пляска Куритовъ была очень уважаема въ Римѣ, и при каждомъ богослужебномъ торжествѣ, молодые люди шли впереди, приплясывая и распѣвая пѣсни. Ихъ называли также Lydiones, потому, что эти пляски и пѣніе заимствованы Римомъ отъ Лидовъ (D. Halyk. II, III и VII). «Въ продолженіи каждаго торжественнаго шествія, музыканты играли на флейтахъ и на семиструнной арфѣ, изъ слоновой кости. Римляне это послѣднее искуство получили отъ своихъ предковъ; а Греки теперь не умѣютъ играть на этой арфѣ, хотя ихъ праотцы (т. е. Пелазги) очень хорошо играли на этомъ инструментѣ. Плясуны одѣты въ красное платьѣ, подпоясанное ременнымъ поясомъ. На головѣ пернатый шлемъ, съ нѣсколькими красивыми хохлами. Каждый изъ трехъ хоровъ (мужей, юношей и дѣтей) идетъ, подъ предводительствомъ своего старшины — плясуна (запѣвала), которой подаетъ знакъ къ начатію пляски, пѣсни, и бьетъ мѣру послѣдней. Эта пляска быстрая, проворная, военная, изобрѣтенная Куритами. Омиръ, описывая изображенія на щитѣ, данномъ Вулканомъ Ахиллу, говоритъ, что на немъ представлена была хороводная пляска, которую плясали молодые люди и дѣвицы держась руками (въ кружокъ). Iliad. XVIII, 494, 590, 597. И тутъ были запѣвалы, дававшіе знакъ къ начатію пѣсней; а въ срединѣ круга пляшущихъ, всегда находилось два плясуна, начинавшихъ пляску и пѣсни тѣхъ, кои, держась за руки, пѣли и плясали въ хороводахъ.» D. Halyk. VII, 13. Въ первыхъ годахъ учрежденія Римской республики, пишетъ Плутархъ, въ моровую язву, свирѣпствовавшую въ Римѣ, умерли всѣ лицедѣи, участвовавшіе въ сценическихъ представленіяхъ, въ честь Вакха (Солнца). Тогда опять пригласили, на ихъ мѣста, другихъ изъ Этруріи. Наиболѣе искусный, въ числѣ послѣднихъ, назывался Histrus. Отъ него и возникло общее названіе всѣхъ лицедѣевъ, посвященныхъ Вакху, «histriones.» Plut. Quaes.Rom. 107; (31).

Мы говорили. при описаніи Пелазговъ Азійскихъ, о преданіи, сохранившемся у Бреговъ, что мать боговъ, Рея, родилась и жила въ Брегіи, (32). Тамъ ее боготворили близъ горы Иды, отчего она называлась также Mater Idaea. Пелазгическія племена, переселившіеся въ Италію, принесли это преданіе съ собою, всегда о немъ помнили, и какъ только Римъ началъ властвовать надъ другими странами, то Римляне немедленно отправили почетное посольство, въ Азію, для привоза, изъ Брегіи, изображенія матери ихъ боговъ. Открылось, что Бреги поклонялись камню (аэролиту), который почитали эмблемою Реи. Онъ былъ привезенъ въ Римъ и здѣсь, принятъ съ подобающею честію. T. Livii, XXIX, 10 и 11.

Дубъ былъ, исключительно, посвященъ Юпитеру — Громовержцу (Перуну). Plutar. Quaest. Roman. 92. Въ дубравахъ, предпочтительно воздвигали Пелазги храмы этому богу. Дубрава Додонская была знаменита, какъ древнѣйшее прорицалище, и мѣсто посвященное Перуну. Въ Додонѣ прорицанія исходили изъ дубоваго дупла; этотъ дубъ существовалъ еще при Павзаніи (Pausan. VII, 21; и VIII, 23). Въ 456 году, до Р. Х. во время войны Рима противъ Aequi, посланные изъ Римскаго стана, для переговоровъ къ воеводѣ этаго племени, высказали ему препорученіе имъ данное. Тогда воевода, обратясь къ огромному дубу, покрывавшему, своими вѣтьвями, со всѣхъ сторонъ, палатку, подъ нимъ разбитую, приказалъ посланнымъ Рима повторить ихъ предложеніе этому дубу. Римляне, обратясь лицемъ къ дереву, сказали:» объявляемъ сему священному дубу (sacrata quercus) и всѣмъ богамъ, которые насъ внемлютъ,» и проч. T. Livii, III, 25.—Мы уже сказали прежде (Времен. XIII, пр. 66), что Dodona есть дѣдина Пелазговъ, первое соединеніе людей сѣверной Греціи, послѣ Девкаліонова потопа, ихъ прародительское гнѣздо, на горѣ покрытой дубравою. Отсюда они потомъ разсѣялись по всей Греціи и отсюда также Пелазги населили Италію (выше стр. 4). Но въ послѣдствіи извѣстны и другія «дѣдины», въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ жили Ѳраки и Словене. У Ѳессалійскихъ Пелазговъ упоминается своя «дѣдина» (Dodona), находившаяся у Водоницы, близъ Сѣтуня (Zeitun). Steph. Byzan. voce Dodona и Pouqueville, voyage en Grèce, I; ch. 2. Словене, по переходѣ на сѣверъ, изъ-за Дунайскихъ странъ, также точно имѣли свою «дѣдину,» на Бальтійскомъ Поморьѣ. Эта «Додона» тоже находилась среди густой дубравы. Въ Andreae vita S. Ottonis, L. II, c. 18; Ex Kamin, in Dodonensem locum adiit, ubi multos Pomeranorum de insulis maris reversos, ubi timore Bo-

lezlai ducis occulti erant, baptizavit (Barthold, Gesch. v. Rügen, I, 467). Въ Heiligen Kreuzer Handschrift, p. 346: Doden quae est villa prae grandis in cujusdam sylvae recessibus sita, profectus est. Вѣроятно и въ этой Дѣдино-Словенской дубравѣ находился также храмъ Перуна. Дѣдина, у Словенъ, была родовая собственность, принадлежавшая всему роду, и которою управляли владыки и старшины. У насъ, въ 1170 году: «река тако (Мстиславъ) братье! пожальтеси о Русской земли, о своей дѣдинѣ! и проч. Извѣстны также и другія заповѣдныя лѣса у Словенъ: Perunova dubrova, въ Сербіи; Pirun dubrave, въ Далмаціи (Карамз. I, пр. 202); Swiaty bor находился близъ рѣки Салы, а Branibor, въ нынѣшнемъ Бранденбургѣ. И у насъ, по Троицкой дорогѣ, былъ городокъ «Бѣлые боги» и подлѣ него на холмѣ, заповѣдная дубрава, а въ ней капище (И. М. Снегирева, Русс. празд. I, 14, 137). Подъ дубами и липами, у древнихъ Словенъ, производились судъ и расправа. Въ «духовномъ регламентѣ II, 6», запрещается именно пѣть молебны подъ дубами (Ib. I, 80; IV, 189). Подробнѣе мы о семъ скажемъ при описаніи Поморянъ Бальтійскихъ. У тѣхъ же Прибалтійскихъ Словенъ и въ тоже время, извѣстенъ другой храмъ, съ прорицалищемъ, называвшійся Retra. И теперь еще холмъ у Tollensersee, (озеро Доленцовъ), называется «горою Ретры, Retraberg.» Тутъ было найдено много древностей, съ начертанными на нихъ буквами: Retra (Petersen. Züge der Dänen nach Wenden, I. Absch.). Значеніе этого слова, у древнихъ Словенъ намъ неизвѣстно; а у Пелазговъ оно именно означало «велѣніе боговъ, предвѣщаніе, пророчество, оракулъ.» Такъ точно (т. е. Rhetra) называетъ Плутархъ повелѣніе, привезенное, изъ Дельфійскаго прорицалища, Ликургомъ. Оно состояло, въ приказаніи воздвигнуть храмъ Зевсу-Силану и Минервѣ-Силанѣ (Сильному и Сильной) и собирать вѣче, на открытомъ мѣстѣ, между рѣками Babyce и Knakion (между Бабича и Кнака). Plutar. in Lycur. 7). Тотъ же Плутархъ пишетъ, что Дельфійское прорицалище было древнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ, съ незапамятныхъ временъ, въ сѣверной Греціи (Plutar. de defectu Oracul.). Слѣдовательно оно было основано Пелазгами, древнѣйшими жителями Еллады, а Ликургъ процвѣталъ за 900 лѣтъ до Р. Х. то есть въ такое время, когда Пелазги еще существовали въ сѣверной Греціи. Боги древней Греціи иногда объяснялись, съ поклонниками, и отдавали свои приказанія на варварскомъ языкѣ, т. е. Өракійскомъ. Такъ въ храмѣ Аполлона, этотъ богъ отвѣчалъ на Лидійскомъ нарѣчіи, присланному къ нему невольнику, изъ Лидіи. Plutar. de defectu Ora-

cul. Pausan. IX, 23 и Herodot. VIII. Основываясь на этомъ, мы можемъ допустить, что и у Балтійскихъ Словенъ, слово Retra, означало тоже самое, что и у Пелазговъ, т. е. оракулъ, предвѣщаніе, велѣніе боговъ; а самое имя «ретра», въ значеніи храма у древнихъ Словенъ, ничто другое какъ «прорицалище.» Замѣтимъ еще, что Дельфы назывались также Pitho, можетъ быть отъ «пытать, вопрошать, спрашивать,» ибо языческіе Пелазги приходили сюда всегда съ вопросами, а божество давало на нихъ отвѣты.

Плутархъ (Quaest. Roman. 15) увѣряетъ, что Нума Помпилій запретилъ, въ Римѣ, всѣ кровавыя жертвоприношенія и съ тѣхъ поръ Римляне бросали въ Тибръ изображенія людей (вѣроятно изъ теста), вмѣсто самыхъ людей, какъ прежде дѣлали для умилостивленія боговъ (Ib. 86). Тоже самое пишетъ и Павзаній о Пелазгахъ, жившихъ въ Греціи, при Кекропсѣ (за 1570 лѣтъ до Р. Х.), которой запретилъ тогда приносить въ жертву богамъ все, что наслаждалось жизнію, (33). Вмѣсто кровавыхъ жертвъ, Пелазги, съ этаго времени, начали приносить своимъ богамъ пироги и хлѣбы, называемые Πελάνους. Это «паляницы» Малороссіянъ: они еще и теперь называютъ такъ особаго рода пшеничной хлѣбъ. Замѣтимъ еще, что Еллины называли этотъ хлѣбъ: Βοῦς, слѣдовательно другое его имя: Πελάνους есть Пелазгическое, перешедшее только къ Грекамъ отъ Пелазговъ (Pausan. VIII, 2 и прим. Poncelin къ этой книгѣ.)

Пелазгическія племена имѣли обычай, при женидьбѣ, не свататься за невѣсту, а похищать ее насильно. Они почитали это нимало не обиднымъ для дѣвицы, и даже браки такого рода признавались почетными и достойнными уваженія. D. Halyk. II. Эти похищенія происходили, обыкновенно, при назначаемыхъ, именно, для этаго, ристалищахъ, кулачныхъ бояхъ и играхъ всякаго рода, на которыя приглашались, предварительно, всѣ племена, жившія въ сосѣдствѣ. Такъ поступилъ Ромулъ, при основаніи Рима, именно для составленія дружескаго и родственнаго союза съ жителями городовъ, окружавшихъ возникавшій Римъ, по мнѣнію Діонисія (D. Halykar. II). Дѣйствительно Сабинки, похищенныя Римлянами, на играхъ, не только не желали возвратиться къ своимъ отцамъ, но уговорили ихъ переселиться въ Римъ и составить одинъ народъ съ Римлянами, подъ именемъ Квиритовъ, въ честь Куръ (Kaeres), главнаго города Сабинъ. Тогда народонаселеніе въ Римѣ составилось, на половину, изъ прежнихъ гражданъ и вновь переселившихся Сабинъ (D. Halyk. 11). Отъ этаго обычая Пелазговъ похищать своихъ женъ, сохранилось, у Римлянъ, въ позднѣйшее вре-

мя, обыкновеніе всегда вносить новобрачную въ домъ ея мужа, дабы показать, что она недоброволько переступаетъ порогъ новаго своего жилища, а принужденно, въ видѣ похищеной. Plutar. in Rom. 17 и Quaest. Rom. Самой обрядъ свадьбы, брачные союзы, назывались на языкѣ Пелазговъ, Faraki, по свидѣтельству Діонисія (L. II). Это слово есть именно наше, «браки», бракъ, ибо буквы f и б часто замѣняютъ, одна другую, во многихъ словахъ Индо-Европейскихъ народовъ; на прим. frater, братъ и т. д. Самое слово бракъ происходитъ отъ «брать, хватать» (Рейфа, Слов. I, 45); а «браковать» значитъ выбирать, по произволу, достойное и нравящееся. «Смотръ, или выборъ (избраніе, браковка) невѣстъ» еще недавно существовалъ на Руси. Мы сами помнимъ этотъ обычай, даже въ Петербургѣ, въ лѣтнемъ саду, кажется въ день Св. Тройцы или Св. Духа. Выборъ невѣстъ, въ назначенной, для сего, день существовалъ у Пелазгическихъ племенъ. «Венеты, живущіе въ Иллиріи» пишетъ Иродотъ, «собирали, ежегодно, въ извѣстномъ мѣстѣ, всѣхъ дѣвицъ, назначенныхъ въ тотъ годъ, въ замужство. Женихи являлись туда для выбора невѣстъ и за красивѣйшихъ, изъ нихъ, платили деньги. Собравъ, такимъ образомъ, значительную сумму, Венеты раздѣляли ее на приданое тѣмъ дѣвицамъ, которыхъ природа не наградила красотою, и въ особенности имѣвшимъ тѣлесныя недостатки.» Въ обоихъ случаяхъ, это наше Словенское вѣно т. е. плата отъ жениха за невѣсту, или приданое приносимое женою мужу. Такъ В. К. Владиміръ возвратилъ «за вѣно» Византійскимъ императорамъ, Херсонъ, за руку ихъ сестры; а Казиміръ, король Польскій далъ В. К. Ярославу, за вѣно, 800 Русскихъ плѣнныхъ. Карам. I, пр. 457; и II, 34. Или: «и даде за нею (Анною) Гедиминъ въ вѣнѣ всѣхъ ужниковъ.» Пол. Собр. Русс. лѣт. II, 349. Вѣно несомнѣнно существовало и у Троянъ. Ѳриней просилъ, у Пріама, руку его дочери Кассандры, соглашаясь на ней жениться безъ вѣна и защищать Трою, противъ Данаевъ; а Боръ, за жену свою Полидору, отцу ея Пелею «выдалъ несмѣтное вѣно,» Иліад. XIII, 363—357; XVI, 178. Похищеніе дѣвицъ, для брачнаго союза, перешло отъ Пелазговъ къ древнимъ Словенамъ. Несторъ пишетъ о Древлянахъ, Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ: «браци не бываху въ нихъ . . . . . а схожахуся на бѣсовская игрища и ту оумыкаху жены собѣ.» (Несторъ, изд. Тимков. стр. 8). Точно, какъ будто разсказываетъ о похищеніи Сабинокъ на игрищахъ, устроенныхъ Ромуломъ, а «бѣсовская,» потому что похищенія происходили всегда послѣ торжественно принесенныхъ жертвъ богамъ. (Plutar. in Ro-

mul. 16). Похищеніе Сабинокъ не есть самопроизвольное дѣйствіе Ромула, какъ думаютъ нѣкоторые; оно, какъ обычай Пелазгическій, упоминается и послѣ. На прим. въ 499 году, до Р. Х. Сабины, во время пародныхъ игръ, въ Римѣ, похитили женщинъ тутъ бывшихъ, въ числѣ зрителей. (T. Livii, 11, 18).

Древніе жители Лаціума никогда не вступали въ бракъ, въ продолженіи всего мѣсяца Мая, пишетъ Плутархъ, и всегда отлагали женидьбу до Іюня, потому что всѣ племена Латинскія посвящали этотъ мѣсяцъ умилостивленію боговъ (expiatio). Въ это время обыкновенно бросали человѣческія изображенія въ волны Тибра, вмѣсто людей, какъ это прежде было въ обыкновеніи. Plutar. Quaest. Rom. 86. У насъ на Руси и до сихъ поръ почитаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ, для супруговъ, бракосочетаніе, совершенное въ Маѣ мѣсяцѣ. Говорятъ, что мужъ и жена, вступившіе въ бракъ, въ Маѣ, будутъ всю жизнь «маяться.» Вѣроятно наше повѣрье, такъ же какъ и Римское, получено отъ Пелазговъ. Если справедливо свидѣтельство Плутарха, что весь Май, Пелазгическія племена Лаціума, посвящали на умилостивленіе боговъ, т. е. каялись, постились, молились, слѣдовательно изнуряли себя, изнемогали, томились, тогда и глаголъ нашъ «маяться» можно объяснить весьма естественно и прямо отъ Пелазговъ.

Пелазгическія племена были разсадниками первобытнаго просвѣщенія, въ нашей части свѣта. Эвандръ привезъ съ собою лиру и тѣ музыкальныя орудія, которыя древніе называли «Лидійскими». Онъ также распространилъ Пелазгическое письмо между племенами прежде его прибывшими въ Италію. D. Halyk. 1. Діодоръ эту древнѣйшую азбуку именно называетъ Пелазгическою. Diod. III, 66; (34). Вообще, съ прибытіемъ этихъ переселенцовъ, Италія получила начатки просвѣщенія, нравы смягчились, искуства стали водворятся и люди пріобыкли къ гражданскому порядку. D. Halyk. 1. Древнѣйшіе города Италіи были построены Пелазгами и то, что пишетъ Діонисій Галикарнасскій о развалинахъ Орвины, можно примѣнить и ко всѣмъ другимъ, о которыхъ онъ и Ливій упоминаютъ. Изъ Kamerium, города взятаго Ромуломъ, была перевезена, какъ побѣдный трофей, мѣдная колесница, съ четырью конями, того же металла и поставлена въ Римѣ, въ знакъ одержанной побѣды. Plutar. in Rom. 32. Такое огромное произведеніе ваянія, конечно не могло быть исполнено безъ сильно уже процвѣтавшаго искуства у Пелазговъ. Монеты, съ Пелазгическими надписями, гробницы, статуи, барельефы, остатки зданій циклопической постройки, металлическія доски, съ длин-

ными надписями племенъ Осковъ, Самнитъ, въ особенности Обричей, все однимъ словомъ свидѣтельствуетъ о просвѣщеніи Пелазговъ. Множество раскращенныхъ изображеній миѳологическаго содержанія, украшаютъ обширныя подземелья, разсѣянныя по всей Италіи. Предметы баснословія, однако же не Греческаго происхожденія, а чисто Пелазгическіе, равно какъ и имена боговъ. Слѣдовательно нельзя относить ихъ къ эпохѣ Еллинскаго просвѣщенія: они Пелазгическіе, древнѣйшіе остатки первобытнаго міра. Тоже должно сказать и о надписяхъ Осковъ, Самнитъ, Вольсковъ, Кампанъ, Мессаповъ, Сабинъ, Обричей, и др. Всѣ начертаны Пелазгическими буквами и на языкѣ, теперь никѣмъ, въ Италіи непонимаемомъ. Мы скажемъ подробнѣе о семъ предметѣ, при разсужденіи о языкѣ Тиренъ. Что касается до собственныхъ именъ Пелазговъ Италіанскихъ, то они тѣже самыя, которыя мы уже замѣтили у другихъ имъ однокровнымъ племенъ. Мы ихъ представимъ при исчисленіи именъ Этрусковъ, ибо Обричи, Сабины и другія племена, вошли въ послѣдствіи въ составъ Этруріи. На найденныхъ въ Италіи надгробыхъ надписяхъ и другихъ памятникахъ, нельзя отличить собственно Тиренскихъ именъ отъ другихъ; ибо всѣ Пелазгическаго происхожденія и всѣ начертаны буквами Этрусскими, то есть Пелазгическими.

Число двѣнадцать почиталось, у Пелазговъ, добрымъ предзнаменованіемъ, обѣщавшимъ хорошій конецъ предпріятію. Въ древнѣйшія времена, какъ Аттика (при Kekrops), такъ и Морея, раздѣлялись на двѣнадцать племенныхъ городовъ. Strab. IX, 1. Также точно по переселеніи Пелазговъ отсюда, въ Италію, они и тамъ раздѣлялись на такое же число племенъ; въ южной, или Кампанской Этруріи, было двѣнадцать городовъ (Strab. V, 16) и столько же въ средней и сѣверной Этруріи. Такое же число городовъ считалось въ Іоніи и Эоліи (Herod. I, 145 и 149). Въ Дельфахъ и Термопилахъ собирались выборные отъ 12 племенъ (Suidas). Этрурія имѣла двѣнадцать ликторовъ и Ромулъ столько же учредилъ въ Римѣ. Каждому децемвиру предшествовали двѣнадцать ликторовъ и столько же шли предъ каждымъ консуломъ (T. Livii, I, 8; III, 36). При заложеніи Рима, Ромулъ увидѣлъ двѣнадцать коршуновъ, летавшихъ надъ мѣстомъ, которое было назначено подъ новый городъ. Plut. Quaes. Rom. 93. Ромулъ назначилъ двѣнадцать жрецовъ Арвальскихъ, а Нума опредѣлилъ столько же патриціевъ въ жрецы Салійскіе, число которыхъ было также двѣнадцать. Древнѣйшіе законы Лаціума были вырѣзаны на мѣди и назывались «законами двѣ-

надцати скрижалей» quibus tabulis duodecim est nomen. T. Liv. III, 57. D. Halyk. X, 12. Даже самое число главныхъ боговъ было двѣнадцать (Herod. II, 4). И у нашихъ предковъ это число имѣло такое же значеніе. Въ древнихъ нашихъ законахъ упоминается о судѣ двѣнадцати мужей. Въ академическомъ спискѣ Русской правды: «но ити (отвѣтчику) на изводъ предъ 12 человѣка» Н. В. Калачовъ, въ Москов. Вѣд. 1852, стр. 327. Словаки и до сихъ поръ вѣрятъ, что солнцу, въ чертогахъ служатъ двѣнадцать дѣвъ (И. Срезневскій, объ обож. солнца). Въ Костромской губ. для умилостивленія кумухи (лихорадки), пекутъ двѣнадцать пирожковъ и ставятъ ихъ на перекресткѣ. (И. М. Снегиревъ, въ Моск. Вѣд. 1852, № 145). Можно привести и др. примѣры.

Auguria, auspicia, заимствованныя древними Римлянами отъ Этрусковъ, суть наши «воронограй, курокликъ, птицеволхованія». Нашъ простой народъ и теперь еще спрашиваетъ, у кукушки, сколько ему опредѣлено годовъ жизни. Чиханіе, звонъ въ ушахъ, значили, у древнихъ жителей Лаціума, тоже, что и у насъ. (Іоан. экз. Болгарскій 211, и И. М. Снегирева, Рус. празд. I, 70; IV, 190). Гаданія, у древнѣйшихъ жителей Греціи, состояли какъ и у насъ, изъ литья воска въ воду, коледованья, положенія перстня или монеты въ сосудъ, съ припѣвами. Наши простолюдины и теперь мечутъ жеребьи, какъ дѣлали предки Грековъ подъ стѣнами Трои. Самое наше слово игра есть ὑγρὰ, т. е. хороводы, пантомимныя пляски (35), при древнѣйшихъ таинствахъ Цереры. (Ib. I, 61 — 63.) Что касается до простыхъ музыкальныхъ инструментовъ нашихъ предковъ, которые и до сихъ поръ употребляются у насъ простолюдинами,—то многіе сравнивали ихъ весьма справедливо, съ древнѣйшими извѣстными у первобытныхъ народовъ. Такъ наша дудка есть Панова свирѣль, syrinx, съ которою представленъ Панъ, на древнихъ памятникахъ. Ложки нашихъ пѣсенниковъ суть crotala, или crotalum, орудіе, упоминаемое древними, какъ принадлежность музыки Бреговъ. Блюдо, употребляемое при нашихъ подблюдныхъ пѣсняхъ есть Χλήδωνα древнихъ. У Этрусковъ, а потомъ у Римлянъ, извѣстны: libri fatales, Haruspicinae; Sacra Acherontia; disciplina Extispicii Etruscorum; Aruspicini et fulgurales et rituales libri. T. Livii, V, 15. Lanzi, sag. di lin. Etrus. II, 483. Это наше чернокнижіе; наши заговоры; книги о кудесничествѣ, чародѣйствѣ, знахарствѣ, ворожбѣ, и проч. Necromantia есть наше мертвоволхвованіе, вызываніе умершаго.

Ненависть древнихъ жителей Италіи къ Еллинамъ засвидѣтельствована Плутархомъ (Quaes. Rom.) и другими. Пелазги Италіан-

скіе бросали въ рѣку всѣхъ Грековъ, которыхъ могли захватить, случайно, въ Италіи. Такъ поступали Эвандръ и его товарищи поселившіеся на Тибрѣ. Но и гораздо позже этой эпохи, тотъ же Плутархъ упоминаетъ о зарытыхъ, живыми Грекахъ, на Римской площади, для умилостивленія боговъ, раздраженныхъ безнравственностію весталокъ. Plutar. Quaes. Rom. 83). Въ книгахъ Сивилъ именно находилось приказаніе погребать живыми Грековъ, всякой разъ, когда боги, въ слѣдствіи какого либо преступленія, гнѣвались на Римлянъ. (Ib. loc. cit).

Самыя «книги Сивилъ», почти боготворимыя въ древнемъ Римѣ, были, конечно, писаны на одномъ изъ Пелазгическихъ нарѣчій. Тарквиній Гордый купилъ три книги (три свертка папируса?) «прорицаній Сивилъ», у неизвѣстной женщины. D. Halyk. IV, 14; срав. T. Liv. 1, 7. Варонъ и Suidas относятъ это произшествіе къ царствованію Тарквинія старшаго, а позднѣйшіе комментаторы полагаютъ, что сей послѣдній назывался также и Гордымъ. Какъ бы то нибыло, но нѣтъ сомнѣнія, что при первыхъ царяхъ Рима, другаго языка, кромѣ Пелазгическаго, не существовало въ Римѣ, а первыя сношенія съ Еллинами начались не ранѣе IV вѣка, отъ построенія Рима, или за 450 лѣтъ до Р. X. Тогда Римляне посылали списывать законы Аѳинянъ и другихъ Грековъ. D. Halyk. X, 12. T. Liv, III, 32. Объ Еллинскомъ языкѣ тутъ нечего и думать, тѣмъ болѣе, что въ «книгахъ Сивилъ» предписывалось умерщвлять Грековъ, для умилостивленія боговъ Лаціума. Но и Латинскій языкъ, какимъ онъ дошелъ до насъ, тогда не существовалъ. Самые законы Сервія Туллія и мирное условіе между Тарквиніемъ и Габіею, были писаны «древними буквами и на древнемъ языкѣ, которымъ говорили первобытные жители Греціи» D. Halyk. IV, 7 и 12; срав. также T. Livii, VII, 3, и Plutar, in Rom. 17. Книги Сивилъ цѣнились выше всѣхъ сокровищъ Рима. D. Halyk. loc. cit. Въ нихъ заключалось предсказаніе о времени, назначенномъ судьбою для существованія Рима. T. Liv. XXXVIII, 45. Ихъ вопрошали, всякой разъ, когда случалось какое либо несчастіе въ Италіи; также при всѣхъ необыкновенныхъ явленіяхъ природы, при пораженіи Римскихъ легіоновъ, и проч. Однимъ словомъ, «прорицанія Сивилъ» были, для Пелазгическимъ племенъ Италіи, тоже, что предсказанія дубравы Додонской, для древнѣйшихъ Пелазговъ, праотцевъ жителей Лаціума. T. Liv. III, 10; V, 13; XXII, 9; и XXXVI, 37. Три книги «предсказаній Сивилъ» хранились въ подвалѣ Капитолійскаго храма и существовали въ томъ составѣ, какъ купилъ ихъ

Тарквиній; но храмъ и книги сгорѣли въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. Тогда Римляне отправили пословъ въ малую Азію, дабы списать имъ копіи съ такихъ же книгъ, хранившихся въ разныхъ городахъ Азійскихъ; нѣкоторыя были найдены и въ древнихъ городахъ Италіи. D. Halyk. IV, 14, Такимъ образомъ составили вновь до тысячи стиховъ прорицаній. Древніе пишутъ, что Сивилы произносили свои предсказанія, въ то время, когда приходили въ изступленіе, а жрецы записывали ихъ слова, на листахъ пальмы. Все это доказываетъ, что Сивилы извѣстны были въ древнѣйшія времена, въ Азіи, когда тамъ обитали Пелазги, первобытные жители страны, и что этѣ Сивилы составляли какое то сословіе вдохновенныхъ дѣвъ, то что древніе Словене называли «Вилы, ихъ же числомъ тридевять (по др. списку А: тридцать) сестреницъ» (Опис. Рум. рукоп. 228). Онѣ были въ большомъ уваженіи, у нашихъ предковъ, ибо названы, въ Словѣ Христолюбца, (Румянц. библіотеки), вмѣстѣ съ Перуномъ, Хорсомъ и Мокошемъ. Да и самыя имена древнихъ Сивилъ указываютъ на тождество съ Словенскими «Вилами». Мы знаемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ назывались: Яро-вила (Hero-phyla); Демовила (Demo-phyla) и т. д. а общее ихъ названіе Si-byla, значитъ «предсказательница, вдохновеная дѣва, жрица Аполлона, или Солнца,» главнаго божества древнихъ Словенъ. Древніе упоминаютъ о Сивилахъ: Брегійской, Самоской, Дельфійской, Кумской и др. Всѣ онѣ именно произхожденія Пелазгическаго. По преданію, сохранившемуся у Черногорцевъ, «вилы» и теперь живутъ на горѣ Ловчинѣ (Попова, пут. по Черн. 65). Вилы суть прекрасныя дѣвы, обитающія въ горахъ: біела вила,—красная дѣвица. (Ib. 213). Тѣ же преданія существуютъ, у Сербовъ и другихъ Словенъ (И. М. Снегирева, русс. Празд. I, 134). Wila; bjla osoba; Panie. Kollar, Narodn. Zpiewanky, I, 412. Независимо отъ «Вила», слова означавшаго вдохновенную дѣву, — у Ѳракійскихъ племенъ очень извѣстно собстввенное женское имя: Phyla, Φίλα, Вила. Такъ называлась одна изъ женъ Филиппа, царя Македонскаго, сестра Дырда (Dirdas) и Махаты (Machotas); и другая Вила, жена Кратаря, военачальника Македонскаго, упом. вскорѣ послѣ смерти Александра великаго. Diod. XVIII, 18; XIX, 59, и XX, 93. Plutar. in Demetr. 15 и 31. Но замѣчательнѣе всѣхъ, для нашего предмета, имя Лѣповилы (Lipephila), дочери Іолая, (36), о которой свидѣтельствуетъ Павзаній, что она была «прекрасна и красотою уподоблялась богинямъ» (Paus. IX, 40). Это имя, по Словенски, именно то, что объясняетъ Павзаній «прекрасная Вила (Лѣпо-вила).» Лѣпа была жена Звониміра, князя Хор-

ватскаго, упом. въ XI вѣкѣ (Farlati, Illyricum sacrum, III, 15). Lepa, сестра Владислава. Kolar, Slawy Dcera, Zpew. 5. Lepa, въ переводѣ Pulcheria, см. Menologium Graecorum, III, 193. Что же касается до имени Φίλα, у Елинъ, и нашего Вила, то не только древніе Греки, но и Византійцы, на своемъ языкѣ, всегда выражали нашу букву В, своею Ф. Такъ Святославъ, у нихъ Сфентослафъ, а село Sphendalae, въ Аттикѣ (Herod. IX, 15), ничто другое, вѣроятно, какъ Свят-(свент)-долы. По Латынѣ также писали Словенскія имена: Всевладъ, Святоликъ,—Сфіоладъ, Сфентоликъ. (Востоковъ, Изв. Ак. наукъ. 1852). У Малоруссовъ «филя», волна (на водѣ: срав. Русалка). Прилагательное «вилавый» (Оп. Обл. Слов. 25), лукавый хитрый, не происходитъ ли отъ «вила» хитрая, лукавая дѣва? (37).

II. Лиды, Тирены, Этруски, Резане, (Rasenae).

Переселеніе половины народа Лидовъ, изъ малой Азіи, въ Италію, есть произшествіе засвидѣтельствованное всемъ древнимъ міромъ. Иродотъ (1. 93), Схимнъ Хіосскій (стихъ 219 и 220), Стравонъ (V. 4), Плутархъ (in Romul. 1, и 33), Велій Патеркулъ (L. 1, c. 1), Плиній (III, 8); Юстинъ (XX, 1), Валерій Максимъ (II, 4), Тертуліанъ, всѣ поэты и историки подтверждаютъ это извѣстіе. Тацитъ передаетъ намъ подлинныя слова того опредѣленія (decretum), которымъ Этруски свидѣтельствовали, передъ императоромъ Тиверіемъ, что они однокровны (consanguinei) жителямъ Сардъ, столицы Лидіи. Въ этомъ опредѣленіи было написано: «Lydus и Tyrrhenus, сыновья Лидійскаскаго царя Atys, раздѣлили наслѣдство на двѣ части; Lydus остался княжить въ Лидіи, а Тиренъ, съ другою частію народонаселенія, отправился въ Италію, гдѣ потомки этихъ Лидовъ, стали уже называться Тиренами. Причиною этаго происшествія былъ избытокъ народонаселенія, достигшій до того, что страна не могла уже прокормить всѣхъ жителей. Отъ Лида происходятъ Лиды, а отъ брата его Тирена, — Тирены, или Этруски. Въ послѣдствіи другіе переселенцы, изъ Лидіи, населили Морею, подъ начальствомъ Пелопа, и эту страну, со времени водворенія его, Греки назвали Пелопонизомъ» (Tacit. Annal. IV, 55). Прежде полуостровъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ Pelasgia, отъ имени народа тамъ обитавшаго, по свидѣтельству Есхила, Ефора и Еврипида (Strab. V, 3). Вмѣстѣ съ Тиреномъ, прибавляетъ Стравонъ, переселились въ Этрурію и другія Пелазгическія племена, именно Пелазги, обитавшіе на островахъ Лемносѣ и Им-

бросѣ., гдѣ они были первыми людьми, населившими эти острова. Strab. V, 4. Пелазги, жившіе на Лемносѣ и Имбросѣ, назывались также Тиренами, по свидѣтельству Плутарха. Ихъ выгнали съ обоихъ островов Аѳиняне и они тогда переселились въ Лаконію, а отсюда перешли на Критъ, подъ начальствомъ Polis и его брата. Plutar. Quaest, Graec. 21. «Въ Италіи, страна, гдѣ водворился Тиренъ, море ее омывающее и народъ отъ него произшедшій — получили названія Тиренскихъ, отъ имени предводителя Лидовъ,» пишетъ Валерій Патеркулъ (Hist. Rom. I, 1), а Діонисій Галикарнасскій приводитъ свидѣтельство Гелиника Лесбоскаго, что Тирены стали называться этимъ именемъ, только по прибытіи своемъ въ Италію, а прежде всегда извѣстны были подъ именемъ Пелазговъ. Dion. Halycarn. 11. Жителей Тиреніи, по свидѣтельству Стравона, Римляне называли Etrusci, отъ имени страны ими заселенной (Этрурія) и Tusci, отъ слова Thuoscaeni (Thuos и keo, сожигаю жертвы), потому что они были очень искусны во всемъ относящемся до богослуженія и жертвоприношеній. D. Halyk. I, 6. Plin. III, 5. Но Грекамъ они извѣстны были подъ именемъ Tyrrheni и это названіе происходитъ отъ Tirrhenos, сына Atys, который, въ слѣдствіе неурожая и голода, выслалъ изъ Лидіи Тирена, съ большею частію Лидовъ. Послѣдній, съ Азійскими переселенцами, водворился въ той странѣ, которую назвали Тиреніею; и гдѣ онъ основалъ двѣнадцать городовъ, при построеніи которыхъ, ближайшимъ распорядителемъ назначилъ Тархона. Одинъ изъ этихъ городовъ, въ честь послѣдняго, былъ названъ Тархинія (Tarkynia). Strab. V. 4. Діодоръ (XIV, 113) также свидѣтельствуетъ о двѣнадцати первоначальныхъ городахъ въ Этруріи. Тирены, въ послѣдствіи, занявъ всю сѣверную Италію, по самыя Альпы, раздѣлили и эту страну, также на двѣнадцать округовъ. Каждый изъ двѣнадцати первоначальныхъ городовъ Этруріи, выслалъ поселенцовъ, для водворенія въ главныхъ городахъ вновь основанныхъ Тиренами, между Падьвы и Альпъ (Tit. Livii, V, 33). Вѣроятно, съ Тиреномъ прибыли, въ Италію, переселенцы отъ двѣнадцати племенъ Лидійскихъ, на число которыхъ онъ и раздѣлилъ занятую имъ страну, назначивъ, каждому особый городъ, для постройки храма, и другихъ общественныхъ зданій. Это подтверждаетъ Т. Ливій, свидѣтельствуя; что главный воевода всей Этруріи, былъ избираемъ всѣми двѣнадцатью племенами, на которые дѣлилась вся страна (T. Livii, I, 8). Каждое, изъ этихъ племенъ, находилось подъ управленіемъ особаго старшины, называвшагося Λου-

χουμων, (Servius ad Virgil. Aeneid. II, vers 278). О Lucumones Этрусскихъ упоминаютъ: Стравонъ (V, 4); Т. Ливій (I, 34), за 680 лѣтъ, (до Р. Х.), Плутархъ и Діонисій Галикарнасскій (38). Одного изъ этихъ Lucumones называетъ Ливій: Tarquinius; а Діонисій Галикарнасскій: Lucius (L. III). О другомъ пишутъ, тотъ же Титъ Ливій, подъ годомъ 388, до Р. Хр. и Плутархъ (in Camil. 17). Lucumon упоминается еще при Ромулѣ, какъ главный предводитель всѣхъ войскъ Тиренскихъ (Dion. Halycarn. II, 10). Первоначально всѣ двѣнадцать племенъ, продолжаетъ Стравонъ, были соединены въ одинъ общій союзъ и составляли одно государство. Въ послѣдствіи каждое племя, отдѣлясь отъ союза, управлялось самостоятельно и независимо отъ другихъ (Strab. V, 4) Каждое имѣло свое племенное вѣче. (Т. Livii, II, 43). Это разъединеніе на двѣнадцать небольшихъ республикъ совершенно ослабило прежде сильную и могущественную Этрурію до того, что Тирены едва могли защищаться отъ своихъ сосѣдей. «Если бы Этруски не раздѣлились на особыя племенныя управленія, а оставались всегда въ одномъ общемъ государственномъ составѣ, то всѣ двѣнадцать городовъ, не только были бы достаточно сильны, для отраженія враговъ, но даже могли бы сами нападать на сосѣдей и вести счастливыя войны.» (Strab. V, 4). Эти слова Стравона совершенно подверждаетъ Діонисій Галикарнасскій, свидѣтельствуя, что Лиды, въ первое столѣтіе ихъ поселенія въ Италіи, были столь могущественны, что овладѣли большею частію городовъ основанныхъ, въ Тиреніи, Пелазгами и даже принудили часть ихъ переселиться въ Аттику (Dion. Halycarn. 1). Тогда Тирены заняли, вѣроятно, Сардинію. Strab. V, 4. (39) Въ послѣдствіи же, когда государственное единство Этруріи разрушилось, ни одинъ историкъ не упоминаетъ о завоеваніяхъ Тиренъ. Напротивъ того Діонисій пишетъ, что всѣ города Этруріи покорились Тарквинію старшему, а послѣ его смерти царю Туллію и признали ихъ своими владыками. (Dion. Halycarn. III и IV). Этимъ такъ же объясняется легкое порабощеніе Этруріи Галлами, отъ Альповъ до Апенинъ, а Римомъ остальной Тиреніи до Тибра и переселеніе Тиренъ въ Ретію и самыя ущелія Альпійскихъ горъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Слѣдовательно и въ Италіи тоже пагубное раздѣленіе Пелазго-Ѳракійскихъ племенъ, на отдѣльные независимыя общества, было причиною ихъ порабощенія Галлами и Римомъ, такъ точно какъ Иродотъ, Стравонъ и др. намъ тоже самое передали о Дакахъ и другихъ Ѳракійскихъ племенахъ въ Европѣ. (Времен. X, 14—18.)

«Страна, населенная Тиренами, лежитъ между двумя морями, Адріатическимъ и Тиренскимъ.» (Strab. V, 4). Къ этому Т. Ливій прибавляетъ, что и самыя названія морей доказываютъ незапамятное жительство, по ихъ берегамъ, Этрусковъ, ибо одно море называется ихъ именемъ «Тиренскимъ», или «Тусскимъ», а другое Адріатическимъ, отъ города Adria, населеннаго также Тиренами. Первоначально Этрурія оканчивалась, на сѣверѣ, у подошвы Апенинъ; но Тирены, въ послѣдствіи, заняли все пространство Италіи, лежащее за рѣкою Падьвою (Padvus) до Алпъ, изключая только страну Венетовъ, въ углу Адріатическаго залива, которою всегда владѣли одни Венеты. Въ древнѣйшія времена Этруски были сильнѣйшимъ народомъ всей Италіи. Отъ береговъ Тибра до ущелій Альпійскихъ и отъ одного моря до другаго, все было заселено Этрусскими племенами. Всѣ народы, живущіе между самыхъ Альпъ, продолжаетъ Ливій, того же происхожденія (Этрусскаго), въ особенности Реты, принявшіе, въ послѣдствіи характеръ, сообразный съ дикою природою ихъ окружающею. Они теперь (въ I вѣкѣ по Р. Х.) сохранили съ Тусками одно сходство языка, но уже съ нѣкоторыми измѣненіями. Галлы, въ царствованіе Тарквинія старшаго, перешли Альпы, вошли въ Италію, и заняли тогда всю страну Этрусковъ. Но и прежде этаго времени, Галлы часто нападали и вели войну съ тѣми Этрусскими племенами, которыя жили между Альпъ и Апенинъ. Туски тогда владѣли всею страною, лежавшею между двухъ морей. Другая часть Галловъ отняла земли у Любичей (Libici), въ окрестностяхъ Бреста (Brixia, Brescia, Берестіе) и Врана (Verona). Бои и Лингоны переправились черезъ Padvus, на плотахъ, и (за 600 лѣтъ, до Р. Х.) заняли страну Этрусковъ. T. Livii, V. 30, 33—35. Плутархъ подтверждаетъ слова Страбона и Ливія, а Поливій свидѣтельствуетъ, что Галлы, не только заняли всѣ области, принадлежавшія Этруріи, но даже выгнали часть ихъ изъ отечества. Plutar. in Camil. Polyb. II, 3. Діонисій Галикарнасскій пишетъ тоже, прибавляя, что Тирены и Пелазги одинъ и тотъ же народъ, по свидѣтельству Myrsylos Лесбосскаго и Софокла, но въ его время (при императорѣ Тиверіи) языкъ Тиренъ уже различествовалъ отъ Лидійскаго. Dion. Halyk. I. Діодоръ такъ же почитаетъ Тиренъ и Пелазговъ однимъ народомъ, а Галловъ, поработившихъ тѣхъ и другихъ, въ Италіи,—называетъ Кельтами. Diod. XIV, 113 — 115. Өукидитъ положительно увѣряетъ, что Пелазги, живущіе, въ его время, во Өракіи, были одноправны съ Тиренами, именно тѣми изъ нихъ, которые обитали на Лемносѣ и въ самыхъ

Аөинахъ. Thucyd. IV, 109. Вотъ и свидѣтельство Схимна Хіосскаго: Post Ligusticam autem Pelasgi sunt, qui prius illic habitabant profecti e Graecia, communem vero cum Tyrrhenis regionem colentes. Scymni Chii, orbis descriptio, v. 216—218. Стравонъ, Плутархъ и Юстинъ почитаютъ Этрусковъ Пелазгами, соединенными съ Лидами, а Виргилій называетъ ихъ Maeones. (Virg. Aeneid. VIII, 499.) Племя Maeones произошло отъ родоначальника Мана, а Лиды назывались по имени Лида, правнука Мана. Слѣдовательно Лиды и Maeones одно и тоже. Времен. XIII, 110.

Плутархъ насчитываетъ, у Тиренъ, восемнадцать большихъ городовъ (Plutar· in Camill. 17). Онъ полагаетъ, въ этомъ числѣ, и тѣ, которые находились между Альпъ и Падьвы; ибо называетъ Этрурією всю страну до самаго кряжа Альпійскихъ горъ. Стравонъ и Діодоръ говорятъ о первоначальныхъ двѣнадцати племенныхъ городахъ, въ самой Этруріи, основанныхъ Тиреномъ.

Въ то время когда Лиды прибыли, изъ Азіи, въ Италію, вся страна, въ послѣдствіи извѣстная, подъ именемъ Тиреніи, была уже заселена Пелазгическими племенами. Лиды соединили ихъ въ одинъ общій съ ними союзъ и составили сильное федеративное государство, овладѣвшее почти всею Италіею. Окрестности Пестума, Капуя (при Этрусскихъ Vulturna), Геркуланъ, Помпея, Нола, Кума, вся южная Италія, до Rhegium, принадлежали Тиренамъ. Strab. V, 10; и VI, 1. Polyb. 11, 3. На сѣверѣ владѣнія ихъ простирались, не только до Альповъ, но Тирены жили и далѣе за этимъ кряжемъ горъ. Въ средней Италіи вся страна, населенная Обричами, вошла въ составъ Этруріи. Въ послѣдствіи Этрурія распространилась до Адріатическаго моря и до рѣки Падьвы (Padvus)· Тутъ триста городовъ, принадлежавшихъ Обричамъ, вошли въ составъ Тиреніи. Въ числѣ ихъ называетъ Плиній: Adria, Ancona, Dola, Ostra, Tuder, Senna, Spoleto, Trebia, Vindena и много другихъ. Mutina (Modena), Parma и Bononia (Bologna) принадлежали первоначально Этрурамъ. Эти города у нихъ отняли Бои; а Римляне, побѣдивъ Галловъ, поселили тутъ свои колоніи, за 189—183 лѣтъ, до Р. Х. T. Livii, XXXVII, 57, и XXXIX 55. Основаніе Рима на Тибрѣ, Латинами, разрѣзало на двѣ части прежнюю могущественную Этрурію. Южная часть ея владѣній, отдѣленная, такимъ образомъ, отъ средоточія государства, скоро была завоевана Кампанами. Капуя взята въ 420 году Самнитами ночью, и всѣ ея граждане — Этруры преданы мечу; Кумою овладѣли Поляне (Campani) въ 417 году, до Р. Х. (T. Livii, IV, 37 и 44). Такъ кон-

чилась власть Тирении надъ южною Италіею, гдѣ она нѣкогда имѣла двѣнадцать значительныхъ городовъ, изъ коихъ Карпа была главнымъ. Strab. V, 10. Тогда владѣніе Этруріи сосредоточилось надъ среднею и сѣверною Италіею, до тѣхъ поръ, какъ нашествіе Галловъ, съ сѣвера и нападенія Рима съ юга, уничтожили ее самостоятельность.

Обширныя владѣнія Тиренъ, въ средней и сѣверной Италіи, раздѣлялись на три области: 1) собственно Этрурія, нынѣшняя Тоскана; 2) Cispadana, страна на сѣверъ отъ Этруріи, за Аппенинскими горами, между Адріатика и Лигуръ, до самаго теченія Падьвы (По); и 3) Transpadana, на сѣверъ отъ этой рѣки, до Альповъ (нынѣшняя Ломбардія), за исключеніемъ Венетіи и Лигуріи. Strab. V, 1. О странѣ, называвшейся собственно Тиренія, или Этрурія, и гдѣ поселились первоначально Лиды, мы скажемъ ниже сего. Сѣверная Италія есть обширная равнина, простирающаяся на сѣверъ, отъ кряжа Апениnъ, до горъ Альпійскихъ. Рѣка По, орошая эту плодоносную долину, раздѣляетъ ее на двѣ части. Южная называлась, у древнихъ, Cispadana; сѣверная, между лѣвымъ берегомъ По и Альпами, — Transpadana, т. е страна находившаяся за теченіемъ рѣки Падьвы. Cispadana была, въ древнѣйшія времена, населена Пелазгами-Обричами, и вошла въ общій союзъ Тиренъ, при распространеніи ихъ могущества надъ всею почти Италіею (выше стр 33). Cispadana есть страна, лежащая по сю сторону Падьвы, т. е. на югъ отъ этой рѣки, до Апениnъ и до Лигуріи, именно до Genua и Vada Sabbatorum. Эту часть древней Этруріи Галлы отняли у Тиренъ, и тутъ поселились Boii, Senones, Goesatae и Ligyes, т. е. Кельты и Лигуры. Боевъ принудили Римляне переселиться къ Таврискамъ, а Senones и Gaesatae были уничтожены. «Теперь всю Cispadana», продолжаетъ Стравонъ, «занимаютъ Тирены, Обричи, Лигуры и Римскія колоніи. Обричей и Тиренъ, до покоренія ихъ Римомъ, раздѣлялъ Тибръ и они тогда совокупно владѣли всею страною. Но и нынѣ, при Римскомъ владычествѣ, и при водвореніи Римскихъ колоній, Тирены и Обричи, тутъ живутъ, принадлежа уже Риму. Ихъ и теперь называютъ Ombrici, Tyrrheni; а другіе племена суть Henetes, Lygies и Insubri». Strab. V, 2. Замѣчательные города, въ Cispadana, назывались: Plakentia, Kremona, Parma, Bononia, Ticinum (Pavia). Послѣдній находился въ той части страны, которою владѣлъ царь Kottios. Strab, V, 2. (40).

Transpadana почти вся была населена, въ древнѣйшія времена, Пелазгами, (выше стр. 4) и Венетами, какъ увидимъ ниже. Только въ крайней западной ея части жили Лигуры, именно отъ нынѣшней Марсели до Пизы, какъ по берегу Тиренскаго моря, такъ равно и внутри страны до Arrhetium. Polyb. II, 3. Пелазги Додонскіе основались (за 270 лѣтъ, до взятія Трои) по теченію Падьвы, построили, у самаго впаденія этой рѣки въ море, богатый и цвѣтущій городъ Spina и подались далѣе внутрь страны. D. Halykar. I, 19. Страна, лежащая между Апенинъ и Альпъ, была населена выходцами изъ двѣнадцати городовъ Этруріи, пишетъ Діодоръ, прибавляя, что тутъ жили и Пелазги, переселившіеся изъ Ѳессаліи, послѣ Девкаліонова потопа. (Diod. XIV, 113). Въ послѣдствіи вся эта часть Cispadana вошла въ общій союзъ Этруріи, за исключеніемъ Венетовъ, всегда составлявшихъ отдѣльный народъ, до присоединенія ихъ къ Римской республикѣ. T. Livii, V, 33. Галлы вторглись въ Италію, за VI вѣковъ до Р. Х. и поработили не только всѣ племена, жившія на сѣверъ отъ Падьвы, (за исключеніемъ Венетовъ), но заняли всю страну на югъ, отъ этой рѣки до самыхъ Апенинъ. Въ Transpadana поселились Гальскія племена Инсубровъ и Кеноманъ, въ Cispadana Бои, Лингоны и Сеноны. Polyb. II, 3. Титъ Ливій, Діодоръ, Плутархъ, (in Camil) и Поливій описываютъ это произшествіе, имѣвшее столь пагубное вліяніе на всѣ Пелазгическія племена Италіи, и уничтожившее навсегда цвѣтущую Тиренію. Въ царствованіе Тарквинія старшаго (617—578, до Р. Х.), Галлы перешли Альпы, черезъ ущеліе, ведущее на Туринъ, разбили Этрусковъ на рѣкѣ Тичинѣ, взяли Миланъ и другіе города, имъ принадлежавшіе, заняли всю верхнюю Италію и всѣ владѣнія Тусковъ. T. Livii, V, 34. Кельты, пишетъ Діодоръ, поработивъ навсегда жителей всей страны, между Альпъ и Апенинъ, пошли далѣе, (въ 388, до Р. Х.) и напали на Этрурію. Здѣсь тридцать тысячь этихъ Кельтовъ осадили Klusium; отсюда направились на Римъ, который также заняли и, получивъ тысячу фунтовъ серебра (въ 387 году), продолжали свой походъ далѣе на югъ, именно пошли въ Япигію и возвращаясь отъ туда были разбиты жителеми Kaera. (Diod. XIY, 113—117). Но Галлы и послѣ этаго, нѣсколько разъ, нападали на Тиренію и побѣдоносно являлись у вратъ Рима. Титъ Ливій это свидѣтельствуетъ именно, подъ годами 364, 363, 358, 355, 347, до Р. Х. (VI, 42; VII, 1, 9—15, 23—26. Слѣдовательно варвары, лишивъ Тиренъ большой части ихъ владѣній, въ сѣверной и средней Италіи, очень часто разоряли и соб-

ственную Этрурію, (нынѣшнюю Тоскану). Это продолжалось до тѣхъ поръ, какъ Римъ, овладѣвъ окончательно этою страною, побѣдилъ Галловъ и Лигуръ, жившихъ на сѣверъ отъ Этруріи. Тогда Галлы принуждены были, въ свою очередь, уступить Римлянамъ всѣ земли, отнятыя ими у Тиренъ, до самыхъ Альпійскихъ горъ. Часть этихъ Галловъ, именно часть Боевъ, отправилась тогда (около 283 года, до Р. Х.) на Дунай и поселилась близъ Таврисковъ. Strab. V, 2. «Теперь» (въ первомъ вѣкѣ, по Р. Х.) продолжаетъ Стравонъ, «въ Transpadana, живутъ Венеты и Истры, до города Полы; на сѣверъ отъ нихъ Karni, Medoaci, Kenomani и Insubri. Главные города Transpadana (нынѣшней Ломбардіи) были: Mediolanum, Beron, Brexia, Mantua, Rhegium и Comum. Strab. V, 2. Объ остальныхъ мы скажемъ при описаніи Венетовъ, (41).

Первоначальная, собственно древними называемая Тиренія, находилась между моремъ Тиренскимъ (Средиземнымъ) съ запада, теченіемъ Тибра съ юга и востока и кряжемъ Апенинъ съ сѣвера. Протяженіе всей Этруріи, съ сѣвера на югъ, по морскому берегу, начиналось отъ города Луны и оканчивалось впаденіемъ Тибра въ море, при Ostia. Рѣка Мокра отдѣляла Тиренію отъ Лигуріи. Strab. V, 4. Это нынѣшняя Тоскана, съ прибавленіемъ къ ней, всего пространства до Тибра. Но и страна, на югъ отъ этой рѣки, въ древнѣйшія времена, до прибытія Эвандра, принадлежала такъ же Тиренамъ. Они жили даже на самомъ мѣстѣ гдѣ, въ послѣдствіи, былъ построенъ Римъ (Plutar. in Rom. I) и владѣли частью Лаціума. Нынѣшній Frascati назывался Tusklum. Strab. V, 7. И теперь еще гора, близъ Frascati, называется Tusculo. (Прим. Dutheil къ Strab. V, 7.) Въ самомъ Римѣ часть города, въ которой жили Тирены, именовалась Этрурскою: «deinde Tuscum vicum appellarunt». T. Livii, II, 14. Она имѣла четыре стадіи длины, между холмовъ Палатина и Капитолія, и называлась, при Діонисіѣ, Тиренскою. D. Halykar. V, 5. Pectuscum Palati, у Festus, L. XIV, есть часть Рима, на скатѣ горы Палатинской. Противъ Троянъ, прибывшихъ съ Энеемъ и соединившихся съ Aborigenes, которые жили по Тибру,—воевали Turnus, съ племенемъ Рутулъ и Mezenzius, предводитель жителей богатаго Этрусскаго города Kaera. «Въ это время,» прибавляетъ Титъ Ливій, «Этруски были сильнѣйшимъ и славнѣйшимъ народомъ всей Италіи и морей ея окружавшихъ, отъ Альпъ до пролива Сициліи.» T. Livii, I, 2.

Города Этруріи назывались:

Fidenae, въ 40 стадіяхъ разстоянія отъ Рима. D. Halyk. II, 12.

Племя, обитавшее въ Fidenae, сохранило свое особое Пелазгическое нарѣчіе даже до временъ Стравона.

Veies, обширностію равнялись Аѳинамъ (Dion. Halykarn. II, 12.) и не уступали Риму, ни въ средствахъ обороны, ни въ обширности своихъ укрѣпленій. Plutar. in Camil. 3—6. Средства защиты города и многолюдность племени были столь велики, что Римляне, послѣ десятилѣтней осады, едва могли овладѣть Веею, которую Плутархъ называетъ столицею всей Тиреніи. Сильное племя, владѣвшее городомъ и его окрестностями, именовалось Venetani (Венеты, Энеты). Plutar. in. Camil. 3. «Ромулъ, разбивъ Венетанъ», разказываетъ тотъ же Плутархъ, «захватилъ въ плѣнъ ихъ предводителя и множество непріятелей, которыхъ вели по улицамъ Рима, при торжественномъ вшествіи Ромула. Въ воспоминаніе этой побѣды и теперь (при Плутархѣ), Римляне, совершая благодарственныя жертвоприношенія, за одержанную побѣду, всегда ведутъ въ Капитолій человѣка представляющаго Венетанскаго военачальника, а идущій впереди его глашатай кричитъ: «Сарды назначены въ продажу.» Сарды тоже что Венетане, продолжаетъ Плутахъ; ибо Тирены переселились, въ Италію, изъ Сардъ, столицы Лидіи, а Веія былъ городъ, принадлежавшій Этрурамъ.» Plutar. in Romul. 33.—Вея была сильно укрѣплена, жители ея богаты и жили не только роскошно, но и великолѣпно. Plutar. in. Camil. 3.

Tarkynia, такъ названная въ честь Тархона, прибывшаго въ Италію съ Тиреномъ. Strab. V, 4. Graviska находилась близъ Tarkynia и принадлежала племени Тарквинъ. T. Livii, XL, 29. Этотъ городъ упоминается уже при войнѣ Энея съ Этрусскими (Aeneid. X, 182). Вѣроятно Gradiska, какъ назывался городъ Энетовъ, въ верхней Италіи.

Klusium, одинъ изъ двѣнадцати городовъ, составлявшихъ Тиренскій союзъ, въ древнѣйшія времена назывался Kamars. T. Livii. X, 25, подъ годомъ 295, до Р. Х. и Strab. V, 4. Клуеяне были сильны и воинственны. Порсена, ихъ воевода, занялъ Яникулъ, перешелъ Тибръ и едва не взялъ Рима.

Сарепа находилась близъ Veies.

Faliska, между Римомъ и Otrikoli, былъ городъ племени Falisci, жившаго тутъ до прибытія Лидовъ и сохранившаго свое особое Пелазгическое нарѣчіе, даже по присоединеніи къ Тиреніи. Стравонъ, у этаго племени, называетъ еще другой городъ Falerium (Strab. V, 4). Плутархъ и Діонисій о немъ упоминаютъ (Dion. Halykarn. I, 21 и Plutar. in Camil. 13). Но, у Плинія, только одинъ Falisca, Argis orta

(ut auctor est Cato), quae cognominatur Etruscorum, (Plin. III, 8); слѣдовательно основанный Пелазгами Аргосскими. Сервій (in Aeneid. VII, 693) замѣчаетъ, что настоящее имя племени Falisci, было Halaesci, ибо «Faliscos Halaesus condidit; a Spanheim (de praest. et usu numis. I, 320) прибавляетъ, что древній Halaes находился на мѣстѣ нынѣшняго Galese, (Галичь? Галичи ?).

Volsinii, (Strab. V, 4) городъ и племя, тамъ гдѣ нынѣ находится Bolsena.

Kairea, Caera. Пелазги, жившіе въ этомъ городѣ, до прибытія Тиренъ, и, вѣроятно, не согласившіеся подчиниться ихъ господству, переселились обратно въ Аттику, гдѣ были уже извѣстны подъ именемъ Пелазговъ Тиренскихъ, т. е. возвратившихся въ сѣверную Грецію изъ Тиреніи. Strab. V, 4; Diod. XV, 4; Dion. Halycarn. I, 3. Стравонъ передаетъ намъ словопроизводство имени Kaera, выдуманное Греческими разскащиками. Въ продолженіи осады этаго города Лидами, прибывшими въ Италію, съ Тиреномъ, одинъ Тиренъ подойдя ближе къ городскимъ укрѣпленіямъ спросилъ, у воина, стоявшаго на стѣнѣ, какъ называется городъ? Пелазгъ отвѣчалъ ему χαῖρε, по Гречески: съ тѣхъ поръ Этруски стали называть его χαῖρε, т. е. добрый день, здравствуй. Но, a) Пелазги не говорили по Гречески; b) когда Лиды завоевали эту часть Италіи, то и въ самой Греціи имя Еллинъ не было извѣстно: тамъ жили одни Пелазги, съ незапамятныхъ временъ; c) χαῖρε не Kaera, и довольно странно Лидамъ называть Пелазгической городъ словомъ «добрый день, здраствуйте,» на языкѣ, тогда не существовавшемъ. Подобныя сказки мы часто встрѣчаемъ у Греческихъ историковъ и географовъ; но дурно то, что имъ вѣримъ и часто, основываясь на нихъ, распространяемъ превратныя понятія о происхожденіи древнихъ народовъ и всемогуществѣ Еллинскаго племени. Коментаторы Страбона полагаютъ, что Kaera Kaeres, означало, на языкѣ Пелазговъ, просто городъ, селеніе, жилище, (прим. къ Strab. географіи du Theil, T. II, p. 150). Слѣдовательно тоже: что наше слово «Курень», (изба, хижина, пекарьня), отъ глагола «курить», дымиться, имѣть очагъ въ жилищѣ. Жителей Kaere Стравонъ называетъ Kaeretani, (Куритане), а Плиній ихъ рѣку: Caeretanus amnis (III, 8), Ихъ гавань (emporium) находилась у Pyrgoi, гдѣ былъ знаменитый храмъ, столь богатый, что Діонисій, царь Сиракузскій, ограбивъ его, въ 384 году, до Р. Х. получилъ добычу, цѣнностію болѣе чѣмъ на тысячу талантовъ. Diod. XV, 14. Не въ дальнемъ разстояніи отъ Тибра, находился другой Пелазги-

ческій городъ Kures, построенной Пелазгомъ Medios, въ землѣ племени Сабинъ (Dion. Halycarn. II, 10). Въ послѣдствіи Kures былъ главный городъ и мѣстопребываніе Татія, предводителя Сабинъ, которыхъ одно племя называлось Kurites; а Kurinos было божество, чтимое этими Куритами. Извѣстно также, что Римляне, по соединеніи съ Сабинами, стали называться, въ честь Куритовъ и ихъ бога, Quirites. Dion. Halycarn. II, 10; Strab. V, 6. Plutar. in Rom. 25, и 41. «Quirites a Curibus appellati.» T. Livii, I, 13. Всѣ приведенныя нами свидѣтельства доказываютъ, по нашему мнѣнію, что Kaires, Kures, Kurites составляли часть Пелазгическаго племени Kuretés, жившаго въ сѣверной Греціи и которое, въ совокупности съ Лелегами,— Еллины называли Этолами и Локрами (Dion. Halykarn. 1, 17 и Времен. XIII, 109). Эти Kuretes, съ другими Пелазгами, изъ Еллады, переселились, подъ предводительствомъ Энотра въ Италію. Дѣйствительно Италіанскіе Kures и Kurites жили въ той части Тиреніи, которую занимало племя Энотровъ. Къ этому прибавимъ еще свидѣтельство того же Діонисія, что жрецы, называемые въ Римѣ Салійскими и существовавшіе тамъ при Нумѣ, были учрежденіе перешедшее къ Римлянамъ отъ Этрусковъ, и что эти жрецы именовались, у древнѣйшихъ племенъ, обитавшихъ въ Греціи (т. е. у Пелазговъ) «Kuretes.» Римляне ихъ называютъ также Lydiones, пишетъ Діонисій, потому что учрежденіе этихъ жрецовъ, заимствовано ими отъ Лидовъ. Они, во всѣхъ торжественныхъ процессіяхъ Римскихъ, обыкновенно пѣли древніе гимны туземцевъ (при Нумѣ, слѣдовательно также Этрускіе, или Пелагическіе). Dion. Halykarn. II, 18. Suidas прибавляетъ, что шапки этихъ жрецовъ, или Lydiones, назывались Kurbasia, и что это слово значитъ «пѣтущій гребень» (Прим. комментатора Діонисіева, къ кн. II, гл. 18). Вспомнимъ, при этомъ, самое словопроизводство слова Kares; они прежде назывались Лелегами а имя Καρες, то есть «пѣтухи» получили отъ своихъ пернатыхъ шлемовъ, по свидѣтельству Плутарха (in Artaxer).

Perusia (Strab. V, 4 и Plin· III, 8), какъ географическое названіе есть ничто другое какъ Prusia, Prusa, имя встрѣчамое во многихъ странахъ, гдѣ жили Пелазги. Въ малой Азіи извѣстны три города этаго имени; тамъ и кряжъ городъ Pirosos. Въ южной Македоніи озеро Prasias. На Критѣ племя Πρυσαί, и городъ Prasos. Въ Иллиріи также племя Πειρυσαί (Врем. XIII, 118).

Krotona, Cortona, была основана Пелазгами и тогда называлась Kotorna. Она находилась въ той части Этруріи, которую занимали

Ombrici, до прибытія Лидовъ. Dion. Halykar. 1 и Plin. III, 8. Kotorna есть ничто другое какъ Котора; два города этаго имени извѣстны у Азійскихъ Ѳраковъ. (Времен. XIII, 4, 44; и прим. 8 и 60). И теперь, въ древней Иллиріи, процвѣтаетъ Котòра, на Адріатическомъ морѣ.

Arretium, по замѣчанію Стравона, находился на краю Этруріи, подъ самыми Аппенинами. Имя его напоминаетъ Ретовъ, племя Тиренъ, удалившееся, въ послѣдствіи, въ ущелія Альповъ, при завоеваніи Этруріи Галлами и Римомъ. На это именно указываетъ Плиній, называя этихъ Ретовъ: Aretini veteres, Aretini Julienses и Aretini Fidentes. Послѣдніи жили у города, показаннаго у Стравона, подъ именемъ Fidenae.

Kosa, Kòsai, принадлежала племени Волковъ, (Volkii, Volkintii, Plin. III, 8). Ихъ не должно смѣшивать съ Volsiniensis, которые жили въ окрестностяхъ пынѣшней Bolsena, какъ мы видѣли выше; а Volkintii у Косы. Вѣроятно послѣдніи были тѣже Volsci, часть которыхъ извѣстна на югъ отъ Тибра (выше стр. 10), а эти, жившіе на сѣверъ отъ той же рѣки, вошли въ составъ Этруріи. Плиній поясняетъ наше мнѣніе, прибавляя, къ ихъ имени: «cognomine Etrusci,» дабы не смѣшать ихъ, съ жившими въ Лаціумѣ и, вмѣстѣ съ этимъ, подтверждаетъ существованіе другихъ, имъ одноименныхъ. «Городъ Коса былъ построенъ на возвышеніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, въ углубленіи котораго гавань, для приходящихъ кораблей. На самомъ мысу находилась сторожевая будка, для наблюденія за проходившей рыбой (Thunnus), отъ береговъ Сициліи.» Strab. V, 3. Lanzi пишетъ: il suo nome é preso del sito. По обѣ стороны кòсы, на которой была построена Cossa и теперь еще «due piccioli seni, l'uno porto d'Ercole, l'altro il porto di S. Stephano. Poté esser detta della piegatura istessa del promontorio; giacché ogni *curvatura* (коса) di terra era nominata or coxa, or cubitus. Coxa, in antica ortografia scrivevasi per una, o per due S.; versura. (Saggio di lingua Etrusca, II, 47). Ясно, что имя города «Кòса,» происходитъ отъ косы, омываемой съ обѣихъ торонъ моремъ, на которой онъ былъ построенъ. Въ Кòсѣ Римляне поселили свою колонію: Cosa Volscientium a popolo Romano deducta (Plin. III, 8). Между Kosa и Gaviska, Стравонъ указываетъ на урочище Ρηγίσουιλλα. Тутъ, нѣкогда, находился стольный градъ Малюты (Malaetos), предводителя Пелазговъ, занимавшихъ Этрурію, до прибытія Лидовъ. Strab. V, 4.

Luca, также въ послѣдствіи Римская колонія. Plin. III. 8.

Luna, по Гречески Selene. Strab. V.

Pisa, основанная жителями Пизы Морейской, (Strab. V, 4 и Dion. Halycarn. I, 20), или Пелопомъ (Plin. III, 8); вообще Пелазгами, прибывшими въ Италію, изъ Мореи, и которыхъ Плиній называетъ Teutanes.

Poplona, Ποπλώνιον, (Strab. и Plin.) была единственный городъ Этруріи, построенный на берегу моря. По замѣчанію Стравона Тирены неохотно селились близь морскаго берега, по причинѣ пиратовъ, грабившихъ прибрежныя мѣста. Въ этомъ ремеслѣ особенно отличались Фокейцы, поселившіеся на Корсикѣ (Lanzi, Sag. di lin. Etr. II, 65). На монетахъ имя города: Poplana.

Telamona, Plin. III, 8, городъ названный по имени Теламона, однаго изъ Аргонавтовъ (Diod. IV).

Vetulonia, (Plin. III, 8), на монетахъ всегда Vetluna, (Вѣтлана).

Artana, между Куръ (Kaeres) и Веи. T. Livii, VI, 61.

Aurina, прежде Saturnia. Plin. III, 8.

Rusellum, близъ Herbana, Plin. III, 8.

Amitina. Plin. III, 8.

Vada Volaterana, при впаденіи Kaekina, въ море, Strab. V, 4. Plin. III, 8. И нынѣ называется Vada. По объясненію Стравона Vada, Οὔαδα, значитъ «loca humida et palustria», (IV, 6). Lanzi свидѣтельствуетъ также, что «luoghi paludosi,» есть названіе, «conveniente a quella parte del territorio Volterano, che poi fu detto Vada Volaterrana (Sag. di lin. Etr. II, 78). Слѣдовательно имя этаго города мы можемъ производить отъ «вода, ливада,» (42).

Рѣки, орошавшія древнюю Этрурію назывались: Мокра, Арна, Kaekina, Umbra, Kaeretanos, Albula, послѣ Тибръ: его составляли двѣ рѣки Тимъ, (Timia) и Кленъ (Klena). Plin. III, 8 и 9; Dion. Halykarn. I. (43).

Плиній, вмѣсто многихъ изъ этихъ городовъ, называетъ племена, коимъ они принадлежали. Такъ у него: Clusini, Aurini, Tarquinienses, Tuscanienses, Veientani, Vetulonienses, Volcentini, Volsinienses и проч. вмѣсто городовъ Clusium, Tarquinia, Veia, Vetulonia, Cosa, Volsinia и т. д. Многія, изъ этихъ племенъ, мы можемъ написать нашими буквами: Венеты (Venetanes); Венденаты (Fidenates), у Fidena (Видня, Вѣна); Галичи (Halisci, Falisci); Вильцы (Volsci, Volcentii); Попели, у Poplana; Реты (Arretini), у Aretium; Пруссы (Perusii), у Perusia; Куряне, Куриты (Kaeretani), у Куры (Kaira, Kaera); Вѣты, Вѣтичи, у Vetlana; Которяне (Cortonates, потому что при Пелазгахъ Cortona называлась Которою). Имена другихъ городовъ так-

же намъ очень понятны, ибо имѣютъ смыслъ на нашемъ языкѣ: Луна, Лука, Тѣломана (Telamona), Арина, Горбана (Herbana), Градишка (Graviska, Gradiska), Мутна (Amitina), и др. Но по Плинію мы не можемъ опредѣлить двѣнадцать главныхъ племенъ, на которыя раздѣлялись всѣ Тирены, потому что онъ, у нихъ, насчитываетъ до двадцати. Вѣроятно, въ его время, многія отдѣлились уже отъ первоначальныхъ и составили особыя племена, на примѣръ у него: Clusini novi, Clusini veteres, Aretini veteres, Aretini Iulienses, и проч. Самостоятельность и могущество нѣкоторыхъ городовъ Тиреніи засвидѣтельствованы исторіею; ибо они вели противъ Рима продолжительныя войны, отдѣльно отъ общаго союза всей Этруріи. Обратимся къ Титу Ливію; у него мы найдемъ имена тѣхъ двѣнадцати главныхъ городовъ, или племенъ, которые составляли федеративную республику могущественной нѣкогда Тиреніи.

Съ самаго построенія Рима и вторженія въ Италію Галловъ, Этрурія находилась, постоянно, между двухъ сильныхъ враговъ, и наконецъ пала подъ ихъ соединенными ударами. Съ сѣвера нахлынувшіе Галлы, уже въ царствованіе Тарквинія, лишили Тиренъ большой части ихъ владѣній, ибо заняли немедленно всю верхнюю Италію по самыя Аппенины и поселились навсегда въ Transpadana и Cispadana. Такимъ образомъ Этрурія уже тогда была ничто другое, какъ нынѣшняя Тоскана. Съ юга нападенія Римлянъ, на Тиренъ, начались еще при Ромулѣ. Въ его царствованіе взята Фидена и ни одинъ, изъ прочихъ одинадцати городовъ Этруріи, не прислалъ войска, для защиты своихъ соотечественниковъ. Тогда же Ромулъ поселилъ въ Фиденѣ Римскихъ переселенцевъ (Plutar. in Romul. 14, 31 и 33; T. Livii, I, 14). Потомъ онъ напалъ на Этрусское племя Vénetanes, жившее въ Веѣ и окрестностяхъ этаго города и отнялъ часть его земель. Plutar. in Romul. T. Livii, I, 14.

Въ 506 году, до Р. Х. Тарквиній, изгнанный изъ Рима, возбудилъ Венетанъ, Тарквинъ и могущественное племя, жившее въ Clusium, противъ Рима. Венетаны и Тарквины, послѣ перваго сраженія, прекратили войну. Тогда Lars Porsena, предводитель Клузянъ, осадилъ Римъ, и занялъ гору Яниколь; но также скоро заключилъ миръ, съ Римлянами. T. Livii, II, 13. Потомъ Римъ велъ войну съ одними Венетанами, въ 481—473 годахъ, но безъ важныхъ послѣдствій. Вея находилась въ 20-ти верстахъ отъ Рима и на этомъ пространствѣ происходили ежедневныя грабежи, разбои, похищенія скота. T. Livii, II, 42—48 и 53. Въ 478 году, воевала съ Венетами не республика Римская,

а одинъ родъ Фабіевъ, въ которомъ считалось до 306 патриціевъ, съ помощію 4000 кліентовъ и приверженцевъ этой фамиліи (T. Livii, II, 48, 49; D. Halykar. IX). Фабіи построили крѣпость Kremera, на землѣ Венетанъ, а эти не только ее взяли, но и положили на мѣстѣ всѣхъ Фабіевъ, съ ихъ кліентами. Тогда Венетане заняли Яникуль, перешли Тибръ и даже осадили Римъ; но были разбиты (T. Livii, II, 50, 51). Въ 435 — 433, Римляне опять воевали съ Венетанами, Фиденою и Falisci; но послѣдніе, съ 433 года, уже не участвовали въ этой войнѣ, а Фидена была взята, въ 431 году во второй разъ (T. Livii, IV, 17 — 23). Венетане, оставшись одни противъ сильнаго уже тогда Рима, созвали общее вѣче всѣхъ племенъ Этруріи, въ храмѣ Voltumna и просили о помощи. Народное вѣче, въ 431 году, отказало въ присылкѣ имъ вспомогательнаго войска, опредѣливъ: «какъ Венетане начали войну противъ Рима, не испросивъ на то согласія другихъ племенъ, то и должны одни нести всѣ ея тягости и убытки» (T. Livii, IV. 24). Черезъ два года (въ 429), на общемъ вѣчѣ Тиренъ, также въ храмѣ Voltumna, Венетане опять получили такой же точно отвѣтъ. Между тѣмъ война продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ и наконецъ Римляне осадили Вею, въ 402 году. Тогда Венетане, въ третій разъ, и опять на общемъ вѣчѣ, въ храмѣ Voltumna, умоляли своихъ соотечественниковъ о помощи, и опять получили отказъ (IV, 61). Въ 400 году Венетане, наскучивъ народнымъ правленіемъ, неразлучнымъ съ всегдашними кознями и враждою одной части племени противъ другой, ввѣрили верховное начальство надъ собою, избранному ими князю (regem creavere). Другія Этрурскія племена, по ненависти къ этому воеводѣ, отказали въ просимой Венетанами защитѣ отъ Римскаго меча. Но два племени, ближайшія къ Веіѣ, Capenates и Falisci, въ 399. году пришли на помощь къ Венетанамъ и разбили Римлянъ. T. Livii, V, 1—8. Въ 394 году Capenates и Falisci, на общемъ вѣчѣ всей Этруріи, въ храмѣ Voltumna, просили оказать помощь осажденной Веѣ; но другія племена имъ отвѣчали, что «Вея, неспрашивала разрѣшенія, у вѣча, начинать войну, слѣдовательно не можетъ требовать и помощи, и что Галлы завладѣли страною сосѣдственною Этруріи, и потому всѣ племена послѣдней должны были сохранить свои силы и приготовиться къ могущему воспослѣдовать нападенію на Этрурію этихъ варваровъ. Ibid. V, 17, Наконецъ Вея, въ 393 году, была взята Камиломъ, послѣ десятилѣтней осады. При разграбленіи этаго города Римляне получили несмѣтныя богатства. Plutar. in Camil,

2, 6 и 13. T. Livii, V, 20, 21. Capenates и Falisci были разбиты, а Faleria, главный городъ послѣдняго племени, здалась Римлянамъ, въ 391 году. T. Livii, V, 21, 26,27.

Въ 388 году, Римскіе легіоны вошли въ Этрурію, напали на племя Volsinii, разграбили всю страну, захватили 8000 плѣнныхъ и получили, сверхъ того, огромную сумму денегъ (T. Livii, V, 32). Вскорѣ послѣ этаго (въ 385 году) Венетане, Fidenate и Falisci получили право гражданства въ Римѣ; слѣдовательно уже не принадлежали болѣе къ Тиреніи.

Тогда же Римляне неожиданно вторглись въ страну племени Тарквинъ, заняли ихъ города, совершенно ихъ разграбили и уничтожили до основанія (Ib. IV, 4). Въ 355 — 348 годахъ опять упоминаются нападенія на Тарквинъ и разоренія ихъ страны.

Въ продолженіе этихъ непріязненныхъ дѣйствій, Римъ объявилъ также войну Этрусскому племени Kaerites, но скоро заключилъ съ ними перемиріе (Ib. VII, 12 — 19). Въ 309 и 308 годахъ Ливій упоминаетъ о возстаніи многихъ Этрускихъ племенъ противъ Римлянъ: онѣ разбиты, а Perusia, Cortona et Arretio, quae ferme capita Etruriae populorum ea tempestate erant,—просятъ мира (Ib. IX, 32—37). Съ сего времени можно полагать уже паденіе Этруріи, ибо въ продолженіи этой войны истощены были всѣ средства страны, погибло все юношество, и Тиренія была совершенно разорена. Перузу заняли Римскимъ войскомъ. (Ib. IX, 40). Немедленно послѣ этаго (въ 307 году) Римъ отнялъ, у племени Volsinii, нѣсколько городовъ, которые были разрушены и вся Этрурія опять разграблена. Въ этомъ же году всѣ Обричи, составлявшіе одинъ союзъ съ Тиренами, были покорены и страна ихъ объявлена принадлежащею навсегда Римской республикѣ (Ib. IX, 41). Но и послѣ этаго, опустошенія Этруріи продолжались, въ теченіи двадцати лѣтъ, съ промежутками, (отъ 301 до 280 годовъ). Arretium и Clusium были заняты Римскимъ войскомъ; около 8000 Perusii и Клузянъ положены на мѣстѣ, Rusellum взятъ, окрестности Volsinii опять разграблены, наконецъ Римляне перешли даже Апенины и напали на Галловъ. (Ib. X, 4—31). Въ 294 г. tres validissimae urbes, Etruriae capita, Volsinii, Perusia, Arretium, pacem petiere (Ib. X, 37). Подъ годомъ 286, Римскій историкъ признается откровенно, что нападеніе, въ этомъ году, было предпринято на племя Volsinii, единственно для высылки, изъ Рима, буйной черни, бунтовавшей противъ сената. Въ 280 году. . . . . Coruncanius consul, de Vulsiniensibus et Vulcientibus Etruscorum populis, a. d. Kal. Feb-

rnarias triumphavit (Ib. XI, 27; XIII, 35: Freinsh). Наконецъ, въ 266 году, главный городъ племени Volsinii совершенно разрушенъ и сравненъ съ землею, а жители переселены на другое мѣсто. Вся Италія, отъ одного моря, до другаго и на сѣверъ по самую рѣку Падъву, совершенно покорена Римомъ. (Ib. XV, 12 и XVI, 39).

Слѣдовательно двѣнадцать главныхъ племенъ, съ ихъ городами, были: Fidenates, Venetanes, Tarquinii, Clusini, Falisci, Capenates, Volsinii, Kaerites, Perusii, Cortonates, Arretini и Vulcenienses; ибо только этѣ племена вели войну съ Римомъ, каждое особенно и независимо отъ прочихъ. Намъ также извѣстны и имена нѣкоторыхъ посадниковъ (Lucumones) этихъ городовъ. На примѣръ Mezentios, посадникъ Kaere (T. Liv. I, 2; D. Halyk. 1); Lars Porsena (или Porsyna) былъ такимъ у племени Клузянъ (Plutar. in Publicol. 18. T. Livii, II, 9—14); подъ городомъ 435, до Р. Х. Ливій называетъ Lars Tolumnius, предводителя (rex) Венетанъ. T. Livii, IV, 17.

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ открывается также, что Тиренія была федеративная республика, которой племена были весьма мало соединены между собою. Хотя всѣ Этруски имѣли общій сеймъ, но кажется болѣе для разбора внутреннихъ сношеній и ссоръ, конечно возникавшихъ между племенами. Что касается до внѣшнихъ дѣлъ, то каждый главный городъ дѣйствовалъ отдѣльно, воевалъ, мирился, заключалъ договоры, независимо отъ другихъ племенъ и отъ общаго вѣча. Отъ тото мы всегда видимъ всѣ двѣнадцать племенъ воюющихъ, по очередно, съ Римомъ и никогда совокупно. Отсюда и тѣ пагубныя послѣдствія, для всей Этруріи, которыя наконецъ обратили ее въ Римскую провинцію. Когда Римъ началъ нападать на Фидену и Вею, ближайшіе къ нему города,—тогда сѣверные—Перуза, Aretium и другіе не хотѣли обнажить меча, для защиты соотечественниковъ, полагая, вѣроятно, что до нихъ никогда Римляне не доберутся. Римъ напротивъ того дѣйствовалъ всегда всѣми своими силами совокупно, рѣшительно и, потерпѣвъ даже пораженіе, опять шелъ смѣло къ предположенной цѣли. Такимъ образомъ Римляне, нападая постепенно, послѣ порабощенія одного племени, на другое, ни кѣмъ не вспомоществуемое, наконецъ покорили всю Этрурію. Это федеративное управленіе было кажется общее у всѣхъ Пелазгическихъ и Ѳракійскихъ племенъ и оно есть главная причина порабощенія Пелазговъ и Ѳраковъ другими народами, имѣвшими болѣе совокупности въ своемъ составѣ. Для Рима война была необходимость, ибо нищіе, пролетаріи, первоначально составившіе

ядро народонаселенія города, не имѣли ни хлѣба, ни земли для посѣва. На сѣверъ отъ Тибра начиналась Этрурія, на югѣ была Альба; на востокъ Frascati, Пренеста, Tivoli принадлежали Горнакамъ (Hornici) и другимъ племенамъ всегда враждебнымъ Риму. Весь доходъ возникавшей республики состоялъ изъ грабежа сосѣдей и обогащенія, какъ личнаго каждаго пролетарія, такъ и общественной казны. Всѣ храмы Рима построены на кровавыя деньги, ограбленныхъ племенъ. Самая жизнь и пропитаніе гражданъ зависѣли отъ грабежа Этруръ, Волсковъ, Обричей и проч. Лѣтопись первыхъ вѣковъ Рима есть ничто другое, какъ разсказъ разбоя и грабительствъ всей средней, а потомъ и южной Италіи, для прокормленія пролетарій, поселившихся на берегу Тибра. Эти же разбои давали всегда средства патриціямъ водворять миръ и тишину на площадяхъ Рима. Едва пролетаріи начинали бунтовать и требовать раздѣла земли, захваченной патриціями,—консулы объявляли пóходъ на одно изъ племенъ окружавшихъ Римъ, (D. Halyk. IX) указывали черни на грабежъ богатыхъ Тиренскихъ городовъ Веи, Фидены, и обѣщали раздать ей всю отнятую землю. «Страсть къ грабежу и захвату чужаго достоянія, была единственною причиною, которая заставляла Римскаго легіонера преодолѣвать всѣ препятствія» пишетъ самъ Т. Ливій (L. X, 17). По его же свидѣтельству Римъ всегда искалъ и пользовался малѣйшимъ поводомъ къ начатію войны. Легіоны находились постоянно на чужой землѣ: ихъ безпрерывно посылали въ Antium, Satricum, Velitres, Tusculum; приказывали имъ нападать на всѣ Латинскія племена, на Горнаковъ, жителей Пренесты и т. д. T. Livii, VI, 27, (подъ годомъ 364 до Р. X.) Голодные плебеи бросались на указанную добычу, грабили, убивали, отнимали все найденное у другихъ племенъ и сожигали ихъ города. На мѣстахъ послѣднихъ возникали Римскія колоніи, а общественная казна обогащалась продажею въ рабство всѣхъ оставшихся въ живыхъ жителей, захваченной страны. Другаго дохода не было, слѣдовательно и война была необходимость, такъ точно какъ необходимы теперь, въ Европейскихъ государствахъ, налоги. Такъ возникъ великій Римъ и этими же правилами всегда, неизмѣнно, руководствовался при постепенномъ завоеваніи всего почти свѣта, извѣстнаго древнимъ, (44).

Исторію Этруріи и ея памятниковъ, дошедшихъ до насъ, должно раздѣлить, неминуемо, на два періода; т. е. время ея самостоятельности, и эпоху порабощенія всей страны, сперва Галлами, потомъ окончательно Римомъ. Первый періодъ есть собственно исторія самобыт-

ность Тиреніи, цвѣтущаго состоянія, гражданственности и просвѣщенія, пересаженныхъ съ береговъ древней Азіи, на вновь разработанную почву Италіи. Къ этой эпохѣ должно отнести, не только большую часть надписей, на Этрускомъ языкѣ и Этрусскими буквами начертанныхъ, но и статуи, барельефы, вазы, съ этими же надписями, зданія, гробницы, раскрашенныя изображенія и проч. ибо все это можно и теперь сравнить съ тѣми древностями, которыя найдены и описаны, въ послѣднее время, Англинскими туристами, въ Лидіи Ликіи и вообще въ малой Азіи, этой колыбели Пелазгическихъ племенъ. Цари Лидіи имѣли уже собраніе картинъ, до построенія Рима. Плиній называетъ одного изъ нихъ, который покупалъ, на вѣсъ золота, произведенія тогдашней живописи, именно картины Вуларха, процвѣтавшаго вскорѣ послѣ взятія Трои. Plin. XXXV, 34, и прим. Larcher къ Herod I, 7, Просвѣщеніе, принесенное Лидами въ Этрурію, было не Греческое, а чисто Лидійское, потому что Лиды населили Италію за 1300 лѣтъ до Р. Х, или почти за сто до взятія Трои, т. е. въ такую эпоху, когда и самое имя Еллинъ едва становилось извѣстнымъ, а ихъ маленькое племя немного еще отличалось отъ Пелазговъ, первобытныхъ жителей всей древней Греціи и Еллады. Эти Еллины никакъ не могли распространить Еллинскаго просвѣщенія, тогда только возникавшаго, на Лидію, самостоятельную и никѣмъ непокоренную и тѣмъ болѣе, что они сами были потомки Пелазговъ, переселившихся въ Грецію, изъ малой Азіи. Слѣдовательно и первоначальную гражданственность Еллины должны были получить отъ тѣхъ же Пелазговъ. Платонъ свидѣтельствуетъ (de legibus, L. V), что Этруски не только ничего не заняли отъ Грековъ, но даже многія обряды языческаго богослуженія и миѳологіи получили Аѳиняне отъ Этрусковъ (Ciampi, Antich. Etrusche, 48). Ланци, Винкельманъ и др. ученые, вездѣ и всегда видящіе однихъ Еллинъ (другіе народы не существуютъ *для* Филлелиновъ), силились доказать, что раннее и значительное просвѣщеніе Этрусковъ, проистекало изъ Еллады; но они забыли, или старались скрыть, что первоначальное просвѣщеніе принесено въ Грецію Пелазгами, прибывшими изъ малой Азіи, что племя Еллинъ столь ничтожное, при его началѣ, стало извѣстно и получило нѣкоторую самостоятельность только при внукахъ Еллена, и что, до окончанія Троянской войны, (1270, до Р. Х.) самое имя Еллинъ было неизвѣстно, ибо Омиръ вездѣ, враговъ Трои, называетъ Данаями, а не Еллинами. Лидія, при Atys, отцѣ Тирена (около 1370 года), не только была въ цвѣту-

щемъ положеніи, но народонаселеніе ея столь умножилось, что половина его принуждена была переселиться въ Италію, на корабляхъ собственной постройки. Вспомнимъ, что древніе приписываютъ Лидамъ, Брегамъ и Тиренамъ (вообще Пелазгамъ) изобрѣтенія: копья (hasta), военныхъ трубъ, колесницъ на четырехъ колесахъ, пернатыхъ шлемовъ, сапогъ и устройство кораблей съ желѣзными носами (rostra). Они также первые начали красить шерсть въ разныя цвѣта, выливать изображенія изъ мѣди и бить монету. Живопись изобрѣлъ Gyges, уроженецъ Лидіи; а Арахна, также уроженка этой страны, первая научила людей сучить ленъ и дѣлать изъ него сѣти, тенета и невода; сынъ ея изобрѣлъ веретено для пряжи шерсти. Пелазги первые переплыли Еллеспонтъ на плотахъ, и населили Ѳракію и Грецію. Лиды особенно славились своимъ пѣніемъ; а Пелазги учредили первыя игры въ честь умершихъ (тризну). Флейта, лира и топоръ суть также изобрѣтенія Пелазго-Ѳракійскія. Ѳраки: Орфей, Тміръ и Линь, первые, начали играть на лирѣ, а Панъ на волынкѣ. Евмолпъ, съ своими Ѳраками, научили Аѳинянъ садить виноградъ, а Пелазги, жившіе въ Ѳессаліи, начали первые ѣздить верхомъ. Пелазгъ Ясонъ первый отправился на большомъ кораблѣ въ дальнее морское путешествіе. Миносъ, за 200 лѣтъ, до Троянской войны, одержалъ побѣду на морѣ. Пелазгамъ, или Циклопамъ, приписываютъ постройку древнѣйшихъ городовъ въ Греціи и Мореѣ. Они воздвигли тѣ громадныя стѣны и башни изъ монолитовъ, которыя и до сихъ поръ удивляютъ путешествующихъ по этимъ странамъ, и носятъ еще названія «Пелазгическихъ». D. Halyk. I, 20. Аристотель свидѣтельствуетъ о семъ, именно, въ отношеніи къ постройкѣ древнѣйшаго Аргоса и Сикіона. (Plin. VII, 57). Не забудемъ также, что Пелазго-Циклопы построили стѣны Микина и Тиринты (Virg. Aeneid. VI; и Strab. III). Климентъ Александрійскій пишетъ, что у Каръ возникла астрологія, а Бреги славились, въ особенности, предсказаніями, основанными на крикѣ и полетѣ птицъ (Stromat. I, 309). Павзаній свидѣтельствуетъ, что Malaetas (Малюта), сынъ Лелега, изобрѣлъ устройство мѣльницъ. Прибавимъ къ этому видимые изящныя доказательства древняго просвѣщенія Пелазговъ и Этрусковъ, найденныя и находимыя ежедневно въ Италіи, въ отношеніи къ зодчеству, живописи, ваянію, чекану монетъ, домашней утвари и проч. и все это, большею частію, съ Этрусскими, или другихъ Пелазговъ, надписями. Не распространяясь въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, укажемъ только на сочиненіе Ингирами: Мо-

numenti Etruschi (VII, томовъ въ 4, съ раск. изобр.), которое вполнѣ оправдаетъ справедливость нашего мнѣнія. Ясно, что изъ всѣхъ народовъ древняго міра, Пелазго-Ѳракійскія племена наиболѣе оказали услугъ человѣчеству первоначальными изобрѣтеніями на поприщѣ искуствъ, наукъ, вообще гражданскаго устройства и просвѣщенія. Греки только воспользовались всемъ имъ переданнымъ Пелазгами; но наши ученые не хотятъ этаго знать и вездѣ и всегда толкуютъ намъ, исключительно, объ одномъ Еллинскомъ племени, (45).

Первоначальное просвѣщеніе Рима получено изъ Тиреніи, а не отъ Грековъ, ибо первыя сношенія Рима съ Греціею начались только за 451 годъ, до Р. Х. Тогда, именно, посылали Римляне списывать законы Аѳинянъ. T. Livii, II, 32; D. Halykar. X. Военное и гражданское устройство Римлянъ, ихъ зданія, узаконенія, обряды, богослуженіе, тогдашнія науки и искуства, всё однимъ словомъ было Этрусское, а не Еллинское. Иначе и быть не могло. Народонаселеніе Лаціума состояло изъ такихъ же Пелазговъ, какъ и жители Тиреніи, а о сношеніяхъ съ Греціею, исторія нигдѣ до сего времени не упоминаетъ. «Искуства и науки мы получили отъ Этрусковъ», пишетъ Т. Ливій; «ибо они были просвѣщеннѣйшій народъ древняго міра» T. Liv. XXXIX, 8. Ромулъ перенялъ отъ Этрусковъ: ликторовъ, sella curulis, apparitores, toga praetexta. Въ Этруріи было двѣнадцать ликторовъ, по числу столькихъ же городовъ, кои избирали одного главнаго воеводу всей Тиреніи, изъ числа двѣнадцати племенъ (populis) Этрускихъ, составлявшихъ союзъ Тиреніи T. Livii, I, 8. Во второмъ вѣкѣ, послѣ построенія Рима, для устройства ристалищъ, зрѣлищъ народныхъ и всѣхъ игръ въ циркѣ, Римляне всегда приглашали Этрусковъ и эти научили ихъ всему относящемуся до сего предмета (T. Livii, I, 35). Жрецы Этрускіе всегда были спрашиваемы, для объясненія всего необыкновеннаго, произшедшаго въ Римѣ. T. Livii, I, 56. Наука Авгуровъ и Auspices, или предсказаніе будущаго, по полету птицъ и ихъ крику, заимствована отъ Этруръ. Plutar. in Cariol. 31 и T. Livii, I, 36. Въ 207, aruspices были призваны, изъ Этруріи въ Римъ, для объясненія чудесъ этого года. T. Livii, XXVII, 38. У нихъ также спрашивали мнѣнія по поводу, упавшей молніи на мѣдную статую Горація Коклеса. Aul· Gelles, IV, 5. При Тарквиніи много художниковъ прибыло изъ Тиреніи, для построенія въ Римѣ общественныхъ и частныхъ зданій. Жители Веи сдѣлали колесницу запряженную 4 конями изъ глины, и она должна была украшать верхъ храма, который начатъ при

Тарквиніи старшемъ, а при «гордомъ» оконченъ. Plutar. in Publicol. 15 и 16. Для постройки Капитолійскаго храма, огромнѣйшаго и великолѣпнѣйшаго въ Римѣ, были призваны зодчіе и даже рабочіе изъ Этруріи. T. Livii, I, 55. Они же вылили вѣроятно, для этаго храма, бронзовыя двери, статую Юпитера на колесницѣ, запряженной четырьмя конями (quadriga) и двухъ дѣтей съ волчицею. T. Livii, X, 23. Въ отношеніи къ зодчеству Этрусковъ, достаточно упомянуть о громадномъ обелискѣ, который воздвигъ Порсена, близъ Clusium, съ тѣмъ, чтобы этотъ монументъ служилъ ему гробницею.» Онъ былъ четвероугольное зданіе, выстроенное изъ квадратныхъ камней. Каждая, изъ четырехъ сторонъ, имѣла въ длину триста футовъ (pedum trecentum) и въ вышину до пятитесяти. Въ нижней части памятника былъ устроенъ лабиринтъ, изъ котораго невозможно было выдти, безъ нити. На верху зданія находились пять пирамидъ; въ числѣ ихъ четыре по угламъ и одна въ срединѣ. Выше всѣхъ пирамидъ поставленъ былъ мѣдный шаръ утвержденный на украшеніи, имѣвшемъ видъ круглой шляпы (petasus), на поляхъ которой висѣли колокольчики и цѣпи, производившіе, при дуновеніи вѣтра, звукъ сходный съ Додонскимъ (sonitus, referant, ut Dodonae olim factum). Plin. XXXVI, 19. Даже въ пятомъ вѣкѣ, отъ построенія Рима, знатные Римляне обыкновенно посылали своихъ дѣтей въ Этрурію, для воспитанія и пріобрѣтенія тѣхъ познаній, которыми славились всегда Тирены T. Livii, IX, 36. «Тогда,» продолжаетъ Ливій, «Римляне учились Этрускому языку, столь же прилежно, какъ теперь Греческому» и называетъ брата консула Фабія, получившаго Этрусское образованіе въ Kaera, куда онъ былъ отправленъ, въ юношескихъ лѣтахъ, для воспитанія, сообразнаго съ его рожденіемъ. Все это Ливій намъ передаетъ, описывая происшествія 309 и 308, годовъ, до Р. Х. Ясно, что и тогда въ Этруріи процвѣтали науки, а Римъ находился на гораздо низшей степени просвѣщенія; ибо лишенъ былъ средствъ, для воспитанія юношества. Валерій Максимъ (II, 4) также свидѣтельствуетъ, что въ 389 году, до Р. Х., во время свирѣпствовавшей язвы, Римляне пригласили, изъ Этруріи, особыхъ лицедѣевъ (Ludius, Histrio), для богослужебныхъ представленій, въ продолженіи коихъ были пѣты гимны, сочиненные для умилостивленія раздраженныхъ боговъ. Валерій прибавляетъ, что проворность и ловкость этихъ лицедѣевъ всегда была отличительною способностію всѣхъ Лидовъ и Curites, (также Пелазговъ). Первыя театральныя представленія, извѣстныя въ Римѣ, подъ названіемъ: Atellanes, суть изобрѣтенія

Осковъ, племени Пелазгическаго, а не заимствованы отъ Грековъ (Val. Maxim. II, 4). Дѣйствователями, на этихъ сценическихъ представленіяхъ (ludi quoque scenici), пишетъ Ливій, подъ годомъ 361-мъ, всегда были Лиды, т. е. Этруры (Ludiones ex Etruria), которыхъ Римляне, постоянно приглашали изъ Тиреніи. Самыя представленія состояли изъ пляски, подъ звуки флейты, съ пріятными тѣлодвиженіями. Отъ этихъ Тиренскихъ лицедѣевъ возникли и между Римлянъ первыя театральныя шуточныя представленія, на которыхъ дѣйствующія лица разговаривали стихами, неимѣвшими должной мѣры. Потомъ стихосложеніе получило мѣру, и наконецъ правильныя театральныя сочиненія вошли въ общее употребленіе.

Тирены были народъ просвѣщенный и храбрый. Они имѣли хорошо устроенное войско и много кораблей; домы ихъ были прочно построены и очень удобно расположены. Военныя трубы, кресло изъ слоновой кости, для старшинъ, суть ихъ изобрѣтенія. Этруры, въ сраженіи противъ Римлянъ, въ 295 году, до Р. Х. имѣли военныя колесницы. T. Livii, X, 28. Они не только жили въ полномъ избыткѣ, но даже пышно и великолѣпно: ихъ столъ былъ всегда богато снабженъ всѣми рѣдкими яствами и множество невольниковъ служило въ ихъ домахъ. Послѣ взятія стана Венетанъ, Римляне, въ 476 году, до Р. Х. захватили множество скота, рабовъ, домашней утвари, и богатства всякаго рода, коими были наполнены палатки Этрусковъ. Никогда до тѣхъ поръ Римляне не получали такой огромной добычи; ибо Этруры не только въ своихъ городахъ, но и въ военномъ станѣ жили роскошно. Привыкши жить великолѣпно городахъ, Этруски и на войну, кромѣ жизненныхъ припасовъ, возили, въ свои станы, богатую утварь, дорогіе мебели и другія домашнія украшенія, которыя, по изящной работѣ, были высоко цѣнимы. Вообще они не щадили ни чего, что могло доставить имъ удовольствіе, или выказать ихъ великолѣпіе. D. Halyk. IX, 4. Этруски занимались науками, въ особенности ѳеологіею и объясненіемъ явленій грома и молніи. Все просвѣщеніе Тиренъ перешло, въ послѣдствіи, къ Римлянамъ, (Diod. V, 40; T. Livii, 1, 8). Отъ Этруссковъ Римляне заимствовали свое богослуженіе, прорицалища, постройку храмовъ, жертвоприношенія, музыку, одѣжду, вооруженіе, всѣ обряды вѣры и гражданскія постановленія, даже учрежденіе консуловъ и судей (Strab. V, 4). Слѣдовательно Тирены были, для Рима, то что Ѳраки для Грековъ, и это просвѣщеніе древняго міра, переданное Греціи и Риму, проистекало изъ одного источника, — отъ Пелазговъ.

Въ отношеніи къ азбукѣ, буквамъ, вообще грамотности, свидѣтельства древняго міра еще положительнѣе. Плиній пишетъ: In Latium eas (буквы) attulerunt Pelasgi». (Plin. VII, 57), т. е. Пелазги (первые) научили жителей Италіи азбукѣ, грамотности, ввели въ употребленіе буквы, конечно свои, Пелазгическія, а не Греческія; ибо, при заселеніи Италіи Пелазгами, не было и помину—объ Еллинахъ. Онъ же говоритъ, что древнія Греческія буквы были совершенно сходны съ Латинскими, его эпохи (II вѣка по Р. Х.) и доказываетъ это надписью, привезенною изъ Дельфъ и хранившеюся тогда на горѣ Палатинской (см. эту надпись, у Plin. VII, 58). Далѣе тотъ же Плиній. (XVI, 87), упоминая о деревѣ (ясени), существованіе котораго, въ Римѣ, было древнѣе построенія самаго города, прибавляетъ что «titulus aereis literis Etruscis, religione dignam arborem jam tum fuisse significat;» а Діонисій Галикарнасскій свидѣтельствуетъ, что, въ его время (около Р. Х.), сохранялись, въ Додонѣ, мѣдные сосуды, принесенныя въ даръ храму Троянами, съ надписями эпохи взятія Иліона (Dion. Halykarn. I, 10). Эти надписи, конечно, были не Еллинскія. Слѣдовательно Этрусскія буквы не Греческія, а чисто Пелазгическія. Діонисій Галикарнасскій также пишетъ, что Пелазги, прибывшіе изъ Аркадіи, научили жителей древней Италіи читать и писать; а Т. Ливій это подтверждаетъ, прибавляя, что Пелазгъ Евандръ, первый ввелъ въ употребленіе азбуку между племенами, жившими по Тибру, и потому былъ сопричисленъ къ сонму боговъ. (D. Halyk. I. T. Livii, I, 7). Одинъ только Тацитъ полагаетъ, что Этруски получили азбуку черезъ посредство Демарата, прибывшаго къ нимъ изъ Коринеа, слѣдовательно, какъ бы опровергаетъ всѣ другія свидѣтельства о Пелазгическихъ буквахъ. Но это опроверженіе только кажется такимъ, а въ сущности Тацитъ подтверждаетъ показаніе другихъ историковъ. Вотъ его слова: At in Italia Etrusci ab Corinthio Damarato, Aborigines Arcade ab Evandro, didicerunt; et forma litteris latinis quae veterrimis Graecoram «(Tacit. Annal. XI, 14). Видимо Тацитъ говоритъ о двухъ разныхъ азбукахъ; именно Демаратъ, первый привезъ, въ 660, до Р. Х. въ Италію, Греческія буквы; а Евандръ, съ Пелазгами Аркадскими, за 650 лѣтъ до Демарата, уже водворилъ грамотность и буквы Пелазгическія, т. е. тѣ, которыя мы называемъ Этрусскими. Этими-то древнѣйшими, во всей Европѣ, буквами писаны всѣ памятники находимыя въ Италіи, таблицы Евгубинскія, и много надписей на нарѣчіяхъ Осковъ, Обричей, Самнитъ и друг. «Что касается собственно древнихъ Греческихъ буквъ,»

прибавляетъ Тацитъ, «то онѣ ничто другое, какъ наши Латинскія.» Ясно, что Тацитъ совершенно отличаетъ Греческія буквы, привезенныя Демаратомъ, отъ Пелазго - Этрусскихъ, полученныхъ отъ Евандра, и которыя дошли до насъ на множествѣ памятниковъ. И возможно ли, чтобы Этруры, жившіе по Тибру, вмѣстѣ съ Пелазгами, не научились грамотѣ отъ Эвандра и его спутниковъ и ставались 650 лѣтъ безъ азбуки? Тиренскій языкъ, хотя и Пелазгическій, но нарѣчія Лидійскаго, отличался отъ Римскаго уже при Порсенѣ, т. е. за 505 лѣтъ, до Р. Х. или въ III вѣкѣ, по построеніи Рима. D. Halykarn. V, 4; и Plutar in Public. 20. Демаратъ прибылъ, изъ Коринѳа, въ царствованіе Туллія Гостилія, 679 — 640, до Р. Х. т. е. въ ту эпоху, когда могущество Тиренъ начало уже склоняться къ упадку, ибо, при наслѣдникѣ его Тарквиніи, города Этрусскіе признали послѣдняго своимъ повелителемъ и владыкою (Dion. Halycar. III). Вскорѣ послѣ этаго, всѣ сѣверныя владѣнія Тиренъ были отняты у нихъ, (въ 588. доР. Х.) нахлынувшими Галлами, которые навсегда поселились между Альпъ и Аппенинъ, а въ IV вѣкѣ, до Р. Х. Этрурія была уже совершенно завоевана Римлянами. При Римскомъ игѣ, въ завоеванныхъ государствахъ, какъ мы очень хорошо знаемъ, не только науки не могли возникнуть, но и прежнія начатки просвѣщенія, всегда уничтожались. Да и самаго прибытія Демарата, въ Италію, съ нѣсколькими Греками, нельзя считать колонизаціею цѣлаго племени, подобно переселенію Пелазговъ, уже болѣе тысячи лѣтъ, занявшихъ всю Италію и Лидовъ, туда прибывшихъ, за 700 лѣтъ до Демарата. Демаратъ прибылъ въ Этрурію какъ бѣглецъ, искавшій убѣжища, отъ преслѣдовавшихъ сограждань Коринѳа. Ливій объ немъ пишетъ:« qui ob seditiones domo profugus, cum Tarquiniis forte consedisset, uxore ibi ducta, duos filios genuit» (T, Livii, I, 34). Слѣдовательно прибылъ даже безъ семейства, и въ Этруріи женился; а дѣти его уже конечно нимало не походили на Грековъ и ничего не имѣли Греческаго. Онъ былъ купецъ, производившій выгодную торговлю съ прибрежными жителями. и немогъ имѣть большаго вліянія на просвѣщеніе Италіи и никакого на ея первобытное народонаселеніе, по малому числу Грековъ, съ нимъ прибывшихъ (Dion. Halycarn. III; T. Livii, I, 34; Strab. V, 4). Далѣе мы представимъ наше мнѣніе о языкѣ Этрусковъ и Пелазгическихъ надписяхъ, до насъ дошедшихъ, (46).

III. РЕТЫ, ЗАЛЪСЫ, ВЕНДЕЛИКИ, ВАГРЫ, ВРЕГИ, КАМУНИ И ДРУГІЯ ЭТРУССКІЯ ПЛЕМЕНА, ЖИВШІЯ МЕЖДУ ИТАЛІИ И ДУНАЯ.

Мы уже помѣстили выше (стр. 33) выписку изъ Тита Ливія, въ которой онъ положительно пишетъ, что Реты суть тѣже Этрусски, удалившіеся въ ущелья Альповъ, при нашествіи Галловъ. Къ этому мы здѣсь присоединимъ свидѣтельства Плутарха, Юстина, Діодора и Плинія, подтверждающія показаніе Римскаго историка. «Жители Галліи, размножась до такой степени, что отечество ихъ уже не представляло средствъ къ прокормленію всего огромнаго народонаселенія, принуждены были искать, съ мечемъ въ рукахъ, мѣстожительства въ сосѣднихъ странахъ. Кельты, вышли изъ Галліи, въ несмѣтномъ числѣ, всѣ способные къ войнѣ и дальнему переселенію. За ними отправились ихъ жены и дѣти, въ количествѣ превышавшемъ самыхъ воиновъ. Они раздѣлились на двѣ части: одна перешла Рифейскія горы, въ направленіи къ сѣверу; другая, изъ страны, между Пиренеевъ и Альпъ, перешла этотъ послѣдній хребетъ и явилась въ Италіи. Здѣсь Галлы завладѣли всемъ пространствомъ, лежащимъ между обѣихъ морей, до хребта Альпійскаго. Эта страна, съ древнѣйшихъ временъ, принадлежала Этрускамъ, которыхъ Галлы отсюда выгнали и завладѣли всѣми ихъ городами. Въ числѣ послѣднихъ находилось восемнадцать большихъ и знаменитыхъ. Занявъ всю сѣверную Италію, Кельты тутъ поселились и въ послѣдствіи (черезъ 200 лѣтъ) пошли далѣе на югъ и овладѣли Римомъ». Plutar. in Camil. 16—38.—«Галлія, обремененная излишествомъ народонаселенія и не имѣя средствъ прокормить всѣхъ своихъ жителей, выслала триста тысячь воиновъ, для отысканія новаго отечества. Часть этихъ выходцевъ перешла Альпы, поселилась въ Италіи и взяла Римъ; другая направилась, по полету птицъ, (по указанію Авгуръ), на Иллирію и основалась въ Панонiи. Покоривъ Панонъ, Галлы раздѣлились еще на двѣ части и пошли; одни на Македонію, другіе на Грецію. Первые, подъ предводительствомъ Belgios, разбили Птолемея; другіе, подъ начальствомъ Brennus, въ числѣ ста пятидесяти тысячь воиновъ, также опустошили Македонію, но были разбиты, у Дельфъ, на Парнассѣ, (а остатки ихъ переселились въ малую Азію). Галлы, поселившіеся въ Италіи, отняли у Этруссковъ: Миланъ, Verona, Bergamum, Comum, Brixiam, Tridentum, Vicentium; а Тирены, лишась отечества, искали своего спасенія въ ущеліяхъ хребта Альпійскаго. Они

ушли въ горы, подъ начальствомъ Rhoeto, и съ тѣхъ поръ, называются, по имени своего предводителя, Ретами. Нынѣшніе жители Ретіи (gentes Rhaetorum) суть потомки Этрусковъ.» Iustin, XX, 5; и XXIV, 4. (47).— «Въ продолженіи осады Регіума, Діонисіемъ, Кельты, жившіе на сѣверъ отъ Альпъ, перешли ихъ, завладѣли всею страною, лежащею между этихъ горъ и Апениновъ и вытѣснили отсюда Тиренъ, здѣсь обитавшихъ. Эти послѣдніе были переселенцы изъ двѣнадцати городовъ древней Этруріи, или Пелазги, прибывшіе въ Италію, до Троянской войны, и которые принуждены были переселиться сюда, изъ Ѳессаліи, въ продолженіе Девкаліонова потопа. Кельты раздѣлили всю, ими захваченную верхнюю Италію, на число своихъ племенъ. Сеноны поселились въ отдаленіи отъ Альпъ, по берегу моря (Адріатическаго); отсюда направились на Римъ, въ числѣ шестидесяти тысячъ воиновъ и взяли этотъ городъ.» Diod. XIV, 113.—«Rhaeti происходятъ отъ Этрусковъ, выгнанныхъ давно изъ ихъ отечества Галлами. Эти Этруски, подъ предводительствомъ своего старѣйшины Рета (duce Rhaeto) тогда поселились въ ущеліяхъ Альпійскихъ горъ.» Plin. III, 24. Слѣдовательно происхожденіе Ретовъ отъ Этруръ и изгнаніе ихъ изъ Италіи, Галлами, засвидѣтельствованы всею древностію.

Ретія начиналась въ самой Италіи, по свидѣтельству Стравона. Реты и Vendelici занимали всѣ предгорія и долины, обращенныя на югъ, до Вероны и Кома; ибо, прибавляетъ Стравонъ, Ретійское вино, неуступающее въ достоинствѣ, лучшимъ Италіанскимъ,— получается съ этихъ долинъ, у подножія Альповъ. (Stab. IV, 6). Плиній и самую Верону, равно какъ Fertini, Tridentini и Berunenses (48), причисляетъ къ Ретіи (Plin. III, 23). Вся восточная часть Альпъ была также заселена Ретами. На сѣверъ они жили до страны Гельветовъ и Боевъ, и вообще до области орошаемой Рейномъ. Но и противоположная часть Альпійскихъ горъ принадлежала тѣмъ же Ретамъ, Венделикамъ и Норикамъ. Тутъ они жили вмѣстѣ съ племенами Breuni и Genauni (49), которыхъ Стравонъ причисляетъ уже къ Иллирамъ, прибавляя, что всѣ эти народы вели безпрерывную войну противъ Helvetii, Sequani, Boii и Germani, (Strab. IV, 6). Здѣсь оканчивался Пелазго-Ѳракійскій міръ и начинались, на сѣверѣ, кочевья Нѣмцевъ и на западѣ поселенія Галскихъ народовъ, всегда враждебныхъ Пелазго-Ѳракійскимъ племенамъ.

Ретія раздѣлялась на двѣ части, собственно Ретію и Венделикію. Первая состояла изъ сѣверныхъ частей нынѣшнихъ Ламбардіи, Піе-

монта и Савоіи. Къ Ретійскимъ племенамъ причислялись Salassi, Lepontii, Kamuni и Kotvantii (Strab. IV, 6).

Лучшую часть области, населенной племенемъ Salassi (Залѣсы), составляла долина, окруженная высокими горами, также имъ принадлежавшими. Рѣка Durias (maior) орошала эту долину, по всему ея протяженію, до впаденія своего въ Падьву. Ѣдущіе, изъ Италіи (на сѣверъ), должны были, неминуемо, проѣзжать по всей долинѣ, орошаемой рѣкою Durias, въ концѣ которой путь раздѣлялся на двѣ дороги. Одна вела черезъ высокій хребетъ Paenines (планинъ) и по ней нельзя было ѣхать на колесахъ (50); другая проходила черезъ землю племени Kentrones. Strab. IV, 6. Обѣ дороги существуютъ и теперь. Одна ведетъ черезъ гору большой Сан-Бернаръ, или кряжъ Paeninae, другая пролегаетъ черезъ малый Сан-Бернаръ и спускается въ нынѣшнюю Савойскую провинцію Tarentaise, которая, при Стравонѣ, была населена племенемъ Kentrones. Оба эти пути начинаются, отъ нынѣшняго Aoste, въ долинѣ Doria. (Прим. комент. Стравонова, къ кн. IV, глав. 6-й.) Въ этой долинѣ мирно обитали переселенцы Этрусскіе. Они не нападали на границы имперіи и Римъ едва ихъ зналъ только по имени. Но Залѣссы иногда ссорились съ другимъ племенемъ, жившимъ выше ихъ, за проведенные ими стоки воды, изъ рѣки Duria, для промывки золотыхъ песковъ, которыми изобиловала ихъ долина. (Strab. IV, 6). Консулъ Аппій Пулхеръ, въ 143 году, до Р. Х. вмѣшался въ эти распри и, безъ малѣйшаго разбирательства обоюдныхъ жалобъ, напалъ на Залѣсовъ; но былъ ими разбитъ, и пяти тысячь Римлянъ легли на мѣстѣ сраженія. Пополнивъ свою потерю, легіоны опять были посланы въ землю Залѣсовъ и вновь потеряли такое же число воиновъ. Но и Залѣсамъ эти битвы стоили такого же числа ратниковъ. Они, по малочисленности своей, не могли вознаградить потери и принуждены были покориться консулу. Сей лишилъ ихъ золотыхъ пріисковъ и всей ихъ земли, находившейся въ долинѣ, а дозволилъ имъ владѣть только ихъ горами. Пріиски же были отданы Римскимъ откупщикамъ. Supp. Liviana, LIII, 6—8. Въ послѣдствіи алчность этихъ откупщиковъ всегда пораждала жалобы на Залѣсовъ, подъ предлогомъ, что они, будто бы, употребляютъ часть воды Durias, на орошеніе своихъ полей. Римскіе военачальники, съ оружіемъ въ рукахъ, находили жалобы справедливыми и въ видѣ наказанія вторгались въ страну Залѣсовъ и все тамъ опустошали. Наконецъ императоръ Августъ уничтожилъ совершенно все племя Salassi, приказавъ всѣхъ продать

въ неволю, съ публичнаго торга, въ Римской колоніи Eporedia, (нынѣ Jurea). Это Римское поселеніе было основано, въ землѣ Залѣсовъ, именно для владычества надъ ними. Число всѣхъ Залѣсовъ, проданныхъ въ Eporedia, дошло до 36,000 человѣкъ, не считая 8000, отобранныхъ для Римскихъ легіоновъ. Три тысячи Римлянъ были тогда поселены въ новой колоніи Augusta Praetoria Salassorum и «съ тѣхъ поръ вся эта долина, до самыхъ вершинъ горъ, совершенно безопасна для Римлянъ» прибавляетъ Стравонъ, (т. е. лишена жителей туземцевъ). Strab. IV, 6· Римляне хотѣли воспользоваться золотыми пріисками, а потому, въ продолженіи нѣскольких часовъ, уничтожили цѣлое сорокачетырехъ-тысячное народонаселеніе! Такъ поступалъ великій Римъ съ слабыми народами! (51).

Lepontii жили въ верхнемъ Вализерландѣ (Valais) и въ Val Tellina. Главное ихъ поселеніе называлось Uscela, нынѣ Domo d'Ossolo. Ptolaem. III, 1. На VI картѣ Птолемеевой географіи они помѣщены на сѣверъ отъ Salassi; а Плиній къ племени Lepontii причисляетъ Viberes, жившихъ у начала Роны (Plin. III, 24). Онъ же разсказываетъ Греческую басню о происхожденіи этаго племени. «Ираклъ, переходя Альпійскія горы, съ цѣлою арміею Грековъ, принужденъ былъ оставить многихъ изъ нихъ въ ущеліяхъ, потому что холодъ препятствовалъ имъ идти далѣе. Lepontii суть потомки этихъ Грековъ, оставленныхъ въ кряжѣ Альпійскихъ горъ.» Plin. III, 24. Вся эта басня основана, какъ обыкновенно у Греческихъ разскащиковъ, на случайномъ сходствѣ имени Lepontii, съ Эллинскимъ глаголомъ λείπω, «оставлять, покидать». Тамъ гдѣ жили Lepontii, т. е. въ нынѣшнемъ Waliserland, на лѣвомъ берегу Роны, до впаденія ея въ Женевское озеро, противъ Sitten, находится еще и теперь городокъ называемый Gradetz (градецъ); и другой, недалеко отъ перваго, именуемый Brieg, также на Ронѣ, въ самыхъ Alpes Poeninae, близъ высокаго Симплона. См. Karte von der Schweitz, въ Цурихѣ, bey Füssli. Замѣчательно, что на этой картѣ, именно въ кантонѣ Rhaetien, показаны города и мѣстечки: Chur (Куръ), Prada, Strada, Maloia, Zernez, Misok, Chamuta, Sura, Ragatz; горы: Rhaetiko, Cernesberg и проч. (52).

Kamuni жили по теченію рѣки Oglio, въ нынѣшнемъ Val Kamuniko. Kamuni тоже, что Бреги, Горцы, отъ слова «камень». Русскіе, живущіе въ Сибири, называютъ горные хребты, вообще «камень». Тамъ, на вопросы: куда уѣхалъ? откуда пріѣхалъ? отвѣчаютъ: въ за—камень, изъ за—камня. Жур. Мин. Вн. дѣлъ 1849. Августъ 167.

Часть Валдайскихъ горъ называется «каменки и каменное поле» (Ib. 1850, Мартъ, 362). Нашъ «каменный поясъ», въ смыслѣ горнаго хребта, всѣмъ извѣстенъ. Гора, близь Нижнеудинска, называется Камень. (Вѣд. Моск. Гор. Пол. 1850, № 175),

Kotvantii Стравоновы, кажется, то самое племя, которое Птолемей называетъ Konsuantii. Оно, на его картѣ, показано на сѣверъ отъ Augusta Vendelicorum, близъ Runikatae, слѣдовательно въ той части Ретіи, которую называли Vendelicia, или западной части нынѣшней Баваріи. Runicatae названы, въ надписи въ честь императора Августа, Rukinates.

Triumpilini жили на южномъ отклонѣ Альпійскихъ горъ, обращенномъ къ Италіи. Plin. III, 24. Слѣдовательно они были также Реты. И теперь еще одна долина, на сѣверъ отъ Бреста, называется Val Trimpia. Это Триполяне; Триполье у насъ очень часто встрѣчается, какъ названіе города, села, урочища, и цѣлаго округа.

Выше долины Salassi, Стравонъ, въ ущельяхъ горъ, помѣщаетъ Kentrones, Katuriges, Nantuantes, Veragri и, еще далѣе всѣхъ этихъ племенъ, озеро Leman, по которому протекаетъ рѣка Рона. Strab. IV, 6. Ясно, что этѣ племена занимали гористую мѣстность нынѣшняго Вализерланда и Савоіи, отъ теченія Durias, до озера Женевскаго.

Kentrones жили въ Вализерландѣ, на сѣверъ отъ Залѣсовъ, по теченію Роны. На картѣ Птолемея они показаны къ сѣверу отъ Palus Larius.

Katuriges помѣщены, у Птолемея, на югъ отъ озера Larius, между Salassi и Centrones и на востокъ отъ племени Lepontii. (VI карта Европы, при Птол. географіи).

Nantuantes, какъ полагаютъ комментаторы Стравона, жили по южному берегу Женевскаго озера.

Veragri обитали на югъ отъ озера Leman, по теченію Роны и на сѣверъ отъ Залѣсовъ. Главный городъ племени Veragri, назывался Octodur, нынѣ Martigny. Отъ этаго Плиній (III, 24) называетъ ихъ Octodurenses. Вся часть Савои, лежащая на западъ отъ Salassi и Veragri, была населена Аллоброгами и другими Гальскими племенами (D. Cass. XXXIX, 5), соединявшимися часто съ Ретійцами, для отраженія ихъ общихъ враговъ Римлянъ, которые постепенно старались занять всѣ проходы, ведущіе изъ Италіи въ Галлію. Ю. Кесарь описываетъ намъ одну, изъ такихъ неудавшихся попытокъ Римлянъ, овладѣть долиною Верагровъ. Легіонъ, посланный Кесаремъ, подъ

начальствомъ Галбы, принужденъ былъ возвратиться въ Галлію, не исполнивъ даннаго ему повелѣнія. въ 57 году, до Р. Х. Comm. de bello Gallico, III, 1—6. Veragri обитали въ долинахъ кряжа Alpes Paeninae (T. Liv. XXI, 38) и суть Вагры, имя часто встрѣчаемое, у Пелазго-Ѳракійскихъ племенъ, въ древнѣйшія времена, во Ѳракіи и сѣверной Греціи. Это же названіе извѣстно и на Балтійскомъ Поморьѣ. Времен. X, 5, 71 и 88, (53).

Венделикія была сѣверная часть Ретіи, орошаемая рѣками: Дунаемъ, Ляхомъ (Lycos, у Plin. III, 19) и Иномъ. Сѣверную границу Венделикіи составлялъ Дунай, которой начинался въ самой Ретіи, по свидѣтельству Зосима (L. III.), а Lycos Плиніевъ, или Leck нынѣшнихъ Нѣмцевъ, въ средніи вѣка, т. е. въ то время, когда, по теченію его жили Словене, потомки Венделиковъ, назывался Lech (P. Warnefried. Hist. Longob. II, 13), Ляхъ, и омывалъ стѣны Augusta Vendelicorum. Отсюда и названіе Vendeliki, т. е. Венды на Ляхѣ. Древняя Венделикія состояла изъ нынѣшнихъ: Тироля, всей долины Инна, Форальсберга, области Салцбургской и южной Баваріи, до самаго Дуная.

Племена, причисляемыя Страбономъ къ народу Венделиковъ, назывались:

Likatii жили по обѣимъ сторонамъ рѣки Lek, до впаденія ея въ Дунай, и отъ нея происходитъ ихъ названіе Likates. Это Лехиты, Полехи, племя, жившее по теченію Леха, или Ляха, у Плинія Lykos (III, 19), у Павла Варнефрида (II, 13): Lech; послѣднее есть настоящее имя рѣки. И въ Македоніи протекала рѣка Lykos, по берегамъ которой жили Lynketes, также Лехиты, Поляхи, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. На V картѣ, при Птолемеевой географіи, Licatii помѣщены въ самыхъ ущеліяхъ Alpes Paeninae, изъ которыхъ вытекаетъ Lech. Главный городъ племени Поляховъ находился на берегу Ляха и назывался Augusta Vendelicorum, т. е. Августа, въ землѣ Вендовъ. Strab. IV, 6. Ambi-Likii (Mannert Geog. der Griechen, III, 550), ничто другое, какъ эти же Венды, жившіе по обѣимъ сторонамъ Ляха, какъ доказываетъ ихъ имя (54); но Маннертъ ихъ причисляетъ къ Норикамъ, (Норицы, нашего Нестора).

Klavtinatii обитали по теченію нынѣшняго Инна. Они, въ надписи въ честь Августа, названы Katenates.

Estiones, въ окрестностяхъ древняго Kampeduna, нынѣ Kempten, въ южной Баваріи. На монументѣ, въ честь Августа, они названы Esbianes.

Brigantii занимали окрестности нынѣшняго озера Констанцкаго, или Bodensee. Они жили по Рейну, въ сѣверной Швейцаріи и въ горахъ Vorarlsberg. На монументѣ, въ честь Августа, это племя названо Brigiani. Нѣтъ сомнѣнія, что они суть Бреги, Горцы. Такъ одно и тоже Пелазгическое имя «Bregi» превратилось, у Грековъ, въ Phryges, у Римлянъ въ Brigiani и Brigantii. Главный ихъ городъ назывался Brigantium: онъ и теперь извѣстенъ подъ именемъ Bregenz. Озеро Констанское, у Мелы lacus Venetus. (Pomp. Mela, III, 2); у Плинія: lacus Brigantinus. Каждый называетъ его по имени народа тутъ жившаго, ибо Бреги, были тѣже Венды, жившіе въ гористой мѣстности. На этомъ lacus Venetus, Венделики, или Венды, имѣли свой флотъ и сражались тутъ съ Римлянами, подъ начальствомъ Тиверія, посланнаго Августомъ, въ 16 году, до Р. Х. для покоренія сѣверной Ретіи. D. Cassii, LIV, 20.

Кромѣ всѣхъ поименованныхъ Рето-Вендскихъ племенъ, Стравонъ упоминаетъ еще о «Venones, Tridentini,. Stoni и другихъ бѣдныхъ племенахъ,» жившихъ на сѣверъ отъ Комо. Къ этому онъ прибавляетъ, что теперь (при императорѣ Тиверіи)» многія изъ нихъ совершенно уничтожены, другія покорены и всѣ Альпійскія ущелія, имѣвшія прежде едва проходимыя тропинки, могутъ быть нынѣ пройдены, въ разныхъ направленіяхъ, по дорогамъ удобнымъ и безопаснымъ, сколько гористая мѣстность это позволяетъ.» Strab. IV, 6.

Venones названы Venosci, въ надписи, въ честь императора Августа; у Птолемея Vennes, на V картѣ Европы, племя Ретійское, а Плиній (III, 24) пишетъ, что Venonetes и Sarunetes жили у начала Рейна, и называетъ оба племени Ретами. Въ продолженіи войны Тиверія противъ Венделиковъ, Д. Кассій упоминаетъ о Venones, жившихъ въ Ретійскихъ ущеліяхъ Альпъ. D. Cassii, LIV, 20. И теперь еще одна долина, въ Швейцаріи, называется Val Venosco. Это также Vendes, Vendelices, жившіе у начала Рейна. Тамъ ихъ городъ Vindonissa (нынѣ Windisch).

Tridentini обитали по теченію Адижа, въ нынѣшней области Trento, на сѣверъ отъ Вероны. Tridentum былъ городъ Ретійскій. Strab. IV, 6. Fertini et Tridentini, Raetica oppida, Plin. III, 23.

Stoni жили въ горахъ, на сѣверъ отъ lacus Benacus, нынѣшняго lago di Garda (Polyb. Fragm. кн. XXXIV и Ptol. VI карта Европы). Мы уже выше сказали, что Kamuni и Bregioni ничто другое какъ «горцы», отъ словъ: камень и брегъ. Такъ точно и названіе Stoni происходитъ отъ Stena, слова означающаго и теперь, у запад-

ныхъ Словенъ, «утесъ, горное ущелье, въ видѣ стѣны». Титъ Ливій (XXXII, 5) называетъ Стѣною, Stena, именно ущелія Антигона, находившіяся на границѣ Иллиріи и Македоніи. — У Плинія Stenos, въ Ретіи, есть главной городъ племени Евганей: praestantesque genere Euganeos, inde tracto nomine (Plin. III, 24), и будто бы эти Евганеи происходили какъ и Lepontii, отъ полузамершихъ Грековъ, которыхъ Иraклъ велъ въ Италію, чрезъ горы Альпійскія (выше, стр. 58). Плиній причисляетъ, къ общему названію Euganeos, всѣхъ Ретовъ, жившихъ на южномъ отклонѣ Альпъ, именно Triumpilini, Camuni, Stoni, и др. и насчитываетъ у нихъ тридцать четыре города, по свидѣтельству Катона. Plin. III. 24. У Плинія, между Ретійскими племенами, показаны: Montani (горцы), Capillatorumque plura genera, etc. (длиноволосые), и племя Orobes, которому приписываетъ Греческое происхожденіе, ибо, прибавляетъ Orobes, значитъ Горцы (. . . , ortam a Grecia, interpretatione etiam nominis, vitam in montibus degentibus, (Plin. III, 21). Эти Orobes жили въ горахъ, на сѣверъ отъ Bergamo, города имъ также принадлежавшаго. (55.)

Къ этимъ Вендскимъ племенамъ, указаннымъ Страбономъ, должно еще присоединить племя Vendiontii, по свидѣтельству Птолемея (III, 1). На VI картѣ, приложенной къ его географіи, и на которой изображена Rhaetia, одно племя названо Vendi Antii (Венды—Анты). Комментаторы полагаютъ, что Vendiontii жили въ Colle di Argentera и Val di Grana.

На южныхъ отклонахъ Альпъ, въ окрестностяхъ Verona, Brixia и у начала Падьвы, обитало еще одно племя и слѣдовательно принадлежало также къ народу Ретовъ. Страбонъ о немъ не упоминаетъ, можетъ быть потому, что въ его время, оно уже не существовало, его уничтожили Галлы. Libyci, имя этого племени сохранили намъ Поливій и Т. Ливій. Вотъ свидѣтельство перваго. «Когда Галлы ринулись на верхнюю Италію, то прогнали Тиренъ, жившихъ по теченію Падьвы. Тогда, у начала этой рѣки, жили Libici; потомъ тутъ, (на ихъ земляхъ), поселились Галлы Инсубры. Далѣе этихъ обитали Cenomanes, а у Адріатики Venetes, древній народъ, говорившій языкомъ, отличнымъ отъ Гальскаго» (Polyb. II, 3). Титъ Ливій свидѣтельствуетъ, что Libyci жили близъ городовъ Brixia и Verona, и что Галлы Cenomanes поселились на ихъ земляхъ; а Boii и Lingones, найдя всю Transpadana уже занятою другими Гальскими племенами, перешли Падьву и отняли, у Этруръ и Обричей, всю Cispadana. Т.

Liv. V, 35. Плиній, описывая города сѣверной Италіи, упоминаетъ о Vercellae Libycorum, ex Saluvii orta. Plin. III, 17. У Птолемея: Lybicorum, qui sub Insubribus sunt, civitates: Vercellae или Usceillae и Gaumella. Ptolom. III, 1. Это бывшіе города, въ которыхъ жили прежде Libyci; ибо какъ мы видимъ, изъ Ливія и Поливія, Галлы отняли всю страну у туземцевъ и поселились въ ней. Въ этомъ заключается все, что мы знаемъ о народѣ, котораго имя для насъ замѣчательно: Любичи, вѣроятно такъ называвшіеся отъ главнаго ихъ города Любеча, племя многолюдное, ибо отъ Usceila, до Brixia и Verona, разстояніе значительное, (56).

Вотъ надпись, начертанная на памятникѣ, воздвигнутомъ, на одной изъ горъ Альпійскихъ, въ честь императора Августа:

IMPERATORI CAESARI
DIVI F. AUG,
PONTIFICI MAXIMO,
IMP. XIIII,
TRIBUNITIAE POTESTATIS XVII,
S. P. Q. R.
QUOD EIUS DUCTU AUSPICIISQUE
GENTES ALPINAE OMNES,
QUAE A MARI SUPERO AD INFERUM PERTINEBANT,
SUB IMPERIUM POP. ROM. SUNT REDACTAE,
GENTES ALPINAE DEVICTAE:
TRIUMPILINI, CAMUNI, VENOSTES, VENNONETES, ISARCI,
BREUNI, GENAUNES, FOCUNATES;
VINDELICORUM GENTES QUATUOR,
CONSUANETES, RUCINATES, LICATES, CATENATES,
AMBISONTES, RUGUSCI, SUANETES,
CALUCONES, BRIXENTES, LEPONTII, VIBERI,
NANTUANTES,
SEDUNI, VERAGRI, SALASSI, ACITAVONES,
MEDULLI, UCENI, CATURIGES,
BRIGIANI, SOGIONTII, BRODIONTII,
NEMALONI, EDENATES, ESUBIANI, VEAMINI, GALLITAE,
TRIULATTI, ECTINI, VERGUNNI,
EGUITURI, NEMENTURI,
ORATELLI, NERUSI, VELAUNI, SUETRI.

Изъ сорока четырехъ племенъ, поименованныхъ въ этой надписи, намъ переданы Стравономъ, Плиніемъ и другими, пятнадцать именъ. Въ числѣ остальныхъ, нѣкоторыя могутъ быть легко пріурочены, основываясь на ихъ названіяхъ. Такъ Brixentes суть жители окрестностей Brixia; Ambisontii, племя обитавшее по теченію Isonzo; Edenates, вѣроятно, Fidenates, переселенцы Этрусковъ изъ Fidena (выше, стр. 37), a Gallitaę, — Галичи; Isarci, — на рѣкѣ Isarus, нынѣшняя Eisach. Всѣ остальныя были, конечно, небольшія племена, жившія въ ущеліяхъ планинъ Альпійскихъ и частію уже уничтоженныя Римскимъ мечемъ, какъ выше свидѣтельствуетъ Стравонъ. Но въ числѣ всѣхъ именъ, могутъ быть и племена Лигурскія и Гальскія, жившія на юго-западъ отъ Ретійскихъ и видѣвшія, безъ сомнѣнія, въ Римлянахъ общихъ поработителей. Въ отношеніи къ Medulli это положительно извѣстно, ибо Стравонъ, ихъ именно причисляетъ къ Лигурамъ. (57)

Упомянувъ о всѣхъ Ретійскихъ племенахъ и мѣстахъ ихъ жительства, — мы можемъ теперь составить общій очеркъ всей Ретіи. Она была обширная страна, простиравшаяся съ юга, отъ Вероны, въ Италіи, до теченія Дуная на сѣверѣ. Самый Дунай, Рона, Рейнъ, Адижъ начинались въ Ретіи. Вся страна на сѣверъ, отъ нынѣшняго Констанцкаго озера до Дуная, т. е. южныя части герцогства Баденскаго и королевства Виртембергскаго, половина Баваріи, весь Тироль, восточная часть Швейцаріи и сѣверная часть Савоіи и Піемонта составляли древнюю Ретію. Западныя и восточныя ея границы гораздо труднѣе опредѣлить, чѣмъ длину отъ юга до сѣвера. Съ запада, у Женевскаго озера, племена Ретовъ соприкасались Галламъ; далѣе, на югъ, множество Лигургскихъ народцевъ были сосѣдями Ретовъ. Опредѣлить тутъ границу тѣхъ и другихъ тѣмъ труднѣе, что всѣ жили по узкимъ долинамъ, въ ущельяхъ высокаго хребта Альпійскаго, называемаго тутъ именно Paenines, Планинами. Восточная часть Ретіи называлась Венделикіею. Римляне именовали Ретами всѣ племена, жившія ближе къ Италіи, на южныхъ отклонахъ Альпійскихъ долинъ, а Венделиками тѣхъ, которыя обитали въ сѣверо-восточной части Ретіи. На V картѣ Европы, у Птолемея, рѣка Лехъ отдѣляетъ Ретовъ отъ Венделиковъ. Въ Ретіи названія племенъ: Vendiontii, Venonetes, Venones, Venosci, Edenates (Vendenates), Vendi-Antii; городовъ: Augusta Vendelicorum (Augsburg), Vindomina или Vindobona; озеръ: lacus Venetus, lacus Benacus; части горъ: Alpes Venetes (Am. Marcel. XXXI, 16) и общее названіе страны Ven-

delicia, — всѣ эти имена неоспоримо доказываютъ, что Реты были тѣже Венды. Не забудемъ, что и въ Этруріи, откуда переселились Реты — многочисленнѣйшее и сильнѣйшее племя, воевавшее 200 лѣтъ съ Римомъ, называлось Venetanes (выше стр. 38). Слѣдовательно Реты и Vendelici были одно и тоже и, если Птолемей восточную часть Ретіи называетъ Vendelicia, то Діонъ Кассій, описывая нападеніе Друза и Тиверія, на Ретовъ, всю страну, начиная отъ Тридентійскихъ Альпъ, до Дуная, называетъ Ретіею и нигдѣ, на всемъ этомъ пространствѣ, не упоминаетъ о Венделиціи. Это доказываетъ, что имена Ретіи и Венделиціи употреблялись, безразлично, для означенія одной и той же страны. «Тогда,» прибавляетъ Д. Кассій, «Римляне, въ первый разъ, дошли до lacus Venetus (озера Констанцскаго), устроили на немъ флотъ и опустошили всю страну, лежащую на сѣверъ отъ этаго озера. Реты, народъ многочисленный и живущій между Галліи и Норика, были побѣждены. Римляне вывели все юношество и могущихъ носить оружіе, изъ Ретіи (т. е. продали въ неволю, или заставили силою сражаться въ Римскихъ легіонахъ, противъ другихъ народовъ» (D. Cass. LIV, 22). Это происходило около 16 года, до Р. Х. — Нельзя провести черты, отдѣлявшей восточную границу Ретіи, отъ сосѣдственныхъ ей Норика и Venetia, потому, что обѣ послѣднія области были заселены тѣми же Венедами, которые обитали въ Vendelicia, (58).

Что касается до внутренняго быта Ретовъ, то онъ, вѣроятно, во всемъ сходствовалъ съ нравами, обычаями и просвѣщеніемъ Этрусковъ, допуская тѣ перемѣны, которыя необходимо происходили, отъ самой мѣстности новаго отечества, среди ущелій Альпійскихъ, вѣчнаго снѣга и льда на вершинахъ горъ, вообще дикой природы ихъ окружавшей и столь противоположной средней Италіи. Правленіе было народное, какъ во всей Этруріи. Въ Ретіи небыло даже, какъ кажется, ничего общаго между племенами, потому что каждое, поселясь въ узкой долинѣ, было неминуемо отдѣлено, отъ другихъ, высокими горами, въ это время еще менѣе доступными, чѣмъ нынѣ. Зная это, нельзя кажется, надѣяться открыть, въ древней Ретіи, что либо похожее на остатки тѣхъ изящныхъ произведеній, которыя въ такомъ множествѣ представляетъ древняя Тиренія. Надписи Этрускія были найдены въ нынѣшнемъ Пьемонтѣ, близъ Buska, и въ окрестностяхъ Verona. Lanzi, Sag. di lin. Etrusca, II, 562. (59). «Реты и Венделики,». говоритъ Плиній,» раздѣляются на множество небольшихъ отдѣльныхъ республикъ» (Plin. III, 24). Рим-

лянамъ не стоило большаго труда, не только покорить, но даже совершенно уничтожить большую часть племенъ Этрусскихъ, какъ мы видѣли выше. Реты говорили тѣмъ же Тиренскимъ языкомъ, который господствовалъ отъ береговъ Тибра до Альповъ; но онъ уже нѣсколько отличался отъ Этрусскаго, въ первомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія. Тоже можно сказать, прибавляетъ Ливій, о всѣхъ Альпійскихъ племенахъ, ибо они также происходятъ отъ Тиренъ. (Ib. V, 33).

Нападенія Свевовъ, кочевавшихъ отъ Майна на сѣверо-востокъ до Ельбы, начались еще въ цвѣтущее время Римской имперіи. При Тиверіи ихъ набѣги были остановлены, какъ Римскимъ мечемъ, такъ и собственными смутами и междоусобіями. Марободъ принужденъ былъ даже самъ искать своего спасенія въ Римской имперіи, отъ преслѣдованія Нѣмецкихъ племенъ. Ретія, находившаяся подъ первыми ударами Германскихъ народовъ, не могла долго принадлежать Риму. Уже въ II вѣкѣ, при императорѣ Маркѣ Антонинѣ (161—180), Катты совершенно опустошили всю эту страну. (Capitol. in. M. Anton. 8); а Антонинъ Каракалла (211—217) разбилъ Нѣмцевъ, вторгшихся въ Ретію (Spartian. in. Caracal. 5). Въ III вѣкѣ, Реты еще повиновались Риму; ибо Валеріанъ (253—259) былъ провозглашенъ императоромъ, именно въ Vendelicia, гдѣ онъ тогда защищалъ границы, отъ вторженія варваровъ (Treb. Pollion. in Valerian.). Авреліанъ (270—275) едва могъ ее избавить отъ ига Нѣмцевъ (Vendelicos obsidione barbarica liberavit, etc. Fl. Vopisc. in Aurelian. 35 и 41). Въ продолженіи слѣдующихъ вѣковъ, до V, Ретія служила ареною, на которой сходились Германскіе народы съ Римскими легіонами, для битвъ и грабежа несчастныхъ туземцевъ. Но, съ конца V вѣка, власть Рима не простиралась уже, конечно, на всю страну, лежащую между Альпъ и теченія Дуная. Въ началѣ VI столѣтія императоръ Юстиніанъ, озабоченный войною противъ Готөовъ, овладѣвшихъ почти всею Италію, — не могъ защитить Ретію, отъ нападеній Нѣмецкихъ племенъ; а занятіе Лонгобардами сѣверной Италіи, нетолько совершенно отрѣзало Венделикію отъ владѣній западной имперіи, но и навсегда упрочило Германское владычество, надъ всею этою страною. Тутъ, въ VI вѣкѣ, и уже не въ первый разъ, упоминаются герцоги Баварскіе. Въ 538 году, Готөы заняли Пьемонтъ и овладѣли почти всѣми укрѣпленными мѣстами, въ Альпійскихъ горахъ. Готөскій царь Тотила, въ 541 г. занялъ Верону и Павію. Procop. de bel. Goth. II, 28; III, 3. Вся верхняя Италія, Фріуль, вся Венетія, Верона, Brescia, Treviso, Como, Миланъ и другіе города принадлежали Лонгобардамъ, съ

569 года и Албоинъ величался титломъ «царя Италіи». Warnefrid. Hist. Longobard. II, 7—25; III, 29.

Зная положительно что Венды (Vendi—lici, Vendi—antii, Venonetes, Venosci, Venones, Edenates, Fidenates) населяли всю Венделикію, и что Нѣмцы, уже въ V вѣкѣ занявшіе навсегда Ретію,—называли Словенъ и теперь ихъ называютъ Вендами,—мы должны, неминуемо, допустить, a priori, что потомки древнихъ Vendelici, суть Словене. Этотъ логическій выводъ, дѣйствительно и неопровержимо, подтверждаетъ исторія. Нѣмцы, поселясь въ сѣверной части нынѣшняго Баварскаго королевства, вскорѣ напали на потомковъ Венделиковъ, жившихъ, какъ мы уже видѣли въ тойже Баваріи, на сѣверъ отъ озера Констанскаго, до Дуная и въ южной части нынѣшняго королевства Виртембергскаго. Warnefried, въ VI вѣкѣ, въ первый разъ, называетъ этихъ потомковъ Vendelici, настоящимъ ихъ именемъ «Словенами». Вотъ его слова: «Tassilo, король Баваріи (rex Bojariae), пошелъ немедленно на Словенъ, опустошилъ всю ихъ страну и возвратился, съ огромною добычею» (Warnefr. IV, 7.). Это извѣстіе Нѣмецкаго лѣтописца весьма важно для нашего предмета. Тутъ, положительно, открывается: 1-е, что, не только въ VI вѣкѣ, Словене жили въ Баваріи, но и гораздо прежде этаго времени, ибо при нападеніи, на нихъ Нѣмцевъ, они были народъ осѣдлой, а не кочевой; имѣли свои города, были столь богаты, что грабежъ ихъ страны доставилъ огромную добычу Баварскому королю. 2-е, Они не могли составлять аріергарда Нѣмецкихъ народовъ, вопреки мнѣнію западныхъ историковъ; ибо, въ VI вѣкѣ, жили достовѣрно на югъ отъ Дуная, а на сѣверъ, отъ этой рѣки, по направленію нынѣшней Баваріи, вся Германія была занята Нѣмцами, которые, конечно не пропустили бы ихъ, черезъ свои кочевья. 3-е, Эти Баварскіе Словене были потомки Венделиковъ, ибо на языкѣ Нѣмцевъ и до сихъ поръ, Вендъ и Словенинъ одно и тоже. Иначе нельзя объяснить словъ Варнефрида, потому что, между V вѣкомъ, въ которомъ положительно Римскіе историки свидѣтельствуютъ о Vendelici, въ нынѣшней Баваріи, и VI столѣтіемъ, когда ихъ называетъ Варнефридъ Словенами,—ни какой другой народъ, кромѣ Нѣмцевъ, не водворялся въ древней Ретіи. 4-е, Скрытно пробраться этимъ Словенамъ, черезъ всѣ Нѣмецкія племена, мимо Римскихъ легіоновъ и тайно построить свои города въ южной Баваріи,—было рѣшительно невозможно. И не въ одной Баваріи извѣстны, писменно, Словене въ VI вѣкѣ. Не упоминая здѣсь о всей Дакіи, которой жители уже въ третьемъ вѣкѣ назывались Словенами,

(Времен. X, 51)—и въ остальной части Vendelicia, мы также очень хорошо знаемъ Словенъ. Жившіе въ окрестностяхъ нынѣшняго Salzburg, слѣдовательно въ древней Ретіи, около VI вѣка, уже приняли Св. крещеніе и конечно жили тутъ осѣдло до V вѣка. (Копитаръ, въ Prolegomena historica, при Реймскомъ Евангеліи). Копитаръ насчитываетъ всѣхъ Словенъ, извѣстныхъ не позже 568 года, на югъ отъ Дуная, до одинадцати миліоновъ, полагая, въ этомъ числѣ, жившихъ въ Ретіи, въ Норикѣ, Карніоліи, Панноніи, Македоніи, Болгаріи, Сербіи, Хорватіи и Иллиріи. Вотъ какое огромное число пробралось, незамѣтно, черезъ Дунай, по мнѣнію западныхъ систематиковъ, и заселило все пространство на югъ отъ этой рѣки до Егейскаго моря и оконечностей Мореи! и куда же дѣвались всѣ народы тутъ жившіе? Өраки, Македоняне, Мизы, Дарданы, Өессалы, Эпиры и множество другихъ? Всѣ изчесли съ корнемъ, при появленіи Словенъ, такъ, что, ни имени ихъ, ни языка, наши ученые не могутъ нигдѣ отыскать.

Въ извѣстіи, переданномъ намъ Варнеөридомъ, болѣе всего должно обратить вниманіе на то обстоятельство, что мы его получили отъ Нѣмца. Такъ точно первое извѣстіе о Дакійскихъ Словенахъ, подъ ихъ собственнымъ именемъ, намъ передано Готөомъ Іорнандомъ. Значитъ, что подлинное имя «Словене», очень было извѣстно Нѣмцамъ, ихъ ближайшимъ сосѣдямъ, по всему Дунаю. Дейчеры, просто и ясно, называли каждый народъ тѣмъ именемъ, какимъ онъ самъ себя именовалъ, между тѣмъ какъ Римскіе и въ особенности Греческіе географы давали имъ весьма часто условныя, произвольныя названія, однимъ имъ понятныя (60). Точно также мы увидимъ, въ послѣдствіи, на картѣ Мореи, послѣ занятія полуострова Турками, множество Словенскихъ названій селъ, городовъ, горъ, рѣкъ, вдругъ замѣнившихъ Еллинскія имена. Это опять происходитъ оттого, что Османлиссы, узнавъ, отъ туземцевъ, имена всѣхъ урочищъ, передавали ихъ составителямъ своихъ картъ, нимало не заботясь, какъ величали всѣ эти мѣста Еллины. Ни Нѣмцы VI вѣка, ни Турки среднихъ вѣковъ, не знали классической древности, а потому и не искажали подлинныхъ названій.

Не только на югъ отъ Дуная, но и на сѣверъ отъ этой рѣки жили Словене до самаго Майна. Тамъ упоминается, въ VIII вѣкѣ, цѣлая область: Regione Slavorum juxta ripam flumine Moin (Майнъ). Въ это время, Нѣмецкіе лѣтописцы пишутъ о Словенахъ, жившихъ въ окрестностяхъ Вирцбурга, Фульды и Бамберга. Тамъ, по дарствен-

нымъ грамотамъ императоровъ и герцоговъ Баварскихъ, цѣлые округи были отданы во владѣніе Бамбергской церкви. Всѣ селы, деревни, мѣстечки, земли, угодья, помѣстья, находившіеся въ этой мѣстности, называются, въ дипломахъ: Golahowa, Jpagowe, Banzhowa, Salgowe, Barigin, Tareisa, Kelz, Ratgowa, Durnin, Durigin, Matalagi, Chelsgowa, Strewa, Matagowe, Malakin, Suligowa, Riezin, Atergowe, Bara, Gugl, Gallachew, Retsiz, Zigoulitin, Slopece, Jastaew и др. Рѣки, орошавшія страну, между Дуная и Майна, назывались: Jtitza, Wiraga (нынѣ Werr), Vraga (нынѣ Aurach), Wilia (нынѣ Viels), Salza, Tubara, Rota, Velina, Lug, Buda, Loganaha, Weterava, Pagenza, Jsaniska. Даже Salzburg, въ древнѣйшія времена, назывался Salzgowa; а нынѣшняя Ратисбона — Radopana. Въ этихъ же грамотахъ упоминаются Сорабы (Sorabos) и Словене, жившіе въ Баваріи. Нѣмцы тогда часто воевали противъ Bohemos, Moravos и Slavos Transalbinos. Тутъ же извѣстна была, на сѣверъ отъ Дуная, цѣлая область (pagus), которая, въ дипломахъ, называется Recia, Rhaetia. Она находилась вдоль лѣваго берега Дуная, между рѣкъ Agira и Werniza; въ ней упоминается село Wechericha. Основаніе Словенскихъ приходовъ и церквей, между Майномъ и Regnitz, упоминается въ 821, 832, 844 и 889 годахъ. Генрихъ II-й отдалъ епископу Бамбергскому многія Словенскія села и между ими: Nezelice, Lubrodzice, Konkole, Lechendorf; а въ 1009 году, деревня Lithova, у Amberg, была также отдана епископіи Бамбергской. Въ Турингіи еще и теперь двѣ рѣки называются: Sorbecz и Ludwigora Slavica (61).

Тацитъ, въ описаніи Германіи, упоминаетъ о Venedes; но изъ нѣсколькихъ его словъ нельзя вывести ничего положительнаго, (De populis Germaniae, cap. XLVI). Если онъ разумѣетъ потомковъ Венделиковъ, жившихъ въ Германіи, отъ Дуная до Майна, то помѣщаетъ ихъ слишкомъ далеко на востокъ, ибо пріурочиваетъ къ Бастарнамъ и даже къ Fenni. Нѣтъ сомнѣнія, что Финскія племена, до перехода Словенъ на сѣверъ, изъ Ѳракіи, занимали всю обширную страну до самой Германіи; а Бастарны жили по Дунаю. Можетъ быть Venedes Тацитовы, было одно изъ Вендскихъ племенъ, которое далѣе другихъ подалось на сѣверовостокъ.

И Багрянородный очень хорошо знаетъ (de Administr. imp. c. 30, 31) нашихъ Словенъ. Онъ ихъ называетъ Херватами и пишетъ, что они жили далѣе Турціи т. е. Венгріи, близъ предѣловъ Франціи т. е. Франконіи, государства имперіи Франковъ. Другое Словенское племя, тамъ же жившее, Багрянородный называетъ Сербами и при-

бавляетъ, что они, въ его время, занимали также и страну называемую Бойхія, вѣроятно часть тогдашней Богеміи. Послѣдніе суть Sorabos Нѣмецкихъ лѣтописцевъ и дарственныхъ грамотъ хранящихся въ Бамбергской Епископіи.—Вся эта огромная страна, отъ Италіи, до Майна, теперь совершенно онѣмечена. Только, кой гдѣ, уцѣлѣвшія имена напоминаютъ еще о жившихъ тутъ Словенахъ (62).

Въ южной части древней Ретіи, и до нашего времени, сохранилось цѣлое племя потомковъ Венделиковъ, какъ будто, для очевиднаго доказательства всего нами вышеизложеннаго. Они и теперь мирно обитаютъ, въ одной изъ тѣхъ Альпійскихъ долинъ, въ которыхъ жили ихъ предки, и называютъ себя тѣмъ самимъ именемъ, подъ которымъ извѣстны были Этруры, за двѣ тысячи лѣтъ, до нашего лѣтоечисленія. Этотъ уцѣлѣвшій отломокъ древняго міра открыли намъ Шафарикъ и Г. Срезневскій, Вотъ слова послѣдняго, который посѣщалъ ихъ въ 1841 году: «Въ Фріулѣ не болѣе 20,000 Словенъ: въ семъ числѣ, въ долинѣ Резіи около 3000; а остальные живутъ въ горахъ, на югъ отъ Резіи. Они говорятъ, что предокъ ихъ вышелъ изъ Рушіи (Raetia, Recia)». Въ долинѣ Резинской Словенскія селенія: Бѣла, Липовецъ, Равенецъ, Нива, Осѣянъ и Столбица. (Журн. Мин. Народн. Просв. XXXIII, отд. IV, стр. 19). Старомѣсто также въ Италіи. Что касается до языка, которымъ говорили древніе Реты или Резины, то судя по остаткамъ этаго великаго народа, сохранившимся въ ущеліяхъ Альпъ, можно, съ правдоподобіемъ, полагать, что Венделики говорили языкомъ близкимъ къ нынѣшнему Хорутанскому нарѣчію. Этимъ нарѣчіемъ говорятъ еще и теперь въ Видимскомъ округѣ, Венеціанскаго королевства, въ Фріулѣ, Штиріи, Крайнѣ, на Иллирскомъ Поморьѣ, и въ Истріи (Шафарикъ, народопись).

Непосредственно за Vendelici, на востокъ, вдоль южнаго берега Дуная, обитали Norici. Ни Стравонъ, ни Плиній и никто изъ древнихъ географовъ не отдѣляютъ этихъ Norici, отъ сосѣдей ихъ Vendelici. Но Птоломей (во II вѣкѣ, по Р. X.) опредѣляетъ рѣку Aenos, границею между обѣими племенами. Если это такъ, то Norici занимали всю нынѣшнюю Австрію, начиная отъ впаденія Инна въ Дунай, до Паннонін. Города, имъ принадлежавшіе, назывались: Viruna, Keleia, Teurnia, Claudia, Flavium Solvense, Bedako, Vianomina. (Ptol. II, 14 и Plin. III, 27). Послѣдній городъ есть нынѣшняя Вѣна, называвшаяся также Vindobona (на Tabula Peuting.), Vindomina (у Iornad. de rebus Goth. 17) и Vindomana, въ Notit. imperii. (63) Отбросивъ окончанія на mina, mona, bona, первообразъ имени горо-

да останется неизмѣнно Vinda, т. е. Вендскій городъ, какъ Augusta Vendelicorum, lacus Venetus, и др. Слѣдовательно и Norici суть тѣ же Vendelici, Венды, по свидѣтельству Нестора: «Норци еже суть Словене» Лавр. лѣт. 3. Птолемей помѣщаетъ Vindomina въ Норикѣ, а Іорнандъ въ Панноніи (de reb. Goth. 17), между тѣмъ, какъ самое имя города указываетъ на Вендовъ: опять доказательство что Венды, Норицы и Паннонцы были племена одного и того же народа, что мы увидимъ при исчисленіи жителей Панонiи. Діонисій Періегитъ, въ своемъ стихотворномъ описаніи древняго міра, свидѣтельствуетъ, что «Норики, Паноны и Мизы, живущіе на южной сторонѣ Дуная, всѣ происхожденіемъ Ѳраки, и что они суть выходцы изъ сѣверной Ѳракіи. Всѣ берега Истры,» прибавляетъ онъ, «по всему ея теченію заселены одними Ѳраками;» слѣдовательно оба берега, до самаго начала Дуная, въ Баденскомъ герцогствѣ, принадлежали Ѳракійскимъ племенамъ. Вотъ его слова, по Латинскому переводу (Prisciani Periegesis e Dionisio):

Hujus (Ister) ad australes terras, Gerrhaeque (Getaeque) feroces,
Noriciisque colunt bellaces, Pannoniique,
Et Mysi Thracum Boreis in finibus orti.
. . . . Hi (Thraces) ripas Istri porrectas undique cingunt.

Въ несчастную эпоху, когда толпы Галловъ ринулись на Италію, — страны по-Дунайскія также были порабощены тремя ордами вышедшими, одновременно, изъ Галліи. Бои, Тавриски и Скордиски, подъ начальствомъ Сиговеза, покоривъ Нориковъ, Панонъ, и другія племена, поселились тутъ въ при—Дунайскихъ странахъ и близъ Герцинскаго лѣса (Hercinii Saltus). Бои заняли ту часть Дакіи, гдѣ жили Чехи; Тавриски поселились въ Норикѣ, а Скордиски въ Эпирѣ и Иллиріи. Это случилось въ царствованіе Тарквинія, слѣдовательно почти за шесть вѣковъ до Р. Х, (T. Liv. V, 30—35; Iustin. XX, 5. Plut. in. Camil. Polyb. II, 3. Diod. XIV. 113). Часть племени Боевъ поселилась также и въ верхней Италіи; но, принужденная оружіемъ Рима оставить страну, отнятую у Этруровъ, эти Бои перешли къ своимъ соотечественникамъ, на Дунай, и водворились тутъ близъ Таврисковъ. Strab. V, 2. Въ послѣдствіи, именно въ III вѣкѣ, до Р. Х. большая часть Галловъ, занявшихъ при-Дунайскія страны, отправилась грабить Македонію, Грецію, Ѳракію и, переправясь черезъ Еллеспонтъ, окончательно поселилась, въ 277 году, до Р. Х., въ Виѳиніи (Времен. X, 8). Даки, около Р. Х., совершенно покорили, даже частію уничтожили и тѣ слабые остатки Боевъ и Таврисковъ, которые

еще жили близъ Герцинскаго лѣса, въ Норикѣ и Паннонiи, послѣ удаленія главной массы Галловъ, въ Азію. Strab. VIII, 3. При Стравонѣ, въ первомъ вѣкѣ, по Р. Х. страна, гдѣ жили прежде Бои, называлась уже «пустынею Боевъ», а въ эпоху Плинніяее опять населили тѣже Ѳракійскія племена, которыхъ поработили Галлы, при ихъ нашествіи на Дунай. (Strab. VII, 3. Plin. III, 27). Она, и до сихъ поръ, по ихъ имени, называется Bohemia, западными географами. Изъ всѣхъ Гальскихъ племенъ, за двѣсти лѣтъ, до Р. Х. уцѣлѣли въ за-Дунайскихъ странахъ, только одни слабыя остатки Скордисковъ. Въ 181 году, до Р. Х. они занимали прибрежную часть Эпира. T. Liv. XL, 57. Потомки ихъ и теперь тутъ живутъ: они извѣстны нынѣ, подъ именемъ Скипитаръ. Древніе ихъ называли Скордисками, отъ кряжа горъ Scodrus, близъ котораго они жили. Времен. X, 8 и прим. 18. Хотя Taurisci были частію уничтожены, а остальные совершенно покорены Даками, но господство ихъ, въ при-Дунайскихъ странахъ, въ продолженіи двухъ вѣковъ, дало поводъ и позднѣйшимъ географамъ упоминать о нихъ въ смыслѣ отдѣльнаго народа. Стравонъ однако же ихъ положительно причисляетъ къ Норикамъ; а Поливій называетъ общимъ именемъ Norici—Taurisci. Значитъ остатки послѣднихъ, совершенно слились съ Norici. Стравонъ прибавляетъ, что Norici были покорены Друзомъ и Тиверіемъ и «вотъ уже тридцать три года какъ платятъ, безпрекословно дань Риму». Strab. IV, 6. Племена Нориковъ, начинаясь у Aquileia и Адріатики, простирались до Дуная: тутъ жили и Karni (Крайны). Далѣе (къ Иллиріи) обитало племя Iapodes: «они смѣсь Иллиръ и Кельтовъ» (Strab. IV, 6), т. е. остатки тѣхъ Гальскихъ племенъ, которыя были уничтожены Даками около Р. Х. (выше стран. 71). Ихъ города суть: Metula, Arupina, Vendum, и др. (Strab. IV, 6). Поливій упоминаетъ, у Taurisci—Norici, о пріискахъ золота, а Плиній (III, 27) объ озерѣ Peiso (Плесо). Послѣднее есть нынѣшній Balaton (Блато), или Platensee, и слѣдовательно Норикъ заключалъ значительную часть нынѣшней Венгріи, именно ту, которую другіе географы называютъ Панонiею. Опять доказательство, что Венды, Норики и Паноны были племена Ѳракійскія: а потому ихъ и смѣшивали между собою.

Собственно въ Норикѣ Птолемей называетъ племена: Sevaki., Ambisontii, Norici, Ambidravi и Ambilici. Ptolem. II, 14. Севаки, имѣетъ форму чисто Словенскую, какъ Словаки, Босняки, Поляки, Сотаки, Русняки и много другихъ. Именно Чеваки суть племя Сло-

венское, живущее по Тресвѣ; они составляютъ вѣтвь Гуцулъ. (Шафарикъ Народоп.). Ambisontii, Ambidravi и Ambilici суть ничто другое, какъ жители обѣихъ сторонъ рѣкъ: Isonzo, Дравы и Ляха. Послѣдніе, какъ видимъ, тѣже По-ляхи, Венды—Ляхи (Vende—lici), о которыхъ мы уже говорили выше (стр. 60); а Драва есть рѣка, орошающая Панонію, а не Норикъ. Тутъ также видно у Птолемея, какъ и у всѣхъ древнихъ географовъ, что Норики, Венды, Паноны—одно и тоже. Горы, въ Норикѣ, называетъ Птолемей: mons Kettius и mons Karvanka. Этотъ послѣдній кряжъ, кажется, ничто другое какъ Горовакъ, Горвакъ, Хорватъ. (64) Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ городовъ въ Норикѣ, Стравонъ упоминаетъ еще о городѣ Noreja (Strab. V, 2), не относя, впрочемъ, его прямо къ Норику, а говоритъ только, что Noreja была построена на рѣкѣ, вытекавшей изъ Альпійскихъ горъ, и которая составляла границу Венетіи, недалеко отъ Aquileia. Основываясь на этомъ, Данвиль и комендаторы Стравона полагали, что Noreja есть нынѣшній Goritz, на Isonzo, къ сѣверу отъ Тріеста. Если это такъ, то Noreja, конечно, находилась въ самомъ Норикѣ, ибо мы видѣли, что Ambisontii, жившіе по Sontius (нынѣ Isonzo), причислялись къ народу Нориковъ. При жизни Плинія Noreja была разрушена: онъ ее называетъ бывшимъ городомъ Таврисковъ, т. е. относитъ къ эпохѣ порабощенія Таврисками Норика. Plin. III, 23. Юлій Кесарь также упоминаетъ о взятіи, Боями, Нореи, при нашествіи Галловъ на по-Дунайскія страны. I. Caesar. de bel. Gall. I. 5. (65).

Въ заключеніи нашего описанія Венделикіи и Норика, мы присоединимъ здѣсь слова ученаго Маннерта, лучшаго истолкователя древнихъ географовъ. (Geogr. der Griechen u. Römer, III, 497 и слѣд.): «Часть нынѣшней Венгріи, на югъ и западъ, отъ Дуная, до самой Савы,—занимали уже Словенскія племена, до вторженія Кельтовъ въ эту страну. Ихъ (Словенъ) Иродотъ называетъ Sygynae: они жили на сѣверъ отъ Истра, по верхнему его теченію и упирались, къ югу, въ страну Адріатическихъ Венетовъ. Надъ этими послѣдними, въ сѣверной части Альпійскихъ горъ, обитали Rhaeti. Sygynae суть Словене и происходятъ отъ Мидовъ; а мы знаемъ, положительно, что Словенскіе и Нѣмецкіе языки имѣютъ сходство съ Персидскимъ. Вторженіемъ Кельтовъ былъ отодвинутъ этотъ народъ, но къ сѣверу ли, за Дунай? или къ западу, въ горы Ретійцевъ?» Манертъ этого вопроса не рѣшаетъ: мы думаемъ, что прото-Словене, уходя отъ Кельтовъ, могли равно удалиться въ обѣ стороны. Онъ почитаетъ однимъ народомъ всѣхъ Паноновъ, какъ по-Дунайскихъ, такъ равно Дар-

данскихъ, Македонскихъ, Боснійскихъ, Сербскихъ; къ нимъ же причисляетъ и Пеонъ южно—Өракійскихъ. «Такъ какъ Паннонцы были Иллиры» (продолжаетъ Маннертъ) «и въ Норикѣ, не только Яподы, Карпы, но даже всѣ южные жители Норика были Иллиры, то Римляне весьма правильно называли обѣ эти страны (Панонію и Норикъ) «Иллирскими провинціями.» Кельты явились, въ первой разъ, за Альпами, въ царствованіе Тарквинія (Инсубры, у Милана; Cenomanes, у Brescia и Вероны). Разрѣзавъ такимъ образомъ всю страну, лежащую за рѣкою Padvus, на двѣ части, Кельты раздѣлили и туземцовъ на двѣ половины. Жители окрестностей Милана и другіе покорились Галламъ (Plin. III, 19) и остались на своихъ мѣстахъ. Они, въ послѣдствіи, превратились въ Галловъ и наконецъ въ Римлянъ; но большая часть, т. е. Tusci, Tyrseni принуждены были, для сохраненія своей самобытности, удалиться въ Альпійскія горы, гдѣ они назвались Rhaeti. Они, отъ Como, отправились на сѣверъ, къ истокамъ Рейна, гдѣ и водворились. Другіе поселились въ Тиролѣ. Обѣ части назвались Rhaeti, а Римляне ихъ узнали только при Августѣ. Часть народа Tusci, племя Euganei, многочисленное и просвѣщенное, жило въ странѣ, по которой протекаетъ рѣка Etsch. И эти Евганеи, отъ нашествія Галловъ, удалились также въ горы. Еще и теперь горы находящіяся въ южно—западной части Венеціанской земли носятъ имя Евганейскихъ. Реты причисляются древними къ народу Tusci. У Евганетовъ было уже, при старшемъ Катонѣ, 34 города (Städte, у Mannert, но Плиній говоритъ, (III, 20) gentes, племена). Breuni или Breones (Враны) жили въ верхней долинѣ Инна, а Gerauni въ нижней. Друзъ, при покореніи ихъ, нашелъ, что оба племени были не Реты, а Иллиры (Strab. IV); оба называются, у Птолемея, Vendelici.» (Слѣдовательно Реты, Иллиры, Венделики, всѣ, одно и тоже). «Близъ Bodensee Реды сходились съ Vendelici, Helvetii и Boii. По оставленіи послѣдними ихъ страны, ее заняли Vendelici, соседии съ Vorarlsberg и южно—западной Швабіи. По уничтоженіи Боевъ, Vendelici заняли всѣ ихъ города. Отъ горныхъ вершинъ, до границъ Нѣмецкихъ, все было заселено Венделиками. Augusta Vendelicorum была главная крѣпость Римская, противъ нападеній Нѣмецкихъ. Rhaeti было сильнѣйшее племя и, по его имени, названа вся страна, Ретіею, хотя въ ней жили и другія племена. Венделики жили въ южномъ Сальцбургѣ, Innthal, Тиролѣ и Vorarlsberg.» (Этихъ Vendelici Римляне, сопровождавшіе Друза, признаютъ Иллирами, а Маннертъ ихъ почитаетъ Вендами.) «Что они Венды» (продолжаетъ Маннертъ) «доказываетъ ихъ

имя (Vendelici), и названіе ихъ озера (Lacus Venetus): они жили на Лехѣ и потому Venden am Lech. Этимологическихъ доказательствъ я не люблю», (говоритъ Маннертъ,) но: «wenn aber der Name so ganz vollständig vor Augen liegt, то его нельзя опровергать. И Полибій пишетъ, что Veneti Адріатическіе говорили языкомъ, отличнымъ отъ Гальскаго. Отъ истока Инна, черезъ Тироль, до горы Okra, тянется Альпійскій кряжъ, который Страбонъ и другіе географы называютъ τὸ Ἀπέννινον ὄρος». Маннертъ полагаетъ, что на языкѣ Ретовъ, всякій «Hochkamm», именно, назывался Paeninae. Совершенно справедливо; ибо слово «планина» и теперь, у всѣхъ Словенъ, значитъ: горы; хребетъ, кряжъ горный. «Ретію орошали: Virdo, нынѣ Wertach, Duras, Klanes, и она заключала все пространство, отъ выхода Рейна, изъ Bodensee, до Сан-Готарда, часть Баваріи и часть Швабіи. Тутъ поселились, подъ Римскимъ покровительствомъ, Германдуры и можетъ быть, остатки Боевъ. Ретія и Венделикія были совершенно разорены и уничтожены Нѣмцами: Маркоманнами, Ругами, Скирами, Турцилингами, Ютунгами, Свевами и Boiarii. Augusta Vendelicorum является уже какъ Augsburg, Свевскій городъ.» Такъ самые западные, изъ всѣхъ прото—Словенъ были онѣмечены, или ушли искать новаго отечества на Бальтійскомъ Поморьѣ. Вотъ превращеніе Венделикіи и Норика, изъ прото—Словенской страны, въ Нѣмецкую. Noricum называлась вся страна, гдѣ находились Aquileia, Aemona (Любляна, Laybach), потому что Карны, родомъ Иллиры, были тутъ смѣшаны съ Нориками. Этотъ Норикъ состоялъ изъ нынѣшнихъ Kaernten и Steyermark. Нынѣшняя Австрія принадлежала къ Норику. Karnicum есть нынѣшній Zuglio. Πρυσοί (Прусы) Страбонъ причисляетъ къ Паннонамъ, а по Птолемею, они жили въ Иллиріи. Карны занимали Крайну (Украйну) и весь нынѣшній Фріуль. Кряжъ горъ, между Крайною и Хорутаніею, Птолемей называетъ Karvanka (Горвакъ, горы). Рѣки Saus (Сава) и Draus (Драва) вытекаютъ изъ Крайнянскихъ Альповъ. Sevakes жили въ нынѣшнемъ Сальцбургѣ и частію въ Steyer—marck; Ἀμβιδραυοί, по Дравѣ (Древаки); Ambilici, по Ляху (По — Ляхи). Римляне причисляли Крайну къ Иллирику и частію къ Норику, ибо Норики жили близъ Aemona. Noricum ripense, есть часть Норика, вдоль Дуная. Плиній пишетъ, что по Дравѣ жили: Serpiles (Сербали?), Iasi, и Anaizetes; по Савѣ: Kolapiane (Кульпяне), Breuci, Latovici (Литваки), Oseriates (Озериты). Provincia Savia, по имени рѣки Савы, уже такъ называлась при Авреліанѣ (270 — 275)». Теченіе этой рѣки, какъ видимъ, было

занято Словенскими племенами Кульпянъ, Литваковъ, Озерянъ еще до царствованія Авреліана; слѣдовательно они тутъ жили уже прежде третьяго вѣка, по Р. Х. У Птолемея, на югъ отъ Balatonsee, показано племя Andiantes (Анты?). «Послѣ Маркоманнъ, вторглись въ Норикъ, Руги, Скиры и Турцилинги; они же заняли часть Панонін, а Герулы верхнюю Венгрію. Гунны явились въ Панонін, которую уже прежде ихъ заняли Вандалы. Гепиды овладѣли Седмиградскою областью а Остроготѳы заняли всю Панонію; за ними шли Герулы. Въ нынѣшней Моравіи разбили свои кочевья Руги, Скиры и Турцилинги; а съ боку ихъ, въ сѣверной Венгріи, Лонгобарды.»

Сзади всѣхъ этихъ народовъ, по мнѣнію Маннерта, шли Словене (III, (580), всегдашній аріергардъ Нѣмцевъ! И ученый, добросовѣстный Маннертъ немогъ избѣжать этаго обыкновеннаго заключенія западныхъ историковъ, во всѣхъ случаяхъ, касающихся до населенія полъ — Европы Словенами! Всегда, у всѣхъ Нѣмецкихъ писателей, аріергардъ, состоящій изъ Словенъ, бываетъ необходимъ, дабы объяснить существованіе, въ Задунайскихъ странахъ, тѣхъ миліоновъ Словенъ, которые тамъ живутъ, съ незапамятныхъ временъ. Но Маннерту совсемъ ненужны эти Словене, идущіе сзади Нѣмецкихъ грабителей. Онъ уже допустилъ: 1) пребываніе Словенъ въ за-и по-Дунайскихъ странахъ, до Р Х. за 400 лѣтъ; 2) призналъ Иродотовыхъ Sygynnae Словенами; 3) совершенно согласенъ, что Vendelici и Венды одинъ народъ, и что 4) Реты и Vendelici суть прото-Словене, загнанные, въ Альпійскія горы, Кельтами, въ VI вѣкѣ до Р. Х. За чѣмъ же Маннерту этотъ Словенскій аріергардъ, сзади Нѣмцевъ? Мы думаемъ, что онъ просто покорился общему мнѣнію западныхъ писателей, тогда и теперь, столь настойчиво желающихъ доказать, что наши предки всегда шли по пятамъ Германскихъ народовъ и занимали, исключительно, только тѣ земли, которыя имъ предоставляли Нѣмцы, послѣ опустошенія этихъ странъ. Маннертъ очень ясно видѣлъ,—ибо первый, изъ всѣхъ, призналъ Славенство Венделиковъ и жительство въ VI вѣкѣ, до Р. Х., Словенъ по Дунаю,—что предки наши гораздо прежде Нѣмцевъ тамъ жили, и доказалъ это положительно, въ отношеніи къ тѣмъ прото-Словенамъ, о которыхъ такъ ясно высказалъ свое мнѣніе. Словенъ, шедшихъ сзади всѣхъ Нѣмецкихъ народовъ, — Маннертъ назначаетъ на заселеніе Ѳракіи и другихъ прото-Словенскихъ странъ, гдѣ жили древніе Македоніяне, Ѳессаллы, Дарданы, Трибалы, Мизы, Паноны, Акарнаны, Тѣлебои, и проч. и проч. Нориковъ, Карновъ и Иллиръ, Маннертъ не признаетъ Словенами. Тутъ опять нужны вновь прибывшіе, сзади Нѣмцевъ, Сло-

вене. Иначе, какъ же объяснить милліонное Словенское народонаселеніе этихъ странъ? Но куда же дѣвались древніе Норики, Карпы, Мизы, Өессалы, Македоняне, при появленіи Словенъ? Этого ни Маннертъ, ни другіе систематики, никогда не могли объяснить логически. Вѣдь эти Иллиры, Тривалы, Дарданы и проч. не пошли съ Готөами, Ругами, Скирами въ Италію; не переселились, съ Франками, въ Галлію; не заняли сѣверной Африки, съ Вандалами; но всѣ изчезли до единаго, такъ что и языковъ ихъ никто не знаетъ. Такъ странны бываютъ часто предположенія ученыхъ, имѣющія цѣлію объяснить произшествіе ни начѣмъ не основанное! И Маннертъ, желая объяснить мнимое занятіе, въ IV вѣкѣ, по Р. Х. нынѣшними Крайнянами, древней Крайны, Норика и проч. прибѣгаетъ къ слѣдующей ипотезѣ: «Императоры Константинъ и Констанцій переселили, въ Италію, 300,000 Sarmatae Limigantes; но какъ въ Италіи небыло подобнаго поселенія, то *вѣроятно*, эти Sarmatae должны были быть поселены въ Крайнѣ, а они ничто другое какъ Словене!» Вотъ вамъ западное объясненіе народонаселенія, состоящаго изъ нѣсколькихъ милліоновъ Словенъ, живущихъ въ Крайнѣ, Австріи, Штиріи, Хорутаніи, древней Панонія и Иллиріи! Но Крайна не Италія; а Sarmatae Limigantes, не Словене. И почему же эти Sarmatae, если небыли водворены въ Италіи, то непремѣнно должны были заселить древнюю Крайну? развѣ не было другихъ провинцій, въ которыхъ Римъ имѣлъ полное право ихъ водворить? развѣ они не могли быть разселены, малыми частями, по всему Римскому міру? Послѣднее всего правдоподобнѣе и скорѣе могло быть исполнено. Такъ разсуждаютъ и до сихъ поръ, о Словенахъ за-Дунайскихъ, потому что они, по системѣ западныхъ писателей, должны непремѣнно идти сзади Нѣмцевъ, при поселеніи ихъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ они и теперь живутъ. Такъ точно и Маннертъ заставляетъ Словенъ занимать, въ Норикѣ, тѣ горныя ущелія, которыя не заняли Нѣмцы, вѣроятно, по ихъ безплодности.

IV. Enetes, Henetes, Венеты, Венды, Норики (Норци, у Нестора), Karni, Крайны (Крайнянь, Украинцы), Iapodes, Istri.

Тирены и Венеды были племена одного и того же народа. Оба произошли отъ Пелазговъ Азійскихъ и оба прибыли, въ Италію, изъ одной и той же страны; именно, первые, изъ Лидіи, а Венеды изъ Троады. Да и въ новомъ отечествѣ, они жили въ одной области, ибо

хотя Тирены поселились, первоначально, въ нынѣшней Тосканѣ, но въ послѣдствіи, какъ мы видѣли, заняли всю сѣверную Италію, а Венеды водворились на Падьвѣ и въ крайнемъ углу Адріатики. Но и до переселенія Тиренъ и Венедовъ въ Италію, сѣверная часть этой страны была уже занята Пелазгами Додонскими, основавшими, при впаденіи Падьвы въ Адріатическій заливъ, знаменитый и богатый городъ Спину (выше, стр. 4). Отсюда они распространялись внутрь земли. Такимъ образомъ вся верхняя Италія, въ до-историческія времена, была заселена одними Пелазгами, за исключеніемъ крайней западной части, въ которой жили Лигуры.

Послѣ разгрома Троянскаго, Эней и Антеноръ съ сподвижниками своими отправились искать новаго отечества. Первый, на пути своемъ въ Италію, остановился у соплеменныхъ Ѳраковъ и даже основалъ у нихъ городъ Энею, а Антеноръ, съ Энетами (Венетами, Henetes), прежде Энея достигшій береговъ Италіи,—присталъ къ устью Медвака, Medvakos, или Brentensia, а потомъ основалъ городъ Потаву (Potavium). Съ Антеноромъ прибыли въ Италію тѣ Энеты, которые оставя Пафлагонію, ихъ отечество, водворились въ Троѣ. Потомки Энетовъ, разсѣлившись, въ послѣдствіи, по сосѣдственной странѣ, всѣ прежде ихъ тутъ жившіе Пелазги стали называться Венетами и самая страна получила имя Венетіи. Въ этой странѣ обитало тогда племя Euganei (также Пелазгическое): Антеноръ принудилъ ихъ уступить ему часть ихъ страны. Messalae Corvini ad Ostav. Aug. de progenie sua, libellus, c. X. Servius (ad Aeneid. I, 242) пишетъ, что прежде основанія Падвы, Трояне воевали противъ Евганей и ихъ предводителя Velesus (Велесъ). Nieb. Hist. Rom. I, 235. Племена: Euganei и Enetes слились тѣмъ удобнѣе, что оба были вѣтви одного корня. Аврелій Викторъ (de origo gentis Romanae, c. 1 и 9) тоже говотитъ, прибавляя только, что страна, въ которой Энеты поселились, называлась, до ихъ прибытія, Иллиріею. И Иродотъ причисляетъ Venetes къ Иллирамъ (I. 195). Вообще, у древнихъ историковъ, Venetes, Иллиры, Karni, Vendelici, Norici, Istri и Paeones, или Pannones, всѣ суть вѣтви Пелазго-Ѳракійскія. Юстинъ (XX, I), Титъ Ливій и Виргилій подтверждаютъ свидѣтельства Мессалы и Виктора. Ливій, къ Энетамъ, составившимъ многочисленную колонію Антенора, (cum multitudine Henetorum), переселившуюся изъ Пафлагоніи въ Брегію, прибавляетъ еще Троянъ и пишетъ, что даже, въ его время (при Августѣ), мѣсто, гдѣ Трояне причалили къ берегу, называлось Troja, равно какъ и весь pagus, а gens (народъ) называлъ себя Ve-

neti. Эти Венеты отодвинули въ горы племя Евганей, обитавшее (до ихъ прибытія) между Альпъ и моря. (T. Liv. I, 1). Слѣдовательно, и по Ливію, Трояне (Бреги) и Венеты слова однозначащія. (66) И Катонъ производилъ Венстовъ отъ Троянъ. Plin. III, 23. Корнелій Непотъ и Солинъ почитаютъ Пафлагонію отечествомъ Венедовъ. Solin. 45. Схимъ Хіосскій, въ своей географической поэмѣ; Orbis descriptio, (стихи 386—405), описывая заливъ Адріатическій прибавляетъ: Henetorum vero sunt quinquaginta urbes in illo sitae ad intimam partem. Quos transgressos esse, aiunt, ex Paphlagonum regione, habitasseque circa Adriam. Henetis finitimi sunt Thraces Istri dicti . . . . Super hos autem Ismeni et Mentores . . . Regio vero juxta illos sita a Pelagonibus et Liburnis obtinetur. His contigua est Bulinorum gens: deinde autem magna peninsula Hyllica, etc. (67) (въ изданіи Летрона, стр. 366—368). Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ открывается, что Paphlagones, Henetes, Phryges (Бреги, Трояне) суть племена одного и того же народа, именно Пелазговъ Азійскихъ, жившія по южному берегу Понта, и извѣстныя тамъ, до взятія Трои, какъ мы уже сказали во Времен. XIII, 67—62. Но Схимнъ Хіосскій, опредѣливъ число городовъ Венетіи, не передаетъ намъ ихъ именъ: а Стравонъ (V, 2), исчисляя города верхней Италіи, всѣ включаетъ въ Transpadana, не отдѣливъ тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали Венетамъ. Эти города могли быть:

Спина, Spina, древнѣйшій изъ всѣхъ, построенный Додонскими Пелазгами (выше стран. 4), на лѣвомъ берегу Падвы, былъ взятъ Галлами, въ 396 до Р. X. и на развалинахъ его теперь находится мѣстечко Dosso (Спинà, по Италіански). Strab. V, 2. Cluver. Italia Ant.

Потава, Patavium, основанный Антеноромъ и Венето-Троянами, прибывшими съ нимъ въ Италію, на рѣкѣ Медвакѣ, Medvakos, (Strab. V, 2), нынѣ Brenta. Изъ всѣхъ городовъ сѣверной Италіи Patavium былъ лучшій и многолюднѣйшій, при Стравонѣ. Онъ былъ такъ богатъ, что прежде могъ вооружить до 120,000 воиновъ. Можно и теперь, прибавляетъ Стравонъ, судить о его народонаселеніи и нынѣшнемъ благосостояніи, по множеству товаровъ, изъ него вывозимыхъ, въ особенности всѣхъ родовъ тканей. для платьевъ, присылаемыхъ въ Римъ. Strab. V, 2. И Марціалъ выхваляетъ эти ткани (Epigram. XIV, 143). Жители города Патавы всегда, постоянно, состояли изъ Венетовъ. За 301 г. до Р. X. Греки, разъѣзжавшіе по Адріатикѣ, для грабежа приморскихъ городовъ и селеній, опустошили южную Италію и даже взяли Туръ (Thurias). Потомъ

они ограбили и сожгли три Венедскія поселенія, находившіяся на самомъ берегу, при впаденіи въ морѣ рѣки Медвака (Medvacus amnis erat), въ 15 миляхъ отъ Потавы. Но Венеды, жившіе въ городѣ, напали на Клеонима, предводителя пиратовъ, и отняли большую часть Греческихъ кораблей, которыхъ желѣзные носы (rostra navium) хранились, до временъ Т. Ливія, въ храмѣ Юноны, въ Потавѣ. Разсказывая это произшествіе, Т. Ливій именуетъ гражданъ, безразлично, Patavini и Veneti. T. Liv. X, 2. Подъ годомъ 174-мъ, до Р. Х. тотъ же Т. Ливій пишетъ, что консулъ Емилій былъ посланъ въ Потаву, городъ находящійся въ землѣ Венетовъ: «ut Patavinorum, in Venetia, seditionem comprimeret» (L. XLI, c. 27). Слѣдовательно и при Римскомъ владѣніи, всегда, постоянно, верхнюю Италію занимали Венеты.

Altinum, Плиній (III, 22) причисляетъ, именно, къ городамъ Venetia, а Стравонъ пишетъ, что вся мѣстность, на которой онъ находился, была окружена, со всѣхъ сторонъ, болотами. Strab. V, 2.

Concordia, Римская колонія, неизвѣстно какъ называлась на языкѣ туземцевъ Strab. V, 2. Плиній ее также включаетъ въ число городовъ Венетіи. Plin. III, 22. И теперь Concordia, на сѣверъ отъ Венеціи.

Adria, нынѣ Atri, конечно принадлежалъ Венетамъ, ибо находился близъ Patavium, на лѣвой сторонѣ Падьвы, между этою рѣкою и нынѣшнимъ Адижемъ. Adria, въ древнѣйшія времена, былъ значительный городъ и отъ него даже Адріатическое море получило свое имя. Strab. V. 2. Плиній тоже подтверждаетъ, называя Адрію городомъ Тиренскимъ, какъ Т. Ливій и другіе (выше, стр. 34). Но это былъ другой городъ, также называвшійся Adria, и также на Адріатическомъ морѣ (на югъ отъ Анконы и Лорето). Онъ находился дѣйствительно въ Орбіи; а какъ Обричи (выше стр. 11) вошли, въ послѣдствіи, въ общій союзъ съ Тиренами, то о послѣдней Адріи, а не Венетской, пишутъ Плиній и другіе (68).

Во внутренности Венетіи, Плиній называетъ: Atesta, Acella, Opitergium, Belunum и Vicetia (Plin. III, 23); а Стравонъ, послѣдній городъ, называетъ Οὐικέντια (нынѣ Виченца). Въ числѣ разрушенныхъ, во второмъ вѣкѣ, Плиній указываетъ, «ex Venetis Atina, Caelina» и еще одинъ, который былъ разоренъ Марцеломъ, въ 12 миляхъ, отъ Aquileia. Plin. III, 23. (69).

В. Патеркулъ, изчисляя Римскія колоніи, основанныя во второмъ вѣкѣ, до Р. Х. называетъ Bononia, Pisaurus, Ariminum, Luca, Aquileia, Gravisca. V. Patercul. hist. Rom. I. 15. Всѣ эти колоніи были

водворены на крайнихъ тогдашнихъ границахъ Римской республики. Первыя три, на рубежѣ Gallia Togata; у Luca начиналась Лигурія, а Aquileia былъ тогдашній крайній предѣлъ Римскаго владычества на сѣверѣ Италіи, городъ построенный въ странѣ Венетовъ. Немедленно послѣ Aquileia, Патеркулъ называетъ Gravisca. Мы думаемъ, что послѣдняя ничто другое какъ Градишка, отстоящая отъ Aquileia, въ 20 верстахъ, къ сѣверу. Этотъ городъ и теперь, на Италіанскихъ картахъ, называется Gradisca. Есть и другая Градишка, на Tagliamento, къ западу отъ Udina. Сюда же можно, безошибочно прибавить Gradus, городъ, упоминаемый близъ Аквилеи, уже въ VI вѣкѣ, по слѣдующему произшествію. Лонгобарды, послѣ сорока двухъ лѣтняго пребыванія въ Панноніи, уступили ее Аварамъ и вышли оттуда, съ женами и дѣтьми своими. Они пошли въ Италію и взяли, у Венетовъ, городъ Аквилею. Тогда Павелъ, патріархъ Аквилейскій, со всѣми христіанами, ушелъ въ Gradus, находившійся, на острову, въ Адріатическомъ заливѣ, противъ Aquileia. Warnefried, въ исторіи Лонгобардовъ, II, 6. Этотъ Gradus, ничто другое какъ «градъ», городъ Венетовъ и, конечно, существовалъ тутъ гораздо прежде VI вѣка; ибо, въ это время, при нашествіи Нѣмецкихъ ордъ на Италію, не только не строили новыхъ городовъ, но и прежніе едва существовали. Онъ и теперь называется Grado. (70) Рѣки, орошавшія Венетію назывались:

Падьва, Padvus. Она имѣла и другое имя Bodenka, Bodencos (Воданка), и до впаденія въ морѣ, раздѣлялась на два рукава. Одинъ сохранялъ названіе Падьвы, другой назывался Olăna, или Volana. Polyb. II, 3. (71).

Сила, Silis, текущая съ горъ Tarvisanis. Plin. III, 22. нынѣ Sile.

Taliaventum, нынѣшняя Tagliamento.

Liquentia, текущая съ горъ Opiterginis, т. е. Livenza, какъ она и теперь называется туземцами Словенами. Plin. III, 18.

Медвакъ, Medvakos, Strab. V, 2; T. Livii, X, 2, иначе Brentesia; Mess. Corvin. X. Medvacus, amnis; у Плинія двѣ рѣки этого имени: Medvaci duo (III, 20).

Анаха, нынѣ Piava.

Sontis, правильнѣе Lisanza, какъ называютъ туземцы.

Alsa; Natiso; Tura и нѣсколько другихъ. Plin. III, 18. (72).

Трудно и почти невозможно опредѣлить границы Венетіи, какъ потому что ни одинъ древній географъ ихъ не обозначаетъ положительно, такъ и еще болѣе по той причинѣ, что жители ея были та-

кія же Венеты, какъ и жившіе въ Ретіи, Венделикіи, Норикѣ, Крайнѣ и Истріи. Знаемъ, что Антеноръ, съ прибывшими съ нимъ Енетами—Троянами (Вендо — Брегами), занялъ крайній уголъ Италіи, въ углубленіи Адріатическаго залива и основался въ Потавѣ. Здѣсь, онъ присоединилъ Додонскихъ Пелазговъ, къ своимъ Henetes, и составилъ особое княжество; но какъ далеко границы его простирались на югъ и западъ, — мы рѣшительно сказать не можемъ. Мы думаемъ, что Venetia была узкая полоса земли, вдоль берега Адріатики: она начиналась не южнѣе теченія Падьвы, при устьѣ которой была построена Spina, и доходила на востокъ до Истріи, откуда начинались уже Иллирскія племена. На сѣверо-западѣ, Verona и всѣ предгорія Альпъ, принадлежали Ретамъ. Болота, образуемыя Падьвою, при впаденіи ея въ море, принадлежали Этрускамъ; ибо всѣ рвы, для стока воды, осушенія болотъ и всѣ плотины, были устроены ими (Plin. III, 20; и Strab. V, 2) и столь прочно, что существуютъ еще и нынѣ. Со всемъ этимъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшую эпоху, Venetia простиралась, по морскому берегу, даже до Равены. Такъ было при императорѣ Юстиніанѣ. (Procop. de bel. Goth. I, 12), а Іорнандъ свидѣтельствуетъ, что въ «Равенѣ жили Eneti, т. е. «славные, хвальные, laudabiles dicebantur,» и что городъ былъ построенъ на ровномъ мѣстѣ, между болотъ, моря и рѣки Padvus (de orig. Getar. IX). «Ravena была основана Ѳессалами» (т. е. Пелазгами), пишетъ Стравонъ. «Они, дабы защитить себя отъ Тиренъ, пригласили переселиться въ свой городъ Обричей; съ тѣхъ поръ потомки Обричей владѣютъ этимъ городомъ, а Ѳессалы возвратились въ Ѳессалію. Большая часть городовъ Венетіи окружена водою и многіе построены среди болотъ: таковы Spina, Ravena, Altinum, и между двухъ послѣднихъ Butrium (нынѣ Budra), принадлежащій жителямъ Равены.» Strab. V, 2. Въ Butrium, по Плинію, жили Обричи; Plin, III, 22.

Венеды, поселившись въ углу Адріатическаго залива, скоро распространились, на сѣверъ, до самаго Дуная. Схимнъ Хіосскій, въ своемъ описаніи древняго міра, сказавъ нѣсколько словъ о Кельтахъ (Галлахъ), упоминаетъ о Henetes, «живущихъ отъ Адріатики, внутрь земли, до Истры.» Scym. Chii, vers. 192 — 194. Варнефридъ положительно подтверждаетъ слова Схимна Хіосскаго, свидѣтельствуя, что «вся страна, начиная отъ Паноніи до рѣки Адды, называлась Venetia. Pergamo (Bergamus) и озеро Benacus, изъ коего течетъ Mincio, принадлежали къ Venetia, которая, вмѣстѣ съ Истріею, составляла одну страну. Столицею всей Венетіи была прежде Aquileia, а теперь

Forum Iulii, или Mercatum, назначенный мѣстомъ торга». Warnefried, II, 14. (73) Въ этомъ направленіи вся страна, на сѣверъ отъ древней Венетіи, до Дуная, сохранила, неизмѣнно, имя Венетовъ. Тамъ, у древнихъ: Венделики, Augusta Vendelicorum, lacus Venetus, (Bodensee), lacus Benacus (lago di Garda), у Поливія, Fragm. L. XXXIV, и lacus Henus (Henetus), на Tab. Peuting. (Segm. II); Alpes Venedes, Vendum, Vindonissa, Vindobona. При нашествіи варваровъ, въ направленіи къ Дунаю, намъ извѣстны: Windische Mark (на границѣ Хорватіи: Mannert, III, 592); Windischgarste (въ Штиріи), Windischfeistritz, Windischlansberg, etc. и общее названіе, у Нѣмцевъ, всѣхъ, тутъ живущихъ Словенъ,—Wenden. Но Энеты жили и на востокъ отъ Venetia Италіанской, въ самой Ѳракіи. Аппіанъ, описывая войну Рима, противъ Митридата, въ 85 году, до Р. Х. говоритъ: «Сила, въ продолженіи перемирія, заключеннаго имъ съ Архелаемъ, военачальникомъ Митридата, напалъ, неожиданно, и ограбилъ, не только всю Македонію, но и другіе народы, по сосѣдству, съ этою страною, жившіе, именно: Энетъ, Дарданъ, и Синдовъ» (Appian. de bel. Mithrid. XI, 55).

Слѣдовательно и другіе племена, показанныя, у древнихъ географовъ, въ направленіи отъ Адріатики до Дуная, какъ то у Схимна: Mentores, Ismeni, и у всѣхъ: Karni, Iapodes, Norici, Panonii, были тѣже Венеты. Mentores суть ничто другое какъ Маторы, племя жившіе близъ нынѣшняго мѣстечка Mataria (Матора), которое находится на границѣ Крайны и Истріи, близъ Тріеста. О немъ, въ VI вѣкѣ, упоминаетъ Warnefried. (L. IV), при занятіи Лонгобардами всей страны Словенъ, жившихъ въ древней Венетіи и Крайнѣ, называя это мѣстечко Madaria. Измѣны, могли быть, жители Вендскаго города, называвшагося, можетъ быть «Измѣна. У насъ очень извѣстна, по лѣтописямъ, Измѣна, пригородъ Псковской, на озерѣ этаго имени (Псков. лѣт. 125, подъ годомъ 1471). Что касается до Karni, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они Крайны, Крайняне, Украинцы, какъ въ древности, такъ и теперь. Они были тѣже Венеты, только жившіе на «краю,» на границѣ общаго народонаселенія всей Венетіи, въ Украйнѣ. Ни одинъ изъ древнихъ географовъ ихъ не отдѣляетъ отъ Henetes, и они жили непосредственно отъ нихъ, въ направленіи къ Истрѣ, какъ свидѣтельствуетъ Схимнъ Хіосскій о всемъ народѣ Венетовъ, разселившемся до Дуная. И дѣйствительно Крайны, Karni были крайними, на сѣверъ отъ Henetes; ибо за Истрою уже кочевали Нѣмцы. Потомки древнихъ Крайновъ и до нашихъ дней со-

хранили имя, переданное имъ праотцами. Страна ихъ и теперь называется Крайна (Украйна). Подобныя мѣстныя названія встрѣчаемъ во всѣхъ странахъ, населенныхъ Словенами. Украйны находились на всѣхъ оконечностяхъ Словенскаго міра: это его окраины. Прусская Крайна есть нынѣшній Altmarck (Шафарикъ). Укры жили на крайнемъ концѣ Поморянъ, которые занимали весь южный берегъ Балтики, отъ Даніи, до Ливовъ, Чуди и Корси. Ихъ страна отъ этаго называлась у Нѣмцевъ Uckermark. Въ Волынскомъ лѣтописцѣ упоминается Украйна, за Вислою и у Карпатъ, (Карамз. IV, пр. 175). На западъ, отъ Галиціи, гористыя мѣста называются Крайны (Kraj-na), а жители Крайняне: это верховья рѣкъ Стрыя и Днѣстра, области Лихоборская и Липецкая (Москвит. 1844, IV, 246). Kraina, въ Сербіи (Boué, Turquie, I, 129). Krain, Krainburg, въ Хорватіи, у Нѣмцевъ. Пограничная сторона Черногоріи, отъ Жабляка до Фундане, называется Крайна. (Попова, путеш. 244). Крайна также и берегъ вдоль Адріатики, гдѣ построена Будьва (Pouquev. voyage, III, 99). У насъ, на Руси, извѣстно нѣсколько Украйнъ. Литовская Украйна начиналась отъ Можайска, Дорогобужа и Вязьмы; Сѣверская, отъ Брянска, Новгородъ-Сѣверска, Рыльска, Стародуба; Польская (отъ поля, степи), отъ Курска, Воронежа, Валуйки и Оскола. Въ XVI, и началѣ XVII вѣковъ, Тула, Орелъ, Новосиль, Елецъ, Ливны, Епифань, Веневъ, даже Коломна, Серпуховъ, Калуга, Таруса и проч. назывались Украинскими городами (Разряд. кн. 7123 года; Времен. 1849, кн. I). Въ 1643 году, Воронежъ былъ Украйнымъ городомъ, со стороны Азова и Козацкихъ владѣній (Посольс. Милослав. Времен. 1850, VI, 44). «Кн. Андрей, съ Полочаны, во своей Украйны (въ 1350 году), пригнавше безъ вѣсти, повоеваше Вороночскую волость.» Псковс. лѣт. 29. Незабудемъ древнѣйшую изъ всѣхъ Крайнъ, Akarnania. Она также, какъ нынѣшняя Крайна Черногорская, лежала вдоль Адріатики, и почти составляла протяженіе Иллирской, берега которой были заселены Ѳраками-Иллирами, съ незапамятныхъ временъ (74). Warnifried называетъ Крайну «настоящимъ отечествомъ Словенъ: Karniola Slavorum patria» (VI, 52) и въ другомъ мѣстѣ (IV, 40) «Slavorum regio, quae Zellia vocatur» (тоже въ Крайнѣ). Замѣтимъ и незабудемъ: «patria Slavorum,» (Mannert, III, 592), точно такъ, какъ Византійцы называли всю Ѳракію «отечествомъ Словенъ» (Времен. X, 106—107). И могъ ли Варнефридъ назвать Крайну отечествомъ Словенъ, если бы они явились тутъ только въ VI вѣкѣ, сзади Нѣмцевъ? Вѣдь онъ не называетъ же Крайну «отечествомъ

Нѣмцевъ,» хотя, по системѣ западныхъ историковъ, Германскіе народы шли впереди Словенъ и слѣдовательно занимали при-Дунайскія страны прежде нашихъ предковъ. «Крайна,» говоритъ Mannert, «происходитъ отъ Словенскаго слова край, Gränzland; а Carniola есть малая Крайна.»

При владычествѣ Готѳовъ имена Karni и Norici были въ полномъ употребленіи (Procop. de bel. Goth. I, 15). Слѣдовательно оба народа изчезли, неизвѣстно куда и отчего, только съ конца IV или начала V вѣка. Но Karni и Kraini одно и тоже, какъ Варна и Врана и другія Словенскія названія, имѣющія такую же перестановку буквъ; а Норики очень извѣстны нашему Нестору. Онъ называетъ ихъ Норици, также точно какъ Римскіе и Греческіе географы: «Norici», объясняя только, что они были древнѣйшіе, изъ всѣхъ ему извѣстныхъ, племенъ Словенскихъ: . . . . . сынове Аѳетовы пріяша западъ и полунощныя страны; отъ сихъ же 72 языку, бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Аѳетова, Норци, еже суть Словене.» Лавр. лѣт. 3. Слѣдовательно имя Норци соединяется съ первымъ извѣстіемъ о древнѣйшихъ Словенахъ и было очень извѣстно въ Кіевѣ, даже въ XI вѣкѣ. Вмѣсто Норика явилось названіе Karantanum, вѣроятно, происшедшее отъ Горотане, Хорутане, жители горъ. На этомъ основаніи можемъ даже допустить, что Норци и Горотане одно и тоже. У Русскихъ Словенъ: нора̀, нырище, норъ, ныра, значитъ ἄντρον, antrum, οἰκόπεδον, domicilium, домикъ, жилище въ пескѣ (пещера, въ песчаной мѣстности), яма, гнѣздо, вертепъ, развалина, башня, столпъ, и даже «низу захожденіе.» (Лекс. Берынды; Трезычн. Словарь; Алекс. Слов.) Нора и канура, — подземное жилище. У западныхъ Словенъ еще яснѣе. Nor, Nora znamená něco hlubokého; Höhle, Loch, Specus; hlubina, Abgrund, Tiefe, (Jugman. Slownik). Nora, Nor, Nura,— locus praeceps (in praeceps, внизъ); ponor, ponorni — profundus; nurtowaty, — fistulös, fistulae ani; nury, — tiefäugig, finster, düster. Nurta, — hlaub, die Tiefe, (Linde, Slow.) Понорь, у Сербовъ, — мѣсто, гдѣ скрывается рѣка подъ землею. На церковномъ языкѣ «понрѣти», — украдкою куда уйти, скрыться въ тайномъ мѣстѣ, (Шимк. Корнесловъ, 159.) У Иллиръ: noriti, — pendere in praeceps; pendere in precipizio, т. е. висѣть надъ пропастью, крутизною, утесами, стремнинами, (Stulli, Слов. Ил. 591.), Praeceps, какъ прилагательное, значитъ «низринутый.» Norek, nom. viri, — у Чеховъ, и теперь собственное имя. (Iungm.). Изъ этихъ указаній нельзя не вывести заключенія, что слово Норици означаетъ народъ, жившій въ вер-

тонахъ, пещерахъ, жилищахъ, приставленныхъ къ утесамъ въ видѣ гнѣздъ, in locus praeceps, fistulös, finster, въ углубленіяхъ между горъ. А глаголъ «noriti» уже прямо указываетъ на пропасти, стремнины, утесы, крутизны, вообще горы.

Подъ владычествомъ Франковъ, слово Karantanum измѣнилось въ Karintia, какъ свидѣтельствуетъ Warnefried (V, 22): fugit ad Slavorum gentem, in Karnuntum, quod corrupte vocitant: Karantanum. Копитаръ называетъ Karantani, безразлично, всѣхъ Словенъ, жившихъ въ древнихъ Римскихъ провинціяхъ: Foro — Iulii, Rhaetia, Karnia, Норикѣ и Панопіи; ибо «такъ назывались, нѣкогда,» прибавляетъ онъ, «всѣ Словене, обитавшіе на пространствѣ между Сочею (Isonzo) и Дунаемъ.» Prolegomena къ Реймскому Евангелію, гл. II, пар. 13. Слѣдовательно онъ, можетъ быть первый, изъ западныхъ Словенъ, допускаетъ уже, что древніе Karni, Rhaeti, Norici и Pannonii были Словене. Онъ же полагаетъ, что Хорваты (и даже Сербы) суть ничто другое, какъ древніе Норицкіе Словене, жившіе, при владычествѣ Франковъ, между Венеціи и Хорватіи (Богрянороднаго), т. е, въ Франской землѣ, или въ Крайнѣ,—отодвинутые, на востокъ, вторженіемъ Франковъ, которые шли, съ сѣвера на югъ, черезъ Турингію и Норикъ, за Адріатическое море, къ Иллиріи (Prolegomena, 15). Ясно, что Karni, Крайны занимали и Норикъ, который упирался въ Дунай, слѣдовательно нынѣшнюю Австрію, Хорутанію, Штирію и Фріуль. Птолемей (II, 13) причисляетъ къ Норику городъ Iulium Karnicum; слѣдовательно Крайняне тоже что Norici.

Кромѣ поименованныхъ нами племенъ, Стравонъ называетъ, въ Transpadana, еще: Cenomani, Symbri, Medoaki и Istrii. Первые два народа, какъ извѣстно, были Галлы, отнявшіе верхнюю Италію въ VI вѣкѣ, у Тиренъ (выше стр. 55); ибо Symbri Стравоновы суть ничто другое какъ Insubri другихъ географовъ. Всѣ комментаторы и переводчики Стравоновы согласны въ этомъ отношеніи. Что касается до Medoaki, то Bardetti (Primi abitat. dell' Italia) почитаетъ ихъ Евганеями (выше стран. 78); Filiasi (Memor. de' Veneti) называетъ это племя Ретами, а Durandi (Sag. sul. storia, di ant. pop. d' Italia) — Энетами. Всѣ эти мнѣнія совершенно однозначащи, ибо Euganei, Реты и Венеты были вѣтви одного народа. Справедливѣе однакоже согласиться съ Durandi, потому что Medvaki конечно обитали но теченію двухъ рѣкъ: Medvakos major (Brenta) и Medvakos minor (Bacchiglione); а Потава первое гнѣздо Энетовъ,

находилась на Medvakos major и была основана Антеноромъ. Слѣдовательно можно, съ большею вѣроятностію, полагать, что Медваки были тѣже Энеты, называвшіеся по теченію рѣки Medvakos, и тѣмъ правдоподобнѣе, что эта послѣдняя небольшая рѣчька неимѣетъ длиннаго теченія. Прибавимъ къ этому, что по свидѣтельству многихъ этнографовъ древней Италіи, горы, находящіяся между нын. Adige и Vicentino и нѣкогда покрытыя густыми лѣсами, назывались «monti lessini» (Примѣч. De la Porte du Theil, къ Strab. V). Monti lessini, мы можемъ перевести «лѣсные, покрытыя лѣсомъ горы»; ибо дѣйствительно на нихъ росли густые лѣса. Persico, descriz. di Verona, II, 136. (75).

Замѣчательно, что Галлы, покорившіе всю верхнюю Италію и господствовавшіе, надъ среднею, въ продолженіи 300 лѣтъ, никогда не могли поработить древнихъ Венетовъ. Они всегда составляли самостоятельное государство, не подчиненное ни Этрускамъ (T. Liv. V, 33), ни въ послѣдствіи Галламъ (Polyb. II, 3; Strab. V, 2). Эту самостоятельность Венетіи можно доказать нападеніями ихъ на Галловъ, какъ свидѣтельствуетъ Поливій и Т. Ливій. Галлы, разбивъ совершенно Римлянъ, преслѣдовали ихъ три дня сряду, до самаго Рима, который немедленно заняли, за исключеніемъ Капитолія. Въ это самое время Венеты напали на страну Галловъ, въ слѣдствіе чего, тѣ изъ воиновъ Гальскихъ, которые заняли Римъ, принуждены были, для защиты своихъ семействъ, помириться съ Римлянами и поспѣшно возвратиться въ верхнюю Италію. Polyb. II, 4. Слѣдовательно спасли вѣчный городъ, не сами Римляне и даже не ихъ гуси, а Венеты. Въ 225 году, до Р. Х. Галлы, занявъ Этрурію, опять хотѣли напасть на Римъ. Тогда Римляне, страшась этаго вторженія, отправили посольство къ Венетамъ, прося ихъ, для отвлеченія Галловъ отъ вторичнаго взятія Рима,—напасть опять на Боевъ и другіе Гальскія племена, жившія по сосѣдству съ Venetia. Венеты исполнили просьбу Рима, и вторглись, вмѣстѣ съ Cenomanes, въ числѣ двадцати тысячь въ страну Боевъ. Такимъ образомъ эти Бои, составлявшіе многолюднѣйшее племя Галловъ, не могли соединиться съ соотечественниками для нашествія на Римъ, ибо должны были защищать противъ Венетовъ свои земли и семейства. Получивъ о семъ извѣстіе, всѣ другія Гальскія племена, шедшія на Римъ, принуждены были остановиться, не дойдя до города на три дни пути, и этимъ дали Римскимъ войскамъ возможность придти, во-время, для защиты Лаціума. Polyb. II, 5 и 6. T. Liv. Suppl. XX, 35, 36. Тогда Вене-

ты, вторично, недопустили Галловъ также поработить Latium, какъ они уже завоевали всю Италію до Аппенинъ.

Плиній свидѣтельствуетъ, что рѣка Formio составляла западную границу Истріи, а у Aquileia начиналась Karnia, (Plin. III, 22). Если нынѣшняя рѣка Formione, текущая на сѣверъ отъ Capo d'Istria, есть древній Formio, то Venetia продолжалась, на востокъ, до этой рѣки и тогда Tergeste (нын. Тріестъ), Pucinum и рѣку Timava (Ib. III. 22), должно включить въ передѣлы древней Венетіи. Но Стравонъ пишетъ: «послѣ Timava, начинается берегъ, населенный Истрами, которой и продолжается до Pola, а между Timava и Pola крѣпость Tergestae.» Strab. V, 2. И такъ Стравонъ полагаетъ Timava границею между Venetia и Istria, и самый Tergestae пріурочиваетъ къ Истріи. Вѣроятно оба показанія основаны на различныхъ правительственныхъ раздѣленіяхъ Римской республики, которыя существовали, одно, около Рождества Христова, и другое въ 2 вѣкѣ, по Р. Х. Но въ другомъ мѣстѣ тотъ же Стравонъ пишетъ, что Tergestae принадлежалъ Крайнамъ. Strab. VII, 6. Слѣдовательно Istri и Carni, по Стравону, одинъ и тотъ же народъ. На VI картѣ Птолемеевой географіи рѣка Natison положена границею между Venetia и Istria. «Aquileia, была построена (въ 186 году, до Р. Х.) внѣ границъ Venetia,» пишетъ Стравонъ, «для защиты Римскаго міра отъ варваровъ, живущихъ на сѣверъ отъ этого города, который находится въ 60 стадіяхъ отъ моря, по теченію рѣки Natison.» Strab. V, 2. Іорнандъ называетъ Аквилею столицею всей Венетіи (de orig. Getar. XIV). Далѣе Стравонъ прибавляетъ, что «въ самомъ углу Адріатики, находится мѣстность, посвященная Діомиду, которая называется Timava. Это священный лѣсъ, гавань и семь источниковъ, составляющихъ потомъ глубокую и широкую рѣку, впадающую тутъ же въ морѣ. Говорятъ, что эта рѣка вытекаетъ съ ближайшихъ горъ, потомъ уходитъ подъ землю и наконецъ, опять показывается наружу близъ моря.» Strab. V, 2. (76)

Самостоятельность древней Venetia продолжалась, вѣроятно, только до тѣхъ поръ, какъ Римъ окончательно поработилъ Галловъ, занявшихъ верхнюю Италію. Тогда, конечно, и Венетія была обращена въ Римскую провинцію. Первыя нашествія варваровъ въ предѣлы Италіи, произошли въ царствованіе Гонорія (395—423), жившаго постоянно въ Ravena. Тогда Визиготѳы, изъ Панонія, вошли въ Италію, и хотя были въ 403 году разбиты, у Verona, но потомъ дошли до Ravena, взяли Римъ, въ 408, и Аларихъ провозгласилъ себя царемъ Италіи. Iornand. de orig. Getar. IX. Въ концѣ IV вѣ-

ка, Готѳы, Гунны и Аланы, пишетъ Аммiанъ, опустошили всѣ Римскія владѣнія, начиная отъ моря Егейскаго, до горъ называемыхъ Венетскими. Am. Marcel. XXXI, 16. Франки, въ 548 году, заняли всю страну и всѣ города Венетовъ; а Готѳы и Римляне, въ это время, воевали между собою и не могли воспрепятствовать ихъ нашествію. Procop. de bel. Goth. III, 33. Въ половинѣ V-го вѣка, Аттила занялъ Венетію, разграбилъ Aquileia, Миланъ, Ticinum, и опустошилъ всю верхнюю Италію, до рѣки Mincio. Здѣсь встрѣтилъ его (въ 453 г.) папа Левъ и заключилъ съ нимъ миръ, въ слѣдствіе котораго Гунны возвратились за Дунай. Iorn. de orig. Getar. XIV, Нарцесъ, предводитель войскъ Восточной Имперіи, недовольный императоромъ Юстиномъ, пригласилъ Албоина, царя Лонгобардовъ, переселиться въ Италію. Всѣ Лонгобарды, уступивъ тогда Панонію своимъ союзникамъ Аварамъ, немедленно отправились въ Венетію, (въ 568 году), не только съ женами и дѣтьми своими, но пригласивъ съ собою болѣе двадцати тысячь Саксовъ, съ ихъ семействами, Warnefr. II, 5 — 7. Потомъ явились, къ Албоину, въ Италію, еще Свевы, Гепиды и другія племена (Ib. II, 26). Первою жертвою этаго нашествія была Venetia, и въ этой странѣ Лонгобарды основали первое свое герцогство въ Forum — Iulii, а Павелъ, патріархъ Венетіи, принужденъ былъ, изъ Аквилеи, удалиться въ Grados. Ib. 9—10. Тогда же Албоинъ занялъ Vicentia, Verona и всѣ другіе города Венетіи, исключая Potavium и Mantua (Ib. 14); потомъ Миланъ, Ticinum, и всю страну, до южныхъ границъ Тосканы, кромѣ Ravena и Рима (Ib. II, 26—27). Вѣздѣ были опредѣлены особые герцоги: въ Ticinum, Bergamum, Brixia, и въ сорока другихъ городахъ. Каждый, изъ этихъ варваровъ, старался прославиться разрушеніемъ храмовъ Божіихъ, убійствомъ священниковъ, опустошеніемъ городовъ и уничтоженіемъ туземцевъ. Вся Италія страдала тогда подъ тягчайшимъ игомъ Нѣмецкихъ племенъ, Ib. II, 32. Императоръ Маврикій, желая избавиться отъ Лонгобардовъ, нанялъ, за пять тысячь солидовъ, Франковъ съ тѣмъ, чтобы они выгнали враговъ изъ Италіи; но Франки, взявъ окупъ съ Лонгобардовъ, спокойно возвратились во свояси, въ 586 году. Ib. III, 17. Черезъ три года, послѣ этаго (въ 589) Франки опять явились въ Италіи, и вѣроятно, по той же причинѣ, опять перешли Альпы. Ib. III, 22. Въ продолженіи этого времени и сосѣднія страны съ Венетіею, страдали, не менѣе ея, отъ разбоя Нѣмецкихъ полчищъ. Въ концѣ VI вѣка, Тридентскій герцогъ совершенно опустошилъ всю Истрію; всѣ

ея города были разрушены, сожжены и Лонгобарды возвратились оттуда, съ великою добычею, Ib. III, 26. Вскорѣ послѣ этого Хилдебертъ, король Франковъ, послалъ, для грабежа Италіи, многочисленное войско, подъ предводительствомъ двадцати герцоговъ. Они осадили Bibitonis cast. (по Мураторіи), Миланъ, дошли до Verona, грабили и опустошали всю верхнюю Италію, въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ. Тогда были ими разрушены: Tessana, Maleta, Sermiana, Apiana, Brentonika, Bolena, Ennemasa, Alsuka; a Ferruga заплатилъ окупъ. Король Лонгобардіи, въ это время, заперся въ крѣпости Ticinum. Ib. III, 30. (77) Въ концѣ VI вѣка Лонгобарды взяли, разрушили и сожгли Patavium, (Ib. IV, 24); но Ravena была еще въ это время, занята отрядомъ Восточной имперіи и патрицій Романъ, въ 594 году, даже взялъ нѣкототорые другіе города: Sutria, Polimarcha, Horta, Tuder, Ameria, Luceala и Perusia, (Ib. IV, 8.) (78). Въ концѣ этаго же VI вѣка, Лонгобарды, вмѣстѣ съ Аварами, опять ринулись въ Истрію, грабили и жгли все имъ тамъ встрѣчавшееся. Ib. IV, 25. Въ довершеніе нещастнаго состоянія Венеціи надобно прибавить, что самые герцоги Лонгобардскіе очень часто воевали и рѣзались между собою (Ib. IV. 28); а туземцы должны были проливать свою кровь, въ междоусобіяхъ Нѣмецкихъ владыкъ. Такъ, въ 603 году, Agilulf, герцогъ Миланскій, послалъ цѣлой отрядъ, состоявшій изъ Словенъ, взять Kremona, Mantua, Vulturna, Brexilla и приказалъ остатки этихъ городовъ сравнять съ землею. Ib. IV, 29. Въ это время, въ Венеціи, были два патріарха: одинъ жилъ въ Aquileia, подъ начальствомъ Gisulf, герцога Foro-Iulii, а другой на островѣ Grado. Ib. IV, 29. Вѣроятно многіе туземцы не хотѣли повиноваться патріарху, поставленному Нѣмцами, а потому и почитали другаго, жившаго въ Grado, настоящимъ. Здѣсь также можно заключить, что Grado непринадлежалъ Лонгобардамъ.

Въ началѣ VII, вѣка, (послѣ 605), Хаганъ Аварскій вошелъ въ Венетію съ своими ордами, разбилъ на голову Лонгобардовъ, взялъ Foro-Iulii, сжегъ его; а жителей отослалъ въ Панонію, сказавъ имъ: «ступайте туда, откуда вы происходите,» Ib. IV, 38. Вѣроятно онъ этимъ хотѣлъ сказать, что Паноны и Венеты одного произхожденія. Въ это время Лонгобарды укрѣпились въ Gormona, Nemo, Osopo, Artana, Revnia, Glemona, Ibligo (нынѣ Ipla). Ib. IV, 38. (79) Между 605 — 616 годами Лонгобарды завладѣли долиною Zellia (нынѣ Geilthal), въ Крайнѣ, и всею страною до Matoria (на границѣ Истріи, близъ Тріеста); они принудили этихъ Крайновъ платить имъ по-

дать. Но въ Opitergium тогда властвовалъ еще Римскій патрицій. Ib. IV, 40. Вскорѣ однакоже былъ взятъ и этотъ городъ, послѣднее владѣніе Восточной имперіи въ Венетіи (послѣ 616 года). Потомъ опять онъ былъ разграбленъ и даже жители переселены въ другія мѣста (V, 28). Opitergium находился между Forum-Iulii и Treviso и теперь называется Oterzo; но Ravena еще принадлежала Византійцамъ. Въ первой половинѣ VII вѣка, не только вся сѣверная Италія, но Taurinum, Spoleto, Benevento, Capua и др. города имѣли, каждый, своего особаго герцога Лонгобарской крови, (до 663 года). Ib. IV, 53. Въ 661 году Франки опять перешли Альпы, но были разбиты Лонгобардами, при Hosta, въ Піемонтѣ; Ib. V, 5. Герцоги Лонгобардскіе продолжали вести междоусобную войну, и во второй половинѣ VII вѣка. Grasolf ограбилъ Aquileia и Gradus; а Grimoald призвалъ въ Венетію, (въ 663 году) даже Хагана Аварскаго, который овладѣлъ Forum-Iulii и занялъ всю страну; Ib. V, 17 — 20. Arnefried, герцогъ Forum-Iulii, бѣжалъ тогда къ Словенамъ, въ Karnunta и, при ихъ помощи, хотѣлъ опять овладѣть своимъ герцогствомъ; (V, 22). Словене разбили свой станъ у Brossar (Prosasco: Просакъ) и опять осадили Forum-Iulii. Здѣсь Vektari, сдѣлавъ вылазку изъ крѣпости, только съ двадцатью пятью воинами, разбилъ, будтобы, на голову, пять тысячь Словенъ и положилъ почти всѣхъ на мѣстѣ! Ib. V, 23. Между 700 и 706 годами упоминается война, между Словенами и герцогомъ Foro-Iulii; они его разбили совершенно. Тогда были убиты всѣ знатные Лонгобарды и всѣ дворяне герцогскіе. Ib. VI, 24. Около 707 года опять Словене сражались съ Лонгобардами, близъ Lavrana, въ Истріи; но скоро заключили миръ. Ib. VI, 45. Вскорѣ послѣ этаго герцогъ Foro-Iulii, въ слѣдствіе безпрерывныхъ смутъ, между Лонгобардами, хотѣлъ удалиться въ страну Словенъ; Ib. VI, 51. Новый герцогъ Forum-Iulii напалъ, немедленно на Словенъ, жившихъ въ ихъ отечествѣ Karniola (Крайнѣ, patria Slavorum, IV, 40), предалъ ихъ мечу и разграбилъ всю ихъ страну (около 737 года). Ib. VI, 52; и Mannert, III, 592. Ravena, въ половинѣ VIII вѣка, принадлежала еще Восточной Имперіи; Ib. VI, 54. Въ 752 году Лонгобарды опустошили Истрію и даже заняли Равену (Lebeau. Hist. du bas Emp. VI, 403). Черезъ двадцать два года, послѣ этаго, Лонгобардское царство уже не существовало въ Италіи. Карлъ великій, въ 774 году, взялъ Павію, Верону и занялъ все бывшее королевство. Послѣдній король Лонгобардовъ, былъ отправленъ, съ женою и дѣтьми, на жительство во Францію. Такъ рушилось

лось одно изъ сильнѣйшихъ царствъ, основанныхъ Нѣмцами; оно цѣлыхъ два вѣка тяготѣло надъ несчастною Венетіею, Истріею и Крайнрю. (Ib. VI, 465).

Въ V и VI вѣкахъ, въ продолженіи всѣхъ нашествій Готѳовъ, Гунновъ, Аваръ, Франковъ, Лонгобардовъ, на Венетію, туземцы толпами уходили отъ нихъ на острова, находящіеся въ углу Адріатическаго моря. Всѣ семдесятъ два острова служили неприкосновеннымъ убѣжищемъ, для древнихъ Венетовъ, и здѣсь составилось сильное, многолюдное и предпріимчивое народонаселеніе. Конечно, съ самаго водворенія тутъ Венетовъ, они уже имѣли свое правительство и избирали старшинъ (посадниковъ въ городахъ), какъ всѣ другія племена Пелазго-Ѳракійскія. Ихъ патріархъ также поселился на островѣ, въ Grados, т. е. городѣ, тутъ построенномъ, еще при владычествѣ императоровъ. Самая Venetia, на нѣсколькихъ островахъ основанная, уже показана на картахъ V и VI, при географіи Птолемеевой. Имена первыхъ ея посадниковъ не дошли до насъ; знаемъ только, что въ концѣ VII вѣка, Paulиccio былъ начальникомъ Венеціи (Lebeau, Hist. du bas Emp. VI, 291). Въ 729 году, Венеты, жившіе на островахъ, имѣли уже сильный флотъ и многочисленное войско, ибо взяли, у Лонгобардовъ, весьма укрѣпленную Равену, и разбили совершенно цѣлую ихъ армію, шедшую на выручку Равены. Потомъ Венеты отняли, у этихъ поработителей Италіи, всю страну, извѣстную подъ названіемъ Pentapole и всѣ пять городовъ, составлявшихъ эту область; Ib. VI, 365. (80)

Что касается до Истріи, то первыя нападенія Римлянъ, на эту страну, начались, за два вѣка до Р. Х. Послѣ счастливой войны противъ Иллиръ (230—229), Римляне напали на Истровъ, въ 221 году, до Р. Х. но всѣ дѣйствія двухъ посланныхъ, въ Истрію, консуловъ, ограничились опустошеніемъ прибрежныхъ мѣстъ. Ливій упоминаетъ объ этой войнѣ мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ, безъ малѣйшихъ подробностей, прибавляя, что она стоила Римлянамъ большой потери воиновъ, въ слѣдствіи чего консулы не могли даже получить дозволенія на торжественное шествіе въ Капитолій (T. Liv. XX, 56). Въ слѣдующемъ году Истры, вмѣстѣ съ Иллирами, воевали противъ Рима (T. Liv. XX, 57), слѣдовательно они не были покорены консулами. Но, въ 178 г. до Р. Х. Ливій описываетъ уже дѣйствительную войну. Консулъ Манлій, начальствовавшій въ сѣверной Италіи, тогда наслаждавшейся совершеннымъ спокойствіемъ, — напалъ, неожиданно и безъ дозволенія сената, на Истровъ, желая, при-

бавляетъ Ливій, получить право на торжественное шествіе въ Римъ. Легіоны выступили изъ Aquileja и разбили станъ на берегу Тимавы, близъ моря. Сюда также прибылъ Фурій, съ десятью кораблями, наполненными съѣстными припасами и три тысячи Галловъ, союзниковъ Рима. Истры бросились на станъ консула и всѣхъ, тамъ ими захваченныхъ Римлянъ, положили на мѣстѣ. Найдя тутъ много мяса, вина и всякаго рода продовольствій, — Aepulo (rex), предводитель Истровъ, полагая, что всѣ Римляне убиты, предложилъ своимъ воинамъ пиръ, въ самомъ станѣ Римскомъ. Истры, отягченные виномъ и разнаго рода яствами, расположились тутъ спокойно ночевать. Между тѣмъ, тѣ изъ Римлянъ, которые успѣли скрыться и три тысячи Галловъ, соединясь, напали, ночью, на сонныхъ и убили, въ самомъ станѣ, до восьми тысячь Истровъ; но предводитель Aepulo спасся, съ остальными, и консулъ возвратился зимовать въ Aquileia. T. Liv. XLI, 1—5. Въ слѣдующемъ году (177, до Р. Х.) было назначено, въ Истрію, два легіона, каждый въ 5,200 пѣшихъ и 300 конныхъ воиновъ; сверхъ того двѣнадцать тысячь пѣшихъ и 600 конныхъ союзниковъ Рима, всего болѣе 23,000 войска, которое должно было отправиться въ Истрію, подъ начальствомъ вновь назначенныхъ консуловъ. Между тѣмъ, консулы, избранные въ прошедшемъ году, вышли, изъ Аквилеи и начали грабить Истрію. Туземцы, наскоро соединившіеся, были разбиты; потомъ заперлись, въ своихъ городахъ и наконецъ, просили мира. Но тогда прибыли, въ Истрію, тѣ 23,000 войска Римскаго, съ новымъ консуломъ, которые назначены были для покоренія всей страны. Консулъ осадилъ Neusactium; а дабы лишить осажденныхъ воды и ближе подойти къ городу, приказалъ отвести, отъ стѣнъ Neusactium, протекавшую тутъ рѣку, посредствомъ выкопаннаго рва. Городъ былъ взятъ и всѣ его жители, съ предводителемъ Aepulo, погибли. Потомъ консулы разрушили еще два города Mutila и Foveria и получили огромную добычу. Около шести тысячь плѣнныхъ было продано въ рабство; другихъ, по обычаю Римскому, сѣкли розгами и потомъ рубили имъ головы. Много взято было въ заложники, и окончательно Истрія была порабощена. T. Liv. XLI, 9—11. (81).

Въ числѣ всѣхъ городовъ Истріи примѣчательнѣйшій былъ, конечно, Pola. Богатство, многолюдность и обширность его подтверждаются, неоспоримо, остаткомъ театра и сохранившимся еще теперь огромнымъ амфитеатромъ древняго зодчества, неуступающаго, въ важности, самому Колисею Римскому. Слѣдуя Еллинской баснѣ,

Колхи, посланные въ погоню за Медеею, прибыли въ Истрію, на кораблѣ, по теченію Дуная, и здѣсь построили Полу. Опровергать эту нелѣпость не стоитъ труда, ибо всѣмъ древнимъ географамъ очень было извѣстно, что Дунай отдѣляется отъ Адріатики высокимъ кряжемъ горъ, и что, по его теченію, нельзя плыть изъ Чернаго моря, въ Адріатическое. Сходство и созвучіе имени, всегда давали Грекамъ поводъ изобрѣтать такія бредни. Такъ и здѣсь Истра (Дунай) и Истрія (страна) были основаніемъ выдумки Еллинской, къ которой прибавили еще другую басню: будтобы Pola, на языкѣ Колховъ, значитъ «городъ изгнанниковъ» (Callimachi fragmenta, CIV), Юстинъ свидѣтельствуетъ, что Колхи никогда не жили въ Полѣ, а будто бы поселились въ Aquileia (Iust. XXXII, 3); а Аполлоній, въ IV пѣснѣ своей Argonautica, пишетъ, что всѣ Колхи, до единаго, были убиты Аргонавтами. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ, не могли основать Полы. Ликофронъ, въ III вѣкѣ, до Р. Х., разсказывая эту сказку, прибавляетъ:

Civesque capiet Crathis omnes Colchicis
Polis propinquus Mylacumque terminis,
Quoscumque misit quaeritantes filiam
Aeae et Corintho, sponsus Eidyae, imperans,
Venans carinam perfidae sponsae vehem:
Qui limpidum accoluere Dizeri alveum.

(Licophronis Cassandra, translata per J. Scaligerum, p. 489). Слѣдовательно рѣка, орошавшая стѣны Полы называлась, въ древнѣйшія времена, Dizero. Теперь, тутъ нѣтъ рѣки; но Fortis, свидѣтельствуетъ, что пересохшее русло, исчезнувшаго потока, (alveus) видно и нынѣ, а самое «озеро» еще существуетъ и такъ же точно, живущими тутъ Словенами, называется «Езеро,» какъ Ликофронъ именуетъ (съ прибавкою одной буквы) рѣку, здѣсь нѣкогда, изъ этаго озера, вытекавшую, и которая впадала въ Адріатику. Вѣроятно даже, что Ликофронова рѣка, была ничто другое, какъ узкое продолженіе того же озера. Fortis, sopra l'isola di Osero, p. 17—19. Ясно, что слово dizero, за три вѣка до Р. Х., есть чисто Словенское «езеро, озеро.» Это слово коверкали Еллины: azaros, osoro, nyzeros, даже absoros, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ Болгары и теперь говорятъ «незеро,» вмѣсто озеро (Шафар. Народоп.) Въ имени города Pola слышится звукъ чисто Словенскій; «поле, поляна, поля (какъ, у Каллимаха, во множественномъ: Πόλας; Fragm.

104). Пола дѣйствительно построена на самомъ ровномъ берегу Истріи и со всѣхъ сторонъ окружена обширной равниной. Извѣстно, какъ часто Словене называли свои города и цѣлыя области, по мѣстности ихъ окружавшей. Вспомнимъ нашихъ Полянъ, Поляковъ, Полянцовъ, Полеховъ, и мн. др. (82).

Стравонъ (IV, 6), въ общее описаніе страны племенъ Norici, Karni, Istri, включаетъ еще племя Iapodes, полагая его мѣстожительство между Адріатики и рѣки Кульпы (Kolpas), на сѣверъ отъ Aquileia и Tergaestae. «Iapodes были нѣкогда знамениты,» пишетъ Стравонъ, «обширностію страны, которая имъ принадлежала, по обоимъ отклонамъ горъ (планинъ), многочисленностію всего народа и господствомъ своимъ надъ сосѣдними племенами. Но Августъ ихъ покорилъ и теперь, между ими, живутъ такъ же Иллиры и потомки Кельтовъ (Таврисковъ, Боевъ). Ихъ города называются: Metulum, Arupenum, Monettium и Vendum. Непосредственно, послѣ страны Яподовъ, начинается область, окружающая Сегесту, городъ построенный на рѣкѣ Савѣ, впадающей въ Истру. Сегеста есть Римская крѣпость, на самой границѣ Дакіи.» Strab. IV, 6. Въ другомъ мѣстѣ Стравонъ пишетъ, что» Iapodes, начиная отъ Истріи, занимали весь берегъ по Адріатикѣ, на пространствѣ 1000 стадій, до страны Liburnes (Иллиръ). Отсюда (отъ Адріатики) на сѣверъ, Iapodes простирались до Panonii и до самаго Дуная. Черезъ ихъ страну протекала рѣка Kolapis, (Кульпа). Они сѣютъ просо, имъ предпочтительно питаются (пшеномъ), и разрисовываютъ (татуируютъ) свое тѣло, какъ всѣ другія Иллирскія и Ѳракійскія племена.» Strab. VII, 6. (83).

Венеты Адріатическіе очень знамениты, пишетъ Поливій, у всѣхъ нашихъ поэтовъ; наши трагики разсказываютъ много чудеснаго объ этомъ народѣ. (Polyb. II, 3). По переселеніи своемъ въ Италію и при самомъ выходѣ, изъ своихъ кораблей, Энеты разбили Пелазговъ—Euganei, и оттѣснивъ ихъ внутрь страны, къ Vicenza и въ горы Lessini, заняли всю область, получившую, отъ ихъ имени, навсегда названіе Venetia. Потомъ отрѣзанные, нашествіемъ Галловъ, отъ остальной Италіи, Венеты, въ продолженіи четырехъ столѣтій, постоянно противоборствовали всѣмъ усиліямъ этихъ варваровъ поработить Венетію. Часто сами нападали на Галловъ, вели съ ними счастливые войны и даже два раза отвлекли ихъ отъ порабощеніе Лаціума (выше, стр. 87). Венеты, въ продолженіи этаго времени, были постоянными союзниками Рима, имѣя общаго врага—Галловъ, окружавшихъ ихъ съ юга и запада. Конечно при занятіи всей верхней

Италіи Римскою республикою, Венеты должны были неминуемо ей покориться; но какой же народъ, древней Италіи, могъ устоять противъ устройства Римскихъ легіоновъ, коварной политики и настойчивости вѣчнаго Рима?

Промышленность, искуства, науки и торговля древней Венетіи, также засвидѣтельствованы древнимъ міромъ. О произведеніяхъ ея промышленности и искуствъ мы уже говорили выше, стр. 79; теперь скажемъ о торговлѣ и дошедшихъ до насъ памятникахъ. Aquileia была складочное мѣсто тѣхъ товаровъ, которыми Римскіе подданные производили торговлю съ народами Иллирскаго (Өракійскаго) происхожденія, жившими по берегамъ Истры (вообще отъ Аквилеи до Дуная и по теченію этой рѣки). «Всѣ эти народы получаютъ, отъ Римлянъ, масло (растительное), соленые жизненные припасы (мясо, рыбу, коровье масло?) и вино, въ деревянныхъ сосудахъ (бочкахъ), которое они отправляютъ, къ себѣ, на подводахъ. Римляне берутъ отъ нихъ (по-Дунайскихъ племенъ): скотъ, мѣха, и рабовъ. Вверхъ, по теченію рѣки, составляющей границу, между этими народами и Римскою республикою, могутъ плавать корабли, отъ впаденія ея въ морѣ, до Noreia, на разстояніи 1200 стадій, т. е. до того мѣста, гдѣ Cn. Carbo былъ разбитъ, (въ 113 г. до Р. Хр.), Кимврами. Тутъ находятся и пріиски золота и желѣза». Strab. V, 2. Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же Стравонъ пишетъ, что вся торговля Сегесты, съ Италіею, производилась посредствомъ Venetia и Aquileia. Strab. VII, 6.

Поливій положительно свидѣтельствуетъ, что и въ его время (во 2 вѣкѣ, до Р. Х.), языкъ Венетовъ никакого не имѣлъ сходства съ Гальскимъ. Въ это время Германскіе народы еще не нападали на Италію и даже не подходили близко къ ней; Венетскій языкъ, конечно, не могъ быть Нѣмецкимъ. Онъ не былъ также ни Греческимъ, ни Латинскимъ. Слѣдовательно остается одинъ Пелазго-Өракійскій, къ которому мы должны отнести нарѣчіе Венетовъ. И самое ихъ географическое положеніе это подтверждаетъ. На западъ, отъ нихъ, жили Венделики; на сѣверъ Крайны, Норики, Паноны; на востокъ Истры и другіе Иллиры, причисляемые къ Өракійскимъ племенамъ. Самыхъ Венедовъ, Иродотъ и Апіанъ (de bel. Jllyr. 1), называютъ положительно Иллирами (выше, стр. 78); а Iornandes пишетъ: «Иллиры, иначе Венеды, живутъ по берегамъ Адріатики» (de temporum successione, IX). Vendelici, или Этрусски, были потомки Лидовъ, а Venetes происходили отъ Бреговъ-Троянъ; слѣдовательно оба нарѣчія были Пелазгическія и должны были быть сходны между собою.

Древнѣйшія надписи, находимыя въ странѣ, принадлежавшей Венедамъ, въ Padova, въ Adria и въ окрестностяхъ этихъ городовъ всѣ писаны Этрусскими буквами. Lanzi, Sag. di ling. Etrus. II, 566—569. Что касается до языческой вѣры и богослуженія, то конечно онѣ были тѣже, какъ у всѣхъ Пелазгическихъ племенъ, въ особенности, у Этрусковъ. Знаемъ только. что Henetes совершали ежегодно особенное торжество, въ продолженіи котораго приносили, въ жертву, «бѣлаго коня». Strab. V, 2. Это неминуемо указываетъ на поклоненіе Солнцу, верховному божеству Пелазговъ, см. выше стр. 18. (84).

Собравъ всѣ извѣстія, какія мы могли найдти у древнихъ писателей, о Пелазгахъ-Венетахъ, мы здѣсь присоединимъ еще указанія, извлеченныя изъ Tabula Jtineraria Peutingeriana и Jtinerar. Antonini. Первая есть почтовая карта Римскаго міра, составленная, какъ полагаютъ, въ первой половинѣ третьяго вѣка; но сохранившаяся въ новѣйшемъ спискѣ. По мнѣнію другихъ ученыхъ, она сочинена въ половинѣ втораго вѣка; потомъ исправлена, при им. Θеодосіи II, и дошла, до насъ, въ позднѣйшей копіи. Дорожникъ Антонина содержитъ показаніе всѣхъ дорогъ Римской имперіи, въ IV вѣкѣ. (Mannert, III, 597.) Изъ обоихъ мы узнаемъ, въ древней Венделикіи, Норикѣ, Крайнѣ, Venetia, Panonia, etc. множество Словенскихъ названій городовъ, мѣстечекъ, почтовыхъ перемѣнъ, существовавшихъ, во всѣхъ этихъ за-Дунайскихъ странахъ, въ II, III, и IV вѣкахъ, по Р. Х.

Дороги въ Ретіи и Венделикіи:

Городъ Curia, нынѣ Kur, въ Швейцаріи. Это Куровъ, Курово, отъ куръ, пѣтухъ. Въ Balusii capitul. reg. Franc. T. 1, p. 441: «ducatus Curiensis, cum pago Durgowa», т. е. Драгово, Турово. Нѣмцы Durgowo превратили въ Turgau. Mannert, III, 600.

Отъ Кура, въ 16 миляхъ, Magia; а отсюда до Klunia (Клуня), у Рейна, еще 18 миль.

Еще далѣе, на 16 миль, городъ Bregantia (нынѣ Брегенцъ), отъ Бреги, Brigi, Breges, горцы, сошедшіе съ горъ Voralsberg и тутъ основавшіе свой городъ (выше стр. 61). Замѣтимъ что Брегенцъ назывался, по Notitia Imperii: Confluentes; слѣдовательно два имени, одно туземное, другое Латинское. Mannert, III, 602.

Targetium, у Птолемея, тамъ, гдѣ нынѣ Lindau. Это Торгъ, торжище, какъ подобныя имена, у Крайновъ: Tergestae, Opi-tergium, близъ Аквилеи (Am. Marcel. XXIX, 6). У насъ: Търгъ, Торговище, Торжекъ.

Vemania, нынѣ Wangen въ 15 миляхъ отъ Брегенца, по дорогѣ

на нынѣшній Augsburg. Здѣсь постоянно находился Римскій легіонъ, для защиты границъ отъ Свевовъ. Notit. Imper. у Mannert, III, 604. Въ Черногоріи извѣстно село Войманово (карта, при путеш. Ковалевскаго).

Kassiliaka, далѣе по тому же направленію, срав. съ Kassiak, въ Герцеговинѣ и Kaviliak, въ Сербіи. (Boué, Turq. I, 54; II, 368).

Viaka, въ 20 миляхъ отъ Augusta Vendelicorum, срав. съ Viaska, въ Хорватіи (Boué, Turq. I, 39, и нашими: Вятка, Вята и проч.

Novoae (Новая); Rapae (Рипы); Guntia (Гонтъ), въ 22 миляхъ отъ Augusta Vendelicorum, при впаденіи Werta въ Lech. Domasia, называлось укрѣпленное мѣсто племени Likates, (Ляхитъ, Полеховъ) и находилось въ горахъ. Strab. IV. Срав. съ Doumascha, въ Сербіи. Boué, Turq. I, 109.

Augusta Vendelicorum была главная крѣпость Римлянъ, для защиты Венделикіи отъ нападавшихъ, съ этой стороны, на имперію, Гермундуръ, Свевовъ или Алеммановъ и другихъ Нѣмецкихъ племенъ. Въ этомъ городѣ поселена была сильная Римская колонія, которую Тацитъ называетъ: Splendidissima Rhaetiaę colonia (German. 41). Augusta прото — Словенскій городъ, какъ по имени (Vendelicorum) такъ и по двумъ рѣкамъ, омывавшимъ его стѣны; тутъ Virdo, нынѣ Wertach (Варта) впадаетъ въ Licos, нынѣ Lech (Ляхъ).

Отъ Augusta Vendelicorum, (или Vendelicum, какъ на Tab. Peuting.), другая дорога, на нынѣшній Inspruk, пролегала черезъ:

Ad Novas, на Ляхѣ; Новая. Можетъ быть нынѣшнее мѣстечко Lechfeld, (Поле Ляха). Потомъ шла на Abodiakum, или Abuzakum, на Koveliakae (Кобеляки), Skarbia (Скарбъ), гдѣ нынѣ Bergpass Scharnitz (Чернецъ) и Veldidena, нынѣ Welden, на югъ отъ Инспрука. Это Велія Дѣдина, какъ Додона, у прото-Словенъ въ Эпирѣ; Doden, у Больтійскихъ Поморянъ и въ другихъ мѣстахъ (выше, стр. 21). Далѣе, въ 18 миляхъ отъ Veldidena, находилась Matra, нынѣ Matrey, на рѣкѣ Силѣ.

По дорогѣ, вдоль берега Дуная, изъ нынѣшней Швейцаріи, отъ Vindonissa (видимо Вендскій городъ) на сѣверъ, переправясь на другую сторону Рейна:

Brigopana, на рѣкѣ Breg, Brig, составляющей начало самой Истры (Времен. XIII, 77). Срав. Брегальница, горная рѣка, въ Македоніи, (Boué, Turq. I, 172); Бѣлые Бреги, у насъ, на Волынѣ, и др.

Samolucena; тутъ переѣздъ съ одной стороны Дуная, на другую. Самолука, Самолучина, Семилуки.

Septemiaci, гдѣ нынѣшній городокъ Hochstädt. Ситомячь.

Lozodika,, въ 7 миляхъ отъ предъидущей.

Mediana, противъ нын. Donauwerth. Мѣдная, Мѣдяна.

Leiniakum, при впаденіи Ляха, въ Дунай.

Biriciana, въ 7 миляхъ отъ предъидущей. Бирючина.

Vetaniana, при впаденіи Acha, въ Дунай.

У Птолемея, по этой же дорогѣ, вдоль Дуная, три города: Drakvina, Viana (Вѣна), Phaniana. Mannert. III, 619.

Radaspana; такъ назывался нынѣшній Regensburg, даже еще въ VII вѣкѣ. Mannert, III, 621. Radaspana и Augusta Vendelicorum были главные укрѣпленные города, въ Vendelicia, всегда занятые Римскими легіонами, назначенными для отраженія Свевовъ и другихъ Нѣмцевъ, безпрерывно переходившихъ Истру, для грабежа Венделиковъ, какъ свидѣтельствуетъ Itinerar. Antonini, p. 250.

Serviodura, въ 28 миляхъ отъ Radopana, гдѣ нынѣ Straubing, на Дунаѣ, можетъ быть отъ Сербъ, Servia. Между Serviodura и нынѣшнимъ Passau, часто переходили черезъ Дунай Туринги; грабили и разоряли, жившихъ тутъ Словенъ, какъ видно изъ Vita S. Severini, c. 19—27. (Mannert, III, 624.)

Vaellata, въ 16 миляхъ отъ Augsburg.

Esco (Веска, см. пр. 9), близъ нынѣшняго Kempten.

Abodiaka, нынѣ Peisenberg.

Urusa, въ 13 миляхъ далѣе.

Bratanana, въ 12 милямъ отъ предъидущей. Братанина, какъ Братовщина, близъ Москвы.

Isuniska, Isinisca, еще далѣе на 12 миль.

Bedaio, Bedajus, Badako, въ 18 миляхъ, отъ предыдущей, около нынѣшняго Seebrück.

Отъ Veldidena, близъ нынѣшняго Инспрука, дорога пролегала, черезъ горы, до Pons Aeni, отъ котораго ближайшее мѣсто называлось Turum (Торунь, Туранъ); потомъ Iovisura, можетъ быть нынѣшній городъ Braunau, на Иннѣ.

Дороги въ Крайнѣ и Норикѣ:

Въ Крайнѣ, отъ Aquileja, на Тагліаменто, шла дорога до Iulium Karnicum (Zoglio). На ней:

Loncium, въ 30 миляхъ отъ Iulium Karnicum.

Aguntum, нынѣ Innichen, при началѣ Дравы.

Littana, въ 23 миляхъ отъ Aguntum.

Setata, или Sullavio, еще далѣе, также на 23 мили.

Большая дорога, пролегавшая, черезъ Норикъ, отъ запада (Vendelicia) на востокъ (въ Панонію), вела черезъ:

Iuvaro (Яворъ), который былъ взятъ и разоренъ Герулами, въ V вѣкѣ; теперь Salzburg. Mannert. III, 635. Въ VI вѣкѣ онъ назывался еще Salagowa (выше стр. 69).

Laciaka, нынѣ Vöckelmarkt.

Tergolapa, въ 18 миляхъ отъ Laciaka.

Ovilaba, Ovilava, еще на 14 миль.

Ioviakum, въ 27 миляхъ отъ Ovilava.

Stanako, отъ предыдущаго въ 18 миляхъ, на Иннѣ.

Lavriaka, въ 26 миляхъ отъ Ovilaba, было мѣстопребываніе третьяго легіона, стоянки Дунайской флотиліи и Scutaria (приготовленіе щитовъ, для Римскихъ войскъ), по Not. Jmperii. Mannert. III, 637. Изъ жизни Св. Северина открывается, что тутъ Руги, съ Одоакромъ, перешли Дунай, ограбили и повлекли жителей, съ собою, въ Италію. Наконецъ городъ былъ совершенно разрушенъ Аварами, въ VI вѣкѣ. Mannert. III, 638. Амміанъ Марцелинъ (XXXI, 10) называетъ этотъ городъ Lavrak.

Lentia, нын. Lintz. Тутъ также постоянно находился одинъ легіонъ, для защиты по-Дунайской страны, отъ нашествій варваровъ. Близъ Lentia извѣстны: Fasiana и Kanabiaka.

Arelata, Aredata, Arlapa, укрѣпленной городъ на Дунаѣ, въ которомъ всегда стояла Далматская конница и часть Дунайской флотіи (Jtiner. Antonini. p. 248), для защиты Римской границы, отъ Нѣмцевъ, кочевавшихъ на лѣвой сторонѣ Дуная. Mannert. III, 639.

Namore, въ 7 миляхъ отъ предыдущаго и также на Дунаѣ.

Trigisama, 16 миль отъ Namore, близъ Дуная.

Komagena, на рѣкѣ Tulina, нынѣшней Tuln. Тутъ перешли Дунай, въ V вѣкѣ, Руги, съ другими Нѣмецкими племенами, и здѣсь они разбили свой первой станъ въ Норикѣ, откуда, въ послѣдствіи, Нѣмцы разпространились по всей за-Дунайской странѣ (Vita S. Severini, c. 1).

И наконецъ Vindobona, Vindomina, нынѣшняя Вѣна, находившаяся, уже въ Пановіи.

Другая дорога пролегала, черезъ Норикъ, отъ юга на сѣверъ, т. е. шла изъ Италіи, до Дуная. По ней:

Первое мѣсто, отъ Aquileia, въ 30 миляхъ, называлось Viam Beloio, на Сочѣ (Jsonzo). Видимо Бѣлая.

Larix, теперь Плецъ, въ 24 миляхъ, къ сѣверу, и уже въ Крайнѣ. Еще далѣе, на 27 миль, Santicum, или Sianticum.

Virunum, или Varunum, въ 30 миляхъ отъ предъидущаго, Римская колонія и значительный городъ Норика (Plin. и Ptolem.), близъ нынѣшняго Цѣловца (Clagenfurt), на мѣстѣ, теперь называемомъ, по Нѣмецки, Solfeld. Послѣднее имя происходитъ отъ каменнаго княжескаго престола (столъ, по древле Словенски), съ котораго Краинскіе владыки, при вступленіи своемъ въ управленіе страною, обѣщали справедливый судъ своимъ подданнымъ (Mannert. III, 645) и клялись сохранять Христріанскую вѣру, на что указываетъ и самая надпись, на этомъ тронѣ изсѣченная: Ma sveti veri, т. е. имѣетъ Св. вѣру. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1842, XXXIII, отд. IV; 17). «Поле стола», Нѣмцы перевели: Solfeld; а лѣтописцы среднихъ вѣковъ называли его prata Soliensia (Chron. Leobiense, II, 1287).

Далѣе, по дорогѣ къ Дунаю, находились: Kandalika, Matukaium, Noreia. Послѣдній замѣчателенъ, какъ нѣкогда бывшій главный городъ Норика, но уже несуществовавшій при Плиніѣ (III, 19). До покоренія Нориковъ Римомъ, въ Noreja, было главное торжище, на которое пріѣзжали Римскіе купцы мѣнять свои товары на произведенія почвы при-Дунайскихъ странъ (выше, стр. 96), изобилующихъ и теперь желѣзомъ и другими металлами. Отсюда, до Uscellae, щиталось 27 миль. Эта почтовая перемѣна находилась, именно, въ самомъ ущельѣ, при переѣздѣ черезъ горный хребетъ (Mannert. III, 647).

Еще далѣе: Siriate, Gabromaga (Windischgarste), Zabatinka, Ovilaba (нын. городокъ Wels) и наконецъ дорога оканчивалась у Lavriacum, на самомъ Дунаѣ, гдѣ нынѣ городъ Ens, при впаденіи рѣки этаго имени въ Истру.

Черезъ Норикъ проходила еще одна дорога, начинавшаяся у нын. Salzburg, и которая вела, на югъ, къ Адріатикѣ, черезъ: Kukulae, Taur, Inimura (на Мурѣ), Graviaci, Tarnasix, Biliandrum, (нынѣ Gradez), Kolatio (при переходѣ черезъ кряжъ Korvankas), и Upelli, на Савѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ городовъ, Плиній и Птолемей упоминаютъ еще о Teurnia, или Turnia. Послѣ уничтоженія Нѣмцами Viruna, древней столицы князей Хорутанскихъ, стольнымъ городомъ послѣднихъ былъ, долгое время, Turnia, котораго развалины еще видны, на рѣкѣ Савѣ. Въ жизни Св. Северина Turnia названа Tiburnia. Mannert. III, 653.

Мы здѣсь невыписываемъ, изъ Tabula Peutingeriana, остальныхъ мѣстъ и городовъ, потому, что они всѣ имѣютъ имена, видимо, Латинскія, данныя имъ Римлянами, въ замѣнъ туземныхъ. Вотъ нѣкоторые: Lapidaria, Campi Canini (Песьеполе), Arbor felix, Castra regina, Castra Augustana, Castra Batava, Oppidum Batavinum, (гдѣ стояли Батавскія

когорты, для защиты по-Дунайской границы), Submontorium, Locus или Lagus Felicis, Iuliomagus, Pontes Renses, pons Drusi, ad pontes Tessenios, и др. Всѣ эти имена замѣнили туземныя Вендскія и Норицскія названія, и въ свою чреду были вытѣснены нынѣшними Нѣмецкими, при окончательномъ онѣмеченіи по-Дунайскихъ странъ. — Что касается до прото-Словенскихъ названій мѣстъ въ Паноніи, то изчисленіе ихъ, по Пейтингеровой картѣ, отлагаемъ до описанія Панонiи. Скажемъ только здѣсь, мимоходомъ, что тамъ, въ III—V вѣкахъ, мы встрѣтимъ такихъ именъ гораздо болѣе, чѣмъ въ Vendelicia и Норикѣ, потому, что въ Панонiи Нѣмцы находились временно и не заселили эту страну, какъ Баварію, Тироль и другія, болѣе на западъ лежащія области. Эти имена можно видѣть, частію, въ Времен. X, 100, 101. (85).

Доказывая, что Словене суть потомки Пелазго — Ѳраковъ, мы должны неминуемо представить свидѣтельства, что и языки Пелазгическихъ племенъ имѣютъ сходство съ нарѣчіями Словенскими. Для этаго сравненія, мы имѣемъ надписи Обричей, Этруръ, Осковъ и Венетовъ. Нарѣчія этихъ племенъ, въ эпоху начертанія надписей, уже сильно измѣнились, въ отношеніи къ первобытному языку Пелазговъ, отъ примѣси a) Галловъ, располагавшихъ самовластно, съ VI вѣка, до Р. Х. половиною Италіи; b) Елинъ, которыхъ колоніи окаймили всю южную Италію (Magna Graecia); c) Лигуръ, господствовавшихъ надъ всею сѣверо-западною частію Италіи, до самой Тиреніи, и наконецъ d) отъ сброда Иверъ, Кельтовъ и другихъ иноязычныхъ племенъ (86), поселившихся въ самомъ Римѣ (выше стр. 6). Всѣ эти чужеземные элементы сильно и долго дѣйствовали на языкъ Итальянскихъ Пелазговъ. Со всѣмъ этимъ, мы увидимъ, что, если Lanzi находитъ сходство между нарѣчіемъ Обричей и языками Елинскимъ и Латинскимъ, то это сходство не менѣе ощутительно, при сравненіи Пелазго—Италійскихъ нарѣчій съ древле Словенскимъ языкомъ. Доказательства нашего мнѣнія, мы представимъ, въ одной, изъ слѣдующихъ книжекъ, Временника. (87).

Д. Членъ А. Чертковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Je suis au but d'où l'on aperçoit tout le cercle dans lequel j'ai trouvé et montré les Pélasges, non comme une troupe de bohémiens errans, mais comme composant des nations assises sur leur territoire, et puissantes, et glorieuses à une époque qui précède l'histoire des Hellénes. Ce n'est point une hypothèse, je le dis avec une entière conviction historique; il fut un temps, où les Pélasges, qui formaient peut-être le peuple le plus étendu de l'Europe, habitaient depuis le Pô et l'Arno, jusque vers le Bosphore. Niebuhr, Hist. Rom. I, 74. Гейне полагалъ, что, въ глубокой древности, языки Словенскій, Латинскій и Греческій принадлежали одному народу, который перешелъ изъ Азіи во Ѳракію и раздѣлился на три части. Одна заняла ту страну, которую, въ послѣдствіи, стали называть Греціею; другая поселилась въ Иллиріи и наконецъ третія перешла въ Италію. C. G. Heynii, Commentatio 1 super Castoris epochis, въ Nov. Com. Acad. Gotting. T. I.—Freret (Mém. de l'Acad. des Jnscript. et bel. lettres, T. XXI) pensait que les Grecs composèrent, dans leur origine, un même peuple avec ceux de la Macédoine, de l'Epire et de la Thrace, que ce grand peuple, réuni sous la dénomination commune des Pélasges, n'avoit aussi qu'un idiome commun, qui étoit la langue Slavonne. Levesque, hist. de Russ. IV édit. par Depping et Malte Brun, 1, 42. Слѣдовательно не мы одни почитаемъ Пелазго-Ѳракійскій народъ прародителемъ Словенъ. — Почти всѣ названія древнѣйшихъ городовъ Пелазгическихъ можно объяснить Словенскимъ языкомъ. Palatium, Παλάτιον, есть наше Палàта (Трезыч. Лек.) т. е. зданіе, обширный домъ; въ переносномъ смыслѣ «ума палата,» — обширный умъ. Отсюда: палатка (шатеръ); также кладовая палатка, закромъ, крѣпкое, замкнутое зданіе; «паланка,» укрѣпленіе, состоящее изъ рва, бруствера, изъ кольевъ, или бревенъ; полисадъ, частоколъ. Именно въ послѣднемъ значеніи представляется паланка, устроенная Эвандромъ, на берегу Тибра, для защиты судовъ его и Пелазговъ, съ нимъ прибывшихъ, отъ жившихъ тутъ Сикуловъ. Это предположеніе подкрѣпляется тѣмъ, что Д. Галикарнасскій, Виргилій и Павзаній называютъ укрѣпленіе Эвандра Palantion; а Плиній свидѣтельствуетъ, что позднѣйшее названіе Palatium произошло уже отъ первоначальнаго Palantion. Plin. IV, 6. D. Halyk. 1; Pausan. VIII, 44. Virg. Aeneid. VIII, 54 Въ географическомъ значеніи, мы имѣемъ Палатовъ, пригородъ Воронежской губерніи. Онъ извѣстенъ прежде XVII вѣка (Сло-

варь Щекатова); нѣсколько «Паланокъ,» у Запорожскихъ казаковъ, устроенныхъ для защиты ихъ хуторовъ отъ набѣговъ Татаръ; и т. д. — Tri-bola и Ves-bola прямо указываютъ на Вола, близъ Варшавы; Vola, городъ и заливъ въ древней Ѳессаліи (Boué, Turq. d'Eur. 1, 206). Вола конская,—слобода Воронежской губерніи; другая Вола конская, село Курской губерніи. Вола Сотникова, въ Тобольской губерніи (Словарь Щекатова). Такъ точно составились и Пелазгическія: Три-вола и Весь-Вола (село Вола первоначально, потомъ городъ). — Maruva, Морава, главный городъ племени тутъ жившаго; Marubii, Моравы. У насъ упоминаются: въ 1229 году, Морава, древній городъ, въ Новгородской области; Морёва, село Орловской губерніи (слов. Щекатова). Въ Сербіи и Болгаріи, двѣ рѣки: Морава Сербска и Морава Булгарска (Boué, I, 133). Морава рѣка, въ Моравіи. Мурава, Морева и проч. во многихъ нашихъ губерніяхъ. — Bata, отъ батя, батюшка, старшій въ родѣ. Бата, въ Черногоріи (карта Ковалевскаго); Батино, въ Островскомъ уѣздѣ; Батино, въ Молдавіи; Батинъ, подъ Старгородомъ, въ Мекленбургѣ (Ходаковскій); Батеева, рѣка, Владимірской губерніи и много другихъ. — Svana, сравни съ Свина, рѣка, впадающая въ Десну, въ Орловской губерніи: она упоминается въ 1157 году. Свиноградъ, на Волынѣ, извѣстенъ съ 1065 года (Слов. Щекат.). Свинскій монастырь и проч. Сана, Сна, во многихъ нашихъ губерніяхъ. — Lista; древній городъ *Листъ*, или *Лиственъ*, упоминается уже въ 1024 году (Слов. Щекат.)—Kutila, отъ собственнаго имени Кутило (Врем. X, 60, 104).—Kursula, на горѣ Korytas. Одинъ изъ Иллирскихъ островомъ, лежащій противъ Дубровника, и теперь называется Kursola; а гора Корыто, находится въ Босніи (c. à. d. Auge, корыто, à cause de sa forme échancrée; Boué), другая, именуемая Корыто, въ Сербіи (Boué, Tur. d'Eur. 1 31, 42, и 222); еще Корыто, въ числѣ хребта Хомскихъ горъ, въ Черногоріи (Спб. вѣд. 1853, №. 19). Въ Этруріи также упоминается Корыто: Hinc illum Corythi Tyrrhena ab sede profectum. Virg. Aeneid. VII, 209.—Antemna есть вѣроятно имя данное Пелазгами, въ воспоминаніе Temna, древняго города ихъ праотцевъ, жившихъ въ малой Азіи (Времен. XIII, 16 и пр. 37). Въ Сербіи и древней Мизіи: Temnava; у насъ Темное, село Подольской губерніи; городъ Темниковъ, Темное, озеро и проч.— Tellina, Теляна можно произвести отъ теля, теленокъ, тѣмъ болѣе, что по свидѣтельству древнихъ историковъ, самое названіе «Италія», произошло отъ italon, itulon, теля (теленокъ); ибо Пелазги, еще до прибытія Энея, называли *itali* молодыхъ бычковъ. D. Halyk. 1; Festus. IX и другіе. Слѣдовательно, на языкѣ Пелазговъ, i-tali, тоже, что наше «теля.»—Fikula, сравни съ нашими собственными именами: Букалъ, Буколово, (Карамз. II, пр. 301), Викулъ; у Чеховъ: Wakula. Слово Fikula должно произносить Викула, или Букалъ, потому что prisci Latini, т. е. Пелазги, такъ точно какъ и Словене, не имѣли буквы F.

Они говорили pleores, triumpe, вмѣсто flores, triumphe (Lanzi, 1, 142) «Наше слово» пламень, пламя (срав. Pylamenes, собственное Ѳракійское имя), конечно, ближе къ Пелазгическому, чѣмъ позднѣйшее Латинское flamma. Такъ точно и древнѣйшіе жители Лаконіи (Пелазги) всегда употребляли В и даже Р, вмѣсто Еллинской буквы F; на медаляхъ Македонскихъ Pilipus, вм. Philippus (Lanzi, Sag. di ling. Etrusca, 1, 63, 66, 100). Малоруссы и теперь говорятъ Пилипъ, вм. Филиппъ. Пелазгическое Breges (Бреги, Горцы) Еллины измѣнили въ Phryges, (Ib. 1, 99). Пелазги, также какъ Словене, не имѣли и носоваго звука. У древнихъ жителей Лаціума. Decebris, Popejus, Cosol, Cesor, вм. позднѣйшихъ Латинскихъ Decembris, Pompejus, Consul, Censor, etc. (Ib. I, 81) и въ географическихъ именахъ: Literna, Sotis, вм. Linterna, Sontis, и проч. (Ib. 1, 84).—Tibur, отъ рѣки Тибра, нынѣшняго Tevere: сравни Тверь.— Mephyla: Сивилы назывались Hiero—phyla, Demo-phyla. Сюда же можно отнести и Me-phyla, тѣмъ болѣе, что у Азійскихъ Пелазговъ, названія многихъ городовъ происходили отъ собственныхъ женскихъ именъ (Времен. XIII, прим. 40.)— Matiora, Matora,—Матерая, природная, великая (акад. слов.), древняя, ибо «маторѣть» значитъ старѣть. Знаменитое прорицалище, подобное Додонскому и огромныя развалины, существовавшія еще при Діонисіѣ, — указываютъ дѣйствительно на древнѣйшее и великое поселеніе Пелазговъ, въ Matora. Это слово, можно также обьяснить «матерью« Пелазгическихъ городовъ Италіи, какъ Кіевъ «матерь градомъ Русскимъ.» — Orvina, Урвана, село Владимірской губерніи; другая Урвана, въ Калужской губерніи (Слов. Щекатова) и въ другихъ мѣстахъ; также Рвана и проч. — Saturnia, можетъ быть ничто другое, какъ За-турна, За-торна; рѣки Торна, Тура, очень у насъ извѣстны. — Самое наше слово городъ, сравн. Hortus, apud antiquos omnis villa dicebatur, quod ibi, qui arma capere possint, orirentur. Festus, VIII. Слѣдовательно «огороженное, укрѣпленное пространство,» гдѣ жили воины, защитники страны, именно то, что значилъ градъ, городъ, у древнихъ Словенъ. Grod, — castra, arx, укрѣпленное мѣсто, въ псалтырѣ королевы Маргариты. Память. народ. языка, л. XII.

(2) Spina — Спина. Замѣчательно, что нынѣшнее мѣстечко, построенное на мѣстѣ этаго первобытнаго города, и теперь называется, по Италіански, Dosso, т. е. именно спина, переводъ древняго Пелазгическаго Spina. (Amati, dissert. sul Rubicone и прим. къ Стравону, Eclaircis. № X).

(3) Ларисса была дочь Пяста, начальника Пелазговъ Азійскихъ (Strab. XIII, 3). Лариссу называетъ Павзаній (II, 23) дочерью Пелазга и говоритъ, что въ честь ея названы двѣ Лариссы въ Ѳессаліи, одна на Пѣнѣ, другая на морскомъ берегу. Стефанъ Византійскій насчитываетъ до десяти Ларисcъ (Steph. Byz. voce Larissa) и всѣ Пелазгическаго происхожденія. Кромѣ Ла-

риссы Кампанской, у Вольсковъ была своя Larina; у Этруръ, въ верхней Италіи, lacus Larius; въ Daunia, одно поле называлось argo Laritae. T. Livii, XXII, 18, 24. Лариною (Larinaque virgo, etc) именуетъ Виргилій подругу и сподвижницу царицы Вольсковъ, въ сраженіи противъ Энея и Троянъ (Virg. Aeneid XI, 655). Нѣтъ сомнѣнія, что настоящее Пелазгическое имя было Arina (Larina), а уменшительное Larissa, или Ариша, какъ мы и теперь называемъ Арину. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что одна, изъ женъ Филиппа, отца Александра великаго, называлась Arina, а не Larina (Q. Curtii, II, 2). И дочь царя Лидіи, именовалась Arienis (Herod. I, 74). Въ одной Брегіи, находились три города «Лариссы» (Strab. XIII, 3); и древній Аргосъ назывался Larissa, или правильнѣе часть этаго города, крѣпость, дѣтинецъ, построенный на горѣ (Strab. VIII, 6. Paus. II, 23 и 25). Стѣны его, какъ и другихъ Пелазгическихъ городовъ Мореи: Тиринеа, Микинъ и т. д. были воздвигнуты «Циклопами» (Euripid. Iphig. Aulid. стихи 152 и 534), прибывшими, сюда, изъ Ликіи; Strab. loco. cit.,. но которые были родомъ Ѳраки, по свидѣтельству схоліаста Еврипидова. (Прим. къ VIII кн. Стравона). Большое число Пелазгическихъ городовъ, называвшихся Лариссами, не указываетъ ли, что это слово, у Пелазговъ, значило просто дѣтинецъ, укрѣпленный замокъ, мѣсто для храненія драгоцѣнностей? Это подтверждаетъ и самое названіе крѣпости въ Аргосѣ, T. Livii, XXII, 25. Если это такъ, то мы можемъ пріурочить сюда наши слова: «ларь, ларникъ.» Первое, какъ извѣстно, значитъ: «сокровенное мѣсто, съ замкомъ, затворомъ, хранилище цѣнныхъ вещей, бумагъ, архива и отсюда «ларникъ» имѣвшій, на вѣчахъ, ключь отъ зданія, въ коемъ хранилась казна и архивъ вѣча. Larissa, собственное имя, мы можемъ произносить Лариша, какъ Любуша, Малуша и другія. Далѣе, при исчисленіи женскихъ именъ, переданныхъ намъ Этрурскими буквами, на надгробныхъ Пелазгическихъ памятникахъ, мы увидимъ много такихъ окончаній: Velissa, (Велиша); Lybissa (Любуша); Apissa (Апиша); Setrissa (Сестриша); Lessnessa (Лѣснища); Upanissa (Паниша); Vescanissa (Весканиша); Curvessa (Курвеша) и мн. др. — Forum Popilii, торгъ , торжище Попеля, находилось въ странѣ Полянъ (Peligni). D. Halyk. I, 3.

(4) Синопа была дочь Пелазга и сестра Тивы (Дѣвы), Клёны и Эны, (Времен. XIII, 34). Въ честь этой Синопы названы Пелазгическіе города въ Пафлагоніи и Италіи.

(5) «Erant enim Arcades ex iis qui Antelunares dicebantur,» и которые прибыли, въ Италію, съ Евандромъ. Plutar. Quaest. Roman. 76. — Первоначальные жители Рима были раздѣлены на три статьи (tribus), или племени. 1) Rhamnenses (отъ Ромула); это были жители Альбы и пастухи, жившіе на мѣстѣ заложенія Рима. 2) Tatienses (отъ Таты, предводителя Сабинъ): т.

е. всѣ Сабины, переселившіеся съ нимъ въ новой городъ. 3) Lucerenses (отъ lucus, роща у Пелазговъ, гдѣ находился asylium). Plutar. in Rom. 25. T. Livii, 1, 13. D. Halyk. IV. 4. Въ послѣдній разрядъ включили всѣхъ бѣглыхъ, пролетарій, бездомныхъ и иностранцевъ. Слѣдовательно большая часть жителей Рима состояла изъ сброда людей разнороднаго произхожденія, и едва третья часть заключала тѣхъ, которыхъ Фестъ называетъ: prisci Latini appellati sunt hi, qui priusquam conderetur Roma, fuerunt т. е. Пелазги. Festus, de signif. verb. 14. Не только у Феста, но и у всѣхъ грамматиковъ Prisci Latini, всегда — первобытные жители Лаціума, т. е. Пелазги, прародители позднѣйшихъ Латинъ. Замѣтимъ, что «lucus,» у Пелазговъ, тоже что у древнихъ Словенъ «лугъ,» роща, лѣсъ (Добровс. Грам. 1, 39). И теперь, у Поляковъ, Малоруссовъ, Словенцовъ, Хорватъ, Иллиръ, Сербовъ, «лугъ» значитъ роща (Шимкев. Корнесл. 133).

(6) Aenaria называлось, и при императорахъ, то мѣсто, у котораго причалилъ Эней, съ своими судами, прибывъ въ Италію, изъ Брегіи. Festus, I.— Albula, рѣка и Alba городъ, тоже что Лаба, имя данное Словенами рѣкѣ, орошающей Чехію. У насъ есть и свои двѣ Лабы: одна въ Ставропольскомъ уѣздѣ; другая впадаетъ въ Ладожское озеро, (Слов. Щекат.).—Лавина (Lavinium) была построена Троянами; Alba (Лаба) переселенцами изъ Лавины, и наконецъ Римъ гражданами Альбы. T. Liv. I, 23; а по Стравону Эвандромъ и прибывшими съ нимъ Пелазгами, изъ Аркадіи. (V, 7). Значитъ: тѣ и другіе поселились въ одномъ городѣ. — Географическихъ именъ «Устье» (Ostia) исчислено въ Словарѣ Щекатова болѣе сорока, въ разныхъ нашихъ губерніяхъ и всѣ при впаденіи (при устьѣ) одной рѣки въ другую;но можно еще столько же прибавить, пропущенныхъ Щекатовымъ.

(7) Тимъ рѣка и городъ въ Курской губерніи.—Нара орошаетъ Московскую и Калужскую губерніи и впадаетъ въ Оку. Нарова извѣстна своими порогами.—Кленъ, Кленовская крѣпость и проч. см. въ слов. Щекатова, III 560.

(8) Для насъ замѣчательны Римскіе холмы: Palantion, Κελιον, Velia и Antopolis. О первомъ мы уже говорили въ пр. 1.—Caelius mons dictus est a Caele quodam ex Etruria, qui Romulo auxilium adversus Sabinos praebuit, eo quod in eo domicilium habuit. Festus, III. Слѣдовательно Кила, съ Этрурами, первый занялъ этотъ холмъ, получившій отъ его имени, свое позднѣйшее названіе. Другой Кила, и также воевода Пелазговъ, былъ родоначальникомъ племени Киликанъ, обитавшаго въ Троадѣ (Времен. XIII, 73)—Холмъ Velia, есть ничто другое какъ высокій, велій холмъ. Это неоспоримо открывается изъ слѣдующаго. Д. Галикарнасскій пишетъ: «высокая и обрывистая гора, которую Римляне называютъ mons Velia, господствуетъ надъ всею площадью, назначенною для народныхъ совѣщаній» (D. Halyk. V, 3. и Plutar. in Pub-

lic. 12.). Титъ Ливій говоритъ, что консулъ Валерій жилъ (въ Римѣ) на холму: in summa Velia, ibi alto atque munito loco, etc. Слѣдовательно этотъ холмъ былъ высокая, большая, «велія» гора. «In Velia aedificent, quibus melius quam P. Valerio creditur libertas,» сказалъ Валерій народу, т. е. пускай живутъ на Velia, на этомъ высокомъ и крѣпкомъ мѣстѣ, тѣ, которымъ можно ввѣрить охраненіе гражданъ, съ большею увѣренностію, чѣмъ консулу Валерію. T. Livii, II, 7. Филелины производятъ, обыкновенно, имя Velia, отъ *Ελος*, болото, не имѣя ничего основательнѣйшаго для этой этимологіи. Но возможно-ли допустить, чтобы высочайшій холмъ Рима получилъ это названіе отъ болота, котораго по вышинѣ горы и признаковъ не могло существовать (Прим. Комент. Діонисіева, къ V книгѣ). За великіе услуги, оказанныя отечеству Валеріемъ, Римляне дозволили его похоронить на этой горѣ. Plut. in. Public. 28. Холмъ Велій составлялъ возвышеннѣйшую часть горы Palation, а потому и не имѣлъ особаго, собственнаго названія, въ числѣ семи холмовъ Рима; онъ просто назывался «велій, высокій». Наши географическія названія, указывающія на тоже производство суть: Вела, Велья, рѣка Московской губерніи; Велье, пригородъ Псковской губерніи; Вельскъ, городъ Вологодской губерніи; Великая, рѣка Псковской губерніи; Веліе, или Великое село; Велья Весь, Великое озеро, и проч. (Слов. Щекатова). Велій, или Великоградъ, есть столица. стольной градъ, въ Минеи, мѣс. сент. 1, (Алексѣева, Церков. слов. V, 15).—Холмъ Ianiculum получилъ имя отъ Яна, князя или предводителя Пелазговъ, въ до-историческія времена. Plutar. in Numa 24. Онъ былъ воевода Пергебовъ (Погребовъ?), племени Пелазгическаго, которое обитало въ Ѳессаліи, въ древнѣйшія времена. Отсюда Янъ переселился, съ Пелазгами, въ Италію. Его представляли всегда двулицымъ, потому, что онъ просвѣтилъ жителей Ѳессаліи и той части Италіи, куда переселился. Plutar. Quaest. Rom. 19. Яниколь назывался собственно самый холмъ, а Antopolis вѣроятно окружавшая его мѣстность. О Греческомъ *Πολις* тутъ не можетъ быть и помину, ибо 1) Пелазги не говорили по Еллински; 2) названіе Antopolis древнее самаго Ianiculum (Plin. III, 9) и слѣдовательно до-историческаго Яна; наконецъ 3) тутъ никогда не было ни города, ни даже села. Собственное имя Янъ очень извѣстно по нашимъ лѣтописямъ: Янъ Усмошвецъ, воевода Великаго Князя Владиміра; другой Янъ, сынъ Святослава, упоминается въ 1001 и 1002 годахъ (Никон. лѣт. I, 111); Янъ, сынъ Вышаты, извѣстенъ также въ XI вѣкѣ (Пол. Соб. лѣт. 1, 75); Янъ Литвинъ (Карамз. XII, пр. 425.) и другіе. Янка, женское имя; Яновы, фамилія и т. д.—Самое имя Римъ сохранилось, у насъ, въ названіи одного изъ городовъ нашихъ Полянѣ: такъ именовался нѣкогда нынѣшній Ромекъ, или Ромны; а послѣднее названіе сравни съ Ramnenses, именемъ, полученнымъ отъ Ромула, одною изъ трехъ частей (tribus), на которыя раздѣлялся древній Пелазгическій Римъ.

(9) И эти города Лаціума, мы можемъ также написать нашими буквами: Калачь (Kalatia); у насъ Калачь, въ Воронежской губерніи, Калачево, въ Ярославской губерніи и много другихъ. — Вёска, (Veškia), уменьшительное отъ слово весь, село.—Треба (Treba) жертва, приношеніе; требище,—храмъ идольскій; требникъ, — жертвенникъ (Алекс. слов. IV, 183). — Кора (Cora) также слово чисто Словенское: отсюда наши географическія названія: Коренная, Коринскій (заводъ), Корастѣнь, Кора-тоякъ, Корань, Корецъ и проч.— Сѣнно (Sena), у насъ городъ въ Могилевской губерніи; Сѣнная Слобода, въ Харьковской губерніи и въ другихъ мѣстахъ. — Ситъ (Sitia) очень памятна, въ нашей исторіи, смертію Великаго Князя Юрія Всеволодовича и порабощеніемъ Руси (Карамз. III, 285); Ситецкій монастырь, на рѣкѣ Ситѣ, въ Новгородской губерніи; Ситичи, въ Калужской губерніи; Ситескъ (Карамз. V, пр. 107).—Boulia, есть Вола (см. въ 1 прим.) — Поле Тура (Politurium); Medula, отъ Медо, Медичи (Врем. X, 90 — 92); Мокра, Мана (Времен. XIII, 86); Конина (отъ конь, конина, шкура лошадиная); Турана, отъ туръ, туранъ, дикій волъ); Matiska, (отъ мать, матушка), — нетребуютъ длинныхъ объясненій. — Плиніевы Bolani суть жители города Волы, Волане; у Velini главный городъ Velia, — Веляне; Venetulani жили въ Venetala, — Венетане, Венеды. — Виргилій, въ Лаціумѣ, упоминаетъ, при Энеѣ, о «montemque Severum» (Aeneid. VIII, 713): можетъ быть «Сѣверная гора». Сѣверское село, Сѣверка, рѣка въ Московской губерніи, и проч. — Діонисій Галикарнасскій, къ этимъ городамъ, прибавляетъ еще: Korventa (Хорвата); Morea (Морея, вѣроятно на берегу морскомъ), Trikrina (отъ крина, криницы) Три-крина, три ручья, и др. (D. Halykar. V, 13).

(10) Горняки, (Hernici, Hernikoi) суть Словаки, живущіе на Татрахъ; Гораки, въ Моравіи, въ Голомуцкомъ округѣ; Горенцы,— Хорутане, въ Крайнѣ; Горичане, въ Горишкѣ; Горенцы, на Югъ отъ Дравы (Шафар. Народоп.).

(11) У Вильцевъ (Volsci, Волчи) города: Apula, срав. съ Дакійскою Apula (Времен. XIII, 33) и нашимъ Опалинъ, городъ Волынской губерніи. Antium напоминаетъ цѣлой народъ Антовъ. Velitra, тоже что Бѣлипра, село, въ которомъ родился императоръ Василій Македонянинъ (о Монасс. лѣт. 23). Koriole, можетъ быть Хоролъ, у насъ городъ и рѣка. Fabraterna — Побратарна, (Братовщина, близъ Москвы). Verruga, отъ «верига,» — цѣпь, желѣзная полоса. Имена: Артана (Горотана), Привѣрна, Keraeta (Корыто) и др. имѣютъ также звуки Словенскіе. Poluska и ея жители Poluskani суть наши Полоцкъ и Полочане. «Poluska» называютъ иностранцы, въ XVII вѣкѣ, именно нашъ Полоцкъ.—Vuilces было племя Балтійскихъ Словенъ (Врем. XIII, 87). У насъ его напоминаютъ названія городовъ: Волковискъ, Гродненской, и Вильковіръ, Ковенской губерніи.

(12) Ardea, городъ племени Рутулъ, кажется есть Adria, какъ назывались два другіе Пелазгическіе города, отъ имени которыхъ и самое море получило названіе «Адріатическаго.» Ядро, у Словенъ, именно «адро.» Извѣс. II отд. Ак. наукъ, I, 21. Адро, юдро, ѣдро, нѣдро, значитъ sinus. Матер. для Сравн. Словаря, 3. Оба города Adria, находились на берегу Адріатики; слѣдовательно могли получить имя отъ морскаго залива, якорнаго мѣста, для кораблей. У насъ есть свой городъ Ядринъ и Ядрово, село Новгородской губерніи, и др. (Щекатова слов.).

(13) Labici, ничто другое, какъ Любичи, племя, жившее въ городѣ и окрестностяхъ Labicum. Послѣдній есть Lubica, Liubice, у Чеховъ; Любекъ, у Балтійскихъ Поморянъ, и наши: Любецъ, Любоча, Любачевъ, и проч. У Ѳраковъ Азійскихъ былъ свой городъ Libyssa, первообразъ всѣхъ позднѣйшихъ (Времен. XIII, 83, 84).

(14) Обричи, отъ Обръ, въ единственномъ, есть имя чисто Словенское. Obr, у западныхъ Словенъ, значитъ: Welikan, Weliky muz, gigas, ein Riese. Iungmann, Slow. II, 783. По Польски Obrzim, въ псалтырѣ королевы Маргариты. Памят. народ. языка, л. XII. Отъ родоначальника Обръ, племя его назвали Обричи, какъ Вятичи отъ Вятка, Радимичи отъ Радима. Плиній (III, 19.) передаетъ намъ Греческую басню о происхожденіи имени Ombrici. Оно имъ было дано, будто бы, отъ того, что при всеобщемъ потопѣ, это племя одно уцѣлѣло, изъ всѣхъ тогда жившихъ людей, а какъ потопъ былъ слѣдствіемъ необычайныхъ дождей, (по Еллински «Ομβρος, дождь), то ихъ и назвали Ombrici. Но если всѣ другіе люди потонули, отъ проливныхъ дождей, то кто же могъ назвать тѣхъ, которые спаслись, Ombrici? Это одна изъ басней, которыя намъ столь щедро передаетъ Греческаят этимологія. Ombrios a Graecis putant dictos quod inundatione terrarum imbribus superfuissent. Plin. III, 19.

(15) О городахъ, принадлежавшихъ Обричамъ, замѣтимъ слѣдующее. Ravena, у самаго моря, могла получить свое имя отъ «ровнаго» мѣста, на которомъ она и теперь находится, подобно нашимъ городамъ и селеніямъ: Ровно, Волынской губерніи; Ровеньки, Воронежской губерніи; Ровная, Ровна, въ другихъ мѣстахъ (Слов. Щекатова). Рѣка Bodessos орошала стѣны города Ravena; у насъ также рѣка и село Водоса извѣстны въ Новгородской странѣ, до XVI вѣка (Времен. VI, 25).—Arimina, сравни съ нашимъ Роменъ, Ромны, Римъ.—Prusa указываетъ на Пелазгическое племя Прусы (*Πρυσαὶ*), жившее на Критѣ и другое *Πιρυσαι*, принадлежавшее къ народу древнихъ Иллиръ; въ Брегіи кряжъ горъ Pirosos; въ Мизіи Азійской три города Prusa (Времен. XIII, 118, 119). У насъ, на Руси: Прусы, въ древнемъ Новѣгородѣ и въ губерніяхъ: Московской, Волынской, Ярославской, Кіевской и другихъ. Это

же имя (Пруса), у насъ, дано озеру и двумъ рѣкамъ (Врем. X, 109). — Tuder есть ничто другое какъ Thyatir, имя города въ Лидіи, прежде называвшагося Pelopa. Стефанъ Византійскій свидѣтельствуетъ, что Селевкъ, сынъ Никанора, получивъ извѣстіе, что жена его родила дочь, приказалъ Пелопу называть, съ тѣхъ поръ, Thyatir, или Tuder, т. е. «дочерь», (Petit, Amazon. 421 и Steph. Byzan.). Это слово мы увидимъ въ надгробныхъ Этрурскихъ надписяхъ, не только въ именительномъ: Tucer (дочерь), но и въ смыслѣ прилагательнаго: Tocerna klan. Такія надписи самъ Lanzi называетъ figliolanza, дѣтскими приношеніями, въ воспоминаніе родителей. Lanzi, Saggio di ling. Etrus. II, 156, 248. Слѣдовательно мы можемъ допустить и переводъ надписи: Tocerna klan,—«дочерній (по) клонъ», т. е. приношеніе, отъ дочери, въ память матери. Подробнѣе мы скажемъ объ этомъ, при разборѣ сохранившихся надгробныхъ надписей древнихъ Этрусковъ. У насъ на Руси также очень извѣстно собственное имя Тудоръ (Карам. II, пр. 210; III, пр. 161 и 335; V, пр. 35). Во всякомъ случаѣ наше слово дочерь», гораздо ближе къ Пелазгическому tucer, чѣмъ Еллинское *θυγάτηρ*.—Narna, на рѣкѣ Нарѣ, сравни съ нашими: Нарва, на Наровѣ. Нура течетъ въ Гродненской, Нара, въ Московской губерніяхъ; Narenta, въ Босніи; мѣстечко Нуръ, на Бугѣ. Въ Лаврен. лѣт. 117: Кн. Ярослава.... взяли на Нурѣ, въ 1102 году.—Spoleto получилъ свое имя отъ вождя, или родоначальника Polus (прим. къ кн. XX Supplem. Liviana). Въ нашей исторіи очень извѣстенъ бояринъ Поле (Карам. V, 128), отъ котораго произошли всѣ Полевы. — Arna, тоже что Варна, а Esina, — Ясень, Ясенево; Jasen, en Moesie (Boué, I, 518). — Dola, Veleia, Ostra, чисто Словенскія имена: первая отъ «дола, долины,» какъ Подолъ, Подольскъ и проч. Вторая (Veleia) отъ велій, большой, какъ у насъ Великій Новгородъ, великія Луки и т. д. Ostra есть наша Остра, Остеръ, рѣка и городъ; въ лѣтописяхъ Въстръ (Лавр. 116). Другая Остра течетъ по Смоленской губерніи. — Patara назывался одинъ изъ городовъ Ликійскихъ (Времен. XIII, 96).—Arina, Svila указываетъ на женскія Пелазгическія имена (Арина, Вила). Larina была дочь Латина. Niebuhr, I, 121. — Mutina, Мутна: такъ у насъ называется одна рѣка. — Solina, сравни съ нашими Соляна, Соленая, и проч. — Krino-vola, отъ Вола, такъ точно какъ Tri-bola, Ves-bola, выше, прим. 1. — Urbana, тоже что Orvina, Урвана, Рвана, см. прим. 1. — Vindena и племя Vendenates, безъ сомнѣнія, суть Veneti, Венды, Венденаты. — Padina, (Впадина?), вѣроятно, на рѣкѣ Padvus, Падь, нынѣ По; у насъ Поданскъ, слобода, близъ Повѣнца — Turokol, отъ «туръ», дикій быкъ и «колъ» ограда, тынъ; Туроколъ и Otrikol (Остроколъ) составлены точно такъ, какъ «частоколъ.»

(16) У Сабинъ Kures, у Обричей Kurias, у Этруръ Kaeres и много подобныхъ, у другихъ Пелазговъ, равно какъ названія племенъ Kares, Kurites,

всѣ имѣютъ въ своемъ первообразѣ Kur, у Словенъ куръ, пѣтелъ, пѣтухъ. Это положительно свидѣтельствуетъ Плутархъ, объясняя намъ этимологію имени Каръ, прежде называвшихся Лелегами. «Ихъ называютъ Карами, т. е. пѣтухами потому, что они украшаютъ свои шлемы хохлами, подобными гребнямъ пѣтуховъ,» (куръ). Plutar. in Artaxer. II. Тоже подтверждаетъ Suidas, прибавляя, что Kurbasia значитъ «пѣтушій гребень» или пѣтушья голова, (а въ переносномъ смыслѣ шлемъ). Діонисій Галикарнасскій пишетъ, что Kurbasia называлось головное украшеніе Салійскихъ жрецовъ, которые совершали пляски Куритовъ. (D. Halykar. II, 18). Такое же точно основаніе имѣютъ наши: Курскъ, другой Курескъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ на Ловати; Куръ, городъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, между Одрика и Велегощи (Ходаковскій). Рѣки: Куръ, въ Курской и въ Симбирской губерніяхъ и въ Ржевскомъ уѣздѣ. Острова: Куръ, въ Холмскомъ уѣздѣ, другой на Двинѣ; Куркино, Курочкино, Куроланъ, Куросовка и много другихъ (Щекат. Слов.).—«Canina, не въ дальнемъ разстояніи отъ Рима», пишетъ Фестъ, названа такъ въ честь Conis, основателя этого города (Pomp. Festi de sign. Verb. 1). Слѣдовательно отъ родоначальника Конь произошло названіе Конина.—Озера Veliae, опять ничто другое какъ «великія, обширныя озера».—О Kolatia, см. прим. 9. — Kotyna, срав. съ нашими: Хотень, въ Калужской и Харьковской губерніяхъ; Хотинъ, на Днѣстрѣ; Котунь, рѣка; Катунская слобода, въ Нижегородской губерніи. Котунская крѣпость и д.—Amiterna, тоже, что Minturna, Matora; см. прим. 1.

(17) *Κυπρια* было одно изъ именъ Венеры, потому, что первый храмъ ей былъ построенъ на островѣ Кипрѣ. Къ ея помощи прибѣгали всѣ беременныя женщины и она управляла родами... quia parientibus praesideat. Festus, III. Купросъ. село въ Вятской губерніи. Курба, также село въ 25 верстахъ отъ Ярославля, отчина и родина Кн. Курбскихъ (Москвит. 1852, № 17; VII, 16.). Дочь перваго старшины, на Кипрѣ, называлось *Κυπρος*; отъ нея весь островъ получилъ это имя. (Стефана Византійскаго Onomasticon urbium, и прим. къ VII кн. Плинія, 185.) — Matra, Matora, матерая, матерь. — Treia, въ честь Трои Азійской.—О Adria мы говорили въ прим. 12.—Klvana имѣетъ форму чисто Словенскую, даже съ выпускомъ гласныхъ буквъ. У насъ Колывань, и др. подобныя имена.

(18) Городъ построенный Пелопомъ, въ древней Троадѣ, былъ занятъ Амазонкою Кумою, которая его и назвала, въ честь своего имени, *Κυμά*. Pomp. Mela, I, 18. и Врем. XIII, пр. 38 и 40.– О Тѣлебояхъ, племени происшедшемъ отъ Лелеговъ, мы упоминали прежде (Времен. XIII, 109). Тѣлебои жили въ сѣверной Греціи, именно въ Акарнаніи, и на островахъ, которые, по ихъ имени, назывались островами Тѣлебоевъ. Strab. VII, 8, и X, 3. Стравонъ положительно свидѣтельствуетъ, что они были морскіе разбойники, пираты: отсюда, вѣроятно, и названіе «Тѣлебои.» Это Пелазгическое

племя, какъ почти всѣ жившія въ Азіи и древней Греціи, переселилось въ Италію и заняло сначала нынѣшній островъ Капри, мимо котораго должны были проходить всѣ корабли, плывшіе, изъ Эгейскаго моря, въ Тиренское. Притонъ весьма выгодный для Тѣлебоевъ.

(19) Kutina, тоже что Kotina, выше, пр. 16.—Marubii, конечно Моравы. У насъ городъ Морева, упоминается въ 1229, въ Новгородской области; Моравинъ, близъ Ловати (Новгор. лѣт. 49); Морева, село въ Орловской губерніи; Моравійскъ, Моравскъ, Моравица и мн. подобныхъ. Двѣ рѣки Моравы, въ Сербіи и Болгаріи; Моравица, еще рѣка, также въ древней Мизіи (Boué, I, 133, 146).

(20) Aesernia,—Озерна, какъ у насъ рѣка Озерна, въ Московской губерніи; Озерна, село Калужской губерніи. Такъ же Озерные: редутъ, рудникъ, крѣпость, станица, мѣстечко и проч. У другихъ Словенъ: Iesero, село въ Босніи; Ozero, въ сѣверной Греціи; Iesero, въ Ѳессаліи, близъ Олимпа; Iesero, замокъ въ Босніи; Ieserski, тамъ же (Boué, I, 36, 204, 279; II, 346, 378). — Baiana, отъ Боянъ, бой. Боянъ, село Московское, въ духовной Димитрія Донскаго. Карам. V, пр. 116. — Telesa, отъ тѣла, тѣлеса. Telovo, въ Македоніи. Boué, I, 172. — Pauna, Пана, отъ «панъ», подобно многимъ географическимъ именамъ въ малой Азіи и во всѣхъ Ѳракійскихъ странахъ: Paeonia, Paeon, *Παναιοι*, Panones, Панія, Пана, Пандуры, Панчова, Паневцы и проч. (Времен. X, 72).—Venutia, тоже, что Venetia.—Duronia, отъ туръ, туранъ. Турана, какъ у насъ Турановка, (слобода И. Ѳ. Тимковскаго: Москв. 1852, № 18); Туринскъ, Торна, Тура, рѣка. Туровъ упоминается въ X вѣкѣ; у другихъ Словенъ: Торунь, Торонь, Туринъ (въ Краковскомъ воеводствѣ) и много другихъ. Мы уже видѣли выше, пр. 9, у Италіанскихъ Пелазговъ Turana и Politurium. — Самниты, частію переселились въ Сицилію и тамъ основались въ той странѣ, которую назвали Tauricana, близъ Мессины. Они назвались Mamertini, въ честь Марса, у Осковъ Mamers. Festus, XI.

(21) Petelia, тоже что Patala, выше прим. 15.—Krimisa, сравни съ Kremniza, въ Сербіи; Kremeni, въ Болгаріи (Boué, I, 220, 256). У насъ: Кременскъ, Кременецъ, Кременчугъ, и проч.—Velia, опять Велія, выше прим. 8, 9, 15, 16.—Kal-asarna, Кал-озерна, отъ калъ, limus, lutum, (Треязычн. Словарь), именно «лужа, болото, топкое мѣсто,» неглубокое грязное озеро.—Vertinae, отъ вертъ, садъ, вертоградъ (Алексѣева Слов. I, 132), огороженное мѣсто.

(22) Другая Пелазгическая Pandosia извѣстна въ Эпирѣ, у Молоссовъ. T. Livii, VIII, 24. — Medma, можетъ быть, Мѣдна. — Сила, собственное имя, имѣющее значеніе на Словенскомъ языкѣ. Оно часто встрѣчается въ нашихъ древнихъ пѣсняхъ:

Заваруй, варуй, варуйко!
Сила, маленькой дѣтинко!
Проложилъ Сила дорогу и проч.

(Сказанія Рус. народа, III, 221). — Рѣка Halex, нынѣ называется Alice; слѣдовательно, по Италіанскому произношенію Аличе, т. е. наше Галичь. Потомки Пелазговъ, прибывшихъ, въ Италію, съ Пѣвчистомъ, назывались Apuli (Попели); но ихъ также именовали и Davnii, Давніи, старожилы. Они дѣйствительно были первобытные жители этой части Италіи, сколько можетъ это доказать исторія; ибо Пѣвчистъ и братъ его Энотръ, первые изъ всѣхъ Пелазговъ, переселились изъ Мореи въ Италію.—Venutia принадлежала племени Davni. Skyla, Σκυλα, сравни съ Скуляны, Скула, Скульневъ (Карамз. IV, пр. 326). Skyla былъ также городъ въ Троадѣ.

(23) Aulona извѣстна и въ Иллиріи. — Bar, городъ въ Далмаціи; Bara въ Сербіи (Boué, 1, 66, 130). Smerdliva Bara, также въ Сербіи (Ib. II, 369); Бари, въ Черногоріи (Пут. Ковалевскаго); Баръ, въ Подольской губерніи. — Veretia, тоже что Vertinae, отъ вертъ, огороженное мѣсто. У насъ село Веретея, Ярославской губ. Изв. II отд. Ак. наукъ, I, 404, — Rhoda, Руда; у насъ Рудна, рѣка въ Пензенской и мѣстечко въ Могилевской губерніяхъ. Рудня, слобода и.др.—Lupa, Лапа, какъ назывался Пелазгической городъ на Критѣ.—О Сила, см. прим. 22. — Borka и теперь мѣстечко въ Герцеговинѣ, (Boué, I, 426); у насъ многія селенія и рѣчки называются Борки, отъ боръ, лѣсъ. (Щекатова Слов) —Kolatia, Apula, см. выше пр. 9, и II.—Sagra, вѣроятно Загора. — Temese, Темешъ, рѣка у Венгерскихъ Словенъ. — Прочіе города: Atina, Atra, Krotona, Buka, Salepa, Larina, Sturna, Strabela (Страбола), всѣ имѣютъ формы и словопроизводство именъ Словенскихъ. — Племя Messapii переселилось, въ Италію, съ острова Крита, подъ начальствомъ старшины Iapyx (Япича?), отъ имени котораго эти Мессапы стали называться Iapigii; Kalabri и Salentini произошли отъ Япиговъ. Strab. VI, 5.

(24) Kalenum, сравни съ нашими Калиново, Каленой форпостъ, на Уралѣ; Калиновская слобода. Калъ впадаетъ въ Вышегру; Кала, въ Азовское море, и т. д.—Minturna, тоже что Amiterna: Маторна, Матерая, см. прим. 1 и 16.—Veskia, отъ весь, веська, село, деревня; выше, пр. 9.

(25) Капуя принадлежала Этрускамъ и тогда называлась Volturna: у нихъ этотъ городъ отняли Самниты. T. Livii, IV, 37 и 44; а въ другомъ мѣстѣ тотъ же Т. Ливій (XXVIII, 28) пишетъ, что Кампаны взяли Капую у Этрусковъ. Видимо Самниты и Кампаны одинъ народъ. Первое было настоящее имя племени, а Campani общее названіе всѣхъ жившихъ на равнинахъ: сюда же причисляли и Peligni, Полянъ, которые, по свидѣтельству Феста: «ex Illyrico orti.» Они отправились, изъ Иллиріи, подъ начальствомъ

Volsimi, regis, и заняли часть южной Италіи. Festus, XIV.—Volturna, можетъ быть, Велія Торна, см. пр. 20.

(26) Рѣка Сава извѣстна въ Сремѣ.—Rudia, конечно Руда; а Barium, опять Баръ, см. пр. 23.—Trventum, Трвентъ, форма чисто Словенская.—Иллиры, какъ видимъ, обитали по обоимъ берегамъ Адріатики, т. е. жили въ Иллиріи и заселяли часть южной Италіи. Liburni было племя Иллирское, а сами Иллиры ничто другое какъ Венды. «Illyrici autem id est Veneti, seu Liburni, longissime per totum Adriatici maris litus effusi». Iornan. de temp. successione, XI.—Исчисляя древнѣйшія города въ Италіи, нельзя не замѣтить нѣсколько первообразовъ именъ, повторяющихся вездѣ, гдѣ жили Пелазги, какъ въ отношеніи къ этимъ городамъ, такъ равно къ названіямъ самихъ племенъ. Таковы были:

a) отъ мѣстности:

1. Отъ «озера»: Aeserma, Kalasarna, Oseriates, Езериты (въ Мореѣ).

2. Отъ «моря»: Morea (въ Италіи); Morzi, Morimena, Morena, (въ Азіи); Морея (Пелопонизъ), Поморія, и пр.

3. Отъ «поля, дола, долины, равнины»: Dola (у Обричей); Peligni (Campani), Поляне, Долы, Dolonces, Doliones (въ Азіи); Ravena, ровное и т. д.

4. Отъ «брегъ, гора»: Breges, Phrygi, въ Азіи и Иллиріи; *Γερνικοί*, Горнаки; Karentini, Хорутане, Горотане; Hortana, Горотана, въ Италіи. Coralli, Горалы, во Θракіи; *Ζαγωρα*, Sangarios, въ Азіи; Sagra въ Италіи; Azagora, во Θракіи. Сюда же можно причислить географическія имена происходящія отъ «глъмъ, хлъмъ, хомъ, холмъ, helm». (Памят. народ. языка, лис. XII): *Χομά*, въ Ликіи; Holmi, въ Киликіи; Haemos (нынѣш. Балканъ), во Θракіи; Холмскій хребетъ, въ Черногоріи, такъ названный отъ Хома, высочайшей горы (10,000 ф.) этаго кряжа. Тамъ же и малый Хомъ (6500 ф.). Kollara, Cestopis, 189. Comum, у Тиренъ, въ верхней Италіи.

b) отъ собственныхъ именъ:

5. Кума, въ Азіи и южной Италіи, имя Амазонки. У древнихъ Словенъ «Кумъ, Кума», значило: преемникъ, преемница званія (Алекс. Слов. V, 61). Слѣдовательно Кума, наслѣдница власти царствовавшей предъ нею Амазонки.

6. Синопа, также Амазонка; городъ у Пелазговъ Азійскихъ и Италіанскихъ.

7. Larissa, дочь Пелазга: болѣе десяти городовъ Пелазгическихъ такъ назывались. Сюда же можно присоединить Larina, Arina, Aurina.

8. Отъ Велія: Veleia, Velia, Velina, Velitra. На Этрусскихъ надгробныхъ надписяхъ мы увидимъ много женскихъ именъ, происходящихъ отъ прилагательныхъ: «велій, велія», какъ то: Velia, Veletia, Velania, Velana, Velna, Velita, Velissa, Velusna, Velmuia, Velturisa, и мужское Velus (Велесъ). Lanzi, sag. di ling. Etr. II, 235 — 317.

9. Отъ Вила: Mephyla, Svila и др.

10. Отъ Панъ: Pan-dosia, Panna, Paeonia, *Παναιοι*, Панопа, Paeon, Paeones, Panones, вездѣ гдѣ жили Пелазги и ихъ потомки.

11. Отъ Антъ: Antium, Antandros, Andera, Antenor; Antes, соб. имя: Антъ, Анты.

12. Отъ Еней: Enetes, Henetes, Aenea (три города), Aenianes, Venutia, Venetes, Venetulani, Venones, Vendilici, Vindonissa, Aenetus.

13. Отъ Хорва, *Κυρβα*: Kurbantoi, Хорваты, Korventa, Kurbanta.

с) Отъ разныхъ предметовъ:

14. Отъ «туръ», дикій волъ: Turona, Turium, Turokol, Politurium, Saturna, Sturna, Duronium, Minturna

15. Отъ «волъ», быкъ: Tri-bola, Весь—вола, Krinovola, Boulia, Bolana.

16. Отъ «теля», теленокъ, или отъ «тѣла»: I—talia, Telina, Telesa.

17. Отъ «конь», лошадь: Koenys, Kaenina Koenis.

18. Отъ «куръ», пѣтухъ: Kures, Koeres, Kares, Kurites, etc.

19. Отъ «галица», галка: Halex, Halyzones, Halys.

20. Отъ «прузи», саранча, коники (Берында); отсюда прусакъ, blatta occidentalis: Prasii, Prusa, Pirusai, Peirosos, Prasos, Pirousia.

21. Отъ «весь, веска,» село, поселеніе: Ves-bola, Veskia и т. д.

22. Отъ «вертъ», вертоградъ, огороженное, укрѣпленное мѣсто; (отсюда врата, верея, и проч.): Vertinae, Veretiae.

23. Отъ «колъ», частоколъ, укрѣпленіе (pilotis): Turo — kol, Otri — kol (остро-колъ).

24. Отъ «корыто», выдолбленная колода, une auge: Korytas, Karaeta, въ отношеніи къ наружному виду горы.

25. Отъ «ядро», вещь или предметъ имѣющій круглою наружность; а «ядреный» значитъ крѣпкій, твердый, вѣроятно въ отношеніи къ мѣстности; или отъ адро, ѣдро,—sinus; Adria, Hadria, Ardea.

26. Отъ «колачь или калачь», striblita, sphaerita (Треязычный слов.), — печенный хлѣбъ, съ круглою душкою (отъ «коло», кругъ, колесо): Kalatia, три города въ Италіи; Kalatis, во Ѳракіи; Kolatio, въ Норикѣ и проч.

27. Отъ «руда», кровь, или земляная и каменная порода, изъ которой добываются сѣра и металлы: Rhoda, Rudia, въ Италіи; Rhodia, въ Ликіи; Rhodos, островъ Пелазгическій.

28. Отъ «скула, щека, носъ корабля (Рейфъ): Skyla, *Σκυλεον*, Daskyleon.

29. Отъ «мать, матерь», или «матерая, маторна» (у Малорус.): Matra, Matuska, Matora, Minturna, Amiterna.

30. Отъ прилагательныхъ: «темна»: Temna, въ Азіи, Antemna, въ Италіи; отъ «врана»: Orvana, Urbana, Orvina и т. д. Отъ «велій, веліи»: гора Velia, въ Римѣ; озера Veliae (выше, стр. 16). Velabrum, также въ Римѣ,

есть ничто другое, какъ «велія брама», т. е. тѣ огромныя ворота, которыя существуютъ еще теперь и называются Arco di Giano quadrifronte, полагая что онѣ были воздвигнуты въ честь полубога Яна. Римскіе антикваріи назвали ихъ этимъ именемъ, не имѣя ничего положительнѣйшаго сказать о нихъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, ихъ называли templum Iani (Donati, Roma vetus, 152); позднѣйшіе описатели Рима, видя всю нелѣпость этаго наименованія,—ибо это зданіе ничто другое, какъ громадныя ворота, черезъ которыя и нынѣ можно проѣзжать,—назвали ихъ Giano quadrifrons, послѣднее потому, что онѣ имѣютъ четвероуголную наружность. Черезъ эту «велію браму», всегда, неминуемо, проѣзжали всѣ тріумфаторы Римскіе, для шествія въ Капитолій. Это утвердительно свидѣтельствуютъ Светоній: Gallici triumphi die Velabrum praetervehens poene curru excursus est, axe defracto, (in Caesare; Donati, 65), и Проперцій: quà Velabra solent in circum ducere pompas (Donati, 123). Наименованіе этихъ воротъ сперва храмомъ, потомъ portico di Giano (описаніе Рима 1775 г.) и наконецъ Arco di Giano, основано единственно на словахъ Светонія, что «Домиціанъ, воздвигъ много памятниковъ и статуй Яну» (in Domit. 13), безъ малѣйшаго указанія на мѣстность этихъ зданій. Не взирая на это, топографы Рима непремѣнно хотятъ, чтобы эти ворота, были Arco di Giano, хотя на нихъ нѣтъ ни надписи, ни изображенія Яна, ни другихъ какихъ либо указаній на Пелазгическаго полубога. Эта «велія брама» состоитъ изъ четырехъ воротъ, крестообразно расположенныхъ, однѣ противъ другихъ и соединенныхъ, вверху, одною общею крышею, такъ, что подъ ними можно проѣхать по двумъ направленіямъ, съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ. Отъ «велія брама» и вся мѣстность, въ послѣдствіи, называлась Velabrum. Тутъ построенная теперь, близъ воротъ, церковь Св. Георгія, именуется Римскими жителями: S. Georgio in Velabrum. Для объясненія послѣдняго слова, выдумали, что оно происходитъ а vehendis ratibus, а это отъ palude (болота), будто бы, находившагося между Капитолійскаго и Палатинскаго холмовъ, и которое составилось отъ разлитія Тибра и источниковъ, текшихъ съ холмовъ Авентинскаго и Палатинскаго. Nibby, Jtiner. 11, 369 и Melchiori, Guida di Roma, 779. Послѣдній прибавляетъ, что болото было высушено Анкомъ Марціемъ и Тарквиніемъ старшимъ, и что, на этомъ самомъ мѣстѣ, были построены Circus maximus и Forum Romanum. Но, на нынѣшней мѣстности Velabrum, 1) нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ источниковъ воды; 2) Тибръ отсюда не близокъ, 3) по болоту (palus) нельзя ѣздить на шлюбкахъ, ибо болото не озеро, и 4) если мѣстность была такъ осушена, что тутъ воздвигли циркъ, forum, и огромныя ворота, то и названіе она получила отъ послѣднихъ, какъ примѣчательнѣйшаго, изъ всѣхъ тутъ находившихся зданій, именно Velabrum, отъ Велія брама. Brama, brana, velika

vrata; brama triumfalna. Linde, I, 161. И у насъ въ старину «брана» значило: ворота. Острабрама, въ Вильнѣ.

(27) Videntur mihi primi homines, qui Graeciam olim coluere, eosdem tantum novisse deos, quos nunc barbarorum complures Solem, Lunam, Terram, Stellas. Platon. in Cratil.—Италіанскіе Пелазги также точно поклонялись Солнцу и другимъ небеснымъ свѣтиламъ и отъ этого, на древнѣйшихъ монетахъ, битыхъ въ Этруріи, всегда видимъ луну и колесо (коло), эмблемму солнца. Lanzi, Sag. di ling. Etrus. II, 16. Le soleil et la lune étoient les divinités des Latins. Niebuhr, hist. Rom, II, 85. Солнце еще и нынѣ называетъ нашъ простой народъ «княземъ». (И. М. Снегиревъ, Рус. Празд. III, 6).

(28) Уже при Эвандрѣ извѣстна, на Палатинской горѣ, пещера, посвященная Пану (Солнцу), называвшаяся Lupercal. Virg. Aeneid. VIII, 343—345. Luperci,—жрецы Пана, и Фавна. *Παννος* Греки превратили въ *Φαυνος*.— Въ Аркадіи, предъ статуею Пана, горѣлъ неугасаемый огонь (Pausan. VIII, 37): отсюда и надписи, въ честь его: Lucido Pani (у Montfaucon, Ant. Exp.), лучезарный, свѣтящій Панъ, т. е. Господинъ, Солнце.—Салійскіе жрецы существовали, у Пелазговъ, до прибытія Энея въ Италію. Virg. Aeneid. VIII, 285 и 663. Carmina Saliaria, quae a Saliis sacerdotibus canebantur in universos homines composita. P. Festi, de signif. verb. c. 1.—Еней жилъ семь лѣтъ, послѣ взятія Трои. D. Halyk. 1. Четыре года продолжалось его плаваніе, съ пребываніемъ во Ѳракіи, Иллиріи и др. странахъ, а остальные три года онъ провелъ въ Троѣ Латинской. Nieb. I, 271 и 289. Нибуръ совершенно согласенъ съ Діонисіемъ, что царство Троянское (Иліад. XX, 307) могло существовать, въ Азіи, независимо отъ переселенія Энея въ Италію (Hist. Rom. I, 252).

(29) Такъ сказано въ тѣхъ описаніяхъ похода Русскихъ, которые мы читали въ Италіи: сожалѣемъ, что тогда незаписали названій этихъ сочиненій.

(30) Kurinos, главное божество Сабинъ, жившихъ въ Kures. Римляне переименовали бога Kurinos,—Марсомъ (Plutar. in Rom. 25 и 41. D. Halyk. II. 10). По переселеніи Сабинъ въ Римъ, Римлянъ стали называть *Κυρῖτες*, Quirites, отъ города *Κύρης*, Cures. Естественно, что и богъ Сабинъ «Kurinos», принесенъ ими въ Римъ и тогда сдѣлался защитникомъ города. Отъ этого «Mars gradivus», защитникъ града, «градовый». У насъ прежде писали: «стѣны градовныя» (объ осадѣ Троиц. монастыря, 204). Kuriejis, эпитетъ Перуна, Солнца и названіе жреца, у Литовцевъ; отъ того же корня происходитъ Хорсъ. Изв. II отд. Акад. наукъ, I, 115. Макробій положительно свидѣтельствуетъ, что Mars и Солнце были, у древнихъ, одно и тоже божество (Macrobii, Saturnal. I, 19). Scaliger доказалъ, что древній Пелазгическій Янъ есть также ничто другое, какъ богъ Солнце, а Цирцея, дочь его. Niebuhr, I, 119. И Юнону называли Курита: «Curis appellata est». Festus, III.

(31) «Пляска Куритовъ въ большомъ уваженіи у Римлянъ. При каждомъ богослужебномъ празднествѣ, всегда молодые люди предшествуютъ жрецамъ и пляшутъ впереди всего торжественнаго хода. Этихъ плясуновъ Римляне называютъ Lydiones, потому что игры и пляска, ими заимствованы отъ Лидовъ» D. Halyk. II, 18.—Histros назывался искуснѣйшій и проворнѣйшій изъ всѣхъ лицедѣевъ, приглашенныхъ въ Римъ изъ Тиреніи. Отсюда, въ послѣдствіи, названіе всѣхъ участвовавшихъ въ представленіяхъ и играхъ, которыя совершались въ честь Вакха (Солнца). Plutar. Quaes. Rom. 107. Histrie, Histaeos назывался также военачальникъ Персея, царя Македонскаго, упоминаемый въ 168 году, до Р. Х.; а Т. Istra былъ преторомъ въ 183 году, до Р. Х. Т. Livii, XLIV, 35, и XXXIX, 56. Сравни: Истра (Дунай); быстръ и проч.

(32) По преданію Ѳраковъ, первый извѣстный повелитель смертныхъ, назывался Uranos (Вранъ), а жена его Земля. У нихъ двѣ дочери: старшая Basilea была праматерь всѣхъ боговъ; меньшая называлась Rhea, иначе Pandora. У старшей дочери (Basilea) было двое дѣтей: сынъ Helios, или вѣчный, священный Огонь, освѣщающій весь міръ и дочь Selene (Луна), называвшаяся также Mene (μηνή). Diod. III, 56 и 57. Въ Волынской губерніи еще и теперь поютъ, въ хороводныхъ пѣсняхъ:

У крывого танця,
Та не выведемъ кинця,
Га Уранъ матку кличе:
Та подай, матко, ключи,
Одимкнуты небо, —
Выпустыты весну
Дивоцькую красу, и проч.

Этотъ Уранъ не Греческое олицетворенное Небо. Онъ свѣтоносное существо, которому поклонялись Словене, подъ разными именами: Свѣтовида, Бѣлбога, Перуна, Радегаста, Даждь бога, Сварожича и т. д. И слова сочинителя сказанія о Мамаевомъ побоищѣ: «сіе повѣдай, Уранъ, како случися брань на Дону», относятся къ нашему же Врану или Урану, а не къ Еллинскому. Моск. Вѣд. 1853, № 35.

(33) *Ρητρα*, оракулъ у Еллинъ, происходитъ отъ Пелазгическаго Rhetra. Въ царствованіе Кекропса, въ Аѳинахъ, за 1570 лѣтъ, до Р. Х. не было и помину о Грекахъ. Тамъ жили одни Пелазги; а Hellen родился не прежде 1523 года. (Lacher, Chronol. d' Herod. 569, 570). Сыновья и родъ Еллена сдѣлались извѣстны послѣ 1430 года, до Р. Х. Слѣдовательно все, что предшествуетъ этой эпохѣ ни мало не относится къ исторіи Еллинъ. — Замѣтимъ, что и Римляне называли Liba, пшеничный хлѣбъ, употреблявшійся, особенно, при жертвоприношеніяхъ, T. Varronis, de re rustica, II, 8.

Сравни liba съ (х) лѣбъ, хлибъ, какъ говорятъ Новгородцы. Это было слово Пелазгическое, ибо позднѣйшіе Латины его замѣнили другимъ (panis).

(34). На праздникѣ, когда похищены Сабинки, находились, по приглашенію Ромула, жители Antemnae, Krustumeria, Kaenina, всѣ Сабины. T. Liv. 1, 9.— «Въ Петербургѣ, послѣ крещенія, въ каждый празникъ и по воскресеньямъ, по набережной тянется, въ 4 часа, длинный рядъ экипажей, въ которыхъ показываютъ и смотряться невѣсты. Тутъ женихи выбираютъ будущихъ супругъ, а невѣсты глядятъ жениховъ. Въ лѣтнемъ саду, въ духовъ день, въ продолженіи тамъ бывающаго гулянья, также бываетъ смотръ и выборъ невѣстъ.» Спб. вѣд. 1853, N 17. Въ Москвѣ, такой выборъ невѣстъ бывалъ, въ Крещеньѣ, на набережной. Зап. студ. въ Москвит. 1853, VII, 104. Еще недавно, въ Черногоріи не брали женъ, изъ чужаго рода, да и своихъ не просили, а просто похищали и не только дѣвицъ, но и замужнихъ. Спб. Вѣд. 1853, № 25. Въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ. и въ мѣстахъ смѣжныхъ съ этою и Костромскою губерніями, и теперь существуетъ «уводъ невѣстъ». Молодой человѣкъ, подмѣтивъ нравящуюся ему дѣвицу, въ народныхъ гуляньяхъ и катаньяхъ, схватываетъ ее и везетъ въ церковь. Иногда женихъ нападаетъ, какъ бы нечаянно, на катающихся дѣвушекъ и уводитъ свою невѣсту. Родные ее защищаютъ и не отдаютъ похитителю. Начинается ссора и драка, а невѣста говоритъ имъ: нейду! ни за что нейду! женихъ вырываетъ ее изъ рукъ и уѣзжаетъ съ нею. Увезенная опять кричитъ: простите, благословите! Часто невѣста похищается изъ гостей, бесѣдокъ, гуляній, или съ рѣки, при мытьѣ бѣлья. Слѣдовательно древній Словенскій обычай похищенія, или увода невѣстъ не изчезъ и въ наше время, А. Терещенко, въ Москвит. 1852, XXIII, 129. Прежде плата, за жену, существовала во всей Сербіи и Черногоріи и была столь велика, что бѣдные принуждены были отказываться отъ супружества. Но Георгій Черный опредѣлилъ закономъ, чтобы за невѣсту не платили болѣе червонца. Спб. Вѣд. 1853, № 25. Въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ, о Гришкѣ Отрепьевѣ:

Онъ и дѣлалъ свадьбу не въ удобный день,
На тотъ ли на праздникъ, на Николинъ день и проч.

Памят. нар. языка, л. VIII, ст. 114. Т. е. 1606 года, 9 числа Маія мѣсяца, въ продолженіи котораго бракосочетаніе, на Руси, почиталось дурнымъ предзнаменованіемъ. (Карам. XII, пр. 20.)—Кадмъ, водворившись съ колоніею Финикіанъ, въ Ѳивахъ, за 1550 лѣтъ, до Р. Х, сообщилъ Пелазгамъ, тутъ живщимъ, буквы Финикійскія. «Линъ, современникъ и даже братъ Орфея (по Аполлодору, II, 4 и 9), первый изъ Ѳраковъ, приспособилъ эти Финикійскія буквы къ Пелазгическому языку, назвалъ каждую особымъ именемъ и опредѣлилъ ихъ видъ. Эти буквы, хотя и были Финикійскія, по своему происхож-

денію, но съ тѣхъ поръ, ихъ стали называть Пелазгическими, потому что Пелазги ихъ измѣнили и стали употреблять первые (въ Европѣ). Этими Пелазгическими буквами Линъ написалъ жизнь Вакха и изложилъ много другихъ миѳовъ. Орфей и Пронапидъ, наставникъ Омира, равно какъ Thymoetis, писали также Пелазгическими буквами, а послѣдній сочинилъ Фригійскую поэму на томъ же древнемъ языкѣ. Diod. III, 67. Линъ былъ учитель Орфея, (Ib. 68), родившагося въ 1382 году, до Р. Х. Указанія на древній языкъ, которымъ говорили первобытные жители Италіи, и на буквы Пелазгическія, находятся у всѣхъ позднѣйшихъ писателей. «Отвѣтъ прорицалища Додонскаго, данный Пелазгамъ, которые основали Спину, въ Италіи», пишетъ Діонисій Галикарнаскій, «сохранялся въ храмѣ Юпитера, вырѣзанный на треножникѣ, древними буквами.» D. Halyk. 1, 3. Въ храмѣ Юноны, въ южной Италіи, хранился мѣдный кубокъ, оставленный тамъ Энеемъ и Троянами, на которомъ было начертано имя Энея, древними буквами, пишетъ Діонисій (D. Halyk. 1). Плутархъ положительно свидѣтельствуетъ, что при Ромулѣ жители Лаціума не говорили еще по Латынѣ (Plut. in Rom. 17). Законы царя Сервія Туллія были начертаны на колоннѣ древними буквами, которыя употребляли первобытные жители Греціи. Мирныя условія, между Тарквиніемъ Гордымъ и жителями города Габіи были вырѣзаны на деревянномъ щитѣ, тѣми же древними буквами. Колонна и щитъ существовали въ Римѣ, въ храмахъ Діаны и Юпитера, при Діонисіѣ Галикарнасскомъ. D. Halyk IV, 7 и 12. Законы, при Пелазгахъ были начертаны на дубовыхъ доскахъ (D. Halyk. III, 36) или писаны, по бѣлой краскѣ, если доски были ею покрыты. Nieb. 1, 349. Титъ Ливій, подъ годомъ 360, до Р. Х. упоминаетъ о законахъ, писанныхъ древними буквами и на древнемъ языкѣ Лаціума.» (T. Liv. VII, 3). Въ Кумѣ Римскій языкъ введенъ только за 180 лѣтъ, до Р. Х. (T. Livii, XL, 42)— Нибуръ весьма справедливо сказалъ: il faut renoncer au rêve, qui plonge l' Jtalie dans la barbarie et ne fait honneur de ses sciences qu'aux relations de Rome avec la Grèce (1, 385).

(35) Построеніе крѣпости въ Аѳинахъ и кладка стѣнъ, изъ монолитовъ, начиная отъ Praenesta, и даже отъ Ardea, до самой Альбы, суть работы Пелазговъ, передъ коими всѣ зданія императоровъ кажутся ничтожными. Тѣже Пелазги, въ крѣпкой горнокаменной породѣ, на разстояніи слишкомъ 30 стадій, провели гиганскіе рвы, для стока воды, изъ озера Копаіs, которыхъ ежегодное содержаніе превосходило, при Александрѣ Великомъ, всѣ доходы Біотіи. Le fameux émissaire de la vallis Albana (de Grota Ferrata) est une ouverture pratiquée dans le roc vif, l'espace d'un demi-mille, avec le caractère grandiose qui distinque les tems très anciens. Niebuhr, hist. Rom. I, 246 и 286.—Древность ваянія, у Пелазговъ Италіанскихъ, засвидѣтельствована Пливіемъ. Эвандръ воздвигъ статую Ираклу, которую, въ по—

слѣдствіи при Плиніи, всегда украшали одѣяніемъ тріумфатора. Нума также поставилъ, въ Римѣ, статую Яна двуличнаго. Plin. XXXIV, 16. Что касается до ваянія, у Этрусковъ, продолжаетъ Плиній, то статуи ихъ работы разсѣяны по всему свѣту (per terras dispersa). Они представляли, не только изображеніе боговъ, но дѣлали и статуи людей; ибо, по свидѣтельству Metrodorus изъ Scepsis, Римляне именно взяли приступомъ Volsinia, для похищенія, изъ этого города, двухъ тысячей статуй, тамъ находившихся, работы Этрусковъ. Plin. XXXIV, 16. И теперь въ Ardea, пишетъ Плиній, существуетъ живопись, въ храмахъ, которая гораздо древнѣе основанія Рима и эти картины столь еще изящны, что существуя столько времени открыто, не потеряли ничего изъ своихъ первоначальныхъ красокъ. Также въ Lavinium находятся живописныя изображенія Аталанты и Елены, разительной красоты. Время непощадившее зданіе, нимало не повредило стѣнной живописи. И въ Caere сохранилась живопись еще древнѣйшая, чѣмъ вышеупомянутыя двѣ, и столь же изящная. Plin. XXXV, 6.—Надгробный памятникъ Mausolo, царя Каріи, считался въ числѣ семи чудесъ древняго міра. Сѣверный и южный его бока имѣли 63 футa (pedes) длины; два другіе были короче. Вся окружность 411 футовъ; а вышина 25 (cubites) локтей. 36 колоннъ составляли перистиль вокругъ всего памятника. Plin. XXXVI, 4.—По предсказанію Этрусковъ древній Римъ долженъ былъ существовать именно 12 вѣковъ. Римляне, узнавъ число своихъ воиновъ, убитыхъ Тарквинами, опредѣлили, за каждый десятокъ Римлянъ, предать смерти 12 Этруръ. — По хронологіи Фабія, отъ построенія, до взятія Рима Галлами, эпоха раздѣлялась на 240 лѣтъ до царей, и 120 л. послѣ нихъ, или точнѣе на 3 періода, каждый въ 10 разъ, по 12 годовъ. — La thèologie Romaine enseignoit que le terme fixè, par la nature, à la vie humaine, ètoit de douze fois dix annèes solaires. Niebuhr, hist. Rom. I, 314, 355, 399; и II, 190. Duodecim deorum nominibus. Festus, XI.—Въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ упоминаются «выходы княженецкіе»:

Двѣнадцать тысячь золотой казны,
На двѣнадцать тысячь чистово серебра,
На двѣнадцать тысячь крупного жемчугу,
На двѣнадцать тысячь ясныхъ соколовъ,
На двѣнадцать тысячь бѣлыхъ кречетовъ,
На двѣнадцать тысячь мелкихъ пташычекъ.»

Изв. Акад. Русск. языка, I, 113. Добрыня, прощаясь съ женою, приказываетъ ей ждать себя двѣнадцать лѣтъ (у Кирши Данилова). *Γυρα*, описанная Ксенофонтомъ, въ Kyrop. L. VIII, была военная пляска у древнихъ Грековъ. И. М. Снегирева, Рус. празд. I, 227. — *χλῃδονα*, сосудъ, употреблявшійся при подблюдныхъ пѣсняхъ, у Пелазговъ,—сравни съ нашими «блюдо, (под) блюдный»; именно *χλῃδο* (*να*), блюдо.

(36) Въ текстѣ Павзанія, и во всѣхъ рукописяхъ, дошедшихъ до насъ, очень ясно читают слово «Lipephyla». о Kuhnius, аббатъ Gedoyn и другіе издатели и переводчики Павзанія, не понимая значенія этого слова, предлагаютъ его замѣнить другимъ: Deiphyla; ибо, послѣднее, какъ они полагаютъ, ближе къ свойству Еллинскаго языка, чѣмъ Lipephyla». Такъ, очень часто, западные ученые уничтожаютъ и то малое число указаній, которыя до насъ дошли о произхожденіи потомковъ Пелазговъ. Замѣтимъ еще, что въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Малороссіи, въ числѣ мѣстныхъ повѣрій и преданій, сохранилось имя «Шати-врла», божества, помогающаго, служащаго Бабѣ Ягѣ (Лит. Приб. № III, къ Журн. Мин. Нар. Пр. 1852, Декабрь); а Сивилу, водившую Энея въ «пекло», Котляревскій называетъ, по Малороссійски, «Ягою». (Енеида, на Малоросс. языкѣ III, 56, 61, 66 и на др. стр). — Что книги Сивилъ, хранившіяся въ Римѣ, были привезены изъ страны Пелазговъ Азійскихъ, можетъ служить доказательствомъ повелѣніе, въ этихъ книгахъ написанное, «боготворить богиню горы Ida (въ Троадѣ). T. Livii, XXIX, 10. Когда онѣ сгорѣли, то Римляне посылали списывать вновь этѣ книги съ туже Малую Азію, именно въ Erythraea. Варонъ также полагалъ, что Сивила Эриөрейская была та самая, которая продала книги Тарквинію, (Servius ad Aen. VI, 36). Вмѣстѣ съ книгами Сивилъ, хранились, въ Капитоліи, Этрускія предсказанія Сивилы Bygoe, (Ib. ad Aen. VI, 71). Niebuhr. hist. Rom. II, 281—283. Bygae, срав. съ Яга. Aege, Amazonum regina. Fest. I. Яга (баба).

(37) Прибавимъ здѣсь свидѣтельство ученаго изъискателя нашихъ древностей вполнѣ раздѣляющаго наше мнѣніе. «Отъ древняго сродства, въ предъ историческія времена, Славянъ съ Римлянами, которые сами хвалились происхожденіемъ своимъ отъ Венетовъ, Славянскаго племени, ... вошло въ Рускій міръ много повѣрій и обычаевъ, а въ языкъ много словъ Римскихъ. Древній Римскій языкъ, по мнѣнію Арндта и Г. Мейдингера, ближе съ Славянскимъ, чѣмъ съ Нѣмецкимъ. Сколько Римскаго доселѣ осталось въ общихъ чертахъ Руского народа, въ его быту въ законахъ, въ календарѣ и т. п. Выше замѣтили мы о сходствѣ нѣкоторыхъ народныхъ суевѣрій и религіозныхъ обрядовъ у Римлянъ съ Славяно-Рускими. Геній хранитель, постѣнь, (incubus succulus), домовой (domiducus), родительскія (parentalia) девятины (novemdialia), и пр., возводятъ насъ къ религіямъ Пеласгійскимъ, столь сходнымъ съ древне-Италійскими. Если ближе сличить происхожденіе и знаменованіе нѣкоторыхъ боговъ Римскихъ: то они, можетъ статься, найдутся нечужими Славянскимъ. Римское Frutis Seja, или Seiana, вѣроятно родственница съ Славянскою Сѣваною, происходящею отъ сѣянія, какъ Vertumnus, богъ садовъ и плодовъ отъ *верта*, сада. Древнія Рускія слова *дивъ* и *дива* близки съ Латинскими divus, diva, или съ упоминаемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ deivos sanos и deiva sana, божествъ солнца и луны, сходныхъ съ нашими

Ладо и Ладою. Неопредѣленность пола божествъ ясно выражается въ самыхъ молитвахъ Квиритовъ: sive deus, sive dea. Благоговѣніе къ аэролитамъ и камнямъ одинакое почти было у Славянъ Русскихъ съ Римлянами и Греками, которые имѣли у себя ombria, lapides sacri, baetyli, keraunias и Iupiter lapis, которымъ они клялись. У Латинъ хожденія вокругъ полей предъ посѣвомъ и послѣ посѣва: ambarvalia, sementinae, похожи на подобные Рускіе обряды, кои и донынѣ существуютъ между простымъ народомъ. Упомянутые въ Стоглавѣ гудцы и *прегудницы*, игравшіе со скоморохами на могилахъ покойниковъ, близки съ Латинскими tibicines и fidicines, а плакуши съ praeficae. Подобно древнимъ Римлянамъ, народцы, населявшіе Русь, сожигали своихъ умершихъ, для того, чтобы тлѣнные остатки сохранить отъ поруганія и душу очистить отъ скверны плоти. У Рускихъ и донынѣ, по Уставу церковному, бросаютъ землю на мертваго, какъ бывало у жителей Лаційскихъ, по совершеніи же похоронныхъ обрядовъ, даютъ обѣдъ въ память усопшихъ, Латинскій silicernium, charistia. Какъ у Римлянъ дѣлались возліянія (libationes, manibus parentabatur), на жертвенникъ, сооруженный предъ гробницею, такъ доселѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, на пр. въ Галичѣ, въ родительскія, третины, девятины и сорочины, льютъ панихиду (канунъ) на могилы покойниковъ. Изъ Луціана и Ювенала видимъ, что Греки и Римляне клали на гробницы яйцы, какъ очистительныя жертвы: что донынѣ наблюдается въ Радуницу между простымъ народомъ, въ Россіи. Упоминаемыя въ Корчей *Каланды Январскія*, неизвѣстныя Еллинамъ, во многомъ сходны съ играми святочными, такъ какъ и старинныя слова *скураты* и *лары*, или личины, хари, встрѣчающіяся въ отеческихъ книгахъ, въ свойствѣ съ Латинскими scurra и larva; даже въ Номоканонѣ Аѳонской горы, (напеч. въ Кіевѣ 1624 г.) говорится, что «нынѣ въ одежду женскую мужіе облачатся, «и жены въ мужскую, или наличники, якоже въ странахъ Латинскихъ (Хрі-«стіанъ Запад. Церкви), злѣ обыкоша творятъ.» Римляне, во время Палилій, праздника основанія Рима, какъ у насъ въ Купалу, палили сухое дерево и хворостъ, и черезъ этотъ огонь троекратно перескакивали. Канне, въ Миѳологіи своей, вмѣстѣ съ издателями Edda Saemundina, находитъ очевидное сходство Латинской Палесы, Pales, съ Азіатскимъ Bal, Baal, Скандинавскимъ Bal, огнь, пламя, и Рускимъ *палитижечь* и *палило*. Паліемъ, въ Малороссіи, прозывается Св. Пантелеймонъ потому, что онъ палитъ копны сѣна и скирды хлѣба у тѣхъ, кто-работаетъ въ его праздникъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ совершался въ Римѣ, при Остіи, праздникъ Maiuma, во время коего мущины обливали другъ друга водою, какъ бывало на Руси, во время всей Свѣтлой седмицы. Въ Римѣ, въ идахъ Мая, торжественно кидали, съ священнаго моста въ Тибръ тростниковыхъ болвановъ (simulacra scirpea): Нѣмецкіе Славяне и жители нѣкоторыхъ областей Россіи, доселѣ бросаютъ въ рѣки, съ

различными обрядами, соломенныя чучелы весной и лѣтомъ. Какъ у Римлянъ, такъ и у Рускихъ, Май мѣсяцъ почитался неблагопріятнымъ для супружествъ; у первыхъ была пословица: mense Maio nubunt mali, сходная съ примѣтою послѣднихъ: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ маяться.* Въ свадебныхъ обрядахъ Римлянъ и Рускихъ находится много сходнаго: самое слово свадьба, стар. *сватба*, одного корня съ Латинскимъ svada, т. е. привлекательная, прозваніе Венеры, такъ равно и свадебный коровай съ древнимъ обрядомъ бракосочетанія, confarreatio, при коемъ, по свидѣтельству Т. Варрона, въ древности у Римлянъ, на порогѣ ставились огонь и вода, первый знаменовалъ мужа, а вторая — жену: ибо огонь оплодотворяетъ, а вода производитъ». И. М. Снегирева, Русс. простонар. праздники, I, 65—70.

(38) . . . et ita habuisse Etruscos, quod, ex duodecim populis, etc. T. Liv. I, 8. Слѣдовательно, первоначальная Тиренія раздѣлялась на двѣнадцать племенъ. — По единогласному мнѣнію всѣхъ коментаторовъ и переводчиковъ Стравоновой географіи, Lukumon означаетъ начальника, предводителя племенъ Этрускихъ; или посадника каждаго, изъ двѣнадцати главныхъ городовъ Этруріи. (De la Porte du Theil, Strab. V, 4, p. 147.)—Lukumon, у Этрусковъ, тоже, что Patricius, у Римлянъ, говоритъ Нибуръ, (Hist. Rom. II, 100).—И во всѣхъ лексиконахъ Латинскихъ, Lucumon, переводится всегда: «правитель, князь, царь,» (Кроненберга, 1083).—Мы думаемъ, что это слово можно объяснить, какъ другія наши, означающія также званіе, санъ, должность; на примѣръ Ата-манъ, Гет-манъ, Лаш-манъ. Въ этомъ предположеніи, Lucu-mon, Лихо-манъ,—будетъ значить: «лихой, лучшій, исправнѣйшій, достойнѣйшій изъ людей, гражданъ». Лихо, — у насъ значитъ (въ Нижегородской губерніи): «умно, свободно, легко (Облас. Велико Русс. Слов. 103).» Лихой малой — «проворный, на все способный. О словѣ манъ (человѣкъ) см. Времен. XIII, 86. Въ Черниговской губерніи и до сихъ поръ извѣстна фамилія: Лихоманъ (Москвит. 1852, IV; отд. VII, 35) и въ Москвѣ: Лухманъ.

(39) Сардинія принадлежала Тиренамъ и самое имя, вѣроятно, происходитъ отъ Sardes, стольный городъ Лидіи. Плутархъ положительно свидѣтельствуетъ, что Сарды и Венетане (Тирсны, Венеты) слова однозначащія (выше стр. 38).

(40) Крѣпость Kremona, тоже, что Кремль, Кремникъ, Кременикъ, Кременецъ, Кременная, Кременское, Кромы, Кременчукъ, и мн. др. (см. въ Щекат. Словарѣ). Всѣ эти географическія имена значатъ «укрѣпленное, огороженное мѣсто» (Шимкев. Корнесловъ, 117); за—кромъ, — отдѣленное, безопасное вмѣстилище. — Bononia, Bolonia срав. съ Болонескъ. Въ духовной В. К. Димитрія, упоминаются волости: Боянь, Берестовъ, Болонескъ, Рудь, и проч. Карам. V, пр. 116. Ticinum, отъ «тычье, тычина», заостренные колья,

изъ коихъ строилась, у первобытныхъ поселянъ, ограда, защита села, какъ городъ отъ городить, защищать. Тычинъ, или Тучинъ, мѣстечко на Горынѣ, Волынской губерніи. Тушинъ, близъ Москвы, гдѣ также валъ и укрѣпленія.—Страбонъ пишетъ (V, 2): «въ 36 миляхъ, отъ Plakentia, по направленію къ области, которою владѣетъ Kotios, (Хотъ, Котъ) — находится Ticinum, на рѣкѣ Ticinus, впадающей, въ Padvus; далѣе Ocelum и теченіе рѣки Durias.» Плиній: «Cottianae civitates XII,—«вѣроятно городки, посады Кота, — помѣщаетъ въ самомъ кряжѣ Alpes Paeninae и прибавляетъ, что всѣ эти «двѣнадцать городковъ находились всегда въ мирѣ съ Римомъ» (Plin. III, 24). Діонъ Кассій говоритъ, что императоръ Клавдій прибавилъ, къ области Юлія Кота (Iulius Cottius),—находившейся въ Alpes Paeninae и полученной имъ въ наслѣдство отъ отца своего, — еще другое владѣніе и дозволилъ Хоту именоваться царемъ, (rex). Даже часть кряжа горъ, гдѣ находилось владѣніе Кота, называлось Alpes Cotitae (отъ Viso, do горы Cenis). Dion. Cass. LX, 24. Этотъ Котъ умеръ въ царствованіе Нерона, и тогда вся, ему принадлежавшая область была присоединена къ Римской имперіи. Sueton. in. Nero. 18. Изъ всего изложеннаго можемъ вывести заключеніе, что Хотъ, былъ Лукуманъ, или предводитель Венделикскихъ племенъ, жившихъ въ планинахъ Альпійскихъ, на сѣверъ отъ Como, и котораго отецъ уже умѣлъ составить себѣ отдѣльное владѣніе, конечно, подъ главнымъ господствомъ Рима, что доказываетъ, неоспоримо, придаточное имя послѣдняго Хота: «Iulius Cothus, и свидѣтельство Плинія, что Венделики ему повиновавшіеся никогда не нападали на ту часть древней Ретіи, которая уже была обращена въ Римскую провинцію. О имени Пелазго — Ѳракійскомъ: *Κοτης*, *Κωτος*, Kotus. и Словенскомъ: *Χατζων*, Котъ, Хотъ, Хотовичь и др. см. Времен. X,—73—75.

(41). Городъ Beron Страбоновъ есть нынѣшняя Верона, т. е. Врана (Варна) Пелазго—Венетская. Она принадлежала, первоначально, Евганетамъ (Plin. III, 23), которыхъ Enetes оттѣснили отъ теченія Медвака и Падьвы, далѣе въ предгорія Альпійскія (выше стр. 78). — Brexia, нынѣ Brescia, есть наше Берестіе, Брестъ, извѣстный въ 1097 году (Лавр. лѣт. 112). Въ Сербскихъ хрисовулахъ упоминаются два села: Брѣстъ. И теперь, въ Сербіи: Brsetsh и Brzéché (Boué, Turquie, I, 125 и 333). — Comum, нынѣ Como, есть hom, hlum, (какъ волкъ и wuk), холмъ, (Kollar. Cestopis. 189). У насъ Красный Холмъ, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Холмъ, городъ Псковской губерніи. Холмогоры, въ Архангельской губерніи. — Въ первомъ вѣкѣ, до Р. Х. была поселена, въ этомъ городѣ, Римская колонія, состоявшая изъ восьми тысячь переселенцевъ, и въ числѣ ихъ до пяти сотъ Грековъ. Эти послѣдніе составили отдѣльное село и назвались *Νεοκωμηταὶ*, т. е. новопоселенцы. Отсюда явилась басня, что Comum есть Греческое слово *Κώμη*, означающее «деревня, село (Strab. V, 2). Но Comum существо-

валъ еще при господствѣ Этруссковъ и Галловъ надъ сѣверною Италіею, въ VI вѣкѣ, до Р. Х. (Iustin, XX, 5), и если Греки назвались Novocomenses, то конечно существовалъ, до ихъ водворенія, древній, прежній Комъ. Иначе они небыли бы Новокомцами; а въ древнемъ Comum небыло Греческихъ колонистовъ. Эта этимологія опять основана на извѣстной страсти Еллинъ все объяснять своимъ языкомъ и все пріурочивать къ своему народу.

(42) Въ отношеніи къ именамъ городовъ древней Этруріи замѣтимъ слѣдующее. Fidena, срав. съ Udina, (въ древней Венетіи), по Хорватски Видина; Видня, нынѣ Вѣна, въ нашихъ «Памятникахъ диплaмот. сношеній,» называется Вѣдна (II, 34, 750, и въ др. мѣс.) Klusium, въ древнѣйшія времена Kamars; ибо, на монетахъ, всегда Пелазгическими буквами *КАМ*; а въ позднѣйшихъ сношеніяхъ съ Римомъ называется уже Klusium. T. Liv. Polyb. и Lanzi, Sag. di lin. Etrusca, II, 19. На Руси, нѣкогда, существовала, «Камарицкая волость,» кажется между Черниговскою и Орловскою губерніями. У насъ также извѣстна народная «камарицкая» пляска. Камаръ назывался предводитель Обричей, или Сикуловъ, современникъ Пелазгическаго Яна и отъ этого Комара самый городъ могъ быть названъ его именемъ, какъ Tarchinia отъ Tarchon (Тарша). Lanzi, II, 44. Что касается до позднѣйшаго названія Klusium, то Lanzi полагаетъ, что «городъ такъ названъ отъ болотъ его окружавшихъ (Klusina palus; у Стравона: λιμνη περὶ κλουσιον) и теперь еще окружающихъ (Maremna Senese, pur paludosa). И нынѣ тутъ водятся дикіе кабаны, изображенія которыхъ постоянно находятся на всѣхъ монетахъ древняго Klusium, прибавляетъ Ланци. Слѣдовательно мы можемъ производить это имя отъ древле-Словенскаго: «калужа,» тина, грязь, стоячая вода. Лексик. Берынды. Отсюда нынѣшнія: лужа, лугъ, мокрое, залитое водою пастбище; *Лужичи*, *Лужичане*, и проч. Мы также имѣемъ слово: Халуга, Вост. Остром. Ев. 302; и у Берынды: стр. соз — Karena могла быть названа отъ «капь» imago, образъ (Матер. для Слов. 6), истуканъ, изображеніе языческаго божества и отсюда «капище, каплица,» божница.—Kaera и жители ея Kaeretani, срав. съ нашими: Курень, село Черниговской губер. Курскъ и жители его Куряне; Куринскъ, Куренка, Куринское и много др. (Слов. Щекатова).—Къ измѣненію позднѣйшими Латинами, Пелазгическаго названія Halaessi, (Галичи) въ Falissi, Сервій прибавляетъ (in Aen. v. 693): Hi autem immutata H. in F, Falissi dicti sunt, sicut febris dicitur, quae ante hebris dicebatur, Formiae quae Hormiae fuerunt. . . . Nam posteritas in multis nominibus F, pro H, posuit. Lanzi, II, 53. — Также къ объясненію имени другаго города Kosa, коса, прибавимъ: Coxa, gamma, curvatura, cubitus synonyma sunt. Salmasio, Exercit. Plin. 622, и у Lanzi, II, 47. — Юстинъ (XX, 1), въ числѣ жителей Tarquinia, полагаетъ и Өессалъ, а въ Perusa, — переселенцевъ изъ Ахаіи: оба племени были Пелазги. см. Niebuhr, t. I.

(43) Рѣка Мокрая течетъ въ Пензенской губ. Тамъ же село Мокрое; другое въ Калужской и еще одно близъ Ачинска. Мокрой Изюмецъ, Мокрой Бурлучекъ, Мокрой Мерчикъ, всѣ три орошаютъ Харьковскую губ. Мокрый Коръ и много др.—Arna, тоже, что Варна, Врана.—По рѣкѣ Обрѣ (Umbra, Obra) жили Обричи, Обры, см. пр. 14.—О Klanis, Timia, Albula (Alba, Лаба) см. пр. 6 и 7. — Кокино (Kaekina), Кикино также географическія названія, у насъ на Руси.

(44) Въ 207 г. до Р. Х. Римъ уже занялъ тридцать семь городовъ, въ Италіи, своими граждани и поселилъ ихъ на земляхъ, отнятыхъ у туземцевъ. T. Liv. XXVII, 9, 10 и 38. Но и послѣ этаго много новыхъ колоній было водворено въ Этруріи, Венетіи и др. странахъ Италіи.

(45) Вотъ какъ описываетъ Діонисій внутреннее состояніе Рима. «Въ числе Плебеевъ Римскихъ принимали всѣхъ стекавшихся въ городъ, со всѣхъ сторонъ, пролетарій, инозенцевъ, рабовъ, даже преступниковъ и убійцъ, нимало не освѣдомляясь, откуда, они пришли и почему желаютъ поселиться въ Римѣ (IV, 6). Патриціи, дабы избавиться, хотя на время, отъ этихъ Плебеевъ, старались всегда высылать ихъ изъ города, для нападенія на сосѣдственныя племена, подъ предлогомъ непріязненнаго расположенія сосѣдей къ Риму. Война противъ Тиренъ была именно начата для достиженія этой цѣли. Положеніе нищихъ Плебей было тѣмъ, для нихъ, тягостнѣе, что, по закону, Римлянинъ не могъ заниматься никакой ручной работой, которая была, исключительно, предоставлена однимъ рабамъ. Голодные Плебеи толпами врывались въ дома Патриціевъ и похищали безденежно съѣстные припасы. Между ими происходили драки, сраженія на площадяхъ городскихъ; дрались камнями и кровь струилась ручьями. (IX, 4 — 11). Консулъ Луцій Квинтій, въ 458 году, до Р. Х. стращалъ трибуновъ, что, если не прекратятъ они смутовъ Плебейскихъ, то онъ обьявитъ войну Вольскамъ и пошлетъ ихъ всѣхъ на оную. Войны Рима противъ его сосѣдей всегда были благодѣтельны тѣмъ, что прекращали междоусобія между Патриціевъ и Плебеевъ. Равенство всѣхъ гражданъ Рима было всегда обѣщано (Плебеямъ) и никогда не исполнено. Плебеи требовали, чтобы, раздѣляя опасности войны съ Патриціями, — могли также пользоваться и выгодами, извлекаемыми послѣдними изъ каждой войны. Ибо, говорили Плебеи, весьма несправедливо чтобы Патриціи пользовались тѣми выгодами, которыя принадлежатъ всѣмъ жителямъ Рима. Д. Halyk. X. 3—8. — Өеологія Еллинъ получена ими отъ Пелазговъ Herod. II, 51. Послѣдніе передали ее Аѳинянамъ, а сіи всей Греціи. Самыя имена боговъ Еллины заимствовали отъ Пелазговъ. Пелазги имѣли свои пѣсни и Діонисію извѣстны были тѣ изъ нихъ, въ которыхъ воспѣвали Ромула. По свидѣтельству Аристотеля, въ его время, Этруски заключали уже торговые до-

говоры съ Кареагеномъ (Polit. III. 8); а Римляне платили прежде десятину Этрускамъ (Plutar. Quaes. Rom.). Тирены вбивали гвоздь въ стѣны храма Nortia, въ Vulsinium, и отъ нихъ это переняли Римляне. T. Liv. VII, 5 и Niebuhr, I, 183; II, 52, 319 и 337. Этрурія имѣла свою литтературу, древнѣйшую Римской; ея лѣтописи предшествовали цѣлымъ вѣкомъ появленію перваго Римскаго историка. Полагаютъ, что извѣстная «волчица Капитолійская», превосходящая изяществомъ работы всѣ изваянія Грековъ,—есть произведеніе Тиренское. Въ отношеніи къ нравственности, замѣтимъ, что никогда, до сихъ поръ, не встрѣчали ни въ живописи, ни въ ваяніи Этрусскихъ, никакого неблагопристойнаго изображенія, которыми столь изобилуютъ кисть и рѣзецъ Греціи. При завоеваніи Тиреніи Римомъ, погибли навсегда, безвозвратно, науки, художества и самая литтература Этрусковъ. Остались только надписи, на языкѣ никому неизвѣстномъ и сочиненія, чисто еeологическаго содержанія, переведенныя на Латинскій языкъ. Niebuhr, Hist. Rom. 1, 14—16, 191, 202; II, 103).—Въ памятникахъ Ниневіи, Леярдъ, Фергуссонъ и Фландренъ находятъ много сродства между Персидскимъ и Ассирійскимъ художествомъ и архитектурою: они выводятъ заключеніе, что Греческое художество (Іонійскій стиль именно) получило свое начало отъ Ассирійскаго. Журн. Мин. Нар. Просв. LXXXV, отд. II, 46. Слѣдовательно художества Греціи не было явленіе самобытное, а Еллины его заимствовали также отъ Пелазговъ, Этруръ и частію прямо изъ Азіи, отъ Ассиріанъ.

(46) Дѣло въ томъ, что Лиды, до переселенія въ Италію, уже имѣли свою грамотность, въ чѣмъ можно удостовѣриться на памятникахъ, сохранившихся, до нашего времени, въ малой Азіи. Разсказъ о прибытіи купца Демарата въ Италію, Нибуръ почитаетъ весьма сомнительнымъ (II, 91). Изслѣдованіе наше о языкѣ Пелазговъ Италіанскихъ и сравненіе его, съ древлеСловенскимъ,—мы представимъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Временника.

(47) Имена Rhaet, Rhoet, Rhaes, — (и отсюда Реты, Рѣзы, Rhaseni, Рѣзане, Aretini, Ретари) — извѣстны исторически, до взятія Трои, у Пелазговъ Азійскихъ. Древнѣйшее изъ этихъ именъ, есть Rhaesos (Рѣзъ); онъ былъ предводитель Өраковъ Азійскихъ, пришедшихъ на помощь осажденнаго Иліона, и убитъ Діомедомъ. Иліада и Appian. de bel. Mithrid. XI. Rhaetos, вождь Этрусковъ. Justin. XX, 5. D. Halyk. Strab. и др. Rhaesos также называлась рѣка, которая начиналась, у горы Ida (въ Троадѣ) и впадала въ морѣ. Strab. XIII. 1; и Solin. Мысъ Rhaeteon находился въ Dardania, близъ этой же горы Ida. Apoll. Argonaut. пѣснь 1. Городъ Rhaetium между Пергама и Авида, въ малой Азіи. Herod. VII, 43; и Pomp. Mela, I, 18. «Litora Rhaetea» называютъ Помпоній Мела и Солинъ часть всего берега Дарданіи. Pom. Mella I, 18. Solin. 41. Потомъ это имя переносится, изъ малой

Азіи, въ другія страны, куда переселились Пелазго-Өракійскія племена. Rhaetium, городъ въ древней Далмаціи. Dio Cass. LVI. 11. Реты, народъ, отдѣлившійся отъ Этрусковъ. Arretini veteres, Arretini Julienses., etc. племена Тиренскія. Rhaeseni и Этрусски одно и тоже. Резане и теперь живутъ, въ долинѣ Резіи, въ древней Ретіи. Ресень, городъ близъ Свищова, въ Болгаріи; Ресна, другой городѣ, въ Македоніи. Григоров. пут. 134, 176. Озеро Рѣсно, Рязино, также въ Македоніи; другое Ремзинъ, у Бабадага. Чтенія, 25 Генваря 1847. Резены, мѣстечко въ Бессарабіи. Risano, теперь въ Илляріи. Наши: Рязань, старая, новая; Резановка и др. — Ретары тоже, что Реты.—См. Времен. XIII, примѣч. 33. — Въ духовной В. К. Димитрія Донскаго упоминаются: Кремично, Оринино, Болонескъ, Боянь, Берестовъ, Холмъ, Колуга и др. Карам. V, пр. 116. Всѣ этѣ имена мы встрѣчаемъ у Пелазговъ, въ Италіи. Кремично — Kremona; Оринино,—Aurina; Болонескъ,—Bononia, Bolonia; Боянь,—Boiana; Берестовъ,—Brescia, Brixia; Холмъ, — Como; Колуга,—Klusium.—Болона, Болонь, Болонье слова чисто Словенскія. Первое есть наростъ, шишка на деревѣ, второе означаетъ верхніе слои у дерева или у клыка моржеваго. Болоньемъ называли у насъ въ старину пространство между двухъ валовъ, окружавшихъ городъ: предмѣстіе, форштадтъ. «Зажгоше болонье около города». Ник. лѣт. II, 13. Болонье также лѣсъ, une region couverte de bois (Reiff I, 34); «гнавше Можанчи и побиша Смольянъ на лѣсѣ на Болонскомъ». Карам. V, пр. 19.—Бояна, рѣка въ Черногоріи.

(48) Feltrini, жили по Piava, (Plin. III, 23), можетъ быть Вѣтряне. Въ Македоніи находится село Вѣтрены, и другое этаго же имени у Костаницы. Григоров. пут. 146 и 162: — У Плинія Berunenses (III, 23) читай: Belunenses, племя жившее около нынѣшн. Beluno, тоже на Piava. Село Бѣла, находится также близъ рѣки Плавы (Piava), въ долинѣ Резинской, въ нынѣшнемъ Фріулѣ, древнемъ Foro — Iulii. Piava течетъ съ вершинъ Норицкихъ Планинъ, протекаетъ мимо Beluno, и впадаетъ въ Адріатику, близъ Венеціи. Belunenses—Бѣляне, отъ Бѣлинъ, Бѣла, Бѣлевъ, или жившіе по рѣкѣ Бѣлой, впадавщей въ Плаву.

(49) Племя Breuni, Brevni, можетъ быть отъ Berun, Бърно, какъ нынѣшній Brun, въ Моравіи; или отъ Verona, — Враны. — Genauni, жили въ нижней долинѣ Инна (Mannert).

(50) Salassi, Salaessi, — суть Залѣсы, племя жившее за лѣсами, которыми покрыты планины, окружающія долину рѣки Durias. У насъ Залѣсье и Подолѣсье въ Псковской землѣ: «а местеръ ходилъ по Залѣшью.» Псков. лѣтоп. 46, 91. Въ «словѣ о В. К. Димитріи Ивановичѣ», самъ В. Князь говоритъ: «пойдемъ брате, въ свою Залѣскую землю, къ славному городу Москвѣ

(Времен. XIV, 8). Залѣскою провинціею назывались прежде части нынѣшнихъ губерній Владимірской и Ярославской; тамъ Переяславль Залѣсскій. Залѣсье у насъ, вообще округъ, находящійся за лѣсомъ. — Имя рѣки Duria, орошавшей Залѣсье, срав. съ нашими рѣками Тура, Турья, и проч. — Самое названіе горъ, раздѣлявшихъ Этрурію на двѣ части, есть чисто Словенское «планины»; и теперь Апенины отдѣляютъ Тоскану отъ сѣверной Италіи. Но замѣтимъ, что и тотъ кряжъ горъ, въ который Реты переселились изъ отнятой, у нихъ, Галлами, страны, также точно называется, у всѣхъ древнихъ географовъ Paeninae, Планины.—Хотя у Стравона и находимъ: *Τό Ἀπεννινον ὄρος*, но всѣ комментаторы согласно утверждаютъ, что должно читать: *Ποίνινον*, какъ во всѣхъ Латинскихъ текстахъ: Paeninae. И Маннертъ признаетъ, что, у Этрусковъ, каждый высокій кряжъ горъ, Hochkamm, назывался Paeninae (III, 497), слѣдовательно «планины». Оба Сан — Бернарда, и вообще весь хребетъ, въ ущеліяхъ котораго жили Залѣсы (Val d' Aoste), Вагры (Veragri), Kamuni, и др. Vendelici, называютъ древніе географы mons Paeninae. Онъ начинался отъ Альпъ, на сѣверъ. т. е. отъ Лигуріи, и продолжался, почти до Ancona и Adria. Ptolaem. III, 1. На VI картѣ Птолемеевой географіи показанъ и lacus Paeninae, озеро Планинъ, находящееся между планинъ. И въ странѣ Карновъ (въ Крайнѣ) точно также горы назывались Paeninae. Strab. IV, 6 Названіе горныхъ кряжей Планинами и теперь въ общемъ употребленіи у Словенъ, въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ обитали древніе Пелазги и Ѳраки. Въ Ѳессаліи: Labanitza planina; въ Сербіи: Touranska planina, Iagod—planina, Печка или Майданска планина. Boué, Turq. d' Eur. I, 115, 184, 199; и Милутиновича, опис. Сербіи, 25. Въ Македоніи: Добра планина; на югъ отъ Водены, планина Нѣгушка; планина Кожухъ и Паякъ планина. Григоров. путешес. 108, 109 и 142. Карпато — Русы называютъ свои Карпатскія горы: «бѣлыми полонинами» (Кіевлян. III, 20). И въ нашихъ лѣтописяхъ: «и пойдоша слѣдомъ за тоуромъ, черезъ горы высокія, и прейдоша высокія планины сіи, рѣче горы», и проч. (Русс. лѣт. съ Воскресенск. списка, I, 56).

(51) Augusta Salassorum, нынѣ Aoste; а Eporedia — Jvrea, на рѣкѣ Dora (Турѣ).

(52) Tellina, отъ itali, теля (теленокъ), см. пр. I. — Uscela, вѣроятно, Ущелье, городъ построенный между ущелій Альпійскихъ. — Имена нынѣшнихъ мѣстечекъ: Gradetz (Городецъ), Zernetz (Чернецъ), Maloia (Малая), Ragatz (Рогачь), Chamuta (Хомутъ), Brieg (Брегъ, гора) и гора Cerneberg (Черная),—всѣмъ понятны. Сурою (Sura) называются, у насъ, двѣ рѣки и одно озеро; а Суражъ, — два города. Nisok, срав. съ «исокъ,» названіе Іюня мѣсяца, въ Минеѣ XV вѣка.—Страда, и града, также звуки Словенскіе.

(53) Имена племенъ: Kamuni, Вагры, Триполяне, намъ очень понятны. Что касается до Kotvantii, Rukinates, Katuriges, Nantuantes, то всѣ эти названія записаны, вѣроятно, Римскими географами, съ изъустныхъ разсказовъ легіонеровъ, охранявшихъ Венделикію, отъ грабежей Нѣмецкихъ народовъ.

(54) Ethicus Jster (жившій въ половинѣ V вѣка), въ своей Cosmographia, пишетъ что Ретія, Норикъ и Панонія отдѣляются отъ Германіи теченіемъ Дуная, при самомъ началѣ этой рѣки (a circio fontem Danubii). Слѣдовательно южная часть Баденскаго герцогства составляла крайній западный уголъ древней Ретіи. О рѣкѣ Ляхѣ, и жившихъ по его теченію Likatii, Ambi — Likii, мы уже говорили. Замѣтимъ, что Aenos, древнее названіе нынѣшнаго Инна, указываетъ на Энея, Enetes, Henetes, Вендовъ.

(55) Katenates, Esbiones, также необъяснимы какъ и предъидущія названія. Euganetes почти тоже, что Enetes, и тѣмъ болѣе, что имена обоихъ племенъ древніе производили отъ одного корня: «славные, хвальные». (Plin. III, 24).—Orobes, переводъ слова горцы, вѣроятно, взятый Плиніемъ въ свой сборникъ, изъ какой нибудь Греческой географіи, между тѣмъ какъ самъ ихъ называетъ Montani. И главный ихъ городъ Bergamo (Брегъ, гора) на это указываетъ. Катонъ полагалъ что эти Orobes, или горцы, основали и городъ Comum, (Plin. III, 21) т. е. Хомъ, Холмъ, тоже что «брегъ, гора». Всѣ горцы, при Ливіи (т. е. въ первомъ вѣкѣ, по Р. Х.), говорили своимъ собственнымъ языкомъ, отличнымъ отъ Латинскаго и Гальскаго, между тѣмъ какъ горожане Вероны, Тридента, въ это время уже превратились въ Римлянъ, по языку и нравамъ. T. Liv. V, 33.

(56) У Плинія Vendiontii, у Птолемея Vendiantii не Венды ли Анты?— Города Любичей были: Gaumela, Ptolaem. III, 1, (сравн. Гомель, въ Могилевской губерніи) и Uscela, Ущелье. Они жили близъ Salassi, къ югу отъ планинъ Альпійскихъ, Alpes Paeninae.

(57) Isonzo, есть нынѣшняя Соча. Isarus, другая рѣка, можетъ быть, — Ижора, а Isarci,—Ижорцы.

(58) Ind, Ent, Ant, Hent, Vent, суть первообразы именъ, встрѣчаемыхъ въ глубокой древности, въ Азіи. Отъ этихъ корней произошло множество названій, во всѣхъ странахъ, населенныхъ Пелазго—Ѳракійскими племенами.

Въ малой Азіи: Indos, рѣка въ Каріи. Города: Sinda, въ Лидіи; Sidena, въ Троадѣ; Andera; Antandros, прежде Aedena; Antissa, на Лесбосѣ. Синды было племя, жившее близъ Македоніи и Дарданъ Ѳракійскихъ. Appian. de bel. Mithrid. XI, 55, см. выше, стр. 83. Genetes, городъ, рѣка и гавань въ Пафлагоніи. Aigenetes, также; Amisos прежде назывался Henete. Andros, островъ. Собственныя Пелазгическія имена: Aeniantes, Antenor, Эней, Antes, основа-

тель Галикарнасса (Анть · Анты); Aenea, дочь Пелазга; Aedona, дочь Пандора. Andeena, мать боговъ. Энея боготворили Латины подъ именемъ: Iupiter Indiges (Niebuhr, I 275). Племена: Enetes, Henetes; Venasii, въ области Morimena, по берегамъ Понта, близъ Enetes; у нихъ храмъ Дія Дакійскаго.

Во Θракіи и Греціи. Города: Aenea, близъ Солуня; Aenos, на Гебрѣ (Марицѣ); Aenea, въ Perrhebia; Aenea, въ Эпирѣ. Племена: Aenianes въ Θессаліи; Энеты, между Дарданіи и Македоніи. Aenaria, близъ Рима. Венда, *Βενδις*, богиня у Θраковъ (Луна?); храмъ ея. близъ Аѳинъ. Xenoph. Hell. II, 4. Венда, дочь Крока, князя Полянъ, жившихъ на Вислѣ. Оп. Рум. рук. 773. Сервій (ad Aeneid. I, 242), упоминаетъ о Aenetus, предводителѣ Венетовъ и вмѣстѣ князѣ Иллиръ, а Иродотъ всѣхъ Венетовъ называетъ Иллирами. Niebuhr, I, 235. Въ Италіи Enetes превращаются уже въ Venetes, потому что Латины, ко всѣмъ словамъ, полученнымъ отъ Грековъ, прибавляли букву V: *εσπερα*, — vespera; is — vis; *ηρ*, — ver; esia vesta (Коммен. Д. Галикарн. I, 3). Въ Этруріи: племена Venetanes, Fidenates. Въ Latium: Venetulanes, Vindenates. Города: Antium, Venetala (въ Лаціумѣ); Vindena (у Обричей); Venusia (у Davni); Fidena (въ Этруріи: Видня, Вѣна).

Въ Vendelicia и Venetia: Enetes, Venetes, Venonetes, Vendiantii, Vennones, Venosci, Vendelici, Edenates. Города: Vindonissa, Augusta Vendelicorum, Vindomina, или Vendobona; озера: lacus Veneticus (Bodensee), Benacus (di Garda). Alpes Venetes. Aenos, (рѣка, нынѣ Inn), и мн. др. При нашествіи варваровъ и въ продолженіи среднихъ вѣковъ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ жили Венделики, Венеды, Carni, Norici, Паноны, мы опять встрѣчаемъ слѣдующія географическія названія: Windischmark, Windischgarste, Windischfeistritz, Windischlansberg, Windischmatra, и мн. другихъ. Vendzone, на границѣ Крайны и Фріуля. Wangen, Wengen, около Bodensee, также указываютъ на Wenden. Wineta, у Балтійскихъ Поморянъ. Venetiko и Vendja, въ Македоніи. *Boué*, Turq. I, 172.

(59) Въ окрестностяхъ Вероны множество именъ указываютъ, на жившихъ тутъ Словенъ. Тамъ древнія развалины называются Slavino di Marco и одна мѣстность Slavini di Villardo. Вотъ и другія имена урочищъ, селеній, мѣстечекъ: Lugo (Луга), Pojan (Боянъ), Paliana (Поляна); Prun (Перунъ); Valle Penina (Планина); Lugano (Лугань); Turia (Туръ); Sirmio (Сремъ); Rizino (Резань); Gussolonga (Гусолага); Mantaga (Матяга, Мотыга); Chievo (Кіевъ); Poveliana (Повалина); Muzzecana (Мужикона); Stringa (Струга); Orzere (Озеро); Rubana (отъ рубить); Ossenega, Valdonega (Онега); Lech (Ляхъ); Gardo, (Градъ); Domojara, Mazurega, Verruca, Tredespina, Ortigora, Moscal, Pai, Salo, Varana. (Врана); vicus Bonadicus, сравни съ lacus Benacus (Бнедки, Венеція); Zasama (За — сама), а описатель Вероны прибавляетъ, что и теперь, простой народъ говоритъ всегда въ этой странѣ: «za» вмѣсто giù

diciamo nel corroto nostro dialetto (p. 271). Tusculum и Veia, также близъ Verona, указываютъ и нынѣ на древнее происхожденіе Венделиковъ отъ Этруръ. Замѣтимъ также, что, въ числѣ Веронскихъ фамилій, есть Pan (Панъ), и на одномъ древнемъ надгробномъ памятникѣ надпись: Antus (Антъ). Подробнѣе о всемъ этомъ см. Persico, Descrizione di Verona e della sua provincia (Verona, 1820).

(60) Реты и Венделики покорены Тиверіемъ, въ царствованіе императора Августа (Sueton. in Tib. 9.), и Иллиры въ это же время (Aur. Victor. de Caesaribus, in Aug.) — Жители Норика начали платить дань Риму также при Августѣ. Strab. IV, 6.—Въ царствованіе Constantius (337—361), сына Константина великаго, Нѣмцы, жившіе на сѣверъ отъ Дуная, противъ города Lentia (нынѣ Lintz) вторглись въ Ретію, опустошили всю страну и дошли до lacus Venetus (Bodensee). Самъ императоръ повелъ легіоны противъ грабителей и Нѣмцы были разбиты у Констанцкаго озера. Am. Marcel. XV, 4. Въ продолженіи этаго же царствованія, Ютунги перешли Дунай, разграбили Венделикію и даже осадили многіе города этой провинціи, но были разбиты и прогнаны въ Германію. Ib. XVII, 6.—Варнефридъ всегда причисляетъ Bojarii къ царству Франковъ, потому что первые зависѣли отъ послѣднихъ и непосредственно граничили съ ними. Отъ этаго и Багрянородный Хорватовъ (Chrobati), жившихъ въ Венделикіи, занятой Баварцами (Bojarii), всегда пріурочиваетъ къ имперіи Франковъ. (Warnefried. IV)—Tassilo, ограбившій Словенъ — Венделиковъ, названъ королемъ (rex) Bojarii, Хилдебертомъ, царствовавшимъ надъ Франками Остразійскими, между 575 и 596. Warnefr. IV, 7, и Des Michels, Hist. du moyen age I, 102.—Послѣ перваго нападенія Тассилы на Словенъ, Bojarii опять пошли на нихъ, въ числѣ двухъ тысячь воиновъ, между 594 и 596 годами, ограбили и опустошили страну этихъ Словенъ; но не могли тутъ долго оставаться, потому, что Cacanus, царь Гунновъ (Хаганъ Аварскій), въ это время, напалъ на самихъ Bojarii и разбилъ ихъ войско. Warnefr. IV, 11. Эти Гунны, т. е. Авары пришли тогда изъ Пановіи, въ Турингію. Ib. IV, 12. Въ продолженіи господства герцога Grasulf въ Foro—Iulii (т. е. въ Фріулѣ), умеръ Tassilo, rex Bojarii (послѣ 606 года). Сынъ послѣдняго, Garibald, былъ разбитъ Словенами, у Aguntum, (нынѣ Innichen), но Bojarii, вскорѣ послѣ своего пораженія, напали опять, съ новыми силами, на Словенъ; многихъ положили на мѣстѣ, а остальныхъ прогнали изъ предѣловъ страны (Венделикіи), занятой Баварскими герцогами. Warnefr. IV, 41. Около этаго времени, въ царствованіе Ajo, сына Arichis, герцога Беневентскаго, именно на второмъ году его княженія, Словене, на корабляхъ, прибыли въ Sipontum, (въ Неапольскомъ королевствѣ) и здѣсь окопались. Потомъ они разбили Ajo и этотъ палъ въ сраженіи съ ними. Тогда Ромоальдъ, братъ убитаго, принудилъ Словенъ возвратиться во свояси. Warnefr. IV, 46. Это случилось послѣ 616 года; но откуда прибыли эти

Словене въ южную Италію и къ какому племени они именно принадлежали? может быть Венеты, удалившіеся на острова и имѣвшіе, въ это время, уже свои корабли и войско, выше стр. 92. Въ половинѣ VII вѣка, вошла цѣлая орда Болгаръ въ Италію, и здѣсь, дружелюбно, предводитель ея Alzeko, просилъ у Гримоальда, короля Лонгобардовъ, земель, для поселенія своихъ Болгаръ. Гримоальдъ послалъ ихъ къ сыну своему Ромуальду, герцогу Беневентскому, а этотъ отвелъ имъ, для водворенія, страну, извѣстную подъ именемъ графства Molise, и гдѣ находятся города Sepinum, Bobia и Isernia. «Они тутъ и теперь живутъ», прибавляетъ Warnefried, V, 29.—Греки имѣли географію, въ которой имена были ихъ собственнаго изобрѣтенія. Такъ Corsica, у нихъ Cirna; Sardegna, — Iknusa (Plin. III, 6 и 7), и много другихъ.

(61) Извлекаемъ слѣдующія подробности о Словенахъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная до рѣки Майна, — изъ рѣдкой нынѣ книги W. Heyberger, Ichnographia Chronici Babenbergensis diplomatica, etc. Bambergae. 1774. Pars prima, in 4°, съ картою, на которой всѣ города, села, рѣки и другія урочища названы тѣми именами, какія они имѣли въ VI, VII, VIII, IX и X вѣкахъ. Эта книга содержитъ грамоты, дипломы и дарственныя записи императоровъ и герцоговъ Баварскихъ, на пожалованные ими Бамбергской церкви, города, помѣстья, селенія и цѣлые округи, которыхъ Словенскія имена ясно доказываютъ, что Словене были потомки Ретовъ. Всѣ эти подлинные документы и теперь хранятся въ архивѣ Бамбергской епископіи.

«Урочище, на которомъ построенъ нынѣшній Bamberg, называлось Wolkfeld, (Волкополе), и находилось вдоль теченія рѣки Рѣдницы (Rednitza). Городъ тутъ основанъ, первоначально, Генрихомъ, герцогомъ Франконскимъ и Лотарингскимъ; потомъ умноженъ и укрѣпленъ, также въ 866 году, Генрихомъ III, герцогомъ Баварскимъ (Boioarium duce). Городъ названъ, въ честь жены его Бабы, княжны Саксонскихъ Словенъ, Babae montes (Бабьи горы) urbs, а въ послѣдствіи Babenberga и наконецъ Bamberg. Баварія называлась тогда восточною Франціею, «Francia orientalis». Генрихъ, герцогъ Franciae et Lotharingae называется: per Franciam orientalem, in pagis Wolkfeld*, Yphigowa, Badenegowo, etc, dominus. Тутъ же прибавлено, что Iphigowa или Yphigow находилась близъ pagis Gollagowa и caput pagi est Ipagowa, vicus (Випагова). Въ 876 и 888 годахъ упоминается о войнѣ, противъ Sorabos и Bohemos, подъ начальствомъ Генриха и сына его Adalbert, герцоговъ Franciae orientalis. Arnulphus, въ 888 г. утвердилъ Адалберта графомъ надъ pagos: 1) Grapfelt, лежащимъ по рѣкамъ Утицѣ (Itisae) и Wiragae (Врагѣ), нынѣ Werr, и въ немъ Bavnaha, vico, а

близъ него Banzgowa (Панчова) и Salegowa (Сальково; и 2) pagus Ratengowa (Ратьково), близъ pagus Nortgowa (Нартово). Въ 905 году Французскій король Людовикъ осадилъ Адалберта, въ его укрѣпленномъ городѣ Tareisa (Таруса). Въ 933 (993) Ottone III, подарилъ villa Krumata (Хромота) и другія селенія, находящіяся на озерѣ Bodamicum (olim Venetus, нынѣ Bodensee) монастырю Petrishusano. Въ 975 г. Otto II-й отдалъ герцогу Mendelin Vraha, sive praedium Vraha, districtus cum vilis, vicis, etc. по рѣкамъ Vraha (нынѣ Aurach) и Ratenza, (Ратница).—Въ 1002 г. король Людовикъ подарилъ Ратисбонской церкви villas: Dweninga, in pago Kélesgowa или Chelesgowa, иначе Chelasga, (nomen habet a fluvio Kelz, Кельчъ.); Walehinga, (Волхонка) in pago Nortgowa. Оба pagi лежали по сѣверной сторонѣ теченія Дуная. Ратисбона, въ древнѣйшія времена называлась Radespana и даже еще въ 1002—1008 годахъ, въ королевскихъ и императорскихъ дипломахъ постоянно называется Radespana, Radopana. Подъ годомъ 1002-мъ упоминается Blademarius (Владивой?), dux Bohemiae institutus. Въ 1003 г. rex Heinricus воюетъ противъ Slavos Transalbinos. Магдебурскій епископъ, умершій въ 1004 г. назывался Guslarius (Гусляръ). Король Генрихъ, въ 1004, подарилъ придворной Ратисбонской церкви praedium, in pago Nortgowe, dictum villis Durnih et Mantalagi (Дурнинъ и Метеляги: послѣднее, какъ Водолаги и др.), а въ 1007 г. часть pago Ratgowa, по рѣкамъ Rota и Вилія (нынѣ die Viels). Въ этомъ pago упоминается villa Malakin, (Малахино). Въ долинѣ, орошаемой Ротою находились помѣстья, отданныя церкви Бамбергской, герцогомъ Tassilo (въ VI вѣкѣ), именно Matigowa и Atergowa. Тутъ же и pagus Isengova и рѣка Ratenza (Сеньково и Ратица). Въ 1007 г. rex Heinricus подарилъ церкви Babenbergensi totum pagum Radensgowa и loca: Wildolfeshova, Trubeha (Трубежъ), Tvosibrana, Sawaha (Сваха), Husa (Гусь), Heziles-dorf, Nortgowa, Chelsgowe, Riesin, Ateragowe, Matugowe, Salzburkgowa, Raitgowe, Glehuntra, Sulichgowe, Para, Nagaltgowa, Durihin, Mortengowe, cum villis, vicis, ecclesiis, etc. in diversis pagis. Въ концѣ прибавлено: accessere Villacum (Бѣлякъ) et Wolsflberga, cum insigni superioris et inferioris Carinthiae provinciae. По замѣчаніямъ комментатора и по приложенной картѣ, поименованные округи и селенія находились: pagus Nortgowe (Нартово), въ Баваріи, у восточной границы съ Чехіею; Дунай составлялъ его южную границу. Pagus Chelsgowe, Kilsgewa, (отъ рѣки Кельчъ, — Кельчово) ferme ad civitatem Ratisbonam, близъ Дуная, въ Баваріи. Atargow, Atergew, (Торгъ) pagus ducatus Baioariae, на правой сторонѣ рѣки Salzae, (Сольца) in episcopatus Salzburgensi, prope confinia Austriae, между озерами: Valerium (Wallersee) и др. Attersee, до рѣки Voglam (Volgam?), seu Fechel, inter pagus Salzburgow, Mattagow и Trungow; а Matigowa, Mattagow (Мутово) pagus est ducatus Ba-

іоаriae, по рѣкѣ Mattícha (Мачиха), до рѣки Prama, vel Bram (Брама, Брана). Sulichgowa, pagus prope Sulegow (Чулково, Сальково), et prope urbem Buchaviam, (Буково). Pagus Riezin (Рязань), Retiensis, Recia, Rhaetia, въ Баварін, между рѣкъ Brenta, Agira (Вагра, нынѣ Eger) и Werniza до Дуная. Rhetia est pagus Nortgowiae, et ducatus Baioariae, ac Sueviae postmodum, inter fluvios Brentam, Agiram et Wernizam, usque ad Altmonam et Danubium extensus. Теперь называется das Riess. Варница впадаетъ въ Дунай, съ лѣвой его стороны. Слѣдовательно весь этотъ pagus находился вдоль сѣвернаго берега Дуная и граничилъ съ сѣверною частію Ретін, именно съ округомъ Kampodunum (Kempten). Salzburgowa, Salsgowa pagus est ducatus Baioariae, ad fluvium Salzaham, qui etiam olim Igonta vocabatur, hodie die Salza, in archiepiscopatu Salisburgensi . . . . . (Сольца, въ Псковской губ.) Situs autem fuit pagus Salzburkgowe, ad utramque ripam fluminis Salzahae a munimento, acangusto transitu Lueg, supra Gugl (Лугъ и Углъ), ubi pagus Pangow (Панчова) incipit, etc. Para, Bara, (Баръ) pagus . . . ad Nigram sylvam, prope fontes Danubii. Nagaltgowa, Naglagowe (Глогава, Нагальково) pagus circa fluvium Nagoltham, usque ad fluviolum Glattam (Глота). Durihin, Turensis, Duria, Turgowa, (Дурыгинъ, Тура, Торгова) pagus . . . circa ripas Turi, Thur, (Тура). Mortanowa, Mordanowa (Мордаnово) pagus prope Rhenum. Situs fuit ad fluvios Scutram, Bleihaham et Heizaham (Скодра, Блохино, Кольчуга). Мы должны здѣсь обратить вниманіе, въ особенности, на два послѣдніе округа. Въ отношеніи къ Salzgowa (нынѣшнему Salzburg) вспомнимъ, что Словене такъ живиіе и нынѣшніе свои города, въ VI вѣкѣ приняли Св. крещеніе (выше стр. 68), слѣдовательно жили, въ тѣхъ мѣстахъ, уже до этаго времени и, конечно, были потомки Ретовъ, ибо Ретія простиралась до Дуная. Округъ Riezin, Retiensis, Recia, Rhaetia, доказываетъ несомнѣнно, своимъ названіемъ, что онъ составлялъ часть древней Ретіи. Онъ находился вдоль сѣвернаго берега Дуная и граничилъ, съ тою частію Ретіи, въ которой Kampoduna былъ главнымъ городомъ. Рѣки Agira, Werniza и Brenta (какъ у Венетовъ называлась рѣка Медвань) орошали эту страну. Слѣдовательно Ретія продолжалось и на сѣверъ отъ Дуная до нынѣшняго Майна. Тотъ же rex Heinricus и въ томъ же 1007 году, подарилъ еще Бабенбергской церкви sex abbatias: Barigin (Барыгинъ), Heguwa (Ягово), inter lacum Bodamicum (Venetum) и Danubium; Stein (Камень); Nuweburg (Новградъ) и др. Въ слѣдующемъ 1008 году, этотъ же король, и той же церкви, подарилъ аббатство Berga (Брегъ), близъ города Radespana, in pago Tvonsgowe, или Donahgowa, . . . ducatus Baioariae . . . secus amne Danubio (Дунаево). Въ этомъ же 1008, но диплому имп. Арнульфа, отданы

придворной церкви: . . . . . mansas sex, cum pleno censu, et caeteris; quae in illa villa sunt, quae ad hospites pertinent et ad Slavos liberos, cum omnibus appenditiis suis, ad opus fratrum; diu noctuque Deo famulantium, etc. Въ 1008 году, Генрихъ, rex, еще отдалъ церкви Babenbergensi мѣста (земли), находящіяся въ pagis Norgowe (Норково), Dwerihgowe, (Дверигово) etc. Dwerehowe, pagus ducatus Franciae (Франконіи), между рѣками: Tubara и Moenа, и между pagos Wingartuba, Badengow, Gallachew (Голачово), Rangow (Рогово), Iagstaew (Ястаево, Остаево, Осташево), etc. Въ 1009, Генрихъ, rex augustus, отдалъ церкви Бабенбергской: locum Lintowa dictum, in pago Nortgowa (Литово, Нартово). Въ томъ же году, Heinricus, congregato . . . . insigni Francorum, Boiorum, Allemanorum, Saxonum et Slavorum, Lotharingiam ingressus, etc. Въ 1010 году, онъ же подарилъ церкви Бамбергской земли, in pagis: a) Swacha, (Своха) въ Саксоніи, между рѣками Салою, (Saala), Лабою (Alba), и Будою, или Водою (Bodam, Buda) и b) Hassega, Hassagoi, (Гусяга), также въ Саксоніи, между рѣкъ: Салы и Unstrutam (Устроя, Струты). Тотъ же rex Heinricus, въ продолженіи годовъ 1010—1024, подарилъ Бамбергской церкви помѣстья, земли, praedia, loca, города, села, урочища: 1) Strewe (Страва), Sneitaga, Walganapa, Kokolew, Hiuzelice, Liubrodice (Волхоново, Коколево, Гуселица, Любобродица), Scherinhouba (Широгуба), Wetterava (Вѣтрово), на рѣкахъ Weterava и Loganaha (Луганова), близъ Fulda; село Wechiricha (Вечериха), in pago Riezen, sive Rhetias, ad Wernizam fluvium (на Варницѣ, въ Ретіи); Retsitz (Рѣжица); Zigoulitin (Жигулятинъ), Husinihowa (Гусинева); Isanahkowa, pagus Baioariae, на рѣкѣ Isanaha, или Isaniska, до рѣки Salza; Skakentol (долъ), prope Ploetzke (Плоцкя); село Vraga, in Rangowa, pagus Franconiae orientalis, sive tractus ille terrarum, quaem Rezzatum Franconicum fluvius iam inde a fontibus suis defluus, apud Petrogemundam, Norico Rezzato gravior, Rednisus (Рѣдница) dictus, ad usque influxum Sewahae rivi, (Зѣвака, Своха) prope Rerdindorf, villam . . . limitaneam, etc. Далѣе; Forestem scilicet inter Svahaha et Pagenza (Поганца) fluvios sitam loca: Hormunzi, Irlocha, Slopece, (Слупче, Хлопче), in pago Ratenzgowa, (Vetscheria, въ Болгаріи; Veterina, въ Сербіи. Boué, I, 93 и 113). Въ 1017, Баварцы воевали противъ Moravos et Bohemos. — Всѣ этѣ географическія названія доказываютъ, что вся страна на сѣверъ отъ Дуная, до теченія Майна, была заселена, уже въ V-мъ, VI, и послѣдующихъ вѣкахъ Словенами, которыхъ Римляне и Греки, въ это время, называли Ретами и Венделиками,

(62) Въ Италіи: близъ Como, гора Cernobio (Черново), а рѣчька, тутъ съ горъ текущая, Breggia (отъ брегъ, гора). Селенія, по берегамъ Бренты, древ-

няго Medvakos: Dolo, Mir, Stra, Movata, etc. Kollar, Cest. 121, 189. О географическихъ именахъ, въ окрестностяхъ Вероны, указывающихъ прямо на Словенъ, см. пр. 59. Около нынѣшней Венеціи всѣ географическія названія звучатъ по Словенски: Mare di Schiavoni, Oderzo, Grado; рѣки: Sotscha (Соча), Livenza, Plava (Piava), Syla, потокъ Iary (Iarius), Medvak (Brenta). Острова: Маломока, Buran, Моряна (Murano), Morazano (Моречанъ), Masorbo, Baba, Babina (Bebbe, Bebiona), Twrze, Malagona, Malaghera, Nalega, etc. Kolar, Cestopis, 59. Въ Тиролѣ: Windissmatra, Bregentz (Брегъ), Bludenz (Блудница), Breganitza (Бреганица), Cernazed (Чернавецъ), Groeden (Гродно), Kamina (Камень), Kladonatz (Кладенецъ), Pusterthal (Пустодалъ), Mala, Kles, Lana, Likatia, Wiltow. Kollar, Cestopis, 219. Въ Швейцаріи: Windisch, Gradetz, Куръ, Polesie (Полѣсье), Les (Лѣсъ), Biela, Belic, Belenec, Cernetz (Черпецъ), Delo, Luk, Luganec, Dubin, Kremenice, Luzany, Kapina, Samolik, Mec (Мечь), Rudenec, Daleby (Дулѣбы), Korvanta (Хорвата), Vesprovan, Tosna, Wisoia, Staviak, Vetron, Prosto, Kunice, Polic, Sobiasco, Mutenec, Brusin, Celin, Cerlice, Neslaw, Poslaw, Kostnice (Konstanz). Koll. Cest. 190. Въ Баваріи: Winden, Windach, Windo (Wertach), Braneburg, Burin, Kraiburg, Kuzimir (Zusmershausen), Dolnitz, Glerisch, Glon, Lech, Planek, Trabitz, Treswisch, Transnitz, Haurisch (Горичь). Kollar, Cestopis, 225. Рѣка Сила течетъ награницѣ Баваріи съ Австріею. Въ языкѣ простаго народа Баваріи попадаются еще и теперь слова чисто Словенскія, на прим. Lom, — Steinbruch; Moschen, — Beutel (мошна); Nusch, — Messer, ножъ; Paltene, — platno, полотно, etc. См. Bayerisches Wörterbuch. Въ окрестностяхъ нынѣшняго города Lintz, на Дунаѣ, въ XI и XII вѣкахъ, были округи, называвшіеся: Pars Slavanorum, Slavinia и Klomezza, (Chlmetz, Холмецъ). Kollar, Cest. 224 и 248. Багрянородный очень ясно пишетъ, что Хорваты (Chrobati), въ VI вѣкѣ и началѣ VII-го, жили въ *Βαγιβαρεια* (Bojaria, Баварія), въ сосѣдствѣ Франковъ, гдѣ теперь (при Константинѣ), живутъ Бѣлохорваты, подъ начальствомъ своихъ старшинъ. Они жили за Турціею (за Мадьярами), между Francia (Франконіи) и Саксоніи, (versus Franciam, quae est Saxonia, prope Franciam) и повиновались (зависѣли отъ) Othoni Magno, regi Franciae et Saxonia. Const. Porphyrog. de adm. imp. XXX. Ясно, что эти Бѣло-Хроваты суть Словене, жившіе въ нынѣшней Баваріи, между Франконіи и Саксонъ, т. е. потомки древнихъ Vendelici и Rhaeti. Именно въ Баваріи, въ Фрейсингенскомъ монастырѣ, была открыта древнѣйшая, изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ Словенскихъ рукописей. Эта драгоцѣнная находка, состоящая изъ трехъ молитвъ, очень удивила, въ 1807 году, всѣхъ ученыхъ; ибо пергаминной сборникъ, въ которой вписаны эти отрывки, всѣ относятъ, единогласно, къ IX, или X вѣку (Kopitar, Dobrowsky, Кеппенъ), а самыя молитвы, или поученія, для

Баварскихъ и Краинскихъ Вендовъ (Хорутанъ), писаны Латинскими буквами. Но оба эти обстоятельства объясняются весьма легко и удовлетворительно. Потомки Венделиковъ, жившіе въ нынѣшней Баваріи, были первыми изъ всѣхъ Словенъ, принявшими Св. крещеніе; слѣдовательно у нихъ и древнѣйшія молитвы, необходимыя для христіанъ. Они приняли Св. вѣру около VI вѣка и уже герцогъ Tassilo (выше стр. 67) подарилъ аббату мѣстечка Scharnitz (Черницъ), въ Тиролѣ, всю страну, въ окрестностяхъ Innichen (близъ Тироля, на р. Дравѣ), для того, именно, чтобы всѣхъ, въ ней жившихъ Словенъ, обратить въ христіанскую вѣру. Въ VIII вѣкѣ, Карлъ великій посылалъ обращать въ Св. вѣру, Словенъ, жившихъ въ Баваріи и Хорутаніи, (Karentani, Quarantani: Anonym. de conversione Bojoariorum). Также и Фрейсингенскому монастырю были отданы многія помѣстья, для этой же цѣли. Мы знаемъ также, что очень долго ссорились, между собою, епископы Фрейсингенскій и Зальцбургскій, за то, кому слѣдуетъ, законно, брать десятину съ варварскихъ Словенъ; слѣдовательно они несомнѣнно жили между обѣими эпархіями. Священники и монахи, назначенные Баварскими герцогами, для совершенія богоугоднаго дѣла, были всѣ Нѣмцы, незнавшіе, конечно, ни языка, ни буквъ прото—Словенскихъ. Этимъ проповѣдникамъ слова Божьего не оставалось другаго средства, собственно для себя и для просвѣщенія новообращенныхъ, какъ записывать Латинскими буквами изъустный переводъ молитвъ, сдѣланный кѣмъ нибудь, знавшимъ лучше ихъ Хорутанское нарѣчіе. Что молитвы дѣйствительно написаны духовнымъ лицемъ, для проповѣдыванія ихъ Словенамъ Баварскимъ, — видно изъ Латинской приписки, той же рукописи, и двухъ или трехъ ринизмовъ, которыхъ ни одинъ природный Словенинъ не могъ бы написать, даже Латинскими буквами. Вотъ они: porouso, вм. поручу; mogoncka, вм. могуща, и sunt, вм. суть. Послѣднее даже нельзя принять за ринизмъ; это просто невольная ошибка переписчика, по совершенному сходству звука и значенія этого слова (П. И. Кеппена, Словен. памятн. внѣ Россіи). Не забудемъ также, что одна изъ древнѣйшихъ типографій Словенскихъ была основана въ Tübingen, между Дуная и Майна. Тамъ уже въ концѣ первой половины XVI вѣка печатались богослужебныя Словенскія книги и даже былъ напечатанъ весь новый завѣтъ, въ 1557 году. Около сорока разныхъ Словенскихъ изданій было напечатано, между 1550 и 1582 годами, буквами Кирилловскими, Глагольскими, Латинскими и Нѣмецкими, и не только въ Tubingen, но и въ Нирембергѣ и Urach (Wrach, т. е. Врагъ, Оврагъ, на Словенскихъ изданіяхъ). Нѣкоторыхъ книгъ было напечатано болѣе 2000 экземпляровъ и все это, конечно, для Словенъ Краинскихъ и Баварскихъ, тогда еще говорившихъ Словенскимъ нарѣчіемъ. Издатель Труберъ называетъ языкъ, на которомъ печатались всѣ эти книги, Windische Sprache и обѣщаетъ, въ

послѣдствіи, перевести ихъ «на Хорватской языкъ, которымъ говорятъ Далматы (Иллиры), Босняки и Syrfen (Сербы) до самаго Царя-града». Слѣдовательно потомки древнихъ Vendelici говорили Краинскимъ нарѣчіемъ. Труберъ былъ именно пасторомъ въ Kempten, городѣ древней Vendelicia.

(63) Города у Нориковъ (Норцевъ): Viruna, ср. Врана; Keleia, отъ Кила, (Времен. XIII, 73); Turna, ср. Торунь, выше, прим. 26. Рѣка Aenos, см. прим. 58. Имена селеній, въ долинѣ Резіи: Бѣла, Равенецъ прямо указываютъ на древніе города Этрусковъ въ верхней Италіи, на Belunа, Ravena, откуда они, вѣроятно, удалились, при нашествіи Галловъ, въ планины Альпійскія.

(64) Аппіанъ, въ описаніи Иллирской войны, рѣшительно причисляетъ Ретовъ къ племени Иллиръ. «Реты, Норики, Паноны, Мизы и всѣ народы, живущіе по правую сторону Истры, суть Иллиры. Многіе изъ нихъ называютъ себя особыми (племенными) именами, такъ точно какъ именуютъ себя и разныя поколѣнія Грековъ; — но всѣ народы, на югъ отъ Дуная, суть Иллиры. Истры, Яподы, Далматы, Liburni, Agrii (Вагры) и др. всѣ также Иллиры. Appian. de bel. Jllyr. 1, 2, 3. Аппіанъ, какъ видимъ замѣняетъ именемъ Иллиръ, прежнее Страбоново названіе: Ѳраки. Но и самъ Страбонъ (V, 2), разсказывая о уничтоженіи Даками, — Таврисковъ и Боевъ, жившихъ по южному берегу Дуная, называетъ область по правую сторону Истры, — «страною Иллирскою». Вообще всѣ поименованные, у Аппіана, народы, равно какъ Даки, Венды, Карны и др. произошли первоначально отъ Пелазговъ Азійскихъ, переселившихся во Ѳракію: отсюда общее названіе Ѳраковъ, и потомъ Иллиръ. И само Римское правительство называло «Иллирскими провинціями» всѣ страны, населенныя племенами, исчисленными Аппіаномъ и Страбономъ.— Озеро Peiso (Plin. III, 27), ничто другое какъ наше Плесо, т. е. пространство воды. Въ Костромской губерніи Плесо, рѣка и городъ. Нѣмецкое названіе этого же озера Balaton, даже Plattensee, происходитъ отъ «блато», озеро. Nora, — Noreja, отъ норы, noriti, см. объясненіе этого слова выше стр. 85.

(65) Племя Sevaki, кажется, безошибочно можно написать нашими буквами «Чеваки».

(66) «По Истрѣ живутъ Скиѳы Sigynes,» Herod. V, 9. Sygynae, не Загоны ли? какъ Ускоки, т. е. загнанные, удалившіеся изъ отечества, изгнанные переселенцы. Ускоки, какъ извѣстно, значитъ «ускочившіе, ушедшіе.»

Впрочемъ въ словѣ Sygyn, слышится звукъ Ind, Synd, см. пр. 58. Маннертъ однакоже не рѣшаетъ произошли ли Венделики отъ Sygynae, или отъ Адріатическихъ Venedes. Что касается до насъ, то мы конечно принимаемъ послѣднее мнѣніе, ибо Venedes занимали всю страну, безъ перерыва, отъ Адріатики до Vendelicia, Дуная и даже Майна, между тѣмъ какъ историческая критика еще необсудила вопросъ о Иродотовыхъ Sygynae.—Veles (us) конечно Велесъ.—Euganei, Euganetes, какъ мы уже замѣтили, почти тоже что Enetes и Aigenetes, въ Пафлагоніи, см. пр. 58. — Миланъ назывался мысъ на Пелазгическомъ островѣ Хіосѣ. Врем. XIII, 17.

(67). Pelagonas и Paeones, у Грековъ, одно и тоже; а Римляне ихъ называли Panones; т. е. Паны, прото-Словене, обитавшіе въ Панонiи, нынѣшней Венгріи, гдѣ ихъ потомки и теперь живутъ.—И у Пелазговъ Италіанскихъ слово *Βαννος*, значило «господинъ, начальникъ, князь, даже *Βασιλεος*, по свидѣтельству Hesychius. Lanzi, Sag. di lin. Etrusca, I, 198; a Lanzi прибавляетъ, что это слово должно писать, не Bannos, a Pannos. Слѣдовательно, на языкѣ Пелазговъ, «панъ» значило: господинъ, владыко, повелитель. — Liburnes называли древніе одно изъ Иллирскихъ племенъ.—Peninsula Hyllice, ср. съ Галичь, Halys, Halizones.—Bulinorum gens, и страна ихъ Bulinia, суть Волынь, Волынія, Волыняне. На Пейтингеровой картѣ (Segm. V) Bulinia, страна, помѣщена между провинціями: Panonia superior и inferior, къ югу отъ обѣихъ, въ направленіи къ Адріатикѣ. О Liburnes, Bulinia и Halice мы скажемъ подробнѣе при описаніи Иллирскихъ племенъ.

(68) О городахъ Спина и Адрія выше, стр. 4 и пр. 2. Potavium былъ также Пелазгическій городъ Венеціи (Времен. XIII, 52); Потава, тоже, что Полтава. На Tab. Peutingeriana, одна почтовая перемѣна, между Aquileja и Virunum, слѣдовательно въ Крайнѣ, названа Petavione, а въ Itiner. Hieros. Mutatio Pultovia (Linhart, Gesch. von Krain, I, 315). Это уже чисто и неопровержимо «Полтава.»—Алтыново, село Рузскаго уѣзда, Московской губерніи.

(69) Opitergium, отъ тъгръ, торгъ.—Beluno — Бѣлинъ. Бѣляна.—Caelina, отъ калина, или цѣлина. — Akela, — Акула.

(70) Gradiska, Gradus, — огороженное, укрѣпленное мѣстожительство, городъ.—Udina указываетъ опять на Видяя, Fidena, Vendene, etc.

(71) Padvus, у Warnefried (II, 18), просто Padus, Падь, Падьва, отъ «паденія,» теченія. Въ Падову впадали рѣки: Trebia, (Трава, Драва), Tara

Stura, Duria (Стура, Тура, Турья, наши рѣки); Ticinus (Течинъ, отъ теченія); Oglio (Угль, Угличъ); Ada,—Вода. Bodencos, — Водянка, какъ Vodéna (отъ воды), въ Македоніи. Boué, I, 185. Bodensee, lacus Venetus, вѣроятно имѣетъ такое же производство. Въ Ретрѣ, у Вендовъ, было чтимо божество Woda, т. е. богъ Воды. И. М. Снегирева, Русс. празд. I, 80. — Olana, ср. Олана, Оланка, рѣка у насъ въ Россіи. Volana, — Волынь. Изъ Т. Ливія видно, что Ada называлась также Падуша: «qua fluvius Padusa Pado committitur (T. Liv. XX, 46).

(72) Имена рѣкъ древней Venetia, суть тѣже самыя, какими мы называемъ рѣки у насъ на Руси. Плава (Piava) течетъ по Тульской губерніи; Сула,—въ Полтавской. Сопа, или Сожа орошаетъ Могилевскую губернію. У насъ двѣ Туры, двѣ Медвѣдицы. Медвѣдково, село близъ Москвы; Медвѣдь, въ Новгородской, Медвянка, въ Курской губерніяхъ.—Livensa, срав. съ Ливенскъ, городъ Воронежской губерніи.—Aesa, можетъ быть Яуза, рѣка текущая въ самой Москвѣ.

(73) О Ravena, см. пр. 15. Близъ Равены заливъ «Vatreni dicitur, Plin. III, 20.—Budra: у насъ Будринскія горы, въ Архангельской губерніи.—Mercatus есть переводъ «торжища, торга.» Объ обширномъ торгѣ Римлянъ, въ Venetia, съ по-Дунайскими племенами, см. выше, стр. 83 и 96.

(74) Lacus Benacus, тоже что Venetus, ибо Словене называли Венецію— Бнетки. Въ одной рукописи, монастыря Рыльскаго, въ Болгаріи: «въ тоже лѣто Турци пріеми Скъдръ отъ Бенедикъ». (Григоров. пут. 74). П. Мела не отдѣляетъ Karni отъ Венетъ: «sinistra parte Karni et Veneti colunt Togatam Galliam.» P. Mela, II, 4. — Лингардъ, въ своей Geschichte von Krain, (Laibach, 1788—1791; 2 тома, въ 8) силится доказать, что древніе Karni суть Галлы — Carnutes. Изъ Тита Ливія открывается, что Галлы цѣлыми племенами переселившіеся за Альпы, назывались Cenomanes, Salluvii, Boii, Lingones и Senones (T. Liv. V, 35). Изъ другихъ же Гальскихъ племенъ пошли, съ Беловезомъ въ Италію, не цѣлыя племена, а только излишнее народонаселеніе, охотники, желавшіе перемѣны своего положенія. Это ясно говоритъ Т. Ливій: Is (Beloveso) quod eis ex populis abundabat, Bituriges, Arvernos, Aeduos, Ambarros, Carnutes, Aulercos, excivit (V, 34). Слѣдовательно, изъ поименованныхъ племенъ, пошли люди безъ семействъ, одна молодежь. Перешедъ Альпы, они остановились въ окрестностяхъ Милана и назвались тутъ всѣ, общимъ именемъ, Insubri (V, 34). Ясно, что если выходцы, изъ племени Carnutes и поселились въ Италіи, то они тамъ никогда не назывались Carnutes, а вошли въ составъ народа Insubri, очень извѣстнаго и въ послѣдствіи, между тѣмъ

какъ о Carnutes нигдѣ не упоминается, въ продолженіи всей борьбы Рима съ Галлами. Что же касается до племени Carnutes, то оно очень извѣстно, въ полномъ своемъ составѣ, въ Галліи, по комментаріямъ Юлія Кесаря (de bel. Gall. II, 35). Carnutes жили въ окрестностяхъ нынѣшняго Орлеана и главный ихъ городъ назывался Autricum, нынѣ Chartres. Во всѣхъ возможныхъ предположеніяхъ,—Италія не Крайна, и окрестности Милана не Норикъ. Да и всѣ нападенія Галловъ, жившихъ въ Италіи, были всегда направлены на югъ, именно на Этрурію и Римъ, и никогда на сѣверъ, въ при-Дунайскія страны. Въ Крайнѣ, какъ намъ положительно извѣстно (выше стр. 67 и 68), упоминаются уже Словене въ V вѣкѣ, и въ языкѣ ихъ, общемъ всему Словенскому народу, нѣтъ ни одного Гальскаго слова; всѣ географическія имена также чисто Словенскія. Могло-ли это случиться, если бы Karni дѣйствительно были Галлы? Такъ силяться доказать Linhart, Mayr (Gesch. der Kärntner, etc. 1785. Cilly) и др. Нѣмецкіе писатели. Словене на лицо, по-крайней мѣрѣ съ V-го вѣка; куда же дѣвались Галлы? они всѣ изчезли, неизвѣстно отъ чего и куда, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда, ни въ языкѣ Словенъ, ни въ мѣстныхъ названіяхъ городовъ, селеній, рѣкъ и др. урочищъ. И неужъ-ли Галлы, которыхъ исторія вездѣ представляетъ храбрыми и предпріимчивыми, — при видѣ Словенъ, посѣтившихъ ихъ въ Karnia,—вдругъ сдѣлались столь уступчивы и миролюбивы, что всѣ безпрекословно оставили свои дома и сохранно передали ихъ пришедшимъ, на ихъ мѣста, Словенамъ. Но допустивъ и это, скажите же намъ, по крайней мѣрѣ, куда отправились эти Галлы, а ихъ вѣдь было много, ибо заселенная ими страна (по свидѣтельству этихъ же Linhart, Mayr, и проч.) была обширна. Она начиналась отъ Венеціи и продолжалась до Дуная на сѣверъ; а съ запада на востокъ занимала все пространство отъ нынѣшней Баваріи до Венгріи. — Крайняне, бывъ туземцами, неминуемо принадлежали всѣмъ народамъ, занимавшимъ ихъ страну: Готѳамъ, Франкамъ, Лонгобардамъ, Гуннамъ и Аварамъ. Краинскіе Словене получили св. вѣру отъ Салцбургскаго епископа. По уничтоженіи Аваръ, въ 792 году, Карлъ великій роздалъ всѣхъ Словенъ, находившихся подъ Аварскимъ игомъ, своимъ Нѣмецкимъ герцогамъ, а императоръ Арнульфъ, для совершеннаго уничтоженія Моравскихъ и Панонскихъ Словенъ, — вызвалъ Венгровъ, которые, съ IX вѣка, замѣнили Аваръ, въ ихъ господствѣ, надъ несчастною Панонiею и по-Дунайскими странами.

(75) Monti Lessini находятся на самой границѣ Веронской области съ Тиролемъ. Persico, Descriz. di Verona, II, 140. Такъ же точно отъ «лѣса» произошло названіе Вендскаго племени Sa — laessi,— Залѣсы. Близъ Бѣляка (Villach) впадаетъ въ Драву рѣчька Зиля (Zila-Geil,), отдѣленная отъ водъ Тая

(Tagliamento) и Сочи (Isonzo), текущихъ въ Адріатическое море. Верхняя часть долины, по коей течетъ Зиля, называется Лѣсами (U Lesach, — Lesachthal). Памят. Нар. языка, листъ VIII, 125, (И. Срезневскій).—И во Өракіи извѣстно племя Medvateni, Medvaceni. Они жили вдоль Эгейскаго моря и почти уничтожили все Римское войско, на обратномъ его пути, изъ Азіи въ Македонію, въ 188 году, до Р. Х. (T. Liv. XXXVIII, 40). Это тоже Медваки.

(76) Tergaeste, Opi — tergium, и правильнѣе, у Апіана (Bell. Illyric. 3) Torgium, есть несомнѣнно наше Търгъ, торгъ, торжище, ярманка, mercatus, какъ перевелъ Warnefried (II, 14). У насъ: новый Търгъ, Торжекъ. «Посади Ярополкъ на новѣмъ Тръгу», т. е. въ нынѣшнемъ Торжкѣ, Жур. Мин. Вн. дѣлъ, 1848, Ноябрь, 201. Терговище также въ древней Дакіи, и Targetium на Венетскомъ озерѣ, выше, стр. 97.—Pucinum,—Пучина: Пучежъ, Пучищи, селенія въ Костромской и Нижегородской губерніяхъ. Пущина, или Пучина, рѣка (Слов. Щекатова).—Aquileia, есть переводъ Краинскаго слова «постойна», значащаго, на другихъ Словенскихъ языкахъ, «орелъ». Postogna,—Schlangenadler; Iungmann, Slownik, III, 345. Нынѣшнее Краинское мѣстечко Постойна, у Нѣмцевъ Adlers—berg, находится не въ дальнемъ растояніи отъ развалинъ древней Aquileia, которую Римляне, вѣроятно и назвали такъ, по чистому переводу, на ихъ языкъ слова «постойна, орелъ, aquila, а нѣмцы Adlers—berg. Agapito, descriz. di Adlersberg, Aquileia, etc. p. 1. и Memor. di Trieste, p. 71.—Timava, имѣетъ окончаніе на ava, какъ множество рѣкъ орошающихъ Словенскія страны: Нарова, Сочава, Морава, и проч. Наша рѣка Тимъ впадаетъ въ Сосну.

(77) Bilitonis castellum есть нынѣшняя Belinzona. Это имя происходитъ отъ Blato, такъ точно какъ Balatonis (lacus), Plattensee, Peiso (Плесо), въ древней Панонія. У Bilitonis castellum находится извѣстное «великое» озеро верхней Италіи, lago Maggiore, Блато, у древнихъ Пелазговъ и Венетовъ. Времен. XIII, 60.—Tessana, срав. съ Тишана, на Хопрѣ; Теша, Теча, и Тѣса три рѣки у насъ на Руси. — Maleta отъ Малюта, имя вождя Пелазговъ (выше, стр. 44) и у насъ очень извѣстное (Карам. IX).—Sermiana, вѣроятно Serbiana, ибо буквы М. и В. часто замѣняютъ одна другую.—Apiana, можетъ быть Пана.—Brentonika, конечно на р. Brenta: Побратана, см. пр. II. — Bolena, какъ Bulia, Bolana, Вола, пр. 9 и 26. — Ferruga, тоже что Veruga, прим. II.—Ticinum, (потомъ Pavia), на рѣкѣ Ticino, отъ «течь, теченіе (Kolar. Cest. 139); у насъ двѣ рѣки Течи, изъ коихъ одна впадаетъ въ Оку, другая въ Исеть; еще рѣка Течевка соединяется съ Дономъ, въ Воронежской губерніи.

(78) Pole—marchia, какъ Politurium, пр. 9. — Horta, Hortus, есть наше слово городъ, укрѣпленное, огороженное мѣсто, для защиты жителей, по точному объясненію Феста.» Hortus, apud antiquos omnis villa dicebatur, quod ibi, qui arma capere possint, orirentur. Festus, de signif. verborum, VIII. Вѣроятно этотъ Венедскій Hortus есть ничто другое какъ Grad, Gradiska, о которомъ мы говорили въ пр. 70.

(79) Artana, Hortana (Горотана) былъ также городъ въ странѣ Горняковъ (Γέρνικοί), выше, стр. 9; и другой у племени Volsci, пр. II.—Revnia есть Ровно, Ровное, какъ Ravena и др. подобныя имена, выше, пр. 15. — Nemo срав. съ Неменъ.—Ipla, какъ Дупла, чисто Словенское названіе.

(80) Prosasco, есть Просакъ, какъ назывался городъ въ Македоніи (О перев. Манас. лѣтописи, 140). — Venetia показана на картахъ Птолемея, Tabula Europae, N. V и VI, Латинскаго изданія, въ Basileae, 1542, in folio; и въ Италіанскомъ изданіи: Europae Tabula V; 1574, in Venetia, 4.— Подъ годомъ 874 упоминается Ian Sagornino, Янъ Загорнинъ, Венеціанецъ. Kolar, Cestopis, 62.

(81) Nausactia можетъ быть также переиначенное слово, какъ теперь городокъ Новый Садъ, у Словенъ Венгерскихъ, называютъ Нѣмцы; Neusats. — Aepulo, срав. съ Лупулъ, воевода Молдавскій.

(82) Въ названіи Pola, состоящемъ изъ двухъ слоговъ, нельзя никакъ предполагать смысла «городъ, построенный изгнанными, изъ ихъ отечества» какъ хотятъ насъ увѣрить Греческіе разскащики.—О «полѣ», равнинѣ, окружающей со всѣхъ сторонъ Полу, см. Mem. della città di Trieste p. 144. Авторъ пишетъ: pianure di Pola, etc.

(83) Iapodes, вѣроятно, одно и тоже племя съ Iapyges, перешедшими въ южную Италію, выше, стр. 16. Оба были Пелазги.—Рѣка Kolapis, сравн. съ нашими: Колпь, Колпина, Колпинка; Колпино также село въ Псковской землѣ (Псков. лѣт. 91) и въ С.-Петербургской губ. на Ижорѣ.—Arupena, Rupena можетъ происходить отъ «рипы»: такъ называютъ Карпатскіе Русняки «горы», иначе «горбы, планины»; отсюда, можетъ быть, у древнихъ географовъ ῥιπαὶ, montes Riphaei.—Яподы жили въ кряжѣ Альпійскихъ горъ.—Metula, ср. мѣта, метла.—Vendum, несомнѣнно указываетъ на Вендовъ, городъ Вендскій.

(84) Нѣтъ сомнѣнія, что древніе Veneti владѣли обширною страною, отъ Адріатики на сѣверъ, до Дуная; ибо составляли сильное государство всегда

враждебное Галламъ, занявшихъ всю Италію до Аппенинъ. Они никогда не были покорены этими Галлами, которые уничтожили Этрусковъ и часто угрожали порабощеніемъ всему Лаціуму.

(85) Имена почти всѣхъ городовъ въ Ретіи, Венделикіи, Норикѣ, Карніи и Венетіи, находящіеся на Пейтингеровой картѣ, легко объясняются Словенскимъ языкомъ. Кобыляки, въ Полтавской губерніи близъ Днѣпра.—Matra, срав. съ Matra, Matora, выше, пр. 26.—Семилуки, близъ Воронежа.—Abodiaka, Badago, Bedaio, срав. съ Boudłava, въ Герцеговинѣ (Boué, I, 45); Видава, въ Волынской губерніи. — Viruna, тоже что Врана. — Vrusa, какъ Vravaz, Vratza, въ Болгаріи и Герцеговинѣ (Boué, I, 42 и 91). — Vetaniana, вѣроятно Venetana. — Iasinisca, — Ясеница, у Сербовъ (Boué, I, 108) и у Венгерскихъ Словенъ. — Iuvavo или Iuvaro, какъ у Маннерта: Яворъ, въ Сербіи. — Kouklin, гора въ Сербіи (Boué, I, 113) — Komagena, срав. съ Комаржава, въ Чехіи, Komanova, Komarina, въ Болгаріи (Ib. I, 146, 148).— Кандалы, Кандалинской заводъ, на Майнѣ, въ Симбирской губерніи. — Longatico, испорчено отъ Logatez, какъ называютъ это мѣстечко нынѣшніе Крайняне (Linhart, Gesch. von Krain). — Loncium, срав. съ Лоница, рѣка близъ Днѣпра (Щекат. Слов. III, 1177), а Laciaca съ нашимъ озеромъ Лаче и Лацкое, село въ Ярославской губерніи. — Litana, можетъ быть Литинъ, городъ Подольской губерніи. — Noreia: у насъ рѣка Нора; слобода Норская, на Волгѣ; Норово, село Московской губерніи. Нура въ Польшѣ. — Ovilava, срав. съ Вѣлава, также въ Польшѣ. — Sulavio есть Soulovo, въ Албаніи; Svilaia, въ Герцоговинѣ (Boué, I, 50 и 62); Селява, у насъ, близъ Тихвина. — Stonako, — Стонъ, въ Сербіи. — Tergolapa, можетъ быть Троеглавъ, какъ у Словенъ Австрійскихъ, или Торголѣпа.—Tulina, ср. Тула.—Tur, Turnia, Turnasix, — суть Словенскія Тура, Туранъ, Торунь и проч. — Saloca, на Пейтингеровой картѣ, между Aquileia и Veruna, въ Крайнѣ, есть ничто другое какъ Залогъ: это мѣстечко и теперь такъ называется (Linhart, Gesch. von Krain).

(86) У Ликофрона (V, 1242), въ числѣ первобытныхъ жителей Рима, находятся даже Мизы (Niebuhr, I, 305).

(87) Ученые и до сихъ поръ спорятъ о томъ, кто населилъ Этрурію? Первобытные жители Аркадіи? туземцы Додонскіе? или наконецъ Лиды, изъ малой Азіи? Но сущность дѣла состоитъ въ томъ, что всѣ они были Пелазги, слѣдовательно послѣдствія, по языку, нравамъ, просвѣщенію, обычаямъ, совершенно одни и тѣже. Первобытнаго языка Пелазговъ мы незнаемъ, но имѣемъ

надписи Обричей и нѣкоторыхъ другихъ Пелазгическихъ племенъ Италіи. Попробуемъ сличить ихъ съ древле — Словенскимъ языкомъ, произшеднимъ, по прямой линіи, отъ Ѳракійскаго; можетъ быть получимъ тогда выводъ удачнѣйшій того, который, до сихъ поръ, извлекли ученые обращаясь, исключительно, въ продолженіи трехъ вѣковъ, къ языкамъ Еллинскому и *Латинскому*.

МАТЕРІАЛЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нынѣшней книжкѣ Временника помѣщено, въ отдѣлѣ матеріаловъ, повѣствованіе о смутахъ Самозванщины, подъ названіемъ: «*Иное сказаніе о Самозванцахъ.*» Сказаніе сіе отыскано мною въ одномъ сборникѣ первой половины XVII вѣка, * гдѣ оно помѣщено въ слѣдъ за сказаніемъ Авраміа Палицына объ осадѣ Троицкаго монастыря. Издаваемое нынѣ сказаніе часто встрѣчается въ хронографахъ, и по хронографамъ было извѣстно Карамзину и Арцыбашеву; но въ хронографахъ оно находится не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а съ позднѣйшими измѣненіями, и притомъ съ неодинаковыми въ разныхъ хронографахъ, какъ можно судить по сличенію выписокъ сдѣланныхъ Карамзинымъ изъ хронографа съ варіантомъ сказанія издаваемымъ въ нынѣшней же книжкѣ Временника, и взятымъ мною изъ одного хронографа находящагося въ библіотекѣ В. М. Ундольскаго. Арцыбашеву настоящее сказаніе, кажется было извѣстно въ неискаженномъ видѣ, онъ въ третьемъ томѣ своего повѣствованія о Россіи въ одномъ

---

* Сборникъ сей хранился въ библіотекѣ М. П. Погодина.

мѣстѣ представляетъ выписку о хорактерѣ патріарха Гермогера, совершенно одинаковую съ описаніемъ сего характера въ настоящемъ сказаніи и говоритъ о ней, что почерпнулъ ее изъ рукописнаго лѣтописца принадлежащаго И. М. Снегиреву.

Сочинитель сего сказанія, скрывшій свое имя, очевидно былъ современникомъ описанныхъ имъ событій, какъ прямо свидѣтельствуетъ о себѣ на стр. 37 «Повусихъ же ся азъ многогрѣшный, и грубый Богови, и непотребный разумомъ, предати повѣсть сію писаніемъ, не слухомъ увѣряяся, кромѣ того, какъ той еретикъ и законопреступникъ былъ въ Литовстей земли, а что сотворися въ Россійскомъ государствѣ, то вся сія зря своима очима, и невозмогохъ умолчати таковаго зловозстанія въ нынѣшнемъ вѣцѣ, написахъ прочитающимъ на пользу и въ предъидущая времена по насъ будущимъ человѣкомъ на память.» О положеніи сочинителя въ тогдашнемъ обществѣ можно сказать утвердительно и прямо только то, что онъ былъ приверженцемъ Царя Василія Ивановича Шуйскаго; въ этомъ увѣряютъ насъ какъ характеръ всего сказанія, направленнаго къ прославленію Шуйскаго героемъ своего времени, такъ и отдѣльныя выраженія, въ которыхъ сочинитель постоянно называетъ его великимъ, страдальцемъ и даже святымъ; на примѣръ на стр. 30 говоритъ: «и откры Богъ прежде поминаемому первострадальцу боярину Князю Василью Ивановичу Шуйскому того законопреступника,» или «и повелѣ святаго великаго боярина посредѣ града смерти предати.» или на стр. 34, «мы православніи излюбили христіане и всею Россійскою областію избрали себѣ на царство царскіе жъ полаты сингклита мужа

праведна и благочестива, прежнихъ благовѣрныхъ царей коренѣ, отъ великаго во св. крещеніи Василія и отъ благовѣрнаго Князя Александра Ярославича Невскаго, отъ того святаго кореня великаго боярина Князя Василья Ивановича Шуйскаго, еже первіе пострадахъ за православную христіанскую вѣру.» Къ какому званію принадлежалъ сочинитель къ духовному или свѣтскому мы не можемъ сказать положительно; но кажется небудетъ неправильно отнести его къ свѣтскимъ а не къ духовнымъ людямъ того времени и скорѣе всего къ дьякамъ. Къ таковому заключенію насъ приводятъ помѣщенные въ сказаніи подлинникомъ: *Извѣтъ старца Варлаама по убіеніи разстригинѣ Царю Василью Ивановичу. Грамота Димитрія Самозванца къ народу о правахъ его на царство. Грамота Царя Василья Ивановича о самозванствѣ Лжедимитрія. Цѣловальная запись Царя Василья Ивановича. Его же грамоты съ прописаніемъ допросовъ воеводѣ Сендомирскому и Бучинскимъ. Переводъ съ Польскаго письма съ утверженнаго ростриги Гришки Отрепьевѣ, что далъ на себя крѣпость за своею рукою воеводѣ Сендомирскому*; и другіе подлинные документы, которые могли быть доступны скорѣе всего дьяку служившему при дворцѣ, а отнюдь не монаху или духовному лицу непричастному придворнымъ и приказнымъ дѣламъ. Заключенія нашего по сему предмету неотстраняютъ разсыпанныя въ сказаніи выписки изъ твореній святыхъ отцевъ и другихъ церковныхъ книгъ и вообще религіозный и даже аскетическій характеръ всего сказанія; ибо въ XV, XVI и XVII вѣкахъ образованіе Русскихъ людей почти исключительно сосредоточивалось на изученіи твореній святыхъ отцевъ и церковныхъ книгъ; припомнимъ посланія и разныя дошедшія

до насъ сочиненія Царя Ивана Васильевича, Князя Андрея Михайловича Курбскаго и дьяка Третьяка Васильева., они также изпещрены выписками изъ церковныхъ книгъ и проникнуты тѣмъ же характеромъ, какъ и напечатанное нынѣ сказаніе о самозванцахъ, такъ что большую часть ихъ, еже-ли бы не были извѣстны имена сочинителей, мы могли бы приписать духовнымъ лицамъ и даже монахамъ.

Издаваемое нынѣ сказаніе о самозванцахъ въ первоначальномъ своемъ видѣ было доведено сочинителемъ, кажется, только до изгнанія Поляковъ изъ Москвы; ибо описаніе последующихъ за симъ событій и по слогу своему указываетъ на другаго сочинителя, да и въ самой рукописи, служившей оригиналомъ при изданіи, событія, начиная съ избранія на царство Михаила Федоровича Романова, писаны другимъ болѣе позднимъ почеркомъ.

О достоинствахъ издаваемаго сказанія редакція временника неимѣетъ нужды здѣсь разепространяться; ибо для ученыхъ хорошо извѣстно какъ важны историческіе источники уцѣлевшіе въ своемъ первоначальномъ видѣ, неискаженные последующими передѣлками и дополненіями, и особенно источники современные описываемымъ въ нихъ событіямъ, и притомъ подтверждаемые тутъ же помѣщенными оффиціальными документами. Въ таковыхъ источникахъ, даже и пристрастныхъ, позднѣйшій изслѣдователь, вооруженный разнообразными свѣдѣніями относящимися къ тѣмъ же событіямъ, всегда откроетъ много новаго и важнаго, и что всего важнѣе они способствуютъ ему смотрѣть на предметъ съ точки зрѣнія, хотя и односторонней, но за то современной описываемымъ событіямъ.

Что же касается до правильности нашего заключенія, что издаваемое нынѣ сказаніе принадлежитъ къ источникамъ первоначальнымъ неизмѣненнымъ передѣлками; то въ доказательство сего редакція временника рядомъ съ симъ сказаніемъ напечатала подобное же сказаніе взятое изъ хронографа. Это второе сказаніе, очевидно писанное нѣсколько позднѣе и уже не приверженцемъ Шуйскаго, сообщаетъ много новыхъ данныхъ и гораздо полнѣе перваго сказанія; но въ тоже время носитъ на себѣ явные слѣды того, что оно передѣлано изъ перваго сказанія, въ которомъ новый составитель, по своему личному взгляду на событія и въ слѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, почелъ нужнымъ иное измѣнить, иное выбросить и иное прибавить. Слѣды сихъ измѣненій такъ ясны, что ихъ каждый увидитъ при первомъ же чтеніи того и другаго сказанія; и редакціи довольно сказать, что первое сказаніе болѣе нежели на половину переписано во второе сказаніе слово въ слово безъ всякой перемѣны, да и въ другой половинѣ, гдѣ оно измѣнено, измѣненіе во многихъ мѣстахъ состоитъ только въ небольшихъ сокращеніяхъ. На примѣръ во второмъ сказаніи нѣсколько сокращены извѣтъ старца Варлаама и цѣловальная запись Царя Василья Ивановича. Или въ описаніи царствованія Ѳеодора Борисовича Годунова составитель втораго сказанія, послѣ первыхъ же десяти строкъ написанныхъ имъ въ похвалу Ѳеодору, слово въ слово продолжаетъ разсказывать по первому сказанію, и только нѣсколько сокращаетъ реторическія разглагольствія, или замѣняетъ ихъ своими въ четырехъ мѣстахъ: 1-е при описаніи похода самозванцова къ Москвѣ послѣ измѣны Басманова, 2-е при описаніи мятежа въ Москвѣ, когда Пушкинъ и Плещѣевъ прочли тамъ самозванцову грамоту, 3-е при разсказѣ объ убіеніи Ѳедора Борисовича Го-

дунова, и наконецъ въ 4-хъ составитель втораго сказанія прибавилъ о времени царствованія Θедора Борисовича. «Θедоръ жъ точію два мѣсяца бысть на Московскомъ государствѣ послѣ отца своего Бориса, вмалѣ царскія державы насладися, и тако блаженный аки тихъ овенъ, на ничто жъ злобу имущь, скончася. О немъ же мнози отъ народа тайно въ сердцахъ своихъ возрыдаша за непорочное его житіе, но отъ избавляющихъ ему ни единъ обрѣтеся. Въ день бо ярости, рѣче, используетъ имѣніе.»

Секретарь Общества И. Бѣляевъ.

ИНОЕ СКАЗАНІЕ О САМОЗВАНЦАХЪ.*

Той же первой исторіи послѣднее вторымъ сказаніемъ, иже въ первой скращенно здѣ же приполнено, и гдѣ въ первой полно здѣ же скращенно писана, инаго творенія.

Божіимъ изволеніемъ, паче же его человѣколюбивымъ хотѣніемъ бысть въ лѣто 7092, въ неже преставися благовѣрный и христолюбивый и во благочестіи пресвѣтло сіяющій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Руссіи Самодержецъ, мѣсяца Марта въ 18 день. И по немъ осташася его царскаго коренѣ двѣ пресвѣтліи отрасли, сынове его: Царевичь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Руссіи, да иній его братъ Царевичь Димитрій Ивановичь всеа Руссіи, токмо съ нимъ ни единыя матери. Родися сей благочестивый и христолюбивый Царевичь Димитрій Ивановичь, иже тезоимянитъ явися страдалецъ Великомученику Димитрію Солунскому, отъ матери Царицы Маріи Ѳедоровны Нагого; старѣйшій же братъ его Царевичь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи родися отъ матери благовѣрныя и благомудрыя Царицы Настасіи Романовны Юрьева. Въ лѣто 7091, по рожествѣ же того блаженнаго Царевича Димитрія.... случися сему благочестивому и христолюбивому Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, отцу иже благородныхъ царевичевъ впасти въ тѣлесную болѣзнь, яко уже ему зелнѣ изнемогающу, приказа же благородныя чада своя, благовѣрныхъ Царевичевъ Феодора и Димитрея, вѣрному своему пріятелю и доброхоту благонравному болярину князю Ивану Петровичу Шуйскому да Князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому да Микитѣ Романовичу Юрьева, дабы ихъ Государей нашихъ воспитали со всякимъ тщаніемъ, ихъ царскаго здравія остерегали; и помалѣ душу свою предатъ въ руцѣ Божіи Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, и оставивъ земное царство и отыдѣ въ вѣчное блаженство небеснаго царствія. И по милости Божіи въ Троицы

* Это сказаніе въ одномъ рукописномъ сборникѣ первой половины XVII вѣка помѣщено въ слѣдъ за сказаніемъ Авраміа Палицына.

Славнаго Бога нашего, Царевичь Өеодоръ послѣ отца своего блаженныя памяти Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи по его благословенію и по повелѣнію воцарися и сядѣ на пресочайши престолъ Богомъ хранимаго Російскаго царствія въ Московскомъ государствѣ, того же 92 года мѣсяца Мая въ 1 день на память Святаго Пророка Іеремея, и бысть Царь всему Россійскому государству; юнѣйшему же его брату благочестивому Царевичу Димитрею по преставленіи отца своего въ дѣтскомъ образѣ оставшу, яко лѣтомъ двѣма и нижайше; пребывшу же ему въ державѣ отечества своего во царствующемъ градѣ мало время, потомъ же отогнанъ бываетъ въ область Рускія державы во градъ зовомый Углечь и съ матеріею его; пріятъ же тамо многи скорби и гоненіе отъ раба нѣкоего зовомаго Бориса Годунова. По малѣ же времени вниде зломысленный діяволъ въ сердце тому же отъ велможъ преждереченному Борису Годунову, сей же Борисъ шуринъ Царю и Великому Князю Өеодору Ивановичу всеа Русіи, и уподобися той Борисъ древнѣй змiи, иже прежде въ раи прелсти Евву и прадѣда нашего Адама и лиши ихъ пища райскія наслажатися. Такожъ сін Борисъ нача прелщати многихъ отъ царскія палаты преобщателей болярь и дворянъ; такожъ и отъ властей многихъ прелестію присвоивъ къ себѣ, овыхъ дарми преодолѣхъ, а иныхъ прещеніемъ, аки змій свистаніемъ, угрози; и видя себѣ посредѣ царскаго синглита превышши всѣхъ почитаема, и нача славобѣсія дыханіи обуреватися и воздвиже на свою господію на Князя Ивана Петровича Шуйскаго и на единородныхъ его братію, присно бо добрыхъ лукавіи ненавидятъ, и обычай лукавый есть, да идеже постизаетъ хотѣніе свѣрепѣйшіи лютаго звѣря явится, таковый аще что и добросотворитъ, обаче зовется золъ, горкіи плодъ аще и множицею помажется медомъ неотлагаетъ горчины своея въ сладость, обычай бо таковъ имать; но Божіею помощію невозможе имъ зла сотворити ничтоже, точію самъ на собѣ студъ и поношеніе и укоризну привлече. И учинилося вѣстно про сіе сбывшееся всенароднаго собранія Московскихъ людей множеству, еже Борисъ помышляетъ на нихъ, и восхотѣша его со всѣми еродницы безъ милости побити каменіемъ; и видя себе той Борисъ самого поругаема и отъ всего народнаго множества попираема, и умысли лукавствомъ своимъ; и нача паки прелщати того великаго болярина и Князя Ивана Петровича и его сродниковъ и Князя Василія Ивановича и съ его соединокровными братіями, глаголюще: дабы имъ съ нимъ имѣти любовь сердечная и утвердити

вѣрою, что ни кому ни на кого злохитренныхъ совѣтовъ несовѣщевати и не думати, и царскаго величества и здравія остерегать опасно и бодрственно вкупѣ за единъ съ ними. Боголюбивый же князь Иванъ Петровичь и его сродницы и князь Василій Ивановичь и его братія изъ начала прародителей своихъ боящеся Бога и держащи въ сердцахъ своихъ къ Богу велію вѣру и къ человѣкомъ нелицемѣрную правду; и возложиша упованіе на милость Божію, и мнѣша его пронырливаго Бориса яко правду глаголюща, всякъ бо незлобивъ всякому словеси вѣру емлетъ, а коварливъ въ размышленіе приходитъ, сіи же не злобиви быша и вѣру ему яша, и положиша вѣру со укрѣпленіемъ промежъ себя, что имѣти любовь и до брата. Яко же и преже той же Борисъ по обѣтѣ своемъ неугаси злораспаляемаго своего огня славобѣсія, и восхотѣ преобрести славу выше своея мѣры, еще умышляетъ злокoварными своими умышленіями дабы въ чемъ имъ пакость сотворить, и тѣмъ лукавствомъ невозможе сему благородному болярину и Князю Ивану Петровичу и его сродникомъ зла сотворити никотораго, покрытъ бо кровомъ крылу Господню. И паки нача отверзати лукавая уста своя, и изблева яко змія смертоносный ядъ свой тако глаголюще: дабы сій благовѣрный болярииъ и Князь Иванъ Петровичь учинилъ въ народѣ проповѣдь, что имъ на Бориса нѣтъ гнѣва ни мнѣнія ни котораго, того ради дабы его Московстіи народи смерти не предали; они же мнѣша его Бориса яко сущую правду безъ лукавства къ себѣ глаголюща, и возвѣстиша всѣмъ утвержденіе мирства своего; и слышаще сія Московстіи людіе примѣнишася еже на Бориса отъ гнѣва. И по времени нѣкоемъ изволи Князь Иванъ Петровичь дозрити царскаго жалованья а прародителей своихъ вотчины, поѣхалъ во свою отчину еже во области града Суждаля; той же лукавый Борисъ презѣвъ все свое обѣщаніе и забывъ вѣру, узнаючи къ потубленію его время, и посла своихъ злосовѣтниковъ во слѣдъ Князя Ивана Петровича, и повелѣ его яти будто Государевымъ повелѣніемъ, яко отъ царскаго величества отъ полатъ въ заточеніе посла того на Бѣлоозеро, и тамо злою нужною смертію уморити того; и потомъ сродниковъ его и Князя Василія Ивановича Шуйскаго, и единокровныхъ его братію разосла по разнымъ городомъ въ заточеніе, и брата жъ ихъ князя Андрея Ивановича отосла въ Буйгородъ, и тамо повелѣ его уморити смертію нужною; тако же и гостей многихъ посредѣ града казнити повелѣ, а домы ихъ въ расхищеніе предложи, а иныхъ по дальнымъ городамъ въ заточеніе разосла, и многихъ женъ осиротилъ и дѣтей опу-

стошилъ; и еще тою кровію и слезами ненаполни ненасыщаемыя утробы своея, и паки воздвиже многу вражду на свою господію на Князей и на болярь, и многихъ отъ вельможъ различнымъ смертемъ предастъ, ихъ же число Богъ вѣсть, и ни которою кровію славобѣсныя утробы своея не удоволи.

О лютѣ, да како о семъ слезы моя не пролію, како можетъ десница моя начертать тростію о семъ! воставаетъ предатель, яко Іуда Искаріотскій на учителя своего Іисуса Христа Сына Божія, такожъ и той Борисъ вооружается убійствомъ на Государя своего Царевича Князя Димитрея, еже и сотвори окаянный святоубійца; и начатъ же помышляти лукавый той рабъ, како бы ему изсторгнути корень богоизбранный царскій, всячески поучахуся предати смерти сего тезоименитаго благочестиваго Царевича, не хотя оставити наслѣдника отеческому ихъ престолу по немъ, желая царства собѣ получити, забы Бога спасающаго избранныхъ своихъ. Скорбь же и тѣсноту сему благочестивому Царевичу нанося, многожды же и смертоноснаго яда вкушеніе злотворнымъ умышленіемъ посылая къ нему, злую смерть нанося ему. Онъ же вся сія съ радостію пріимаше, вѣдый яко ни что же успѣетъ сила вражія противу силы Божія, и во всемъ владыки своего Христа смиренію послѣдова, яко же иному страждущу отъ всѣхъ прилучившихся ему, ни како же сумнѣся ни вопреки глагола, упова на Господа, яко той прибѣжище отъ скорби одержащая, и вся скорбная нанесенія съ радостію пріимаше. Сія же видѣвъ лукавый рабъ той, яко ни что же успѣ сотворить, ни чѣмъ же зла сему благочестивому Царевичю, тожъ посла во градъ Угличь злосовѣтниковъ своихъ и рачителей діака Михаила Битяговскаго, да племянника его Никиту Качалова, и повелѣ тое царскую младорастущую и красно-разцвѣтаемую вѣтвь отторгнути, благовѣрнаго Царевича Димитрея, яко несозрѣлаго класса пожать, младенца незлобива суща смерти предати и яко агнца заклати, и нарекова имъ благочестія образъ претворити и во тщаніи предварити, тако восхотѣ изторгнути и память его отъ земли; ими же и желаніе свое улучи вражебныхъ уношей, иже отъ навоженія діаволя наученіи быша. Посланніи же они отъ завистника Бориса Годунова на Углечь, пришедше сокровенъ злый умыслъ и совѣтъ въ собѣ ношаше, и иныжъ лукавая совѣтующе на святаго, дерзнувше предати неповинной смерти благочестиваго господина своего, еще бо ему сущу осмолетнымъ возрастомъ, злобѣ же пособней они непресташа, всякъ ковъ движуще и лѣсть покрывающе, и взыскающе еже повелѣно имъ бысть, дондеже обретше, яко же Іюдеи прежде на убіеніе владыки Христа Бога нашего тщетнымъ но-

учащась. Преждереченный же онъ рабъ завистникъ, иже воздвигъ пяту на Господа своего, восхотѣ явленіемъ потаенну смерть сего благочестиваго Царевича сотворити, а невѣдый, что глаголетъ пророкъ: горѣ беззаконникомъ, яко злая утнутся имъ по дѣломъ руку ихъ. Немилостивыи же они юноши, ихъ же прежде изявихомъ, оттолѣ искаше подобна имъ времени да смерти предадятъ святаго и благочестиваго Царевича; внезапу же изшедшу святому отроку по дѣтскому обычаю на играніе, абіе же яко волцы немилостиви злочестивыи тіи юноши нападше на святаго, единъ же отъ нихъ извлекъ ножъ напрасно удари святаго по выи его и прорѣза гортань ему, яко агньца не злобива смерти предаша беззаконніи, отмщенія же крови праведнича, въ тожъ время пріяша нечестивіи они убійцы, отъ людей града того побіени быша. Святая же душа благочестиваго и добропобѣднаго мученика Царевича Димитрея возлѣтевъ къ селомъ небеснымъ и ко престолу трисолнечнаго божества, и неизреченныя и божественныя оноя и недомыслимыя видѣніемъ заря наслажаася воспріятіемъ, яко же божественный Афонасій глаголетъ иже на идолы въ словѣ: таковая аще душа тѣло движетъ, послѣдовано есть иже о собѣ движимѣ души, и по еже отложеніе в земля тѣлу двизатися паки само о собѣ; не душа бо есть умирающа, но ради тоя отшествія умираетъ тѣло, ихъ же бо естество едино, сихъ и дѣйство такожде; тѣмъ яко же Ангели тѣлесныя отрѣшившеся узы входитъ же и исходитъ и посылаема бываетъ благодѣтельства ради на пользу инѣмъ, яко свята и блага всякая душа праведна со Ангелы ликовствуетъ и радуется исполнена славы божественныя истинна свѣта, и сіяетъ яко солнце по средѣ божественныхъ Ангелъ и первому свѣту, еже и Ангеломъ не вѣдомому, самому Богу яко свѣтило свѣтло. И тако любимаа любивому честнѣ кояждо сихъ совокупляются безътѣлеснымъ маніемъ ко оному чину, его же и стоянію дарованіе пріятъ въ настоящемъ воздаяніи тѣлеси Христова и вселится. Да иже хотящаго быть общаго воскресенія Христова отъ Бога честное его и страдальческое тѣло на земли оста обогрѣно кровію, сіяя яко солнце, положено же бысть въ томъ же градѣ Углечѣ въ церквѣ Боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Інсуса Христа. О семъ бо великій Григорій Нисійскій глаголетъ: аще не отгнани будемъ отъ земля, на земли всяко останемъ, аще ли отъ сюду отгонятъ насъ на небеса преселимся. О немилостивной и не человѣколюбныя утробы о лукавый Борисъ! вторый Іюдо преданію и вторый Свѣтополче по святоубійству, како и почто еси погубилъ младенца незлобива, паче рѣку Государя своего, кую ти досаду со-

творилъ, или чѣмъ тебе оскорбилъ? но воля Господня буди со всѣми, яко же изволитъ благости его прещедрая тако и сотворитъ по своему хотѣнію; мы же оставше сія да возвратимся на предлежащее.

Иже бо кого хотяще въ нынѣшнемъ вѣцѣ хвалить и угодитися, азъ же абіе подвизаюся, явити еще вамъ хощу злаго и лукаваго злое умышленіе изумлено о суетной славѣ міра сего, и поостривщаго злый ядъ свой на праведныхъ и симъ наведе кровопролитіе всей Руской земли, и како во возмѣздіе самъ возпрія и съ родомъ своимъ на земли во очію наю, а въ будущемъ вѣцѣ Богъ единъ самъ вѣсть, что воздаяніе ему воздастъ. И паки той Борисъ нача въ сердцѣ своемъ безпрестаннымъ желаніемъ желать и яко неугасимымъ огнемъ горѣти къ державству Московскаго государства и всея Великія Россіи, по вся дни и нощи неусыпно помышляя, како и коимъ начинаніемъ начать на царскій престолъ и восхитити и свое желаніе получить безъ срамоты. И прежде нача испытывати многими волхвы и звѣздословцы, отъ многихъ странъ и языкъ собирая и приводяше бѣ на Московское государство царскиименемъ, и вопрошая мочно ли ему доступити престола царскаго и быти Царемъ; они же его видя желаніе великое о семъ и въ большее чаяніе и радость въводя его сказующе ему: яко родися въ ту звѣзду царскую и будешь Царь Великой Росіи; и тіи глаголющіи тако честь и жалованіе пріемля отъ него веліе на мало времи, потомъ же коварно и потаенно смерти предая ихъ. Не смыслятъ же кто безумніи и вѣруютъ сему, яко незвѣзднымъ движеніемъ се, но промысломъ Вседержителя Бога кождо намъ житіе строится, той бо единъ неизреченными судбами вся комуждо на пользу строя, оваго богатитъ, оваго убожитъ, и смиряетъ, и выситъ и прочее псалма. И мнятся окаянніи остролоrіею непостижимый Божіи промыслъ предрицати, оле помраченія ихъ! яко еже ни святымъ нѣбеснымъ силамъ безъ Божественнаго откровенія преждебытія вѣдома та, иже аки червь по земли полвая и тлѣнный человѣкъ особо прится вѣдати и предглаголати, не воспоминая рѣченнаго: кто вѣсть Божія токмо Духъ Божій и прочее, и паки кто позна умъ Господень, или кто совѣтникъ ему бысть. Тѣмъ же о правовѣрніи возненавидимъ еже отъ острологовъ прорицанія, всякъ бо вѣруя звѣздослови врагъ Божій есть; но убо мы правовѣрніи Божественнымъ преданіемъ послѣдовати потщимся, звѣздословцы же изтлѣютъ и анаѳема да будетъ. Но о сихъ же убо оставимъ здѣ много глаголати, но на предняя возвратимся о немъ же начахомъ. Бысть же въ лѣта по отшествіи міра сего въ кровы небесныя святаго и праведнаго Государя Царя и Великаго Кня-

ня Феодора Ивановича всеа Русіи Самодержца осмыя тысящи 106 году мѣсяца Генваря въ 6 день; бѣ же и то его преставленіе отъ неправеднаго убійства того жъ Бориса. О како могу премолчати о семъ! аще мы умолчимъ то каменіе возопіетъ; и сіе приносящее плодъ благородія, посажденное древо десницею Всещедраго Превѣчнаго Бога, той же Борисъ подсѣче искорени даже и до умертвія его сотворя. И яко же преже имѣлъ нравъ лукавъ и пронырливъ и болярь и царскихъ синклитъ и вельможъ и властей и гостей и воинскихъ людей прелстилъ ово дарми ово любовію а иныхъ злымъ прещеніемъ, и не смѣяше никто вопреки ему глаголати отъ болярь и до простыхъ людей; такожъ той Борисъ, по отшествіи къ Богу Государя Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всеа Русіи, нача посылати злосовѣтниковъ своихъ и рачителей по царствующему граду Москвѣ и по всѣмъ сотнямъ и по слободамъ и по всѣмъ градомъ Россійскія области ко всѣмъ людемъ, что бы на Государство всѣмъ миромъ просили Бориса. Боляре же и власти и велможи и весь царскій сигклитъ и гости и всенародное множество Московскаго государства боячуся Борисова злаго запрещенія и казни и междоусобныя брани, а иже его рачители и совѣтники присвоени.... паче же Богу неизреченными своими судбами строющу, и никто несмѣя противу его рѣщи. Отъ злосовѣтниковъ же его и рачителей наученіи народи, аще и нехотяху его на государство, но боящеся его злаго прещенія моляху его предъ боляры и властьми и вельможи и предъ царскими сииклиты восприяти скипетръ Великія Росіи; и сего ради и отъ достойныхъ на се несмѣяху поступити народнаго ради изволенія, чающе ихъ отъ истинныя сердечныя любви а не неволи ради. Онъ же зломысленный пронырь лукавый за много лѣтъ сего жедая и доступая, и ту яко не хотя и вскорѣ на си не подадеся, и отрицаяся много, и достойныхъ на се избирати повелѣвая; самъ же отшедъ въ великую лавру матери Божія воспоминаемаго чудеси Смоленскія иконы дѣвича монастыря, и ту сестрѣ си царицѣ Иринѣ, уже инокини Александрѣ, служаше, отъ народнаго же множества по вся дни принуждаемь къ восприятію царства. Онъ же срамляшеся и боящеся сестры своей иноки Александры, за неже не попущаше сему быти тако, вѣдяше бо яко издавна желаніе его на се, и сего ради многи крови неповинныхъ пролія отъ болшихъ болярь правящихъ въ Россійскомъ государствѣ Государемъ Царемъ своимъ истинно и право, такоже гостей и иныхъ всякихъ чиновъ изгуби. Совѣтницы же его и рачители принудиша народи молити, и бити челомъ иноки великой Госу-

дарыни Александрѣ, и просити брата ея Бориса на государство; и тако бываше, молиша отъ всенароднаго множества по вся дни съ великимъ воплемъ и плачемъ. Велиціи же боляре, иже отъ корени скипетродержавныхъ и сродники Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичу всеа Русіи, и достойни, на се неизволиша ни много ни мало поступити и между себѣ избрати; но даша на волю народу, они бо быша и тако при Царехъ велики и честни и славни ни токмо въ великой Русіи но и во иныхъ дальнихъ странахъ. И не хотяху же кто Бориса; но ради его злаго и лукаваго промысла и никто несмѣ противу его рѣщи; яко же и во Царѣградѣ изволеніемъ Божіимъ Ѳока мучитель уби кроткаго Маврикія Царя и пріятъ царство Греческое, тако же и сіи Борисъ на Москвѣ восхищаетъ царство лукавствомъ и неправдою. Згонимiи же народи многи Борисовыми рачители къ лаврѣ честныя и принуждаеми молити великую государыню иноку Александру, бити челомъ и просити на государство брата ея Бориса; они же наипаче моляше съ великимъ воплемъ иноку Александру, дабы благоволила на Московское Государство брата своего Бориса, и тако жъ докучаема бываша отъ народа по многи дни. Боляре же и вельможи предстоящіи ей въ келіи ея, овіи же на крилѣ келіи ея внѣ у окна, народи же инози на площади стояли; инози же суть и неволiю пригнани, и заповѣдь положена аще кто не придетъ Бориса на государство просити, и на томъ по два рубля правити на день, за ними же инози и приставы приставлены быша, пренуждаеми отъ нихъ же съ великимъ воплемъ вопити и слезы точити; но како слезамъ быти аще въ сердцы умиленія и радѣнія нѣсть ни любви къ нему, сія же слезъ ради подъ очію слинами мочаше; предстоящіи же предъ нею внутрь келіи, моляше ея преклонити ушеса и внимати къ моленію народному, и возрѣти на собранное множество народное, и слезное ихъ изліяніе и вопль прошенія ради Бориса Царемъ на Московское царство. Она же егда хотяше на народъ возрѣти, и видѣти бываемая въ нихъ, и егда хотяше обратитися къ возрѣнію въ окно; вельможи же предреченіи они Борисовы рачители, предстоящіи ту внутрь келіи, помаваніемъ рукъ возвѣститъ внѣ келіи у окна на крыльцѣ стоящимъ; они же возвѣстятъ тако же помаваніемъ рукъ своихъ приставомъ у народа приставленнымъ, и повелѣваютъ народу пасти на землю ницъ къ позрѣнію ея, нехотящихъ же созади в шею пхающе и біюще, повелѣвающе на землю падати и воставъ неволею плакати; они же и не хотя аки волцы напрасно завоютъ, еще подъ глазы же слинами мочаше, всякъ кождо у себѣ слезъ сущихъ

не имѣя и сице не единова множицею бысть; и таковымъ лукавствомъ на милость ея обратиша, яко чающе истинное всенароднаго множества радѣніе къ нему, и не могуще вопли многія горки слышати и видѣти бываемыхъ въ народѣ, даетъ имъ на волю ихъ, да поставятъ на государство Московское Бориса.

Народи же паки начаша бити челомъ и молити Бориса Θеодоровича Годунова воспріяти скипетръ въ руку свою великія Россіи. Онъ же лукавый крѣпляшеся лицемѣруя, яко не хотяше да потаенно желаніе свое улучитъ въ себѣ, и избудетъ поношенія симъ отъ всѣхъ поносящихъ ему о семъ, да и большему моленію весь народъ къ себѣ превлечетъ, и тѣмъ велику похвалу себѣ получитъ предъ всѣми сродными Великому Государю Царю и Великому Князю Θеодору Ивановичу всеа Русіи и предъ всѣми достойными на се, и яко да негнѣваются на него и не поносятъ ему о семъ, яко не своимъ хотѣніемъ воспріятъ скипетръ, но народнаго ради множества всего Россійскаго государства возлюбленъ и избранъ на се и многомолимъ быть отъ нихъ, а не его самаго хотѣніемъ. Тоже видя сія патріархъ народное усердіе и тщаніе къ Борису паче всѣхъ сущихъ возлюбиша Бориса на государство; къ сему же еще Борисовыми рачители и доброхоты къ моленію понуженъ бываетъ патріархъ и епископы; патріархъ же со всѣмъ освященнымъ соборомъ пріемлетъ икону пречистыя Богородицы написанную Лукою Іевангелистомъ, и иныхъ святыхъ прочія иконы и мощи пѣшеносцы износими бываютъ отъ мѣста на умоленіе Бориса. Онъ же яко устрашився пришествія образа Богоматере, и абіе воспріемлетъ скипетръ Россійскія державы и вѣнчася царскимъ вѣнцемъ во 107 году Сентября въ 3 день и царствова лѣтъ 7. И во время державства своего Великія Россіи нача себѣ укрѣпляти и утвержати; дабы ему в долготу дни и лѣтъ пребыти держа скипетръ Великія Россіи, и по немъ бы роду его и въ родъ держати; и сего ради много болярь и вельможъ и воеводъ разсылая по дальнымъ и разнымъ городамъ и злыми разными смертми ихъ умерщляше и родъ царскій искореняя.

О братіе любовные не дивитися начинанію но зрите каково будетъ окончаніе. Видѣвъ же сіе всевидящее недреманное око Христосъ, яко неправдою восхити скипетръ Россійскія области, и восхотѣ ему отомъстити пролитіе неповинныя крови новыхъ своихъ страстотерпцевъ, просіявшаго въ чюдесехъ Царевича Димитрія и Царя и Великаго Князя Θеодора Ивановича всеа Россіи, и прочихъ неповинно отъ него избіенныхъ, и неистовство его и злоубійство неправедное обличити

и прочимъ его радстелемъ образъ показати, чтобы веревновали его лукавому суровству. И попусти на него врага, Содома и Гомора оставшую главню, или глаголю непогребеннаго мертвеца черньца по Іоанна Лествичника слову, всякъ чернецъ преже смерти умреть, гробъ себѣ келію обрѣтъ, глаголю убо законопреступника ростригу Гришку Отретьева родомъ Россійскія же области града зовомаго Галича отъ младыя чади Юшку Яковлева сына Отрепьева, яко самъ тое святоубійца Борисъ Годуновъ.... той же Юшка остася послѣ отца своего младъ зѣло с матерію своею и наученъ былъ отъ нея Божественному писанію; егда же изучи точію часовникъ и псалмы Давидовы и отыде отъ матери своей, и нача витати въ царствующемъ градѣ Москвѣ. И по нѣкоемъ времени случися ему бесѣда Вятскіе области града Хлынова Успенского монастыря со игуменомъ Трифономъ, той же игуменъ Трифонъ увѣща его быти мниха; и по совѣту того игумена острижеся во иноческій образъ и паречеся имя ему Григорій; въ то время быста ему лѣтъ 14, и отыде во градъ Суждаль, и нача пребывати во обители Всемилостиваго Спаса въ Еуфимьевѣ монастырѣ, и ис того монастыря пріиде въ томъ же уѣздѣ въ монастырь ко Спасу по слытію на Куску, и много рѣщи не хощу о семъ по многимъ монастыремъ жительство приходя имый. Паки возвратися въ царствующій градъ Москву, и нача жительствовати въ Чюдовѣ монастырѣ, и по произволенію тоя честныя Лавры настоятеля архимандрита Пафнутія поставленъ бысть въ діаконы рукоположеніемъ святѣйшаго Іова патріарха Московскаго и всеа Русіи, и вождelѣ искати и вницати со усердіемъ въ премудрости богомерскихъ книгъ, и впаде въ прелютую ересь. И егда жительство имый въ царствующемъ градѣ Москвѣ знаемъ бяше многими отъ мирскихъ человѣкъ тако жъ и отъ властей и отъ многихъ инокъ, изъ Чудова пріиде во обитель къ Николѣ на Угрѣшу, и нача въ безуміи своимъ возноситися и впаде въ прелютую ересь, яко же Аріе безумный свержеся съ высоты и сниде и своею премудростію во дно адово. И по малѣ времени изыде отъ Николы Чюдотворца отъ Угрѣши и вселися въ предѣлѣхъ града Костромы вообщее мѣсто въ монастырь Іоанна Предтечи на Желѣзномъ борку, и оттуда паки пріиде опять къ Москвѣ, и отъ туда оставя православную вѣру христіанскую отбѣжа въ Литву, и прелсти съ собою отыти двy инокъ черньца Мисаила Повадина да черница Варлама. Бѣгство же и прещеніе старцовъ синевымъ образомъ:

Извѣтъ старца Варлаама, по убіеніи Ростригинѣ, Царю Василію Ивановичу всеа Россіи.

Царю Государю и Великому Князю Василію Ивановичу всеа Русіи бьетъ челомъ извѣщаетъ твой государевъ нищій и богомолецъ Варлаамъ. Въ прошломъ Государь во 110 году въ великій постъ на другой недѣлѣ въ понедѣльникъ иду Государь я Варварскимъ крестьцомъ и ззади меня пришелъ черvецъ молодъ, сотворивъ молитву и поклонився мнѣ, и учалъ меня опрашивати: старецъ, которые честные обители? и сказалъ я ему, что постригся въ немощи, а начало имѣю Рожества Пречистой Пафнутіева монастыря; и которой де чинъ имѣеши крылашанинъ ли и какъ имя? и азъ сказалъ имя свое Варлаамъ. И учалъ я его распрашивати: которой ты честные обители и которой чинъ имѣешъ и какъ тобѣ имя? и онъ мнѣ сказалъ, что жилъ въ Чюдовѣ монастырѣ, а чинъ имѣю діаконскій, а зовутъ меня Григорьемъ, а по прозвищу Отрепьевъ; и язъ ему говорилъ: что о тобѣ Замятня, да Смирной Отрепьевы? и онъ мнѣ сказалъ, что Замятня ему дѣдъ, а Смирной дядя. Да ему же я говорилъ, которое тебѣ дѣло до меня? и онъ сказалъ: живучи де въ Чюдовѣ монастырѣ у архимандрита Пафнутія въ келіи, да сложилъ похвалу Московскимъ Чюдотворцамъ Петру и Алексѣю и Іоны, да у Патріарха Іева жилъ де я, и Патріархъ де видя мое досужество, и учалъ на царскую думу вверхъ съ собою меня имати, и въ славу де вшелъ въ великую, и мнѣ де славы и богатства земнаго нехочетца не токмо видѣти но и слышати, и хочю съ Москвы съѣхати въ далній монастырь, и есть монастырь въ Черниговѣ, и мы поидемъ въ тотъ монастырь. И я ему говорилъ, что жилъ въ Чюдовѣ у Патріарха, а въ Черниговѣ тобѣ не привыкнуть, потому что слышилъ я монастырь Черниговской мѣстечко невеликое; и онъ мнѣ говорилъ: хочю де въ Кіевъ въ Печерской монастырь, а въ Печерскомъ монастыри старцы многіе души свои спасли; и я ему говорилъ, что Патерикъ Печерской читалъ. Да онъ же мнѣ говорилъ: да живъ въ Печерскомъ монастыри поидемъ до святаго града Іерусалима, до Воскресенія Господня и до гроба Господня. И я ему говорилъ, что Печерской монастырь за рубежомъ въ Литвѣ, и за рубѣжъ ѣхати не смѣти. И онъ мнѣ сказалъ: Государь де Московской и съ Королемъ взяли миръ на двадцать на два года; и нынѣ де просто и заставъ нѣтъ. И я ему говорилъ: для душевнаго спасенія и для Печерскіе Пречистые и для святаго града Іерусалима и Господня ради гроба поидемъ. И въ томъ, Государь, мы вѣрились христіанскою

вѣрою, что намъ ѣхати отложити до другаго дни, и срокъ учинили сойтися въ Иконномъ ряду; и на завтрее сошлись въ Иконномъ ряду, аже у него приговоренъ ѣхати жъ чернецъ Мисаило, а въ мірѣ звали Михайломъ Повадинъ, и я зналъ его у Князя Івана Івановича Шуйскаго. И шедъ мы за Москву рѣку, и наняли подводы до Болхова, а изъ Болхова до Карачева, исъ Карачева до Новагородка Сиверского; и въ Новѣгородкѣ принялись въ Преображенскій монастырь, и строитель Захарей Лихаревъ поставилъ насъ на крылосѣ, а тотъ діаконъ Гришка, на Благовѣщеніевъ день, съ попами служилъ обѣдню и за Пречистою ходилъ. И на третіей недѣлѣ послѣ велика дня, въ понедѣльникъ, вожа добыли Івашка Семенова отставленнаго старца, да пошли на Стародубъ и на Стародубской уѣздъ; и Івашко вожъ за рубежъ провелъ въ Литовскую землю и первый городъ Литовской намъ Лоева замка, а другой Любецъ, а третій Кіевъ. И въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастыри архимандритъ Елисей насъ принялъ, и въ Кіевѣ всего жили три недѣли; и онъ Гришка похотѣ ѣхати къ воеводѣ Кіевскому Князю Василію Острожскому; и у архимандрита Елисѣя Плетенецкаго и у братіи отпросился; и я архимандриту Елисею и братіи на него извѣщалъ и билъ челомъ, что было жительствовати ему въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, душевнаго ради спасенія, и потомъ было идти до святаго града Іерусалима и до Господня гроба; а нынѣ идеть въ міръ до Князя Василія Острожскаго, и хочетъ платіе иноческое скинути, и ему будетъ воровати, и Богу и Пречистой солгалъ. И мнѣ архимандритъ Елисей и братія говорили: здѣся де земля въ Литвѣ волная, въ коей кто вѣрѣ хочетъ въ той и пребываетъ; и я билъ челомъ архимандриту и братіи, чтобы дали сожительствовати мнѣ у собя въ Печерскомъ монастырѣ; архимандритъ и братія мнѣ недали, четыре де васъ пришло, четверо и подите. И пришли до Острога до Князя Василія до Острожскаго, аже Князь Василій въ сущей во христіанской вѣрѣ пребываетъ; и мы у него лѣтовали, а на осень меня да Мисаила Повадина Князь Василій послалъ во свое богомоліе къ Живоначальной Троицѣ въ Дерманской монастырь. А онъ Гришка съѣхалъ въ Гощею въ городъ къ пану къ Гоской, да въ Гощеѣ иноческое платіе съ себѣ скинулъ и учинился мірянином и учалъ въ Гощеѣ учитеся въ школѣ по Латынски и по Польски и Люторской грамотѣ, и бысть отмѣтникъ и законопреступникъ православныя сущія христіанскія вѣры. И я Государь изъ монастыря до Острога до Князя Василія ѣздилъ и Князю Василію билъ челомъ, что бы Князь Василей изъ Гощей велѣлъ его взяти и учинити

по старому черньцомъ и діакономъ, и повелѣлъ бы его послати къ намъ въ Дерманской монастырь; и Князь Василей и всѣ его дворовые люди говорили мнѣ: здѣся де земля какъ кто хочетъ да тотъ въ той вѣрѣ и пребываетъ; да Князь же мнѣ говорилъ: сынъ де мой Князь Янышъ родился во христіанской вѣрѣ, а держитъ Ляшскую вѣру, и мнѣ де его не уняти, и нынѣ де панъ Краковской въ Гощеѣ. А Гришка въ Гощеѣ у него и зимовалъ, и послѣ велика дни изъ Гощей пропалъ безвѣстно и очютился въ городѣ Брагинѣ у Князя Адама Вишневецкаго, и сказался Князю Адаму Царевичемъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ, а тотъ Князь Адамъ, бражникъ и безумецъ, тому Гришкѣ повѣрилъ и учинилъ его на колесницахъ и на конѣхъ ѣздити и людно. Изъ Брагина Князь Адамъ поѣхалъ до Вишневца, и того Гришку съ собою взялъ и по паномъ по роднымъ его возилъ, и сказывалъ его Царевичемъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ. И въ Вишневцѣ Гришка Отрепьевъ у него лѣтовалъ и зимовалъ, и послѣ велика дни Князь Адамъ его Гришку допроводилъ до Кракова до Короля до Жикгимонта; и сказалъ Князь Адамъ про него Королю, будто онъ Царевичь Дмитрей Ивановичь Углецкой. И Король его къ рукѣ звалъ; и онъ учалъ прелщати его именуючи собя сущаго быти Царевича Дмитрея, приснаго сына благовѣрнаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи Самодержца; и самъ онъ Гришка учалъ плакати и Королю говорити: слыхалъ ли де еси про Московскаго Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи Самодержца коль былъ великъ и грозенъ, во многихъ ордахъ бысть славенъ, а язъ сынъ его присный Князь Дмитрей Ивановичь, и какъ судомъ Божіимъ отца нашего на Россійскомъ Государствѣ не стало, а остался на Московскомъ Государствѣ Царемъ братъ нашъ Θеодоръ Ивановичь всеа Русіи; а меня измѣнники наши послали на Углечь и присылали по многія времена многихъ воровъ и велѣли портети и убити, и Божіимъ произволеніемъ и его крѣпкою десницею покрывшаго насъ отъ ихъ злолѣйскихъ умысловъ, хотящихъ насъ злой смерти предати; и Богъ милосердый злокозненнаго ихъ помысла не восхотѣ исполнити; и меня невидимою силою укрылъ, и много лѣтъ въ судьбахъ своихъ сохранилъ даже до лѣтъ возрасту нашего; и нынѣ я приспѣвъ въ мужество и Божіею помощію помышляю итти на престолъ прародителей своихъ на Московское Государство, и говоря то проливаетъ многія слезы: а и то было тебѣ милостивый Королю мощно разумѣти, какъ толкѣ твой холопъ тобя или брата твоего или сына у тобя

хранилъ. И я Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божіею помощію иду на престолъ прародителей нашихъ на Московское Государство и на всѣ Государства Росіискаго царствія; и вы бъ наше прироженіе попомнили православную христіанскую истинную и вѣру крестное цѣлованіе, на чемъ естя крестъ цѣловали отъцу нашему, блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи и намъ чадомъ его, что хотѣти добра намъ во всемъ и опричь нашего царскаго роду на Московское Государство иного Государя не хотѣти и неискати. И какъ судомъ Божіимъ отца нашего и брата на Государствѣ не стало и учинился тотъ Борисъ на Государствѣ Царемъ лукавствомъ и насилствомъ; а вы про насъ Государя своего прироженнаго незнали, и крестъ ему цѣловали невѣдомостью: и вы нынѣ узнаите своего Государя Государевича и отъ нашего измѣнника Бориса Годунова отъложитеся къ намъ, и въ предъ уже намъ Государю своему прироженному служите и прямите и добра хотите какъ и отцу нашему, блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи. А я васъ начну жаловати по своему царскому милосердому обычаю и на ипаче свыше, и въ чести держати, и все православное христіанство въ тишинѣ и въ покои и во благоденственномъ житіи учинити хотимъ.

Людіемъ въ тѣхъ градѣхъ въ Муромскѣ и въ Черниговѣ и въ Курецкѣ и Комарицкія власти и въ Путимли и въ Рылескѣ и въ Стародубѣ и въ Кромѣхъ слышавше сія, быша тогда въ размышленіи, и паки положишеся на щедроты Божія, мнѣвше то въ правду быти, и рекуще: егда Господь Богъ по неизреченнымъ судбамъ своимъ и прещедрою своею десницею изять того отъ Борисова порубленія, и чаяху его быти сущаго прироженнаго своея христіянскія вѣры Царевича, а про Бориса добрѣ вѣдаютъ, яко не правдою восхити царство и потаенно подсѣче древо благоплодія, еже есть правоѵѣрнаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи, и много бесчисленно пролилъ неповинныя христіанскія крови доступаючи Великаго Государства. И никто же ста братися противу его; аможе пріиде, грады ему везде отъваряху и подобное поклоненіе и дары приношаху ему, яко же подобаетъ царскому величеству; а которое воиско его по Крымской дороги идоша градъ царевъ Бѣлъградъ и иные многіе грады такожде ему предашася и с селы. И паки тои Гришка поиде къ Новому Сѣверскому граду, а въ немъ воеводы сидѣли бояринъ Князь Никита Романовичь Трубецкой да Петръ Федоровичь Басмановъ; и тѣ ему здати не восхотѣша, оружіе

уготовиша; онъ же нача ко граду съ войскомъ крѣпко приступать и бити исъ пушекъ исъ пищалей по граду нещадно, и разбиша градъ до обвалу земнаго; во градѣ жъ воеводы и граждане видяще градское разбіеніе, и смысливше тогда вещь лукаву, начаша бити челомъ ему и милости просить въ винѣ той, будто незнаючи его супротивъ воссташа, нынѣ же познахомъ прироженнаго Государя своего, престани трудитися градъ біюще, полагаемъ предъ тя вся щиты своя и оружія, и поготову тебѣ нынѣ градъ отворимъ, и съ подобною честію встрѣтимъ тя якоже и прочи. Онъ же слышавъ сія и радъ бысть, и повелѣ біющимъ по граду престать бити; они же паки тайно уготовиша щиты и уставивше пушки и пищали и сабли вознесше и всякое оружье встречу имъ уготовиша, и сами яко волцы за щиты западше и въ таиныя мѣста скрышася, и градъ отъвориша. Они жъ неведуще сихъ и яко дивіи гладніи звѣріе къ снѣди другъ предъ другомъ поскоряюще напредъ во градъ внитти, и поидоша тѣсно другъ друга угнѣтающе; и подоволу пустивше во градъ и сихъ затявше и начаша по всему войску бити аки въ стѣну изо всякого оружія и яко мостомъ предъ стѣнами града и во вратахъ людми его помостивше, градъ же затворивше, и елико во градъ вшедшихъ тѣхъ всѣхъ побиша иныхъ же живыхъ взявше, и убиша у нихъ до четырехъ тысящь, прочіи же видяще сія отбѣгше. Гришка жъ рострига видяще стрѣленіе ихъ и подобную честь себѣ отъ гражанъ.... мѣсто и образовъ копія и сабли, въ кандиложъ мѣсто пушки и пищали, въ мѣсто жъ благоуханнаго финіяну зѣліе и дымъ и смрадъ, вмѣсто жъ сладкаго овощу окусивше пушечные и пищалные ядра, вмѣсто жъ меду смертнымъ ядомъ помазаны. И быша тако проклятый срама и гнѣва наполнися и паки повелѣ ко граду приступати. Граждане же наипаче охрабривша и вси единое досташа и бьюще съ ними крѣпце, онъ же многъ часъ стоя подъ градомъ трудився.... ничто жъ поспѣваше.

Борисъ же Царь егда слышавъ Гришку ростригу нарицающась Царевичемъ Димитріемъ и грады ему многіе предаются безъ крови, а стоитъ подъ Новымъ Сѣверскимъ градомъ; и посылаетъ съ Москвы воеводы на выручку града Князя Федора Ивановича Мстиславскаго да Князя Василья Ивановича да Князя Дмитрія Ивановича Шуйскихъ и съ ними многіе воеводы со многими силами. Егда же придоша близъ его и градъ выручаютъ и войско съ войскомъ скоро сходится, яко двѣ тучи наводнившеся темны бываютъ къ пролитію дождя на землю, тако же и тѣ суть два войска сходяще между собою на пролитіе крови человѣ-

ческія и покрыша землю, хотяще единъ другаго одолѣти; и быша яко громи не въ небесныхъ но въ земныхъ тучахъ пищалной стукъ, и огонь яко молнія свѣркаетъ во тмѣ темной и свищутъ.... и ис тьмочисленныхъ луковъ стрѣлы, падаютъ человѣцы яко снопы по забраломъ. И паки соступившимся двѣма воискома, и бысь сѣча велія: сѣчахуся за руки емлюще, и бысь вопль и шумъ отъ гласовъ человѣческихъ и оружной трескъ яко и земли потрясати и неслышати, что другъ къ другу глаголетъ, и брань зѣло страшна бысть; яко жъ и на Дону у Великаго Князя Дмитрея съ Мамаемъ, ужаса и страха полна та бѣяше борба. Онъ же Гришка съ хитростію на бой нарядився, у многихъ въ войскѣ его кони ихъ и люди въ медвѣжихъ кожахъ и овчи кожи навыворотъ у иныхъ коней, по обѣ страны косы въ тѣснотѣ рѣжутъ, и пакость велику творитъ; Московскои жъ силы кони отъ ихъ козни начаша зѣло мятися и на супротивныхъ непойдоша; они жъ во смятеніи томъ начаша болѣ побивати и подолѣвати. И тако Московская сила смятеся и во смятеніи томъ много войска побиша, и до самаго знаменія воеводцкаго добишася, и трупомъ человѣческимъ землю помостиша яко мостомъ, крови же человѣческія по земли источницы протекоша, и самаго воеводу Князя Феодора Ивановича Мстиславскаго зѣло раниша. И тако Московское войско побѣгоша и они ихъ девять верстъ гнаша и болѣ въ тылъ побивающе и сѣкуще; трупу жъ человѣческаго яко лѣсу кипарису подсѣкоша и мостомъ но девять верстъ и болѣ помостиша, кровію жъ человѣческою вся земля обагрися. Отъ страха и ужасти полна та бяще борба проклятаго еретика со святоубіицею; не сами собою срожаются но человѣцы отъ нихъ умираютъ и кровь проливаютъ; аще не бы ночь постигла мало бы и спаслося Борисова войска. И тако злоправны и отъ злаго своего злохитрѣства и суроваго обычая Гришка Отрепіевъ, бывый присно лоза насажденнаго винограда Христова, и отторжеся и падеся и прозябе золъ плодъ, еже вкушающимъ отъ него смертію умирати; и овча претворися въ хищника волка и подщяся поядати избраннаго овчатѣ словеснаго стада Христова, и искореняти виноградъ насажденный десницею вседержащаго превѣчнаго Бога; и умысля злохитреными волшествы своими побѣдивъ отъ полковъ множество воинъ, и пролія рѣки неповинныя Христіянскія крови. И аще небы Богу за умноженіе нашихъ согрѣшеній попущаущу, не возможно бяше ему треклятому совершити таковаго великаго начинанія.

О второй брани на Добрыницахъ.

И паки непочиваетъ кровоядный львичищь со своими звѣрь, яко на бракъ на кровопролитіе тщится, лакати крови христіянскія и поядати плоти человѣческія, уряжаетъ полки воинскихъ людей. Сице жъ и Московскіи и Борисовы воеводы нестращатся его уяденія, но паче тщатся противу его и отомсти ему прежде пролитую кровь христіянскую отъ него, храбросерды ополчаются. Яко ясни соколы на сѣрые утята или бѣлые кречаты носы чистятъ ко клеванію и вострые ногти къ вонзенію плотемъ, и крыліе свое правятъ и плеща потязаютъ къ убійству птичному; такожде христіянстіи поборницы православныя вѣры воеводы съ христолюбивымъ своимъ войскомъ противу сатанина угодника и бѣсовозлюбленнаго его воинства во броня облачаются, оружія и щиты въ руки воспріемлютъ, и Бога на помощь призываютъ и Пречистую Богородицу христіанскую заступницу и помощницу, и Московскихъ чюдотворцевъ и всѣхъ святыхъ его. И начаша сходити на Добрынищахъ подъ Комарицкою волостью, ставшимъ двѣма войскома не по мнозѣхъ днехъ по первой брани, и бысь вторая брань жесточае первые, тщащеся другъ друга одолѣти, многое жъ множество обѣихъ странъ людей падающе, яко древи кланяшеся или сноповъ по забраломъ валяющеся; ни единъ другъ отъ друга вспятиться нехотяше, но тщаше единъ другаго поразити, и другъ отъ друга убивающеся; страшно же и ужасно зрѣти, брань велика зѣло стояше и жестока и кровь проливашесь многа. Московскіи жъ воеводы Князь Василій Ивановичъ Шуйской, немогя видѣти крови проливаемыя, возъярися сердцемъ и остроумнѣ и зѣло храбро со своимъ полкомъ избраннымъ съ правые руки напущается сатанина угодника на войско и просѣче на полы раздвоивъ его, и яко траву поклони противустоящихъ: убоявши же смерти отъ него отъ .... и путь даяху. Съ лѣвую же руку тако жъ Иванъ Ивановичъ Годуновъ свое мужство показа, храбро и мужественно напущается и побиваетъ яко улицы просѣкаетъ, никто противу его стати можетъ. Такожде и иные воеводы и головы немогоша устояти, крѣпко и единосердо наступиша. И смятошась войско его, давше плещи побѣгоша, они же ихъ гнавше и досягаше и въ тылъ безъ милости сѣкуще ихъ, и многое множество ихъ безчисленно побиша и много живыхъ взяша, мало жъ ихъ и спасошась, самаго же треклятаго Князь Иванъ Татевъ уича въ Рылескъ градъ, и отътуду въ Путимль градъ бѣжа; аще не

бы его ту тогда Князь Иванъ Татевъ спасль, то бы и самъ ту убіенъ былъ; но грѣхъ ради нашихъ на пролитіе крови христіянскіе еще остась и на побѣду Царя Бориса.

Треклятый же Гришка Отрепіевъ наипаче страхомъ и великимъ трепетомъ объятъ бысть, и отчаявся надежи своея нача помышляти въ Литву бѣжати. Царь же Борисъ гнѣва и ярости исполнися на жителей Комарицкіе волости, и повелѣ ея великимъ плѣномъ плѣнити и до конца опустошити, что растригѣ предалися и служатъ, и всѣхъ православныхъ христіянъ посѣтчи отъ мала и до велика, а иныхъ всякими различными муками мучити, еже и бысь. Да кто каменносердеченъ тогда невосплакася или не постона о семъ, каково плѣненіе бысь Комарицкіе волости православнымъ христіяномъ отъ Царя Бориса, якоже и иноплеменницы погани языцы тако не могутъ творити, якожъ Царь Борисъ гнѣва своего ярость излія многимъ разнымъ мученіемъ безъ милости умучи и горкимъ убійствомъ убивая не токмо мужей, но и женъ и безлобивыхъ младенцевъ ссущихъ млеко и поби отъ человѣка и до скота, и имѣнія ихъ расхищена быша и домове до конца разоренны быша и огнемъ пожженны, вся въ прахъ превратии, и неизглаанное злое то плѣненіе и писати невозможно. Еда же Гришка растрига хотяше въ Литву бѣжати, граждане же и вси людіе, кои за него задалися, начаша его молити со слезами и увѣщевая глаголюще: о великіи Государю! ты самъ опять въ Литву хотяше идти, насъ же кому оставляеши, или предаеши насъ въ руки измѣннику своему Борису, да такъ же насъ пришедъ выплѣнитъ, якоже и Комаричанъ и лютыми и горкими муками умучитъ насъ; и ты ужé самъ намъ посѣки главы наша, а Борису насъ непредавай живыхъ въ руки; о бѣда насъ постигла велика! того брега отплыхомъ, а другаго не хватихомся, и стали есмя яко среди пучины морстей, конечно погибаемъ, Бориса отложихомся, тебя же неудержахомся, да невѣмы что сотворимъ; но точію токмо единъ путь намъ ко спасенію, ижъ тя неотпустити отъ себѣ, да Борису добити челомъ, а тобою заплатити вину свою. Онъ же рече имъ; войска нынѣ неимамъ, видѣте все разбито, едва самъ убѣгъ, а казна вся моя истощися; азъ бо не тако помышляю, яко жъ вамъ мнится, что бѣжати мнѣ и отчина своя покинути, но хощу въ Литву итти по казну и по войско, да крѣпце мнѣ преславныхъ государствъ отчины своея доступати. Они же ему глаголаше: емли Государь нынѣ имѣніе наше, елико мы у себя имѣемъ, а за тѣмъ пойдемъ мы съ тобою всѣ своими головами, да вси помремъ или животъ и честь отъ тебѣ обрящемъ; и понесоша ему елико кто имѣяше сребра и не тысящу рублевъ и

не сто, инъ болѣ, инъ меня; онъ же симъ едва удержася, прежде хотя вшелъ, а не хотя уже стало и стояти, занеже не хотятъ живы съ нимъ ростати; и паки въ Путивлѣ сѣде и войско копити нача, откуду елико какъ можаше; Царь же Борисъ не мало о семъ возрадовася.

Во градѣ жъ Кромы сѣдяше еретическаго жъ войска атаманъ казачей Гришка Корѣла съ казаки и съ Кромляны; Царь же Борисъ посылаетъ подъ градъ въ Кромы воеводство ихъ боярина Өедора Ивановича Шереметьева съ великимъ войскомъ. И пришедъ градъ осади и приступы творя; изъ града же на приступѣхъ много войска побиша и крови христіянскія пролишась; Царь же Борисъ еще ту воеводы присла Князя Өедора Ивановича Мстиславскаго да Князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго со многими воинствы, да хотяше градъ вскорѣ взяти. Воеводы жъ ополчевашесь и на градъ крѣпко налягаху, храбро и мужественно изъ наряду біюще по острогу и по граду и всякими стѣнобитными хитростми налѣгая, а острогъ и градъ разбиша и до основанія. Они же казаки зломыслены и коварливы и безстрастны къ смерти и непокоривы и къ нуждамъ терпѣливы отсиживали въ норахъ земныхъ, и бои чиниша изъ подъ земли, такожъ и навыласку вонъ изъ града бити выхожаху; и никако жъ града у нихъ взяти невозмогоша. Московскіи жъ воеводы, стояху и до весны, и много же тогда воинскихъ людей изомроша, стужи ради настоящія зимняго времени, яко время то и зѣло студено бысть и ядовиты мразы быша.

Царь же Борисъ въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ государствахъ и градѣхъ Россійскія державы укрѣпляя людей въ Москвѣ святѣйшимъ Патріархомъ Іевомъ и благороднымъ боляриномъ и воеводою Княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ. Са нѣ ихъ блаженныя памяти Царь и великій Князь Өеодоръ Ивановичъ веса Русіи посылалъ по убіеніи къ досмотру и погребенію благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрія Ивановича брата своего. И велѣгласно проповѣдати имъ повелѣваше во всемъ множествѣ народномъ Московскаго государства сице глаголя: О всенародное множество! несумняите и непрелщаите яко истинно Царевичь Дмитрей убіенъ бысь, азъ бо его своима очима видѣхъ, даже и погребохъ его во градѣ Углечѣ, во Церкви благолѣпнаго преображенія Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, и вы его поминайте; а тои истинно идетъ рострига Гришка Отрепіевъ, нарицается его Царевичевымъ именемъ, и вы его проклинайте. По Государствамъ же и градомъ грамоты посылая. Людіе же о семъ никако никому же вѣры не яща ни святѣйшему Патріарху, ни Князю Василію Ивановичу

Шуйскому, еще глаголюще другъ ко другу: то де по начинанію Борисову и боясь его глаголетъ сія. И устави Царь Борисъ благовѣрному Царевичу и великому Князю Димитрію Ивановичу велѣгласно всегда въ соборной церкви вѣчную память кликати, а того Гришку Отрепьева ростригу грядущаго на Московское государство проклинати, такожъ и по государствомъ великія Россіи заповѣда; но ничто жъ ему сія успѣша, но паче людіе во всемъ Россійскомъ государствѣ въ сердцыхъ своихъ распыхахуся и гнѣвающеся на нь глаголюще: аще не сія Борису, да что ино ему глаголати; аще не глаголати ему сего, то Царства Россійскаго отъступати да животомъ своимъ промыслити, и тако другъ друга укрѣпляюще. Ипіи же ино глаголюще: яко де истинно Царь Борисъ мнитъ убо и чаетъ и до нынѣ убита его Царевича, а тожъ невѣсть въ него мѣсто инъ убитъ; за много бо узнаша помыслъ Борисовъ на него Царевича, что хощетъ смерть ему нанести потаенно и невѣдомо какъ и въ кое время; и мати инаго питала въ его Царевичево мѣсто, а онъ отосланъ бысть въ соблюденіе, и Богъ его тако сохранилъ отъ убійства и погубленія Борисова; и нынѣ возмужа и идетъ на свой прародителской престолъ. И радѣюще его прихода къ Москвѣ: егда слышати побѣду надъ Московскою силою Борисовою, то радуются; егдажъ надъ грядущаго къ Москвѣ чаемаго Димитрея побѣду, то и прискорбни и дряхлы ходятъ поникши главы. Борису же Царю клеветницы въ слухъ приносяще на глаголющихъ, что идетъ Димитрей а не рострига да и рострígу же прямо съ собою къ Москвѣ везетъ и оказуетъ его, чтобы несумнялись люди; и за сія ихъ глаголы языки рѣзати повелѣ, иныхъ же многими разными муками смерти предая, и не како отъ людей и чаянія и гласа сего отъяти невозможе. Слыша же Борисъ, яко его воеводы ни единаго града назадъ къ нему невозвратиша, но наипаче отъ него кладаются и къ нему Гришкѣ придаются, самъ же онъ Гришка стоитъ во градѣ Путимлю, великое войско копитъ изъ Литвы и изыныхъ ордъ, ярясь и гнѣвомъ дыша, яко неутолимая ехидна похваляется и хощетъ пріитти на Царя Бориса, но не яко на Царя, но яко на наемника. Борисъ же Царь видѣвъ всѣхъ человѣкъ нерадѣніе къ нему, а радѣютъ и ждутъ грядущаго нарицающагося Царевича Димитрея; и бысть о семъ въ великомъ сумнѣніи, помышляя егда будетъ и правду не рострига но Царевичь Димитрей, и конечно отчаявся живота своего, и скоро смертоносным зеліемъ упоивъ себе, и пострижеся воиночески чинъ, во иноцѣхъ же нареченъ бысть Боголѣпъ, и тако вскорѣ отъ лютаго напоенія скончась горкою и нужною смертію, яко

и образу его измѣнити отъ изломанія, и всему тѣлу во уголь почернѣвшу и виду его, ино и сказати невозможно каковъ бысть отъ лютости зелейной, повелѣже погрѣсти себѣ въ соборной церкви у Архангела съ протчими Цари ту почившими. Скончажеся 113 году мѣсяца Апрѣля въ 13 день, а по немъ остася жена его Царица Марія да сынъ его Θеодоръ да дщи его, сущи дѣвою, Ксенія, Царемъ же бысть 7 лѣтъ и пять недѣль.

По умертвіи же Борисовѣ на Московскомъ Царствѣ назвася Государемъ сынъ его Θеодоръ, и посылаетъ въ полки по воеводъ по Князя Θедора Мстиславскаго да по Князя Василія да по Князя Дмитрея Ивановичевъ Шуйскихъ, и призываетъ ихъ на Москву; въ ихъ же мѣсто воеводы осташась два единокровныхъ братіи Князь Василей и да Князь Иванъ Васильевичи Голицыны да Михайло Салтыковъ да Иванъ Ивановичь Годуновъ, да посылаетъ иныхъ въ полки воеводъ Князя Михайла Катырева Ростовскаго да Петра Θедоровича Басманова, да митрополита Новгородцаго Исидора къ хрестному цѣлованію войско все привести Θедору Борисовичу да матери его Маріи да сестрѣ его Ксеніи. Они же въ полки пріидоша въ Кромы; и Митрополитъ начатъ къ хрестному цѣлованью войско приводити, иніижъ въполцѣхъ крестъ имъ цѣловаша, иніи жъ имъ невосхотѣша креста цѣловати, и митрополита къ Москвѣ отослаша. Видивше же сіе Московстіи воеводы Князь Василей да Князь Иванъ Васильевичи Голицыны да Петръ Басмановъ бывшее въ полцѣхъ сомнѣніе и смятеніе, а въ смятеніи и гради погибаютъ, и такожде усумнишася, и чающе его прискаго сына Государя Царя и великаго Князя Ивана Васильевича всеа Руссіи, и помня милосердіе его къ себѣ блаженныя памяти Царя, а худу и неславну человѣку отъ поселянъ Гришкѣ ростригѣ како такое начинаніе возможно и смѣти начати, да не безума пошли и Литовскій Король ему пособляетъ, и Русскіе люди съ грады предаются, да и вси Россійскаго государства люди стояти противу его не хотятъ, да лучши намъ неволи по воли своей приложитися къ нему и въ чести будемъ, а по неволи но съ безчестіемъ намъ у него быти жъ, видя по настоящему времени; и разсудиша сице, и между собою уложиша приложити къ нему, и како отъ Борисова сына отложити и отъ войска его отдѣлитися, и утвердивше совѣтъ сей межъ себя крѣпко; къ нимъ же присоединившеся многіе дѣти боярскіе Новгородскіе и Рязанскіе. Сему же сице бывшу и во единъ день отъ дній ставшимъ двѣма войскома къ битвѣ щиты и оружія воспріемлютъ; Князь же Василій да Князь Иванъ Васильевичи Голицыны, да Михайло Сал-

тиковъ, да Петръ Басмановъ со всѣми своими полки прежде всѣхъ скоро поѣхаша и паки съ ними дѣти боярскіе и дворянѣ Ляпуновы съ иными дѣтьми боярскими, яко къ битвѣ скоро устремишась, протчіи жъ стояще и зряще ихъ что дерзновенно поидоша къ сопротивнымъ и Крому рѣку пріѣхавшимъ, и съ полки противными мирно соединишася, и даша имъ путь скрозѣ войско свое. И егда же прoидоша Московскіи пререченіи воеводы; и паки атаманъ Корѣла съ казаки своими и съ Кромляны вси единосердо и дерзновенно на достальную силу Московскую ударишась, и всю силу ихъ смятоша; за иже храбрость и смѣлство ихъ видяще и воеводъ крѣпкихъ своихъ и съ храбрымъ воискомъ отъ нихъ отъѣхавшихъ и соединившихся съ противными, и всемъ отъчаявшимся надежи своея, плещи даша и побѣгоша; сіи жъ гоняща ихъ, сѣчи жъ ихъ щадяху, вѣдяще яко неволею на бои принуждаеми отъ Царя Бориса, и грабяще ихъ, въ сѣчи же и убійства мѣсто плетьми бьюще ихъ, и гоняше глаголюще: да по томъ на бои неходите противу насъ. Воеводу же ихъ Ивана Годунова поимавше и въ Путимль градъ къ Гришкѣ къ своему началнику отсылаютъ, и радостные вѣсти къ нему посылаютъ о пріѣздѣ къ нему Московскихъ прежереченныхъ воеводъ со многими полки, и Резанскіе дѣти боярскіе со всѣми городы и селы своими приложишась къ нему по Окѣ рѣкѣ. Онъ же сице слышавъ радостію великою возрадовася, Ивана же Годунова велѣлъ засадити въ темницу; воеводъ же Московскихъ велѣлъ къ хрестному цѣлованію привести ихъ; прочіи жъ Царя Бориса воеводы Князь Михайло Катыревъ Ростовской да Семенъ Чемодановъ съ вѣстію къ Москвѣ утекоша.

Ростригa жъ наипаче дерзновененъ бываетъ, и чаетъ получити желаніе свое, и пишетъ къ Царствующему граду, еже есть матери градовомъ къ Москвѣ, услаждая сладостными глаголы, яко медомъ, наученіемъ діяволимъ, иже есть отецъ лжи и лсти, яко древле прелсти въ началѣ міра родоначалниковъ Адама и Евву отпасти райскія породы, и наведе ему смерть, тако же то и научаетъ и умудряетъ угодника своего ростригу, прелсти славою міра сего скоротекущаго отъпасти Ангельскаго чину и Царства Небесного во тму и смерть, и собою ему свести прочихъ человѣкъ во свою погибель, и сицевою прелестію прелсти первое народъ Московскаго государства, пишетъ сице. ОтъЦаря и великаго Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи бояромъ нашимъ Князю Өедору Ивановичу Мстиславскому да Князю Василью да Князю Дмитрею Ивановичемъ Шуйскимъ, и всѣмъ бояромъ околничемъ, и дворяномъ болшимъ, и столникомъ, и стряпчимъ, и жилцамъ, и

приказнымъ людемъ, и діякомъ, и дворяномъ иже изъ городовъ, дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ, и торговымъ лутчимъ и середнимъ, и всякимъ чернымъ людемъ. Цѣловали есте крестъ блаженныя памяти отцу нашему великому Государю Царю и великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи и намъ чадомъ его, что было опричь нашего Государскаго роду на Московское государство иного Государя никого не хотѣти и неискати; и какъ судомъ Божіимъ отца нашего великаго Государя Царя и великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи нестало, а на Московскомъ государствѣ учинился братъ нашъ великій Государь Царь и великій Князь Θедоръ Ивановичъ всея Русіи, а Государыню мою мать Царицу и великую Княгиню иноку Марθу Θедоровну всея Русіи и насъ великаго Государя измѣнники наши послали на Угличь, и толикое утѣсненіе нашему Царскому Величеству дѣлали, чего и подданнымъ дѣлати было не годно, посылали многихъ воровъ и велѣли портити насъ и убити; и милосердный Богъ насъ великаго Государя отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ укрылъ, отътолѣ дажъ до лѣтъ возрасту нашего въ судбахъ своихъ сохранилъ; а вамъ бояромъ нашимъ и окольничимъ и дворяномъ и приказнымъ людемъ, и гостемъ торговымъ и всякимъ людемъ измѣнники наши вмѣщали будто насъ великаго Государя не стало и похоронили будто насъ великаго Государя на Угличѣ въ соборной церкви у всемилостиваго Спаса. И какъ судомъ Божіимъ брата нашего великаго Государя Царя и великаго Князя Θедора Ивановича всея Русіи не стало; и вы невѣдаючи про насъ прироженнаго Государя своего цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову, невѣдаючи его злокозненнаго нрава, и бояся того, что онъ блаженныя памяти при братѣ нашемъ Царѣ и великомъ Князѣ Θедорѣ Ивановичѣ всея Русіи владѣлъ всѣмъ государствомъ Московскимъ, и жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ, а про насъ есте прироженнаго Государя своего невѣдали, а чаяли насъ отъ измѣнниковъ нашихъ убитого. А какъ про насъ Великаго Государя учалъ быти слухъ во всѣмъ Россійскомъ государствѣ, что съ Божіею помощію мы Великій Государь идемъ на православный престолъ прародителей нашыхъ великихъ Государей Царей Россійскихъ и хотѣли есма государства нашего доступати безъ крови; и вы бояры нашы и воеводы и всякіе служилые люди противъ насъ великаго Государя стояли невѣдомостью и бояся отъ измѣнника нашего смертные казни, а про насъ великаго государя говорити не смѣли. И я крестьянскій Государь по своему царскому милосердому обычаю въ томъ на васъ

нашего гнѣву и опалы недержимъ; потому что есте учинили невѣдомостью и бояся казни. А нынѣ мы великіи Государь на престолъ прародителей нашихъ великихъ Государей Царей Россійскихъ идемъ съ Божіею милостію вскорѣ; а съ нами многіе рати Рускіе и Литовскіе и Татарскіе; а городы нашего государства нашему царскому величеству добили челомъ и противъ насъ нестояли и крестъ цѣловали, помня свои души и крестное цѣлованіе, намъ великому Государю служатъ, и противъ измѣнниковъ нашихъ храбре и мужственне стояти хотятъ, а о томъ и сами подлинно вѣдаете; а Поволскіе городы намъ великому Государю добили жъ челомъ и воеводъ къ намъ привели и Астороханскихъ воеводъ Михайла Сабурова съ товарищи къ нашему Царскому величеству ведутъ, а нынѣ онъ въ дорогѣ на Воронежѣ; да къ намъ же писалъ болшихъ Нагай Ищерекъ Князь и Казыева улуса Мурза, что нашему царскому величеству помогати хотятъ; и мы христіанскій Государь, нехотя видѣти во христіянствѣ разоренія, Нагайскимъ людемъ до нашего указу ходити невелѣли, жалѣя нашего государства, и велѣли Нагайскимъ людемъ кочевати блиско Царева града. А измѣнники наши Марія Борисова жена Годунова да сынъ Ѳедоръ о нашей земли нежалѣютъ, да и жалѣти было имъ нечего, потому что чужимъ владѣли, и отчину нашу Сиверскую землю и иные многіе городы и уѣзды разориша, и православныхъ христіянъ не въ винѣ побили. Толко того мы христіанскій Государь въ вину вамъ бояромъ нашимъ и служилымъ людемъ непоставимъ, для того что есте учинили невѣдомостію и бояся отъ измѣнниковъ нашихъ смертные казни. А и то было вамъ пригоже знати какое утѣсненіе отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было вамъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, и къ родству вашему укоръ и поношеніе и безчестіе наносимые вамъ, чего и отъ роднаго было терпѣти невозможно; и вамъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ разорѣніе и ссылка и муки нестерпимые были, чего и плѣннымъ дѣлати негодно; а вамъ гостемъ и торговымъ людемъ и въ торговлѣ въ вашей волности не было, и въ пошлинахъ что третъ животовъ вашихъ а мало и не всѣ иманы; а тѣмъ есте злокозненного нрава его укрѣпити не могли. А въ винахъ своихъ и по ся мѣста непознаетесь, и насъ прироженнаго Государя своего знати не можете, а праведнаго суда Божія непомипаете и хотите проливати кровь безвинныхъ православныхъ христіянъ, чего не токмо вамъ дѣлати негодится, и иноземцы о вашемъ разорѣніи скорбятъ и болѣзнуютъ, и узнавъ насъ христіянскаго кроткаго милосердаго Государя намъ служатъ и крови своея за насъ нещадятъ. И мы, христіянскій Государь, не хотя

видѣти во христіянствѣ кровопролитія, пишемъ вамъ жалѣя васъ и о душахъ вашихъ, чтобы вы помня Бога и православную вѣру и свои души на чемъ естя блаженныя памяти отцу нашему великому Государю Царю и великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи и намъ чадомъ его крестъ цѣловали; и вы бъ намъ прироженному Государю своему Царю и великому Князю Дмитрію Ивановичу всея Русіи добили челомъ и милости просити къ нашему Царскому величеству прислали митрополитовъ, и архіепископовъ и болярь, и околничихъ, и дворянъ большихъ, и дьяковъ думныхъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и лучшихъ людей. А мы великій Государь по своему царскому милосердому обычаю васъ всѣхъ пожалуемъ: и вамъ бояромъ нашимъ и воеводамъ честь и повышеніе учинимъ, а отчинами вашими прежними васъ пожалуемъ къ тому еще и прибавимъ, и въ чести васъ держати будемъ; а васъ дворянъ и приказныхъ людей въ нашей царской милости держати хотимъ; а васъ гостей и торговыхъ людей и всего Московскаго государства пожалуемъ въ пошлинахъ и въ податѣхъ велимъ во лготѣ и во облегченіи учинити; и все православное христіянство въ тишинѣ и въ покои и во благоденственномъ житіи учинити хотимъ. А не добьете челомъ нашему царскому величеству и милости просити не пошлете; и вы то можете разсудити, что вамъ въ томъ дати отвѣтъ въ день праведнаго суда Божія, иже воздастъ комуждо по дѣломъ его, и отъ Божія праведнаго гнѣва, и отъ нашіе царскіе высокіе руки нигдѣ неизбыти и ни матерню утробу неукрытися вамъ. А зъ Божіею помощію намъ великому Государю преславныхъ государствъ своихъ доступати.

Посланніи же отъ него съ грамотою сею пріѣзжаютъ Гаврило Пушкинъ да Наумъ Плещеевъ Іюня въ 1 день; и прочтена бысть на лобномъ мѣстѣ предъ всѣмъ множествомъ Московскаго народа. Егда жъ слышавше посланіе сицево Московскіи народи и вси Русскіи людіе имѣвше и правду быти; егда Господь по неизрѣченнымъ судбамъ своимъ прещедрою своею десницею изятъ того отъ Борисова погубленія, и чаяху его суща прироженнаго своея христіянскія вѣры Царевича; а про Бориса добрѣ вѣдаютъ яко не правдою похити царство и много безчисленно пролилъ христіянскія крови неповинныя, коварно доступаючи того великаго государства; и возрадовашася сему радостію великою Богу возсылая славу. И бысть въ нихъ шумъ веліи и кликъ и не слышити кто что глаголетъ; и кликнувше другъ ко другу и устремишася на Царя Өедора Борисова сына и съ матерію и на весь родъ ихъ, и безъ милости начаша грабити дворы ихъ и самихъ имати, и во мгновені

ока всѣхъ переграбиша имѣніе ихъ и самихъ ихъ переимаша, яко буря велія развѣя ихъ яко прахъ.

Видѣвше же сія Московскіи бояре и воеводы и дворянѣ и прочіи царстіи сингклити бываемое отъ всего народа Московскаго государства, и ти щиты и копія и съпроста рѣщи вся оружія полагаху, и срѣтиша его на Тулѣ, и вси падоша на лицы земля предъ нимъ глаголюще его присного сына.... А за щитомъ онъ богомерскіи не взялъ единыя веси не точно что мала нѣкоего града. А знающа его не бе никого жъ въ тѣхъ странахъ, а которой старецъ именемъ Леонидъ съ нимъ шелъ до Путимля, а назывался его именемъ Гришкинымъ Отрепьевымъ, ино казалы многимъ его въ Литвѣ и въ Сѣверскихъ предѣлехъ, и въ Путимли его въ темницы засадилъ будто за вину нѣкоторую. И паки жъ съ Тулы и по окресным градомъ иже суть въ Російской области гонцовъ съ грамотами посылаетъ, а въ грамотахъ сице пишетъ. Отъ Царя и великаго Князя Дмитрія Ивановича всея Руссіи, въ которой городъ воеводамъ и дьякомъ именно, Божіимъ произволеніемъ и его крѣпкою десницею покровеннаго насъ отъ нашего измѣнника Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый злокозненнаго его помысла не восхотѣ исполнити, и меня Государя вашего прироженнаго въ судбахъ своихъ сохранилъ. И язъ Царь и великіи Князь Дмитріи Ивановичь всея Русіи нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божіею помощію сѣлъ на престолѣ прародителей нашихъ на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ государствахъ Россійскаго царствія; и на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ боляре наши, и околничіи, и приказные люди, и діяки, и дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе приказные люди всего нашего царства, и иноземцы намъ прироженному Государю своему крестъ цѣловали всякіе люди; и мы ихъ пожаловали вины ихъ имъ отъдати. И какъ къ вамъ ся наша грамота пріидетъ; и вы бы наше прироженіе помня православную христіанскую вѣру истинную и крестное цѣлованіе, на чемъ естя крестъ цѣловали отцу нашему блаженыя памяти Государю Царю и великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи и намъ чадомъ его прироженному Государю своему крестъ цѣловали, и вы бы сотниковъ и стрѣлцовъ и пушкаревъ и воротниковъ и посадцкихъ и волостныхъ и черныхъ людей къ крестному цѣлованію привели, и всякихъ иноземцовъ привели по ихъ вѣрѣ. А по чему крестъ цѣловати и всякихъ людей къ кресту приводити; и мы послали къ вамъ запись цѣлованную съ сею жъ нашею грамотою вмѣстѣ. А какъ всякихъ людей къ крестному цѣлованію приведете; и мы ихъ и васъ пожалуемъ великимъ своимъ Царскимъ жалованіемъ, и чего

у васъ и на разумѣ нѣтъ. А кого именемъ приведете; и вы бы о томъ отписали и книги имяные прислали къ намъ къ Москвѣ, а велѣли отдати, именно писано гдѣ въ которой четверти и кому, писано лѣта 7113 Іюня въ 11 день. И таковымъ вражіимъ умысломъ и лѣстію не своимъ бо умомъ и разумомъ, но духу въ немъ вселшуся лстивому, и дѣйствующу тому тако, и нетокмо прелстилъ великія Россія болѣе и всѣхъ людей, но и Литовскіе земли Короля и со всѣми паны и предстоящими ему.

И тако той еретикъ пойде къ царствующему граду съ великимъ дерзновеніемъ безо всякого опасенія; и послалъ напредъ себя, и повелѣ жену Борисову Царицу Марію и сына ея Өедора злой смерти предати спекулятаремъ, душа ихъ отъ тѣлеси съ нужею отъторгнути, а дщерь повелѣ въ живыхъ оставити, дабы ему лѣпоты ея насладитися, еже и бысь. Се нынѣ зрите любимицы мои какова кончина творящимъ неправедная беззаконія, въ нюжъ мѣру мѣрятъ возмѣрится имъ, и кую чашу прочимъ наполняютъ, и сами тужъ испиваютъ. Оле заблуженію глубина твого омраченный Вавилонское сѣмя, разореннаго столпотвореннаго внуче, имъ же весь міръ размѣсенъ бысь, о помраченія! оле святотатства послѣдняго окоянства многаго! о неведенія великаго! оле лакомства тщихъ и суетныхъ имѣній и желанія престолъ высокихъ! о дерзости и самоволнаго крестнаго цѣлованія и клятвопреступленія! како забы и како не убояся маловременнаго прелестнаго свѣта сего кончину дній своихъ, како хощетъ быти въ малѣ времяни семъ и скоропостижны въ малѣ насладити. Гдѣ нынѣ слава высокоумія, гдѣ супруга его и чада любимая, гдѣ чертози златоверхи, гдѣ трапезы пресвѣтлыя и телцы упитанныя? гдѣ рабы и рабыня предстоящи? гдѣ порты и обуща драгоцѣнная? и гдѣ прочая утвари Царскія? кто можетъ жену и чада изяти отъ руку спекулаторя, возводящема има очеса своя сѣмо и овамо, и не обрѣтающе никого жъ себе помощника, яко въ последнеи нищетѣ обрѣтшія и удавленію вдашась, оле лютѣ и безъ милости смерти пріяста.

И тако видѣ той еретикъ Гришка предивнаго и преславущаго въ поднебеснѣй сіяющаго яко свѣтила великаго града Москвы, и внидѣ въ онь 113 году мѣсяца Іюня въ 20 день четвертка ничимъ же не вредимъ. И паки тои еретикъ не по своему си разуму и хотѣнію, но по Божію изволенію, яко не подобаетъ душегубцамъ и разбойникомъ съ праведнымъ водворятись, и повелѣ того прежденомянутаго святоубійцу Бориса изъ Архангела отъ царскихъ родителей извлещи съ поруганіемъ на сонмище. И зрящу всякому на нь, яко сей есть достовѣрный Борисъ, иже прежде подсѣче благоразцвѣтаемая древа

великая, яко кипариси, и пожа немилосердымъ серпомъ своимъ, и иныхъ множьство, аки цвѣтія травнаго или яко листвія смоковнаго, се нынѣ гдѣ самъ обреташесь яко.... не имущи повերженъ на позорищи; и повелѣ его погрѣсти и жену и сына его во убозѣмъ монастыри дѣвичѣ, еже именуется Варсонофіевъ, и потомъ въниде въ нутренни градъ, идѣже бѣ обиталища царская. И начаша Московстіи людіе знающе его инози познавати его, и отъкры Богъ прежде поминаемому первострадалцу болрину Князю Василію Ивановичу Шуйскому того законопреступника ростригу и богомерскую его ересь уразумѣти, и нача велѣгласно законопреступленіе его во слушаніи всѣмъ ту сущимъ человѣкомъ обличати, сице глаголюще. Азъ вѣмъ тя, яко неси ты сынъ Царевъ но сущи еси законнопреступникъ ростряга Гришка Богдановъ сынъ Отрепьева. Люди же слышаше сія во удивленіи быша и ужасѣ, и ту ему пакости не сотвориша ничто жъ; и той окаянный еретикъ немоги отъ него обличаемъ быти о бестудномъ своемъ законопреступленіи, и умысли со единомысленики своими своего лукаваго совѣта смерти предати его; и въ день суботный въ третіи бо день по приходѣ въ царствующій градъ Москву его, Іюня въ 23 день, давъ того болярина и со единокровными его братіями за приставы; по семъ же на затрее въ недѣлю Іюня 24 день поставилъ патріарха именемъ Игнатія Гречанина. Въ понедѣлникъ же Іюня 25 день повелѣ святаго великаго болярина посредѣ града смерти предати, мечемъ главу ему отсѣкнути предъ всѣмъ множествомъ народа, дабы ини о обличеніи его ужасались, въ приставѣхъ же у него быша Михайло Салтыковъ да Петръ Басмановъ. Егда же приведоша его на пожаръ и поставиша его, положенне же бывши близъ его плахи и сѣкирѣ, Петръ же Басмановъ начати ѣздити по всему народу изложенный ростригою списокъ чести и всѣмъ во ушеса внушати сице: сей великій болярянъ Князь Василей Ивановичь Шуйской мнѣ прироженному вашему Государю Царю и великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русін измѣняетъ и разсѣваетъ недобрые рѣчи на меня и остужаетъ мя со всѣми вами съ бояры нашими Князи и дворяны и зъ дѣтми боярскими и зъ гостьми и со всѣми людми великія Россіи, мя называетъ не Дмитріемъ Царивичемъ но еретикомъ Гришкою Отрепьевымъ; и за то есмя мы осудили его смертію да умретъ. Всѣ же предъстоящіи ту народи страха и трепета исполнены, слезы же изъ очію течаху; около же его поставлены быша многіе стрѣлцы со многими оружьи, такожде множество и пановъ Литовскихъ и Черкасовъ с копьи и сабли, тако же и по всему граду уготовлены

быша всѣ стрѣлцы вооружены во всемъ оружьи, яко на битву, ажъ страха и ужасти всѣ зрящи исполнишася. Человѣколюбивы жъ творецъ нашъ и содѣтель не попусти тому быти, и призрѣ на свое созданіе, хотя и тѣмъ страстотерпѣцемъ невѣсту свою, ежъ есть Церковь, сохранити отъ разорѣнія, и за правое его страданіе прославити и вышше всѣхъ того учинити, яко жъ своими праведными усты, прославляющая мя прославлю рече Господь, избави того великаго болярина отъ того законопреступничья неправеднаго меча заколенія, и отъ неповинныя смерти свободи его, приложи угрызающаго змія въ мало сокращеніе, еже не ухапити его своими челюстьми отъверстыми, точію повелѣ того прежъреченаго болярина Князя Василья Ивановича и единокровныхъ братій Князя Дмитрея Князя Ивана Ивановичевъ Шуйскихъ по далнымъ и розныкъ городомъ розослати въ заточеніе, а домы ихъ и имѣнія повелѣ расхитити и растощити; и пребыста въ томъ заточеніе велики боярѣ яко минощедшему полугоду; а вся сія пострадаша любве ради Христовы за истинную православную христіанскую вѣру.

Іюля же въ 18 день, въ четвергъ, пріиде къ Москвѣ Царица инока Марфа Федоровна; боляре же Московскаго государства срѣтоша ея съ честію, и самъ той Гришка Отрепьевъ съ ними. И потомъ видяху того болярина мужественное дерзновеніе, и располявшесь огнемъ духовнымъ и желаніемъ сердечнымъ, и ревнуя поревновая том жъ дерзости мнози отъ христоименитыхъ инокъ, хотящихъ умрети за истинную христіанскую вѣру и за благочестіе, и по дѣйству Святаго духа узрѣвше сердечными очима своима сущаго его быти еретика и законопреступника, начаша яко трубы велѣгласно посредѣ народа вопити и проклятую его ересь обличати, тако глаголюще. О мужіе народи Московстіи и все православнаго христіянства множество во истинну сущее глаголемъ вамъ, яко нѣсть си Царь ни сынъ Царевъ, иже нынѣ на Москвѣ царствуетъ, но сущи законопреступникъ и рострига проклятый еретикъ, иже прежде во святѣй соборней и Апостолстѣй церкви Пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея Успѣнія соборнѣ проклинали его Гришку Отрепьева. Онъ же не благосердый лютѣ палимъ былъ огнемъ ярости по сатанину наваженію къ ихъ погубленію; и повелѣ сихъ имати, и многимъ различнымъ мукамъ предаетъ ихъ, и по далнымъ странамъ Россійскія области въ темницы затворити многихъ повелѣ, и съ великимъ утверженіемъ заклепа, а иныхъ безъ милости смерти преда, и вонзи страхъ и трепетъ въ сердца человѣча, яко и знающимъ его изящно, никому же смѣющу зрѣти, неточію его обличити.

И въ скорѣ треклятый воцарися того жъ 113 году Іюля въ 30 день недѣлный, и нача иногія пакости въ царствующемъ градѣ творити православному христіянству содѣвати, и тако отъпаде отъ православныя вѣры окаяный и законопреступникъ сатанинъ предтеча, яко и самому образу Божію поругатись, церкви Божія алтари хотѣлъ разорити, и монастыри и обителища иноческая раскопати, и православную христіянскую вѣру во отпадшую вѣру съ собою же равну сотворити, и костелы въ мѣсто Божіихъ церквей создати. И тако нача жити якоже и прочіи иноязычницы еретицы, и ко идолопоклонянію православныхъ христіянъ всячески понуждати восхотѣ,. и многихъ черноризицъ юныхъ осквернилъ, и отроковъ и отроковицъ тако жъ многихъ растли, и велики плачь и рыданіе въ людехъ сотвори, яко же николи такія бѣды находящія на ны. И сотвори себѣ въ маловременнѣй сей жизни потѣху, а въ будущій вѣкъ знаменіе предвечнаго своего домовища, его жъ въ Россійскомъ государствѣ ни во иныхъ, кромѣ подземнаго, никто же на земли видѣ, адъ превеликъ зѣло, имѣющь у себѣ три главы, и содѣла обоюду челюстей его отъ мѣди брящало веліе, егдажъ разверзетъ челюсти своя и изъ вну его яко пламя престоящимъ ту является, и веліе бряцаніе исходитъ изъ гортани его, зубы жъ ему имѣющу осклабленѣ и ногты яко готовы на ухапленіе, и изо ушію его якоже пламени распалившуся; и постави его прокляты онъ прямо себѣ на Москвѣ рѣцѣ себѣ во обличеніе, даже ему и съ превысочайшихъ обиталищихъ своихъ зрѣти нань всегда, и готову быти въ некончаемыя вѣки вонь на вселеніе и съ прочими единомысленики своими.

И поятъ себѣ жену безсерменскіе вѣры отъ могущихъ Литовскія земля люторъку, такову жъ злохитрену, волшебной премудрости исполнену, яко и самъ, дщерь нѣкоего пана Юрія Сендомірскаго Мнишки, дѣвку именемъ Марину; и съ нею пріиде въ Россійское государство и отецъ ея панъ Юрей, и оставя все свое имѣніе, еже во области Литовстей, и съ нимъ много иныхъ великихъ родъ. И женился той окаянный законопреступникъ 114 году мѣсяца Маія въ 8 день въ четвертокъ, въ праздникъ Святаго Апостола и евангелиста Іоанна Богослова, противъ пятка и противъ памяти Чюдотворца Николы. И вскорѣ послѣ женитвы своея въ тойжъ часъ воздвиже велію бурю и гоненіе на христіяны, и опроверже христіянскую вѣру, и начатъ суботствовати Римски, яко жъ обѣща Папѣ, потомъ въ среду и въ пятокъ млеко и телчія мяса и прочая нечистоты ясти[1]. И умысли сей окаянный гонитель со своими злосовѣтники Маія въ 18 день недѣлный болярь и гостей и всѣхъ пра-

вославныхъ христіянъ побити. О люте быша бы намъ 114 году мѣсяца Маія въ 18 день въ день недѣлный еже есть Христова Вознесенія! Хотящу ему злонысленному волку суровому и немилостивому яко жъ Ѳоцѣ мучителю и Костантину Мотылоимянному и Уліяну законопреступнику, или яко Ѳараону на Израиля изоострившу мечь на ня, еже посѣкати и до остатка насъ православныхъ христіянъ туне и неповинно кровь нашу проливати. Дабы намъ той радостный день Христова воскресенія предложити въ день плачевный, и святая было мѣста ему осквернити, иноческая монастыря въ домы и въ жилища поганцомъ сотворити, и юныхъ иноковъ и инокинь по злонравію своему образа иноческаго лишити и во свѣтлыя портища облачити, иноковъ умысли окоянный женити, а инокинь замужъ давати, а нехотящихъ повергнути Ангельскаго образа и невозжелѣвшихъ прелестнаго мимотекущаго житія иноковъ и инокинь всѣхъ подъ мечь подклонити, и вся быша злая въ сей недѣльный день онъ окоянный сотворити. И наполни Московское государство поганыхъ иновѣрцовъ Литвы и Жидовъ и Поляковъ и иныхъ скверныхъ, яко и Рускихъ людей въ нихъ мало зрѣти, и тѣми было кверпавыми вся сія напасти в си недѣльный день содѣвати.

Искони жъ сотворный насъ рабъ своихъ владыко Творецъ и содѣтель нашъ не забы, яко же обѣщася намъ; и утоли отъ насъ рыданіе слезное, и непопусти дивію сему звѣрю поядати избраннаго своего стада словеснаго овчате, и не приложи дни своего тридневнаго воскресенія намъ вѣрнымъ рабомъ своимъ во оскорбленіе. Но ему злому змію зіяющу ны поглотити излюбленный день суботный предложити ему въ вѣчное погубленіе и въ неутѣшимый плачь и рыданіе въ некончаемыи вѣки. И обрати Господь Богъ изостренный имъ мечь на его выю и на единомысленниковъ его окоянныхъ поганцовъ, по писанному: ровъ изрый и ископа и въ падеся въ яму, юже содѣла. Онъ бо окоянный законопреступникъ восхотѣвый пребыти у древние злобы и мерзости запустенія у возгордѣвшаго сатаны въ недрѣхъ, вящше же предътекущаго Іюды, и подщався быти еще самаго сатаны въ пропастехъ адовыхъ превысочайши, и наименова и себе неточію Царемъ но непобѣдимымъ Цесаремъ, и въ скорѣ всея земныя и мимотекущія славы лиши себе.[a] И со всякою нуждею злосмрадную свою душу изовну злосмраднаго своего телеси испроверже въ десятый день после своея женидьбы, 114 году мѣсяца Маія въ 18 день, на четвертой недѣли после Христовы пасцѣ въ суботу, мечемъ и прочимъ убиствомъ оружіемъ убіенъ бысть, и всяко влекомъ

бяше исъ превысочайшыхъ пресвѣтлыхъ чертогъ своихъ по земли множайшихъ человѣкъ рукама, имъ же бѣ не возможно живущаго и пряно лицу его зрѣти, неточію самому ему касатися, и тако изъвлеченъ бысть изъ вну града, и поверженъ на торжищѣ, отъ всѣхъ проклинаемъ и попираемъ и отъ всякого всяко поругаемъ за злохитренныя своя и суровыя обычая.[3] И невидимою своею силою творче изъбавителю нашъ побѣди единымъ часомъ, и единомысленниковъ его прежде помянутыхъ злохитреныхъ поганцовъ множество много людіе Русіи и унылыи безоорушныи, ихъ же убиственая оружія помощію Божіею отъ нихъ отъяща, и ихъ оруженныхъ побѣдиша, и толико ихъ поганыхъ в сі въ суботный день погибе, яко по всѣмъ стогнамъ великаго града Москвы въ трупіе ихъ невозможно проити, а насъ грѣшныхъ рабъ своихъ избави Господь отъ сея великія душетлѣнныя язя и смертоносныя язвы.

И пребысть окаянный онъ богоборецъ лежа наторжищи даже до трехъ дней, всякому на злоскверный его трупъ зряще, никимъ же бѣ ни отъ кого покрываемъ нагъ, яко же отъ чрева матери своея, и ихъ же возлюби идолы да положены быша ему на персѣхъ, и ничто же ему помощи возмогоша, и по трею днехъ изверженъ бысь окаянный изъ внѣшнего града на лице поля. Егдажъ лежащу трупу его на позорищѣ, неточію человѣкомъ гнустно зрѣти на нь, но самая та земля возгнушась, отъ неяже взятъ бысть. Мы жъ видяще сіе и глаголюще кождо къ себѣ: о люте яко родихся, Святымъ крещеніемъ просвѣтихся и нарѣкохся быти сынъ дневи, и нынѣ изволихся самъ быти сынъ погибели. И лежащу ему на поли мнози человѣцы слышаху въ полуношное время дажъ до куроглашенія над окаянымъ трупомъ его велики плищь и бубны и свирѣли и прочая бѣсовская игралища, радуетъ бо ся сатана о пришествіи своего угодника. Охъ увы люте тебѣ окоянному, яко и земля возгнушась на себѣ держати проклятого твоего еретическаго трупа и аеръ ста не благонравіе плодити, облацы дождя недаша, нехотяще его злоокаяннаго тѣла омыти, и солнце невозсія на землю огрѣвати, и паде мразъ на всеплодіе и отъятъ отъ насъ тука пшенична и гроздія, дондежъ злосмрадное тѣло его на земли повержено бяше.[4]

Божіимъ промысломъ, и пречистыя его Богоматере къ рождшемуся изъ нея молитвами, и великихъ чюдотворцевъ Петра и Алексѣя и Іоны и всѣхъ святыхъ съ пособствіемъ мы православныи излюбили христіяне и всею Россійскою областію избрали себѣ на Царство, Царскіе жъ полаты синъглита мужа праведна и благочестива, прежнихъ благовѣрныхъ Царей коренѣ, отъ великаго во святомъ крещени Василія

и отъ благовѣрнаго Князя Александра Ярославича Невскаго, отъ того Святаго коренѣ великаго болярина Князя Василія Ивановича Шуйского, еже первіе пострадахъ за православную христіянскую вѣру; и нареченъ бысть на Царство того жъ 114 году мѣсяца Маія въ 19 день въ день понедѣлничный.[5] Сотворителю жъ нашему человѣколюбцу Богу непопущающу своей твари, еже ей отъ обычая своего премѣнитись, и еже не принести всеплодія всѣмъ живущимъ человѣкомъ на земли рабомъ своимъ; и указа вѣрному своему слузѣ крестоносному и нареченному Государю Царю и Великому Князю Василію Ивановичу всея Русіи Самодержцу и обладателю многихъ Государствъ по вѣрѣ его отъ Бога свыше ему дарованныхъ, дабы того злого еретика ростригу въ прежде воспомянутый ему домъ сотворенный имъ адъ ввергши сожещи всесквернаво проклятое его законопреступничье тѣло, еже и бысть сожженъ на мѣстѣ нарицаемомъ Котлѣ отъ града яко седмь поприщь.[6]

И благоволи Богъ Государю нашему Царю еже видѣти еже пречестныя мощи благовѣрнаго Царевича Дмитрія Углецкаго въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, и посла Государь на Углечь по честныя мощи его богомольцевъ своихъ преосвященнаго Филарета Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, Θеодосія епископа Астраханскаго и Терскаго и архимандритовъ, («да Спасскаго Архимандрита Сергія да Андроньевскаго Архимандрита Аврамія» по спис. Ундол.) да бояръ своихъ Князя Ивана Михайловича Воротынскаго, да Петра Никитича Шереметьева съ товарищи («да Григорья Федоровича, да Андрея Александровича Нагихъ,» по списку Ундольскаго)[7]. Егда же приближающимся честнымъ его мощемъ ко пречестнѣй лаврѣ пресвятыя и живоначальныя Троицы и Сергія Чюдотворца. и тоя честныя обители архимандритъ и священницы и діаконы облачася во священныя одежды съ кадилы, и прочая вся братія со свѣщами срѣтаху его пречистыя и многоцѣлебныя мощи внѣ ограды съ радостными слезами и подобное надгробное псалмопѣніе лицы ему воспѣваху; и обита во обители въ соборной церкви пресвятыя и живоначальныя Троицы нѣкую годину, и паки поиде ко царствующему граду Москвѣ. Егда же ему дошедшу богоспасаемаго града Москвы, и народи Московскіи мужи и жены и отрочата такожъ съ радостными слезами срѣтаху, и кождо припадая къ рацѣ его, милости да проситъ; и пришедшему ему внутренній градъ и поставленъ бысь на мѣсто горнѣе еже нарицается лобное, и ту нача много чудеса творити просящимъ съ вѣрою: слѣпымъ прозрѣніе подаетъ,

хромымъ быстрое теченіе, слукимъ исправленіе, и глухимъ слышаніе, и кийдо имѣяше какіе недуги къ рацѣ мощей его припадаетъ и исцѣленіе получитъ неоскудно. И потомъ пренесены быша честныя его и многоцѣлебныя мощи въ церковь Архистратига Божія Михаила, зримыи по днесь паптима очима, и исцѣленіе подаютъ приходящимъ съ вѣрою неоскудно.

Пребысь же въ нареченномъ царствѣ Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичь всея Русіи самодержецъ двѣ седмицы; и вѣнчася царскимъ вѣнцемъ и діядимою мѣсяца Іюня въ 1-й день въ недѣльный, и сяде на царскомъ своемъ престолѣ и пріятъ скипетръ Россійскія области отъ всемогущаго Бога во свою десницу. И сотвори Господь Богъ во Всероссійской области православнымъ христіаномъ трикратную радость: первое яко сокруши богомерскаго своего отступника, а нашего гонителя еретика Гришку Отрепьева; второе сія яко дарова земли дождь и теплоту солнечную на всеплодіе; третія же всщей изряднѣйше и изящнѣйше сице жъ, яко принесеннымъ бывшимъ честнымъ мощемъ новаго страстотерпца благовѣрнаго Царевича Димитрія отъ града Углича въ пресловущій великій царствующій градъ Москву, его жъ бѣ назва себѣ той законопреступникъ еретикъ Гришка Отрепьевъ, и дарова сему страстотерпцу своему благодать и исцѣленіе припадающимъ съ вѣрою къ рацѣ мощей его подавати всяцѣхъ различныхъ недузехъ одержимымъ изцѣленіе неоскудное здравіе. И сихъ всихъ днесь православни Рускіи собори веселимся и радуемся, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ.

О великое Божіе человѣколюбіе отъ неизрѣченныхъ и неиспытанныхъ судебъ его, кто вѣсть умъ Господень, и кто совѣтникъ ему бысь? воистинну никто жъ, ни Ангели, ни Архангели, ни Начала, ни Власти ниже Престоли, ни Господствія, ни Силы, ни Херувимы, ни страшная Серафимы, точію самъ единый въ Тройцѣ славимый Богъ нашъ, тои самъ пути человѣческія зритъ и стопы его смотряетъ, и вся творитъ еже хощетъ. Мы жъ сущи рабіи Христовы покланяющеся искони безначальному въ Троицы славимому Христу Богу нашему о сихъ всѣхъ славимъ и похвалимъ создавшаго насъ владыку Христа, сице глаголюще: слава единому премудрому жизнодателю Богу, яко маломъ наказа насъ, но много помилова, предложи намъ смерть и дарова животъ. Онъ бо прежъ помянутый проклятый еретикъ и законопреступникъ поощряя мечь свой еже погубити все православное христіанство до остатка, и невозможе намъ ничто же

сотворити, точію самъ погибъ, и бысть сынъ погибели и сущіи съ нимъ рачащеи его злому обычаю, паче свѣта немерцаема и своею волею сами повинушась и небеша имъ ни муки ни прещенія но сами осуетишася; а ихъ же окаянный еретикъ мысліивъ предасть въ различныя смерти иноковъ и бѣлцовъ, и мы сія вѣмы яко вси ти умираша въ сущей православной христіанской вѣрѣ, а иніи братія наша иноцы сице въ живыхъ осташася, и ти нынѣ въкупѣ съ нами сожительствуютъ во обители пресвятыя и животворящія Троицы, а ини у Архистратига Божія Михайла, у чюдотворца Алексѣя въ Чюдовѣ, и такія бѣды и тѣсноты и напасти претерпѣша, а милости Божія неотвергошася, и вси о страданіи своемъ радуются славяще и благодаряще Бога и Пречистую Богородицу, и новаго страстотерпца просіявшаго въ Россійской области благовѣрнаго Царевича Димитрія. Днесь же вси православніи людіе радуемся и веселимся хваля и славя искони безначальнаго превѣчнаго Бога нашего, даровавшаго намъ по всещедрому хотѣнію своему таковаго благочестиваго Государя Царя и великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, истиннаго заступника и пастыря словеснымъ овцамъ своимъ а не наимника, и тако полагаетъ душу свою за овцы, во время скорби и погибели нашея, не точію отъ имѣній ихъ своихъ поскорбѣ, но и плоти своей нещадѣ, и нынѣ соблюдаетъ истинную православную вѣру христіанскую яко зеницу ока, и управляетъ и наставляетъ всякаго на путь спасенія, дабы по отшествіи своемъ вси были наслѣдницы породы жизненныя, а неведетъ насъ въ погибель, и паки рѣку совращаетъ съ пути погибельнаго, и о семъ во всемъ слава Богу сотворшему насъ, аминь.

Покусихъ же ся азъ многогрѣшный и грубый Богови, и непотребный разумомъ, предати повѣсть сію писаніемъ. Не слухомъ увѣряяся кромѣ того, какъ той еретикъ и законопреступникъ былъ въ Литовстей земли, а что сотворися въ Россійскомъ государствѣ, то вся сія зря своима очима, и невозмогохъ умолчати таковаго зловостанія, въ нынѣшнемъ вѣцѣ написахъ прочитающимъ на ползу и въ предъидущая времена по насъ будущимъ человѣкомъ на память, а прочимъ зломысленикомъ рачащимъ его злонравному законопреступленію дабы пришли во умиленіе и отъ таковыхъ лукавствій престати. Онъ бо проклятый воцарился и множествомъ имѣніи, ежъ есть въ Россійскомъ Царствіи, пообладалъ и обогатѣлъ велми зѣло въскоре, а вскоре и погибъ, и неостася отъ имѣній его ни мало лѣпта срачицы на погребеніе безтуднаго его трупа. А ини невегласи туне душа своя погубляютъ,

еже держатся книгъ отъреченныхъ святыми отцы седми вселенскихъ соборовъ, и заповѣдавшихъ намъ въ нихъ невницати, и почитающи ничтожъ ползу ими приобрѣтаютъ точію душевный свой корабль во глубинѣ грѣховней погружаютъ. Яко же рече писаніе: верги камень на высоту сокрушась главу свою имъ поляцаяй,.... въ сѣть увязетъ вію, вжигаяй огонь згоритъ въ немъ. Но умились о человѣче о семъ сбившемся ученіи, еже глаголетъ божественное писаніе: «аще человѣкъ и весь міръ преобрящетъ, душу жъ свою отъщетитъ, и что дастъ изъмѣну на души своей, «се зриши яко сіи злохитренный волъхвъ и весь міръ пріобрѣлъ, душу же свои отъщетилъ, кую добрую хвалу и славу получилъ, точію въ некончаемыя вѣки погибъ душею и тѣломъ и со злохитренными своими чародѣйствы и со студомъ лишилъ себе маловременныя сея мимотекущія жизни. А ты безтудне! како сія твориши, еже милость Божію остави и сатану въ помощь призывати, не могуща и себѣ въ болѣзни своей ничтожъ помощи, прежде разумѣй себѣ каковъ еси человѣкъ, и что есть кончина дній твоихъ, и помысли како ти предстати праведному не на лица судящему Христу Богу нашему, и отъсылаему ти во тму кромѣшную, идеже червь неусыпаемый; и покусися можеши ли терпѣти и нынѣ въ житіи семъ сей чювственный огнь, ащели можеши того будущего негасимаго огня нестерпиши, и разливаетъ бо ся пламень его отъ земля дажъ до небеси. Согрѣшивый убо человѣкъ и не сіе, человечески, червь и адъ ему есть домъ, тма же ему постеля и отецъ ему смерть, мати жъ и сестра ему тлѣніе; како смѣеши и во умѣ помыслити, не точію что на зло милости Божіи отълучити, и къ сатанѣ и діяволу прилѣпитися, Ангела Божія наставника своего и хранителя опечалити, аще и грубители Божія непремѣнились отъ отъ злаго сего обычая своего, ей рѣку ти постражеши здѣ и въ будущемъ, яко же сей проклятый еретикъ Гришка Отрепьевъ. Благодать же и миръ да будетъ съ духомъ вашимъ братіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

Царь же Государь и Великій Князь Василей Ивановичь всея Русіи егда воспріятъ скипетръ великія державы и пишетъ по Государствомъ и по всѣмъ городомъ Россійскія области воеводамъ и дьякомъ своимъ имянно.

Божіимъ праведнымъ судомъ и за нашъ грѣхъ и всего православнаго христіянства богоотступникъ еретикъ ростріга воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ своимъ воровствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ, омраченіемъ бѣсовскимъ прелстилъ многихъ людей, а иныхъ

устращалъ смертнымъ убійствомъ, былъ на Московскомъ Государствѣ Государемъ, и церкви Божіи осквернилъ и хотѣлъ истинную христіянскую вѣру попрати и учинити Люторскую и Латынскую вѣру, и по своему злокозненому умыслу всѣхъ христіянъ хотѣлъ отъ Бога отъвести; и Богъ милосердый не хотя его злокозненнаго помысла исполнити, всѣмъ людемъ его коравство и еретичество объявилъ. И за то Гришка противъ своего злодѣйственнаго дѣла принялъ отъ Бога возмѣздіе, злѣ животъ своей скончалъ, а насъ всѣхъ православныхъ христіянъ милосердый Богъ по своей неизреченной милости отъ его злодѣйственнаго умысла и отъ скверніа избавилъ. А умыслъ его бѣсовской былъ таковъ: взяты въ хоромѣхъ его грамоты многіе ссылочные воровскіе съ Полшею и съ Литвою о разореніи Московскаго государства, да туто жъ грамата къ нему вору отъ Римскаго Папы. А въ грамотѣ писано, чтобы онъ держалъ крѣнко Латынскую вѣру и дѣти его, которые будутъ впредъ, по нимъ тако же бы въ той вѣрѣ были; а для укрѣпленія Римскія вѣры прислалъ къ нему законника своего попа, а писалъ о немъ, чтобы онъ въ вѣрѣ его удержалъся; и тотъ Папинъ попъ тако же по своимъ дѣломъ злую смерть принялъ. Да после смерти жъ того вора Гришки объявилъ Полякъ, которой жилъ у него близко: что было тому вору ростригѣ вести нарядъ пушечной болшей изъ города и изъ казны весь для стрѣльбы, и ѣхати было ему за посадъ, а бояромъ и двoряномъ и всякимъ людемъ быти было съ нимъ же на стрѣлбы, а Литовскимъ людемъ всѣмъ коннымъ и пѣшимъ быти было съ нимъ же всѣмъ вооруженнымъ съ копіи и съ пищалми будто се для потѣхи, и пріѣхавъ было изъ наряду всѣхъ бояръ и думныхъ людей и большихъ дворянъ побити и росписаны были имена у него всѣмъ, кому кого побити указано; а побивъ я, пріѣхавъ въ городъ раздавати ему было тестю своему воеводѣ Сандомірскому и его родству многіе городы и наша царская казна, что осталася за его воровскимъ расточеніемъ, и всѣхъ было православныхъ христіянъ приводити въ Люторскую и въ Латынскую вѣру. Да по своему злодѣйскому умыслу нарядъ весь пушечной вывезъ, и то знатно было ему такъ чинити. Да намъ же и бояромъ нашимъ сказывалъ Золотой Квашнинъ, которой изменилъ отъѣхалъ отъ Великаго Государя Царя Ивана Васильевича всея Русіи въ Литву, умыслъ того Гришки, что онъ будучи въ Литвѣ поступился Королю Смоленска и Сѣверскіе земли всее, а тестю своему воеводѣ Сандомирскому и родству его многіе городы въ вотчину, и на томъ на всемъ ему присегалъ и хотѣлъ разорити Московское государство.

И мы то слыша и видя, всесилному Богу хвалу воздаемъ, что отъ таковаго злодѣйства избыли; и послѣ того прося у Бога милости митрополиты и архіепископы и епископы и весь освященный соборъ также и боляре и дворяне и дѣти боярскіе и всякіе люди Московскаго государства избирали всѣмъ Московскимъ Государствомъ, кому Богъ изволитъ быти на Московскомъ государствѣ Государемъ. И били намъ челомъ митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и боляре, и околничіе, и дворяне, и приказные люди, и столники, и стряпчіе, и дѣти боярскіе, и гости, и торговые, и всякіе люди Московскаго государства, чтобъ намъ быти на Московскомъ государствѣ Государемъ Царемъ и Великимъ Князёмъ по степени прародителей нашихъ, его жъ дарова Богъ Великому Государю Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря и по томъ многими лѣты и до прародителя нашего Великаго Государя Александра Ярославича Невскаго, отъ него жъ прародители наши на Суздальской уѣздъ по родству раздѣлишась. И мы Велики Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всея Русіи, за волею Божіею и за прошеніемъ богомолцовъ нашихъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и всего священнаго собору и за челобитіемъ бояръ и околничихъ и дворянъ и всякихъ людей Московскаго государства и по колѣнству нашему, учинились есмя на Московскомъ государствѣ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Русіи; и зъ Божіею помочію хотимъ держати Московское государство потому же, какъ прародители наши Великіе Государи Россіискіе Цари, а васъ хотимъ жаловати и любити свыше прежнего и смотря по вашей службѣ; и на томъ на всемъ язъ Царь и Великіи Князь Василей Ивановичь всея Русіи въ соборной церкви Пречистые Богородицы предъ всѣми людми цѣловали животворящій крестъ всѣмъ людемъ Московскаго государства, и бояре наши и дворяне и дѣти боярскіе и гости цѣловали намъ крестъ по записи, а по которой записи цѣловалъ я Царь и Великіи Князь и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ вамъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ; и вы бы тотчасъ велѣли быти въ соборную церковь игумену и всему освященному собору, и приказнымъ людемъ, и гостемъ, и торговымъ, и всякимъ людемъ сю нашу грамоту велѣли бы естя вычести всѣмъ людемъ въ слухъ; и о таковомъ великомъ неизреченномъ милосердіи Божіемъ воздали бы есте хвалу всесилному Богу славимому въ Троицы, что насъ и васъ православныхъ христіянъ не предалъ въ руцѣ врагу и богоотступнику, и что непорочная истинная наша христіянская вѣра не-

порушилась; и пѣли бы естя молебены въ соборной церкви по всему граду по три дни съ звономъ; и молилибъ естя всесилнаго и человѣколюбиваго въ Троицы славимаго Бога нашего и пречистую Богородицу нашу христіянскую надежу и заступницу и великихъ Чюдотворцевъ и всѣхъ святыхъ о устроепіи всего міра и о благостоянію святыхъ Божіихъ церквей и о нашемъ многолѣтнемъ здравіи и о всѣмъ православномъ христіянствѣ, чтобы Господь Богъ отъвратилъ свой праведный гнѣвъ, подаровалъ миръ, и устроилъ бы всему православному христіянству полезная, чтобы церкви Божія вѣпредъ стояли неподвижно и истинная христіянская вѣра была нерушима. И вычетчи наши грамоты всѣмъ въ слухъ, и цѣловали бы естя намъ великому Государю по той записи, по которой цѣловали бояре и вся земля, и впредъ бы естя намъ Великому Государю служили и прямили и доброхотѣли такъ же, какъ естя обыкли служити прежнимъ Великимъ Государемъ Царемъ Россійскимъ прародителемъ нашимъ; а мы Великіи Государь Царь и Великіи Князь Василіи Ивановичь всея Русіи самодержецъ хотимъ васъ жаловати и любити свыше прежнего. Писана на Москвѣ лѣта 7114 Маія въ 20 день.

Запись цѣловалная по которои самъ Царь цѣловалъ крестъ. [8]

Божіею милостію Великіи Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всея Русіи щедротами человѣколюбиваго въ Троицы славимаго Бога и за моленіемъ всего освященнаго собора и по челобитію и прошенію всего православнаго христіанства учинилися есмя на отъчинѣ прародителей нашихъ на Россійскомъ Государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ по степени прародителей нашихъ. Его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику ижъ отъ Римскаго Кесаря и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего Великаго Князя Александра Ярославича Невскаго на семъ Россійскомъ Государствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздальской уѣздъ раздѣлишася не отънятіемъ и не отъ не воли по родству, яко же обыкли болшая братія на болшая мѣста сѣдѣти. И нынѣ мы Великій Государь будучи на престолѣ Россійскаго Государства хотимъ того, чтобы православное христіянство было нашимъ Царскимъ доброопаснымъ правительствомъ и въ тишинѣ и въ покои и во благоденствіи; и поволилъ есмя язъ Царь и Великіи Князь Василіи Ивановичь всея Руссіи цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ Великому Государю всякого человѣка неосудя истиннымъ судомъ съ боляры своими смерти

непредати, и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братіи и у женъ и у дѣтей не отъимати, будутъ которые съ ними въ мысли не были; такъ же и у гостей, и у торговыхъ, и у черныхъ людей, хотя которой по суду и по сыску дойдетъ смертные вины, и после ихъ у женъ ихъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимати, будутъ съ ними они въ той вины неповинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ Великому Государю не слушати, а сыскивати с очей на очи, что бы въ томъ православное христіянство безъ вины негибли; а кто налжетъ и сыскавъ того казнити смотря по винѣ его, что было возвелъ неподѣлно, тѣмъ самъ и осудится. На томъ на всемъ что в сей записи написано и язъ Царь и Великіи Князь Василіи Ивановичь всея Русіи цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіяномъ, что мнѣ жалуя судити истиннымъ праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своея некласти и не другомъ никому никого въ неправдѣ неподавати и отъ всякаго насилства отъбѣгати.

И еже паки не помнозѣхъ днехъ второе посылаетъ Царь и Великіи Князь Василіи Ивановичь всея Русіи грамоты, яко развращены и прелщены людіе проклятымъ еретикомъ Гришкою Отрепьевымъ воровскимъ его умышленіемъ, и бѣсовскимъ наученіемъ и помраченіемъ зѣло прелщены, и чающе истинно царевымъ сыномъ приснопамятнаго блаженныя памяти Великого Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи самодержца; и то мнѣніе отъводитъ отъ тѣхъ и въ разумъ истинный приводитъ и въ цѣломудріи укрѣпляетъ, и истинну всѣмъ на яво приводя извѣстуя сице.

Отъ Царя и Великаго Князя Василія Ивановича всеа Русіи въ которой городъ къ воеводамъ и дьякомъ именно писано. Писали есмя къ вамъ напередъ сего, что Божіимъ праведнымъ судомъ за грѣхъ всего православнаго христіянства страдникъ вѣдомой воръ богоотъступникъ еретикъ ростирга Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, отъступя отъ Бога и по совѣту діяволю и лихихъ людей, которые всегда Московскому государству хотятъ разоренія и кровопролитія, назвалъ себя Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи сыномъ Царевичемъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, и въ Полшѣ и въ Литвѣ Короля и многихъ пановъ и служилыхъ людей своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ прелстилъ, да не токмо что въ Полшѣ и въ Московскомъ Государствѣ многихъ людей прелстилъ, а чаяли его Царевичемъ Дмитріемъ. И тотъ воръ Богоотступникъ по своему бѣсовскому умыслу и по совѣту съ Полскимъ Королемъ и с па-

ны радами въ Московскомъ государствѣ многую смуту и разореніе учинилъ, и Церкви Божія осквернилъ, и многихъ православныхъ христіянъ, которые его знали и злодѣйство вѣдали и его обличали, злой смерти ихъ предалъ, и понялъ за себя воеводы Сандомірскаго дочь Латынскіе вѣры и некрестивъ ее въ соборной церкви Пречистыя Богородицы вѣнчалъ, и Полскихъ и Литовскихъ людей для крестьянскаго разоренія многихъ къ Москвѣ привелъ, и церкви Божія и святыя иконы обругалъ, и Нѣмецъ и Римлянъ и Поляковъ и разныхъ вѣръ многихъ злыхъ еретиковъ въ церковь пущати велѣлъ со оружіемъ, а иныхъ скверныхъ дѣлъ и писати невмѣстимо, какое злое поруганіе христіянской вѣры чинилъ, и православнымъ христіяномъ многое насилство и кровопролитіе учинилъ, и жены у мужей отъималъ и иные нестерпимые грубости и поносы чинилъ, а послѣднее по совѣту съ Полскими и съ Литовскими людми измѣннымъ обычаемъ хотелъ бояръ и дворянъ и приказныхъ людей и гостей и всякихъ лутчихъ людей побити, а Московское государство хотѣлъ до основанія разорити, и крестьянскую вѣру попрати, и церкви разорити, а костелы Римскіе устроити. И милосердый въ Троицы славимый Богъ нашъ по своей святой милости надъ нами и надо всѣмъ православнымъ христіянствомъ милость свою показалъ, и умыслъ ихъ злодѣйской всѣмъ людемъ объявилъ, и гнѣвъ свой отъ православныхъ христіянъ отъвратилъ, и святыхъ Божіихъ церквей и православные христіянскіе вѣры до конца въ разореніе и православныхъ христіянъ въ расхищеніе и въ работу не далъ, противъ его злыхъ и скаредныхъ дѣлъ возмѣздіе отъдалъ ему самому и со единомысленными его. А умыслъ его злодѣйской таковъ былъ: послѣ смерти того вора взято въ его хоромѣхъ листъ утверженной того ростриги Гришки съ воеводою Сандомирскихъ, что было ему отъдавати воеводѣ Сандомирскому да его дочери и ихъ роду городы Новгородъ и Псковъ съ пригороды и со всѣми людми и съ уѣзды, владѣти было тѣми городы и уѣзды воеводѣ Сандомирскому и съ дочерію, и монастыри и костелы устроивати было Римскіе, а тому было вору тѣми городы невладѣти, и какъ было имъ разорити истинная православная христіанская вѣра, а учинити во всемъ Московскомъ государствѣ Римская вѣра. Да туто жъ взяты въ хоромѣхъ Римскаго папы и кординаловъ и езовецкіе листы о християнской же вѣрѣ о разореніи и о утверженіи Римскіе вѣры. И на томъ на всемъ тотъ воръ рострига Гришка Отрепьевъ въ Литвѣ воеводѣ Сандомирскому при многихъ панѣхъ и при папинныхъ посланникѣхъ присягалъ и крестъ цѣловалъ, и ту утверженную за-

лись имъ съ клятвою на себя далъ за своего рукою, а писалъ тотъ листъ воевода Сандомирской. И по нашему указу бояре наши у воеводы Сандомирскаго про тотъ воровской утверженной листъ допрашивали: его ли писмо тотъ листъ, и какимъ обычаемъ у нихъ такой злой совѣтъ на христіянское разореніе былъ? И воевода Сандомирской смотря того листа бояромъ нашимъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ такой утверженной листъ съ воромъ съ ростригою писалъ и писмо его рука, а были у нихъ такіе листы по противнямъ, а прелстилъ его тотъ воръ вѣдовствомъ и оманомъ, и крестъ ему тотъ воръ на томъ на всемъ цѣловалъ, что было ему то все сдѣлати, что въ томъ листу писано, да сверхъ того писма хотѣлъ ему тотъ воръ отдати Смоленскъ и Сѣверу всю со всѣми людми, и казну многую Полскому Королю и ему воеводѣ обѣщалъ тотъ воръ давати, а иную многую казну денежную и сосуды золотые и иную всякую казну и наряды всякіе ему давалъ, и о вѣрѣ де съ нимъ Сандомирскимъ тотъ воръ говорилъ, что бы ему по своему обѣщанію учинити въ Рускомъ государствѣ Римская вѣра и костелы поставити и иные многіе стати хотѣлъ учинити; и онъ де Сандомирской и самъ то узналъ, что не прямой Царевичь Димитрей, потому что онъ о Московскомъ государствѣ все говоритъ о разореніи и въпредъ себѣ Московскаго государства не проча, и со своими пріятели онъ Сандомирской о томъ часто говаривалъ, и отъ того съ кручины много боленъ былъ, то де и бояромъ нашимъ вѣдомо было и надъ тѣмъ де воромъ и надъ нимъ Сандомирскимъ учинилось Божіе наказаніе по ихъ винамъ, что они мыслили о христіясской вѣрѣ о разореніи, и въ томъ де онъ Сандомирской передъ Богомъ и передъ нами Великимъ Государемъ и передо всѣми людми Московскаго государства виноватъ. Да бояромъ же нашимъ сказывали въ роспросѣ Станиславъ да Янъ Бучинскіе, которые жили въ верху у того вора у Гришки у тайные думы у всякихъ тайныхъ его дѣлъ: какунъ де того дни въ пятницу Маія въ 16 день, какъ того вора ростригу убили, говорилъ тотъ рострига наодинѣ со Княземъ Костянтиномъ Вишневецкимъ, а они были туто же. Время де мнѣ своимъ дѣломъ промышляти, чтобъ государство свое утвердити и вѣра костело Римская распространити, а начальное де дѣло что бояръ побити, а непобити де бояръ, и мнѣ де самому отъ нихъ быти убиту, а толко де побью бояръ, и я зде что хочю то чиню. И Вишневецкой де и они Бучинскіе молыли: да толко де тобѣ побити бояръ и за нихъ землею станутъ. И рострига Гришка молылъ, то де уже у меня умышленно тѣмъ обычаемъ:

велѣлъ де я вывести за городъ нарядъ весь будто для потѣхи, а в сю де недѣлю Маія въ 18 день велѣлъ туто выѣхати за городъ будто для стрѣльбы смотрити, воеводѣ Сандмирскому и сыну его старостѣ Сеноцкому и Тарломъ и Стадницкимъ и Рохмистру Доморатскому и съ ними всѣмъ Поляком и Литвѣ въ збруѣ во всей и со всѣмъ оружіемъ; и какъ я выѣду на стрѣлбу и за мною будутъ бояре всѣ и дворяне, и какъ учнутъ ис наряду стрѣляти, и въ ту пору Полякомъ всѣмъ ударити на бояръ и на дворянъ и ихъ побити; а то де есми указалъ же, кому на кого на бояръ пріѣхати и убити: Князя Θедора Мстиславскаго Михайлу Ратомскому, а Шуйскихъ Тарлу да Станицкимъ, а про иныхъ бояръ такъ же приказано кому кого убити, а убити де велѣлъ есми бояръ, которые здѣся владѣютъ, дватцать человѣкъ, и какъ де ихъ побіютъ и во всемъ будетъ моя воля. И они де Бучинъскіе молыли: Московское Государство велико, станутъ за бояръ всѣмъ государствомъ и Поляковъ и Литву всѣхъ самихъ побьютъ. И рострига Гришка говорилъ: Поляки де и Литва выѣдутъ всѣ въ збруѣ и с копіи со всякимъ боемъ, да изъвычей у меня тотъ уложися, что на потѣхи со мною часто выѣзжаютъ роты вооружены урядяся какъ на битву, былъ де есми на Вязмѣ и со мною былъ Рохмистръ Доморатцкой со всею ротою во всѣй ратной збруѣ да и здѣся ко мнѣ часто пріѣзживалъ урядяся какъ на битву, и то будетъ уже никому непримѣтно, что выѣдутъ нынѣ со мною Поляки и Литва въ збруѣ; а бояре и дворяне ѣздятъ со мною простымъ обычаемъ, и имъ де без оружья что учинити; а какъ де тѣхъ бояръ побіютъ и досталные де всѣ устрашатся, еще де иные на нихъ же пріидутъ. И они де Бучинскіе молыли: великое дѣло то надобе начати да и совершити, а толко не совершится; ино самимъ намъ будетъ худо. И рострига де Гришка говорилъ вѣрьте де мнѣ однолично то совершится; язъ де уже и такіе статьи видѣлъ: сего де году въ великой постъ поговорили де про меня немногіе стрѣлцы, что я вѣру ихъ разоряю; и мнѣ де тотъ часъ сказали, и я де ихъ тѣхъ стрѣлцовъ велѣлъ сыскати, и приказалъ быти на дворецъ всѣхъ приказовъ стрѣлцомъ, и тѣхъ которые говорили туто жъ велѣлъ привести и училъ де есми вину ихъ и измѣну сказывати, а у меня де уже говорено съ Григоріемъ съ Микулинымъ, какъ ему туто говорити и что надъ тѣми стрѣлцы учинити; и какъ измѣну ихъ объявили, и Григорей де учалъ говорити: освободи де мнѣ Государь, я де у тѣхъ твоихъ измѣнниковъ не токмо что головы поскусаю, и чрева изъ нихъ своими руками вытаскаю, да мигнулъ де Григорей на нихъ стрѣлцомъ, и стрѣлцы блюдясь отъ

меня тѣхъ моихъ измѣнниковъ въ мгновеніи ока изъсѣкли на малыя части, мало де сами непересѣклись сѣкучи ихъ; а то де такъ же чаю будетъ на кого толко укажу что измѣнникъ мой, и то де уже не пробудетъ, всѣ де отъ меня блюдяся что велю то дѣлаютъ. И они де Бучинскіе молыли: такихъ ты бояръ велишъ побити, кому у тобя въ царствіи разряжати и кому въ приказѣхъ быти. И Гришка де ростріга говорилъ: то де уже у меня умышлено, нынѣ де у меня готовъ воевода Сандомирской и староста Сенодцкой, да ты Вишневецкой, да Тарлы, да Станицкія, да вы Бучинскіе и иные ваши пріятели, а по иныхъ Поляковъ и по Литву пошлю; и мнѣ де уже будетъ без опасенія, и въ Римскую де вѣру въскорѣ всѣхъ приведу; а то де уже здѣся видѣлъ, хотя кого безвинно велю убити, а нихто ни за кого слова немолытъ. И они Бучинскіе говорили: слышили есмя здеся и такъ насъ нелюбятъ, а толке де станешъ неволею приводити, и за то станутъ всѣмъ народомъ. И ростріга де Гришка говорилъ: видѣли естя и сами, что здѣся дѣлается, нарокомъ де есми приказалъ Поляконъ и всякихъ розныхъ вѣръ людемъ ходити здѣся въ большую ихъ церковь и по всѣмъ ихъ церквамъ въ сабляхъ, и какъ хто ходитъ, и они де кабы съперва поговоривали межъ собя тайно, а нынѣ де уже и то ни за што; и язъ де велѣлъ Поляконъ носити кресты у поясовъ и ниже гораздо пояса и назади, а они де тому кланяются и держатъ иконы и кресты въ великой чести, и Поляки де и Люторы и Калвинцы и въ церкви такъ ходили, и за то де нихто никаковъ человѣкъ ни какова слова не молвилъ; а какъ де я вѣнчался, и у меня де въ ту пору болшое опасеніе было, потому что по ихъ крестьянскому закону первое крестивъ да тоже вести въ церковь, а некрестивъ никому иныхъ вѣръ въ церковь неходити, и я де нарочно въ ту пору велѣлъ быти Люторомъ и Калницомъ и Евангликомъ и иныхъ всякихъ вѣръ людямъ, и они де въ церкви были, и слышали есми что и образомъ изругалися, и въ церквѣ иные и сидели въ обѣдню, а иные спали на образы приклонясь, и за то де ни каковъ человѣкъ слова молвить не смѣлъ; а болше де есми всего боялся, что Цесарева моя Римскіе вѣры, и нѣчто митрополиты и архіепископы и епископы упрямятся неблагословятъ и миромъ непомажутъ и во многолѣтіи нестанутъ кликать поминати; и какъ де есмя въшелъ вѣнчатись въ церковь, и язъ что хотѣлъ то дѣлалъ, все де дѣялось по моему хотенію и воли, и въ царскихъ дверехъ міромъ помазывали и во многолѣтіи пѣли во всѣхъ церквахъ благовѣрною Цесаревою, а и сами де они то знаютъ, что по ся мѣста опричь Римскіе вѣры въ Греческой вѣрѣ Цесаря не бывало; а кото-

рые митрополиты и архіепископы епископы и протопопы учали было прежъ сего поговаривати о томъ, и язъ ихъ порозаслалъ, а нынѣ де никаковъ человѣкъ не смѣетъ слова молыти и во всемъ волю мою творятъ. И говорилъ де туто Гришка ростркга съ клятвою, что однолично въ недѣлю Маія въ 18 день на стрѣлбѣ бояръ Мстиславскаго и Шуйскихъ и иныхъ дворянъ лутчихъ и дѣтей боярскихъ и головъ и сотниковъ и стрѣлцовъ и черныхъ людей, которые любо за нихъ станутъ, побити всѣхъ, а совершивъ тотъ часъ костелы Римскіе ставити, а въ церквахъ Рускихъ пѣти не велю, и то де все совершу, на чемъ де есмя присягалъ папѣ и кардиналомъ и арцыбискупомъ и бискупомъ, и какъ де есми воеводѣ подъ клятвою въ писмѣ своемъ написалъ. И Вишневецкому де приказалъ, чтобы къ недѣли со всѣми своими людьми былъ готовъ и промышлялъ бы неоплошно. И мы слыша таковаго злодѣя и богоотступника еретика черица Гришки злые умыслы и разореніе на крестьянское государство и на православную вѣру, ужаснулися великимъ ужасомъ, какъ такой злодѣй помышлялъ на такое дѣло злое, и воставъ на Бога Боговъ хотѣлъ до основанія христіянское государство разорити и стадо христовыхъ овецъ въ конечную погибель привести. А какъ милосердый Богъ призря своею милостію на Россійское государство недалъ въ разореніе и въ расхищеніе христіянского роду и не попустилъ на долгое время того врага и богоотступника, въскорѣ злобѣсную его душу испровергъ, а на Россійское государство избралъ насъ Великого Государя Царя и Великаго Князя Василія Ивановича всея Россіи самодержца; и мы Великій Государь за помочію Бога принявъ скипетръ Великаго Россійскаго Царствія прародительской нашей Царской степени и по моленію патріарха и митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и всего освященнаго собора, и за челобитіемъ Царей и Царечевъ и многихъ Государскихъ дѣтей, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и бояръ нашихъ и околничьихъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ служивыхъ людей Московскаго государства, говорили есмя митрополитомъ и архіепископъ и епископомъ и всему освященному собору и бояромъ и дворяномъ и всему православному христіянству: что въ прошломъ, въ 99 году за грѣхъ всего православнаго христіянства Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи сынъ его благовѣрный Царевичь Дмитрей Ивановичь по зависти отъ Бориса Годунова яко агня незлобивое заклася и святая его праведная душа отъиде въ вѣчное блаженство въ небесное царство, а тѣло его погребено на Угличѣ, и мно-

ги исцѣленія всякимъ одержимымъ различною болѣзнію и явно къ болящимъ приходя, себя оказуетъ и милостивное свое изцѣленіе подаетъ на увѣреніе всѣмъ православнымъ христіяномъ, и многіе про его чюдеса свидѣтельствуютъ, и на соборѣ намъ про то извѣщали, а злодѣемъ его убійцамъ Богъ милосердый, по своей святой воли истя неповинную кровь праведнаго, воздалъ мѣсть по ихъ дѣлу, злой смерти предалъ, и для ихъ злодѣйскаго умыслу на Россійское царство послалъ свой праведный гнѣвъ, къ познанію истинныя вѣры проявляя терпѣніе злостраданія страстотерпца своего; и намъ бы мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича принести въ Царствующій градъ Москву. И поговоря о томъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ послали есмя на Углечь по мощи Царевича Князя Дмитрея Ивановича всеа Россіи Ростовскаго митрополита Филарета да Асторохангкого епископа Феодосія, да Спасскаго архимандрита Сергія Андроевскаго архимандрита Авраміл, да бояръ Князя Ивана Михайловича Воротынскаго, да Петра Никитича Шереметева, да Григорья Федоровича, да Андрея Александровича Нагихъ; и Маія въ 28 день писали къ намъ съ Углеча богомолцы наши Ростовской митрополитъ и Асторaханской епископъ и архимандриты, и бояре наши, что они мощи благовѣрнаго Царевича Дмитрея Ивановича всея Россіи подняли и осматривали; и въ ту де пору отъ гроба весь храмъ наполнися многаго благоуханія, и мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича всея Россіи цѣлы и ничимъ нерушимы, а въ иныхъ мѣстехъ часть земли отдана, а на лицы плоть и на главѣ власы цѣлы чермны, и на костяхъ плоть цѣла, а ожерелице низано жемчюжное с пугвицы все цѣло, и въ лѣвой рукѣ шириночка тафтяная шита золотомъ и сереброиъ цѣла жъ, и саванъ на немъ весь цѣлъ, а покрытъ кафтанцомъ камчатымъ на хрѣбтахъ бѣльихъ и нашивка серебряна съ золотомъ, а сапожки на немъ цѣлы же, толко подошвы у носковъ отстали, да на Царевичевыхъ же мощехъ положено орѣховъ съ пригорщи, а сказываютъ, какъ онъ тѣшился, и въ тое пору орѣшки кушалъ, и какъ его убили и тѣ орѣхи кровію его обрагрилися, и для того тѣ орѣхи на немъ во гробъ положили, и тѣ орѣхи на Царевичевыхъ мощехъ цѣлы жъ; да которые люди одержими были и исцѣлѣли отъ Царевичева Дмитріева гроба въ прошлыхъ годѣхъ и въ нынѣшнемъ 114 году до ихъ пріѣздовъ, и тѣ люди принесли къ нимъ писмо, и то они писмо къ Москвѣ привезли Іюня въ 3 день и мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича. И мы великіи Государь Царь и великіи Князь

Василій Ивановичь всеа Русіи и мати Царевича Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи Царица и великая Княгиня инока Марфа Федоровна всеа Русіи съ митрополиты и архіепископы и епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и зъ бояры и дворяны и со всѣми людьми Московскаго Государства мощи благовѣрнаго Царевича Дмитрея Ивановича въстрѣтили съ кресты за каменнымъ городомъ; и ево мощи предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ бояры и зъ дворяны и со всѣми люди Московскаго Государства язъ и мати его Царица инока Марфа Федоровна всеа Русіи смотрили и всѣмъ людемъ велѣли показывати, и его цѣлбоносныя мощи и ризы всѣ цѣлы и тлѣнію непричасны; и мы видя сами таковое неизреченное Божіе милосердіе съ радостными слезами всесилному и въ троицы славимому Богу и его страстотерпцу благовѣрному Царевичю и Князю Дмитрею Ивановичу хвалу воздали и милости у него и прощенія просили. И какъ понесли мощи его въ городъ и отъ его мощей многіе болные различными недуги получили изцѣленіе, а какъ его поставили въ церкви Архангела Михаила и отъ его цѣлбоносныхъ мощей пролилися рѣки милосердія, многіе различными болѣзньми изцѣленіе получили; въ первый день исцѣлилъ всякими различными болѣзньми 13 человѣкъ, а въ другіи день Іюня въ 5 (въ сп. Унд. 4) день 12 человѣкъ и до севодни непрестанно исцѣляетъ и всѣмъ приходящимъ съ вѣрою неоскудно милость свою подаетъ. А на принесеніе мощей благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича Царица великая Княгиня Инока Марфа Федоровна въ церкви Архангела Михаила передъ митрополиты и архіепископы и епископы и предъ освященнымъ соборомъ и передъ бояры и передъ дворяны и предъ всѣми люди била челомъ намъ великому Государю Царю и великому Князю Василію Ивановичу всея Русіи, что она предъ нами и предъ освященнымъ соборомъ и предъ всѣми людьми Московскаго Государства и всеа Русіи виновата, а больши всего виновата предъ новымъ мученикомъ предъ сыномъ своимъ Царевичемъ Дмитреемъ, что терпѣла вору ростригѣ явному злому еретику и чернокнижцу, необъявила его долгое время, и много кровь христіанская отъ того богоотступника лилась и разоренія христіанской вѣрѣ хотѣло учиниться; а дѣялося то отъ бѣдности, потому какъ убили сына ея Царевича Дмитрея по Борисову велѣнью Годунова, а ее послѣ того держали въ великой нужи и родъ ея весь по дальнымъ городомъ разосланъ былъ и въ конечной нужи злой жили, и она по грѣхомъ обрадовася отъ великія нестѣрпимыя нужи въсиорѣ неизвѣстила, а какъ видѣлся ространа съ нею и онъ ей запрѣтилъ злымъ запрещеніемъ, что бы она на

него неговорила ни съ кѣмъ; и какъбы ее въ томъ пожаловати и всему освященному собору и всему народу Московскаго Государства простити, что бы она въ грѣху и въ проклятіи отъ всего міра не была. И мы великіи Государь Царь и великіи Князь Василіи Ивановичь всеа Русіи, по своему Царскому милосердому обычаю и для великаго Государя Царя и великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и для благовѣрнаго Царевича страстотерпца Дмитрея Ивановича честныхъ его и многочюдесныхъ мощей, Царицу иноку Марѳу во всемъ простили, а митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и всего освященнаго собора и всего православнаго христіянства молили, что бы они въкунѣ о Царицѣ Марѳѣ молили Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, что бы Богъ милость свою показалъ и отъ таковаго грѣха злаго душу ее свободилъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ; и вы бы велѣли быть въ соборную церковь архимандритомъ и игуменомъ и всему освященному собору и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и приказнымъ и всякимъ служивымъ людемъ и всякимъ торговымъ и чернымъ людемъ. А какъ сойдутся, и вы бы сю нашу грамоту велѣли есте чести всѣмъ людемъ въ слухъ, а буде въ церковь всѣ люди невмѣстятся, и вы бы имъ велѣли вычести предъ церковію на просторномъ мѣстѣ, что бы милость Божія и Пречистыя Богородицы и великихъ чюдотворцовъ заступленіе наипаче же великаго свѣтилника страстотерпца благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича преславные чюдеса всѣмъ были людемъ вѣдомы; и о такомъ бы естя неизреченномъ Божіи милосердіи воздали хвалу всесилному и въ троицы славимому Богу, что насъ и всѣхъ православныхъ христіянъ непредалъ въ руцѣ врагу и богоотступнику и еретику въ расхищеніе и въ разореніе и въ работу, и наша истинная православная христіянская вѣра непорочная непорушилася, и церкви Божіи лѣпоту свою приняли, также и о томъ, что явилъ намъ дивнаго въ чюдѣсѣхъ новаго страстотерпца благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича, иже преславными своими чюдесы весь міръ просвѣтилъ, и невѣрныхъ Поляковъ и всякихъ инозенцовъ невѣрныхъ сердца въ вѣру превратилъ; и о нашемъ бы естя многолѣтномъ здравіи молили Бога, что бы намъ и всему православному христіянству устроилъ Богъ вся благая и полезная, что бы надъ Царицею и великою Княгинею инокою Марѳою Ѳедоровною всеа Русіи Богъ милость свою показалъ для сына ея благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича душу ея освободилъ отъ грѣха и отъ всемірнаго проклятія, что она страшася смерти женскою немощію одержима долгое время таковаго великаго богомѣрскаго дѣла необъяви-

ла, и великаго страстотерпца новаго мученика сына своего благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича много чюдесные его мощи въ забвеніе и безъ памяти чинила. А и съ уверженыя грамоты ростриги Гришки Отрепьева, что далъ на себя крѣпость Сендомірскому и съ напиныхъ и съ кардиналовыхъ съ воровскихъ ссылочныхъ грамотъ, что писали о крестьянскомъ разореніи и о городѣхъ, которыхъ поступился Сендомірскому и его дочери и о Римской вѣрѣ списавъ списки и послали есмя къ вамъ; и вы бы тѣ списки по тому же велѣли вычести всѣмъ людемъ въ слухъ и не въ одномъ мѣстѣ, что бы ихъ воровской умыслъ всѣмъ людемъ былъ вѣдомъ, и что бы естя вора и еретика богоотступника ростригу Гришку и его совѣтниковъ вѣчному проклятію предали и впредъ проклинати велѣли ежегодъ вмѣстѣ съ еретики. Писанъ на Москвѣ лѣта 7114 Іюня въ 6 день.

Переводъ съ Полскаго писма съ утверженнаго ростриги Гришки Отрепьева, что далъ на себя крѣпость за своею рукою воеводѣ Сендомірскому, а сказали Бучинскіе, что то писмо воеводы Сендомірскаго Юрья Мнишка, и самъ воевода предъ всѣми бояры сказалъ то писмо его воеводина рука.

Дмитрей Ивановичь Божіею милостію Царевичь всеа Росіи Углецкій и Дмитровскій и иныхъ Князь отъ колѣна предъковъ своихъ и всѣхъ Государствъ Московскихъ Государь и отчичь, помнячи себѣ перваго житія нашего не тѣмъ обычаемъ какъ иные монархи и предки наши, но какъ иные люди крестьянскіе за призрѣніемъ Господа Бога всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и конецъ, а животъ и смерть бываетъ отъ него же, усмотрили есмя и улюбили себѣ будучи въ королевствѣ въ Полскомъ въ дому честнѣмъ великого роду житія честнаго и побожнаго пріятеля и товарища, съ которымъ бы мнѣ за помощію Божіею и милостію въ любви житіе свое проводити, ясневельможную панну Марію съ великихъ кончицъ Мнишкову воеводину Сендомірскую старостенку Львовскую и Самборскую, дочь ясневельможнаго пана Юрія Мнишка, человѣка великія доброты и любви, и для того есмя взяли себѣ за отца. И о томъ мы его просили, чтобы онъ всегда къ намъ былъ любовенъ и дочь бы свою панну Марину за насъ далъ, а что топере есть не на Государсвахъ своихъ, и то передъ до часу, а какъ дастъ Богъ буду на своихъ Государствахъ жити, и ему бы помнити слово свое прямое вмѣстѣ съ панною Мариною за присягою, а язъ помню свою присягу, и вамъ бы прямо обѣма держати и любовь бы была межъ насъ. А на томъ мы писаніемъ своимъ укрѣпляемся, а въ предъ во имя святыя Троица даю ему слово свое прямое Царское,

что женюся на паннѣ Маринѣ, а не женюся и язъ проклятство на себя даю. А кой часъ доступлю Государствъ нашихъ и отчины Московскіе; и язъ пану отцу его милости дамъ десять сотъ тысящь золотыхъ Польскихъ, также паннѣ Маринѣ женѣ нашей изъ казны нашей Московской на подъемъ для такого далнаго пріѣзду къ наряду кленотовъ и сребра и бархатовъ золотыхъ дамъ, и посланниковъ его милости пана отца и панны Марины не задержавъ отпускати и ихъ жаловати и дарити нашимъ Царскимъ жалованіемъ, на томъ мы на въ семъ слово свое Царское даемъ. Другое то, какъ вступимъ на нашъ Царьскій престолъ отца нашего; и мы тотчасъ пословъ своихъ пошлемъ до яснѣйшаго Короля Польского извѣщаючи ему и бьючи челомъ, что бы то наше дѣло, которое нынѣ промежъ насъ было ему вѣдомо, и произволилъ бы то намъ сдѣлати безъ убытка. Третіе то, тожъ прежъреченной паннѣ женѣ нашей дамъ два Государства великіе, великіи Новъградъ да Псковъ со всѣми уѣзды и съ думными людьми и съ дворяны и съ дѣтьми боярскими и съ попы и со всѣми приходы и съ пригородки и съ мѣсты и селы и со всякимъ владѣніемъ и съ поволностію, со всѣмъ съ тѣмъ какъ мы и отецъ нашъ тѣми Государствы владѣли и указывали, а мнѣ въ тѣхъ во обоихъ Государствахъ въ Новѣгородѣ и во Псковѣ ничѣмъ не владѣти и въ нихъ ни во что не въступатися, тѣмъ нашимъ писаніемъ укрѣпляемъ, и даруемъ ей паннѣ то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ за помощію Божіей съ нею вѣнчаемся; и мы все что въ нынѣшнемъ нашемъ писмѣ написано отъдадимъ ей и въ канцлери нашей ей то въ вѣки напишемъ и печать свою Царскую къ тому приложимъ. А будетъ у нашей жены по грѣхомъ съ нами дѣтей не будетъ; и тѣ обои Государства ей приказати намѣстникомъ своимъ владѣти ими и судити, и волно ей будетъ своимъ служилымъ людемъ помѣстья и вотчины давати и купити и продавати, такъ же волно ей, какъ ся ей полюбитъ, что въ своихъ прямыхъ удѣлныхъ Государствахъ монастыри и костелы ставити Римскіе и бискупы и попы латынскіе и школы поставляти, и ихъ наполняти какъ имъ въпередъ жити; а самой жити съ нами, а попы свои себѣ держати сколко ей надобѣ, такъ же набоженство свое Римскіе вѣры держати безо всякіе забороны, яко же и мы сами съ Божіею милостію съ великою друдностію то приняли есмя, и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, что бы все Государство Московское въ одну вѣру Римскую всѣхъ привести и костелы бы Римскіи устроити. А того Боже намъ недай, буди тѣ наши рѣчи въ Царствахъ нашихъ неполюбятся и въ годъ

того нездѣлаемъ, ино будетъ волно пану отцу и паннѣ Маринѣ со мною розвестися, или пожалуютъ болше того подождутъ до другаго году; и язъ тепере въ томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою съ крестнымъ цѣлованіемъ, что то все здѣлати по сему письму, и цѣлую крестъ и присягаю на томъ на всемъ при святцкомъ чину при поѣхи, то мнѣ все по сей записи здѣлати крѣпко и всѣхъ Рускихъ людей въ вѣру Латынскую привести. Писано въ Самборѣ мѣсяца Маія въ 25 день лѣта 1604, а на исподѣ написано Дмитрей Царевичь рукою своею.

Да воевода жъ Сендомирской сказалъ передо всѣми боляры, что писалъ къ нему ростригa съ Москвы листъ своею рукою, а далъ ему городъ Смоленскъ со всѣмъ уѣздомъ да Сѣверу всю, и поволилъ ему въ нихъ костелы ставити и монастыри Римскіе.

Да ростригa же воръ Гришка Отрепьевъ писалъ и папѣ Римскому съ попомъ его Андрѣемъ Езовитомъ; а въ грамотѣ его пишетъ о томъ, что мысль его вся и радѣніе ото всего сердца къ папѣ Римскому и къ его Латынской вѣрѣ, какъ ему обѣщался; а подлинно о томъ о всемъ приказалъ онъ къ папѣ съ попомъ его съ Ондрѣемъ Езовитымъ, и впередъ къ папѣ хотѣлъ о томъ писати. А что онъ папа слышилъ его, дѣло о которомъ онъ писалъ къ папѣ двожды, что зговорилъ женитися у Сендомирскаго воеводы у Юрья Мнишка на дочери его Маринѣ за его папинымъ благословеніемъ, а то отъ папы благословеніе иному никому недается толко тѣмъ, которые въ его латынской вѣрѣ, а ты мнѣ воздалъ отъ Греческіе вѣры въ Латынскую вѣру отступилъ и всѣхъ людей Государства своего на томъ привести хотѣлъ, и на томъ онъ ему челомъ бьетъ, что онъ папа о Московскомъ Государствѣ радѣлъ и промышлялъ накрѣпко, что бы ранѣе все Московское Государство въ Латынскую вѣру привести, и онъ во всѣмъ въ томъ крѣпокъ и неподвижимъ въ Латынской вѣрѣ, на чемъ душу свою далъ папѣ и Литовскому Королю.

Да къ воруже Гришкѣ къ ростригѣ кардиналъ начальной утвердитель Римской вѣры писалъ Мартынъ Малякрида отъ папы; а въ грамотѣ пишетъ: какъ вѣсть та къ папѣ пріидетъ, что онъ ихъ Латынскую вѣру принялъ, и имъ то все будетъ во удивленіе, а въ радости всѣ они о томъ станутъ веселитись и радоватися, и всегда ему папа о томъ своимъ писмомъ напоминаетъ, чтобы онъ многое крестьянство широкого Московскаго Государства своимъ злохитрствомъ въ вѣру Латинскую своею рукою привелъ и укрѣпилъ, какъ напередъ того во своеи грамотѣ къ прежнему папѣ Клементу изъ Санбора писалъ, и они о томъ

радуются всѣми сердцами и душами своими, что онъ хочетъ во всемъ Московскомъ Государствѣ Латынскую вѣру укрѣпити, и какъ сядетъ на Московскомъ Государствѣ, и ему бы вѣскорѣ во всѣмъ Московскомъ Государствѣ Латынская вѣра укрѣпити и самому быти крѣпку въ той жъ Латынской вѣрѣ.

Да къ вору же еретику къ ростригѣ Гришкѣ Отрепьеву писалъ папинъ легатъ, которой живетъ у Польского Короля въ Краковѣ, Клавдіусъ Рогануcъ для утверженія Латынской вѣры, а въ грамотѣ пишетъ: надобно ему сверхъ того всего исполнити то, что онъ папѣ и намъ всѣмъ обѣщался, что въ Московскомъ Государствѣ Греческая вѣра съ Латынскою вѣрою соединити, и они тому его слову вѣрятъ, и онъ бы по тому своему слову вскорѣ то учинилъ и своему имени отъ папы и отъ нихъ всѣхъ честь принялъ.

Да папежъ писалъ къ кардиналу Краковскому къ брату къ родному Сендомирскому воеводы, а въ грамотѣ пишетъ. Что онъ папа его кардинала укрѣпляетъ и благословляетъ на свадбу любительныхъ дѣтей своихъ ростриги Гришки с воеводичною Сендомирскою, и то папѣ на него кардинала добрѣ радостно, что онъ ростригу и дочь воеводы Сендомирскаго на обрученіе благословилъ, а онъ папа ихъ сердечнымъ хотѣніемъ также благословляетъ, и что бы онъ кардиналъ и любительную свою дочь воеводинку Сендомирскую укрѣплялъ и думати ей, чтобъ она крѣпко Латынскую вѣру держала и всѣмъ прямымъ серцемъ промышляла съ мужемъ своимъ вмѣстѣ, чтобы Московскаго Государства людей всѣхъ подданныхъ къ Латынской вѣрѣ привести, и подлинно онъ папа начается, что они по ся мѣста тѣмъ дѣломъ промышляютъ; а будетъ кардиналъ его папы въ томъ мèстанетъ слушати и онъ его проклинаетъ, а онъ папа начается что Московскіе люди въ Латынской вѣрѣ будутъ, только ихъ станутъ накрѣпко приводити, а не все любовію и волею, надобно и не волею и жесточію, а хто станетъ крѣпко, и того бы убивати не ужасался.

Да рострига жъ къ папину легату, которой въ Полшѣ живетъ, для укрѣпленія Латынскія вѣры писалъ, что бы онъ благословилъ жену его въ суботу мясо ѣсти, для Московскихъ людей, а отъ Рускаго патріарха причаститися; и легатъ папинъ писалъ къ нему противъ, что онъ то чинитъ негораздо, цѣловалъ ты на томъ крестъ и душу свою далъ, что тебѣ быти въ Латынской вѣрѣ крѣпку и не подвижиму да и всѣхъ людей привести въ Римъскую вѣру, а нынѣ хочешь и жену свою причащати отъ Рускаго патріарха, да и для людей въ суботу мясо ѣсти; и язъ тебѣ на томъ не произволяю, что бы ты того ни какъ

не дѣлалъ, помнилъ бы на чемъ душу свою далъ папѣ, да и самъ бы и всѣмъ людемъ своимъ у Рускихъ поповъ причащатись и въ субботу мяса ѣсти не велѣлъ. И рострига Гришка къ папину легату писалъ, что онъ въ томъ виноватъ, а въпредъ во всемъ самъ крѣпокъ въ Латынской вѣрѣ и съ женою своею, и людей всѣхъ на то приведетъ къ Латынской вѣрѣ, а инако слово его небудетъ.

А писано въ тѣхъ во всѣхъ грамотахъ именемъ Царевича Димитрея Ивановича, какъ тотъ воръ рострига назывался своимъ воровствомъ, а въ нынѣшнихъ переводехъ началъ и имени Царевича Димитрея не написано потому, что тѣмъ именемъ тотъ воръ назывался своимъ воровствомъ ложно, и по тому злому дѣлу его богоотъступленію.

Святаго и Праведнаго благовѣрнаго Царевича Князя Димитрея Ивановича Углецкаго, Государя Царя и великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи сына, принесены быша мощи его честные со Углеча во царьствующій и богоспасаемый градъ Москву въ лѣто 7114 Іюня въ 3 день*; а праздновати его уложиша соборомъ стихѣры и канонъ сложенъ Октября въ 19 день на тотъ же день, въ которой день благовѣрный Царевичь Димитрей родился на память Святаго мученика Уара и Ангелъ его молитв. въ той день, а во святомъ крещеніи нареченъ бысть Солунскіи Димитрей. Мы жъ вси людіе Рустіи народи возрадуемся и возвеселимся, яко обрѣтохомъ днесь новаго страстотерпца благовѣрнаго Князя Димитрея, отъ скипетра державныхъ въ нашихъ лѣтѣхъ въ новыхъ людехъ просіявый, яко солнце отъ захожденія своего възыде, яко стужу отъ сердецъ нашихъ отъималъ есть, ею жъ знобими быша и конечно вси изнемогоша по захожденіи его, и великую скорбь и печаль нашу днесь на радость преложилъ есть всѣмъ людемъ въ великой Россіи во своей отчинѣ своимъ пресвѣтлымъ явленіемъ; и сихъ всѣхъ щедротъ ради и милостидавцу и избавителю нашему Богу, яко отъ толикихъ бѣдъ и напастей избавилъ насъ, малымъ бо понаказа насъ, а великая даровалъ намъ, много должни бо славу и хвалу всегда воздавати, и обратитися къ нему истинно душами и сердцами своими, и заповѣди его хранити, и злобъ и лукавыхъ нравъ своихъ прежнихъ да не останемся, сребролюбія и посулоиманія и всякаго неправеднаго собранія удалятися, и не на лица судяще сира и вдову пріемлемъ и правду стяжимъ.

Но убо естество наше тяжко кровь, це радивъ.... яко неистовіи яже на насъ милости Божіи и щедротъ его отвращаемся, на злодѣяніе жъ и на беззаконіе обратихомся, и его же человѣколюбца и Пречистую его Богоматерь разгнѣвихомъ, и славы своея и чести отпа-

даемъ, согрѣшеніи и беззаконіи отъ толикихъ его щедротъ и благодѣянія отпадше сами, и сего ради во тмочисленныя бѣды и различныя напасти паки въпасти отъ Бога осудихомся по праведному его суду Божію. Богу бо попущающу, а сатанѣ дѣйствующу, иже бо радуется всегда о человѣческихъ кровехъ, во истинну самъ сатана изшедъ отъ темница своей нося въ себѣ злую дѣтель и смути языцы мноземи, но и паче всѣхъ человѣкъ богоненавистныхъ и богоотступникъ, и избра ихъ себѣ въ сосуди и въ жилище именемъ Илеику Горчакова, да Ивана Исакова Болотникова. И вниде въ сердца ихъ и нача палити и подстрекати ихъ, да послужатъ ему пакости содѣвающе боголюбивому Царю и всему православному христіянству, дабы разорити православную Христову вѣру и всему бы христіянству потреблену быти. Сіи же отступницы послушни быша ему отцу своему сатанѣ, и ревнуя поучившася прежнего преждереченнаго богоотступника и еретика ростриги Гришки Отрепьева прелести и ереси и злонравнаго обычая его, да тако же всѣхъ людей прелстятъ Россійскія области, и Московскаго государства да доступятъ, а забывше кончину его и маловременную власть его. О прелесть маловременнаго свѣта сего! о суетная жизнь свѣта сего! како ны прелщаетъ неразумныя слабыя человѣки и во адъ сводитъ; видимъ бо всегда отъ среды братіи своея восхищаеми, а не накажемся съ выше своея мѣры великія саны неправедно восхищати, а видимъ како хищники и недостойныя отъ земля вземлются и во адъ вселяются и вѣчнымъ мукамъ предаеми, и въ славы мѣсто имъ на земли оставляется укоръ и поношеніе паче жъ и проклятіе; сами бо сія видятъ, а не отъ сказателей слышатъ, а не накажутся. И нарече бо ся безумный Илеика Петромъ Царевичемъ сыномъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Θеодора Ивановича всеа Русіи, его же и не бывало, и глаголюще рожеству его быти потаенно для преждепоминаемаго святоубійцы Бориса Годунова, да еще же именоваше у себе Царевича Дмитрея сына Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи дядю тому Петру Царевичу, а что прежде того назывался Дмитреемъ Царевичемъ и на Москвѣ убіенъ бысть, и то де прямой ростряга Гришка онъ окоянный богоотступникъ и лжесловцъ. Якожъ масло съ водою немѣсится, такожъ и лжа со истинною: кто сего невѣсть? яко блаженныя памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Θеодоръ Ивановичь всеа Русіи и его благовѣрная Царица и Великая Княгиня Ирина Θедоровна всеа Русіи во иноцѣхъ Александра оставпша земное цар-

ство отъидоша въ вѣчный покой бездѣтны и отъ ихъ царскаго благородія не бысть порожения, кромѣ единыя дщери благовѣрныя Царевны и великія Княжны Ѳеодосіи Феодоровны всеа Русіи. И иніи же пишутъ назвася сыномъ Царевича Ивана, то же не бывало. О безумныи! ослѣпоша очима и обнищаша разумы того не разумѣша, яко Господу годѣ тако и будетъ, яко не до конца прогнѣвается Господь ни во вѣки враждуетъ; о горе! безумнымъ симъ богоотступникомъ, яко не разумѣюще писанія, иже реченно въ книзѣ сей псаломъстей: въскую шаташась языцы безума поучашася тщетнымъ, ему же хощетъ да вручитъ царство и поставляетъ Царя и Князя Вышній, по Апостолу, а отъ человѣкъ ничто жъ возможно. И таковаго ради ложнозвательства его всѣ люди страны тоя пріяша, по сихъ же и Сѣверіяне и вси мятежницы, ижъ во время власти ростригины лакнуша крови христіанскія, сіи вся приложишась къ нему и пришедше обладаша грады многими, ижъ имъ предашася; ови безума прелстишась, овіи страха ради множества ихъ предашася имъ, обнищаша бо разумы и поползоша въ погибель сами: градъ Путимль, и Рылескъ, и Черниговъ, и Муромескъ, и Курескъ и Стародубъ, и Кромы, и всѣ грады Сѣверскіе, и Шатцкіе мѣста и Резанскіе и вси улусы и земли. И велико воиско собрася, и пришедъше къ Серпухову; людіе же въ Серпуховѣ видѣвше и убояшася ихъ, и ти предашася, такожде и Колужанѣ и Колумлянѣ, убоявшеся отъ нихъ кровороздитія и разоренія.

И ставше разбоиницы и кровоядцы и отъмѣтники православныя Христіянскія вѣры съ великимъ собраніемъ на Коломенскомъ, и ополчившеся на Московское взятіе и разрушеніе и христіянское кровопролитіе готовляшеся. Царь же и Государь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи, видѣвъ сія и посылаетъ по всѣмъ градомъ и землямъ своея отчины войско собрати противу же ихъ множества, а на разбойниковъ посла многіе воеводы со многими силами въстрѣчю имъ. Московскіе же воеводы такожъ пришедше, и двѣ брани съ ними учинивше, и бысть бой великъ и сѣча зла, и многое множество обоихъ падоша въ тѣхъ двухъ бранѣхъ; не хотяще бо ни едино войско въспятися, но тщашесь едино войско другое въспяти и невозмогоша, и тако разыдошася. Московстіи жъ воеводы паки къ Москвѣ возвратишася и градъ Москву затвориша и крѣпко утвердиша, и тако быша три недѣли, на брань противу ихъ неисходиша, войскіе силы ждаху. Они же разбойницы видявше дерзновенни быша, и паки на Коломенское пришедше и ту сташа, и острогъ въ земли зѣло крѣпко учиниша, и тако къ Пречистые обители къ Симонову

монастырю пришедше; туже во обители Московскіе стрѣльцы быша посланіи отъ Царя Василія въ защищеніе тоя обители иноковъ; и тіи жъ кровоядливыи прелестницы начаша прелщати ласканіемъ, якожъ и прочихъ градскихъ людей, такоже чающе и во обители прелстити христово-словесное стадо и стрѣльцовъ; иноцы жъ образъ смиреномудрія ношаше высокихъ небѣсныхъ ища а не земныхъ, и нечюя ихъ ласканія и прелести, но сташа крѣпко по православной вѣрѣ христіянской и по благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ всеа Русіи крѣпко стояти и битися съ ними до смерти а не здатись имъ, и укоряюще и обличающе ихъ безумную прелесть. Они же богоотступницы и разбойницы, видѣвше ихъ крѣпость и немогуще отъ нихъ обличенія слышати, но разъяришась якожъ львы ревуще, и яко неутомимыи ехидны дышуще, нападше на монастырь аки волцы на расхищеніе Христова стада, разпудити и расхитити хотя, и ничто же окаяннніи успѣша; но паче сами разбіени быша, якожъ волны морскія о камень приразишась и паки сами жъ отъ него пѣны разыдошась, или горнецъ котлу приткнеся самъ и сокрушится, тако жъ и сіи окаянныи, паче сами разбіени быша и прочь отъидоша срама исполненіи. И начаша окаянные на царствующій градъ Москву вооружатися, видяще яко изъ града противу ихъ на брань неисходятъ, и паки умыслиша окаянныи около града объсѣсти и вси дороги отъяти, да ни изъ града ни во градъ кого пустити, да ни откуду никакіе бы имъ во градѣ помощи никому жъ учинити невозможно, сице и сотвориша. Во градѣ жъ Москвѣ на всѣхъ бысть людехъ страхъ великъ и трепетъ, яко такого умыслу и бѣды не бысь отъ начала града, когда и зачась, отъ сумежныхъ царей и иноплеменныхъ сицевого промыслу и бѣды, якоже отъ своихъ.

Повѣсть сія есть велми дивна и зѣло полезна нынѣшнему роду лукавому и непокорливому, и отбѣгшему отъ Божія милости и уклонившемусь отъ заповѣдей его святыхъ и впадшему въ сѣти діяволя многоразличныя.

(Здѣсь описывается видѣнное во снѣ однимъ старцемъ явленіе Господа Іисуса Христа, Божіей матери и Іоанна Предтечи въ Успенскомъ соборѣ).

Явленіе же сіе бысь въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7015 Октября въ 12 день, во второе лѣто царствованія Царя Василія, сіе жъ повѣдано бысть самому Царю и святѣйшему патріарху и всему освященному собору. Они жъ сіе слышавше ужасти и страха наипаче боле исполнишася, и заповѣдаша всѣмъ людемъ постъ и моленіе воздати всемилостивому и всещедрому Богу и нашей неложной надежи

и молебницы Пресвятѣй и Пречистой Богородицы и присводѣвы Маріи, и великому пророку Іоанну предтечю, крестителю Господню, предстателю и молебнику о мірѣ, и всѣмъ святымъ его; дабы милостивый Господь Богъ отвратилъ свой праведный гнѣвъ, и послалъ бы милость свою на градъ свой святый, и на люди своя во градѣ семъ, непредалъ бы въ руцѣ врагомъ и злымъ разбойникомъ и кровоядцемъ. Наипаче жъ самъ Царь съ патріархомъ и со освященнымъ соборомъ, такожде и весь клирикъ церковный и вси людіе маліи и велиціи и жены и дѣти постившесь съ 14 числа до 19 числа того жъ мѣсяца, хождаху по церквамъ Божіимъ, и мольбы и моленія дѣюще съ плачемъ и рыданіемъ. Милостивый же Господь Богъ нашъ въ малѣ тогда призрѣ на молитву рабъ своихъ, и помилова люди своя. Нѣсть же иного помощника, развѣ Господа, яко той единъ помощникъ: призови мя, рече, въ день печали твоея, и избавлю тя и прославлю тя. Воистинну, избави тогда отъ толикія печали съ вѣрою призывающихъ его, недалъ кровоядцамъ ихъ злому умыслу и совѣту совершитись, около царствующаго града Москвы всѣ дороги засѣсти; злый сій совѣтъ и умыслъ ихъ тогда вскорѣ разорись Божіимъ великимъ промысломъ; проиде тогда къ царствующему граду Москвѣ сила изъ Смоленска града да з Двины съ Колмогоръ двѣсте стрѣльцовъ. Сихъ же стрѣльцовъ видѣша разбойницы изъ Краснаго села, ижъ хотѣша ту дорогу Ярославскую и Вологодцкую засѣсти, Божіимъ великимъ промысломъ показась имъ сила велика и страшна зѣло, яко тысящь за пять и болѣ. О великое Божіе милосердіе являя на рабѣхъ своихъ, показа имъ свою страшную невидимую силу идущу въ царствующій градъ Москву, въ помощь благовѣрному Царю Государю и великому Князю Василію Ивановичу всеа Русіи, избавляя градъ и люди отъ толикія бѣды, молитвъ ради Богородицы и предтечи и всѣхъ святыхъ ради. И повѣдано бысь начальнику ихъ полководцу вору Ивашку Болотникову, яко съ Двины к Москвѣ велика сила пришла, такожде и всѣмъ воромъ и разбойникомъ слухъ сій во ушія вниде; тужъ въ нихъ быстъ Московскаго государства служилой панъ, именемъ Савостьянъ, и слышавъ сія рече: Двинскіе стрѣльцы и даточные люди великіе ратницы и зѣло смѣлы къ ратному дѣлу, единъ человѣкъ воюетъ и біетъ за два, а инъ за три человѣка; аще толко ихъ пришло пять тысящь, то могутъ воевати за пятьнадесять тысящь и болѣе; они жъ ему рѣша, почему вѣдаеши ихъ таковыхъ; онъ же рече имъ: азъ бо хаживалъ съ ними блаженные памяти при Царѣ и великомъ Князѣ Θеодорѣ Ивановичѣ всеа Русіи въ Каянскую землю, на Каянскихъ Нѣмецъ воевати, тутъ ихъ послуги видалъ

сіе жъ слышавше разбойницы и богоотступницы, и бысь на нихъ на всихъ страхъ и трепетъ и ужасъ велій. Егда же стрѣльцы внидоша во градъ, повѣдано жъ бысть Царю, яко пріиде съ Двины двѣсти стрѣльцовъ, а двѣсте даточныхъ ратныхъ людей идутъ не далече въ дорогѣ, не помнозе и тіи придоша. Повѣдано жъ бысь въ царствующемъ градѣ Москвѣ всѣмъ людемъ, яко съ Двины пріидоша 4000 войскихъ людей, тако жъ и изъ Смоленска города; и нача быти Царю и всѣмъ людемъ во градѣ радость велія, занеже тогда во градѣ вси людіе въ размышленіи велицемъ быша, и во отчаяніи о помощи; понеже многіе грады Царю измѣнили и приложились воромъ и разбойникомъ, и государство Астораханское отъ Московскаго государства отказася, изъ великаго жъ Новаграда не бысть войска для ради настоящаго великаго мору.

Егда жъ увѣде великій Государь Царь и великій Князь Василій Ивановичь всеа Русіи, яко всѣ государства и грады и земли великія Россіи хотяше стояти и поборати по православной вѣрѣ своей истинной, и по немъ Государѣ своемъ противъ его измѣнниковъ хотяше всѣ умрети; возрадовашесь и возвеселись зѣло, и бысь надеженъ, и наипаче противъ воровъ и измѣнниковъ своихъ дерзновененъ, повелѣваетъ патріарху Гермогену со всѣмъ освященнымъ соборомъ у гроба святаго мученика Царевича Дмитрія молебная пѣти, еже и бысь. Егда совершена молебная и воду освятивъ и всѣхъ ратныхъ людей покропивши, и честный покровъ его изнесоша на мѣсто Калужскихъ вратъ; и тако вси людіе иже на супротивные исходящи благословляхуся во вратѣхъ, честнымъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ осѣняхуся, симъ же сооружахуся на брань къ сопротивнымъ, безъ страха ополчаются. Всѣдаетъ же борзо и самъ Царь Василій Ивановичь на свой бронной конь, и пріемлетъ въ десницу свою скипетръ непобѣдимыя державы, и храбро выѣзжаетъ изъ царствующаго града Москвы во многихъ и крѣпкихъ и храбрыхъ воеводахъ со всѣми своими воинствы, такожде и иными враты яко воды поліяшася и вси смѣло и единодушно на супротивныя идуще на брань, яко на почесть веселы и смѣлы. И бысть у нихъ разбойниковъ полководецъ и храброборецъ и большой промысленникъ атаманъ казачей, именемъ Истомка Пашковъ; и сей видѣвъ Царя Василія толь храбра и смѣла со своими воеводы и со всѣми воинствы изъ града изшедша веселы и смѣлы на брань, тои жъ егда шелъ было засѣсти и отняти дорога Ярославская отъ Москвы, и видѣ изъ Краснаго села пришествіе Двинскихъ стрѣлцовъ во градъ, и слыша отъ пана Савастьяна смѣлство и досугъ ихъ, и зѣло устра-

шися; и пріѣзжаетъ ко Царю Василію и съ нимъ четыреста казаковъ, и бьютъ челомъ Царю Василью за вину свою, и въ предь обѣщаются за православную вѣру и за святыя церкви и за него Государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ главы своя положити, еже и сотвори тако. Разбойницы жъ и кровоядцы волею пріидоша на брань, и неволею жъ дратись сташа, и паки изнемогоша и плещи давше побѣгоша; милостями пречистыя Богородицы и святаго пророка и крестителя Господня Іоанна и всѣхъ святыхъ и молитвами новаго почестоносца Христова Дмитрія такову побѣду на супротивныя дарова Богъ, яко ни единому отъ благочестиваго воинства убіену быти, супротивныхъ же безбожныхъ мятежниковъ безчисленное множество падоша, тако жъ и живыхъ руками множество яша, прочіи жъ вси со злоначальники своими отъ царствующаго града посрамлени бѣгоша на Коломенское, въ острогѣ своемъ сѣдоша. Царь же Василій возвратися въ свой царствующій градъ Москву, яко побѣдитель; воеводы жъ его по острогу ихъ биша три дни, разбити же острога ихъ немогоша, зане жъ въ земли учиненъ крѣпко, сами жъ отъ верховаго бою огненаго укрывахуся подъ землею, ядра жъ огненные удушаху кожами сырыми яловичими; и Божіею милостію добръ языкъ у нихъ взяша, и вся ихъ коварства и защищенія до конца узнаша, и учиниша огненныя ядра съ нѣкоею мудростію противу ихъ коварствъ, и погашати ихъ невозмогоша, самихъ же злѣ убивати, и острогъ ихъ огненными ядры зажгоша. Они жъ окаянніи разбойницы помощи себѣ ни чемъ невозмогоша, и острогъ свой оставивше побѣгоша; и гнаша жъ во слѣдъ ихъ женуще и сѣкуще, и многое ихъ множество побиша, овѣхъ же живыхъ плѣниша, иніи жъ по храмамъ и по дворомъ укрывахусь, и тѣхъ аки свиней закалающе. Самъ же Болотниковъ съ прочими со злоначальники своими прибѣгоша къ Серпухову, въ Серпуховѣ же видяще ихъ бѣду и неизможеніе градъ запроша, и непустиша ихъ; они жъ бѣжаша за Оку рѣку, и прибыша въ Калугу и ту сѣдоша запрошась, иніи же въ Веневъ градъ прибѣгше затворишась. И тако, молитвъ ради Пречистыя Богородицы нашей крѣпкой помощницы и въ бѣдахъ заступницы, и великаго свѣтильника пророка предтечи крестителя Господня Іоанна, и святыхъ апостолъ, пророкъ и мученикъ и святыхъ чюдотворцевъ Петра, Алексѣя и Іоны митрополитовъ Кіевскихъ и Московскихъ и всеа Русіи, и святаго новаго страстотерпца Христова Царевича Дмитрія и всѣхъ святыхъ, Богъ избави рабы своя и дастъ побѣду на враги своя.

Царь же Василій посылаетъ подъ Веневъ градъ воеводу своего Князя

Стефана Борисовича Колтовскаго, силы жъ съ нимъ пять тысящь, подъ Калугу жъ посылаетъ Князя Өедора Ивановича Мстиславскаго да Князя Михаила Васильевича Шуйскаго и съ ними иныхъ воеводъ со многими силами; ту бо въ Калугѣ болшой заводчикъ въ сей бѣдѣ Ивашко Болотниковъ со многими злоначальники своими. По малѣ же нѣколицѣ времени пріиде изъ Путимля отъ прежде помянутаго богоотступника Петрушки Горчакова, (по спис. Унд. Горчаровскаго) иже нарицашеся Царевичемъ Петромъ великаго Государя Царя и великаго Князя Өедора Ивановича всеа Русіи сыномъ, воевода отъ него Князь Дмитрій Телятевской съ силой подъ Веневъ градъ, и силу Московскую Царя Василія разбиша и разгониша; и паки оттуду пойде подъ Колугу на помощь къ Болотникову, хотяше бо такожде внезапнымъ своимъ пришествіемъ, якожъ подъ Веневымъ, такожде и подъ Калугою Московскую силу разбити, силы жъ ту подъ Калугою велицѣ суще. И слухъ приде воеводамъ, яко подъ Веневымъ сила разбита Телятевскимъ, и идетъ на нихъ подъ Калугу; бояринъ же и воевода Князь Михайло Васильевичь Шуйской и съ нимъ иные воеводы съ силою встрѣчю имъ поидоша, они жъ встрѣчи противъ себя невѣдаше; бояринъ же воевода Князь Михайло Васильевичь Шуйской силу разби и многое множество поби ихъ, и зѣло мало ихъ спаслось убѣгающе; бояринъ же и воевода Князь Михайло Васильевичь Шуйской паки со всѣми силами своими подъ Калугу здравъ возвратись.

И не по колицѣ жъ времени (по спис. Унд. Того жъ лѣта) паки изъ Путимля пріиде богоотступникъ воръ холопъ Петруша Горчаковъ пролыгаяся Царевичемъ Петромъ съ силою многою; Московскіи жъ воеводы послаша противу его двухъ воеводъ, подъ ними жъ силы семнатцать тысящь, да встрѣтятъ его недопустивъ до града и разбіютъ силы его. Они же Московскіи воеводы грѣхъ ради нашихъ вражиимъ помраченіемъ помрачени быша и умы своими оскудѣша и очима душевныма ослѣпоша, съ пути истиннаго совратишась и впадоша въ ровъ погибелный, и приложишась ко врагу православныя вѣры и богоотступнику къ вору къ Петруши Горчакову (по сп. Унд. Гончарову) и съ нимъ совокупишась на православныхъ христіанъ на пролитіе крови ихъ, и на Христа Господня восташа, ему жъ души свои даша, вскорѣ забыша, и пришедъ подъ градъ и напустишась на силу Московскую, и смяша, и много побиша, и во градъ внидоша въкупѣ съ Петрушею воромъ къ Болотникову, и другъ друга сатанины угодники узрѣвша и возрадовашася радостію. Сія жъ видѣвше Московскіи бояре и воеводы Князь Федоръ Ивановичь Мстиславской да Князь Михайло Василье-

вичь Скопинъ (по сп. Унд. Шуйскій) съ товарищи отъпадшихъ отъ ихъ чину и отъ православной вѣры воеводъ и отъторгнувшихъ съ собою въ ровъ погибельный седмьнадесять тысящь воинскихъ людей, и паки начаша крѣпце на градоимство вооружатись, и градъ тощно осадиша и никако никому изъ града можно утещи. И бысть у нихъ во градѣ гладъ великъ и нужда, многаго ради времени осадного не токмо хлѣбъ, но и скотъ рогатой и конской весь изьядоша и вси начаша изнемогати и здатись помышляху; понежъ видяху конечную погибель себѣ не токмо отъ гладу, но еще хитроуміемъ ведется подъметъ подъ градскіе стѣны валъ дровяной, сами идуще ко граду за туры предъ собою жъ вѣдоша множество дровъ, аки стѣну градскую на сожженіе граду, созади убо ѣмлюще дрова и напредь бросающе и тако впредъ ко граду идуще, самихъ же ихъ со града за дровы ни чѣмъ вредити не могутъ, и тако единъ конецъ дровянаго валу уже и подъ стѣну придвигнуша, другаго жъ конца того дни не успѣша продвигнути. Но ини глаголютъ то де содѣяся тако по измѣнничью умыслу и снаровки, той де былъ конецъ напередъ веденъ, и какъ де поставили на ихъ подъконномъ мѣстѣ, понежъ подъ то мѣсто у нихъ изъ града подкопъ поведенъ, и зелье подкачено, и они его тотъ предней конецъ поставя и учали последней напередъ довести и ведоша, а того не повели, нощи ради отложиша до утра придвигнути и зажещи въ утре дрова. Онижъ разбойницы и кровоядцы улучивше время своему злому умышленію а къ погубленію православныхъ христіянъ, и тоя нощи зажгоша зелье подъ землею, и тако отъ лютости зелейные поднясь земля и з дровы и съ людьми и с туры и со щиты и со всякими приступными хитростми, и бысь бѣда велика и много войска погибоша и смятесь все войско. Во смятеніи же томъ вси разбойницы изъ града напустишась сѣчи безъ милости, якожъ гладніи волцы нападше расторгающе овцы, сѣмо и овамо бѣгающе спасенія ищуще, но вси смятошась, такожде и вси воеводы устрашишась и бѣгству вдашась, и все воинство такожде во слѣдъ ихъ побѣгоша, кто елико можаше; разбоинныцыжъ и богоотъступницы во слѣдъ ихъ женуще и бьюще и сѣкуще безъ милости. Аще не бы бояринъ и воевода Князь Михайло Васильевичь Шуйской Скопинъ да казачей атаманъ Истома Пашковъ защищали ихъ; то бы ни единъ не спасся, но вси бы до единаго побиты были; но видѣвше они бѣду сію смятеніе и страхъ и безпутное бѣгство ихъ разсыпное въ рознь, и паденіе своихъ си веліе, и паки охрабришась и Бога въ помощь призывающе и храбро устремишася со страны единыя на женущихъ и біющихъ воиско ихъ, и начаша самихъ ихъ сѣчи и бити; онижъ бе-

гоотступницы, противу ихъ храбрости и мужества стояти не могуще, отъ нихъ отъвращахусь въспять. И тако бѣжъ свою спасоша идуще медленнымъ ходомъ, отълучающе отъ нихъ женущихъ и біющихъ и съ ними сами борющесь и бьющеся удержевая ихъ, а своихъ отпушая к царствующему граду Москвѣ, а иные по инымъ градомъ разбѣгошась въ рознь кому куда ближе, а иные дале забѣгоша, нарядъ же подъ градомъ весь остася, и не токмо нарядъ но и оружіе и платіе свое помѣташа; сему жъ сице бысть.

И (по спис. Унд. «Въ лѣто 7115 году, во второе лѣто царства Царя Василія) паки по семъ собрашась сопротивніи зломятежное сонмище себѣ градъ и Тулу и Колугу укрѣпиша и со прежъреченнымъ архизлотворцемъ своимъ Петрушею Горчаковскимъ ту вселишася и многими грады и мѣстами обовлодающе, и православныхъ христіянъ тяжко озлобляюще, и съ яростію на царствующіи градъ Москву паки хвалящесь. Слышавъ же Царь и Великіи Князь Василей Ивановичь всеа Русіи неистовыхъ сихъ плотоядныхъ звѣрей стремленіе и вооружашесь самъ на злодыхателное ихъ зѣванье, и шедъ со многими вои и челюсти ихъ разтерза и многіе грады ко своей державѣ Московскому Государству обрати, и козни нѣкоими хитропишными наводнѣніи Тулу градъ взя и преждереченнаго оного разбойника Петрушку, которой назывался сыномъ Царя Ѳедора Ивановича, того жива ухватилъ и связана къ Москвѣ приведе, и по многомъ истязаніи повѣсити его повелѣ, и Ивашка Болотникова и протчихъ мятежниковъ и клятвопреступниковъ взя бесчисленное множество, и къ нимъ безлобивое пастырство благочестія своего показа и всѣхъ сихъ восвояси отъпусти; мнѣвъ убо отъ злолютыя ярости въ немятежную тишину благимъ наказаніемъ уцѣломудрити ихъ и смиреніемъ управити и в разумъ истинный привести, и въ мѣсто смерти животъ всѣмъ дарова. Онижъ окоянніи шедше паки составиша рать, и паки воздвигоша брань больши первыя и въ мѣсто тишины дохнуша бурю, яжъ до облакъ воздымашеся и многомятежными претяше дождьми, не водными пролитіи но кровными.

Плачеве и рыданіе злотекущаго кола в жити.

О ярость злодыхателная о вражда стараго прелестнаго врага! о злоба лукаваго и прегордаго змія! доколѣ тщишись и хвалишися развращати благонравныя умы рода человѣческаго, доколѣ погубляеши доброцвѣтущую Божія твари красоту и тщишись всегда всяцей чести противитись завистію и жизнь ратуеши? присно

бо желаеши кроткихъ сердца лютостію возъярити и немилосердіемъ располити, на неповинныя же и кроткія кровопролитную брань воздвигнути и убійствомъ руки всѣхъ осквернити и душа погубити. Увы не насыщаемое дно человѣческихъ очей доколѣ всякобразныя злобы на насъ изливаеши! мнитъ бо ми ся подобствоватись злобныя державы темному міродержцу, иже нещадитъ ни единаго естества твари Божія, но всѣхъ аки левъ рыкая поглотити хотя, сего во злѣ пореваетъ и погубляетъ, а иного во всекозньственно зло воставляетъ. Якожъ и онъ сице о немъ же глаголатися хощетъ.

О нововявлшемъся развратникѣ Тушинѣ, его же имя нарицашеся дикой воръ Тушинской.

Въ лѣто 7116 паки инъ звѣрь подобенъ тѣмъ же явися, или рѣкши лютѣйшій сихъ воста, на готовое бо селеніе діяволи мечты пріиде самъ отецъ лжи сатана; еще бо тогда не вси Русти грады къ Московскому Государству обратишась, отъ него жъ отъпадоша крамолодѣющими мятежники. И паки въ той же прежъреченнѣй странѣ Черниговестей явился инъ злобесный кроволакательный песъ или человѣкоядный звѣрь, ижъ лукавое око отъверзе и злое рыканіе испусти и вся простожительныя люди устраши, а зміеобразныя лукавыя и злыя сихъ къ своему кроволитному нраву усвояя привраті, къ нему жъ и паки множество пріидоша Польскихъ людей и Литовскихъ, понеже и си нарицая себе Царевичемъ Княземъ Дмитріемъ Углецкимъ вмѣсто убіеннаго ростриги, глаголюще яко не сего убиша, но ина нѣкоего въ его мѣсто, а сей самый онъ. Аще и судъ Божій въскорѣ постиже злобнаго сего пса; но убо конечно увидѣша Литовскіе людіе неустроеніе въ Русіи и междоусобное смятеніе и брань, и сего ради вси устремишася на Русскую землю, и бысть отъ нихъ злое и тяжкое всѣмъ христіаномъ озлобленіе; понежъ и предатели царства и Царя съ ними уже сложишась и крамолу велію во вся грады Рускія устрояху, и на царствующій градъ Москву зѣло належаху и всѣ страны Рускія земли немилостиво плѣняху. И толико множество Польскихъ людей и мятежниковъ и клятвопреступниковъ Рускихъ собрашась, яко и земли покрыватись щиты и воздуху блещатись копіи, брани жъ и крови разливатись всюду; овы убо грады Москвѣ тогда придержахусь и Василія Царя славляху, яко жъ Великіи Новъградъ и Псковъ и Смоленескъ и Казань; овіи жъ Литвѣ и

мятежникомъ Рускимъ поработишась; и таково грѣхъ ради нашихъ отъ начала въ земли Рустей смятеніе не бывало, ежъ тогда бысь. И таковыми смятеніи злые они мятежницы сердце Василія Царя аки ледяною (по сп. Унд. «аки лодію») многомутныя волны восколѣбаша и отъ всюду утѣсняему вмалѣ не погрузитись хотя, аще бо и желая отъсюду помощи и отъ нюду по ни отъ куду жъ обрѣтая, Царь бо неимый сокровища многа и друговъ храбрыхъ подобенъ есть орлу бесперу и неимущу клева и ногтей; вся бо мерскіи рострига ходящему сребру Царскаго сокровища истощи, и тѣснотою скудости ратныя люди стѣсняющесь вси.[10]

О мужествѣ царского воеводы Князя Михайла Шуйскаго Скопина.

Въ лѣто 7117, Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи,[11] послалъ во Свѣйскую землю воеводу отъ сродства своего Князя Михайла Васильевича Скопина, а повелѣ ему призвати къ своему Царскому жалованію ратныхъ людей Нѣмецкихъ и всякихъ земель; онъ же повелѣніе Государя своего Василія Царя скоро исполнилъ, шодъ множество людей Нѣмецкихъ на Царскую его милость призва, и Рускихъ всякихъ людей и ратныхъ много собра и ко царствующему граду Москвѣ со многими людми возвратись; и бысь воевода храбръ и мужественъ, добрымъ благопріятствомъ ко всему народу Рускому себе показа, и скоро аки молнія супостатныя полки обтече, и вся овцохищныя волки люто устраши, пастырь бо звѣрегонителенъ бысь, и сице врагомъ и всѣмъ мятежникомъ непобѣдимъ, яко и всѣхъ отъ царствующаго града отгнати сотвори; бѣ бо во бранѣхъ лютъ на враги, и стремленіемъ зѣло искусенъ и ратникъ непобѣдимъ, мнѣлъ бы убо и вся страны Рускія земли таковымъ мужественнымъ храбрствомъ отъ рукъ супостатныхъ свобоженнымъ быти, аще не бы смертоносымъ серпомъ пожатъ бысь, и не бы темный гробъ общія нужды того добродѣтельную храбрость покры. Но за еже грѣховнаго ради тернія злобы нашея отъятъ отъ насъ Богъ таковаго звѣрогонителя добраго, и въ его мѣсто далъ воеводу сердца не храбраго но женствующими обложена вещми, иже красоту и пищу любящаго, а не луки натязати и копія приправляти хотящаго. И сего ради паки мятежницы приспѣваютъ, паки супостаты ся возвращаютъ прогнанныя воеводою Княземъ Михаиломъ Васильевичемъ, и паки крови многія проливаютъ, паки вся страны Рускія земли плѣняютъ, и паки цар-

ствующій градъ тяжко облежаху, и вся люди во градѣ живущая нуждами утѣсняхуся; Василію же Царю недоумѣвающуся что сотворити, уже бо и предатели мнози готовляхусь нань. Невѣмъ бо и что во православныхъ тогда случилось, вмѣсто убо истинны лжу прославиша и въ мѣсто правды лукавое похвалиша, по глаголющему возлюбилъ еси злобу паче благостыня; мнози бо отъ доброцвѣтущаго благовѣрія Василія Царя аки мразомъ раздробляеми отпадоша и въ темноту нужныя зимы Литовскаго неправовѣрія впадоша.[12]

О сонмищѣ мятежниковъ на Царя Василія.

Въ лѣто 7118, Февраля въ 18 день, въ суботу сырныя недѣли крамолники народу и мятежницы тишинѣ учиниша нечистаго совѣта сонмище на Царя Василія, пріидоша тогда на мѣсто лобное и возмутиша народы глаголюще сице: Царь нашъ Князь Василей Шуйской согласився с потаковники своими и сѣлъ на Московское Государство сильно, а нынѣ его ради кровь проливается многая, потому что онъ человѣкъ всячествованіемъ неистовенъ и царствованія недостоинъ. Сія же слышавше мнози отъ народа сицѣ рекоша къ нимъ: Государь нашъ Царь и Великій Князь Василій Ивановичь всеа Русіи сѣлъ на Московское Государство не сильно, выбрали его быти Царемъ большіе бояре и дворяне и вси служилые люди, а всякого неистовства мы въ немъ не вѣдаемъ, а коли бы таковому совѣту быти, ино бы тутъ были большіе бояре да и всякихъ чиновъ люди. И никтожъ отъ народа приложися къ мятежникомъ тѣмъ и сего ради народу возмутити невозмогоша, темномысленнаго же суровства своего неоставиша; но къ Царю Василію въ полаты немилосерднымъ текущи нравомъ устремишась. Онъ же слышавъ и въ лицѣ имъ ста рече; что пріидосте ко мнѣ съ шумомъ гласа нелѣпаго о людіе, аще ли убити мя хощете готовъ есмь умрети, аще ли отъ престола и царства мя изгонити; то неимате сего учинити, дондежъ снидутся всѣ большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди да и азъ съ ними, и какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и азъ готовъ по тому совѣту творити. Сія жъ слышавще мятежницы и вси посрамлени быша отъ Царскаго лица и отъ народа всего; и сего радї вси бѣжаша въ супостатные полки за градъ на мѣсто глаголемое Тушино, идѣ же вси волцы и хищницы и всѣхъ градовъ крамолницы не спятъ, но тщетнымъ поучаются и зломыслятъ и творятъ.

О явленіи бывшемъ, ежъ во царство Василія Царя.

Въ четвертое лѣто царства Царя Василія, Октября въ 20 день съ четверга на пятницу, въ полунощную годину въ церкви Архистратига Михаила честнаго его собора, идеже лежаху телеса великихъ Князей и благочестивыхъ Царей Рускія земли, се слышахуся гласи плачевни и шумъ аки нѣкія сопротивоборныя бесѣды, и потомъ бысь псаломскаго священнословія гласъ поющихъ отшедшимъ думамъ въ вѣчныя благодати 118 псалма и со аллилуяни, и по семъ съ плачемъ скончася гласъ. Слышавъ же чреды тоя стражіе и прочіимъ повѣдавше людемъ, рекошажъ тогда мнози отъ народа, яко царство Василія Царя въскорѣ съ плачемъ скончатись имать.

Того жъ лѣта мѣсяца Февраля въ 18 день бысь ино явленіе преславно, его жъ вѣрнымъ молчати невозможно, еже убо во обители честныхъ инокинь дѣвическаго общежительства во церкви Пречистыя Богородицы честнаго ея рожества. Въ нощи съ суботы на воскресеніе сырныя недѣли возжеся сама свѣща о себѣ огнемъ небеснымъ предъ святымъ ея Богородичнымъ образомъ. Сіе жъ слышавше вѣрніи со тщаніемъ текоша видѣти преславнаго чюдеси, молебная совершающи и благодарственныя пѣсни радостно поюще и славу всещедрому Богу возсылающе и Пресвятой его Богоматери; егда жъ бысь третіи часъ дни недѣльнаго, тогда убо зѣлно належащу вѣтру во двери церковныя дохнувшу, и абіе свѣщу самовозженную погаси, бѣ бо велика нощашесь буря; отъ сего убо вознепщевати показатись, яко въ малѣ царствовавшему свѣтяяся благодать мимо иде.

О плѣненіи Царя Василія и о смерти его и о разореніи града Москвы.

Въ лѣто 7119 Іюня въ 17 день въ пятое лѣто Царства Царя Василія паки мятежницы злу и велику посреди народа крамолу воздвигнуша, безтудно же и сурово на Василія Царя устремишася и нападоша нань, и немилосердыми руками аки птенца восхитиша, и по обнаженіи царскія діадимы въвѣдоша его въ монастырь чюда Архистратига Михайла, и облегши его во иноческое одѣяніе и предаша во злостражныя руцѣ и хрестіянобуйственныя Польскимъ людемъ и Литовскимъ, они же его ѣмше и абіе иноческое одѣяніе свергоша съ

него и во изрядныя ризы паки облекоша его, аще и не хотящу ему но нравомъ плѣнническаго обычая содѣяша о немъ, и тако отведоша его въ Литву и со единоутробными братіями его со Княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ къ Жигимонту Королю. И тамо нужнымъ страданіемъ пріяша кончину житія сего и къ вѣчному царствію невечернему свѣту преселися; тамо жъ и братъ его Князь Дмитрей Ивановичь тако жъ пострада и кончину житія сего пріятъ, третій же возвращенъ бываетъ къ Московскому государству. Царствова на Московскомъ государствѣ 4 лѣта и 2 мѣсяцы.[13]

О боярскомъ державствѣ Московскаго государства.

По Царѣ и Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ всеа Русіи пріяша власть государства Руского седмь Московскихъ бояриновъ, но ни чтожъ имъ управльшимъ, точію два мѣсяца власти насладишась; бѣ бо великому междоусобному враждованію тогда належащу, помыслиша жъ убо и совѣщаша на Московское государство Литовскаго Королевича Владислава призвати и Царемъ учинити, аще рече оставитъ вѣру Латынскую и крестится нашимъ крещеніемъ Греческимъ, на се и послаша къ Королю большыхъ пословъ и людей и отъ всякихъ чиновъ Рускія земли. Древнія жъ лжи проказивыя лестьцы злохитрыя Поляки, аще и мирная совѣщеваху но въ сердцы язвы лукавыя ношаху; егда убо во градъ Москву внидоша, тогда и мирная составленія разрушити начинаху и народъ христіянскій тяжко озлобляху, поне и Рускимъ мятежникомъ на се имъ помогающимъ. Седмочисленныя жъ бояры Московскія державы всю власть Рускія земли предаша въ руцѣ Литовскихъ воеводъ, оскудѣша бо убо премудрыя старцы и изнемогоша чюдныя совѣтники и отъя Господь крѣпкія земли, всежъ сіе Богу на ны попущающу, за премногое наше прегрѣшеніе.[14]

Того жъ лѣта Марта въ 19 день изліяся фіялъ горести царствующему граду Москвѣ разореніе. Падоша тогда высокозданіи домовѣ, ижъ красотами блистающесь, огнемъ поядошася; и вси мудроверхія церкви, еже преже божественною славою сіяюще, скверныма рукама до конца разоришася; и множество христіянскаго народа мечи плеча Литовскаго разсѣкошася, а иніи отъ домовъ своихъ и отъ града скокомъ бѣжаша, понеже спастися хотяху, прочии жъ во градѣ осташа, плѣненіемъ супостатныхъ рукъ тако же порабощени быша. И тако Литов-

скія люди обладаша Москвою 2 лѣта и мѣсяцы 6, бѣдножъ; поне и Рускія люди неотступиша и убивающи многихъ, аще убо изъгубивъ свое достояніе, но и паки свое отечество взыскати хотяху, яко же и бысь.[15]

О Гермогенѣ Патріархѣ и о кончинѣ его́.

(Здѣсь разсказывается о Патріархѣ Гермогенѣ точно также какъ у Арцыбашева въ повѣствованіи о Россіи Томъ III. стр. 305. примѣч. 1603, а посему здѣсь не повторяется.)[16]

О владѣніи Москвы отъ Литовскихъ людей и паки о взятіи ея Рускимъ людемъ.

Въ лѣта вънняже Литва объвладѣюще градомъ Москвою. Тогда славляшесь въ Москвѣ ими Жикгимонтъ Король Полъской, а надъ прочими грады и надо всѣми людми ратными Рускія земли власть пріяша отъ Московскихъ бояръ большихъ Князь Дмитрей Тимофеевичь Трубецкой да воевода Прокопей Ляпуновъ Рязанецъ; и пришедши со многими люди подъ Москву и взяша у Литвы большей посадъ да каменной градъ бѣлой, имянуемый Царевъ городъ, тогожъ лѣта Марта въ 27 день, а Литва обладаше въ Китай градѣ и въ Кремлѣ. И тако препроводися не мало время, облежаху же вои Рустіи свой градъ и брахуся съ супостатами присно, пріяти же его немогуще, дондежъ отъверзеся дверь милосердія щедротъ Господнихъ. Да съ ними жъ со Княземъ Дмитреемъ Тимофеевичемъ Трубецкимъ да съ Прокопьемъ съ Ляпуновымъ воевода же надъ Казацкими полки былъ Московской служилой рохмистръ панъ Иванъ Заруцкой. И сей бысь не не храбръ и сердцемъ лютной, нравомъ лукавъ, понежъ къ чести позавиде Прокопію и злую крамолу нань состави; и преданъ бысь въ кровоядныя руцѣ злочинному сонмищу, идѣ же безъ зла не спятъ. Сіи же аки не милостивіи волцы восхитиша и лицъ поля кровію его очервлениша, аще и мнози тогда сущи въ воинственныхъ народа Прокопія ради опечалишась, но ничто жъ о животѣ его успѣша. И бысь тогда великое уныніе и мятежъ во всей Руси, понеже велице злобѣ христіянскому народу належащи прещенія ради невѣрныхъ и насилованіе ратныхъ. Аще не быша прекратилися дніе тѣ, не бы убо спаслась по глаголющему всяка плоть; но есть Богъ близъ всѣмъ

призывающимъ его во истиннѣ, по великой воспростираемѣ убо милости своей даруетъ ко здравію врачеванія. Воздвизаетъ бо нѣкоего отъ христіянскаго народа мужа рода не славна ю смысломъ мудра, его жъ прозваніе нарицаху Козма Мининъ, художествомъ бяше прежѣ говядарь; сей по случаю чина среды своея бысь начальникъ въ то время судныхъ дѣлъ во братіи своей, рекше посадныхъ людей, въ Нижномъ Новѣградѣ. Видѣ тогда насилуемы многи и зѣло оскорбися и поболѣ Зароваелски душею за люди Господня, всемогущаго Бога въ помощь призва и молвь безчисленныхъ печалей на ся пріятъ, и тако ношашесь тогда буряии различныхъ попеченій аще неискусенъ стремленіемъ, но сиѣлъ дерзновеніемъ; собравъ убо отъ народа многая сокровища сребра, и одари люди ратныя оброки довольными, и сице собра полки многія и военачальника искусна во бранѣхъ Князя Дмитрея Михайловича Пожарскаго надъ всѣми быти совосприподоби, самъ же никогда отълучась, аки древній Гедеонъ всѣхъ сердца на сопротивныя укрѣпляя. И тако со многими вои подъ Москву пріиде, и благимъ добронравіемъ своимъ аки солнечнымъ любовнаго луча свѣтомъ военачальники совокупи и всѣхъ храбрыхъ благочестива воинства воедино собра, и тако Содѣтелевымъ промысломъ всесильныя же его и непобѣдимыя десницы крѣпостію и воеводствомъ разгнашася темныя облацы толикихъ великихъ належащихъ золъ. Приступиша со устремленіемъ на брань многокознеными орудіи ко стѣнамъ града. И пріяша вои Рускія Москву въ лѣто 7121 Октября въ 24 день на память Святаго мученика Арефы. Потомъ же и крѣпкій Кремль градъ пріяша и множество Польскихъ и Литовскихъ людей побиша, и всея земли Рускія начальнаго крамольника Федку Ондронова жива яша, и по многомъ истязаніи обѣшенъ бысь, и прочихъ мятежниковъ умучиша съ нимъ, воздасть бо ся воздаяніе ихъ имъ, рекше врагомъ на вражды ихъ и помраченію ихъ; зане прежъ многихъ гоняху, потомъ тогда сами въ пагубу течаху и злѣ скончахуся.[17]

Царство Государя Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи Самодержца.

Въ лѣто 7121 Марта въ 14-й день паки сыновѣ Рустіи пріемлютъ въходъ отъческа достоянія древній градъ Москву, паки наста весна благодатнаго бытія и простирается струя свѣтлотекущаго житія, еже нами чаемаго упованія великаго Бога свѣтъ возсія, и того

благоволеніемъ отъ конецъ того Русскія земли и до конецъ ея народи православія малiи и велицыи богатiи и нищiи старыя же и юныя богатно разумѣніемъ отъ иже всѣмъ дающаго жизнь обогатившися, а свѣтомъ добромыслимаго совѣта купно озарившись. Аще бо убо и разнородными мѣсты людми но яко едиными рѣкоша усты, и въ дальномъ несогласiи житiя растоятельствъ бысть аки согласенъ совѣтъ воедино равеньствъ. Изволиша бо смысломъ избравши словомъ и учиниша дѣломъ еже добрѣ совѣтъ сотвориша; бѣ бо убо не человѣческимъ составленіемъ но Божіимъ строеніемъ, его жъ молиша и просиша Государя себѣ на престолъ царствія Московскаго государства Царя Михаила Федоровича, иже бысь по сродству племянникъ Царя и Великаго Князя Федора Ивановича всеа Русiи по матери его Царицѣ и Великой Княгинѣ Анастасiи Романовны, яже бысь супруга Царя Ивана Васильевича. Прiидошажъ тогда всеа Рускія земли вельможи Князѣ и бояре и дворяне и всѣ стратизи, иже во храбростѣхъ сіяюще, и ратные лики и всякихъ чиновъ приказные люди и изо всѣхъ городовъ избранныя роды, и вси купно отъ мала и до велика православные христіяне во градъ глаголемый Кострома к Михайлу Федоровичю; ту бо тогда ему пребывающу и съ матерiю своею съ великою старицею инокою Марфою; къ ея же ногама вси припадающе со слезами биша челомъ и просиша у нее, дабы благословила сына своего на престолъ царствія Московскаго государства, еже быти ему Царемъ, сродственнаго его ради союза Царскихъ искръ и по благовѣстiю еже отцу его благовѣрному болярину Феодору Никитичю блаженныя памяти Царемъ и Великимъ Княземъ Феодоромъ Ивановичемъ всеа Русiи. Онажъ едва слезнаго ради великаго народа моленія ия се приклонилася, бѣ бо Государь младъ, а время тогда обуреваемо и люди строптивы рекше волнуемы, но обаче положи упованіе и надежду на всемогущаго Бога не презрѣ многихъ слезъ; и вопроситъ у своего сына Михайла Федоровича, пачежъ и благословляетъ его быти Государя въ Рустеи земли Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всеа Русiи. И тогда пріемлетъ Богомъ порученной ему Московскаго Государства скипетръ державія, и нача правити мудрокормный царствія корабль, и бысть православію глава и богозрачному благочестію начало и Государь всѣмъ православнымъ, иже подсолнечнымъ теченіемъ, и всему православному христіянству начася Боговѣнчанный Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичь всеа Русiи Самодержецъ. Аще бо и отъ прежде Царствовавшихъ держава отечественная его пресечеся, аки доброрастное и красноцвѣ-

тущее древо еже тѣснотвами лютыя зимы увядши смирися; но нынѣ паки при лѣтней теплотѣ и свѣтлости усмѣхнувшися и процвѣте преславна, еже и великое мѣсто и многонароднаго христіянства селеніе, еже есть мати Русскимъ градовомъ Москву, юже отъ невѣрныхъ Латинъ плѣненіемъ запустошенную и отъ Русскихъ мятежниковъ тяжкимъ озлобленіемъ осквернившуюся и осиротѣвшую, паки младозрачну тогда аки предобрую отроковицу и преукрашенную невѣсту сотвори. Апостольская же и соборная святая церковь паки пріемлетъ своего украшенія доброзячную лѣпоту, паки солнце правды свѣтлую лучію благости своея намъ возсія, имъ же видѣша вси свѣтъ великъ сладостныя тишины свободный день; отья бо отъ насъ Господь Богъ нашъ укоризну нашу всю и странескъ страхъ и дарова державному во крѣпости достоянія его и побѣды на враги царствующему поручи, ему же буди благопребывателно и мірно и многолѣтно здравъствовати и во всякомъ благоденствіи и радости расти и множествовати. Въ лѣто 7121 Іюля въ 1 день вѣнчанъ бысть царскою діядимою Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичь всеа Росіи въ соборнѣй и Апостольстѣй церкви Пресвятѣй Богородицы честнаго и славнаго ея успѣнія въ царствующемъ градѣ Москвѣ; а Московскихъ боляръ и всякихъ чиновъ людей, которые сѣдѣли въ Москвѣ в осадѣ съ Литовскими людьми, и которые были въ Литвѣ у Короля и въ Тушинѣ и въ Колугѣ и при ворѣ въторолжывомъ Дмитреѣ, и тѣхъ Государь всѣхъ пожаловалъ для своего Царскаго вѣнца наипаче свыше перваго по ихъ достоинству честію и по пожиткамъ. И совокупися вся земля Русская ему Государю служити; и Божіею милостію и Пречистые Богородицы и Московскихъ чюдотворцовъ ходатайствомъ и умоленіемъ и его благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи съчастіемъ преста въ Русскомъ Государствѣ всеснѣдная человѣческая пагуба, православнаго христіянства кровопролитію и всякому воровству и лживымъ Царевичемъ конецъ бысть.

Того же лѣта посылалъ Государь боярина своего Князя Дмитрея Мамъстрюковича Черкаскаго. Онъ же шедъ взялъ три городы Вязму, Бѣлую, Дорогобужъ; и пришедъ ста подъ Смоленскимъ и много ратовася около Смоленска и за рубежемъ Литовскимъ.

Въ лѣта 7123 году пріиде Турскій Царь Совдовлей съ великимъ воискомъ своимъ на Литовскаго Короля воиною за лживую его похвалу на Московское Государство, и повоевалъ многія Ли-

товскіе села и жилища, и Дунай рѣку великую перевезся на Литовскую страну, и Подолскую землю возле Дунай рѣку повоевалъ и много Литовскихъ людей побили и посѣкли, и семь городовъ въ Подолской землѣ Литовскихъ взялъ. И гонца своего Турской Царь къ Москвѣ послалъ, а велѣлъ Московскому Царю съ Литовскимъ Королемъ розмиритися и пріитти Московскому войску отъ Москвы съ своей стороны на Литовскаго Короля воиною, и Литву потѣснимъ и отольемъ кровь христіянскую и лживую похвалу Литовскаго Короля на Московское Государство, и ему Королю отомстимъ. И Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичь всеа Росіи Турскаго посла отпустилъ съ Москвы честно з дары великими честными; и писалъ къ Турскому Царю честно, хотя съ нимъ совѣтъ держати, а на Литовскаго Короля войска своего Московскаго непослалъ, что еще батюшко его Великій Государь Филаретъ Никитичь въ Литвѣ полоненъ, и чтобы Король смерти его злой не предалъ, и хотя Государь батюшка своего изъ Литвы къ Москвѣ здрава выручить. А Король Литовскій тогда и съ Королевичемъ своимъ отъ Турскаго Царя устрашилися велми, и хотя Король бѣжати въ Нѣмцы, а Королевичь заперся въ Смоленскѣ градѣ; и въ то время пригоняли гонцы изъ Турскіе земли к Турскому Царю, что де въ Турской землѣ промежу собою учинилося смятеніе великое, бысть промежъ собою сѣча и война великая; и Турской Царь со всѣмъ своимъ воинствомъ поиде во свою землю, и Литовскіе городы, кои взяты были въ Подолской землѣ, всѣ покинулъ; и Литовской Король съ своимъ Королевичемъ опять въ Литвѣ въ своей укрѣпился.

Въ лѣто 7124 году сходилися подъ Смоленскимъ Государевы послы бояринъ Князь Иванъ Михайловичь Воротынской да бояринъ Князь Алексѣй Юрьевичь Ситцой, да окольничей Артемій Васильевичь Измайловъ, да съ ними діякъ Иванъ Болотниковъ съ Литовскими послы о мирномъ поставленіи; и не составивше міра разыдошася.

Освобожденіе Великаго Новаграда.

Въ лѣто 7125, Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичь всея Росіи свобожаетъ свою отъчину богоспасаемый Великій Новъградъ и съ пригороды отъ Нѣмецъ посольствомъ окольничего Князя Данила Ивановича Мезецкого съ товарищи, и съ Нѣмцы мир-

ное поставленіе учиниша Ивань городъ, Яму, Копорію, Орешекь Нѣмцомъ повелѣ замирити. Того же году Марта въ 13 день пришли послы въ Новъгородъ Князь Данила Ивановичь Мезецкой да Алексѣй Ивановичь Зюзинъ да діяки Никула Новокщеновъ да Добрыня Семеновъ въ четвертокъ вторыя недѣли великаго поста въ десятый часъ дни, а Нѣмцы вышли изъ города того же дни въ вечерѣ; а пословъ встрѣчали Исидоръ митрополитъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ со кресты образъ Пречистые Богородицы списанъ съ Тихвинскіе чюдотворные иконы Одигитрея, которой на посольствѣ былъ.

Того же лѣта приходилъ Королевичь Литовской Владиславъ, и взялъ Дорогобужъ и потомъ Вязму, и стоялъ зиму всю в Вязмѣ.

Въ лѣто 7126 г. приходилъ Королевичь подъ Борисовъ и стоялъ немного, и приходилъ подъ Можайскъ и ничто же успѣ.

Въ лѣто 7127. Сентября въ 25 день приходилъ Королевичь подъ Москву, и стоялъ отъ Москвы въ 16 верстъ въ Повшинскихъ лугахъ, а изъ Коломенскаго приходили въ Москву 12,000 Черкасовъ Запорожскихъ Сентября въ 27 день, и съ ними бой былъ у Пречистой Донской, того же дни другой бой съ ними былъ за Москвою рѣкою подъ Дорогомиловымъ. Сентября въ 30 день съ среды на четвергъ на Покровъ Пречистѣй Богородицы и приступъ былъ Королевичю къ Москвѣ ко Арбатскимъ воротамъ; и Божіею милостію и молитвами Пречистые Богородицы въ тотъ приступъ много Литовскихъ людей побіенно бысть. Октября въ 11 день пришла Литва о миру къ Москвѣ; и съходилися Государевы бояре трижды и разошлися ни на чемъ.

Того же мѣсяца въ 26 день отъиде Королевичь отъ Москвы и шедъ сталъ по Переславской дорогѣ за Троицею въ селѣ Рогачевѣ. Ноября въ 1 день Государевы бояре ходили съ Москвы и составиша съ Литвою миръ въ Троицкомъ селѣ въ Деулинѣ на 14 лѣтъ; и поиде Королевичь со всѣми Литовскими людьми въ Польшу.

Того же лѣта принесенъ бысть изъ Литвы въ Можайскъ образъ великочюдотворца Николы, иже на вратѣхъ.

Того же лѣта Апрѣля въ 1 день преставися великого Новаграда митрополитъ Исидоръ на Москвѣ.

Освобожденіе Государева отца преосвященнаго Филарета Никитича митрополита Ростовскаго и Ярославскаго.

Того же году Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичь всеа Росіи послалъ пословъ своихъ бояриня Федора Ивановича Шереметева съ товарищи на Вяземскій рубежъ на договоръ съ Литовскимъ Королемъ, прошати отца своего Великого Государя преосвященнаго Филарета Никитича митрополита Ростовскаго и Ярославскаго; и милостію Божію и его Государскимъ счастіемъ отца своего изъ Польскихъ и Литовскихъ рукъ свободи, и пріятъ во царствующій градъ Москву честне Іюня въ 14 день, а Литовскихъ людей полковника Струса и рохмистровъ и иныхъ многихъ людей, которые взяты въ Москвѣ въ осадѣ, повелѣ Государь Царь отдати въ Литву. Да съ Филаретомъ же Никитичемъ выѣхали Московскихъ бояръ Князь Иванъ Ивановичъ Шуйской да Михайло Борисовичь Шеинъ съ сыномъ, да діякъ Томило Луговской, да съ ними же выѣхали Московскіе многіе бояре и дѣти боярскіе и всякихъ людей многое множество, а Князя Василья Васильевича Голицына вывезли изъ Литвы его тѣло мертвое къ Москвѣ.

О пришествіи Іерусалимскаго патріарха Феофана.

Того же году преже пришествія Филаретова митрополита въ Москву, Божіимъ изволеніемъ и судомъ пріиде отъ Господня гробу вселенскій святѣйшій Феофанъ патріархъ святаго града Іерусалима и всея Палестины, соверши Государѣва Царева отца преосвященнаго Филарета Никитича митрополита Ростовскаго и Ярославскаго на патріаршество съ другими митрополиты и архіепископы и епископы Московскаго Государства и всеа Росіи, въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ соборной церкви Пречистыя Владычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго ея Успѣнія.

Того же лѣта Іюля въ 22 день поставленъ бысть Новуграду митрополитъ Макарій.

Въ лѣто 7133 Сентября въ 2 день Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Федоровичь всеа Росіи сочетася законнымъ бракомъ, понялъ Князь Володимерову дщерь Долгорукого Марію.

Того жъ году Генваря въ 6 день преставилася Царица и Великая Княгиня Марія Володимiровна.

Въ лѣто 7134 Февраля въ 3 день женися Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Федоровичь всеа Русіи вторымъ бракомъ, понялъ за себя Лукіянову дщерь Степановича Евдокею Стрешнева.

Того же лѣта Маія въ 3 день, за умноженіе нашего согрѣшенія, въ царствующемъ градѣ Москвѣ бысть пожаръ великъ зѣло и страшенъ: въ городѣ Кремлѣ церкви Божіи со всякимъ Церковнымъ украшеніемъ, и Государевъ дворъ, и патріарховъ, и дворцы запасы, и приказы каменные, въ нихъ же многая Государева казна и дѣла всякіе, и житнишной Государевъ дворъ и конюшны, и боярскіе дворы все выгорѣло; и въ Китаѣ городѣ потому жъ церкви Божіи каменные и древяные и монастыри и торги всѣ каменные и древянные лавки и всякихъ жилецкихъ людей дворы выгорѣли всѣ безъ остатку, и отъ жару храмы каменные и полаты многіе неустояли.

Въ лѣто 7134 Сентября въ 12 день преставися великого Нова града митрополитъ Макарій.

Того жъ году Октября въ.. день поставленъ бысть въ великій Новъгородъ Кипріянъ митрополитъ, а взятъ съ Крутицъ. Того жъ лѣта Апрѣля въ день родися Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи дщерь Царевна Ирина Михайловна, отъ благовѣрной Царицы и великой Княгини Евдокѣи Лукіяновны.

Въ лѣто 7136 Апрѣля въ день родися Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Росіи другая дщерь Пелагѣя Михайловна отъ Царицы и Великой Княгини Евдокѣи Лукъяновны.

Въ лѣто 7137 Февраля въ . день преставися царевна Пелагѣя Михайловна.

Того же лѣта Марта въ 10 день родися Государю Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу всеа Росіи сынъ царевичь Алексѣй Михайловичь отъ Царицы и Великой Княгини Евдокѣи Лукъяновны. Тоеже вѣсны въ водопольѣ въ Великомъ Новѣгородѣ рѣка Волховъ иде въ спять 10 дне. Тоя же весны Апрѣля въ день бысть на Москвѣ пожаръ великъ.

Въ лѣто 7137 пріиде къ Государю Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу всеа Росіи отъ Густафа Короля Свитского посолъ Александръ Рубецъ, а бывалъ онъ Руской человѣкъ Смольянинъ посадцкой человѣкъ, а Свитцкой Король взялъ его въ Литвѣ какъ поималъ городы Литовскія, а прислалъ съ нимъ полонениковъ къ Государю Турскихъ и Крымскихъ людей, которые поиманы въ Литвѣ исъ полону. Государь же его и патріархъ пожаловали и отъпустиша его къ Королю, а тѣхъ полонениковъ пожаловалъ Государь и отъпустилъ по своимъ землямъ.

Того же году пріидоша къ Государю Царю Свитцкіе послы отъ Короля Густафа Адолъ Фастемъ, чтобы Государь съ нимъ стоялъ на Литовскаго Короля. Государь же имъ повелѣ отказати, что съ Королемъ Литовскимъ въ миру, и во христіянскомъ государствѣ того неповелося, что нарушить крестное цѣлованіе, а какъ примирные лѣтъ выдутъ, и Государь не потерпитъ своему недругу.

О пожарѣхъ Московскихъ.

Премилостивый же и Прещедрый Человѣколюбивый Господь Богъ нашъ, не хотя созданія своего до конца погубити видя человѣческое поползеніе ко грѣху, и того ради всячески отъвращая насъ и отводя отъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ, и многоразличными образы и грозными знаменми яростно устрашая насъ, и возвращая насъ на путь заповѣдей святыхъ его. Бысть убо того же 137 году въ пятокъ свѣтлыя недѣли на Москвѣ загорѣшася въ Чертольѣ, и выгорѣло по самую Тверскую улицу и за Бѣлымъ городомъ погорѣша слободы; помале же времени загорѣся на другой странѣ Неглинной, на Покровкѣ у Николы у Столпа и въ иныхъ многихъ мѣстѣхъ быша пожары великія; паки того же лѣта бысь вихорь великъ и дождь презеленъ и громъ престрашенъ и молнія преужасна, и со многихъ церквей главы и кресты буря срывала и храмины многи разлома и съ мѣста на мѣсто пренесе.

Въ лѣто 7138 мѣсяца Іюля въ 14 день родися у Государя Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всеа Росіи дщи Царевна и Великая Княгиня Анна Михайловна.

Въ лѣто 7141. Іюня во 2-й день родися Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Росіи сынъ Царевичь Иванъ Михайловичь.

Въ лѣто 7142, Октября . день преставися Государственнѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь Московскій и всеа Росіи, былъ на престолѣ патріаршестѣмъ 14 лѣтъ и 3 мѣсяца и 9 дней. Того же году поставленъ бысть святѣйшій Іоасафъ патріархъ Московскій и всеа Россіи. Во 143 году Декабря 17 день преставися Кипріянъ митрополитъ Великаго Новагорода, былъ на митрополіи 8 лѣтъ полъ 2 мѣсяца. Того же году поставленъ бысть святѣйшимъ патріархомъ Іоасафомъ Московскимъ и всеа Росіи Новуграду митрополитъ Авфоніи. Во 143 году Генваря въ . день преставися Царевичь Князь Иванъ Михайловичь. Во 149 году Ноября 29 минувше съ субботы къ воскресенію въ 8 часъ нощи преставися святѣйшій Іоасафъ патріархъ Московскій и всеа Росіи, былъ на патріарщескомъ престолѣ 6 лѣтъ и мѣсяцъ. Въ лѣто 7150 году Марта въ 27 день въ 5 недѣли поста поставленъ бысть святѣйшій Іосифъ патріархъ Московскій и всеа Росіи, преже былъ Симонова монастыря архимадритъ. Во 152 году Генваря въ . день пришелъ къ Москвѣ Датскіе земли Королевичь Вольдемаръ Христіанусовичь.

Преставленіе Государя Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Росіи.

Въ лѣто 7153 Іюня съ 11 числа въ мѣсто праздитственнаго торжества дни ради Царскаго рождества внезапная скорбь, въ мѣсто свѣтлаго пированія Царское погребеніе, въ мѣсто красного ликованія и сладкія вечери наиде на ны нощь велія плача и рыданія; Божіими неизреченными судбами представися тоя нощи Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Федоровичь всеа Росіи Самодержецъ съ своихъ именинъ съ суботы на воскресеніе въ первой четверти четвертаго часа; и бысть въ царствѣ Московскомъ во всѣмъ христіянскомъ народѣ о немъ Государѣ Царѣ скорбь и печаль велія зѣло.

Царствова Государь Царь и В. К. Михаилъ Өедоровичь всеа Росіи на Московскомъ Государствѣ 32 лѣта. Въ туже недѣлю погребенъ бысть со слѣзами и воплемъ многимъ съ великою честію въ церкви Св. Архангела Михаила, идѣже Царь Иванъ Васильевичь и сынъ его Өедоръ Ивановичь и чада его.

Царство Государя Царя и В. К. Алексѣя Михайловича всеа Росіи Самодержца.

И абіе по той скорби бысть и радость велія; Господь Богъ дарова намъ на Московское Государство Царя сына его, Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Росіи Самодержца.

На утрій же въ недѣлю, Іюля въ 13 день, крестъ ему Государю цѣловали бояре и дворяне и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства.

Того же лѣта Августа къ 18 числу въ нощи преставися благовѣрная Царица и В. К. Евдокѣя Лукьяновна. По смерти Государя Царя и Великаго Князя Михайла Ѳеодоровича всеа Росіи точію пожыве 5 недѣль. И погребена бысть честно въ монастырѣ.

Въ лѣто 7154 Сентября въ 28 день вѣнчанъ бысть Царскою діадимою на царство Московскаго Государства Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всеа Росіи Самодержецъ святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ Московскимъ и всеа Росіи, въ соборнѣй велицей церкви пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно дѣвы Маріи честнаго и славнаго ея успенія, въ царствующемъ и преименитомъ градѣ Москвѣ.

* Съ 71 страницы, съ Царствованія Михаила Федоровича до конца въ подлинной рукописи писано послѣ другимъ почеркомъ.

ТО ЖЕ СКАЗАНІЕ ПОМѢЩЕННОЕ ВЪ ХРОНОГРАФѢ.*

Царство Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича всея Россіи самодержца.

Въ лѣто 7092 года, по Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всеа Россіи Самодержцѣ, воспріимъ скифетро Россійскаго Государства благородный сынъ его, Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Іоановичь всеа Россіи Самодержецъ. Тогда во всемъ царствіи его благочестіе крепце соблюдашеся, и все православное христіанство без мятежа и въ тишинѣ пребывающе и другъ со другомъ свѣтло и радостно ликующе. Ему же всечестная и предобрая бысть супруга Царица и Великая Княгиня Ирина, дщерь нѣкоего отъ вельможъ великаго болярина именемъ Ѳедора Годунова, яже всѣми благонравными добротами точна бысть и тезобытна Евдокіѣ Царицѣ супрузѣ Ѳеодосія юнаго Царя Греческаго. Благовѣрный же Государь Царь не точію въ телесныхъ добротахъ сіяше, но и душу мужественну являя и благодатьми свѣтящуся, отъвсюду правдою и цѣломудріемъ украшающе себѣ, лсти жъ и лукавства и всякого зла отънюдь всяко ненавистенъ бысть. Преждереченный жъ благовѣрный боляринъ Никита Романовичь не помнозе времени отъиде ко Господу. И по немъ ближни пріятель бысть Государю Царю болярипъ и конюшей Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, братъ Царицы и Великія Княгини Ирины Ѳедоровны, иже Государю Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичу шуринъ бысть, зѣло проразсудительное къ народамъ мудроправльство показа, но обаче убо и царстей чести зависть излія; и сего ра-

* Хронографъ по почерку письма относится къ 2-й половинѣ XVII вѣка. Онъ находится въ библіотекѣ В. М. Ундольскаго.

ди не точію ближнихъ и сродныхъ Цареви царствующаго града Москвы отъгнати сотвори, но и честь Царскую всяко на ся привлече и во всемъ державному точенъ творяшеся.

Въ лѣто 7093 года Государь Царь дастъ во одержаніе брату своему родному не единой матери Царевичу Димитрію Ивановичу градъ Угличь съ пригородки и со уѣзды, и повелѣ ему тамо быти и съ матерію своею Царицею Маріею; глаголютъ жъ нѣцы, яко тако быти повелѣ Государь Царь совѣтомъ шурина своего Бориса Ѳедоровича Годунова. Въ лѣто 7094 года премудрый грамотинь Діонисій митрополитъ Московскій и всеа Росіи да Князь Иванъ Петровичь Шуйской и протчіи болшихъ бояръ и отъ вельможъ Царевыхъ палатъ и гости Московскіе и всѣ купецкіе люди учиниша совѣтъ и укрѣпишася между себе рукописаніемъ, бити челомъ Царю Государю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичу всеа Росіи, чтобъ ему Государю вся земля царскія державы своея пожаловати, пріяти бы ему вторый бракъ, а Царицу перваго брака Ирину Ѳедоровну пожаловати отъпустити во иночески чинъ, и бракъ учинити ему Царскаго ради чадородія. И таковый совѣтъ увѣдавъ шуринъ Царевъ Борисъ Годуновъ, и присовокупивъ себѣ многими дары зміеобразныя лсти злыхъ совѣтниковъ, и люто аки звѣрь разстерзаетъ сихъ совокупленіе, Діонисія митрополита съ престола Московскія митрополи отгна и повелѣша ему быти въ монастырѣ у Спаса на Хутынѣ, а на его мѣсто возведенъ бысть на престолъ Московскія митрополи Іевъ смиренномудрый. (Далѣе слѣдуетъ слово въ слово противъ перваго сказанія съ 2 до 4 стр. съ словъ. «И видя себѣ по среде Царскаго,» со словъ. «славобесныя утробы своея неудоволи».)

Того жъ лѣта Государь Царь повелѣ на Москвѣ градъ каменной около болшаго посаду подлѣ земляные осыпи, а дѣлали его 7 лѣтъ и нарѣкоша его Царевъ градъ, а мастеръ былъ Рускихъ людей именемъ Конъ Ѳедоровъ.

Въ лѣто 7095 года Царь Государь посла съ Москвы воеводу Даніила Чюлкова со многими воинскими людми въ Сибирь; они же доидоша до рѣки Тоболу и пріидоша до рѣки Иртыша, и поставиша городъ, и нарекоша Тоболскъ, въ мѣсто царствующаго града Сибири бысть сей градъ Тоболескъ; понеже ту побѣда и одолѣніе на окаянныхъ Бесерменъ бысть, паче же и въ мѣсто Царствующаго града причтеся. Въ лѣто 7096 года пріиде къ Москвѣ Констянтина града патріархъ Еремія и съ нимъ митрополитъ да два епископа, и благословилъ и поставилъ на Москвѣ митрополита Іева патріархомъ первымъ

въ Московскомъ Государствѣ, а въ Великомъ Новѣградѣ поставиша архіепископа Александра первымъ митрополитомъ Великому Новуграду, а Ростову Варлама, третьяго митрополита въ Казань, а четвертаго на Крутицы. Того жъ лѣта Государь Царь и Великій Князь Θеодоръ Ивановичь всея Росіи Самодержецъ ходилъ воевати на Нѣмцы Ливонскія; и Нѣмцы учиниша миръ съ Государемъ и отъдаша ему Московскія грады Иванъ градъ, Яму и Копорію. Тогда жъ подъ Ругодивомъ на приступѣ убиша Нѣмцы Государева воеводу Князя Ивана Юрьева сына Токмакова.

Въ лѣто 7099 О люте востаетъ тоиже Борисъ и вооружается убійствомъ на своего Государя Царевича Князя Димитрія, не хотя оставити наслѣдника отеческому ихъ престолу по немъ, желая царства себѣ получити; многожды же и смертоноснаго яда вкушеніе злотворнымъ умышленіемъ посылая къ нему, злую смерть нанося ему, онъ же вся сія съ радостію пріимаше, вѣдый яко ничто жъ успѣетъ сила вражія противу силы Божія. Сія жъ видѣвъ лукавый рабъ той, яко ничтожъ успѣ сотворити ни чѣмъ же зла ему благочестивому Царевичу, тажъ посла во градъ Углечь злосовѣтниковъ своихъ и рачителей, діака Михайла Битяговскаго да сына его Данилка Битяговскаго да племянника его Никитку Качалова, и повелѣ тое Царскую младорастущую и красноразцвѣтаемую вѣтвь отъторгнути, благовѣрнаго Царевича Димитрія, яко несозрѣлаго класа пожати, младенца незлобива суща смерти предати, и яко агнца заклати, и нарекова имъ образъ благочестія претворити. Посланіи жъ они отъ завистника Бориса Годунова, на Угличь пришедше сокровенный злый умыселъ и совѣтъ въ себѣ носящи, не милостивіи же они юноши отътолѣ искаше подобна имъ времени, да смерти предадятъ святаго и благочестиваго Царевича, еще бо ему сущу осмолѣтнымъ возрастомъ. Внезапу жъ изшедшу святому отроку по дѣтскому обычаю на играніе; абіе же яко волцы немилостиви злочестивіи тіи юноши нападше на святаго, единъ же отъ нихъ извлекъ ножъ напрасно удари святаго по вый его и прерѣза гортань ему, яко агнца не злобива смерти предаша, мѣсяца Маія въ 15 день, на память преподобнаго отца нашего Пахомія великаго. Беззаконніи жъ они убійцы нечестивы отмщенія крови праведника въ тожъ время пріяша, отъ людей града того побіени быша. Святая жъ душа благочестиваго и добропобѣднаго мученика Царевича Димитрія возлѣтевъ къ селомъ небеснымъ и ко престолу трисолнечнаго божества и неизреченныя божественныя оныя и недомы сли-

мыя видѣніемъ заря наслаждаяся воспріятія, честное его и страдалческое тѣло на земли оста обагрено кровію, сіяя яко солнце, положено жъ бысть въ томъ же градѣ Угличѣ въ церкви боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Паки той жъ Борисъ нача въ сердцы безпрестанно желаніемъ желати, и яко негасимымъ огнемъ горѣти къ державству Московскаго Государства и всея великія Росіи, по вся дни и нощи неусыпно помышляя, како и коимъ начинаніемъ начати на Царскіи престолъ восходити и свое желаніе получити безъ срамоты. И прежде нача испытовати многими волхвы и звѣздословцы, отъ многихъ странъ и языкъ собирая и приводя къ себѣ на Московское Государство Царскимъ именемъ, и вопрошая мочно ли ему доступити престола Царскаго и быти Царемъ? они же его видя желаніе великое о семъ и въ болшее чаяніе и радость вводяху его, сказующе ему, яко родися въ ту нощь Царскую и будеши Царь въ Великой Росіи; и ти глаголющи тако честь и жалованіе пріемляху отъ него веліе на мало время, потомъ же коварно и потаенно смерти предая ихъ.

Въ лѣто 7100 года Государь Царь посла боярина Князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи въ Свицкую землю, и поплѣнили, взяли 7 градовъ.

Въ лѣто 7101 года Декабря въ 24 день былъ у Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича посолъ Иверского Царя Александра Арамъ Князь да архимандритъ Кирилъ.

Въ лѣто 7106 года Генваря въ 7-й день угасе свѣща страны Русскія, померче свѣтъ православія, Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всея Росіи самодержецъ пріемлетъ нашествіе облака смертнаго, оставляетъ Царство земное и отходитъ въ жизнь вѣчную. Былъ на Царствѣ 13 лѣтъ и 7 мѣсяцовъ и 10 дней, отрасли же сродства своего неоставилъ по себѣ, и тако Русскихъ Царей родъ конецъ до здѣ ста. Благословилъ же и приказалъ быти по себѣ на престолѣ Московскаго Государства Русскія земли братаничю своему по матери Феодору Никитичу Романова, племяннику родному благовѣрныя Царицы и Великія Княгини Анастасіи матери своея, обаче же кознію лукавою и преткновеніемъ Московскаго болярина и конюшего Бориса Годунова таковаго дара получити несподобился, еще жъ и злострадательство здѣ пострада. О немъ же впреди реченно будетъ.

Царство Борисово, иже отъ Синклитьскаго сану, рекомаго Годунова.

Въ лѣто 7106 года по Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всеа Росіи Самодержцѣ, пріемлетъ скипетро державство великія Росіи государства шуринъ его Борисъ Ѳедоровичъ, тои бо отъ сродства своего именовашеся Годуновъ, иже хитростройными пронырствы престолъ Царства великія державы Рускія восхити и Самодержецъ наречеся. (Далѣе слѣдуетъ слово въ слово противъ перваго сказанія, на стр. 6 и 7, съ словъ: «Бысть же въ лѣто по отшествіи міра сего въ кровы небесныя» до словъ «царемъ своимъ истинно и право»). Тако жъ и отъ сродныхъ своихъ ужика своего Григорія Васильевича Годунова злоковарнымъ своимъ ядовитымъ отравнымъ зеліемъ опоивъ, занежъ много возбраняше ему и поносяи въ такоимъ начинаніи его, яко начинаше выше мѣры своея, тои бо и Царя храняше отъ него крѣпце, но прежде не за долго Государевы Царевы смерти почтенъ бысть смертію, потомъ же не помнозѣ времени его и Царь тако жъ вкуси, тако жъ и гостей и иныхъ всякихъ чиновъ много изгуби. (Далѣе слово въ слово противъ перваго сказанія стран. 7, 8 и 9, съ словъ: «Совѣтницы же его и рачители принудиша» до словъ «и вѣнчася Царскимъ вѣнцемъ» 107 году, Сентября въ 6-й день.) Отъ руки святѣйшаго Іова патріарха. Во время святыя литургіи стоя подъ тою рукою, невѣмы, что ради испусти сицевъ гласъ зѣло высокъ: «се отче великій патріархъ Іовъ Богъ свидѣтель сему, никто жъ убо будетъ въ моемъ царствіи нищь или бѣденъ,» и тряса верхъ срачицы глаголя: «и сію последнюю, рече, раздѣлю со всѣми;» словеси жъ сему вси такающе и истинно глаголюще вси ублажающе. По словеси же сему о бѣдныхъ и о нищихъ промышляше, и милость къ таковымъ велика отъ него бываше, злыхъ же людей люте изгубляше, и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть. И во время державства своего великія Россіи нача себѣ укрѣпляти и утвержати, дабы ему въ долготу дни и лѣтъ пребыти держа скипетръ великія Росіи, и по немъ бы роду его и въ родъ держати; и сего ради много бояръ и вельможъ и воеводъ розсылая по дальнымъ и рознымъ городомъ и злыми разными смертьми ихъ умерщвляя.

Въ лѣто 7107 года, повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Росіи, поставленъ бысть градъ близъ Крыму

на Татарской границѣ, а поставилъ его Богданъ Бѣлской, и нарекоша имя ему Царевъ городъ Борисовъ. Въ лѣто 7109 года преставися въ великомъ Новѣградѣ митрополитъ Варламъ, и на его мѣсто поставиша Великому Новуграду митрополита Исидора, а былъ игуменъ святыхъ чюдотворцовъ Зосимы и Саватія Соловецкія обители. Тогда жъ на Москвѣ отъ нѣкихъ мужей и злохитрыя козни на ничто жъ повиннаго, Өедора реку Никитича великого Московскаго болярина, сплеташеся, повелѣніемъ же и желаніемъ Царя и Великаго Князя Бориса глаголютъ быти сему составленію, понежъ издавна Царь Борисъ язвы въ души лукавыя, аще и образомъ коварнымъ являшеся къ нему свѣтлодушенъ и любительствованъ, вънутрь жъ уду имый великъ огнь ненависти; бѣ бо ему мысль отъ семени своего воцарити па престолъ царства своего Рускаго, и сего ради Царскія породы вѣтвь сокрушити помысли, оставшее племя блаженныя памяти Царя Өедора изверзаетъ убо из чести отъ себе Өедора Никитича и со всею братіею его, клятву жъ къ великому болярину Никитѣ Романовичу Юрьеву преступи, ежъ о чадѣхъ ввѣренное тому соблюденіе, и много безчестія и зла нанесе, и четырехъ смерти предаде Александра и Василія Льва и Михайла, Өедора жъ большаго Никитича въ Поморскія страны посла и тамо его постриищи повелѣ во обители Преподобнаго Отца нашего Антонія Сіискаго, съ нимъ жъ и сына его Михаила, еще бо ему тогда зѣло сущу юну, Иванъ же токмо единъ отъ нихъ остася. Өеодоръ жъ ижъ и Филаретъ по многихъ томленіихъ и по умертви Бориса возведенъ бысть на престолъ великаго чюдотворца Леонтія. И по сихъ же убо изгнани и инѣхъ многихъ ихъ рода погуби; рабомъ же на господеи толико попусти клеветать, яко и зрѣти несмѣюще господіе на рабъ своихъ, и многимъ рабомъ имѣнія господская отъдая, и великія дары доводцамъ отъ него бываху, съ великимъ же опасеніемъ другъ со другомъ глаголаше и братъ съ братомъ и отецъ съ сыномъ, и по бесѣдѣ рече заклинающеся страшными клятвами, еже неисповѣдати глаголемыхъ ни о велицѣ ни о малѣ вещи.

Того жъ лѣта грѣхъ ради нашихъ гладъ бысть великъ по всеи земли Руской. А пошелъ тотъ гладъ со Августа мѣсяца и Сентября 7110 года, омрачи Господь небо облаки и толико дождя проліяся, яко вси человѣцы во ужасть въпадошася, и преста всяко дѣло земли, и всяко сѣмя сѣянное возрастши разсѣдеся отъ безмѣрныхъ водъ ліемыхъ отъ воздуха, и необвѣя вѣтръ травы земныя за десять седмицъ дней, и прежде простерти серпа поби мразъ силный всякъ плодъ земный. И отъ того гладу многое множество

изомроша, ядуще тогда многи псину и мертвечину и иму скаредину, еяжъ и писать не лѣть; а ржи четверть купиша тогда по три рубли и выше, и отъ того времени начаша на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Руских всякое жито четвериками покупати; а четверикъ имѣнуются осмая доль четверти а четверта доль осмины, тѣми жъ четвериками торговати и мѣрити навыкоша; а прежніе мѣры, которые именуемые четверти, то бывало четвертая доля бочки или кадки, тожъ и окованми звали, оковаху бо поверху тоя кадки желѣзнымъ обручемъ, для того чтобъ нелзя ея урѣзати, а осмину именовали осмую доль бочки, а бочку или оковъ купливали дорого ино по пяти алтынъ.

Въ лѣто 7111 году бысть грѣхъ ради нашихъ моръ лютъ зѣло во градѣ Смоленску и во странахъ его, и множество помроша людей, елико и погребати неуспѣваху ихъ. Тогда же и ино веліе зло разсыпася по земли Рустей, и аки облакъ злодыхателныя темности отъ страны зевомыя Сиверскія пріиде, и предъ очима всѣхъ изліяся и надъ главою Бориса Царя ста и тако скрежета смертнымъ возгрѣне ему, чтожъ убо сіе новѣмъ сице.

О Ростригѣ и о смерти Царя Бориса.

Видѣвъ же сіе всевидящее око недреманное Христосъ. (Далѣе слово въ слово противъ перваго сказанія, съ 9 стр. до словъ: «Повадина да черница Варлаама» на 10 стр.) Поидоша же въ Литву во 110 году въ великій постъ на другой недѣли во вторникъ, изъ иконного ряду за Москву рѣку, и наняша подводы до Болхову, а изъ Болхова до Карачева, изъ Карачева до Новагородка Сѣверскаго, и ту вожа добыли Ивашка Семенова, и поидоша на Стародубъ и на Стародубскій уѣздъ, и пріидоша въ Литовскую землю, и первый городъ Литовскій имъ Лоева замка, а другой Любецъ, а третій Кіевъ; И ту быша въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ три недѣли. И оттуда пріидоша они до Острога, до Князя Василія Острожскаго, Князю Василью сущу, въ сущей во Христіанской вѣрѣ пребывающу, они жъ у него лѣтоваша. На осень Князь Василей старцовъ Варлаама да Мисаила послалъ во свое богомолье, къ Живоначальной Троицѣ въ Дерманской монастырь. А онъ Гришка съѣхалъ въ Гощею городокъ къ пану къ Готскому; и въ Гощеѣ иноческое платье съ себя скинулъ и учинился міряниномъ, и училъ въ Гощеѣ учиться въ школѣ по Латынски и по Польски и Люторской грамотѣ, и бысть отмѣтникъ

и законопреступникъ православныя христіанскія вѣры, и ту зимовалъ. И послѣ велика дни бысть въ городѣ Брагинѣ у Князя Адама Вишневецкаго, и навыче языка Польскаго и волхвованія Цыганскаго, и всякаго чародѣйства бѣсовскаго; и потомъ творяшеся аки къ смерти болѣзновати, и призва къ себѣ Латынскія вѣры попа, показуя ему себѣ исповѣдь творити ему; и тогда сице рѣче: лучитъ ми ся умрети здѣ въ земли вашей, молю тя да погрѣбеши мя царски, сынъ бо есмь Царя Московскаго Ивана Васильевича, всея Росіи Самодержца. Слышавъ же Латынинъ, повѣдаетъ Князю Адаму. (Далѣе одинаково съ первымъ сказаніемъ. Стр. 13 и 14. съ словъ: «А тотъ Князь Адамъ бражникъ.» и до словъ: «да мужики посацкіе Кіевляне.»)

И Король возмневъ, истинно быти тому и рѣкся ему помогати, а онъ Гришка обѣщался Королю поступитися Смоленска и Сѣверскія земли всей. И потомъ тотъ Гришка со Княземъ Адамомъ Вишневецкимъ отпрошался у Короля въ Самборъ, къ воеводѣ Сендомирскому къ пану Юрію Мнишку. Старецъ же Варлаамъ, хотя ложь свою исправити, воспріятъ дерзновеніе къ Королю о немъ Гришкѣ извѣщалъ, что онъ не Царевичь Димитрій, чернецъ онъ Гришка Отрепьевъ, а шелъ съ нимъ съ Москвы вмѣстѣ. И Король и паны отърадные ему неповѣрили; и послали его въ Самборъ къ воеводѣ Сендомирскому къ пану Юрью Мнишкѣ да къ нему Гришкѣ, и листъ съ нимъ писали о немъ. И ростріга Гришка сказалъ про нихъ, будто присланы они отъ Царя Бориса для того, чтобъ называли меня не Царевичемъ, или бы меня убити; и велѣлъ съ него платье иноческое сняти, и бити и мучити, да другаго сына боярскаго Якова Пыхачева, и того Якова Пыхачева тотъ ростріга и воевода Сендомирской велѣли смертію казнити, а онъ Яковъ у казни называлъ его ростригою Гришкою Отрепьевымъ. Варлама жъ старца оковавъ и въ темницу повергше, яко мняще воевода Сендомирской быти истины и сего ради прилежаше о немъ со всякимъ ласкосердіемъ, обѣщеваетъ же и дщерь свою въ жену ему дати именемъ Марину, егда убо будетъ на престолѣ Московскаго Государства; и вдасть ему много сокровища, еже раздавати ратнымъ людемъ и доступати Московскаго Государства; а доступя Московское Государство отъдати ему воеводѣ Сандомирскому да его дочери и ихъ роду Новъгородъ и Псковъ съ пригороды и со всѣми людми и уѣзды, воеводѣ Сендомирскому съ дочерью и монастыри и костелы устроивати было Римскіе, а ему Гришѣ тѣми городы не владѣти. И во всѣмъ Гришка ростріга въ Литвѣ Сандомирскому при многихъ панѣхъ и при папинѣхъ посланникѣхъ присягалъ и крестъ цѣловалъ и

утвержденную запись имъ на собя съ клятвою далъ за своею рукою. А Сандомирской такъ жъ на собя далъ ему листъ, а писали они по противнямъ листы. (Далѣе одинаково съ первымъ сказапіемъ, съ 16 до 19 стр. съ словъ: «Слышаху тогда въ Кіевѣ Литовскіе люди» до словъ: «совершити такого великого начинанія»).

О второй брани.

И паки не по многзехъ днехъ бысть вторая брань на Добрыницахъ подъ Камарицкою волостію. Ставшимася двѣма воискома и паки стрѣляющеся ис пищалей и из луковъ тмочисленныхъ, и тако ступившася рогатины и копьи торгающеся, сабли и мечи сѣкущеся, и паки бысть жестока брань другъ друга тщащеся вспять обратити. Многое множество обоихъ странъ падоша, земля жъ трупы человѣческими покрыся, крови же рѣки сташа источницы потекоша, страшно жъ и ужасно зрѣти брань велика стояше и жестока. Князь жъ Василіи Ивановичь Шуйской, немогій видѣти бываемыхъ и хотя мстити первую обиду свою, съ правые руки со своимъ полкомъ остроумно и зѣло храбро на войско ихъ наѣха, яко и раздвои ихъ на двое и смяте войско ихъ; съ лѣвую жъ руку Иванъ Ивановичь Годуновъ такожъ и иные наступиша; Гришкино жъ воиско не моги сихъ яростныхъ поражени терпѣти и плещи свои показаша; онижъ ихъ гнаша и досягаша, въ тылъ безъ милости сѣкуще ихъ, многое множество ихъ побиша, и много живыхъ взяша, мало жъ ихъ и спасошася; Гришко жъ едва и самъ убѣжа, умча же его Князь Иванъ Татевъ въ Рылескъ градъ, и отътуду въ Путимль градъ бѣжа. И паки великимъ страхомъ и трепетомъ объятъ бысть, и отътуду нача помышляти въ Литву бѣжати, гражанс жъ и вси людіе, кои за него задашася, начаша его молити и увѣщевая глаголати. О Царю небрещи ли насъ хощеши и на убійство насъ предаеши, отъ него же отложихомся и тебѣ ради досадихомъ ему, ащели жъ не умилишися о насъ, мы же съ тобою не имѣемъ живи розтатися, нынѣ бо еси въ рукахъ нашихъ, можно намъ вину свою Борису Царю тобою заплатити. Онъ жъ рече имъ: воиска нынѣ не имамъ у собя, за нежъ все разбито, такожъ и казна моя вся истощися; азъ бо не тако помышляю, яко же вамъ мнится, бѣжати мнѣ, васъ и отъчина своя покинути; но иду въ Литву самъ да казну и воиско имамъ собрати крѣпко, и преславныхъ Государствъ своихъ не покину но доступати крѣпце. Они жъ ему рѣкоша: емли Государь нынѣ имѣніе наше, елико мы у собя имѣемъ, и за тѣмъ мы

пойдемъ всѣ своими головами, да вси за тобя помремъ, и тако сотвориша. Онъ жъ симъ едва удержася и паки воиско копити нача, откуду елико можаше.

О плѣненіи Комарицкія волости отъ Бориса.

Борисъ жъ Комарицкую волость, въ тѣ поры улучивъ себѣ время, плѣнити повелѣ и всякими разными муками мучити повелѣ безъ милости и до конца истребити и опустошити повелѣ; такожъ и сотвориша, много безчисла крови христіянской пролиша, якожъ и иноплеменницы погани не творятъ, отъ мала и до велика старцы и юноши безъ милости мучими и погубляеми, матери со младенцы убиваеми бываху, и дщери непознавшія чертога оскверняеми и поругаеми и убиваеми бываху, вся безъ останка потреблени быша.

О приступѣхъ къ Кромы граду Борисовыхъ воеводъ.

И по нѣколицѣ времени пріиде воевода Московской Федоръ Шереметевъ съ войскомъ великимъ въ Кромы, и ста подъ градомъ и нача ко граду приступати и по граду из наряду бити; во градѣ жъ сидѣлъ атаманъ казачей Гришка Корѣла съ казаки и съ Кромляны, изъ градажъ подъ градомъ много воиска побиша казаки. И паки пріидоша воеводы Московсти Князь Федоръ Ивановичь Мстиславской и Шуйскіе со многими воинствы, и зѣло ополчився и ко граду крѣпко налегоша приступати и из наряду бити, и острогъ и градъ разбиша и основанія. Онижъ казаки отъсиживалися въ норахъ земныхъ и бои съ ними чиниша исъ подъ земли, тако и на выласку изъ града вонъ битися выхожаху; и никако жъ града у нихъ взяти невозмогоша, стояху и до весны и многожъ тогда людей изомроша стужи ради настоящія зимнаго времени и ядовитыхъ мразовъ.

О укрѣпленіи Борисовѣ всенароднаго множества Московскаго и всеа Россіи.

Борисъ жъ Царь, въ Московскомъ Государствѣ и выныхъ Государствахъ и градѣхъ Россійскія державы укрѣпляя людей святѣйшимъ патріархомъ Іевомъ и благороднымъ воеводою Княземъ Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, велегласно имъ проповѣдати повелѣваше во

всемъ множествѣ народномъ Московскаго Государства, сице глаголя. О всенародное множество несумняитеся и непрелщайтеся, яко истинно Царевичь Димитрій убіенъ бысть, азъ бо его своима очима видѣхъ дажъ и погребохъ его во градѣ Углечѣ въ церкви боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и вы его поминайте; а то истинно идетъ рострига Гришка Отрепьевъ, нарицается его Царевичевымъ именемъ, и вы его проклинайте. По Государствамъ жъ и градомъ грамоты посылая. Людіе же о семъ никакожъ никому вѣры яша, ни святѣйшему патріарху, ни болярину Князю Василію Ивановичу Шуйскому, глаголюще: сіи сице глаголютъ по наученію Борисову и бояся его, тако жъ и грамотамъ его ни мало вѣры яша. И устави онъ Борисъ Царь благовѣрному Царевичу и Великому Князю Димитрію Ивановичу велѣгласно всегда въ соборной церкви вѣчную память кликати, а того Гришку Отрепьева грядущаго на Московское Государство проклинати, також и по государствомъ и градомъ великія Россіи заповѣда; но ни что же ему сія успѣша, но паче людіе въ сердцыхъ своихъ распыхахуся на нь глаголюще: аще не сія Борису глаголати, да что ино ему творити, мнитъ убо онъ и до днесь убита его, но въ него мѣсто инъ убіенъ бысть. Борису жъ Царю глаголы сія во ушеса приношаху, онъ же за сія глаголы языки рѣза, иныхъ жъ многими разными муки смерти предая, и никако жъ отъ людей глагола сего и чаянія отъяти невозможе.

О смерти Бориса Царя.

Борисъ жъ Царь слыша, яко его воеводы ни единаго града къ нему отъ Гришки не возвратиша, и многи непшеваху сему истинству, многи жъ и съ Москвы отъ дворянъ и боляръ и отъ всякихъ чиновъ подыхаша о немъ, мняху бо яко тои есть, имъ жъ пронарицается, стоитъ въ Путимли великое войско копитъ яряся и гнѣвомъ дыша, яко неутолимая схидна похваляется и хощетъ пріитти на нь, не яко на Царя, но яко на наимника. Царь жъ Борисъ слышавъ великую бѣду сію, пачежъ увидѣвъ, зѣло ужасеся, и бысть прискорбенъ, зане уразумѣвъ, яко фіялъ гнѣва ярости Господня на нь изливашеся, и смертоносным зеліемъ упоивъ себе и бысть мертвъ въ лѣто 7113 года мѣсяца Апрѣля въ 13 день, во иноцѣхъ же нареченъ бысть Боголѣпъ, и повелѣ погрести себѣ въ соборной церкви у Архангела съ протчими Цари ту почившими. Былъ на Московскомъ Государствѣ 7 лѣтъ и 6 мѣсяцовъ и всего поживе 53 лѣта, а по немъ оста жена его Царица Марія, да сынъ Феодоръ именемъ, да дщи сущи дѣвою Ксенія.

Царство Федора Борисовича Годунова.

Того жъ лѣта, по Царѣ и Великомъ Князѣ Борисѣ Федоровичѣ всеа Росіи, сяде на Московское Государство сынъ его Феодоръ Борисовичь, тогда ему сущу 16 лѣтъ. Аще бо и юнъ сый лѣтными числы бысть, но да смысломъ и разумомъ многихъ превзыде сѣдинами совершенныхъ; бѣ бо зѣло изученъ премудрости и всякого философскаго естественнословія и о благочестіи же присно упражняшеся, злобы жъ и мерзости и всякого нечестія отнюдь всяко ненавистенъ бысть, тѣлесною жъ добротою возраста и зрака благолѣпною красотою аки кринъ въ терни паче всѣхъ блисташеся. Аще бы не тартареныи мразъ цвѣтъ благородія его раздробилъ, то мнѣлъ бы убо быти того плоду потребна всячественному добру. (Далѣе одинаково съ первымъ сказаніемъ отъ словъ: «и посылаетъ въ полки по воеводъ.... до словъ: «Михайло Котыревъ Ростовской.» стран. 23—24.) (за симъ слѣдуетъ:) «да Семенъ Чемудановъ съ вѣстію къ Москвѣ утекоша. Рострига жъ со многимъ дерзновеніемъ на Тулу пріиде, и первое къ царствующему граду къ Москвѣ гонцовъ своихъ съ грамотою посылаетъ Гаѳріила Пушкина да Наума Плещеева Іюня въ 1 день, въ грамотѣ пишетъ сице. (далѣе одинаково съ пер. сказ. отъ словъ: «отъ Царя и Великаго».... до словъ: «своихъ доступати!» стр. 24—27). Посланніижъ отъ него съ грамотою сею къ Москвѣ пріѣзжаютъ и прочетше на лобномъ мѣстѣ предъ всѣмъ множествомъ народа Московскаго. Слышавше жъ Московстіи народи сія лжесловесія, мневше быти правды тому, и возшумѣша яки лютая буря и предобраго Царя Феодора Борисовича, аки невозрастшаго и присноцвѣтушаго финика немилосердыма рукама отъ престола Царскаго отъторгнуша, мати жъ его терзаше власы главы своея, умилно ко народу моляшеся о сыну своемъ, дабы пощадили и не предали его смерти. Такожде и иніи разсыпашася и нападше на весь родъ ихъ, и преграбиша дворы ихъ и самихъ переимаша ихъ всѣхъ. (Далѣе одинако съ пер. сказ. отъ словъ: «Видѣвше же сія Московскіи бояре».... до словъ: «паны и предстоящіи ему» стр. 28—29). И тако той еретикъ поиде аки лютый звѣрь, иже спяи въ горахъ, восхищая съ великимъ стремленіемъ и пламень ярости и спущая, и аки вѣпрь изъ дубравы многодревныя на Московское Государство со многими людми съ Полскими и Литовскими и съ клятвопреступники Рускими борзыма ногама наскочи, и вся грады Рускія страны и мѣста ово убо лестію овожъ озлобленіемъ поработи, и посла напредъ себе осуди Московскаго Государя Царя

и Великаго Князя Феодоря Борисовича злою лютою смертiю, его жъ и съ матерiю удавити повелѣ, и спекулатаремъ душа ихъ отъ телеси съ нужею отъторгнути, а дщерь повелѣ въ живыхъ оставити, дабы ему лѣпоты ея насладитися, еже и бысть. (Далѣе одинаково съ пер. сказ. отъ словъ: «се нынѣ зрите».... до словъ: «удавленiю вдавшеся:» стр. 29). Феодоръ жъ точiю два мѣсяца бысть на Московскомъ Государствѣ послѣ отца своего Бориса, вмалѣ Царскiя державы насладися, и тако блаженный аки тихъ овенъ на ничтожъ злобу имущь скончася. О немъ же мнози отъ народа таино въ сердцахъ своихъ возрыдаша за непорочное его житiе, но отъ избавляющихъ ему ни единъ обрѣтеся. Въ день бо ярости рече неползуетъ имѣнiе.

Царство Ростриги Григорья Отрепьева, иже лжею отъ лукаваго взять на ся именованiе ново Царевича Князя Димитрiя Углецкаго.

(Начинается одинаково съ пер. сказ. отъ словъ: «и тако видѣ той».... до словъ: «никимъ не вредимъ». стр. 29).

По Царѣ и Великомъ Князѣ Феодорѣ Борисовичѣ восхити престолъ Руского Царства рострига Григорiи Отрепьевъ, преже бывый черной дьяконъ, иже лжекозньственно именоваше себе Царевича Князя Димитрiя Углецкаго, сына Великаго Государя Московскаго Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русiи, иже зависти ради Царства убiенъ бысть отъ злыхъ крамолниковъ на Углечѣ, о немъ же писахъ въ царствѣ блаженныя памяти Феодора Ивановича. Сей же Григорiи бысть отъ сродства не славныхъ ни великородныхъ но отъ послѣднихъ людей служивыхъ въ чину дѣтей боярскихъ. Бысть убо человѣкъ зломысльственъ, реченiемъ же многословесенъ и ко книжному прочитанiю борзо зрителенъ но не на благо, нравомъ же лукавъ и скверноуменъ, и естествомъ плоти зѣло незраченъ и скупоростенъ, а сердцемъ лютъ и свиреподушенъ и исполненъ всякаго пронырства лукаваго и бѣснованiя, ядовитъ злобою аки скверноднхателная скорпiя, яжъ зрѣнiемъ уморяя многiя. Глаголаше о немъ мнози, яко по всему уподобитися ему нравомъ и дѣлы скверному законопреступнику нечестивому мучителю Царю Iулiяну, ижъ съ бѣсы волхвуя и вся проклятыя вѣры похваляя, а на православное Христiанство лютое мучительство простирая, и хваляся на вся страны Греческiя ижъ погасити въ нихъ Христово благочестiе и святыню его истнити, но не попусти ему Христова сила конечно сего состворити. Такожъ и сей

мерзоядный венрь, оставивъ убо благочестивыя вѣры свѣтъ и нонравъ великіи чинъ діяконскій и свергъ съ себе свѣтлое одѣяніе иноческое, якоже писано о немъ въ царствѣ Борисовѣ, и вѣру православную, юже утвердиша седмію святыми вселенскими соборы богоносны отцы, сію поноси, глаголашежъ: а что то за соборы, соборы ино то соборы, мошно рече быти осмому или девятому собору, такожъ и о Латынѣхъ глаголаше яко нѣсть порока въ нихъ, единако все якожъ вѣра Латынская, такожъ вѣра и Греческая. И егда не у еще ему въшедшу вънутренніи градъ, идѣже бѣ обиталища царская, первое сотвори дѣло благо и не по своему си. (далѣе одинаково съ пер. сказ. отъ словъ: «разуму и хотѣнію, но по Божію».... до слоѵъ: «его братіями за приставы.» стр. 29—30.)

О изгнаніи патріарха Іева Московскаго и всеа Россіи.

Блаженнаго и смиренномудреннаго медоточныя сладости источника Іева патріарха ругателно отъ престола великія церкви отъринути повелѣ и отъгна. Іюня въ 24 день въ недѣлю на сего мѣсто возводитъ на престолъ единомысленика себѣ Игнатія патріарха родомъ страны Италіискія, едино вѣмъ еже православія догматы неистово исполняюща и творяще. Іюня жъ въ 25 день въ понедѣльникъ и повелѣ того великаго болярина посреде града мечемъ главу его усѣкнути предъ всемъ множествомъ народа. (Далѣе одинаково съ пер. сказ. отъ словъ: «дабы иніи о обличеніи его».... до словъ: «и прочая нечистоты ясти.» стр. 30—32). И бысть тогда отъ множества Литвы и Поляковъ и Жидовъ всѣмъ Рускимъ людемъ великое гоненіе и насилство и поруганіе всяко; понежъ онъ обѣщался имъ, что ему въ Рускомъ Государствѣ во всемъ воля ихъ творити и вѣру ихъ ввести и всяко утвердити; и сего ради на православныя воздвизая пламень ярости и хваляся, аки злодыхателная буря надымаяся, истнити хотя въ земли Рустей Христово благочестіе, якожъ Іуліянъ; но возбрани ему всемогущаго Бога непобѣдимая Христова сила, и неистовое его стремленіе вскорѣ разруши и изчезновеніемъ возрази, и не во мнозѣ времени власти насладися. Первое (далѣе одинаково съ пер. сказ. отъ словъ: «умысли сей окаянный гонитель».... до словъ: «славы лиши себе» стран. 32—33).

(Далѣе слѣдуютъ варіанты по нумерамъ отмеченнымъ въ текстѣ перваго сказанія начиная съ № втораго).

2. Сице же егда вниде во ушеса боляромъ и всему народному множеству кончина и смерть предъпоставленна и уготована имъ отъ ростриги вскорѣ и внезапу убо возшумѣша многочисленнаго народа волны. И вси вельможи Князѣ и болярѣ и державніи земли разъяришася на мерзость его, и пришедше въ палату имуще оружія сокровена у себе, обличивше его лжеименованіе и мерзости его суровство. Единъ нѣкто отъ предстоящихъ ему Петръ Басмановъ повелѣніемъ его изятъ мѣчь отъ ложа его и уби единаго отъ обличающихъ его, прочіи же съ нимъ пришедшіи убійцу оного убиша; такожъ и самаго его злояднаго щенка, глаголю ростригу, мечемъ и прочимъ оружіемъ убійственнымъ убіенъ бысть.

3. Съ нимъ же поверженъ пріятель его, ижъ прежде помянутый онъ съ нимъ убіенный воевода. (и послѣ словъ: «не возможно пройти.») А прочихъ вмалѣ оставльшихъ, во своя ихъ отпустиша, рекше въ Литву и въ Полшу. Рострига жъ гнусодѣтельный, аще и руцѣ убійствомъ оскверни и кровь христіаномъ многую пролія, но вмалѣ власти насладися, точію царствова 11 мѣсяцъ.

4. При сего царствіи мерзостнаго ростриги отъ многихъ лѣтъ собранная многочисленная царская сокровища Московскаго Государства истощишася. Понежъ онъ нескуднымъ богатствомъ Полскихъ людей ратныхъ и Литовскихъ наполни; даваше бо всѣмъ имъ многобогатное дарованіе златомъ и сребромъ и многоразличными вещьми и драгими сихъ руцѣ исполняя; потомъ же и со игрецы всякимъ глумотворцемъ и женамъ гнусодѣтельнымъ и отрочатомъ истощи.

5) Начало царствованія Шуйскаго въ пер. сказ. Изложено иначе, отъ словъ: «Божіимъ промысломъ.» до словъ: «въ день понедѣльничный а здѣсь описанѳ такъ:»

Царство Василія Царя по принарекованію Шуйскаго.

Въ лѣто 7114 году мѣсяца Маія въ 20 день, по царствованіи ростригинѣ сяде на Московское Государство Царь Василіи Іоановичь глаголемый Шуйской сице, иже бысть отъ сродства Князей Суздальскихъ. Суздальскія жъ нарицахуся вины ради сицевы: были два сына у великаго Князя Ярослава Всеволодича внука Георгія или Юрія Долгорукаго, правнука Владиміра Манамаха, праправнука Всеволода Ярославича сына Владимерова, Великаго Князя Кіевскаго крестившаго всю землю Рускую; а былъ болшой сынъ у Великаго Князя Ярослава Всеволодича, Князь великіи Александръ глаголемый Невски,

иже княжилъ въ Володимерѣ, тужъ и положенъ бысть во обители Пречистыя Богородицы честнаго ея рожества, отъ негожъ родился Князь Данило Московской и прочіи по роду степеньми; а другой былъ сынъ Князь Андрѣй Ярославичь меншей братъ Александру Ярославичу Невскому, и тотъ былъ на великомъ Княженіи Суждальскомъ, а по немъ сидѣлъ сынъ его Князь Василій Андрѣевичь, а у Князя Василія былъ сынъ Князь Констянтинъ, а у Князя Констянтина Князь Дмитрей, тотъ былъ на великомъ Княженіи Новгородскомъ, у Князя Дмитрея Князь Василей Кирдяпа, а у Князя Василія Кирдяпы Князь Юріи, а у Князя Юрія Князь Феодоръ, а у Князя Феодора Юрьевича у Кирдяпина внука Князь Василіи Шуйской, а у Князя Василія Шуйскаго Князь Иванъ, а у Князя Ивана дѣти Князь Дмитрій да Князь Петръ, и сихъ родства большіи братъ Царь и Великіи Князь Василій Іоановичь всеа Россіи.

По убіеніи ростригинѣ въ четвертый день малыми нѣкими отъ Царскихъ палатъ излюбленъ бысть Царемъ Князь Василіи Ивановичь Шуйской и возведенъ бысть въ царскій домъ и никимъ же отъ вельможъ не пререкованъ ни отъ прочаго народа умоленъ. И устроися Россія вся въ двоемысліе; овиже убо любяще его, овіиже ненавидяше его. Сѣвера же внятъ си крѣпце, отъ Царя Ивана Васильевича послѣдняго розгромъ бывши Новуграду и такогоже мучитель не дождавъ на себе, вскоре отълагаются отъ державы Московскія, занеже много зла содѣяша во всей Россіи, егдажъ возводящу ростригу на Царство Россійское и конечнѣ отъчаяшася братства христіянскаго и приложишася къ Полскому Королевству въ работу. Царь же Василіи много моливъ ихъ посланми митрополитомъ Пафнотіемъ Крутицкимъ со архимариты и игумены и съ прочимъ народомъ, но неприклонишася отъ застоянія вышепомянутыхъ воровъ. И тако во всей Россіи изыде съ мечемъ другъ на друга и не бысть такова бѣда; покрываеми бо велицы поля бываху многочисленнымъ воинствомъ отъ обою страну, оставляющихжеся мало смертнаго ради разлученія и ти нази, яко отъ утробы матерняя исторжеся, и ко градомъ и къ весемъ прибѣгаху, но и отъ тѣхъ мало спасахуся. Сицѣвая же бѣда протягшися боле двою лѣтъ во всѣхъ украинахъ отъ предѣлъ востока Полскихъ градовъ иже къ Крыму и Рязанская и Сѣвера и Смоленская земля и Пустая Ржова и Луки и Велики Новъ градъ и Псковъ и Иванъ городъ, в Сѣверскихъ же Полскихъ градѣхъ иногда же раззоряху грады отъ Царя Василія посылаемое воинство, иногда тамо сущи другъ другу одолеваху, огню и мечю предаяхуся,

на кормлю же ся по вся лѣта прихожаху Татарове Крымскіе и Нагайскіе и Черкасы, и аки скоту плѣну человѣкъ всегда отъгонящу во-своя жилища.

6. И сотвори Господь Богъ во всей Россіи радость Православнымъ Христіяномъ, яко сокруши богомерскаго своего отъступника а нашего гонителя еретика Гришу Отрепьева, и дарова съ небеси дождь и теплоту солнечную на всеплодіе.

О поставленіи Ермогена патріарха.

Тогда жъ повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Василія Ивановича всеа Русіи и совѣтомъ всего священнаго собора Игнатіа патріарха, его же безъ священныхъ рукоположеніи возведе на престолъ рострига, сего въдаша въ Чюдовъ Монастырь подъ начало, яко совершено навыкнетъ благочестивыя вѣры яжъ во Христа Бога. А на престолъ патріаршескіи возведенъ бысть Ермогенъ Казанскій митрополитъ. Аще и Іеву патріарху тогда еще еже живу сущу, но невозвратися на свой престолъ; понеже доброзрачныя зѣница потемѣста и сладостный свѣтъ отъ очеси его взятся отъ него.

О зломъ развратницѣ Петрушкѣ и прочихъ мятежникахъ.

Мало убо нѣкое время людіе почиша отъ ратныхъ поль и немного упокоишася отъ оружнаго изъостренія, паки ростригины стаибники воздвизаютъ крамолы, паки во градъ вся наводящая бѣды, паки бѣдно возмущаютъ вся народы. Се другое зло пріиде, други звѣрь подобенъ первому явился не образомъ но дѣлы; во градѣ убо Путимлѣ и во всей земли Черниговскія страны инъ нѣкто прелукавый зміи восташа именемъ Илейка казаческой товарищь родомъ Звенигородскій, художествомъ гончаръ, холопъ Свіяжскаго головы стрѣлецкаго Григорія Елагина. Сей ложныя лжи ложью называяся Петромъ Царевичемъ сыномъ Царя Феодора Ивановича всеа Россіи, его же и небывало. И глаголюще рожество его быти потаено для преждепоминаемаго святоубійцы Бориса Годунова, да еще именоваше у себе Царевича Князя Димитрея Ивановича Углецкаго, сына Царя Ивана Васильевича быти жива, а себѣ называетъ дядею, а что прежъ того назывался Димитреемъ Царевичемъ Углецкимъ и на Москвѣ убіенъ, и то де прямой рострига Гришка Отрепьевъ. А иніижъ пишутъ: назывался сыномъ Царевича Ивана Ивановича, и тоже не бывало. И таковаго ради ложнаго

звашествa его вси людіе страны тоя пріяша его, и по сихъ же и Си-веріянѣ и вси мятежницы, иже во время власти ростригины локнуша крови христіянскія, сіи вси приложишася къ нему и пришедше обладаша грады многими и мѣсты Шатскими и Рязанскими, и достигоша града Москвы, его же непобѣдимая держава Христа Бога нашего десница отъ толикія бѣды преславно изъбави и свободи моленіемъ и заступленіемъ Пречистыя его Богоматери, и иже в Рустѣй земли пресвѣтло сіяющихъ великихъ святителей и чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны и святаго новаго почестоносца Христова и чюдотворца Царевича Князя Дмитрея Углецкаго, о немъ же ниже сице речеся.

О принесеніи мощей святаго мученика Царевича Дмитрія и о избавленіи града Москвы отъ безбожныхъ мятежниковъ.

Въ первое лѣто царства Государя Царя и Великаго князя Василія Ивановича всеа Росіи явишася чюдеса многа, и быша исцѣленія всякими недуги одержимыми приходящимъ человѣкомъ отъ мощей Святаго мученика Димитрея Царевича во градѣ Углечи, идѣже отъ злотворныхъ рукъ убіенъ бысть. Слышавъ же сія Царь и Великій Князь Василіи Ивановичь, распалашеся яже по Бозѣ любовію ко святому мученику Дмитрію Царевичу, и возжада отъ всего сердца вѣрою своею, дабы святыя его мощи въ державѣ града его Москвы положени быша были, еже и бысть. И сего ради посылаетъ; (далѣе одинаково съ первымъ сказаніемъ отъ словъ: «на Углечь почестныя мощи» до словъ: «Александровича Нагихъ» стран. 35)

7. И принесены быша святыя его мощи въ Царствующій градъ Москву, въ лѣто 7114 году Іюня въ 3 день, на память Святаго мученика Лукіяна и иже съ нимъ, и положени быша въ церкви Архистратига Михаила у столба клироса праваго, идѣже и донынѣ точитъ исцѣленія съ вѣрою приходящимъ къ честнѣй рацѣ святыхъ мощей его. (Далѣе всѣ разсказы помѣщенные въ первомъ сказаніи отъ словъ: «Егда же приближающимся честнымъ».... до словъ; «и во вѣки вѣковъ аминь» стр. 35—38, въ настоящемъ сказаніи опущены, и начинается прямо: «Царь же Государь»). Царь же Государь и Великій Князь Василіи Ивановичь всеа Росіи егда воспріятъ скифетръ великія державы, и пишетъ по Государствомъ и по всѣмъ городамъ Російскія области воеводамъ и діякомъ своимъ имянно.

8. «Выписка изъ цѣловальной записи. (Начинается съ словъ) «И повомилъ есмя язь Царь.»

9. (Въ настоящемъ сказаніи послѣ словъ: «7114 Іюня въ 3-й день.» пропущено противъ перваго сказанія отъ словъ: «а праздновати его уложиша соборомъ.» до словъ: «промыслу и бѣды, яко же отъ своихъ.» стр. 55 — 58. А вмѣсто сего помѣщено слѣдующее.) Въ тажъ времена отъ Царя Василія посланніи бояре и воеводы множество крѣпкихъ воинъ подъ Колугою положиша и стыденіемъ отступиша. И посемъ иже самъ Василіи Царь шедъ на Тулу воевати и со многимъ козньствомъ едва градъ пріятъ потопленіемъ воднымъ, и ту началствующимъ злодѣемъ ложного умышленія Царевича Петрушку холопа Свіяжского головы стрѣлецкаго Григорія Елагина нарицающагося сына Царя Феодора Ивановича, Ивана Болотникова холопа же Князь Андрѣя Андрѣевича Телятевскаго заводчика всей бедѣ поима, и неодолѣвъ меншимъ злодѣемъ преста отъ брани, возмнѣвъ яко тіи страха ради имутъ покоритися. Они жъ вскорѣ приведоша къ себѣ на помощь Полскихъ и Литовскихъ людей и прежнимъ обычаемъ нарекоша ложнаго Царя Димитрея отъ Сѣверскихъ градовъ попова сына Матюшку Веревкина, и тако собрани бывше. И Божіимъ попущеніемъ за беззаконія наша одолѣша врази православныхъ христіянъ и пичимъ же задержими дошедъше царствующаго града Москвы, его же объсѣдше въ кругъ промышляху пріяти. Ктожъ тоя бѣды изречетъ, еже содѣясь во всей Россіи: на единой бо трапезѣ сѣдяще въ пиршествѣхъ въ царствующемъ градѣ, по веселіи жъ убо овіи въ Царскія полаты овы в Тушинскія табары прескакаху, и раздѣлишася на двое вси человѣцы. Вси же мыслящe лукавнѣ о себѣ, аще убо взята будетъ Москва, то тамо отцы нашы и братія и род и друзи ти насъ соблюдутъ; ащели мы одолѣемъ, то таможъ имъ заступницы будемъ. Полскія же и Литовскія люди и воры и казаки тѣмъ перелетомъ ни в чемъ невѣроваху, тако бо отъ тѣхъ тогда нарицаху, и яко волцы надо псами играюще, и инѣхъ искушающе инѣми же вмѣсто щитовъ отъ мѣча и отъ всякаго оружія смертоноснаго яденія защищахуся, и бяше имъ стѣна тверда злокозиство измѣнникъ; и аще и вся злая и лютая видяще и слышаще неотъступаху отъ того ложнаго царика и отъ Поляковъ, и недомыслимая в разумѣ тому лжухристу и Полскимъ и Литовскимъ людемъ то вся промышляюще измѣнницы, и всюду водяще и вездѣ сохраняюще враговъ христіанскихъ Литву и Поляковъ, къ смертнымъ же боемъ прежде ополчевахуся и последи престаяху, Поляцы жъ и Литва вооружены стояще бездѣлно, смѣющеся безумству ихъ и междоусобію. И аще случаемъ на бранѣхъ взятъ будетъ Поляки и Литвою добрый воинъ за истинну стоящи, то

милости сподобляемъ отъ нихъ и отъ смерти сохраняемъ; аще ли случится кромѣ ихъ взяту быти кому Рускими измѣнники, и на того яко на лютаго звѣря прискакаху со оружіемъ и составы того разсыпаху лютѣ. И видяще Поляки и Литва таковы пытки и злое мучительство отъ своихъ своимъ и единовѣрнымъ, и уступающе дивляхуся окаянной вражіи жесточи, и сердцы своими содрогахуся и звѣрски взирающе отъбѣгаху; разумніи же отъ нихъ теплыми слезами ланитѣ свои омывающе и другъ другу глаголюще: внимаемъ о себѣ братіе, что сіи Русаки другъ другу содѣваютъ, намъ жъ что будетъ отъ нихъ, и бѣсовъ злѣйши наричающе тѣхъ. Они жъ смиловавшихся Литву и Поляковъ худяками и женками тѣхъ нарицаху. Кто жъ сія бѣды слыша невосплачется, еже въкупѣ шествія ихъ на брань? идѣже Поляки со измѣнники пріидутъ къ непроходимымъ мѣстомъ въ лѣсехъ и на рѣкахъ и на топѣхъ и на ржавцахъ болотахъ, и ту без ума станутъ Поляки, невѣдуще что сотворити, како пріити или како минути, измѣнницыжъ ругающеся имъ и недоброхотствующимъ Царику Тушинскому нарицаху, и вскорѣ ими промышляху и мосты и перевозы строяще и лѣсомъ тропинами во едину ступень безпакостно провожаху. Коль жестоко сердце измѣнниковъ бѣяше на свою братію православныхъ христіянъ; Поляковъ убо и Литвы сотни двѣ или три Рускихъ же измѣнниковъ десяторицею перед ними сугубо, и ти соблюдаху ихъ во всемъ, а имъ же бы возможно и малою чадію на тѣхъ крѣпкихъ мѣстѣхъ и не на проходимыхъ смерти прѣдати, но никакоже въ нихъ таковаго смысла добра не обрѣтеся. Кто жъ сему не посмѣется безумію, в раздѣлени убо плѣна и корысти ихъ? Внегда убо ко кровопролитію то Русти измѣнницы главы своя преже полагаху, Поляцы же стояще точію отъ измѣны себе соблюдаху; егдажъ корысть дѣлити во градѣхъ и в селѣхъ, то вся лучшая Поляки у нихъ силою отъимаху, измѣнницы же аще и множество ихъ предъ ними, но непрерѣковаху и всяко насилство отъ нихъ радостно пріемляху, плѣнницъ жъ женъ красныхъ и отроковицъ и юношъ нетокмо у худѣйшихъ измѣнниковъ но и у начальствующихъ ими отъимаху, и немогуще отъ рукъ ихъ исхитити и роду своего женъ и дѣтей и братію и сестръ, но великою цѣною искуповаху и то по велицей дружбѣ и по мздѣ; еще жъ и смѣхъ Поляки надъ тѣми Рускими измѣнники дѣяху, имъ же возможно насилствовати, по пріятіи цѣны не отъдаяху и другую цѣну восприимаху, и иніижъ по отдани плѣнникъ и по взяти цѣны засылаху на путь и въспять паки оружіемъ отъимаху, сіяже зряще измѣнницы нетокмо незнаеми но и сердоболи другъ другу смѣяхуся. Гнѣвъ

же Божій праведно попущенный видимъ бываше: мнозиже убо жены и дѣвицы нехотяще со беззаконники разлучитися и мнози по искупленіи паки къ нимъ отъбѣгаху, ини же жены на мужи своя о смерти научевахуся и по испрошени на искупъ крыяхусь, и повѣшающеси на выи тѣмъ беззаконникомъ злѣ гласы движуще и благодатели и свѣты тѣхъ нарицающе; мнози бо отъ нихъ юностію и покоими телесными побѣдившеся, иніи же очаровани быша, и того ради сердцы своими изгараху. Бяше жъ и се зло вездѣ изліяно: не десять бо или пять но три или два вкупѣ совѣтъ каковъ творяще о дѣлѣ или о разумѣ, разлучивше жъ ся въ розвь, единъ остается с терпящими бѣды и напасти, другіи жъ отъскачетъ въ покой тѣлесный въ велику жъ работу вражію, и составливающе ложная списанія посылаютъ на соблазнъ оставшимся по нихъ, возвѣщающе о себѣ яко въ велицей чести тамо суть и многи дарове и имѣнія пріяше, имъ жъ мнози невѣроваху и сія оплеваху, мнозиже и прелщающеся къ нимъ же отъбѣгаху. Не токмо жъ писаньми тайно но и на бранѣхъ съѣзжающеся другъ друга оболщеваху, и нетокмо прости но и разумни яко отъ полка Ангельска отъ скачуще въ демоны прелагахуся. Всякъ жъ отъ своего чину выше начаша восходити, раби убо господіе начаша быти, и неволники къ свободѣ прескачуще, силніи жъ разумомъ отъ тѣхъ въ прахъ вмѣняеми бываху и ничтоже не по нихъ несмѣюще рещи, Царемъ же играюще яко дѣтищемъ, и всякъ выше мѣры своея жалованія хотяше. Мнози жъ таиницы нарицаемы, цѣловавше крестъ Господень, ко врагомъ прилагахуся, и въ Тушинѣ бывше, тамо крестъ Господень цѣловавше и жалованіе у врага Божія взявше, и вспять въ царствующіи градъ возвращахуся, и паки у Царя Василія болши прежняго почесть и имѣнія и дары восприимаху, и паки къ вору отъбѣжаху; мнози же тако мятуще всѣмъ Рускимъ Царствомъ, недважды кто но пять кратъ и десять въ Тушино и къ Москвѣ приѣзжаху. Недостатки же въ Тушинѣ потребъ тѣлесныхъ или пищь и одеждъ и оружіи бранныхъ и лекарственныхъ всякихъ зеліи и соль тая вся, отаи уклоняющеся кривопутствомъ измѣнницы отъ царствующаго града Москвы, наполпяху измѣнничья становища въ Тушинѣ, и радующеся окаянніи воспріятію прикупъ многа сребра, конца жъ вещи неразсуждаху. Отъ браней жъ приходящихъ вѣсти слышавше лукавствующе сердцемъ, и аще по нихъ суть то улыскающе глаголаху, и сплетены смуты слагающе много сугубо небыли, и народъ смущающе во ужасть сердца низводяху, и сонми на стогнахъ царствующаго града собирающеся кривая и незаткнутыми усты проповѣдаху; ащели жъ не на ползу тако-

вымъ что услышится, то посуплени стояще и нѣми и очію немогуще на аеръ взирати и расходящеся съ воздыханми бѣсовскими; иніиже дерзостію Антихриста и надежею мукъ вѣчныхъ подстрекаеми и сладкое горко наричуще и горкое сладко и свѣтъ тму и тму свѣтъ, и тако народъ отъ праваго слышашія и увѣренія развращаху. И въ таковыхъ мятежахъ мнози истиньно видяще отъѣздъ измѣнниковъ и всякіе промыслы къ вору и къ Полякамъ, но невозвѣщаху на нихъ Царю и вельможамъ, а ижъ возвѣщающимъ о семъ тѣхъ клеветники и шепотники нарицающе. Царь же Василіи многажды убиваше повинныхъ съ ними жъ и неповинныхъ и несогрѣшшихъ смертну суду предаяше; смущены бо быша первоначальствующи державы его къ нему, и двоемысленъ къ нимъ разумъ имѣяше, и многимъ вѣряше ни на лице ни на телеси но на языцѣ службу носящимъ. Наипаче жъ на всѣхъ насъ Апостолское слово събыстся: якожъ неискусиша имѣти Бога въ разумѣ, того ради предасть ихъ Богъ в неискусенъ умъ творити не подобная; мнози бо тогда окаяніи о Царѣ Василіи дѣюще и глаголюще злая, ихъ же нѣсть возможно написати ни глаголати. Аще ли сице во очію безумныхъ явися, то подобаше имъ было креста нецѣловати но безъ крови отъказати; ащели цѣлававъ ему животворящій крестъ Господень, то во всемъ упованіе на Господа возлагати. И по хотѣнію сердецъ нашихъ даде намъ Богъ: и яко Фараону и Египтяномъ чудеса Божія ни во чтожъ вмѣнишася и искусъ Чермнато моря во всѣхъ языцѣхъ увѣденъ бысть въ подсолнечной; такожъ и зъдружичество Москвичемъ со антихристовыми проповѣдники съ Поляки и с Люторы всѣмъ жъ языкомъ на посмѣхъ бысть. Егдаже совершися всѣхъ насъ грѣхъ и высокія мысля выше облаки разліяшася, и въ правду убо сія пострадахомъ; егда бо слышахомъ грады раззоряемы, видяхомъ отъ нихъ яко отъ огнянны пещи избѣгающи звѣрскимъ рысканіемъ, имъ же не споболѣхомъ ни плакохомся ни рыдахомъ, ниже домы наша отверзохомъ имъ, и мнѣхомъ ако непріидутъ таяжъ де на ны, и глаголюще далече суть сія и тамо вся преминутъ. И каковая злая дѣемая тогда да не устрашиша насъ, кое зло не бысть над нами, кая бѣда, кая напасть непокры насъ, и не взыскахомъ свыше Царствующаго надъ нами, и ни во чтоже вмѣнихомъ вся предѣлы Російскія земли опровержены отъ благолѣпоты въ пустошство. Бысть бо тогда раззореніе святымъ Божіимъ церквамъ отъ самѣхъ правовѣрныхъ, якоже капищемъ идолскимъ прежде отъ великаго Владимера, тогда на славу Божію, нынѣ же на утѣху бѣсомъ съ Люторы. Злѣиши того содѣяша, внуцы сихъ, мы и братія наша; мы убо яко на покаяніе ко Господу Богу не обратихомся,

братіяже наша Сѣверскія земли и Полскихъ градовъ жителіе яко не наказани суще отъ отецъ своихъ страху Божіею, и воспитани въ безуми, и навыкше отъ многихъ еретиковъ по украинѣ живущихъ ихъ злымъ нравомъ и обычаемъ, и с ними вкупѣ ратующе насъ, и въ ихъ вѣру еретическую мнози приступиша отъ невѣденія и во всѣмъ съ ними законъ держаще. И тогда солнце померче, еже есть всяко благочестіе, затвориша бо ся двери милосердія Божія, и яко мухи во огнь прилетающе сокрушахуся, тако и ратовавшеи Церковь послѣди погибнутъ, иніиже и погибоша. Уже кто стерпитъ ту бѣду зря яко сынове Агарины по вся лѣта приходяще и въ мѣсто связующе человѣки аки скотъ, и біеми отъ верви единъ полкъ гоняще, дважъ тмы, на нихже измѣнницы не обращающеся стати, но такожъ съ ними ратоваху, аще и не вкупѣ но всяко радовахуся расточенію братіи своей. Тогдаже отъѣха къ вышепомянутому Нагайскому Князю Урусу сынъ его Князь Петръ, отвергся вѣры христіянскія и велику честь въ Росіи всю отверже, и жену свою преже бывшую за Княземъ Александромъ Ивановичемъ Шуйскимъ покинулъ, и со отцемъ своимъ и съ Нагайскими Татары много зла содѣя по всѣмъ Украинскимъ городомъ; такожъ и Борисомъ поставленный Касимовской Царь къ Тушинскому ложному Царю приложися и съ Полскими люди и съ Рускими измѣнники вездѣ ратоваху. Тогда убо во святыхъ Божіихъ Церквахъ скотъ свои затворяху и псовъ во олтарѣхъ питаху, освященныя жъ ризы нетокмо на потребу свою предираху, но и на обувища преторгаху и къ коимъ жъ вещемъ святымъ невозможно прикоснутися ни приступитись безъ говѣнія но со страхомъ, и тая ношаху блудницы и піяху съ плясаніемъ отъ нихъ, и безсловесныя скоты украшаху сими. И яжъ отъ сихъ святыя Божія церкви и честныя монастыри огнемъ потреблени быша, ти единою оплакани быша, а ижъ сице обругаеми тіи назнаменующе намъ, яко имѣемъ грѣхи не очистимся и пребывающія въ неразсуждени нашемъ до дне пришествія Господня. И никто же отъ всего Російскаго языка неизъбысть отъ тѣхъ бѣдъ: чинъ иноческій и священнически невскорѣ смерти предаяху, но прежде злѣ мучаще всячески, и огнемъ жгуще пытающе сокровищь, и потомъ смерти предаяху; а ихъ же свѣдятъ иноковъ непреходимыхъ отъ мѣста на мѣсто но во единомъ обѣщани живуща, и таковыхъ работами облагаху, и стражи бѣяху и вина и пива варяху имъ и кормы людскія и конскія готовяще и пасяху стада имъ; такожъ и іереовъ у мелива и у возовъ и у дровосѣчества моряху, и блудницъ стрежаху и работаю-

ще блудницамъ и воду носяху имъ и порты скверныя мыюще на нихъ, и у коней ихъ все работающе повелѣнное имъ; и старыя и святолѣпныя мужи у ногъ ихъ валяющеся аки сиротки, и ругающеся имъ повелѣваху пѣсни пѣти срамныя и скакати и плескати, непокоряющихъ же ся смерти предаяху. И премѣнишася тогда жилища человѣческая на звѣрская; диві́е бо не кроткое естество медвѣди и волки на градцкая и пространная мѣста пришедше, такожъ и птицы отъ великихъ лѣсовъ на велицѣй пищи на трупѣ человѣческомъ вселишася, и звѣри и птицы малыя въ главахъ и въ трупѣхъ человѣческихъ гнѣзда содѣяша, горы бо могилъ тогда явишася побіенныхъ по правдѣ ратовавшихся. Ихъ же нелѣть изрещи подробну по малу токмо помянути яжъ быша велицы бои на прошествіи отъ Тулы въ Колугу и подъ Кромы и на Восмѣ и подъ Коширою и подъ Орломъ и подъ Нижнимъ Новымъгородомъ и во многихъ мѣстехъ. И крыяхуся тогда человѣцы въ дебри непроходимыя и въ чащи темныхъ лѣсовъ и въ пещеры недовѣдомыя и въ водѣ между кустовъ отъдыхающе и плачущеся къ содѣтелю дабы нощь сихъ постигла, и поне мало бы отдохнути на сусѣ, но ни въ нощь ни въ день бѣгающимъ не бѣ покоя и мѣста кь скрытію, и въ мѣсто луны многія пожары поля и лѣса освѣщеваху нощію, и никому жъ неможно бяша двигнутися отъ мѣста своего; человѣкъ бо ожидаху аки звѣрей отъ лѣсовъ находящихъ, и оставиша тогда злодѣи за звѣрми гонбу, но женуще за своею братіею и со псы аки лютыхъ звѣрей пути пытаху, и существенныя звѣри человѣкъ бѣгающихъ поядаху, и произволительныя звѣри не естествомъ но нравомъ такожде поядаху, и звѣри убо едину смерть дающе, сіижъ и тѣлесную и душевную. Попусти жъ Господь нашъ и Богъ праведный гнѣвъ свои на насъ нетокмо сихъ злыхъ враговъ, но извѣріе пакости дѣяху; нигдѣ бо Христіяне земледѣлцы и вси бѣгающе немогуще житъ семенныхъ всячески скрыти, вездѣ бо изъ ямъ звѣріе и скоповаху и поядаху, и иніи же звѣріе токмо по лѣсу и по грязи разсыповаху далече, такожъ и казаки и измѣнники, идѣжъ что останеться каковыхъ житъ, то въ воду и въ грязь сыплюще и конми топчюще, а и гдѣже непожгутъ домовъ или не можно взяти домовыхъ потребъ, то все мѣлко колюще и въ воду мещуще, входыжъ и затворы всякія разсѣкающе, дабы никому же не жительствовати ту. Но звѣри убо и птицы плоть человѣческую ядуще, человѣцы же съ бѣсы и душа и тѣлеса погубляху; немогущебо немилосердыхъ мучени терпѣти мучими, и на малъ часъ хотяще отъдохнути, и въ

смертномъ разлучени неповинно и неправедно другъ друга оклеветаху. Сихъ жъ немощно разсудити страданія кромѣ создавшаго насъ, многи-бо безъ исповѣданія и безъ святыхъ таинъ на пути во грѣсѣхъ отъидоша, священныхъ убо чинъ потребеленъ бысть, и вси архіереи правоучащи или въ правдѣ стоящи водими яко злодѣи во юзахъ, нетокмо отъ меншихъ но и отъ первопрестолникъ. Намѣстникъ убо Леонтія чудотворца и прочихъ по немъ святыхъ, Ростовскій митрополитъ Филаретъ разуменъ въ дѣлѣхъ и словесѣхъ и твердъ въ вѣрѣ христіянстѣй и знаменитъ во всякомъ добромысльствѣ; сего убо митрополита Филарета исторгше силою яко отъ пазуху матерню отъ церкви Божія, и ведуще путемъ боса токмо во единой свитѣ, и ругающеся облекоша въ ризы языческія и покрыша главу татарскою шапкою и нозѣ обувше во своя сандалія; приведену же бывшу ко лжехристу и къ Поляномъ, совѣтовавше жъ врази да тѣмъ инѣхъ прельстятъ и хотяще къ своей прелести того притягнути, и нарицаютъ его патріарха и облагаютъ его всѣми священными ризами и златымъ посохомъ почествуютъ, и служити тому рабовъ якожъ и протчимъ святителемъ даруютъ; но сей Филаретъ разуменъ сыи не приклонися ни на десно ни на шуее, но пребысть твердъ въ правой вѣрѣ; они же блюдуще того крѣпкими стражми и никако жъ ни словесе ни помаванія тому дерзнути дающи. Такожъ и Тферскаго архіепископа Феоктиста обезчестивше и по многихъ мукахъ на пути къ царствующему граду въ бѣгствѣ смерти предаша, и ратнымъ обычаемъ отъ правовѣрныхъ взято бысть тѣло его обножено кости оружіи и въ знаменіи животныхъ кровоядныхъ начертанныхъ. Такожъ и Суздальскаго архіепископа во изгнаніи скончаша. Епископа жъ Коломенскаго Іосифа на пушкѣ привязавше не единою подъ грады водяще и симъ страшаще многихъ. И мали отъ священныхъ чина тѣхъ бѣдъ избѣгоша, памятъ жъ тѣхъ язвъ многимъ и до смерти остася; мнози же тогда отъ священнаго чина, мняще вѣчно творимое быти, на изгоняемыхъ мѣста издою и клеветами восходяще; нѣцыижъ не стерпѣша бѣдъ и ко врагомъ причастницы быша, и паки тѣхъ низвергающе, и отъ лѣта до лѣта и отъ мѣсяца на мѣсяцъ новыя власти вертящіяся являхуся. Непокарающихжеся имъ злымъ совѣтомъ по всей земли всякъ чинъ: овѣхъ съ башенъ высокихъ градныхъ долу метаху, инѣхъжъ съ бреговъ крутыхъ во глубину рѣки съ каменіемъ верзаху, инѣхъ жъ розвязавше изъ луковъ и изъ самопаловъ розстрѣляюще, инѣмъ же голени на полы преломляху, у инѣхъ же чадъ восхитивше и предъ очима родитель на огни пряжаху, и нѣхъ жь отъ сосцу и отъ пазуху матерню отъторгающе

о землю и о пороги и о каменіе и о углы разбиваху, инѣхъ жъ на копія и на сабли взоткнувше пред родительми ношаху, красныхъ же женъ и дѣвицъ многихъ въ блудъ взимаху, и тако во многомъ оскверненіи нечисты умираху; инозижъ и сами изрѣзывахуся смерть пріимаху, дабы не осквернитися отъ поганыхъ, и иніи же въ воду ввергшеся съ бреговъ высокихъ, не бѣ бо мѣста ко скрытію. Матери жъ младенцовъ своихъ плачущихъ отъ глада и жажды в невѣдѣни задавляху, дабы ихъ ради гласа самимъ непогибнути, бѣгающе бо захватывающе рты имъ и послѣди обретающе тѣхъ мертвы, и якожъ пустынницы в лѣсехъ со звѣрми во единныхъ пещерахъ живуще, и емужъ къ симъ невозможно то и отъ того отбѣгаше, и аще необѣщавшеся иночествовати но дождь и снѣгъ и варъ и студъ нагимъ тѣломъ терпяще. Сія же зряще мужественіи сердцемъ и рыкнувше разсѣдающеся внутренними, предаяхуся на растесаніе и на раздробленіе удовомъ, немогуще благородни сынове зрѣти рождшихъ ихъ ложеснъ у блудныхъ беззаконниковъ оскверняемыхъ, злѣ такожде и братія за сестръ своихъ нерушимаго ради дѣвства красоты скончевахуся. Сія же вся попусти Господь за беззаконнія наша, да не надѣемся на красоту церковную ни на обложеніе драгое святыхъ иконъ, сами же в блудѣ и въ піянствѣ пребывающе; добро убо и сіе и пріятно Богови украшеніе святыхъ церквей и честныхъ иконъ, но аще не от лихоимства ни отъ неправды ни отъ посуловъ ни отъ гордости; писано бо есть яко вы есте храмъ Бога жива, якожъ рече Богъ вселюся в ня и похожу и буду имъ Богъ, и ти будутъ ми людіе сынове и дщери, глаголетъ Господь Вседержитель. Или убо живущему во свѣтѣ неприступнемъ нужда походити в камени и древѣ, якожъ глаголетъ Златоусты Іоаннъ: храмъ не стѣны каменны и древянны но народъ вѣрныхъ; такожъ и Павелъ апостолъ вопіетъ къ намъ: аще кто растлитъ храмъ Божіи, растлитъ сего Богъ. Ктожъ растлитъ храмъ Божіи, не мы ли суть, о насъ жъ инде апостолъ глаголетъ: лутче бы имъ непознати свѣта, нежели познавшимъ держати тму; и правилы со апостоломъ рѣчено бысть: аще кто отъ иновѣрныхъ призываетъ васъ ясти, и имѣяй разумъ Божіи, да идетъ на славу Божію, неимѣяи жъ неидетъ, да не к тому и протчихъ соблазнитъ. И паки тоижъ глаголетъ: аще кій въ васъ братъ именуемъ блудникъ или прелюбодѣй или тать и разбойникъ или піяница или лихоимѣтель или грабитель, съ таковыми неясти. Чтожъ сея бѣды страшнѣе? сквернѣиши бо иновѣрныхъ есмы, донелѣ жъ не обратимся, и мнози убо мы и до днесь въ скверныхъ лихоимствахъ живуще и кабаками печемся и грабленіемъ и посулы церкви Божія созидающе и красно образы строяще и колокола велики сливающе, да

гласомъ тѣхъ славни будемъ; а еже вышши тѣхъ звону восходитъ гласъ во уши Господа Саваоѳа бѣдныхъ и нищихъ обидимыхъ отъ насъ и в судѣ не праведно осужденныхъ по мздѣ, и о томъ небрегутъ; яко несотворшимъ милости здѣ, иесть имъ отъ Бога милости, яко милостыни татіе не подъкопываютъ ни крадутъ ни тля тлитъ, ни огнь ни мечь милостыни отъ книгъ животныхъ немогутъ отъмыти, развѣ величавая мысль, та и съ небесъ можетъ во адъ свести якожъ и Фарисея. И о семъ разумѣемъ, яко не праведная имѣнія даемая церквамъ Божіимъ неукрашаютъ но раззоряютъ. И неявно ли бысть всѣмъ намъ праведное гнѣвобыстрое наказаніе отъ Бога за вся тая сотворенная отъ насъ злая, надъ сими жъ и за крестное цѣлованіе первѣе Борису, потомужъ и за безумное крестное цѣлованіе Розстригѣ и Сендомирскому, и потомъ благочестивому Царю и великому Князю Василію Іоанновичу Шуйскому, и сія преступихомъ и ни вочтожъ положихомъ, и за дружелюбство съ воры и лже цари и съ Поляки и съ казаки и съ грабители и власти ради и богатства отъдахомъ сами себе на погубленіе. Сего ради гдѣ суть, иже не осквернишася святыя церкви и Божія образы, токмо ижъ в вѣрѣ крѣпко стоящихъ и не давшимъ входу врагомъ Божіимъ и еретикомъ? гдѣ иноцы многолѣтными сѣдинами цвѣтущія? гдѣ инокини невѣсты Христовы добродѣтельми украшени? гдѣ всякое благолѣпіе Россійское? не всѣ ли до конца роззорено и обругано злымъ поруганіемъ. Гдѣ народъ общи христіанскій, не всѣ ли лютыми и горкими смертьми скончашася. Гдѣ множество безчисленное во градѣхъ и в селѣхъ работные чади Христовы, не вси ли без милости пострадаша и въ плѣнъ разведени быша, непощадеша бо престарѣвшихся возрастомъ, неусрамишася сѣдинъ старецъ многолѣтныхъ и съсущихъ млеко младенцы, всяко испиша чашу ярости гнѣва Божія. О ненасыти имѣніемъ и въ прочихъ злыхъ возрастшеи! помянемъ сія и престанемъ отъ злыхъ, научимся добротворити, видимъ общую погибель смертную и гонзнемъ сихъ; дажъ и насъ самыхъ таяжде непостигнетъ лютая смерть, и зъдѣшняго живота да не лишимся злѣ и вѣчнаго непогрѣшимъ. Егдажъ убо велицѣ бѣдѣ и брани отъ злыхъ мятежниковъ царствующему граду Москвѣ належащи; тогда Царь Государь и великіи Князь Василіи Іоанновичь всеа Росіи видѣвъ сія и посылаетъ по всѣмъ градамъ земля своея отчины воиско собрати противу ихъ множества разбойниковъ. (Весь разсказъ № 9-го съ словъ: «Въ тѣ жъ времена.» до словъ: «множества разбойниковъ.» въ первомъ сказаніи изложенъ иначе на стр. 55—58; съ словъ: «а праздновати его уложиша».... до словъ: «бѣды, яко же отъ своихъ.»)

10. И се по мале приведе въ Тушино изъ Асторахани Князь Володидимеръ Бахтеяровъ Ростовскій иныхъ двy царевичевъ нарицающихся, казаковъ Ларку и Августа, и повелѣ ихъ второлживый Царь въ Тушинѣ повѣсти.

11. Недоумѣя же ся како уставити кровопролитія пагубу; понежъ обсѣдоша врази царствующій градъ Москву на много время и дороги всѣ засѣдоша къ Московскому государству, и посылаетъ.

12. Въ тоже время уступиша ис Тушина Литовсти люди Сапѣгинъ полкъ и осадиша Троецкой Сергіевъ монастырь Сентября въ 26 день, и за 15 поприщь Троицы Сергіева монастыря въ селѣ Рохманцовѣ побиша Литовсти люди Царя Василія Московскихъ людей, боярина Князя Ивана Ивановича Шуйскаго с товарищи; и съ того бою замутившеся Замосковны грады и Тушинскому вору лживому Царю Димитрею цѣловаша крестъ. Тогда же и Ростовъ Литва пожгоша и церкви Божія и святыхъ мощи оскверниша, и преосвященнаго митрополита Филарета Ростовскаго и Ярославскаго взяша съ собою и привезли въ Тушино второлживому Царю. А Король видѣ тогда нестроеніе въ Руской земли и обсяде Смоленескъ; и тако продолжися междуусобная сія всеснедная пагуба до лѣта 118 году.

О бою со Князем Михайломъ Польскимъ и Литовскимъ людемъ и Рускимъ измѣнникомъ.

Разрушителю жъ бранемъ Князю Михаилу приближившуся къ Колязину монастырю, сопротивницы Полскіе и Литовскіе гетманы и ихъ полковники и рохмистры, кожъдо со своими полки, Александръ же Сборовской и Сапѣга и Лисовской и Иванъ Заруцкой поидоша паки противъ Князя Михайла Васильевича Шуйскаго Скопина Переславскою дорогою мѣсяца Іюня въ 5 день, на память преподобнаго отца нашего Афонасія Афонскаго и Преподобнаго отца нашего великаго свѣтильника и дивнаго въ чюдесѣхъ Сергія Радонежскаго Чудотворца, на обретеніе честныхъ его мощей, во второмъ часу нощи, пріидошаже на Волгу подъ Калязинской монастырь въ село Колязинское Пирогово. Князь жъ Михайло Васильевичь со благочестивымъ воинствомъ и съ Яковомъ Пунтосовымъ и съ Вельгеромъ и со многими Нѣмецкими людми ополчившеся на Волгѣ противу ихъ; и посла Князь Михаило воеводъ Семена Головина и Князя Якова Борятинскаго Григорія Волуева Давыда Жеребцова со многими людми за Волгу, на перевозъ къ Николѣ Чудотворцу въ слободу, на рѣчку Жабну, под Литовскихъ людей, чтобы ихъ за тое рѣчку не перепустити.

рѣчка бо та топка и ржависта. Литовскіе же люди увидѣвше Московскихъ людей, и абіе яко лютыя звѣри устремишася на ловъ; благодатію жъ Божіею на томъ бою многихъ Полскихъ и Литовскихъ людей побили и поранили, мнози жъ отъ нихъ на грязехъ погрязше погибоша, прочіи жъ въ бѣгство устремишася къ большимъ Литовскимъ людемъ въ село Пирогово. Воеводы жъ о семъ послаша вѣсть ко Князю Михайлу Васильевичу, чтобъ вскорѣ рѣку перевезся, еже и бысть. Литовское жъ войско гетманы ихъ и полковники со всѣми полки своими устремишася на Руское воинство и ступишася обои полки; и бысть сѣча зла и сѣчахуся на многихъ мѣстехъ и бьющеся чрезъ весь день; отъ оружейнаго стуку и копейнаго ломанія и отъ вопля и отъ клича и отъ трескотъ оружія не бѣ слышати другъ другу, что глаголетъ, и отъ дымнаго куренія едва бы видѣти, кто съ кѣмъ ся бьетъ, и яко звѣріе злѣ сѣчахуся. Солнцу жъ достизающу до западъ, и возопиша вси православни къ Богу со умиленіемъ отъ сердецъ своихъ: виждь владыко кровь рабъ твоихъ, неповинно закалаемыхъ, такожъ и ты преподобне Макаріе помолися за ны къ Богу и помози намъ. И уже близъ вечеру сущу услыша Господь молитвы рабъ своихъ, и нападе страхъ веліи на враговъ Божіихъ, и ужасомъ великимъ одержими въ бѣгство устремишася и побѣгоша другъ друга топчуще гнѣвомъ Божіимъ гоними. Рускіе жъ полцы гнаша Литовскихъ людей и сѣкуще до Рябова монастыря, и многихъ Литовскихъ людей побили и ранили и нарочитыхъ паповъ многихъ живыхъ поимали, съ великою побѣдою и одолѣніемъ возвратишася подъ Колязинъ монастырь со многою корыстію. Полскіе же и Литовскіе люди и Рускіе измѣнники якоже исъ подъ Твери такожъ исъ подъ Колязина бѣжаху не путьми, возвращшеся вспять.

О побѣгѣ ложнаго Царика отъ Москвы.

Егдажъ прибѣжа подъ Москву въ Тушино Сапѣга и Лисовской исъ подъ Троицкаго Сергіева монастыря со всѣми Полскими и Литовскими людми и Рускими измѣнники; тогда бысть въ Тушинѣ у вора подъ Москвою смятеніе и всѣ Поляки въкупѣ начаша сѣщи Руских измѣнниковъ, кои въ Тушинѣ, дворянъ и дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и казаковъ и всякую чернь. О горе бѣды и умышленія отъ сопостата діавола на родъ Христіанскій! кто изречетъ той лютости, ежъ бысть отъ неразсужденія душамъ погибающимъ; само-

волнѣ убо безумницы животомъ двѣ смерти купиша и по дѣломъ своимъ праведное отъ Бога возмѣздіе пріяша, мнози жъ прибѣгше ранены къ царствующему граду съ кровными слезами протчимъ изрученія просящимъ, и не бысть избавляющаго и не бѣ никтожъ помогаяй, и тако поидоша къ Смоленскому стояти и ко инѣмъ градомъ воевати. Воръ жъ нарицающійся Царевичь Димитріи прежде сего смятенія за два мѣсяца утече въ Калугу съ еретицею, съ прежде бывшей ростригиною женою съ Юрьевою дочерью пана Сендомирскаго, и со инѣми многими воры, и въ Калугѣ отъ холопей боярскихъ пріятъ бысть, и яко Царю служать ему. И паки зачинается кровь Христіанская лютѣ ими литися, и того бо ради утече окоянный, понежъ нѣцыи отъ казаковъ тайно возвѣстиша ему, яко Поляки ждуще Князя Михайла, и тогда хотяще его отдати въ царствующій градъ. Богу жъ попущающу вора по грѣхомъ нашимъ казнити, еще жъ и на покаяніе насъ грѣшныхъ приводя, пачежъ и того злодѣя и иже съ нимъ; нехощетъ бо никому погибнути, но всѣмъ спастися и в разумъ истинны пріити. Но злоба состарѣвшаяся конечнѣ приходитъ во истлѣніе, того ради злѣиши мечь Господень поощряется на ны, яже послѣди объявлено будетъ.

О Князь Михайловѣ приходѣ къ Москвѣ и о смерти его.

Неувяжемый удъ въ человѣцѣхъ бѣсящимся языкомъ многихъ отъ сердецъ лукавыхъ подвижется, съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ самодержца, яко вся земля Російская почитаютъ Князя Михайла паче тебѣ Великій Царю, еще же и скипетроносца хотятъ его видѣти. Храбрый жъ той мужъ отъ многихъ молимъ бѣяше, дабы шелъ изгубити пути нечестивыхъ и дабы не престалъ отъгоняти волки отъ стада христова; онъ же Царя яко Исаакъ послушаше отца своего Авраама, и приходитъ цѣловати лице его, о немъ же многъ трудъ и борбы подъятъ; с нимъже побѣдители похвалами увязаются, и отъ всего града царствующаго Москвы яко Давыдъ со юноши паче Соула прославляется. Грѣхъ жъ ради нашихъ, по двою мѣсяцу пришествія его къ Москвѣ мало поболѣвъ, страшный юноша онъ ко Господу отиде; но невѣмы убо, како рѣщи: Божіи судъ на нь постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися, единъ создавый насъ се вѣсть. Но убо о таковѣмъ знаменитомъ человѣцѣ проплакавъ вся земля неутѣшно, и горкаго рыданія немощно изъглаголати; но колико познаваемъ, сія о томъ и съплетаемъ: достойны убо похвалы во Еллинехъ Екторъ и Ахильлесъ, но

невидѣша на себѣ пущаема стрѣлянія силы, древле убо смерть во бранѣхъ на мѣрилѣхъ совершашеся, и аще исполинскою крѣпостію вскорѣ смерть многимъ бываше; но единемъ удареніемъ ни гдѣжъ слышашеся, еже бы полкъ народа в мегновени ока погибли, нынѣ же и горы основанія и стѣны градовныя яко прахъ развѣваетъ; тогда же убо, сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣжъ умъ тоя бѣды постигнути не можетъ; и съ таковыми убо смертьми боряйся мужъ заиде подъ землю. О бѣды сія! паки возвращаются львы, паки волки рыщутъ, паки Христово стадо распужено бываетъ, паки овцы разтерзаются, о горе горе намъ живущимъ на земли! свержены убо от небесъ непрестанно гонитъ насъ, по сказаніи сына громова, вѣдый яко мало время имать пребывати.

О приходѣ къ Москвѣ Гетмана пана Желковскаго и о бою со Княземъ Димитріемъ Шуйскимъ, и о приходѣ паки къ Москвѣ ложнагѡ Царика.

И паки сынми еретическими яко водою обливается царствующій градъ Москва, и изънеможе всяка крѣпость православныхъ Христіянъ, и Царевъ убо братъ Князь Дмитрей Ивановичь Шуйской изыде со множествомъ вой но со срамомъ возвратися; понежъ ненавидяху его, гордости его ради, сего ради и нелюбезенъ бяше во очію ихъ. И съ едину страну царствующаго града Москвы Поляки множественны числомъ стояху; съ другую жъ злый врагъ пріиде изъ Колуги нарицающися Царевичь Димитріи, и тои также дѣяше христіяномъ пакость; еще жъ и по призванію Царя Василія Крымскіе Татарове пріидоша на защищеніе граду, и ти въ царствующи градъ внутрь невнидоша, но со враги за стѣнами въкупѣ ратоваху и христіянъ убо погубляюще, на Царѣ жъ Василіи за то дары великія вземше, и отъ всея земля плѣну яко скотъ въ Крымское державство согнаша. Сице же разтерзаему царствующему граду бывающу и уже неумѣющу что сотворити; и начаша лукавыя лисицы измѣнники совѣщатися: ови съ Поляки, дабы королевича Владислава возвести на Россію державствующимъ, и иніи жъ ложному Царевичу Тушинскому, иже отъ Колуги пришедшу, и тому хотяще служити; и бѣ кровь внѣ и внутрь, и мнози закалаеми бяху неповинно. Воинствующихъ жъ чинъ конечно изнеможе всяческими нужи, злѣишы жъ всего безконны сташа. (далѣе, какъ и въ перв. сказаніи: «о сонмищѣ мятежниковъ.» стр. 69.)

13. (Вмѣсто статьи о плѣненіи Царя Василія).

О манкѣ надъ Москвичи лжихристовыхъ правитель.

Бывши же правители у ложнаго Царя неправъ совѣтъ изъявляютъ защитникомъ царствующаго града Москвы: вы убо оставите своего Царя, глаголюще Василія, и мы такожде своего оставимъ и изберемъ вкупѣ всею землею Царя, и станемъ обще на Литву, и увѣряхуся страшными клятвами, ежъ неложно сицевому дѣлу быти. И таковъ слухъ изыде во весь народъ, и вси радостни быша, дабы кровь Христіанская утолити, и собрася весь царствующій градъ; и низводятъ отъ Царскихъ палатъ Царя Василія въ лѣто 7118 году, и совершиша свое желаніе заводчики Сѣверскихъ градовъ жителіе. На утрія же Москвичи изыдоша на поле къ Даниловскому монастырю, ежебы клятвенное слово совершити, и тѣмъ не Христова жъ чада но антихристова со смѣхомъ отказаша; вы убо праведно сотвористе неправеднаго Царя изринувше, и служите Царю нашему истинному прямому вашему. Святѣйши жъ отецъ отцемъ Ермогенъ патріархъ молитъ весь народъ, дабы паки возвести Царя, егожъ словесъ мудрыхъ никтожъ непослуша, но вси уклонишася и въкупѣ непотребни быша.

О пострижении Царя Василія.

Въ лѣто 7118 году Іюля въ 19 день Рязанецъ дворянинъ Захарей Ляпуновъ да Князь Петръ Засѣкинъ со своими совѣтники Царя Василія силою постригоша въ иноческіи чинъ, обѣщаніе жъ за Царя отвѣщаше князь Василей Туренинъ, и предаша подъ начало въ Чудовъ монастырь; и потомъ вскорѣ и Царицу его Марію постригоша силою жъ и отъдаща въ Ивановской монастырь; а братію его князя Дмитрея да князя Ивана Ивановичевъ Шуйскихъ отдаша за приставовъ. Поляки жъ о градоемствѣ промышляху, такожъ и лжехристъ Тушинской и Колужской, мнози же хотяще тому лжехристу служити и измѣны многи начаша бывати; и изволиша люди се лучши убо государичу служити, нежели отъ холоповъ своихъ побитымъ быти и вѣчней работѣ у нихъ мучится, ещежъ и заступленія вся чаяху отъ Поляковъ на воровъ, и положися совѣтъ еже быти Царемъ Владиславу королевичу. Патріархъ же Ермогенъ паки начатъ плакатися предъ всѣмъ народомъ; дабы не посылали съ такимъ моленіемъ къ Полскимъ людемъ, но молили бы Господа Бога, чтобъ Господь Богъ воздвигъ Царя; вси жъ людіе о семъ посмѣяшася; патріархъ же велімъ гласомъ

возопи предъ всѣми: помните о православни христіанѣ, что Каруль въ велицемъ Римѣ содѣя. И вси заткнувше уши чувственныя и разумныя и разыдошася; и вскорѣ съ Поляки совѣтъ положиша, еже быти царемъ Владиславу королевичу. (далѣе о боярскомъ державствѣ. с. 71.)

О крестномъ цѣлованіи у Московичь съ Поляки.

14. Гетманъ Желковской цѣловалъ крыжъ королевскою душею, что Королю сына своего Владислава дати на Московское государство, и быти ему во христіанстей вѣрѣ греческаго закона, а креститися было ему, къ Москвѣ идучи, въ Можаискѣ отъ Ермогена патріарха и отъ всего освященнаго собора; а доколѣ Королевичь будетъ на Москвѣ и Гетману Желковскому со всѣми людми отъити въ Можайскъ и изо всѣхъ городовъ Рускія земли вывести вонъ всѣхъ Поляковъ и Литву; а Королю отъити отъ Смоленска прочь со всѣми людми въ Полшу. Такожде и всею землею Россійскою цѣловали крестъ Господень, что Владиславу Жикгимоитовичу служити прямо во всемъ. Съ воромъ же вси сущи сія увѣдѣвше отъидоша паки въ Колугу, за ними жъ Поляки не погнаша, но оставиша ихъ да раззоряютъ христіянство. Патріархъ же зѣло плакая, видя таково нестроеніе въ людехъ.

О послѣхъ.

Въ лѣто 7119 году сентября въ 9 день избравше всею Россійскою землею въ послы пресвященнаго Филарета митрополита Ростовскаи и Ярославскаго да князя Василія Васильевича Голицына, да князя Данила Ивановича Мезецкаго и думныхъ дворянъ и діаковъ. Пріидоша жъ послы подъ Смоленскъ въ табары къ Королю Полскому и Литовскому Жикгимонту октября въ 7 день. Тогожъ мѣсяца октября въ 19 день передъ Королемъ Польскимъ и Литовскимъ Жикгимонтомъ ставше послы царствующаго града Москвы, моляще Короля, дабы далъ сына своего на государство Московское, и по малѣхъ днехъ еще четырежды быша послы совѣтающе съ сенаторы и съ гетманы; и на четвертомъ сходѣ сказали сенатари и гетманы, что пожаловалъ Король сына своего Владислава, хочетъ дати еже быти ему на Московскомъ государствѣ Царемъ. Медлящимъ же посломъ сицевыя ради вины подъ Смоленскомъ всю осень и до зимы, и не бѣ къ Москвѣ праваго отвѣта: будетъ ли или не будетъ Королевичь къ Москвѣ на го-

сударство Московское. По четвертомъ сходѣ посольскомъ съ Москвы отъ московскихъ бояръ къ Королю съ повинною гонецъ прибѣжалъ дворянинъ Иванъ Безобразовъ; понеже бояре отпустивше пословъ подъ Смоленскъ и недождавшеся отъ нихъ грамотъ и вскоре все воиско Полское и Литовское пустиша въ городъ; сеже содѣяша зло сами себѣ волею и неволею, волею бо яко мнози Королю доброхотствующе, неволеюжъ яко мнози къ вору къ Колужскому начаша прямити и съсылатися Начальникъ жъ Полскаго воинства гетманъ Желковской повелѣ со Царя Василія Іоанновича Шуйскаго платье сняти и отъвести въ плѣнъ къ Королю Жикгимонту Полскому и Литовскому, такожъ и братію его князя Дмитрея и со княгинею и князя Ивана Шуйскихъ послаша къ Королю. Послы же такаваго злаго дѣла не увѣдѣша, патріархъ же Ермогенъ много о семъ плакася и много безчестія пріятъ отъ измѣнниковъ и отъ Поляковъ. Потомъ же Поляки все державство московское начаша правити, вездѣ свои воеводы и судія начаша поставляти и всякая крѣпость града Москвы за ихъ стражми бысть, и нарядъ пушечной и пищальной весь отъемше и внесше внутръ града Кремля и Китая, и по всѣмъ градамъ Россійскимъ посылаху своя угодники И того ради и посольство къ Королю Полскому бездѣлно бысть и въ безчести быша посланіи отъ Московскаго государства, ихъ же начаша до конца оскорбляти и гладомъ томити; самъ жъ Король безпрестанно промышляя како бы градъ Смоленскъ взяти, посломъ жъ повелѣ отказати, что небудетъ Королевичь на государство Московское; сенатариже и гетманы рекоша посломъ: вы однѣ послы токмо безъдѣлничаете, а Московское государство все Королю хочетъ служити и прямити во всемъ, и показываху челобитные за руками, кто что отъ Короля проситъ, и того ради послы до конца отчаяшася и невѣдуще что сотворити. Нѣцыи жъ отъ нихъ къ царствующему граду возвратишася, протчихъ же пословъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Филарета, да Князя Василія Голицына съ товарыщи Король в Литву отосла, овыхъ въ темницахъ затвори, овыхъ смерти предасть. Гетманъ же Желковской съ Поляки нача казну царскаго дому грабити, ово себѣ ово жъ къ Королю подъ Смоленскъ посылая, тожъ и нарядъ хотяше съ Москвы подъ Смоленскъ послати, по всей жъ Руской земли начатъ посылати дани великія и оброки имати. И кто ту бѣду изъглаголетъ, каковы быша правежи по всѣмъ градомъ православнымъ христіяномъ, но и о семъ Поляки не утѣшишася, но паки оружіемъ препоясуются и повсюду ратнымъ обычаемъ насилуютъ.

О смерти вора Калускаго.

Лжехристъ жъ нарицаяся Дмитріемъ Царевичемъ живы въ Колугѣ, и той тако жъ православнымъ христ.яномъ пакость дѣяше. И нѣкогда Князь Петръ Урусовъ сынъ Нагайской по своему злому обычаю мечемъ погуби вышепомяпутаго Касимовскаго Царя, вору жъ Тушинскому тотъ врагъ христіянскіи зѣло любимъ бѣяше, тако жъ и Нагайской не Петръ но діяволъ любимъ жъ бѣяше; и оскорбѣ воръ по Царѣ Касимовскомъ потужи сатана по бѣсѣ, повелѣ того Князя Петра ввергнути въ темницу. Вѣдыи жъ Князь Петръ, яко лукавый лжехристъ зѣло имѣнію желатель и сребру служаи всегда, и подвиже многихъ лукавыхъ волковъ лютаго лва оболстити многими дарми; и тако по трехъ днехъ изъ темницы изведе его, и много тому врагу похвалы предложивъ, и по днехъ неколицѣхъ умоли его изыти тѣшитися и смотрѣти поля Татарскаго на заицы, и на томъ игралищи въ полѣ передъ Колугою устрѣли того врага до смерти, самъ же убѣжа съ Татары. И остася сука со единемъ щенятемъ, къ неи жъ припряжеся закономъ сатанинскимъ Полякъ Иванъ Заруцкой, показуя яко служа ей и тому выблядку. Сіе жъ доздѣ, не убо о немъ повѣсть сказуется.

О собраніи войска въ Росіи на Полскихъ и Литовскихъ людей.

Рязанскіе жъ земли жителіе дворяне и дѣти боярскіе и всякіе воинскіе люди, видяще толико насильство Поляковъ, въ нихъ жъ началствуя тогда на Рязани воевода Прокопій Петровичь Ляпуновъ, и сославшася съ Володимиры, и съ Ярославцы, и съ Костромичи, и съ Нижегородцы и съ государствомъ Казанскимъ и со всѣми Татары, потомъ и того врага Заруцкаго увѣщаша многими дарми и посланми, съ нимъ же и казаки и Сѣверскіе городы обратишася; и тако начаша изо всѣхъ градовъ Литву избивати.

Сказаніе въ кратцѣ о разореніи царствующаго града Москвы.

Кто невосплачется и невозрыдаетъ и теплыхъ слезъ источники неизліетъ, аще есть и каменно сердеченъ и жестосердъ, о велицемъ семъ царствующемъ градѣ, ижъ прежде бысть толико великъ и превысокъ прекрасенъ и всѣмъ любезенъ во очію зрящимъ его, и благочестивыми и великими Царьми царствуемъ и обладаемъ бѣ, и не токмо крѣпкими и высокими стѣнами, но и крѣпкими оруженосцы

и храбрыми ратоборцы и премудрыми мужи огражденъ сый, паче жъ святыми церквами и многоцѣлебными мощьми святыхъ цвѣтяше, и молитвами ихъ отъ всясодержащаго укрѣпляемъ растяше и возвышашеся и отъ многихъ государствъ поклоняемъ, божествомъ же и славою и многонароднымъ множествомъ и превеликимъ пространствомъ нетокмо въ Росіи, но и во многихъ ближнихъ и дальнихъ государствахъ прославляемъ и удивляемъ бысть царствующій сей градъ Москва, преже рѣку новы Римъ, и како толикъ предивенъ бысть, во единъ часъ падесь огнемъ и мечемъ потребленъ бысть. Избыстъся на насъ слово премудраго Соломона глаголюще: злодѣяніе и беззаконіе, рече, опровержетъ престолы силныхъ, во истинну благіи совѣтъ правда же и любовь все созидаетъ и во едино совокупляетъ, неправда жъ и созидаемая вся и созданная раззоряетъ и сокрушаетъ. Видимъ убо колика древняя великая царства неправды ради и беззаконія падошася злымъ паденіемъ, глаголю же Содома и Вавилона великаго и Ниневіи великіи и Трою предивную, Іерусалимъ градъ святый несохраненія ради закона Господня плененъ бысть, понеже распяша Господа славы и непокаяшася, по семъ же великіи царствующій Константинъ градъ не беззаконія ли ради и неправды плѣненъ бысть, окрестъ же Россіи знаемая нами царства Татарская великая падошася и въ запустени быша. Сице жъ бысть и надъ царствующимъ градомъ Москвою за премножество беззаконіи нашихъ; но сія убо по плѣненіи своемъ невозмогутъ востати, царствующіи жъ градъ Москва не тако, аще и за беззаконія наша и тмочисленныя грѣхи мало наказа Господь, за милость же свою много возлюби и помилова. Егда убо беззаконія ради своего смирихомся и восколебахомся яко пьяни, и приближихомся до вратъ смертныхъ, и возопихомъ ко Господу; и услыша насъ, и отъ бѣдъ нашихъ избави насъ; воистинну близъ есть всѣмъ призывающимъ его истиною, и раскаяся по множеству милости своея, и порази вспять плѣнующихъ насъ враговъ нашихъ; но о семъ убо впреди изъявлено будетъ.

Начнемъ же нынѣ, о немъ же намъ слово предлежитъ.

Въ царствующемъ жъ градѣ Москвѣ преждереченіи они Лютори беззаконніи Поляки и Литва и Нѣмцы и отступницы и предатели христіанстей вѣрѣ Михаило Салтыковъ да Федоръ Андроновъ со всѣми своими угодники, видѣвши яко многія Россійскія грады познаша ихъ лукавство и злую прелесть и преступленіе въ крестномъ цѣлованіи, и приставовъ ихъ по всѣмъ градомъ и по селомъ множество побіе-

ныхъ, и воевода ихъ Князь Иванъ Куракинъ съ Поляки и съ Рускими измѣнники къ Москвѣ прибѣжалъ, разбіенъ отъ Ивана Васильевича Волынскаго съ товарыщи, и непщующе скорѣ отъ Рязани и отъ Володимера и отъ Казани и отъ инѣхъ градовъ много Россійскаго воинства, и по своему лукавому нраву умыслыша злое коварство надъ царствующимъ градомъ Москвою.

15. (Вмѣсто статьи въ первомъ сказаніи на стран. 71, 72. Тогожъ лѣта Марта въ 19 день изліяся Фіалъ.... взыскать хотяху, яко же и бысть).

Того жъ лѣта 7119 году Марта въ 19 день на страстной недѣли во вторникъ Михаило Салтыковъ и Полски воевода Гасевской да Струсъ со всѣми Поляки и Нѣмцы начаша сѣщи въ царствующемъ градѣ Москвѣ всѣхъ православныхъ христіанъ. Преже убо Китаи городъ затвориша и ту много множество православныхъ христіянъ побиша и торги вся разграбиша; по семъ жъ въ болшомъ въ бѣломъ градѣ и въ древяномъ вся жилища человѣческая огнемъ запалиша, и всякъ возрастъ и всяко зданіе царствующаго града Москвы увы мечю и огню предаша и градъ древяной весь сожгоша, церкви же и монастыри и всяку Святыню оскверниша и попраша.

16. О патріархѣ Ермогенѣ Московскомъ.

(Послѣ сказанія о кончинѣ патріарха Гермогена все остальное до конца всего сказанія изложено слѣдующимъ образомъ).

Сіе же гнѣвобыстрое наказаніе отъ Бога бысть намъ за премногія и тмочисленныя грѣхи наша, понежъ Господь многажды наказуя и отъвращая насъ отъ злобъ нашихъ, и непослушахомъ нижъ обратихомся отъ путей нашихъ лукавыхъ, но въ путь Каиновъ и во слѣдъ волхва Валаама ходихомъ. Того жъ дни на страстной недѣли во вторникъ въ Троецкой-Сергіевъ монастырь прибѣжалъ съ Москвы сынъ боярской Яковъ Олехановъ, и сказалъ архимандриту Діонисію и келарю старцу Авраамію и всей брати злоубійственную и страстную вѣсть, иже сотворися надъ царствующимъ градомъ Москвою. Архимандритъ же и келарь и вси сущи во обители, слышавше сія, зѣло сердцы своими востенавше и источницы слезъ многи изъліявше, и руцѣ свои воздѣюще ко всемогущему творцу и избавителю со слезами молящеся и глаголюще сице: заступниче и избавителю нашъ Господи, призри на ны и избави насъ отъ устъ кровоядныхъ сихъ Люторъ и непредаи жъ достоянія своего въ руки врагомъ нашимъ; такожде и ко всенепорочней владычицѣ матери слова Божія, и къ великимъ чюдотворцемъ Сергію и Никону со слезами притекше заступленія и помощи просяще. Того жъ дни отпу-

стили на спѣхъ къ царствующему граду на помощь Андрея Феодоровича Палицына, а съ нимъ слугъ пятьдесятъ человѣкъ, да Князя Василія Туменскаго съ товарищи, да дву сотниковъ стрѣлецкихъ Рахманина Базлова да Томила Яганова, а съ ними стрѣлцовъ двѣсти человѣкъ; а въ Переславль Залѣской послали слугу Алексѣя Острецова съ товарищи къ воеводѣ Ивану Волынскому да ко Князю Федору Волконскому и къ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и ко всякимъ служилымъ людемъ о помощи. По семъ же разослаша грамоты во вся грады Россійскія державы, къ бояромъ и къ воеводамъ пишуще къ нимъ о многоплачевномъ конечномъ раззореніи Московскаго государства, моляще ихъ отъ различныхъ божественныхъ писаній, повѣдающе имъ въ писаніи како во многихъ градѣхъ и селѣхъ отъ Литовскихъ людей бывшую конечную погибель святымъ божіимъ церквамъ оскверненіе, и чудотворнымъ святымъ образомъ и многоцелѣбнымъ мощемъ святыхъ поруганіе, инокомъ же многолѣтнымъ и инокинямъ добродѣтелнымъ, паче же рѣку невѣстамъ Христовымъ обруганіе и оскверненіе, непощадиша бо окаяніи лютори они нижь усрамишась престарѣвшихся многолѣтныхъ сѣдинъ отъ старецъ даже и до сущихъ млеко младенцъ. Всякаго возраста и всякъ народъ обшій христіянскій и множество безчисленное во градѣхъ и въ селѣхъ христіянскія работныя чади, не вси ли отъ нихъ безъ милости пострадаша горкими и лютыми смертьми скончашася, и въ плѣнъ разведени быша; нынѣ жъ окаяніи царствующему граду седмерицею сугубейши сего сотвориша зло. Паки же воспоминающе тѣмъ отъ писанія преже бывшихъ храбрыхъ мужей за православіе скончавшихся, како повизашася и пострадаша о вѣрѣ и за отечество даже до смерти и колицѣхъ даровъ отъ Бога сподобишася пріяти, отъ человѣкъ же по смерти колицѣми честьми тогда почтошася и нынѣ почитаеми; и имъ бы такожде возложити upованіе на всесилнаго въ Троицы славимаго Бога и на пречистую Матерь слова Божія и на великихъ свѣтилъ во всей велицѣй Росіи просіявшихъ, поспѣшити немедлено на богомерскихъ Полскихъ и Литовскихъ людей и на Рускихъ измѣнниковъ ко отмщенію крови христіянскія, и постояти бы за благочестіе крѣпко и мужественно, и добыти комуждо себѣ вѣчное имя похвалы достоины. Всякому глаголюще дѣлу едино время належитъ: аще нынѣ о правдѣ не постражемъ потомъ всяко и безъ пользы и безъ воздаяніи умрети жъ имамы, воистинну милостивъ есть владыка и человѣколюбивъ, вопль и молитву рабъ своихъ услышитъ и отъвратитъ праведный свои гнѣвъ и избавитъ насъ отъ належащія и лютыя смерти и

Латынскаго порабощенія, токмо сами мужаитася и крѣпитеся, и аще Господь съ нами то кто на ны. Многа жъ ина Божественныхъ писанія пишуще къ нимъ со многимъ моленіемъ о поспѣшеніи на иноплеменныхъ. Сицевымъ же грамотамъ отъ обители живоначалныя Троица во вся Російскія грады достизающимъ и слуху всему во ушеса всѣхъ распространяющуся, и милостію пребезначалныя Тройца по всѣмъ градомъ вси бояре и воеводы и все христолюбивое воинство и все народное множество православныхъ христіянъ помалѣ разгорающеся духомъ ратнымъ, и вскорѣ сославшеся сподвигошася, отъ всѣхъ градовъ со всѣми своими воинствы поидоша къ царствующему граду на отъмщеніе крови христіянскіе бояре съ воеводы. Отъ Колуги бояринъ и воевода Князь Дмитрей Тимофѣевичь Трубецкой, а съ нимъ дворяне и дѣти боярскіе и стрѣлцы и казаки и всякіе служилые люди разныхъ градовъ. Отъ Переславля Залѣсково воевода Иванъ Васильевичь Волынской да Князь Феодоръ Волконской, а съ ними дворяне и дѣти боярскіе многихъ разныхъ городовъ и и стрѣлцы и всякіе служилые люди. Отъ Коломны думной дьякъ дворянинъ и воевода Прокопей Петровичь Ляпуновъ, а съ нимъ дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ и стрѣлцы и козаки многіе люди. Отъ Тулы Иванъ Заруцкой, а съ нимъ дворяне и дѣти боярскіе многихъ городовъ и многіе атаманы и казаки и севрюки и всякіе служилые люди. Отъ Володимера Иванъ Просовецкой съ дворяны и дѣти боярскими, и съ Черкасы и съ казаки и со многими людми. И отъ иныхъ многихъ градовъ всякіе служилые люди вси пріидоша подъ царствующій градъ Москву, и въкупѣ снемшеся, и бысть многочисленное воинство. Польскіе жъ и Литовскіе люди и съ Рускими измѣнники изыдоша противу ихъ, и бысть имъ бой великъ, и отъ обою страну мнози пиша смертную чашу; и Божіею милостію одолѣша еретиковъ православніи, и многихъ Поляковъ и Нѣмецъ побили и во градъ потоптали, и Бѣлого каменнаго города отъ Москвы рѣки взяли круглую башню и Яускіе и Фроловскіе и Покровскіе и Устрѣтенскіе и Петровскіе и Тверскіе ворота; и вниде все христоименитое воинство въ каменной большой городъ; а Польскихъ и Литовскихъ людей осадили въ Китаѣ городѣ и въ Кремлѣ; а Нѣмецъ осадили въ новомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. Во обители же живоначальныя Троицы архимандритъ Діонисій и келарь старецъ Авраамій со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всею братіею по вся дни совершающе молебная, моляще всещедраго въ Троицѣ славимаго Бога и матерь слова Божія и великихъ чюдотворцевъ Сергія

и Никона о помощи и о укрѣпленіи на враги всего христолюбиваго воинства, и освятивше воду. И со святыми водами тогда пріѣзжалъ подъ Москву къ боярамъ и воеводамъ и ко всему воинству, келарь старецъ Авраамій Палицынъ, и пришедъ паки укрѣпляя отъ божественныхъ писаній все христолюбивое воинство, и милость Господня бѣ съ ними. По семъ же архимандритъ и келарь по совѣту бояръ и воеводъ писали въ Казань по прежеписанному ко преосвященному Ефрему митрополиту Казанскому и Свіяжскому и къ бояромъ и воеводамъ и ко всему воинству Казанскаго государства, и въ Нижней Новгородъ и во всѣ понизовскіе города и въ поморіе о великомъ раззореніи Московскаго государства, и особраніи подъ Москвою христолюбиваго воинства; и имъ бы тако же быти въ соединеніи и стати обще на отмщеніе крови христіянскія и пріидти въ сходъ подъ царствующій градъ Москву. Казанское же государство и всѣхъ понизовскихъ и поморскихъ городовъ бояре и воеводы и всякіе служилые люди и всенародное множество всѣхъ чиновъ, такожде, иже преждебывшія подъ Смоленскомъ у Полскаго Короля Жикгимонта, дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди Смольяне и Новгородцы и иныхъ многихъ украинскихъ городовъ, и сіи вси слышавше о раззореніи Московскаго государства и собрашася подъ царствующій градъ Москву, вси пріидоша; и сшедшеся, вскорѣ взяша Новой Дѣвичь монастырь, да Бѣлаго города взяли Олексѣевскую башню и водяные и Чертолскіе, и Арбатцкіе и Никитскіе ворота, а за Москвою рѣкою противъ воротъ острошки поставили, и сотвориша Полскимъ и Литовскимъ людемъ велико истѣсненіе.

О убіеніи воеводы Прокопія Ляпунова.

Искони же ненавидяй добра человѣческому роду, врагъ діяволъ, видѣ въ соединеніи православныхъ христіянъ завистію растерзается, и обрѣте сосудъ готовъ на се устроенъ, глаголю же Ивана Заруцкаго и единомысленныхъ ему казаковъ съ нимъ. Пришедше же взусти его на убіеніе думнаго дворянина и воеводы Прокопія Петровича Ляпунова. Исполнишася ярости и зависти мужества его ради и разума, зѣло той Прокопій ревнуя о правовѣріи ненавидяй жъ до конца хищенія и неправды тогда бывшія въ казачьѣ воинствѣ, и призвавше его въ съѣздъ возложиша нань измѣну и воставше убиша его. По неправедномъ же ономъ убіеніи Прокопьевѣ бысть во всемъ воинствѣ мятежъ великъ и скорбь всѣмъ православнымъ христіяномъ, врагомъ же Полякомъ и Рускимъ измѣнникомъ бысть радость велика.

Казаки же начаша въ воинствѣ великое насильство творити, по дорогамъ грабити и побивать дворянъ и дѣтей боярскихъ, потомъ же начаша села и деревни грабити и крестьянъ мучити и побивати; и такова ради отъ нихъ утѣсненія мнози разыдошася отъ царствующаго града. Литовской же гетманъ Сапѣга тогда стоялъ подъ градомъ Переславлемъ со многими Полскими людьми, слышавше о убіеніи Прокопія Ляпунова и неустроеніе велико усмотрѣвъ въ воинствѣ православныхъ, и пріиде вскоре на помощь Полякомъ со множествомъ воинства и съ запасы, и отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ болшаго града Бѣлого взяли, и въ замосковье острошки всѣ высѣкли, и запасы въ городъ провезли; разыдошася бо тогда вси насилія ради казаковъ, толко осталися подъ Москвою бояринъ Князь Дмитрей Трубецкой да Иванъ Заруцкой да Андрѣй Просовецкой съ казаки своими, и тѣмъ стали Литовскіе люди силны.

О Гетманѣ Хоткѣевѣ.

По семъ же пріиде ис Полши гетманъ Хоткѣевъ со многими Литовскими люди и сталъ въ Красномъ селѣ, и бояриня Князя Дмитрея съ товарыщи осадили. Бысть въ Рускомъ воинствѣ скудость и гладъ великъ зелья и свинцу недоставшу, и великою скорбію стѣсняющеся. Бояринъ жъ Князь Дмитрей съ товарыщи писали въ Сергіевъ монастырь со многимъ моленіемъ о свинцу и о зельи, и что бы писали грамоты во всѣ грады о помощи на Литовскихъ людей. Архимандритъ же Діонисіи съ братіею сотвориша соборъ, созвавше бояръ и дьяковъ прилучившихся въ монастыри отъ раззоренія Московскаго; и совѣтовавше паки написаша грамоты со многимъ моленіемъ ко всему христолюбивому воинству о помощи на иноплеменныхъ, и розослаша во вся грады Россійскія; для сбору ратныхъ людей изъ монастыря въ Ярославль и въ Поморскіе грады отпустили боярина Князя Андрея Петровича Куракина да діяка Михайла Данилова, въ Володимеръ жъ и во всѣ понизовные грады Василія Бутурлина да діяка Василья Сыдавнаго, а подъ Москву къ боярину и воеводѣ ко Князю Дмитрею Тимофѣевичу Трубецкому съ товарыщи и ко всему воинству пѣшихъ Троецкихъ слугъ и служебниковъ со свинцомъ и съ зеліемъ, и укрѣпляюще все воинство писаніи благонадежнымъ быти и ждати помощи вскорѣ, свинцу жъ и зелія посылающе всегда, и бысть въ монастырѣ скудость зелію, келарь жъ Авраамій исъ полуторныхъ и исъ полковыхъ пущекъ вынявъ заряды къ нимъ посла.

О Князѣ Димитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ и о Козмѣ Mининѣ и о приходѣ ихъ къ Москвѣ со множествомъ воинства.

Грамотамъ отъ обители живоначальныя Троицы дошедшымъ во вся грады Россійскія державы, и паки начаша быти во единомысли, наче жъ въ Нижнемъ Новѣградѣ крѣпце яшась за сіе писаніе и множество народа внимающе сему по многи дни. Во единъ жъ отъ дней сошедшеся и глаголаше кождо ко ближнему своему: яко унѣе намъ умрети, нежели предати на поруганіе пречистые Богородицы образа Владимерскія и честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей Петра и Алексѣя и Іоны и православныя христіянскія вѣры въ поруганіи видѣти; и избравше всему воинству началника и воеводу Князя Дмитрея Михайловича Пожарскаго да для сбору земскіе казны изъ посадцкихъ людей выбрали Козму Минина, и тако совѣтъ ихъ и начинаніе благо дѣло бысть. Слухъ же о семъ протече во всей Россіи и собрашася отъ всѣхъ градовъ всякіе служилые люди въ Нижней Новъградъ къ столнику и воеводѣ ко Князю Димитрею Михаиловичу Пожарскому; онъ же комуждо по достоянію дѣяше имъ денежное жалованье и кормы и трапезами учрежаше ихъ, и вси иже отъ воинскаго чина и нищи обогатишася и быша конны и вооруженны и бысть множество вой. Гетманъ же Хоткѣевъ услышавъ многое собраніе Россійскаго воинства и отъиде отъ Москвы къ Волоку Ламскому; изъ Ростова же полковникъ ихъ Каменецкой къ нему жъ пріиде на сходъ; и отъ Москвы же и до Ярославля путь очистися; а отъ Князя Димитрея Пожарскаго передовые люди отъ Нижняго въ Ярославль пріидоша.

О новомъ лже Цари.

Въ тожъ время въ 120 году наученіемъ діяволимъ, иже непрестанно воюя родъ христіянски, проявися паки воръ во Псковѣ, и назвася Царевичемъ Димитріемъ. Сему же злому вражію совѣту бысть единомысленникъ Иванъ Плешіевъ съ товарыщи; и по казачью злоумышленому затѣяли въ полцѣхъ подъ Москвою крестное цѣлованіе, и всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и всѣхъ Московскихъ жилцовъ привели къ крестному цѣлованію тому вору Псковскому, нарицающе его царевичемъ Дмитріемъ, и вси сплетшеся низводими къ велику грѣху неволею. Въ велицѣи жъ лаврѣ живоначальныя Троицы архимандритъ и келарь со всею братіею непоколебимы быша, и грамоту присланную за воров-

скою лжехристовою рукою оплеваша, того жъ ради и многіе грады къ злому совѣту тому непристаша, и отъ того грѣха соблюдошася, вору креста не цѣловали. И слыша подъ Москвою бояринъ Князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой съ товарищи, что у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ пребыша вси отнюдъ непоколебимы, врагу и вору Псковскому креста нецѣловали, а прямятъ истинно Московскому государству: и вскорѣ въ Сергіевъ монастырь прислалъ дворянъ Михаила да Никиту Остафьевичевъ Пушкиныхъ, моля о семъ, чтобъ писали отъ обители къ столнику и воеводѣ, ко Князю Димитрію Михайловичу Пожарскому, о немедленномъ шествіи подъ царствующій градъ Москву, и все бы воинство было въ соединеніи, а подъ Москвою всѣмъ воинскимъ людемъ тѣснота и гладъ и скорбь велика, и пришествіе гетмана Хоткѣева и Москвѣ паки вскорѣ чаю со многими Полскими и Литовскими людми и съ запасы. Архимандритъ же и келарь вскорѣ отпустили въ Ярославль ко Князю Димитрію Михайловичу Пожарскому и ко всему воинству изъ соборныхъ старцевъ Макарія Куровскаго да Иларіона Бровцына со многомолебнымъ писаніемъ, повѣдающе имъ вся содѣваемая подъ Москвою. Князь же Димитрій писаніе отъ обители въ презрѣніе положи, пребысть въ Ярославлѣ многое время. Архимандритъ же и келарь паки посылаютъ къ нему соборнаго старца Серапіона Воейкова да старца Аѳанасія Ощерина, много моляще его вскорѣ пріидти къ Москвѣ и помощь учинити, ово пишуще съ моленіемъ, ино жъ съ запрещеніемъ, понежъ зачеише дѣло добро и о томъ нерадяще и мнящимъ сладкое горко, а горкое сладко, и сладость мнящимъ вседневное насыщеніе, и протчая отъ божественныхъ писаній доволно всегда писавше къ нему; и къ сему прирекше: аще прежде вашего пришествія къ Москвѣ гетманъ Хоткѣевъ придетъ со множествомъ войска и съ запасы то уже всуе трудъ вашъ будетъ и тще ваше собраніе. Князь Димитрей жъ Михаиловичь старцовъ ко обители отпустивъ, самъ же косно и медленно о шестви промышляше нѣкихъ ради между усобныхъ словесъ смутныхъ, въ Ярославлѣ же стояще и войско учрежаше, подъ Москвою же вси отъ глада изънемогающе. Врагъ жъ гетманъ Хоткѣевъ видя междоусобіе въ Рускомъ воинствѣ тшивъ сый и готовъ на пролитіе крови христіянскіе скоро къ шествію пути устремляется; но Господь гордыхъ пути препинаетъ и нестроино бываетъ шествіе его. Видѣвъ жъ Троецкой келарь Авраміи дѣиство діяволе и между воеводъ вражду, и яко того ради православному христіянству бываетъ конечная погибель, и совѣтовавше со архимандритомъ и съ братіею,

пѣвъ молебная пѣнія поиде въ Ярославль Іюня въ 28 день, и о семъ моляся Богу да трудъ пути его небесплоденъ будетъ. И пришедшу ему въ Ярославль и видѣ мятежниковъ и ласкателей а небоголюбцовъ и воздвижущихъ гнѣвъ великъ и сварь между воеводъ и въ воинствѣ; сія вся разсмотривъ старецъ и Князя Дмитрея и Козму Минина доволно поучивъ отъ Божественныхъ писаній и много моливъ ихъ поспѣшити подъ Царствующій градъ Москву и къ тому таковыхъ мятежниковъ не вънимати. Князь Дмитреи жъ Михаиловичь Пожарской и Козма Мининъ и все воинство послушавше моленія старца, и пославше прежъ себя къ Москвѣ воеводу брата своего Князя Дмитрея Петровича Пожарскаго Лопату да Михаила Дмитріевича Самсонова, а съ ними дворяня и дѣти боярскіе и стрѣлцы и казаки и всякихъ служилыхъ людей множество. Воевода же Князь Дмитрей Петровичь съ товарыщи пришедъ къ Москвѣ сталъ у Тверскихъ воротъ; а Иванъ Заруцкой исполненъ сый зависти со единомысленики своими, и заславъ полку своего множество казаковъ да убіютъ воеводу Князя Дмитрея Петровича и воиско его разбіютъ, и много бившеся всуе, ничто жъ успѣша на со срамомъ отъидоша. Потомъ же и самъ Князь Дмитрей Михаиловичь и Козма Мининъ поидоша подъ Царствующій градъ Москву. И слышавше во градѣ Псковѣ вси людіе о семъ и съ прежереченнымъ Иваномъ Плѣщеевымъ совѣтовавше, по семъ жъ и козаки отъ прелести обратившеся, вора же, ижъ назвася Царевичемъ Димитріемъ, поимавше къ Москвѣ привезоша. А Иванъ Заруцкой стоя подъ Москвою съ казаки своими мятяше всемъ воинствомъ и всѣми православными христіяны грабяще и насилующе, и слыша яко Князь Дмитріи Михаиловичь Пожарской подъ Москву идетъ, и весь лукавый совѣтъ его раззорися и бысть ни во что жъ; къ сему же увидѣ яко мнози отъ полку его отъ прелести обращахуся ко истиннѣ; и отторжеся отъ благаго совѣта, нощію бѣгу емлется со единомысленными своими, и пришедъ во градъ Коломну къ Маринкѣ Юрьевѣ дочери Сендомирского, которая была у вора въ Тушинѣ, и назва сына ея Царевичемъ, не помнозехъ же днехъ и оттолѣ побѣжа поемъ съ собою Маринку и сына ея, и на предъ писанная возвратимся. Егда пріиде Князь Дмитрей Михаиловичь къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь съ досталными людми Августа въ 14 день и восхотѣ стояти во обители, а бояринъ и воевода Князь Дмитрей Тимофѣевичь Трубецкой пишетъ непрестанно исъ подъ Москвы въ Троицкой Сергіевской Монастырь ко архимандриту и келарю, что казаки всѣ исъ подъ Москвы для великія скудости хотятъ итти разно, а к Литовскимъ лю-

демъ идетъ въ Москву гетманъ Хоткѣевъ на проходъ со многими людьми и съ запасы; и Князю Дмитрею бы Михаиловичу къ Москвѣ поспѣшити и Литовскихъ бы людей въ Москву съ запасы непропустити. И архимандритъ же Діонисіи и келарь старецъ Авраміи много о семъ моляху Князя Дмитрея и все войско; въ нихъ же бысть много разнствія и нестроеніе велико, ови хотяху подъ Москву итти, и иніи же нехотяху, глаголюще: Князя Дмитрея манятъ подъ Москву казаки, хотятъ его убити какъ и Прокопья Ляпунова убиша. Келаръ же много прещаше имъ и Князю Дмитрею глаголаше: помни Княже Господне слово во святомъ Евангеліи реченное, не убоитеся отъ убивающихъ тѣло душъ же немогущихъ коснутися; но аще что случится и постражеши, то мученикъ будеши Господеви, много же и ина глагола ему отъ Божественныхъ писаніи яко умилитися ему; и оставивъ вся своя размышленія, и страхъ ни во что же вмѣнивъ, но все упованіе возложивъ на всесильнаго въ Троицѣ славимаго Бога и на великихъ чюдотворцовъ Сергія и Никона, и пѣвше молебная пойде изъ обители со всѣми людьми подъ Царствующій градъ Москву. Архимандритъ же со всѣмъ соборомъ въ ризахъ и со образы и со кресты и вся братія провожали на Волкушу гору, и на горѣ ко образамъ приложилися, и къ Москвѣ пришли августа въ 18 день, поемлетъ же съ собою и келаря старца Авраамія. Пришедшу жъ подъ Москву Князю Дмитрею Михаиловичу Пожарскому и ставшу у Арбатскихъ воротъ, и Литовскимъ людемъ во градѣ конечную тѣсноту учинили.

О приходѣ второе къ Москвѣ гетмана Хоткѣева.

Не по мнозѣхъ же днехъ пріиде гетманъ Хоткѣевъ со многими Полскими и Литовскими людьми и съ запасы; и того дни бысть бой подъ Новымъ Дѣвичемъ Монастыремъ съ полки Князя Димитрія Михайловича. И сперва Литовскіе конные роты Рускихъ людей потѣснили; потомъ же пѣшими людьми многими приходили на станы приступомъ и билися съ утра и до вечера; и паки Господь милость свою показа, Литовскихъ людей отъ становъ отъбили и за Москву рѣку прогнали, а которые Литовскіе люди выходили изъ града очищать водяныхъ воротъ, и тѣхъ людей побили и знамена поимали. А бояринъ Князь Дмитрей Тимофѣевичь Трубецкой со всѣми своими полки тогда стоялъ за Москвою рѣкою у Пречистые Богородицы Донскіе. Въ нощи жъ той отъ гетмана придоша во градъ къ Литовскимъ людемъ гайдуковъ 600 человѣкъ; а на утріе вышедше изъ града Москвою рѣкою

у страстотерпца Христова Георгія острогъ взяли и знамя свое поstави на церкви; звѣрообразный же гетманъ пріиде отъ рѣки Сѣтуни со всѣми людьми ко Пречистые Богородицы Донскіе; Рустіи же полцы ополчишася противу ему, стрѣлцы же и казаки вси сташа по рву, сія же быша въ третій день по приходѣ Гетмановѣ. Свѣтающу понедѣлнику начаша полцы сходитися, бяше бо отъ обою страну множество безчисленно людей; окаянніи же люторы Полскіе и Литовскіе люди наглѣ звѣрообразнымъ рвеніемъ наступиша на Московское воинство; Божіимъ попущеніемъ грѣхъ ради нашихъ Русти полцы вдаша плещи своя, на бѣгство устремишася, тако же и пѣшіе вси ровъ покинувше побѣгоша и острогъ у Святаго Климента покинули; изъ града же вышедше Литовскіе люди въ томъ острошкѣ сѣли, и знамяна на церкви поставили, и запасы многіе отъ гетмана въ тотъ острогъ ввезоша, яко никомужъ имъ возбраняющу. Но егда уже изнемогши силѣ нашей, но неконечно еще отчаявшимся, и ко Спасителю своему и творцу душевни и телесни очи возведше отъ всея души возопиша помощи на сопротивныхъ просящи; тогда всемоги Богъ вскоре показа крѣпкую свою и непобѣдимую силу. Казаки убо которые отъ Климента Святаго изъ острошку выбѣгли, озрѣвшеся вспять на острогъ видѣша на церкви Литовскіе знамяна и запасовъ много в острогъ вшедшихъ, и зѣло умилишася и воздохнувше и прослезившеся къ Богу, мало бо ихъ числомъ, и тако возвращшеся и устремишася единодушно к острогу приступомъ, и вземше его Литовскихъ людей всѣхъ острію мечу предаша и запасы ихъ поимаша, протчіижъ Литовскіе люди бѣжаша и въспять возвратишася ови во градъ Москву иніиже къ гетману своему, казаки жъ гоняще и побиваюше ихъ, яко и самимъ имъ удивляющимся силѣ Божіи. Позавидѣ жъ діяволъ славѣ Божіи, яко зміи мечтаяся, вложи мысль лукаву тѣмъ казакамъ, иже Литовскихъ людей побивающе: первѣе убо удивляющеся помощи Божіи и благодаряще Бога, яко немноземъ имъ толико ихъ избивающе противныхъ; тажъ размышляюще, видѣша бо многѣхъ стоящихъ и непомогающихъ имъ, и исполнишася гнѣва возвращахуся въ жилища своя, укоряюще дворянъ многими имѣни богатящихся, себе жъ нагихъ и гладныхъ нарицающе, и извѣтъ дающе яко къ тому имъ на брань ко врагомъ неисходить николижъ. И сія видѣвше врази, яко отступиша отъ нихъ казаки, и велико дерзновеніе пріяша, и поставиша обозъ свой у церкви Святыя Великомученицы Екатерины, и ровъ наполниша пѣшими людьми и за рвомъ станы себѣ доспѣша и запасы своя ввезше поставиша. Видѣвше же сія

бываемая злая Князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской и Козма Мининъ и вмедоумени быша, и посламша Князь Димитрея Петровича Пожарскаго Лопату къ Троицкому келарю старцу Авраамію, зовуще его въ полки къ себѣ; бѣ бо тогда старецъ съ прочими молебная совершающе всесильному Богу и Пречистѣй его Богоматерѣ и великимъ чюдотворцемъ Сергію и Никону молящеся о побѣждени на враги на мѣстѣ, и дѣже обыденны храмъ во имя Святаго Пророка Иліи. Келарь же слышавъ скоро пюиде въ полки, видѣвъ Князя Дмитрея и Козму Минина и многихъ дворянъ плачущихся и со враги битися безъ казаковъ немощныхъ себе показующихъ; и умолиша старца, послаша его со многими дворяны въ станы казачьи, моляще ихъ, чтобъ врагомъ неподали, и вземше Бога въ помощь скоро и немедленно шли бы противу ихъ, и запасы бы въ городъ не пропустити. Келарь же сія слыша такожде слезъ наполнися, и яко забывъ старость и вземь Бога въ помощь и великихъ чудотворцовъ молитвы, скоро поиде къ казакомъ к острошку Климента Святаго, и видѣвъ ту Литовскихъ людей множество побитыхъ и казаковъ со оружіемъ стоящихъ, и много моливъ ихъ со слезами, и первое похвалная имъ изърече: яко отъ нихъ начася дѣло доброе ставшихъ крѣпко за православную христіанскую вѣру и раны много пріемлюще и гладъ и наготу терпяще, и прославше во многихъ далнихъ Государствахъ своею храбростію и мужествомъ; нынѣ ли братіе, рѣче, вся та добрая начатія единемъ временемъ погубити хощете; много жъ и ина изрече имъ утѣшая ихъ и понуждая итти на супротивныя. Они же слышавше сія отъ келаря зѣло умилишася и молиша его, дабы ѣхалъ и протчимъ казакомъ въ жилища ихъ, и ихъ наказалъ и умолилъ итти на противныхъ, сами же обѣщевающеся вси умерети хотяще, а непобѣдивше враговъ своихъ никакоже возвратитися. Келарь же паче укрѣпляя ихъ и дерзати повелѣваетъ и звати ясакъ чудотворца Сергіевъ, и узрѣте рѣче славу Божію. Егда же пріиде старецъ близъ Москвы рѣки противъ церкви Святаго мученика Никиты, у рѣки же множество казаковъ идяху въ станы своя и медлящемъ же перехода ради рѣки, келарь же много моливъ ихъ со многими слезами яко же и прежде; слышавше жъ сія все многочисленное воинство казаковъ, внезапу умилишася внидоша въ страхъ Божіи вси и скоро устрѣмишася на враги не дошедше становъ ихъ, яко ни единому остатися отъ нихъ, другъ друга понуждающе глаголаху: поскоримъ братіе пострадати за имя Божіе; прочіижъ казаки стоящи за рѣкою у церкви Святаго мученика Никиты видѣша, яко братія ихъ вскорѣ возвратишася на бой, и не-

дождавшеся келаря противу ему грядяху чрезъ рѣку, ови бродяху инiижъ по лавамъ идуще, келарь же и тѣхъ умоливъ и много поучивъ отъ Божественныхъ писаніи. Они же съ радостію скоро поидоша на бой, Бога въ помощь призывающе и чюдотворцевъ единогласно кличуще ясакомъ, Сергіевъ, Сергіевъ. Егда жъ пріиде келарь въ станы казачьи, и ту обретѣ ихъ множество овыхъ піющихъ овыхъ играющихъ зернію, келарь жъ и сихъ поучивъ; казаки жъ вси поидоша изъ становъ своихъ со оружіемъ и повелѣша звонить, и кличуще ясакъ Сергіевъ Сергіевъ, и поидоша вси на бои.

О взяти обоза и о побѣдѣ на Литву.

Приспѣвшимъ же казакомъ ко обозу, и бысть бой великъ зѣло и преужасенъ; сурово и жестоко нападоша казаки на войско Литовское, овіи убо боси овіи жъ нази токмо едино оружіе въ рукахъ своихъ и мечь по бедрѣ своей, и побивающе ихъ немилостивно и обозъ у Литовскихъ людей разорвали и запасы поимали, и во острозѣ Литовскихъ людей всѣхъ побили; отъ множества бо тогда вопля и кричанія обою страну небѣ слышати пищалнаго стуку, но токмо огнь и дымъ восходящь, отъ дыму жъ темну облаку нашедшу и покрывшу войско все. И ипіи же пришедше ко рву и Литовскихъ людей всѣхъ выгнаша, на нихъ жъ приспѣвшимъ воеводамъ со множествомъ конникъ, и бысть врагомъ велика погибель и станы ихъ в разграбленіе взяша, прочая жъ в воздухъ съ дымомъ разліяша. Гетманъ жъ Хоткѣевъ, видя своихъ избранныхъ множество побіенныхъ отъ православныхъ воинства, убояся пометавъ вся своя побѣже; православни жъ гнаша по нихъ многихъ избиша, возвратившеся съ великою побѣдою, вземше вся запасы ихъ и оружія, и вся имѣнія ихъ пограбиша во своя станы внесоша, а гетманъ со оставшими своими ста на Воробьевѣ горѣ. Келарь жъ по побѣдѣ пріиде ко Князю Димитрію Михайловичу Пожарскому и къ прочимъ, и тако благодаряще Бога и великое заступленія Пречистыя его Богоматери и Святыхъ Чудотворцовъ, и поидоша ко образу Святыя живоначальныя Троица и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцовъ Сергія и Никона, идѣже преже молебная совершаху, а съ ними множество дворянъ и дѣтей боярскихъ и всѣхъ чиновъ множество народа пѣвше молебная и разыдошася. Во градѣ же Москвѣ въ Китаѣ и Кремли Литву и Нѣмецъ крепце осадиша и велику имъ тѣсноту сотвориша, и бысть у нихъ

гладъ великъ и моръ на люди, отъ глада ядаху мертвечину собаки кошки и мыши и всяку нечистоту потомъ же и плоти человѣческія почаша ясти, другъ друга побивающе, гладу же у нихъ велику бывшу. Бояринъ же Князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой и Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской съ товарищи и все воинство паки о градоемствѣ крѣпце промышляюще; паки же діяволъ возмущеніе веліе въ воинствѣ сотвори, вси казаки востающе на дворянъ и на дѣтей боярскихъ полку Князя Дмитрія Пожарскаго, называюще ихъ многимъ имѣніемъ богатящихся, себя же нагихъ и гладныхъ нарицающе, и хотяху разытися отъ Московскаго государства, инія же хотяху дворянъ побити и имѣнія ихъ разграбити. И бысть въ нихъ велико нестроеніе. Сія же слышавъ во обители живоначальныя Троицы, архимандритъ и келарь и старцы соборные и сотвориша соборъ, бѣ бо тогда въ казнѣ въ чудотворцовѣ скудость деньгамъ велика бысть, и невѣдуще что казакамъ послати и какову почесть воздати, и о томъ у нихъ упросити, чтобы изъ подъ Московскаго государства не отомстивше врагомъ крови христіанскія неразошлися; и умысливше еще послаша къ нимъ церковная сокровища ризы и стихари и патрахили саженые въ закладѣ въ тысящѣ рубляхъ не на долго время. Да къ нимъ же писали со многимъ моленіемъ отъ божественныхъ писаній, чтобъ подвигъ страданія своего совершили, отъ Московскаго государства не расходились; они жъ пріемше писаніе и прочетше его предъ всѣмъ войскомъ, и слышаше похвальныя глаголы о нуждѣ ихъ и о терпѣніи, и пріидоша въ страхъ божій; и паки возвращаютъ присланная къ нимъ ризы въ домъ живоначалный Троицы, и дву атамановъ съ грамотами ко архимандриту и къ келарю и ко всей братіи, что имъ по прошенію ихъ вся исполнити, аще и тмочисленныя бѣды и скорби пріидутъ, то вся терпѣти, а невземше Москвы и врагомъ не отомстивше крови христіянскія не отъидти.

О явлени Сергія чудотворца на Москвѣ во осадѣ Галасунскому архіепископу Арсенію, и о взятіи у Поляковъ града Китая.

Не подобаетъ убо и сего молчанію предати, молю же васъ прилежно послушати безъ всякаго сумнѣнія, внѣ всякія суетныя молвы себѣ сотворше, приклоните ушеса ваша и услышите о предивныхъ чюдесѣхъ отца нашего Чудотворца Сергія паче же о новосотворшемся чюдеси въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Тогда убо Галасунскому архіепископу бывшю во осадѣ въ Кремли со окаянными Поляки и Нѣмцы, и всѣми потребами обнищавшу весь домъ его Поляки раз-

грабиша и вся имѣнія его и запасы поимаша, архіепископъ же гладомъ помирая и уже живота своего отъчаявшуся и отходную ему проговорившу, лежащу ему въ кѣліи со единымъ старцомъ килейникомъ своимъ является ему великіи въ чудѣсехъ Сергіи, пришедъ къ келіи тихо молитву сотворь. Архіепископъ жъ отъ зелныя немощи едва отвѣтъ дастъ аминь; и абіе входитъ въ келію его преподобный Сергіи и свѣтъ въ кѣліи возсія, и глагола ему Святый Сергій: Арсеніе се убо Господь Богъ молитвъ ради всенепорочныя Владычица нашея Богородица и великихъ ради Святителей Петра и Алексѣя и Іоны да и азъ грѣшный съ ними же ходатай быхъ, за утра градъ Китай предаетъ въ руцѣ христіяномъ и враговъ нашихъ вскорѣ всѣхъ низложитъ и изъ града изъвержетъ. Архіепископъ же Арсеній очи свои возвѣдъ и яснѣ видитъ близъ одра его стояща великого Сергія чудотворца и познавъ его и едва воставъ на ногу поклонися ему, онъ жъ невидимъ бысть отъ очію его и свѣтъ онъ веліи явившійся въ кѣліи его разыдеся. Архіепископъ жъ себѣ бывъ и ощути себе отъ болѣзни здрава и благодаривъ Бога до утра, за утра же 121 году Октября въ 22 день на память ижъ во святыхъ отца нашего и равноапостоломъ Аверкія епископа Іераполскаго, по словеси преподобнаго Сергія чудотворца, воеводы градъ Китаи приступомъ взяли и много въ немъ Литвы Нѣмецъ побили, оставшихъ жъ въ Кремль вогнали и обрѣтоша много тщановъ и напoловъ плоти человѣческія солены и подъ стропами много трупа человѣческаго. И сѣдоша въ Китаѣ христолюбивое воинство, врагомъ же болшую тѣсноту сотвориша еретицы же до конца изнемогоша, но ждуще изрученія крѣпляхуся.

О взяти Поляковъ и Литвы и Нѣмецъ во градѣ Кремли.

Во градѣ же Кремлѣ во осадѣ Поляки и Литва и Нѣмцы и Рускія измѣнники гладомъ зѣло стѣсняеми лютѣ умирающе. Полской же Гетманъ Струсъ и Федоръ Андроновъ со всѣми паны и съ Нѣмцы видяще свою конечную погибель и предъ очима смерть, и превознесенную свою выю преклоняютъ и непокоривое сердце покоряютъ, по вся дни посылающекъ бояромъ и воеводамъ и ко всему воинству съ повиновеніемъ, живота себѣ и милости просяще, и себе повинныхъ творятъ и осмирени молятся и градъ Кремль в руцѣ имъ предаютъ, и прежде отъпустили изъ града боярина Князь Феодора Мстиславскаго съ товарыщи и дворянъ Московскихъ и гостей и торговыхъ людей, ижъ прежде у нихъ были въ неволи, потомъ же и сами вси предашася и градъ отвориша.

День же недѣлный сшедшимся архимандритомъ и игуменомъ и всему освященному чину и христолюбивому воинству и множеству православныхъ христіянъ, боярина и воеводы Князя Дмитрея Тимофѣевича Трубецкаго полку снидошася въ церковь Пресвятыя Богородицы Казанскія за Покровскими воротами, а столника и воеводы Князь Дмитрея Михайловича Пожарскаго полку снидошася въ церковь Святаго Іоанна Милостиваго на Арбатѣ; и вземше честныя кресты и чудотворныя иконы и поидоша во градъ Китай кождо своими враты послѣдующимъ имъ всему множеству воинству и всѣмъ народомъ Московскаго государства благодарственныя и побѣдныя пѣсни Богови воздаяху, и сшедшеся вси вкупѣ на лобное мѣсто молебная совершающе, въ нихъ жъ бысть первый Троицкой архимандритъ Діонисій. Изъ града жъ Кремля изыде во срѣтеніе на лобное мѣсто Галасунской архіепископъ Арсеній со всѣмъ освященнымъ соборомъ, носяще пречестную и чудотворную икону Пречистые Богородицы Владимірскія. Егда жъ видѣша пречестную и чудотворную икону Пречистые Богородицы бояре и воеводы и воинство и вси православни христіяне, ея жъ ужъ николи жъ надѣяхуся видѣти слезъ источницы испущаху и припадающе облобызаху умилно вопіюще: о всенепорочная мати моли всѣхъ Владыку Христа Бога нашего; аще не бы ты умолила за ны грѣшныя кто бы градъ сей свободилъ отъ одержанія Люторска и Латынска, а твоимъ Госпоже ходатайствомъ вси отъ работы свободихомся и сподобихомся видѣти честнаго и пречистаго ти зрака чудотворную икону, и царствующій градъ паки воспріяхомъ молитвами твоими. И по молебномъ пѣни поидоша во градъ Кремль въ безчисленномъ множествѣ народа; и бѣ воистинну плача и умиленія достойно видѣніе.

Что бо безумія сего лютѣйши, еже сотвориша окаяніи они лютори съ треклятыми и богомерскими съ Рускими измѣнники; видяху бо Святыя Божія церкви осквернены и обруганы и скверныхъ мотылъ наполнены, святыя жъ и поклоняемыя образы Владыки Христа и пречистыя его матере и всѣхъ святыхъ разсѣчены и очеса извертаемы и престолы Божія одраны и осквернены, и всяку святыню до конца раззорену и обругану злымъ поруганіемъ, и множество трупа человѣча разсѣчены отъ человѣкоядецъ онѣхъ въ сосудѣхъ лежащихъ, и нѣсть возможно толикихъ бѣдъ изрещи, ижъ сотвориша окаянніи лютори въ царствующемъ градѣ Москвѣ грѣхъ ради нашихъ. Но убо по Божественному писанію святая не оскверняются николи же, аще отъ нечестивыхъ обладаеми православныхъ градове непостижимыми судбами Божіими; яко жъ

древли и Ерусалимъ колико оскверняемъ храмъ святая святыхъ отъ многихъ царей нечестивыхъ, но обаче Божественная благодать и пророческое дарованіе и чудесемъ явленіе не оскудѣ николи же, и храмъ велікіи Воскресеніе Господне въ томъ же Іерусалимѣ колико лѣтъ Срацыны обладаемъ, но ни како же отступи отъ него Господня благодать.

Сія жъ оставимъ, и не убо намъ о семъ слово предлежитъ. Внидоша жъ все воинство и вси православніи во градъ Кремль во мнозѣ радости и веселіи, и вшедшимъ во святую соборную церковь пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія всему священному собору со множествомъ народа, и совершивше священницы божественную литургію, и тако разыдошася кождо во своя, славяще и благодаряще въ Троицѣ славимаго Бога и пречистую его Богоматерь, ему же слава во вѣки, аминь.

О избраніи благовѣрнаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Росіи самодержца, и о постѣ и о молитвѣ всѣхъ православныхъ христіянъ.

Егда Господь сокруши главы прегордыхъ зміевъ Поляковъ и Латынъ и христоненавистныхъ Руских измѣнниковъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, власть же тогда предержаху всеа Россійскія державы боярѣ и воеводы и прочіи жъ царскаго синклита суща; и Богу помогающу, по елику возможно воеводствоваху судяще и обладаху якожъ лѣпо бысть, поновляюще жъ и строяще въ царскомъ дому и во всемъ царствующемъ градѣ, вся опроверженая и разсѣченая храмы жъ святыя отъ окаянныхъ Люторъ повелѣша паки украшати и освящати святымъ священіемъ, и всяко безъ лѣности и тщательно строити во всей Росіи. Лжи жъ ласкатели, иже прежде отъ врага научившася, и злу начинатели, тіи тогда мятущеся въ воинствѣ и сваръ великъ творяще, шепчуще неправедная во ушеса державствующихъ, и сего ради не бысть совѣта добра между боляръ, но вражда и мятежъ. Казацкаго же чина воинство безчисленно тогда бысть, въ прелесть велику горше прежняго впадоша, вдашася въ питіе и въ блудъ, и пропившеся насилующе многимъ въ воинствѣ, паче жъ простымъ православнымъ христіяномъ исходяще съ Москвы во вся грады и села, на путехъ грабяще и мучаще немилостивно горѣе перваго десятерицею, и кто можетъ изглаголати тоя бѣды, ни единъ бо отъ невѣрныхъ сотвори таково зло еже они казаки творяху православнымъ различно мучаще и разбоемъ. И бысть во всей Росіи мятежъ великъ и нестроеніе злѣйши перваго.

Бояре же и воеводы невѣдуще что сотворить, зане множество ихъ зѣло и въ самовластіи блудяху. Но положивше упованіе на содержащаго всяческая въ Троицѣ славимаго Бога и собраша митрополиты и архіепископы и епископы и весь священный соборъ и все народное множество христіянъ, и заповѣдавше первѣе въ царствующемъ градѣ поститися три дни, и послаша во вся грады Російскія державы православнымъ христіяномъ, да молятъ всещедраго и благаго и всемилостиваго Владыку и пречистую его Богоматерь и всѣхъ святыхъ о устроеніи всеа Россійскія земли: чтобъ далъ Господь Царя и Государя всеа Росіи и надъ прочими Государствы Російскія державы, и устроилъ бъ полезная всему православію Россіи. Всѣ провославные христіяне моляхуся Богу постящеся три дни ни ядуще съ женами и съ дѣтьми и съ сущими младенцы. О колика благость Господня и велико суть къ намъ милосердіе его и неизреченная милость! тогда умилосердися надъ Московскимъ Государствомъ и призрѣ милостивно на весь родъ христіянскій, и услышавъ молитву и воздыханіе рабъ своихъ, и яко нѣкое дарованіе духовно въ совѣтъ подастъ рабомъ своимъ. Испервა убо начаша помышляти о благовѣрномъ и богохранимомъ Государѣ, и глаголаше кождо къ ближнему своему, яко достойно воистинну быти Царемъ и Государемъ всеа Россіи братаничу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Іоанновича всеа Росіи, сыну Феодора Никитича Романова, благородному и благочестивому Великому Государю Михайлу, Господь жъ той благій совѣтъ ихъ и въ дѣло произведе. И прежде убо написавше о избраніи царскомъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всеа Росіи Самодержца коиждо своего чину писаніе; тажъ приходятъ въ Богоявленской монастырь на подворье Святыя Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря къ келарю старцу Аврамію Палицыну многія дворяна и дѣти боярскія и гости многихъ разныхъ городовъ и атаманы и казаки и открываютъ ему совѣтъ свой и благое изволеніе, принесоша же и писанія своя о избраніи царскомъ, и молятъ его да возвѣститъ о семъ державствующимъ тогда бояромъ и воеводамъ. Старецъ же о семъ возрадовася похваливъ благій совѣтъ ихъ, и отъ радости многихъ слезъ исполнися, и вскоре шедъ возвѣщаетъ всему освященному собору и бояромъ и всему Царскому синклиту; они жъ слышавше благодариша Бога о преславномъ начинаніи. Заутра жъ снидошася вси архіереи и весь священный соборъ и бояре и воеводы и весь царскій синклитъ, и совѣтовавше и из-

браша Царемъ и Государемъ на Московское Государство благовѣрнаго и благороднаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Россіи, о избраніи его царскомъ написаша; потомъ же на лобное мѣсто Рязанскаго архіепископа Феодорита да Троицкаго келаря Аврамія да новаго Спаскаго Монастыря архимандрита Іосифа да боярина Василія Петровича Морозова послаша къ вопрошенію всего воинства и всенароднаго множества о избраніи царскомъ.

Собрану жъ тогда къ лобному мѣсту Московскаго Государства весь народъ всѣхъ чиновъ; дивно же тогда сотворися, невѣдущимъ бо народомъ чесо ради собрани, и еще прежде вопрошенія во всемъ народѣ яко отъ единыхъ устъ возопиша: Михаилъ Федоровичь да будеть Царь и Государь Московскому государству и всеа Рускія державы. И Божіимъ изволеніемъ и умоленіемъ всего священнаго собора и отъ всего царскаго сигклита и отъ всего воинства и всенароднаго множества всѣхъ чиновъ православныхъ христіянъ избранъ бысть на Московское государство Царемъ и Государемъ благовѣрный и христолюбивый Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичь всеа Россіи, племянникъ, сіи рѣчь брату чадо, блаженнаго и Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Іоанновича всеа Россіи, въ лѣто 7120 году. Сіе первое Государю избраніе бысть; и всѣмъ извѣстно бысть, яко не отъ человѣкъ но воистинну отъ Бога избранъ бысть сей Великій Государь Царь: егда убо писаше о избраніи его царскомъ утвержающеся, и кождо чинъ себѣ написавше, снесоша же вообщее свидѣтельство, и не обрѣтеся ни во единомъ словеси разнствія, но яко во едино собрашася написаша. Отъ Колуги же и отъ Сѣверскихъ городовъ о избрани Государя Царя Михаила Феодоровича всеа Россіи принесено бысть къ Москвѣ писаніе въ то жъ время съ Колускимъ гостемъ Смирнымъ съ товарищи. И тако же неразнствоваху ни во единомъ словеси въ писани. Сіе же бысть по смотрѣнію единаго всесилнаго Бога.

О послании къ Костромѣ съ моленіемъ къ благовѣрной Государынѣ инокѣ Марфѣ Ивановнѣ и къ благовѣрному Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всеа Русіи, и о царскомъ его нареченіи, и о пришествіи Государя къ Москвѣ.

По исторгнутіи жъ изо устъ зміевыхъ у Поляковъ царствующаго града Москвы, благовѣрному и благородному Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всеа Росіи пребывающу на Костромѣ, съ нимъ же и мати его благовѣрная Государыня инока

Марфа Ивановна; въ царствующемъ же градѣ Москвѣ сотвориша соборъ, избравше пресвященнаго архіепископа Феодорита Рязанскаго, да Чудова монастыря архимандрита Авраміа, да Троицы-Сергіева монастыря келаря Авраміа, да Спаса-Новаго монастыря архимандрита Іосифа, отъ царскаго жъ сигклита избравше боярина Федора Ивановича Шереметева, а съ нимъ околничіе и столники атаманы и казаки и всѣхъ чиновъ множество людей; и отпустиша ихъ къ Костромѣ со образомъ преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи, юже написалъ Петръ митрополитъ, и со образомъ великихъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя и Іоны, бити челомъ благовѣрной Государынѣ великой старицѣ инокѣ Марфѣ Ивановнѣ и сыну ея благовѣрному и благородному Царю Государю Михаилу Федоровичу, что бъ благовѣрная Государыня инока Марфа Ивановна благословила сына своего Царемъ и Государемъ на Московское государство. И тако пути шествію емлются и достизаютъ во градъ Кострому; и недошедше града за едино поприще въ село Новоселки, изъ града жъ пріидоша со множествомъ народа, за утра же архіепископъ Ѳеодоритъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ облекошася въ ризы и бояринъ Феодоръ Ивановичъ и вси пришедши учредивше чины по достоянію, и вземше честный крестъ и образъ Пречистыя Богородицы и протчія святыя иконы, поидоша къ обители въ Ипатцкой монастырь живоначальныя Троицы. И егда пріидоша на устіе рѣки Костромы, весь жъ церковный чинъ града облекошася во священныя ризы, и вземше честный крестъ и святыя иконы изыдоша со множествомъ народа съ женами и съ дѣтми, и поидоша вкупѣ въ той жъ въ Ипацкой монастырь. Благовѣрный же и благородный Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичь, Богомъ избранный Царь Государь, и мати его благовѣрная Государыня Царица инока Марфа Ивановна изыдоша во срѣтеніе за святыя врата, и вземше благословеніе отъ архіепископа и знаменовавшимся честнымъ иконамъ, и тако поидоша со архіепископомъ и со освященнымъ соборомъ въ церковь пречистыя живоначальныя Троицы. Вшедшимъ жъ въ церковь, архіепископъ же Феодоритъ принесе предъ Государыню и предъ Государя многомолебное писаніе отъ всего освященнаго собора и отъ бояръ и отъ всего воинства и отъ христоименитаго народа Російскія державы, чтобъ Государыня пожаловала благословила сына своего благовѣрнаго Государя Михаила Феодоровича Царемъ и Государемъ на Московское государство и надъ протчими государствы Російскія державы, тако жъ и благовѣрный

Великій Государь Михаилъ Федоровичъ милость показалъ, прошенія ихъ пожаловалъ непрезрилъ. Благовѣрная жъ Государыня великая инока Марфа Ивановна и слышати того невосхотѣ; архіепископъ же Феодоритъ со освященнымъ соборомъ и бояринъ Феодоръ Ивановичъ со многими слезами моляше Государыню многъ часъ; Государыни же не положила, отъ очію жъ ея источницы слезъ изливахуся. Видѣвъ архіепископъ и иже съ нимъ, яко неуспѣша ничто жъ, и толикъ трудъ подъяша желаемаго неполучиша, и веемъ на руцѣ свои чудотворную икону образъ пречистыя Богородицы, юже написалъ Петръ митрополитъ, а Троицкой келарь Аврамій веемъ образъ великихъ чудотворцевъ Петра Алексѣя и Іоны, и принесоша предъ Государыню; и рече архимандритъ и келарь Аврамій: виждь благовѣрная великая Государыня инока Марфа Ивановна и благовѣрный и благородный великій Государь Михаилъ Федоровичь, виждь что ради шествова съ нами толикъ путь Пречистая и чудотворная икона и великихъ святителей, и аще на милость неположили здѣ,. но сего ради чудотворнаго образа всѣхъ Царицы Богоматерѣ и великихъ ради святителей немозите преслушати, но сотворитѣ новелѣнное вамъ отъ Бога, воистину бо отъ Бога избрани есте, и непрогнѣвайте всѣхъ Владыку и Бога. Тогда благовѣрная Государыня инока Марфа Ивановна многіе слезы предъ образомъ Пречистыя излія, и веемлетъ благороднаго сына своего благовѣрнаго и благочестиваго великаго Государя Царя и великаго Князя Михаила Феодоровича, предъ всѣми со слезами рече: се тебѣ о Богомати Пречистая Богородице, и въ твои пречистѣй руцѣ Владычице чадо мое предаю, и яко жъ хощеши устроиши ему полезная и всему православному христіанству, много жъ и ина предъ образомъ со многими слезами изрѣче, и тако дарова Царемъ и Государемъ на Московское государство благовѣрнаго и благороднаго сына своего великаго Государя Михаила Феодоровича. И вси иже ту сущи возрадовалися, радостію великою зѣло, тако жъ и множество народа съ женами и съ дѣтми отъ великія радости слезы испущаху; и въ той часъ возложиша на Государя пречестный и животворящій крестъ, и жезлъ царской пріимъ въ руку свою и сѣде на стулѣ царскомъ, и нареченъ бысть Богомъ избранный благородный и благовѣрный Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичъ всеа Росіи самодержецъ, въ церкви пречистыя живоначальныя Троицы Ыпатцкомъ монастырѣ въ лѣто 7121 году Марта въ 14 день; и совершивше святую литургію и молебни о царскомъ многолѣтномъ здравіи, исходитъ же

изъ церкви Богомъ дарованный Государь и самодержецъ, неся въ рукѣ свой царскій жезлъ, почитаемъ отъ его царскаго синклита и отъ всего воинства и отъ множества народа всѣхъ чиновъ. И пребывъ ту не многи дни, и пойде Благовѣрный великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичь всеа Россіи и съ матерію своею Благовѣрною Государынею великою старицею Марфою Ивановною и со всѣмъ его царскимъ сигклитомъ и съ воинствы къ Москвѣ. Во градѣ же Ярославлѣ тогда съѣхашася на поклоненіе Государю отъ всѣхъ градовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ множество, срѣтающе Государя со кресты и съ честными иконами, исхождающе люди съ женами и съ дѣтми радостно поклоняхуся Государю. Въ Ярославлѣ же пребысть нѣколико дней, а въ Ростовѣ и въ Переславлѣ не много пребывше обходяще честныя монастыри поклоняяся чудотворнымъ иконамъ, и пріиде въ великую лавру преподобнаго отца нашего Сергія чудотворца, архимандритъ же Діонисій со всею братіею срѣтили Государыню и Государя съ честными кресты за святыми вороты, и вшедше въ церковь Пресвятыя Живоначальныя Троица и совершивше молебная пѣнія о царскомъ его многолѣтномъ здравіи, знаменавшеся ко образомъ и къ цѣлбоносныимъ мощемъ великихъ чудотворцовъ Сергія и Никона, и седмицу дней во обители претпочивъ же и братію доволно учредивъ, поиде изо обители со множествомъ воинства на Царскій престолъ свой.

И егда бысть за 30 поприщь отъ царствующаго града въ селѣ въ Братовшинѣ, и отъ всего священнаго собора и отъ бояръ встрѣтили Государя здрвіемъ пресвященный жъ митрополитъ Кирилъ Ростовскій да бояринъ Князь Иванъ Михаиловичь Воротынской, а съ нимъ околничіе и столники и дворяне и атаманы и казаки и всѣхъ чиновъ многіе люди, а оттолѣ дажъ и до царствующаго града непрестанно вси людіе съ челобитьемъ и съ хлѣбы съ радостію срѣтающе Государя. Егда жъ Государю достигшу близъ царствующаго града Москвы, пресвященный жъ архіепископъ Суздальскій Арсеній со всѣмъ освященнымъ соборомъ и вси князи и боляре и воеводы со всѣми чинми и съ воинствы и вси народи Московскаго государства изыдоша во срѣтеніе Государю во мнозе радости и въ веселіи со кресты и съ честными иконами, честно и похвали достойно и умиленія исполнено срѣтеніе творяще, множество же безчисленно народа съ женами и дѣтьми радостныя слезы отъ очію яко рѣки испущаху и руцѣ воздѣюще хвалу и благодареніе Господеви воздаяху.

Вшедшу жъ Государю въ царствующій градъ, и вшедъ въ ве-

ликую соборную церковь Пречистыя Владычицы нашея Богородица и присно Дѣвы Маріи честнаго и славнаго ея успенія, и знаменавшися къ честнымъ иконамъ и цѣлбоносным мощемъ великихъ святителей Петра и Алексѣя и Іоны, и по молебномъ пѣніи исходитъ въ церковь святаго Архистратига Михаила, идеже лежатъ сродницы его прежъ почившіе Государи Цари и Великіе Князи Владимірскіе и Московскіе и всеа Россіи; потомъ же поиде въ пречестный храмъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, и молебная пѣнія совершивше и поиде Государь въ царскія своя палаты. Мати жъ его благовѣрная Государыня инока Марфа Ивановна изволи пребывати въ велицей лаврѣ Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ дѣвичѣ монастырѣ. Бысть же тогда въ царствующемъ градѣ Москвѣ велія радость, яко отъ великія скорби утѣшеніе пріяша.

О возведеніи Государя на превысочайшии Царскій престолъ Московскаго государства и всеа Росіи.

Возведенъ бысть благовѣрный и благородный Богомъ избранный и Богомъ дарованный Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичь всеа Россіи самодержецъ на великій превысочайши престолъ Московскаго государства и многихъ государствъ Російскія державы во вселенстѣй велицѣй церкви пречистыя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи честнаго и славнаго ея успѣнія, вѣнчанъ жъ бысть рукою преосвященнаго Киръ Ефрема Божіею милостію митрополита Казанскаго и Свіяжскаго лѣта 7121 году. И сѣде Богомъ дарованный благовѣрный и благородный прежде рожденія его отъ Бога избранный изъ чрева матерня помазанный Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичь всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ на своемъ царскомъ престолѣ Московскаго государства, воспріимъ скипетры Россійскія державы многихъ государствъ.

Молюже ся вамъ да непозазритемя, яко писахъ прежде рожденія его избранъ отъ Бога и отъ чрева матерня помазанъ Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичь всеа Россіи Самодержецъ, аще пророцы и вси святіи предъхотящая быти вѣщаютъ истинно, то коль паче тво-

рецъ и Владыка Господь нашъ прежде бытія нашего вся вѣсть и несодѣянная наша видѣша очи его; не туне Царь Борисъ зѣло нелюбляше негодуя и тяжце насиловаше две родомъ, нелюбяше бо рода Князей Шуйскихъ, излѣйши жъ тогда того нелюбяше рода сихъ Никитичевъ Романовыхъ и гоняше яко Исавъ Іякова, и яко Саулъ Давыда, и яко жъ Святополкъ Бориса и Глѣба. Глаголютъ бо яко зѣло любяше Борисъ волхвы и звѣздочетцы; и ти смотривше сказаша ему: яко отъ рода Никитичевъ Романовыхъ востати имать скипетродержавецъ Россійскому государству; не дивно жъ о семъ аще прорекоша волхвы они, даетъ бо ся волхвующимъ предбудущая вѣщати истинно, яко же древле Валааму о Израили и Сивиллѣ о крестѣ Господни, или иному волхву о Святославѣ Князѣ сынѣ Великаго Князя Игоря и протчимъ древнимъ, чты да разумѣетъ. Царь же Борисъ таковая слышавъ отъ волхвъ и умысли лукавое, яко да потребитъ родъ сей; вознепщева яко вскорѣ хощетъ сбытися или нѣкоимъ хищеніемъ восхищено будетъ царство его; но не тако. Богъ убо творитъ яко же хощетъ, его жъ возлюби и помилова, того и помаза и Царя Государя намъ рабомъ своимъ дарова.

Мы жъ отцы и братія раби его и богомолцы аще и не доумѣемъ, но елико возможно нашей силѣ молимъ всещедраго въ Троицѣ славимаго Бога о многолѣтномъ царскомъ здравіи благовѣрнаго и христолюбиваго отъ Бога избраннаго и Богомъ дарованнаго и Богомъ возлюбленнаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Росіи; да подастъ ему Господь Богъ здравіе душевное и тѣлесное и укрѣпитъ его и сѣмя его на царскомъ престолѣ всеа Россійскія державы во вѣки, и престолъ его неподвижимъ устроитъ, и царство его мирно и немятежно соблюдетъ, и покоритъ подъ нозѣ его всякаго врага и сопостата, и да прославится паче всѣхъ Царей имя его и падутъ предъ нимъ вси врази его, и государства да послужатъ ему со страхомъ Бесерменскіе и Латынскіе, да подастъ ему Господь къ воинскому чину храбрское строеніе и ко всему православному христіянству царское его многоразумное призрѣніе, а намъ бы рабомъ его изливалися неоскудныя рѣки милосердія его; яко да царство его державою и зѣлнымъ попеченіемъ и милостивнымъ призрѣніемъ ко всей Богомъ дарованнѣй державѣ его во многолѣтномъ царскомъ его здравіи протчее время поживемъ въ мірѣ глубоцѣ и безмятежно, и прославимъ въ Троицѣ славимаго Бога нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

О приходѣ подъ царствующій градъ Москву изъ Полши Королева Жикгимонтова сына Владислава со множествомъ воинства съ Полскими и съ Литовскими людми и съ Нѣмцы и съ Черкасы и съ Рускими измѣнники, а изъ подъ Москвы пріиде подъ Троицкой Сергіевъ монастырь и съ Московскими послы веземъ миръ возвратися во свою Полскую землю.

Иже искони ненавидяй христіянскому роду добра врагъ и супостатъ нашъ діяволъ, и еще недоволенъ лстивый насыщаяся крови христіянскія, оле вражію совѣту злому! о горе и бѣда велика! змій убо сверженный паки злѣ вооружается на церковь Господню, разтерзати хотяше и чада ея пожрети породившихся святымъ крещеніемъ. Зри же умышленіе окаяннаго сего, како непочіетъ воюетъ на родъ христіянскій; сіе же сотвори врагъ нашъ намъ попущеніемъ Божіимъ грѣхъ ради нашихъ; понежъ много наказа насъ Господь и отвращая насъ отъ всѣхъ дѣлъ нашихъ лукавыхъ, предъ очима нашима что содѣяся: первое гладъ, потомъ моръ, тоже мечь и огонь. Мы же аще и мали уже останцы православныхъ христіянъ, но никакожъ послушахомъ наказанія Господня, нижъ отвратихомся отъ путей своихъ лукавыхъ, но на вся злая простро̀хомся; и сего ради злѣйши мечь Господень поощряется на ны. Ижъ древле давы совѣтъ лукавому Новуходоносору, потомъ прегордому Антіоху на святый градъ Іерусалимъ, той же и нынѣ вооружается на ны и подходитъ паки лстивнѣ и облобызаетъ любовластія прелестію и гордостію надымая велехвалное сердце крестопреступника Полскаго Короля Жикгимонта и сына его Владислава со всѣми ихъ вельможи, вооружи его крѣпце на Московское государство, они же вскорѣ дьявольскому совѣту послѣдствуютъ, дѣлу емлются. Посылаетъ убо Литовскій Король сына своего Владислава со множествомъ воинства Литовскихъ людей.

Владиславъ же поемъ вся войска своя пріиде во градъ Смоленскъ, и ту собрашася къ нему многіе воры измѣнники и козаки Русскіе; оттуду же оциде до царствующаго града Москвы, идучи много христіянскія крови изливая, симъ величаяся; царствуещему жъ граду милостію Божіею ни которые пакости невозмогоша сотворити, но пачь своихъ людей подъ стѣнами града положиша. Владиславъ же посла полковника своего Чаплинскаго со многими Черкасы къ городу Переяславлю Залѣскому, Чаплинской же иды отъ Переславля съ Черкасы и сталъ въ слободѣ Александровѣ, и умысли искати изгономъ домъ пресвятыя Троицы Сер-

гіевъ монастырь. Лѣта 7121 году Сентября въ 24 день, въ ночи пріиде къ монастырю въ служни слободы и въ стрѣлецкіе. Тогда жъ быша за городомъ многіе люди, ови на сторожахъ, а иные нечающе прихода ихъ, во градъ не внидоша со скотомъ своимъ и съ нимъ великъ бой учиниша, тако жъ изъ града на помощь изыдоша къ нимъ, и врага Чаплинскаго и съ воинствомъ его изъ слободы выбили; Чаплинской жъ шедъ запрудные слободы вся огню предати, и на утрія же поиде подъ царствующій градъ Москву въ сходъ Королевичу. Паки отъ Королевича посланъ бываетъ тои жъ Чаплинской въ Троицкую вотчинувъ село Вохну, и туто и врагъ Чаплинской отъ Троицкихъ слугъ убіенъ бысть.

Королевичь же Владиславъ и иже съ нимъ многія ярости исполнишася, и отъ царствующаго града Москвы пріиде нощію къ Сергіеву монастырю за три поприша въ село Тураково. Келарь же Аврамій и воеводы Семенъ Ивановичъ Жеребцовъ да Яковъ Оксентіевичъ Дашковъ около монастыря останошныя слободы и дворы монастырскіе повелѣша всѣ выжечи, да не будетъ врагомъ пристанища. Королевичь же восхотѣ нощію приступъ учинити; въ день жъ недѣльный въ Троицкомъ монастырѣ начаша благовѣстити ко всенощному, выходцы жъ о семъ повѣдаша, яко тогда нападе на нихъ страхъ великъ и ужасъ, Королевичь же и всѣ ратные паны со всѣми воинскими людми обезумишася, яко нѣчто чающе на себя, стояще даже и до свѣта вооружены на конѣхъ. Въ третій же день Королевичь посла полки своя къ Троицкому монастырю да объявятся градскимъ людемъ; тогда жъ всесилнаго Бога помощію и молитвъ ради великаго чудотворца Сергія изъ наряду съ города многихъ людей побили; потомъ же повѣдаша Королевичу Владиславу преже бывши паны съ Литовскимъ съ гетманомъ Сапѣгою: мы, глаголюще о великій Королевичу, стояли подъ Муромомъ* подъ монастыремъ симъ мало не два года и многихъ людей потеряли, а монастыря взять неумѣли; Королевичь же по совѣту ратныхъ пановъ изъ селца Туракова отъиде въ Троицкое село Святково отъ монастыря за 7 поприщь; и инози дни ищуще уловити обитель чудотворца Сергія, и сторожи отъ него пріѣзжающе близь монастыря по вся нощи, ожидающе времени, чтобъ какой промыслъ учинить. Канцлеръ же Левъ

---

* Вѣроятно сочинитель писалъ подъ муромъ, т. е. подъ стѣнами монастыря

Сапѣга аки доброхотствуя дому чудотворцову, лицемѣрствуя запрети всему воинству. Троицкихъ селъ и деревень жечи невелѣлъ и крестьянъ въ полонъ не имать. Видѣвъ же Богъ лукавыхъ лицемѣрство, что хотяще домъ чюдотворца Сергія лукавымъ умышленіемъ восхитити, спусти на нихъ лютъ мразъ и гладъ великъ, солдаты же и Нѣмцы и многіе воинскіе люди по выжженнымъ деревнямъ пищи ради и согрѣтія бродяще и нигдѣ не обрѣтаху, по лѣсамъ же кормовъ и дровъ добывающе многія и съ кони измерзаху.

И видѣвше яко надъ домомъ чудотворца хотѣнія своего неисполниша и лукавый ихъ совѣтъ незбытся; и Ноября въ 14 день тои же Левъ Сапѣга прислалъ въ монастырь мѣстной образъ великаго чюдотворца Николы Можайскаго да Симонова монастыря старца Іону Трегубова, а сказалъ Сопѣгинъ человѣкъ, что тотъ де образъ взялъ Нѣмчинъ, а старца взяли на дорогѣ, не доходя села Клемянтіева, и Левъ тотъ образъ и старца послалъ къ вамъ. А назавтріе того дни Левъ же Сапѣга прислалъ въ монастырь съ Литвиномъ троицкихъ дву крестьяниновъ да грамоту, а въ грамотѣ пишетъ къ келарю Аврамію и къ воеводѣ къ Симену Ивановичу Жеребцову: Канцлеръ великаго княжества Литовскаго Левъ Ивановичь Сапѣга челомъ бьетъ, вѣдомо вамъ даю подъгощики наши взяли на Троицкомъ полѣ вашихъ дву крестьяниновъ, а чаяли ихъ лазущиковъ; и мы тѣхъ дву крестьяниновъ послали къ вамъ и впредъ своему войску заказали, селъ вашихъ жечь и крестьянъ сѣчь и въ полонъ имать не велѣли, а вамъ бы такожде нашихъ воинскихъ людей непобивать и въ полонъ имать невелѣти. И того жъ дни Декабря въ 15 день Левъ Сапѣга писалъ въ монастырь, чтобъ посланниковъ ихъ пропустити къ Москвѣ къ Государевымъ посломъ въ Федору Ивановичу Шереметеву съ товарыщи для мирнаго постановленія.

Чюдо Преподобнаго отца нашего Сергія о исцѣлѣвшемъ нѣмомъ и глухомъ.

Непрестану повѣсти пиша нижъ умолчу о чудесѣхъ повѣдати преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія, да не получу азъ окаянный части лениваго раба скрывшаго талантъ, ниже буду подобенъ оному чернцу скрывшему главу Предтечеву, ежъ неславитися о ней имени Господню; но аще и ленивъ есмь и жестосердъ непотребенъ же и каменносердеченъ, но подобаетъ ми всяко глаголати вамъ

добрымъ торжникомъ и ясне повѣдаю вамъ о новосотворшемся чюдѣ предъ очима нашима и всѣхъ ижъ во обители сей прилучившихся тогда; сотвори бо ся чудо не въ древнихъ лѣтехъ ни въ далнихъ странахъ но въ велицѣй лаврѣ преподобнаго отца нашего Сергія чюдотворца и во 127 году, во обстояніи ратныхъ Королевича Владислава, со всѣми воинствы его тогда убо стоящу ему объ едину полуношную страну монастыря въ Троицкомъ селѣ Святковѣ по Переславской дорогѣ, въ другую же страну къ царствующему граду путь очистиша съѣзда ради посолскихъ дѣлъ, и отрада бысть во осадѣ запасы ко пропитанію скота. Сему чюдеси сказаніе сице бысть.

Ноября въ 18 день пріиде къ келарю старцу Аврамію монастырской стрѣлецъ Тимофей Коркинъ, а привелъ съ собою человѣка, и повѣда о немъ сице: яко той человѣкъ живетъ у него полъ 4 года, а былъ нѣмъ, нынѣ жъ дарова ему Богъ языкъ, да вопросятъ его како дарова ему Богъ здравіе; человѣкъ жъ онъ повѣда предъ братіею: азъ рече роженъ Тверскаго града сынъ священника Михаило, и судомъ Божіимъ громомъ убило въ одной избѣ десять человѣкъ, а мене десятаго убило подъ щекою у горла, и отъ того почалъ нѣмъ быть и жилъ у себе во Твери полтора года нѣмъ, а здѣ у живоначалныя Троицы пребываю четвертой годъ, а живу у сего Тимофѣя; и нынѣ въ Королевичевъ приходъ подъ троицкой монастырь велѣно имать всѣмъ осаднымъ людемъ сѣно, съ ними жъ и азъ посланъ быхъ по сѣно отъ того стрѣлца Тимофея, мразу жъ тогда люту бывшу, азъже рѣче нищетою одержимъ и одежи къ согрѣтію плоти не бысть но рубищи одѣянъ поидохъ, мнози жъ съ нами идущи въ теплыхъ одежахъ мроша, азъ жъ стѣсняемъ отъ мраза зѣло содрогнуся и руки и ноги уже и лице измерзло, и повергохся на пути замертво; христолюбцы жъ подъемше мя возложиша на возъ за мертво. Еще бо во мнѣ души бывши и начахъ во умѣ призывати великого чюдотворца Сергія: великій чудотворецъ Сергій помилуй мя, азъ тебѣ отпою молебенъ, егда жъ рече сице помыслихъ, тогда пріиде милость его аки нѣкая теплота, и быхъ весь теплъ и руки и ноги горячи, и персты рукъ моихъ розкорчилися, и съ воза снидохъ, но нѣмъ еще пребыхъ, сѣно жъ съ подруги моими привезохъ яко же и протчіи здрави. Тогда жъ пріиде на мя сонъ великъ и уснухъ мало, и пробудихся начатъ просити пити, тогда бо разверзеся языкъ мой и проглаголахъ первѣе, тогда жъ вси внидоша во удивленіе, яко жъ быхъ нѣмъ и проглахъ. И тако окаянный азъ отъ простоты

своя забыхъ ежъ обѣщахся, два дни пробыхъ радуяся и славя Бога, а еже молебенъ отпѣти чюдотворцу обѣщахся въ небреженіе положихъ; и въ третію нощь явися мнѣ въ чюдесѣхъ великій Николае и аки понося моему безумію глаголя: вскую человѣче милость и молитвы великаго чудотворца Сергія презрѣлъ, ижъ обѣщася и несотворилъ еси; но шедъ скоро сотвори обѣщаніе свое, повѣдай въ монастырѣ всей братіи, да повѣлятъ отпѣти молебенъ чудотворцу Сергію. Мы же отъ устъ его слышахомъ и дивихомся о величіи Божіи, како прослави и нынѣ прославляетъ угодника своего, и повелѣхомъ пѣти молебенъ съ звономъ прославляюще заступника своего великаго въ чюдесѣхъ преподобнаго отца Сергія; и благовѣрному Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всеа Россіи о томъ чюдеси писали; сущіи жъ людіе вси въ дому чюдотворцовѣ во осадѣ слышавше зѣло возрадовашася и благонадежи и быша, яко не отступаетъ преподобный снабдя обитель свою, и чающе избавленія молитвами его.

О приходѣ въ монастырьословъ Московскаго государства и о миру съ Королевскими послы.

Ноября въ 19 день пріидоша въ Троицкой Сергіевъ монастырь государевы послы, бояринъ Федоръ Ивановичь Шереметевъ, да Князь Данило Ивановичь Мезецкой, да околничей Артемій Васильевичъ Измайловъ, дьяки Иванъ Болотниковъ, Матвѣй Сомовъ, а съ ними столники и стряпчіе и дворянѣ многихъ городовъ; и пришедше послы въ монастырь учредивши воинство по достоянію, и учиниша съѣздъ съ королевскими послы въ Троицкой деревнѣ Дѣвулинѣ, отстоящу отъ обители два поприща; а келарь Авраамій отпустилъ изъ монастыря священника Симеона съ честнымъ крестомъ, златомъ и бисеромъ и дорогимъ каменіемъ украшенъ, яко и иновѣрнымъ удивитися украшенію животворящаго креста и съ налоемъ украшеннымъ, и съ блюдомъ сребрянымъ; но того дни не бысть благо ни полезно, искони бо отъ врага гордостію надмени Поляки глаголюще тщетная. И паки второй съѣздъ учиниша въ тои жъ деревнѣ Дѣвулинѣ, королевскіе жъ послы велми ожесточишася паче прежняго и лаяху, а роты многіе приправлены стояху, заведены на лѣсу около поля того Дѣвулина; тогда съ великою бранью разъѣхашася. Во обители жъ

иноцы и мірстіи о семъ страхомъ одержими, и пришедше въ церковь святыя живоначальныя Троицы и къ цѣлебному гробу преподобнаго отца нашего Сергія, милости отъ Бога и отъ чудотворца помощи и заступленія просяще, да подастъ миръ и устроитъ полезная рабомъ своимъ; послы же сотвориша празднество особно Сергію чудотворцу со многими слезами просяще милости и помощи отъ него.

По двою жъ дни Королевскіе послы паки присылаютъ во обитель къ государевымъ посломъ гонца своего съѣздъ учинитъ о добромъ дѣлѣ и миръ устроитъ промежъ обою государствъ; послы жъ бояринъ Феодоръ Ивановичь Шереметевъ съ товарищи и съ воинствомъ, боящеся отъ нихъ клятвопреступленія и измѣны, лукавы бо суще и нетверды въ вѣрѣ Поляки и Литва, Декабря же въ 1 день, помолившеся святѣй живоначальнѣй Троицы и святымъ чудотворцемъ и отпѣвше молебенъ, и знаменавшеся святою водою и учредившеся по достоинству, но не тако якоже прежде, но съ боязнію, боящеся подъсады, и учиниша паки третій съѣздъ съ Королевскими послы на томъ же мѣстѣ. Вскорѣ жъ тогда предваряетъ милость Господня молитвъ ради преподобнаго отца Сергія, сами Полскіе послы со многою честію и кротостію предъ Государевыми послы начаша о мирѣ глаголати, и некротцы кротцы быша и волцы яко агнцы явишася, и милостію святыя пребезначалныя и нераздѣлимыя Троицы и заступленіемъ Пречистыя Матери слова Божія и молитвъ ради преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Сергія и Никона и всѣхъ ижъ въ велицей Россіи просіявшихъ, и благовѣрнаго и великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Россіи счастіемъ его Государевы послы бояринъ Феодоръ Ивановичь Шереметевъ съ товарищи съ Королевскими послы со Княземъ Адамомъ Новодворскимъ и бискупомъ Каменецкимъ Константиномъ и съ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою учиниша миръ межъ обоихъ государствъ Московскимъ и Полскимъ на 15 лѣтъ; и цѣловали животворящій крестъ кождо по своей вѣрѣ и въ мирномъ постановленіи записьми мѣнялись за утверженіемъ рукъ своихъ; и тако разъѣхашася съ великою любовію и радостію, яко обоимъ государствамъ Господь Богъ дарова безмятежіе и тишину. Послы жъ Феодоръ Ивановичь Шереметевъ съ товарыщи и со избраннымъ воинствомъ пришедше во обитель чюдотворца, и келарь Аврамій съ братіею и воеводы осадные и вси сущіи во обители исполнишася радости, и повелѣша пѣти молебенъ со звономъ. И весь народъ притичуще къ церкви трипостаснаго

Божества съ женами и дѣтми моляшеся о многолѣтномъ здравіи Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Росіи самодержца, и прославляюще великаго чюдотворца Сергія и Никона, и отъ радости отъ очію многи источницы слезъ изліяшася, яко нечаемо дарова Богъ всей земли Рустей немятежное пребываніе и тишину всему православному христіянству.

СМѢСЬ.

КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ КОЗМОГРАФІЯ, СЛОЖЕНА ОТЪ ДРЕВНИХЪ ФИЛОСОФОВЪ, ПРЕВЕДЕНА СЪ РИМСКОГО ЯЗЫКА.

Предисловіе.

Искони Зиждитель и Богъ создавъ человѣка самовласна и словесна и разсудительна, потомъ же покоривъ ему видимыя твари всяческія и давъ ему животную разумную силу, да творитъ на угожденіе Богу, потомъ же и на промышленіе своему естеству, и да смотритъ полезныя день и нощь, и о томъ да восхвалятъ благаго хитреца Бога. Понеже даны суть изначала каяждому отъ него языку хитрость: Еллиномъ словесное осмочастіе, еже суть риторское витійство, Персомъ же и Вавилоняномъ звѣздословіе, небесный бѣгъ, Египтяномъ же землемѣрія, еже есть козмографія. По нѣкоему богословцу премудрому реченное, еже состоится философія седьмію мудростьми: 1-я. Мудрость многосложное арѳографіе, тако же сложное и простое; 2-я. речѣточецъ, еже суть витійское прецирательное толкованіе; 3-я. яже выше всѣхъ богословное; 4-я. небоокружная; 5-я. лекарская, оже еже есть лѣкарство лѣчбы; 6-я діометрикія, оже есть числительная и скоропамятная; 8-я. яже святая писанія толковати и благоглаголати и писати иже спасти душу свою, еже отъ древнихъ Философъ зовется любомудрія, сіи рѣчь память смерти. Сихъ же словесъ дозде, коснемъ же ся предлежащему.

Сія же книга козмографія из давныхъ лѣтъ составлена, еже есть писаніе всего свѣта, трехъ частей сыновъ Ноевыхъ: Сима, Хама и Афета. Якоже пишетъ Боговидѣцъ Моисей въ своей книгѣ въ миротвореніи, еже есть въ бытіи: раздѣлиша сынове Ноеви всю землю на три части.

По раздѣленіи же писаша древніи Ѳилософи, Симову часть перваго сына положиша восточную и нарекоша имянемъ ея Азія, конецъ же ея достигаетъ до восточного моря до Макаритцкаго острова, еже близъ блаженного рая, другіи же конецъ до Фарсійскаго моря и до Черинаго, третія же страна раздѣляетъ отъ Китайскаго царства и до земли звѣрообразныхъ людей, еже есть Сибирь, и до Хвалынскаго моря.

Вторая же часть втораго сына Хама положиша полуденную, и назваша имянемъ ея Африка, протязается же отъ Ядъсирскаго языка до Черинаго моря и до Ефіопскаго моря и до Океяньскія пучины.

Третьягоже сына Афета третію часть положиша западную и с полунощіемъ, и назваша имянемъ ея Европія, отъ средняго моря да до великаго Окіяна, съ другую же страну до Фряжьскаго моря, с третюжъ страну до Мурманского студеного моря, еже есть называютъ Соловецкая пучина.

Кругомъ же всѣхъ тѣхъ трехъ частей обходитъ великое море зовомое Океянъ; и тѣ убо три части всего свѣта земли на водѣ яко же на блюдѣ простерты силою преблагаго Творца. И въ тѣхъ же въселенныя частехъ земли страны великія государства и языцы различные овіи грамотніи, овіи же и безъкнижные, иже на послѣди вся подробну скажемъ.

Послѣже сего много лѣтъ спустя въ недавныхъ временахъ Латынскіе филлософи обрели на западѣ на морѣ океянѣ вдоль по пучинѣ многія островы и различные, овіи же людніи и богатіи, овиже безчеловѣчныи, и нарѣкоша тѣ острови инянемъ Америка, и назваша ихъ четвертую часть новую землю, и положиша ихъ къ тѣмъ же тремъ частямъ козмографіи. Всея же земли въ тѣхъ частяхъ каяждо страну и землю и царства и королевства и различные, и что ихъ богатьство и пространство, вѣры жъ и нравы, многолюдъство же, и храбрость, и ученія, и мудрость вся подлинно да скажемъ.

1. Земля, Италія въ части Европіи на западѣ Афетова меншаго сына Ноева, отъ моря лежитъ Виницейскаго понеже и Виницея въ тойже странѣ обдержится. Зачата же бысть Италіусомъ храбрымъ отъ Троянского колѣна и языка, протязается же до Римскаго Цесарства и до Испанскаго Королевства. Италія же множество острововъ имать въ своей области: островы Сардія и Сикилія и Мядіаломъ; вѣру же имутъ отъ проповѣди апостольскія благочестія; грады же и въ нихъ епископы и монастыри, якоже звѣзды въ небеси. Прежде же Римскаго града ту бяше королевство, по томъ же въкупе подъ Римского Цесаря державою бысть, храбрыхъ же людей воинскихъ не много бяше въ нихъ, но больше купецкихъ, градыже камены и земля плодовита скотомъ и овощемъ, ученіемъ же снискательни къ мудрости, златыя жъ и серебреныя сосуды имать много; нынѣ же неистовства ради своего въпадше въ римскую ересь и нарицаются они вѣрою Папеженя, нынѣ же бяше подъ римскимъ правленіемъ.

2. Земля Греческая, въ ней же бе и Царьградъ, изначала зовется Византія, отъ нѣкоего мужа прозвася Еллина родомъ отъ восточныхъ Елладъ, сіи же отъ него нарицашесь Грецы отъ Греческихъ Царей; нарицаются же они седмохолми; пространствомъ же отъ Бѣлаго моря до Серпскія державы, з другую же страну до Угорьскія съ третьею же до Цысарскіе земли; Царь же градъ созданъ отъ Римскаго Цесаря Констянтина, свое же ему и имя именовалъ, и преселися отъ Римского града въ Царьградъ и вся своя синаторіи и вельможа съ собою приведѣ, купеческихъ людей собра изо многихъ странъ и градовъ богатыхъ и славныхъ, церкви же и грады и полаты царскія и торги толико свѣтло украси, яко и во всѣй вселенней другіи такіи градъ необрѣтается; и отъ того Констянтина въвелися Цари Греческіе, ту престолъ содержаше и многія подъ собою страны и царства имеяше, такожъ славою и мудростію и храбрымъ воинствомъ зѣло цвѣтяше; благочестіемъ же вѣру седьми соборы утвержену отецъ, нетокмо преже храняше, но и нынѣ даже до

конца терпеливно стражутъ. Не в давныхъ лѣтехъ бусурманомъ Турскимъ взяти быша ради своея гордости и небратолюбія; нынѣже хотя и обладаеми Турскою державою нежножествомъ людей, и яко песокъ уплодишася, но безоружіемъ и страхомъ противитися не дерзаютъ, но епископы же и монастыря и церкви ничемъ же вреждени суть, но тяжскими дании смирены суть.

3. Королевство Сербское отъ Чернаго моря простираются до Угорскаго, въкупе же съ нимъ и Воложское державство, имать же во своихъ предѣлехъ и святую гору Афоніискую, въ ней же и донынѣ въ монастыряхъ и въ пустыняхъ 12000 черньцовъ. Издавна же Сербское владычество благочестивое, нынѣже подлежитъ подъ Турскою данью, королевства въ себѣ не имать. Толика плодовита хлѣбомъ и овощемъ различнымъ, что въ той въ всей Европіи таково изобильство необрѣтается, вѣру же свою крѣпку хранятъ и до сего дни. Людіе же в нихъ благообразны и благонравны, мало жъ не вси купецкія, воинскихъ же мало.

4. Царьство Болгарское, и съ нимъ въкупе подлежитъ Козары, пространство же имать невелико отъ Грецкія земли до Чешьскія, людіе же зѣло храбры и большая половина воинскихъ; имать же въ себѣ великую рѣку Дунай и об ней стоятъ и противятся съ недруги, рѣка же та быстра и широка и всѣмъ плодовита, имать же в себѣ поперегъ себя 5 верстъ, идетъ въ Черное море, вѣра жъ Болгарьская, въкупе же со Словяны приняли крещеніе, нынѣ же мало благочестія обретается, иновѣрныхъ ради страха.

5. Страна Угорская и Чешьская Королевство, изо многихъ лѣтъ Крали были самовластные, и нарицалися златые отоцы, что златые руды куплютъ множествомъ, и златыя Угорскія идутъ во всѣ земли; людей же обоихъ много и воинскихъ и торговыхъ; нынѣ же осилѣемы и отъ Турскаго Царя и отъ отъ Польского Короля, потому что межъ ихъ Государства стоятъ. Земля же плодовита овощемъ и виноградомъ и хлѣбомъ; вѣра же разная въ нихъ Греческая и Латынская и Нѣмецкая, человѣцы же велицы и сильны, к прилежатъ ядению и піянству, и играмъ всякимъ.

6. Страна Корсунская подлѣ Чернѣго моря, нынѣже словетъ царство Крымское, понеже Агаряне осильствоваху тѣми грады, благочестіе въ нихъ разорили, и простираются тѣ Крымскіе варвары до Пятигорскихъ Черкасъ, а тѣ Черкасы Агарянскій же языкъ, с ними въкупѣ кочуютъ и живутъ подлѣ Хвалынского моря, и на войны въкупе другъ со другомъ ѣздятъ, и вѣра в нихъ проклятая Бахметова, и покоренъ Царь Крымскій Царю Турскому, что имъ языкъ и вѣра одна проклятая Бохметова, понеже той Турскій Царь Агарянскаго колѣна силенъ же бо есть и оружіемъ и многолюденъ, того ради и появъ славный Царьградъ. Нравы же ихъ пьянства многова отвращаются, славы жъ и тѣлеснымъ же сквернамъ рукодѣльнымъ ризамъ златымъ и шелковымъ и всякими понявами цвѣтными.

7. Цесарство державы Римскіе въ той же въ Европіи части сына Ноева меншаго Афета. Зачатъ же ся славный Римскій градъ отъ дву родныхъ братовъ Рома и Ромила, иже утекли отъ Тройского разоренія и во свое имя назваша градъ Римъ, во дни Царя Давыда, и толико возвысися и умножися людьми, яко много лѣтъ владѣя всѣми странами и царствы вселенныя и паче всѣхъ прославися и обогативъ; яже прія первіе всѣхъ благочестіе отъ Петра и Павла, и отъ ихъ стола первенствуя Папы нарицашеся, всѣми Патріархи и Епископы старѣйшинствуя много лѣтъ. Не в давныхъ лѣтехъ вѣру умыслили Латинскую и благочестіе седьми соборъ отложили и составиша осьмый соборъ слабости ради своея ереси злоумышленіемъ, и тѣмъ многія страны великія себѣ прельстили, пространьство же ихъ отъ моря Виницейского; страна же не сильно широтою велика, но зѣло многолюдна, грады каменныя тверды; человѣцы же мудры и многоучительны, много и воинскихъ и торговыхъ; плодовита же скотомъ и хлѣбомъ; честно же Цесарьство Римьское во всей Европіи до нынѣ почитается и многія подъ собою покорны страны и грады.

8. Королевство Земли Шпанскіе, издавна славна и бяше та земля подъ Римскою державою и благочестіемъ сіяше же, нынѣ же свое Королевство богатѣе и славнѣе перваго, потому что обрели новые островы со златою и сребряною рудою, и многи узорочья, и отъ того возвеличилися и многи острова и грады тверды подъ себя подъкорили, и стоятъ противъ Турскаго царя и тѣснятъ крѣпко вмѣстѣ съ Римскимъ, по вся годы у нихъ война не умолкаетъ. Вѣра же в нихъ нынѣ ово Папежъская латынская, ово же Лютерская; человѣцы же мудри лѣкарствомъ дохтурскимъ и звѣздочестію, много же и храбрыхъ людей и купецкихъ. Земля плодовита виномъ краснымъ и прянымъ зеліемъ и сахаромъ.

9. Земля Французское Королевство бывало крещена отъ Святыхъ Апостолъ, нынѣ же вѣры благочестивыя заблудили въ злую Калвинскую и Люторскую, древнихъ же лѣтъ богатѣе и славнѣе бысть нынѣ, что и тѣ обрѣли острови богатіи на морѣ с каменіемъ драгимъ и бисеромъ; земля же невельми пространна, и языкъ свой, и люди воинскіе зѣло храбры, и во всей Европіи Афстовѣ части храбрѣе ихъ силою необретается, и наймуются битися по многимъ государствамъ, и отъ того честніи и богатіи, много жъ и богатыхъ купецкихъ людей, изобильна же виномъ и овощемъ.

10. Земля Германія и языкъ Германскій славенъ во всѣхъ Нѣмцахъ, любима же и крещена была отъ Святаго Апостола Павла, нынѣ же вѣрою заблудила въ Нѣмецкую розную ересь, и Кроля у нихъ нѣтъ, разные Арцыки, сирѣчь Великое Княженіе; предѣлъ же своея земли имутъ отъ Нѣмецкаго моря и до Фряжьского и до Пружьского острова, и людей больши купецкихъ нежели воинскихъ, изо всѣхъ Нѣмецкихъ земель земля людна и плодовита,

грады каменны и палаты. Человѣцы же ласковы и смирены, и слабы ко піянству и къ покою тѣлесному.

11. Королевство Польское и Великое Княжество Литовское вькупѣ подъ одною державою, издавна были крещены благочестіемъ же сіяли, нынѣ же во многихъ градехъ благочестивыи суть, а та вѣра Лятцкая папежская, языкъ же имутъ Словенскій; пространство же имѣють не мало отъ Римскіе державы до Русскіе земли и отъ Черного моря до Фряжскаго моря; грады же имѣютъ каменные тверды и древяныя; плодовита же зѣло скотомъ и овощемъ и медомъ; человѣцы же величавы и гордыи обманьчивы, ученію снискательны мудростемъ всякимъ, и къ войнѣ к ратямъ готовы и охочи и оружны; подданные же у нихъ господей своихъ не слушають, поволно живутъ и безстрашны, платье же носятъ зѣло цвѣтно, и слабы къ ядѣнію и къ піянству и всякимъ сластемъ.

12. Царство Россійскее державы, сперва же Великіе Князи нарицахуся многихъ великихъ градовъ, и бысть крещена отъ Великаго Князя Владимира Кіевскаго, даже и нынѣ благочестива вѣра цвѣтетъ, состоится седьмію соборъ Святыхъ Отецъ, и нарицашеся издавна Великая Скиѳія и Литовская земля с нею же вькупе. Не въ давныхъ же временахъ Кіевъ и Литовская земля отъдѣлися, въ та же мѣста Руской области покорны учинишась.

13. Царство Казанское и Астраханское, иже нарицашесь златая Орда, к томуже иные Татарскіе языцы, Черемиса и Мордва Самоядь и Лопари, и страна Сибирская; и простирается Московская страна отъ моря Хвалинскаго до моря Соловецкаго, еже есть великаго моря Окіяна. Нынѣ же Россійскіе цари единъ самодержьствуетъ во всей земли, во градѣхъ зѣло благолѣпіемъ красятся и чюднымъ знаменіемъ и канбаны, еже есть колокола, и во всей Европіи подобныя тоя земли несть. Человѣцы же сановиты брадами и платьемъ, нравы же непостоятельны и корысти желательны, много же и воинскихъ людей и купеческихъ богатыхъ, родится хлѣба и меду много и рыбъ различныхъ множество, понеже великія рѣки проходятъ Волга, иже раздѣляетъ Татарскіи языкъ со Словенскимъ, и Двина иже входитъ въ море Соловецкое, море же то зѣло рыболовно, стоитъ же и монастырь на немъ Соловки, градъ же дикова синева и зеленова камени, иноковъ же обѣльцовъ и гостей множество.

14. Королевство Свицкое, земля невелика, стоятъ же грады тверды камены по губамъ морскимъ и по озеромъ, такихъ же градовъ твердыхъ во многихъ странахъ не обретается, Нѣмцы же тоя земли храбры ко всякимъ воинскимъ дѣломъ и смышленны, и много наймуются битися по чюжимъ Государствамъ, вѣра же люторская ересь, изообильна же скотомъ и рыбою, слабы ко піянству и ко всякимъ играмъ.

15. Земля Датская, Королевство издавна Римскихъ царей роду, стоитъ близъ моря Окіяна, и по губамъ грады камены и полаты, много же воинскихъ людей; Нѣмцы жъ тѣ мудры х дохторству и смышлены ко всему; земля жъ пространствомъ не добре велика; вѣра же Люторская и Усмицкая; изобильна же скотомъ и овощемъ и дикими звѣри различными.

16. Острова Вританскіе нынѣ же нарицаются Кролевство Аглинское и Шкотское, вѣра же прежде бывала благочестивая, крещены отъ царя Константина, нынѣ же ересь Люторская и Евагилитцкая объятъ, войны же у тѣхъ Королевствъ ни с кѣмъ не бываетъ, что однѣ на островахъ живутъ; и въ долготу ихъ толико пятьсотъ верстъ, грады же каменыя и селы людны, много купеческихъ людей, а воинскихъ мало; человѣцы же ко всѣмъ мудры и смышлены, и к лечбамъ дохтуроваты; изобильно же овощемъ и виномъ и скотомъ и рыбами; а лежитъ въ части сей же Европіи Афетовѣ.

17. Островы Прускія и Барабанскія и Галанскія, въ нихъ же державство или Княжество; Нѣмцы же тѣ купеческія богатые, а не много воинскихъ, а пространствомъ невелики, толко зѣло людны и грады камены; вѣра же ересь Люторская и Евангилитцкая, ученіемъ же к рукодѣлію хитры; златаго дѣла и серебрянаго и бисера много, и руды серебряной и мѣдной и оловяной много, изобильно же скотомъ и овощемъ и виномъ; стоитъ же въ той же Европіи части по морю Окіяну. И здѣ конецъ Афетовѣ части западной и полунощной.

18. Земля Сибирь нарицаемая звѣрообразныхъ и дикихъ людей, по тому что живутъ по лѣсамъ и по рѣкамъ великимъ, и питаются звѣремъ и рыбою кромѣ хлѣба, ѣдятъ кровавое и сырое, вѣры же и грамоты неимать, добываютъ же и продаютъ драгіе звѣри соболи и куницы и бобры и лисицы и бѣлки множество, простирается широко и долго, и под данію державы Московского Царя.

Въ части же лежатъ Азіи во жребіи Симовѣ.

19. Земля Нагай и Колъмыковъ, кочевные Князи, и преходятъ съ мѣста на мѣсто, и питаются скотомъ и держатъ множество всякихъ животинъ, а хлѣба нѣсть ни овоща всякаго ни градовъ, добываются жъ конныимъ боемъ, вѣра же Татарская а не грамотная, земля же у нихъ аще и пространна, но пуста.

20. Земля Грузинская, изначала же нарицашеся царство Иверское, стоитъ подле Хвалинскаго моря, вѣра же издавна была благочестивая отъ Царя Константина, нынѣ же Царя о себѣ неимутъ, вѣры разныя, потому что осилѣлъ Шахъ Кизилъбашскій и разорилъ и даньми тяжкими покорилъ, изобильна овощемъ и хлѣбомъ и скотомъ и виномъ.

21. Земля Арменская, изначала особѣ было царство пространно и богато грады и людьми и овощемъ и скотомъ, нынѣ же подъ державою порабощено Кизильбашскимъ Царемъ, вѣры же в нихъ розные смѣшалися ереси благоче-

стивыхъ же зѣло мало обретается, нынѣ же и до конца заблудили, люди же в нихъ торговые богатые, а воинскихъ нѣсть, шолку и бумаги много.

22. Земля Кизилъбашская, нынѣ же стало царство славно, въ той же части Симовѣ, иже нарицаются Шахъ, потому что овладѣлъ великимъ царствомъ Перситскимъ и Вавилономъ и Мидцкимъ; что тѣ нынѣ страны опустѣли, вѣра же Татарская в нихъ, имѣетъ тотъ Шахъ всегда бой с Турскимъ Царемъ, понежъ человѣцы храбры къ войску и легки; и богатъ зѣло златомъ златокованными ризами и шелковыми поставами и бумажными ризами разныхъ цвѣтъ; нравы же крѣпки и отъ піянства воздержательны, а къ тѣлеснымъ похотемъ слабы.

23. Земля Перская издавна многонародная и царство славное, власть имѣяше надъ вселенною, туже былъ Навходносоръ Царь и Даріи Перскій, и въ томъ бѣ градъ Вавилонъ и Мицкое царство; человѣцы же къ воинству щательны и легки, яко и дѣвицы на ратехъ воспріемлютъ мужескую крѣпость, нынѣ же тѣ страны подъ Кизилъбашскимъ Царемъ; нравы же ко звѣздочестію прилежатъ и къ волхвованію, и вѣруютъ в огнь и въ солнце и древу.

24. Земля Ѳарсія, издавна баше Царіе въ нихъ, и земля ихъ подлѣ моря и по островамъ, изобильно златомъ и серебромъ и мѣдію и каменіемъ драгимъ и бисеромъ, хлѣба же и овощей въ тѣхъ странахъ мало, горячества ради; вѣра же Перская и Мидитцкая проклятая.

25. Страна Индея великая, издавна царство славное, пространство же имѣетъ много и вокоду зѣло широка, градовъ и селъ безчисленно, даже простирается и до Китайскаго царства и з другую страну и до моря восточного; вѣра же в нихъ: служатъ солнцу и звѣзданъ и огню, бывало же немного времени в нихъ и благочестіе, а нынѣ паки заблудили; изообильно же каменіемъ драгимъ и бисеромъ, и сладкимъ кореніемъ и благоуханіемъ; нравы же в нихъ варварскіе, но піянства многаго отвращаются, и градъ у нихъ Хойбоя, 300 верстъ.

26. Царство Индея малая, лежитъ подлѣ моря восточнаго, владѣютъ же и островами морскими многими, подъ данію же лежитъ, покорны Царю великія Индеи, изобильно же поморскими узорочьи всякими.

27. Страна Еѳіопская, издавна. царство славное и мнолюдное, вѣры же бысть немного благочестивыя, нынѣже вся до конца изошла и нравы; стоитъ же въ той же части Азіи Симовѣ жребіи, изобильно же златомъ и сребромъ и многими драгими мастьми и кореніемъ сладкимъ, нынѣже опустѣла отъ Индейскаго царя.

28. Царство Арапское черное, вѣра и нравы Еѳіопскіе же, служатъ солнцу и огню и звѣздочетію, идетъ же отъ нихъ златыя во всѣ земли что добро и красно, и родится у нихъ пшено и перецъ и гвоздика и пряныя зелья.

29. Земля Малацыя богатая, лежить край моря восточнаго, человѣцы же в нихъ диковаты и страшдивы, и войны ни с кемъ неимѣють, что удалѣли отъ всѣхъ странъ въ Симовѣ же части, питаются же овощемъ различнымъ и кореніемъ сладкимъ, вѣра же кумирская заблуждшая, каменія же и бисера драгаго больши всѣхъ земель;

30. Земля Еввдацкая пространна и велика, исперва бывали у нихъ Царіе, нынѣже самовластно пребывають, и рѣками великими обходимо, и отъ того питаются, хлѣба же мало, вѣра же и нравы Еѳіопскія земли, и войны у нихъ мало, что покоряются многимъ Царемъ.

31. Страна Рахматы нагія подъ самымъ востокомъ солнцу, и Царя имѣють у собя, вѣрують же на небо къ богу и оне крещены, житіе же ихъ таково: одѣваются же листвіемъ древяннымъ садовнымъ и отъ того овощемъ питаются, и женщ имѣють, а ризъ и скота и хлѣба не имѣють, ни градовъ ни войны не имѣють же.

32. Земля Схи . . . велика и пространна, питаются овощемъ и звѣри Польскими, а служать солнцу и звѣздамъ и огню, нравы же в нихъ Индейскія земли, но въ части Азіи Симовѣ жребіи, хлѣба же нѣсть и плодовыхъ . . . мало хлѣбныхъ;

33. Да тутъ же подъ востокомъ солнца есть мѣсто, гдѣ исходять великія четыре рѣки райскія, а искони созданія міра устьма шли изъ самаго едемского рая, якоже и глаголеть в миротворной книгѣ въ бытіи, что сотвори Богъ четыре рѣки великія напаяти едемъ и рай, имя первой рѣцѣ Тигръ, второй имя Еѳратъ, третей имя Нилъ, четвертой имя и Ѳисонъ. Нынѣже по тѣмъ рѣкамъ доитти до блаженнаго рая невозможно, потому что рай блаженный отъ земли отдаленъ бысть по преступленіи Адамовѣ, только онъ на земли жъ стоить, а тѣ рѣки ходъ свой подлѣ землю скрыли, и кругъ того рая и едема обътекли морскія пучины, рѣки же тѣ исходять во многія страны напояти лице земли, широтою же несильно велики онѣ, но глубоки и быстры и всякими плоды и рыбами изобильно и златомъ и серебромъ.

34. Горы стеклянные, 2000 верстъ подъ востокомъ солнца, и тутъ человѣкомъ нѣсть жилища, много же колванъ, сіи рѣчь великихъ змѣй крылатыхъ; и тутъ ходилъ до тѣхъ горъ Царь храбрый Александръ Макидонскій и возвратясь.

35. Царство Китайское между востоки и полунощемъ въ Симовѣ же части, стоитъ на углу отъ моря Окіяна, и ѣздятъ к нему торговати Нѣмцы въ короблях, понеже богатъ всякими товары шелки и бумагою и бумажными цвѣтными понявами и соболями и куницами и лисицами, велбудъ же и скота много, хлѣба же мало; грады же имѣють каменныя, вѣра жа в нихъ Татарская и Арменьская, войны же неимѣють ни с кѣмъ, потому что удалѣло отъ странъ.

36. Страна многихъ князей и кочевные орды, вѣра же Татарская и Перская, лошадей же и скота и вельблюдовъ много, дѣлаютъ же ризы шелковые и бумажные, и воюются межъ собя безпрестано, а хлѣба мало имѣютъ и овоща, что приходили степи голые отъ солнца жары великія,

37. Въ той же части Азіи въ Симовѣ жребіи острови на восточномъ морѣ, первыи Макаридіскіи близь блаженнаго рая, потому близь глаголютъ; что залетаютъ отътуду птицы райскіе гамаюнъ и финикъ, и благоуханіе износятъ чудное.

38. Вторый же островъ подъ востокомъ, живутъ василиски, лице и волосы дѣвичьи, и отъ пупа хоботъ зміевъ, крылаты. Близь же того инъ островъ, идѣже родится червь златый и песокъ златый;

39. Островъ на восточномъ же морѣ человѣцы дикіе, власы и ногты львовы. Есть же и близь того еще островъ, въ немъ же человѣцы песьи главы, человѣцы же велицы и страшни зракомъ. Есть же иные островы многи, въ нихъ же каменіе драгое и бисеръ великъ зѣло, яко одна жемчюжина тянетъ близь полупуда. Здѣ же конецъ Симову жребію части Азіи.

40. Скажемъ же и о третіей части Хамова жребія Африкѣ.

41. Земля Асирія великая въ части въ Хамовѣ, издавна же царство сильное, а воинства и оружія премного; вѣра же овіи грады благочестивая, овіи же розныхъ ересей. Въ ней же бѣ градъ великая Антіохія многолюдна и украшена, нынѣ же опустѣла та страна отъ даней Турскихъ, понеже нынѣ подъ Турскою державою, плодовита же зѣло овощемъ и маслинчіемъ и виноградомъ.

42. Страна Палистинская, въ ней же градъ Іерусалимъ боголюбивый, иже созданъ издавна, Царь отецъ Мелхиседековъ царствова, потомъ же и Саулъ Царь, и Давидъ возлюби его паче всѣхъ, Соломонъ же Царь толико его украси и святая святыхъ воздвиже, что толикія красоты издавна не обретатеся во вселенней, и вси Израилевы и Іудеискіе Цари ту царствоваша. Палестина же земля округъ его со многими грады зѣло плодовита хлѣбомъ и виномъ и скотомъ; человѣцы же Израильтяна, нынѣже Жидовя, злонравны и горды, разсѣяны во вся страны. Во Іерусалимѣ же живутъ розные языцы и розные вѣры благочестивая и еретическая; подъ данію же в покореніи Турского Царя, Патріархъ же и монастыри и донынѣ есть въ вѣрѣ.

43. Земля Еллинская, въ ней жъ градъ мудрые Афины и Елладское царство и Македонское, въ ней же бысть Александръ царь Македонской; человѣцы же зѣло мудры и къ философію учительны; страна и земля пространна, стоитъ же въ Хамовѣ жребіи; вѣры же розные и благочестивая и еретическая, плодовита же всякими овощи и медомъ и хлѣбомъ, покорны же подъ данію Турского Царя, и Царя у нихъ нѣстъ издавна.

44. Страна Аравія великая, и горы въ ней и холми высокія и пустыни непроходныя, в ней же и Синайская гора, что отъ Бога тутъ Моисей, монастыри и пустынницы инотія, иноковъ 7000, дают же дань Турскому Царю, питаются же фиником и смоквіемъ и масличіемъ. Аравляне же вѣрою Срацынскою злою, вѣрныхъ же всѣхъ побиваютъ на путехъ, градовъ же крѣпкихъ и ученія мудраго неимѣютъ, яко скоты пасутся, земля же пространна и овощна.

45. Страна Филистимія и Еломитія, на краи моря стоитъ Чермнаго и до Фарсійского, вѣры же в нихъ розные, нравы же и обычьи варварскіе, подъ данію Турского Царя, земля же скотна и овощна и пространна и долга.

46. Земля Египецкая отъ Чермнаго моря и по среднему морю стоитъ, издавна царство славное и гордое, иже Фараоны нарицашеся, иже поработили ны Израилевы, Божіимъ судомъ въ Черномъ мори потопишася Египтяне. Есть же в ней градъ великая Александрея, тутъ и патріархъ и вѣрныхъ людей множество. Египтяне жъ издавна къ мудрости тщательны и землемѣрцы и звѣздочетцы, вѣры же в нихъ различные. И преже еще опустѣлъ отъ Римскихъ Царей, нынѣже подъ данію въ покореніи Турского Царя, изобильна же мясами и рыбами и хлѣбомъ всякимъ.

47. Страна Вифаитцкая, издавна бывало царство, нынѣжъ под рукою Турскою Царя и опустѣла отъ Ефіопскихъ Царей, земля же невельми пространна, но зѣло плодовита хлѣбомъ и овощемъ и масличіемъ, и укращена монастырями и пустынями, в нихъ же множество инокъ спасаются.

48. Страна Ефіопія, явися пространна и плодовита зѣло виноградомъ и хлѣбомъ, и таковая по вселенной не обретается родима, вѣры же в нихъ различные, монастырей же и отходныхъ пустынниковъ премножае всѣхъ, и толико иноковъ яко звѣзды въ небеси, подъ рукою же въ покоренія Тусского Царя, бѣльцы же нелюдно;

49. Страна вторая Ефіопія полуденная пространа и велика, Цари же въ ней розны, маложе благочестивыхъ крестіянъ, нравы же и вѣры разныхъ вѣръ, И подъ тоюжъ землею и Муринская земля, иже вся страна южная нарицашеся; и сперва даже и при Соломонѣ царѣ приде къ нему царица южеска Минъ, а слышати премудрость его и храма святая святыхъ узрѣти, ея же узрѣвъ и удивися зѣло, пророчествова многія вещи, богатсво жъ дастъ Соломону много.

50. Королевство Папаяна, земля велика и пространна на мысу великого моря, вѣраже въ ней евангилитцкая еретическая, толикоже горды имѣютъ нравы, аще пріѣзжіе гости къ ихъ вѣрѣ неучнутъ вѣровати, и они у нихъ на главахъ положатъ бумажныя шлыки зажигаютъ, и отъ того изгораютъ, изобильна же плодомъ всякимъ и богата.

51. Земля Финическая и Аммoрія, ся пространная и широкая, изобильна же плодомъ всякимъ и богата звѣрьми и рыбами, понеже близъ моря и рѣкъ великихъ, изобильноже хлѣбомъ и всякими плоды, вѣраже смѣстная благочестивая и еретическая, человѣцы же невоинскія но купецкія, и владѣютъ ими овіи страны варвары. Съ другую сторону Ефіопляне, идутъ же отъ нихъ пряные зелія: корица, и гвоздика, и инбирь, и мушкатъ, и благовонныя араматы и сахары.

52. Земля Срацынская, и вѣра и языкъ бусурманскій, человѣцы же больши воинскихъ а меньши купеческихъ, бѣгаютъ же въ коробляхъ по морямъ и громятъ торговыхъ людей, такожъ и воююще по странамъ, и тѣмъ корысти добываютъ. Преже сего Турскій Царь ту бе и жилище имѣяше, понеже едино ихъ колѣно, нынѣжъ взятъ Царьградъ.

53. Земля Варварія, сіи рѣчь Татарія, вѣра и языкъ бусурманскіи, нравы и человѣцы яко Срацинськіи, такоже и Князи в нихъ властуютъ, оружны же и ратны, и коньми и кораблями бои чинятъ, и выѣзжаютъ на великое море Океянъ, и многія корабли громятъ, имѣютъ у собя многія полоняники многихъ ордъ, нравы же жестосердіи, ярыжекъ имѣютъ у собя много, и слабы къ тѣлеснымъ сквернамъ, земля же изобильна всякими плоды.

54. Земля Уидольскій языкъ, лежитъ подлѣ великого моря Окіана, протянулася же до Ефіопъскія пучины, человѣцы же самовластны Царя надъ собою не имѣютъ, нравы же и обычаи имѣютъ Нѣмецкихъ людей, и покорены Цесарю и Папѣ Римскому, Ивангилитцкая ересь и Калвинская и прочихъ ересей.

55. Царство Магдянское, стоитъ на единомъ острову на море полуденномъ, войны ни с кѣмъ неимѣютъ, всѣ у нихъ купецкія нравы, и обычай в нихъ купецкихъ людей, понеже отъ роду Фараонова бяху, градовъ же неимѣютъ и крѣпостей, понеже обліяна великимъ моремъ и отъ иныхъ земель удалено; вѣра же у нихъ: служатъ солнцу и огню и прилежатъ звѣздочестію и волхвованію; пространно же и долго.

56. Бѣже островъ человѣкоядьцы нарицаемыя на Ѳарсійскомъ морѣ, человѣческія и всякихъ скотовъ и звѣрей плоти вкушаютъ и кровь пьютъ, дики же и злонравны, вѣра же кумирская бяше. Есть же и близъ того другій островъ, иже родится корица и гвоздика и инбирь; есть же и иныя островы малы, иже человѣкъ нѣсть.

57. Да въ тойже части Европіи по другую страну на Понтійскомъ морѣ, есть островъ Кипрски, сорокъ градовъ имать на себѣ, толико людей, изобильно же всѣмъ, вѣры же розные благовѣрная и еречитеская, покоренъ же тотъ островъ и подъ данію Папы Римского. Есть же близъ того Киликія островъ люденъ и плодовитъ.

58. Да на томъ же морѣ есть островъ Критцкій, имѣетъ на себѣ двадцать пять градовъ, языкъ же свой имать, вѣры розныя благовѣрная и еретическая, изообильна же плодомъ всякимъ. Есть же и близъ того островъ Милитъ не много людей, вѣры розные, и языкъ и нравы Еллинскіе.

59. Да на томъ же морю стоитъ островъ Троя, нынѣ пустъ, бывало царство славно и храбро, но отъ Елинскихъ Царей разорено. Да близ же того острова Ефесъ славный многолюденъ, нравы же и ученіе Еллинское, вѣра же благочестивая, мало же иные вѣры и ереси, покоренъ же подъ данію Турскаго Царя, и изобиленъ овощемъ и пряныхъ зеліемъ. Зде же конецъ третіе части Африкѣ Хамову жребію.

60. Начнемъ же и о четвертой части, иже новыя земли Америки, на западѣ.

61. Земля новая островъ Америка великъ въ долготу и въ ширину, что таковаго острова на мори нѣсть пространствомъ, человѣцы же на немъ мало, множествіемъ орѣховъ и мушкатовъ и масличія, человѣцы же дики скитаются и одеваются отъ звѣрей и отъ рыбъ, нынѣ же онѣ покорены Испанскому Королю.

62. Земля Гроенская, островъ же великій пространенъ и князи многія владѣютъ, вѣра же в нихъ Римская и Нѣмецкая, нравы же имутъ розные, и во свою землю приѣзжихъ мало пускаютъ, есть же у нихъ пристанища и монастырь 1000 черньцовъ Латынскія же вѣры и иныя, а лежитъ тутъ святый апостолъ Фома.

63. Земля Островъ Амразильскій, человѣцы дики, питаются звѣрми и рыбами, живутъ же самовластно, вѣры же и грамоты нѣсть у нихъ. Есть же и близъ того Андалузія, нравы же и житіе тѣхъ же человѣкъ, кто къ нимъ ни приѣдетъ, тому они покорены, а родится у нихъ масличіе и овощевъ на древесехъ много всякихъ.

64. Островъ новая Ишпанія и другій островъ новая Францыя потому названы тако, что онѣ тѣ Нѣмцы островы нашли и овладѣли и свои крѣпости поставили, и люди для того, что нашли и копаютъ тутъ руду златую и серебряную, мѣди же безъ числа, человѣцы же нѣсть.

65. Островъ земли Первуасинскія, въ немъ же чековѣцы малоумны, и грамоты нѣсть и вѣры, питаются рыбами и звѣрьми, и есть у нихъ озеро великое, и кругомъ того озера златая руда, и рѣкою проходъ въ море, и даютъ дань Королю Испаньскому златою рудою, къ тому же ѣздятъ к нимъ иные Нѣмцы по ту руду златую и на товары мѣняютъ.

66. Островъ Ѳларицкое княженьство, пространенъ и великъ, вѣры у нихъ и грамоты никакія нѣсть, питаюся звѣрми и овощемъ и рыбами, и торговати

къ нимъ ѣздятъ изъ иныхъ Государствъ, и каменія и женчюгу много у нихъ родится.

67. Островы конецъ Америки, въ нихъ же человѣцы живутъ и надъ собою имѣютъ князей, и питаются звѣрми и земными плоды, и ѣздятъ к нимъ изо многихъ государствъ по масло древяное и овощи и пряное зеліе, шафранъ, и мушкатъ, гвоздика, и орѣхи.

68. Островъ страна Еустралкъ, пространенъ зѣло и великъ на полуденномъ падалія море, обычаи ихъ у нихъ таковыи и нравы, въ свою землю вдоль никого непускаютъ, а торгуютъ на пристанищахъ коробельныхъ у моря, имѣютъ надъ собою держателей, и грады и села имѣютъ, и хлѣбъ и овощи родятся, вѣры же у нихъ разные, а благочестивыя нынѣ нѣтъ, здѣже конецъ.

69. Есть же островъ, словетъ земля темная, есть же тамо и иныя островы пустыя темныя же, по тому словетъ, что туды зимою солнце незаходитъ, что ялись оне за западомъ съ полунощи, а солнце зимою ходитъ на высочайшихъ степенѣхъ полудню, а лѣтомъ тогда бываетъ солнечнаго свѣта много, а дѣлаютъ онѣ со вѣщами сукна и иныя добрыя паволоки, и купятъ у нихъ во многія страны.

70. Здѣ же конецъ всѣмъ четыремъ частемъ земли всего свѣта великимъ странамъ и царствомъ и королевствомъ и островомъ великимъ, в коихъ человѣцы житіе имутъ, малыхъ же острововъ и безчеловѣчныхъ не возможно описати, или будетъ гдѣ вдали великого моря Окіяна, человѣкомъ, вся та сутъ Единому вѣдомо.

71. Слово совершительное книги козмографіи, в немъ же о воспоминаніи и о разрушеніи царствъ.

72. Кто хитроумная словесенъ да скажетъ чюдныхъ дѣлъ миротвореніе содѣтеля нашего Бога, иже исперва даде тѣлесамъ чювственнымъ всѣ тѣ солнца, душамъ же свѣтъ умное ученіе книгамъ.

73. Тако и царскій страхъ строительный на человѣческую чувственную жизнь духовныхъ правителехъ ползу къ желанію душамъ къ небеснымъ восходомъ. Мы же даннаго душевнаго существа красоты низходимъ въ долу влекущимъ и пепельнымъ безсловеснымъ, и бываемъ самоизволеннѣи славѣ, и слабохотне скотскаго естества во свойствѣ, нынѣ же возведемъ очеса мысленныи и посмотримъ разумнымъ видѣніемъ, и побесѣдуемъ душевнымъ разсужденіемъ о превращеніи престолъ сильныхъ, еже есть странъ великихъ и державъ пресланыхъ. Гдѣ Вавилонъ первыи въ славѣ, и Персида многонародная? гдѣ Индея многостяжательна, Ефіопія, и тѣхъ великое пространствѣ со отоцы морскими? гдѣ Асирія Богомъ любивая, въ ней же избранный градъ Іерусалимъ, и Палестина достохвальная изнего же изыде Христосъ по плоти и вси Пророцы и Апостоли? гдѣ Антіохія градъ Божій, и обѣтованная гора Синай,

и Александрія преименитая? гдѣ многомудрая Аѳинія, и грады Еллинскіе многофилософные? гдѣ Египетъ, и Ливія с Виѳаидою, да в нихъ же богоизбранныхъ мужей духоносцевъ со иноки яко песокъ вскрай моря? гдѣ же пресвѣтлый Царьградъ святыхъ тѣлесъ наполненный? гдѣ же и надъ вселенною властвующи Римское владычество ѳ инииже и Италія и Германія много человѣчная? гдѣ же и благочестивая и спасенная Британійская острова? гдѣ же многоплодъная Болгарія и Сербія и Селунь, и святая гора Аѳонская, въ ней же иноковъ, яко звѣздъ въ небеси? Вся же сія присноиамятная овіи грады отъ войны разрушеніемъ иніи же опустеніемъ осиротѣша, овіи же обсилованы страха и даньми невѣрныхъ Царей, иніи же аще златокованныя полаты падоша, и души ихъ злопогибельными ересьми повергошася. Оле дивства, околико зло сила грѣховная! яко нѣкто отъ премудрыхъ приточникъ рече: сödрагнуша бо ми ся кости и мозги, иже елея проситъ Пророкъ, кто дастъ главѣ моей воду и очима моима источникъ слезъ; о немощной слабости человѣческія прелести, и лукавныя блудницы, и многомятежныя жизни сея! Но слава премудрому жиздителю Богу устрояющему недовѣдомымъ своимъ судомъ о всякой спасительной человѣческой вещи, иже къ жизни нашего душевнаго естества полезная, о немъ же живемъ и движемся есмы во упованія жизни вѣчныя, аминь.

Изъ рукописи 2-й половины XVII вѣка.

=

Юридическіе акты, писанные уставомъ на пергаминѣ.

Купчая новгородская XIV вѣка.

Се купи. Грихне Иванъве. сынъ оу Грихна и оу Федъта. і оу Вълята. оу выгуиновыхъ. дѣтеі. заозеркую землю. і з дворъмъ. горную. і прикупная земля Дурневкая навълькъ по двороное и з притеребы Юриола. орамая земля. і с пожнями и зъ притеребъі. на Налеі островѣ пожни. оуцастокъ Ілъвѣша цимъ вълодъвалъ. ігуменъ. і его дѣти. а. далъ на неі пятенацате соровъ. оцвю попълъка. а купи собѣ. Одернь. і своимъ. дѣтемъ. а на то послухи Тиноѳей Федоровъ. Демидъ. Оѳонъ со вѣце. невѣро. какъ-іеце. Микиѳоро попъ вѣце. (Была на шнуркѣ печать но утратилась).

=

КУПЧАЯ НОВГОРОДСКАЯ XIV ВѢКА.

Се купи Іесифъ село оу брата оу своего оу Игната Станишишинское на Лужини береги. по Игнатови купнои грамоти дернои. и то село далъ Іесипъ Святому Николи въ вѣкъ. а игумноу отцю моіему Духовному Кузми. до іего живота. а хто оучнетъ отъимати оу Святого Николи то село. сужюсю с нимъ передъ Богомъ. (Была печать на шнуркѣ).

═

ТОЖЪ XIV ВѢКА.

Се купи ігуменъ Василеі в Ларивъна в Микутина лоскутъ земли. на горѣ в рѣчѣще подли щип.. нина отъ оулицд другая полоса земли промежу Никольскою землею. межа тое земли отъ болота з горчи. в подоли межа по Никольскоі огородъ. і приполенѣ тоі земли с навърници. і даша на неі Василеі ігуменъ Ларивону 50 бѣлъ и пять. да стогъ сѣна 30 кучь. пополонка пузъ ржи. а купи себѣ одерень і своімъ дѣтемъ. А на то послухи Агафанъ Калковъ. Тимофеі Григорьевъ. Олухъ Григорьевъ. Терентѣі Ерколинъ. Кеипъ Якоалъ. в печати стоялъ и землю завелъ Ларивънъ земецъ. (Печать была на снуркѣ).

═

ТОЖЪ XIV ВѢКА.

Се купи ігуменъ Висилеім оу Гаврили оу дьяка оу Малафѣевича лоскутъ земли на носу. промежу землями. Щербаковою і Онисимовою отъ стѣнного огорода. до Мундорови земли межа. а далъ на тоі полоски земли ігуменъ Василеі Гаврили дьяку 16 бѣлъ куря пополонка. а купи собѣ ігуменъ Василеі і своимъ дѣтемъ ту землю одерень. а на то послухи Тимофѣі Григорьевичь. Григореі Степановичь. Яковъ Агафановичь. Есипъ Филиповичь. а въ печати стоялъ и землю завелъ Гаврила дьяка Малафѣевичь. (Была печать на шнуркѣ.)

—

ТОЖЪ XIV ВѢКА.

Се купи игуменъ Василеи оу Гаврили оу Малафѣевичь землю на горѣ въ верхнемъ полѣ середняя полоса. оу воротъ на кругляци. четверть вощемъ

поли подлѣ оулицю. полоса на Юрмолѣ. высокая веретея надъ озеромъ. вередъ овиномъ лоскутъ. промежу Онисимовою. землею. и Филиповою. на плоскомъ лоскутъ промежу Флоровою землею и Филиповою. а пожня. и веретейка орамая. промежу Селькиною землею. и Филиповою. а за глубокимъ врагомъ лоскутъ земли. на 4 пуза. промежу Онисимовою землею. и Филиповою. а далъ игуменъ и Родивонъ старечь. и вся братья Гаврили дьяку на всемъ на томъ полпята сорока бѣлки. а пополонка куря. а купили одерень святому Николѣ. а на то послухи Олуферѣй Григорьевичь. Василей Омельяновичь. Матѳѣй оУрванъ. а оу печати стоялъ Гаврила. (Печать была на снуркѣ.)

=

тожъ XIV вѣка.

Се купи игуменъ Василей земли орамыи. и пожни. и дворища четверть. и огородца. подли Никольское дворище, оу Игнатья оу кузнеца оу Онисимова сына отчину его. вопцемъ поди полоса земли середняя. подли Гаврилову землю и болота половина. вопцемъ поли оу гумнищи оучастокъ его и оу круглици четверть съ верхнего края отъ лѣса. на носу полоску земли оу стѣнного огорода подли Мундорову землю. с другую сторону Никольская земля. половина на логу конецъ Хлюпина озерка. оу Фомини наволоки гоны земли з зазуброю. подли Гаврилову землю. другой лоскутъ подывою гоны земли. третей лоскутъ кутець и притеребъ к Нюрдоли якъ. и вопицхи треть пожни подли Мишину орамую землю. с верхнего конца межа отъ конецъ Мишини орамои земли на середнею яму по верхнему краю. отъ ями на кривую иву. с нижнего конца межа до Фролови земли. а о торговли докладывалъ есмь Гаврилка дьяка отчица и велѣлъ ми купити и оу гумнищи оу Фомини наволоки оучастокъ Игнатьевъ. и далъ игуменъ Василеи Игнатью Онисимову на тихъ земляхъ 3 сороки бѣлки овцю пополонка. а купилъ игуменъ Василей ти земли собѣ одерень. а на торговли были люди Савелей Селкинъ Олферей Григорьевъ Игнатѣй Матѳѣевъ. А на заводи были люди Тимофѣй Бай Оксентѣй Сидоровъ. Лазарь Оурвановъ сынъ. а оу печати стоялъ и землю завелъ Игнатей Онисимовъ сынъ. (была печать на снуркѣ).

=

тожъ XIV вѣка.

Се купи Петре попъ оу Трофима. Соухорка. і оу Дементія. наволокъ в Лавлѣ в рѣкѣ. межа до ишарины. по ручеі гдѣ Евпа рожъ сѣівалъ. за

тотъ ручаі пону ненадобѣ. в нижене конецъ. іс тое минарины ручаі. ідеть. в рѣку. а далъ Петре попъ на тоі земли. волъ третья рубля. да земли у Юнаостровѣ кутець конець іхъ пожни. оцю пополънька. а купи Петре попъ себѣ и своимъ дѣтемъ одерень. А на то послуси Грихне Павловъ. Баіша. Івановъ. Сава Еремѣевъ. Несторъ. Сидоръ. Курило. Матоѣі. а грамоту писалъ Семень Игославль сынъ. (Печать на ниткахъ свинцовая, на ней образъ Божіей матери).

=

ТОЖЪ XV ВѢКА.

Се выкупилъ Андронъ Левонтьевичь оу Вомоса оу Никулина. тоню, на лѣтьноі стороны. отчину свою. межю Лахтою. и Онѣскими тонямѣ. изъ дерну и зъ дерною грамотою. а межа той тони зъ двиньского коньча отъ лахти ручеи а с Онеського коньча другои ручеи. а далъ Ондренъ Омосу на тои тони 100 бѣлъ. а выкупилъ собѣ и своимъ дѣтемъ одерень. а на то. послухи Аристъ Онаньинъ. Чюиреле Воньтѣевъ. Макарья Семеновичь. А оу печати стоялъ Есипъ Омосовъ. во оча своего мѣсто в Омосова. (Была печать на шнуркѣ).

=

ТОЖЪ XV ВѢКА.

Се купи Григорей староста святому Николи въ домъ у Софонтея у Фомина сына у Степанови конци лоскутъ земли на два пуза в Николинѣ поли. а далъ на тои земли двачать бѣлъ да куря пополонка, а межа по Филипови межи. А на то послухи Омосъ Григорьевъ да Филиманъ Аврамовъ Семенъ Трофимовъ. А купилъ святому Николи в вѣки. а въ печати стоялъ самъ Софонтѣй Фоминъ сынъ і землю завелъ.

=

ТОЖЪ XV ВѢКА.

Се купи Есифъ Онуфрѣевичь. оу Вустѣна оу Семенова сына. два лоскута земли и старыми грамоты. лоскутъ Лукинской. а другой Федоровъской а межъ той землѣ Федоровской. до Миколъской землѣ. с верхънего конча. а з другую сторону. до Фоминѣ землѣ. с рѣчную сторону до згорка а з другого конча до розлогу. а другого лоскута Лукинской землѣ. до Сп-

дорові землі. с верхъного конца. а с кончовъ Семеновицеві землі. А да на той земли 30 бѣлъ да бѣлка, да пузъ ржи пополонка. А купи Есифъ. одерень. собѣ и своимъ дѣтемъ. А заводѣ былѣ. Захарья Климентѣевичъ. Федоръ Онуфрѣевичъ. Сидоръ Труфановичъ. А оу печати стоялъ въ Оустепово мѣсто. Сидоръ Труфановичъ. (Печать была на снуркѣ.)

=

КУПЧАЯ ГАЛИЦКАЯ 1351 ГОДА.

Во имя отца и сына и святаго духа Божіимъ и створѣніемъ оу вѣки аминь. и сталося подъ державою великаго Кроля Краковскаго Казимира и Господаря Рускоѣ землѣ и сталося при державѣ пана отъ старосты Рускоѣ землѣ оже купилъ панъ Вятславъ Динтровьскыи дворище и съ землею яко изъ вѣка служила къ тому дворищю вшитци вжитко вешто днѣсь суть и потомъ могутъ быти а што може причинити болше межи тѣми вжитки то на свое полѣпшѣнье якожъ торговля и сталася. купилъ панъ Вятславъ оу вѣки оу Василя иму жъ рѣчють Скибичь и въ іего брата на имя оу Генка и въ ихъ сновця оу Оленка иже купилъ панъ Вятславъ во всѣхъ трии тожъ ту именовани далъ имъ панъ Вятславъ въ 6 копъ грошь вѣсного срѣбра, а далъ имъ всѣмъ тремъ то сребро посполною рукою. тогды они пришедши вшитцы и своимъ племенемъ оуздали пану Вятславу со всѣми обьѣзды того дворища по своеи доброи воли и запнъ сѣ колвили. абы въ добромъ покои вжити тѣхъ вжитковъ пану Вятславу яко въздали при пану Блотишевьскомъ воіеводѣ и Львовьскомъ. а то свѣдци мѣстичи панъ Киефль Михно войтъ Ярославьскии. а се бояре Петръ Мошенка Ходко Лоевичь. а се поведисии попъ Юрко Кропышевичь попъ Лой. а се сусѣдъ со колиии Онисимъ. а се деяци Степанъ Мелеховичь Мелентии Куцевичь. Семенъ Понахидичь, Иванъ Кузиичь. а се бортиицы Пашко бортикъ исъ Емелина Юрко Мошиичь Тихно Великопьскии Голко Змѣскии. А выѣздилъ ту землю Ходоръ Чеолчичи. тотъ обьѣздилъ. отъ пана отъ старосты а ини то вшитко свидци. а писана грамота тисяча лѣтъ по Божіемъ рожествѣ 300 лѣтъ и 50 лѣтъ и одно лѣто. а писалъ Грюдковичь Иванъ. а писано оу Киефля въ дому. оу вѣки аминь.

=

ДАННАЯ XIV ВѢКА.

Се далъ Есипъ инокъ сынъ Святому Николи і вѣки полосу земли. і закраіну на 6 кучь на маломъ островки. а в межахъ подли і Власа Саблина земли. за вкладъ. а дочеремъ моімъ і внучатамъ. в ту землю невступа-

тися. а на то послухи оць мoi душевнъи iгуменъ Василей и вся братья. А въ печати стоялъ зять его Лариша. (Была печать на снуркѣ).

═

ДУШЕВНЫЯ ГРАМОТЫ XIV ВѢКА.

Въ имя оца и сына святого духа се язъ рабъ Божии Григорей скимъ Иванове пишю рукописанье при своiемъ животѣ приказываю братьи своiеи. и племяни своiему Ларивону и Димтру. и зятьи своiеи дочерисмъ своимъ Оксиньи. и Марини. и внучатамъ своимъ буди вамъ вѣдомо что есмь продалъ село на Лукыни берегы за озеромъ святому Николи и въ вѣкы и старыми грамотами. игумену Василею и всеи братьи черицамъ дворъ и дворище на гори три поля по двором орамая земля да пожня наволокъ. да другыи навълокъ пожни Карлаiевсскыи. и притеребы. и заполькы и рѣпица и ловища. и в рѣчекы оучастокъ ловити. на Юрмоли орамая земля нупъ. и пожня отъ Ивановицевъ межи отъ ивовъго куста. верхъ до коньць логу другая пожня противу погоста межа отъ Карлаiеви межи до Дурневи межи. орамая земля овсище оу рѣцище межа отъ Степанови межи отъ попъви до Тимошкини межи. в Кѣпали орамая земля а съ Гришкою. оулица проiежьщая по пълловинамъ. а межа до Дурневи межи. и дали на тои земли и на двори и на пожняхъ 5 сърокова бѣлкы. корова попълъвка Никольскихъ кунъ. а то село Святому Николѣ вѣкы. а хто буде моего роду. или племени или братьи или зятьи или дочерей. или внуцать. а хто иметь моiе старцево Григорьевъ проданые подвигывати. дадуть святому Николѣ 8 сърокова бѣлкы. да корову попълъвкъ съ приплодомъ. а на то бъ послухъ и оць мои душевной игуменъ Василей святого Николѣ. а на дши были. Михаило Офроньевичь. Максимъ Федоровичь. Левонтьи Сменовичь. попъ Степанъ зять его. Симоша Павлове. Тимошка Федоровъ. Тимофей Бай. Павле зять ево. Левушка Бутаковъ. а оу печати стоялъ. игуменъ Василей да Григорей старьць самъ. (Была печать на шнуркѣ).

═

ТОЖЪ XIV ВѢКА.

Въ имя отца и сына и святаго духа се язъ рабъ Божiи Федотъ синникъ Острохвость пишю рукописанье при своемъ животѣ что приказалъ отць мой Сидоръ мнѣ отвести лоскутъ земли орамищина противѣ и на носу святому Николѣ. промѣжю земляни Звѣздиною. и Феѳиловою землею. и промежю Петровою землею Григошкина и промежю Кулиною землею. и язъ Федотъ

той лоскутъ земли отвелъ есмь чисто святому Николѣ и вѣкы во отцови душии по Сидорови и по своıеи души . а хто почнѣ отъимати у Святого Николи той лоскутъ. судится съ нами предъ Богомъ . а на то Богъ послухъ и отецъ мои душевной игуменъ Василеи святого Николѣ и вси черици . (Была печать на шнуркѣ.)

═

ТОЖЪ XIV ВѢКА.

Во имя отца и сына и святаго духа се азъ рабъ Божіи Сергѣі чернецъ скимникъ . Манызовъ сынъ . писалъ есть рукописанье при своемъ животи . далъ есми святому Николи отчину свою вчастокъ свои орамыи земли и пожни и братня вчастка Микитина половина во всемъ . на гори въ лѣсномъ поли полоса земли . другая полоса земли . в лѣсномъ же поли вымѣнялъ его . в Семоши в Павлова . а далъ противу тое в Романови вѣтѣ и землю и з закраиною . конецъ Семошины . земли . а та межа моя чиста . в Заникитьи деревня по половинамъ с Федоромъ и дворище свое , и полъ огородца и полъ телятника . а что перевѣсѣща . у Фоминыхъ перевѣсѣщь . два отчины моеи . а то з братомъ моимъ с Федоромъ недѣлно. а что за Кѣргозеромъ путикъ подли Нарву рѣку . то ми с Федоромъ по половинамъ . оу дѣдова вогана пожня в лости . а меже тое пожни с верхнего конца. отъ Грихновы межи. то ми с Федоромъ по половинамъ . в Шевцеви пожня рѣпѣще . пониже Фомины орамои земли и пожни . кутецъ весь и с притеребомъ . то ми с Федоромъ по половинамъ . А заложили есмя ту пожню с Федоромъ . Петру Родивонову въ 30 бѣлахъ до кунъ . и вы выкупите ее святому Николи . а что есмя заложили з братомъ моимъ с Федоромъ Соболюсави. въ Заникитьи лоскутъ земли . другіи лоскутъ въ Чицилови . 3-й лоскутъ на Романови Верѣтѣи въ 40 бѣлахъ . и вы мою половину выкупите святому Николи . даите 20 бѣлъ святому Николи свои вчастокъ . и брата своего половину въчастка Микитина . далъ есми святому Николи и в вѣки . по отца своего души и по своеи души и по роду по племени. а на то Богъ послухъ и отецъ мои духовныи игуменъ Василеи святому Николы и вся братья. (Была печать на шнуркѣ.)

═

ТОЖЪ XV ВѢКА.

Во имя отца и сына и святаго духа се азъ рабъ Божіи Степанъ Олферомѣевъ сынъ черноризецъ скимникъ далъ есмь в домъ Святому Николи землю на Нальи строви конецъ Паритова озера орамую дворъ и дворищо. и старыми

грамотами с купными. а межи по старымъ межамъ. и еще есмь придалъ къ той земли отчини своей землю перелогъ межю Андреевыми землями Олексѣевичь надъ Паритовымъ озеромъ. а межи по старымъ межамъ и еще есмь придалъ пожню на Вильякиян кулигу а межи по старымъ межамъ. и еще есмь далъ другую пожню надъ Рушеягръ озеромъ и с притеребомъ. а межи по старымъ межамъ. и рѣпѣща. и кривую полосу отчины моей а межи по старымъ межамъ. и еще есмь далъ землю полосу на имя Сокѣрку а межи по старымъ межамъ. а то есмь далъ святому Николи въ домъ въ вѣки. А на то Богъ послухъ святый Никола. и отецъ мой духовный игуменъ Макарій святого Николи. и староста святого Николы Иванъ Семеновъ. попъ Яковъ святіи тройцы. Павелъ поповичь Степановичь. Сидоръ Труѳановичь. Федоръ Ивановичь. А грамоту писалъ Григорей дьякъ Святого Спаса. А въ печати стоялъ Оврамъ сынъ Степановъ. (Была печать вислая.)

=

ПОПРАВКА (ВЪ ЧТЕНІИ) ЛѢТОПИСНАГО СВИДѢТЕЛЬСТВА ОБЪ ИВАНѢ СПАСИТЕЛѢ, ПРИБЫВШЕМЪ ВЪ РОССІЮ ВЪ 1490 Г. И НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ ОБЪ ОРГАНИСТАХЪ ПРИ ЦАРѢ МИХАИЛѢ ѲЕОДОРОВИЧѢ.

Въ III книгѣ «Временника Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ» (смѣсь, стран. 10—12) старался я пояснить одно лѣтописное извѣстіе о пріѣздѣ въ 1490 году въ Москву каплана Августинскаго ордена Ивана Фрязина, по прозванью *Спасителя* — извѣстіе, затемненное ошибочнымъ чтеніемъ переписчиковъ или издателей лѣтописи. Разсказывая о пріѣздѣ въ Русскую столицу вмѣстѣ съ другими иноземцами, Ивана Фрязина, «лѣтописецъ, содержащій Россійскую исторію отъ 6714 по 7041 лѣто и лѣтопись Никоновская всѣ собственныя имена этихъ иноземцевъ приводятъ съ означеніемъ ихъ ремесла или художества:» тое же (1490) зимы «пріиде отъ Рима на Москву братъ В. Княгини Софіи . . . . и приведоша »къ Великому Князю *мастеровъ: архитектонъ* именемъ Петръ Антоній, да «ученикъ его Замантоній (Замъ Антоній), *мастеры стѣнные и полатные*, «*да пушечнаго мастера* Якова съ женою; *да серебряныхъ мастеровъ* Хри«стофора со двѣма учениками отъ Рима, да Олберта Нѣмчина изъ Любека, «да Карла со ученикомъ изъ Медіоляна, да Петра Райка Грека изъ Венецыи; «да каплана бѣлыхъ чернцовъ Августинова закона Ивана Спасителя, (въ Ни«коновъ: *Списателя*) *Арганногоя Греца*, да *лекаря* жидовина Мистро Леона изъ Венецыи». По самому смыслу этаго свидѣтельства казалось мнѣ справедливымъ предположить, что при имени Ивана Фрязина должно стоять та-

кое же обозначеніе его ремесла или художества, какъ и при всѣхъ другихъ именахъ пріѣхавшихъ въ Москву иностранцевъ. Вотъ основаніе, по которому я въ сей-часъ приведенномъ мѣстѣ лѣтописи рѣшился читать *списатель* а не *спаситель*, и такимъ образомъ причислить Ивана Фрязина къ числу иконописцевъ: Противъ этаго мнѣнія г. Забѣлинъ возражалъ въ «Отечеств. Запискасъ» 1850 года № 12, Критика, стр. 45—46), гдѣ онъ довольно убѣдительно настаиваетъ, что Иванъ Фрязинъ носилъ прозваніе *спасителя* (Salvator) а иконописцемъ не былъ. Принимая эта замѣчаніе, я тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ прибавить, что г. рецензентъ, который старался подробно объяснить приведенное нами мѣсто лѣтописи, также не попалъ на настоящее чтеніе словъ памятника и также не опредѣлилъ дѣйствительнаго ремесла или худсжества, которымъ занимался Иванъ Фрязинъ. Поправляя мою догадку, г. Забѣлинъ предлагаетъ свою, что Иванъ Спаситель принадлежалъ къ числу мастеровъ серебряныхъ дѣлъ. Но догадка г. Забѣлина какъ и та, которая была высказана мною, далека отъ дѣйствигельнаго показанія лѣтописи. Ежели внимательнѣе вглядѣться въ текстъ лѣтописнаго свидѣтельства, то очевидно станетъ, что Иванъ Спаситель не былъ ни иконописцемъ, ни серебрянымъ мастеромъ. Родъ занятій его положительно обозначенъ въ лѣтописи, и всѣ недоразумѣнія вышли изъ ошибки, допущенной въ чтеніи памятника. Эту ошибку не замѣтили ни исторіографъ Н. М. Карамзинъ, ни г. Забѣлинъ, ни другіе ученые археологи, старавшіеся пояснить указанное мѣсто лѣтописи, столько важное для исторіи художествъ въ Россіи. Теперь намъ удалось найти то настоящее чтеніе, которое востановляетъ настоящій смыслъ лѣтописнаго свидѣтельства, именно вмѣсто неправильнаго чтенія издателей лѣтописи: «да «каплана бѣлыхъ черцовъ Августинова закона Ивана Спасителя, *Арган-«ногоя Греца»* должно читать: *«арганного игреца»* Буква *и* была неразобрана издателями и произвольно замѣнена буквою *я*, чтобы чрезъ то придать мнимому названію «Арганногой» форму родительнаго падежа. *

Цари Русскіе любили органную музыку и вмѣстѣ съ другими инозсмными мастерами вызывали изъ за границы къ своему двору и органистовъ. При Іоаннѣ III пріѣхалъ въ Москву, органный игрецъ «Иванъ Спаситель; а при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ находились при Московскомъ дворѣ» органнаго дѣла мастеры «Яганъ и Мельхертъ Луневы, выѣхавшіе изъ Голландіи, они привезли въ Москву органъ, на которомъ сдѣлали соловья и кукушку; когда

* *Примѣчаніе.* Мнѣніе мое о необходимости читать «органнаго игреца» вмѣсто неправильнаго: «Арганногоя Греца» сообщалъ я еще прежде Его Превосходительству И. М. Снегиреву, который кратко упомянулъ «отомъ въ» Дополненіяхъ и поправкахъ «помѣщенныхъ на послѣднемъ листѣ IV отдѣленія» Древностей Россійскаго Государства» (Москва 1851 г.)

играли на органѣ, въ то время обѣ птицы пѣли собственными голосами. За такое мудрое дѣло Государь пожаловавъ мастеровъ, велѣлъ дать имъ 2676 рублей,—сумма по тому времени весьма значительная, да по сороку соболей каждому. Свѣденія объ Яганѣ и Мельхертѣ Луневыхъ находятся между дѣлами о выѣздахъ иноземцевъ, хранящимися въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Такъ какъ грамоты, содержащія въ себѣ означенныя свѣденія, весьма любопытны по своему содержанію; то мы и рѣшились напечатать ихъ здѣсь вполнѣ.

Д. Ч. К. М. Оболенскій.

═

ЖАЛОВАНЫЯ ГРАМОТЫ.

I

1638 года Сентября 21 дня. Память изъ приказа большіе казны въ приказъ посольскій дьякамъ: думному Өедору Лихачеву, Максиму Матюшкину и Григорью Львову о дачѣ, по указу царя Михаила Өедоровича, жалованной свидѣтельственной грамоты органнаго дѣла мастеру Мельхерту Луневу въ томъ, что онъ служилъ Государю вѣрно и ремесломъ своимъ былъ полезенъ.

Лѣта 7147-го Сентября въ 21 день по Государеву Цареву і Великого Князя Михайла Федоровича всеа Русиі указу память дьякомъ думному Федору Лихачеву, да Максиму Матюшкину, да Григорью Лвову. В прошломъ во 139-мъ году выѣхали ко Государю послужити ремесломъ своимъ арганного дѣла мастеры Яганъ да Мельхертъ Луневы, и по Государеву указу велѣно ихъ вѣдати в приказѣ Государевы больше казны и Государева жалованья поденной кормъ и питье давано имъ по Государеву указу, а привезли они с собою изъ Галанскіе земли стрементъ на арганное дѣло, и тотъ они стрементъ на Москвѣ додѣлали и около того стремента станокъ здѣлали с рѣзью и рѣзцветили краскою и золотомъ, и на томъ стрементѣ здѣлали соловья и кокушку съ ихъ голосы, а играютъ тѣ арганы и обѣ птицы поютъ собою безъ человѣческихъ рукъ, и за то мудрое дѣло, что они здѣлали стрементъ со всею игрою, пожаловалъ ихъ Государь велѣлъ имъ дать изъ своей Государевы казны двѣ тысечи шесть сотъ семъ десятъ шесть рублевъ, да ихъ же арганного дѣла мастеровъ Государь пожаловалъ, какъ Государь

того ихъ дѣла смотрилъ и игры слушалъ дважды, велѣлъ имъ дать своего Государева жалованья по сороку соболей, да въ стола мѣсто корм и питье; и Яганъ Луневъ во 145-мъ году умеръ, а братъ ево Мельхертъ Луневъ Государю Царю і Великому Князю Михаилу Θедоровичю всеа Русиі билъ челомъ, чтобъ Государь ево пожаловалъ велѣлъ ево отпустить в свою землю, і велѣлъ бы Государь ему дать свою Государеву свидѣтельственную грамоту и подводы и на подмогу свое Государево жалованье, какъ Государю Богъ извѣститъ і велѣлъ бы Государь написать в свидѣтельственную грамоту, чтобъ ему бывъ в своей землѣ повольно і впредь приѣхать ко Государю послужить на время. И Государь Царь і Великиі князь Михаило Θеодоровичь всеа Русіи пожаловалъ арганнова мастера Мельхерта Лунева за его мастерство, что они з братомъ здѣлали Государю арганы со всею мудрою игрою, велѣлъ ево отпустити в свою землю і велѣлъ ему дать свою Государеву свидѣтельственную грамому на ево мастерство, и на отпускѣ пожаловалъ Государь арганного мастера Мельхерта Лунева велѣлъ ему дать своего Государева жалованья сто рублевъ денегъ, да сорокъ соболей в сорокъ рублевъ, да шесть подводъ, да ему жъ велѣлъ Государь приказать, чтобъ онъ изъ своей земли былъ назадъ к Москвѣ і вывезъ бы с собою часовыхъ мастеровъ дву человѣкъ, а уговорился бъ с ними в своей землѣ не дорогою цѣною, почему имъ на годъ давать, а в уговорной бы записи написалъ, что имъ будучи в Московскомъ Государствѣ Государю служить своимъ ремесломъ и учениковъ научить. И по Государеву Цареву і Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русиі указу дьякомъ думному Федору Лихачеву, да Максиму Матюшкину, да Григорью Львову велѣти имъ дати арганного дѣла мастеру Мельхерту Луневу Государева жаловальная свидѣтельственная грамота на ево мастерство, что онъ Государю служилъ ремесломъ своимъ вѣрно, здѣлалъ арганы со всею игрою и мастера к тѣмъ арганомъ выучилъ, и служба его Государю годна і велѣти в Государеву жаловальную свидѣтельственную грамоту написати, буде онъ похочетъ Государю впредь послужить, и ему Мельхерту волно ко Государю приѣхавъ послужить и опять в свою землю ѣхать и часовыхъ мастеровъ по уговору вывести, а имъ жить на Москвѣ такъ же по волѣ своей, пока они похотятъ.

Подлинникъ писанъ современной скорописью, столбцемъ на 3-хъ листкахъ. По склѣйкамъ скрѣпа: *діакъ Назарей Чистого*. На оборотѣ перваго листка одна помѣта: *по сему Государеву указу дати Государева грамота*, а въ концѣ послѣдняго листка другая: *147-го Сентября въ 27 день принесъ большие казны подьячей Ивашко Ивановъ*.

II

1628 года Сентября 27. Жалованная свидѣтельствованная грамота, данная Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ арганного дѣла мастеру Мельхеру Луневу въ томъ, что онъ служилъ Государю ремесломъ своимъ вѣрно и съ пользою, съ предоставленіемъ какъ ему, такъ и двумъ часовымъ мастерамъ, которыхъ поручено было ему вызвать къ Московскому двору, свободнаго пріѣзда въ Россію на службу.

Божиею милостию Мы Великиі Государь Царь і Великиі Князь Михаило Федоровичь всеа Русиі Самодержецъ Владимерскиі, Московскиі, Новъгородцкиі, Царь Казанскиі, Царь Астраханскиі, Царь, Сибирскиі, Государь Псковскиі и Великиі Князь Тверскиі, Югорскиі, Пермскиі, Вятцкиі, Болгарскиі и иныхъ. Государь и Великиі Князь Новагорода Низовские земли, Резанскиі, Ротовскиі, Ярославскиі, Бѣлоозерскиі, Удорскиі, Обдорскиі, Кондийскиі и всея Сѣверныя страны повелитель і Государь Иверские земли, Карталинскихъ і Грузинскихъ Царей и Кабардинские земли, Черкаскихъ і Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ Государь и облаадатель, Поморскимъ Государемъ Королемъ и Куреистромъ и Арцы-княземъ і Графомъ і Галанскимъ статомъ и вольныхъ городовъ бурмистромъ и ратманомъ и посланникомъ. Пріѣзжалъ в наше Государство служить намъ Великому Государю ремесломъ своимъ арганново дѣла мастеръ Мельхертъ Луневъ, и намъ Великому Государю ремесломъ своимъ служилъ и нашему царскому Величеству служба его была годна и билъ онъ челомъ намъ Великому Государю, чтобъ намъ пожаловати велѣти его отпустити назадъ в свою землю, і мы Великиі Государь арганново дѣла мастера Мельхерта Лунева, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли отпустить изъ Нашего Государства в свою землю со всѣми его животы, і нашу царского Величества грамоту велѣли ему дати, а будетъ онъ похочетъ намъ Великому Государю впередъ послужити на время, и ему Мельхерту къ нашему Царскому Величеству пріѣхавъ, послужить и назадъ в свою землю ѣхать вольно, да ему жь нанявъ привести в наше Государство часовыхъ мастеровъ дву человѣкъ, которые бъ нашему царскому Величеству ремесломъ своимъ послужили и учениковъ научили. А какъ тѣ часовые мастеры, которыхъ онъ приведетъ, бывъ в нашемъ Государствѣ, і послужа намъ Великому Государю, похотятъ ѣхать назадъ в свою землю, и имъ изъ Нашего Государства назадъ в свою землю потому жь ѣхати вольно безо всякого задержанья і зацѣпки со всѣми своими животы и наши проѣзжие грамоты велимъ имъ дати, и какъ арганной мастеръ Мельхертъ Луневъ в которое Государство пріѣдетъ, и Великимъ Государемъ Королемъ и Куреистромъ и

Арцыи Княземъ и Графомъ и Статомъ и вольныхъ городовъ бурмистромъ и ратманомъ и полатникомъ арганново мастера Мельхерта Лунева для нашего царского Величества велѣти пропускати безъ задержанья, а какъ онъ поѣдетъ назадъ к нашему Царскому Величеству, а съ собою повезетъ часовыхъ мастеровъ, которые похотятъ с нимъ ѣхать в наше Государство послужить нашему царскому Величеству ремесломъ своимъ, и его с тѣми часовыми мастеры по тому жъ велѣти пропускати безъ задержанья и безчестья имъ чинити не велѣти, чтобъ імъ безчестья і задержанья никакого ни отъ кого небыло. Писали в Государствия нашего дворѣ в царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ создания миру 7147-го мѣсяца Сентября 27-го дня.

Бѣлая грамота писана на листу на Александрѣиской на середнеи бумагѣ, кайма безъ фигуръ і Государево имяноваые по Владимерского писано золотомъ, печатана Государственною большою печатью подъ кустодьею отворчатая. Печать безъ подписи, потому что у такихъ Государевыхъ грамотъ дьячьи руки не бываетъ.

Да ему жъ дана Государева проѣзжая грамота отъ Москвы по городомъ до Новагорода и до Пскова, а велѣно его пропускать вездѣ безъ задержанья.

Имена арганново дѣ . . . мастера Мельхертовымъ людемъ Лунева, которые ѣдутъ с нимъ за море:

Микула Адамсенъ,

Яковъ Бурманъ.

Отпускъ писанъ современною скорописью столбцемъ на 7 листкахъ.

═

СКАЗАНІЕ ОБЪ ИЗБАВЛЕНІИ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА ОТЪ ВОЙСКЪ В. К. АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО ВЪ 6677 Г.

Карамзинъ при описаніи причинъ побудившихъ В. К. Андрея Боголюбскаго послать полки на Новгородцевъ 1069 г. подъ предводительствомъ Мстислава Андреевича, указываетъ на степенную книгу, Прологъ, Новогородскую лѣтопись идр. и на основаніи ихъ выводитъ, что Андрей, желая смирить Новгородцевъ, тревожилъ ихъ чиновниковъ, которые пріѣзжали собирать подати за Онегою. Что первыя непріятельскія дѣйствія открылись на Бѣлѣозерѣ. Новогородцы подъ предводительствомъ Даньслава Лазутѣнича (Пр. 4) разбили сильный отрядъ Суздальскій и взяли дань съ Андреевой волости. Войска съ обѣихъ сторонъ было 7400 человѣкъ, именно со стороны Новгородцевъ 400 ч. а Суздалцевъ 7000, и будтобы послѣднихъ пало 1300 человѣкъ а Нов-

городцевъ только 15 мужей, и они побѣжали. Дѣло это предшествовало знаменитой побѣдѣ, которая одержана была въ 1070 году Февраля 25 въ среду на 2-й недѣлѣ великаго поста (см. 7 Карамз. т. 3 стр. 12) героемъ времени Романомъ Мстиславичемъ надъ полками В. Кн. Андрея Боголюбскаго. Въ слѣдующемъ древнемъ сказаніи о чудѣ, совершившемся въ это время отъ иконы Богоматери честнаго ея знаменія, сохранились весьма любопытныя подробности относительно самого событія. Въ немъ съ большею вѣроятностію показано, что въ дѣлѣ на Бѣлѣозерѣ Андреевыхъ войскъ было только 1500 человѣкъ, а не 7000; и что Двиняне въ это время отложились уже отъ Новгорода и перешли на сторону Боголюбскаго. Вотъ самое сказаніе.

В то убо время Нова-града житие іимяху самовластно по своей воли, і никимъ же обладаеми, властвующе областию своею, яко же имъ лѣпо бѣ; і Князя імѣюще от иныхъ странъ, призваннаго во отмщение сопротивныхъ. Бысть же у нихъ в то время Князь Романъ, сынъ Мстиславль, внукъ Ізяславль. По семъ Двиняне, отметнувшеся от Великаго Нова-града, і не восхотѣша дани давати Новогородцемъ, но предавшеся Князю Андрѣю Суждалскому. Новогородцы же, совѣщавшеся, послаша на Двину данника своего дани собирати, яжѣ (яко же?) бѣ імъ обычаи; і с нимъ послаша ото пяти конецъ по сту мужъ. Слышавъ же предреченны Князь Андрей, ожесточися на Новогородцовъ, і посла на нихъ тысящу і пять сотъ ратникъ ізбранныхъ, і сосоступишася на Бѣлѣ езерѣ, і начаша битися, і много сечи сотворше, і от полка Андрѣева падѣ много ратныхъ, а иніи уязвени быша і бѣжаша. Нова же града паде яко пятьнадесять мужъ. Посемъ Князь Андрей на ярость болма подвижеся, і паки собра силу велику от различныхъ странъ, хотяше іти на Великій Новъ градъ; і Божіимъ попущеніемъ внѣзапу болѣзни на него наскочивши, онъ же нимало преста от таковаго начинанія. І посла сына своего Романа со всею силою своею Суждалскою, і с нимъ Князь Мстиславъ і всѣхъ Князей седмьдесятъ і два со многими силами пріидоша на Великій Новъ градъ на свою богопопустную погибель. Человѣцы, іже Новаграда, слышавше силу велику, грядущу на нихъ, бяху в скорби велицѣй і в недоумени, ни откуду помощи надѣющеся, токмо на Бога і на Пречистую Его Богоматерь возложше надежду і забрала около града сотворше. Суждалцы же пришедше со всею силою своею, і паки стояху под градомъ три дня, в третию же нощъ, внеже тогда святѣйшему архиепископу Іоанну стоящу и молящуся Богу со слезами пред пречистымъ образомъ Господа нашего Іисуса Христа о избавлени нашедшаго прещенія на градъ, і слыша гласъ глаголющъ: іди в церковь Господа Бога і Спаса нашего Іисуса Христа яже на Іліинѣ улицѣ, і возми тамо образъ Пречистыя Богородицы, і вознеси на забрала града противу супостатъ і абие узриши спасеніе граду. Чудныі же той архиепископъ Іоаннъ, яко услыша гласъ, неизреченныя радости іcполнися, і умомъ дивяся

і пребыть без сна всю нощъ. І паки, утру бывшу, созва соборъ, і повѣда всѣмъ бывшін гласъ к нему; народи же, слышавше, прославиша Бога і со гласомъ, яко нѣкую силу восприемше, дерзаху. По семъ святитель посла протодиакона съ. клиромъ принести честную икону на соборъ; протодиаконъ же, пришедъ в церковь, поклонися чудотворному Богородицы образу, і хотя взяти ю, и неподвижеся с мѣста своего. Онъ же шедъ, повѣда святителю. Святитель же иде со тщаніемъ со всемъ соборомъ, и пришедъ въ церковь, падъ на колѣна своя, глаголя: «о Премилостивая еси Госпоже Дѣво Богородице! Ты еси упованне, і надѣжда, і заступница граду нашему» і прочая молѣбная благодаривъ Святей Богородицѣ. І абие видитъ честную ону ікону, саму о себѣ подвигшуся; народи же, видѣвше сие неизреченное чудо, взываху: «Господи помилуй.» Святитель же Іоаннъ веемъ честную ікону любѣзно, і с прочимъ народомъ облобызавъ ю, і даде двѣма диаконома; самъ же с народомъ послѣдовавше, молѣбная совершаше. І по семъ вснесоша честную ікону противу ратныхъ на забрала града, і бысть яко часъ шесты, і начаша болми ратовати, і пустивше стрѣлы яко дождь многъ на градъ, и абие честная она ікона на градъ обратися лицемъ і нетокмо образомъ но и милосердиемъ. Видев же Святитель слѣзы от иконы, яко нѣкіи едемски істочникъ, і приятъ я въ ѳелонь свой; і разгнѣвася Господь на сопротивныхъ, і в томъ часѣ покры ихъ тма, і начаша другъ друга на смерть предавати. Граждане же, видѣвше таковую побѣду на сопротивныхъ, вышедше из града, овыхъ ізбиша, а иныхъ живыхъ яша, богатствомъ же і плѣномъ доволно ісполнившеся помощию Святыя Богородицы. Богу нашему слава нынѣ і присно і во вѣки вѣковъ.

Выписано изъ одного древняго рукописнаго сборника.

Сообщ. Д. Ч. Д. Н. Дубенскимъ.

ДРЕВНОСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Укрѣпленныя ордою мѣста, съ именемъ городовъ и безъ онаго.—Городъ на бѣлой горѣ.—Подземныя проходы.—Водяный путь изъ Руссіи въ Орду.—Первобытная церковь Св. Петра митрополита на берегу рѣки Бѣлой. — Обширное поле, или лугъ рѣчной. — Жительство Большой Орды въ Оренбургской губерніи. — Древніе жители рѣки Бѣлой. — Потомокъ Хановъ Султанъ Акназаръ. — Бытность въ Ордѣ Русскихъ Князей и Митрополитовъ. — Монастырское званіе села въ преданіяхъ

о бытности на томъ мѣстѣ монастыря. — Церковь съ древними образами. — Удобное для пристани устье рѣчки Черемши. — Церковь внѣ жительства между Ордынскихъ городовъ. — Часовни. — Неизвѣстность начала и причины ежегоднаго крестнаго хода.

Въ Оренбургской губерніи, отъ Уральскаго хребта по теченію рѣки Бѣлой на правой сторонѣ находящіеся горы съ непроходимыми лѣсами, въ древніе времена могли доставлять надежное убѣжище, искавшимъ того звѣрямъ и человѣкамъ. При такомъ убѣжищѣ въ 70 верстахъ ниже города Уфы, между села Государственныхъ Дуванѣй и деревни Сорвихи, на вершинѣ одной изъ высокихъ здѣшнихъ горъ, находится 1-е за нѣсколько столѣтій укрѣпленное мѣсто, именуемое городище.

Сіе городище, съ восточной, южной и западной сторонъ, по крутизнѣ и высотѣ горы, подгорнымъ зрителямъ кажется неприступнымъ, одна сѣверная сторона доставляетъ удобность въѣзда на него. И по этому вѣроятно съ сѣвера Городище преимущественно укрѣплено, сдѣланнымъ между крутыхъ и глубокихъ доловъ толстымъ валомъ и рвомъ. Здѣсь послѣ вѣковыхъ осыпей и теперь еще валъ со дна внѣшняго рва имѣетъ вышины больше 6 аршинъ. Длина же сего укрѣпленія 69 саженъ. Среди онаго находится прорытіе вала, доказывающее существовавшіе въ томъ мѣстѣ городскія ворота. На восточной сторонѣ, ужасная крутизна глубокаго дола замѣняетъ валъ, начатый далѣе съ того мѣста, гдѣ нетакъ круто положеніе горы. Длина восточной стороны до поперечнаго укрѣпленія 80 саженъ. Западная сторона противъ восточной нѣсколько подлиннѣе и поотложе, а потому вся оная укрѣплена проведеннымъ валомъ мѣстами перепаханнымъ и отъ того заравнивающимся. Къ южной сторонѣ находится поперегъ городища прорытый ровъ, съ двумя по сторонамъ его валами, длиною 78 саженъ. Отъ сего средняго укрѣпленія къ югу, мѣстоположеніе городища почти долуциркульно, почему и валъ на оконечности той стороны проведенъ также круго-образно; только, по естественной неправильности горы, съ неправильными изворотами. Во всей же объясненной окружности городища саженъ 543. Средина сего укрѣпленнаго мѣста ровная, а по краямъ имѣются скаты въ окружающія долины. Все оное распахано и засѣвается рожью. Съ начала земледѣльцы, сказываютъ, находили тамъ разные желѣзные и мѣдные вещи, черепковъ же глиняныхъ издѣлій на оной пашнѣ и теперь немало.

Въ сѣверной сторонѣ, отъ описаннаго городища въ 4-хъ верстахъ, близь деревни Сергѣевки, на такой же высокой горѣ есть второе древнее подобными окопами укрѣпленное мѣсто, только окружность сего въ меньшемъ размѣрѣ.

Третіе подобное земляное укрѣпленіе древнихъ временъ имѣется на горахъ восточной стороны, но выше села Государственныхъ Дуванѣй, растояніемъ отъ перваго городища въ 6 верстахъ. [1]

Отъ того же первоначальнаго городища на западной сторонѣ, съ которой былъ водяный путь, ходившимъ на ладіяхъ Русскимъ Князьямъ, въ жилища грозныхъ повелителѣй Орды [2], находятся: а) Въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ, при рѣчкѣ Елховкѣ, на угловой оконечности горы, состоящей изъ бѣлосераго мягкаго камня, четвертый укрѣпленный въ древности городъ, который, по бѣлому блеску утесовъ занимаемой имъ горы, изъ далека казался и назывался бѣлымъ. Съ западной и сѣверной сторонъ укрѣпленъ оный двумя прорытыми рвами и двуми валами. Такое земляное укрѣпленіе, отъ дождей, снѣговъ и вѣтровъ, хотя ежегодно уменьшается и при томъ распахивается уже около столѣтія, но за всѣмъ тѣмъ и нынѣ находятся во рвахъ мѣста углубленныя до 2 аршинъ. Сіи крѣпостныя работы, какъ начаты съ неприступной югозападной оконечности горы, такъ и кончены на сѣверовостокѣ тамъ, отъ куда начинается крутой утесъ горы, обогнувшійся къ юго-западу почти полуцыркульно. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ гора надъ рѣчкою Елховкою круто возвышается не меньше 250 футовъ, спустясь съ верху до крутизнѣ до 30 футовъ, видны во внутренность горы два съ начала осыпавшіеся проходы, которые любопытство смѣлыхъ крестьянъ заставляло, какъ увѣряютъ, открывать и входить въ гору съ зажженною лучиною на нѣсколько саженъ; конецъ же того подземнаго хода, по словамъ мѣстныхъ жителей, находится въ лѣсу отъ того города не меньше 2 верстъ. На поверхности же сего укрѣпленія есть мѣста изрытыя искателями земныхъ сокровищъ. b) Въ 5-ти верстахъ, при рѣкѣ Камешникѣ, прежде описанная пятая крѣпость, о которой напечатано во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ [3]. и с) Въ 9 верстахъ близъ деревни Петровой, шестое за нѣсколько вѣковъ, со всѣхъ сторонъ, валомъ и рвомъ укрѣпленное мѣсто, съ прорывомъ вала для проѣзда.

---

[1] Такіе два окопами обнесенныя мѣста, во время существовавшаго въ нихъ жительства, по древнему обыкновенію, могли также называться городами (оборона лѣтописи Руской Нестор. С.-П.-б. 1840 года стр. 82 и 308).

[2] Каждый Князь Великій и Удѣльный долженъ былъ ѣхать въ орду, бить челомъ Хану, дарить женъ и служителей его (Рус. Истор. Г. Устрялова С.-П.-б. 1839 года часть I, стр. 205). Великій Князь Георгій Даниловичь, путешествуя въ орду къ Хану Узбеку, въ Пермской области сѣлъ на ладію и плылъ рѣкою Камою (Истор. Госуд. Росс. изд. 1816 года томъ IV, стр. 186).

[3] Свѣдѣнія о древностяхъ въ Оренбургской и Казанской губерніяхъ (Временникъ, 1849 года, книга третья, смѣсь, стр. 9).

Седьмый подобный городъ, въ древніе времена существовалъ на юго-западной сторонѣ, отъ перваго городища чрезъ 7 верстъ, при старомъ теченіи рѣки Бѣлой, на мѣстѣ нынѣшняго села Калинника. Сей городъ съ сѣвера и востока былъ укрѣпленъ глубокимъ рвомъ и валомъ; а съ юга и запада ограждался рѣками Бѣлой и Калиновкой. Въ этой крѣпости по преданію старожиловъ до 1780 года находилась Церковь Св. Петра Митрополита Московскаго, въ память бытности онаго Святителя на томъ мѣстѣ, съ Княземъ Русскимъ [1]. По сей Петровской Церкви и самое то село Калинникъ, съ на-

---

[1] Бытность Св. Петра Митрополита на берегахъ рѣки Бѣлой, могла быть неиначе какъ только по случаю личнаго исходатайствованія имъ въ ордѣ отъ Хана Узбека того благодѣтельнаго для Русской церкви и духовенства ярлыка, который печатанъ уже нѣсколько разъ (О достовѣрности ярлыковъ, изслѣдованіе Г. Григорьева, Москва 1842 года); тогда какъ сей Богоугодный Святитель, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, въ 1313 году ходили въ орду, вѣроятно также, какъ и сынъ Михаила Князь Александръ, въ 1339 году отправился изъ Твери на ладіи водянымъ путемъ и пришелъ въ орду немедленно (Истор. Русс. Нар. Г. Полеваго, т. IV, стр. 281 и 332); или какъ въ 1324 году В. К. Георгій Даниловичь путешествуя въ орду, садился на ладію въ Пермской области и плылъ Камою, до Казанской будто бы губерніи (Ист. Госуд. Росс. Т. IV, стр. 187). Но какъ въ Чистопольскомъ и Спасскомъ уѣздахъ, бывшихъ Казанской губерніи, существовали и воевали тогда съ Русскими Князьями Болгарскіе города, Жукотинъ, Казань, Кременчугъ, въ послѣдствіи разоренныя отъ Новгородцевъ съ Устюжинами и отъ войскъ В. К. Василія Димитріевича (Ист. Гос. Росс. Т. V, стр. 125 и 161), на правой же сторонѣ Камы и Волги, въ Казанской губерніи, мѣста жительства Ханскаго до нынѣ неизвѣстно; то справедливою причиною водяному и по рѣкѣ Камѣ хожденію въ орду, могли быть: во первыхъ предпріятіе спокойнаго и безопаснаго пути до жительства Хана и обратно; во вторыхъ желаніе объѣхать границы воевавшихъ съ Рускими Князьями Болгаръ; и въ третьихъ, выше Болгарскихъ границъ, изъ жительства большой орды, теченіемъ въ Каму рѣки Бѣлой. Сіе имовѣрно тѣмъ болѣе, что Бѣлая рѣка Княжескимъ ладіямъ могла служить продолженіемъ пути въ ту орду, коей Улусы по Исторіи Государства Россійскаго (Т. VI, стр. 152), находились между рѣкою Бузулукомъ и моремъ Аральскимъ; а по Казанской Исторіи, и по очевидному до нынѣ существующему жительству неудалившагося изъ своихъ Улусовъ и покорившагося Руссіи потомства ея, оные Улусы начинаются недалеко отъ укрѣпленныхъ проведенными отъ Камы до Волги валомъ и рвомъ древнихъ юго-восточныхъ Болгарскихъ границъ, и находятся въ нынѣшнихъ: Богульшинскомъ, Мензелинскомъ, Бирскомъ, Челябинскомъ, Троицкомъ, Оренбургскомъ, Стерлитамацкомъ и Уфимскомъ уѣздахъ, имѣя свою религіозную главу въ городѣ Уфѣ, построенномъ Иваномъ Нагимъ въ 1574 году, по просьбѣ оной пришедшей въ подданство орды (Крат. обозрѣніе Дост. событій Оренбургскаго края, Г. Жуковскаго С.-П.-б. 1832 года стр. 2).

чала именовалось Петровским[5]. Древній городскій валъ частію и теперь примѣтенъ; глубину же засыпаннаго рва, защищавшаго мѣстныхъ жителей отъ Пугача, старожилы помнятъ на цѣлую сажень; а имя бывшаго на томъ мѣстѣ города остается только названіи загородной улицы и загородныхъ жителей.

Между объясненныхъ крѣпостей и рѣки Бѣлой, находится низменное ровное поле или лугъ, длиною по теченію рѣки больше 10, а шириною отъ рѣки къ горамъ не мѣньше 5 верстъ[6]. Среди этаго удобнѣйшаго для пастьбы скота лугу, протекаетъ изъ горъ рѣчка Черемша; отъ которой на лѣвой сторонѣ находятся признаки древнихъ ордынскихъ жилищъ, а на правой имѣются насыпные бугры съ обвальными срединами, доказывающія обрушившіеся могилы знаменитыхъ ордынцевъ. Кромѣ сихъ тиснутыхъ на землѣ и не заглаженныхъ вѣками доказательствъ, дѣйствительное жительство въ нынѣшней Оренбургской губерніи разорившей Россію большой орды и грозныхъ повелителей ордынскихъ требовавшихъ къ себѣ Русскихъ Князей и митрополитовъ, удостовѣряется не оспоримыми историческими доказательствами[7]. А путеше-

---

[5] Указъ Сильвестра Митрополита Казанскаго, Бирскаго заказу села Петровскаго Калинникъ то жъ, попу Аѳанасью Никитину, Маія 6-го дня 1730 года.

[6] Сей Бѣлорѣцкій лугъ и Бѣлый городъ, уподобляются тѣмъ мѣстамъ, гдѣ орда кочевала во время выдачи Русскимъ митрополитамъ Ханскихъ ярлыковъ, какъ то: Менгу-темировъ ярлыкъ по Монгольски данъ нателы, значитъ на равнинѣ или степи; Узбековъ ярлыкъ данъ на поліихъ т. е. на полѣ. (О достов. ярл. изслѣд. Г. Григорьева стр. 84); такъ и находящаяся при описанныхъ ордынскихъ городахъ равнина, за 200 лѣтъ именовалась дикимъ полемъ и степью (Копія съ указа Царя Алексія Михайловича 11-го Мая 7155 года хранящаяся въ Оренбургск. Удѣл. Конт.). Тайдулинъ ярлыкъ писанъ въ Сарге, сіе имя въ коренномъ слогѣ согласно съ именемъ Саркелъ, означающемъ Бѣлый городъ (Ист. Гос. Росс. Т. I, стр. 313); каковымъ Бѣлымъ городомъ именовалась упомянутая крѣпость на Бѣлой горѣ. Атюляковъ ярлыкъ данъ на великомъ лузѣ рѣчномъ; такимъ лугомъ безъсомнѣнія могъ именоваться до пашни, объясненный Бѣлорѣцкій большой лугъ.

[7] Къ ближайшему опредѣленію мѣста жительства сказанныхъ повелителей орды, служатъ слѣдующія обстоятельства: а) Направленіе въ 1237 году орды на Русь, изъ Камской Болгаріи (Русс. Истор. Устр. Ч. I, стр. 197); зимовка Монголовъ въ 1232 году недошедши до Болгарскаго города; и зимовка Батыя въ окрестностяхъ Волги, недалеко отъ Болгарской столицы, превращенной имъ въ 1237 году въ пепелъ (Ист. Гос. Росс. Т. III, стр. 270, и примѣч. 355); доказывающія, что объясненная орда имѣла жительство на лѣвой сторонѣ Волги, не далеко отъ Камскихъ Болгаръ. Зимовкѣ же называемаго лѣтописцами ордынскаго Царя Батыя, въ окрестностяхъ Волги, могутъ служить памятникомъ; вѣроятно потому наименованныя Царевъ Курганъ и село Царевщина, находящіеся выше города Самары при скотопажномъ устьѣ рѣки Сока, текущей изъ восточныхъ

ствія Русскихъ Князей по Бѣлой рѣкѣ подтверждается еще тѣмъ: что изложеніе древняго вѣтхаго чертежа, относится ко временамъ княжескихъ; и что

степей въ Волгу. б) Послѣдовавшія въ 1243 году: основаніе на берегу Ахтубы Золотой орды, Батыемъ посылавшимъ Русскихъ Князей бить челомъ жительствовавшему въ степяхъ ордынскому Хану; а по смерти Батыя въ 1256 году, полученіе отъ Хаха власти надъ Золотою ордою сыномъ его Сартакомъ (Ист. Рус. Нар. Т. IV, срр. 166). Изъ сего видно, что Золотая орда была основана на небольшомъ пространствѣ земли; что основатель ея былъ подвластенъ Хану, и существовалъ при ней не больше 13 лѣтъ; и что даже и при Батыѣ Русскіе Князья покланялись Ханамъ не въ Сараѣ на Ахтубѣ, а въ отдаленной отъ того степи. в) Отысканіе Рубруквисомъ въ 1253 году двора сына Батыева за Волгою, на три дня пути (Ист. Рус. Нар. Т. IV, примеч. 143), показывающее мѣсто жительства двора принимавшаго посольства другихъ Государствъ не на берегу Ахтубы, а на разстояніи отъ Волги не ближе Уфимскаго уѣзда, до коего въ три дня доѣхать можно. г) Показаніе кочевья большихъ Нагаевъ. т. е. большой орды Нагайской, на поляхъ отъ верху рѣки Бузулука до Синева моря; намѣреніе отъ рѣки Самары до Бѣлой Воложки 350 верстъ, и не упоминаніе о Сараѣ на берегу Ахтубы въ спискѣ чертежа руки Священника Иродіона писавшаго въ лѣто 7053 (1545), служатъ доказательствомъ тому: что большая орда была Ногайская, жительствовавшая по указанію чертежа выше рѣкъ Бузулука Самары и Сока, къ устью рѣки Ика къ верху рѣки Бѣлой и къ Аральскому морю; а не Золотая, кочевавшая на берегу Ахтубы; и что въ Золотой ордѣ Батыевъ Сарай, при изложеніи древняго чертежа уже несуществовалъ; иначѣ былъ бы онъ писанъ также, какъ Царевъ дворъ въ Бакчи Сараѣ, на берегу Чернаго моря. д) Управленіе Батыева брата Ногая западными кочевьями, и завладѣніе всею Золотою ордою, при бытности въ Сараѣ Батыева сына; также возмущеніе всей орды Мамаемъ, перебѣжавшимъ съ Царицами и съ ордою за Волгу на горную сторону, тогда какъ въ Сараѣ царствовалъ Муругъ (Рус. Ист. Ч. I, стр. 203 и 260; и Супрасльская рукопись Москва 1836 года стр. 79), удостовѣряющія, что Ногай и Мамай съ Царицами и ордою жительствовали на луговой сторонѣ Волги, не въ Сараѣ и не за-Яикомъ, а ближе къ западу и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ 1224, 1232 и 1237 годахъ скрывалась, появлялась и зимовала разорявшая Русь сильная орда. е) Стояніе Царевича Араппи за Волгою на Волчьихъ водахъ, находящихся близъ города Бирска (Истор. Рус. Нар. Т. V, примеч. 103); движеніе Царя Тохтамыша съ многимъ войскомъ къ Волгѣ и перевозъ чрезъ сію рѣку въ Болгарской землѣ (Ист. Госуд. Росс. подъ годомъ 1382, и Супрасл. рук. стр. 116), доказывающія мѣсто жительства Царевича и Царя съ многочисленною ордою не въ Сараѣ и не близко къ Волгѣ, а позади Болгарскаго владѣнія, и даже на правой сторонѣ рѣки Бѣлой. ж) Частыя междоусобныя ханоубійства и смятенія въ ордѣ (Ист. Рус. Нар. Т. V, стр. 64, 65, и 66), представляющія необходимость подверженныхъ убіенію въ укрѣпленномъ убѣжищѣ, и неприличіе убійцъ владычествовать на мѣстѣ пролитой ими крови,

объясненіе въ томъ чертежѣ: жительствовавшихъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Бѣлой Башкирцевъ, питавшихся звѣремъ, медомъ, рыбою, а пашни неимѣвшихъ, и наименованіе той рѣки Бѣлою Воложкою, принадлежитъ путешествовавшихъ по оной Русскимъ самовидцамъ того [8]. Имя Башкирцевъ, дано отъ недоброжелателей, потомству сказанной орды ругательное. Сами же тѣ Башкирцы называли себя Ногайцами, до подданства Россіи принадлежавшими стариннымъ Ногайскимъ ханамъ, отъ поколѣнія коихъ они объявляли одного сильнаго султана Акназара [9].

гдѣ могли оставаться удостоенныя пощады вдовствовавшіе Ханьши съ малыми дѣтьми; а потому новыя повелители орды для собственной безъопасности должны были дѣлать новые крѣпости, не удаляясь отъ мѣста Ханской власти предковъ; что могло быть причиною построенія на близкомъ разстояніи семи описанныхъ крѣпостей. з) Разрушеніе Тамерланомъ въ XIV вѣкѣ Сарая (Рус. Истор. Устр. Ч. I, стр. 271), и недѣланное ни кѣмъ оному возобновленіе, обнаруживающія неправильность тѣхъ историческихъ строкъ, кои послѣ Тамерланова разрушенія, показываютъ Сарай существующимъ по прежнему. и) Владѣніе Большою ордою поколѣнія Тимуръ Кутлуя, опредѣленнаго Тамерланомъ (Рус. Ист. Устр. Ч. I, стр. 320), отъ котораго послѣдняго Хана именуютъ: Тюря Бабату Клюсовъ, коему принадлежало, до основанія Уфы бывшее Татарское жилище въ 5 верстахъ отъ Уфы, на мѣстѣ именуемомъ Чертово городище; и открытіе въ Мензелинскомъ уѣздѣ близь рѣки Ика, по видимому земляному валу и рву, другаго города Нагайскихъ владѣльцевъ (Крат. Обозр. дост. сооб. Оренб. кр. Г. Жуковскаго стр. 44 и 52), удостовѣряющія въ дѣйствительномъ жительствѣ Хановъ большой орды Нагайской между рѣками Ика и Уфы. и і) Дѣланная Оренбургскимъ Начальствомъ до 1745 года, общая Татарскимъ народамъ смѣта, по которой въ одной Оренбургской губерніи жительствовавшаго Татарскаго народа оказалось болѣе четырехъ сотъ тысячь (Топографія Оренб. губ. рукопись 1745 года, Часть I, глава 4 статья 2).

[8] Списокъ съ вѣтхаго чертежа, руки Священника Іродіона писавшаго въ 1545 году.

[9] Въ четвертой главѣ I части означенной Топографіи Оренбургской губерніи, между прочимъ написано: что Башкирской народъ изстари былъ одинъ съ Ногайцами; что нынѣшніе Башкирцы, еще будучи подъ именемъ Ногайцовъ, отдѣлясь отъ прочихъ вознамѣрились остаться въ прежнихъ своихъ мѣстахъ, почему и были они отъ удалившихся Нагайцовъ ругательно наименованы башкуртъ, то есть главной волкъ или воръ; что горные Башкирцы принадлежали стариннымъ Ногайскимъ Ханамъ, отъ поколѣнія коихъ наконецъ одинъ Салтанъ Акназаръ усилившись, не только всѣхъ Башкирцевъ, но и въ великой Татаріи разные народы покорилъ, горныхъ Башкирцевъ изнурялъ и въ безсиліе приводилъ, дѣтей, скотъ и земли у нихъ отбиралъ, и черезъ рѣку Бѣлую переходить ихъ недопускалъ; что по совершенномъ завоеваніи въ 7061 (1553) году Казанскаго царства, года черезъ три оные Башкирцы добровольно пришли въ Россійское подданство, и за то нетолько тѣ земли, гдѣ они прежде подданства за Камою и около Бѣлой Воложки, коя послѣ Бѣлою рѣкою названа, жили, имъ Башкирцамъ отданы, но сверхъ то

При соображеніи описанныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, съ объясненными въ примѣчаніяхъ Историческими свѣдѣніями, тогда какъ будучи на первомъ возвышенномъ городищѣ видишъ на юговостокѣ городъ Уфу чрезъ 70 верстъ, и по краямъ обширнаго рѣчнаго луга вышепоказанныя города или крѣпости; рѣка Бѣлая и при устьѣ рѣчки Черешки село монастырскіе Дуванѣи представляются на югѣ прямо чрезъ луговую пятиверстную равнину, какъ будто предъ ногами. И нехотя думаешъ и убѣждаешся въ томъ: не здѣсь ли водворялись грозныя раззорители и поработители древнихъ удѣльныхъ Русскихъ княжествъ, Менгу-темиръ, Узбекъ, Чанибекъ, Бердибекъ, Атюляй, Мамай, Тахтамышъ, Тимуръ Кушлукъ, и прочіе? Несюда ли приносились собираемыя въ Руси тяжкія дани и Княжескіе дары, на утоленіе ужасавшаго приносителей гнѣва ордынскихъ Царей? не здѣсь ли Русскіе Государи, по мѣрѣ удовлетворенія Ханскому требованію, награждались Княжествами, въ противномъ же случаѣ лишались оныхъ и умерщвлялись? не въ сихъ ли крѣпостяхъ, алчные наслѣдники ордынскаго Ханства истребляли своихъ отцовъ и братьевъ, и сами защищались отъ преслѣдователей, или удаляясь отъ мѣста пролитія родной крови дѣлали для себя новыя крѣпости.

А какъ не открыто донынѣ тѣхъ незабвенныхъ для вѣрныхъ сыновъ отечества мѣстъ, гдѣ находилась въ ордѣ пристань Княжескимъ ладіямъ, гдѣ совершилось убійство Князей Русскихъ [10]; и гдѣ имѣли пребываніе Св. митрополиты и чудотворцы Московскіе, во время личнаго полученія отъ Хановъ ярлыковъ и при исцѣленіи Ханьши [11]; на каковыхъ мѣстахъ, святочтущее

го еще многими мѣстами и разными выгодами они пожалованы. Изъ сихъ Топографическихъ свѣдѣній, подписанныхъ въ 1757 году рукою Начальствовавшаго въ Оренбургѣ Г. Неплюева, ясно видно: что на горахъ правой стороны рѣки Бѣлой, находилось мѣсто жительства потомковъ старинныхъ Хановъ орды, именуемой согласно имени владѣвшаго всею ордою Батыева брата Нагайскою; и что эта орда жила за Камою около рѣки Бѣлой. Слѣдовательно по симъ рѣкамъ въ оную орду на ладіяхъ изъ Россіи ходить было близко, спокойно и удобно.

[10] Русская Исторія Г. Устрялова Часть I, стр. 208 и 244.

[11] О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ Ханами Русскому Духовенству, Историко-филогическое изслѣдованіе Г. Григорьева, стр. 14, 51, 80 и 81. Къ томуже бытность Св. Алексія Митрополита на мѣстѣ города Самары (Оренбург. Губ. вѣд. 1851 года № 5), вѣроятно во время путешествія сего Святителя въ Орду, для исцѣленія Ханьши Тайдулы; и объясненіе въ древнемъ чертежѣ (см. прим. 7 подъ буквою г), разстоянія отъ верху Самары до верху Бѣлые Воложки, т, е. Бѣлой рѣки 350 верстъ, доказываютъ: что позади Болгарскаго владѣнія, отъ Самары къ Бѣлой рѣкѣ существовала дорога, по которой Ханы большой орды имѣли безпрепятственное сношеніе съ правою стороною Волги и съ самою Москвою; и что призывавшій Московскаго Чудотворца ордынскій Ханъ и больная Ханьша его находились не въ Сараѣ близь Астрахани, а за городомъ Самарою,

памяти чудесами прославленныхъ изъ Князей и митрополитовъ потомство, если не тогдаже, то по принятіи въ 1556 году орды въ Русское подданство, могло воздвигнуть церкви, и даже по уваженію Русскаго духовенства и самою ордою, могло и монастырь учредить, а въ память не прославленныхъ святостію Князей построить часовни. Въ такомъ случаѣ, кромѣ сказанныхъ убіеній Князей и пребыванія митрополитовъ, небыло другихъ болѣе справедливыхъ и побудительныхъ причинъ, въ отдаленномъ краю среди жительства Нагайской орды, въ древнія незапамятныя времена, при малочисленности христіянъ, на ближайшемъ растояніи, построенію тѣхъ трехъ церквей и двухъ часовенъ, кои дѣйствительно существовали и существуютъ: 1-я Церковь Петровская, въ показанномъ селѣ Петровскомъ, Калинникъ тожъ [12]; отъ этой Петровской церкви чрезъ одну версту, на томъ же берегу стараго теченія рѣки Бѣлой, 2-я Спаская церковь, и при ней по изустному преданію существовалъ монастырь уничтоженный около 200 лѣтъ, и переименованный въ село монастырьскіе Дуванѣи. Сіе преданіе подтверждается тѣмъ, что въ этой приходской церкви находящіеся, храмовый образъ Нерукотвореннаго Спаса, написанный по древнимъ Византійскимъ правиламъ, также древніе образа Богородицы Владимірскія за престоломъ, Николая Можайскаго, Параскевы Пятницы въ церкви; и внѣ оной вынесѣнныя изъ подмытой рѣкою Бѣлою старой церкви, царскіе врата со столбами, образа стараго иконостаса слупившіеся, и употреблявшійся при крестныхъ ходахъ старинный готическій фонарь увѣряютъ въ существованіи онаго Спаскаго храма не меньше трехъ столѣтій; чему служитъ увѣреніемъ и то, что при постройкѣ церковной сторожки, вырывали части неистлѣвшей монашеской власяницы; и что прихожане Петровской церкви слышали отъ предковъ своихъ о бывшей между нихъ съ Игуменомъ Спаскаго монастыря тяжбѣ про луговую землю. Здѣсь недалеко отъ Спасской церкви на южной сторонѣ находится берегъ и устье рѣчки Черемши, кои въ древніе времена могли доставлять княжескимъ ладіямъ удобную и безъопасную по судоходству пристань. Отъсюда въ пяти верстахъ, между перваго городища и Бѣлаго города, при рѣчкѣ Елховкѣ, внѣ селенія, существовала 3-я Покровская церковь, которая въ половинѣ XVIII вѣка перенесена въ село Богородцкoво. Въ полуверстѣ отъ церкви Петровской, находилась 1-я часовня во имя Св. великомученика Димитрія [13], по уничтоженіи оной, устроенъ былъ Димитріев-

---

вѣроятно по той измѣренной въ старину Русскими верстами дорогѣ, на берегу рѣки Бѣлой.

[12] См. выше примеч. 5.

[13] Бытность этой часовни до 1780 года, среди деревни Кріушъ Уфимскаго уѣзда, состоитъ въ свѣжей памяти Кріушинскихъ крестьянъ, кои Димитріевъ день 26 Октября, какъ храмовый праздникъ свой, торжественно препровождаютъ каждый

ской придѣлъ въ приходской церкви [14], и въ одной верстѣ отъ Спасской церкви имѣется 2-я часовня, въ которую ежегодно въ пятницу 1-й недѣли Петрова поста, съ незапамятныхъ временъ, и по недоказанной причинѣ совершается изъ Спасской церкви крестный ходъ. Всѣ оныя церкви и часовни существовали по краямъ тогоже рѣчнаго луга, при которомъ на высокихъ и неприступныхъ мѣстахъ, многочисленными руками восдѣланныя и вѣками неизглаженныя вышеписанныя укрѣпленія, съ городскимъ званіемъ, доказываютъ бывшее въ оныхъ жительство, возвышавшихся надъ побѣжденными и подчиненными народами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и опасавшихся нападенія Поведителей орды.

Сообщилъ соревнователь А. К. Кочуевъ.

—

ДРЕВНІЯ ПРИВИЛЛЕГІИ ЛИТОВСКО-ВОЛЫНСКИХЪ КАРАИМОВЪ, ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ АКТОВЪ ЗАМКА ЛУЦКАГО.

Въ концѣ X вѣкѣ на Таврическомъ полуостровѣ возникла отрасль *Іудейства*, извѣстная подъ именемъ *Караитства* [1]. Послѣдователи этого ученія получили названіе Караитовъ или Караимовъ. Эти противники ученію Евреевъ-талмудистовъ, по отличительнымъ чертамъ ихъ характера [2] съ самыхъ первыхъ временъ появленія ихъ въ нашемъ отечествѣ пользовались и до нынѣ пользуются нѣкоторыми особыми правами.

Въ началѣ XV вѣка Литовскій Князь Витольдъ дозволивъ значительной части Крымскихъ Караимовъ поселиться въ подвластныхъ ему земляхъ Литвы

годъ; а находившійся въ той уничтоженной часовнѣ древній храмовый образъ Великомученика Димитрія, съ изображеніемъ на ономъ сдѣланнаго Св. Димитріемъ побѣжденія Царя Лія, доказываетъ существованіе оной часовни болѣе трехъ столѣтій, и сіе открываетъ память и мѣсто убіенія въ Ордѣ Великаго Княза Димитрія Михаиловича, названнаго Грозныя Очи (Русс. Истор. Устр. Часть I, стр. 215).

[14] Существованію Димитріевскаго придѣла въ сгоревшей приходской церкви, доказательствомъ служитъ Указъ изъ походной Преосвященнаго Лаврентія Епископа Вятскаго и Великопермскаго Конторы, села Калинника Священно и церковно служителямъ съ приходскими людьми, отъ 24 Апрѣля 1782 года за № 52.

[1] Записки Одесс. общ. Истор. и Древн. Т. I. стр. 644.

[2] Караимы отличаются честностью и неприкосновенностью къ дѣламъ уголовнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Литвѣ и на Волыни небыло примѣра, чтобы Караимъ содержался въ тюрмѣ, или былъ бы обличенъ въ уголовномъ преступленіи.

и Волыни [3], далъ имъ привилегіи, подтвержденныя и пополненныя въ послѣдствіи Польскими Королями. Сообщая здѣсь эти любопытные документы, необходимымъ считаемъ сказать нѣсколько словъ, небезполезныхъ для лучшаго уразумѣнія юридическаго смысла привилегія Витольдовой, служившей основаніемъ всѣхъ *правъ* и *вольностей* Литовско-Волынскихъ Караимовъ.

Караимы эти образомъ своихъ занятій совершенно непохожи на соплеменниковъ своихъ, живущихъ въ Крыму и другихъ мѣстахъ Новороссійскаго края, исключительно занимающихся торговлею. По собственному увѣренію Луцкихъ Караимовъ, составляющихъ часть Крымскихъ переселенцевъ, они встарину, какъ и теперь, никогда не купечествовали; и если въ древнихъ привилегіяхъ встрѣчается слово *handel*, то слѣдуетъ разумѣть самую мелкую промышленность, которая и донынѣ осталась на долю бѣднѣйшему классу Караимовъ. Но вникнувъ въ смыслъ привилегіи Витольда замѣчаемъ, что въ древнія времена тамошніе Караимы болѣе всего занимались *заимодавствомъ*; да, и по сіе время зажиточные люди этого общества не оставляютъ этого прибыльнаго промысла; и отдавая свои капиталы въ ростъ, въ обезпеченіе ихъ берутъ у своихъ должниковъ въ арендное содержаніе мельницы, корчмы, а чаще всего ссудятъ подъ закладъ движимаго имущества.

Поэтому-то Князь Витольдъ, обезопасивъ привилегіями *собственность* и *личность* Караимовъ, прежде всего очень ясно опредѣлилъ отношенія ихъ къ Христіанамъ какъ заимодавцевъ къ должникамъ. При такихъ столкновеніяхъ поселенцевъ съ кореннымъ населеніемъ края; при своевольствѣ, которое въ тогдашнія времена дворянское сословіе Литвы и Волыни позволяло себѣ относительно другихъ обитателей этихъ земель; гдѣ магнатъ заемщикъ могъ нетолько очень произвольно расплачиваться съ заимодавцемъ-Караимомъ, но иногда вмѣсто расплаты нанесть чувствительнѣйшія обиды его личности.... Витольдъ усмотрѣлъ необходимость значительно возвысить личность Караимовъ. И намъ кажется, что только такимъ образомъ можно объяснить причины, почему въ правахъ личности Караимы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, (особливо, гдѣ дѣло идетъ о нанесеніи побоевъ) уравнены были съ шляхетствомъ.

Сообщаемыя здѣсь привилегіи передаются читателямъ такъ, какъ онѣ записаны въ Актахъ Замка Луцкаго 1791 г. подъ № 6-мъ [1].

---

[3] См. Луцкъ и его древности—Перлштейна.

[1] Нѣкоторые изъ приведенныхъ здѣсь привилегій отдѣльно заявлены въ Луцкихъ актахъ 1568 г. подъ № 369.

I.

Roku Tysiąc Siedmsed Dziewiędziesiąt Pierwszego Miesiąca Grudnia Dziewiątego dnia.

Na urzędzie Grodzkim w Zamku Jego Królewskiej Mości Łuckim, przedemną Kazimierzem Sudkiewicz Kwitą, Stolnikiem Drembewelskim, susceptantem Grodu Łuckiego przysięgłym i Xięgami niniejszemi Grodzkiemi Łuckiemi stawając osobiście Starozakonny Joch Moszkowicz — karaim obywatel Łucki, ten Extrakt z akt Grodzkich woiewodztwa Trockiego swpisaniem w nim prawa od Najiaśniejszych Królow karaimom Trockim, Włodzimierskim, Łuckim, i jnnym służącego, do akt Grodzkich Łuckich w sposób oblaty podał w następujące słowa: wypis z Xiąg Grodzkich woiewodztwa Trockiego od narodzenia Syna Bożego, Tysiąc Sześcset czterdziestego osmego, miesiąca Iunii Dziesiątego dnia,

Na urzędzie Hospodarskim Grodzkim Trockim, przedemną Samuelem, Alexandrem Szwabem, Starostą Szmeltyńskim, Podwoiewodzym

---

I

Лѣта тысяча семьсотъ девяноста перваго, мѣсяца Декабря девятаго дня.

Въ присутствіи городскаго суда въ замкѣ его Королевской Милости Луцкомъ, передо мною Казиміромъ Судкевичемъ Квитою, стольникомъ Дрембевельскимъ *, присяжнымъ засѣдателемъ (susceptantem) города Луцкого и нынѣшними книгами городскими Луцкими, явившись лично старого закона послѣдователь Іохъ Мошковичъ, Караимъ, обыватель Луцкій, представилъ таковую выписку изъ городскихъ актовъ воеводства Троцкого, содержащую права, данныя Наясвѣйшими Королями Караимамъ Троцкимъ Володимірскимъ Луцкимъ и иныхъ городовъ, отъ слова до слова значущуюся такъ: выписка изъ градскихъ книгъ воеводства Троцкаго, отъ Рожества сына Божія тысяча шестьсотъ сорокъ осьмаго Іюня мѣсяца въ 10-й день.

На Королевскомъ городскомъ Троцкомъ судѣ, передо мною Самуиломъ Александромъ Швабе, старостою Шмельтинскимъ, помощникомъ Троцкаго воеводы, явившись лично жидъ и войтъ Троцкаго сборища Глишанъ Сушкевичъ,

---

* Полагаю что здѣсь говориться о городѣ *Трембовлѣ. Прим. переводя.*

Trockim, postanowiwszy się oczewisto Żyd i woit zboru Trockiego Hliszan Suszkiewicz, sam od siebie, i imieniem wszystkich Zydow — karaimów zboru Trockiego i we wszystkich prowincyach wielkiego Xięstwa Litewskiego mieszkających y będących, pokładał ku oblatowaniu do Xiąg Grodzkich Trockich prawo wolności swoich, od Najaśniejszych Krolów Jchmościow im nadane, ku zapisanu podał; prosiąc aby te prawo onym stawiące było aktykowane wpisane, które wpisując w Xięgi słowo do słowa tak się w sobie ma.

«W jmie Boże stansię, iżby błędnych rzeczy zapamiętałych, które się dzieją pod czasem innego by resterku mądrych rozum naszedł, aby potwierdzeniem listów byłoby przywiedziano świadków, dostoynych swiadestwem; byłoby umocniano ku wieczności dla tej rzeczy y pamięci. — My Zygmunt Bożej miłości Król Polski, W. X. Litt., Ruski Kniaż, Xiąże Opolski, Żmudzki i innych Państw i Dziedzictw, oznajmujem tym listem, którym wszystkim słusznym niniejszym i potym będącym tych listów snakomitość mający; byli nam czołem żydowie nasi zboru Trockiego z Troków, z Brześcia, z Grodna, z Łucka, z Wlodzimierza i innych miast naszych W. X. Litt. pokładali przed nami Przywiley najdawniejszego Xiążęcia i Pana Xiążęcia Alexandra

---

самъ отъ себя, именемъ всѣхъ жидовъ Караимовъ Троцкаго сборища, а равно и проживающихъ во всѣхъ областяхъ Великого Княжества Литовскаго, представилъ ко внесенію въ Градскіе Троцкіе книги, права и привилегіи свои, данныя имъ отъ ихъ милостей наисвѣтлѣйшихъ Королей, и къ записанію подалъ, чтобы эти ихъ права и привилегіи были заявлены и вписаны, которыя, будучи внесены въ книги, гласятъ отъ слова до слова такъ:

Дабудетъ во имя Божіе; для того чтобы разумъ мудрыхъ иного вѣка (resterku) нашелъ забытыя уже скоропреходящія дѣла, которыя въ настоящее время совершаются; то заведено, чтобы при подтвержденіи грамотъ были употреблены свидѣтели достойные вѣроятія, дабы дѣло было утверждено на вѣчныя времена въ памяти людской. Мы Сигизмундъ, Божіею милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Рускій Князь, Князь Опольскій, Жмудскій и иныхъ государствъ и вотчинъ, этою грамотою даемъ знать всѣмъ честнымъ людямъ, какъ нынѣ существующимъ, такъ и впредь имѣющимъ быть, извѣщая ихъ о содержаніи этихъ грамотъ. Били намъ челомъ жиды наши Троцкаго сборища изъ Трокъ, Бреста, Гродна, Луцка, Володимира и иныхъ нашихъ городовъ Великого Княжества Литовскаго; они предъявили намъ привилегій давнишняго Князя и Государя Князя Александра Витольда, Князя Литовскаго и дѣдича, въ коемъ выписаны *права* ихъ *и вольности*, и били намъ

Witolda Xiążęcia Litewskiego i Dziedzica, w którym Prawa y wolności ich wypisane; i bili Nam czołem, abyśmo My im ten przywilej umocnili i podtwierdzili Naszym listom, który przywiley temi słowy iest wyrazony: «W jmie Boże stańsię. My Alexander albo Witold z «Bożej łaski wielki Xiąże Litewski i Dziedzic Trocki, Grodzieński, «Brzeski, Drohicki, Łucki, Włodzimierski i innych, znamienito czynim «tym naszym listem niniejszym y napotem będącym, komu tego potrzeba «wiedzieć albo czytając iego słyszeć, umyślilismy z Pany radami Na«szymi y dali prawa i wolności wszystkim żydom wyż mianowyna, «mieszkaiącym w tym Państwie naszym, którzy są niżej w tym liście «Naczym wypisani; artykuł pierwszy: ustawiliśmy, iżby za pieniądze «rachując albo insze rzeczy, która zaś persony żydowskiej naprzeciw «żydom dwóm chrzescianom, a trzeciemu żydu, który by się dobrze «zachował w zakonie swoim żydowskim, swiadectwo otrzymano bydz «ma; też ieśliby chrześcianin nagabał żyda muwiąc, iżby iemu swoią «zastawę zastawił, a żyd jemu tego zapar, a chrześcianin by iemu tego «niechciał wierzyć, przecie przyznawszy urzędownie naważności załob«liwego zastawy a zaż przysiągłszy chrześtianin doswiadzyłby to na «niego, ma iemu to zapłacić; też ieśliby żyd chrześcianinowi niedaw-

---

челомъ, дабы мы имъ оный привилегій подтвердили нашею грамотою, а привилегій заключается въ слѣдующемъ: «Мы Александръ, иначе Витольдъ, Божією «милостію Великій Князь Литовскій и дѣдичь Троцкій, Гродненскій, Брестскій, «Дорогичинскій, Луцкій, Володимірскій и иныхъ объявляемъ сею нашею грамо«тою всѣмъ нынѣшнимъ и потомъ имѣющимъ быть, кому это слѣдуетъ знать, или «кто читая услышитъ. По совѣту съ нашими панами радами мы дали права и «вольности всѣмъ жидамъ, вышеименованнымъ, живущимъ въ томъ государ«ствѣ нашемъ, и которые ниже въ сей грамотѣ нашей выписаны. *Первая «статья:* Постановляемъ, чтобы какъ въ денежныхъ счетахъ, такъ и въ «другихъ дѣлахъ противу жида дѣйствительными свидѣтелями признавались «два христіанина и третій жидъ, такой который хорошо бы соблюдалъ свой «законъ жидовскій. Если бы христіанинъ сталъ обвинять жида, говоря: отдай «мнѣ мой закладъ, а жидъ въ томъ запрется, а христіанинъ ему въ томъ не «станетъ вѣрить и судебнымъ порядкомъ докажетъ дѣйствительность даннаго «ему заклада и клятвою христіанинъ то подтвердитъ, то жидъ долженъ ему «то заплатить. Если же жидъ отдастъ христіанину его заложенную вещь безъ «свидѣтелей, а потомъ христіанинъ будетъ опять требовать ее, и жидъ это «докажетъ, то христіанинъ долженъ заплатить цѣнность вещи или клятвою «очиститься. Еще жидъ можетъ удержать у себя въ видѣ заклада всѣ вещи,

«szy swiadków, mało tej pożyczył te zastawe co on by zaparł, to dy
«chrześcianin ma zapłacić abo przysięgą oczyścić; też mógłby żyd
«wziąć jmieniem zastawy wszelkie rzeczy, któreby były iemu zasta-
«wione, którym kolwiek ich imieniem byleby wymuwiono tych to
«rzeczy żadnego nagabania nieczyniąc, wyiąwszy iednej krwawej mok-
«rej Chrześciańsciej Swiętej Kościelnej, ktorym żadnym obyczaiem ni
«ieden przyjmować niema; też ieśliby chrześcianin nagabał ozastawę
«żyda, którą mu żyd, któraby temu była przez złodziejstwo albo przez
«gwałt wzięta, nate iscirne zastawy żyd ma przysiąc, iako niewiedział,
«gdy iemu ukradziono, albo gwaltem wzięto, to swoią przysięgą wzno-
«wić się ma, iako iemu ta zastawa zaştawiona oczyściwszy się chrze-
«ścianin ma połowe listy płacić, któraby iemu do tego czasu przym-
«nożyła; lecz ieśliby przez upad, pożogi, albo złodziejstwo, albo przez
«dwałt rzeczy swoie zastawione zastawili, utracilby, a chrześcianin,
«któryby iemu zastawił, wszakże niema żyda gabać, a żyd swoją
«własnością przysięgą będzie oczyszczać; też jesliby zydowie między
«sobą niezgody, albo poczeli, sędzia miasta naszego żadnego przesądu
«niema na nich brać, ale tylko my, abo Pan Starosta będący ich
«sądzić, a nanich, które wine, albo przestępki przyszło, ten sąd ma

---

«которыя только были ему заложены, какаго бы рода они ни были, безъ
«всякаго препятствія со стороны владѣльцевъ, въ случаѣ неплатежа съ ихъ сто-
«роны; исключаются вещи относящіеся до богослуженія Святой Христіанской
«церкви, которыхъ никто не долженъ брать подъ закладъ. Еще если бы хри-
«стіанинъ сталъ требовать съ жида закладъ, который дѣйствительно былъ от-
«данъ жиду, но похищенъ у него злодѣйствомъ или насиліемъ, то жидъ дол-
«женъ присягнуть, что незнаетъ самъ, какъ и когда у него этотъ закладъ
«украденъ или насиліемъ взятъ, а христіанинъ долженъ дать клятву, что дѣй-
«ствительно далъ жиду закладъ и тогда, очистивши себя клятвою, платить
«жиду только половину того, что слѣдовало долга по то время. Если же за-
«клады, находящіеся у жида, пропадутъ въ слѣдствіе бунта, пожара и явна-
«го насилія, то христіанинъ не можетъ ихъ требовать, а жидъ долженъ очи-
«стить своею обычною присягою. Если жиды другъ съ другомъ будутъ имѣть
«ссоры, то городскіе судьи въ то во все вмѣшиваться не должны, а судить
«будемъ ихъ мы или нашъ староста и присуждать ихъ къ какому такъ они
«доведутся наказанію, и приговоръ тотъ долженъ быть тотчасъ исполненъ. Если
«бы христіанинъ жиду сдѣлалъ какую рану, то за такую вину имѣетъ заплатить,
«чѣмъ имѣетъ намъ челомъ бить; раненому же вознагражденіе опредѣляется по
«степени его т. е. *какъ шляхтичу*. Если христіанинъ убьетъ жида, то наказы-

«doyść na czas zachowań; też jesliby chrześcianin żydowi ranę nie-«którą zadał, winy takowej ma zapłacić, — czym ma Nam czołem bić, «a rannemu ma dość yczynić według rąg iego, jako szlachcicowi; «tez jeśliby chrześcianin żyda zabił, ma być karan iako winny, a «wszystkie rzeczy ruchome albo nieruchome mają być w naszej mo-«cy; też ieśli by żyda uderzył tak, iakoby krwie niérozlał, ma nanim «wina być wedlug opisania naszej ziemi, a obrażonemu, ma dosyć «uczynić jako szlachcicowi, a ieśli by pieniędzy niemiał, tedy za-«postępęk iako prawo najdzie, mają być karani; tez ieśliby żyd przez «państwo nasze iechał, żadnego iemu nagabania szynić niema, a jeśly-«by które rzeczy kramne wiózł, ma myto płacić przez wszystkie po-«łozone iako i insi dają myto; też jeśliby żydowie podług swego oby-«czaju niektórego żyda zmarłego od miasta, (od Powiatu) do Powiatu «albo od jednej ziemi do drugiej ziemi wiezliby przez myta, niczego zanich «myta niemają; a ieśliby tak zaiste y co mitnik na nich brał, chcemy, «aby iako rozbojnik karan był; tez jeśliby chrzestianin opył czyniąc «kazał abo gwałtem nachodził, chcomy aby podług obyczaiu naszego «ziemi był karan, a wszystkie imiona na nas spaść; też jeśliby kto «na szkotę żydowską następował, ten ma staroście naszemu zapłacić

«вается по законамъ, а все его имѣніе движимое и недвижимое отбирается въ «казну. Если христіанинъ ударитъ жида безъ кровопролитія, то наказаніе ему «чинится по законамъ нашей страны, а ударенному удовлетвореніе назначается «такое же *какъ шляхтичу*: а если виновный не имѣетъ денегъ на удовлетвореніе, «тогда долженъ быть наказанъ, какъ повелѣваютъ законы.—Если жидъ будетъ «ѣхать по нашему Государству, то никто не долженъ дѣлать ему никакого при-«тѣсненія; если же жидъ будетъ везти товары, то мытныя пошлины долженъ «платить всѣ тѣже, какіе берутъ и съ другихъ торговцевъ. Но если жиды, по «своему обыкновенію, станутъ везти тѣло какого нибудь умершаго жида отъ «города до города и изъ повѣта въ другой или изъ одной области въ другую, «и пріидется имъ везти чрезъ заставы, то мытныя пошлины съ нихъ ни-«какой не брать; если же мытникъ дозволитъ себѣ съ нихъ что нибудь взять, «то долженъ быть наказанъ какъ разбойникъ.—Если же какой либо христіа-«нинъ станетъ притѣснять жида или отнимать у него его вещи силою, то «имѣетъ быть наказанъ по законамъ нашей земли, а имѣніе его конфисковано.— «Если же кто попытается сдѣлать убытокъ жиду, платить нашему старостѣ «два фунта перцу (?!).—Если окажется по суду, что жидъ доводится быть «наказанъ за какую нибудь вину денежнымъ штрафомъ, то долженъ платить. «Если жидъ, будучи позванъ на судъ къ своему судіѣ, въ первый и во вто-

«dwa funty pieprzu! tecz ieśliby żyd który był najdzion sądu swego «winą pieniężną albo winę, która zdawna włożona, to ma płacić; też «jeśliby żyd przed wyznaczeniem Sędziego swego był przyzwan y w «sądu pierwszy i drugi raz nieprzyznał, ma zapłacić winę za obadwa «razy, która obłozona, a jeśliby ten trzeciemu wyznaniu nieprzyszedł, «wina która położona dla upamiętania Sędziego ma zapłacić; a jeeśli «by żyd żyda ranił, winę sędziemu swemu według obyczaiow ziem«skich ma zapłacić — to iest — ustawiliśmy, iż żaden żyd niema przy«sięgać nad Dziesięcioro Bożym przykazaniu, na Xięgi Moyżeszowe, «tylko w wielkiej rzeczy, któraby była piędziesiąt grzywien srebra «litego, abo będzie przed oblicznością naszego wyznania, a ma prze«sięgać przed szkotą u drzwi; też ieśliby żyda zabił, a przez swiade«ctwo niemógł dowieść swoim przyiaciolom, któryby iego zabił, iesli «by miał którego w pytaniu podejrzanego, mają My żydom naprze«ciwko podejrzanego chcemy obrońców dać, ieśli by też chrześcianin «niebłędny żydowi ręką gwałtowną miał co uczynić, albo uderzyć, «ma być karan podług prawa naszej ziemi; też Sędzia Sąduski, którzy «siedzą między niemi przygodzić, ten sądu niema przed sobą przywodzić «ieśli by przez skargę był nawiedzion; też ieśli by żydowie wybrali sobie

---

«рый разъ запрется, то повиненъ заплатить штрафъ за каждый разъ, когда не «признавался; а если и въ третій разъ запрется, то долженъ заплатить еще «штрафъ, положенный въ пользу суда.—Если жидъ жида ранитъ, то долженъ «заплатить штрафу своему судіѣ сообразно обычаю земли нашей. Также мы «постановляемъ, чтобы ни одинъ жидъ не давалъ, сообразно Божіему повелѣ«нію, клятвы на книгѣ Моисеевой иначе какъ въ важномъ дѣлѣ, гдѣ рѣчь «идетъ по крайней мѣрѣ въ пятидесяти гривнахъ чистаго серебра, или когда «онъ будетъ въ присутствіи нашемъ Королевскомъ; въ другихъ же случаяхъ «жидъ долженъ давать простую клятву; также если бы кто нибудь убилъ жида, «а чрезъ отсутствіе свидѣтелей невозможно было бы опредѣлить виновнаго «пріятелямъ убитаго, а они будутъ кого нибудь подозрѣвать въ убійствѣ, то «мы хотимъ жидамъ противъ подозрѣваемаго дать оборону (т. е. д. б. ве«лимъ о немъ нарядить слѣдствіе). Еслибы также христіанинъ жиду безъ его «вины насиліемъ что либо учинилъ или ударилъ, то онъ долженъ быть нака«занъ сообразно закономъ нашей земли.—Также судья, который судитъ меж«ду ними, не долженъ требовать къ своему суду иначе, какъ въ слѣдствіе жалобы «или прошенія.—Еслиже жиды выберутъ себѣ гдѣ ниб. въ школѣ «или въ ка«комъ нибудь другомъ мѣстѣ, тамъ долженъ происходить и судъ; если христіа«нинъ потребуетъ отъ жида вещь ему заложенную на томъ основаніи, что жидъ

«gdzie wszkole, albo gdzie kolwiek—tam się sądzenie bydź; ieśliby tego «chrześciáninowi od żyda zastawę swoię wyzwolił tak, iakoby iemu lich-«wa szła y tych kto lichwę, ieśliby przez miesiąc niedziel i oney przym-«nażać drugiej lichwy; też żadnemu w domu żydowskim niechcemy goś-«ciow mieć, ieśliby też żyd na imie, albo na listy Panów znamienitych, «pieniędzy pożyczył, á tego przez swoj list, albo pieczęć doswiadczył-«by, My żydów miasta zboru Trockiego, Brzeskiego, Luckiego i innych «w Xięztwie Litewskim będącym i mieskającym imienie zostawione «nieznaiamemu, a ten temu i niema przeciwko gwałtowi chcemy bro-«nić; też ieśliby kto dziecie żydowskie okarmił, ten iako złodziej ma «bydź karany; też ieśliby żyd wzioł u chrześcianina na zastawe przez «czas iednego roku dzierżałby;. ieśliby ważnemi pieniędzy,pożyczonym «nieuczynili, aby te zastawe żyd okazał; ieśliby ta zastawa niedobra «była, staroście naszemu pokazana bydź, a potym żyd ją dobrowolnie «ma przedać, ieśliby ta iscisna zastawa, iesli rok przyszedł swemu «sędziemu ukazana, a ieśliby zastawa u żyda przez rok ieden i dzień «była potym żadnemu żyd niema odpowiadać, na to chcemy, aby «żadnego żyda ten zapłacić niepociągali. A przytym byli te swiadki. «Kniaż Fiodor woiewoda Łucki, będący tego czasu Zygmunt Rycerze,

---

«беретъ лихву и въ мѣсяцъ этого не докажетъ, то съ него слѣдуютъ другіе про-«центы. Ни одному жиду не позволяемъ, чтобы онъ держалъ у себя въ домѣ го-«стей. Также если жидъ потребуетъ денегъ на имя или на граматы знаменитыхъ «вельможъ и докажетъ справедливость своего требованія подписью ихъ руки или «приложеніемъ печати, то мы жидовъ города и сборища Троцкаго, Брестского, «Луцкаго и иныхъ въ Княжествѣ Литовскомъ хотимъ защищать отъ насилія, и «кто свое имѣніе заложилъ, тотъ обязанъ и платить. Если бы кто отравилъ дѣтей «жидовскихъ, то долженъ быть наказанъ какъ злодѣй. Если жидъ дастъ хри-«стіанину подъ закладъ его вещи денегъ срокомъ на годъ и по прошествіи «года деньги по закладу не будутъ внесены, то жидъ обязанъ этотъ закладъ «показать нашему старостѣ; потомъ предоставляется жиду на волю этотъ са-«мый закладъ, если прошелъ годъ, показавъ своему судіѣ, и возвратить тому «кто заложилъ; но если хоть одинъ день пройдетъ сверхъ года, срока на «который сдѣланъ былъ закладъ, то никто не можетъ принуждать жида къ «возвращенію заклада. При томъ были свидѣтелями; Князь Ѳедоръ, воевода «Луцкій, находившійся въ то время Жигмунтъ рыцарь, бояре Литовскіе, а «равно Мингайло изъ Ошмянъ и также изъ Литвы иные бояре.» Мы равнымъ образомъ въ слѣдствіе челобитья подданныхъ нашихъ жидовъ, живущихъ въ городахъ Трокахъ, Луцкѣ и иныхъ Вел. Кн. Литовскаго, оставили ихъ при

«albo Boiarze z Litwy i też Mingagło z Oszmiany i też z Litwy insi «Boiarze.» «My też na czołem bicie poddanych naszych i żydów w miasteczkach naszych Trokach, Łucku i W. X. Litt. przytych zostawiliśmy i podtwierdzili to tym listem naszym nawieczność; a dlą lepszego swiadectwa y pieczęć nasza ku temu listu naszemu iest zawieszana. Stało się w Mielnikach pułtorą tysiąca i siedm lat; przed wielebnym Oycem Woyciechem Biskupem Łuckim i przed wielu Panami Mikołajem Woiewodą Trockim i przed Panem Zaborczym W. X. Litt. Marszałkiem naszym naywyższym i przed Starostą Grodzkim i przed Stanisławem Hlebowiczem Woiewodą Kniaziem Jwanem Glińskim dzierzawcą Ucianskim, przed Woyciechem kuchmistrzem Krolowej innemi Starostą Kalizskim i Bełtskim, przéd panem Mikołaiewiczem Marszałkiem dwornym, dzierżawcą Słonimskim i przed innemy Pany, przez Piotra Galińskiego Gubernatora Pozwininskiego, które położane były potwierdzenia Króla Jmci wielkiego Xięcia Jmci Zygmunta na niektórych artykuł żydowski, które dane im za wielkiego Xięcia Witolda i za Alexandra Króla Jmci potwierdzenia Króla Wielkiego Xięcia Jmci, iako wyżey opisano,»

данныхъ имъ правахъ и подтвердили ихъ на вѣчныя времена сею нашею грамотою; а для большаго удостовѣренія и печать нашу къ сей нашей грамотѣ велѣли привѣсить. Случилось это въ Мельникахъ въ тысячу пятьсотъ седьмомъ году предъ достопочтеннымъ отцемъ Войтехомъ Епископомъ Луцкимъ и передъ многими панами: Миколаемъ воеводою Троцкимъ, и предъ Паномъ Заборскимъ, Великаго Княжества Литовскаго Маршалкомъ нашимъ верховнымъ, и предъ старостою Гродненскимъ Станиславомъ Глѣбовичемъ, передъ воеводою Княземъ Иваномъ Глинскимъ, державцею Уцянскимъ, предъ Войтехомъ кухмистромъ Королевы и иными, передъ старостою Калишскимъ и Бельскимъ, передъ паномъ Миколаевичемъ, Придворнымъ Маршалкомъ, Слонимскимъ Державцею, и предъ иными панами; черезъ Петра Галинскаго, Губернатора Позвининскаго, какія предъявлены были подтвержденія Короля его милости, Вел. Князя его милости Сигизмунда на нѣкоторые права жидамъ, данные имъ отъ Вел. Князя Витольда, и отъ Короля Александра его милости, эти подтвержденія Короля его милости Великаго Князя выше выписаны отъ слова до слова.

II.

«My Zygmunt Bożej Miłości Król Polski W. X. Litt. Ruski, Xiąże Pruski Żmudzki i innych znamienito czynim tym to listem naczym: bili nam czołem Żydowie nasi Trockie, Grodzienskie, Brzeskie, Łuckie, wszysky co ich iest w oyczyznie naszej w W. X. Litt. otym, iż Brat nasz Alexander Król Jegomość pierwiey wszystkich kazał wyprawić ku służbie Ziemskiej tyciąc koni i otym bili J. K. Mość czołem i powiedzieli przed Jegomością, iż zdawna za Wielkiego Xięcia Witolda i za Zygmunta i za Ojca naszego Kazimierza Króla Jmci nigdy na wojnę niechodziwali, ani posyłali, i prosili J. K. Mci, aby im nowiny niewlewał dzierżałby ich postaremu. Jegomość na ich czołem bicie, to uczynił i stawienia im i niepuścił im chodzić na wojne, a ni wyprawować ani posyłać, Jegomość ządał im gdzie którzy w których miastach mieszkają z miastem wszelakie podatki dawać dorobszczyzny i podwody i inne wszystkie podatki wnieść, i też Jegomość to odłożył im, gdy ieden człowiek drugiemu będzie w poręce dany pokilku kupami na nas, albo namiesnika naszego, abo na którego lubo ich urzędnika, aten za rąk nieprzyjmnie, y też gdy godzien

---

II.

Мы Сигизмундъ, Божіею милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Рускій, Князь Прускій, Жмудскій и иныхъ объявляемъ сею нашею грамотою: били намъ челомъ жиды наши Троцкіе, Гродненскіе, Брестскіе, Луцкіе, всѣ сколько ихъ ни есть въ вотчинѣ нашей Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, о томъ, что братъ нашъ Александръ Король его милость прежде было приказалъ выставить имъ на государственную службу тысячу конныхъ людей. Въ слѣдствіе того они били челомъ его Королевской милости, что издавна еще при Великомъ Князѣ Витольдѣ и при Сигизмундѣ и при отцѣ нашемъ Королѣ Казимірѣ его милости, жиды никогда на войну не хаживали и не посылали. А потому они просили его Королевскую милость, чтобы онъ для нихъ новыхъ тягостей не вводилъ, а чтобы держалъ ихъ по старому. Его милость то имъ по ихъ челобитью учинилъ и не велѣлъ имъ ни ходить на войну ни посылать отъ себя на нее людей. А его милость постановилъ имъ, чтобы гдѣ въ какомъ городѣ живутъ жиды, то чтобы они, наравнѣ съ прочими его жителями, справляли всѣ повинности относительно владѣльцевъ (робощизну), выставляли подводы и несли наравнѣ съ прочими всѣ земскія тягости. Еще его милость отмѣнилъ жидамъ слѣдующее: «если одинъ человѣкъ будетъ данъ другому въ поручи-

przystawić a drugi nieprzystawić, otym Jegomość im wine i przesąd odłożył, i to Jegomosc im przywilejem potwierdził na wieczność i tym Przywilejem Brata Naszego Króla Jegomości przednami wktórym przywilejem wszystkie te wymienione członki wypisane; i bili nam czołem, abyśmo tak że nato im nasz list i podwierdzili to nawieczność, ieno my wejrzawzy na Przywilei Brata Naszego Alexandra Króla Jegomości z łaski Naszej przy tym zejmy ich zostawili, i nato daliśmy ten Nasz list, i niemają oni i teraz na woine chodzić, a ni wyprawiać, a ni posyłać, i jesli który z nich w których miastach zyię mają z miastem swoie podatki dawać i dorobszczyzne, podwody i insze wszystkie podatki ciągnąć i wszystkie podatki pospołu z miastem mają używać, kupić i rzemiosła czym się mogą pożywić; i tez który ieden człowiek drugiemu będzie zaręczał na Nas abo namiestnica Naszego, abo na którego kolwiek urzędnika, aten zaręki nieprzyjmuje, abo ieden komu czapki przystawić, a drugi nieprzystawić, wtym ieśmi im winę i przesąd założyli wedle przywileju Brata Naszego Alexandra Króla Jegomości; w zakonie ich i sprawach ich wszystkich wnickem niemamy ich ruszać, i mamy ich zachować postaremu, i potwierdzamy tak tym listem naszym na wieczność; a nastwierdzenie tego i pieczęć kazaliśmy przywiesić; ku temu naszemu

---

тельство по какому либо дѣлу, въ слѣдствіе приказанія нашего или намѣстника нашего или какаго нибудь чиновника, а тотъ не пріиметъ этого ручительства, и случится такъ, что одинъ день поручитель будетъ принятъ, а другой нѣтъ, то всякую вину и штрафъ въ этомъ случаѣ съ жидовъ мы отмѣняемъ. Все вышеписанное Король его милость подтвердилъ имъ привилегіемъ на вѣчныя времена. Оный привилегій его милости Короля брата нашего содержащій въ себѣ всѣ вышеписанные пункты, жиды намъ представили и просили, дабы мы дали имъ на то нашу грамоту и подтвердили на вѣчное время. Въ слѣдствіе этого мы, воззрѣвъ на грамоту брата нашего Александра, его милости Короля, по нашему снисхожденію при вышеписанныхъ правахъ ихъ оставили и на то дали имъ сію нашу грамоту, въ слѣдствіе которой они не должны на войну ходить, и не посылать, а которые изъ нихъ живутъ въ какомъ городѣ, тѣ обязаны наравнѣ съ прочими его жителями несть всякіе повинности, какъ относящіеся до господской работы (робощизны), такъ и подводы и всѣ тягости должны исправлять наравнѣ съ прочими жителями города, а сами могутъ заниматься чѣмъ пожелаютъ торговлею или промыслами; также если кто нибудь поручится за другаго намъ или нашему намѣстнику или какому нибудь чиновнику, а тотъ поручительства не пріиметъ, или одинъ разъ пріиметъ, а другой нѣтъ, то опредѣляемъ что въ таковомъ случаѣ Жи-

listowi. Dan w Wilne, Tysiąc dwudziestego wtorego, mieciąca Marca wtórego dnia, indykta wtorego.»

III.

Wypis z Xiąg Grodzkich Berestejskich w te słowa.

Wypis z Xiąg Grodzkich starostwa Berestockaho Roku od Narodzenia Syna Bożego Tisiąc sześćset szesnastego, miesiąca Maia dwudziestego szustego dnia.

Na urzędzie Jego Królewskiej Mości Grodzkim, w Zamku Berestowskim, postanowiwszy się oczywisto żyd miasta Berestenskiego Lada Łazarowicz, pocładał ku artykowaniu do Xiąg naszych Grodzkich podał przywilej Krola Jegomści Polskiego i Wielkiego Xięcia Litewskiego, terazniejszego Pana naszego miłosciwego, Zygmunta trzeciego, na pargaminie pisany z pieczęcią Jego Krolewskiej Mości zawieszoną W. X. Litt. z podpisem ręki Jego Krolewskiej Mości i podpisem ręki

---

ды не подвергаются штрафу въ слѣдствіе привилегіи Короля его милости Александра; а равно обѣщаемъ оставить ихъ при всѣхъ ихъ правахъ и преимуществахъ, ни въ чемъ ихъ не трогать, а будемъ ихъ при нихъ беречь по старому; а на утвержденіе того и печать нашу приказали привѣсить къ сей нащей грамотѣ. Дано въ Вильнѣ, тысяча (пятьсотъ) двадцать втораго мѣсяца Марта втораго дня, Индикта втораго же.

III.

Выпись изъ городскихъ книгъ Берестецкихъ отъ слова до слова значущаяся такъ.

Выпись изъ книгъ городскихъ Староства Берестецкаго, лѣта отъ Рождества Сына Божія тысяча шестьсотъ шестнадцатаго, мѣсяца Мая двадцать шестаго дня.

На городскомъ его Королевской милости судѣ въ замкѣ Берестецкомъ, явившись лично жидъ города Берестечка Ладо Лазаровичъ предъявилъ для внесенія въ городскія книги жалованную грамоту Короля его милости Польскаго и Вел. Князя Литовскаго, нынѣшняго нашего милостиваго Государя Сигизмунда Третьяго на пергаментѣ писанную съ печатью его Королевской милости Великого Княжества Литовскаго подписанную собственноручно его милостію Королемъ и скрѣпленную рукою писаря Вел. Княжества Литовскаго,

Pisarza W. X. Litt. Pana Gabryela Woyny dany i należący wszystkim żydom Słonimskiego, Brzeskiego, Łuckiego i innym wszystkim w W. X. Litt. mieszkającym i będącym karaimom, narzecz mianowicie za tym przywilejem spisanym; prosząc, aby dla zguby i wielkiej rzeczy przygodnej do Xiąg Grodzkich wpisan był, który Przywilej Jego Krola Jegomości wpisując do Xiąg słowo do słowa, tak się w sobie ma:

«Zygmunt trzeci, Bożej miłości Król Polski W. X. Litt. Ruski, Pruski, Żmudzki, Inflandzki, też Bożą miłością naznaczony Król Szwedski, Godzki Wandalski, i wielki Xiąże Inflandzki i innych, oznajmujemy tym naszym listem wsystkim wobec i każdemu z osobna, komu by tego wiedzieć należało terazniejszym i napotym będącym; bili Hospodaru czołem wszyscy żydzi zboru Trockiego, Brzeskiego, Łuckiego, Grodzienskiego, Pinskiego i innych karaimowie miast, miasteczek Naszych Hospodarskich i Xiążąt Pańskich i Ziemiańskich, Duchownych i Swieckich w W. X. Litt. i w ziemiach k niemu należących mieszkających, abyśmy im prawa, Przywileja, listy wolności ich od przodków naszych Królow Jchmościow Polskich i wielkich Xiądząt Litewskich nadane i potwierdzone, takie umowy i postanowienie ich pewne przez list ugodę z niektóremi mieskiemi wzmienione listem na-

---

Гавріила Войны, данную всѣмъ жидамъ Караимамъ Слонимскимъ, Брестскимъ, Луцкимъ и инымъ всѣмъ живущимъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, ниже сего въ сей жалованной грамотѣ поименованнымъ, прося, чтобы въ предупрежденіе могущаго быть съ грамотою несчастнаго случая, внесть ее въ городскія книги и оная жаловалная грамота Короля его милости, будучи внесена въ книги городскіе, значится отъ слова до слова такъ:

«Сигизмундъ третій, Божіею Милостію Король Польскій, Великій князь Рускій, Прускій, Жмудскій, Лифляндскій, также Божіею милостію нареченный Король Шведскій, Готскій, Вандальскій и Великій Князь Лифляндскій и иныхъ, даемъ знать сею нашею грамотою всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому то нужно знать, какъ нынѣшнимъ людямъ, такъ и потомъ имѣющимъ быть: били намъ челомъ всѣ жиды общества Троцкаго, Брестскаго, Луцкаго, Гродненскаго, Пинскаго и иныхъ Караимы городовъ, мѣстечекъ нашихъ государскихъ и Княжескихъ, Панскихъ и Государственныхъ, духовныхъ Светскихъ, въ Вел. Кн. Литовскомъ и въ земляхъ къ нему принадлежащихъ живущіе, дабы мы имъ права и привилегіи, содержащіяся въ жалованныхъ грамотахъ данныхъ имъ предками нашими ихъ милостями, Королями Польскими и Вел. Кн. Литовскими и подтвержденныхъ ими, съ нѣкоторыми измѣненіями утвердили нашею грамотою и тѣмъ совершенно обезпечили ихъ давнишніе

szym utwierdzili im; aczeimy wszystkich Przewileie List dany wolności w korony Polskiej i wielkim Xięztwie Litewskim i wszystkich ziemiom ku nim należącym, wszystkim pospolitości i każdemu z ozobna iakiegoż kolwiek stanu i narodu Ludziom tych Państw od przodków Naczych Królow Jchmościów Polskich i Wielkiego Xiążęcia Litewskiego z władzy Króla Jegomości Kazimierza Ludwika Wielkiego nazwanego, Władysławem Jagiełły i Bracią Jego Witolda i Zygmunta i Wielkich Xiążąt Litewskich, Władysława i Kazimierza synów Jagiełły, Jana Albrychta, Alexandra, Zygmunta, Awgersta, Henryka i Stefana Królow Jchmościew Polskich W. X. Litt słuszne i prëwne nadanie Listem i Przywilejem naczym utwierdzili i umócnili, warowali, pod którym warunek i podtwierdzenie zamykają się też wszystkie listy, Przywileje, prawa i wolności ludziom narodu żydowskiego, karaimom zboru Trockiego, Brzesteńskiego, Łuckiego od przodków naszych nadanie; iednakże My z łaski Naszej Krolewskiej na czolem bicie wszystkich żydow-karaimow w Wielkim Xięztwie Litewskim i ziemiach ku nim należących mieszkających, tym osobnym listem — Przywilejem Naszym wszystkie prawa, Przywileje, dekreta, Listy i wolności ich słuszne od przodkow Naszych nadane, także postanowienia,

---

обычаи и постановленія. И хотя мы общую жалованную грамоту дали коронѣ Польской, Великому Княжеству Литовскому и всѣмъ землямъ, къ нимъ принадлежащимъ, въ которой грамотѣ всѣмъ вообще и каждому особенно какаго бы то ни было сословія людямъ этихъ государствъ всѣ права и вольности отъ предковъ нашихъ Королей ихъ милостей Польскихъ и Вел. Кн. Литовскихъ, начиная отъ времени владѣнія Короля Е. М. Казиміра Людовика, прозваннаго Великимъ, Владислава Ягайлы и брата его Витольда и Сигизмунда Великихъ Князей Литовскихъ, Владислава и Казиміра Ягайловыхъ сыновей, Яна Альбрехта, Александра, Сигизмунда Августа, Генриха и Стефана Королей ихъ М. М. Польскихъ и Вел. Кн. Литовскихъ основательно и законно данные, грамотою нашею жалованною утвердили и обезпечили, подъ которымъ утвержденіемъ разумѣются всѣ жалованныя грамоты, права и преимущества и вольности людямъ народу жидовскаго, Караимамъ общества Троцкаго, Брестскаго, Луцкаго, отъ предковъ нашихъ имъ данные, однакожъ мы по нашей Королевской милости, въ слѣдствіе челобитья всѣхъ жидовъ Караимовъ проживающихъ въ Вел. Княж. Литовскомъ и въ земляхъ къ нимъ принадлежащихъ сею особенною нашею жалованною грамотою всѣ права, привилегіи, декреты, грамоты и вольности, законно отъ предковъ нашихъ имъ данные, а также ихъ подтвержденія, а равно и добровольныя соглашенія жидовъ съ жи-

umowe ugodli we z miastem, z miasteczkami ku temu zwyczajowi jch danemu, tak w kupiectwach, Hadlach, iako i winszych sprawach, których ten naròd żydowski i zaponowania przodków Naczych Krolów Jchmościow, Wielkich Xiąząt Litewskich z dawna aż do tego czasu używaią, we wszystkich punktach, artykułach i kondycyach, tak jakoby w tym liście Naszym mianowicie w pisanym i wyrażonym byli, umacniamy, stwierdzamy i na wszystkie Potomne wieczne czasy, chcąc aby wszędzie na Moich urzędach i ku rozprawie według przywilejow Przodków Naszych i podług użymania zwyczajow mocno i nieporuszone dzierżane i zachowane byli, ktòrzy żydowie nie podinszą władzą i urzędami iedno pod zwierzchnością Naszą Królewską, Woiewodow, Starostów Naszych pod ktoremi kto z nich mieszka być ma; i nie inszym prawem, iedno iako artykuła i Przywileja Jchmościów w constytucie są opisane i ktòrych do tych czas opisani i potomkowie jch sądzić się będą; i natośmy wszystkim żydom sboru Trockiego, Grodzieńskiego, Łuckiego w tym Państwie Naszym W. X. Litt. mieszkającym, daliśmy ten Nasz list z podpisem ręki Naszéj Królewskiej, do którego pieczęć Naszą przywiesić kazali. Pisan w Krakowie od narodzenia Syna Bożego Tysiąc piętset ośmdziesiąt osmego, miesiąca Feb-

---

телями разныхъ городовъ и мѣстечекъ относительно занятія торговлею и иными ремеслами, которыми издавна привыкъ заниматься жидовскій народъ во время владѣнія предковъ нашихъ ихъ М. М. Королей и Вел. Кн. Литовскихъ издавна и по нынѣшнее время во всѣхъ пунктахъ, статьяхъ и условіяхъ, такъ какъ бы они въ оной нашей грамотѣ всѣ именно были выписаны и исчислены; всѣ ихъ мы подтверждаемъ какъ нынѣ такъ и на предбудущія времена и хотимъ, дабы во всѣхъ моихъ судахъ гдѣ надлежать будетъ дѣла производились свято и нерушимо сообразно жалованныхъ грамотъ предковъ нашихъ и давности обычая; чтобы жиды состояли не подъ иною чьею властью и судомъ кромѣ нашего и нашихъ намѣстниковъ и старостовъ, глядя по мѣсту ихъ пребыванія, и чтобы они судились не по инымъ какимъ законамъ, кромѣ какъ по постановленіямъ и привилегіямъ ихъ М. М. Королей, внесеннымъ въ конституцію, по которымъ не только они, но и потомки ихъ должны быть судимы. На этотъ предметъ мы всѣмъ жидамъ общества Троцкаго, Гродненскаго, Луцкаго, живущимъ въ Государствѣ нашемъ Великомъ Кн. Литовскомъ, дали мы сію нашу грамоту съ подписаніемъ руки нашей Королевской, и къ грамотѣ велѣли привѣсить нашу печать. Писано въ Краковѣ, въ лѣто отъ Рождества Сына Божія тысяча пятьсотъ восемьдесять восьмаго, мѣсяца Февраля 1-го дня. У оной жалованной грамоты Король подписался словами: Sigismundus Rex (т. е. Ко-

ruaryi pierwszego dnia. «U tego listu — przywileju podpis Jego Królewskiej Mości temi słowy: «Sigismundus Rex.»

Tak też podpis ręki Pisarza Jego Królewskiej Mości temi słowy: «Gabryel Wojna» Pisarz u którego ten list wyż mienionego Przywileju J, K. Mości do xiąg urzędowych Grodzkich wpisano jest, z których ten wypis pod pieczęcią urzędową zboru Trockiego, Berestejskiego, Łuckiego, wszystkim w Wielkim Xięztwie Litewskim mieszkającym żydom jest wydan. Pisan w Brześciu.

роль Сигизмундъ). А ниже подпись руки писаря его Кор. милости: «Гавріилъ Война», у котораго эта жалованная грамота Короля его милости вписана въ городскія книги, изъ которыхъ выписка съ приложеніемъ печати Суда дана обществу Троцкому, Брестскому, Луцкому и вообще всѣмъ жидамъ, живущимъ въ Вел. Кн. Литовскомъ. Писано въ Брестѣ.»

Съ польскаго перевелъ Д. Ч. Клевановъ.

═

КНИГИ ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГАМЪ, КОТОРЫЕ ПО УКАЗУ СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ВО 198 ГОДУ СЕНТЯБРЯ ВЪ ДЕНЬ ПЕРЕПИСАНЫ ВЪ СПАССКОМЪ МОНАСТЫРѢ, ЗА ИКОННЫМЪ РЯДОМЪ, ПОДЛѢ ЦЕРКВИ ВЪ ВЕРХНЕЙ КЛАДОВОЙ ПОЛАТКѢ.

Въ десть, на Латинскомъ языкѣ.

1. Одиннадцать книгъ Бароніушевъ.
2. Книга Григорія Папы Римскаго.
3. Двѣ книги библеи Отеки мунди.
4. Книга Житіе Святыхъ Отецъ.
5. Четыре книги библеи.
6. Книга Августина, томъ пятый.
7. Книга Ристорія Христіянская.
8. Книга Силва или Вертоградъ многлаголаній.
9. Книга Цицверонъ, опера умная.
10. Книга Великое Зерцало.
11. Книга Библеа Тестаментусъ ветерисъ — Завѣтъ ветхій.
12. Книга Великое зерцало человѣческаго житія, томъ шестый.

13. Три Полскія казанія.
14. Книга Великое Зерцало человѣческаго житія, томъ четвертый.
15. Книга Великое зерцало, на Польскомъ языкѣ.
16. Книга Греколатинская Іустина философа.
17. Книга Августина Иппонского, томъ осмый.
18. Книга тогожъ Августина, томъ девятый.
19. Книга, сокращеніе всѣхъ дѣлъ Августиновыхъ.
20. Книга, двѣ части Аригеновыхъ.
21. Книга Иринея Лугдонскаго.
22. Книга Василія Великаго.
23. Книга Михаила Калерия.
24. Книга Михаила Гиллерия, томъ второй.
25. Книга, толкованіе на Іеремія Пророка.
26. Три книги Солмеронисъ.
27. Три книги Соборовъ.
28. Двѣ книги Аригеновыхъ.
29. Шесть книгъ Алѳонисіи Тостати.
30. Семь книгъ Іеронимовыхъ.
31. Три книги Златоустовыхъ.
32. Книга, поученіе во весь годъ.
33. Двѣ книги Климента Александрійскаго.
34. Книга Тертуліанъ.
35. Книга Іоанна Дамаскина.
36. Книга Анселма Архіепископа Кантуарійскаго.
37. Книга, на Іюдиѳь да на Руѳу толкованія.
38. Книга на посланіе къ Ѳилипписіомъ Павла Апостола.
39. Книга Иларіона.
40. Книга Роберта, томъ третій.
41. Книга толкованіе на Пѣсни Пѣсней.
42. Книга Петра Авлеола.
43. Книга Кирилла Александрійскаго.
44. Книга Аѳанасія Великаго.
45. Книга Францыская.
46. Книга Петра Аркудія.
47. Книга, бесѣды на праздники.
48. Книга, изъявленіе вѣры Христіянскія.
49. Книга, коментарія Меркулія.
50. Книга толкованіе на Дѣяніе Апастольское.
51. Книга Ѳеатра, томъ 2-й.
52. Книга лексиконъ Латинской Цицерона.

53. Книга, поученіе о Пресвятой Богородицѣ.
54. Книга Бонавентуры, томъ 4-й.
55. Книга первая: о началѣ Богословіи нравныхъ.
56. Книга, стязаніе о отлученіи на Ѳому Аквина.
57. Книга Гранограѳъ всего свѣта.
58. Книга Іосифа Ѳлавія.
59. Книга, совѣты Аввы Панормитанского.
60. Книга Исторіи Византійскихъ.
61. Книга Библія въ лицахъ.
62. Книга толкованіе Десятослова.
63. Книга Библія въ лицахъ, въ пол-листа.
64. Книга Калепинъ, на трехъ языкахъ.
65. Книга Калепинъ Великій на 11-ти языкахъ.
66. Книга о Таинствахъ.
67. Книга Азонисъ.
68. Книга, де аксіонибусъ титулусъ.
69. Книга, де привлегисъ етъ юрибусъ.
70. Книга, трактатусъ де факти сцыенцыа етъ игнoранцыя.
71. Книга Марка Мантуа.
72. Книга о таинствахъ Творца Едигія.
73. Книга практикарумъ.
74. Двѣ книги, одна толкованіе на псалтырь, а другая на посланіе Апостольское.
75. Книга въ тетратехъ писмянная Латинская о промыслѣ Божіи.

Книгъ же въ десть Греко-Латинскихъ.

76. Книга Маргаритъ Іоанна Златоустого.
77. Книга Галина Ипократова, писмянная.
78. Книга, Прологъ писмянной во весь годъ.
79. Книга третій соборъ.
80. Книга, древнихъ философовъ толкованія.
81. Книга Іоанна Лѣствечника.
82. Книга врачевская, писмянная.
83. Книга Іустина Ѳилософа.
84. Книга врачевская Павла философа.
85. Книга Греческая Матѳея Властера, писменная.
86. Двѣ книги Лексиконовъ.
87. Книга Кнапій томъ 1-й, Польскій и Латинскій и Греческій языкъ.
88. Книга Барониушъ.

89. Книга, Кроника.
90. Книга, казанія на недѣли.
91. Книга, Мартинова Исторія о Польскомъ Королевствѣ.
92. Книга зовомая Постила.
93. Книга, казанье на Польскомъ языкѣ.
94. Книга, политика Аристотеля.
95. Книга, лѣтописецъ Бароніушъ.
96. Вторая Книга Барониушъ.
97. Книга, Кроника Польская Матвѣя Стриковского.
98. Три книги Польскія, Монархія Турецкая.
91. Книга уложенья Польскаго Королевства.
100. Книга, Поученіе во весь годъ Симона Старовольского.
101. Книга Владислава Короля Полского.
102. Книга Латинская писменная, Валерія и Августина о Промыслѣ Божіи.
103. Книга Домострой на Польскомъ языкѣ.
104. Книга писмянная гражданская.
105. Книга Библія Полская.
106. Книга, война домовая на Полскомъ языкѣ.
107. Книга, Риторъ Судебный.
108. Книга, Риторъ Гражданскій.
109. Книга, поученіе недѣльное.
110. Двѣ книги, поученіе на праздники нарочитыхъ Святыхъ Симона Староволскаго.
111. Книга Мартина Бѣкского.
112. Двѣ книги, животы святыхъ.
113. Книга, Уложеніе Польскаго Королевства.
104. Книга, поученіе на нарочитыхъ Святыхъ Симона Старовольского.
115. Книга, поученіе недѣльное на Польскомъ языкѣ.
116. Книга Ѳердинанда, безъ досокъ.
117. Книга о зданіи, али о естествѣ.
118. Книга, Зерцало Саксонское или Уложеніе Сакского и Магдебурскаго Государства.
119. Книга Павла Кастренского.
120. Книга Новый Завѣтъ.
121. Книга Кивотъ Завѣта, поученіе Симона Староволского.
122. Книга Бороніева на 1200 лѣтъ.
123. Книга, животы Святыхъ.
124. Книга, Библія Іеронимова.
125. Книга, казанье недѣльное и празники.
126. Книга Павла Костренскаго толковательная на Латинскомъ языкѣ.

127. Книга, поученіе недѣльное Французское Рыхловское.
128. Книга писмянная лѣтописательная о Кіевскомъ Княжествѣ, безъ досокъ.
129. Книга животы Святыхъ.
130. Книга Бороніева, Лѣтописецъ на 1200 лѣтъ.
131. Книга, Катихисихъ.
132. Книга Домостройная.
133. Книга, Служебникъ Латинской.
134. Книга о Александрѣ Македонскомъ.
135. Книга, поученіе недѣльное.
136. Книга, травникъ Полской.
137. Книга, кроника Полская Мартина Бѣлского.
138. Книга, поученіе недѣльное и на иныхъ Святыхъ.
139. Книга, геометрія Полская.
140. Книга, поученіе Яна Бренхиса, Полская.
141. Книга Латинска, сочиненная по обецатлу, толкованіе именъ.
142. Книга, уставъ Королевства Полскаго общей привилеги.
143. Двѣ книги великіе Латинскія Костельныя.
144. Книга большая на порґаминѣ Латинская, писмянная на нотахъ.
145. Книга, лексиконъ землѣ описаніе.
146. Книга, Августина Барбарозы оглавленіе.
147. Книга, Библія Полская Вуйкова.
148. Книга Іоанна Аргентерія лѣкаря о смертехъ.
149. Книга Поліанте, Латинская.
150. Книга Іоанна Инокентія о исторіяхъ.
151. Книга Греческая въ малую полдесть, патерикъ писмянной на перґаминѣ.

Въ полдесть.

152. Книга на Полскомъ языкѣ, розговоръ ѳеолога католицкого съ рабаномъ жидовскимъ.
153. Книга, лексиконъ Словено Латинской.
154. Книга, лексиконъ Латино-Словенской.
155. Книга Латинскаго ритора Кикерона.
156. Книга Балдвина Іуніа, Латинская.
157. Книга Матѳея Везекбеція.
158. Книга, вѣнецъ Божія Матере, творенія Лазаря Борановича.
159. Книга, чинъ службы латинской.
160. Книга о цеплицахъ, на Польскомъ языкѣ.
161. Книга, сумнѣнія разрѣшенія исповѣдникомъ, латинская.
162. Книга, дѣяніе или сокровище мудрости гражданскіе, на два языка.

163. Двѣ книги лютни, твореніе Лазаря Барановича.
164. Книга твореніе Іоаникія Гратовскаго, алконаръ.
165. Книга, лексиконъ Григорія Алагія.
166. Книга Кнапіушъ, на два языка.
167. Книга о происхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына.
168. Книга, златыя Слова Дидака Езувита, Латинская.
169. Книга, Новый Завѣтъ, Полская.
170. Книга, вертоградъ разглаголаній Зереліевыхъ, Латинская.
171. Книга, олорогіонъ Костелная, Латинская.
172. Книга добродѣтелей духовныхъ, Польская.
173. Книга, правописаніе о осми частехъ, въ тетратехъ, Латинская.
174. Книга Германа Самсонія противно Езувитомъ, пастора Луторского.
175. Книга о судій правдѣ, Латинская.
176. Книга Виргія Творца, на Полскомъ языкѣ.
177. Книга Адагія, на трехъ языкахъ.
178. Книга, псалтырь Полская на виршахъ.
179. Книга Острологическая, Латинская.
180. Книга, Судія церковный, решити и вязати, Латинская, о власти ключей церковныхъ.
181. Книга Іоанна Дубовича о церковной Ерархіи, Латинская.
182. Книга, дѣяніе собора Торунскаго.
183. Книга Пророческая, на Латинскомъ языкѣ.
184. Книга Восточныхъ Западныхъ Отцевъ о исхожденіи Святаго Духа, глаголемая Трибуналъ.
185. Книга Кнапія, томъ второй.
186. Книга, Библія Латинская.
187. Книга, Чиновникъ Латинской.
188. Книга глаголемая скарбъ, на Полскомъ языкѣ.
189. Книга, лексиконъ Латино-словенской.
190. Книга о прѣніи церковномъ, Латинская.
191. Книга лексиконъ Григорія Кнапи, Латинская.
192. Книга, поученіе надписаніи Мондра, на Полскомъ языкѣ.
193. Книга, розсужденіе совѣсти, Латинская.
194. Книга, новая мѣра старые вѣры.
195. Книга на пять ранъ Христовыхъ, твореніе Лазаря Барановича.
196. Книга, толкованіе на книги Метеорическія Аристотелевы, писменная, Латинская.
197. Книга, Чиновникъ Полского Королевства.
198. Книга, житіе и жизнь Авраама, Исаака, Іякова, Латинская.
199. Книга, новая мѣра старая вѣра, на Полскомъ и Латинскомъ языкахъ.

200. Книга глаголемая Нуклеусъ Копненкленіусъ, поученіе во весь годъ.
201. Книга Веспасіана Коховского, Полская.
202. Книга, символъ житія Христова, Латинская.
203. Книга, часть первая богословіи толкованныя Мартина Бекана, Латинская.
204. Книга, розглаголствіе богословскіе о раздѣленіи евхаристіи, Латинская.
205. Книга, лексиконъ Григорія Кнапи, Полоно Латинская.
206. Книга, твореніе Іоанна Стееанова, Латинская.
207. Книга, сунтагма о знаменіяхъ или символахъ и еилитахъ.
208. Книга Лапонская.
209. Книга, звѣзда на Пресвятую Госпожу Марію Дѣву, поученіе на пѣснь Радуйся Маріе, на Полскомъ языкѣ.
210. Книга, животы Святыхъ, твореніе Лазаря Барановича, на варшахъ.
211. Книга о Енеѣ Трояцкомъ.
212. Книга діалектика, писменная въ тетратехъ, Латинская.
213. Книга глаголемая тасмница доктурская, на Полскомъ языкѣ.
214. Книга, Библія, на Полскомъ языкѣ.
215. Книга лексиконъ, на четыре языка.
216. Книга о Божествѣ Превѣчномъ Сынѣ Божіи Езувита Мартина Смиглецкаго, на Полскомъ языкѣ.
217. Книга директоріумъ, уготовленіе до притическихъ предѣловъ стихилогическихъ и философическихъ, на Полскомъ языкѣ.
218. Книга, выклад катихизма Костела Римска.
219. Книга, Перегринацыя или странственная, на Полскомъ языкѣ.
220. Двѣ книги Месія, на Полскомъ языкѣ.
221. Книга, инфинмарія Христіянская, на Полскомъ языкѣ.
222. Книга, вѣнецъ Августину учителю въ похвалу, на Полскомъ языкѣ.
223. Книга о пяти ранахъ Христовыхъ, твореніе Лазаря Барановича.
224. Книга, камень, о Таинствахъ.
225. Книга, Вѣнецъ Вѣры, на Полскомъ языкѣ.
226. Книга Господарь, поученіе дней праздничныхъ.
227. Книга, отвѣтъ на дискурсъ Блебанскій, на Полскомъ языкѣ.
228. Книга, Іякова Менохія твореніе, на Латинскомъ языкѣ.
229. Двѣ книги Житія Святыхъ Отецъ Печерскихъ, на Полскомъ языкѣ.
230. Книга о поступкахъ судовныхъ, на Полскомъ языкѣ.
231. Книга о століовыхъ ѣствахъ, на Полскомъ языкѣ.
232. Книга, законъ старые западные церкви.
233. Книга Фундаментъ.
234. Книга, млатъ па Чародѣи, на Полскомъ языкѣ.
235. Книга, лексиконъ на четырехъ языкахъ.
236. Книга, твореніе Лазаря Барановича о пяти ранахъ Христовыхъ.

237. Книга, чтеніе о Святыхъ, Латинская.
238. Книга, Ветхія Завѣтъ безъ Пророчества.
239. Книга, камень, на Польскомъ языкѣ.
240. Книга о правдѣ и о судѣ, Латинская.
241. Книга богословскихъ предчитаній, твореніе Фауста Сацина, Латинская.
242. Книга, лексиконъ Полского Словенского языковъ.
243. Книга, оглавленіе пространнѣйшее вещей знаменительныхъ, Латинская.
244. Книга, опологія житія духовного, Латинская.
245. Книга, Плачь Авимелеха, на Польскомъ языкѣ.
246. Книга, старая вѣра Польская.
247. Книга, академія побожности, на Польскомъ языкѣ.
248. Книга докторская, на Польскомъ языкѣ.
249. Книга Яна Касіана, на Польскомъ языкѣ.
250. Книга, двадесять поученіи о Пресвятей Богородицѣ, на Полскомъ языкѣ.
251. Книга, Ополонъ Лазаря Барановичя житія святыхъ, на Полскомъ языкѣ.
252. Книга анатомія, сирѣчь истязанія совѣсти.
253. Книга, коло рыцерское, на Полскомъ языкѣ.
254. Книга, на пять ранъ Христовыхъ, твореніе Лазаря Барановича, на Полскомъ языкѣ.
255. Книга, алфавитъ различнымъ еретикомъ невѣрнымъ, Лазаря Барановича.
256. Книга, лютня Аполинова, Лазаря жъ Барановича, на Полскомъ языкѣ.
257. Книга, старой костелъ о Исхожденіи Святаго Духа, твореніе Лазаря Барановича.
258. Книга молитвенникъ, толкованіе на молитву отче нашъ, на Полскомъ языкѣ.
259. Книга Тератургима, или чудеса Святыхъ Кіевопечерскихъ, Полскимъ языкомъ.
260. Книга, псалтирь на виршахъ Іана Кохановского.
261. Книга Петра Аквилана, Латинская.
262. Книга, исторія Полскихъ Королей.
263. Книга Григорія Папы Римского де грекалисъ.
264. Книга Францыская, толеты.
265. Книга, словопрѣніе между епископы и законники, Латинская.
266. Книга, артусъ пасторумъ, Латинская.
267. Книга, оглавленіе уставомъ.
268. Книга о феологіи, Латинская, Фомы Аквината.
269. Книга Леона Аллаты, Латинская.
270. Книга, корконъданція, Латинская.
271. Книга ключь Богословіи, Латинская.
272. Книга Артулусъ Регине, Латинская.
273. Книга Юрисъ Цивилисъ, Латинская.

274. Книга, верединусъ Христіанусъ.
275. Книга, инклити Регисъ Максимиліаній.
276. Книга, ѳеатрунъ круделитатумъ еритекорумъ.
277. Книга Библія, Латинская.
278. Книга де христіана Епископо даціоне.
279. Двѣ книги деспотионисъ, состезаніе философское.
280. Книга, о художествѣ добре умирати.
281. Книга Алберта, веденіе философское.
282. Книга артласъ, земли малое описаніе.
283. Книга Апистоліи Анарію, Бароніево твореніе.
284. Книга писменная Ѳомы Аквина, Латинская.
285. Книга, Діалектисъ писменной, Латинской.
286. Книга Ѳедора Завака.
287. Книга писменная на третію часть богословія Ѳомы Аквина.
288. Книга Александра Каламана.
289. Книга Кикерона, Латинская литтера.
290. Книга Латинская Іонъ Ѳорціату.
291. Книга посланіе Кикеронію.
292. Книга, вся Философія, Латинская.
293. Книга Леонтія Ахаттія, о церквѣ Восточной и Западной.
294. Книга зерцало Философіи.
295. Книга Марка Кесаря.
296. Книга первая антиквитатумъ Романорумъ.
297. Книга Петра Познана, толкованіе на первую книгу Іоанна Скота.
298. Книга конкортасія.
299. Книга собраніе двадесять три фисическія.
300. Книга Туркогречія.
301. Книга, поученіе богословское на праздники святыхъ.
302. Книга, Флоресъ алба мазаріе.

Книгъ въ четь и въ осмушку и малыхъ.

303. Книга, ариѳметика, Латинская.
304. Книга, риторика, Латинская, въ тетратехъ.
305. Книга, алфаръ, Латинской.
306. Книга, малое сочиненіе, Греческаго языка.
307. Книга, Исторія описательная, Латинская.
308. Книга, бесѣды общіе, твореніе Василія къ Николаю Брулингенскому.
309. Книга, лексиконъ Латинской.
310. Книга писанія Апостолского, Латинская.

311. Книга, часть первая бесѣдъ три патрическихъ о времени, Латинская.
312. Книга собора Триденьдійского, Латинская.
313. Книга, дрога или путь совершенства, на Полскомъ языкѣ.
314. Книга Филиппа Горнерія Ауреманейского, Латинская.
315. Книга, граматика или Доната, на Полскомъ языкѣ.
316. Книга, лѣтописецъ всеа земли, Латинская.
317. Книга, Новаго и Ветхаго Завѣта расмотреніе, Латинская.
318. Книга, чины совершенства, Латинская.
319. Книга, разглаголствіе, на Полскомъ языкѣ.
320. Книга, слѣдоописаніе богословія, на Латинскомъ языкѣ.
321. Книга, духовный обѣдъ, на Полскомъ языкѣ.
322. Книга, поученіе Гаврила Алхина, Латинская.
323. Книга, чистительница, Полская.
324. Книга, лексиконъ, на трехъ языкахъ.
325. Книга, Латинская Ардіана къ Хрисогону.
326. Книга, толкованіе Латинского языка реченіи.
327. Книга Кикеронскихъ словесъ, на три книги.
328. Книга, всего міра описаніе.
329. Книга, видъ розглаголственный всея богословіи, Латинская.
330. Книга, знаменія Филиппа Мелансонского изъ Евангеліевъ, Латинская.
331. Книга, повая ритуалъ сокроментовъ, Полская.
332. Книга о восперенія ума къ Богу, Латинская.
333. Десять книгъ синонимовъ.
334. Девятнадцать книгъ алваровъ.
335. Осмнадцать книгъ Грекословенскихъ граматикъ.
336. Книга, врученіе начальническое, Латинская.
337. Книга о списателехъ церковныхъ.
338. Книга единая тожъ,
339. Книга, грамматика Латинская, въ тетратехъ.
340. Книга, лексиконъ малыхъ поученій незнатного творца.
341. Осмь книгъ грамматикъ Латинскихъ.
342. Три книги риторики.
343. Книга, новый выкладъ Данила Пророка, на Полскомъ языкѣ.
344. Книга казнодѣевъ, Латинская.
345. Книга, лексиконъ Полоно Латинской.
346. Книга, вторая часть о царствѣ Францускомъ, Латинская.
347. Книга, елементаръ Латинская.
348. Книга, благочестіе цѣлителя, Латинская.
349. Книга, грамматика въ краткословіи, Латинская.

350. Книга, часть иная тома перваго имуща 8-мь вѣковъ съ раздѣленіемъ, Латинская.
351. Книга о подражаніи Христа, Латинская.
352. Три книги Алваровъ Латинскихъ.
353. Книга Грамматика Греколатинская.
354. Книга, Тридентійскій соборъ.
355. Книга, гисторія Георгія писателя и Философа.
356. Три книги политическіе въ одномъ переплетѣ.
357. Книга вещей поселянскихъ.
358. Книга Іоанна Исорія, томъ 2-й, Латинская.
359. Книга, Іакова Арменія богословского учителя разглаголствіе, Латинская.
360. Книга, вторая часть великія богословіи твореніе Фомы Аквината, Латинская.
361. Книга, входы богословскія, или общихъ мѣстъ Христіанского благочестія анализъ, Латинская.
362. Книга введенія Христіанского благочестія роздѣлена на четыре языка, Латинская.
363. Книга, Тита Ливія Патавского о исторіяхъ, Латинская.
364. Книга, исторія о каменяхъ различныхъ, твореніе Андріана Тулія, Латинская.
365. Книга Плутарха о обычныхъ вещехъ языческихъ, часть 1-я, Латынская.
366. Книга цвѣтословъ, или общіе мѣста, Латинская.
367. Книга Латинская безъ начала и безъ конца и безъ досокъ.
368. Книга, Епистолія фамилія, Латынская.
369. Книга, твореніе Данила Сенерта, Латынская.
370. Двѣ книги Мартына Бунацына Медіалонскаго, Латинская.
371. Книга, псалтырь росположенная на недѣли, Латынская.
372. Книга, о Соборахъ и о архиепископахъ Петрово твореніе, Латинская.
373. Книга, слова на праздникъ Святаго Апостола Матвѣя, Латинская.
374. Книга, поставленіе Котолическое козводѣемъ, Латинская.
375. Книга риторика, твореніе Матвѣя Дрессера, Латинская.
376. Книга о таинствахъ и о добродѣтеляхъ, твореніе Андрѣя Епископа Ипознанскаго.
377. Книга, рѣченіе и образовъ грамматическихъ, Латинская.
378. Книга Павлина Епископа Ноланскаго.
279. Книга Кикеронова, Латинская.
380. Книга втораго Плинія, исторіи естественныхъ томъ третій, Латинская.
381. Книга, сокращеніе духовныхъ размышленій, Латинская.
382. Книга, Францискаго твореніе о различныхъ прѣній благочестія, Латинская.
383, Книга скорописная о надписаніихъ, Латинская.
384. Книга Греко-Латинская посланіе, Латинская.

385. Книга Рогерскаго Епископа, о презрѣніи міра.
386. Книга, обычай пособствованію немочнымъ братіямъ, Латинская.
387. Книга в четь стиховъ приточныхъ, въ томъ же переплетѣ и Езопа.
388. Книга алварь Латинской , безъ досокъ.
389. Книга, ученіе гражданское Аристотелево, раздѣлено на 3 части.
390. Книга деолектика, въ полдесть писменная въ тетратехъ, объ одной доскѣ, Латинская.
391. Книга Роберта творца о еже добрѣ умирати.
392. Книга Библія, на Латинскомъ языкѣ.
393. Книга опологія.
394. Книга Латинская, твореніе Леонарда Лесцыя о здравіи.
395. Книга, поученіе Петра Мартира, Латинская.
396. Книга, толкованіе Катихическое Захарія Урцыня, Латинская.
397. Книга Іоанна Баркла, Латинская.
398. Книга Примазія Епископа Утиценскаго, Латинская.
399. Книга Православныя вѣры.
400. Книга деолектика Филиппа Меланхонскаго, Латинская въ кожѣ.
401. Книга Іоанна Вабтиста Бернадина, Латинская.
402. Книга, исправленія совѣсти на Фому Аквинатта, въ кожѣ въ переплетѣ.
403. Книга изображаніе речей, твореніе Іоанна Бухлера, Латинская.
404. Книга, ключь всея философіи.
405. Книга въ переплетѣ въ кожѣ, Іоанна Стурмина эпитоміи первые и вторые книги діолектическое, печатная Латинская.
406. Книга, Евангеліе въ лицахъ, Латинская.
407. Книга на Іосифа обручника, Латинская.
408. Книга Филипа Сервия, Латинская, о службахъ и о споможеніяхъ.
409. Книга о гражданствѣ, Латинская, твореніе Якова Зевекота.
410. Книга, оглавленіе изъ нея выдрано, въ переплетѣ въ кожицу.
411. Цифирь Польской.
412. Книга, шипки избранныхъ добродѣтелей, твореніе Іереміи Дрексиліа.
413. Книга, послапіе Кикеронова къ домашнимъ.
414. Книга удобному познанію историческому, твореніе Бадіино, Латинская.
415. Книта, гаданіе Андрея Анциата Медиаланскаго.
416. Книга, Евангеліе на праздники изящные.
417. Книга, цвѣтки повѣстей выбраны изъ разныхъ книгъ и вещей, Латинская.
418. Книга Философа Сенека, Латинская.
319. Книга, Флоресъ библія, Латинская.
420. Книга, твореніе Марка Плаута, Латинская.
421. Книга, трагодія или плачевные стихи, Латинская.
422. Книга толкованіе, изданіе Лаврентіево, Латинская.

423. Книга Аввы Дорофѣя иноческая, Латинская.
424. Книга, мануале Францыскановъ, Латинская.
425. Книга, афоризмы конфесаріорумъ, Латинская.
426. Книга, Еразма разглаголаніе домовное, Латинская.
427. Книга Іустина исторіи описца, Латинская.
428. Книга Ервата Мирикана, Латинская.
429. Книга Фотиніанисъ, Латинская.
430. Книга Аврея, или златая двомъ языкомъ, Латинская.
431. Книга Ендрика Сомалія, Латинская.
432. Книга, Еразма розглагольствія новоисправленія, Латинская.
433. Книга, часть четвертая тома 2-го, о взятіи Костянтинопольскомъ.
434. Книга учителя Іоанна о сферѣ, Латинская.
435. Книга, Октаварнумъ Романумъ, костелная, Латинская.
436. Книга, описаніе всеа Галліи, твореніе Василія, Латинская.
437. Книга Библія, Латинская в четъ.
438. Книга бесѣды на четыредесятницу, Латинская.
439. Книга, панигирикусъ, изъглаголаніе Фардінанду самодержцу.
440. Книга, твореніе Іоанна Равизія Текстора творца, Латинская.
451. Книга, етернитатусъ продродиусъ.
442. Книга, лексиконъ на Евангеліе, Латинская.
443. Книга Давида Хитрея, о смерти и о жизни вѣчной.
444. Книга, исторіи Криспа Салустія, Латинская.
445. Книга, логика Аристотелева, Латинская.
446. Книга Марка Кикерова, Латинская
447. Книга Евангеліе толковое, двѣ половины, Латинское.
448. Книга, разумъ суда римскаго, Латинская.
449. Книга о врачествѣ древнихъ философовъ, Латинская.
450. Книга о подогтріи, Латинская.
451. Книга Плаута Комика, Латинская.
452. Книга, Андропоскопія или человѣкосудіе, Латинская.
453. Книга, твореніе Бидембаха учителя богословскаго, Латинская.
454. Книги толкованіе Греческого языка, или малое сочиненіе.
455. Книга, молитвенникъ Латинской.
456. Книга пасторовъ на виршахъ, безъ досокъ, Латинская.
457. Книга, лексиконъ шестероязычніи.
458. Книга Липсія, образцы гражданскія.
459. Книга Іеримія Драскелія, Латинская.
460. Книга, описаніе Персидского царства, Латинская.
461. Книга, твореніе Іякова Бидермана ко Ендрику, Латинская.
462. Двѣ книги, Дезедириусъ Еразмусъ, Латинскіе, одна нова, а другая ветха.

463. Книга образъ Царскіи, риторика выбрана изъ Аристотеля Кикерона Квинтиліана.
464. Двѣ книги Овидіевы.
465. Тетрати письменные Латинскія въ полдесть.
466. Три книги въ одномъ переплетѣ Кикеронскихъ посланій, Латинскіе.
467. Книга грамматика, собраніе изъ разныхъ наукъ.
468. Книга Фрасесъ Улнева, надписанія нѣтъ.
469. Книга, Андрѣево твореніе, Латинская, безъ досокъ.
470. Книга, разговоръ на четырехъ языкахъ.
471. Книга, діалектика, въ тетратехъ, въ полдесть.
472. Книга, стихи Сенека Латинского философа, безъ переплета.
473. Книга, Сегмента части вторыя, Латинская.,
474. Книга, молитвенникъ Латинской костелной.
475. Книга, алварь Латинской, безъ переплету.
476. Книга исхо па Польскомъ и на Латинскомъ языцехъ, о четырехъ вещехъ послѣднихъ.
477. Двѣ книги молитвенниковъ костелныхъ вѣтхихъ.
478. Книга алварь, Полско-Латинской, вѣтхъ.
479. Книга въ тетратехъ, семь словъ о священствѣ, Латинская.
480. Книга Греко-Латинская Рафаила пустынника.
481. Книга Сенека Линея Кандубенскаго, Латинская.
482. Книга символовъ ироническихъ.
483. Три книги букварей, на Польскомъ языкѣ.
484. Три книги лексиконъ, на Польскомъ языкѣ и на Латинскомъ.
485. Книга зерцало о размышленіи человѣка Христіянского.
486. Книга, Софарне о браковъ духовныхъ, на Польскомъ языкѣ.
487. Книга псалтырь, на Польскомъ языкѣ.
488. Книга, кротки способъ разберани и розпане духовныи, на Польскомъ языкѣ.
489. Книга шаеарне или молитвенникъ, на Польскомъ языкѣ.
490. Книга, животы Святыхъ чрезъ весь годъ, Польская.
491. Книга, выдворныи политехъ, на Польскомъ языкѣ.
492. Книга, размышленіе на всѣ недѣли, на Польскомъ языкѣ.
493. Книга, гисторія Римская розная въ тетратехъ, на Польскомъ языкѣ.
494. Книга, новы способъ арихметики, въ тетратехъ, на Польскомъ языкѣ.
495. Книга, животъ чистоцнотливыи, на Польскомъ языкѣ.
496. Книга о законней дисканологцѣ, на Полскомъ языкѣ.
497, Книга катихизисъ, на Польскомъ языкѣ.
498. Книга здрои, или источникъ воды живые, на Польскомъ языкѣ.
499. Книга, молитвенникъ Сербской.
500. Книга безначальная, на Польскомъ языкѣ.

501. Книги, первые и вторые надписаніе преводника.
502. Книга наука о исповѣди, на Польскомъ языкѣ.
503. Двѣ книги Нѣмецкихъ Германскимъ языкомъ.
504. Книга вадобна Паскналина, на Польскомъ языкѣ, въ тетратсхъ.
505. Книга Нѣмецкая вчеть.
506. Книга сродки, на Польскомъ языкѣ.
507. Книга годинки, на Полскомъ языкѣ.
508. Книга молитвенникъ, на Польскомъ языкѣ.
509. Книга годински, или молитвенникъ костелной.
510. Книга алкоранъ Махаметовъ, на Польскомъ языкѣ.
511. Книга Зерцало, на Полскомъ языкѣ.
512. Книга Нѣмецкая Германская.
513. Книга Псалтырь Воложская.
514. Тетрать въ переплетѣ о Святѣмъ Крестѣ, на Польскомъ языкѣ.
515. Книга, Соборъ Кіевской Петра Могилы, на Польскомъ языкѣ.
516. Книга писменная, в ней писана павечерница и молитвы на сонъ грядущимъ.
517. Книга лебедъ, на Польскомъ языкѣ.
518. Книга о поправленіи старого календаря, на Польскомъ языкѣ.
519. Книга скарбъ на похвалу отецъ, на Польскомъ языкѣ.
520. Книга Овидиюсъ, на Польскомъ языкѣ.
521. Книга версфикація на Польскомъ языкѣ.
522. Книга, Зерцало до короны, Польской печати.
523. Книга згода о Святѣй церкви, на Польскомъ языкѣ.
524. Книга лютня, на Польскомъ языкѣ.
525. Книга Овидиюсъ на вершахъ, Польской печати.
526. Книга Катафалъ Рыцерской, Польской печати.
527. Книга Марка Цыцерона, Польскаго языка.
528. Книга, реченіе на изобраніе Короля Владислава, Польской печати.
529. Книга розныхъ казаніи на пана Самойла Пацу, Польской печати.
530. Книга Рыцеръ православныи, Польской печати.
531. Книга фундаментъ, на которыхъ Латины и Руси з Римомъ фундуя.
532. Книга златы яремъ, Польской печати.
533. Книга о поступкахъ воинскихъ, безъ начала, Польской печати.
534. Книга валечникъ, Польской печати.
535. Книга Спижарве дѣяніе различныхъ, Польской печати.
536. Книга, слѣдъ ходящаго Адама чрезъ прелесть змінну, Польской печати.
537. Книга родзаи, твореніе Лазаря Барановича.
538. Книга правила Августина Епископа Ипонского, Польской печати.
539. Книга, Кофредъ или Іерусалимъ свободны, на Польскомъ языкѣ.

Сообщ. Д. Ч. И. Е. Забѣлинымъ.

ДРЕВНІЯ ВЕЩИ НАЙДЕННЫЯ ВЪ ОБОЯНСКОМЪ УѢЗДѢ.

Курское Губернское Правленіе, отношеніемъ своимъ увѣдомляя общество о найденныхъ въ 1819 году въ Обоянскомъ уѣздѣ въ полѣ Государственными крестьянами древнихъ вещахъ, препроводило и самыя вещи. Вещи сіи по разсмотреніи оказались издѣліями древняго Греческаго искуства; а по сему общество, предоставляя подробно изслѣдовать ихъ занимающимся Греческого археологіею, вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ этой важной находкѣ прилагаетъ при настоящей книгѣ временника рисунки съ означенныхъ вещей. И при семъ считаетъ нужнымъ объяснить, что первый рисунокъ, съ изображеніемъ Бахуса, змѣи, виноградной кисти и свирѣли съ посохомъ, представляетъ блюдцо литое изъ довольно чистаго нѣсколько зеленоватаго стекла, блюдцо сіе по краямъ фасовано, высота и разрѣзъ его изображены внизу на томъ же рисункѣ; изображенія начертанныя на блюдцѣ, сдѣланы по выпуклой его сторонѣ посредствомъ отливки стекла въ форму, на которой изображенія были выпуклы. Химическій составъ стекла Общество неимѣло случая изслѣдовать. Вторый рисунокъ изображаетъ металлическій поясъ осми дюймовъ и 9 линій въ длину и 7 дюймовъ и 7 линій въ ширину; внизу подъ поясомъ изображена въ фасъ застежка пояса. Поясъ этотъ, по химическому изслѣдованію учителя химіи при Московскомъ II-мъ Кадетскомъ корпусѣ Г. Владимирскаго, оказался сдѣланнымъ изъ сплава мѣди цинка и золота. Внутри круга образуемаго поясомъ изображены подъ нумерами въ натуральную величину нашивныя украшенія изъ тонкихъ пластинокъ золота, ихъ числомъ № 1-го одна вещица, № 2-го также одна и № 3-й одна же № 4-го три, № 5-го двѣ, № 6-го двѣ, № 7-го четырнадцать, № 8-го двадцать, № 9-го четыре, № 10-го пять, и № 11-го одинадцать вещицъ. Въ этой находкѣ замѣчательно самое мѣсто нахожденія,—Обоянскій уѣздъ, такъ далеко откинутый на сѣверовостокъ отъ низовьевъ Днѣпра,—главнаго мѣстонахожденія остатковъ древняго Греческаго искуства въ Россіи.

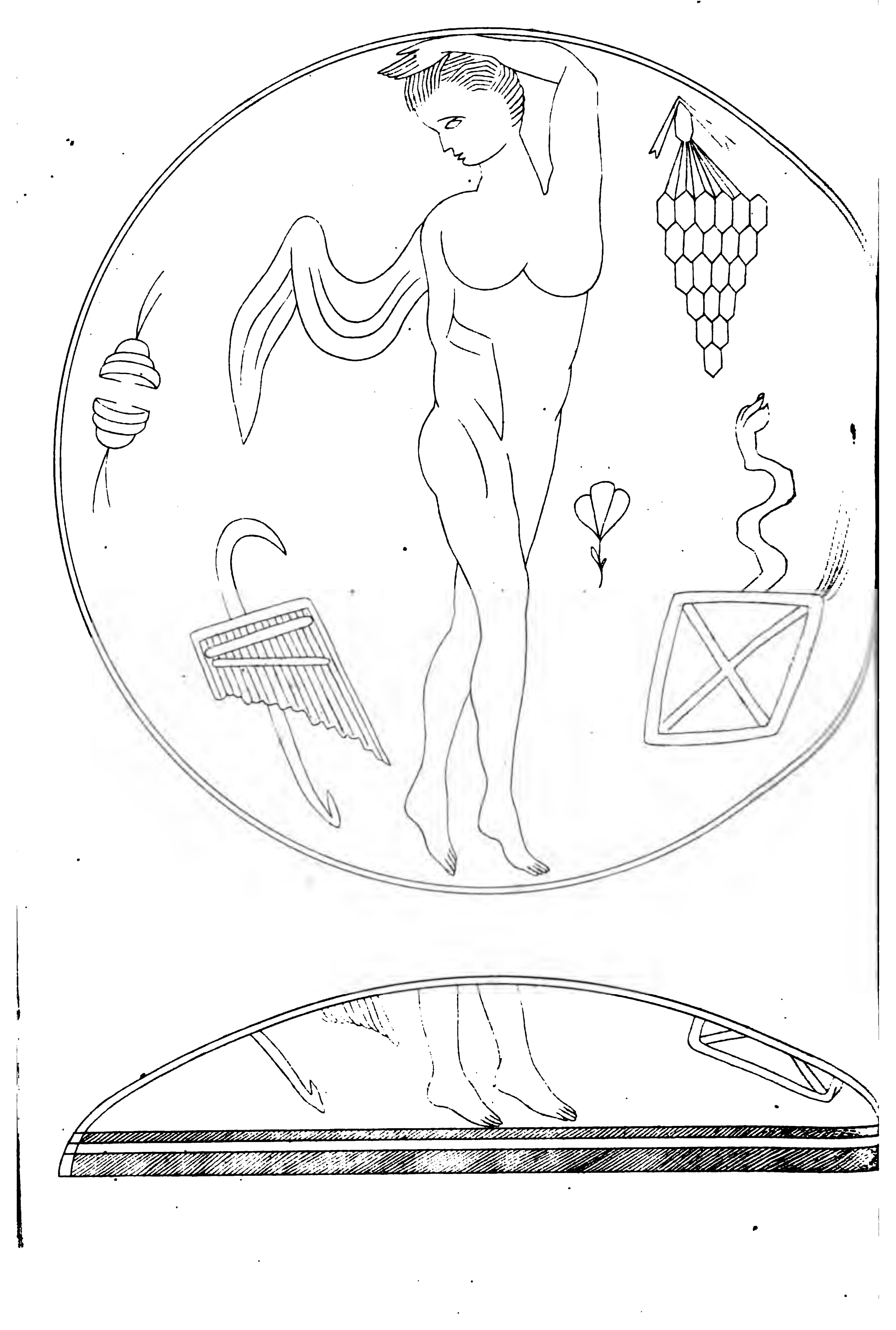
=

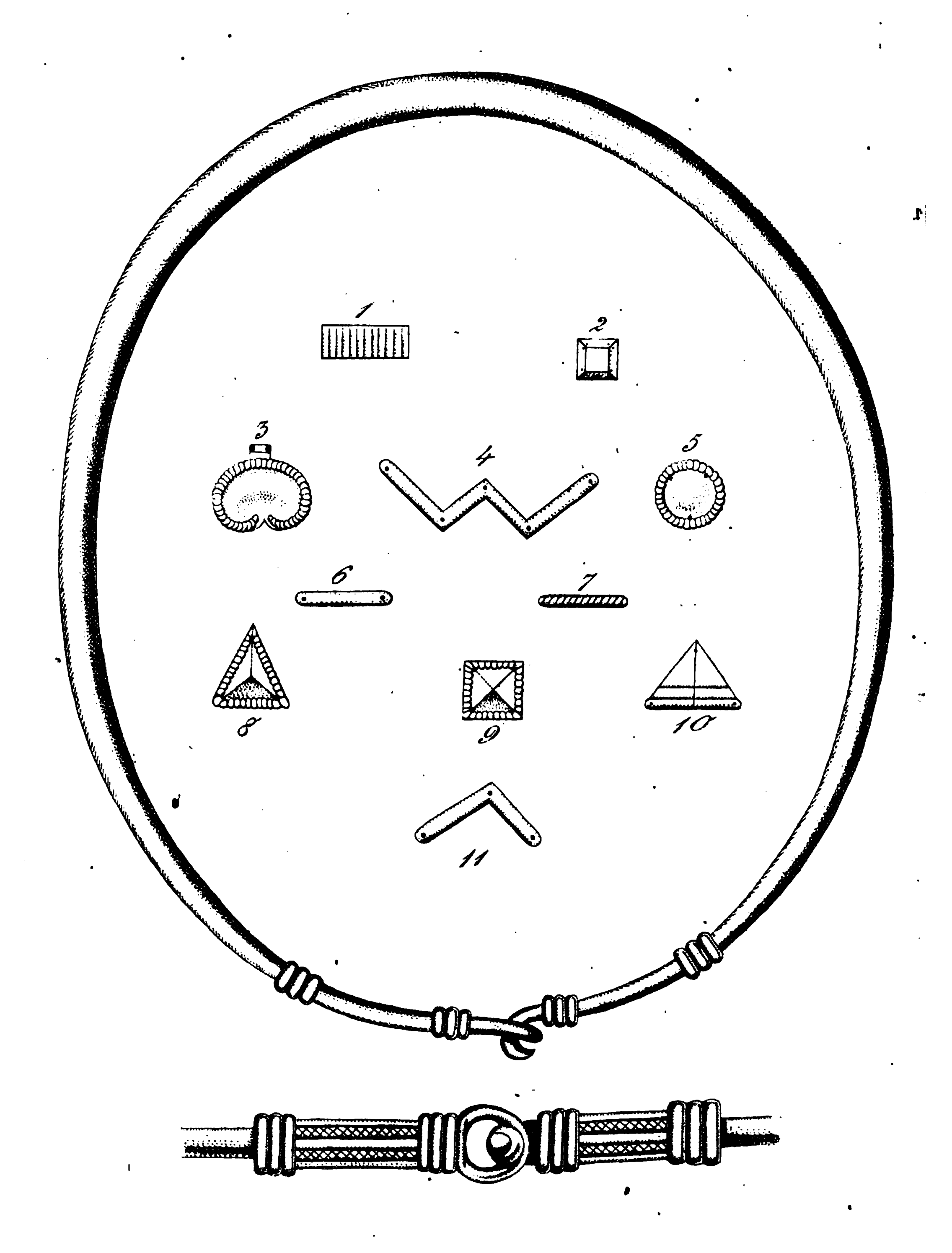
ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II. МАТЕРІАЛЫ.

III. СМѢСЬ.





1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.
М. ВЪ УНИВ. ТИП. 1846—1848.

ГОДЪ 2-й; ЗАСѢДАНІЙ:

№ 1-й — 1	Іюня......	1846 года ..	....	ц. 1	р. 10	к.
— 2-й—28	Сентября	— —	....	— 1	— 10	—
— 3-й—26	Октября	— —	*съ 2 рисунками*.. ...	— 1	— —	—
— 4-й—30	Ноября	— —	*съ 19 рисунками*.....	— 1	— 50	—
— 5-й—28	Декабря	— —	....	— 1	— —	
— 6-й—25	Января..	1847 года	....	— 1	— —	—
— 7-й—28	Февраля	— —	....	— 1	— —	—
— 8-й—29	Марта	— —	....	— 1	— —	—
— 9-й—26	Апрѣля	— —	*съ 30 рисунками*.....	— 2	— —	—

ГОДЪ 3-й; ЗАСѢДАНІЙ:

№ 1-й—31	Мая......	1847 года	....	ц. 1	р. —	—
— 2-й 27	Сентября	— —	съ 5 *рисунками*......	— 1	— —	—
— 3-й—25	Октября	— —	— 5 ————	— 1	— —	—
— 4-й—29	Ноября	— —	— 2 ————	— 1	— 30	к.
— 5-й - 27	Декабря	— —	— 1 ————	— 1	— —	—
— 6-й 31	Января	1848 года,	съ 2 ————	— 1	— —	—
— 7-й—28	Февраля	— —	— 2 ————	— 1	— —	—
— 8-й—27	Марта....	— —	— 1 ————	— 1	— —	—
— 9-й—24	Апрѣля	— —	— 1 ————	— 2	— —	—

ГОДЪ 4-й. № 1-й, засѣданія 28 Іюня 1848 г., ц. 1 р. 10 к.

За пересылку каждой книжки **ОТДѢЛЬНО** за 3 ф. (кромѣ 9-й, обоихъ годовъ, за котор. по 4 фун.), **А ВМѢСТѢ**, т. е. *двухъ* и болѣе, *по 2 ф. на кажд.*

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ. М. ВЪ УНИВ. ТИП. 1849—1852 г.

Книга	1-я	съ 3-мя *литогр. снимк*..................	1	р. 50	к.
—	2-я	— —	1	— —	—
—	3-я	— — *съ литогр. рисунк*............	1	— 50	—
—	4-я	....	1	— —	—
—	5-я	....	1	— 10	—
—	6-я	....	1	— 10	—
—	7-я	.... *съ литогр. рисунк.*	1	— —	—
—	8-я	....	1	— 50	—
—	9-я	.... *съ литогр. рис.*	1	— 50	—
—	10-я	.... съ 8 *литогр. рисунк.*	1	— 50	—
—	11-я	....	2	— —	—
—	12-я	....	1	— —	—
—	13-я	.... *съ 2 литогр. рисунк.*	2	— —	—
—	14-я	.... *съ литограф. снимкомъ*..	1	— 50	—
—	15-я	....	1	— —	—
—	16-я	....	1	— 20	—

За пересылку каждой книжки **ОТДѢЛЬНО**—за 3 фунта (а за 11 и 13 по 4 ф.), **А ВМѢСТѢ**, *т. е. двухъ* и болѣе, *по 2 фун. на каждую.*

Подробный Аналитическій **РЕЭСТРЪ** *изданіямъ Общества* — **БЕЗДЕНЕЖНО.**

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получать: 1) у Г. *Актуаріуса* Общества, *Ив. Алексѣев. Дмитріева*, на Срѣтенкѣ, въ Послѣднемъ (или Мясномъ) переулкѣ, въ домѣ Дмитріевой; 2) у Коммиссіонера Университета, *Ив. Вас. Базунова*, на Страстномъ бульварѣ, въ Университетской книжной лавкѣ; 3) въ Конторѣ «Москвитянина», на Большой Дмитровкѣ; 4) у *Т. А. Ратькова*, на Тверской; 5) у *П. О. Хрусталева*, на Театральной площади, въ домѣ Патрикѣевыхъ, и 6-е) у *Ѳ. О. Свѣшникова*, на Никольской улицѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Его Превосходительство Александръ Дмитріевичь Чертковъ,
На Мясницкой, въ собственномъ домѣ.

СЕКРЕТАРЬ,

Иванъ Дмитріевичь Бѣляевъ,
Близъ Смоленскаго рынка, въ Проточномъ переулкѣ, въ домѣ Бѣляевой.

БИБЛІОТЕКАРЬ,

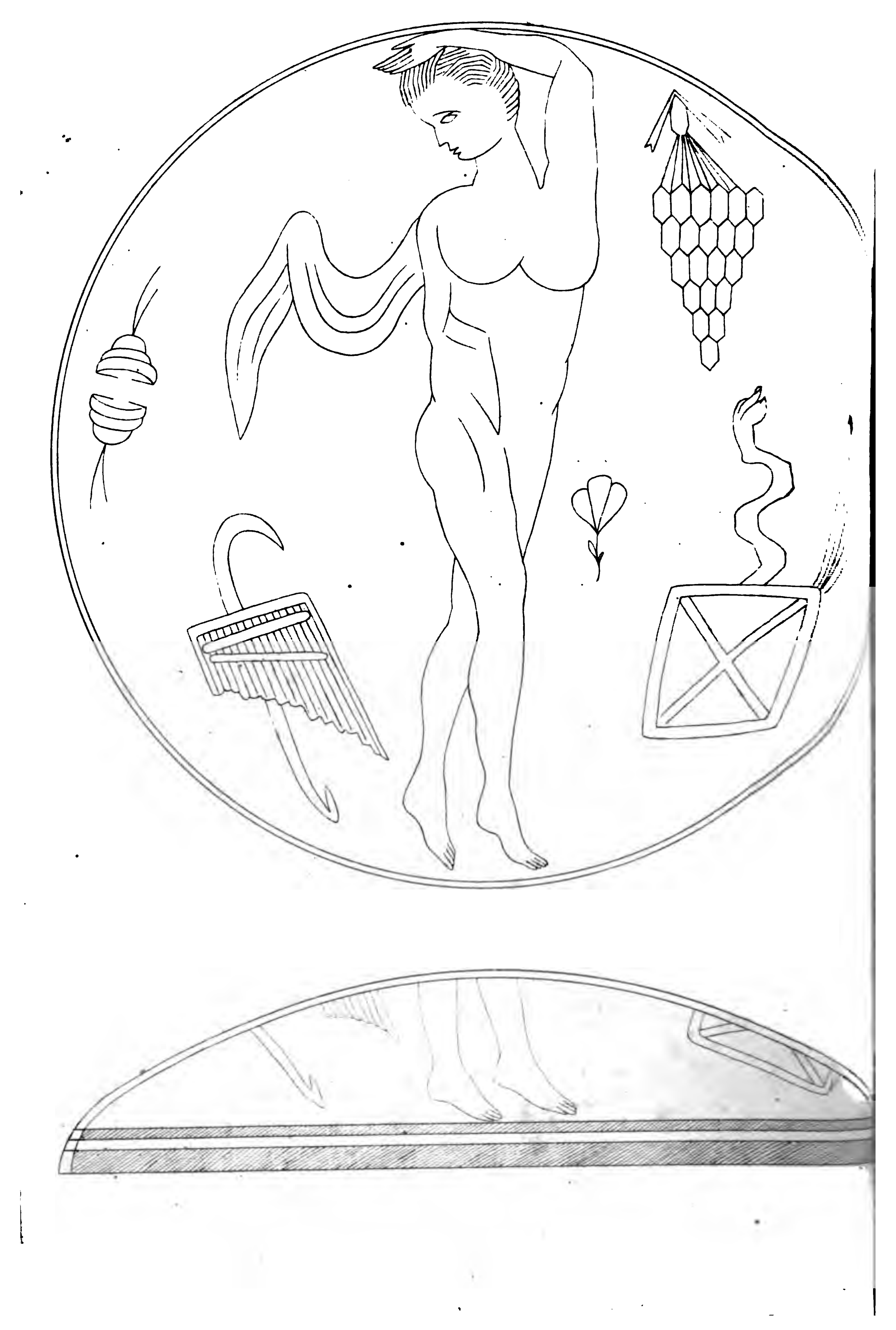
Вуколъ Михайловичь Ундольскій,
За Москвой рѣкой, на Пятницкой улицѣ, въ домѣ Давыдова.

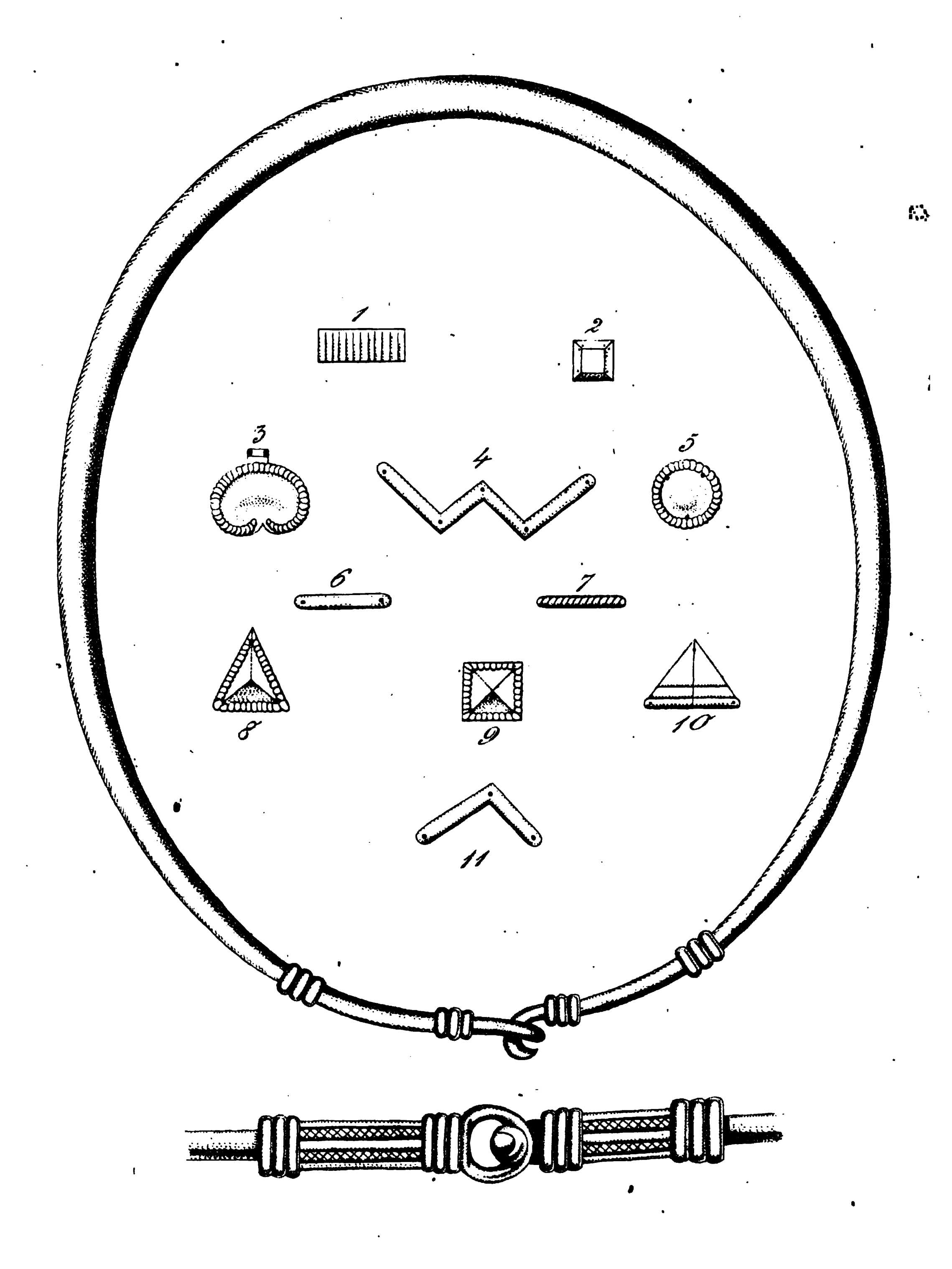
КАЗНАЧЕЙ,

Николай Никифоровичь Басалаевъ,
На Моховой въ зданіи Императорскаго Московскаго Университета.

АКТУАРІУСЪ,

Иванъ Алексѣевичь Дмитріевъ,
На Срѣтенкѣ, въ Послѣднемъ переулкѣ, въ домѣ Дмитріевой.




1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11